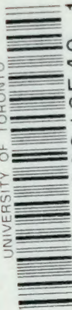
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00913540 1

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

Экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

ТОМЪ I.

Періодъ первый,

КІЕВСКІЙ ИЛИ ДОМОНГОЛЬСКІЙ.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1880.

От Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. Іюля 11 дня 1879 года.

Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ.*

Исторія русской церкви относительно качества своихъ источниковъ. Ея раздѣленіе на періоды. Образъ изложенія.

Обработка всякой исторіи есть дѣло весьма не скорое, требующее болѣе или менѣе длиннаго ряда работниковъ. Однако это не значитъ, чтобы всякая исторія, при употребленныхъ времени и талантахъ, могла быть доведена до возможной степени совершенства, желаемаго отъ настоящей исторіи, или иначе — чтобы всѣ исторіи при одинаковости обработки могли быть равными между собою по своему достоинству въ отношеніи содержанія. Исторія не есть поэзія и обработка историческая не есть творчество, а именно только обработка готоваго и даннаго историческаго матеріала. Задача историковъ извлечь (и выжать) изъ этого матеріала все, что служитъ къ созиданію настоящей исторіи; но далѣе этого они пойдти не могутъ и безсильны прибавить самаго матеріала или его улучшить. Между тѣмъ матеріалъ историческій не всегда и не вездѣ одинъ и тотъ же по обилію и качеству, а въ каждомъ частномъ случаѣ свой, начиная съ его полнаго отсутствія или полной непригодности (такъ что иные люди не имѣютъ никакихъ исторій, а другіе имѣютъ ихъ только начисто баснословныя). Такимъ образомъ исторіи, какъ исторіи, могутъ быть болѣе совершенными и менѣе совершенными и вообще имѣть степень совершенства весьма различную и всякая свою.

Наша русская церковная исторія по своему достоинству, какъ исторіи, должна быть поставлена весьма не на высокомъ мѣстѣ и отнесена къ числу исторій, которымъ суждено оставаться далекими отъ совершенства. По своему научному идеалу исторія есть возможно удовлетворительное воспроизведеніе прошлой исторической жизни людей, —

такое воспроизведеніе, чтобы эта историческая жизнь возставала передъ нами, какъ настоящая, во всей своей жизненной живости и во всей своей цѣлостной полнотѣ (съ тѣмъ прибавленіемъ противъ настоящей— чтобы и со всѣмъ своимъ смысломъ). Нѣтъ ни одной дѣйствительной исторіи, которая бы достигала этого идеала вполнѣ (ибо идеалъ исторіи такъ же недостижимъ, какъ и всякій другой идеалъ); но степени приближенія къ нему могутъ быть весьма различныя, и наша русская церковная исторія есть именно одна изъ числа тѣхъ исторій, которыя въ состояніи приближаться къ нему наименѣе, или иначе — изъ числа тѣхъ исторій, которыя имѣютъ возможность воспроизводить прошлую историческую жизнь далеко не въ сколько нибудь желаемой степени.

Источники исторіи, сколько ихъ вообще можетъ быть, раздѣляются на три класса: письменные, вещественные и (если дѣло идетъ о народахъ живыхъ, не вымершихъ) представляемые живой жизнью [1]). Источники письменные, подраздѣляясь на нѣсколько частнѣйшихъ классовъ, состоятъ: 1) изъ сказаній нарочито повѣствовательныхъ, каковы суть лѣтописи общія и частныя и историческія монографіи объ отдѣльныхъ, особенно замѣчательныхъ, лицахъ и событіяхъ; 2) изъ сочиненій не нарочито быто и нраво-описательныхъ, каковы суть сочиненія юридическаго и такъ называемаго публицистическаго содержанія; 3) изъ памятниковъ двоякаго рода: съ одной стороны — дѣятельности, именно правительственной — законодательной и административной, каковы суть законодательные акты, указы и грамоты; съ другой стороны — жизни, именно умственно-нравственной, каковые представляетъ литература всей своей, бо́льшей или меньшей, наличностью. Источники вещественные суть сохранившіеся вещественные памятники: зданія, принадлежности быта, произведенія ремеслъ и искусствъ. Живая жизнь представляетъ собою источникъ исторіи въ языкѣ, въ бытѣ, въ эпической народной поэзіи, въ повѣріяхъ и суевѣріяхъ и проч.

Русская церковная исторія обладаетъ всѣми сейчасъ указанными источниками, такъ что по ихъ количеству она можетъ быть причислена,

---

[1]) Такъ по матеріи; по формѣ — прямое лѣтописаніе и памятники (письменные, вещественные и — если дѣло идетъ о народахъ живыхъ — представляемые живымъ бытомъ: въ языкѣ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и пр.).

такъ сказать, къ исторіямъ первокласнымъ [1]). Но другое дѣло ихъ качество и обиліе...

Перечисленные источники исторіи раздѣляются на главные и второстепенные: одни доставляютъ въ собственномъ смыслѣ историческія свѣдѣнія, свѣдѣнія положительныя и именно о томъ, что составляетъ въ исторіяхъ существенное; другіе же или доставляютъ свѣдѣнія, которыя мало положительны и надежны, касаются сторонъ жизни не главныхъ, а второстепенныхъ, или представляютъ изъ себя только общія свидѣтельства своими цѣлыми и могутъ только служить данными для заключеній. Единственный главный источникъ должно бы составлять лѣтописаніе, какъ оно есть единственный прямой и нарочитый источникъ. Но лѣтописаніе съ самаго его начала и до позднѣйшихъ временъ велось у людей односторонне. Человѣческія общества, составляющія предметъ исторіи, состоятъ изъ двухъ частей — изъ самыхъ обществъ и изъ правительствъ: общество есть то, что имѣетъ цѣль само въ себѣ, въ своей жизни; правительство есть необходимый органъ общества, безъ котораго оно не можетъ существовать какъ общество, имѣющій назначеніемъ поддерживать жизнь общества и содѣйствовать ея движенію впередъ (т. е. такъ по идеѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ далеко не всегда такъ на дѣлѣ). Настоящая исторія всякаго общества должна быть исторіей обѣихъ его половинъ, а не которой нибудь только одной, ибо иначе она не будетъ исторіей полной и настоящей. Но только въ наши дни совсѣмъ должнымъ образомъ понята и принята, очень простая, повидимому, истина, что общества, какъ общества, съ своей жизнью должны составлять предметъ исторіи. По взглядамъ же, которые господствовали отъ временъ древнѣйшихъ и до насъ, общества представляемы были только въ видѣ ихъ правительствъ, почему и подъ исторіей обществъ разумѣема была исключительно исторія правительствъ. Сообразно съ этимъ взглядомъ лѣтописцы повѣствовали только о дѣлахъ и дѣяніяхъ лицъ, составлявшихъ изъ себя правительственныя смѣны и вовсе не касались нарочитымъ образомъ изображенія жизни обществъ. Ведя повѣствованіе о дѣятельности лицъ правительственныхъ, нельзя до нѣкоторой степени не касаться

---

[1]) И даже имѣетъ одинъ лишній источникъ противъ исторій всѣхъ западныхъ церквей: это — сказанія или записки о Россіи западныхъ иностранцевъ.

жизни обществъ, ибо хотя дѣятельность эта далеко не вся бываетъ посвящена обществамъ, какъ бы слѣдовало по идеѣ (и за исключеніемъ представляющихъ собою рѣдчайшую рѣдкость такихъ всестороннихъ великихъ людей, какъ франкскій Карлъ Великій или нашъ Петръ Великій), но во всякомъ случаѣ наибольшею частію такъ, что она посвящается ему много или мало; такимъ образомъ, если бы у лѣтописцевъ было обычаемъ повѣствовать о всей дѣятельности лицъ правительственныхъ, то они вмѣстѣ съ симъ въ довольно значительной, хотя и далеко не въ достаточной, степени изображали бы намъ и жизнь обществъ. Но къ сказанному выше должно быть сдѣлано еще одно существенное ограниченіе. У лѣтописцевъ образовался тотъ взглядъ на историческія, достойныя повѣствованія, дѣла (образовался, подразумѣвается, вмѣстѣ со всѣми другими людьми, ибо лѣтописцы не составляютъ исключенія изъ числа всѣхъ другихъ людей), что онѣ суть только дѣла достопримѣчательныя, и изъ этого понятія достопримѣчательности была исключена не громкая по внѣшности дѣятельность правителей на благо обществъ. Такимъ образомъ, лѣтописи были бы совершенно недостаточнымъ источникомъ для исторіи жизни обществъ, если бы мы не имѣли другихъ источниковъ. Эти другіе источники суть: памятники законодательства, сочиненія юридическаго и такъ называемаго публицистическаго содержанія. Какимъ образомъ памятники законодательства могутъ составлять источникъ для познанія жизни, это само собою понятно, ибо законодательство есть именно организація жизни; сочиненія юридическаго содержанія, комментируя законы и вообще такъ или иначе трактуя о нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сообщаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ свѣдѣнія и о самой жизни; изъ сочиненій публицистическаго содержанія мы разумѣемъ тотъ отдѣлъ, который въ свѣтской литературѣ называется сатирой [1]), а въ духовной словами обличительными: сатира и слова обличительныя, изображая пороки и недостатки жизни современныхъ обществъ, чрезъ то самое становятся источникомъ для исторіи этой жизни.

Этими-то главными источниками исторій вовсе и не можетъ похвалиться русская церковная исторія, — качественными по качеству, количественными по обилію.

---

[1]) За позднѣйшія времена не одна сатира, а вообще такъ называемый романъ.

Мы сказали, что въ лѣтописяхъ исторія обыкновенно пишется односторонне. Такъ это въ нихъ съ исторіей гражданской. Но съ исторіей церковной можетъ быть и иное, а именно — что она не пишется въ нихъ никакъ. И увы! этотъ послѣдній случай имѣетъ мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ съ нашей церковной исторіей.

По степени своего образованія, которое состояло въ совершенномъ отсутствіи настоящаго образованія, мы не были способны къ самостоятельности и не могли пойдти въ исторіографіи далѣе того, въ какомъ положеніи находилась она у современныхъ ея у насъ началу Грековъ. Но у позднѣйшихъ Грековъ, послѣ того какъ нáчало у нихъ клониться къ упадку образованіе, понятіе историческаго, совсѣмъ переставъ знать жизнь какъ жизнь, низошло къ возможно узкому и мелкому понятію достопримѣчательнаго и такъ какъ дѣла церкви въ это позднѣйшее время, бывъ устроены и пришедъ въ порядокъ, перестали являть необычное и приняли обычное теченіе, слѣдовательно — перестали быть достопримѣчательными, то церковная исторіографія у нихъ совершенно пала: прекративъ веденіе особыхъ церковныхъ лѣтописей, церковную исторію ограничили только тѣмъ, что отвели ей самое ничтожное мѣстечко въ лѣтописяхъ гражданскихъ, причемъ вовсе не заботясь о ней какъ о цѣльной исторіи, не вели ея въ видѣ повѣствованія непрерывнаго и послѣдовательнаго, а только кой-что вписывали изъ нея случайнымъ и разрозненнымъ образомъ. Что было съ церковнымъ лѣтописаніемъ у Грековъ, не лучшее того должно было случиться съ нимъ и у насъ, т. е. говоря иначе и яснѣе — лучшее того, что было у Грековъ, у насъ не могло случиться. Но подражатели иногда еще значительно отстаютъ отъ своихъ образцовъ или отъ тѣхъ, кому подражаютъ: и этотъ именно случай имѣлъ мѣсто у насъ по отношенію къ церковной исторіи. У насъ, какъ и у Грековъ, были поведены только лѣтописи гражданскія; но въ этихъ послѣднихъ ничтожное мѣстечко, отведенное церковной исторіи въ лѣтописяхъ греческихъ, до такой степени еще умалилось, что меньшее его было бы уже совсѣмъ никакое. У самаго перваго лѣтописца нашего, если исключить довольно подробные разсказы объ основаніи Печерскаго монастыря преп. Ѳеодосіемъ и о начальномъ жительствѣ въ монастырѣ, что̀ объясняется тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ или той особенной причиной, что авторъ самъ былъ монахъ Печерскаго монастыря, всѣ церковно-историческія извѣстія состоятъ: въ краткой записи о поставленіи

одного митрополита (сдѣланной также благодаря тому случайному обстоятельству, что это поставленіе находилось въ связи съ исторіей Печерскаго монастыря), въ отмѣткѣ года прибытія на Русь двухъ митрополитовъ, въ отмѣткѣ года смерти одного митрополита, въ случайныхъ упоминаніяхъ еще о двухъ митрополитахъ — и только. Въ началѣ этихъ разрозненныхъ отмѣтокъ не стоитъ даже извѣстія о прибытіи на Русь самаго перваго нашего митрополита и объ учрежденіи имъ у насъ церковнаго управленія [1]). Дальнѣйшіе лѣтописцы представляютъ нѣкоторый прогрессъ противъ перваго, однако весьма небольшой и состоящій въ слѣдующемъ: лѣтописцы домонгольскаго періода — во-первыхъ, отмѣчаютъ годы восшествія на каѳедру и годы смерти если не всѣхъ митрополитовъ, то большей части, и во-вторыхъ — въ видѣ исключенія сообщаютъ нѣкоторое, весьма небольшое, количество отрывочныхъ извѣстій о церковныхъ дѣлахъ; лѣтописцы послѣмонгольскіе аккуратно отмѣчаютъ годы восшествія на каѳедры и годы смерти всѣхъ митрополитовъ, начиная впрочемъ не съ перваго, а со втораго изъ сихъ послѣднихъ, и также въ видѣ исключенія сообщаютъ такое же количество извѣстій о помянутыхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ, наши лѣтописи даютъ нашей церковной исторіи: голый каталогъ предстоятелей нашей церкви, за древнѣйшее время далеко неполный и относительно хронологіи далеко неудовлетворительный, и ничтожное количество отрывочныхъ, по качеству большею частію весьма неудовлетворительныхъ, извѣстій о церковныхъ дѣлахъ. Чтобы быть впрочемъ совершенно точными по отношенію къ лѣтописцамъ до-монгольскаго періода, мы должны сдѣлать оговорку. Почти совсѣмъ не давая у себя мѣста церковнымъ дѣламъ и событіямъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, лѣтописцы эти, кромѣ записей о поставленіи митрополитовъ, ведутъ еще записи о поставленіяхъ епископовъ и о построеніи каменныхъ церквей, такъ что, говоря точно, церковная исторія состоитъ у нихъ не изъ одного каталога, а изъ трехъ: митрополитовъ, епископовъ и каменныхъ церквей.

---

[1]) А была или не была въ лѣтописи запись о крещеніи Владиміра, т. е. въ настоящее время читаемая въ лѣтописи повѣсть о крещеніи, составляющая въ ней позднѣйшую вставку, была ли поставлена въ ней на мѣстѣ прежде стоявшей въ ней записи или на мѣстѣ чистомъ, на которомъ прежде ничего не было, это составляетъ вопросъ.

Если у позднѣйшихъ Грековъ, а вслѣдъ за ними и у насъ, церковная исторія была исключена изъ области общаго лѣтописанія, то тѣмъ менѣе у нихъ и у насъ она могла быть предметомъ лѣтописанія частнаго, каковое представляютъ собою монографіи. Въ церковной области вмѣсто монографій историческихъ у нихъ и у насъ были только монографіи иѳическія — житія святыхъ [1]). Житія святыхъ, какъ бы онѣ ни чуждались исторіи, которая не составляетъ ихъ цѣли (и которая иногда стоитъ поперегъ дороги ихъ цѣлямъ), все же не могутъ обходиться безъ того, чтобы не сообщать по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, подвиги святости которыхъ описываютъ. Такимъ образомъ, если бы наши житія святыхъ были именно житіями нашихъ митрополитовъ, то все-таки же были бы далеко не безполезны для исторіи, хотя давали бы настоящаго историческаго и не особенно много. Но житій митрополитовъ мы имѣемъ весьма небольшое число [2]), а наибольшая часть всего остальнаго, довольно значительнаго, ихъ количества, повѣствуя о подвигахъ и святой жизни людей, не стоявшихъ на сценѣ исторіи и не принадлежавшихъ къ ея дѣятелямъ (намѣренно выдѣлявшихъ себя и удалявшихся изъ общества), почти ничего не даетъ исторіи. Въ прежнее время, до обстоятельнаго знакомства съ житіями, питалась надежда, что, не давая фактическихъ свѣдѣній, онѣ дадутъ изобильный матеріалъ для изображеній общества въ нравственномъ и церковно-бытовомъ отношеніяхъ. На дѣлѣ оказывается, что надежда была совершенно напрасною: во-первыхъ, писатели житій весьма мало заботятся о томъ, что называется «рисовать обстановку»; во-вторыхъ, свою скудную обстановку они рисуютъ не посредствомъ живыхъ чертъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни (современной самимъ святымъ или — если авторы житій поздніе — современной имъ самимъ), а посредствомъ общихъ мѣстъ и реторическихъ фразъ, въ которыхъ почти нѣтъ ничего живаго и индивидуальнаго, а только одно приложимое ко всякому мѣсту и времени и ко всякимъ людямъ.

---

[1]) За все пространство времени до Петра Великаго имѣемъ, впрочемъ, одно исключеніе, это — біографія патр. Никона, написанная Иваномъ Шушеринымъ (а до нѣкоторой степени можно считать церковной монографіей и Осаду Троицкаго монастыря Аврамія Палицына).

[2]) И эти-то существующія житія и показываютъ, какъ немного получили бы мы историческихъ свѣдѣній изъ житій другихъ митрополитовъ.

После лѣтописей и монографій источникомъ для исторіи лицъ правительственныхъ и ихъ дѣятельности остаются самые памятники ихъ дѣятельности законодательной и административной. Законодательствуютъ, съ цѣлію производить улучшенія въ жизни и бытѣ обществъ, бо̀льшія или меньшія, общія или частныя, обыкновенно не всѣ правители, а только нѣкоторые; у насъ же, какъ скажемъ сейчасъ ниже, изъ правителей церковныхъ были законодателями только весьма немногіе, а все рѣшительное большинство ихъ были просто администраторами, т. е. правителями, которые, не двигая жизни впередъ, съ большей или меньшей ревностью заботились объ ея поддержаніи на данномъ уровнѣ и которые съ большей или меньшей ревностью старались о возведеніи къ этому уровню всѣхъ частей цѣлаго. Но памятники административной дѣятельности представляютъ собою источникъ для исторіи лицъ правительственныхъ весьма неудовлетворительный. Такъ какъ они были не общими законами, а частными указами, направленными противъ отдѣльныхъ лицъ или въ извѣстныя отдѣльныя мѣста, то они не имѣли быть хранимы намѣренно, а могли сохраниться въ большемъ или меньшемъ числѣ только случайнымъ образомъ. Слѣдовательно, здѣсь большее или меньшее количество сохранившихся памятниковъ есть простое дѣло случая и не даетъ никакихъ основаній заключать что либо къ качеству самой дѣятельности. Затѣмъ, памятники административной дѣятельности, не бывъ иллюстрированы лѣтописями и вообще сторонними свидѣтельствами, наибольшею частію представляютъ изъ себя нѣмую и слѣпую грамоту, въ которой трудно прочесть что нибудь съ увѣренностію. Администрація (администрированіе) есть исполненіе установленныхъ и опредѣленныхъ обязанностей, что̀ можно дѣлать или съ величайшею ревностію или безъ всякой ревности, просто формальнымъ образомъ. Отдѣльные и разрозненные памятники администраціи, если только они не представляютъ собой чего нибудь исключительнаго и слишкомъ характернаго, вовсе не говорятъ, принадлежатъ ли они людямъ первой категоріи или второй, и суть ли плодъ ревности или простаго формальнаго исполненія обязанностей. Положимъ, что отъ какого нибудь митрополита мы имѣемъ нѣсколько памятниковъ карательной административной дѣятельности. Если памятники не выдаются ничѣмъ особеннымъ, то они не будутъ говорить намъ ровно ничего: можетъ быть они принадлежатъ человѣку, который былъ одушевленъ ревностью къ исполненію своихъ обязанностей, и столько же мо-

жетъ быть, что они принадлежатъ человѣку, который ограничивалъ всю свою ревность тѣмъ, что подписывалъ указы.

Человѣческія общества движутся впередъ сами собой, присущею имъ силою движенія, и усиліями правительствъ, которыя суть органы и орудія обществъ спеціально для той цѣли, чтобы поддерживать ихъ жизнь и двигать ее впередъ. Правительства движутъ или дѣлаютъ попытки двигать впередъ общества путемъ законодательства. Лица правительственныя, изъ преемства которыхъ состоятъ правительства, бываютъ или люди обыкновенные или исключительные, такъ-называемые великіе люди. На великихъ людей природа вообще чрезвычайно скупа и ихъ вездѣ весьма не помногу. Что же касается до обыкновенныхъ людей, составляющихъ преемства лицъ правительственныхъ, то они суть дѣти своихъ обществъ, т. е. нисколько не возвышаются надъ ними. По этой причинѣ насколько самимъ обществамъ присуща сила движенія впередъ, настолько же и лицамъ правительственнымъ присуща энергія двигать ихъ. Наше русское общество, надѣленное этой силой движенія менѣе или не менѣе другихъ, во всякомъ случаѣ проявляло ее весьма слабо. Само собою разумѣется, что это было одинаково какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви. Въ періодъ домонгольскій преемство лицъ правительственныхъ, церковныхъ, у насъ было не свое русское, а чужое — греческое. Но у Грековъ въ позднѣйшее время сила нашего движенія совершенно ослабѣла и они не были способны на то, чтобы возбуждать ее въ другихъ. Вслѣдствіе этого наша русская церковь сравнительно крайне бѣдна памятниками законодательства. Отъ періода до-монгольскаго мы не знаемъ ни одного такого памятника. Можетъ быть, они и были, только не сохранились или пока остаются неизвѣстными; во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы они были многочисленны. Великое бѣдствіе — нашествіе Монголовъ заставило русскую церковь нѣсколько позаботиться о своемъ улучшеніи, каковая забота выразилась въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. А послѣ этого никакихъ законодательныхъ мѣръ до XVI вѣка, когда соборы 1503—4 г. и Стоглавый 1551 г. Къ нашему счастію, послѣдній соборъ значительно вознаграждаетъ насъ за отсутствіе законодательныхъ памятниковъ въ предшествующее время. При Иванѣ Васильевичѣ IV Русь стала новымъ государствомъ — изъ великаго княжества царствомъ, съ великой ролью второй Византіи и третьяго Рима. Ставъ новымъ государствомъ съ великимъ значеніемъ,

Русь сознала потребность въ обновленіи своей жизни государственной и церковной, слѣдствіемъ чего и было изданіе гражданскаго Судебника и для улучшенія дѣлъ церковныхъ созваніе Стоглаваго собора. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло могло быть поведено такъ и иначе, поставлено узко и широко, обнимая многое или ограничиваясь кой-чѣмъ. Тогдашній предстоятель русской церкви — митр. Макарій, именно и сознавшій нужду въ ея обновленіи, поставилъ дѣло самымъ широкимъ образомъ, такъ чтобы обновленіе было по возможности всеобщимъ и цѣлостнымъ. Практическаго значенія дѣянія Стоглаваго собора не имѣли никакого, ибо обновленія вовсе не послѣдовало; но онѣ имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе какъ историческій источникъ: мы находимъ въ нихъ живую и возможно полную картину русской церкви и русскаго общества въ церковномъ отношеніи за XVI вѣкъ.

У людей образованныхъ сочиненія юридическаго содержанія состоятъ въ ученыхъ комментаріяхъ на законы и вообще въ какихъ бы то ни было ученыхъ трактатахъ о нихъ. Такъ какъ у насъ не было никакой образованности и учености, то ничего подобнаго и не могло у насъ быть. Такимъ образомъ, этого источника исторіи въ его собственномъ видѣ мы совсѣмъ лишены. Имѣемъ мы впрочемъ сочиненія, которыя могутъ быть отнесены къ нему въ несобственномъ смыслѣ и которыя представляютъ собою какъ бы частное законодательство. Люди, знающіе церковные законы и обычаи, или по собственному побужденію или въ отвѣтъ на вопросы людей незнающихъ, писали дисциплинарно-каноническія наставленія. Въ этихъ наставленіяхъ, которыя по времени относятся преимущественно къ періоду до-монгольскому, болѣе или менѣе затрогиваются жизнь и бытъ церковные съ ихъ живыми чертами.

Свѣтская сатира и духовныя слова обличительныя также могутъ существовать только у людей образованныхъ. Прежде всего, чтобы обличать пороки и недостатки жизни современнаго общества, нужно сознать ихъ и возвыситься надъ ними (если не жизнью, то мыслью). Но обыкновенное средство къ этому сознанію и возвышенію для избранныхъ натуръ есть образованіе. Правда, есть еще средство необыкновенное, которое и въ обществахъ необразованныхъ приводитъ людей къ сознанію ихъ пороковъ и недостатковъ, именно — достиженіе пороковъ и недостатковъ до черезъ-чуръ крайней крайности. Но и въ этомъ случаѣ у людей необразованныхъ сознаніе не можетъ выразиться въ сатирѣ или словахъ

обличительныхъ. Сатира и слова обличительныя составляютъ родъ письменности, требующій литературнаго образованія. Осмѣивать и обличать совсѣмъ не то, что о чемъ нибудь повѣствовать. Составлять разсказы, худые или хорошіе, о данныхъ исторіяхъ, вести лѣтописный или погодный рядъ такихъ разсказовъ можетъ всякій. Но совсѣмъ другое дѣло сатиры и слова обличительныя: онѣ могутъ быть сочиненіями только искусственными; чтобы писать ихъ, недостаточно сознавать пороки и недостатки и быть исполнену противъ нихъ негодованія, а нужно обладать искусствомъ сочинять, иначе ничего не выйдетъ кромѣ нескладныхъ и краткихъ нѣчто. Поэтому у насъ, хотя наша церковная жизнь приводила людей къ сознанію ея пороковъ и недостатковъ, не могло являться настоящихъ ея обличителей и дѣло должно было ограничиваться только самыми незначительными попытками этого обличенія. Впрочемъ и здѣсь, какъ въ памятникахъ законодательства, судьба была къ намъ не совсѣмъ немилостива и послала намъ одного обличителя со стороны. Въ XVI в. прибылъ въ Россію для совершенія одного частнаго книжнаго дѣла ученый Грекъ; по совершеніи дѣла онъ имѣлъ возвратиться домой; но судьба (для пользы русской церковной исторіи, хотя и на несчастіе его самого) распорядилась такъ, чтобы онъ навсегда остался въ Россіи, и этотъ Грекъ, — знаменитый преп. Максимъ, ставъ бичевателемъ пороковъ и недостатковъ современной ему русской церковной жизни, ярко изобразилъ намъ эту жизнь со всѣмъ ея смысломъ за данный періодъ времени.

Изъ сейчасъ сказаннаго видно, до какой степени наша русская церковная исторія не богата тѣми главными изъ своихъ источниковъ, на основаніи которыхъ созидаются настоящія исторіи, и какъ ей мудрено и напрасно мечтать о томъ, чтобы сколько нибудь приблизиться къ идеалу исторіи.

Этотъ идеалъ исторіи требуетъ, чтобы люди составляющіе преемства лицъ правительственныхъ и вообще всѣ историческіе дѣятели изображаемы были какъ живые люди съ индивидуальной личной физіономіей и съ индивидуальнымъ нравственнымъ характеромъ каждаго, поелику въ исторіи, подобно дѣйствительной жизни, которую она воспроизводитъ, всякій человѣкъ имѣетъ значеніе только какъ живая нравственная личность и поелику наше нравственное чувство ищетъ находиться въ живомъ общеніи съ историческими людьми и хочетъ знать, должны ли мы воздавать имъ почести или произносить надъ ними строгій, такъ-называемый исто-

рическій, судъ. Но какіе живые люди въ нашей церковной исторіи, когда лѣтописи даютъ намъ только имена и имена и не обрисовываютъ людей ни единой чертой? На всемъ пространствѣ до-петровской церковной исторіи выступаетъ передъ нами какъ живой до нѣкоторой степени человѣкъ только патр. Никонъ, который самъ до нѣкоторой степени очертилъ себя [1]), а всѣ остальные суть совершенно безличныя тѣни и тѣни и просто ярлыки на пустыхъ мѣстахъ. Даже знаменитѣйшій нашъ дѣятель, митр. Макарій, стоитъ передъ нами позади своихъ дѣлъ, какъ смутная тѣнь, живую физіономію которой мы напрасно силимся разглядѣть.

Идеалъ исторіи требуетъ, чтобы жизнь обществъ была изображаема во всемъ ея постепенномъ (или непостепенномъ) движеніи. Но мы достаточно знаемъ русскую церковную жизнь только за XVI вѣкъ (благодаря дѣяніямъ Стоглаваго собора и Максиму Греку), а затѣмъ, обращаясь назадъ и восходя до самаго начала, — или совершенный мракъ или только кой-какія несвязныя черты.

Итакъ, русская церковная исторія по своему достоинству какъ исторіи принадлежитъ и имѣетъ принадлежать къ числу исторій вовсе невысокихъ.

Само собою разумѣется, что это не радостно, а печально. Однако печально такъ-сказать совсѣмъ въ особомъ смыслѣ. Наша церковная исторія не высока, т. е. ей суждено быть невысокою, не отъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, на которыя мы имѣли бы право сѣтовать, а по нашей собственной винѣ, потому что мы не написали ее (прямо и косвенно) болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Не написали мы ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ потому, что были неспособны написать. А были неспособны написать потому, что были неспособны... потому, что въ нашемъ прошломъ, — грустный или негрустный, но дѣйствительный фактъ, — мы представляли изъ себя историческій народъ весьма невысокаго достоинства. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается весь простой секретъ, ибо всякій народъ ровно на столько обладаетъ способностью писать свою исторію, на сколько обладаетъ способностью или насколько проявляетъ способность жить исторически (насколько на-

---

[1]) И еще до нѣкоторой степени его предшественникъ, патр. Іосифъ, котораго съ нѣкоторыхъ сторонъ обрисовываетъ царь Алексѣй Михайловичъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Никону.

родъ просвѣщенъ и склоненъ къ прогрессу или движенію въ жизни, на столько онъ пишетъ свою исторію въ прямомъ лѣтописаніи и оставляетъ въ памятникахъ).

Можно подумать, что чѣмъ скуднѣе исторія источниками, тѣмъ болѣе легкую задачу представляетъ ея обработка. На самомъ дѣлѣ совершенно наоборотъ. Изъ обильныхъ источниковъ черпай полною рукой и, имѣя талантъ историка, только созидай настоящую исторію. Но совсѣмъ другое дѣло, когда источники скудны. Чтобы сдѣлать что нибудь, пишущій исторію долженъ превратиться въ усерднѣйшаго такъ-сказать тряпичника, долженъ по десятку разъ тщательнѣйшимъ образомъ перерывать всякій хламъ, чтобы не оставить ни одного лоскута и лоскутка, который бы могъ пойти въ дѣло и послужить на пользу; не изсушая въ себѣ живаго человѣка, каковымъ необходимо быть историку, онъ долженъ быть кропотливѣйшимъ работникомъ; и при всемъ этомъ его постоянно сопровождаетъ чувство недовольства и неудовлетворенности...

Если обработка всякой исторіи требуетъ цѣлаго ряда работниковъ, то тѣмъ болѣе требуетъ его такая исторія, какъ русская церковная...

Сдѣлаемъ здѣсь пояснительное примѣчаніе относительно нашихъ лѣтописей за періодъ до-монгольскій.

За этотъ періодъ мы имѣемъ лѣтописи общерусскія (точнѣе слѣдовало бы сказать главно-русскія, потому что лѣтописи называемыя общерусскими суть собственно лѣтописи великихъ княженій) и лѣтописи мѣстныя.

Съ первыми изъ лѣтописей за нашъ періодъ дѣло представляется въ такомъ видѣ. Пространство времени отъ начала государства до 1110 г. описано (т. е. мы имѣемъ описаннымъ) не въ нѣсколькихъ заразъ или одновременно веденныхъ лѣтописяхъ, а въ одной лѣтописи, которая вся составлена неизвѣстнымъ по имени монахомъ Печерскаго монастыря, жившимъ во второй половинѣ XI — въ началѣ XII вѣка (несправедливо принимаемымъ за преп. Нестора). Отъ этой «первоначальной» лѣтописи идутъ два ряда (постепенно веденныхъ) продолженій: одинъ рядъ, первоначально веденный въ Кіевѣ или вообще въ Южной Руси, а потомъ во Владимирѣ или вообще въ Суздальской Руси, доходящій до самаго конца періода и затѣмъ идущій далѣе, составляетъ лѣтопись Кіево-Суздальскую; другой рядъ продолженій, весь веденный въ Кіевѣ или вообще въ Кіевской Руси и доведенный до 1200 г., когда почти совсѣмъ кончилась политическая роль Кіева, составляетъ лѣтопись Кіев

скую. Такимъ образомъ, за періодъ до-монгольскій мы имѣемъ: первоначальную лѣтопись отъ начала государства до 1110 г. и потомъ одновременно двѣ лѣтописи — Кіево-Суздальскую и Кіевскую.

Первоначальная лѣтопись дошла до насъ не въ одной редакціи, а въ нѣсколькихъ — въ древнѣйшей и въ четырехъ или болѣе позднѣйшихъ. Редакціи позднѣйшія представляютъ бо̀льшіе или меньшіе лишки противъ редакціи древнѣйшей. Лѣтописи Кіево-Суздальская и Кіевская дошли до насъ: во-первыхъ — каждая отдѣльно, во-вторыхъ въ позднѣйшихъ сводахъ обѣихъ въ одно мѣсто. Позднѣйшіе своды, точно такъ же какъ позднѣйшія редакціи лѣтописи первоначальной, представляютъ большіе или меньшіе лишки противъ обѣихъ лѣтописей въ ихъ отдѣльномъ видѣ.

Лишки позднѣйшихъ редакцій лѣтописи первоначальной и позднѣйшихъ сводовъ лѣтописей Кіево-Суздальской и Кіевской двоякаго рода. Одни составляютъ несомнѣнный и очевидный вымыслъ, другіе же не имѣютъ признаковъ вымысла. Такъ какъ позднѣйшіе редакторы лѣтописи первоначальной и позднѣйшіе сводчики лѣтописей Кіево-Суздальской и Кіевской могли имѣть у себя въ рукахъ другіе источники, кромѣ этихъ самыхъ лѣтописей или даже эти самыя лѣтописи въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ онѣ дошли до насъ, т. е. нежели какой имѣютъ онѣ — первоначальная лѣтопись въ ея нынѣшней древнѣйшей редакціи, а лѣтописи Кіево-Суздальская и Кіевская каждая въ нынѣшнемъ отдѣльномъ видѣ: то втораго рода лишки или остается принимать какъ достовѣрные или во всякомъ случаѣ нѣтъ права прямо отвергать какъ ложные.

Древнѣйшіе списки, въ которыхъ дошла до насъ древнѣйшая редакція лѣтописи первоначальной, суть: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздалѣ въ 1377 г. монахомъ Лаврентіемъ, отъ котораго и получилъ имя, и *Ипатьевскій* или Ипатскій, написанный неизвѣстнымъ въ концѣ XIV — въ началѣ XV вѣка и получившій названіе отъ Костромскаго Ипатскаго монастыря, въ которомъ найденъ. Древнѣйшій списокъ лѣтописи Кіево-Суздальской есть сейчасъ помянутый Лаврентьевскій, въ которомъ она слѣдуетъ за первоначальной лѣтописью, а древнѣйшій списокъ лѣтописи Кіевской есть второй помянутый выше Ипатьевскій, въ которомъ она также слѣдуетъ за первоначальной лѣтописью (въ Лаврентьевскомъ спискѣ: первоначальная лѣтопись, Кіево-Суздальская лѣтопись до конца періода и потомъ ея продолженіе до 1305 г.; въ Ипат-

скомъ спискѣ: первоначальная лѣтопись, Кіевская лѣтопись и потомъ Галицко-Волынская лѣтопись, о которой сейчасъ ниже).

Когда мы будемъ цитовать «первоначальную лѣтопись» или просто «лѣтопись», то это значитъ, что мы разумѣемъ первоначальную лѣтопись по ея древнѣйшей редакціи въ спискахъ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ. Когда за пространство времени, обнимаемое первоначальной лѣтописью или до 1110 г., мы будемъ цитовать какую нибудь лѣтопись съ опредѣленнымъ названіемъ — Софійская, Воскресенская, Никоновская и пр., за исключеніемъ Новгородской, о которой сейчасъ ниже, — а за все остальное время періода до-монгольскаго лѣтописи не Лаврентьевскую и не Ипатскую, а какія нибудь другія, за исключеніемъ той же Новгородской, то это значитъ, что извѣстіе берется или изъ позднѣйшихъ редакцій лѣтописи первоначальной или изъ позднѣйшихъ сводовъ лѣтописей Кіево-Суздальской и Кіевской. Списки древнѣйшей редакціи первоначальной лѣтописи Лаврентьевскій и Ипатскій представляютъ нѣкоторыя немногія разности: гдѣ намъ нужно будетъ, т. е. гдѣ разности именно касаются насъ, мы будемъ на это указывать.

Мѣстныхъ лѣтописей отъ періода до-монгольскаго мы имѣемъ двѣ: Новгородскую и Галицко-Волынскую.

Новгородская лѣтопись, начатая писаніемъ не позднѣе половины XI вѣка, а можетъ быть и значительно ранѣе, начинавшаяся неизвѣстно откуда, но не позднѣе какъ съ крещенія Новгорода, рядомъ смѣнявшихъ одинъ другаго лѣтописцевъ ведена была въ продолженіе всего періода, а потомъ и далѣе. Къ величайшему сожалѣнію, въ своей начальной части до 1117 г., чрезвычайно важной для насъ нѣкоторыми извѣстіями, эта лѣтопись не дошла до насъ въ своемъ подлинномъ видѣ, и древнѣйшая, извѣстная въ настоящее время, редакція этой части (та, что предшествуетъ подлинной Новгородской лѣтописи съ 1117 г. по древнѣйшему Сунодальному списку) должна быть дополняема изъ сборниковъ позднѣйшихъ. Въ собраніи лѣтописей Новгородская лѣтопись напечатана (въ III томѣ) подъ именемъ 1-й Новгородской лѣтописи (въ отличіе отъ позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописей, представляющихъ собой лѣтописные сборники и компиляціи XVI и XVII вѣковъ).

Лѣтопись Галицко-Волынская, описывающая исторію Галиціи-Волыни (Волыно-Галиціи) или Червонной Руси, захватываетъ только послѣдніе сорокъ лѣтъ періода до-монгольскаго, ибо начинается съ 1206 г. (со

смерти Романа Мстиславича Волынскаго, соединившаго обѣ области въ одно княжество). Она читается въ Ипатскомъ спискѣ, вслѣдъ за лѣтописью Кіевскою, такъ что если мы будемъ цитовать Ипатскую лѣтопись послѣ 1200 г. (которымъ кончается лѣтопись Кіевская), то это будетъ значить, что мы цитуемъ въ ней лѣтопись Галицко-Волынскую.

Если періоды въ исторіяхъ обществъ суть пространства временъ, отличныя однѣ отъ другихъ не какими-нибудь внѣшними и случайными признаками, а самой жизнью обществъ и ея характеромъ, то такихъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ, періодовъ въ исторіи русской церкви три: Кіевскій, Московскій и текущій Петербургскій. Періоды Кіевскій и Московскій собственно представляютъ собой одно цѣлое, характеризуемое отсутствіемъ дѣйствительнаго просвѣщенія, котораго мы не усвоили съ принятіемъ христіанства и безъ котораго оставались до самаго Петра Великаго. Но въ этомъ цѣломъ они образуютъ изъ себя двѣ особыя половины. У всѣхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ настоящаго просвѣщенія, религія должна являться въ такомъ видѣ, чтобы внѣшнее болѣе или менѣе преобладало надъ внутреннимъ, — условно-формальная обрядность надъ истинною вѣрою и наружная набожность (религіозность) надъ истиннымъ благочестіемъ (нравственностію, — какъ это и у всѣхъ образованныхъ народовъ въ низшихъ необразованныхъ классахъ). Такъ это было и у насъ до появленія просвѣщенія. Ставъ характеристическою чертой въ развитіи нашего христіанства, это преобладаніе имѣло у насъ свою исторію, состоящую въ томъ, что впродолженіе извѣстнаго времени оно держалось мѣры или не выступало изъ нея, а затѣмъ впало въ крайность. Время мѣры и время крайности и составляютъ періоды Кіевскій и Московскій. Текущій періодъ Петербургскій есть періодъ водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ симъ, подразумѣвается, и болѣе совершеннаго пониманія христіанства [1]).

---

[1]) Здѣсь мы должны ограничиться сказаннымъ общимъ и поверхностнымъ, а обстоятельную характеристику каждаго періода сдѣлаемъ ниже въ подлежащихъ мѣстахъ. Прискорбнѣйшія общественныя болѣзни нашего времени заставляютъ иныхъ людей усумниться въ томъ, чтобы наше время было выше и лучше временъ предшествующихъ (причемъ вовсе и никто не говоритъ, чтобы оно достигло безъотносительной высоты совершенства); но изъ-за людей больныхъ распространять свое ожесточеніе на всѣхъ и на все далеко не справедливо и не основательно (А кто не вѣруетъ въ силу и полезность просвѣщенія, тотъ съ своей точки зрѣнія, конечно, совершенно правъ, желая возвратиться

На три указанные дѣйствительные періода мы и раздѣлимъ нашу исторію русской церкви. Безъ нашествія Монголовъ и задолго до него центръ государственной жизни былъ перенесенъ съ юга на сѣверъ; безъ этого нашествія былъ бы перенесенъ туда же и центръ жизни церковной, ибо церкви и государству, — подразумѣваемъ представительство власти, съ чѣмъ подразумѣвается и представительство жизни, — не естественно быть въ разныхъ мѣстахъ. Но ускоряя или не ускоряя естественный ходъ событій, нашествіе Монголовъ заставило переселиться церковь съ юга на сѣверъ; поэтому оно и должно быть положено гранью между Кіевскимъ и Монгольскимъ періодами (и поэтому и самый періодъ Кіевскій, въ смыслѣ просто описательномъ, можетъ быть названъ до-монгольскимъ). Между періодами Московскимъ и Петербургскимъ границу составляетъ Петръ Великій, а опредѣленное церковное событіе — учрежденіе Петромъ Сунода.

Исторія всякаго общества есть воспроизведеніе его жизни. Жизнь обществъ, гражданская или церковная, имѣетъ свою цѣль, которой достигаетъ или должна достигать при содѣйствіи нарочитаго органа, каковой есть правительство, и при употребленіи свойственныхъ ей средствъ. Такимъ образомъ, исторія всякаго общества есть — во-первыхъ, исторія того, что служитъ ему въ достиженіи цѣли его жизни; во-вторыхъ, исторія самой его жизни, насколько она достигаетъ своей цѣли. Цѣль и назначеніе церкви, какъ общества, состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать людей въ вѣрѣ и нравственности христіанской для доставленія имъ земнаго благополучія и вѣчнаго спасенія; ея правительственный органъ, служащій ей для сей цѣли, составляетъ богоучрежденная іерархія; ея средства суть: ученіе въ двоякомъ смыслѣ — въ собственномъ и чрезъ писанія и богослуженіе (съ преподаяніемъ въ таинствахъ невидимой благодати Божіей). Изъ какихъ частей (факторовъ) слагается цѣлое жизни каждой церкви, изъ такихъ частей должна состоять и исторія каждой, которая воспроизводитъ жизнь. Слѣдовательно, составъ частей всякой церковной исторіи, поколику онъ необходимо и такъ сказать органически опредѣляется составомъ церковной жизни, которую исторіи воспроизводятъ,

ко временамъ невѣжества. Но если такъ, то — чѣмъ большее невѣжество, тѣмъ лучше, и слѣдовательно должно желать возвращенія не ко временамъ Ивана Васильевича IV или Алексѣя Михайловича, а уже гораздо далѣе назадъ...)

долженъ быть: правительство съ его дѣятельностію, ученіе, богослуженіе, церковная жизнь общества. Этотъ составъ частей церковной исторіи, опредѣляемый понятіемъ о церкви самой въ себѣ, долженъ быть дополненъ тѣмъ, что привносятъ въ ея жизнь внѣшнія отношенія. Всякая церковь не только есть общество, но общество въ обществѣ, духовное въ мірскомъ — въ государствѣ, и поелику государственная власть никогда не относится къ церкви безразлично, предоставляя ее самой себѣ, но или покровительствуетъ ей или тѣснитъ ее и угнетаетъ, то извѣстныя отношенія государства къ церкви, существенно вліяющія на ея жизнь, составляютъ необходимый предметъ рѣчей всякой церковной исторіи. За симъ еще слѣдуютъ дополненія, которыя составляютъ или введенія въ исторіи церквей или отдѣлы случайные, которые могутъ быть и не быть. Такъ какъ всякая церковь, прежде чѣмъ явиться, должна быть основана, то очевидно, что исторіи всякой церкви (какъ таковой) должна предшествовать, какъ введеніе къ ней, исторія ея основанія. Всякая церковь, какъ частное цѣлое, можетъ имѣть какія либо отношенія къ другимъ церквамъ (т. е. какія либо особенныя отношенія, кромѣ само собою подразумѣваемаго «единенія духа въ союзѣ мира» съ другими частными церквами, съ которыми она составляетъ одно цѣлое); во всякой церкви могутъ случаться замѣшательства, приводящія къ расколамъ, можетъ являться проповѣдь ученія, отступающаго отъ содержимаго ею ученія и создающаго въ ней ереси, и пр.

Сообразно съ сейчасъ сказаннымъ и мы будемъ излагать исторію русской церкви за каждый изъ ея періодовъ.

Въ настоящемъ томѣ нашей исторіи мы имѣемъ нужду довольно часто обращаться къ церкви Греческой—къ ея быту и археологіи. При этомъ мы постоянно цитуемъ нѣкоторыя относящіяся сюда книги. Вотъ объясненіе цитатъ, которыя дѣлаемъ сокращенно.

Bingh. — Josephi Binghami, Angli (Rectoris Ecclesiae Haventinae in agro Hantoniensi) Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae, ex lingua Anglica in Latinam vertit Jo. Henricus Grischovius Halberstadiensis. Voll. decem. Halae, 1724—29.

Дюк. Gloss. Graecit. — Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis et caet., auctore Carolo Du Fresne, Domino Du Cange (*Его же Gloss. Latinit.* — Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Latinitatis).

Ралли и П. — Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφήμων ἀποσόλων καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων, ἐκδοθὲν... ὑπὸ Γ. Α. Ῥαλλῆ καὶ Μ. Ποτλῆ. — Шесть томовъ. Ἀθήνησιν, 1852—59.

Исторію Карамзина мы цитуемъ по изданію Эйнерлинга.

По какому изданію цитуемъ тотъ или другой томъ Исторіи преосв. Макарія, это всегда указываемъ прямо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сказанія и мнѣнія о христіанствѣ въ Россіи и самое христіанство въ ней до св. Владимира.[1])

I.

Сказаніе о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ.

Введеніемъ къ истинной, достовѣрной, исторіи государственной и церковной почти у всѣхъ народовъ служатъ такъ называемыя народныя преданія, которыя создаетъ иногда дѣйствительно совокупное творчество цѣлаго народа, иногда же напротивъ единичное творчество просто отдѣльныхъ лицъ. Исторія нашего Русскаго христіанства начинается такимъ народнымъ преданіемъ, именно — общеизвѣстною повѣстью о путешествіи на Русь или точнѣе говоря — черезъ Русь апостола Андрея.

Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежащее какому-нибудь досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое, но нисколько не невозможно и второе. Какъ бы то ни было, смыслъ и нравоученіе повѣсти ясны; она хочетъ сказать и доказать: мы, русскіе, составляемъ народъ въ христіанской церкви никого

[1]) Мы находимъ, что имя Владимиръ должно писать не съ буквой іота на концѣ, а съ буквой иже, потому что слово миръ какъ въ этомъ имени, такъ и во всѣхъ другихъ именахъ, съ нимъ сложенныхъ, есть не міръ — вселенная, а миръ—согласіе, покой, какъ это ясно особенно въ именахъ Любомиръ, Добромиръ, Творимиръ, Терпимиръ. Дитмаръ Мерзебургскій, Chronic. lib. VII, § 52, о нашемъ именно Владимирѣ говоритъ, что его имя толкуется обладаніе миромъ — potestas pacis.

не послѣдній и наше христіанство ведетъ свое начало точно такъ же отъ самихъ апостоловъ, какъ и у кого бы то ни было; апостолы не могли водворить у насъ этого христіанства самымъ дѣломъ, но они посѣтили и благословили нашу землю и посредствомъ предъизбранія включили ее въ составъ церкви Христовой, которой такимъ образомъ она и стала частью съ самаго ея начала, хотя частью долгое время остававшеюся, такъ сказать, in petto, только въ мысли и предъопредѣленіи. Если повѣсть принадлежитъ народному творчеству вообще, то она должна свидѣтельствовать о тщеславіи предковъ нашихъ, какъ цѣлаго народа, который не хотѣлъ оставаться въ послѣднихъ и пришедъ ко Христу около одинадцатаго часа тѣмъ не менѣе желалъ перевести себя въ первые; если же повѣсть принадлежитъ одному лицу, то и свидѣтельствуетъ только о тщеславіи ея неизвѣстнаго автора.

Въ нашей первоначальной лѣтописи эта повѣсть записана въ слѣдующемъ видѣ. Изъ Греціи черезъ Россію лежалъ путь къ Варягамъ и далѣе до Рима, именно — изъ Чернаго моря Днѣпромъ до его верховьевъ, отсюда волокомъ [1]) до рѣки Ловати, которая впадаетъ и ведетъ въ озеро Ильмень; изъ Ильменя въ Волховъ, въ Ладожское озеро, въ устье этого озера или рѣку Неву и въ море Варяжское (Балтійское); по этому послѣднему къ Варягамъ и потомъ до Рима. Апостолъ Андрей, который проповѣдывалъ евангеліе по Черному морю, однажды пришелъ изъ Синопа, что на южномъ или азіатскомъ берегу его [2]), въ Херсонесъ Таврическій или Корсунь и здѣсь узналъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпровское. Пожелавъ побывать въ Римѣ, апостолъ отправился къ устью Днѣпра, чтобы пойдти въ него сейчасъ указанною дорогой. Когда, совершая путь, поднимался онъ, съ сопровождавшими его учениками, на лодкахъ вверхъ по Днѣпру, то одинъ разъ случайно [3]) пришлось ему остановиться для ночлега у берега подъ горами. Горы эти были именно тѣ самыя, на которыхъ послѣ построенъ былъ Кіевъ. Вставъ на другой день поутру, апостолъ указалъ своимъ ученикамъ на горы и сказалъ: «Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на

---

¹) Волокъ — отъ волочить, переволакивать по землѣ лодки изъ одной рѣки въ другую. Волокъ (переволока) между Днѣпромъ и Ловатью, шедшій вѣроятно съ Смоленска (гдѣ *смолились* и окончательно приготовлялись лодки Верховлянъ-Новгородцевъ и Кривичей, имѣвшихъ пуститься въ плаваніе по Днѣпру?) на Великія Луки, съ пересѣченіемъ у Велижа Западной Двины, имѣлъ протяженія верстъ до 200.

²) Почти прямо противъ крымской Θеодосіи черезъ море, тотъ самый, при которомъ русскій флотъ одержалъ знаменитую побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ 1853 году.

³) Въ Лаврент. «по приключаю», въ нѣкоторыхъ спп. «по прилучаю», въ Ипатск. «по приключаю Божію».

этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имѣетъ быть построенъ на нихъ великій городъ, и Богъ воздвигнетъ ни нихъ многія церкви». Послѣ этого апостолъ взошелъ на горы, благословилъ ихъ, помолился и на той изъ нихъ, на которой послѣ былъ построенъ городъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, поставилъ крестъ [1]). Идя своею дорогой далѣе, апостолъ пришелъ къ Славянамъ, гдѣ послѣ построенъ былъ Новгородъ, то-есть къ племени Славянскому, которое называлось этимъ именемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. У здѣшнихъ людей онъ видѣлъ обычай, какъ они моются (въ баняхъ) и хвыщутся [2]), и подивился на нихъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ Варягамъ и наконецъ пришелъ въ Римъ. Повѣствуя въ Римѣ, сколько успѣлъ съ своею проповѣдью и что̀ видѣлъ, апостолъ между прочимъ разсказывалъ: «Видѣлъ я нѣчто весьма чудное въ землѣ Славянской, когда шелъ сюда. — видѣлъ деревянныя бани, и накалятъ ихъ (то-есть каменки въ нихъ) до красна и раздѣнутся совсѣмъ донага и обольются кислымъ квасомъ [3]) и возьмутъ на себя пучки молодыхъ прутьевъ и ста-

---

[1]) Позднѣйшіе памятники точнымъ образомъ указываютъ, гдѣ позднѣйшимъ преданіемъ назначалось мѣсто этого креста. Такъ называемая Густинская лѣтопись (конца XVI—начала XVII вѣка) говоритъ: «Крестъ водрузи недалече нынѣшней браны (воротъ) отъ полудня» (П. Собр. Лѣтт. II, 251), разумѣя брану въ крѣпостномъ валу, который въ настоящее время не существуетъ (см. у *Закревскаго* въ Лѣтописи и описаніи г. Кіева, М., 1858, стр. 257). Авторъ статьи «О увѣреніи и о крещеніи Русіи», помѣщенной въ Книгѣ о Вѣрѣ, пишетъ: «На той тогда горѣ въ Кіевѣ, идѣ же святый Андрей стоялъ, юже нарицаютъ Вздыхальницу, въ тоже время и церковь Воздвиженія пречестнаго креста Господня была поставлена, идѣже и нынѣ есть, яже повѣсть и до сихъ дней обноситcя о той церкви и той горѣ» (гл. 3-я, Гродн. изд. 31 л.); подобнымъ образомъ авторъ Синопсиса пишетъ: «Крестъ водрузи (апостолъ Андрей) на мѣстѣ, идѣже посемъ церковь креста Господня сооружися» (С.-Пб., 1798 г., стр. 20). Крестовоздвиженская церковь теперь не существуетъ; она находилась недалеко отъ нынѣшней Андреевской церкви, къ югу отъ нея (*Берлинскаго*, Краткое описаніе Кіева, Спб. 1820, стр. 189 и *Закревскаго*, ibid., стр. 147). Въ одномъ сборникѣ второй половины XVII вѣка замѣчается: «Крестъ святый, гдѣ теперь церковь святаго Симеона стоитъ, (апостолъ Андрей) поставилъ» (см. *у Бодянскаго,* О времени происхожденія славянскихъ письменъ. стр. LXV, прим. 109). — церковь эта въ настоящее время также не существуетъ и гдѣ находилась неизвѣстно. Что по автору повѣсти апостолъ водрузилъ крестъ на той части Кіевской горы, которая послѣ обнималась городомъ въ собственномъ смыслѣ или городскою крѣпостью, это онъ даетъ знать въ словахъ: «и постави крестъ и помолися Богу и слѣзъ *съ горы сея,* идѣже послѣже бысть Кіевъ». А что первоначальный или довладимировскій городъ стоялъ не тамъ, гдѣ его полагаютъ позднѣйшее преданіе и нынѣшніе ученые, см. ниже.

[2]) «Хвощутся», — хвостаться, по теперешнему хвыстаться, то же что̀ хлестаться.

[3]) Вмѣсто «квасомъ уснияномь» Лаврент. лѣтописи именно читается «квасомъ кислымъ» въ лѣтописяхъ новѣйшихъ (Никоновск., Софійск. Временникѣ);

нутъ бить сами себя и до того себя добьютъ, что вылѣзутъ едва живы; послѣ этого обольются холодною водой и тогда снова оживутъ; и это дѣлаютъ постоянно и весьма почасту, не будучи мучимы никѣмъ, но сами себя муча и такимъ образомъ дѣлая себѣ не омовенье, а мученье». Римляне, слышавъ разсказъ, дивились; апостолъ же, побывъ въ Римѣ, снова возвратился въ Синопъ.

Чтобы заставить апостола посѣтить нашу страну, составители повѣсти должны были представлять дѣло не особенно естественнымъ образомъ. Извѣстныя имъ греческія сказанія не давали никакого основанія утверждать, чтобы св. Андрей путешествовалъ въ нашу Русь нарочнымъ образомъ [1]); измышлять это помимо сказаній составители повѣсти также находили слишкомъ невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ. Оставалось измыслить посѣщеніе случайное, мимоходное: и вотъ явилось путешествіе апостола изъ Корсуни въ Римъ, держанное имъ чрезъ Кіевъ и Новгородъ. Посылать апостола изъ Корсуни въ Римъ помянутымъ путемъ есть одно и тоже, что посылать кого-нибудь изъ Москвы въ Петербургъ путемъ на Архангельскъ: но составители повѣсти не имѣли возможности представить дѣло болѣе естественнымъ образомъ. Притомъ, сочиняя этотъ неожиданный и слишкомъ оригинальный путь, они, по всей вѣроятности, не полагали его такимъ невозможно страннымъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: имѣя недостаточныя географическія свѣдѣнія, они, вѣроятно, считали его только не много болѣе длиннымъ, чѣмъ прямой путь по морю Средиземному. Этотъ дѣйствительный путь составителямъ повѣсти былъ извѣстенъ и прямо ими указывается [2]), такъ что если апостола, находившагося въ Корсуни при началѣ обоихъ путей, они находятъ возможнымъ послать по первому, то ясно, что они не полагаютъ между обоими путями слишкомъ большаго различія.

Честолюбіе и тщеславіе предковъ нашихъ, желая достигнуть того, чтобы страна наша была посѣщена однимъ изъ апостоловъ, конечно, не особенно затруднились бы составить повѣсть объ этомъ и въ томъ случаѣ, если бы не представлялось къ сему никакого основанія и никакого внѣшняго повода. Но нѣкоторый внѣшній поводъ составить такую повѣсть

въ Ипатск. лѣт.: «мытелью» (деревенскіе жители и до сихъ поръ моютъ головы въ баняхъ квасомъ для очищенія ихъ отъ такъ называемой плоти).

[1]) Нѣкоторое основаніе утверждать это даютъ Никита Пафлагонскій и Никифоръ Каллистъ, о которыхъ ниже. Послѣдній, если не моложе, то вѣроятно, не старѣе составителей повѣсти; а первый, какъ необходимо предполагать, не былъ имъ извѣстенъ, притомъ онъ даетъ помянутое основаніе не особенно прямо и ясно.

[2]) «Отъ Рима придти по тому же (Варяжскому) морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода придти въ Понтъ море», — читается въ нашей же повѣсти (въ географическомъ введеніи въ нее).

именно объ апостолѣ Андреѣ дѣйствительно существовалъ. Жребіемъ и частью проповѣднической дѣятельности этого апостола, какъ увѣряютъ сказанія, были берега Чернаго моря, которое для предковъ нашихъ, ведшихъ чрезъ него дѣятельную торговлю съ Константинополемъ, могло казаться какъ бы своимъ и которое даже и называлось русскимъ, хотя и не по нашимъ Кіевскимъ русскимъ. Бывшія извѣстными предкамъ нашимъ греческія сказанія объ апостолѣ [1]) прямо приводятъ его въ Корсунь, которая въ ихъ время могла быть названа, такъ сказать, самымъ преддверіемъ Руси, ибо хотя была не особенно близка къ послѣдней, но составляла тогда для нея почти такой же неизбѣжный и такой же знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города, такъ какъ въ ней пріобрѣтали для себя русскіе всѣ произведенія европейской или цивилизованной промышленности. Изъ Корсуни во времена предковъ нашихъ былъ путь черезъ Россію къ Варягамъ, а отъ Варяговъ до Рима, какъ они знали, прямой и непрерывный путь моремъ; такимъ образомъ, дѣйствительно выходилъ путь изъ Корсуни въ Римъ черезъ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что при всей скудости географическихъ свѣдѣній предки наши не представляли себѣ этотъ путь совершенно обыкновеннымъ. Но все таки являлась нѣкоторая вѣроподобная возможность провести апостола желаемымъ путемъ, чтобы заставить его быть въ Россіи: это и было сдѣлано.

Повѣсть объ апостолѣ Андреѣ, по всей вѣроятности, явилась послѣ времени составленія первоначальной лѣтописи и есть въ сей послѣдней позднѣйшая вставка. Въ другой повѣсти, читаемой въ той же лѣтописи, говорится, что «сдѣ (въ Русской землѣ) не суть апостоли учили», и что «тѣломъ апостоли не суть сдѣ были» [2]). Принадлежитъ ли эта вторая повѣсть самому составителю лѣтописи или также есть въ ней вставка, но во всякомъ случаѣ она должна быть признаваема старѣйшею, чѣмъ наша повѣсть [3]). Къ заключенію о не весьма раннемъ происхожденіи нашей повѣсти должно вести и то обстоятельство, что зара-

---

[1]) Имъ извѣстны были и очевидно служили для нихъ источникомъ житія апостола Андрея Епифаніево или Метафрастово (о нихъ ниже), оба вмѣстѣ, или которое-нибудь одно.

[2]) Въ повѣсти объ убіеніи Варяговъ христіанъ при Владимірѣ язычникѣ, П. Собр. Лѣтт., 1, 35.

[3]) А къ повѣсти о преложеніи книгъ на Славянскій языкъ Меѳодіемъ и Константиномъ, внесена ли она въ лѣтопись самимъ лѣтописцемъ (бывъ составлена не имъ) или послѣ него, прибавляется замѣчаніе, что учитель намъ — Руси (не апостолъ Андрей,) а какъ и всѣмъ Славянамъ, апостолъ Павелъ: «Словеньску языку учитель есть Андроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ: и апостолъ Павелъ училъ ту, ту бо есть Илюрикъ, егоже доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяша Словене первое: тѣмъ же и Словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо — Русь, тѣмъ и намъ Руси учитель есть Павелъ».

зиться тщеславіемъ и подумать объ его удовлетвореніи предки наши могли не сейчасъ затѣмъ, какъ приняли христіанство, но только послѣ того, какъ болѣе или менѣе обжились въ немъ и какъ оно болѣе или менѣе прочно водворилось и утвердилось въ ихъ странѣ, чѣмъ могла быть пробуждена ихъ гордость [1]).

Замѣчательна редакція повѣсти, помѣщенная въ лѣтописи. Серьезное по крайней мѣрѣ на половину перемѣшано въ ней съ шуточнымъ и юмористическимъ и апостолъ не совсѣмъ скромнымъ образомъ употребленъ въ орудіе насмѣшки. Принадлежа Малороссіи, редакція имѣетъ цѣлію на половину прославленіе Кіева, на горахъ котораго апостолъ водрузилъ крестъ, на половину же осмѣяніе Великорусскаго Новгорода, въ которомъ онъ чудился страннымъ Великорусскимъ банямъ. Извѣстно, что наши области любили смѣяться одна надъ другою и насочиняли одна про другую множество насмѣшливыхъ сказаній и присловій [2]); извѣстно, что въ особенности любили, какъ и до настоящаго времени любятъ, смѣяться одна надъ другою двѣ большія области — Великорусская и Малорусская. Редакція повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, помѣщенная въ лѣтописи, представляетъ собою образецъ такихъ насмѣшливыхъ сказаній Малороссовъ о Великороссахъ. Малороссъ, у котораго нѣтъ нашихъ велико-

---

[1]) Черезъ 50 лѣтъ послѣ крещенія при Ярославѣ, русскіе съ скромнымъ смиреніемъ называли себя «малымъ стадомъ» (Митр. Иларіонъ въ Словѣ о законѣ и благодати). Вѣроятно, такъ продолжали они смотрѣть на себя и еще лѣтъ около 50. Но при такомъ незаносчивомъ взглядѣ еще не могли быть сочиняемы ими притязательныя повѣсти, по которымъ апостолы ходили бы въ ихъ землю для поставленія крестовъ на ихъ горахъ. Что въ вѣкъ составителя лѣтописи еще не было извѣстно повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, объ этомъ слѣдуетъ заключить и изъ словъ преподобнаго Нестора, который, будучи несправедливо принимаемъ за самого лѣтописца, былъ его современникомъ, и который въ житіи Бориса и Глѣба говоритъ: «не бѣша апостоли ходили къ нимъ» (русскимъ). Первая церковь апостола Андрея была построена въ Кіевѣ весьма рано, именно—Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086 году (для дочери Анны или Янки, которая желала постричься въ монашество и для которой онъ устроилъ при церкви женскій монастырь, — извѣстный Андреевскій Янчинъ; П. Собр. Лѣтт., I, 88). Но не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы уже такъ рано могло существовать сказаніе о посѣщеніи апостоломъ Кіева; скорѣе наоборотъ существованіе самой церкви могло содѣйствовать до нѣкоторой степени возникновенію сказанія. Первая Крестовоздвиженская церковь, и то нѣсколько сомнительная (не знаемъ, та ли самая, о которой выше), построена въ Кіевѣ въ началѣ XIII вѣка (*Карамз.* III, прим. 326).

[2]) Ихъ и о нихъ можно читать въ книгахъ: *Снегирева* Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. IV, Москва, 1834, стр. 162 sqq. (этнографическія пословицы), и *Сахарова* Сказаніе Русскаго народа, томъ I, кн. 2, С.-Пб. 1841, стр. 107 sqq. (Русскія народныя присловія).

русскихъ бань[1]), и для котораго эти бани составляютъ крайне смѣшную странность[2]), съ своимъ прославленнымъ юморомъ говоритъ въ повѣсти Великороссу: бывъ у насъ въ Кіевѣ, апостолъ изрекъ пророчество, благословилъ горы и поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ въ Новгородѣ только подивился на вашу хитрую выдумку самимъ себя сѣчь и мучить, о чемъ разсказывалъ даже въ Римѣ.

Естественно, что Новгородцы не желали остаться осмѣянными. И вотъ въ отвѣтъ на Кіевскую редакцію повѣсти явилась редакція Новгородская. Не хотѣвъ или не умѣвъ отвѣтить на насмѣшку одинаковою насмѣшкой, Новгородцы вознаграждаютъ себя тѣмъ, что стараются возвысить себя надъ Кіевлянами. Говоря о Кіевѣ то же, что и выше, редакція Новгородская умалчиваетъ о баняхъ Новгородскихъ и вмѣсто того говоритъ, что въ области Новгородской апостолъ проповѣдывалъ слово Божіе[3]) и оставилъ на благословеніе свой жезлъ[4]). То-есть Новгородцы отвѣчаютъ въ своей редакціи Кіевлянамъ: у васъ въ Кіевѣ апостолъ ограничился только тѣмъ, что поставилъ крестъ на пустыхъ горахъ, у насъ же сдѣлалъ гораздо большее, заявилъ къ намъ свое благоволеніе болѣе осязательнымъ образомъ.

---

[1]) Если кому вспомнится баня въ Кіевѣ Ольгина, въ которой были сожжены послы Древлянскіе, то, вопервыхъ, въ разказѣ лѣтописи разумѣется не баня, а комната для мытья (комната съ ваннымп, баня въ Западно-Европейскомъ смыслѣ, что вовсе не одно и тоже съ Великорусской или такъ называемой «Русской» баней): «повелѣ Ольга мовь сотворити (Деревляномъ), рькуще сице: измывшеся придите ко мнѣ; они же (слуги) пережьгоша истопку (вар. истьбу,— жарко натопили избу, комнату), и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти».... (Cfr лѣтоп. подъ 1095 г., объ избіеніи Половцевъ); вовторыхъ существованіе бань у князей на югѣ не составляло бы свидѣтельства о существованіи ихъ у народа.

[2]) Какую великую странность составляютъ наши великорусскія бани для тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ, см. напримѣръ въ статьѣ «Буряты», помѣщенной въ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, ч. XXVI, кн. 4, стр. 60: «ужасная добровольная пытка (которой подвергаютъ себя русскіе въ баняхъ), служитъ у Бурята главною имъ укоризною» и пр.

[3]) Въ записяхъ редакціи XVI вѣка говорится только, что Андрей проповѣдывалъ слово Божіе (Степ. книга), въ записяхъ же XVII вѣка — что и «ко крещенію многи люди привелъ» (Никон. Кормчая).

[4]) «Жезлъ свой (апостолъ) водрузи въ веси, нарицаемой Друзино» (Степ. кн. I, 7), — въ извѣстномъ Аракчеевскомъ селѣ Грузинѣ, находящемся на Волховѣ приблизительно на половинѣ его теченія (верстахъ въ 15 внизъ отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги). Отъ этого водруженія апостоломъ креста будто бы и село получило свое имя (Друзино или Грузино отъ водружать или вогружать; — житіе Михаила Саллоса, которое см. ниже). Ясно, что имя села подало поводъ сложиться сказанію о водруженіи креста, къ чему присоединилось случайное обстоятельство, что приходская церковь села была во имя апостола Андрея.

Если первоначально русскіе удовольствовались только тѣмъ, что заставили одного изъ апостоловъ благословить свою землю, то естественно, что съ теченіемъ времени ихъ притязанія должны были увеличиться, тѣмъ болѣе, что позднѣйшая Новгородская редакція повѣсти, говорящая, что апостолъ проповѣдывалъ въ области Новгородской слово Божіе, представляла имъ для таковыхъ притязаній нѣкоторыя основанія. Съ XVI вѣка, если не ранѣе, русскіе начали считать и выдавать апостола Андрея за перваго дѣйствительнаго насадителя христіанской вѣры на Руси, и когда представлялись нужда или случай, съ гордостію и твердостію указывали на это, какъ на не подлежащій сомнѣнію фактъ. Извѣстный Антоній Поссевинъ, убѣждая царя Ивана Васильевича Грознаго къ соединенію съ папою, ссылался ему на примѣръ Грековъ, которые приняли унію на соборѣ Флорентійскомъ; царь отвѣчалъ: «Мы вѣримъ не въ Грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройдти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою»[1]). Въ половинѣ XVII вѣка, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, посыланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Грецію для описанія церковныхъ чиновъ, имѣлъ съ Греками горячіе споры по поводу дониконовскихъ несогласій нашихъ съ ними въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ. Когда Греки указывали Суханову на то, что мы русскіе приняли вѣру отъ нихъ Грековъ и слѣдовательно во всемъ должны быть согласны съ ними, онъ отвѣчалъ: «Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ васъ крещеніе пріяли, мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея, когда онъ по вознесеніи Господни пріиде въ Византію и оттуда пойде Чернымъ моремъ до Днѣпра, и Днѣпромъ вверхъ до Кіева, и отъ Кіева даже до Великаго Новаграда, и ходя тѣмъ путемъ ученіе свое о вѣрѣ Христовѣ распространялъ, а иныхъ крестилъ... вѣру вы изначала пріяли отъ апостола Андрея, а мы такожде отъ апостола Андрея»[2]). Всѣмъ иностранцамъ, которые, пріѣзжая въ Россію или встрѣчая Русскихъ за границею, разспрашивали ихъ о вѣрѣ, они отвѣчали не иначе, какъ то же, что̀ говорили Грозный Поссевину и Сухановъ Грекамъ[3]).

---

[1]) *Possevini* Colloquium primum съ Грознымъ de fide catholica въ Supplementum ad Historica Russiae Monimenta, p. 102.

[2]) Такъ называемый Малый Проскинитарій или собственно Статейный списокъ (несправедливо считаемый за раскольничій подлогъ), бесѣда въ Терговищи 6-го іюня, — рукопись новаго письма нашей библіотеки. Арсеній ссылается на не за долго предъ тѣмъ напечатанную въ Москвѣ извѣстную Книгу о правой вѣрѣ (въ этой послѣдней, глава 3-я «О увѣреніи и о крещеніи Русіи», Гродн. изд. л. 30 sqq).

[3]) *Герберштейна* Rerum Moscoviticarum Comentarii, у *Старчевскаго* въ Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, vol. I p. 19, *Фабра*, Moscovitarum

Древнимъ временамъ и древнимъ людямъ извинительно было создавать легенды; но на насъ въ свою очередь лежитъ обязанность отличать легенды отъ настоящей исторической истины... Всякое сказаніе мы, конечно, должны принимать въ томъ видѣ, какъ оно намъ сообщается. Сказаніе объ апостолѣ Андреѣ говоритъ, что онъ былъ въ Россіи потому, что хотѣлъ чрезъ нее пройдти изъ Греціи въ Римъ: ясно, что сказаніе есть вовсе неудачный вымыселъ, ибо оно заставляетъ апостола идти путемъ, который не только въ 50 разъ длиннѣе обыкновеннаго, но который въ его время просто былъ совершенно неизвѣстенъ. Поправляя сказаніе, мы будемъ утверждать, что апостолъ могъ быть въ Россіи нарочно. Но, вопервыхъ, мы сдѣлаемъ свою поправку совершенно безъ всякаго основанія, просто по своей доброй волѣ, потому что намъ это такъ хочется; вовторыхъ, дѣлая поправку, мы будемъ представлять вѣроятнымъ то, что не казалось таковымъ даже составителямъ сказанія. Еслибы послѣдніе находили вѣроятнымъ послать апостола въ Россію нарочно, то они такъ непремѣнно бы и сдѣлали; если они этого не дѣлаютъ, то именно потому, что считали это совершенно невѣроятнымъ. Въ вѣкъ апостоловъ страна наша представляла изъ себя находившуюся за предѣлами извѣстнаго міра невѣдомую и исполненную всевозможныхъ ужасовъ пустыню[1]). Зачѣмъ бы пошелъ въ эту невѣдомую пустыню апостолъ Андрей? Онъ могъ пойдти въ нее, какъ и во всякую другую подобную пустыню, только тогда, когда бы у него не было дѣла въ чертѣ самаго тогдашняго міра и было свободное время ходить по пустынямъ. Но это, какъ всякій знаетъ, было вовсе не такъ. Онъ не могъ имѣть никакой надежды утвердить сколько-нибудь прочнымъ образомъ христіанство въ совершенно разъобщенной съ остальнымъ міромъ варварской и населенной Богъ знаетъ кѣмъ странѣ: для чего же предпринималъ бы онъ въ нее путешествіе? Не для того же въ самомъ дѣлѣ, чтобы ставить кресты на необитаемыхъ горахъ или наблюдать такіе обычаи, какъ паренье въ баняхъ[2]). Мы съ величайшимъ

Religio ibid., p. 5, *Гваньини* Omnium regionum Moscoviae descriptio. ibid., p. 18. *Одерборна* Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita ibid., vol. 2, p. 20., sub fin.

[1]) Населенную Антропофагами, покрытую чуть не вѣчными мраками, скованную страшными мразами и проч.

[2]) Кто, отказавшись отъ Новгорода, все-таки сталъ бы стоять за Кіевъ, до котораго будто бы апостолу легко было подняться Днѣпромъ, тому, кромѣ вопроса: зачѣмъ бы онъ поднялся, отвѣтимъ, что на самомъ дѣлѣ въ вѣкъ апостоловъ сдѣлать это было такъ же легко, какъ въ настоящее время подняться къ верховьямъ Нила. Отъ Геродота до временъ апостоловъ знакомство Грековъ съ нашею страной не увеличилось, а этотъ послѣдній говоритъ, что греческіе колонисты сѣверныхъ береговъ Чернаго моря плавали вверхъ по Днѣпру (для торговли съ варварами) только приблизительно до границы губерній Херсонской, Таврической и Екатеринославской (до мѣстечка послѣдней губерніи Никополя), а что было далѣе, того рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ

трудомъ повѣрили бы сказаніямъ греческимъ, еслибы онѣ намъ говорили, что апостолъ былъ въ нашемъ отечествѣ, потому что онѣ говорили бы нѣчто совершенно невѣроятное. Сколько нибудь достовѣрныя сказанія греческія ничего подобнаго и не говорятъ. Древнѣйшія изъ нихъ назначаютъ мѣстомъ проповѣднической дѣятельности апостола Андрея Скиѳію, при чемъ разумѣютъ вовсе не Скиѳію Европейскую, обнимавшую нынѣшнюю Европейскую Россію, а Скиѳію Азіатскую, простиравшуюся отъ юго-восточнаго берега Чернаго моря до моря Каспійскаго и дальше [1]); позднѣйшія сказанія, полагая главнымъ мѣстомъ дѣятельности апостола также Азію, переводятъ ее черезъ Закавказье отчасти и въ Европу, но въ этой послѣдней ограничиваютъ исключительно берегами Чернаго моря [2]), именно— городами Воспоромъ [3]), Ѳеодосіей и Херсонесомъ. Только два позднѣйшіе писателя, Никита Пафлагонскій и Никифоръ Каллистъ, говорятъ о мѣстахъ дѣятельности апостола такъ, что даютъ право распространить ее и на часть нашей нынѣшней Россіи. По первому изъ нихъ апостолъ Андрей получилъ въ удѣлъ всѣ страны и города, прилежавшіе къ Понту Евксинскому съ *сѣвера* и юга, а второй пишетъ, что Андрею выпалъ жребій идти въ пустыни Скиѳскія по *обоимъ* берегамъ Евксинскаго Понта *сѣверному* и южному. Но свидѣтельства обоихъ этихъ писателей не имѣютъ ровно никакого историческаго авторитета: страны по сѣверному берегу Чернаго моря у Никиты Пафлагонскаго и пустыни Скиѳскія по тому же берегу у Никифора Каллиста, нѣтъ сомнѣнія, явились просто изъ городовъ на европейскомъ берегу этого моря, о которыхъ говорятъ предшествующіе писатели (Никитѣ — Епифаній, Никифору — Епифаній и Метафрастъ).

Нельзя и совершенно невѣроятно допустить, чтобы тѣлесно посѣтилъ нашу страну одинъ изъ апостоловъ, но необходимо принимать, что мысленно благословили ее всѣ они, — и мы Русскіе, подобно всѣмъ дру-

---

сказать (кн. 4, гл. 53 и 56, — выписки съ Русскимъ переводомъ и объясненія въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист.*, т. I, стрр. 15, 16 и 54). Пусть припомнитъ читатель, что выше были Днѣпровскіе пороги (между Никополемъ и Екатеринославлемъ на протяженіи верстъ 150-ти), которые должны были полагать рѣшительную преграду знакомству съ дальнѣйшею внутреннею Россіей и надолго быть здѣсь для Грековъ Геркулесовыми столпами.

[1]) Притомъ разумѣя въ этой Скиѳіи не самихъ Скиѳовъ, а греческія въ ней колоніи. Что древнія греческія сказанія разумѣютъ Скиѳію Азіатскую, а не Европейскую, эта съ несомнительною ясностію видно изъ Дороѳея Тирскаго, съ повторяющими его, и изъ Софронія Палестинскаго, о которыхъ см. ниже.

[2]) т. е. тѣми же греческими колоніями.

[3]) Въ древнѣйшее время назывался Пантикапеей и находился на мѣстѣ нынѣшней Керчи (см. ниже въ примѣчаніи къ Епифаніеву житію ап. Андрея «Оспоръ-Корчевъ градъ»).

гимъ народамъ, принявшимъ христіанство не непосредственно изъ рукъ апостоловъ, (ничѣмъ же меньшіе) въ церкви Христовой кого бы то ни было[1]).

Русскія сказанія объ апостолѣ Андреѣ.

Кіевская редакція повѣсти о путешествіи читается, какъ мы сказали, въ древнѣйшей лѣтописи и затѣмъ повторяется въ лѣтописяхъ новѣйшихъ и въ хронографахъ.

Новгородская редакція — въ Степенной книгѣ (I, 7 и 95, — въ житіяхъ Ольги и Владимира), отчасти въ Книгѣ о вѣрѣ и изъ нея въ Никоновской Кормчей (въ статьѣ «О увѣреніи и о крещеніи Русіи», — въ первой гл. 3-я, Гродненск. изд., л. 31, во второй сначала л. 7) и въ житіи Михаила Саллоса, написанномъ по порученію Новгородскаго архіепископа (послѣ митрополита) Макарія, Василіемъ Михайловичемъ Тучковымъ (и можетъ быть также и въ другихъ житіяхъ, что̀ пока остается намъ неизвѣстнымъ). Разсказъ житія,какъ не напечатанный, выписываемъ вполнѣ: «И паки оттуду (изъ Кіева) по Днѣпру горѣ (ап. Андрей) шествуетъ и къ Ловотѣ рѣци оттуду преходитъ (вар. приходитъ) и тою до великаго езера достизаетъ, Илмерь (Илмень) тако нарицаемаго, и симъ въ великую рѣку Волховъ входитъ и великаго и славнаго Новаграда достизаетъ и во предѣлы великаго сего Новаграда отходитъ внизъ по Волхову, разстояніе отъ Новаграда великаго имыи вдалѣ поприщъ шестьдесятъ, и ту жезлъ свой погрузи мало въ землю и оттолѣ мѣсто оно прозвася Грузино. Егда же по пророчеству святаго апостола Андрея просвѣтися сія великая Росія, тогда на томъ мѣстѣ, идѣже святый апостолъ жезлъ свой водрузи, храмъ во имя святаго апостола Андрея поставляется и въ немъ безцѣнное и честное оно сокровище многоцѣлебный святаго жезлъ полагается, о немъ же многа и неисповѣдима сказуются чудеса, иже и до днесь всѣми видимъ есть, вси же вѣрніи и благоговѣйніи мужіе притичуще въ храмъ святаго самовидци бываютъ жезлу святаго, и вѣрою и любовію лобызающе касаются, и написанная на немъ зрятъ, сице бо написано есть на жезлѣ святаго: «аще кто дързнестъ изнести жезлъ сей изъ храма святаго, анаѳемѣ предасться». Мнози же достовѣрніи и благоговѣйніи мужіе повѣдаютъ, яко, многажды храму святаго отъ огня огорѣвшу, жезлу же святаго цѣлу пребывающу молитвами святаго, овогда на воздусѣ невидимо держиму, ово же и на иномъ мѣстѣ водружающуся. И сія же глаголютъ о жезлѣ святаго, яко отъ древнихъ единому архіерею славнаго сего и великаго Новаграда хотѣвшу нѣкогда златомъ украсити жезлъ въ честь святаго апостола, святому же сего не изво-

---

1) Отказываясь отъ повѣсти, мы послѣдуемъ примѣру Англичанъ, у которыхъ тоже были сочинены сказанія, будто на ихъ островъ пріѣзжали проповѣдывать евангеліе апостолы (и сочинены съ гораздо большимъ противъ насъ основаніемъ, такъ какъ во времена апостоловъ Англія была не пустыней, а римской провинціей).

лѣвшу, и удержася святитель отъ таковаго начинанія. Дерево же жезла онаго ни кимъ же знаемо бѣ, ниже въ сѣхъ странахъ обрѣтаемо, паки же ни мало растлѣваемо, но невредимо и до днесь пребываетъ» [1]).

О стопахъ апостола Андрея, отпечатлѣвшихся на камени великомъ на берегу у моря близь Херсона, см. въ Степен. книгѣ, I, 96. О пребываніи апостола нѣкоторое время на каменномъ мысѣ одного изъ пороговъ Днѣпровскихъ (Ненасытицкаго или по древнему и старому Неясытицкаго, — книга Большому чертежу, изд. *Языкова*, стр. 100) у *Лерберга* въ Изслѣдованіяхъ, служащихъ къ объясненію древней русской исторіи, русск. перев. *Языкова*, С.-Пб., 1819, стр. 272 fin. Преданіе Валаамскихъ монаховъ, будто апостолъ Андрей былъ на ихъ островѣ, и будто свв. Сергій и Германъ, основатели монастыря, были его учениками, у преосв. *Макарія*, Ист. т. I, изд. 2-е, стр. 202. *Г. Арандаренко*, написавшій «Записки о Полтавской губерніи», утверждаетъ, что апостолъ Андрей былъ не въ Новгородѣ Славянскомъ или Великомъ, а Новгородѣ Сѣверскомъ (Черниговской губ.), и, ссылаясь на лѣтописи Кенигсбергскую и Воскресенскую, повѣтствуетъ въ такомъ любопытномъ видѣ: «Апостолъ рѣкою Десною былъ тогда и въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, благовѣстилъ Евангеліе и почудился употребленію тамошнимъ народомъ бань своихъ, въ которыхъ, по словамъ его, *разжигался каждый человѣкъ на подобіе раскаленнаго камня* (!), сѣкъ себя хворостомъ до изнеможенія, а потомъ, повергаясь съ журчаніемъ въ рѣчную воду, выходилъ оттуда живъ и бодръ, *какъ бы никогда не разжиганъ* и не битъ» (Записокъ ч. III, Полтава, 1852, стр. 416).

Греческія (и отчасти *Латинскія*) сказанія объ апостолѣ Андреѣ раздѣляются на краткія извѣстія и пространныя житія. Краткихъ извѣстій довольно много. Оригенъ († 254), буквально повторяемый Евсевіемъ Кесарійскимъ († 340), и западный писатель Евхерій Ліонскій († 449) говорятъ, что апостолу Андрею досталась въ удѣлъ Скиѳія [2]). Исидоръ Испалійскій († 636), что ему достались въ удѣлъ Скиѳія и Ахаія [3]). Неизвѣстный писатель, приводимый подъ именемъ Ипполита Портуенскаго, называемаго у многихъ папою Римскимъ, буквально повторяемый Мартирологіемъ Римскимъ, говоритъ, что ему достались Скиѳія, Ѳракія [4])

[1]) Волокол. рукоп. библіот. Моск. дух. акад., № 632, л. 101 об. и № 659, л. 312 fin. Весьма вѣроятно, что жезлъ никѣмъ не знаемаго древа принесенъ былъ съ Востока кѣмъ нибудь изъ Іерусалимскихъ поклонниковъ (у которыхъ, вмѣстѣ съ поклонницами, и до настоящаго времени въ обычаѣ приносить жезлы знакомымъ архіереямъ и священникамъ).

[2]) Оригенъ въ отрывкахъ e tomo III Commentarior. in Genesin у *Миня* въ Patr. t. 12, p. 92: Евсевій — Hist. Eccles. lib. 3, cap. 1; Евхерій — Instructionum ad Salonium libri duo, у *Миня* въ Patr., t. 50 p. 809.

[3]) De ortu et obitu Patrum, qui in scriptura laudibus efferuntur. cap. LXX. у *Миня* въ Part. t. 83, p. 151 нач.

[4]) Ѳракія Азіатская на западъ отъ Скиѳіи.

и Ахаія, въ которой въ городѣ Патрахъ и погребенъ[1]). Дороѳей Тирскій († 322), дословно повторяемый Епифаніемъ Кипрскимъ († 403) и почти дословно Менологіемъ имиер. Василія Болгаробойца (конца X — начала XI в.), говоритъ, что Андрей прошелъ все приморіе Виѳиніи, Понта, Ѳракіи и Скиѳовъ, что потомъ ходилъ въ Закавказье — въ великій Севастополь[2]), и что наконецъ распятъ въ Ахаіѣ въ Патрахъ[3]). Софроній Палестинскій, другъ и сотрудникъ Іеронима († 390), повторяемый будто бы Икуменіемъ Трикксеимъ (второй половины X в.)[4]), говоритъ, что Андрей проповѣдывалъ Скиѳамъ, Согдіанамъ и Саккамъ[5]), а затѣмъ о Закавказьи и Ахаіѣ совершенно согласно съ Дороѳеемъ[6]). По Никитѣ Пафлагонскому (второй половины IX вѣка), апостолъ Андрей получилъ въ удѣлъ сѣверъ — Иверовъ, Савроматовъ, Тавровъ и всѣ страны и города, прилежащіе къ Понту Евксинскому съ сѣвера и юга[7]). Никифоръ Каллистъ (начала XIV

---

[1]) Ипполитъ *Περὶ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*, у *Миня* въ Patr., t. 10, p. 952; Мартирологій подъ 30-мъ ноября. Что сейчасъ указанное сочиненіе (весьма небольшое), не признаваемое подлиннымъ сочиненіемъ Ипполита Портуенскаго, во всякомъ случаѣ принадлежитъ не Ипполиту Ѳивскому, жившему въ концѣ XI или началѣ XII вѣка, а писателю значительно болѣе ранняго времени, это доказывается тѣмъ, что мѣста изъ него (съ именемъ Ипполита Римскаго) приводитъ Георгій Амартолъ, по изд. *Муральта* стр. 336. На славянскомъ статья о 12 апостолахъ въ Святославовомъ Изборникѣ (Опис. синодд. рукоп. *Горскаго* и *Невоструева*, отд. II, ч. 2, стр. 390).

[2]) Находившійся или при устьѣ или немного сѣвернѣе устья р. Ріона, древняго Фазиса, по которой и самъ назывался также Фазисомъ (на мѣстѣ нынѣшняго Поти или около Редутъ-Кале).

[3]) Дороѳей Т. въ прибавленіи къ *Σύγγραμμα Ἐκκλησιαστικὸν περὶ τῶν ο' μαθητῶν Κυρίου*, напечатанной въ приложеніяхъ къ Chronicon Paschale, Парижск. изд. стр. 434 fin.; объ Епифаніевой *Σύνταγμα περὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*, во всемъ сходной съ Синграммой Дороѳея, ibid., стр. 437; Менологій Василія подъ 30-мъ ноября. Сейчасъ названныя статьи Дороѳея и Епифанія были переведены на славянскій языкъ довольно въ древнее время, см. напр. у *Востокова* въ Опис. Рум. Муз., стр. 12.

[4]) О Софроніи см. *Фабриц.* Biblioth. Graec. ed. *Harles*, t. IX, p. 158, и *Каве*. Scriptor. Ecclesiasticor. Histor. Literar., I. 236. Икуменій, епископъ Трикксскій, когда жилъ, пока остается достовѣрно неизвѣстнымъ, но послѣ 920 г., и Каве съ Удиномъ относятъ его къ самому концу X вѣка, см. выписку изъ послѣдняго предъ твореніями Икуменія въ Патр. *Миня*, t. 118, p. 9.

[5]) Согдіане и Сакки или Саки — племена Азіатскихъ Скиѳовъ въ теперешнемъ Туркестанѣ: первые между Яксартомъ и Оксусомъ, нынѣшними Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей; вторые на сѣверо-западъ отъ первыхъ, за Яксартомъ. (объ имени вторыхъ Memor. Pop. III, 49 нач.)

[6]) Софроній De vitis Apostolorum въ прибавленіи къ Іеронимовой Liber de viris illustribus, у *Миня*, Patr., t. 23, p. 720; ссылку на Икуменія мы встрѣтили, не помнимъ теперь, у кого-то, но въ самыхъ сочиненіяхъ его, обнимающихъ толкованіе на весь апостолъ и находящихся въ 118 и 119 томахъ Патрологіи *Миня*, желаемаго мѣста мы не нашли.

[7]) Oratio in laudem S. Ap. Andreae, у *Миня* въ Patr., t. 105, p. 64. Источникомъ Никиты Пафлагонскаго долженъ быть считаемъ монахъ Епифаній, о которомъ сейчасъ ниже.

вѣка) пишетъ: «апостолу Андрею досталось по жребію идти къ язычникамъ, именно въ Каппадокію, Галатію и Виѳинію, обошедъ которыя, онъ ходилъ также въ страну, которая называется страною Антропофаговъ, и въ пустыни Скиѳскія по обоимъ берегамъ Евксинскаго Понта — сѣверному и южному» [1]).

Пространныхъ житій апостола Андрея извѣстно три — Епифанія монаха и пресвитера, жившаго не позднѣе VIII или первой половины IX вѣка [2]), Симеона Метафраста конца IX — начала X вѣка [3]) и помянутаго сейчасъ выше Никифора Каллиста; изъ нихъ послѣднее остается не напечатаннымъ и извѣстно только по указаніямъ [4]). Епифаній и Метафрастъ полагаютъ три путешествія апостола Андрея, изъ которыхъ два первыя были посвящены Малой Азіи и южному берегу Чернаго моря, а послѣднее обнимало Закавказье, сѣверный берегъ Чернаго моря, Византію съ Иракліей и наконецъ Пелопонесъ, гдѣ въ Патрахъ апостолъ и потерпѣлъ мученическую смерть. На сѣверномъ или русскомъ берегу Чернаго моря онъ былъ — по Епифанію: пришедши отъ верхнихъ Сугдеевъ [5]), въ Воспорѣ, Ѳеодосіи или Ѳеодосіи, Херсонесѣ, опять въ Воспорѣ, изъ котораго на одномъ херсонскомъ кораблѣ переправился въ Синопъ, чтобъ идти въ Византію; по Метаф-

---

[1]) Hist. Eccles., lib. 2, cap. 39. Источникомъ Каллиста были Епифаній, Метафрастъ и вѣроятно еще апокрифическое сказаніе о путешествіи апостола Андрея въ городъ Антропофаговъ (которое см. у *Тишендорфа* въ Acta Apostolorum apocrypha, Lipsiae, 1851). Кому бы припала охота розыскивать городъ Антропофаговъ, тотъ долженъ сравнивать Епифанія; кто имѣетъ наклонность видѣть въ городѣ Антропофаговъ страну — нашу Россію, тотъ пусть потрудится прочесть сказаніе, которое есть самая нелѣпая фабула и въ которомъ нимало не пахнетъ нашею Россіей. По нѣкоторымъ указаніямъ слѣдуетъ думать, что оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ. *Попова* Обзоръ хроногрр., II, 446.

[2]) У *Миня*, Part., t. 120, p. 216. Нач. Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἀνεγράψαντο βίους καὶ πράξεις θεοφιλῶν ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν πρὸς ζῆλον καὶ μίμησιν. На томъ основаніи, что нашъ авторъ ссылается на Ипполита, *Гарлесъ* (у *Фабр.*, VIII, 259 прим.) относитъ его къ X или XI вѣку; но это несправедливо. Онъ жилъ, какъ самъ даетъ знать, во времена иконоборцевъ послѣ Константина Копронима († 775), а что касается до Ипполита, то см. выше примѣчаніе о семъ послѣднемъ. Что онъ писалъ ранѣе Метафраста, это видно изъ того, что въ началѣ житія апостола Андрея онъ говоритъ: τῶν δὲ μακαρίων ἀποστόλων οὐδεὶς βίους ἀνεγράψατο αἰσίως.

[3]) Въ греческой богослужебной мѣсячной Минеѣ подъ 30-мъ ноября, въ изд. Венеціанск. 1794 г., которое было у насъ подъ руками, стр. 246, ср. *Lambec.*, VIII, 605.

[4]) *Фабриц.* Biblioth. Graec., ed. *Harles*, VII, 443, и его же Cod. Apocr. N. T., ed. 2, p. 502, not.

[5]) Подъ верхними Сугдеями, какъ кажется, должно разумѣть Сагидовъ Прокопія Кесарійскаго, которые жили по нему рядомъ съ нижеслѣдующими Зикхами, далѣе отъ послѣднихъ во внутрь страны, см. въ Memor. Pop. (ища по Index'у Sagidae). Разумѣть помянутыхъ выше Согдіанъ (Сугдіанъ, Согдіевъ), жившихъ между Яксартомъ и Оксусомъ, не представляется вѣроятнымъ ни само по себѣ (впрочемъ Софроній Палест.) ни по связи рѣчи у Епифанія (ибо къ Сугдеямъ апостолъ пришолъ у него отъ Зикховъ).

расту: пришедши отъ Зикховъ [1]), въ Воспорѣ и Херсонесѣ, изъ котораго также и для того же отправился въ Синопъ.

О словахъ: «якоже рѣша». Въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, о путешествіи черезъ Русь апостола Андрея есть ссылка на кого то или на что то, выраженная словами: «якоже рѣша». Въ первомъ изданіи Лаврентьевскаго списка лѣтописи, сдѣланнаго Археографическою коммисіей, это «якоже рѣша» поставлено такъ, что какъ будто оно относится къ слѣдующему затѣмъ описанію пути и путешествія апостола (Якоже рѣша, Ондрею учащю въ Синопіи и пришедшю въ Корсунь...) [2]), на основаніи чего хотятъ видѣть въ этихъ словахъ ссылку лѣтописца (разумѣй: автора повѣсти) на народное преданіе, которое сообщило ему свѣдѣнія о посѣщеніи нашей страны апостоломъ. На самомъ дѣлѣ, какъ это и поправлено во второмъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи (а также во второмъ изданіи и лѣтописи Ипатьевской) помянутыя слова относятся не къ послѣдующему, а къ предыдущему, именно — къ тому, что Андрей, братъ Петровъ, училъ по Черному морю, и должны быть понимаемы такъ: Черное море называется Русскимъ; по этоту морю училъ Андрей, братъ Петровъ, «якоже рѣша», то-есть какъ о томъ сказали или говорятъ нѣкоторые. Въ этихъ словахъ авторъ повѣсти несомнѣнно ссылается или на Епифанія и Метафраста вмѣстѣ, или на котораго-нибудь одного изъ нихъ двоихъ, ибо именно они говорятъ о проповѣди апостола Андрея по Черному морю.[3])

---

1) Зикхій или Зихій и Зигъ (Ζυγός, горный хребетъ, горная цѣнь) — приморская область въ сѣверо-западной части Кавказа (по Константину Порфирогенину De administ. imper. между рѣками Укрухъ и Никопсисъ, изъ которыхъ первою отдѣлялась отъ территоріи Таматархи или Тамани).

2) Неудачное чтеніе, вѣроятно, принадлежитъ покойному Строеву, ибо такъ стоитъ въ изданномъ имъ Софійскомъ Временникѣ; въ прежнихъ изданіяхъ лѣтописей (Никоновск., Кенигсб.) читается, какъ послѣ поправлено.

3) Славянскій переводъ житія Епифаніева находится въ ноябрьской минеѣ Московск. дух. Акад., бывшей Волоколамской, конца XV — начала XVI вѣка, № 592, л. 549 об., также въ Макарьевскихъ и Милютинскихъ минеяхъ подъ 30-мъ ноября. Въ переводѣ житіе надписывается: «мѣсяца того же (ноября) въ 30-й день дѣяніе святую апостолу Андрея и Матөѣя, дѣяніе и кончина святаго Андрея», начин. «Святому Епифану архіепископу Кипрьскому, глаголющу о блаженнѣмъ апостолѣ Андреѣ». Начало перевода не соотвѣтствуетъ началу подлинника потому, что первый почему-то начинается не съ начала послѣдняго, а пропустя отъ начала полторы четвертки (у *Миня* p. 221). Въ славянскомъ переводѣ послѣ рѣчей о пребываніи апостола въ Воспорѣ (который называется „Оспоръ Корчевъ градъ“), Өеодосіи и Херсонесѣ и о возвращеніи изъ перваго въ Синопъ, читается не совсѣмъ понятное и подающее нѣкоторымъ (покойный В. И. Григоровичъ) поводъ къ разнымъ предположеніямъ: «и обрѣтъ карабль Херсонескъ (въ Воспорѣ), прейде въ Синопь и алфавитаръ Андреовъ Херсоняне сотвориша, Синопіяны творяще человѣкоядьца». (Акад. мин. л. 566 об., выше о Синоплянахъ говорится, что одинъ жидъ откусилъ у нихъ апостолу палецъ). Въ греческ. подл. вмѣсто сего: Καὶ εὑρὼν πλοῖον Χερσακινὸν (sic) ἐπέρασεν εἰς Σινώπην καὶ ποιήσας ὀλίγας ἡμέρας καὶ ἐπιστηρίξας αὐτοὺς κατέστησεν αὐτοῖς ἐπίσκοπον τὸν Φιλόλογον

Польскій писатель половины XVII вѣка — Станиславъ Лубинскій, епископъ Плоцкій, заставляетъ апостола Андрея проповѣдывать и насаждать христіанство въ Польшѣ. Но что онъ дѣлаетъ это не на основаніи бывшаго у Поляковъ древняго преданія, которое бы могло быть приводимо въ связь съ нашимъ преданіемъ (и о которомъ молчатъ писавшіе прежде него нарочитые польскіе историки), это видно, вопервыхъ, изъ егоже собственныхъ словъ, а вовторыхъ — изъ словъ о первомъ появленіи христіанства въ Польшѣ его современника Симона Старовольскаго, каноника Краковскаго. Станиславъ Лубинскій въ жизнеописаніи своихъ предшественниковъ, епископовъ Плоцкихъ (Vitae et series episcoporum Plocensium, Cracov. 1642) говоритъ: S. Andreas Apostolus Scythiam Europeam, cujus appellatione universus septentrio continetur, primus, ex Achaia Istro transgresso, ingressus, revelatae a Christo veritatis lumen in Poloniam intulit (слова приводятся Пагіемъ въ примѣчаніяхъ къ Баронію, 965 г. п. VI). Скиѳію, въ которой проповѣдывалъ ап. Андрей по греческимъ сказателямъ, Лубинскій принимаетъ за Скиѳію европейскую; но въ составъ этой Скиѳіи входила и Польша; на семъ основаніи, т. е. основаніи только сего простаго и общаго соображенія, онъ и считаетъ себя въ правѣ утверждать, что апостолъ былъ первымъ насадителемъ христіанства въ Польшѣ. Симонъ Старовольскій († 1656), желающій возводить христіанство Польши тоже ко временамъ апостольскимъ, ничего не говоря объ ап. Андреѣ, утверждаетъ слѣдующее: est in comperto, religionem christianam per Ponti habitatores, qui Hierosolymis suum idioma ex ore Petri concionantis, sacra Pentecostes solennitate, audierunt, nostris regionibus illatam fuise (см. у *Мацѣевскаго* въ Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ, Русск. перев. стр. 223 прим. 234).

II.

Аскольдъ и Диръ.

Послѣ апостола Андрея въ исторіи нашей церкви говорятъ о христіанствѣ въ европейской Великой Скиѳіи (преосв. Филаретъ), которая обнимала западную половину нашей нынѣшней европейской Россіи. Но относя не совсѣмъ умѣстныя здѣсь рѣчи о томъ, что было или только могло быть въ древнее время не столько у насъ самихъ, сколько на нашей теперешней территоріи, и что во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого отношенія къ позднѣйшему и собственному нашему христіанству,

(*Миня*, p. 243 sub. fin. — Ἀλφαβητάριον можетъ значить канонъ, такъ какъ каноны писались иногда по алфавиту, cfr. Дюк. Gloss. Graecit. сл. Ἀκροστιχίς; а поэтому, приведенное мѣсто, можетъ быть, должно понимать такъ, что херсоняне сотворили Андрею канонъ, т. е. уставили и начали праздновать его память, подразумѣвается — послѣ смерти).

т. е. къ христіанству нашей Руси, какъ начавшагося со второй половины IX вѣка государства, на конецъ главы, въ дополненія, мы прямо обращаемся къ этому послѣднему [1]).

Исторія этого христіанства начинается вопросомъ о крещеніи Кіевскихъ князей Аскольда и Дира [2]).

У великаго князя Рюрика, пришедшаго въ 862 г. княжить въ Новгородъ, были два мужа «не племени его, но боярина» [3]), именно Аскольдъ и Диръ. Не желая оставаться съ Рюрикомъ въ Новгородѣ, они испросились у него пойдти съ родомъ своимъ въ Константинополь; но когда плыли внизъ по Днѣпру, то остановились въ Кіевѣ, овладѣли имъ и остались въ немъ княжить Полянскою землею, совокупивъ около себя многихъ Варяговъ [4]).

Это сообщаетъ лѣтописецъ объ Аскольдѣ и Дирѣ самъ отъ себя. Затѣмъ у него слѣдуетъ заимствованіе изъ одного лѣтописца греческаго. Лѣтописцы греческіе говорятъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III, послѣдніе годы правленія котораго [5]) совпадаютъ со временемъ княженія въ Кіевѣ Аскольда и Дира, какихъ-то Руссовъ, князей которыхъ они не называютъ по именамъ и о мѣстѣ жительства которыхъ они не говорятъ точнымъ образомъ. Одного изъ этихъ лѣтописцевъ греческихъ, именно продолжателя Георгія Амартола, нашъ кіевскій лѣтописецъ имѣлъ у себя подъ руками въ Славянскомъ переводѣ. Считая вѣроятнымъ относить его разсказъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, къ кіевскимъ Руссамъ Аскольду и Диру и дѣйствительно относя его къ нимъ, лѣтописецъ буквально и приводитъ его у себя, сдѣлавъ только то дополненіе, что прибавилъ имена Аскольда и Дира и положилъ событіе подъ 866 г., который по нему есть 14-й годъ императора Михаила [6]).

---

[1]) Мѣсто рѣчамъ о христіанствѣ, бывшемъ на нашей теперешней территоріи и не касающемся насъ, — въ особомъ введеніи въ исторію русской церкви. Таковое введеніе представляетъ собою «исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра» преосв. *Макарія*.

[2]) Впереди вопроса объ Аскольдѣ и Дирѣ стоитъ еще легенда о нападеніи на Сурожъ и о крещеніи въ немъ Новгородцевъ. Но легенду относятъ къ Новгородцамъ только по недоразумѣнію, и мы помѣщаемъ ее также въ дополненіяхъ.

[3]) По другому чтенію: «не племени его ни боярина».

[4]) П. Собр. Лѣтт., 1, 9.

[5]) Убитъ въ 867 г.

[6]) Продолжатель Амартола по древнему Славянскому (Болгарскому) переводу: «царь же (Михаилъ) на Агаряны изыде воевать... дошедшю же ему Черныя рѣки глаголемы, вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинъ градъ идуть; тѣмже царь прочь иде, Русь же

Нашъ лѣтописецъ: «Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь

Далѣе нашъ лѣтописецъ ничего не говоритъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, за исключеніемъ ихъ смерти, послѣдовавшей отъ руки Олега. Но многіе изъ лѣтописцевъ Греческихъ, повѣствующихъ о нападеніи на Константинополь неизвѣстныхъ Руссовъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ принимаетъ за Аскольда и Дира, говорятъ еще о принятіи этими Руссами христіанства [1]). Именно они сообщаютъ, что Руссы, сдѣлавъ неудачное напа-

внутрь... (пропускъ) вшедше, много убійствъ крестьяномъ сотвориша и во двою сту лодей Констянтинь градъ оступиша. Царь же, дошедъ, въ градъ вниде и съ патріархомъ Фотіемъ сущіи въ церкви святыя Богородица во Влахернахъ всенощную молбу сотвориша.... таже божественную ризу святыя Богородица съ пѣснями износяще въ море, скутъ **) (sic) омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ въста и волнамъ великимъ воздвигшимся засобь ***) безбожныхъ Руси людья возмяте, и къ брегу привержени и избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, во своясн съ побѣженіемъ возвратишася» (Сѵнод. ркп. № 732, л. 330).

Суду *) вшедше много убійство»... и такъ далѣе, какъ у продолжателя, безъ всякихъ прибавленій.

*) О Судѣ, подъ которымъ (собственно подъ которою) должно разумѣть у лѣтописца въ настоящемъ случаѣ Босфорскій проливъ, см ниже. Въ подлинникѣ: οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ ἱεροῦ γενέσθαι: Іеронъ — названіе крѣпости, именно Іерономъ, а точнѣе Іеронами у Грековъ назывались получившія свое имя отъ древняго языческаго святилища (ἱερόν) двѣ крѣпости, которыя находились на Босфорѣ, приблизительно на трети его протяженія отъ Чернаго моря, и которыя, стоя одна противъ другой на европейскомъ и на азіатскомъ берегу, заграждали проходъ по проливу къ Константинополю (въ настоящее время Караташъ и Іорозъ-Калеси, недалеко отъ Румели и Анадолъ-Кавакъ: см. *Византія* Ἡ Κωνσταντινούπολις, II, стрр. 174 и 197, и вторая карта, приложенная къ сему тому; cfr Амартола по изд. *Муральта,* стрр. 652 и 841). Такимъ образомъ ἔνδον τοῦ ἱεροῦ значитъ: въ проливѣ по сю къ Константинополю сторону крѣпости Іерона (крѣпостей Іероновъ). У болгарскаго переводчика пропускъ, вѣроятно, потому, что онъ не доумѣвалъ, что значитъ тутъ τὸ ἱερόν и затруднялся его перевести; смѣлый сербскій переводчикъ перевелъ: «Руси же приспѣвше внутрь быти церкве» (Сѵнод. ркп. № 148, л. 386 об.).

**) Въ подл. τῇ θαλάσσῃ ἄκρως προσέβαψαν.

***) Въ подл. κυμάτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγένοντο.

[1]) Продолжатель Амартола говоритъ только о нападеніи, что приведено нами сейчасъ выше, но не говоритъ о крещеніи.

деніе на столицу имперіи, возвратились во свояси, что императоръ послѣ этого вступилъ съ ними въ переговоры, и что посредствомъ щедрыхъ подарковъ онъ преклонилъ ихъ къ миру и убѣдилъ креститься и принять епископа.

Итакъ, дѣло объ Аскольдѣ и Дирѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Лѣтописцы греческіе говорятъ о неудачномъ нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ о крещеніи какихъ-то неизвѣстныхъ Руссовъ, князей которыхъ, (какъ мы сказали), они не называютъ по именамъ, и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ точнымъ образомъ. Нашъ русскій лѣтописецъ относитъ разсказъ о нападеніи къ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру, изъ чего должно слѣдовать, что и христіанство было принято этими же князьями. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ: справедливо ли нашъ лѣтописецъ относитъ сказанія Византійцевъ о неизвѣстныхъ Руссахъ къ Аскольду и Диру и дѣйствительно ли первыхъ можно принимать за послѣднихъ.

Мы полагаемъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный.

Еслибы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе христіанство и даже позволившіе водворить у себя епископа, были кіевскіе русскіе, то какое нибудь преданіе объ ихъ христіанствѣ необходимо должно было бы сохраниться въ Кіевѣ, ибо водвореніе епископа и слѣдовательно учрежденіе настоящей частной церкви, какъ всякій понимаетъ, есть такое событіе, которому весьма трудно было бы совершенно безслѣднымъ образомъ исчезнуть изъ памяти народной. А между тѣмъ мы видимъ, что таковаго преданія въ Кіевѣ вовсе не было. Лѣтописецъ знаетъ объ Аскольдѣ и Дирѣ изъ мѣстныхъ преданій только то, что они пришли въ Кіевъ изъ Новгорода, и болѣе ничего. Нашедъ въ греческомъ лѣтописцѣ, бывшемъ у него подъ руками, разсказъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь, онъ относитъ его къ Аскольду и Диру, потому что за неимѣніемъ другихъ, извѣстныхъ ему, Руссовъ это представляется ему совершенно вѣроятнымъ, но онъ не имѣлъ подъ руками тѣхъ греческихъ лѣтописцевъ, которые говорятъ о крещеніи Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь, а потому онъ ничего и не говоритъ о крещеніи Аскольда и Дира. Подобное совершенное отсутствіе въ Кіевѣ преданія о такихъ важныхъ событіяхъ, какъ крещеніе князей и полученіе своего епископа, по нашему мнѣнію, весьма рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ того, чтобы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе крещеніе, были Аскольдъ и Диръ съ своею дружиной. Въ томъ обстоятельствѣ, что на Аскольдовой могилѣ во времена лѣтописца (какъ это онъ сообщаетъ) нѣкій «Олъма» поставилъ церковь[1]), видѣть ука-

[1]) П. Собр. Лѣтт., I, 10.

заніе на то, что въ вѣкъ лѣтописца и этого Ольмы Аскольдъ слылъ за христіанина, нѣтъ никакого основанія. Еслибъ это было такъ, то лѣтописецъ и не преминулъ бы прямо сказать это; если же, несмотря на представлявшійся случай, онъ этого не говоритъ, то ясно, что никакихъ преданій о христіанствѣ Аскольда не знаетъ. Что же касается до Ольмы, то онъ поставилъ домовую церковь на могилѣ Аскольда просто по той причинѣ, что послѣдняя приходилась на его дворѣ, о чемъ прямо говоритъ лѣтописецъ, и что, представляя изъ себя холмъ или возвышенную площадку, каковы были могилы древнихъ князей, она оказывалась удобнымъ мѣстомъ для поставленія церкви [1]).

Современный сказатель о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, патріархъ Фотій, говоритъ о мѣстѣ ихъ жительства, что они были народъ дальносѣверный (гиперборейскій) и гдѣ-то далеко отъ Грековъ жившій, что они устремились съ сѣвера, съ конца земли, что ихъ отдѣляли отъ Греціи «многія страны и народы, судоходныя рѣки и бурныя пучины» [2]). Этотъ признакъ совершенно идетъ къ нашимъ кіевскимъ Руссамъ, но онъ весьма не надеженъ, ибо для Грековъ чуть не все бывшее за предѣлами ихъ государства было гиперборейскимъ. А между тѣмъ у Фотія есть другой признакъ совершенно опредѣленный и не подлежащій никакимъ перетолкованіямъ, который рѣшительно не можетъ быть къ нимъ приложенъ. Онъ говоритъ, что Руссы напали на Константинополь въ отмщеніе за то, что Греки «коротко расправились» съ ними изъ-за чего-то малаго и ничтожнаго, что они поработили, а потомъ умертвили ихъ соплеменниковъ [3]). Изъ этихъ словъ совершенно ясно видно, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, имѣли съ Греками сношенія уже прежде, и притомъ болѣе или менѣе издавна, ибо не могли же возникнуть поводы къ недоразумѣніямъ и ссорамъ тотчасъ же, какъ сношенія начались. Но очевидно, Аскольдъ и Диръ, явившіеся въ Кіевѣ въ 862 г., никакъ не могли поспѣть къ 866 г. не только завязать сношеній съ Греками, но и поссориться съ ними [4]).

[1]) А также можетъ быть руководствуясь и тѣмъ побужденіемъ, по которому Владиміръ приказалъ ставить первыя церкви «по мѣстомъ, идѣже (прежде) стояху кумиры» (лѣт. подъ 988 г.), т. е. во свидѣтельство торжества христіанства надъ язычествомъ.

[2]) У преосв. *Порфирія* стрр. 1, 3, 7 и 19 (обстоятельная цитата ниже).

[3]) У него же стрр. 2, 3 и 17. Эти порабощенные и потомъ умерщвленные въ Константинополѣ Русскіе называются ἀλοεῖς, что собственно значитъ молотильщикъ, а вообще земледѣлецъ, рабочій по земледѣльческимъ работамъ. Вѣроятно, тутъ разумѣются Русскіе, приходившіе въ Константинополь наниматься на помянутаго рода работы.

[4]) Фотій говоритъ еще: «многіе и знатные (изъ нашихъ) были человѣколюбиво освобождены, а мы нечеловѣколюбиво поработили немногихъ подёнщи-

Аскольдъ и Диръ пришли изъ Новгорода въ Кіевъ въ 862 г., а въ 866 г., т. е. черезъ четыре года, они нападаютъ, по лѣтописцу, на Константинополь. Возможно ли допустить, чтобы въ четыре года они успѣли настолько совокупить около себя Варяговъ и вообще стать на столько сильными, чтобы замыслить это нисколько не шуточное нападеніе? Ясно, что дѣло — крайне сомнительно, но главное вовсе и не въ этомъ. Нашъ лѣтописецъ относитъ нападеніе Аскольда и Дира на Константинополь къ 866 году. Мы не знаемъ, какими онъ руководился при этомъ основаніями [1]); но какъ бы то ни было, только Византійцы и одинъ западный лѣтописецъ относятъ нападеніе неизвѣстныхъ Руссовъ на Константинополь къ гораздо болѣе раннему времени, и не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что этимъ послѣднимъ должно быть отдано рѣшительное предпочтеніе. Непосредственный современникъ событія, Никита Пафлагонскій, въ написанномъ имъ житіи патріарха Игнатія говоритъ о нашествіи Руссовъ прежде событій 861 года, именно — прежде Константинопольскаго собора на Игнатія (такъ называемаго первовтораго или двукратнаго) и прежде бывшаго въ Константинополѣ въ семъ году (въ августѣ мѣсяцѣ) великаго землетрясенія. А такъ какъ сейчасъ помянутый соборъ былъ въ началѣ мая 861 г., и онъ, по словамъ Никиты, имѣлъ мѣсто «не много спустя» времени послѣ нашествія Руссовъ [2]), то послѣднее должно относить или къ самому началу 861 года, или къ концу предшествующаго 860-го. Симеонъ Логоѳетъ говоритъ, что нашествіе Руссовъ было въ десятый годъ правленія императора Михаила [3]). Полагаютъ, что это есть тотъ самый годъ, который

ковъ» (ἄλλοις, — то-есть, Русскихъ, ibid., стр. 3). Не совсѣмъ опредѣленны его слова, но, какъ кажется, освобожденіе должно разумѣть изъ плѣна у Русскихъ; а если это такъ, то нужно предполагать еще другую войну у Русскихъ съ Греками, бывшую прежде. Есть у Фотія и другіе признаки, но они, какъ это нерѣдко бываетъ у ораторовъ, и особенно греческихъ, взаимно себя уничтожаютъ. Въ окружномъ посланіи онъ называетъ Руссовъ людьми, отъ многихъ многократно прославленными, и говоритъ, что они осмѣлились поднять руку на имперію только послѣ того, какъ «поработили народы, окружавшіе ихъ и отсюда надмились гордостію» (этотъ признакъ къ нашимъ Русскимъ не идетъ). Но въ бесѣдахъ онъ говоритъ, что они были народъ неименитый и незначительный, который до нападенія на Константинополь ничѣмъ не ознаменовалъ себя и не далъ себя знать (у преосв. *Порфирія,* стрр. 16 и 18).

[1]) Основаній всего естественнѣе было бъ искать у продолжателя Амартолова; но у этого послѣдняго событія описываются по царствованіямъ, безъ обозначенія годовъ.

[2]) Vita Ignatii, cap. IV, §§ 23 и 24, въ Acta Ss. *Болландистовъ,* октября, t. X., p. 182 sqq. Nec multum temporis fluxit (послѣ нашествія Россовъ) et rursus conciliabula... Житіе написано Никитой между 879 и 886 гг., см. ibid., p. 158, n. 5.

[3]) Ed. Paris. p. 445, n. XXXVIII.

у нашего лѣтописца, т. е. 866; однако, это неправда. Императоръ Михаилъ, вступившій на престолъ въ началѣ 842 года, царствовалъ сначала вмѣстѣ съ матерью своею Ѳеодорой, а потомъ отдѣльно. Годы того и другаго правленія считаются особо. По Логоѳету, Михаилъ царствовалъ съ матерію тринадцать лѣтъ [1]; слѣдовательно, первый годъ его отдѣльнаго правленія, въ которое случилось нашествіе Руссовъ, былъ 856-й, а слѣдовательно и десятый годъ его того же самаго правленія долженъ быть 866-й. Но мы не знаемъ и не умѣемъ въ настоящее время объяснить, по какой причинѣ, только Лагоѳетъ, говоря объ отдѣльномъ правленіи Михаила, считаетъ его годы не съ 856-го, а съ 850-го, что́ у него совершенно ясно изъ года седьмаго, ибо къ сему году онъ относитъ низложеніе патріарха Игнатія [2]) которое было въ 857 году. Такимъ образомъ, десятый годъ правленія Михаила въ дѣйствительности есть у Логоѳета 860-й годъ. Западный лѣтописецъ Іоаннъ діаконъ Венеціанскій [3]), въ своемъ Chronicon Venetum говоритъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III народа Норманновъ, подъ которыми необходимо разумѣть нашихъ Руссовъ, ибо, съ одной стороны, это ясно видно изъ самаго описанія, а съ другой стороны — никакіе другіе Норманны при императорѣ Михаилѣ на Константинополь не нападали. Но онъ говоритъ объ этомъ событіи между 860 и 863 годами [4]). Итакъ, въ дѣйствительности нападеніе Руссовъ на Константинополь имѣло мѣсто не въ 866 году, а или въ 860 или самомъ началѣ 861 года (Никита Пафлагонскій). А если это такъ, то Аскольдъ и Диръ не только не могли нападать на Константинополь, но еще не приходили и въ самую Россію [5]).

---

[1]) Ed. id., p. 435, n. XIII.

[2]) Ed. id., p. 441 n. XXVIII. Замѣчательно, что и у нашего лѣтописца счетъ годовъ отдѣльнаго правленія императора Михаила не дѣйствительный (съ 856 г.), а особенный, близкій къ Логоѳету: 866 г. у него есть не 10-й, а 14-й годъ правленія Михаила.

[3]) Писавшій между 980—1008 годами.

[4]) *Migne,* Patrol., t. 139, p. 905; *Pertz* въ Monumenta Germaniae, IX. 18. Вотъ слова діакона Іоанна въ подлинномъ и цѣломъ видѣ: «Въ то время (указанное нами) полчища Норманповъ съ 360 кораблями дерзнули напасть на Константинополь; но поелику никоимъ образомъ не могли нанести вреда неодолимому (городу), то предавшись сильному грабительству подгородій и нещадно избивъ весьма многихъ, съ тріумфомъ (добычей) возвратились во свояси».

[5]) А. А. Куникъ утверждаетъ, будто на основаніи письма папы Николая къ импер. Михаилу отъ сентября 865 г. неопровержимо рѣшается вопросъ о нападеніи Русовъ на Константинополь въ томъ смыслѣ, что оно было въ семъ 865 г. (лѣтомъ), а намъ замѣчаетъ, что мы «въ этомъ случаѣ тщетно строимъ новыя гипотезы для опредѣленія времени похода» (Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ, ч. 1, С.-Пб. 1878, стр. 161 sqq.). Но мы достопочтеннаго ученаго не совсѣмъ понимаемъ: въ письмѣ своемъ папа говоритъ о

По всему вышесказанному представляется весьма и крайне труднымъ допустить, чтобы неизвѣстные Руссы, осаждавшіе Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшіе христіанство, были наши Кіевскіе Руссы, предводимые Аскольдомъ и Диромъ.

Но отстранивъ нашихъ Кіевскихъ Руссовъ, мы должны найдти другихъ Руссовъ, ибо фактъ, что какіе-то Руссы осаждали Константинополь, остается несомнѣннымъ: гдѣ же мы ихъ возьмемъ?

Кедринъ и Зонара говорятъ, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, жили около Тавра [1]); Никита Пафлагонскій также даетъ знать, что они жили тамъ же [2]), и мы почти съ полною увѣренностію думаемъ, что подъ этими Руссами должны быть разумѣемы Руссы Азовско-

---

нашествіи Руссовъ на Константинополь, но не указываетъ, когда оно было изъ письма, конечно, неопровержимо слѣдуетъ, что нашествіе было прежде, чѣмъ оно писано, но какимъ образомъ слѣдуетъ, что было оно именно лѣтомъ 865 г., а не ранѣе? Почему-то упорно стоящій за 865 годъ, г. Куникъ не хотѣлъ надлежащимъ образомъ быть внимательнымъ къ письму, а между тѣмъ изъ него самого слѣдуетъ, что нашествіе должно быть относимо не къ 865 г., а къ нѣсколько болѣе раннему времени. Папа, укоряя императора за угрозы, которыя получилъ отъ него, пишетъ послѣднему: (Тѣ, которые, умертвивъ множество людей, сожгли церкви святыхъ и предмѣстія Константинополя почти до самыхъ его стѣнъ) не получили никакого отмщенія (et vere de istis nulla sit ultio), намъ же... высказываютъ угрозы"... (письмо и съ русскимъ переводомъ приведено у г. Куника). Если бы нападеніе имѣло мѣсто въ 865 г., то укоръ папы былъ бы, очевидно, преждевременнымъ, ибо какое имѣлъ бы онъ (папа) основаніе предполагать, что императоръ не собирается нанести отмщенія? Если папа укоряетъ и считаетъ себя въ правѣ укорять, то не ясно-ли, что отъ нападенія прошло такое болѣе или менѣе продолжительное время, которое дѣлало истиной и фактомъ то, что императоръ не собирается отмщать? (Г. Куникъ говоритъ: «Папѣ могло быть также не безъизвѣстнымъ и то, что Михаилъ самъ лѣтомъ 865 г. вышелъ съ флотомъ противъ Критянъ» стр. 174. Если онъ скажетъ намъ, откуда это извѣстно ему самому, и если онъ докажетъ намъ, что это именно былъ тотъ походъ, изъ котораго Михаилъ возвратился въ Константинополь, чтобы защищать послѣдній отъ Руссовъ, то мы, конечно, откажемся отъ нашего года. А пока сообщимъ г. Кунику, что, обратившись къ спеціалисту въ дѣлѣ Папарригопулу, мы нашли у него походъ императора противъ Сарацинъ 859 г., что̀ какъ разъ идетъ къ нашему мнѣнію о годѣ, и не нашли похода 865 г.,—Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, III, 830).

[1]) Болѣе точное и прямое опредѣленіе мѣста ихъ жительства, которое дѣлаетъ сербскій сократитель Зонары, говоря, что они жили «во Евксинопонтѣ» (*Чт. общ. ист. и древн.* 1847 г., № 1, отд. II, стр. 101), есть просто произвольная поправка его самого, сдѣланная на основаніи словъ Зонары, что Руссы (жившіе около Тавра) «опустошали съ флотомъ своимъ прибрежія Евксинопонта» (на основаніи сербскаго сократителя Зонарина говорятъ о Руссахъ, иже и Кумани, живущихъ во Евксинопонтѣ, Степенн. кн. 1, 50 и 84 и Никоновск. лѣт. 1, 21).

[2]) Rossi, atrocissima gens Schytarum, a *Ponto Euxino* ad Stenum excursione facta.

Таврическіе или Азовско-Крымскіе, не имѣвшіе никакого отношенія къ нашимъ Кіевскимъ. О Руссахъ Азовско-Таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свѣдѣній. Но что они существовали, поселившись въ Тавридѣ и надъ нею при устьи Дона, неизвѣстно когда до основанія нашего государства, и потомъ исчезнувъ отчасти, вѣроятно, посредствомъ перехода къ намъ въ Кіевъ и къ Грекамъ въ Константинополь, отчасти посредствомъ слитія съ туземцами (отчасти, наконецъ, такъ какъ Норманны были народъ подвижный и представляли изъ себя именно тѣхъ людей, для которыхъ ubi bene, ibi patria, разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ), — это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и неоспоримое доказательство этого представляютъ свидѣтельствующія о нихъ названія мѣстъ, сохранявшіяся даже до довольно поздняго времени. Пространство на западномъ берегу Крыма отъ озера Тарпанчскаго до озера Евпаторійскаго называлось Varaegia, а первое изъ этихъ двухъ озеръ — Varangolimena или Varangico; весьма длинный и весьма узкій островъ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ, теперь извѣстный подъ именемъ Тендера или Тендры (въ древности Ахиллесовъ бѣгъ), назывался Rossa; мѣсто въ Крыму не много выше Евпаторійскаго озера (въ помянутой выше Варегіи), называлось Rossofar; мѣсто не много ниже того же озера, при маленькомъ озерѣ Камышлы, называлось Rossoca; наконецъ, мѣсто не много ниже впаденія Дона въ Азовское море, гдѣ теперь селеніе Кагальницкое называлось Rossi. Rosso, fiume Rosso, т. е. Русская рѣка [1]). Арабскій историко-географъ Ибнъ-Даста или Ибнъ-Дустэ, писавшій въ первыхъ годахъ X вѣка, говоритъ о Русскихъ, жившихъ на какомъ-то острову, который находился недалеко отъ Хазерана и Болгаріи, въ которые Руссы сбывали свои военные грабежи [2]): этихъ Руссовъ нельзя нигдѣ полагать болѣе, какъ именно на полуостровѣ Крымскомъ. Другіе многіе арабскіе и вообще восточные писатели прямо и ясно говорятъ намъ, что были Руссы, которые жили на берегахъ Чернаго моря, имѣя своей столицей городъ

---

[1]) См. *Спрунера* Historisch-geographisch. Hand-Atlas, 2. Aufl., Nordische Reiche № V, и италіанскіе перилы Крыма XIV—XVII вв. у *Тафеля* въ Constantinus Porphyrogenitus De provinciis regni Byzantini, Tubingae, 1847, p. 39.

[2]) Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ... Славянахъ и Русскихъ Ибнъ-Даста, издалъ, перевелъ и объяснилъ *Д. А. Хвольсонъ*, С.-Пб. 1869, стр. 34. Подъ Хазераномъ должно разумѣть столицу Хазаръ Итиль (собственно одну часть города) находившуюся при впаденіи Волги въ Каспійское море, *Хвольсонъ*, ibid., стр. 151, и *Френъ*, Ibn-Foszl., 64. Что Ибнъ-Даста говоритъ не о Руссахъ, владѣвшихъ Славянами, каковы были Кіевскіе, а о какихъ-то другихъ, это онъ ясно даетъ знать тѣмъ, что говоритъ объ ихъ набѣгахъ на Славянъ («Руссы имѣютъ царя, который зовется Хаканъ-Русь, они производятъ набѣги на Славянъ»).

Русію (Rusija), и что море это называлось по нимъ моремъ русскимъ. [1]) Наша лѣтопись подтверждаетъ, что Черное море дѣйствительно называлось русскимъ моремъ [2]). Но если это такъ, то весьма не вѣроятно вмѣстѣ съ нею думать, чтобы оно получило свое имя отъ нашихъ Русскихъ, которые только ходили по нему, но не жили на немъ, ибо нѣтъ другихъ примѣровъ, чтобы море получало имя отъ народа, не жившаго на немъ, а только по немъ ходившаго. Напротивъ, помянутое обстоятельство заставляетъ необходимо предполагать, что были Русскіе, которые

---

[1]) См. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte von *Frähn*, 27—33, 193—235 (Массуди, Димешки, Ибнъ-ель-Варди, Едризи, Магреби). Арабскіе писатели одни даютъ знать, другіе прямо говорятъ, что городъ Русія находился при впаденіи Дона въ Азовское море, тамъ, гдѣ, по другимъ приведеннымъ нами извѣстіямъ, былъ городъ Rossi, Rosso, fiume Rosso. Димешки пишетъ: «Руссы получили свое имя отъ города Русія, который лежитъ на сѣверномъ берегу названнаго по ихъ имени моря» (т. е. Чернаго, за часть котораго принимаетъ Димешки море Азовское); Едризи: «Отъ города Матерха (Matercha—Таматарха, Тмутаракань) до города Русіи 27 миль. Послѣдній лежитъ на великой рѣкѣ, которая выходитъ изъ горы Кукайя». Магреби: «На востокъ отъ города Судака входъ въ море Манитишь (испорчено изъ Maïtis, т. е. Maeotis). На его берегу лежитъ Русія, которая есть главный городъ Руссовъ» (Ibn-Foszl. *Френа*, 27 sqq). Рѣка Донъ, по имени обитавшихъ при ея устьи Русскихъ, какъ это слѣдуетъ заключать изъ арабскихъ писателей, носила названіе рѣки Русской (*Френъ* ibid., 38).—Извѣстенъ расказъ Бертинской лѣтописи о Руссахъ, которые приходили въ Константинополь къ императору Ѳеофилу съ изъявленіемъ, какъ они говорили, дружбы своего князя, и которыхъ Ѳеофилъ, по ихъ желанію, въ 839 г. переправилъ къ Франкскому императору Людовику Благочестивому (*Pertz*, Monumenta Germaniae, I, 434). Князь этихъ Руссовъ, какъ они показывали, носилъ титулъ хакана. Такъ какъ князья сѣверныхъ Руссовъ, сколько извѣстно, не носили этого титула, то слѣдовательно, разумѣются не они. Какіе же другіе Руссы? По нашему мнѣнію, ясно, что Азовско-Таврическіе, ибо титулъ хакана, очевидно, заимствованъ у Хазаръ, которыхъ эти послѣдніе Руссы были сосѣдями (что касается до страннаго увѣренія Руссовъ о невозможности возвратиться изъ Константинополя домой тѣмъ путемъ, которымъ пришли, и до ихъ желанія совершить этотъ обратный путь черезъ землю Франкскаго императора, то загадка изъясняется очень просто: они желали побывать у Франковъ, какъ справедливо заподозрилъ Людовикъ, съ цѣлями согляданія, желая сдѣлать страну ихъ поприщемъ своихъ набѣговъ и грабежей. Что предварительное согляданіе составляло ихъ обычай, это показываетъ ихъ нападеніе на Константинополь, о которомъ мы говорили выше: они напали на него, когда императоръ отсутствовалъ и занятъ былъ войной. У Ибнъ-Дасты «царь Руссовъ (тоже) зовется Хаканъ-Русь»: это bis хаканъ несомнѣнно указываетъ на существованіе Русскихъ, жившихъ по сосѣдству съ Хазарами.—Такъ какъ импер. Ѳеофилъ, очевидно, не зналъ, что̀ были за люди эти Руссы, которыхъ онъ отправилъ къ импер. Людовику, то изъ сего слѣдуетъ, что они поселились въ Тавридѣ не задолго до 839 года.

[2]) П. Собр. Лѣтт. I, 3.

именно жили на этомъ море, и которые поэтому и дали ему свое имя[1]). Житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго[2]) сообщаютъ намъ, что въ первой половинѣ IX вѣка разбойничали въ Крыму и по Черному морю какіе-то Руссы: но какихъ другихъ Руссовъ можно будетъ подразумѣвать въ нихъ, кромѣ Азовско-Таврическихъ?

Мы сказали выше, что слова патріарха Фотія о мѣстѣ жительства Русскихъ на концѣ земли, на дальнемъ сѣверѣ и проч., весьма не надежны. Онѣ не надежны не только потому вообще, что для Грековъ почти все, что̀ находилось за предѣлами ихъ Греціи, было дально-сѣвернымъ, но и потому въ частности, что, рисуя въ своихъ бесѣдахъ картину нашествія Руссовъ на Константинополь, Фотій, съ одной стороны, хочетъ уподобить его тому нашествію языковъ многихъ на Вавилонъ и на Халдею, которое пророкъ Іеремія предъизображаетъ въ главахъ 50-й и 51-й, причемъ выраженія о мѣстѣ жительства Руссовъ «съ сѣвера,

---

[1]) Насъ, Кіевско-новгородскихъ русскихъ, греческіе писатели до позднѣйшаго времени называли Тавро-скиѳами. Но какъ объяснить это названіе, когда мы никогда не жили около Тавра? Представляется необходимымъ предположить, что были другіе Русскіе, которые дѣйствительно жили около него, и что съ этихъ другихъ Русскихъ и перенесено Греками названіе Тавро-скиѳовъ на насъ. Существованіе княжества Тмутараканскаго до сихъ поръ составляетъ необъяснимую загадку, т. е. остается вопросомъ безъ отвѣта: для какой цѣли и зачѣмъ Русскіе утвердили свою власть на этомъ столько на отдаленномъ отъ нихъ клочкѣ земли? Если мы предположимъ, что на полуостровѣ Таманскомъ Русскіе нашли колонію своихъ родичей, то отвѣтъ будетъ ясенъ (нѣкоторые Арабскіе писатели говорятъ о Таврическихъ Русскихъ, что они жили на семи островахъ, у *Френа*, 28: при взглядѣ на карту Таманскаго полуострова, всякому будетъ ясно, что значатъ семь острововъ). На мудреный, по видимому, вопросъ: что заставило Русскихъ поселиться въ Тавридѣ, отвѣтъ весьма легокъ. Они жили, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Даста (*Хвольсонъ*, стр. 35), исключительно военнымъ грабежомъ; слѣдовательно, самое лучшее мѣсто для нихъ было то, гдѣ представлялось наибольшее поприще для ихъ своеобразнаго промысла. Но лучшее мѣсто въ этомъ смыслѣ, чѣмъ полуостровъ Таврическій, трудно было найдти: отсюда они могли грабить Грековъ, Хазаръ, Славянъ и вообще все, что было по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ. При удаленіи Остъ-Готовъ изъ южныхъ предѣловъ теперешней Россіи (во второй половинѣ V вѣка) въ Крыму осталась небольшая Готская колонія (въ древней области Дори, находившейся на югъ отъ Херсонеса и Ѳеодосіи, ближе къ первому, и имѣвшей въ своихъ предѣлахъ нынѣшніе Алушту и Гурзуфъ или Урзуфъ, см. *Кеппена*, Крымск. Сборн., стрр. 56 и 61). Къ этимъ Готамъ Крымскимъ (Дорійскимъ), которыхъ всѣ знаютъ, должны быть еще присоединены Готы Таманскіе (Тетракситы), которые совершенно несправедливо принимаются за однихъ и тѣхъ же съ первыми. Встрѣча близкихъ родичей, каковы были Готы, могла быть внѣшнимъ поводомъ для странствующей колоніи Русскихъ избрать Крымъ и Тамань со всѣмъ Азовскимъ побережьемъ своимъ отечествомъ.

[2]) См. о нихъ ниже.

съ конца земли» буквально беретъ у сего послѣдняго (гл. 50, стт. 3, 9 и 41, гл. 51, ст. 48), а съ другой стороны, что при этомъ Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь, онъ сближаетъ съ тѣми библейскими Росами (Евр. Рошъ), живущими на концѣ сѣвера, о которыхъ говоритъ пророкъ Iезекiиль (гл. 38, стт. 2 и 15 и гл. 39, ст. 2). Дѣлая свое подражанiе первому изъ пророковъ въ цѣлой картинѣ и свое буквальное заимствованiе у обоихъ въ отдѣльныхъ выраженiяхъ, патрiархъ Фотiй самъ даетъ намъ этимъ знать, что на его дальнiй, гиперборейскiй сѣверъ, съ котораго будто бы пришли Руссы, мы должны смотрѣть какъ на ораторскую вольность, и такимъ образомъ самъ отнимаетъ у насъ право видѣть въ нихъ дѣйствительное свидѣтельство, на основанiи котораго можно было бы рѣшать вопросъ о томъ, кто такiе были его Руссы.

Итакъ, повторяемъ, вопросъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь въ правленiе императора Михаила III и потомъ принявшихъ крещенiе, остается не рѣшеннымъ, и представляется весьма сомнительнымъ или лучше сказать — совсѣмъ невѣроятнымъ то, чтобы Руссы эти были наши Кiевскiе Руссы съ князьями Аскольдомъ и Диромъ.

Но если такимъ образомъ весьма невѣроятно, что Руссы, нападавшiе на Константинополь въ правленiе императора Михаила III и потомъ принявшiе христiанство и даже епископа, были наши Кiевскiе Аскольдъ и Диръ, то, съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ, что христiанство впервые явилось въ Кiевѣ именно еще при нихъ, подобно тому, какъ въ Новгородѣ оно могло явиться еще при Рюрикѣ. Аскольдъ и Диръ, княжившiе въ Кiевѣ въ продолженiе 20 лѣтъ (862 — 882), совокупили около себя, какъ говоритъ лѣтописецъ, многихъ Варяговъ. Но между этими Варягами, какъ скажемъ ниже, могли быть и христiане.

(Прокопiй Кесарiйскiй говоритъ, что, по удаленiи восточныхъ или Понтiйско-Таврическихъ Готовъ на западъ, нѣкоторая часть ихъ осталась на прежнемъ мѣстѣ жительства. Объ этихъ оставшихся Готахъ онъ говоритъ въ двухъ сочиненiяхъ — въ De aedificiis и въ De bello Gothico. Въ первомъ сочиненiи [1]) онъ говоритъ, что когда Өеодорихъ удалился въ Италiю (въ 454 г.), то нѣкоторая часть Готовъ, жившихъ на Таврическомъ полуостровѣ или въ Крыму не рѣшились слѣдовать за нимъ и навсегда остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства, именно — что остались жить въ приморской области Дори, которая указана выше. Во второмъ сочиненiи [2]) онъ говоритъ объ оставшихся отъ восточныхъ Готовъ

[1]) Lib. III cap. VIII. Мѣсто приведено съ Русскимъ переводомъ въ Крымскомъ Сборникѣ Кеппена, стр. 54 sqq.

[2]) Lib. IV cap. V.

на прежнемъ мѣстѣ жительства Готахъ Тетракситахъ (Γότθοι Τετραξῖται). Послѣднихъ Готовъ (Тетракситовъ) обыкновенно принимаютъ за однихъ и тѣхъ же Готовъ съ Готами области Дори, но это совершенно несправедливо. Готы Тетракситы, оставшіеся въ небольшомъ числѣ у Чернаго моря послѣ удаленія ихъ родичей на западъ, потомъ принуждены были Гуннами нѣсколько перемѣнить мѣсто своего жительства; но какъ до сей перемѣны, такъ и послѣ нея они жили «на самомъ берегу, гдѣ начинается излитіе Меотійскаго лимана» (Азовскаго моря въ Черное море). [1]) Ясно, что они сначала жили или на Керченскомъ полуостровѣ [2]) и принуждены были Гуннами перейдти въ Тамань или наоборотъ; а кто прочитаетъ Прокопія (въ данномъ мѣстѣ не совсѣмъ опредѣленнаго) внимательно, кто приметъ въ соображеніе указанія, дѣлаемыя имъ какъ тутъ (что послѣ сказанной перемѣны жительства Готами Гунны владѣли морскимъ побережьемъ отъ Босфора до Херсона), такъ и въ извѣстіяхъ о Готахъ области Дори (что предъ Юстиніаномъ, послѣ помянутой перемѣны Готами мѣста жительства, Боспоръ принадлежалъ Гуннамъ), а также и обстоятельства дѣла (именно — что Готамъ естественно было первоначально явиться въ Крыму и неестественно на Кавказѣ), для того будетъ несомнѣнно, что должно разумѣть первое, т. е. что Готы послѣ перемѣны мѣста жительства поселились на Таманскомъ полуостровѣ. [3]) Такимъ образомъ Варяго-Руссы должны были найдти на Черномъ морѣ своихъ родичей не только въ Крыму, но и въ Тамани. Какъ поселились они съ одними, такъ естественно было имъ поселиться и съ другими. Принимая это, мы получимъ совершенно ясный, какъ мы говорили, отвѣтъ на тотъ крайне загадочный вопросъ: для какой цѣли и для какой нужды наши Кіевскіе Русскіе завели себѣ ничтожную колонію на Таманскомъ полуостровѣ. Весьма простой отвѣтъ будетъ тотъ, что они взяли въ свою власть, собственно совершенно ненужную имъ, Тамань (для набѣговъ по Каспійскому морю она нисколько не служила бы) потому, что она была населена ихъ родичами (и взяли въ свою власть

---

[1]) Съ 5 гл. сравн. 4-ю.

[2]) Маломъ полуостровѣ выдающемся изъ большаго полуострова Таврическаго.

[3]) Гунны жившіе на Таманскомъ полуостровѣ и далѣе на Кавказѣ, говоритъ Прокопій, перешли Керченскій проливъ (для разъясненій фабулы о переходѣ, несовсѣмъ фабулезной, сравн. *Гёрца*, Археолог. топографію Таманск. полуострова, стр. 15), нашли на Крымскомъ берегу Готовъ, которыхъ побѣдили и разогнали, и вышедъ изъ полуострова поселились на Дунаѣ; но за симъ одна часть рѣшилась снова возвратиться на прежне мѣсто жительства: возвращаясь чрезъ Тавриду она нашла на Керченскомъ полуостровѣ Готовъ (читая описаніе перваго мѣсто жительства Готовъ, окруженныхъ съ трехъ сторонъ моремъ, пусть читатель возьметъ карту и смотритъ Керченскій полуостровъ), заставила ихъ переселиться на другой берегъ (т. е. на Таманскій полуостровъ), а сама осталась на ихъ мѣстѣ.

не при Святославѣ, а по крайней мѣрѣ при Игорѣ до 944 г., ибо когда въ договорѣ сего послѣдняго года съ Греками Русскіе обязуются не пускать на страну Корсунскую Черныхъ Болгаръ, живших на Кавказѣ, то этимъ ясно дается знать, что они уже владѣли Таманью). Мы увѣрены, т. е. самымъ рѣшительнымъ образомъ подозрѣваемъ, что епископію, открытую патр. Фотіемъ у Черноморскихъ Русскихъ, должно видѣть въ греческой епископіи Тмутараканской (и что наша Русская епископія Тмутараканская была только простымъ и непрерывнымъ продолженіемъ Греческой). Когда именно была учреждена Греками епископія Тмутараканская, пока мы не знаемъ и имѣемъ одинъ только актъ изъ половины XII вѣка, въ которомъ упоминается епископъ Тмутараканскій, какъ тогда существовавшій (указъ патр. Луки Хризоверга, который 1156—1169, у Ралли и П. V, 98, — въ росписаніяхъ или каталогахъ архіерейскихъ каѳедръ наша епархія ibidd. 475 и 496 прим.; епископъ и епархія называются τῶν Ματράχων и τῶν Μετράχων, — это вмѣсто τῶν Ματάρχων, ибо греческое названіе Тмутаракани, изъ котораго наше,— Ταματάρχα есть собственно τὰ Ματάρχα; что употребляемая въ церковныхъ актахъ форма Ματράχα или Μετράχα, вмѣсто граданской Ματάρχα,— Констант. Порфирог. De administr. imper., — была чуть ли не употребительнѣе, покрайней мѣрѣ на мѣстѣ, это заставляютъ думать Итальянскіе переписи XIV—XVII вв., въ которыхъ Тмутаракань — Matreca, Matrega, Matriga, у *Тафеля* въ Constantinus Porphyrogenits de provinciis regni Byzantini, Tubingae, 1847, p. 40). Предполагать, чтобы епархія Тмутараканская была учреждена Греками послѣ того, какъ владѣли Тмутараканью мы (послѣ конца XI в.), нѣтъ никакого основанія, ибо наша власть надъ нею уступила мѣсто власти не Грековъ, а Кавказскихъ языческихъ народовъ; поэтому учрежденіе епархіи необходимо относить ко временамъ предшествующимъ нашему владѣнію, а на позднѣйшаго XII в. епископа Тмутараканскаго должно смотрѣть какъ на своего рода епископа in partibus, какъ на титулярнаго и безмѣстнаго епископа когда-то бывшей епархіи (объ этомъ обычаѣ Грековъ ставить титулярныхъ епископовъ съ именами каѳедръ, прекратившихъ свое существованіе, см. 6 вселенск. соб. пр. 37 и толкованіе на него Вальсамона. — Пѣвецъ Слова о полку Игоревомъ, обращаясь къ Тмутаракани съ комплиментомъ: «И тебѣ, Тьмутараканскый блъванъ», хочетъ сказать: и тебѣ, Тмутаракань, которая была христіанскою, а теперь опять стала болванскою, — идольскою, языческою). Относя учрежденіе епархіи ко временамъ, предшествующимъ нашему владѣнію Тмутараканью, мы получаемъ всю вѣроятность усвоять его именно патр. Фотію (на Константинопольскомъ соборѣ 879 г. между другими присутствовалъ епископъ Βαάνης — такого имени мы не находимъ въ Греческихъ святцахъ, что заставляетъ видѣть ошибку писцовъ — τῶν

Μαστράβων; le Quien не безъ вѣроятности подозрѣваетъ что Μαστράβων вмѣсто Ματράχων, — Oriens Chrit. I, 1325. Если въ росписаніи архіерейскихъ каѳедръ, которое усвояется самому патр. Фотію и относится къ 883 г., у Ралли и П. V, 472 fin., нѣтъ епархіи τῶν Ματράχων, то это можетъ быть объясняемо какъ случайный пропускъ или понимаемо такъ, что ее исключили позднѣйшіе редакторы росписанія). — Не забудемъ еще доказательства въ пользу существованія Черноморскихъ Русскихъ и именно въ пользу того, что они поселились здѣсь съ Готами, слившись съ ними въ одно. Константинъ философъ, нашъ первоучитель Славянскій, во время путешествія своего къ Казарамъ имѣлъ остановку въ Херсонѣ и между прочимъ «обрѣтъ же ту (въ Херсонѣ) евангеліе и псалтырь руськими письмены писано и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою». Это мѣсто Паннонскаго житія Константинова такъ сказать сокрушило головы Славянскимъ изслѣдователямъ. Но если мы примемъ вышесказанное, что Варяго-Руссы поселились въ Тавридѣ съ Готами и слились съ ними въ одинъ народъ, такъ что Русское называли Готскимъ и на оборотъ, то для насъ загадка разгадается: Константинъ встрѣтилъ въ Херсонѣ Варяго-Русса съ Готскимъ евангеліемъ и апостоломъ (которые называются Русскими по сейчасъ выше указанному). А кто сомнѣвается въ томъ, чтобы въ половинѣ IX вѣка могло еще остаться (живымъ) богослуженіе на Готскомъ языкѣ, тому отвѣчаетъ Валафридъ Страбонъ (Walafridus Strabus или Strabo, — Валафридъ Косой), западный писатель (спорной національности) именно половины IX вѣка († 849). Онъ говоритъ о богослуженіи на Готскомъ языкѣ въ свое время: Studiosi illius (Gothicae) gentis divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerunt, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur, *et fidelium fratrum relatione dicimus, apud quasdam Schytarum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione divina hactenus celebrari officia* [1]).

О нападеніи Руссовъ на Константинополь говорятъ: патріархъ Фотій въ двухъ словахъ, сказанныхъ по поводу этого событія, и отчасти въ окружномъ посланіи (слова напечатаны преосв. *Порфиріемъ Успенскимъ* въ книгѣ: Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго, С.-Пб. 1863, окружное посланіе въ собраніи писемъ Фотія по изданію *Монтакуція*, Londini, 1651 p. 58, по изданію *Валетты*, тамъ же, 1864, стр. 178); Никита Пафлагонскій въ житіи патріарха Игнатія, у *Болландистовъ* въ Acta Sanctorum, Octobr., t. X, d. 23, p. 182; продолжатель Амартола по изданію *Муральта*, стр. 736; Левъ Грамматикъ, ed. Paris (въ прибавленіи къ Ѳеофану), p. 463; — Симеонъ

---

[1]) De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis liber unus, cap. VII fin., у *Миня* въ Patr., t. 114 p. 927.

Логоѳетъ. ed. id., p. 445 n. XXXVIII; такъ называемый продолжатель Константина Порфирогенита, lib. IV, n. XXXII, ed. id., p. 121; — Кедринъ, ed. id., t. II, p. 551; — Зонара, ed. id., t. II, p. 162 [1]).

Явившись на 200 ладьяхъ въ Константинопольскомъ устьи Босфорскаго пролива и опустошивъ страшнымъ образомъ берега его и близъ лежащіе берега и острова [2]) Пропонтиды или Мраморнаго моря, они приступили къ осадѣ самой столицы. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ напрасныхъ усилій, они принуждены были снять ее и удалились домой. О причинѣ снятія осады продолжатель Амартола и повторяющіе его Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логоѳетъ говорятъ: «Императоръ, возвратившись (въ городъ изъ Сарацинскаго похода), пребывалъ съ патріархомъ Фотіемъ во Влахернскомъ храмѣ Божіей Матери, гдѣ они умоляли и умилостивляли Бога; потомъ, вынесши съ псалмопѣніемъ святой омофоръ Богородицы, приложили его къ поверхности моря, — и между тѣмъ какъ передъ симъ была тишина и море было спокойно, внезапно поднялось дуновеніе вѣтровъ и непрерывное возстаніе волнъ и суда безбожныхъ Руссовъ разбились и только немногіе (изъ нихъ) избѣжали опасности» (продолжатель Порфирогенита, Кедринъ и Зонара, не разсказывая о чудѣ подробно, подразумѣваютъ его, когда говорятъ, что Руссовъ постигъ божественный гнѣвъ). Изъ свидѣтельства патріарха Фотія (во второмъ словѣ) оказывается, что дѣло было не такъ, именно — что риза Божіей Матери была не погружаема въ волны залива, а обносима по городскимъ стѣнамъ: онъ пишетъ: «Когда ризу Богоматери всѣ до одного носили вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ и усердно совершали прилежныя моленія и литіи, тогда, по неизреченному человѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Божество преклонилось и гнѣвъ его утихъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ, и непріятели непостижимо какъ обращали тылъ свой; покрывала она городъ, и ихъ насыпь разсыпалась какъ-бы по данному знаку: пріосѣняла она осажденныхъ, и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія» [3]).

О крещеніи Руссовъ говорятъ: патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи § 35; — продолжатель Порфирогенита, — самъ Порфирогенитъ въ Basilius Macedo, n. XCVII, ed. Paris., p. 211; — Кедринъ; — Зонара, ibid., p. 173 — и Михаилъ

---

[1]) Напечатанный въ парижскомъ изданіи Византійцевъ, въ Scriptores post Theophanem. Георгій монахъ есть никто иной, какъ Амартолъ съ продолжателемъ.

[2]) Такъ называемые Принцевы (Πριγκηπόννησοι; островокъ Теревинѳъ, на которомъ они ограбили находившагося тамъ въ заточеніи патріарха Игнатія, принадлежитъ къ группѣ этихъ острововъ и называется въ настоящее время Антировитъ, см. Византія, Κωνσταντινῦπ., II, 316).

[3]) У преосвящ. *Порфирія*, стр. 24.

Глика, ed. id., p. 298. Патріархъ Фотій, говоря о Руссахъ вмѣстѣ съ Болгарами, пишетъ: «И не только этотъ народъ (Болгары) промѣнялъ первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы (τὸ Ῥῶς), которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы, — въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не задолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія (θρησκεύματα) христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностію».

Продолжатель Порфирогенита, повторяемый Кедринымъ, кратко говоритъ: «Спустя немного времени (послѣ неудачной осады Константинополя, пришло отъ нихъ (Руссовъ) въ царствующій градъ посольство, просившее содѣлать ихъ участниками божественнаго крещенія, что̀ и̓ было».

Пространно говоритъ о крещеніи Руссовъ Константинъ Порфирогенитъ, который, впрочемъ, начинаетъ тѣмъ, что умышленно или неумышленно смѣшиваетъ императора Михаила съ императоромъ Василіемъ и патріарха Фотія съ патріархомъ Игнатіемъ [1]): «И народъ Россовъ, воинственный и безбожнѣйшій, посредствомъ щедрыхъ подарковъ золота и серебра и шелковыхъ одеждъ (императоръ Василій) привлекъ къ переговорамъ и, заключивъ съ ними мирный договоръ, убѣдилъ (ихъ) сдѣлаться участниками божественнаго крещенія и устроилъ такъ, что они приняли архіепископа [2]), получившаго рукоположеніе отъ патріарха Игнатія. Архіепископъ, прибывъ въ страну сказаннаго народа для помянутаго дѣла (его крещенія), принятъ былъ имъ благосклонно. Князь этого народа, созвавъ собраніе подданныхъ и предсѣдательствуя съ окружавшими его старцами, которые по причинѣ долгой привычки болѣе другихъ привержены были къ суевѣрію, и разсуждая о своей вѣрѣ и вѣрѣ христіанъ, призываетъ и спрашиваетъ (архіепископа), что̀ возвѣститъ и чему будетъ ихъ учить. Когда епископъ предложилъ книгу божественнаго Евангелія и возвѣстилъ имъ о нѣкоторыхъ чудесахъ Спасителя нашего и Бога и разсказалъ имъ исторію о нѣкоторыхъ чудесахъ, сдѣлан-

[1]) Василій Македонянинъ, дѣдъ Порфирогенита, былъ принятъ Михаиломъ въ соправители 26-го мая 866 г.; убивъ его, остался на престолѣ одинъ съ 23-го сентября 867 г. Послѣ низложенія Фотія Игнатій вторично возведенъ Василіемъ на патріаршій престолъ 23-го ноября того же 867 г. На основаніи Порфирогенита, который относитъ крещеніе Руссовъ къ правленію императора Василія, говорятъ о немъ, какъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто при семъ императорѣ: Кедринъ, Зонара и Глика.

[2]) Т. е. епископа автокефальнаго, зависимаго (безъ посредства митрополита) прямо отъ патріарха, каковые епископы давались варварамъ въ случаѣ учрежденія у нихъ только епископій, а не митрополій.

ныхъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ, то Руссы тотчасъ поспѣшили сказать: «Если и мы не увидимъ чего-нибудь подобнаго и въ особенности того, что ты говоришь о трехъ отрокахъ въ пещи, то совершенно тебѣ не повѣримъ и не будемъ слушать твоихъ рѣчей». Онъ же (архіепископъ), будучи убѣжденъ въ неложности сказавшаго: аще что просите во имя Мое, пріимете, и еще: вѣруяй въ Мя, дѣла яже Азъ творю сотворитъ и больши сихъ сотворитъ, когда совершаемое имѣетъ быть не для тщеславія, а для спасенія душъ, сказалъ имъ: «Хотя и не должно искушать Бога, однако если вы отъ всего сердца рѣшили приступить къ Нему, просите, что̀ хочете—Богъ непремѣнно сдѣлаетъ по вѣрѣ вашей, хотя я есмь и смиренный и малѣйшій». Они же просили самую книгу вѣры христіанской, то-есть, божественное и священное Евангеліе бросить въ разженный огонь, (обѣщаясь), если останется невредимою, приступить къ Богу, котораго онъ проповѣдуетъ. Послѣ того, какъ это было сказано, священнослужитель поднялъ глаза и руки къ Богу и воззвалъ: «Прослави имя Твое святое, Іисусе Христе Боже нашъ, и нынѣ предъ глазами народа сего всего». И брошена была въ печь съ огнемъ книга святаго Евангелія. По прошествіи достаточнаго времени, когда печь погасла, обрѣтенъ былъ священный свитокъ не пострадавшимъ и не поврежденнымъ и не получившимъ отъ огня никакого ущерба, такъ что даже кисти на концахъ связывавшихъ его шнуровъ (οἱ ἐν ταῖς κλεισώμασι τῆς βίβλου κροσσοί) не потерпѣли никакого вреда или измѣненія. Увидѣвъ это и бывъ поражены величіемъ чуда, варвары безъ колебаній начали «креститься» (Порфирогенита повторяетъ Зонара) [1]).

О христіанствѣ въ Европейской Великой Скиѳіи.

У позднѣйшихъ Грековъ временъ императорскихъ были въ Европѣ двѣ Скиѳіи—Малая и Великая.

Малою Скиѳіей, которая была именно позднѣйшая, называлась область или провинція (ἐπαρχία — наша губернія) самой Греческой имперіи, находившаяся по ту сторону Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ. Она была образована изъ сѣверо-восточной, имѣющей видъ полуострова, части Мизіи, находившейся между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ и прилегавшей черезъ Дунай къ Великой или собственной Скиѳіи, отъ которой и получила названіе. Вообще, эта Малая Скиѳія составляла нынѣшнюю Добруджу, до недавняго времени Турецкую, а теперь Румынскую [2]). Главнымъ городомъ въ ней (по нашему губернскимъ, —

[1]) Въ нашихъ русскихъ позднѣйшихъ извѣстіяхъ архіепископъ называется Михаиломъ, см. преосвящ. *Макарія* Исторію христіанства въ Россіи до Владиміра, изд. 1 стр. 285, изд. 2 стр. 232; cfr у насъ ниже.

[2]) Что касается до южной границы Малой Скиѳіи съ Дуная на Черное море, то она шла приблизительно по чертѣ, проведенной съ древняго Аксіополя на Дунаѣ (находившагося на половинѣ разстоянія между Силистріей и внизъ отъ нея Расовой) на древній Діонисополь на Черномъ морѣ (находившійся немного

μητρόπολις) былъ Томи (Τόμοι, Τόμις), мѣстность котораго остается достовѣрно неизвѣстною, но который находился на берегу Чернаго моря и долженъ быть полагаемъ по близости нынѣшняго Кюстендже (Византійской Констанціи или Константіаны), немного его выше или немного ниже [1]). Когда говорится объ епископахъ Скиѳскихъ, то всегда разумѣются епископы именно этой Византійской провинціи Малой Скиѳіи, имѣвшіе каѳедру въ Томи и потому иначе и преимущественно называемые Томитанскими (они были собственно епископы автокефальные, архіепископы, и въ видѣ исключенія изъ общихъ греческихъ порядковъ единолично, безъ епископовъ въ другихъ городахъ провинціи, завѣдывали всею ею, см. ниже).

Великую или собственную, классическую и праклассическую, Скиѳію составляла для Грековъ западная половина территоріи нашей теперешней Европейской Россіи По Геродоту, Скиѳія простирается съ запада на востокъ отъ нижняго Истра или Дуная до Танаиса или Дона (который по древнимъ отдѣлялъ Европу отъ Азіи), а съ юга на сѣверъ, отъ Чернаго моря вверхъ, она имѣетъ столько же протяженія, сколько послѣдняго между помянутыми рѣками (Дунаемъ и Дономъ), такъ что по нему она представляетъ собой квадратный четвероугольникъ съ равнымъ

выше нынѣшней Варны, на мѣстѣ или близъ мѣста нынѣшняго Балчика), со включеніемъ въ Скиѳію сего послѣдняго, см. географію Птоломея и Дорожникъ или Путеводитель (Συνέκδημον) Гіерокла Грамматика. Во времена Птоломея, умершаго въ правленіе импер. Марка Аврелія (161 — 180 по Р. Х.), нашей провинціи еще не было, — онъ говоритъ о территоріи, изъ которой она образована, какъ о безъименной территоріи, принадлежащей къ нижней Мизіи (лежавшей между Дунаемъ и Балканами на западъ отъ Аксіополя), Lib. III, cap. 10; но въ актахъ мученическихъ временъ Діоклетіана уже называется Schytarum provincia, — выписка въ Oriens Christ. Лекеня 1, 1211 sub fin. ; затѣмъ см. росписаніе провинцій имперіи временъ Аркадія и Гонорія (у Бинг. III, 375) и Дорожникъ Гіерокла, написаный въ первую половину правленія Юстиніана (напечатанъ въ Боннск. изд. Византійцевъ при Порфирогенитовомъ De administrando imperio).

[1]) Что Томи находился на берегу Чернаго моря, это ясно говоритъ Созоменъ, H. E. Lib. VI, c. 21 (πόλις παράλιος). Птоломей говоритъ, что по берегу Чернаго моря, внизъ отъ святаго устья Дуная (ἱερὸν στόμα), которое есть входъ изъ моря въ озеро или лиманъ Расинъ (др. Галмирисъ) города: Πτερὸν ἄκρον, Ἰστρόπολις, Τόμοι, Καλλατὶς ἢ Καλλάτια, Διονυσόπολις...; на такъ называемыхъ Певтингеровыхъ картахъ, которыя суть Римскія географическія карты II или III вѣка (получившія свое имя отъ перваго владѣльца ихъ послѣ открытія въ XVI вѣкѣ Певтингера) Tomis поставленъ на правомъ берегу южнаго устья Дуная (а Histropolis выше по Дунаю, Segm. VIII, B. Что Томи и Констанціана во всякомъ случаѣ особые города, см. Synegd. Гіерокла). А тѣ Русскіе изслѣдователи, которые выносятъ Томи изъ предѣловъ Римской имперіи и полагаютъ въ нынѣшней Россіи, на устьи Дона, не примутъ въ соображеніе, что Овидій не могъ быть сосланъ къ варварамъ *за черту имперіи*, какъ Русскихъ не ссылаютъ къ Пруссакамъ, къ Австрійцамъ).

протяженіемъ въ обѣ стороны, именно по 20 дней пути [1]). Послѣ Геродота, Греки разумѣли подъ Скиѳіей то же самое, что и онъ, только безъ опредѣленія границы сѣверной (и у него, впрочемъ, опредѣленной вовсе не въ строгомъ смыслѣ), которую они вообще простирали до странъ невѣдомыхъ и до конца человѣческихъ жилищъ [2]).

Названіе «Скиѳія» было у Грековъ терминомъ не этнографическимъ (не народообозначительнымъ, если позволительно такъ выразиться), а географическимъ; Скиѳія означала не страну, населенную однимъ извѣстнымъ народомъ и отъ него носившую свое имя (какъ Франція Французами, Италія Итальянцами), а страну, занимавшую извѣстное географическое положеніе и обнимавшую извѣстное пространство, населенную какими бы то ни было народами (получившую названіе или отъ одного изъ ея народовъ или неизвѣстно отъ чего, подобную напримѣръ нынѣшней Австріи, въ которой нѣтъ народа Австрійцевъ, почему названіе «Австрієцъ» указываетъ намъ, гдѣ человѣкъ живетъ, но не указываетъ, какой онъ народности, ибо въ Австріи — Нѣмцы, Славяне нѣсколькихъ особыхъ народностей, Мадьяры, Итальянцы). Названіе «Скиѳъ» означаетъ не человѣка извѣстной національности, а человѣка извѣстной мѣстности, при чемъ національность была сама по себѣ и оставалась неизвѣстною. Мы Русскіе, т. е. мы Славяне, послѣ назвавшіеся Русскими, жили въ греческой Великой Скиѳіи. Но это вовсе не значитъ, чтобы всякій житель Скиѳіи и всякій Скиѳъ означалъ Русскаго. Кромѣ насъ Русскихъ въ Скиѳіи постоянно жило и преемственно пережило весьма много другихъ народовъ. Мы Русскіе занимали только сравнительно небольшую часть греческой Скиѳіи, теперь всецѣло входящей въ составъ нашей Россіи, именно — не сполна ея западную треть. Въ низовьяхъ Дуная и по Днѣстру сидѣли выдвинувшія изъ компактной и сплошной территоріи прочихъ нашихъ Русскихъ Славянъ и, какъ кажется, соединенныя въ одно политическое цѣлое, два племени ихъ—Тиверцы и Угличи; затѣмъ надъ чертой, проведенной съ верхнихъ Днѣстра и Сана (въ Австрійской Галиціи) на Днѣпръ, немного ниже Кіева, противъ Полтавскаго Переяславля, жили кверху, съ одной стороны — между Днѣпромъ, а съ другой — между Поляками и Литовцами, до Чуди и Финновъ (нынѣшнихъ Псковской и Новгородской губерній), всѣ тѣ племена Русскихъ Славянъ, изъ которыхъ составилось Русское государство (съ прибавленіемъ на сѣверѣ Новгород-

---

1) Кн. IV гл.л. 99 и 101, съ русскимъ переводомъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Ист. и Древн., т. I. По отношенію къ самому себѣ древнею Скиѳіею (ἀρχαίη Σκυθική) Геродотъ называетъ приморскую полосу отъ устья Истра до города Каркинита (находившагося на Черномъ морѣ, приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго села Каланчикъ, которое на 30 верстъ западнѣе Крымскаго Перекопа и составляетъ первую станцію изъ Перекопа въ Алёшки) ibidd. гл. 99 нач.

2) Позднѣйшіе Римскіе географы называютъ Геродотову и вообще классическо-греческую Скиѳію Европейской Сарматіей (въ отличіе отъ Азіатской, которая за Танаисомъ или Дономъ), Птоломей, Lib. III, c. 5.

ской колоніи въ землѣ Финской и съ выступомъ за Днѣпръ на сю сторону Черниговской Сѣверы) [1]), что составитъ нынѣшнія заднѣпровскія Малороссію (со включеніемъ Австрійской) и Бѣлоруссію. Все остальное пространство древней Великой Скиѳіи Грековъ принадлежало не намъ — Русскимъ Славянамъ: на сѣверѣ и сѣверовостокѣ осѣдло жили разныя племена Финскія (составлявшія въ древности многочисленный народъ Финскій); степной югъ отъ Дона до Днѣпра, составляющій нынѣшнія землю войска Донскаго и Новороссію, не представлявъ возможности для осѣдляго житья (именно потому, что былъ степной и слѣдовательно не защищенной природою), составлялъ великую пустыню Азіатскихъ Монголо-тюркскихъ кочевниковъ, которые, приходя изъ Азіи въ Европу или воротами между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ или черезъ Кавказъ, кочевали и смѣнились на ней въ великомъ множествѣ.

Какъ Скиѳъ Великой Скиѳіи Грековъ вовсе не значитъ непремѣнно Русскаго Славянина, такъ и христіанство въ этой Скиѳіи вовсе не значитъ христіанства именно у тѣхъ же Славянъ. Но и вообще о христіанствѣ въ этой Скиѳіи у кого бы то ни было, т. е. у какихъ бы то ни было жившихъ въ ней народовъ, можетъ быть сказано очень немногое.

Къ свидѣтельствамъ церковныхъ писателей о христіанствѣ въ Скиѳіи нужно относиться особеннымъ образомъ. Во-первыхъ, были двѣ Скиѳіи — Европейская и Азіатская; а такъ какъ писатели обыкновенно говорятъ просто о Скиѳіи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обозначеній, то было бы поспѣшно относить всѣ ихъ рѣчи именно къ Скиѳіи Европейской. Во-вторыхъ, названіе Скиѳовъ употреблялось не только въ собственномъ смыслѣ народовъ, занимающихъ извѣстную мѣстность, но еще въ нарицательномъ смыслѣ вообще народовъ самыхъ отдаленныхъ и самыхъ неизвѣстныхъ, въ какую бы то ни было сторону отъ говорящаго, и трудно рѣшить, въ которомъ изъ этихъ двухъ смысловъ употребляютъ его писатели. Изображая повсемѣстное, всемірное распространеніе христіанства, они называютъ въ числѣ народовъ, славящихъ Христа, и Скиѳовъ. Но въ подобныхъ случаяхъ названіе Скиѳъ очень могло быть употребляемо ими въ сейчасъ указанномъ нами нарицательномъ смыслѣ [2]). Положительно извѣстно о христіанствѣ въ Европейской

---

[1]) Т. е. отпрыска Кіевскихъ Полянъ, занявшаго мѣстность по отношенію къ симъ послѣднимъ на сѣверѣ.

[2]) Іоаннъ Златоустый говоритъ, что апостолы въ день Пятидесятницы получили и всѣ въ ихъ время обращавшіеся ко Христу послѣ крещенія получали даръ языковъ, и въ числѣ многихъ другихъ языковъ называетъ и Скиѳскій (De Pentecoste, ed. Paris. 1718, t. 2, p. 463). Можно выводить изъ этого заключеніе, что по мнѣнію Златоустаго, Евангеліе было проповѣдано Скиѳамъ во времена апостольскія; но можно, съ другой стороны, понимать дѣло и такъ, что языкъ Скиѳскій употребленъ имъ для обозначенія всевозможныхъ языковъ (какъ съ совершенною ясностію въ этомъ именно послѣднемъ смыслѣ говоритъ Златоустый о Скиѳскомъ языкѣ въ словѣ, говоренномъ въ Константинопольской Готской церкви ап. Павла, — изд. Montfauc. Parisina altera, t.12, p. 513). Тер-

Великой Скиѳіи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ только то, что во второй половинѣ IV вѣка Іоаннъ Златоустый ввелъ его между нѣкоторыми кочевниками, жившими по близости Дуная [1]).

Чтобы во времена, предшествующія нашей исторіи, христіанство появлялось и водворялось на долгія или короткія времена между Кіевскими Полянами и другими племенами нашихъ Славянъ, жившихъ на западъ и на сѣверъ отъ Полянъ, этого рѣшительно никто не предполагаетъ, а слѣдовательно и намъ тутъ нечего говорить. Но можетъ быть нѣкоторая, впрочемъ, не болѣе какъ только предположительная и гадательная, рѣчь о христіанствѣ у Тиверцевъ и Угличей. Очень возможно, что Тиверцы и Угличи сидѣли на своемъ указанномъ выше мѣстѣ съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ [2]), а во всякомъ случаѣ не-

тулліанъ въ книгѣ противъ Іудеевъ указываетъ, что, во исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ, царство Христово стало царствомъ всего міра, и перечисляя народы, исповѣдующіе Христа, называетъ и Скиѳовъ (in Christum crediderunt послѣ многихъ другихъ народовъ loca et Sarmatarum et Dacorum et Germanorum et Schytarum et additarum multarum gentium et insularum multarum nobis ignotarum (Liber adversus Judaeos, у *Миня* Patr., t. 2, p. 611). Дѣлая подобныя же изображенія всемірности царства Христова, называютъ Скиѳовъ въ числѣ современныхъ себѣ христіанъ — Аѳанасій Великій (De incarnatione, ed. Paris. 1698, t. 1, p. 92) и Іеронимъ (Epistola ad Laetam, ed. Paris. 1706, t. IV, pars 2, п. 591). Опредѣленныя слова послѣдняго: Schytiae frigora fervent calore fidei, по видимому прямо указываютъ на нашу Скиѳію; но съ другой стороны, очень можетъ быть, что хлады Скиѳіи употреблены имъ для обозначенія вообще странъ дальносѣверныхъ; притомъ для жителей южныхъ странъ хлады начинались тамъ, гдѣ они вовсе не начинаются по нашему мнѣнію: Овидій, жившій въ Томи, находившемся въ странѣ на нашъ взглядъ calorum, а не frigorum, — жаровъ, а не хладовъ, говоритъ, что мѣсто его заключенія прилежитъ къ странѣ, въ которой nihil est nisi non habitabile frigus.

1) Ѳеодоритъ сообщаетъ о Златоустомъ въ Церковной Исторіи (кн. V, гл. 31): «Узнавъ, что нѣкоторые кочевники Скиѳы (τινας τῶν νομάδων Σκύθων), имѣвшіе свои шатры около Дуная (παρὰ τὸν Ἴστρον), жаждутъ спасенія, но не имѣютъ того, кто утолилъ бы жажду, онъ нашелъ людей, возревновавшихъ по апостольскимъ трудамъ, и послалъ ихъ къ нимъ». Онъ же говоритъ о немъ же въ похвальномъ словѣ: «Имѣешь ты и другое сродство съ апостолами — ты *первый* водрузилъ жертвенники у Скиѳовъ, живущихъ въ телѣгахъ (ἀμαξοβίοις, у Фотія въ Библіотекѣ, № 273, ed. *Beckeri* p. 508). Георгій, епископъ Александрійскій, повторяя Ѳеодорита, пишетъ: «Пославъ (проповѣдниковъ) на Дунай (ἐπὶ τὸν Ἴστρον), онъ (Златоустъ) привлекъ къ христіанству имѣвшихъ собственное на то желаніе (ἔχοντας) кочевниковъ Скиѳовъ (τοὺς νομάδας Σκ., у Фотія, ibid., № 96, ed. *Beckeri* p. 80). Самъ Златоустый не одинъ разъ называетъ Скиѳовъ въ числѣ народовъ, исповѣдающихъ Христа, но съ совершенною неопредѣленностію и въ такого же рода перечисленіяхъ, какъ у указанныхъ выше (Contra Judaeos et Gentiles, ed. Paris. 1718, t. I, pp. 566 и 575, Expositio in Psalmum XLIV, ed. id., t. 2, p. 463).

2) Названіе Тиверцевъ весьма вѣроятно или по крайней мѣрѣ можно производить отъ древняго названія Днѣстра Τύρας, именно предполагая, что въ древ-

сомнѣнно, что они сидѣли на немъ во II — III вѣкѣ по Р. Хр.[1]). Они были непосредственными сосѣдями жителей Византійской Малой Скиѳіи, а у этихъ послѣднихъ христіанство явилось не позднѣе времени Діоклетіана [2]). Правда, что тутъ должно разумѣть христіанство между жителями городовъ, которые состояли изъ Грековъ и Римлянъ; но поелику въ Скиѳіи на небольшомъ пространствѣ было цѣлыхъ 15 городовъ [3]), такъ что сельчане какъ бы охватывались горожанами со всѣхъ сторонъ, то весьма возможно предполагать, что отъ послѣднихъ оно болѣе или менѣе распространялось и между первыми. А если такъ, то можно предполагать, что христіанами-варварами оно перенесено было и на другой берегъ Дуная, къ нашимъ варварамъ-Славянамъ; и это тѣмъ болѣе можно предполагать, что сельскихъ жителей или этихъ варваровъ Малой Скиѳіи есть все основаніе считать за тѣхъ же Славянъ, что̀ и Тиверцы съ Угличами. [4]) Въ началѣ III

нѣйшее время онъ назывался Τύβερας. Но если такъ, то это долженствовало быть еще до Геродота, у котораго уже Τύρας. Что касается до названія Угличей, то оно происходитъ отъ угла, именно — отъ угла, образуемаго Днѣстромъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Прутомъ, въ которомъ они сидѣли (Славянское названіе мѣстности «Уголъ», причемъ у имѣло носовой звукъ он, — юсъ, у Поляковъ уголъ — Węgeł, венгелъ, лат. angulus, — у Грековъ является какъ Ὄγγλος, Ὄγκλος — въ Memor pop., ищи по index'у, принявъ къ свѣдѣнію, что Стриттеръ ошибочно принимаетъ Ὄγκλος за рѣку. Въ настоящее время мѣстность древняго Угла называется Буджакомъ, что̀ есть Турецкій переводъ слова Уголъ, т. е. Буджакъ значитъ уголъ; сѣверную границу нынѣшняго Буджака, съ прочихъ сторонъ имѣющаго тѣ же границы, что̀ и древній Уголъ, составляетъ черта, проведенная съ Днѣстра на Прутъ по прямой линіи отъ Устья Быка, впадающаго въ первый немного выше Бендеръ, — статья «Буджакъ» въ Энциклоп. лексиконѣ Плюшара, т. 7).

[1]) У Птоломея въ мѣстности нашихъ Тиверцовъ и Угличей находимъ народы: Βριτολάγαι. Ἄρπιοι, Τυραγέται, Σαρμάται, Lib. III cap. 10. Тирагеты значитъ Геты рѣки Тираса, а Геты — не Готы (что доказывается и тѣмъ, что первые Γέται, а вторые Γότθοι), а одно изъ древнихъ названій Славянъ (Ѳеофилактъ Симокатта въ Memor. pop. II, 64); названія перечисляемыхъ имъ городовъ помянутой мѣстности имѣютъ славянскія окончанія αυα (Σαργιδαύα, Ταμασιδαύα и пр.) и ουσσα т. е. цца (Οφιῦσσα). На Певтингеровыхъ картахъ на лѣвомъ берегу Дуная — Getae и Venedi (segm. VIII, A), — изъ которыхъ послѣдніе означаютъ тѣхъ же Славянъ, что̀ и первые. За симъ въ половинѣ VI вѣка Готѳскій историкъ Іорнандъ или Іорданъ говоритъ о мѣстности занимаемой племенемъ Венедскимъ или Славянскимъ Антами тоже самое, что нашъ лѣтописецъ о Тиверцахъ и Угличахъ: Uvinidarum natio populosa est; quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur; Antes a Danastro extenduntur usque ad Danubium, — De Gothorum origine et rebus gestis, cap. V, въ Патрол. *Миня*, t. 69, p. 1255 sub fin. (Ad Cassiodori opera appendix).

[2]) См. въ Oriens Christ. Лекеня 1, 1211.

[3]) Synegd. Гіерокла.

[4]) Народы, населяющіе Малую Скиѳію, по Птоломею суть: Πευκῖνοι, Κροβύζοι (Κρυβύζοι), Οἰτήνσιοι, Ὀβελήνσιοι, Δημήνσιοι, Πιαρήνσιοι (Lib. III c. 10 § 9). Певкиновъ, сносія ихъ съ Певцинами Тацита (De Germania c. 46) и съ его же — Птоломеевыми

вѣка явились на Дунаѣ въ Дакіи (Австрійской Трансильваніи и Румынской Валахіи) Германскіе Готы [1]), пришедшіе съ южнаго берега Балтійскаго моря, отъ устьевъ Вислы, распространившіеся потомъ по всей южной Скиѳіи до Танаиса или Дона и раздѣлившіеся на двѣ половины, на Готовъ западныхъ или Дакійскихъ, — Визиготовъ, и на Готовъ восточныхъ или Понтійско-Таврическихъ, Остра-Готовъ. Спустя то или другое время послѣ прибытія на Дунай, Готы, именно западные, несомнѣнно подчинили своей власти Дунайскихъ Славянъ или Тиверцевъ съ Угличами (по которымъ и сами стали называться Гетами). У западныхъ Готовъ, покорителей Славянъ, какъ это принимаютъ новые спеціальные изслѣдователи ихъ исторіи, христіанство появилось только въ концѣ первой половины IV вѣка, лѣтъ за 35 — за 40 до сокрушенія власти на Дунаѣ и Черномъ морѣ обоихъ Готовъ Гуннами (въ 376 г.) [2]), и появлялось только въ не-

---

Певкинами, о которыхъ онъ говоритъ въ Европейской Сарматіи (Lib. III, c. 5 § 19), необходимо принимать за Славянъ (Πεύκη — сосна; не значитъ ли Певкины — Сосновцы, Деревляне?). Κροβύζοι или Κρωβύζοι невольно заставляютъ подозрѣвать въ себѣ Кривичей. Окончаніе именъ всѣхъ другихъ народовъ — νοι, въ чемъ нужно видѣть славянское — ницы. Сѣверное устье Дуная (нынѣ Килійское) Птоломей называетъ Θιαγόλαν, прибавляя Ψιλόν, а ψιλός значитъ голый (Турецкое названіе Киліи по Димитр. Кантеміру значитъ проходъ, переходъ, переправа, нѣмецк. Pass, — Geschichte des Osmanschen Reichs, aus dem Englischen übersetzt, Hamburg, 1745, S. 281; но нѣтъ ли около нея до сихъ поръ селенія или урочища, которое бы называлось „голый“? Когда Кантеміръ говоритъ, что Килія есть древній Ликостомъ, ibid., то говоритъ неправду: на мѣстѣ древняго Ликостома при самомъ впаденіи Дуная въ море Килійскимъ устьемъ стоитъ селеніе, называемое болгарскимъ именемъ Вилково, т. е. Волково, что̀ есть переводъ греческ. Ликостомъ).

[1]) Не позднѣе 238 года, въ которомъ сдѣлали первый набѣгъ на имперію.

[2]) Одинъ изъ новѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдователей исторіи Готовъ, котораго мы имѣемъ подъ руками W. Bessel въ книжкѣ Über das Leben des Ulfilas und die Bekehrung der Gothen, Götting., 1860, и въ статьѣ о нихъ помѣщенной въ Энциклопедіи Ерша и Грубера (первой секціи томъ 76, Gothen) усвояетъ то христіанство Готовъ, которое явилось у нихъ во второй половинѣ III вѣка, и епископа Ѳеофила, который присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ Готамъ не западнымъ, какъ обыкновенно думаютъ, а восточнымъ (по нѣкоторымъ спискамъ дѣяній собора подпись читается: De Gothis Theophilus Bosporitanus, Ueber Leben S. 115, а относительно перваго появленія христіанства у Остготовъ Бессель думаетъ, что оно насаждено у нихъ Каппадокійскими плѣнными, которыхъ они привели изъ морскаго набѣга на Азію въ 267 г., въ Энцикл. § 140). Другаго извѣстнаго по имени Готскаго епископа Унилу, поставленнаго Іоанномъ Златоустомъ незадолго до 397 г. и умершаго въ 405—9 г., Бессель также усвояетъ восточнымъ Готамъ (über Leben, S. 115). О христіанствѣ у западныхъ Готовъ или Вестготовъ по Бесселю ничего неизвѣстно до Ульфилы. Ульфила (родомъ по нему природный Готъ, а не потомокъ плѣнныхъ Каппадокійцевъ, въ чемъ не соглашается съ нимъ другой спеціалистъ W. Schaft.— статья Ulfila въ Real-Encyklopädie Герцога), родившійся въ 310 или 311 г., на 17 или на 22 году своего возраста, въ 328 или 332 г., былъ отправленъ въ Константинополь въ числѣ другихъ въ качествѣ заложника и здѣсь (принявъ хри-

значительной степени, не пріобрѣтая большой распространенности. Слѣдовательно они не могли быть распространителями христіанства между Славянами. Но необходимо думать, что они относились съ совершеной терпимостью къ христіанству, прежде нихъ у послѣднихъ бывшему или помимо нихъ распространявшемуся [1]). Если христіанство дѣйствительно водворялось у Тиверцевъ и Угличей, то съ послѣдней четверти IV вѣка оно должно быть считаемо прекратившимъ у нихъ свое существованіе, ибо начиная съ 376 г., когда явились Гунны, ихъ территорія на долгое время стала дорогой и становищемъ для Азіатскихъ дикихъ кочевниковъ (Гунны, Авары, Болгары, Мадьяры). Послѣ указаннаго перваго эпизода христіанства у Тиверцевъ и Угличей можетъ быть потомъ предполагаемъ другой его эпизодъ. Болгары, во второй половинѣ VII вѣка основавшіе въ сосѣдней съ ними Мизіи (нынѣшней предбалканской Болгаріи) Болгаро-Славянское государство, въ 864—65 г. приняли отъ Грековъ христіанство[2]). Непосредственное

стіанство, именно Аріанское или Евсевіанское, — Евсевія Никомидійскаго) поступилъ въ духовное званіе. Въ 341 г. онъ посвященъ былъ Евсевіемъ Никомидійскимъ въ епископы Готскіе съ тѣмъ, чтобы быть проповѣдникомъ христіанства между своими сородичами. Проповѣдь Ульфилы имѣла успѣхъ, но въ 348 г. поднялъ гоненіе на христіанъ король Вестготскій Атанарихъ, и епископъ принужденъ былъ удалиться съ крещенными имъ за Дунай въ предѣлы имперіи, гдѣ и поселился въ Никополѣ подъ Балканами (нынѣ Никупъ или Никюпъ, недалеко на сѣверъ отъ Тернова или Тырнова), — здѣсь онъ совершилъ свой переводъ Библіи на Готскій языкъ и скончался въ 381 г. Послѣ Ульфилы христіанство снова явилось у Вестготовъ, отчасти аріанское (миссіонеры отъ Ульфилы), отчасти православное, но въ 370 г. Атанарихъ снова поднялъ на нихъ гоненіе (мученики Савва Никита и другіе, которыхъ нѣтъ въ нашихъ святцахъ, въ Энциклоп. S. 143 Col. I. fin. Съ Бесселемъ не мѣшаетъ сравнивать другаго помянутаго нами специалиста W. Kraft'а). По увѣренію Іорнанда (Іордана) послѣдній передъ нашествіемъ Гунновъ Остроготскій король Ерманарихъ, успѣвшій, соединить подъ своею властію обоихъ Готовъ, покорилъ своему оружію всю Великую Скиѳію и въ томъ числѣ всѣхъ жившихъ въ ней Славянъ (т. е. Полянъ, Деревлянъ, Дреговичей и всѣ прочія племена, De Gothorum origine. cap. 22; изъ Финновъ покорилъ Эстовъ, Мордву, Мерю и Черемисъ, — Mordens, Merens, Sremniscans, ibid.). Но о распространеніи христіанства отъ Готовъ къ сейчасъ помянутымъ Славянамъ не можетъ быть рѣчи, потому что, во-первыхъ, господство однихъ надъ другими было весьма непродолжительно, а во-вторыхъ, оно должно быть понимаемо вовсе не въ смыслѣ водворенія Готовъ между Славянами, а только въ смыслѣ наложенія первыми на послѣднихъ дани.

[1]) Если послѣдній передъ Гуннами Визиготскій король Атанарихъ (собственно вицекороль подъ Германарихомъ, который, бывъ сначала королемъ восточныхъ Готовъ, соединилъ потомъ подъ своей властью обоихъ) воздвигалъ гоненія на христіанъ (въ 350-мъ, по Бесселю въ 348-мъ, и въ 370—72 г.) то это или условливалось его личнымъ исключительнымъ характеромъ или особыми политическими соображеніями и побужденіями. О гоненіяхъ на христіанъ у восточныхъ Готовъ ничего неизвѣстно.

[2]) См. нашу книгу «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской».

сосѣдство единоплеменныхъ людей, каковы были болгарскіе Славяне, съ Тиверцами и Угличами, дѣлаетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніе, что христіанство распространялось отъ однихъ къ другимъ. Это вторичное христіанство у Тиверцевъ и Угличей, если оно тоже имѣло мѣсто, должно быть считаемо прекратившимъ свое существованіе въ половинѣ X вѣка, лѣтъ за 40 до Владимира, когда они подпали власти Печенѣговъ. [1]) (Появлялось или не появлялось у Тиверцевъ и Угличей христіанство, но должно считать несомнѣннымъ то, что они, съ древнѣйшихъ временъ сосѣди цивилизованныхъ грековъ (прежде Грековъ имперіи, т. е. Грековъ, жившихъ въ городахъ Малой Скиѳіи, сосѣди греческихъ колонистовъ въ ихъ собственной мѣстности, поселеніе которыхъ и на самомъ Днѣстрѣ восходитъ по крайней мѣрѣ ко временамъ Геродота, кн. IV гл. 51, Ἕλληνες Τυρῖται), имѣли свою исторію прежде нашей исторіи. Это даетъ знать и нашъ лѣтописецъ, когда говоритъ: «Улучи (Угличи) и Тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяще (простираясь) къ Дунаеви, бѣ бо множество ихъ, сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ *и до сего дне*». Что Тиверцевъ и Угличей было множество, это подтверждаетъ и Птоломей, который покрайней мѣрѣ половину Дакіи (нынѣшнюю Валахію) заставляетъ считать славянскою. [2]) Іорнандъ (Іорданъ) говоритъ о Тиверцахъ и Угличахъ своего времени подъ именемъ Антовъ, что они суть храбрѣйшіе изъ тѣхъ, которые обитаютъ у Чернаго моря: eorum fortissimi, qui ad Ponticum mare curvantur, De Gothorum origine cap. V. Надѣяться на то, чтобы открыты были новые источники для доисторической исторіи Тиверцевъ и Угличей, конечно, напрасно; но полагаемъ, что до нѣкоторой степени исторія ихъ можетъ быть найдена и возстановлена, если нарочитымъ образомъ будутъ просмотрѣны источники существующіе. Позволяемъ себѣ рекомендовать Тиверцевъ и Угличей вниманію свободныхъ и имѣющихъ вкусъ къ доисторическимъ временамъ спеціалистовъ).

---

[1]) Между 944 г., когда видимъ Тиверцевъ въ войскѣ Игоря отдѣльно отъ Печенѣговъ, и 968 г., когда Печенѣги впервые приходили на Кіевъ и когда они вѣроятно уже имѣли подъ своей властью Тиверцевъ и Угличей (А первый приходъ Печенѣговъ 915 г., о которомъ говоритъ наша лѣтопись, означаетъ ихъ переходъ съ стараго мѣста жительства на новое).

[2]) Lib. III, cap. 8. Необходимо думать, что Троянъ Слова о полку Игоревомъ есть не миѳическое существо, а Римскій императоръ Траянъ († 117), покоритель полуславянской Дакіи, превратившійся у Славянъ въ миѳическое существо или собственно въ эпическаго богатыря. Когда пѣвецъ Слова говоритъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ (Полоцкій, † 1101) жребій...», то удивляться, что онъ плохо знаетъ хронологію, конечно, странно; притомъ же онъ имѣетъ въ виду не указать хронологію, а сказать другое, именно: въ наше послѣднее, новѣйшее время («на седьмомъ вѣцѣ», въ этомъ смыслѣ), несмотря на то, что оно есть новѣйшее, не геройское и не богатырское, явился такой рыцарь и богатырь, какъ Всеславъ. Должно думать, что въ нѣкоторыхъ обличительныхъ словахъ противъ язычествованія крещенныхъ Славянъ Троянъ внесенъ въ число боговъ по ошибкѣ и недоразумѣнію.

Сирско-Іаковитскій историкъ второй половины XIII вѣка, епископъ Григорій Абульфараджъ, иначе Barhebräus († 1286), говоритъ, что Руссы приняли христіанство при Константинѣ Великомъ, слѣдовательно — въ началѣ IV вѣка. Преосвященный Филаретъ, не подумавъ о томъ, какіе Руссы могли быть въ IV вѣкѣ, и какое эти Руссы могли имѣть отношеніе къ нашей Руси, считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ привести подобный курьёзъ въ своей Исторіи (нашедъ Абульфараджа у Френа въ Ibn-Foszl. pp. 41 и 135, преосв. Филаретъ приводитъ его не совсѣмъ точно). Оригинальное извѣстіе Абульфараджа объясняется очень просто: встрѣтивъ извѣстіе у арабскихъ историковъ, что Руссы (съ Владиміромъ во главѣ) крестились при императорахъ Василіѣ и Константинѣ, онъ и дѣлаетъ изъ послѣдняго Константина Великаго [1]).

Сказаніе о крещеніи Новгородскаго князя въ Тавридѣ или Крыму, въ городѣ Сурожѣ.

Древній городъ Сурожъ есть нынѣшнее мѣстечко Судакъ, находящееся на юго-восточномъ берегу Крыма, недалеко на юго-западъ отъ Ѳеодосіи. Греки называли его Сугдѣей и Сугдаей [2]), западные — Содаей, Солдаей и Солдадіей, Арабы—Судакомъ, Сурдакомъ, Шолтадіей или Солтадіей [3]) и пр.

Въ житіи св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, который умеръ около 790 г., именно на концѣ житія, въ числѣ чудесъ, находимъ слѣдующій разсказъ: «По смерти святаго «мало лѣтъ» минуло и пришла рать великая Русская изъ Новогорода, «князь бранливъ и силенъ зѣло» (такъ въ половинѣ списковъ житія, въ другой половинѣ: «князь Бравлинъ, *вар.* Бравалинъ, Бравлениъ, — силенъ зѣло»). Плѣнивъ (страну) отъ Корсуни до Керчи, онъ пришелъ со многою силою къ Сурожу. Десять дней тяжко бились между собою (осаждающіе и осажденные), и послѣ десяти дней вошелъ князь въ городъ, силою сломавъ (его) желѣзныя ворота, — вошелъ въ городъ, обнаживъ мечъ свой, и пришелъ въ церковь св. Софіи и разбилъ двери и взошелъ туда, гдѣ гробъ святаго [4]). На гробѣ царскій покровъ и жемчугъ и золото, каменья драгоцѣнные и сосудовъ золотыхъ много: все (это) пограбили. И въ тотъ часъ разболѣлся (князь), — обратилось лицо его

---

[1]) Полагаемъ, что Ῥωσικός — придворный чиновникъ Константина Великаго, о которомъ у *Стриттера* въ Memor. pop., II, 956, не долженъ быть считаемъ также виновникомъ извѣстія Абульфараджева, ибо предполагать, что въ Ῥωσικός онъ могъ заподозрить Ῥῶσσος, что по одному человѣку онъ вспомнилъ о цѣломъ народѣ, что потомъ этотъ цѣлый народъ, на основаніи того же одного человѣка, онъ и рѣшился крестить, значило бы допускать процессъ мышленія слишкомъ длинный и сложный.

[2]) И по словамъ Броневскаго (*Записки Одесск. Общ. Исторіи*, VI, 346) будто бы еще Сидагіосомъ.

[3]) О Судакѣ см. въ Крымскомъ Сборникѣ *Кеппена*, стр. 113 и др.

[4]) Св. Стефанъ былъ погребенъ въ олтарѣ св. Софіи, см. «Замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Крымскому городу Сугдеѣ» въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн., V, 595.

назадъ и лежа источалъ пѣну и возопилъ: «Великій человѣкъ и святой есть тотъ, который здѣсь; онъ ударилъ меня по лицу и обратилось лицо мое назадъ». И сказалъ князь боярамъ своимъ: «Возвратите все назадъ, что взяли». Они возвратили и хотѣли взять князя оттуда. Но князь возопилъ: «Не троньте меня, оставьте лежать, ибо меня хочетъ изломать одинъ старый святой мужъ, (онъ) притиснулъ меня, такъ что душа моя хочетъ выйти вонъ». И сказалъ имъ: «Тотчасъ выведите войско изъ сего города, и да не возьмутъ воины ничего». И вышло войско изъ города, но князь еще не вставалъ, пока опять не сказалъ боярамъ: «Возвратите все, сколько мы награбили священныхъ сосудовъ въ Корсуни, въ Керчи и вездѣ, принесите все сюда и положите на гробѣ Стефановѣ». Они возвратили все и ничего себѣ не оставили и положили при гробѣ святаго. *И паки въ ужасъ рече святый Стефанъ князю*: «Если не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься (домой) и не выйдешь отсюда». И возопилъ князь: «Пусть придутъ священники и крестятъ меня; если встану и лицо мое обратится, крещуся». И пришли священники, и Филаретъ архіепископъ (пріемникъ Стефана, какъ говорится объ этомъ въ житіи) и сотворили надъ княземъ молитву. И крестили его во имя Отца и Сына и Св. Духа, и обратилось лицо его опять. Крестились же и бояре всѣ. Но еще шея болѣла у князя, и сказали ему священники: «Дай обѣщаніе Богу, что отпустишь всѣхъ плѣнниковъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ взялъ отъ Корсуни до Керчи». Тогда князь повелѣлъ всѣмъ своимъ (отпустить находившихся у нихъ плѣнниковъ), и всѣхъ отпустили во свояси. Въ продолженіе недѣли (князь) не выходилъ изъ церкви, пока не далъ великій даръ св. Стефану. Почтивъ городъ и гражданъ и священниковъ, (онъ) отошелъ во свояси. Слышавъ о томъ, другіе ратные не смѣли нападать (на городъ), а если нападали, то уходили посрамленные»[1]).

Житіе св. Стефана неизвѣстно на греческомъ языкѣ и читается только въ нашихъ славянскихъ рукописяхъ. Такъ какъ и самого Стефана нѣтъ въ греческихъ святцахъ въ числѣ святыхъ, то предпологали, что житіе составлено у насъ въ Россіи. Но предположеніе это не основательно. По всѣмъ признакамъ несомнѣнно, что житіе происхожденія греческаго, а не русскаго. Отсутствіе же его въ греческихъ рукописяхъ, равно какъ и отсутствіе самого Стефана въ греческихъ святцахъ объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ святой не общій, а только мѣстный — Сугдайскій [2]). Такъ какъ разсказъ о Новгородцахъ читается

---

[1]) Списковъ житія св. Стефана много (пять, если не болѣе, въ одной Московской синодальной библіотекѣ). Приведенный нами русскій переводъ разсказа сдѣланъ нами по рукописи фундамент. библіот. Московской дух. акад. XVI в. (декабрьская минея), № 90, л. 346 об.

[2]) См. указанныя сейчасъ выше замѣтки о Сугдеѣ въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.* V, 623, № 194. Въ настоящее время извѣстно и на греческомъ языкѣ краткое житіе Стефана. Такъ какъ въ немъ есть свѣдѣнія, которыхъ не находится въ нашемъ житіи (о путешествіи въ Аѳины), то на основаніи сего слѣдуетъ заключать, что и наше житіе есть уже сокращеніе болѣе пространнаго житія, ibid., стрр. 595 и 623.

не въ самомъ житіи, а въ чудесахъ, которыя могли быть приписаны послѣ, то съ вопросомъ о происхожденіи его самого не рѣшается вопросъ о происхожденіи нашего разсказа. Мы, впрочемъ, думаемъ, что и онъ происхожденія греческаго, а не русскаго, и именно — что вмѣстѣ со всѣми другими чудесами, находящимися въ житіи (числомъ 4), принадлежитъ самому автору этого послѣдняго, ибо въ заключеніе чудесъ сказано: «си же изрядная чудеса сотвори Богъ преподобнымъ своимъ.... сице же бысть *житіе* преподобнаго Стефана» [1]).

Трудно опредѣлить съ точностію время жизни св. Стефана, ибо житіе отличается хронологическими несообразностями. Пятнадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Константинополь, въ правленіе императора Ѳеодосія Адрамиттина (Андраминдина), слѣдовательно — въ 716 или началѣ 717 года, потому что Ѳеодосій Адрамиттинъ, царствовавшій одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, оставилъ престолъ до 25-го марта 717 года (когда занялъ его Левъ Исавръ). Послѣ неизвѣстнаго количества лѣтъ ученія въ Константинополѣ, послѣ 15-ти лѣтняго пребыванія въ немъ при патріархѣ Германѣ и послѣ 30-ти лѣтняго пребыванія въ монастырѣ въ затворѣ, онъ могъ быть поставленъ въ архіепископы около 760 года, а между тѣмъ по житію онъ будто бы былъ поставленъ помянутымъ выше патріархомъ Германомъ, который съ 715 года былъ на каѳедрѣ въ продолженіе 15-ти лѣтъ и низведенъ съ нея въ 730 г., и будто бы страдалъ за иконы, пробывъ въ санѣ архіепископа неизвѣстно сколько болѣе пяти лѣтъ, при Львѣ Исаврѣ и освобожденъ сыномъ его Константиномъ Копронимомъ, тогда какъ первый изъ этихъ двоихъ умеръ, а второй вступилъ на престолъ въ 741 году. Представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что, дѣйствительно, бывъ поставленъ около 760 года, св. Стефанъ страдалъ за иконы не при Львѣ Исаврѣ, а при самомъ Константинѣ Копронимѣ (741—775), и что онъ есть одинъ и тотъ же съ Стефаномъ, епископомъ Сугдайскимъ, который присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ [2]), а также можетъ быть и съ Стефаномъ, ученикомъ Константинопольскаго Стефана Новаго, который былъ сосланъ Копронимомъ въ Сугдаю [3]). Такъ какъ въ 787 году, когда

---

[1]) Четвертое чудо: «Анна же царица отъ Корсуня въ Керчь идущи, разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ (Карасу)», и призвавъ въ помощь св. Стефана, чудесно и внезапно исцѣлѣла. Предполагать, что тутъ разумѣется наша царица Анна, жена св. Владиміра, было бы поспѣшно. Тутъ можетъ быть разумѣема неизвѣстная намъ и старшая нашей греческая царевна Анна, которая шла въ Хазарію къ своимъ родственникамъ, ибо императоры Константинопольскіе бывали въ родствѣ съ хаганами Козарскими (Такъ и современникъ Стефановъ, императоръ Константинъ Копронимъ, былъ женатъ въ первый разъ на хазарской царевнѣ, по Греческимъ лѣтописцамъ — Иринѣ, дочери хагана, *Дюканжа* Famil. Byzant., 126, по нашему житію — Ѳеодорѣ, дочери Керченскаго царя).

[2]) *Le Quien*, Oriens Christian., I, 1 229.

[3]) Проложн. житіе Стефана Новаго въ Менологіи императора Василія подъ 28-мъ ноября, cfr пространное житіе, написанное діакономъ Стефаномъ, въ Патрологіи *Миня*, t. 100, p. 1100.

былъ этотъ соборъ, онъ долженъ былъ имѣть возрастъ глубокой старости, то и смерть его послѣ сего времени должна быть относима къ 790—795 г. Нашествіе на Сурожъ непріятелей, называемыхъ Новгородцами, было при преемникѣ Стефана «мало лѣтъ» послѣ его смерти. Слѣдовательно, должно быть относимо приблизительно къ пространству годовъ отъ 800 до 820 [1]).

Итакъ, спрашивается: какъ смотрѣть на этотъ разсказъ о нападеніи Новгородцевъ на Сурожъ въ началѣ IX вѣка? Удивляясь странному легковѣрію тѣхъ, которые хотятъ ему вѣрить, мы, съ своей стороны, рѣшительно не находимъ возможнымъ это сдѣлать. Во-первыхъ, до прибытія къ намъ Варяговъ-Руссовъ Новгородцы назывались не Русью, а Славянами. Во-вторыхъ, мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы Славяне наши, до прибытія къ намъ Варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ знаемъ только, что они сами были цѣлію этихъ набѣговъ и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту. Въ третьихъ, въ то время вся южная Россія, заслонявшая собою Крымъ, принадлежала Хазарамъ, простиравшимъ свою власть до Кіева, и предполагать, чтобы Новгородцы отважились и могли и захотѣли за чѣмъ-то пробиться сквозь Хазаръ есть дѣло совершенно невѣроятное и немыслимое. Наконецъ, въ четвертыхъ, Новгородцы въ то время были данниками Варяговъ: до того ли же имъ было, чтобы предпринимать какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе такіе отдаленные и такіе невозможные походы? [2]).

Но кто же были эти непріятели, нападавшіе на Сурожъ? Непріятелей по близости могло быть много, и кто именно они такіе были, рѣшить невозможно. Предполагая, что запись о чудѣ принадлежитъ самому автору житія или что она вообще происхожденія Греческаго, предполагая, что она сама подала поводъ сдѣлать изъ непріятелей Новгородцевъ, мы думаемъ, что имя этихъ непріятелей въ ней было οἱ (τὸ) Ῥῶς и что тутъ должны быть разумѣемы тѣ же Руссы Азовско-Таврическіе, о которыхъ мы вели рѣчь выше. Арабскіе писатели говорятъ, что Руссы, жившіе на Черномъ морѣ, занимались разбойничествомъ во всѣ стороны и что они постоянно дѣлали набѣги на владѣнія Хазаръ [3]). Керчь и Су-

---

[1]) Въ нашихъ хронографахъ, кратко выписывающихъ о нападеніи Бравалина на Сурожъ изъ житія св. Стефана, не знаемъ почему, оно относится къ царствованію императора Михаила и 852 г. (*Карамз.* т. I, прим. 289, *Попова* Хроногр., I, 234). Замѣтимъ на всякій случай, что въ одномъ посланіи преп. Θеодора Студита († 826) къ архимандриту Готθскому, т. е. Готθской въ Крыму епархіи, говорится объ епископѣ архимандрита Филаретѣ, подъ которымъ со всею вѣроятностію долженъ быть разумѣемъ нашъ Филаретъ Сугдайскій (въ Патр. Миня t. 99, p. 1520).

[2]) Неизвѣстные воители нетолько взяли Сурожъ, но Корсунь и Керчь и разграбили всю мѣстность между двумя послѣдними городами или весь южный Крымъ: великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоять подобные блестящіе подвиги Новгородцамъ начала IX вѣка!

[3]) Ibn-Foszl. *Френа,* стрр. 28 и 29.

рожъ въ VIII и IX вѣкахъ принадлежали Хазарамъ [1]), и такимъ образомъ, послѣднимъ извѣстіемъ какъ бы прямо указываются намъ эти Азовско-Таврическіе или Черноморскіе Русскіе. Около одного времени съ нападеніемъ Руссовъ на Сурожъ имѣло мѣсто совершенно такое же нападеніе непріятелей, называемыхъ также οἱ Ῥῶς на городъ Византійской имперіи Амастриду [2]), какъ это мы знаемъ изъ житія св. Георгія Амастридскаго [3]). Ясно, что тамъ и здѣсь должны

---

1) *Stritt.* Memor. pop., III, 543

2) Находящійся на азіатскомъ берегу Чернаго моря, не слишкомъ далеко отъ Константинополя, на половинѣ разстоянія между нимъ и Синопомъ, въ настоящее время Amasry.

3) Житіе, написанное неизвѣстнымъ, въ Acta SS. *Болландистовъ,* Февраля t. 3, d. XXI, p. 269 sqq. Въ заключеніе житія изъ многихъ посмертныхъ чудесъ св. Георгія авторъ разсказываетъ два, и одно изъ нихъ есть чудо о Руссахъ (nn. 43—46. p. 278). Умысливъ набѣгъ изъ Пропонтиды (a Propontide cladem auspicati) и опустошивъ все морское побережье, Руссы наконецъ явились въ отечествѣ святаго — Амастридѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ храмъ, въ которомъ лежало тѣло святаго, и начали раскапывать гробъ его, подозрѣвая, что въ послѣднемъ находится сокровище, но дерзнувшіе на сіе поражены были онѣмѣніемъ рукъ и ногъ и стали какъ бы связанные невидимыми узами. Вождь Руссовъ, пораженный чудомъ, спрашивалъ — какого божества это дѣйствіе и чѣмъ оно можетъ быть умилостивлено; получивъ въ отвѣтъ, что это есть дѣйствіе единаго Бога христіанскаго и что Онъ можетъ быть умилостивленъ молитвами христіанъ, а съ его стороны — освобожденіемъ плѣнныхъ, вождь сдѣлалъ послѣднее и просилъ первыхъ. Когда принесены были усердныя молитвы Богу и св. Георгію, варвары освободились отъ поразившаго ихъ божественнаго гнѣва, послѣ чего вождь заключилъ съ христіанами союзъ мира и дружества. Время жизни св. Георгія, хронологіи котораго у автора нѣтъ, опредѣляется тѣмъ, что онъ поставленъ въ епископы Амастридскіе патріархомъ Константинопольскимъ Тарасіемъ, занимавшимъ престолъ съ 784 по 806 г.; умеръ онъ, какъ это дается знать въ житіи, или въ правленіе императрицы Ирины (797—802 гг.), или въ началѣ правленія Никифора Геника (ἀπὸ Γενικῶν, съ конца 802 г. по 811, житія n. 33, p. 277). Сколько времени спустя послѣ смерти святаго случилось чудо, въ житіи ясно не говорится и не дается знать, но самъ авторъ его, обстоятельностію сообщаемыхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, даетъ знать о самомъ себѣ, что если онъ не современникъ Георгія, каковымъ себя не называетъ, то во всякомъ случаѣ человѣкъ, жившій послѣ него спустя весьма непродолжительное время. Руссы въ житіи характеризуются: «Случилось нашествіе Руссовъ (τῶν Ῥῶς), народа, какъ всѣ знаютъ, жесточайшаго и свирѣпаго и не имѣющаго даже ни малѣйшей частицы человѣколюбія,— звѣрообразные нравами, безчеловѣчные дѣлами, самымъ видомъ показывающіе скверноубійство, не находящіе ни въ чемъ другомъ съ прочими людьми радости, какъ въ кровопролитіи: этотъ-то народъ, губительный дѣломъ и именемъ (по всей вѣроятности аллюзія на ῥῶξ, которое употреблялось и въ формѣ ῥῶς, — *Гедеон.* Отрывки изслѣдовв. о Варяжск. вопр. I, 60, что̀ значитъ тарантулъ, ядовитый паукъ, а можетъ быть сближеніе съ библейскими пророка Іезекіиля Росами), начавъ опустошеніе отъ Пропонтиды и разграбивъ прочее побережье, достигъ и до отечества святаго» (въ житіи, которое у Болландистовъ только въ латинскомъ переводѣ, безъ греческаго подлинника, n. 43; греческій подлин-

быть разумѣемы какіе-то одни Руссы, разъѣзжавшіе для разбоевъ по Черному морю, и что разумѣть подъ этими морскими разбойниками Руссовъ Азовско-Таврическихъ есть единственное, что можно сдѣлать.

Неизвѣстное по Греческимъ рукописямъ, житіе Стефана Сурожскаго могло попасть къ намъ весьма простымъ образомъ. Сурожъ, будучи городомъ торговымъ, имѣлъ то особое значеніе въ торговлѣ, что въ немъ съѣзжались купцы европейскіе и азіатскіе для взаимнаго обмѣна своихъ товаровъ [1]) (т. е. что онъ былъ мѣстомъ своего рода Нижегородской ярмарки, которая была въ Тавридѣ, какъ въ средоточномъ пунктѣ Европы и Азіи, съ древнѣйшаго времени и мѣстомъ которой прежде Сурожа служилъ Босфоръ, нынѣшняя Керчь). Тѣ изъ русскихъ купцовъ, которые торговали азіатскими товарами, и именно азіатскими шелковыми тканями, ѣздили за ними въ Сурожъ, отъ чего и получили прозваніе Сурожанъ [2]). Такъ эти-то купцы и могли вывести изъ Сурожа житіе св. Стефана,

---

никъ приведеннаго нами мѣста въ статьѣ *А. А. Куника* «О запискѣ Готскаго топарха» въ *Запискахъ Имп. Акад. Наукъ*, томъ 24, кн. I, 1875, стр. 98, прим.). Сейчасъ названный достопочтенный ученый хочетъ разумѣть подъ Руссами, нападавшими на Амастриду, Аскольда и Дира; но позволимъ себѣ обратить его вниманіе на то, что о Руссахъ этихъ говорится, какъ о народѣ, всѣмъ хорошо извѣстномъ по своимъ качествамъ, и что о нихъ прямо сказано: какъ всѣ знаютъ. *ὡς πάντες ἴσασιν*: какимъ образомъ будетъ это приложимо къ Аскольду и Диру, которые явились бы для грабежей въ первый разъ?

1) См. у *Кеппена* стр. 114, см. Марка Поло кн. 1, гл. I.

2) Отсюда произошло названіе Суровской (вмѣсто Сурожской) рядъ. О Сурожѣ и купцахъ, торговавшихъ въ немъ или Сурожанахъ, упоминаютъ: Слово о полку Игоревомъ (по изд. въ *Русск. Достопам.*, ч. III, стр. 40: «велитъ послушати земли незнаемѣ — Вълзѣ и Поморію и Сурожу и Корсуню»), Ипатьевская лѣтопись подъ 1288 г. (при описаніи смерти Владимира Васильковича Галицкаго: «плакашеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ, Нѣмци и Сурожьцѣ и Новгородци и Жидове»); какъ о купцахъ удальныхъ мóлодцахъ говорятъ о Сурожанахъ народныя пѣсни (Пѣсни, собр. *Кирѣевск.*, вып. 3, стр. 107: «Ой ты гой еси охотничекъ, Суровецъ, богатъ самъ Суздалецъ»). По важному торговому значенію и по большой извѣстности у насъ Сурожа и Азовское море, составлявшее водяную дорогу къ нему, получило названіе Сурожскаго. Съ конца XIII вѣка Сурожъ замѣнила въ Крыму основанная Генуезцами Кафа, въ которую перешла изъ перваго и русская торговля (о сей послѣдней въ XV в. см. *Записки Одесск. Общ. Исторіи*, V, стрр. 213, 231, 234 перваго счета и втораго 148. 149), при чемъ однако купцы, въ ней торговавшіе, по прежнему продолжали называться Сурожанами. О позднѣйшихъ Сурожанахъ см. *Карамз.* V, 231 и примѣчч. 32, *70*, въ частности о Новгородскихъ — Собр. Госуд. Грам. и Догов. II, 58. Кромѣ Русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Сурожѣ, могли еще привести въ Россію житіе св. Стефана сами Крымскіе Греки. Нѣкоторые утверждаютъ, не знаемъ на какомъ основаніи, что супруга Суздальскаго князя Константина Васильевича († 1355) была дочь Крымскаго Манкупскаго князя (Родословная роспись потомковъ вел. кн. Рюрика, составленная Н. Головинымъ, М. 1851, V, 338, cfr Карамз. IV, прим. 374: Манкупъ или Мангупъ, весьма замѣчательный своимъ положеніемъ на высокой неприступной скалѣ и нынѣ остающійся только въ ке-

мѣстнаго Сурожскаго святаго (котораго они должны были почитать, подобно тому какъ купцы, торгующіе на Нижегородской ярмаркѣ, почитаютъ преп. Макарія). Предположивъ, что эти купцы были Новгородцы или вообще откуда бы то ни было изъ Сѣверной Руси, мы легко поймемъ, какимъ образомъ изъ οἱ Ῥῶς подлинника явились въ славянскомъ переводѣ: «рать велика русская изъ Новограда». Если въ житіи говорилось о Русскихъ, то наши русскіе переводчики его естественно должны были заключить, что въ немъ говорится именно о насъ Русскихъ, ибо другихъ — Черноморскихъ Русскихъ, разумѣется, не могли же они знать. Если переводчики были изъ сѣверной Руси, то они должны были предположить подъ Русскими Новгородцевъ потому, что въ древнее время въ сѣверной Руси былъ одинъ только Новгородъ, которому можно было бы усвоить походъ въ чужія земли. Что касается до имени князя, то гораздо вѣроятнѣе думать, что подлинное чтеніе житія есть «бранливъ и силенъ», и что собственное имя Бравлинъ возникло изъ «бранливъ» просто вслѣдствіе описки писца: это имя какъ будто не есть славянское имя, а просто случайное соединеніе звуковъ, происшедшее сейчасъ указаннымъ путемъ (имя Бравлинъ можетъ быть производимо только отъ слова бравый; но это послѣднее слово не есть славянское, а французское — происшедшее изъ греческаго βραβεῖον при посредствѣ латинскаго bravium — и въ русскій языкъ вошло весьма недавно, притомъ изъ бравый по славянскому словопроизводству не выйдетъ Брав-линъ [1]).

(Въ вопросѣ о націольнальности основателей нашего государства принадлежа вмѣстѣ съ достопочтеннымъ А. А. Куникомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ къ числу норманнистовъ, мы позволимъ себѣ, во свидѣтельство усердія, сказать малое слово за нашу вѣру и на минутку уклониться отъ прямыхъ нашихъ рѣчей туда, куда насъ не зовутъ.

Говорятъ, что Норманны не назывались Русью на Западѣ, а только на Востокѣ — у Русскихъ, Грековъ и Арабовъ; говорятъ, что лѣтописецъ нашъ — во-первыхъ, называетъ Русь племенемъ норманнскимъ, между тѣмъ какъ такого норманнскаго племени вовсе неизвѣстно; во-вторыхъ, утверждаетъ, что Рюрикъ понялъ

обитаемыхъ развалинахъ, недалеко на востокъ отъ Севастополя, былъ главнымъ городомъ Готовъ Доріискихъ, о которыхъ мы говорили выше, и столицей ихъ Готско-Греческаго княжества, *Кеппена* Крымск. Сборникъ, стрр. 261, 599; передъ 1474 г. Мангупскій князь Исайко предлагалъ свою дочь въ замужство за сына вел. кн. Ивана Васильевича III, *Карамз.* VI, 56: на основаніи этого предложенія есть вѣроятность заключать, что прежде дѣйствительно бывали браки между князьями Русскими и Манкупскими); къ вел. князю Василью Дмитріевичу пріѣхалъ на службу князь Стефанъ Васильевичъ именно изъ Сурожа (бывшій родоначальникомъ Ховриныхъ, Головиныхъ и Третьяковыхъ, Родосл. книга, изд. *Новикова*, II, 270).

[1]) Когда привезено къ намъ житіе Стефана Сурожскаго, остается неизвѣстнымъ; имя его начинаетъ встрѣчаться въ нашихъ святцахъ (подъ 15-мъ декабря) съ начала XVI в., Опис. синод. рукоп. *Горск.* и *Невостр.*, Отд. III, ч. I, стр. 50 и 428; архим. *Сергія*, Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. I, М. 1875, стр. 158.

съ собой въ Новгородъ всю Русь, [1]) что совершенно невѣроятно [2]). Первое, положимъ, справедливо, а со вторымъ и третьимъ, по нашему мнѣнію, необходимо должно согласиться. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы варягоманія была навзничь опрокинута. На всѣ эти три возраженія противъ норманнизма, какъ намъ думается, можетъ быть данъ удовлетворительный отвѣтъ безъ особеннаго труда. Русскіе и именно Новгородцы [3]) впервые познакомились съ Норманнами черезъ Финновъ, которые жили между одними и другими. Финны называли Норманновъ, какъ и до настоящаго времени называютъ Шведовъ, Rotsi, Ruotsi, Ruossi. Познакомившись съ Норманнами чрезъ Финновъ, Русскіе (новгородскіе Славяне) естественно могли назвать ихъ и именемъ ихъ финнскимъ, и такимъ образомъ изъ финнскаго Rotsi-Ruossi и произошло русское (славянское) имя Норманновъ (а отъ чего Финны назвали Норманновъ Rotsi-Ruossi, это насъ не касается). Въ слѣдъ за Русскими назвали Норманновъ этимъ именемъ Греки [4]), а за Греками Арабы, а такимъ образомъ и случилось, что на Востокѣ явилось имя Норманновъ-Русь, бывше неизвѣстнымъ на Западѣ. Что касается въ частности до Грековъ, то необходимо думать, что черноморскіе Норманны или Варяги на первыхъ порахъ своего поселенія при Черномъ морѣ, что̀, какъ мы сказали, случилось не задолго до 839 г., и сами называли себя передъ Греками именемъ Русскихъ. Если не ранѣе, то съ конца VIII вѣка во всей Европѣ очень хорошо было извѣстно, что такое Норманны, т. е. очень хорошо было извѣстно, что они суть морскіе пираты и разбойники, ибо свои знаменитые морскіе подвиги они начали на Западѣ если не ранѣе, то съ этого конца VIII вѣка [5]). Назвать себя передъ Греками съ перваго знакомства Норманнами значило заставить греческое правительство тотчасъ же принять противъ себя всю осторожность; а поэтому и естественно, что они назвали себя именемъ, которое давали имъ другіе. Что такъ поступили черноморскіе Норманны по отношенію къ Грекамъ, объ этомъ необходимо заключать изъ ихъ поведенія по отношенію къ Франкамъ. Въ 839 г., о чемъ мы тоже говорили, успѣли пробраться къ франкскому императору Людовику Благочестивому, съ посольствомъ константинопольскаго императора Ѳеофила, нѣсколько черноморскихъ Норманновъ съ цѣлями соглядатія (надѣясь посредствомъ обмана пройдти и высмотрѣть всю имперію). Если бы они назвали себя Норманнами, то тотчасъ же были бы отправлены императоромъ на висѣлицу или покрайней мѣрѣ

---

[1]) «Избрашася 3 братья съ роды своими и пояша по себѣ всю Русь», подъ 862 г.

[2]) *С. Гедеоновъ*, Отрывки изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. I., кн. II и слѣдд.

[3]) Всякій, конечно, понимаетъ, что слово Русскій мы употребляемъ по антиципаціи.

[4]) Οἱ Ῥῶς. Греки могли говорить и писать и οἱ Ρȣ̃ς; но они сближали Русскихъ, какъ мы сказали, съ библейскими Росами.

[5]) Einhardi Annales съ 800 г., а послѣ него съ 830 г. Бертинская лѣтопись.

въ самое крѣпкое мѣсто; но они назвали себя Руссами, и императоръ, заподозрившій въ нихъ шпіоновъ, дознался, что они дѣйствительно Норманны, только «послѣ тщательнаго изслѣдованія» т. е. послѣ нарочнаго усерднаго дознаванія (императоръ франкскій отлично зналъ Норманновъ; въ людяхъ, называвшихъ себя Русью, онъ узналъ Норманновъ: какое еще свидѣтельство антинорманнистамъ, что Русь суть Норманны?) [1]) Что касается до того, что лѣтописецъ дѣлаетъ изъ Руссовъ племя норманнское, тогда какъ Руссами назывались всѣ Норманны, и что онъ приводитъ съ Рюрикомъ въ Новгородъ всю Русь, что̀, конечно, совершенно невѣроятно, то эти недоумѣнныя обстоятельства, по нашему мнѣнію, могутъ быть объясняемы (и въ виду другихъ, имѣющихся въ пользу норманнизма, доказательствъ и должны быть объясняемы) слѣдующимъ образомъ. Новгородско-кіевскіе Славяне первое время называли Норманновъ Руссами; съ этимъ именемъ (Руссовъ) Норманны водворились и между ними для владѣнія ими. Но потомъ Славяне узнали другое имя Норманновъ, которымъ они называли себя сами, т. е. имя Варяговъ [2]), и постепенно усвоивъ это второе имя (которое и у самихъ Норманновъ, можетъ быть, явилось не вдругъ и не скоро) перестали называть ихъ первымъ [3]). Въ то время, какъ лѣтописецъ писалъ свою лѣтопись, Норманны поселившіеся между нашими Славянами для владѣнія (какъ и сами уже эти Славяне, назывались Руссами, потому что съ этимъ первымъ именемъ поселились, которое и осталось за ними навсегда), но Норманны такъ сказать норманнскіе, Норманны, приходившіе тогда (во времена его—лѣтописца) изъ Норманніи, не назывались уже Русскими, а Варягами. Лѣтописецъ не зналъ, чтобы прежде всѣ Норманны назывались у насъ Русью, а поэтому и заключилъ, что Русь поселившіеся у насъ были особое племя Норманновъ. Заключивъ ошибочнымъ образомъ это, онъ уже необходимо долженъ былъ приводить съ Рюрикомъ въ Новгородъ всю Русь: между современными себѣ Варягами онъ не находилъ племени Руси, а отсюда и заключилъ, что оно все выведено Рюрикомъ въ Новгородъ.

---

[1]) И еще свидѣтельство: по лѣтописцамъ греческимъ въ правленіе импер. Михаила III нападали на Константинополь Россы, а лѣтописецъ западный,—Іоаннъ діаконъ Венеціанскій, называетъ этихъ Россовъ Норманнами. Присоединяя сюда Луитпранда (важность показанія котораго г. Гедеоновъ старается умалить бѣзъуспѣшно), получимъ три свѣдѣтельства, а при устахъ трехъ свидѣтелей...

[2]) Варягъ отъ Varing, Väring (ing въ славянск. черезъ юсъ, какъ греческ. Νοέμβριος — Ноябрь, а къ Väring сн. рѣку Веряжку) было не названіемъ Норманновъ какъ народа, а названіемъ тѣхъ между ними, которые отправлялись изъ отечества артелями или ватагами въ чужія земли для службы въ нихъ и для грабежа ихъ. Varing отъ wara—клятва, присяга, и значитъ клятвенникъ, присяжникъ, потому что члены означенныхъ артелей или ватагъ давали предъ снаряженіемъ въ путь взаимную клятву, присягу (ср. о нашихъ каликахъ отправлявшихся къ св. мѣстамъ артелями, изданіе Безсонова „Калики перехожіе“, ч. I №№ 4 и 6).

[3]) Подобнымъ образомъ и Греки, у которыхъ должно различать двѣ категоріи Варанѓовъ (Βαράγγοι)—сначала Норманнскихъ, потомъ Англійскихъ.

Въ Россіи очень много рѣкъ и рѣчекъ, которыя носятъ названія Рось и Руса, такъ что эти названія необходимо должны быть считаемы за коренныя славянскія [1]). Послѣднее совершенно вѣрно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и названіе народа Русь было славянскимъ и чтобы такимъ образомъ и самый народъ былъ не Норманнами. Созвучіе въ имени народа Русь съ названіями рѣкъ Рось и Руса просто случайное, каковыхъ примѣровъ тысячи (т. е. примѣровъ того, что слова въ языкахъ разныхъ народовъ, не имѣющія между собою ничего общаго по значенію и этимологическому происхожденію, сходны по звукамъ). Имя народа Русь явилось сейчасъ указаннымъ нами образомъ, а названія рѣкъ Рось и Руса, не имѣющія съ этимъ именемъ ничего общаго кромѣ случайнаго созвучія, дѣйствительно славянскія. Праславянское *рось*, откуда славянское роса (лат. ros, греческ. δρόσος) означало, какъ должно предполагать (по соображенію съ происшедшимъ отъ него словомъ роса) воду особенно прохладительную и живительную (цѣлительную), воду особенно доброкачественную, и давалось вѣроятно рѣкамъ съ особенно чистой и свѣтлой водой, изобиловавшимъ ключами (пусть припомнитъ читатель цѣлительное значеніе росы въ славянск. миѳологіи и пусть смотритъ для сего Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ»). Праславянское *руса*, откуда славянское русло (греч. тема ῥύω, отъ которой слово ῥύσις и сложное ἀναῤῥύω, а вѣроятно и латинск. ruo, сравн. старофранцузскія ru, ruz въ значеніи ruisseau, — Philologie Française ou Dictionnaire Etymologique, *par Noël et Carpentier*, подъ послѣднимъ словомъ), означало именно рѣку [2]), и будучи нарицательнымъ названіемъ рѣки (воды, Кельтское rus — озеро, у *Гедеон.*) давалось иногда рѣкамъ (по разнообразнымъ причинамъ и побужденіямъ) какъ имя собственное (примѣры чего видимъ и въ другихъ языкахъ и у другихъ народовъ; полагаютъ, что въ названіяхъ большихъ рѣкъ древней Великой Скиѳіи Tanais, Danapris, Danatris, Danubius начальное Tan и Dan означаетъ воду, рѣку, см. *Гёрца* Археологич. топографію Таманскаго полуострова, стр. 29 нач.).

Что имена нашихъ князей и нашихъ пословъ въ договорахъ Олега и Игоря, насколько они не ославянены народнымъ говоромъ, не передѣланы и не испорчены лѣтописцемъ и его переписчиками, суть норманнскія (германскія), это совершенно ясно для всякаго кромѣ нашихъ антинорманнистовъ, которыхъ по всей справедливости можно назвать мисологами или мисо-филологами, вообще врагами филологіи (у г. Гедеонова, изслѣдователя весьма ученаго, серьезнаго и почтеннаго, филологія также весьма недоброкачественна). Здѣсь мы прибавимъ двѣ три замѣтки (такъ какъ мы не знакомы спеціально со всей литературой по вопросу, то можетъ быть скажетъ то, что уже давно извѣстно; въ такомъ случаѣ просимъ извиненія за тщетное усердіе). Имени Олега ищутъ въ норманнскихъ именахъ Алакъ, Олофъ, Олавъ (которое, замѣтимъ, въ Римбертовомъ житіи св. Ансгарія

---

1) *Г. Гедеоновъ, ibid.*

2) Что видно изъ того, что чешское Rusadlec — водяной богъ (*Ранкъ*) и что общеславянская русалка — водяная женщина, сравн. о русалкахъ ниже.

пишется Olef)[1]). Но есть Аллеманское имя Olleih[2]). Имени Синеусъ (которое у антинорманнистовъ, конечно, синій усъ) ищутъ въ именахъ Сніо, Синніутеръ, Сигніаутеръ, Синіямъ, Суне[3]). По нашему мнѣнію, для него нужно искать Zinnioz, Cinnioz (-otz). Между именами пословъ Олеговыхъ есть имя Лидулфостъ (которое въ Лаврентьевскомъ спискѣ раздѣлено на два имени Лидулъ, Фостъ). Ладулфостъ очевидно есть греческое Λιδȣ́λφος, потому что лѣтописцемъ или вообще переводчикомъ договора съ греческаго оставлено въ его греческой формѣ. Греческое Λιδȣ́λφος есть латинское Lidulfus (Liudulfus): если антинорманнисты докажутъ намъ, что имя Людольфъ не германское, а славянское, то это будетъ знаменитымъ съ ихъ стороны дѣломъ (Это — Лидульфосъ, затѣмъ столько же безспорно норманнскія: Рюрикъ — Roricus, *Бертинск. лѣт.*, Игорь, Ингварь — Inguar, *Адамъ Брем.*, Гримъ, посолъ Игоревъ — Grimm: не достаточно ли филологическихъ доказательствъ? Въ помянутыхъ каталогахъ у Seckenberg'а есть еще: Adoinus, Audini, Audo, Haduini (славянск. Адунь, а у Лонгобардовъ былъ король Auduin, умершій передъ 566 г., *Павелъ діаконъ* предъ симъ годомъ), Almo, Aulmo (слав. Олма), Altuom (слав. Алданъ), Berrich (Börrich? слав. Боричъ), Bruninc, Bruning, Pruning, Pruninc (слав. Бруны), Farulfus (слав. Фарлофъ), Hudo (слав. Гуды), Libo, Liubinc (слав. Либи), Liuto, Liutto, Luto (слав. Лютъ), Ruadi, Ruodi (слав. Руалдъ), Sibraht (слав. Шибритъ), Vuelfart (слав. Вуельфастъ?) Verimunt (слав. Веремудъ) и многія другія, которыя не такъ близки къ славянскимъ; въ одномъ изъ актовъ, напечатанныхъ у Seckenberg'а II, 41 нач. — Thruant, слав. Труанъ).

Говорятъ, что языческая вѣра Руси или Русскихъ отличалась рѣзкими особенностями отъ таковой же вѣры Норманновъ, именно — что, вопервыхъ, у Русскихъ были человѣческія жертвоприношенія, которыхъ у Норманновъ не было, что, вовторыхъ, у Русскихъ было поклоненіе водамъ и рощеніямъ[4]). Первое совершенно несправедливо (доказательства приведемъ нѣсколько ниже), а второе странное недоразумѣніе. Мы не знаемъ, было или не было у Норманновъ поклоненіе водамъ и рощеніямъ. Но положимъ, что не было, что изъ этого? Норманны, поселившись между Славянами (Русскіе, Русь), усвоили ихъ вѣру, что̀ совершенно естественно, и только. Не будучи совершенно обстоятельно знакомы съ литературой по Варяжскому вопросу, мы, можетъ быть, сдѣлаемъ упрекъ норманнистамъ несправедливый, но по нашему мнѣнію они не мало виноваты въ томъ, что до сихъ поръ не предпринято обстоятельнаго изученія быта Шведовъ (древнихъ восточныхъ Норманновъ) для сличенія его съ нашимъ народнымъ и что въ этомъ

---

1) *Погодинъ*, О происхожденіи Руси, стр. 53.

2) См. два каталога Аллеманнскихъ собственныхъ именъ, напечатанные во 2 т. Alamannicarum rerum Scriptores Henr. Christ. Seckenberg'a, изд. 3 р. 104, sqq.

3) *Погодинъ*, ibid. стр. 52.

4) *Гедеоновъ*, ibid.

отношеніи все продолжаютъ перебиваться тѣмъ, что указано Карамзинымъ. Мы для нашихъ цѣлей имѣли нужду заниматься вопросомъ объ архитектурѣ и можемъ положительно сказать, что вліяніе Шведско-норвежской архитектуры на нашу Сѣверно-русскую (Новгородскую) несомнѣнно (см. ниже въ архитектурѣ церквей. Любопытно было бы знать, нѣтъ ли у Шведовъ нашихъ «русскихъ» бань, такъ характеризующихъ сѣверную половину нашихъ Славянъ? А между тѣмъ укажемъ здѣсь, можетъ быть, впрочемъ, уже давно указанное: Святославъ «имашеть (съ Грековъ дань) и за убъеныя, глаголя: яко родъ возметь», Лѣтоп. подъ 971 г., совершенно также и Норманны, *Бертинск. лѣтоп.* подъ 836 sub fin. и 866 гг.; у насъ было судебное «поле», находимъ его и у Норманновъ, таже лѣт. подъ 863 г. sub fin).

Игоревы Русскіе, предпринимавшіе неудачный походъ на Константинополь въ 941 г. (первый Игоревъ походъ), у греческихъ лѣтописцевъ называются Дромитами, Δρομῖται. А. А. Куникъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ Греческомъ классическомъ и Византійскомъ языкѣ нѣтъ слова Δρομίτης (Каспій, стр. 667 прим.). Намъ думается, что вмѣсто Δρομῖται должно читать Δρομωνῖται. Δρομώνιον'ами назывались легкія и скороходящія морскія суда (cfr у него же ibid. стр. 361), а на такихъ именно судахъ разъѣзжали по морямъ Норманны. Суда Русскихъ, нападавшихъ на Константинополь при импер. Михаилѣ и патр. Фотіи, Никита Пафлагонскій называетъ именемъ вполнѣ соотвѣтствующимъ названію δρομώνιον или лучше сказать тождественнымъ съ нимъ — τρογαντήρ, вмѣсто τρεχαντήρ, отъ τρέχω — бѣгу (какъ и δρομώνιον отъ τρέχω, т. е. собственно отъ формы утратившей корень и подведенной подъ τρέχω), Acta SS. Болландистовъ, Октября t. 10 p. 182 col. 2, (издатель этого тома Acta SS. недоумѣваетъ надъ названіемъ судна τρογαντήρ, p. 186, но у Грековъ и до настоящаго времени есть большія морскія лодки, называемыя трехантирами, по новогреч. τρεχαντήρι, и мы сами, бывъ на Аѳонѣ, имѣли удовольствіе разъѣзжать тамъ по морю на трехантирѣ).

Что касается до вопроса: добровольно призвали Славяне Норманновъ или послѣдніе силою водворились между ними, то здѣсь вѣроятнѣйшимъ представляется, конечно, послѣднее. Лѣтописецъ самъ констатируетъ и признаетъ подъ 859 г. тотъ фактъ, что «Варязи имаху дань» на Новгородцахъ и Кривичахъ и на всѣхъ финнскихъ народахъ сѣверной половины Руси. Но когда онъ говоритъ подъ 862 г., что «изгнаша Варязи за море и не даша имъ дани», то онъ говоритъ нѣчто вовсе невѣроятное. Ни одинъ изъ платившихъ Варягамъ дань народовъ не въ состояніи былъ изгнать ихъ самъ собой и отдѣльно (пусть припомнитъ или справится читатель, какъ было на Западѣ, гдѣ платили Норманнамъ дань даже сами франкскіе императоры), а чтобы всѣ народы соединились между собою, то этотъ «священный» союзъ, вопервыхъ, чрезвычайно трудно мыслимъ (да припомнитъ читатель въ исторіи, какъ народы и отдѣльныя племена однихъ и тѣхъ же народовъ не охочи были устраивать подобные союзы даже въ виду настоятельныхъ общихъ нуждъ, — Греки, Поморскіе, Славяне, Американцы передъ нашествіемъ

Европейцевъ), а вовторыхъ, если бы этотъ, вовсе не вѣроятный, союзъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то тотчасъ же послѣ изгнанія не послѣдовало бы того, чтобы «всталъ родъ на родъ и почали воевать сами на ся» (ибо если бы народы дѣйствительно были соединены въ одно, то были бы соединены только весьма крѣпкою рукой, которая бы сразу не ослабла). Западная половина Норманновъ (Датчане и Норвежцы) начала свои набѣги на береговыя области франкской имперіи по крайней мѣрѣ съ конца VIII вѣка. По всей вѣроятности не позднѣе этого начала свои набѣги на берега Балтійскаго моря съ Финскимъ заливомъ и половина восточная (Шведы). Сначала Норманны дѣлали набѣги на приморскихъ Финновъ, а потомъ добрались и до нашихъ Новгородцевъ съ Кривичами. Нѣкоторое время они брали съ тѣхъ и другихъ дань, а потомъ и совсѣмъ водворились между послѣдними, чтобы основать у нихъ свое государство (какъ западная половина ихъ, можетъ быть и при ихъ участіи, основала государства во Франціи, Англіи и Италіи). Не основались Варяги у кого нибудь изъ береговыхъ Финновъ, а между Новгородцами, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, по той причинѣ, что въ Новгородцахъ, т. е. нашихъ Славянахъ, они видѣли болѣе доброкачественный матеріалъ для основанія государства, чѣмъ всѣ финнскіе народы.

III.

Христіанство въ Россіи отъ начала государства до св. Владимира.

Доселѣ мы отрицали то, что̀ другими признается; теперь на оборотъ мы должны утверждать гораздо большее, нежели что̀ другими принимается. Неправильны и ошибочны обыкновенныя представленія о христіанствѣ въ Россіи за пространство времени отъ начала государства до общаго крещенія Владиміромъ всей страны. Христіанство появлялось въ Кіевѣ въ правленіе Игоря; послѣ Игоря его приняла единолично или съ весьма немногими св. Ольга, а затѣмъ оно изчезло совсѣмъ или почти до времени Владимира, — такъ обыкновенно представляется дѣло. Въ дѣйствительности оно было вовсе не такъ. Явившись, можетъ быть, еще до Игоря, а во всякомъ случаѣ несомнѣнно въ его правленіе, христіанство не изчезало потомъ болѣе въ Кіевѣ, а постоянно существовало въ немъ до самого Владимира, вслѣдствіе чего и его непрерывная исторія въ Россіи должна быть полагаема собственно не со времени послѣдняго изъ князей, а не позднѣе какъ со времени перваго. Владимиръ вмѣстѣ съ собою крестилъ всѣхъ Русскихъ, сдѣлалъ христіанство общею вѣрою всего народа; но, прежде чѣмъ стать вѣрой общею и гос-

подствующею, христіанство довольно долгое время, не менѣе полувѣка, непрерывно существовало въ Россіи какъ вѣра частная, о бокъ и рядомъ съ господствующимъ язычествомъ.

Исторія нашего государства началась тѣмъ, что бывъ добровольно призваны или (что̀ гораздо вѣроятнѣе) недобровольно приняты, пришли владѣть нами норманскіе Варяги-Руссы. Эти Варяги довольно долгое время не смѣшивались съ коренными Славянами, представляя изъ себя отдѣльную владѣющую національность или какъ бы отдѣльную господствующую касту, однимъ словомъ — особо стоявшую толпу иноплеменныхъ находниковъ и особый народъ въ народѣ. Христіанство впервые явилось въ Кіевѣ и до времени св. Владимира существовало въ немъ и вообще въ Россіи если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ между этими отдѣльными отъ коренныхъ Славянъ Варягами.

При Игорѣ.

Очень можетъ быть, что первые христіане между Варягами явились еще при Рюрикѣ и Олегѣ и одновременно съ первымъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Съ своей родины, т. е. изъ своей Норманніи они давно ходили на службу въ Константинополь [1]); не имѣемъ мы положительныхъ извѣстій, однако можемъ со всею вѣроятностію предполагать, что они начали принимать тамъ христіанство еще до половины IX вѣка; [2]) но между членами дружины Рюриковой очень могли быть люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно такіе, которые могли принять тамъ христіанство. Равнымъ образомъ и послѣ прибытія къ намъ Рюрика подобные крещеные Варяги могли приходить къ нему, къ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя. Какъ бы то ни было, наша лѣтопись ничего не говоритъ о христіанахъ Варягахъ при двухъ первыхъ великихъ князьяхъ, и мы положительно можемъ сказать

[1]) Въ разсказѣ лѣтописи объ Аскольдѣ и Дирѣ, отпросившихся у Рюрика въ Константинополь, дается знать, что послѣдній хорошо былъ знакомъ Варягамъ уже прежде.

[2]) У себя дома Норманны начали принимать Западное христіанство частичнымъ образомъ или поединично съ 826 г. Въ этомъ году крестился при дворѣ императора франкскаго Людовика одинъ изъ князей датскихъ, по имени Геріольдъ или Гаральдъ, прогнанный съ своего стола другими князьями датскими. Крещеніе Геріольда возбудило въ императорѣ желаніе учредить миссію для обращенія Норманновъ и исполнителемъ его желанія явился св. Ансгарій, монахъ Новокорвейскій, съ 831 по 865 г. первый архіепископъ Гамбургскій, который трудился надъ проповѣдію христіанства въ Даніи и Норвегіи съ Швеціей съ нѣкоторымъ успѣхомъ непосредственно и посредственно черезъ другихъ, *Einhardi* Annales подъ 826 г. и житіе св. Ансгарія, написанное Римбертомъ,—въ Monum. Germ. *Пертца*.

только, что они явились въ Кіевѣ не позднѣе какъ въ правленіе Игоря[1]).

Что христіане были между кіевскими Варягами въ правленіе Игоря — это фактъ, извѣстный изъ договора послѣдняго съ Греками 944 г. [2]) и всѣми общепринятый. Но страннымъ образомъ до сихъ поръ ни церковные ни гражданскіе историки наши не обращали серьезнаго вниманія на этотъ договоръ Игоря съ Греками. Никто не думалъ заявлять подозрѣнія, чтобы онъ былъ позднѣйшею поддѣлкой; всякому сколько-нибудь разумѣющему дѣло ясно, что текстъ его, какъ онъ помѣщенъ въ лѣтописи, представляетъ собою не вольную передачу, сдѣланную самимъ лѣтописцемъ, а самый документъ въ его подлинномъ видѣ и въ его подлинномъ и буквальномъ, въ переводѣ съ греческаго на русскій,

---

1) Когда послы Олега въ 912 г. заключили въ Константинополѣ миръ съ Греками, то по словамъ нашей лѣтописи, «царь Леонъ почти послы Руские дарми — златомъ и паволоками и фофудьами и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту и полаты златыа и въ нихъ сущее богатство — злато много и паволоки и каменье драгое, и страсти Господни и вѣнецъ и гвоздіе и хламиду багряную и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру». Сличая это извѣстіе нашей лѣтописи съ греческими извѣстіями о пріемѣ въ Константинополѣ иностранныхъ пословъ, слѣдуетъ заключать, что какъ богатство императорскаго дворца, такъ и красота церквей (въ особенности св. Софіи), были показываемы нашимъ посламъ не столько за тѣмъ, чтобъ учить ихъ вѣрѣ христіанской, какъ заключаетъ лѣтописецъ отъ себя, сколько за тѣмъ, чтобы похвастать предъ ними и произвести на нихъ впечатлѣніе; совершенно подобное тому, что̀ пишетъ нашъ лѣтописецъ о поведеніи въ Константинополѣ съ послами Русскими, мы находимъ у Константина Порфирогенита о поведеніи съ послами Сарацинскими (De ceremon. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 590 sqq., у *Миня* Patr., t. 112, p. 1100). Страсти Господни и вѣнецъ и гвоздіе и пр. лѣтописецъ вѣроятно прибавляетъ самъ отъ себя, на основаніи своего предположенія о цѣли, съ которой были показываемы посламъ церкви (Въ росписаніи архіерейскихъ каѳедръ, подвѣдомыхъ Константинопольскому патріарху, которое носитъ въ своемъ заглавіи имя того же императора Льва Мудраго, въ ряду митрополій на 61-мъ мѣстѣ стоитъ ἡ Ῥωσσία. Нѣкоторые ученые, въ подтвержденіе своихъ предзанятыхъ мыслей, находятъ возможнымъ пользоваться свидѣтельствомъ росписанія; но уже давно доказано и признано, что оно или не принадлежитъ Льву Мудрому или, если принадлежитъ, то интерполировано въ позднѣйшее время).

2) Въ договорѣ нѣтъ индикта и года, но время его написанія весьма точно опредѣляется тѣмъ, что онъ писанъ «при царѣ Романѣ и Константинѣ и Стефанѣ христолюбивыхъ владыкахъ» и положенъ въ лѣтописи подъ 6453 г. Такъ какъ императоръ Романъ Лекапенъ (а Константинъ и Стефанъ его сыновья) согнанъ съ престола 16-го декабря 944 г., то договоръ писанъ ранѣе сего; а такъ какъ въ 6453 сентябрскомъ году отъ С. М. на 944 январскій годъ отъ Р. Х. приходятся мѣсяцы сентябрь — декабрь (дальнѣйшіе же къ 945 г.), то договоръ писанъ послѣ 1-го сентября 944 г.

чтеніи [1]). Слѣдовательно, въ договорѣ, какъ онъ помѣщенъ въ лѣтописи, мы несомнѣнно имѣемъ подлинный оффиціальный документъ. Но документъ этотъ говоритъ относительно христіанства въ Россіи во времена Игоря несравненно болѣе, нежели что̀ обыкновенно принято въ немъ видѣть и находить. Въ договорѣ два раза говорится о Варягахъ, какъ о сторонѣ, заключающей миръ съ Греками, и въ оба раза между ними различаются и отдѣльно упоминаются двѣ половины — не крещенная и крещенная [2]). Въ началѣ договора, гдѣ Русскіе даютъ обязательство соблюдать заключаемый миръ, мы читаемъ: «Иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку (таковую) любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій, и елико ихъ не хрещено есть, да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна»... На концѣ договора, гдѣ Русскіе снова повторяютъ свои помянутыя обязательства, два раза написано — сначала какъ ручательство со стороны крещенной за себя и за сторону не крещенную: «а иже преступитъ се (написанное выше) отъ страны нашея или князь или инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имутъ помощи отъ Бога и да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій», потомъ какъ ручательство со стороны не крещенной за себя и за сторону крещенную: «аще ли же кто отъ князь или отъ людій Рускихъ, ли хрестеянъ или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, (да) будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву». Послѣ заключенія договора Русскіе послы были приводимы въ Константинополѣ къ присягѣ, и объ этомъ приписано въ немъ самомъ или въ самомъ его актѣ: «мы же (послы Русскіе), елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи въ сборнѣй церкви, предлежащимъ

---

1) Договоръ прямо начинается непонятнымъ: «Равно другаго свѣщанья»... Это, какъ счастливо догадался г. Н. Лавровскій, есть неудачный переводъ греческаго ἴσον, которое буквально дѣйствительно значитъ „равно“, но которое употреблялось и употребляется еще въ значеніи копія, каковое оно и имѣетъ въ данномъ случаѣ. О подлинности договора и о слѣдахъ въ немъ греческаго см. въ диссертаціи сейчасъ названнаго почтеннаго ученаго: О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договора Русскихъ съ Греками, С.-Пб. 1853. И Шлецеръ находилъ договоръ только весьма испорченнымъ (Нест. въ русск. перев., III, 90, что̀ собственно значитъ, что онъ самъ плохо зналъ славянскій языкъ и не принялъ во вниманіе что договоръ есть переводъ съ греческаго), но и онъ не сомнѣвался въ его подлинности.

2) Порядокъ содержанія договора послѣ заглавія или надписанія: перечисленіе именъ пословъ русскихъ, обязательство пословъ соблюдать заключаемый миръ, пункты или статьи уложенные, подпись пословъ съ новымъ обязательствомъ соблюдать написанное.

честнымъ крестомъ и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней... а некрещеная Русь да полагають [1]) щиты своя и мечи своя наги и обручи свои и прочая оружьи, и да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей» [2]).

Разказавъ послѣ этого, какъ послы греческіе, прибывшіе изъ Константинополя въ Кіевъ, приводили къ присягѣ Игоря и его бояръ, и какъ крещенные между послѣдними были водимы на роту въ «сборную» церковь св. Иліи, лѣтописецъ заключаетъ: «мнози бо быша Варязи хрестеяни». Въ этихъ заключительныхъ словахъ лѣтописца, что многіе Варяги были христіанами, по видимому, представляется совершенно достаточный выводъ изъ всего того, что̀ сказано о христіанахъ въ самомъ договорѣ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ, и слѣдуетъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочесть договоръ, чтобы видѣть, что изъ него слѣдуетъ гораздо большее. Господствующею, оффиціальною вѣрою Русскихъ было язычество; но мы видимъ, что въ договорѣ вмѣстѣ съ стороной представителей вѣры господствующей вездѣ упоминаются, какъ равная сторона, представители и вѣры не господствующей — христіанства: ясно, что христіанъ было не только много, но и весьма много, ибо иначе какимъ образомъ они получили бы равенство? Если сторона не господствующая поставлена совершенно на-равнѣ съ господствующею, то ясно и необходимо слѣдуетъ, что она имѣла надъ послѣднею нравственный перевѣсъ, ибо получить равенство при неимѣніи на то права она, очевидно, могла только въ случаѣ перевѣса. Но и этого мало. Рѣшительный нравственный перевѣсъ христіанъ надъ язычниками есть не только необходимое заключеніе, но положительный и несомнѣнный фактъ. Мы уже сказали выше, что имѣемъ передъ собою договоръ не въ передѣлкѣ или вольной передачѣ лѣтописца, а въ его подлинномъ видѣ и подлинномъ текстѣ. Что̀ же мы въ немъ находимъ? Въ оффиціальномъ договорѣ съ другимъ народомъ Кіевскіе Варяги дозволяютъ, чтобы сторона христіанъ, которая была не господствующею, вездѣ была поставлена выше стороны язычниковъ, которая была господствующею. Если дозволяютъ, то очевидно — потому, что не хотятъ и не могутъ не дозволить; а если

---

[1]) На основаніи выраженія о крещеныхъ Русскихъ въ прошедшемъ времени (кляхомся), а о не крещеныхъ въ будущемъ (да полагають, то-есть, имѣютъ полагать) необходимо представлять дѣло такъ, что крещеные приведены были къ присягѣ во время написанія договора, а не крещеные имѣли быть приведены послѣ.

[2]) «Наги», т. е. вынутыми изъ ножонъ, во свидѣтельство того, что преступнику клятвы достоитъ своимъ оружьемъ умрети; «обручи» — ручныя запястья отъ объ и рука, т. е. вокругъ руки (браслеты и можетъ быть—шейныя гривны); «прочая оружья» — прочіе воинскіе доспѣхи и (рыцарскія) украшенія, надъ которыми (положенными) они должны были произносить клятву.

не хотятъ и не могутъ, то ясно, что хотящіе и могущіе были на сторонѣ христіанъ. Но и этого наконецъ мало: въ договорѣ не только ясно дается знать, что христіане первенствовали предъ язычниками, но прямо и опредѣленно заявляется, что именно имъ принадлежало все веденіе дѣла о немъ: «мы же елико насъ крестилися есмы»... говорятъ они о себѣ, а о язычникахъ въ третьемъ лицѣ (и какъ бы пренебрежительно) «а некрещеная Русь полагають»... Итакъ, оффиціальный и несомнѣнный документъ сообщаетъ намъ относительно правленія Игорева свѣдѣнія: христіанъ между Варягами было при немъ не только много, но и весьма много; если не численно (чего документъ не даетъ знать) то нравственно они преобладали надъ язычниками; они составляли партію политическую господствующую и въ ихъ рукахъ находилось веденіе государственныхъ дѣлъ. Все это, можетъ быть, не совсѣмъ ожиданно; но прежде чѣмъ обращаться къ разъясненію дѣла, мы должны еще указать послѣднюю и самую бо́льшую неожиданность. На основаніи всего сказаннаго, ее, полагаемъ, видитъ уже и самъ читатель. Какъ бы то ни было, она состоитъ въ томъ, что долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства или къ числу христіанъ внутреннихъ самъ великій князь, т. е. Игорь. Если христіане нравственно преобладали надъ язычниками и если именно они составляли политическую партію господствующую, то оказывается совершенно необходимымъ сдѣлать и принять сейчасъ указанное нами предположеніе. Что оно въ собственномъ смыслѣ и безъ всякаго преувеличенія совершенно необходимо, что безъ него невозможно объяснить преобладанія и господства христіанъ, — это, надѣемся, слишкомъ ясно для всякаго и не требуетъ доказательствъ: будь великій князь на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною безсмыслицей. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ относительно правленія Игорева или, по крайней мѣрѣ, второй его половины, мы получаемъ тотъ выводъ, что христіанъ въ Кіевѣ между Варягами было весьма много и что даже самъ великій князь находился на сторонѣ ихъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ, вслѣдствіе чего въ области дѣлъ политическихъ они явно и рѣшительно преобладали надъ язычниками.

Можетъ, повторяемъ, казаться все это не совсѣмъ ожиданнымъ; а между тѣмъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего особенно страннаго.

Начнемъ съ того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ Варяги христіане. Игорь, какъ всѣ язычники, отличался совершенною вѣротерпимостью и принималъ къ себѣ на службу приходившихъ Варяговъ безъ всякаго различія, были ли они язычники или христіане. Въ его время Варяги, находившіеся на службѣ въ Константинополѣ, какъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, если не въ большинствѣ своемъ,

то въ значительномъ количествѣ, принимали христіанство [1]). Если мы предположимъ то, что̀ предположить совершенно естественно, аименно что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодною и почетною для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что, вслѣдствіе того, они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, то и получимъ совершенно удовлетворительное объясненіе, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ весьма многіе Варяги христіане. Въ Константинополѣ Варяги должны были довольствоваться опредѣленнымъ жалованьемъ и не разчитывать ни на что болѣе; напротивъ того, у Русскаго князя они могли надѣяться на обогащеніе добычею въ военныхъ походахъ, которые были бы предпринимаемы съ этою спеціальною цѣлію. Въ Константинополѣ они были только чуждые наемники и не могли добиваться служебныхъ положеній сколько-нибудь почетныхъ; напротивъ того, приходя въ Кіевъ къ своимъ, они тотчасъ же натурализовались и поступали на службу какъ бы въ своемъ собственномъ государствѣ. Наконецъ, въ Константинополѣ было благоустроенное государство, и въ немъ, конечно, старались по возможности обуздывать людей съ слишкомъ широкими натурами, каковы были Варяги; напротивъ того, въ Кіевѣ была еще своя любезная имъ Норманнія, т. е. еще приволье жить понормански. Совершенно естественно было по всему этому то явленіе, чтобы Варяги въ весьма большемъ числѣ перешли изъ Константинополя въ Кіевъ [2]).

Ничего не представляетъ невѣроятнаго и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія стоялъ на сторонѣ христіанъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ.

Игорь могъ склониться къ христіанству и стать внутреннимъ христіаниномъ или самимъ собою или при посредствѣ жены своей Ольги. Очевидна вѣроятность послѣдняго, но собственно говоря, совершенно таковаже вѣроятность и перваго. Въ то время между Варягами началось рѣшительное или, по крайней мѣрѣ, очень значительное движеніе къ христіанству; многіе изъ Варяговъ, крещеныхъ въ Константинополѣ, пришли служить къ Игорю: что̀ удивительнаго, что эти крещеные Варяги успѣли въ Кіевѣ пріобрѣсти христіанству одного изъ своихъ, то-есть Кіевскаго великаго князя? Обратились и обращались къ христіанству весьма многіе Варяги: но для князя въ числѣ этихъ многихъ была со-

---

[1]) Константинъ Порфирогенитъ говоритъ о цѣлыхъ отрядахъ Руссовъ, служившихъ въ Константинополѣ, которые составлены были изъ однихъ крещеныхъ, De ceremonn. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 579, у *Миня* Patr., t. p. 112.

[2]) Церковь Кіевскихъ Варяговъ была во имя одного святаго съ таковою же церковію Варяговъ Константинопольскихъ (пророка Иліи). Довольно ясно дается этимъ знать, что первая была дочерію послѣдней.

вершенно такая же возможность обратиться къ нему, какъ и для всякаго другаго. Что касается до Ольги, то относительно ея необходимо предполагать, что, ставъ открытою христіанкою только послѣ смерти Игоря, она сдѣлалась таковою внутренно еще за долго до этой послѣдней. Но, ставъ сама христіанкою, она естественно должна была склонять къ христіанству и мужа. А если должна была склонять, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ.

Ставъ христіаниномъ внутренно, Игорь не сдѣлался имъ открыто. Это необходимо объяснять причинами политическими. Игорь былъ на престолѣ Кіевскомъ и всего вторымъ государемъ [1]); въ глазахъ своихъ подданныхъ Славянъ онъ все еще оставался такимъ же чуждымъ пришельцемъ, какими были Олегъ и Рюрикъ. По всему этому онъ еще не могъ чувствовать себя на своемъ престолѣ слишкомъ твердо. Но не чувствуя себя твердо на престолѣ, онъ не могъ отважиться и на такое важное дѣло, какъ перемѣна вѣры. Въ привязанности къ язычеству наши предки не составляли ни малѣйшаго исключенія изъ другихъ народовъ, и чтобы заставить ихъ принять новую вѣру, потребовалось бы употребить всю энергію власти, какъ это и было при Владимирѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Игорь не нашелъ возможнымъ попытаться употребить эту энергію, рискуя престоломъ. Впослѣдствіе положеніе Владимира было совсѣмъ не то, что положеніе Игоря. Онъ успѣлъ уже превратиться изъ Варяга въ Славянина, такъ что Славяне смотрѣли на него, какъ уже на своего природнаго государя. Когда онъ вводилъ новую вѣру, то Славяне не могли сказать ему, что-де поди-ка ты съ своей новой вѣрой туда, откуда пришелъ; но они весьма могли сказать это Игорю. Когда посягаетъ на прадѣдовскіе обычаи свой человѣкъ, то это бываетъ не такъ обидно, но когда посягательство идетъ со стороны, отъ чужихъ, то оно вызываетъ противъ себя все раздраженіе оскорбленной національной гордости. Такимъ образомъ, не желая серьезно рисковать престоломъ, Игорь и остался наружнымъ язычникомъ, хотя сдѣлался внутреннимъ христіаниномъ.

Изъ внутренняго быта Варяговъ-христіанъ при Игорѣ мы знаемъ только то, что они имѣли въ Кіевѣ церковь пророка Иліи. Церковь эта называется въ лѣтописи «сборною». Подъ сборною тутъ должно разумѣть не соборъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, какъ это весьма неудачно полагаютъ нѣкоторые, заключающіе отъ собора къ существованію приходскихъ церквей, но церковь сборную въ буквальномъ смыслѣ, то-есть общественную, приходскую, въ противоположность церквамъ домовымъ (сборная у лѣтописца есть переводъ греческаго καθολικὴ ἐκκλησία, какъ у Грековъ назывались и называются приходскія церкви). Не знаемъ,

---

[1]) То-есть, исключаемъ Рюрика, который княжилъ въ Новгородѣ.

кѣмъ сдѣлано всѣми принимаемое предположеніе, что церковь эту нужно полагать на мѣстѣ нынѣшней церкви пророка Иліи, которая находится на Подолѣ, на берегу Днѣпра, за Братскимъ монастыремъ: предположеніе это совершенно несправедливо. Во-первыхъ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что при Игорѣ на Подолѣ еще не было населенія [1]). Во-вторыхъ, еслибъ оно и было на немъ, то во всякомъ случаѣ необходимо предполагать, что господствующіе Варяги жили не тамъ, а на верху, въ самомъ городѣ или около него, а слѣдовательно и церковь христіанъ Варяговъ должна быть полагаема именно здѣсь. Втретьихъ, что она была вовсе не на Подолѣ, это ясно даетъ знать лѣтописецъ, когда говоритъ, что она была «надъ ручаемъ»: подъ ручаемъ разумѣется не Почайна, которая текла черезъ Подолъ, представлявшій во времена Игоревы болото, а Крещатицкій ручей; слѣдовательно, церковь находилась близь сего послѣдняго и такъ какъ она стояла не на ручаѣ, а надъ ручаемъ, то ясно, что находилась на краю горы, обращенной къ ручью [2]).

Священниковъ для своей церкви Варяги христіане, конечно, получали изъ Константинополя (отъ тамошней варяжской церкви или тамошнихъ варяжскихъ церквей, если таковыхъ особыхъ церквей было нѣсколько) [3]).

Государство Русское Варяги христіане временъ Игоря сдѣлали государствомъ грамотнымъ. До времени договора Игорева послы и купцы

---

[1]) Подъ 945 г., въ разсказѣ о приходѣ Древлянъ къ Ольгѣ послѣ смерти Игоря («на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ»).

[2]) Подъ ручаемъ принято разумѣть Почайну (которая въ настоящее время впадаетъ въ Днѣпръ за городомъ, а въ древнее и не особенно давнее время протекала черезъ весь Подолъ). Но, не говоря о сомнительности этого a priori, такъ какъ въ устьѣ Почайны была судовая пристань и слѣдовательно рѣкѣ, хотя и небольшой, но игравшей такую важную роль, названіе ручья не приличествовало, вотъ доказательство несправедливости этого a posteriori или прямое и положительное; неизвѣстный авторъ «Житія блаженаго Володимера», о которомъ будемъ вести пространныя рѣчи ниже, говоря о сокрушеніи Владимиромъ идоловъ въ Кіевѣ передъ приступомъ къ крещенію народа, пишетъ: «Волоса идола, егоже именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи, Перуна же повелѣ привязати къ коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручей»... (Крещатицкій ручей въ настоящее время не существуетъ и по его оврагу и бывшему руслу въ настоящее время идетъ Крещатицкая улица, составляющая Невскій проспектъ и Кузнецкій мостъ Кіева. Если Боричевъ взвозъ шелъ на гору не отъ Днѣпра и Почайны, а отъ Крещатицкаго ручья, то ясно, что и первоначальный или довладимировскій городъ (крѣпость) находился не на горѣ Десятинной церкви, а на горѣ Михайловскаго монастыря, что̀ предполагать требуется и всякими другими указаніями и соображеніями, — о топографіи Кіева см. ниже).

[3]) Гдѣ находилась въ Константинополѣ варяжская церковь пророка Иліи, о которой говорится въ договорѣ Игоря и которая была тамъ если не единственною, то, очевидно, главною варяжскою церковію, пока мы не знаемъ. Считаемъ вѣроятнымъ предполагать, что ее нужно видѣть въ церкви пр. Иліи εἰς τὸ Πετρίον или εἰς τὰ Πετρία, которая, бывъ построена при императорѣ Зенонѣ и бывъ во-

русскіе, приходя въ Константинополь, приносили съ собою вмѣсто паспортовъ выдававшіяся отъ правительства печати [1]). Такъ какъ эти особаго рода виды были весьма неопредѣленны и ненадежны, то при заключеніи договора Греки потребовали, на чтобы на будущее время послы и купцы приходили съ грамотами, въ которыхъ было бы прописываемо, сколько кораблей пришло въ караванѣ (и сколько на нихъ людей), и изъ которыхъ лучше была бы видна благонадежность предъявителей. Если Русскіе приняли это условіе, то ясно, что они уже въ состояніи были и не затруднялись завести у себя канцеляріи для письмоводства. Такой возможностію они, очевидно, обязаны были христіанамъ, которые могли принести съ собою знаніе грамоты и искусство письма изъ Константинополя.

Крещеніе св. Ольги.

Ольга, жена Игоря, была родомъ Варяжка, т.-е. еще такая же отдѣльная отъ Славянъ иностранка, какъ предшествующіе Варяги-христі-

---

зобновлена императоромъ Василіемъ Македоняниномъ, находилась на Золотомъ рогѣ или заливѣ, недалеко отъ нынѣшняго Фанаря, около воротъ городской стѣны отъ залива, которыя назывались τὸ Πετρίον и которыя, сохранивъ древнее имя до настоящаго времени, теперь называются Петри — Капи (Петри — ворота, *Дюканжа* Constantinop. Christ., lib. IV, cap. IV и *Византія* Κωνσταντινόπ. 1, 563 и 567). Здѣсь къ городской стѣнѣ, посредствомъ другой примыкавшей къ ней круговой стѣны, была пристроена особая крѣпость, которая называлась Κάστρον τῶν Πετρίων (патр. Констанція Κωνσταντίνιας, стр. 16): представляется вѣроятнымъ думать, что Варяги, служившіе солдатами въ крѣпостяхъ Константинополя, въ одной изъ нихъ имѣли и свою церковь. Св. Мама или Мамантъ, у котораго имѣли подворье въ Константинополѣ наши Русскіе (договоры Олеговъ и Игоревъ) былъ не особенно далеко отсюда (внѣ городской стѣны, близъ городскихъ воротъ, которые назывались Ξυλόπορτα и были послѣдними отъ залива во Влахерискомъ углу, немного далѣе отъ города нынѣшнихъ воротъ Айванъ или Ейванъ-Серай Капи; здѣсь была пристань св. Маманта, которая, конечно, и служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей, — названіе подворья или слободы, въ которомъ оно находилось, и пристани — отъ бывшаго здѣсь монастыря св. Маманта). Иные изслѣдователи наши, какъ кажется, того мнѣнія, что въ договорѣ разумѣется только одна церковь пр. Иліи, именно Кіевская. Но что въ самомъ договорѣ, а не въ припискѣ къ нему лѣтописца («посланіи же сли Игоремъ»), разумѣется церковь пр. Иліи Константинопольская, въ которую водима была для присяги христіанская часть пословъ Игоря, находившихся въ Константинополѣ, это совершенно ясно. Въ XIV вѣкѣ упоминается церковь Богородицы τῆς Βαραγγιωτίσσης, находившаяся за алтаремъ св. Софіи (*Миклош.* Acta et Diplomm. Graeca, I, 423), но должно ли понимать ея имя въ томъ смыслѣ, что она принадлежала Варягамъ, и была ли она въ то время, о которомъ мы говоримъ, остается намъ неизвѣстнымъ (Cfr *Дюканжа* Constantinop. Christ. lib. IV n. XI, p. 86).

[1]) Какъ бы марки или билеты, удостовѣрявшіе личность. Объ употребленіи печатей въ смыслѣ знаковъ предъявленія cfr ниже въ главѣ о монастыряхъ.

ане и какъ всѣ вообще Варяги временъ Игоря [1]). Преданія объ ея красотѣ и необыкновенномъ умѣ находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Олегъ привелъ ее Игорю изъ Пскова [2]), гдѣ она была, вѣроятно, дочерью одного изъ намѣстниковъ или бояръ [3]), т.-е. если Олегъ, обходя всѣхъ дочерей бояръ кіевскихъ, взялъ невѣсту со стороны, то ясно, что эта невѣста выдавалась и славилась своими качествами.

Событіе принятія Ольгою христіанства изъясняется такъ же просто, какъ просто предполагается внутреннее обращеніе къ нему ея мужа Игоря. Въ дружинѣ этого послѣдняго было весьма много Варяговъ христіанъ, пришедшихъ изъ Константинополя. Какъ женщина весьма умная, Ольга должна была обратить вниманіе на этихъ Варяговъ новой вѣры; съ своей стороны и сами Варяги, разчитывая на тотъ же умъ Ольги, естественно должны были мечтать сдѣлать ее своею прозеликою. Проповѣдничество Варяговъ-христіанъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Ольга рѣшилась стать христіанкою. Мы знаемъ, что она была женщина не просто съ большимъ умомъ, но съ умомъ именно государственнымъ. Это обстоятельство должно было послужить къ тому, чтобы для лицъ, принявшихъ на себя заботу убѣждать ее въ истинности христіанства, на половину облегчить ихъ трудъ. Указаніе на то, что христіанство стало вѣрою почти всѣхъ народовъ Европы и во всякомъ случаѣ есть вѣра народовъ между ними лучшихъ, указаніе на то, что и между собственными ея сородичами (Варягами) наконецъ началось сильное движеніе къ нему, по примѣру другихъ народовъ, не могли не подѣйствовать на умъ Ольги, дѣлая для нея необходимымъ заключеніе, что у людей лучшихъ и вѣра должна быть лучшею. Но, приведенная къ этому предположенію, Ольга на половину приближалась къ тому, чтобъ убѣдиться въ истинности и самаго христіанства.

Открытою христіанкой Ольга сдѣлалась только послѣ смерти мужа, и то, вѣроятно, не тотчасъ (о чемъ ниже). Но необходимо предполагать,

---

1) Что Ольга была Варяжка, это вопервыхъ, показываетъ ея Варяжское имя (Ольга вмѣсто Олéга—женское имя изъ мужскаго Олегъ, которое употреблялось и въ формѣ Ольгъ, — прилагат. притяжат. Ольговичъ), — вовторыхъ, это должно предполагать на томъ основаніи, что еще не ославянившемуся Игорю Олегъ не могъ взять въ жены Славянки (на семъ, конечно, послѣднемъ основаніи называютъ Ольгу Варяжкою и ея позднѣйшія житія,—пространное въ Степ. кн. 1, 6, краткое у преосв. *Макарія*, Ист. т. I, изд. 2 стр. 276, cfr *Карамз.* 1, 78).

2) Лѣтоп. подъ 903 г.

3) Позднѣйшее преданіе, что Ольга была отъ веси Выбутскія (Выбуто), находившейся вь 12 верстахъ отъ Пскова вверхъ по рѣкѣ Великой, «еще граду Пскову (тогда) не сущу», и что она была отъ рода не княжеска и не вельможеска, но отъ простыхъ людей, — въ сейчасъ указанныхъ житіяхъ (которыя, записывая или сочиняя преданіе, упустили изъ виду то, что Варяги были господа и что изъ нихъ не могло быть простыхъ людей).

что внутреннею христіанкой она сдѣлалась еще при его жизни и даже задолго до его смерти. Христіане если не были въ Кіевѣ еще до Игоря, то во всякомъ случаѣ начали являться къ сему послѣднему съ самаго начала его правленія, ибо то великое множество ихъ, которое мы видимъ при немъ въ концѣ его правленія, не могло же нахлынуть вдругъ. Но невозможно представлять дѣло такъ, что Ольга въ продолженіе цѣлыхъ многихъ десятковъ лѣтъ, въ продолженіе почти цѣлаго полустолѣтія [1]) видѣла христіанъ и не обращала на нихъ вниманія, а потомъ вдругъ подъ старость обратила вниманіе, да и сдѣлалась христіанкою. Ставъ внутреннею христіанкою при Игорѣ, она не могла при немъ креститься по тѣмъ же причинамъ политическимъ, о которыхъ говорили мы выше. Если бы великій князь дозволилъ стать открытою христіанкою своей собственной женѣ, то это было бы знакомъ черезъ-чуръ явнаго потворства и благоволенія христіанамъ, т.-е. такимъ дѣйствіемъ, на которое онъ не могъ рѣшиться. Если бы Ольга умерла прежде Игоря, то предъ смертію она, конечно, крестилась бы тайно.

Въ исторіи Ольги до сихъ поръ остаются не рѣшенными вопросы: когда и гдѣ она крестилась. Наша лѣтопись говоритъ, что для принятія христіанства она путешествовала въ Константинополь, гдѣ крещена была патріархомъ, имѣвъ своимъ воспріемникомъ императора, и относитъ это событіе къ 955 году. Изъ греческаго писателя Константина Порфирогенита мы несомнѣнно узнаемъ, что она была въ Константинополѣ въ 957 году. Принимая извѣстіе лѣтописи о крещеніи Ольги въ Константинополѣ и поправляя годъ ея по Порфирогениту, обыкновенно думаютъ, что она крестилась въ Константинополѣ въ 957 году. Но согласиться съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ представляются самыя рѣшительныя затрудненія. Въ 957 г., когда Ольга пріѣзжала въ Константинополь, императоромъ греческимъ былъ тотъ самый Константинъ Порфирогенитъ, сынъ Льва Мудраго, который въ своемъ сочиненіи «Объ обрядахъ или церемоніяхъ Византійскаго двора» (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως) описалъ пріемъ Ольги, сдѣланный ей въ Константинополѣ. Описывая этотъ пріемъ, Константинъ описываетъ то, что̀ было при немъ самомъ, и слѣдовательно есть свидѣтель вполнѣ достовѣрный и надежный. Но подробно описывая то, какъ Ольга была принимаема при дворѣ, Константинъ ни единымъ словомъ и ни единымъ намекомъ не даетъ знать, чтобы она пріѣзжала въ Константинополь для крещенія и дѣйствительно была тамъ крещена. Со времени Шлёцера (Несторъ въ русск. перев., III, 427), имѣющаго на своей сторонѣ и Карамзина (I, прим. 381), на это возраженіе принято отвѣчать тѣмъ, что въ книгѣ, назначенной единственно для описанія придворныхъ церемоній, каково помя-

---

[1]) Игорь былъ женатъ на Ольгѣ въ 903 г., ум. въ 945 г.

нутое сочиненіе, Константинъ не имѣлъ нужды говорить о крещеніи Ольги. Отвѣтъ однако чрезвычайно слабъ и никакъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Вопервыхъ, еслибы Ольга тогда крестилась въ Константинополѣ, то это дало бы мѣсто не только обыкновеннымъ, но еще совершенно особымъ, весьма рѣдко могущимъ случиться, придворнымъ церемоніямъ, и слѣдовательно Константинъ не только долженъ былъ бы упомянуть о нихъ, но и описать ихъ съ особою и нарочитою тщательностію. Вовторыхъ, если предположить, — что̀ однако весьма трудно, да никто и не предполагаетъ, — что Константинъ имѣлъ намѣреніе описать церемонію крещенія въ особомъ сочиненіи, то во всякомъ случаѣ необходимо было бы ожидать, что онъ, отсылая за подробностями къ этому особому сочиненію, упомянетъ о немъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, кратко, въ двухъ-трехъ словахъ, что́ необходимо требовалось послѣдовательностію и полнотою рѣчи. Наконецъ, втретьихъ, Константинъ совершенно ясно даетъ знать, что Ольга прибыла въ Константинополь уже крещенною. Описывая пріемы, сдѣланные ей при дворѣ, онъ ясно даетъ знать, что начинаетъ съ самаго перваго пріема [1]); но на этомъ пріемѣ является уже ея священникъ: очевидно, что она прибыла въ Константинополь уже христіанкою.

Итакъ, невозможно принимать, чтобъ Ольга крестилась въ Константинополѣ въ свой пріѣздъ въ него въ 957 г.; напротивъ того, необходимо думать, что она крестилась когда-то прежде. Гдѣ же и когда?

Что касается до «гдѣ», то представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что она крестилась въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ. Правда, греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара [2]), нашъ русскій сказатель монахъ Іаковъ [3]) и одинъ западный лѣтописецъ [4]) говорятъ согласно съ нашею лѣтописью, что Ольга крестилась въ Константинополѣ. Но допустить это — значитъ принимать два путешествія Ольги въ Константинополь: одно въ 957 году, когда она была уже крещенною, другое когда-то прежде для крещенія. Принять два путешествія не весьма легко: вопервыхъ, эти путешествія, кромѣ ихъ трудности и даже опасности (отъ кочевниковъ, сидѣвшихъ на низовьяхъ Днѣпра) должны были обходиться черезъ чуръ дорого, и, удовлетворивъ своему любопытству видѣть столицу міра одинъ разъ, Ольга (о которой прямо остались преданія, какъ о женщинѣ очень экономной) едва ли захотѣла бы ѣхать въ нее

---

1) Онъ ясно даетъ знать это тѣмъ, что первый описанный у него пріемъ ея есть пріемъ въ аудіенцъ-залѣ при посредствѣ министра иностранныхъ дѣлъ (см. ниже).

2) *Stritt*. Memor. pop. II, 976.

3) Въ Памяти и похвалѣ Владиміру, *Христ. Чт*. 1849 г. ч. 2. стрр. 317 и 321, и у преосв. *Макарія* въ Ист. Р. Ц., т. I, изд. 2 стрр. 256 и 259.

4) См. его ниже.

въ другой разъ; вовторыхъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, слѣдуетъ думать, что она крестилась не особенно задолго до 957 г., но предполагать, чтобы она совершила двѣ поѣздки въ Константинополь въ небольшой промежутокъ времени, было бъ очень невѣроятно. Что касается до поздняго, записаннаго у вышеуказанныхъ авторовъ, мнѣнія, будто Ольга крестилась въ Константинополѣ, то оно легко могло возникнуть, являясь какъ естественное предположеніе, что Ольга именно затѣмъ путешествовала въ него, чтобы въ столицѣ христіанскаго міра принять крещеніе отъ руки вселенскаго патріарха [1]). Какъ однако не велика естественность этого предположенія въ дѣйствительности, мы очень хорошо знаемъ изъ того, что въ Константинополѣ не имѣлъ никакой охоты креститься и самъ Владиміръ. Рождается, конечно, вопросъ: зачѣмъ же Ольга ѣздила въ Константинополь въ 957 г., если не для крещенія? Отвѣтъ на него очень простъ: затѣмъ, чтобъ удовлетворить своему любопытству видѣть столицу христіанскаго и образованнаго міра, затѣмъ, чтобы видѣть баснословно-великолѣпный *Царь*городъ, чтобы видѣть жизнь и бытъ тѣхъ царей, которые, именуясь повелителями вселенной, хотя тогда уже и не повелѣвали ею, но все еще сохраняли свое прежнее обаяніе [2]).

Что касается до «когда», то представляется вѣроятнымъ думать, что Ольга послѣ смерти Игоря оставалась не крещенною до тѣхъ поръ, пока была за малолѣтняго Святослава правительницей государства и продолжала оставаться лицомъ въ государствѣ оффиціальнымъ, и что она крестилась только послѣ того, какъ, нашедъ возможность сложить съ себя оффиціальное регентство, отошла по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать съ нея за ея поступки.

Святославъ родился въ 942 г. [3]), слѣдовательно полнаго мужества не достигъ и въ 957 г., когда Ольга несомнѣнно была уже крещенною.

---

1) Западный лѣтописецъ (продолжатель Регинова) былъ не поздній писатель, а непосредственный современникъ. Но его уравниваетъ съ поздними слишкомъ большая отдаленность отъ Россіи. Не совершенная обстоятельность его свѣдѣній видна изъ того, что онъ считаетъ Ольгу крещенною при императорѣ Романѣ (959 — 963 г.).

2) Очень можетъ быть, что христіанское имя Елены Ольга приняла въ честь супруги тогдашняго императора Константина Порфирогенита, которая тоже называлась Еленою. Но заключать изъ этого, чтобы она крестилась въ Константинополѣ, нѣтъ основанія. И Владиміръ назвался въ христіанствѣ Василіемъ по современному ему императору греческому.

3) Лѣтопп. Ипатьевск., Воскр., Соф. Врем. Пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ лѣтописи Лаврентьевской, который могъ быть просто случайнымъ, происшедшимъ по винѣ переписчика или редактора, нисколько не говоритъ противъ его достовѣрности въ лѣтописи Ипатьевской.

Какой годъ возраста принимать за неполное мужество, которое въ то время почиталось совершеннолѣтіемъ гражданскимъ, — прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ или, по крайней мѣрѣ, не знаемъ. Полагая, что таковой годъ долженъ быть считаемъ не ранѣе, какъ съ 10-го, мы получимъ, что Ольга крестилась въ промежутокъ между 952—957 годами. Монахъ Іаковъ и вслѣдъ за нимъ позднѣйшіе жизнеописатели Ольги, говорятъ, что она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ [1]), слѣдовательно, по Іакову, который относитъ ея смерть, также какъ и лѣтопись, къ 969 году, она крестилась въ 954 году. Много ниже мы увидимъ, что этотъ монахъ Іаковъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ показаніяхъ всей нашей вѣры; а потому, съ весьма большею вѣроятностію и со всѣмъ правомъ и можно остановиться на его годѣ [2]).

На вопросы: вопервыхъ, почему Ольга, бывъ послѣ смерти Игоря правительницей государства, не крестила народа, и вовторыхъ, почему не крестила Святослава, когда этотъ былъ дитятей и еще не выходилъ изъ повиновенія, — отвѣты нами даны въ томъ, что̀ сказано выше. По причинамъ политическимъ, потому что она не находила возможнымъ сдѣлать ни того, ни другаго. Что касается въ частности до Святослава, то она, конечно, могла распоряжаться имъ какъ сыномъ, но не могла распоряжаться имъ какъ княземъ.

Монахъ Іаковъ сообщаетъ нѣсколько загадочное извѣстіе, что Ольга послѣ возвращенія изъ Константинополя, гдѣ онъ полагаетъ ея крещеніе, сокрушила идольскія требища [3]). Такъ какъ она не сокрушала, потому что не могла сокрушать, общественныхъ идольскихъ требищъ, то приведенное извѣстіе монаха Іакова, въ случаѣ, если оно вѣрно, необходимо понимать такъ, что она уничтожила требища въ тѣхъ дворцахъ и помѣстьяхъ, которые составляли ея частную собственность. Если считать помянутое извѣстіе вѣрнымъ, то будетъ совершенно вѣроятнымъ сдѣлать еще одно предположеніе, именно — что Ольга, не имѣя возможности заботиться о распространеніи христіанства въ народѣ, по крайней мѣрѣ, заботилась объ его распространеніи въ своемъ домѣ, — между своими собственными придворными и между своею собственною прислугою и челядью.

Есть извѣстія, что Ольга строила церкви, именно — что она построила деревянную церковь св. Софіи въ Кіевѣ и что будто она оста-

---

[1]) Іаковъ ibid.; житія — у преосв. *Макарія*, Ист. т. I, изд. 2, стр. 77 и въ Степ. кн., I, 34.

[2]) Въ лѣтописи, какъ мы сказали, путешествіе Ольги въ Константинополь положено подъ 955 г., тогда какъ въ дѣйствительности оно было въ 957 г. Можно думать, что позднѣйшая легенда записана въ лѣтописи подъ тѣмъ годомъ, подъ которымъ стояла въ ней истинная запись о крещеніи Ольги.

[3]) «Възвратися въ землю Рускую... и потомъ требища сокруши», *Христ. Чт.* 1849 г., ч. 2, стр. 321.

вила деньги на построеніе церкви св. Троицы во Псковѣ, который при ней по подлежащему сказанію еще не существовалъ и явился уже послѣ. Относительно перваго извѣстія дѣло само по себѣ не представляло бы ничего невѣроятнаго и невозможнаго. Ольга не распространяла христіанства въ народѣ и потому не имѣла нужды и побужденій строить церквей для народа; но въ Кіевѣ были многіе Варяги-христіане, которые нуждались въ церквахъ и уже имѣли ихъ: отчего же бы она — Ольга, удовлетворяя нуждѣ и побуждаемая благочестивымъ усердіемъ, не могла построить въ Кіевѣ для Варяговъ къ прежнимъ церквамъ одну или нѣсколько новыхъ? Однако, если дѣло таково само по себѣ, то положительное извѣстіе о построенной ею въ Кіевѣ церкви въ высшей степени сомнительно: о ней говоритъ такъ называемая Іоакимова лѣтопись Татищева [1]), а эта лѣтопись есть произведеніе отчасти XVII вѣка, отчасти же самого ея издателя [2]). Что касается до денегъ на построеніе Псковской церкви св. Троицы, о чемъ говоритъ житіе Ольги, составленное въ Москвѣ въ XVI [3]), которое повѣствуетъ, что разъ Ольга прибыла близь рѣки Великія, гдѣ былъ тогда великій лѣсъ и многія дубравы, что видѣвъ на мѣстѣ видѣніе она предрѣкла построеніе на немъ города Пскова и въ послѣднемъ церкви св. Троицы и что потомъ возвратившись въ Кіевъ «посла много злата на Плескову рѣку (кому?) на созданіе церкви Святыя Троицы»: то мы полагаемъ, что это извѣстіе не заслуживаетъ того, чтобы быть подвергаемымъ критикѣ [4]). Строила или не строила Ольга общественныя церкви для Варяговъ въ Кіевѣ, но необходимо думать, что она строила домовыя церкви для самой себя. Гдѣ эти послѣднія церкви были построены и въ какомъ числѣ, это пока остается, а вѣроятно и навсегда останется не извѣстнымъ [5]).

---

¹) Исторія *Татищева*, I, 36.

²) Извѣстіе о построеніи Ольгою въ Кіевѣ церкви св. Софіи, полагаемъ, принадлежитъ самому Татищеву. Онъ имѣлъ подъ руками Дитмара Мерзебургскаго, который подъ 1017 и 1018 годами говоритъ о церкви (монастырѣ) въ Кіевѣ св. Софіи (Chronic., lib. VIII, c. 16): построеніе этой загадочной церкви онъ и усвояетъ Ольгѣ. Какъ думать о церкви св. Софіи Дитмара, скажемъ ниже.

³) Въ Степ. кн., I, 31.

⁴) Болѣе древнее проложное житіе Ольги говоритъ только, что она провидѣла и предрекла построеніе Псковской церкви св. Троицы (у преосв. *Макарія* Ист. т. I. изд. 2, стр. 277).

⁵) Никоновская лѣтопись (I, 54) говоритъ объ Ольгинѣ селѣ Будутинѣ (въ которое она будто бы сослала мать Владимирову Малушу, о чемъ сдѣлаемъ замѣчаніе ниже). Если это Будутино есть нынѣшнее село Лыбуты (въ старое время послѣ древняго Выбуты,—тѣ самыя, о которыхъ немного выше), находящееся въ 12 верстахъ отъ Пскова, вверхъ по рѣкѣ Великой (о немъ гр. *Толстаго* Святыни и древности Пскова, М. 1861, стр. 78): то можно предполагать, что въ этомъ своемъ селѣ Ольга дѣйствительно построила церковь и что преданіе

На третій годъ послѣ своей поѣздки въ Константинополь, т.-е. въ 959 году, Ольга посылала посольство къ Нѣмецкому королю (впослѣдствіи императору) Оттону I или Великому. Фактъ этого посольства, о которомъ не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, не упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, но о которомъ говорятъ многіе лѣтописцы западные, не подлежитъ сомнѣнію; несомнѣнно также и то, что оно было отъ нашей Кіевской Ольги, которую помянутые лѣтописцы называютъ христіанскимъ именемъ Елены, а не отъ кого-либо другаго[1]). Но затѣмъ вопросъ: для чего было посылано посольство, долженъ навсегда остаться неразрѣшимою загадкою, если только не объяснятъ дѣла какія-нибудь новыя, пока неизвѣстныя, свидѣтельства. Западные лѣтописцы говорятъ, что Ольга

о семъ построеніи и послужило поводомъ для легенды о деньгахъ на Псковскую церковь св. Троицы. По Никоновской лѣтописи, Ольга умираючи даде это село святѣй Богородицы (ibidd.). Такъ какъ совершенно возможно то, что Ольга строила для Варяговъ общественныя церкви: такъ какъ несомнѣнно, что со стороны Святослава не могло быть препятствій, чтобы она давала церквамъ имѣнія (cfr ниже): то и нельзя смотрѣть на извѣстіе рѣшительнымъ образомъ, какъ на вымыслъ. Какъ единственно вѣроятное мѣсто этой возможной церкви долженъ былъ предполагаемъ Кіевъ.

[1]) На томъ основаніи, что часть лѣтописцевъ и оффиціальный документъ Оттона называютъ народъ, отъ котораго прислано было посольство, Ругами,— Rugi, нѣкоторые (и въ томъ числѣ *Карамзинъ*, I, прим. 395) хотятъ разумѣть Руговъ—жителей острова Рюгена (тоже Славянъ). Но если у одной части лѣтописцевъ народъ называется Rugi, то у другой части, и въ томъ числѣ у имѣющаго въ данномъ случаѣ весьма большой авторитетъ, Титмара Мерзебургскаго (Chronic., lib. II, n. 14, у *Миня* Patrol., t. 139, p. 1212), gens Russiae, а между тѣмъ невозможность разумѣть дѣйствительныхъ Руговъ очевидна изъ словъ лѣтописцевъ о приславшей пословъ: Helena regina, quae Constantinopoli baptizata erat, ибо, вопервыхъ, не только весьма трудно предположить, что у Руговъ могла быть княгиня, которая поѣхала бы искать крещенія въ Константинополь, но и положительно извѣстно, что въ данное время такой княгини не было,—во вторыхъ, западные лѣтописцы никогда не назвали бы княгиню Руговъ regina (королева). Была на западѣ какая-то Rhosvilda, иначе Helena von Rossow, игуменья одного монастыря, происходившая изъ благородной, можетъ быть, княжеской Бранденбургской фамиліи, состоявшая въ родствѣ съ императоромъ Оттономъ и бывшая въ Константинополѣ, въ которомъ выучилась греческому языку; но видѣть въ этой Еленѣ, какъ хотятъ нѣкоторые, Елену лѣтописцевъ— въ высшей степени странно. Regina никогда не будетъ означать только женщину, происходившую, можетъ быть, изъ княжеской фамиліи; von Rossow есть личное прозваніе (родовая фамилія), а всѣ лѣтописцы говорятъ о народѣ Ругахъ или Руссахъ, и притомъ какъ изъ von Rossow явилось бы у нихъ Rugi, Russia? Наконецъ, какой смыслъ будетъ этого посольства отъ княгини-игуменьи къ королю за епискомъ и пресвитерами (и съ какой стати записали бы о немъ лѣтописцы)? Почему нѣкоторые лѣтописцы и самъ Оттонъ называютъ Русскихъ Ругами, удовлетворительно объяснить не беремся: полагаемъ, просто потому, что на Западѣ не было хорошо извѣстно наше имя (cfr выше) и что такимъ образомъ въ названіи допущена ошибка.

присылала просить епископа и священниковъ, что вслѣдствіе просьбы поставленъ былъ въ 960 г. въ епископы Русскіе Либуцій, изъ братства монастыря св. Альбана близъ Майнца, но что когда онъ, не успѣвъ отправиться, умеръ въ началѣ слѣдующаго 961 года, то на его мѣсто въ томъ году поставленъ былъ другой — Адальбертъ изъ братства монастыря св. Максимина въ Трирѣ (бывшій впослѣдствіи съ 968 г. архіепископомъ Магдебургскимъ). Но оказалось, по словамъ лѣтописцевъ, что посольство было прислано лживымъ и коварнымъ образомъ и что Русскіе солгали во всемъ. Прибывшій къ нимъ епископъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ (и притомъ такъ, что на возвратномъ пути онъ едва спасъ свою жизнь, а нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты) [1]).

Самое вѣроятное объясненіе этого, совершенно загадочнаго, посольства есть слѣдующее: Ольга присылала къ королю вовсе не за тѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ [2]); но Оттонъ I, извѣстный ревностный распространитель христіанства, и именно распространитель его между Славянами [3]), пользуясь случаемъ посольства, рѣшилъ отправить къ Русскимъ не прошеннаго епископа; лѣтописцы не знали дѣла обстоятельно, и такъ какъ епископъ былъ посланъ послѣ посольства, то и заключили, что онъ былъ посланъ вслѣдствіе этого послѣдняго (post hoc, ergo propter hoc). Къ крещеной Ольгѣ Оттонъ посылалъ епископа, конечно, затѣмъ, чтобы перезвать ее отъ патріарха Константинопольскаго къ своему папѣ Римскому.

Такъ какъ церкви Греческая и Римско-католическая, въ дѣйствительности давно бывъ отдѣльными церквами, формально еще продолжали тогда составлять одну православную церковь, ибо окончательное раздѣленіе произошло между ними послѣ; такъ какъ далѣе новокрещеная Ольга могла быть только христіанкою, но не могла сдѣлаться ни сторонницею Греческой половины церкви, ни противницею половины Римской: то само по себѣ не представлялось бы совершенно невѣроятнымъ и то, что она посылала къ Оттону просить у него епископа. Но это предположеніе пред-

1) Нѣкоторые изъ лѣтописцевъ (Ламбертъ) представляютъ дѣло такъ, что епископъ едва убѣжалъ живой изъ самой столицы Русской. Но это, очевидно, неточность.

2) Можетъ быть, просто за тѣмъ, зачѣмъ сама ѣздила въ Константинополь: собрать и получить нѣкоторыя свѣдѣнія о Западѣ.

3) Оттонъ I извѣстенъ тѣмъ, что для распространенія христіанства между окончательно побѣжденными имъ Славянами Полабскими (отъ Лабы-Ельбы) или Балтійскими основалъ шесть епископій (Магдебургскую и Мейссенскую на р. Ельбѣ, Мерзебургскую на Салѣ, Цейцкую на Ельстерѣ, Гавельбергскую при впаденіи Гавеля въ Ельбу и Бранденбургскую въ верховьяхъ послѣдней рѣки) и что изъ шести этихъ епископій онъ образовалъ особую Славянскую митрополію (Магдебургскую, первымъ на каѳедрѣ которой былъ помянутый Адальбертъ).

ставляется именно совершенно невѣроятнымъ въ виду того, что епископъ былъ Ольгѣ вовсе не нуженъ. Сама принявъ христіанство, она не хотѣла, потому что не имѣла возможности, распространять его въ народѣ: на что же стала бъ она просить епископа? Притомъ и сами западные лѣтописцы говорятъ, что посольство было прислано лживымъ образомъ, т.-е. что Ольга вовсе не имѣла дѣйствительнаго желанія получить епископа.

Св. Ольга скончалась въ очень преклонной старости, будучи лѣтъ 80-ти, въ 969 году. Предъ смертію она заповѣдала не творить надъ собою тризны, т. е. не совершать общественныхъ языческихъ игръ, которыя были совершаемы на могилахъ умершихъ князей и вообще знатныхъ лицъ. Бывъ похоронена по христіански [1]), она была положена гдѣ-то въ особомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, на дворѣ или въ саду одного изъ своихъ дворцовъ. Св. Владимиръ послѣ своего крещенія перенесъ мощи ея въ построенную имъ Десятинную церковь, гдѣ онѣ положены были въ небольшой каменной ракѣ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что память

---

[1]) Лѣтописецъ говоритъ: «и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи прозвутера и тъ(ой) похорони блажену Ольгу». Такъ какъ, во первыхъ, весьма вѣроятно предполагать, что Ольга имѣла не одного домоваго священника, а нѣсколькихъ, и такъ какъ, во вторыхъ, кромѣ ея домовыхъ священниковъ, были въ то время въ Кіевѣ общественные и домовые священники у Варяговъ-христіанъ, то дѣло о похоронахъ должно быть представляемо не такъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ: Ольга была похорена не однимъ, а многими священниками (конечно, всѣми бывшими въ Кіевѣ, и не тайно, какъ это, кажется, хочетъ дать знать лѣтописецъ, а открыто и торжественно, къ чему препятствій со стороны Святослава не могло быть).

[2]) О перенесеніи мощей Ольги Владимиромъ въ Десятинную церковь ясно говорятъ только позднѣйшія ея житія (проложныя у преосв. *Макарія* Ист. т. I, изд. 2 стрр. 87 и 277, пространное въ Степ. кн., I, 35). Но послѣ Владимира мы дѣйствительно находимъ ея мощи въ Десятинной церкви (монахъ Іаковъ въ Памяти и Похвалѣ Владимиру или кто-то древній, сдѣлавшій у него вставку,— *Христ. Чтен.* 1849 г., ч. II, стр. 322), а потому, всего вѣроятнѣе приписывать ихъ перенесеніе сюда именно ему. Подъ 1007 г. въ Лаврент. лѣтописи не ясно записано: «перенесени святіи въ святую Богородицю»; весьма вѣроятно, но нельзя однако съ увѣренностію разумѣть тутъ перенесеніе мощей Ольги, ибо въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто «перенесени» читается «принесени», а въ нѣкоторыхъ другихъ опредѣленно: «принесены святыя иконы» (Кенигсб.). Въ нашествіе Монголовъ мощи были сокрыты подъ спудомъ въ церкви: въ XVII в., по преданію, онѣ были открыты Петромъ Могилою, а въ XVIII в. снова сокрыты, по не совсѣмъ вразумительной причинѣ, въ неизвѣстномъ мѣстѣ (преосв. *Макарія* Ист. т. I, изд. 2 стр. 87). Въ родѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ хранится портретъ Ольги, писанный по преданію живописцемъ Константина Багрянороднаго послѣ ея крещенія, на которомъ читается греческая подпись: *ἡ τοῦ γένους Ῥῶς δεσπηνὰ, ἐπόιησε Τρηγόρως ὁ ζογραφὸς Κωνσαντίνου τοῦ Πορφιρογενήτου* (*Вѣстникъ Юго-зап. и зап. Россіи*, изд. *Говорскаго*, 1862 г., кн. 2, августъ, отд. IV, стр. 122). Это значитъ, что почтенные князья слишкомъ вдались въ обманъ какого-то ловкаго Грека.

первой христіанки, предтекшей общему крещенію, какъ денница солнцу, Русскіе люди начали чтить съ самаго перваго времени; но когда она формально была причислена къ лику святыхъ и когда установлено было празднованіе ея памяти, это остается положительно неизвѣстнымъ, и едва ли уже при Владимирѣ, какъ обыкновенно думаютъ, и даже едва ли еще въ періодъ домонгольскій (сf. ниже. — лѣтописецъ и монахъ Іаковъ говорятъ только, что въ ихъ время была весьма чтима память Ольги, но не говорятъ ясно, чтобы она была празднуема).

Отъ Игоря до Владимира.

Христіане въ Кіевѣ между Варягами, явившіеся если не одновременно съ ихъ прибытіемъ къ намъ, то несомнѣнно въ правленіе Игоря, во вторую половину княженія сего послѣдняго были весьма многочисленны. Ихъ было не нѣсколько отдѣльныхъ, незамѣтныхъ и скрывавшихся въ общей массѣ лицъ, а цѣлая особая, болѣе или менѣе значительная община, которая, существуя открыто и свободно рядомъ съ господствующимъ язычествомъ, имѣла всѣ принадлежности вполнѣ организованнаго религіознаго общества, — церкви и священниковъ. Такимъ образомъ, во вторую половину княженія Игоря христіанство является вполнѣ водворившимся въ Кіевѣ, какъ вѣра частная. Что̀ же сталось съ нимъ у насъ потомъ? Послѣ Игоря историки наши ничего не говорятъ о немъ до Владимира, иначе сказать, молча предполагаютъ, что послѣ перваго изъ нихъ оно изчезло и что его существованіе было не болѣе какъ мимолетнымъ эпизодомъ. Мы уже говорили выше, что въ дѣйствительности дѣло должно быть представляемо вовсе не такъ. Весьма немного имѣемъ мы положительныхъ свидѣтельствъ, но само собою необходимо предполагать, что послѣ Игоря христіанство въ Россіи не изчезало, что оно продолжало оставаться въ ней, все въ томъ же положеніи многочисленной и вполнѣ организованной религіозной общины, отъ самой смерти Игоря до самаго крещенія Владимира, и что такимъ образомъ это христіанство Россіи, предшествующее крещенію послѣдняго, имѣетъ болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ непрерывнаго существованія.

Послѣ смерти Игоря (въ 945 г.) за малолѣтняго Святослава [1]) правительницей государства стала мать его Ольга. Въ это время она была внутреннею христіанкой, ибо таковою сдѣлалась, какъ необходимо предполагать, еще задолго до смерти мужа. Какимъ же долженствовало быть при ней положеніе христіанъ? Очевидно, что оно ни малѣйше не могло измѣниться къ худшему. Пока Ольга оставалась правительницей

---

1) Родился, какъ мы сказали, въ 942 г.

государства, она не только не находила возможнымъ распространять христіанство между своими подданными, но и сама не рѣшилась креститься. Изъ сего ясно, что объ ея совершенно явномъ и совершенно рѣшительномъ покровительствѣ христіанству не можетъ быть рѣчи. Но, конечно, она уже не была его гонительницей и на сколько возможно было въ ея положеніи, оказывала ему самыя усердныя покровительство и поддержку тайныя. Слѣдовательно, не было никакихъ причинъ, чтобы въ малолѣтство Святослава и въ продолженіе регентства Ольги число христіанъ въ Кіевѣ уменьшилось противъ времени Игорева, и чтобы въ ихъ положеніи, сравнительно съ прежнимъ, произошло какое нибудь ухудшеніе. Нужно только думать, что число христіанъ не прибывало, а отчасти, можетъ быть, даже и убывало, внѣшнимъ путемъ. Спеціальнымъ ремесломъ Варяговъ была война, и они стремились туда, гдѣ стучали оружіемъ; но въ Кіевѣ, въ правленіе женщины, конечно, замолкли эти, имѣвшіе силу скликать ихъ, бранные звуки. Очень можетъ быть поэтому, что при Ольгѣ не продолжался наплывъ Варяговъ, а въ числѣ ихъ и христіанъ, въ Кіевъ изъ Константинополя. Очень можетъ быть даже, что нѣкоторые Варяги и въ томъ числѣ христіане, по вышеуказанной причинѣ, т. е. не желая сидѣть сложа руки, удалились при Ольгѣ изъ Кіева въ Константинополь или вообще искать счастія по бѣлу свѣту.

Неизвѣстно, когда въ промежутокъ годовъ 952—957 (см. выше) Ольга сложила съ себя регентство и правителемъ государства сталъ самъ князь Святославъ. Но, ставъ официіальнымъ образомъ правителемъ государства, Святославъ еще долгое время находился въ такомъ возрастѣ, что не могъ выходить изъ повиновенія матери и что послѣдняя, переставъ быть оффиціальною правительницею государства, должна была оставаться таковою на дѣлѣ. Лѣтопись даетъ намъ знать, что Святославъ началъ дѣйствовать самостоятельно съ 964 года, когда ему исполнилось 22 года [1]). Слѣдовательно, положеніе христіанъ въ Кіевѣ до этого 964 года оставалось все тѣмъ же, совершенно для нихъ благопріятнымъ, какъ и прежде, начиная со второй половины княженія Игоря.

Послѣ регентства Ольги оффиціальнаго и не-оффиціальнаго настало собственное правленіе Святослава. Отецъ его Игорь былъ внутреннимъ христіаниномъ, мать стала открытою христіанкою: но сынъ въ этомъ отношеніи вышелъ ни въ отца ни въ мать. Святославъ былъ въ ряду нашихъ князей послѣдній Варягъ и въ то же время Варяжскій рыцарь въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Не думая нисколько о государствѣ и совершенно бросивъ его на произволъ судьбы, онъ мечталъ только о томъ, чтобы сравняться въ славѣ съ своими норманнскими предками, чтобы

---

[1]) Лѣтопись подъ 964 г.: «Князю Святославу возрасшу и возмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры»...

искать единственно военныхъ приключеній и военныхъ доблестей. Стремленіе къ славѣ предковъ естественно должно было тѣснымъ образомъ связывать его и съ ихъ религіей и съ ихъ преданіями, которыя именно были религіей и преданіями героевъ. Святославъ не только не могъ бросить ихъ и промѣнять на христіанство, но напротивъ тѣмъ болѣе долженъ былъ стать ихъ ревностнымъ приверженцемъ, чѣмъ болѣе стремился возстановить въ себѣ и въ своей дружинѣ старыхъ славныхъ Норманновъ, ибо одно съ другимъ было нераздѣльно. Изъ язычника по рожденію Святославъ долженъ былъ стать горячимъ язычникомъ по убѣжденію и по принципу, какъ представитель старины, какъ носитель тѣхъ дѣдовскихъ идеаловъ, которые не имѣли совершенно ничего общаго съ христіанскимъ. Это послѣднее заповѣдуетъ продолжительныя молитвы, посты, послушаніе божественныхъ писаній, дѣла милосердія и нищелюбія, воздержаніе отъ пролитія крови человѣческой [1]); все это должно было казаться дикимъ истому рыцарю и ни малѣйше не совмѣстимымъ съ тѣмъ, къ чему стремились его помыслы, — и христіанство должно было стать въ глазахъ Святослава религіей смѣшною и достойною презрѣнія, назначенною совсѣмъ для иного рода людей [2]).

Такимъ образомъ Святославъ былъ человѣкъ, не имѣвшій ни малѣйшей охоты и наклонности покровительствовать христіанству. Изъ этого однако вовсе и нисколько не слѣдуетъ того, чтобы при немъ оно должно было прекратить свое существованіе въ Кіевѣ. Святославъ былъ язычникъ, и какъ таковой, онъ не могъ быть гонителемъ христіанства. По представленіямъ всякаго язычника не одна вѣра должна господствовать во всемъ мірѣ, какъ единая истинная, а міръ долженъ быть раздѣленъ, какъ онъ и на самомъ дѣлѣ видитъ, между многими и разнообразными, одинаково истинными вѣрами [3]). Язычникъ будетъ находить извѣстную вѣру совсѣмъ себѣ не по вкусу и не по сердцу, но тѣмъ не менѣе онъ не перестанетъ находить ее одинаково истинною и имѣющею одинаковое право существованія со всѣми другими вѣрами; язычникъ будетъ даже презирать извѣстную вѣру и смѣяться надъ нею, но все-таки не пере-

---

[1]) (Патріархъ) «заповѣда (Ольгѣ) о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостини и о воздержаніи тѣла въ чистотѣ», П. Собр. Лѣтт. I, 26.

[2]) Въ романѣ Майнъ-Рида (изъ жизни Африканскихъ и Американскихъ обитателей) «Есперанса» (собранія романовъ т. XIV, Спб. 1872) мы встрѣтили разсказъ, не знаемъ — списанный ли съ дѣйствительности, но вѣрный ей теоретически, что индіянка-христіанка убѣждаетъ мужа-язычника стать христіаниномъ и что послѣдній отвѣчаетъ: «мой богъ — богъ брани и крови, который любитъ только храбрецовъ»...

[3]) «Es war allgemeiner Grundsatz des Alterthums (язычниковъ древности), dass die Götter selbst in jedem Lande die besondere Art ihrer Verehrung angeordnet hätten». *Gieseler,* Kirchengesch., I, 1, § 12.

станетъ считать ее истинною, только назначенною для низшихъ, чѣмъ онъ самъ, людей. Вслѣдствіе этого язычникъ, какого бы ни былъ худаго мнѣнія объ извѣстной вѣрѣ и какое бы ни питалъ къ ней нерасположеніе, все-таки не будетъ гнать ее: лучшія и худшія вѣры, по его возрѣніямъ, всѣ одинаково отъ одного и того же Бога, и только назначены для лучшихъ и худшихъ людей. Единственный случай, когда онъ можетъ поднять гоненіе на другую вѣру, это — тогда, когда другая вѣра будетъ явно и рѣшительно посягать на его собственную, когда будетъ вести на счетъ послѣдней открытую пропаганду [1]). По всему сказанному Святославъ, не смотря на все свое неблаговоленіе къ христіанству, не смотря на свое пренебреженіе и презрѣніе къ нему, не долженъ былъ гнать его послѣдователей, а предоставляя имъ свободу, долженъ былъ только ограничиваться заявленіемъ своихъ помянутыхъ чувствъ къ ихъ вѣрѣ Не распространяясь въ доказательствахъ того, чего людямъ, не имѣющимъ охоты съ нами согласиться, мы никогда не доказали бы, мы прямо сошлемся на лѣтопись, которая въ этомъ далеко не безспорномъ вопросѣ. къ нашему счастію, не оставляетъ насъ безъ положительнаго свидѣтель-

---

[1]) Все сказанное нами, по видимому, рѣшительно опровергается тѣмъ, что языческіе Римскіе императоры жестоко преслѣдовали первенствующихъ христіанъ. Однако это вовсе не такъ. Языческіе Римскіе императоры видѣли въ первенствующемъ христіанствѣ не *существующую* народную религію, а нововозникающую и нововымышляемую, весьма вредную и ненавистную, религіозно-политическую секту (со стороны религіозной христіанство въ ихъ глазахъ было exitiabilis superstitio, Tacit. Annal., lib. XV, c. 44; со стороны политической христіане для нихъ были publici hostes, Tertull. Apologet., cap. 2). Проповѣдники христіанства, одушевляемые сознаніемъ его истинности, старались распространять его въ мірѣ, не смотря ни на какія препятствія, но по этому самому Римскіе императоры считали своею обязанностію подавлять его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. О совершенной терпимости языческихъ Римскихъ императоровъ, преслѣдовавшихъ христіанство, ко всѣмъ *существовавшимъ* народнымъ религіямъ свидѣтельствуетъ ихъ Пантеонъ, который былъ посвященъ богамъ всего міра (и такъ называемый ихъ позднѣйшій въ религіи синкретизмъ; да припомнитъ также читатель, что Аѳиняне временъ апостола Павла чтили боговъ міра не только вѣдомыхъ, но и невѣдомыхъ). О терпимости къ христіанству именно Норманновъ и объ ихъ взглядахъ на религіи именно совершенно такихъ, какіе мы усвояемъ Святославу и вообще язычникамъ, см. Римбертово житіе св. Ансгарія (§§ 9, 11, 14, 19, 24, *26, 27, 30,* — подчеркнутые §§, въ которыхъ взгляды; во время всей миссіонерской дѣятельности Ансгарія часть народа только одинъ разъ возстала противъ проповѣдниковъ по возбужденію лицъ заинтересованныхъ—жрецовъ (§ 17 cfr 16). О терпимости къ христіанству Западныхъ Славянъ см. у *Гельмольда* въ Chronica Slavorum, Lib. 1 § 2 (терпимости именно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы христіане воздерживались отъ пропоганды). Совершенно о таковыхъ, какъ выше сказано, взглядахъ на религіи нашихъ теперешнихъ Сибирскихъ язычниковъ, см. въ *Духовной Бесѣдѣ* 1863 г. стр. 70 (№ 3).

ства. Она самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Святославъ не былъ гонителемъ христіанства, и что при немъ не было на христіанъ гоненія. «Аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому», говоритъ она объ отношеніи къ христіанству Святослава съ языческою частью дружины: если не возбраняли даже креститься язычникамъ, то ясно, что уже не преслѣдовали крещенныхъ, прежде ставшихъ христіанами.

Итакъ, при Святославѣ не было настоящаго гоненія на христіанъ, но было, такъ сказать, гоненіе только нравственное, состоявшее въ томъ, что князь съ языческою частью дружины смѣялись надъ ихъ вѣрой [1]. При этомъ своего рода гоненіи должно ли было исчезнуть христіанство въ Кіевѣ при Святославѣ или, по крайней мѣрѣ, должно ли было уменьшиться число его послѣдователей? Еслибы люди принимали христіанство только внѣшнимъ образомъ, по какимъ-нибудь корыстнымъ разсчетамъ, то и подобное легкое гоненіе могло бы заставить ихъ отказаться отъ него: но этого не было, потому что совсѣмъ не могло быть, а искренніе христіане должны были смотрѣть на пренебреженіе и презрѣніе къ ихъ вѣрѣ со стороны князя только съ сожалѣніемъ, припоминая внутренно слова Писанія, что *безумніи возненавидѣша премудрость*, и говоря про себя то, что̀ по поводу Святослава говоритъ лѣтописецъ: «невѣрнымъ вѣра хрестьянска уродьство есть» [2]. Сейчасъ выше мы привели слова лѣтописи, изъ которыхъ видно, что при Святославѣ находились въ Кіевѣ язычники, желавшіе принять христіанство: если неблаговоленіе князя къ христіанству не останавливало отъ обращенія къ нему язычниковъ, то тѣмъ менѣе оно могло побуждать къ отпаденіямъ отъ него бывшихъ христіанами.

Не воздвигая на христіанъ настоящаго гоненія, Святославъ могъ заявлять свое къ нимъ неблаговоленіе посредствомъ того, что занимавшихъ между ними высшія должности устранялъ отъ послѣднихъ и замѣщалъ язычниками. Вслѣдствіе этого могло случиться, что, по крайней мѣрѣ, между христіанами изъ сословія бояръ могли найтись люди, которые предпочитали мѣста̀ и положеніе вѣрѣ и которые поэтому снова возвратились отъ христіанства къ язычеству. Но лѣтопись даетъ намъ

---

[1]) «Ругахуся» значитъ именно смѣялись и ничего болѣе, т. е. вовсе не должно быть понимаемо въ смыслѣ наругательствъ посредствомъ какихъ-нибудь дѣйствій.

[2]) Словомъ «уродьство» лѣтописецъ хочетъ сказать тоже, что мы сказали сейчасъ выше,—что христіанство, требующее отъ человѣка добродѣтелей, противныхъ страстнымъ наклонностямъ его природы, въ которыхъ онъ видитъ добродѣтели (геройство, ищущее проявлять себя въ войнахъ, честь, налагающая обязанность мщенія и пр.) должно было казаться язычникамъ юродствомъ, т. е. вѣрою юродивыхъ, людей жалкихъ и ничтожныхъ духомъ.

одно довольно ясное и положительное указаніе, что даже и этого не было, что вѣра была вѣрой, а служба службой, и что въ насмѣшкахъ надъ вѣрой христіанъ единственно и состояли при Святославѣ всѣ на нихъ гоненія. Въ послѣдніе годы правленія Игоря и въ малолѣтство Святослава при Ольгѣ главнымъ воеводою великокняжескимъ былъ Свѣнельдъ. Если этотъ Свѣнельдъ не былъ такимъ же внутреннимъ христіаниномъ, какъ Игорь и Ольга, то во всякомъ случаѣ необходимо думать, что онъ былъ не изъ враговъ, а изъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ друзей христіанства. Но онъ продолжалъ оставаться главнымъ воеводой и во все правленіе Святослава: довольно ясно дается этимъ знать, что съ прежними людьми не измѣнилось и прежнее отношеніе къ христіанамъ [1]).

Итакъ, все гоненіе Святослава на христіанъ состояло въ томъ, что онъ презиралъ и пренебрегалъ ихъ вѣру и что, вмѣстѣ съ другими язычниками, онъ смѣялся надъ нею. Но и касательно этого нравственнаго гоненія должна быть сдѣлана значительная оговорка по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые имѣли пребываніе собственно въ Кіевѣ. Извѣстно, что Святославъ, послѣ того, какъ возросъ и возмужалъ и принялся за дѣятельность (въ 964 г.), почти постоянно отсутствовалъ изъ Кіева; сначала онъ велъ «войны многія» съ сосѣдями, а потомъ вдался въ войну Болгарскую, изъ которой и не возвратился живымъ [2]). Кого Святославъ на время своихъ отсутствій оставлялъ вмѣсто себя оффиціальнымъ правителемъ, пока жива была Ольга († 969 г.), мы не знаемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что не оффиціальною и дѣйствительною правительницей была она. Слѣдовательно, при Святославѣ до смерти Ольги положеніе христіанъ, которые оставались собственно въ Кіевѣ, было совершенно такое же, какимъ было прежде въ дѣйствительное регентство Ольги и при Игорѣ [3]).

---

[1]) Въ договорѣ Святослава съ Цимисхіемъ 971 г. нѣтъ ни слова о христіанахъ. Но это значитъ не то, чтобы ихъ не было въ войскѣ Святослава, а только то, что онъ не хотѣлъ, подобно Игорю, давать имъ политическаго равноправія съ язычниками (По Льву діакону, кн. IX, гл. 6, первымъ вождемъ у Святослава въ походѣ Болгарскомъ былъ Икморъ; но конечно, онъ ошибается: кромѣ собственныхъ показаній лѣтописца, см. у него сейчасъ указанный договоръ Святославовъ съ Греками).

[2]) Въ 964 г. походъ на Вятичей, въ 965 г. война съ Казарами, Ясами и Касогами (двое послѣдніе — сосѣди нашей Тмутаракани), въ 966 г. опять война съ Вятичами, съ 967 г. до смерти (въ 972 г.) война болгарская, съ которой Святославъ возвращался домой только одинъ разъ и не особенно на долго.

[3]) Есть одно свидѣтельство о христіанствѣ въ Россіи при Святославѣ, которое пока не совсѣмъ опредѣленно, такъ что можетъ быть относимо къ намъ и не къ намъ, и которое пока не можетъ быть выдаваемо за несомнѣнно достовѣрное; но въ случаѣ, если будетъ доказано, что оно относится именно

Преемникомъ Святослава былъ старшій сынъ его Ярополкъ, котораго онъ посадилъ въ Кіевѣ еще при своей жизни, послѣ смерти Ольги и который былъ послѣднимъ великимъ княземъ передъ Владиміромъ [1]). Положительныхъ свѣдѣній объ Ярополкѣ или хотя бы указаній и намековъ мы не имѣемъ совершенно никакихъ [2]), и остается только дѣлать предположенія. Что худое ни предположили бы мы о Ярополкѣ, — смотрѣлъ ли онъ на вѣру христіанъ глазами отца, или она была ему еще болѣе антипатична, чѣмъ послѣднему, во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что онъ не воздвигалъ на христіанъ гоненія, и что послѣдніе продолжали при немъ пользоваться такою же свободой, какъ и во все предшествующее время, начиная съ своего перваго появленія: это — потому же, почему не воздвигалъ гоненія на христіанъ Святославъ, т. е. потому, что онъ былъ язычникъ и что язычество есть синонимъ терпимости. Гоненіе на другую вѣру можетъ быть слѣдствіемъ только убѣжденія, что моя вѣра есть единственная истинная, а всѣ другія вѣры ложны, и что поэтому всѣ другія вѣры должно истреблять, чтобы доставить всеобщее господство единой вѣрѣ истинной Но взгляды язычниковъ на дѣло, какъ уже мы говорили, были иные; въ ихъ глазахъ всѣ вѣры были одинаково истинныя, составляющія не выдумку людскую, а происходящія отъ одного и того же Бога. Различіе религій и ихъ вы-

---

къ намъ и достовѣрно, то оно будетъ представлять собою свидѣтельство весьма важное. Козьма Пражскій въ своей лѣтописи (lib. I, § 22) приводитъ грамоту папы Іоанна XIII къ Чешскому королю Болеславу II, писанную въ 972 г., которою онъ дозволяетъ послѣднему открыть въ Чехіи одну епископію (Пражскую). Вмѣстѣ съ симъ дозволеніемъ папа даетъ еще дозволеніе учредить одинъ женскій монастырь, и относительно этого послѣдняго предписываетъ: «verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica»... Подъ Ruzia gens можно разумѣть двоихъ — или Венгерскихъ Русскихъ, которые на своемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства не позднѣйшіе пришельцы, какъ хотятъ утверждать Венгерскіе историки, а доисторическіе аборигены, и которые приняли христіанство греческаго обряда въ IX вѣкѣ отъ Болгаръ, бывъ до прихода Венгровъ ихъ данниками, или насъ — Русскихъ Кіевскихъ. Такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Венгерскіе Русскіе усвоили себѣ имя Русскихъ уже послѣ 972 г., то есть все основаніе полагать, что у Козьмы разумѣемся мы — Кіевскіе Русскіе. Если окажется возможнымъ доказать это положительнымъ образомъ и если затѣмъ будетъ доказана и несомнѣнная подлинность грамоты папы, то свидѣтельство, какъ мы сказали, получитъ весьма важное значеніе. Оно будетъ говорить, что христіанъ въ Россіи въ правленіе Святослава было такъ много, что о нихъ, какъ о составлявшихъ изъ себя цѣлую особую частную церковь, зналъ даже папа.

[1]) Въ продолженіе 970—972 гг. правитель, въ продолженіе 932—978 гг. дѣйствительный великій князь (о послѣдней цифрѣ, вмѣсто 98), ниже).

[2]) Свѣдѣнія такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева мы не признаемъ за свѣдѣнія.

сшее или низшее на ихъ взглядъ достоинство означало, по ихъ мнѣнію, различіе низшихъ и высшихъ, лучшихъ и худшихъ людей, для которыхъ онѣ были предназначены. Какъ они презирали низшихъ себя, по ихъ мнѣнію, людей, такъ могли презирать и низшія своей, по ихъ мнѣнію, религіи. Но преслѣдовать то, что отъ Бога и имѣетъ свою разумную цѣль и законное назначеніе быть религіей низшихъ людей, имъ не могло приходить на мысль. Желаніе истреблять худшія религіи значило бы съ ихъ стороны ни что иное, какъ желаніе истреблять низшія расы людей.

Такимъ образомъ, какъ бы неблагопріятно расположеннымъ къ христіанству мы ни представляли себѣ Ярополка, во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что имъ не было воздвигаемо на христіанъ гоненія. Но собственно говоря, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать объ Ярополкѣ ни самое худшее ни даже просто худое, а напротивъ имѣемъ рѣшительныя основанія предполагать самое лучшее. Не менѣе какъ до 10-ти, а можетъ быть и до 12-ти лѣтъ его возраста оставалась въ живыхъ бабка его Ольга [1]), которая и была собственною его воспитательницей вмѣсто постоянно отсутствовавшаго Святослава. Правда, и самъ Святославъ воспитанъ былъ Ольгой, и однако она не успѣла сдѣлать изъ него ни внѣшняго ни внутренняго христіанина. Но чрезвычайно рѣдки примѣры, чтобы два человѣка сряду — отецъ и сынъ выходили такими своеобразными людьми, каковъ былъ Святославъ, и историческо-физіологическая вѣроятность (если можно такъ выразиться) вся на той сторонѣ, что Ярополкъ, не будучи другимъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, норманнскимъ удальцомъ, былъ просто обыкновеннымъ человѣкомъ. А вслѣдствіе этого есть вся вѣроятность думать, что съ воспитаніемъ Ярополка Ольгѣ была совсѣмъ другая удача, чѣмъ съ воспитаніемъ Святослава, т. е. что она дѣйствительно успѣла сдѣлать его человѣкомъ болѣе или менѣе благорасположеннымъ къ христіанству (Ярополкъ погибъ отъ руки Владиміра 21—18 лѣтъ; еслибы онъ жилъ долѣе, то очень можетъ быть, что не Владиміръ, а онъ былъ бы крестителемъ всей Руси).

Итакъ, вотъ исторія христіанства въ Россіи отъ начала государства до св. Владиміра. Христіане между Варягами явились въ ней если не при Рюрикѣ и Олегѣ, то несомнѣнно при Игорѣ, во вторую половину

[1]) Въ какомъ году родился Ярополкъ, въ лѣтописи не записано. Но есть одно обстоятельство, которое можетъ служить къ приблизительному опредѣленію ранняго предѣла его возраста въ минуту смерти Ольги. Святославъ, бывшій въ послѣдній разъ въ Кіевѣ именно въ 969 г., когда умерла Ольга, женилъ его на одной, приведенной имъ изъ Болгаріи, красивой Гречанкѣ: полагаемъ, трудно допустить, чтобъ это случилось даже ранѣе, чѣмъ Ярополку исполнилось 10 лѣтъ. Что касается до поздняго предѣла, то предполагать, чтобы ему въ минуту смерти Ольги было болѣе 12 лѣтъ, не позволяютъ собственные года Святослава, у котораго едва ли онъ могъ родиться ранѣе 15-ти лѣтняго возраста.

правленія котораго ихъ было въ Кіевѣ весьма много и который въ эту вторую половину правленія самъ склонился внутренно на ихъ сторону. Пользуясь при Игорѣ всѣмъ покровительствомъ внутренно принадлежавшаго къ ихъ сторонѣ великаго князя, они продолжали пользоваться такимъ же покровительствомъ и въ правленіе Ольги. При Святославѣ они не пользовались этимъ покровительствомъ, а относительно Ярополка мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но при томъ и другомъ они несомнѣнно не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободой.

Выше мы сказали, что имѣемъ весьма немного положительныхъ свидѣтельствъ относительно этого христіанства въ Россіи отъ Игоря до Владимира. Но теперь у читателя передъ глазами историческая сторона дѣла; надѣемся, онъ видитъ, что этихъ немногихъ свидѣтельствъ вполнѣ достаточно и что ими вполнѣ подтверждается все то, что мы говорили сейчасъ выше. Отъ смерти Игоря до Владимира самымъ худшимъ временемъ для христіанъ было правленіе Святослава. Но у насъ есть положительное свидѣтельство, которое говоритъ, что и въ это правленіе христіане не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободой (до такой степени, что даже язычники невозбранно принимали христіанство). Слѣдовательно, они не терпѣли гоненій и пользовались свободой и во все прочее время. А если такъ, то изъ сего будетъ слѣдовать и все сказанное нами остальное.

При Игорѣ христіанъ между Варягами было весьма много. Послѣ него число ихъ, можетъ быть, по временамъ уменьшалось черезъ отбытіе нѣкоторыхъ въ Константинополь и вообще въ другія мѣста; но, вопервыхъ, убыль уходившихъ совсѣмъ или до нѣкоторой степени могли возмѣщать другіе, вновь приходившіе,—вовторыхъ, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что христіанство много или мало, но постепенно, росло внутреннимъ образомъ черезъ обращеніе къ нему язычниковъ въ самомъ Кіевѣ. Свидѣтельства эти говорятъ намъ, что такія обращенія имѣли мѣсто въ правленіе Святослава, самое худшее для христіанъ, и тѣмъ даютъ намъ совершенное право распространять ихъ на все время до Владимира. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается заключеніе относительно числа христіанъ между Варягами до Владимира: явившись въ Кіевѣ не позднѣе правленія Игоря, съ той поры они постоянно находились въ немъ сравнительно въ весьма большемъ количествѣ.

Надѣемся, всякому понятно, какъ важно все сейчасъ сказанное нами по отношенію къ послѣдующему времени: къ княженію Владимира христіанство не было въ Россіи какою-нибудь вѣрою совсѣмъ невѣдомою, а напротивъ было вѣрою очень хорошо извѣстною; христіане находились въ Кіевѣ въ продолженіе болѣе полустолѣтія, имѣя церкви и священниковъ, и жили не какъ-нибудь скрытно, а совершенно открыто, въ видѣ особой, дозволяемой и терпимой правительствомъ, иновѣрной общины.

Мы говорили только о христіанствѣ между Варягами, потому что о нихъ только говорятъ положительныя свидѣтельства. Помимо Варяговъ не распространялось ли христіанство и между самими Славянами? Что касается до массы простаго народа, которая должна была видѣть въ Варягахъ особый отъ себя народъ, и которая къ этому особому народу, какъ къ господствующему, какъ представляющему изъ себя толпу иноземныхъ находниковъ, не могла относиться особенно дружелюбно, христіанство, вѣроятно, распространялось весьма мало, а можетъ быть даже и совсѣмъ не распространялось. Но въ высшемъ сословіи изъ природныхъ Славянъ, въ природно-славянской части боярства [1]), которую желаніе участвовать во власти должно было объединять съ Варягами и отдѣлять отъ народа, христіанство могло болѣе или менѣе распространяться, хотя мы и не можемъ говорить ничего положительнаго.

Во вторую половину княженія Игоря у Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ была по крайней мѣрѣ одна общественная церковь. Есть вся вѣроятность думать, что, при совершенной свободѣ строить церкви, ихъ съ теченіемъ времени было построено еще нѣсколько, ибо въ то время была наклонность строить какъ можно болѣе церквей, а строить церкви небольшихъ размѣровъ, каковы были тогдашнія, въ особенности деревянныя, какъ это должно было быть въ Кіевѣ, ровно ничего не стоило. А такимъ образомъ нисколько не будетъ страннымъ думать, что ко времени Владимира Кіевъ имѣлъ христіанскихъ церквей, можетъ быть, примѣрно цѣлый пятокъ, а можетъ быть, даже и болѣе. Кромѣ церквей общественныхъ, еще во времена Игоря были церкви и домовыя [2]); съ теченіемъ времени онѣ должны были также умножиться и въ пропорціи большей, чѣмъ общественныя. На нѣсколько церквей общественныхъ, на значительное число церквей домовыхъ въ Кіевѣ долженствовало быть весьма значительное количество христіанскихъ священниковъ, которыхъ въ то время, подобно церквамъ, была наклонность имѣть возможно большее количество, т. е. не одинъ-два-три, а по крайней мѣрѣ десятка два-три.

На какомъ языкѣ Кіевскіе Варяги-христіане совершали свое общественное богослуженіе? Положительныхъ данныхъ для отвѣта на вопросъ

---

[1]) Между именами бояръ Игоря въ договорѣ 944 г. есть славянскія: Володиславъ, Предслава (хотя впрочемъ и бояре — Варяги могли уже начать тогда принимать славянскія имена).

[2]) Говоря о церкви пр. Иліи при Игорѣ: «се бо бѣ сборная церкви», что значитъ общественная, лѣтописецъ даетъ знать, что были церкви домовыя. За существованіе церквей домовыхъ говоритъ и всеобщій тогда въ Греціи обычай имѣть ихъ каждому мало-мальски знатному или, по крайней мѣрѣ, претендовавшему быть таковымъ, человѣку: домовая церковь была принадлежностію и вывѣской знатности (еще и обстоятельнѣе будемъ говорить о нихъ ниже).

мы не имѣемъ никакихъ и остается дѣлать только предположенія. Предположеній возможно два, именно — что они совершали его или на греческомъ языкѣ или на готскомъ (т. е. при этомъ мы подразумѣваемъ, что нѣтъ совершенно никакихъ основаній и никакой вѣроятности предполагать, чтобы богослужебныя книги были переведены на ихъ собственный норманнскій языкъ). Которому предположенію отдать преимущество, мы затрудняемся, однако склоняемся больше въ пользу втораго. Наши Кіевскіе Варяги, нѣтъ сомнѣнія, совершали богослуженіе на томъ самомъ языкѣ, на которомъ совершали его Варяги Константинопольскіе, такъ какъ наша Варяжская церковь (община) была дочерью варяжской церкви Константинопольской. Варяги жившіе въ Константинополѣ болѣе или менѣе знали греческій языкъ; правительство греческое духовное и свѣтское, нѣтъ сомнѣнія, было того желанія, чтобы богослуженіе совершалось у нихъ на греческомъ языкѣ, потому что позднѣйшіе Греки были столько же за господство у всѣхъ въ богослуженіи своего греческаго языка, сколько и позднѣйшіе Латиняне за господство своего языка латинскаго (cfr ниже); но съ другой стороны готскій языкъ былъ для Норманновъ почти что свой, а между тѣмъ вліяніе греческаго правительства не могло быть на нихъ особенно сильнымъ, такъ чтобы они не дерзали своевольствовать. Если бы готскій языкъ въ X вѣкѣ нигдѣ не былъ въ живомъ употребленіи и оставался только археологическимъ памятникомъ въ книгахъ, то Норманны, конечно, не воззвали бы его къ новой жизни. Но мы имѣемъ свидѣтельства, что въ половинѣ IX вѣка у Готовъ, жившихъ въ предѣлахъ греческой имперіи, богослуженіе совершалось на своемъ готскомъ языкѣ: отъ половины же IX вѣка до X очень не далеко [1]).

Мы сказали выше, что Варяги-христіане водворили въ Россіи грамотность еще во времена Игоря. Разъ водворенная, она, нѣтъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ самими христіанами оставалась въ Россіи и во все послѣдующее время до Владимира. Буквы для письма, какъ это должно думать, были употребляемы греческія или готскія (взятыя тоже изъ греческаго алфавита, за исключеніемъ немногихъ буквъ самостоятельныхъ или взятыхъ изъ своихъ германскихъ рукъ), смотря по тому, на какомъ языкѣ

[1]) Свидѣтельство Валафрида Страбона, приведенное нами выше. Кромѣ Готовъ Таврическихъ или Крымскихъ въ Греціи были еще Готы Мизійскіе: вопервыхъ, потомки приведенныхъ Ульфилой (о которыхъ мы говорили выше), во вторыхъ, потомки тѣхъ многочисленныхъ Готовъ, которые при нашествіи Гуновъ въ 376 г. искали себѣ у Грековъ спасенія въ Мизіи. Въ этой послѣдней во второй половинѣ VII в. образовали свое государство Болгары, принявшіе въ половинѣ IX вѣка христіанство; но и подъ властію Болгаръ, сначала одною политическою, а потомъ и церковною, Готы могли сохранять свой готскій языкъ.

было совершаемо богослуженіе [1]). Этотъ фактъ непрерывнаго существованія у насъ грамотности не позднѣе какъ со временъ Игоря, есть обстоятельство чрезвычайной важности по отношенію къ вопросу объ источникахъ нашей первоначальной или такъ называемой Нестеровой лѣтописи...

Русская легенда о крещеніи Ольги въ Константинополѣ, записанная въ нашей лѣтописи (П. Собр. Лѣтт. I, 25).

«Въ лѣто 6463 (955) пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Константинополь. Царь былъ тогда (въ Константинополѣ) по имени Цимисхій (Цѣмьскій) [2]). И пришла къ нему Ольга, и увидѣлъ царь, что она весьма красива лицемъ и смысленна (умна) и удивился разуму ея и, бесѣдовавъ съ нею, сказалъ ей: «Достойна ты того, чтобы здѣсь въ Цареградѣ царствовать съ нами» [3]). Она же, понявъ рѣчи царя, сказала ему: «Я язычница; если хочешь, чтобъ я крестилась, крести меня (будь моимъ воспріемникомъ) самъ, если же нѣтъ, то не крещусь»— и крестили ее царь съ патріархомъ. Бывъ просвѣщена (крещеніемъ), она радовалась душой и тѣломъ, и преподалъ ей патріархъ поученіе о вѣрѣ и сказалъ: «Благословенна ты въ женахъ русскихъ за то, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: будутъ благословлять тебя люди русскіе до послѣдняго рода внуковъ твоихъ». И заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостынѣ и о воздержаніи тѣла въ чистотѣ. Она же, приклонивши главу, стояла какъ губа напаяемая, внимая ученію; поклонившись патріарху, она сказала: «Молитвами твоими, владыка, да буду сохранена отъ сѣти непріязненныя». Было наречено ей въ крещеніи имя Елена, какъ (называлась) и древняя царица, мать великаго Константина. Благословилъ ее патріархъ и отпустилъ. Послѣ крещенія позвалъ ее царь и сказалъ: «Хочу взять тебя за себя замужъ». Она же отвѣ-

---

[1]) Кому бы показалось страннымъ употребленіе греческихъ буквъ для письма на другомъ языкѣ, тому мы скажемъ, что Болгары употребляли эти буквы для письма на болгарскомъ языкѣ не только въ древнія времена до изобрѣтенія славянской азбуки, о чемъ имѣются положительныя свидѣтельства, но даже въ недавнее время господства у нихъ еллинизаціи, и есть даже новыя болгарскія книги, напечатанныя греческими буквами, напримѣръ: Ευαγγελιε να γοσποδα μπογα (Бога) η σπασα νασεγο Ιησουσα χριστω (sic), σιγα (теперь, нынѣ) νοβο τυποσανο (напечатано) να μπογαρσκοι εξικ... Σολου (Солунь), Σταμπα (типографія) Κυριακοβα Δαρζηλευ, 1852 (*Иречка* Болгарск. Библіогр., № 182).

[2]) Іоаннъ Цимисхій былъ императоромъ уже послѣ смерти Ольги съ 969 по 976 годъ. Цѣмьскій стоитъ только въ древнѣйшемъ или Лаврентьевскомъ спискѣ, во всѣхъ другихъ спискахъ, со включеніемъ и Ипатскаго, правильно—Константинъ, сынъ Леоновъ (Леонтовъ). У Стрыйковскаго впрочемъ былъ списокъ лѣтописи, въ которомъ, такъ же какъ въ Лаврентьевскомъ, читалось Цѣмьскій (Chronica, изд. Варш., 1846, т. I, стр. 120).

[3]) Ольга, вышедшая замужъ въ 903 г., должна была имѣть въ 955 г. около 65 лѣтъ. Тогдашній императоръ Константинъ Порфирогенитъ имѣлъ жену.

чала: «Какъ хочешь взять меня, когда крестилъ меня самъ и назвалъ меня (своею) дочерью, — ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона». И сказалъ царь: «Перехитрила ты меня, Ольга» (переклюкала мя еси, Ольга). Давъ ей дары многіе — золото и серебро, матеріи дорогія и сосуды различные, царь отпустилъ ее, назвавъ своею дочерью. Она же, хотя (отправиться) домой, пришла къ патріарху, прося благословенія на домъ, и сказала ему: «Люди мои и сынъ мой язычники, чтобы (о если бы) Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла». И сказалъ патріархъ: «Чадо вѣрное! во Христа крестилась ты и во Христа облеклась, Христосъ сохранитъ тебя, какъ сохранилъ Еноха въ первыхъ родахъ и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимилеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Дaвида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ пещи, Даніила отъ звѣрей,— подобнымъ образомъ и тебя сохранитъ отъ врага и отъ сѣтей его». Благословилъ ее патріархъ, и пошла она съ миромъ въ землю свою и пришла въ Кіевъ. Это было подобно тому, какъ при Соломонѣ пришла царица Эѳіопская къ Соломону, хотя слышать премудрость его, и видѣла многую мудрость и знаменія, — такъ и эта блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей: та искала мудрости человѣческой, а эта Божіей... Сія блаженная Ольга отъ юности все изыскивала на свѣтѣ семъ мудростію [1]) (и потому) нашла бисеръ многоцѣнный, который есть Христосъ... Пришла Ольга въ Кіевъ, и прислалъ къ ней царь греческій, говоря: «Я много дарилъ тебя, ибо ты говорила мнѣ, что когда возвратишься въ Русь, пришлешь многіе дары, — рабовъ, воску и мѣховъ и войско на помощь». Отвѣчала Ольга и сказала посламъ: «Скажите отъ меня царю: если ты постоишь у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я у тебя стояла въ пристани, то тогда дамъ тебѣ дары» [2]).

---

[1]) Лаврент. лѣт.: «си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростію все въ свѣтѣ семь»; Ипатская: «искаше мудростію, что есть луче всего въ свѣтѣ семъ». Эти слова между прочимъ могутъ служить къ объясненію и того, зачѣмъ Ольга ходила въ Константинополь и посылала пословъ къ императору франкскому.

[2]) Вѣрно или невѣрно записанное преданіе, но смыслъ его тотъ, что Ольгу, по ея прибытіи въ Константинополь, очень долго,—не нѣсколько часовъ, а нѣсколько дней, держали въ пристани на кораблѣ, не впуская въ городъ. Дѣло дѣйствительно могло быть подобно тому, какъ представляетъ его наше преданіе. Русскіе принадлежали къ числу тѣхъ иностранцевъ, съ которыми Греки старались и имѣли причины быть какъ можно болѣе осторожными. Небывалый пріѣздъ Русской княгини могъ возбудить въ Константинополѣ разныя подозрѣнія, и тамъ весьма долгое время могли рѣшать вопросъ: пускать или не пускать ее въ городъ. По нашему преданію, Ольга весьма обидѣлась на Грековъ за эту съ нею проволочку; но думать, какъ обыкновенно думаютъ, что Греки хотѣли нанести ей намѣренное оскорбленіе, и вообще предполагать, что Ольга была трактуема въ Константинополѣ недостаточно хорошо, нѣтъ ни малѣйшаго основанія.—Константинопольская гавань въ лѣтописи называется Судомъ («яко же азъ въ Суду»). Σοῦδα—суда (но не судъ) значитъ ровъ, яма. Въ Константинополѣ въ частности Судой назывался ровъ, окружавшій городскую крѣпостную стѣну (очень хорошо сохранившійся и до настоящаго времени). Почему лѣтописецъ

Константинъ Порфирогенитъ о пріемахъ Ольги въ Константинополѣ во дворцѣ императорскомъ (De ceremoniis aulae Byzantinae, lib. II, cap. 15, ed. Bonn. p. 594, у *Миня* Patr. t. 112, p. 1108).

«Мѣсяца сентября 9-го числа, въ день четвертый (среду) былъ пріемъ, во всемъ подобный предъидущему (одного сарацинскаго посла), по случаю пріѣзда Ольги (Ἕλγας), княгини Русскія. Вошла (въ назначенное мѣсто дворца императорскаго) сама княгиня съ княгинями своими родственницами и съ избранными служанками [1]), она — идя впереди всѣхъ другихъ женщинъ, а — тѣ въ порядкѣ слѣдуя одна за другою, и стала на мѣстѣ, гдѣ логоѳетъ [2]) имѣетъ обычай предлагать вопросы. Послѣ нея вошли послы и стряпчіе [3]) русскихъ князей и стали далѣе между занавѣсями, и все прочее совершилось по вышесказанному пріему (посла сарацинскаго). Вышедши назадъ черезъ анадендрадій и залу кандидатовъ и залу, въ которой стоитъ камилавка [4]) и производятся магистры, прошла черезъ ононодъ и золотую руку или портикъ августеона [5]) и тамъ сѣла. Когда императоръ по обычному чину вошелъ въ дворецъ [6]), то былъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана былъ поставленъ возвышенный помостъ,

---

называетъ Судомъ пристань, гавань—не можемъ сказать; можетъ быть дѣйствительно назывались такъ у Грековъ гавани искусственныя, копаныя, которыхъ въ Константинополѣ было нѣсколько, въ противоположность естественнымъ (и которыхъ собственное названіе у Грековъ было τὰ νεώρια). Вѣроятнѣе всего впрочемъ, что лѣтописецъ не имѣлъ надлежащаго представленія о Судѣ, и что для него это имя означало вообще воды Константинопольскія (то онъ называетъ Судомъ Константинопольскій или Босфорскій проливъ, подъ 866 и 941 гг., то Константинопольскій заливъ или Золотой рогъ, подъ 907 г., то пристань въ Константинополѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Проливъ назывался у насъ Судомъ и послѣ,—Антоній Новгородскій по изд. *Савваитова* стр. 173).

[1]) Προκριτοτέρων θεραπαινῶν — вѣроятно, разумѣются придворныя дамы или боярыни Ольги.

[2]) Логоѳетъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; подъ мѣстомъ разумѣется аудіенцъ-зала для пріема иностранныхъ пословъ (находившаяся въ зданіи называвшемся Магнавра).

[3]) Ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματευταί.

[4]) Особой формы царскій вѣнецъ, о которомъ см. ниже.

[5]) Названія отдѣленій и залъ дворца. Дворецъ Константинопольскихъ императоровъ не представлялъ изъ себя одного большаго зданія или корпуса, а состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, обнесенныхъ одной общей стѣной, на подобіе монастыря. Такъ какъ до настоящаго времени не сохранялось ни самаго дворца, ни его плана или обстоятельнаго описанія, то его бывшее расположеніе, на основаніи описаній не обстоятельныхъ и не нарочныхъ, можетъ быть возстановлено только приблизительно. Такое приблизительное возстановленіе см. въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 84, статья: Griechische Kunst, S. 323. Подъ анадендрадіемъ, ἀναδενδράδιον, разумѣется садъ или аллея, ведшая отъ одного зданія къ другому.

[6]) То-есть, изъ своихъ внутреннихъ комнатъ въ парадныя отдѣленія дворца.

покрытый красными, вышитыми золотомъ, коврами, и на немъ поставленъ былъ великій тронъ императора Ѳеофила [1]), а съ боку золотое царское кресло, два же серебрянные органа двухъ партій [2]) поставлены были далѣе, за двумя занавѣсями, а органы, на которыхъ играютъ, поставлены были внѣ занавѣсей. Будучи позвана изъ августеона, княгиня прошла чрезъ абсидъ и чрезъ ипподромъ и внутренніе переходы того же августеона, и пришедши сѣла εἰς τὰ σκῦλα [3]). Императрица [4]) сѣла на помянутомъ выше тронѣ (Ѳеофила), а невѣстка [5]) ея на креслѣ, и вошелъ весь кувуклій [6]) и препозитомъ и остіаріями введены были отдѣленія: отдѣленіе первое — государственныя дамы [7]), отдѣленіе второе — магистриссы, отдѣленіе третье — патрикіи (жены патрикіевъ), отдѣленіе четвертое — оффиціальныя протоспатареи, отдѣленіе пятое — остальныя протоспатареи, отдѣленіе шестое — спатаро-кандидатиссы, отдѣленіе седьмое — спатареи, страториссы и кандидатиссы. Послѣ этого введена была княгиня препозитомъ и двумя остіаріями, при чемъ она предшествовала, а за нею, какъ сказано, слѣдовали княгини ея родственницы и ея избранныя служанки. И сдѣланы были ей препозитомъ вопросы отъ лица императрицы, и вышедши сѣла εἰς τὰ σκῦλα. Императрица, вставши съ престола, прошла чрезъ лавсаикъ и трипетонъ и вошла въ кенургій, а чрезъ него въ свои внутренніе покои, княгиня же съ родственницами своими и служанками вошла чрезъ залу Юстиніана и лавсаикъ и трепетонъ въ кенургій (и тамъ) отдыхала. Потомъ сѣлъ императоръ (во внутреннихъ покояхъ императрицы) съ императрицей и порфирородными своими дѣтьми, и по-

---

1) То-есть, тронъ, сдѣланный симъ императоромъ, cfr Scriptt. post Theophan. ed. Paris, pp. 416 и 516.

2) Извѣстныхъ партій ипподрома желтыхъ и голубыхъ, cfr ibid.

3) Σκῦλον значитъ добычу, отнятую у непріятелей, военный трофей, лат. spolium (и въ этомъ собственномъ значеніи обыкновенно употреблялось во множественномъ числѣ,—σκῦλα Μηδικά, βαρβαρικά, Лексик. *Пассова*). Слѣдовательно, подъ τα σκῦλα какъ будто должно разумѣть залу, въ которой находились военные трофеи, или иначе дворцовый арсеналъ. Предположеніе *Дюканжа*, что scyla—carcer (Constantinop. Christ. Lib. II p. 178) опровергается нашимъ мѣстомъ Константина Порфирогенита. Авторъ сейчасъ помянутой статьи Griechische Kunst въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, признавая τὰ σκῦλα за залу, не дѣлаетъ никакихъ предположеній относительно ея назначенія (S. 321, col. 1).

4) Жена Константина Порфирогенита, Елена.

5) Жена сына Константинова Романа, Анастасія Ѳеофано.

6) Кувуклій—штатъ низшихъ придворныхъ чиновниковъ, по нашему старому-спальниковъ, комнатныхъ дѣтей боярскихъ (κουβούκλειον изъ латинскаго cubiculum, что значитъ спальня, комната).

7) Αἱ ζωσταί: Зоста (отъ ζώννυμι опоясываю и ζώνη — поясъ, причемъ не совсѣмъ ясно, разумѣть ли поясъ въ собственномъ смыслѣ, одежный или головную повязку) самая первая по государынѣ и при государынѣ дама. Ихъ было по одной, а въ данномъ случаѣ множественное число — потому, что разумѣются зоста императрицы и зоста невѣстки (О произведеніи императоромъ зосты см. у Констант. Порфироген. ibid. кн. I, гл. 50).

звана была княгиня изъ залы кенургія и по приглашенію императора сѣвши говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла. Въ тотъ же день былъ парадный столъ [1]) въ той же залѣ Юстиніана. Императрица и невѣстка ея сѣли на помянутомъ тронѣ, а княгиня стала со стороны, когда же церемоніймейстеромъ стола введены были по обычному чину княгини (родственницы) и поклонились, то княгиня, немного наклонивъ голову (поклонившись) [2]), сѣла по чину, гдѣ стояла, за усѣченный столъ съ государственными дамами [3]). Надлежитъ знать, что пѣвчіе церкви апостоловъ и софійскіе присутствовали при этомъ обѣдѣ и пѣли императорскіе гимны; также были играны и всякія театральныя игры. Въ хрисотриклинѣ же былъ другой парадный столъ, гдѣ обѣдали всѣ послы князей русскихъ и люди и родственники княгини и стряпчіе [4]), и получили — племянникъ ея 30 миліарисіевъ [5]), люди ея по 20 мил., 20 пословъ по 12 мил., 43 стряпчіе по 12 мил., священникъ Григорій [6]) 8 мил., два переводчика по 12 мил., люди Святослава по 5 мил., переводчикъ княгини 15 мил. Послѣ того, какъ императоръ всталъ изъ-за стола [7]), былъ (предложенъ) десертъ въ залѣ для завтраковъ, — былъ поставленъ небольшой золотой столъ, который стоитъ въ пентапиргіи (пятибашеньѣ) [8]) и разставленъ былъ на немъ десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями, и сѣлъ императоръ (Константинъ — авторъ) и Романъ Порфирогенитъ (сынъ Константина) и порфирородныя ихъ дѣти и невѣстка и княгиня, и поднесено было княгинѣ на золотомъ украшенномъ камнями блюдѣ [9]) 500 мил., и 18 служанкамъ по 8 мил. Мѣсяца октября 18-го

---

1) Κλητώριον, отъ καλέω — зову, собственно званый обѣдъ. Объ этихъ званыхъ обѣдахъ или парадныхъ столахъ императорскихъ обстоятельное см. у Констант. Порфирог. ibid. кн. 2 гл. 52 sqq.

2) Τὴν κεφαλὴν μικρὸν ὑποκλίνασα.

3) Ἐκαθέσθη εἰς τὸ αποκοπτὸν μετὰ ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον. Τὸ αποκοπτὸν, ἡ αποκοπτὴ τραπέζα назывался небольшой особый столъ, за который отдѣльно садились императоръ и императрица съ немногими высшими чинами (Констант. Порфирог. ibid. кн. 2, гл. 52, τόμος β′ и passim въ другихъ нѣсколькихъ мѣстахъ). Въ данномъ случаѣ за этимъ «императорскимъ» столомъ обѣдами: императрица съ невѣсткой, двѣ зосты и Ольга.

4) То-есть, для мужчинъ былъ особый столъ.

5) Миліарисій или миліарезій, иначе драхма, небольшая серебряная монета, (*Дюк.*, Gloss. Graec.), по счету К. Папарригопула (Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους IV, 116), равнялся 35 копѣйкамъ сер., по счету Византія (Κωνσταντινόπ., III, 267) съ небольшимъ одному франку.

6) Παπᾶς Γρηγόριος. Въ просторѣчіи и даже не въ просторѣчіи, какъ въ данномъ случаѣ, Греки называютъ священниковъ—παπᾶς, παπάδες, откуда наше попъ. Попъ-священникъ отличается у Грековъ отъ Римскаго папы тѣмъ, что первый παπᾶς, а второй—πάπας.

7) Онъ обѣдалъ или отдѣльно или съ мужчинами въ хризотриклинѣ.

8) Построенномъ Θеофаномъ, Scriptt. post Theophan. ibidd.

9) Новгородскій архіепископъ Антоній (въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ), бывшій въ Константинополѣ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка и написавшій Цареградскій Паломникъ, между прочимъ сообщаетъ, что въ тамошней св. Со-

числа, въ воскресенье, былъ парадный обѣдъ въ хризотриклинѣ, и сидѣлъ (обѣдалъ) императоръ съ Русскими. И опять былъ другой парадный обѣдъ въ пентакувукліи св. Павла, и присутствовала императрица съ порфирородными ея дѣтьми и невѣсткой и княгиней, и дано было княгинѣ 200 мил., племяннику ея 20 мил., 18 рабынямъ по 6 мил., 22 посламъ по 12 мил., 44 стряпчимъ по 6 мил., двумъ переводчикамъ по 12 мил.» [1]) (Годъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ опредѣляется указаніями Порфирогенита, что сентября 9-е число было въ среду, а октября 18-е въ воскресенье». Эти числа въ эти дни были въ продолженіе искомаго времени только въ 957 году).

Западные лѣтописцы о посольствѣ Ольги къ Оттону.

Продолжатель Регинона (половины X в., непосредственный современникъ) подъ 959 годомъ: «Пришли къ королю,— какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ, — послы Елены королевы Руговъ (Helenae reginae Rugorum), которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, и просили посвятить для сего народа епископа и священниковъ». Подъ 960 годомъ: (въ семъ году) «король праздновалъ праздникъ Рождества Христова во Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ братіи монастыря св. Альбана (въ Майнцѣ) достопочтеннымъ епископомъ (Бременскимъ) Адальдагомъ посвященъ въ епископы Ругамъ»

фіи есть «блюдо велико злато служебное Олгы руской, когда взяла дань, ходивши Царюграду; во блюдѣ же Ольжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христосъ, и отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро, у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено» (Путешествіе Новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, изд. *Савваитова,* 1872, стр. 58). Если блюдо, выдававшееся во времена Антонія за приношеніе Ольгино, дѣйствительно принадлежало ей, то весьма вѣроятно думать, что оно было то самое блюдо, о которомъ говоритъ Порфирогенитъ, то-есть что съ миліарезіями ей поднесено было и самое блюдо, и что его она и пожертвовала въ св. Софію. Кромѣ сходства въ описаніи, за вѣроятность этого говорятъ слова Антонія: «когда взяла дань», которыя, кажется, нужно понимать такъ: блюдо поднесено было Ольгѣ, какъ дань, а она (на память о томъ, что взяла дань) пожертвовала его св. Софіи.

[1]) Несправедливо думая, на основаніи приведеннаго нами мѣста нашей лѣтописи, будто Ольга была трактуема въ Константинополѣ не особенно хорошо, Карамзинъ хочетъ видѣть доказательство этого и въ незначительности поднесенной ей и ея спутникамъ суммы (I, 102). Но опять несправедливо: Ольгѣ поднесено было не менѣе того, что̀ было принято подносить въ подобныхъ случаяхъ (см. у того же Порфирогенита, непосредственно передъ разказомъ о пріемѣ Ольги, разказъ о пріемѣ сарацинскихъ пословъ, которые были гораздо важнѣе для Грековъ, чѣмъ русская княгиня), и самъ же Карамзинъ признаетъ и подтверждаетъ осязательнымъ примѣромъ (I, примѣч. 381), что смыслъ подобныхъ подносовъ или жалованій былъ не въ количествѣ. Изъ всего разказа Порфирогенита ясно видно, что Ольга была принимаема въ Константинополѣ совершенно какъ слѣдуетъ.

(genti Rugorum). Подъ 961 годомъ: «Либуцій, котораго въ прошломъ году нѣкоторыя дѣла удержали отъ путешествія, скончался 15-го Марта настоящаго года; въ преемники ему посвященъ былъ Адальбертъ изъ братіи монастыря св. Максимина въ Трирѣ; сего послѣдняго благочестивѣйшій государь, съ обычнымъ ему милосердіемъ снабдивъ щедро всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ честію къ Ругамъ (genti Rugorum)». Подъ 962 годомъ: «Въ семъ году возвратился назадъ Адальбертъ, поставленный въ епископы Ругамъ, ибо не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными; на обратномъ пути нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ же онъ съ великимъ трудомъ едва спасся» (*Pertz*, Monumenta Germaniae, I, 624). Сего продолжателя дословно повторяетъ лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo XII в., см. *Шлецера*, Нест., III, 450, въ Acta SS. Болландистовъ Junii, t. 4, p. 32, приводимый подъ именемъ хронографа Магдебургскаго).

Лѣтопись Гильдесгеймская (конца X вѣка) подъ 960 г.: «Пришли къ королю Оттону послы Русскаго народа (Rusciae gentis) и просили его, чтобы онъ послалъ имъ одного изъ своихъ епископовъ, который показалъ бы имъ путь истины, и говорили, что хотятъ отстать отъ своего язычества и принять христіанскую вѣру. Король внялъ ихъ просьбѣ и послалъ православнаго вѣрою (fide catolicum) епископа Адальберта, но они, какъ показалъ исходъ дѣла, во всемъ солгали» (ibid., t V, p. 60). Эту лѣтопись дословно повторяютъ, только съ прибавленіями на концѣ,—лѣтопись Кведлинбургская (первой половины XI вѣка) и Ламбертъ Герсфельдскій (обыкновенно названный Ашаффенбургскимъ, Scafnaburgensis, второй половины того же вѣка). Лѣтопись Кведлинбургская послѣ словъ: «во всемъ солгали» прибавляетъ: «поелику и самъ помянутый епископъ не избѣжалъ смертной опасности отъ ихъ коварствъ» (ibid., p. 60); Ламбертъ Герсфельдскій послѣ словъ «епископа Адальберта» прибавляетъ: «который однако едва избѣжалъ ихъ рукъ» (ibid., p. 61).

Лѣтопись Корвейская подъ 959 г.: «король Оттонъ по прошенію Русской королевы послалъ къ ней Адальберта, нашей обители инока, который послѣ сдѣланъ первымъ епископомъ въ Магдебургѣ» (*Шлецеръ*, Нест., III, 451,—почему лѣтопись, вопреки Регинону, называетъ Адальберта инокомъ своей обители, не можемъ объяснить).

Дитмаръ Мерзебургскій († 1018), говоря о поставленіи Адальберта въ архіепископы Магдебургскіе, пишетъ, что прежде онъ былъ посвященъ въ настоятели Руси—Rusciae, но оттуда былъ изгнанъ язычниками, Chronic., lib. II, cap. 14. Говоря ниже прямо о нашей Руси, онъ называетъ страну—Ruscia, народъ—Rusci, lib. VII, c. 52 и lib. VIII, c. 16.

Въ указѣ императора Оттона о поставленіи Адальберта въ архіепископы Магдебургскіе говорится, что прежде онъ былъ назначенъ и посланъ въ проповѣдники къ Ругамъ (Rugis olim praedicatorem destinatum et missum, *Pertz* ibid., IV, 561).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крещеніе св. Владиміромъ всей Руси и совершенное утвержденіе христіанства на Руси при его преемникахъ.

I.

Владимиръ, — его собственное крещеніе и крещеніе имъ страны.

Дошедъ до событій самыхъ достовѣрныхъ, каково крещеніе Владиміра, мы все таки не избавились отъ такъ называемыхъ народныхъ повѣстей. Напротивъ, теперь передъ нами повѣсть этого рода, которая можетъ быть названа таковою по преимуществу и по превосходству (κατ' ἐξοχήν).

Къ великому князю Кіевскому приходятъ послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своихъ вѣръ; князь посылаетъ своихъ пословъ къ народамъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, наконецъ изъ всѣхъ вѣръ Русскіе выбираютъ вѣру самую лучшую: вотъ эта, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстная, повѣсть о крещеніи Владиміра. Прискорбна обязанность посягать на то, въ чемъ весьма многіе такъ привыкли и такъ хотѣли бы не сомнѣваться и въ чемъ тщеславіе этихъ весьма многихъ находитъ такое себѣ удовлетвореніе. Но неумолимый долгъ историка заставляетъ насъ сказать, что повѣсть эта не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго, что она есть позднѣйшій вымыселъ и притомъ даже вымыселъ, по всей вѣроятности, не русскій, а греческій.

Передадимъ сначала подробно эту, ставшую, такъ сказать, классическою въ нашей исторіи, повѣсть. Будучи позднѣйшею вставкой въ лѣтописи и будучи поставлена въ ней безъ всякой связи съ предъидущимъ, она разсказываетъ слѣдующее:

Подъ 986 годомъ, который есть 8-й годъ княженія Владимирова [1]). Пришли ко Владимиру Болгары вѣры Магометовой [2]) и говорили: «Ты князь мудрый и смысленный, а не знаешь закона (держишься не доброй, не истинной вѣры); вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету». И спросилъ Владимиръ: «Въ чемъ состоитъ ваша вѣра»? Они сказали: «Вѣруемъ въ Бога, а Магометъ заповѣдуетъ намъ обрѣзывать тайные уды, не ѣсть свинины, не пить вина; по смерти будемъ творить похоть блудную съ женами: дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ, изберетъ одну (изъ нихъ) прекраснѣйшую, возложитъ красоту всѣхъ на (эту) одну, и она будетъ человѣку жена». А также и здѣсь, говорили они, — достойно творить всяческій блудъ; кто убогъ на этомъ свѣтѣ, тотъ также будетъ и тамъ. И иную многую лесть говорили они, чего и писать нельзя срама ради. Владимиръ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ *(послушаше сладко)* когда говорили о женахъ, ибо самъ любилъ женщинъ и былъ сильно преданъ блуду; но то ему не любо было, чтобы обрѣзывать уды и не ѣсть свинаго мяса, а о запрещеніи пить отнюдь не хотѣлъ слушать, сказавъ: «Русскимъ питье — веселье, безъ того не можемъ быть» [3]). Потомъ пришли Нѣмцы, говоря: «Пришли мы, посланные (къ тебѣ) папою». Они сказали Владимиру: «Такъ приказалъ говорить тебѣ папа: земля твоя какъ и земля наша, а вѣра ваша, не какъ наша; ибо наша вѣра есть свѣтъ, кланяемся Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги суть дерево». Владимиръ спросилъ: «Какая заповѣдь ваша»? Они сказали: «Постъ по силѣ, (а затѣмъ) кто что ни ѣстъ и ни пьетъ, все въ славу Божію, какъ сказалъ учитель нашъ (апостолъ) Павелъ». Владимиръ сказалъ Нѣмцамъ: «Идите назадъ, ибо отцы наши сего не принимали». Слышавъ обо (всемъ) этомъ, пришли Жиды Козарскіе [4]),

---

[1]) Владимиръ занялъ престолъ не въ 980, а въ 978 г., ибо по самой же лѣтописи всѣхъ лѣтъ его правленія 37 (въ общей хронологіи подъ 852 г.), а у монаха Іакова находимъ совершенно опредѣленное показаніе, что онъ сѣлъ въ Кіевѣ мѣсяца іюня въ 11-й день въ лѣто 978. Когда лѣтопись говоритъ, что Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ (подъ тѣмъ же 852 г.), то годы княженія нужно разумѣть не съ 972 г., въ которомъ умеръ Святославъ, а съ 970, въ которомъ онъ посадилъ Ярополка при своей жизни; когда монахъ Іаковъ говоритъ, что Владимиръ сѣлъ въ Кіевѣ въ осьмое лѣто послѣ смерти отца своего Святослава, то у него нужно видѣть ошибку, происшедшую отъ забвенія, что Ярополкъ занялъ великокняжескій престолъ не послѣ смерти, а при жизни Святослава.

[2]) Т.-е. Болгары Волжско-Камскіе. См. о нихъ *Бестужева-Рюмина* Русскую исторію I, 74 (съ указаніемъ литературы).

[3]) «Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти».

[4]) О Козарахъ или Хазарахъ, которые имѣли свою столицу Итиль при устьѣ Волги и у которыхъ съ половины VIII вѣка іудейство, принесенное изъ гре-

говоря: «Слышали мы, что приходили Болгары и христіане, уча тебя каждый своей вѣрѣ; христіане вѣруютъ въ Того, котораго мы распяли, а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковлева». И спросилъ Владимиръ: «Что̀ есть законъ вашъ»? Они отвѣчали: «Обрѣзываться, не ѣсть ни свинины ни заячины, хранить субботу». Владимиръ спросилъ: «А гдѣ земля ваша»? Они отвѣчали: «Въ Іерусалимѣ». Онъ спросилъ: «А тамъ ли и теперь»? Они отвѣчали: «Разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за наши грѣхи, и предана была земля наша христіанамъ». Владимиръ сказалъ: «Такъ, какъ же другихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены? Еслибы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то вы не были бы расточены по разнымъ землямъ: или вы хотите, чтобъ и съ нами случилось то же»? Послѣ этого Греки прислали къ Владимиру философа, говоря: «Слышали мы, что приходили Болгары и учили (убѣждали) тебя принять ихъ вѣру; но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю, они прокляты паче всѣхъ человѣкъ, ибо уподобились Содому и Гоморрѣ, на которые пустилъ Господь каменья горючіе, чтобы потопить ихъ; подобнымъ образомъ и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, когда Богъ прійдетъ судить землю и погубитъ всѣхъ, творящихъ беззаконіе и скверно-дѣющихъ: «си бо омываютъ оходы своя (и) въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажются, наричюще Бохмита, такоже и жены ихъ творятъ ту же скверну и ино пуще — отъ совокупленья мужьска и женска вкушаютъ». Слышавъ это, Владимиръ плюнулъ и сказалъ: «О, отвратительно»! [1]). Философъ продолжалъ: «Еще слышали мы, что приходили изъ Рима (Нѣмцы) учить васъ своей вѣрѣ, но ихъ вѣра немного (нѣсколько) повреждена противъ нашей [2]), ибо служатъ на опрѣснокахъ, то-есть оплаткахъ, которыхъ Богъ не предалъ, повелѣвъ служить на хлѣбѣ, (ибо сказано): и преда апостоломъ, пріимъ хлѣбъ, и рече: се есть Тѣло Мое, ломимое за вы..., они же этого не творятъ, и (потому) вѣра ихъ (не совсѣмъ) исправна». Владимиръ сказалъ: «Приходили ко мнѣ Жиды и говорили, что-де Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, котораго мы распяли». Философъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, мы въ Него вѣруемъ, ибо пророки предрекли — одни, что Богъ родится, другіе, что Онъ будетъ распятъ и погребенъ, въ третій день воскреснетъ и вознесется на небеса: они же тѣхъ пророковъ избивали, а другихъ пилами претирали: когда же сбылись пророчества, (Богъ) сошелъ на землю, былъ распятъ и по воскресеніи вознесся на небеса, то (Онъ) ждалъ отъ нихъ пока-

---

ческой имперіи, было вѣрою государя и вельможъ, см. *Бестужева-Рюмина* Русск. ист. I, 78 (съ указаніемъ литературы).

¹) «Си слышавъ, Володимеръ плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло».

²) «Маломь съ нами развращена».

янія 46 лѣтъ, и поелику не покаялись, послалъ на нихъ Римлянъ, которые города ихъ разрушили, а самихъ расточили по разнымъ странамъ, въ которыхъ они и до сихъ поръ въ рабствѣ». Спросилъ Владимиръ: «Но для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ такую страсть»? Философъ сказалъ: «Если хочешь, (князь), послушать, то скажу тебѣ по ряду и обстоятельно, для чего Богъ сошелъ на землю». Владимиръ сказалъ: «Готовъ слушать съ большимъ удовольствіемъ *(послушаю радъ)*». И началъ философъ говорить такимъ образомъ...

За симъ слѣдуетъ весьма пространная рѣчь философа ко Владимиру, въ которой подробно излагается вся священная исторія ветхаго и новаго завѣта отъ начала до конца, отъ сотворенія міра до вознесенія Іисуса Христа и проповѣди апостоловъ. Показавъ такимъ образомъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей или то, дла чего Богъ сходилъ на землю, философъ заключилъ свою рѣчь: «Предуставилъ же Богъ день, въ который хочетъ судить, пришедъ съ неба, живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его — праведникамъ царство небесное и красоту неизреченную и веселье безъ конца и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ безконечную муку огненную и червя не усыпающаго». Сказавъ это, философъ показалъ Владимиру полотно, на которомъ написанъ былъ страшный судъ Господень, и указалъ ему одесную праведниковъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а ошуюю грѣшниковъ, идущихъ въ муку.

Владимиръ вздохнулъ и сказалъ: «Добро симъ — одесную, горе же симъ — ошуюю». Философъ сказалъ: «Если хочешь стать съ праведными одесную, то крестись». Владимиръ, положивъ на сердцѣ своемъ слова его, сказалъ: «Подожду и еще мало», — ибо хотѣлъ испытать о всѣхъ вѣрахъ. Давъ философу дары многіе, Владимиръ отпустилъ его съ честію великою.

Подъ 987 годомъ. Созвалъ Владимиръ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ: «Вотъ приходили ко мнѣ Болгары, говоря: пріими законъ нашъ; потомъ приходили Нѣмцы, которые также хвалили свой законъ; потомъ приходили Жиды; послѣ всѣхъ пришли Греки, хуля всѣ законы, а хваля (только) свой, и много говорили, повѣствуя отъ начала міра о бытіи всего міра; хитры и чудны повѣсти ихъ, каждому любо послушать ихъ; говорятъ они, что и другой свѣтъ будетъ и кто-де вступитъ въ ихъ вѣру, тотъ умерши воскреснетъ и больше не будетъ умирать во вѣки, а кто вступитъ въ другую вѣру, тому на томъ свѣтѣ горѣть въ огнѣ: какъ вы мнѣ ума прибавите, что́ посовѣтуете, — спросилъ Владимиръ бояръ и старцевъ. Бояре и старцы отвѣчали: «Знаешь, князь, что свое никто не хулитъ, а хвалитъ; если хочешь испытать хорошенько, то имѣешь у себя мужей: пошли испытать службу каждаго изъ нихъ, какъ служатъ Богу». Эта рѣчь была

люба князю и всѣмъ людямъ; избрали мужей добрыхъ и смысленныхъ, числомъ 10, и сказали имъ: «Идите сначала къ Болгарамъ и испытайте ихъ вѣру». Пошли они и пришедши видѣли скверныя дѣла ихъ и кланянье въ ропатахъ [1]) и возвратились домой. И сказалъ Владиміръ: «Идите теперь къ Нѣмцамъ, посмотрите также и (у нихъ), и оттуда идите къ Грекамъ». Пришли они къ Нѣмцамъ и смотрѣли ихъ церковную службу; (потомъ) пришли въ Царьградъ и вошли къ царю. Царь спросилъ, для чего пришли, и они разсказали ему бывшее. Выслушавъ ихъ, царь радъ былъ и сотворилъ имъ въ тотъ день честь великую. На утро (на другой день) царь послалъ къ патріарху и приказалъ сказать: «Пришли Русскіе и желаютъ смотрѣть нашу вѣру, прикажи убрать и приготовить церковь [2]), собери и приготовь (весь свой) причтъ [3]) и самъ соверши богослуженіе, чтобы видѣли они славу Бога нашего». Услышавъ это, патріархъ приказалъ созвать причтъ, и сдѣлали праздничную службу, какъ это обычно въ праздники, зажгли ка(н)дила и составили пѣнія и лики. И пошли съ ними (послами) въ церковь и поставили ихъ по срединѣ церкви [5]), показывая имъ красоту церковную, пѣніе и службу архіерейскую и предстояніе діаконовъ, толкуя имъ, какъ они служатъ Богу своему (толкуя имъ чинъ своего богослуженія). Они же, бывъ въ изумленіи и удивленіи, похвалили службу ихъ. И призвали ихъ цари Василій и Константинъ и сказали: «Идите въ землю вашу», и отпустили ихъ съ дарами великими и съ честью. Когда они пришли въ свою землю, то Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ: «Вотъ пришли посланные наши мужи; послушаемъ, что́ они видѣли, пусть разсказываютъ передъ дружиною». Послы сказали: «Ходили мы къ Болгарамъ, и смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ, то-есть, въ своей ропатѣ: стоятъ безпоясые, поклонившись сядетъ (на корточки) и смотритъ туда и сюда, какъ бѣшеный, «нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ за-

---

[1]) Мечетяхъ.

[2]) Т.-е. убрать и приготовить по праздничному, каковыя убранство и приготовленіе состояли особенно въ томъ, что развѣшивали въ церквахъ множество кандилъ и лампадъ, чтобы сдѣлать возможно блистательное освѣщеніе (φωταγωγία-иллюминація, см. ниже).

[3]) «Пристрой крилосъ». Подъ крилосомъ, т.-е. клиросомъ, разумѣются не пѣвчіе, а штатъ патріаршихъ богослужебныхъ «чиновниковъ». Клиросами назывались собственно штаты административныхъ архіерейскихъ чиновниковъ (см. ниже), а потомъ и штаты чиновниковъ богослужебныхъ, такъ какъ изъ чиновниковъ административныхъ многіе были вмѣстѣ и чиновниками богослужебными.

[4]) Вообще царь даетъ въ повѣсти тотъ приказъ патріарху, чтобы онъ совершилъ для Русскихъ въ св. Софіи возможно торжественнымъ образомъ праздничное богослуженіе.

[5]) «Поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ».

конъ ихъ». Потомъ пришли мы къ Нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но красоты не видали никакой. Послѣ этого пришли мы къ Грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему, и не знаемъ мы — на небѣ мы были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой красоты; не умѣемъ вамъ разсказать, только то знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и что служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ; мы не можемъ забыть такой красоты; какъ всякій человѣкъ, если попробуетъ сладкаго, послѣ уже не хочетъ горькаго, такъ и мы не хочемъ здѣсь оставаться. (Выслушавъ рѣчи пословъ), бояре въ отвѣтъ на нихъ сказали (Владиміру): «Еслибы былъ худъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣйшею изъ всѣхъ людей» [1]). Владиміръ сказалъ: «Такъ гдѣ крестимся»? Бояре сказали: «Гдѣ любо тебѣ».

«Минувшю лѣту», въ 988 году, Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, взялъ его и въ немъ крестился...

Кто любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти, не заботясь ни о чемъ другомъ, для кого сказка предпочтительнѣе всякой дѣйствительной исторіи, лишь бы имѣла указанное качество, того сейчасъ переданная повѣсть о крещеніи Владиміра должна удовлетворять вполнѣ, ибо достоинство замысловатости ей принадлежитъ безспорно. Но немного критики, немного просто нѣкоторой мѣры въ вѣрѣ, — и съ пространною повѣстію тотчасъ же должно случиться такое чудо, что отъ нея останется только голый остовъ, а потомъ и отъ этого голаго остова останется только одна половина.

Предположимъ, что повѣсть принадлежитъ самому лѣтописцу. Можно ли, соблюдая нѣкоторую серьезность, принимать, чтобы всѣ рѣчи пословъ, которыя онъ передаетъ, были подлинными ихъ рѣчами, а не просто собственнымъ его сочиненіемъ? Еслибъ лѣтописецъ былъ непосредственнымъ современникомъ, еслибы онъ даже стоялъ на дворѣ великокняжескомъ въ то время, какъ послы были у Владиміра, то и тогда онъ могъ бы только до нѣкоторой степени передать содержаніе рѣчей, но никакъ не самыя рѣчи въ ихъ подлинномъ видѣ. Но лѣтописецъ жилъ и писалъ спустя сто слишкомъ лѣтъ послѣ Владиміра. Правда, онъ еще засталъ въ живыхъ людей, которые помнили крещеніе земли Русской или которые родились вскорѣ послѣ него [2]): но сколько не шу-

---

[1]) «Яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ».

[2]) Монахъ печерскій Іеремія, о которомъ лѣтописецъ, не давая впрочемъ ясно знать, засталъ ли самъ его въ живыхъ, говоритъ, что онъ «помняше крещенье земли Руськыя» (Собр. лѣтт., I, 81) и бояринъ кіевскій Янъ Вышатичъ, который умеръ въ 1106 году, имѣя около 90 лѣтъ, и о которомъ лѣтописецъ

точнаго въ ссылкѣ на эти лица, дѣлаемой въ подкрѣпленіе того, будто лѣтописецъ могъ передать подлинныя рѣчи пословъ? Вотъ вамъ остающійся до сихъ поръ въ живыхъ Екатерининскій офицеръ, который знаетъ свое прошедшее только по собственной памяти, а не по книгамъ: спросите его о какихъ угодно знаменитыхъ бесѣдахъ, веденныхъ Екатериной въ началѣ царствованія: что̀ онъ вамъ отвѣтитъ, т. е. что̀ онъ въ состояніи будетъ вамъ отвѣтить? Одни изъ упомянутыхъ людей могли сообщить лѣтописцу только кое-что, въ дѣтствѣ ими видѣнное, а другіе — только кое-что, въ дѣтствѣ изъ первыхъ устъ ими о событіи слышанное, и ни тѣ ни другіе никоимъ образомъ не могли сообщить ему подлинныхъ рѣчей всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя представляются въ повѣсти говорящими. А такимъ образомъ чрезъ сто слишкомъ лѣтъ лѣтописцу вовсе и никакъ не могло быть извѣстнымъ, что̀ говорили Владиміру послы, къ нему приходившіе, что̀ отвѣчалъ имъ онъ самъ, и вообще что̀ было кѣмъ бы то ни было говорено. Слѣдовательно, повторяемъ, — всѣ рѣчи, которыя влагаются въ повѣсти въ уста говорящихъ въ ней лицъ, суть не что иное, какъ простой позднѣйшій вымыселъ самаго лѣтописца, и слѣдовательно, за уничтоженіемъ рѣчей, въ повѣсти остаются только тѣ два голые факта, что, во-первыхъ, приходили послы ко Владиміру съ предложеніемъ вѣръ, и что, во-вторыхъ, онъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ [1]).

говоритъ: «Отъ негоже и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь».

[1]) Совершенную очевидность того, что рѣчи не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ позднѣйшимъ вымысломъ, пространно доказывать мы стѣсняемся, потому что она такъ очевидна и потому что въ области не церковной исторіи доказывать это считается уже излишнимъ и нѣсколько страннымъ. Но возьмите наконецъ самыя рѣчи. Неужели проповѣдники магометанскіе могли приходить къ Владиміру затѣмъ, чтобы держать предъ нимъ возможно срамныя рѣчи и такимъ образомъ доказать ему, что вѣра ихъ есть самая срамная въ мірѣ? Неужели проповѣдники еврейскіе приходили затѣмъ, чтобы сказать, что Евреи суть народъ, Богомъ отверженный? Неужели проповѣдники папскіе только и могли сказать то, что̀ влагаетъ имъ въ уста повѣсть, и не ясно ли, что не имѣющій смысла отвѣтъ Владиміра: «Идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть», значитъ то, что отъ одинаковыхъ съ Греками христіанъ составитель повѣсти не видѣлъ возможности отдѣлаться со смысломъ? Весьма понятно для насъ, какъ все читаемое нами въ повѣсти могъ написать позднѣйшій и нѣсколько наивный Русскій (или какъ все это могло сложиться у позднѣйшихъ Русскихъ): но чтобы все это могло быть такъ въ дѣйствительности, принимать это было бы болѣе чѣмъ странно (Влагая въ уста посламъ папинымъ слова: «аще кто піеть или ясть, то *все* въ славу Божію», авторъ повѣсти хочетъ сказать, что латиняне ѣли въ числѣ всего удавленину, за что такъ укоряли ихъ Греки: а заставляя присемъ пословъ ссылаться на ап. Павла, — 1 Кор. гл. 10, онъ хочетъ дать знать, что латиняне ссылались на апостола неправильно, перетолковывая

Изъ этихъ двухъ голыхъ фактовъ вѣроятенъ самъ по себѣ только первый, другой же есть дѣло совсѣмъ невозможное, именно: могло быть, чтобы къ Владиміру приходили послы или миссіонеры съ проповѣдію о вѣрахъ и съ предложеніемъ ихъ, но не могло быть, чтобы Владиміръ самъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ.

Справедливо замѣчаютъ наши изслѣдователи, что этотъ выборъ Владиміромъ вѣры есть случай единственный во всей извѣстной исторіи, но не совсѣмъ понятно, какъ они не замѣчаютъ, что онъ есть случай вмѣстѣ и невозможный, что онъ есть выдумка, съ одной стороны, пожалуй, затѣйливая, а съ другой стороны вовсе не состоятельная, чтобы не сказать болѣе, съ которою серьезной наукѣ пора наконецъ разстаться. Приходившіе проповѣдники изложили Владиміру догматы своихъ вѣръ; но этого для него не довольно, и онъ хочетъ еще испытать о нихъ. Въ чемъ же должно состоять испытаніе? «Пославъ испытай» — говорятъ будто бы Владиміру бояре и старцы, — «когождо ихъ службу, кто како служитъ Богу», т. е. испытаніе должно состоять въ согляданіи обрядовъ каждой вѣры. Уже историки прошлаго столѣтія Татищевъ и митрополитъ Платонъ въ состояніи были понять, что испытаніе или согляданіе обрядовъ есть дѣло странное [1]). Оно дѣйствительно есть дѣло не только странное, а просто совсѣмъ невѣроятное. Что такое обряды? Внѣшнія условныя дѣйствія, которыя сами по себѣ не имѣютъ значенія, которыя сами по себѣ ни худы ни хороши, которыя для человѣка посторонняго остаются совершенно непонятными, и которыя не даютъ и рѣшительно не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о вѣрѣ, коей они составляютъ внѣшнюю принадлежность. Какую же разумную цѣль имѣло бы со стороны Владиміра отправленіе посольства смотрѣть не понятныя и не имѣвшія ровно ничего сказать дѣйствія, и какимъ образомъ могло бы ему придти на мысль отправить не имѣющее никакого смысла посольство? Идите, посмотрите — у котораго народа лучше совершается церковная служба; но что тутъ можетъ значить — лучше совершается: у кого она веселѣе совершается, у кого пышнѣе обстановлена [2])? Неужели Влади-

---

его слова, ибо постановленіе собора апостольскаго, — Дѣян. 15, 29. Заставляя философа греческаго говорить Владиміру о магометанахъ, что «они омываютъ оходы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажются» и пр., авторъ повѣсти, какъ это необходимо думать, повторяетъ басни, выдуманныя Греками насчетъ магометанъ).

[1]) *Татищевъ* Истор. Росс. кн. II, прим. 180, стр. 406, *Платонъ* Кратк. Церк. Росс. Ист., I, 24. Желая придать посольству смыслъ, они предполагаютъ, что оно отправлено было не для согляданія обрядовъ, а для испытанія догматовъ. Но догматы должны были изложить приходившіе послы, и какое побужденіе могло бы быть для изслѣдованія ихъ на мѣстѣ?

[2]) Православный читатель, полагаемъ, не преминетъ сказать: у кого она совершается стройнѣе и чиннѣе, благочиннѣе и назидательнѣе. Но все это мо-

миръ могъ въ чемъ-нибудь подобномъ полагать лучшую вѣру, и не видитъ ли читатель, что дѣло получаетъ совсѣмъ, такъ сказать, тривіальный смыслъ? Какъ могло придти на мысль заставить Владимира судить о достоинствѣ вѣръ по достоинству обрядовъ позднѣйшему православному Русскому, или позднѣйшимъ таковымъ Русскимъ, — это не трудно понять, когда подобной мысли не находятъ странною даже и въ настоящее время. Какъ позднѣйшій православный русскій могъ написать о

жетъ говорить только онъ, православный, имѣя въ умѣ готовое представленіе о благочиніи и назидательности своего богослуженія и сравнивая съ нимъ богослуженія другихъ вѣръ. А съ какой стати пришло бы на мысль язычнику предполагать, что въ богослуженіи одной вѣры болѣе, въ богослуженіи другой вѣры менѣе этихъ качествъ? Развѣ можно предполагать a priori, само по себѣ, что есть вѣры, отличающіяся безчиніемъ и неназидательностію богослуженія? Оставьте свою вѣру, оставьте всѣ вѣры христіанскія, возьмите вѣры языческія: будете ли вы предполагать, что богослуженіе однихъ между ними болѣе, а богослуженіе другихъ менѣе чинно и назидательно? Обряды богослужебные, равно какъ и житейскіе, будучи внѣшними условными дѣйствіями, условными и принятыми обычаями, не имѣютъ безъотносительнаго достоинства, а мы судимъ объ нихъ достоинствѣ единственно по степени нашей къ нимъ привычки: свои обряды, къ которымъ мы привыкли, для насъ хороши, чужіе и невиданные нами—страны и нехороши. Магометане совершаютъ внѣшнюю молитву такимъ образомъ, что распростираютъ руки и потомъ кланяются. На взглядъ Русскаго (который можетъ представить себѣ *чью бы то ни было* молитву только въ своей формѣ) это странно; а между тѣмъ это есть древній христіанскій образъ молитвы, заимствованный магометанами именно у христіанъ. Магометане при входѣ въ мечети совершаютъ омовенія лицъ и рукъ (у бассейновъ и фонтановъ, устрояемыхъ для сей цѣли на дворахъ мечетей). Русскому странно смотрѣть на эти поголовныя умыванія идущихъ молиться; а между тѣмъ это также древній христіанскій обычай, заимствованный магометанами также у христіанъ. Мы садимся за столъ для обѣта на стулья, восточные садятся на полъ, поджавъ ноги, древніе не садились, а ложились на постели (одры,—длинные диваны): намъ странно видѣть сидящихъ на полу, а имъ наоборотъ; намъ странно было бы видѣть лежащихъ, а имъ тоже было бы наоборотъ. Всякій слыхалъ, что у разныхъ народовъ весьма разнообразенъ способъ для здорованья лицъ встрѣчающихся: одни другъ другу кланяются, снимая шапки, другіе жмутъ другъ другу руки, третьи прижимаютъ свои руки къ сердцу, четвертые дуютъ другъ на друга, пятые трутся носами, шестые ложатся на животъ и ползутъ другъ къ другу, и т. д.: всякій находитъ хорошею свою форму, странными и худыми чужія. Внѣшній обрядъ и обычай есть то, къ чему прилагается пословица: что городъ, то норовъ (съ теченіемъ времени у однихъ и тѣхъ же людей мѣняются обряды и обычаи: если бы теперешнему Русскому человѣку воспроизвести древняго Русскаго человѣка съ его обрядами и обычаями, то весьма немалое показалось бы ему въ высшей степени страннымъ и, не знаючи, онъ пожалуй произнесъ бы судъ такой строгій, что, узнавши дѣло, весьма бы смѣшался). Нашъ авторъ повѣсти полагаетъ достоинство вѣръ и не въ достоинствѣ обрядовъ (хотя этого достоинства, какъ мы сказали, они и не имѣютъ), а въ степени великолѣнія храмовъ (иконостасы и иконы), богослужебныхъ принадлежностей (ризы и сосуды)

впечатлѣніяхъ пословъ все то, что читается въ повѣсти, это, конечно, уже совсѣмъ для насъ понятно, — устами пословъ говоритъ намъ онъ самъ [1]).

Но предположимъ даже, что посольство имѣло бы смыслъ, хотя имѣть его и не могло. Оно, по прежнему, останется все-таки дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Владимиръ рѣшился принять греческое или православное христіанство будто бы послѣ выбора между многими предложенными ему вѣрами; но этотъ выборъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, есть ли нѣчто мыслимое въ приложеніи къ данному случаю? Люди перемѣняютъ вѣру двоякимъ образомъ — или машинально, потому что это имъ приказываютъ, или по внутреннему и искреннему убѣжденію. Владимиръ перемѣнилъ язычество на православное христіанство, конечно, не первымъ, а вторымъ образомъ. Если бы допускался выборъ при машинальной перемѣнѣ вѣры, то онъ былъ бы до нѣкоторой степени возможенъ, именно —

и самаго богослуженія (множество служащихъ и пѣніе: у магометанъ послы Владимировы не нашли въ богослуженіи «веселья», у Нѣмцевъ «красоты», а у Грековъ нашли такую «красоту», что недоумѣли сказать). Для насъ, Русскихъ, великолѣпіе составляетъ необходимую принадлежность храмовъ и богослуженія, и для насъ видѣть храмы и богослуженіе, въ которыхъ отсутствуетъ онò и господствуетъ простота, въ высшей степени странно. Но наоборотъ для людей, которые привыкли къ простотѣ храмовъ и богослуженія (каковы наприм. магометане и протестанты) совершенно въ такой же степени странно видѣть наше великолѣпіе.

[1]) О богослуженіи магометанъ послы Владимировы отзываются въ повѣсти: «смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса: поклонився сядеть и глядить сѣмо и овамо яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ». Всякій, конечно, самъ собою понимаетъ, что дѣйствительнаго смрада въ богослуженіи магометанъ нѣтъ никакого (свои мечети они содержатъ въ строгой чистотѣ и ведутъ себя въ нихъ опрятнѣе, чѣмъ мы въ нашихъ храмахъ,—у нихъ не принято плевать и харкать на полы мечетей, всегда покрытыя безукоризненно чистыми циновками); употребляя слово «смрадъ» авторъ хочетъ выразить свое отвращеніе къ богослуженію магометанъ. Когда онъ говоритъ, что въ богослуженіи магометанъ нѣтъ веселья, но печаль, то онъ съ своей точки зрѣнія правъ: богослуженіе магометанъ отличается совершенной простотой и вовсе не имѣетъ нашего великолѣпія, равно какъ и мечети ихъ вовсе не имѣютъ никакихъ украшеній (поэтому и въ великолѣпнѣйшихъ мечетяхъ Константинополя Русскій чувствуетъ себя какъ въ сараѣ, что̀ знаемъ по собственнымъ впечатлѣніямъ). Что хочетъ сказать авторъ словами: «глядить сѣмо и овамо, яко бѣшенъ», не знаемъ и не догадываемся, но вѣроятно, что онъ повторяетъ тутъ одинъ изъ многочисленныхъ старогреческихъ Witz'овъ на счетъ магометанъ. Укоризну: «стояще безъ пояса» объясняютъ намъ Responsa папы Николая ad consulta Bulgarorum (см. о нихъ въ нашей книгѣ Краткій очеркъ исторіи церквей Болгарской, Сербской и Румынской), въ которыхъ между прочимъ читаемъ: Jam vero quod asseritis, Graecos vos prohibere communionem suscipere sine cingulis, quibus sacrae scripturae hoc prohibere jure probentur, nos penitus ignoramus, nisi forte... и пр., у Миня

выборъ вѣры болѣе выгодной въ томъ или другомъ внѣшнемъ отношеніи: но совмѣстимо ли понятіе выбора съ перемѣной по убѣжденію? Если я перемѣняю одно мнѣніе на другое по искреннему убѣжденію, то, очевидно, потому, что одно мнѣніе нахожу ложнымъ, а другое истиннымъ: какимъ же образомъ можетъ быть тутъ мѣсто выбору, т. е. мѣсто выбору, когда у меня уже рѣшено, какое мнѣніе истинное вмѣсто моего прежняго ложнаго? Читатель, можетъ быть, не сразу насъ понимаетъ. Весьма простое дѣло состоитъ въ томъ, что при перемѣнѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не бываетъ такъ, чтобы сначала я оставилъ мнѣніе ложное и потомъ сталъ искать истиннаго, но такъ, что я оставляю ложное мнѣніе только въ то самое время, какъ принимаю истинное, что одно замѣняетъ и такъ сказать вытѣсняетъ другое, и что эта смѣна происходитъ совершенно непосредственно. Точный образъ выраженія объ этой перемѣнѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не тотъ, что я принялъ такое-то мнѣніе (истинное) послѣ того, какъ оставилъ такое-то (ложное), но тотъ, что я оставилъ такое-то мнѣніе, *потому что* принялъ такое-то; если оставляется прежнее мнѣніе, то необходимо предполагается новое, которое вмѣсто него принимается, и это послѣднее есть причина, почему оставляется первое. Конечно, и при перемѣнѣ мнѣній по иск-

въ Патр. t. 119 p. 1000 n. LV, cfr митр. Кипріана въ Акт. Истр. т. I, стр. 118. О богослуженіи латинянъ авторъ повѣсти устами пословъ отзывается: «видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже». Такъ какъ у латинянъ богослуженіе отличается нисколько не меньшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ у Грековъ, а въ особенно торжественныхъ случаяхъ и значительно превосходитъ послѣднее, вдаваясь въ совершенную театральность, до которой Греки, слава Богу, не дошли, то приведенныя слова автора должно понимать такимъ образомъ, что, прибѣгая къ нѣкоторой софистикѣ, онъ говоритъ не объ общественномъ богослуженіи ихъ въ собственномъ смыслѣ, а такъ сказать о приватно-общественномъ—о пѣніи обѣденъ на боковыхъ (нашихъ теперешнихъ придѣльныхъ) престолахъ, которыхъ въ большихъ католическихъ церквахъ очень помногу и на которыхъ въ праздники служится обѣденъ (нашихъ — раннихъ) очень большое количество,—это противоположность между католиками и нами въ древнее время была еще рѣзче, чѣмъ теперь, потому что въ древнее время у насъ не было придѣльныхъ престоловъ, а были придѣльныя церкви, такъ что каждая церковь имѣла по одному престолу (на которомъ могла совершаться въ одинъ день только одна обѣдня), cfr ниже. Если бы повѣсть, подобную нашей, вздумалъ написать католикъ, то, поведши пословъ Владимировыхъ не къ Нѣмцамъ, а въ Римъ, гдѣ, хотя не было Софіи Константинопольской, однако были такія базилики, какъ св. Петра Ватиканская (не нынѣшняя Микель-Анжеловская, а бывшая передъ нынѣшнею Константиновская) и св. Павла Extra muros, то, изобразивъ великолѣпіе храма и богослуженія (и между прочимъ пѣнія, во вкусѣ относительно котораго мы совершенно сходимся съ Западными и столько совершенно расходимся съ Греками...), имѣлъ бы полное право сказать о впечатлѣніи, полученномъ послами со стороны внѣшности, не меньшее того, что говоритъ авторъ нашей повѣсти.

реннему убѣжденію возможенъ внутренній выборъ, имѣющій себѣ мѣсто въ самомъ человѣкѣ, ибо перемѣна совершается посредствомъ внутренняго процесса мышленія и обсужденія; но этотъ выборъ составляетъ одно нераздѣльное съ самымъ душевнымъ актомъ перемѣны ложнаго мнѣнія на истинное, и послѣ того, какъ этотъ послѣдній совершился, не можетъ быть мѣста для внѣшняго выбора мнѣній, ибо такой выборъ уже сдѣланъ. Ясно, что слѣдуетъ изъ сейчасъ сказаннаго по отношенію къ перемѣнѣ вѣры Владимиромъ. Если онъ рѣшился оставить свое язычество, то это могло быть только такъ, что вмѣсто него онъ рѣшился принять въ тоже время другую извѣстную вѣру, но не могло быть такъ, чтобъ онъ сначала рѣшился оставить язычество, а потомъ началъ выбирать себѣ другую вѣру; онъ могъ рѣшиться оставить одну вѣру только вмѣстѣ, тождевременно и нераздѣльно съ тѣмъ, какъ рѣшился принять другую. Ergo мнимый, произведенный будто бы имъ, выборъ вѣры представляетъ собою вещь невозможную. Мы знаемъ, что Владимиръ принялъ греческое православное христіанство; слѣдовательно, необходимо думать, что рѣшимость принять его явилась у него одновременно съ тѣмъ, какъ явилась рѣшимость оставить язычество или что онъ непосредственно, безъ всякихъ выборовъ, перемѣнилъ одно на другое. А такимъ образомъ, если мы допустимъ, что приходили къ Владимиру послы или миссіонеры съ предложеніемъ вѣръ, то необходимо думать, что, не убѣжденный ни однимъ изъ миссіонеровъ другихъ народовъ, онъ убѣжденъ былъ миссіонеромъ греческимъ, за чѣмъ безъ всякаго выбора вѣръ и послѣдовало принятіе вѣры православной.

Итакъ, повторяемъ, дѣло невозможное, чтобы Владимиръ выбиралъ вѣру, и для этого посылалъ пословъ къ народамъ. Само по себѣ возможно только то, что къ нему приходили послы отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, и что проповѣдь посла греческаго имѣла своимъ слѣдствіемъ его обращеніе въ православное христіанство. Это послѣднее не только было возможно, но и совершенно возможно, было возможно не только потому, что есть дѣло возможное само въ себѣ, но и потому, что мы имѣемъ прямыя историческія указанія въ семъ смыслѣ. Папы римскіе уже давно самымъ усерднымъ образомъ старались о распространеніи христіанства и своей власти между новыми языческими народами Европы и въ числѣ другихъ народовъ и между нашими сородичами Славянами; а что всего важнѣе и прямѣе, такъ это то, что — какъ удостовѣряютъ насъ положительныя свидѣтельства — они вовсе не забыли и про насъ (см. на концѣ этой главы добавочный отдѣлъ: «Увѣренія нѣкоторыхъ римско-католическихъ писателей» и пр.). Такимъ образомъ приходъ къ Владимиру посла папскаго былъ возможенъ, такъ сказать, какъ самая возможность. Объ особенномъ миссіонерскомъ усердіи позднѣйшихъ Грековъ мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Но Россія была

страна настолько близкая къ Греціи (настолько территоріальнымъ образомъ страна восточная, назначенная быть частію Европы восточной) и настолько находившаяся въ живыхъ связяхъ съ Греціей и даже земельномъ соприкосновеніи съ нею (наша Тмутаракань и греческія владѣнія въ Тавридѣ), что для Грековъ былъ весь интересъ видѣть насъ своими единовѣрцами и людьми себѣ подчиненными въ церковномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого было весьма возможно то, чтобы вслѣдъ за посольствомъ папы и они поспѣшили послать къ Владиміру свое посольство. Соревнуя папѣ и Грекамъ могли прислать свои посольства къ Владиміру и Болгары съ Хазарами. Такъ, говоритъ, весьма возможно было то, чтобы приходили къ Владиміру послы или миссіонеры съ предложеніемъ вѣръ.

Но и этого возможнаго само по себѣ не было на самомъ дѣлѣ.

Кромѣ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, мы въ настоящее время имѣемъ трехъ древнихъ сказателей, которые говорятъ о крещеніи Владиміра. Они суть: митрополитъ Иларіонъ, современникъ Ярославовъ, писавшій между 1037 и 1050 годами, монахъ Іаковъ, современникъ Изяславовъ, писавшій около 1070 г., и Несторъ Печерскій, современникъ древнѣйшаго нашего лѣтописца, за котораго несправедливо принимается онъ самъ. Если бы существовали факты, во-первыхъ — прихода къ Владиміру пословъ отъ народовъ, во-вторыхъ — его обращенія въ православное христіанство проповѣдью посла или миссіонера греческаго, то эти писатели должны были бы знать и должны были бы сказать о нихъ. Но всѣ трое не только ничего не говорятъ о нихъ, а напротивъ того — положительно, прямо и ясно даютъ знать, что дѣло было совершенно иначе, именно — что Владиміръ рѣшился принять христіанство самъ собой, безъ всякаго чьего-нибудь посредства, участія и содѣйствія.

Митрополитъ Иларіонъ говоритъ о крещеніи Владиміра въ своемъ извѣстномъ Словѣ о законѣ и благодати. Въ повѣсти объ этомъ крещеніи, читаемой въ лѣтописи, главная мысль — та, что у Владиміра и у всѣхъ Русскихъ достало ума и смысла отличить вѣру Грековъ отъ всѣхъ другихъ предлагавшихся имъ вѣръ, увидѣть, что она есть лучшая изъ всѣхъ вѣръ. Еслибъ Иларіону было извѣстно что-нибудь о приходѣ къ Владиміру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ разныхъ вѣръ, то необходимо было бы предполагать, что и онъ, желая восхвалить великій смыслъ и остроуміе Владиміра, — что онъ дѣлаетъ, — обратилъ бы вниманіе именно на эту сторону дѣла, т. е. на то, что Владиміръ, имѣвъ предъ собою и слушавъ многихъ проповѣдниковъ, не далъ увлечь себя проповѣдникамъ вѣръ ложныхъ или исповѣданія неправаго и умѣлъ увидѣть и понять, что изъ всѣхъ вѣръ должно быть отдано предпочтеніе вѣрѣ греческой. Но что же мы у него находимъ? Одною изъ наиболѣе заслуживающихъ удивленія чертъ въ поступкѣ

Владимира, принявшаго христіанскую вѣру, Иларіонъ находитъ то, что составляетъ совершенную и діаметральную противоположность съ разсказомъ лѣтописи, именно — находитъ заслуживающимъ удивленія то, что Владимиръ рѣшился принять эту вѣру, не бывъ никѣмъ въ ней просвѣщенъ и не бывъ никѣмъ къ ней призываемъ, что онъ, не слышавъ никакихъ проповѣдниковъ, своимъ великимъ умомъ въ состояніи былъ понять, что христіанство лучше язычества. «Како вѣрова! Како разгорѣся въ любовь Христову? Како взыска ты Христа»? спрашиваетъ онъ Владимира. И отвѣчаетъ: «Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею и наготою и гладомъ же и жаждою сердце твое клоняще на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща именемъ Христовымъ, болящіи здравующа, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ въстающе: сихъ всѣхъ не видѣ, како убо вѣрова? Дивное чудо! Иніи царіе и властеле видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, о блаженниче, *безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ*, яко есть Богъ единъ, Творецъ невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленымъ, и яко посла въ міръ спасенія ради возлюбленнаго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И еже инѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися» [1]). Взвѣшивая эти слова безъ предвзятой мысли, безъ желанія во что бы ни стало отстоять разсказъ лѣтописи, нельзя не сознаться и не согласиться, что въ нихъ говорится рѣшительно и діаметрально противоположное тому, что повѣствуется въ этой послѣдней.

Монахъ Іаковъ, лѣтъ около тридцати тому назадъ открытый преосвященнымъ Макаріемъ, написалъ «Похвалу князю Русскому Володимеру», которая представляетъ собой совершенно первый по времени опытъ историческаго сказанія о крестителѣ Руси [2]). Въ этой похвалѣ Іаковъ нарочито говоритъ о причинахъ, расположившихъ Владимира оставить язычество и принять христіанство. Ничего не зная и ничего ни единымъ словомъ не говоря и не намекая о послахъ, будто бы приходившихъ къ Владимиру убѣждать его перемѣнить вѣру, онъ объясняетъ его поступокъ, вопервыхъ, тѣмъ, что самъ Богъ, «провидѣвъ доброту сердца его

---

[1]) *Прибавл. къ Творр. Свв. Отцц.*, ч. II, 1844 г., стр. 242 (еще Иларіонъ напечатанъ въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.*, 1848 г. № 7).

[2]) Въ числѣ извѣстныхъ въ настоящее время первоначальныхъ нашихъ писателей монахъ Іаковъ занимаетъ по времени жизни, а слѣдовательно и по авторитету, какъ историческій свидѣтель, первое мѣсто послѣ митрополита Иларіона. Когда именно имъ написана похвала Владимиру—не извѣстно, но другое сочиненіе (Сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба), старшее настоящаго, писано до 1071 г.; слѣдовательно приблизительное время написанія Похвалы можетъ быть опредѣлено такъ, какъ мы указали выше.

и призрѣвъ съ небеси милостію Своею, просвѣтилъ сердце его принять святое крещеніе», — во-вторыхъ, тѣмъ, что «слышавъ о бабкѣ своей Ольгѣ, какъ шедши къ Царюгороду приняла она святое крещеніе, и какъ пожила (послѣ этого) добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися», — что, все это слышавъ о бабкѣ своей, Владиміръ возгорѣлъ желаніемъ подражать ей и что это благое, разжженное въ немъ Духомъ Святымъ, соревнованіе и сдѣлало его христіаниномъ. Такимъ образомъ, по словамъ монаха Іакова, Владимира расположили къ принятію христіанства, во-первыхъ, то, на что указываетъ Иларіонъ — просвѣщеніе свыше или, иначе говоря, его собственный разумъ и его собственная воля, озаренные этимъ высшимъ просвѣщеніемъ, — во-вторыхъ, примѣръ бабки Ольги.

Преподобный Несторъ Печерскій, какъ мы сказали, несправедливо принимаемый за лѣтописца, говоритъ о крещеніи Владимира въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Подобно двумъ предшествующимъ, ничего не зная и не говоря о послахъ, приходившихъ ко Владимиру, онъ говоритъ подобно имъ обоимъ, что Владиміръ рѣшился принять христіанство самъ собою, будучи побужденъ къ тому просвѣщеніемъ свыше, и отличается отъ двухъ предшествующихъ только тѣмъ, что какъ будто даетъ знать, что Владимиру было особенное, сверхъестественное откровеніе. Вотъ его слова: «Былъ въ тѣ годы князь, владѣвшій всею русскою землей, по имени Владиміръ. Онъ былъ мужъ праведный и милостивый къ нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовицамъ, но язычникъ вѣрой. Богъ сотворилъ ему «нѣкое запятіе» [1]), чтобъ онъ сталъ христіаниномъ, какъ въ древности Плакидѣ [2]). Плакида былъ мужъ праведный и милостивый, только язычникъ вѣрою, какъ пишется въ его житіи; но когда увидѣлъ онъ явившагося ему Господа нашего Іисуса Христа, то поклонился ему и сказалъ: «Господи, кто ты и что велишь рабу твоему»; получивъ въ отвѣтъ: «Я Іисусъ Христосъ, котораго ты ни вѣдая почитаешь, иди и крестися», онъ тотчасъ взялъ жену и дѣтей своихъ и крестился... Такъ и съ симъ Владиміромъ явленіе Божіе сдѣлало то, что онъ сталъ христіаниномъ» [3]).

---

[1]) «Спону нѣкаку сотвори».

[2]) Евстаѳія Плакиды, римскаго мученика конца II вѣка, призваннаго по житію отъ язычества въ христіанство, какъ указывается у преп. Нестора, — 20 сентября.

[3]) «Тако и сему Владимеру явленіе Божіе быти ему крестьяну створи же». Несторово Житіе Бориса и Глѣба напечатано нѣсколько разъ: *Православн. Собесѣдн.* 1858 г. въ ч. 1-й, *Бодянскимъ* въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1859 г., въ кн. 1-й, *Срезневскимъ* отдѣльно по такъ называемому Силивестровскому списку, С.-Пб. 1860 г.

Мы предполагаемъ, что повѣсть о крещеніи Владимира, помѣщенная въ лѣтописи, принадлежитъ самому лѣтописцу. Но изъ сейчасъ приведенныхъ нами писателей авторитетъ одного, какъ современника ему (Нестора), совершенно равенъ его авторитету, а авторитетъ двоихъ, какъ старшихъ по времени (Иларіона и Іакова), гораздо важнѣе. Фактъ прихода къ Владимиру пословъ и его обращенія въ христіанство проповѣдью посла греческаго, еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, представлялъ бы собою въ исторіи крещенія Владимира такой крупный и важный фактъ, что не могъ бы не быть общеизвѣстнымъ, и слѣдовательно, какъ таковой, никоимъ образомъ не могъ бы остаться неизвѣстнымъ помянутымъ писателямъ; но зная о немъ, они никакъ не должны были бы пройдти его молчаніемъ по той же самой его величайшей важности, по которой, въ случаѣ его существованія, не должны были-бы остаться о немъ въ неизвѣстности. Между тѣмъ они не только ничего не говорятъ о немъ, а напротивъ того, прямо и ясно представляютъ дѣло совершенно иначе и совершенно устраняютъ всякую мысль о посольствѣ. Полагаемъ, отсюда совершенно необходимо слѣдуетъ то заключеніе, что фактъ посольства вовсе не существовалъ и что оно есть ничто иное, какъ вымыселъ самаго лѣтописца.

Это посольство, какъ мы говорили выше и какъ снова повторяемъ, есть дѣло совершенно вѣроятное и совершенно возможное само по себѣ. Но что оно не имѣло мѣста въ дѣйствительности и что въ области сей послѣдней оно есть позднѣйшій вымыселъ, — самаго лѣтописца или когонибудь другаго, о чемъ скажемъ ниже, — на это, сверхъ сейчасъ сказаннаго, мы имѣемъ и еще одно весьма убѣдительное доказательство.

Одновременно съ сочиненіями монаха Іакова, преосвящ. Макаріемъ было открыто и напечатано «Житіе блаженнаго Володимера», авторъ котораго не называетъ себя по имени и вообще остается неизвѣстнымъ. Самъ издатель, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе усвояютъ житіе тому же монаху Іакову. Но это не можетъ быть признано справедливымъ: не говоря о томъ, что принадлежность житія Іакову вовсе немыслима совмѣстно съ принадлежащей ему «Похвалой князю Рускому Володимеру», [1]), извѣстія Житія находятся въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ извѣстіями Іакова, что имъ положительно устраняется мысль объ одномъ и томъ же авторѣ [2]). Наше житіе Володи-

[1]) Т.-е. мы хотимъ сказать, что при написанной Іаковомъ «Похвалѣ» написаніе имъ «Житія» представлялось бы дѣломъ неумѣстнымъ и безцѣльнымъ.

[2]) По Житію Владиміръ крестился въ Корсуни послѣ ея взятія, а по Іакову онъ крестился за два года до похода на этотъ городъ; по житію Владиміръ пожилъ въ христіанствѣ послѣ крещенія 33 года, а по Іакову 28 лѣтъ. Объ обоихъ обстоятельствахъ ниже.

мера, принадлежащее неизвѣстному автору, состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части содержится повѣствованіе о крещеніи Владимира и о крещеніи имъ Кіевлянъ, именно — о посыланіи имъ пословъ для осмотра вѣръ къ Болгарамъ, Нѣмцамъ и къ Грекамъ въ Константинополь, съ отчетомъ возвратившихся пословъ о видѣнномъ, — о походѣ Владимира на Корсунь и о крещеніи его въ послѣднемъ, — о единовременномъ крещеніи Владимиромъ Кіевлянъ на рѣкѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни; во второй части — краткія, отрывочно приводимыя, извѣстія о построеніи Владимиромъ церкви Богородицы Десятинной, объ его добродѣтеляхъ, объ его смерти на Берестовомъ и объ его погребеніи въ церкви Богородицы имъ созданной; въ третьей части — похвала ему, какъ крестителю Руси, явившему себя вторымъ Моисеемъ и вторымъ Константиномъ Великимъ. Сравнивая житіе съ лѣтописью, мы находимъ, что первая часть его есть таже самая повѣсть о крещеніи, которая читается въ лѣтописи, только безъ начала и въ болѣе сокращенномъ видѣ относительно частностей изложенія, именно — что въ первомъ случаѣ не достаетъ разсказа о приходѣ къ Владимиру пословъ отъ народовъ (и рѣчь прямо начинается съ отправленія имъ самимъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ), — что краткія извѣстія второй части читаются въ лѣтописи на ряду съ другими ея извѣстіями; что третью часть составляетъ таже самая похвала Владимиру, которая въ лѣтописи (подъ 1015 г.), только съ дополненіемъ и нѣкоторымъ распространеніемъ противъ этой послѣдней.

Двѣ повѣсти о крещеніи Владимира, — составляющая первую часть Житія и читаемая въ лѣтописи, очевиднымъ и безспорнымъ образомъ имѣютъ то взаимное между собою отношеніе, что или первая сокращена изъ второй или наоборотъ вторая распространена изъ первой [1]). Которое же изъ двухъ? Хотя сокращеніе повѣсти чрезъ выпущеніе изъ нея подробностей и слѣдовательно съ нанесеніемъ ущерба ея интересу есть дѣло не особенно цѣлесообразное; хотя сокращеніе повѣсти чрезъ опущеніе ея цѣлой начальной части есть дѣло совсѣмъ странное: однако практика нашихъ старыхъ составителей сборниковъ показываетъ, что это было у нихъ въ обычаѣ [2]). Слѣдовательно возможно то, чтобы Житіе было не совсѣмъ толковымъ сокращеніемъ изъ лѣтописи (сокращеніемъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ дополненіемъ, — въ третьей части). Но составители подобныхъ сокращеній, сколько знаемъ, никогда не выдавали своихъ не-

---

[1]) Житіе Володимера и противъ него соотвѣтствующую ему выписку изъ лѣтописи мы печатаемъ въ приложеніи къ этой главѣ, гдѣ и просимъ читателя сравнивать ихъ собственными глазами.

[2]) Въ сборникахъ читается «Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возьмя Корсунь», представляющее собою именно сокращеніе повѣсти о крещеніи Владимира, находящейся въ лѣтописи, сдѣланное сейчасъ указаннымъ нами образомъ, — Румянц. Муз. *Восток.* № 306, стр. 434.

хитрыхъ передѣлокъ (обработокъ) за свои настоящія сочиненія. Въ древней Руси авторская слава вовсе не составляла чего нибудь слишкомъ высоко цѣнимаго, такъ чтобы люди имѣли побужденія слишкомъ дорожить ею и слишкомъ искать ея. А поэтому у насъ не только не являлось обычая создавать себѣ эту славу подобнымъ путемъ контрафакціи и плагіата; но даже и настоящіе авторы весьма не рѣдко не выставляли своихъ именъ подъ своими произведеніями [1]). Между тѣмъ авторъ Житія Володимерова говоритъ о немъ, какъ о своемъ настоящемъ сочиненіи. Въ заключеніе Житія, обращаясь съ молитвою къ царямъ Константину и Владиміру, изъ коихъ послѣдняго сравнилъ передъ тѣмъ съ первымъ, онъ взываетъ: «молюся (вама) и мило васъ дѣю [2]), писаніемъ грамотица сея малыя, юже, похваляя ваю, написахъ недостойнымъ умомъ и худымъ и невѣжьственнымъ смысломъ». Очевидно, что въ этихъ словахъ Житіе предъявляется намъ, какъ настоящее сочиненіе говорящаго ихъ, и если мы примемъ во вниманіе то, что говорящій хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, не назвавъ себя по имени, слѣдовательно не искалъ себѣ авторской славы, то у насъ не будетъ совершенно никакого повода подозрѣвать обмана, т. е. того обмана, чтобы простое сокращеніе чужаго готоваго труда выдавалось за настоящее сочиненіе. Такимъ образомъ Житіе Володимера необходимо принимать не за сокращеніе изъ лѣтописи, а за настоящее самостоятельное сочиненіе». [3]) Но если это такъ, то изъ сего будетъ наоборотъ слѣдовать, что повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, есть распространеніе и вторичная редакція Житія.

Дальнѣйшее слѣдствіе отсюда понятно. Если старшая или первоначальная редакція повѣсти о крещеніи, каковую мы имѣемъ въ Житіи, не знаетъ и не говоритъ о приходѣ къ Владиміру пословъ отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, а говоритъ только о посыланіи имъ самимъ пословъ для осмотра вѣръ; то ясно, что этотъ приходъ пословъ къ Вла-

---

[1]) У насъ по другимъ побужденіямъ былъ другой обычай, именно—выдавать свои и вообще неизвѣстныхъ авторовъ сочиненія за творенія святыхъ отцовъ (побужденіе — приданіе сочиненіямъ авторитета и такимъ образомъ достиженіе черезъ нихъ большей пользы).

[2]) Или другая форма къ «милъ ся вамъ дѣю» или ошибочная поправка изъ сего послѣдняго.

[3]) Житіе, послѣ предисловія о Владимірѣ, начинаетъ свое повѣствованіе словами: «ходиша *же* слуги его въ Болгары и въ Нѣмцы». Это «же» какъ будьто даетъ знать, что тутъ не настоящее начало. Но если мы примемъ предположеніе, что авторъ его былъ Грекъ, о чемъ нѣсколько ниже, то неумѣстное повидимому въ данномъ случаѣ *же* для насъ объяснится: оно тогда будетъ греческимъ δὲ, которое постоянно употребляется у Грековъ въ началѣ рѣчи вмѣсто δὴ или οὖν и соотвѣтствуетъ по значенію нашему итакъ (такъ вотъ: оборотъ простонародной рѣчи: *такъ вотъ* было то-то).

димиру, неизвѣстный автору первой редакціи, сочиненъ (и прибавленъ) только уже авторомъ второй или вторичной редакціи.

Итакъ, присылъ къ Владимиру пословъ разными народами съ предложеніемъ вѣръ, самъ по себѣ совершенно возможный, въ дѣйствительности есть ни что иное, какъ позднѣйшій вымыселъ.

Послѣ посольствъ къ Владимиру и отъ него, что̀ передано нами выше, повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, говоритъ далѣе, воспроизводя помянутое житіе Володимера неизвѣстнаго автора, о завоеваніи Владиміромъ вѣры у Грековъ посредствомъ взятія ихъ города — Херсонеса Таврическаго или Корсуни. Выслушавъ возвратившихся пословъ, ходившихъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, Владиміръ рѣшилъ, согласно съ поданнымъ ими мнѣніемъ, принять вѣру отъ Грековъ. Онъ обратился съ вопросомъ къ боярамъ: «гдѣ крещенье пріимемъ», и получивъ въ отвѣтъ: «гдѣ ти любо»,—минувшу лѣту, въ лѣто 988, пошолъ войною на Корсунь, городъ греческій. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной и упорной осады онъ наконецъ взялъ городъ при помощи средства, указаннаго однимъ измѣнникомъ, нашедшимся среди осажденныхъ (Анастасъ) [1]). Вошедъ въ Корсунь, Владиміръ послалъ въ Константинополь къ тогдашнимъ царямъ греческимъ Василію и Константину [2]), приказавъ говорить имъ: «я взялъ вашъ славный городъ; слышу я, что вы имѣете сестру дѣвицу: если не выдадите ее за меня замужъ, то и съ вашей столицей сдѣлаю то же, что сдѣлалъ съ этимъ городомъ». Цари отвѣчали, что нельзя христіанамъ отдавать дѣвицъ въ замужество за язычниковъ, но что если онъ крестится, то получитъ и руку царевны и царство небесное. Владиміръ отвѣчалъ, что онъ уже и пришолъ на Корсунь съ принятымъ намѣреніемъ креститься, «потому что — говорилъ онъ — я уже передъ симъ сдѣлалъ дознаніе о вашей вѣрѣ и она мнѣ люба». Цари обрадовались, услышавъ это, и послали къ Владиміру сестру съ сановниками и пресвитерами. Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался бракомъ съ царевною.

Если бы это завоеваніе Владиміромъ вѣры было дѣйствительною правдой, то оно представляло бы собой историческій казусъ весьма оригинальный и весьма недоумѣнный и столько же единственный въ своемъ родѣ, какъ и выборъ вѣры. Къ разрѣшенію смущающаго недоумѣнія, и это завоеваніе вѣры оказывается ни чѣмъ инымъ какъ простою фа-

---

1) Разсказъ повѣсти въ подлинникѣ см. въ приложеніи.

2) Василій и Константинъ, родные братья, были сыновья Романа младшаго, внуки Константина Порфирогенита, знаменитаго писателя, правнуки Льва Мудраго, праправнуки Василія Македонянина. Они правили совмѣстно съ 975 по 1025 г., когда умеръ первый (а второй + въ 1028 г.), однако такъ, что дѣйствительнымъ императоромъ былъ этотъ первый (онъ есть знаменитый завоеватель Болгаріи или Болгаробойца, — Βουλγαροκτόνος).

булой. Противъ свидѣтельства повѣсти о крещеніи, читаемой въ лѣтописи, которой, по вышесказанному, мы имѣемъ всѣ основанія не вѣрить, предъ нами въ настоящее время свидѣтельство помянутаго выше монаха Іакова, которому мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять и авторитетъ котораго, какъ историческаго писателя изъ всѣхъ древнѣйшаго, есть безусловный и безспорный. Іаковъ говоритъ и сообщаетъ намъ, что Владимиръ крестился не въ Корсуни, послѣ того, какъ взялъ ее, а гдѣ-то индѣ и до похода на Корсунь, который онъ предпринялъ уже будучи христіаниномъ и спустя два года послѣ крещенія и въ который (походъ) онъ только женился на греческой царевнѣ—сестрѣ императоровъ [1]).

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго выше и послѣ сейчасъ къ тому присказаннаго, мы получимъ для исторіи крещенія Владимира слѣдующее отрицательное: во-первыхъ, онъ склоне́нъ былъ къ принятію православнаго христіанства не проповѣдью приходившаго къ нему миссіонера греческаго или какого бы то ни было православнаго, а кѣмъ-то другимъ; во-вторыхъ, онъ крестился не въ Корсуни отъ Грековъ, а гдѣ-то и отъ кого-то прежде.

Покончивъ съ тѣмъ, чего не было, обращаемся теперь къ тому, что могло быть и на самомъ дѣлѣ было, именно—что̀ расположило Владимира къ принятію христіанства, отъ кого, когда и гдѣ онъ его принялъ?

Начнемъ съ послѣдняго: «отъ кого, когда и гдѣ».

Въ вопросѣ о принятіи Владимиромъ христіанской православной вѣры содержатся два отдѣльные вопроса, во-первыхъ: кѣмъ онъ обращенъ въ нее или кто былъ ея предъ нимъ проповѣдникомъ; во-вторыхъ: отъ кого онъ принялъ крещеніе.

Для проповѣди православнаго христіанства къ Владимиру не приходили ни посолъ греческій, о которомъ говоритъ повѣсть, ни какой бы то ни было сторонній миссіонеръ. Слѣдовательно, его проповѣдниковъ нужно искать дома, и слѣдовательно ясно, что таковыми были тѣ Варяги-христіане, которые въ весьма большомъ числѣ находились въ Кіевѣ со времени Игоря. Эти Варяги-христіане сдѣлали внутреннимъ христіаниномъ Игоря и расположили открыто принять христіанство его супругу Ольгу: они же обратили въ христіанство и Владимира. Если эти домашніе христіане въ состояніи были обратить къ христіанству

---

[1]) Въ самой повѣсти о крещеніи это завоеваніе вѣры имѣетъ себя не особенно естественно. Послы Владимировы приходятъ въ Константинополь для осмотра вѣры Грековъ, и императоры принимаютъ ихъ съ величайшею любезностью, творятъ имъ честь великую и отпускаютъ ихъ съ дары великими и съ честью: послы возвращаются въ Кіевъ, высказываются за принятіе вѣры греческой, — и Владимиръ тотчасъ же отправляется войной на императоровъ, которые такъ любезно приняли его пословъ...

и въ христіанство двоихъ первыхъ, то очевидно, что подобное же они могли столько же сдѣлать и съ послѣднимъ, а такимъ образомъ симъ самымъ устраняются и всякіе вопросы о возможности дѣла. Что расположило Владимира къ принятію христіанства, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; а здѣсь для полноты мы только должны не оставить сказать, что о такомъ, по видимому, неожиданномъ обстоятельствѣ, какъ обращеніе Владимира въ христіанство домашними Варягами-христіанами, мы находимъ записанное преданіе, это именно—въ одной Исландской сагѣ [1]).

Что касается до крестителей Владимира въ тѣснѣйшемъ смыслѣ или до тѣхъ, отъ кого онъ принялъ самое крещеніе, то здѣсь возможно предполагать нѣсколько случаевъ: во-первыхъ, онъ могъ быть крещенъ священниками тѣхъ же домашнихъ Варяговъ-христіанъ, которыми обращенъ былъ въ христіанство или расположенъ къ его принятію; во-вторыхъ, онъ могъ послать за крестителями въ Грецію или въ Болгарію; въ-третьихъ, онъ самъ могъ пойдти для крещенія въ ту или другую изъ сейчасъ названныхъ странъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ представлялось бы думать, что, рѣшившись принять христіанскую вѣру, Владимиръ тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Греками, отъ которыхъ онъ долженъ былъ получить іерархію и церковное управленіе и съ которыми его церковная связь вообще необходимо предполагалась. Какъ однако это ни вѣроятно само по себѣ и какъ наоборотъ ни мало съ перваго взгляда вѣроятно то, что̀ было въ дѣйствительности, однако несомнѣнно, что Владимиръ принялъ крещеніе не отъ Грековъ и безъ всякихъ сношеній съ ними и что онъ не завязывалъ съ ними этихъ послѣднихъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія. Выше мы привели свидѣтельство монаха Іакова, что Владимиръ только спустя два года послѣ крещенія взялъ у Грековъ Корсунь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монахъ Іаковъ совершенно ясно даетъ знать, что сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ Греками послѣ взятія Корсуни, были первыми его сношеніями съ ними послѣ принятія христіанства, что походъ на Корсунь именно и предпринятъ былъ съ тою цѣлію, чтобы завязать ихъ. Іаковъ говоритъ, что Владимиръ предпринялъ этотъ походъ, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы привести на свою землю христіанъ и священниковъ, которые научили бы его людей закону христіанскому; стоя подъ осажденной Корсунью, Владимиръ молился по Іакову: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебѣ прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научать люди (мои) закону хрестьянскому». Если бы

[1]) Объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ, конунгѣ Норвежскомъ, который, крестившись въ Греціи, убѣдилъ потомъ къ принятію христіанства и Владимира. Сага напечатана въ *Историч. Сборн. Общ. Ист. и Древн.*, т. IV, кн. 1.

Владимиръ прежде имѣлъ сношенія съ Греками, то эти столь необходимые христіане и священники, очевидно, были бы и приведены въ Россію прежде; если же сего не было, то необходимо слѣдуетъ, что не было и сношеній. Дѣйствительно странный и неожиданный фактъ, что Владимиръ цѣлые два года послѣ крещенія не вступалъ въ сношенія съ Греками, основывается и не на одномъ только свидѣтельствѣ монаха Іакова, хотя и ему одному мы не имѣли бы совершенно никакого права отказать въ вѣрѣ. Ниже мы увидимъ, что Россія въ продолженіе значительно долгаго времени послѣ крещенія Владимирова оставалась безъ митрополита и безъ надлежащаго церковнаго управленія. Но еслибы Владимиръ крестился отъ Грековъ, то какія причины могли бы воспрепятствовать послѣднимъ дать намъ митрополита и ввести у насъ полное церковное управленіе болѣе или менѣе вскорѣ послѣ этого крещенія? Никакихъ причинъ придумать нельзя, и слѣдовательно,—единственно возможное изъ сего заключеніе есть то, Владимиръ крестился не отъ Грековъ и что въ продолженіе того или другаго времени послѣ крещенія онъ дѣйствительно не завязывалъ съ ними сношеній. Наконецъ, можемъ прибавить и то, что лѣтописцы греческіе не говорятъ о крещеніи Владимира отъ нихъ, хотя и говорятъ объ его жинитьбѣ на ихъ греческой царевнѣ.

Если не Греки были крестителями Владимира, то или Болгары или домашніе христіане.

Послѣ принятія христіанской вѣры Владимиръ имѣлъ нужду входить въ сношенія съ Болгарами для заимствованія отъ нихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ (которыя, какъ нужно принимать, онъ получилъ непосредственно отъ Болгаръ, а не черезъ посредство Грековъ, см. ниже). Весьма вѣроятно думать, что онъ входилъ въ эти сношенія не послѣ, а прежде приступа къ крещенію народа. Однако вовсе не представляется вѣроятнымъ то, чтобы онъ и крестился отъ нихъ, то-есть чтобы, вознамѣрившись ввести въ странѣ христіанство онъ вступилъ въ сношенія съ ними до своего собственнаго крещенія, и чтобы для этого послѣдняго онъ или вызывалъ къ себѣ крестителей отъ нихъ или самъ бы ходилъ къ нимъ креститься. Для чего бъ онъ это сдѣлалъ? Для приданія акту своего крещенія большой торжественности? Но въ такомъ случаѣ, ему естественнѣе было бъ обратиться къ Грекамъ, обойдти которыхъ въ семъ случаѣ значило бы безпричинно и неблагоразумно нанести имъ чувствительное оскорбленіе. Притомъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, едва ли слѣдуетъ думать, чтобы этому акту своего крещенія Владимиръ искалъ придать торжественность. Такимъ образомъ, относительно вопроса объ его крестителяхъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что, обращенный въ христіанство Кіевскими Варягами-христіанами, онъ и крещенъ былъ просто руками священниковъ этихъ послѣднихъ.

Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, относитъ крещеніе Владимира къ 988 году. Но и это оказывается не совсѣмъ точнымъ. По свидѣтельству монаха Іакова (въ Похвалѣ Владимиру) и преп. Нестора Печерскаго (въ Житіи Бориса и Глѣба), Владимиръ крестился въ 987 г.: именно — первый изъ нихъ говоритъ, что Владимиръ, умершій въ 1015 г., пожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ, а второй прямо говоритъ, что оно было въ лѣто 6495 отъ сотворенія міра. Въ пользу Іакова и Нестора говорятъ и лѣтописцы греческіе: Владимиръ взялъ Корсунь послѣ крещенія черезъ два года на третій (по свидѣтельству Іакова), а по сейчасъ названнымъ лѣтописцамъ это могло быть не позднѣе начала 989 года [1]).

Итакъ, отстранивъ баснословіе повѣсти, мы получаемъ относительно обращенія Владимира въ христіанство и относительно его крещенія слѣдующее немногое: подобно своему дѣду Игорю и своей бабкѣ Ольгѣ, Владимиръ расположенъ былъ къ принятію христіанства кіевскими Варягами-христіанами; онъ крещенъ былъ, по всей вѣроятности, священниками этихъ Варяговъ-христіанъ; годъ его крещенія есть 987-й, который былъ девятымъ годомъ его правленія.

Сейчасъ мы указали то странное обстоятельство, что Владимиръ вошелъ въ сношенія съ Греками не при самомъ своемъ обращеніи въ христіанство, а только спустя два года послѣ крещенія. Мы снова должны возвратиться къ нему. Обстоятельство, дѣйствительно, весьма странное, но въ то же время мы не имѣемъ ни малѣйшаго права въ немъ сомнѣваться, ибо не имѣемъ совершенно никакихъ основаній заподазривать достовѣрность историческихъ показаній монаха Іакова. Какъ же его понимать и какъ же его себѣ толковать?

Оно можетъ быть объяснено, если мы предположимъ нѣчто, чего обыкновенно не предполагаютъ, но что̀ предположить весьма возможно и естественно. Дѣло о крещеніи Владимира обыкновенно представляется такъ, что, рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, онъ тотчасъ же приступилъ къ крещенію и всего своего народа. Но дѣло

---

[1]) Послѣ взятія Корсуни Владимиръ оказалъ военную помощь императорамъ греческимъ, боровшимся съ однимъ бунтовщикомъ, а эта помощь могла быть оказана не позднѣе апрѣля 989 г., *Krug's* Chronologie der Byzantier, 319. По Іакову, Владимиръ «послѣ крещенія на пятое лѣто Переяславль заложи», а «въ девятое десятину вда церкви Богородицы»; снеся эти показанія съ годами лѣтописи, получимъ годъ крещенія 987. У Іакова читается, что Владимиръ крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка; но тутъ должно видѣть ошибку вмѣсто девятое, какъ это и читается въ Никоновской (I, 25) и Псковской (Собр. Лѣтт. IV, 175) лѣтописяхъ. Для свѣдѣнія замѣтимъ, что одинъ грамотѣй XVI в. днемъ крещенія Владимира и всей Руси полагаетъ 1-е августа. Опис. Сунодд. Рукопп. *Горск.* и *Невостр.*, № 323, л. 449).

могло быть и иначе. Рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, Владимиръ могъ не вдругъ приступить къ крещенію народа. Вѣря повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи и забывая о всякой естественности, обыкновенно полагаютъ, что приказаніе креститься всему народу стоило для Владимира такъ же мало, какъ для любаго барина стоитъ приказаніе лакею переодѣться изъ худаго кафтана въ хорошій: приказалъ и исполнено. Въ дѣйствительности, конечно, это не могло быть такъ. Перемѣнить вѣру для народа не шутка, а потому и приказать это не можетъ быть шуткой. Игорь и Ольга не отважились на то, чтобы ввести въ Россіи христіанство; Владимиръ отважился на это: но что̀ удивительнаго, что прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, онъ довольно долгое время собирался съ духомъ? Крестившись самъ, Владимиръ могъ находить нужнымъ и благоразумнымъ подготовить народъ къ перемѣнѣ вѣры, и такимъ образомъ между его собственнымъ крещеніемъ и крещеніемъ народа и могло пройдти то или другое значительное время. Допустивъ это предположеніе, что Владимиръ не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія приступилъ къ крещенію народа, мы поймемъ и то, по видимому, странное обстоятельство, что не передъ собственнымъ крещеніемъ и не тотчасъ послѣ него онъ вступилъ въ сношенія съ Греками. Крестившись самъ, но еще не рѣшаясь приступить къ крещенію народа, Владимиръ не вступалъ въ сношенія съ Греками потому, что его собственное крещеніе было дѣломъ частнымъ и что пока онъ еще не имѣлъ нужды въ этихъ сношеніяхъ; нѣкоторое время пока до общаго крещенія народа онъ могъ удовольствоваться только тѣмъ, что сталъ членомъ кіевской христіанской общины [1]).

Выше мы сказали, что едва ли слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствію своего крещенія Владимиръ хотѣлъ придать торжественность. Теперь, надѣемся, читатель понимаетъ наши слова. Если Владимиръ приступилъ къ крещенію всего народа не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія, т. е. если онъ находилъ нужнымъ вести дѣло съ осторожностію, то весьма возможно предполагать, что это послѣднее было совершено не только не торжественно, а совсѣмъ скрытно отъ народа, — что Владимиръ нашелъ благоразумнымъ поступить такъ, чтобы не объявлять народу о своемъ намѣреніи принять христіанство, а объявиться ему уже послѣ принятія послѣдняго. Объявляя о намѣреніи, Владимиръ могъ бы опасаться болѣе

---

[1]) Для убѣжденія тѣхъ, кому показалось бы страннымъ и невѣроятнымъ представлять дѣло такимъ образомъ, мы сошлемся на примѣры, вопервыхъ, не очень задолго до Владимира крестившагося польскаго короля Мечислава I, и вовторыхъ, весьма вскорѣ послѣ него крестившагося венгерскаго короля Стефана I. Оба эти государя крестились и нѣкоторое время были христіанами именно въ томъ скромномъ образѣ, какъ это мы предполагаемъ о Владимирѣ.

или менѣе сильныхъ протестовъ, а совершившійся фактъ могъ быть легче и удобнѣе навязанъ народу. Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, разсказавъ о крещеніи Владимира въ Корсуни, прибавляетъ: «Се же, не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть (Владимиръ) въ Кіевѣ, иніи же рѣша: въ Василевѣ, друзіи же инако скажють». Намъ кажется, что въ этомъ, по мнѣнію автора повѣсти, неправомъ, на самомъ дѣлѣ и нужно искать праваго, именно — намъ думается, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владимира должно считать Василевъ. Если онъ хотѣлъ креститься скрытно отъ народа, то естественно было сдѣлать ему это не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь въ своемъ помѣстьѣ, каковымъ могъ быть Василевъ. Свое названіе послѣдній, очевидно, получилъ отъ христіанскаго имени Владимира: не весьма ли естественно предположить, что онъ получилъ его именно въ память крещенія въ немъ князя [1])?

Прежде чѣмъ обращаться къ рѣчи о томъ, что расположило и побудило Владимира оставить язычество и принять христіанство, считаемъ нужнымъ, дѣлая небольшое отступленіе, возвратиться къ знаменитой повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщенной въ лѣтописи, чтобы дать о ней нѣкоторыя возможныя разъясненія.

Первоначальную редакцію повѣсти составляетъ та ея редакція, которая читается въ Житіи Володимеровомъ неизвѣстнаго автора, т. е. повѣсть первоначально явилась, подразумѣвается — первоначально сочинена, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ Житіи, или иначе сказать—Житіе представляетъ собою первоначально сочиненную повѣсть о крещеніи Владимира. Въ этой первой редакціи, представляемой Житіемъ, повѣсть говоритъ о посыланіи Владимиромъ пословъ къ народамъ для осмотра или досмотра вѣръ, именно — къ Болгарамъ, Нѣмцамъ и Грекамъ, и потомъ объ его походѣ на Корсунь и о крещеніи въ семъ городѣ отъ руки мѣстнаго епископа. Послѣ первой редакціи явилась вторая — та, которая читается въ лѣтописи. Во второй редакціи—къ посольству, посыланному Владимиромъ къ народамъ, прибавлено поставленное и имѣвшее будто бы мѣсто впереди его посольство отъ народовъ къ Владимиру съ предложеніемъ вѣръ, причемъ къ тремъ помянутымъ выше народамъ присоединенъ еще четвертый—Жиды Козарскіе. Давая свою прибавленную часть въ пространной обработкѣ, въ видѣ бесѣды Владимира съ послами, при чемъ въ уста посла греческаго влагается пространнѣйшая рѣчь къ князю, вторая редакція соотвѣтственно съ этимъ обработываетъ и то готовое, что нашла въ первой редакціи: она значительно обстоятельнѣе говоритъ о пребываніи пословъ Владимира въ Константинополѣ, прибавляетъ точныя свѣ-

---

1) Василевъ, въ настоящее время Васильковъ, на р. Стугнѣ, въ 36 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева.

дѣнія о болѣзни, которой внезапно подвергся и отъ которой чудесно исцѣлился Владиміръ въ Корсуни, влагаетъ въ уста епископа Корсунскаго пространное наставленіе, обращенное къ новокрещенному.

Повѣсть такимъ образомъ была сочинена въ два пріема, и начато было съ того, что въ дѣйствительности есть дѣло невозможное, — съ посольства Владимирова къ народамъ для осмотра вѣръ.

Кто былъ первымъ творцомъ знаменитой повѣсти, пока остается неизвѣстнымъ. Но есть вся вѣроятность предполагать, что онъ былъ не Русскій, а Грекъ, т. е. одинъ изъ числа многихъ Грековъ, жившихъ въ Россіи въ періодъ до-монгольскій. Сравнивъ Владимира съ Константиномъ Великимъ, авторъ взываетъ къ нимъ обоимъ въ своей заключительной молитвѣ: «о святая царя Константине и Володимере! помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ всякія бѣды *греческія* и русскія». Русскіе, такъ сказать, не притязали брать на себя то, чтобы молиться о Грекахъ, считая ихъ людьми слишкомъ высокими, чтобы они могли нуждаться въ чужихъ молитвахъ, а себя считая слишкомъ малыми, чтобы простирать на нихъ свои не прошенныя заботы, и подчеркнутое нами слово «греческія» рѣшительно заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ Грека [1]).

На вопросъ: какимъ образомъ кому-то пришло въ голову сочинить нашу повѣсть, общій отвѣтъ есть тотъ, что такимъ же образомъ, какимъ тысячѣ другихъ людей приходило въ голову сочинить тысячу другихъ повѣстей, т. е. что люди вообще одарены наклонностію сочинять. Нашелся человѣкъ, которому хотѣлось заставить міръ вѣрить той истинѣ,

---

[1]) На греческое происхожденіе автора указываютъ, хотя и не несомнительно, и нѣкоторыя частности текста. Рѣчь пословъ о богослуженіи Болгаръ читается: «смотрихомъ, како поклоняются (Болгаре) въ ропатѣ, стояще безъ пояса»: ропата есть средневѣковое греческое ῥαπατίον (*Дюк.* Gloss. Graecit.). Вмѣсто попы у автора въ одномъ мѣстѣ (въ разсказѣ о крещеніи Владиміромъ Кіевлянъ) стоитъ папы, что очевидно есть греческое παπᾶς (Форма: «мило васъ дѣю» не можетъ ли быть объясняема изъ греческаго?). Наконецъ, есть и еще одно обстоятельство, которое укрѣпляетъ въ мысли, что авторъ житія былъ Грекъ. На греческомъ языкѣ найдена повѣсть о крещеніи Владиміра, которая, воспроизводя наши русскія повѣсти, присоединяетъ къ нимъ то, что первоучителей Константина и Меѳодія (въ повѣсти — Аѳанасія) заставляетъ изобрѣтать славянскую азбуку для насъ — Русскихъ (такъ называемая легенда Бандуріева, см. ее въ приложеніи къ этой главѣ). Повѣсть извѣстна въ настоящее время безъ начала, но безъ начала, какъ кажется, не въ томъ смыслѣ, чтобы недоставало многаго, а въ томъ, что недостаетъ нѣсколькихъ строкъ. Въ этой греческой повѣсти, какъ и въ нашемъ Житіи, не говорится о послахъ къ Владиміру и прямо объ его послахъ къ народамъ. Если мы предположимъ, что авторъ Житія былъ Грекъ, что онъ написалъ его по-славянски и по-гречески и что Житіе, существовавъ на послѣднемъ языкѣ, послужило источникомъ (однимъ изъ источниковъ) для автора греческой повѣсти, то мы и поймемъ, отъ чего у послѣдняго нѣтъ о послахъ, приходившихъ къ Владиміру.

что мы — Русскіе выбирали вѣру изъ всѣхъ вѣръ и выбрали ту, которую нашли самою лучшею, и вотъ онъ и сочинилъ повѣсть. Если мы примемъ, что первоначальный авторъ повѣсти былъ Грекъ, тогда для насъ станетъ еще понятнѣе, какимъ образомъ она могла явиться. Средневѣковые Греки ни малѣйше не стѣснялись измышленіемъ, какъ очень хорошо знаетъ это всякій, кто имѣетъ съ ними хотя небольшое знакомство: а между тѣмъ для какого Грека не могло быть пріятнымъ и желательнымъ убѣдить Русскихъ въ томъ, что вѣра, которую они — Русскіе приняли отъ нихъ — Грековъ есть вѣра самая лучшая? Такимъ образомъ дѣло о появленіи на свѣтъ нашей повѣсти изъяснялось бы весьма просто. Но намъ сильно подозрѣвается, что оно должно быть изъясняемо и еще проще, именно — что повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ явилась не какъ прямо намѣренное измышленіе, а какъ плодъ простаго недоразумѣнія. Если только мы согласимся принять, что авторъ повѣсти въ ея первоначальномъ видѣ былъ не Русскій, а Грекъ, то ея происхожденіе легко и естественно можетъ быть изъяснено именно этимъ простѣйшимъ путемъ. Въ Никоновской лѣтописи мы читаемъ подъ 1001 годомъ: «Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ, соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» (I, III). Согласимся предположить, что это извѣстіе, вѣрное или невѣрное, не есть позднѣйшее измышленіе, а читалось уже въ лѣтописяхъ временъ нашего автора, — и для насъ разъяснится болѣе, чѣмъ цѣлая половина дѣла. Посольство, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись, было, по ея свидѣтельству, не до крещенія, а послѣ него и не для согляданія вѣръ, а для согляданія жизни и быта народовъ, т. е. было подобно посольствамъ и поѣздкамъ Петра Великаго въ западную Европу или посольствамъ туда же нынѣшнихъ Китайцевъ и Японцевъ. Но авторъ-Грекъ могъ не самъ читать извѣстіе въ лѣтописи, а слышать его устно отъ не совсѣмъ толковыхъ разскащиковъ, или и самъ читавши могъ перепутать и вообразить, что посольство имѣло мѣсто не послѣ, а до крещенія. Если случилось у него тѣмъ или другимъ образомъ это послѣднее, то вотъ у него и готовъ былъ разсказъ о послахъ Владимира для осмотра вѣръ, по видимому, основанный на русской лѣтописи. Еще проще изъясняется остальная половина повѣсти. Есть вся вѣроятность предполагать, что нашъ авторъ имѣлъ у себя въ рукахъ Похвалу Владимиру монаха Іакова, потому что онъ несомнѣнно имѣлъ въ рукахъ его другое сочиненіе [1]). Но въ этой похвалѣ онъ читалъ, что Владимиръ, стоя подъ осажденною Корсунью, молился Богу: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошю, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю.

---

[1]) Сказаніе страстей о убіеніи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба.

да научатъ люди закону крестьянскому». У монаха Іакова совершенно ясно говорится, что Владиміръ молился такъ уже на третій годъ послѣ крещенія. Но предположите въ авторѣ-Грекѣ нѣкоторую невнимательность чтенія, извиняемую притомъ же тѣмъ, что о крещеніи и о взятіи Корсуни у Іакова говорится не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, возьмите приведенныя слова отдѣльно, сами по себѣ: дѣйствительно, весьма легко было подумать, что тутъ говоритъ человѣкъ, не крестившійся уже, а только еще собирающійся креститься. А если случилось это послѣднее, какъ легко было этому случиться, то вотъ у автора былъ готовъ разсказъ и о походѣ Владиміра подъ Корсунь для завоеванія вѣры, по видимому, также основанный на русскихъ извѣстіяхъ [1]). Когда извѣстіе Никоновской лѣтописи о посольствѣ Владиміромъ гостей для согляданія земель и обычаевъ ихъ авторъ понимаетъ въ смыслѣ посольства для согляданія вѣръ и когда это голое извѣстіе онъ комментируетъ такъ, что у Болгаръ и Нѣмцевъ послы видѣли ихъ скверныя дѣла, а бывъ въ храмѣ у Грековъ не знали гдѣ стоятъ — на землѣ или на небѣ: то, конечно, комментеруетъ совершенно самъ отъ себя. Но естественно, что онъ такъ и долженъ былъ комментировать, потому что Владиміръ дѣйствительно принялъ вѣру отъ Грековъ.

Послѣ первой редакціи явилась вторая, въ томъ дополненномъ и обработанномъ видѣ, какъ читается повѣсть въ лѣтописи. Кому принадлежитъ эта вторая редакція, самому ли лѣтописцу или кому нибудь стороннему и послѣ него вставлена въ лѣтопись? Мы того рѣшительнаго мнѣнія, что не первое, а послѣднее. Прибавленное во второй редакціи къ первой есть намѣренное сочиненіе, котораго не представляется возможнымъ объяснить никакимъ неумышленнымъ недоразумѣніемъ. Но изученіе лѣтописи приводитъ насъ къ высокому мнѣнію о лѣтописцѣ и намъ никоимъ образомъ не думается, чтобы онъ былъ сочинителемъ. Затѣмъ, есть вся вѣроятность думать, что уже и въ первой своей редакціи повѣсть явилась послѣ лѣтописца. Мы сказали выше, что вторую часть Житія Володимерова неизвѣстнаго автора составляютъ краткія извѣстія о построеніи Владиміромъ Десятинной церкви Богородицы, объ его добродѣтеляхъ, объ его смерти и погребеніи, и что эти извѣстія суть тѣже самыя, которыя читаются въ лѣтописи на ряду съ ея другими извѣстіями. Можно понимать дѣло такъ, что лѣтописецъ взялъ эти извѣстія изъ Житія Володимерова и вставилъ ихъ въ рядъ другихъ своихъ извѣстій,

---

[1]) Съ нашимъ объясненіемъ дѣла мы предполагаемъ въ авторѣ весьма большое невѣжество и легкомысліе: но кто не знаетъ примѣровъ еще большаго невѣжества и легкомыслія? Изъ образцовъ искаженія Греками нашей собственной исторіи напомнимъ легенду Бандуріеву (а изъ славянской исторіи вообще мы напомнили бы такъ называемое Ѳеофилактово Житіе Климента Бѣлицкаго, если бы только былъ напечатанъ нашъ критическій его разборъ).

изъ чего будетъ слѣдовать, что лѣтопись написана позднѣе Житія. Но гораздо вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что авторъ Житія беретъ извѣстія изъ лѣтописи, именно — что, сочинивъ повѣсть о крещеніи Владимира, онъ присоединилъ къ ней нѣсколько отрывочныхъ историческихъ извѣстій, взятыхъ изъ лѣтописи (которая слѣдовательно была написана до него). Побужденія, по которымъ онъ могъ сдѣлать это послѣднее, весьма понятны: собственную его цѣль составляло дать измышленную имъ повѣсть о крещеніи Владимира; но онъ хотѣлъ дать повѣсти названіе и видъ житія; сообразно съ симъ, онъ долженъ былъ прибавить какія нибудь свѣдѣнія изъ дальнѣйшей жизни Владимира послѣ крещенія и закончить его смертью, — это онъ и дѣлаетъ, прибавляя къ собственной (т. е. собственнаго сочиненія) повѣсти о крещеніи указанныя нами краткія свѣдѣнія, взятыя у лѣтописца. Точно также и относительно похвалы Владимиру, которая составляетъ третью часть Житія и которая есть одна и таже съ похвалой, читаемой у лѣтописца, вѣроятнѣйшимъ представляется думать не то, что лѣтописецъ взялъ ее у автора Житія, а обратное. Похвала эта есть одна и таже въ лѣтописи и въ Житіи, но въ послѣднемъ съ нѣкоторымъ пополненіемъ противъ первой, именно — въ лѣтописи Владимиръ сравнивается съ Константиномъ Великимъ, въ Житіи же сначала сравнивается съ Моисеемъ и потомъ съ Константиномъ Великимъ: если бы лѣтописецъ бралъ у автора Житія, а не наоборотъ, то какія бы онъ имѣлъ побужденія выпустить первое сравненіе? Наконецъ, мы имѣемъ почти положительное свидѣтельство, что Житіе писано послѣ лѣтописи. Авторъ Житія говоритъ, что Владимиръ «30 лѣтъ и 3» жилъ по святомъ крещеніи; эти 30 лѣтъ и 3 могутъ быть объяснены только тѣмъ, что авторъ имѣлъ подъ руками такой списокъ Несторова Житія Бориса и Глѣба, въ которомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ дошедшихъ до насъ, и между ними въ одномъ спискѣ XII вѣка [1]), годъ крещенія Владимирова ошибочно стоялъ 6490-й вмѣсто 6495-го [2]). Но Несторъ, котораго имѣлъ въ рукахъ авторъ Житія, былъ современникъ лѣтописца (и слѣдовательно, если авторъ жилъ послѣ перваго, то и послѣ втораго [3]).

---

[1]) Московск. Успенск. собора, изд. Бодянскимъ.

[2]) Какъ произошла ошибка въ Славянскомъ письмѣ цифръ, это весьма понятно. 6495 пославянски ҂ѕ̃ѵ̃ч̃є̃; нѣкоторые переписчики приняли послѣднюю цифру за букву е, означающее 90-е и отбросили; послѣ этого и осталось ҂ѕ̃ѵ̃ч̃.

[2]) Изъ Грековъ, на которыхъ можно гадать съ нѣкоторою вѣроятностію, намъ извѣстенъ пока только одинъ, это — монахъ Ѳеодосій, жившій въ Кіевѣ, ѣроятно, въ качествѣ какого-нибудь чина при митрополитѣ, въ первой половинѣ XII вѣка и переведшій съ греческаго языка на славянскій, по просьбѣ Черниговскаго князя Николая Святоши, подвизавшагося въ Печерскомъ монастырѣ (съ 1106 по 1142 или 43 г., Лѣтоп. и Патер. Печерск.), посланіе папы Льва Ве-

Если повѣсть въ своей первой редакціи, какъ весьма можно подозрѣвать, не была сочинена намѣренно, а сочинилась случайно и неумышленно, то и ея нравоученіе, что мы Русскіе выбирали вѣру и приняли ту, которую нашли лучшею изъ всѣхъ, было дѣломъ болѣе случайнымъ, чѣмъ намѣреннымъ. Но цѣлію нисколько не случайною, а прямо намѣренною было это нравоученіе для автора второй редакціи. Не довольствуясь констатированіемъ того факта, что мы Русскіе потому приняли вѣру Грековъ, что послѣ произведеннаго выбора нашли ее самою лучшею, онъ задается задачею показать, что она дѣйствительно есть вѣра самая лучшая. По отношенію къ іудейству и магометанству онъ достигаетъ этого такимъ образомъ, что самихъ пословъ іудейскаго и магометанскаго заставляетъ изображать предъ Владиміромъ свои вѣры, какъ вѣры несостоятельныя, именно — посла іудейскаго заставляя изображать іудейство, какъ вѣру отверженную Богомъ, а посла магометанскаго изображать магометанство какъ вѣру безнравственную и срамную; въ уста послу папину, проповѣднику того же христіанства, что и посолъ греческій, авторъ не въ состояніи былъ вложить такихъ рѣчей, которыя бы служили къ осужденію латинства (а что касается до догматическо-обрядовыхъ ересей латинянъ, то автора хватало на столько, чтобы понимать несообразность—излагать ихъ предъ Владиміромъ язычникомъ); здѣсь онъ достигаетъ своей цѣли другимъ образомъ: вопервыхъ, при помощи того наивно-искусственнаго средства, что послу папину—проповѣднику ученія неправаго онъ связываетъ языкъ и заставляетъ его быть весьма малословнымъ и «неумѣющимъ глаголати» передъ Владиміромъ, тогда какъ наоборотъ въ уста послу греческому, проповѣднику ученія праваго, влагаетъ въ уста пространнѣйшую рѣчь (хотя рѣчь эта представляетъ апологію вообще христіанства, а не въ частности православія, и совершенно столько же могла быть рѣчью посла папина, какъ и греческаго),—во-вторыхъ посредствомъ поученія о латинянахъ къ Владиміру уже крестившемуся и ставшему на христіанскую точку зрѣнія, которое онъ заставляетъ говорить ему епископа Корсунскаго, его крестителя, и въ которомъ показывается отступленіе латинянъ отъ чистоты православія исторически, а ихъ развращенныя обычаи, предполагающіе развращенное ученіе, обличаются отъ здраваго христіанскаго смысла.

ликаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану о Халкидонскомъ соборѣ (Напечатано въ *Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн.*, 1848 г., № 7. Грѣшный Ѳеодосій, сдѣлавшій изъ лѣтописи выписку повѣсти о крещеніи Владимира, читаемую въ Румянцевской рукописи № 306, у *Восток.* стр. 434, къ намъ не относится, ибо, вопервыхъ, его выписка вовсе не одно и то же съ нашимъ житіемъ, во-вторыхъ — см. о немъ въ *Чтеніяхъ о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Н.* 1854 и 1855 гг. статью преосв. *Макарія:* Записка о Ѳеодосіѣ, списателѣ Житія Володимерова).

Наконецъ, эта пространнѣйшая рѣчь, влагаемая въ уста философа греческаго и, такъ сказать, господствующая надъ всею повѣстію, кромѣ указанной частной цѣли, вообще разсчитана на то, чтобы произвесть на читателя впечатлѣніе, что говорить такимъ обильнымъ образомъ, такъ сказать — всѣ голоса покрывая и потопляя, что имѣть такую рѣчь, неудержимо льющуюся какъ рѣка, могъ только проповѣдникъ одной вѣры истинной [1]).

Практическая цѣль нашей редакціи повѣсти есть та, чтобы укрѣпить Русскихъ людей въ привязанности къ своей вѣрѣ и усилить въ нихъ отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ. У насъ въ періодъ домонгольскій не было мѣста открытой пропагандѣ никакой чужой вѣры; равнымъ образомъ у насъ не угрожала тогда православію опасность и тайной пропаганды какой нибудь иной вѣры. Такимъ образомъ у насъ въ періодъ до-монгольскій вовсе не было настоятельной нужды заботиться о томъ, чтобы отвращать Русскихъ людей отъ чужихъ вѣръ. Но если не было настоятельной нужды, то дѣло имѣло себя и не такимъ образомъ, чтобы исключительные ревнители отеческой вѣры не могли находить для себя никакихъ поводовъ заботиться объ ея охраненіи. Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ постоянно жило немалое количество людей латинской вѣры въ качествѣ солдатъ въ войскахъ князей (въ нѣкоторомъ количествѣ Варяги послѣ прекратившагося ихъ наплыва и Нѣмцы), въ качествѣ иностранныхъ торговцевъ, въ качествѣ приходившихъ на время ремесленниковъ и принявшихъ Русское подданство постоянныхъ жителей (колонистовъ) [1]). Въ Кіевѣ и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ другихъ большихъ городовъ преимущественно Руси заднѣпровской или собственной Руси до-монгольской было немалое количество Жидовъ [2]). Купцы русскіе, ведшіе заграничную торговлю, кромѣ латинскаго Запада, ѣздили въ магометанскую Камскую Болгарію и въ разновѣрный или всевозможновѣрный Крымъ. Наконецъ, князей нашихъ періода домонгольскаго вовсе

---

[1]) Рѣчь эта какъ поученіе къ христіанину уже убѣжденному въ истинѣ христіанства могла бы быть названа очень хорошею; но, заставляя произносить ее философа предъ Владиміромъ язычникомъ, неизвѣстный авторъ ея наивно забываетъ, что Владиміръ еще не христіанинъ и что наибольшая часть того, чѣмъ онъ его убѣждаетъ, для него еще вовсе не убѣдительно (въ литературномъ отношеніи наша рѣчь представляетъ собою не самостоятельное произведеніе, а компиляцію; но какъ таковая, она должна быть признана весьма не дурною и даже положительно хорошею).

[1]) Авторъ Слова о латынѣхъ, которое усвояется Ѳеодосію Печерскому, но которое на самомъ дѣлѣ должно быть усвояемо Ѳеодосію Греку, жившему въ половинѣ XII вѣка, о которомъ мы сказали сейчасъ выше (см. ниже), говоритъ о латинянахъ, что «исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людей», — cfr нарочитую рѣчь ниже.

[2]) О Жидахъ у насъ въ Россіи ниже также сказано будетъ нарочито.

не должно представлять себѣ въ такомъ совершенномъ разъобщеніи съ западомъ, въ какомъ были государи Московскіе XV—XVII вѣка, а напротивъ должно представлять себѣ почти въ такомъ же живомъ и тѣсномъ общеніи, которое существуетъ теперь, со времени Петра Великаго. Такимъ образомъ, если не было между Русскими домонгольскаго періода пропаганды иныхъ вѣръ ни явной ни тайной, то нѣкоторые классы ихъ находились въ довольно большомъ общеніи съ иновѣрцами. А это и могло воспламенить ревность какого нибудь особенно усерднаго поборника своей отеческой вѣры, чтобы въ видахъ укрѣпленія въ нашихъ древнихъ предкахъ сознанія превосходства ихъ православной вѣры надъ всѣми другими вѣрами и въ видахъ воспитанія и укрѣпленія въ нихъ отвращенія къ другимъ вѣрамъ, создать нашу повѣсть. (Можно предполагать съ нѣкоторою, впрочемъ — не особенно большою, вѣроятностію, что нашъ неизвѣстный авторъ второй редакціи былъ побужденъ къ ея составленію примѣромъ подобной повѣсти, которую онъ видѣлъ у однихъ изъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Кіевѣ, именно — у Жидовъ повѣсти о принятіи іудейства Хазарами. Около половины VIII вѣка часть Хазаръ,— каганъ или государь съ высшимъ дворянствомъ, приняли іудейство. Какъ это случилось, остается неизвѣстнымъ. Но въ первой половинѣ XII вѣка испанскій Еврей Егуда Галеви (Jehuda Halevi) написалъ повѣсть о семъ обращеніи, въ которой представляетъ дѣло такимъ образомъ: хазарскому государю, который ревностно преданъ былъ своему идолопоклонству и имѣлъ благочестивыя чувства, нѣсколько разъ являлся во снѣ ангелъ, обращавшійся къ нему съ словами: «твои чувства добры, но твое служеніе Богу (gottesdienstliches Thun) не право»; чтобы узнать образъ праваго служенія Богу, государь обратился къ языческому философу, представителю пантеизма, къ христіанскому и магометанскому учителямъ; выслушавъ пространныя рѣчи всѣхъ, государь не удовольствовался ни однимъ и такъ какъ христіанскій и магометанскій учители ссылались на іудейство, какъ на исходный пунктъ своихъ вѣръ (bewahrheitende Voraussetzung), то онъ захотѣлъ выслушать и учителя іудейскаго: этотъ послѣдній убѣдилъ государя въ истинѣ іудейства. Повѣсть Егуды Галеви, написанная съ цѣлію показать превосходство іудейства предъ философскимъ язычествомъ, магометанствомъ и христіанствомъ и, по мнѣнію Евреевъ, т. е. съ ихъ точки зрѣнія, выполняющая свою задачу превосходно, пользовалась и пользуется у нихъ величайшею славой, величалась и до сихъ поръ величается «безсмертнымъ твореніемъ». [1]) Принимая во вниманіе, что Евреи всего свѣта, по живому

---

[1]) Graetz'a Geschichte der Juden, VI, 162.—Повѣсть Егуды Галеви, написанная имъ на арабскомъ языкѣ, была имъ озаглавлена (въ переводѣ съ арабскаго на русскій при посредствѣ нѣмецкаго): «Книга доказательства и доводовъ

сознанію себя единымъ народомъ и по своему исключительному положенію среди другихъ народовъ, постоянно находятся во взаимномъ между собою общеніи, не невозможно предполагать, что повѣсть Егуды Галеви, столь дорогая для національно-религіозной гордости всѣхъ ихъ, доходила и до нашихъ Кіевскихъ Евреевъ. Обращеніе подобной повѣсти между Евреями могло дать мысль и усердіе какому нибудь Русскому, чтобы повѣсть о крещеніи, читавшуюся въ житіи Володимеровомъ неиз-

---

на помощь презираемой религіи»; въ еврейскомъ переводѣ, который сдѣланъ былъ вскорѣ послѣ смерти автора, она названа: Се́феръ гаккузари, т.-е. Книга Хазарина или хазарская. Еврейскій переводъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ 1506 г. и потомъ печатаемъ много разъ. Въ 1660 г. она была издана Буксторфомъ сыномъ въ латинскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Liber Cosri; въ недавнее время часть ея издана въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: Das Buch Kusari Мы не имѣли повѣсти подъ руками ни въ Латинскомъ ни въ нѣмецкомъ переводахъ и передали ея содержаніе по указанной выше книгѣ Graetz'a Geschichte der Juden, — VI, 146 sqq; ея библіографію см. у Fürst'a въ Bibliotheca Judaica. Полагаютъ, что исторической основой для повѣсти служило письмо хазарскаго кагана Іосифа, написанное въ половинѣ X вѣка (ок. 960 г.) къ испанскому Еврею Хаздаю или Хиздаю и передающее по просьбѣ этого послѣдняго исторію обращенія Хазаръ въ іудейство. Это письмо шло бы намъ еще болѣе, чѣмъ повѣсть Егуды Галеви, ибо въ немъ говорится о посольствахъ, присыланныхъ къ кагану съ предложеніемъ вѣръ отъ царей христіанскаго и магометанскаго. Но мы того мнѣнія, что оно подложно и само составлено на основаніи повѣсти Егуды Галеви: что̀ сообщаетъ Іосифъ Хаздаю о современной себѣ Хазаріи, весьма подозрительно; когда о принявшемъ іудейство каганѣ говорится, что онъ еще будучи язычникомъ истребилъ всѣхъ идоловъ въ своей землѣ и идолослужителей предалъ смерти, то это представляется неудачной (перехитренной) поправкой противъ Галеви; наконецъ, и то обстоятельство, что письмо открыто Евреями только во второй половинѣ XVI вѣка послѣ того, какъ была не одинъ разъ напечатана повѣсть Галеви (объ открытіи у Graetz'a V, 367 и 370, примм.), наводитъ на сомнѣніе (въ русскомъ переводѣ письмо Іосифа къ Хаздаю напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1847 г. № 6, а извлеченіе изъ просительнаго письма Хаздая къ Іосифу, которое открыто одновременно съ первымъ и тоже должно быть считаемо подложнымъ, въ Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Д. В., т. I. М. 1845). Cfr статью *И. П. Малышевскаго;* Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ, напечатанную въ трудахъ Кіевск. Духовн. Академіи. — Кстати замѣтимъ здѣсь, что найденную будто бы, т.-е. сочиненную, извѣстнымъ Фирковичемъ еврейскую запись о приходѣ въ 986 г. пословъ Владимира къ хазарскому кагану можно читать въ сейчасъ помянутой статьѣ г. Малышевскаго, по изд. отдѣльной брошюрой стр. 3 прим. (у Graetz'a о ней V, 550. Усердный сочинитель не досмотрѣлъ въ нашей повѣсти о крещеніи, что по ней Владимиръ не считалъ нужнымъ посылать своихъ пословъ къ Хазарамъ, уже изъ самой бесѣды съ послами хазарскихъ Жидовъ убѣдившись, что іудейство есть вѣра отверженная Богомъ. Или можетъ быть онъ хотѣлъ въ семъ случаѣ опровергнуть нашу повѣсть? Рошъ Мешехъ, что̀ должно понимать — Руссы Московскіе, тоже не дурно).

вѣстнаго автора, переработать такъ, какъ она читается въ лѣтописи.— На мысль сочинить посольства къ Владиміру отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ авторъ могъ быть наведенъ лѣтописью, въ которой онъ читалъ, что къ Ярополку не задолго до его смерти присылали въ одномъ году пословъ сначала Греки и потомъ папа, Никон. лѣт. подъ 979 г.— Объ источникахъ, которыми пользовался авторъ повѣсти при составленіи пространной рѣчи Владиміру философа греческаго и поученія ему епископа Корсунскаго, см. *Сухомлинова* о древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ, С.-пб. 1856, стр. 54 sqq и *Павлова* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей Греко-Русской полемики противъ латинянъ, С.-пб. 1878, стр. 8 sqq [1]).

Обращаясь къ рѣчи о томъ, что расположило Владиміра принять христіанство, сначала скажемъ о мнѣніяхъ, съ которыми мы несогласны.

Особеннаго расположенія у Владиміра къ принятію христіанства преосвященный Филаретъ ищетъ въ его особенномъ душевномъ настроеніи, представляя его какъ тяжкаго, угрызаемаго совѣстью, грѣшника, который не находитъ успокоенія своей душѣ въ язычествѣ и ищетъ его внѣ сего послѣдняго. «Ужасное братоубійство,— говоритъ преосв. Филаретъ,— побѣды, купленныя кровію чужихъ и своихъ, сластолюбіе грубое не могли не тяготить совѣсти даже язычника. Владиміръ думалъ облегчить душу тѣмъ, что ставилъ новые кумиры на берегахъ Днѣпра и Волхова, украшалъ ихъ серебромъ и золотомъ, закалалъ тучныя жертвы передъ ними; мало того,— пролилъ даже кровь двухъ христіанъ на жертвен-

---

1) Наша повѣсть о крещеніи Владиміра (вторая редакція), написанная съ цѣлію доказать превосходство нашего православія передъ всѣми другими вѣрами, въ XVI вѣкѣ была обращена Русско-литовскими антитринитаріями на защиту антитринитаріанства противъ православія. Они сочинили письмо къ Владиміру будто бы отъ одного изъ его пословъ, отправленныхъ для осмотра вѣръ, именно— отъ Ивана Смеры Половлянина, датированное изъ Александріи (Никон. лѣт. подъ 1001 г. о посольствахъ въ Римъ, Іерусалимъ, *во Египетъ*, принимаемыхъ Стрыйковскимъ за посольства для осмотра вѣръ), въ которомъ сильно укоряются Греки и ихъ вѣра и въ которомъ князь настоятельно убѣждается не принимать послѣдней. О письмѣ Смеры *Карамзинъ* I прим. 447, митр. *Евгеній* въ Словарѣ Русскихъ свѣтскихъ писателей подъ сл. Іоаннъ Смера и спеціально — помянутый *И. И. Малышевскій* въ статьѣ: Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ вел. кн. Владиміру св., напечатанной въ трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1876 г. (Любопытно читать въ письмѣ, какъ отвѣчается въ немъ на слова повѣсти, что послы наши, бывъ въ храмѣ Грековъ, не знали, гдѣ стоятъ — на землѣ или на небѣ: «изъ Іерусалима пришолъ я — пишетъ мнимый Смера — сюда въ Александрію; здѣсь я повсюду увидѣлъ божницы, построенныя роскошно, и людей, нравами похожихъ на аспидовъ и василисковъ (т.-е. Грековъ, имѣющихъ роскошныя божницы); но видѣлъ я также не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи»..., у *Малыш.* отд. брош. стр. 2).

никѣ идольскомъ. Но все это, какъ чувствовалъ онъ, не доставляло покоя душѣ, — душа искала свѣта и мира»... Можетъ быть, это и привлекательная идеализація человѣка, но тѣмъ не менѣе вовсе не состоятельная. Братоубійство, совершенное Владиміромъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ особаго рода преступленій, которыя вызываются и оправдываются такъ называемою политическою необходимостію, и мы, къ прискорбію, не знаемъ ни одного примѣра ни въ древней, ни въ новой исторіи, чтобы подобное преступленіе легло свинцовою тяжестью на совѣсти того, кто его совершилъ. Сынъ Владиміровъ, христіанинъ Ярославъ, подобно отцу и совершенно по такому же, какъ онъ, побужденію, поднимая руку на брата, не только не считалъ себя преступникомъ, а напротивъ съ упованіемъ призывалъ себѣ на помощь правду Божію: «И подойде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмѣстникъ Богъ крове братьи моея... суди ми Господи по правдѣ». Совершенно такое же оправданіе было и у Владиміра, и совершенно тѣми же словами оправдывался и онъ, какъ это прямо говоритъ лѣтопись [1]) Предполагать, чтобы побѣды, купленныя кровію чужихъ и своихъ, могли тяготить совѣсть даже язычника, есть не только странняя, но и смѣшная натяжка. Кому же неизвѣстно, что побѣды, купленныя какою бы то ни было цѣною, не только во времена языческія, но и во всѣ времена христіанскія, не исключая и нынѣшнихъ нашихъ, ни малѣйше не безпокоятъ совѣсти счастливыхъ побѣдителей и приносятъ имъ одно, считаемое притомъ величайшимъ, удовольствіе, и болѣе ничего? Не станемъ же мы считать Владиміра какимъ-нибудь необычайнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ людей? Грубымъ, необыкновеннымъ сластолюбцемъ считаютъ Владиміра всѣ на томъ основаніи, что объ этомъ прямо говоритъ лѣтопись. Признаемся откровенно, мы не совсѣмъ вѣримъ, или, лучше сказать, совсѣмъ не вѣримъ извѣстію, читаемому въ лѣтописи, будто Владиміръ имѣлъ 800 наложницъ [2]), да еще кромѣ того, будучи не сытъ блуда, приводилъ къ себѣ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ. Владиміръ былъ не государь восточный, не Соломонъ и не Сарданапалъ (хотя въ лѣтописи и сравнивается онъ съ первымъ), а государь европейскій; если бы о другомъ европейскомъ государѣ говорилось то, что̀ говорится о Владимірѣ, не счелъ ли бы всякій подобныхъ рѣчей съ перваго слова за совершенно несообразную фабулу? Почему же вовсе несообразное въ приложеніи къ другимъ было бы сообразнымъ въ приложеніи къ Владиміру? Ни про Соломоновъ ни про Сарданапа-

---

[1]) Подъ 980 г.: «не азъ почахъ братью бити, но онъ, азъ же, того убоявся, придохъ нань».

[2]) По Никоновской лѣтоп. I, 65, наложницъ у Владиміра было даже и не 800, а 1100: 300 въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 300 въ Роднѣ и 200 на Берестовомъ.

ловъ Владиміръ, конечно, не зналъ; но если бы онъ въ отношеніи къ многочисленности и пышности гарема хотѣлъ быть государемъ восточнымъ, то передъ нимъ былъ примѣръ кагановъ хазарскихъ: однако и эти восточные государи въ Европѣ имѣли только по 25 женъ и 60 наложницъ [1]). Наконецъ, не превосходитъ ли всякій смыслъ то, что Владиміръ, имѣвъ гаремъ въ 800 наложницъ, все-таки еще приводилъ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ? Несообразное извѣстіе, очевидно, выдумано съ тою цѣлію, чтобы Владиміра-язычника какъ можно рѣзче противопоставить Владиміру-христіанину, и вѣрить ему, значило бы вѣрить совершенно невѣроятному. Но если даже и допустить что нибудь подобное, то и въ этомъ случаѣ между Русскими X вѣка Владиміръ вовсе не будетъ представлять изъ себя необыкновеннаго и выходящаго изъ ряду вонъ исключенія. Дѣло въ томъ, что между предками нашими по норманской линіи или Русскими въ собственномъ смыслѣ до христіанства, по особеннымъ обстоятельствамъ, господствовало сластолюбіе совершенно не ограниченное. Въ древнѣйшее время Русскіе почти исключительно жили нападеніями на другіе народы и военными грабежами [2]). Главную добычу въ этихъ нападеніяхъ составляли плѣнники и плѣнницы, вслѣдствіе чего у нихъ явилась нарочитая и обширная торговля невольниками и невольницами. Съ теченіемъ времени Русскіе перестали быть исключительно разбойниками, но торговля невольниками и невольницами, по сдѣланной привычкѣ, продолжала составлять ихъ спеціальность, и такъ это было, какъ мы положительно знаемъ, и въ X вѣкѣ [3]) Но относительно этого особаго рода товара ввелся обычай, что пока онъ находился на рукахъ у купцовъ, эти послѣдніе пользовались имъ сами: положительныя свидѣтельства изъ X вѣка говорятъ намъ, что каждая продаваемая невольница была для Русскаго, если онъ только хотѣлъ того, и его наложницей, и что это считалось дѣломъ вполнѣ естественнымъ и обыкновеннымъ [4]). Въ то время былъ князь самымъ первымъ купцомъ, и наложницъ въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, иногда бывало у Владиміра не по восьми сотъ, а не по одной тысячѣ. Мы не знаемъ, предавался ли

---

1) У *Бестужева-Рюмина* въ Русск. ист. I, 81.

2) Cfr Ибнъ-Дасту по изд. *Хвольсона,* стр. 35, § 2.

3) Ibn-Foszlan у *Френа*, 7; Ольга обѣщалась прислать императору въ даръ: *челядь*, воскъ и скору и пр. Святославъ говоритъ о Переяславцѣ Дунайскомъ, что въ него изъ Руси идутъ: скора и воскъ, медъ и *челядь;* въ одномъ чудѣ Николая Чудотворца, случившемся въ Константинополѣ въ правленіе императора Константина Мономаха (1042 — 1054), говорится, что нѣкій бояринъ, желая купить раба, «вземъ литру злата и всѣдъ на конь, доѣха до торгу, идѣже рустіи купци приходяще *челядь* продаютъ» (рукоп. Моск. Дух. Акад. № 90 л. 222, чудо 34-е).

4) Ibn-Foszl. ibid.

онъ съ своими невольницами тому необузданному сластолюбію, о которомъ говорится въ лѣтописи; но еслибы это было даже и такъ, то и въ этомъ случаѣ его совѣсть должна была мучиться столько же, сколько мучится совѣсть каждаго человѣка отъ дѣла совершенно естественнаго и принятаго [1]). Наконецъ, какъ бы ни было въ дѣйствительности, преосвященный Филаретъ забываетъ объ одномъ весьма простомъ обстоятельствѣ, изъ котораго необходимо должно слѣдовать, что сластолюбіе тутъ остается ни при чемъ: въ такихъ молодыхъ годахъ, въ какихъ

---

[1]) Мы весьма подозрѣваемъ, что изъ этой торговли невольницами и возникло сказаніе о многочисленнѣйшемъ гаремѣ Владиміровомъ, т.-е. что продажныя невольницы, которыхъ онъ имѣлъ всегда много, прямо превращены въ его наложницъ. Адамъ Бременскій, говоря о Норманнахъ, что они презираютъ золото, серебро и все, что у другихъ считается драгоцѣннымъ, in sola mulierum copula modum nesciunt,—quisque secundum facultatem suarum virium duas aut tres et amplius simul habet, *divites et principes absque numero* (Lib. IV c. 21), даетъ знать, что пользованіе невольницами какъ наложницами, было у Норманновъ весьма распространено. Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что князь Руссовъ имѣлъ при себѣ назначенныхъ для его постели 40 служанокъ (vierzig Mädchen, у Френа S. 21). Прямо о самомъ Владимірѣ Титмаръ Мерзебургскій утверждаетъ, что онъ былъ fornicator immensus et crudelis (Chronic., lib. VII c. 52). Такимъ образомъ, весьма возможо допустить, что Владиміръ до христіанства дѣйствительно неумѣреннымъ образомъ преданъ былъ пороку сластолюбія; но изъ этого ничего не будетъ слѣдовать, такъ какъ преданъ былъ вмѣстѣ со всѣми другими, а не исключительно противъ другихъ. Съ другой стороны, есть основанія думать, что между Норманнами нашими Русскими или Кіевскими во время Владиміра уже не господствовало прежняго невоздержанія и что и самъ Владиміръ уже не былъ до принятія христіанства тѣмъ сластолюбцемъ, какими могли быть его предшественники (и какимъ, можетъ быть, и представляетъ его Титмаръ по общимъ слухамъ объ этихъ послѣднихъ). Малушу или Малку, мать Владимірову, за то, что она позволила себѣ вступить въ связь съ Святославомъ, Ольга отослала во гнѣвѣ въ село Будутино (Никон. лѣт. I, 54). Митр. Иларіонъ, монахъ Іаковъ и преп. Несторъ, когда говорятъ, что Владиміра расположила къ принятію христіанства благодать Св. Духа, какъ будто устраняютъ мысль о немъ, какъ о тяжкомъ грѣшникѣ въ язычествѣ (Когда второй говоритъ, что Владиміръ, ставъ христіаниномъ, каялся о прежнихъ грѣхахъ своихъ: «акы звѣрь бяхъ, много зла творяхъ въ поганьствѣ и живяхъ якы скоти на́го», то, можетъ быть, намекаетъ на языческое сластолюбіе, а можетъ быть просто разумѣетъ нечистоту языческой жизни, какъ таковой. Что касается до того, чтобы Владиміръ приводилъ къ себѣ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ (подразумѣвается, — дочерей свободныхъ людей), то Адамъ Бременскій говоритъ: Capitali pena multatur (у Норманновъ), si quis uxorem alterius congoverit aut vi oppresserit virginen, Lib. IV c. 21. Для объясненія того, что Владиміру усвояется это привоженіе чужихъ женъ и растлѣваніе дѣвицъ, можетъ быть, должны быть приняты въ соображеніе тѣ извѣстія о Норманнахъ, что они, дѣлая свои разбойничьи набѣги на другіе народы, uxores stuprabant, puellas devirginabant,—*Dudonis Viromandensis* De moribus et actis primorum Normanniae ducum libri tres, Lib. I. нач., у *Миня* въ Патр. t. 141 p. 622).

Владимиръ принялъ христіанство (или невступно въ 30, или никакъ не болѣе 30-ти), крайніе сластолюбцы никогда не приходятъ въ раскаяніе.

Итакъ, нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать, чтобы Владимиръ долженъ былъ сознавать себя тяжкимъ грѣшникомъ. Но если бы, наконецъ, даже и предположить это, то изъ сего не будетъ слѣдовать того вывода, который дѣлаетъ преосв. Филаретъ. Мы не рѣшимъ вопроса, для чего Богъ терпитъ и допускаетъ ложныя религіи: но то несомнѣнный фактъ, что Онъ терпитъ ихъ и допускаетъ. А вслѣдствіе этого и въ ложныхъ религіяхъ, такъ же какъ и въ истинной, люди находятъ миръ и утѣшеніе своимъ смущаемымъ совѣстямъ, хотя и воображаемые.

О началѣ княженія Владимирова въ Кіевѣ лѣтопись говоритъ: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хорса-Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь; и жряху имъ, наричуще я боги, и привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земли Руска и холм-отъ» (холмъ тотъ). Приводя это извѣстіе въ связь съ извѣстіями такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева, г. Соловьевъ все дѣло о крещеніи Владимира представляетъ такъ: старшій братъ Владимира — Ярополкъ былъ приверженцемъ христіанства и покровителемъ его послѣдователей, вслѣдствіе чего нелюбимъ былъ кіевскими язычниками. Поднявъ войну на брата, Владимиръ объявилъ себя на сторонѣ язычниковъ и вслѣдствіе того, при помощи кіевскихъ недоброжелателей Ярополка, достигъ побѣды надъ нимъ и великокняжескаго престола. Обязанный достиженіемъ послѣдняго партіи языческой, Владимиръ ознаменовалъ начало своего правленія самою усердною ревностью къ язычеству... Но «русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юговосточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ». Всѣ усилія Владимира (и дяди его Добрыни) поднять сколько-нибудь язычество привели его только къ тому, что показали ничтожество и несостоятельность послѣдняго и указали ему путь къ христіанству, проповѣдники котораго и предстали предъ нимъ въ лицѣ кіевскихъ христіанъ Варяговъ.

Прежде всего, если г. Соловьевъ думаетъ, что Владимиръ убѣдился сначала въ ничтожествѣ и ложности язычества, а потомъ въ истинности христіанства, то онъ представляетъ дѣло, какъ мы говорили выше, совершенно невѣрно и совершенно невозможнымъ образомъ со стороны психологической. Владимиръ могъ убѣдиться въ томъ и другомъ только одновременно, но никакъ не сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ (Если не ошибаемся, г. Соловьевъ представляетъ дѣло, приближаясь не по буквѣ, а по смыслу къ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, такимъ

образомъ, что въ виду религій юго-восточной Европы, которыя всѣ превосходили язычество, Владимиръ сначала убѣдился въ ничтожествѣ послѣдняго, а потомъ началъ рѣшать, которая изъ этихъ религій есть самая лучшая. Если такъ, то это совершенно несостоятельно). Затѣмъ, эпизодъ усилій Владимира поднять язычество (не въ виду всѣхъ религій юговосточной Европы, а въ виду именно бывшаго въ Кіевѣ греческаго христіанства) самъ по себѣ не представлялъ-бы ничего невѣроятнаго; но мы не можемъ допустить его потому, что онъ не представляется намъ вѣроятнымъ со стороны фактической. Не на основаніи мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева, а само по себѣ совершенно вѣроятно предполагать, что Ярополкъ былъ человѣкъ, расположенный къ христіанству, но совсѣмъ неудобнымъ представляется предполагать то, что г. Соловьевъ предполагаетъ далѣе. Если Ярополкъ, какъ говоритъ мнимая Іоакимова лѣтопись, — «даде христіанамъ волю велику» вопреки людямъ, т. е. если онъ далъ волю велику христіанамъ, не смотря на вражду къ такому его поведенію дружины, которую нужно было бы разумѣть тутъ подъ людьми, то это значило бы, что онъ рѣшился дѣйствовать слишкомъ самостоятельно. Но онъ погибъ отъ руки Владимира всего 20 — 23-лѣтнимъ юношей: вѣроятно ли предполагать, чтобы въ такіе годы онъ показалъ такую самостоятельность? Если дружина его была рѣшительно враждебна христіанству, то и онъ самъ, при всемъ расположеніи къ христіанамъ, не могъ дать имъ воли великой, а слѣдовательно не могъ возбудить противъ себя и дружины. Не говоримъ далѣе о томъ, что г. Соловьевъ рѣшается предпочесть свидѣтельство мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева положительному свидѣтельству настоящей первоначальной лѣтописи, говорящей намъ совсѣмъ другое [1]), но спросимъ его, что будетъ значить: «Ярополкъ христіанамъ даде волю велику»? Ярополкъ могъ дать христіанамъ только полную свободу: но мы знаемъ, что такою полною свободой они пользовались и во времена Святослава: что онъ могъ прибавить къ тому? Наконецъ, мы допустили выше вражду дружины къ христіанству, какъ нѣчто вѣроятное: но вѣроятна ли она однако на самомъ дѣлѣ? Дружина вовсе не была враждебна христіанству при Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ: съ какой же статьи она вдругъ стала бы враждебна ему при Ярополкѣ?

[1]) Т.-е. говорящей, что Владимиръ взялъ Кіевъ вслѣдствіе измѣны воеводы Ярополкова Блуда, прельстившагося на обѣщанія Владимира, и при этомъ прямо прибавляющей, что Блудъ самъ было хотѣлъ убить Ярополка, но не рѣшился это сдѣлать, *боясь граждань* («самъ мысля убити Ярополка, гражаны же не бѣ лзѣ убити его»; а мнимая Іоакимова лѣтопись: «Ярополкъ не любимъ есть у людей, зане христіаномъ даде волю велику»). Единоличную измѣну, подобную Блудовой, послѣ встрѣчаемъ мы въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ (Новг. 1-я лѣт. подъ 1016 г.).

Когда лѣтопись говоритъ о поставленіи Владимиромъ въ началѣ княженія кумировъ въ Кіевѣ, то неизвѣстно, какъ понимать ее, — такъ ли, что Владимиръ сдѣлалъ тутъ нѣчто обыкновенное, что̀ дѣлали и другіе предшествующіе князья, или такъ, что Владимиръ показалъ особенное усердіе къ язычеству и сдѣлалъ дѣло необыкновенное. Вѣроятнѣе послѣднее, какъ это обыкновенно всѣ и понимаютъ. Но если это такъ, то слѣдуетъ думать, что подобное особенное усердіе къ язычеству авторъ лѣтописи (или неизвѣстный позднѣйшій его дополнитель, каковаго весьма вѣроятно подозрѣвать тутъ) приписалъ Владимиру самъ отъ себя и произвольно, руководясь тѣмъ же самымъ побужденіемъ, по которому онъ дѣлаетъ его человѣкомъ невѣроятно сластолюбивымъ и развратнымъ (рѣчи о необыкновенномъ развратѣ Владимира и его ревностномъ усердіи къ язычеству составляютъ въ лѣтописи одно цѣлое, — подъ 980 г.): онъ изобличаетъ себя своими собственными показаніями. Онъ говоритъ, что Владимиръ поставилъ Перуна и прочихъ боговъ на холмѣ внѣ двора теремнаго. Но мы положительно знаемъ изъ его же собственныхъ словъ, что Перунъ стоялъ тамъ при Игорѣ [1]). Слѣдовательно, или Владимиръ не имѣлъ нужды ставить тамъ Перуна, или онъ только замѣнилъ обветшавшую статую новою. Правда, лѣтопись говоритъ, чте Владимиръ не только самъ поставилъ кумиры Перуна и другихъ боговъ въ Кіевѣ, но подобное же велѣлъ сдѣлать и Добрынѣ въ Новгородѣ, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе, по видимому, то, что это поставленіе не было дѣломъ обыкновеннымъ. Однако и въ Новгородѣ оно могло быть только тѣмъ же, чѣмъ въ Кіевѣ — или дѣломъ обыкновеннымъ, или дѣломъ, не имѣющимъ смысла. «И пришедъ Добрыня Ноугороду», говоритъ лѣтопись, — «постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстіи аки богу». Но развѣ Новгородцы не были прежде язычниками и не имѣли прежде кумировъ? Что же можетъ значить это поставленіе одного кумира, какъ не то, что въ началѣ каждаго княженія было принято поставлять въ главнѣйшихъ городахъ по новому кумиру, или какъ не простую безсмыслицу, которая сочинилась у лѣтописца (или его дополнителя) для его особенной цѣли?

Нѣтъ основаній отрицать и мы не отрицаемъ того факта, что при Владимирѣ одинъ разъ принесена была человѣческая жертва (причемъ жребій случайнымъ образомъ палъ на христіанина). Но въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакого основанія видѣть доказательство особаго языческаго благочестія Владимира. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства какъ о томъ вообще, что человѣческія жертвы были въ обычаѣ между Норманнами язычниками, такъ и о томъ въ частности, что онѣ были въ обычаѣ между Норманно-Славянами у насъ въ Россіи до Владимира [2]).

---

[1]) Лѣтоп. подъ 945 г., о приведеніи Игоря къ присягѣ послами греческими.

[2]) О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Норманновъ: Ибнъ-Даста по изд. *Хвольсона* стр. 38, § 9, Dudo Viromandensis Lib. I нач., — въ Патр. Миня

Не находя вѣроятнымъ думать вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ, чтобы Владиміръ въ началѣ своего княженія имѣлъ причины быть и дѣйствительно былъ усерднымъ язычникомъ, мы думаемъ и видимъ основанія думать, что онъ былъ человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству съ самаго начала и съ самаго своего дѣтства. Не на основаніи мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева, какъ уже мы говорили выше, а само по себѣ вѣроятно предполагать это о старшемъ братѣ Владиміровомъ Ярополкѣ: но совершенно такая же вѣроятность предполагать то же и о самомъ Владимірѣ. Вмѣстѣ съ Ярополкомъ онъ былъ воспитанъ своей бабкой Ольгой. Если онъ былъ моложе Ярополка, который остался послѣ Ольги лѣтъ 13-ти, то необходимо принимать, что моложе весьма не на много лѣтъ — года на два, не болѣе, а возможно даже, что и не моложе, ибо онъ могъ быть младшимъ сыномъ не по лѣтамъ, а потому, что былъ рожденъ отъ наложницы; слѣдовательно, имѣвъ Ольгу своею воспитательницей лѣтъ до 10 — 11, а можетъ быть и болѣе, онъ имѣлъ одинаковую возможность съ Ярополкомъ получить одно и то же съ нимъ настроеніе мыслей. Но, повторяемъ, если мы допускаемъ какъ весьма вѣроятное, что Ольга успѣла сдѣлать человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству Ярополка, то таковымъ же могла она сдѣлать и Владиміра. Нѣтъ никакой невѣроятности, а напротивъ есть вся вѣроятность думать такъ само по себѣ; но кромѣ того насъ располагаютъ думать именно такъ нѣкоторыя положительныя указанія. Изъ пяти законныхъ женъ Владиміра, называемыхъ лѣтописцемъ, четыре были христіанки: Гречанка, двѣ Чехини и Болгарка. Еслибы Владиміръ въ началѣ своего княженія считалъ себя обязаннымъ казаться и на самомъ дѣлѣ былъ усерднымъ язычникомъ, то, съ одной стороны что̀ за средство угождать язычникамъ — брать въ жены христіанокъ, а съ другой стороны — усердный язычникъ и въ тоже время рѣшительное предпочтеніе христіанкамъ. Далѣе, если о Гречанкѣ мы знаемъ, что она явилась въ видѣ рабы, взятой на войнѣ, то мы не знаемъ ничего подобнаго и едва ли имѣемъ право предполагать объ остальныхъ трехъ. Предположите, что всѣ три онѣ были знатнаго происхожденія и вышли замужъ за Владиміра добровольно, что̀ предполагать есть вѣроятнѣйшее. Съ какой стати отцы-христіане имѣли бъ охоту выдавать дочерей своихъ, а дочери-хри-

t. 141 p. 621 нач.; еще свидѣтельства см. въ изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ *Погодина*, т. 3 стр. 316; изъ новыхъ историковъ имѣющійся у насъ подъ руками *Веберъ* говоритъ объ этихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Норманновъ, какъ о фактѣ положительномъ (Menschenopfer blieben lange Nationalsitte Норманновъ, — въ Нѣмецк. подл. изд. 14, B. I, S. 574, § 336). О сихъ жертвоприношеніяхъ у насъ до Владиміра — Левъ діаконъ Калойск., кн. IX гл. 6. О нихъ у западныхъ Славянъ *Срезневскаго* Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, Спб., 1848, стр. 76.

стіанки съ какой стати имѣли бъ охоту идти замужъ за усерднаго язычника?

Такимъ образомъ, и само по себѣ и на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ, наивѣроятнѣйшимъ представляется думать то, что Владимиръ былъ человѣкъ болѣе или менѣе расположенный къ христіанству съ самаго начала своего княженія. Въ Кіевѣ были многіе Варяги-христіане, и вотъ они и превратили его расположеніе къ христіанству въ совершенную рѣшимость принять его. Жены-христіанки, о которыхъ мы сейчасъ говорили, конечно, не могли явиться при этомъ ни чѣмъ инымъ, какъ усердными помощницами людей, старавшихся склонить его къ христіанству. Мы знаемъ, что польскій король Мечиславъ I, обратившійся въ христіанство не задолго до Владимира, былъ убѣжденъ къ его принятію именно своею супругой христіанкой:[1]) отчего же до нѣкоторой степени подобнаго не могло бы быть и у насъ?[2]).

У Игоря и Ольги достало ума понять превосходство христіанства предъ язычествомъ, и первый изъ нихъ склонился на его сторону внутренно, а вторая рѣшилась принять его открыто. Но для Владимира это было гораздо легче, чѣмъ для нихъ обоихъ, ибо, кромѣ собственнаго ума, онъ имѣлъ предъ собою ихъ примѣръ. А слѣдовательно, и вопросъ: какъ убѣдился Владимиръ въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, не требуетъ никакого особеннаго разъясненія.

Итакъ, снова повторяемъ, наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что Владимиръ рѣшился принять христіанство не послѣ напрасныхъ усилій поднять язычество, а имѣвъ расположеніе къ нему съ дѣтства и за симъ съ самаго вступленія на великокняжескій престолъ, — шедъ къ нему, такъ сказать, прямымъ путемъ. Указанныя нами выше обстоятельства даютъ знать, что усилія Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ окончательно склонить его на сторону христіанства не могли быть особенно великими.

---

[1]) Домбровкою, дочерью чешскаго государя Болеслава I.

[2]) Женщинамъ вообще усвояется весьма немаловажная роль въ распространеніи христіанства въ Европѣ: обращеніе франкскаго короля Хлодвига приписывается его супругѣ Бургундійкѣ Клотильдѣ, обращеніе англо-сакскаго короля Едильберта—его супругѣ франкской княжнѣ Бертѣ; обращеніе современныхъ Владимиру венгерскихъ королей Гейзы и Стефана (перваго на половину, втораго совсѣмъ) приписывается ихъ супругамъ — сестрѣ польскаго короля Адельгейдѣ и сестрѣ императора Гизлѣ. Чехинямъ, супругамъ Владимира, кто бы онѣ ни были, конечно, было извѣстно о поведеніи и объ успѣхѣ Домбровки въ Польшѣ, а потому имъ естественно было и подражать ей. Но, можетъ быть, одна изъ этихъ Чехинь была даже прямо рода княжескаго и приходилась Домбровкѣ близкою родственницей, ибо если отдана была княжна за язычника Мечислава, то могла быть отдана и за Владимира. Въ семъ послѣднемъ случаѣ княжнѣ младшей естественно было видѣть какъ бы свое признаніе въ томъ, что̀ удалось сдѣлать княжнѣ старшей.

Болѣе или менѣе задолго до окончательной рѣшимости принять христіанство, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Владиміръ беретъ женъ-христіанокъ: если при заключеніи этихъ браковъ у него уже не было внутренно рѣшено стать христіаниномъ, то есть очевидная вѣроятность предполагать, что онъ былъ недалеко отъ такого рѣшенія. Ища себѣ въ жены христіанокъ, Владиміръ, очевидно, самъ шелъ на встрѣчу христіанству, самъ искалъ окончательнаго сближенія съ нимъ [1]).

Такъ кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ представлять себѣ дѣло о личномъ обращеніи Владиміра въ христіанство. Но онъ не только самъ принялъ его, а рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ совершить и чрезвычайно важный государственный переворотъ — сдѣлать христіанство вѣрою всего своего народа.

Принявъ вѣру истинную, Владиміръ, естественно, долженъ былъ воодушевляться желаніемъ дать ту же вѣру и своему народу. Но, думаемъ, необходимо предполагать, что въ этомъ послѣднемъ его рѣшеніи принимали дѣятельное участіе и мотивы государственные, что онъ тутъ дѣйствовалъ не только какъ равноапостольный, но и какъ великій государь.

Народы, предназначенные къ исторической жизни, живутъ благоустроенными государствами. Народы только что начинающіе жить государственно, обыкновенно, примыкаютъ къ народамъ, которые, начавъ жить давнѣе, служатъ въ данномъ мѣстѣ представителями этой государственности, чтобы по преемству историческому быть ихъ наслѣдниками. Новая исторія нашей части свѣта или Европы состоитъ въ томъ, что новые, явившіеся въ ней для государственной жизни, народы примкнули къ состоявшимъ на лицо представителямъ этой жизни — Грекамъ и Римлянамъ, чтобы составить одно съ ними и продолжить міръ греко-римскій. У каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ настоящая государственная жизнь начинается со времени принятія имъ христіанства. Съ одной стороны, это значитъ, что народы заимствовали стремленіе къ таковой жизни и самую эту жизнь отъ Грековъ и Римлянъ, смотря потому, отъ тѣхъ или другихъ получили христіанство, а съ другой стороны или на оборотъ — это значитъ, что у каждаго изъ народовъ христіанство было

---

[1]) Владиміръ женился не на одной христіанкѣ, а на нѣсколькихъ, тогда какъ, конечно, зналъ, что у христіанъ принято имѣть по одной женѣ: это, по видимому, не показываетъ, чтобы онъ шелъ на встрѣчу христіанству. Но требовать отъ язычника, чтобы онъ совсѣмъ сталъ христіаниномъ прежде обращенія въ христіанство, было бы притязательно (Какъ отцы христіане имѣли охоту выдавать дочерей своихъ за человѣка многоженнаго, это не совсѣмъ понятно: но это не совсѣмъ понятное есть фактъ, и слѣдовательно тутъ слѣдуетъ только то, что въ древнихъ нравахъ не все для насъ понятно).

вводимо такими государями, которые сознавали необходимость водворенія въ своихъ странахъ государственной жизни. Такой государь въ лицѣ Владимира явился и у насъ на Руси.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о государственномъ характерѣ Игоря, чтобы отвѣчать на вопросъ: присоединялось ли у него къ личному убѣжденію въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ и сознаніе необходимости послѣдняго въ видахъ государственныхъ. Судя о немъ по женѣ его Ольгѣ, вѣроятнѣе отвѣчать да, чѣмъ нѣтъ. Но какъ бы то ни было, онъ не могъ думать о томъ, чтобы перемѣнить вѣру государства, когда не могъ отважиться и на то, чтобы лично сдѣлаться христіаниномъ открытымъ. Преемникомъ Игоря былъ сынъ его Святославъ. Это былъ, если угодно, отважный и блестящій рыцарь, а если угодно — пустой искатель приключеній, во всякомъ же случаѣ — всего менѣе государь. Онъ не только не могъ думать о томъ, чтобы совершить великую государственную реформу посредствомъ введенія христіанства, но напротивъ того его Норманскія стремленія, всю основу которыхъ составляетъ право кулака и меча, были совершенно враждебны христіанскимъ понятіямъ о гражданственности. Владиміръ составляетъ рѣшительную противоположность съ своихъ отцомъ. Это ни малѣйше не удалый рыцарь, но государь-собиратель и строитель земли въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Онъ ведетъ множество войнъ, но война для войны не имѣетъ для него смысла, и всѣ войны ведутся имъ исключительно для цѣлей государственныхъ, — для расширенія или для охраненія предѣловъ государства. Одинъ разъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ онъ увлекается за предѣлы благоразумія, подчиняетъ себѣ народъ, который онъ не въ состояніи былъ держать своимъ данникомъ, — онъ сознается въ этомъ и спѣшитъ оставить народъ въ покоѣ: предпринявъ безполезный походъ на Болгаръ и одержавъ безполезную надъ ними побѣду, онъ спѣшитъ заключить съ ними миръ и удалиться, ибо сознаетъ съ своими совѣтниками, что «симъ дани ему не даяти». Походъ на Царьградъ послѣ Олега и Игоря сталъ для князей Кіевскихъ, такъ сказать, традиціоннымъ средствомъ добыть себѣ славы; но мы видимъ, что Владимиръ не имѣетъ ни малѣйшаго и помышленія объ этомъ славномъ, но безполезномъ походѣ. Послѣ войнъ, предпринятыхъ исключительно въ видахъ пользы государственной, Владимиръ былъ занятъ тѣмъ, что и должно составлять занятіе истиннаго государя, именно — строеніемъ и нарубаніемъ или заселеніемъ городовъ вокругъ своей столицы и совѣтованіями съ своею дружиной «о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ». Въ немногихъ словахъ лѣтописи: «и бѣ Володимеръ думая (съ дружиной) о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ» сообщается намъ несомнѣнное извѣстіе, что Владимиръ былъ истинный государь, поставлявшій цѣлію своей дѣятельности благоустроеніе государства и усердно объ этомъ

заботившійся. Наконецъ, приведенное нами выше извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что Владиміръ посылалъ пословъ въ другія страны для осмотра быта и жизни другихъ народовъ, если только мы согласимся признать это извѣстіе за истинное, невольно напоминаетъ о Петрѣ Великомъ и даетъ намъ знать, что Владиміръ принадлежалъ не просто къ числу истинныхъ государей, но именно къ числу тѣхъ истинныхъ государей изъ ряду вонъ, къ которымъ и этомъ послѣдній. Но если все это такъ, то Владиміръ, лично приведенный и пришедшій къ убѣжденію въ превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, не могъ не прійдти къ убѣжденію и въ государственной необходимости ввести его въ своей странѣ вмѣсто язычества. Русь X вѣка было-бы совершенно несправедливо представлять себѣ такою отчужденною отъ другихъ и самозаключенною, какъ это было, напримѣръ, въ XVI—XVII вѣкѣ: напротивъ, въ то время Русскіе считали себя вполнѣ принадлежащими и на самомъ дѣлѣ вполнѣ принадлежали къ семейству европейскихъ народовъ, составляя совершенно столько же живой его членъ, какимъ мы опять потомъ стали послѣ Петра Великаго и какимъ состоимъ въ настоящее время. Но принадлежа и желая принадлежать къ семейству европейскихъ народовъ, мы оказывались въ немъ, такъ сказать, уродомъ. Всѣ другіе европейскіе народы, за исключеніемъ только насъ да еще Венгровъ, были уже христіанскими и начали жить тою новою гражданскою жизнію, которую получили вмѣстѣ съ христіанствомъ и которая рѣшительно отдѣляла ихъ отъ народовъ языческихъ, какъ особый нравственный міръ. Чтобы войдти въ этотъ міръ, чтобы стать такими же, какъ всѣ, и не составлять изъ себя особняка, и намъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ послѣдовать примѣру другихъ и стать христіанами. Въ своемъ постепенномъ движеніи съ Запада на Востокъ христіанство дошло уже непосредственно до насъ: передъ тѣмъ оставались впереди насъ Поляки, но въ 965 году, т. е. за 13 лѣтъ до восшествія Владимірова на престолъ, и они приняли христіанство, и такимъ образомъ очередь передали намъ. Человѣкъ съ истинно государственными способностями, государь съ отличающею великихъ людей способностію понимать требованія времени, Владиміръ понялъ настоявшую Россіи необходимость стать страною христіанскою для того, чтобы сдѣлаться страною вполнѣ европейскою, и это политическое убѣжденіе, соединяясь съ прямымъ и непосредственнымъ желаніемъ дать народу истинную вѣру, и произвело то, что онъ не только самъ принялъ христіанство, но рѣшился сдѣлать это послѣднее вѣрою и своего государства.

Представителями христіанства, отъ которыхъ Владиміръ могъ заимствовать его, были въ то время Греки и папа. Еслибы приходили къ нему миссіонеры отъ однихъ или отъ другаго, то онъ и принялъ бы христіанство отъ той стороны, миссіонеры которой убѣдили бы его сдѣ-

лать это [1]). Но обратителями Владимира были кіевскіе Варяги-христіане. Ихъ собственное христіанство было происхожденія константинопольскаго [2]); но такъ какъ въ то время Греки и латиняне составляли еще двѣ половины одной православной церкви, ибо раздѣленіе случилось нѣсколько позднѣе, и такъ какъ они сами — Варяги не имѣли ни малѣйшаго личнаго интереса въ томъ, чтобы убѣждать Владимира принять христіанство именно отъ Грековъ, то необходимо предполагать, что, убѣдивъ его принять христіанство, они затѣмъ оставили совершенно на его собственную волю — отъ кого принять. Такимъ образомъ необходимо думать, что для Владимира не былъ рѣшенъ заранѣе, а долженствовалъ быть рѣшенъ имъ самимъ вопросъ: отъ кого принять ему христіанство. Владимиръ рѣшился креститься отъ Грековъ, а не отъ папы. Само собою разумѣется, что онъ рѣшилъ для себя вопросъ не съ богословской точки зрѣнія, ибо, намѣреваясь принять христіанство, онъ еще не былъ богословомъ, да если бы и былъ, то самаго вопроса, какъ таковаго (какъ богословскаго вопроса) еще не существовало, такъ какъ Греки и латиняне, какъ мы сказали, еще составляли тогда двѣ половины одной и той же православной церкви. Ближайшею причиной, побудившей Владимира предпочесть Грековъ папѣ, конечно, было то, что послѣдній былъ весьма далеко отъ насъ и до того времени мы не бывали съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, между тѣмъ какъ Греки были почти наши сосѣди и у насъ издавна были съ ними самыя дѣятельныя и живыя связи и сношенія, и что самое положеніе нашей страны на Востокѣ указывало намъ именно на христіанъ восточныхъ. Но и болѣе глубокія политиче-

---

1) Впрочемъ и тутъ, собственно говоря, оставалась бы для Владимира возможность выбора. Посолъ греческій или папинъ убѣдилъ бы его въ истинности христіанства: но такъ какъ Греки и латиняне тогда еще составляли двѣ половины одной и тойже православной церкви, то ни тотъ ни другой посолъ, конечно, не сталъ бы доказывать ему, что противная сторона есть еретическая, вмѣстѣ съ которою невозможно спасеніе (хотя въ повѣсти о крещеніи Греки и заставляются дѣлать это относительно латинянъ). Тотъ или другой посолъ, конечно, убѣждалъ бы Владимира принять христіанство именно своей стороны (ибо, какъ мы уже замѣчали, кромѣ общаго православія была еще раздѣлявшая людей власть); но убѣждалъ бы не доводами богословскими, а тѣми или другими соображеніями сторонними; а въ этихъ послѣднихъ былъ компетентенъ и самъ Владимиръ (Замѣтимъ здѣсь кстати: кто хотѣлъ бы настаивать на дѣйствительности прихода къ Владимиру пословъ или миссіонеровъ въ тѣхъ видахъ, что симъ приходомъ объясняется — почему Владимиръ принялъ православіе, а не латинство; тотъ изъ сейчасъ сказаннаго можетъ видѣть, что приходъ тутъ не служитъ ни къ чему).

2) Если иному читателю можетъ припомниться, что Варяжская вѣра была у насъ впослѣдствіи синонимомъ латинской, то на это должно сказать ему, что латинская вѣра стала Варяжкою съ начала XI вѣка, когда Норвегія и Швеція, откуда были Варяги, обратились изъ язычества въ латинское христіанство.

скія соображенія должны были заставить Владимира уклониться отъ святаго отца. Крестившись отъ папы, Владимиръ вступилъ бы въ многочисленный сонмъ окружавшихъ его государей, могъ бы получить королевскій вѣнецъ — все это было очень лестно.... Но съ другой стороны, вступивъ въ сонмъ, онъ былъ бы въ немъ младшимъ и послѣднимъ; вступивъ въ этотъ сонмъ, онъ сдѣлался бы весьма ограниченнымъ въ своей свободѣ его членомъ. Напротивъ, крестившись отъ Грековъ, Владимиръ оставался самъ по себѣ, сохранялъ себѣ всю свою свободу и не подвергалъ себя никакой опасности быть въ мальчикахъ и на послугахъ у другихъ.... Надъ сужденіями и дѣлами человѣческими высится Божественный Промыслъ, невидимо управляющій ими. Принимая христіанство, мы не могли выбирать между православіемъ и неправославіемъ (не могли не только потому, что были не въ состояніи, но и потому, что неправославія еще не было): по устроенію Промысла мы очутились стоящими на десной сторонѣ перваго.

(Въ сферѣ небогословской и нецерковной обыкновенно или по крайней мѣрѣ большею частію думается, что принятіе нами вѣры отъ Грековъ имѣло своимъ слѣдствіемъ наше многовѣковое невѣжество со всѣми его печальными плодами. Это невѣжество, конечно, есть фактъ; но ниже мы увидимъ, что въ сужденіяхъ объ его причинахъ мы далеко не справедливы).

Спустя два года послѣ собственнаго крещенія, Владимиръ рѣшился приступить къ крещенію всего народа. Прежде чѣмъ дѣлать это, онъ рѣшился войдти въ сношенія съ Греками, такъ какъ для будущей Русской церкви ему нужна была отъ послѣднихъ высшая іерархія, т. е. епископы съ митрополитомъ или какимъ-либо другимъ предстоятелемъ во главѣ. Для сей цѣли Владимиру, по видимому, надлежало отправить къ Грекамъ посольство съ изъявленіемъ своей нужды и съ просьбой объ ея удовлетвореніи. Но онъ поступилъ иначе: онъ отправился войной на греческій городъ Херсонесъ Таврическій или Корсунь, изъявилъ непреклонное намѣреніе взять его и только въ качествѣ побѣдителя завязалъ съ Греками сношенія. Какъ понимать этотъ странный поступокъ Владимира? Обыкновенно говорятъ, что гордость могущества и славы не позволяла Владимиру унижаться въ разсужденіи Грековъ и являться передъ ними въ роли просителя, что явившись къ нимъ просителемъ, а не побѣдителемъ, онъ могъ справедливо опасаться униженія и оскорбленія отъ византійскаго высокомѣрія, и при этомъ ссылаются на примѣръ Ольги (Карамз. и преосв. Филар.). Но когда предполагаютъ во Владимирѣ гордость могущества и славы и крайнюю щекотливость этой гордости, то представляютъ его себѣ какимъ-то Тамерланомъ, завоевателемъ полусвѣта, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было и безъ чего предполагаемая въ немъ гордость становится совсѣмъ невѣроятною, заставляя воображать

его человѣкомъ до послѣдней степени смѣшнымъ. Гордость Владимира, правда — одержавшаго довольно много побѣдъ, но побѣдъ не особенно достославныхъ, и считавшаго себя сильнымъ брать дань только съ народовъ, носящихъ лапти, а не сапоги [1]), — если эта гордость дѣйствительно была въ немъ, долженствовала быть весьма умѣренною, и при той ея степени, въ какой она можетъ быть въ немъ воображаема, онъ ничего не могъ видѣть для себя унизительнаго въ томъ, чтобъ обратиться къ Грекамъ съ просьбою. Когда говорятъ о византійскомъ высокомѣріи и самомнѣніи, то говорятъ совершенную правду. Но, во-первыхъ, это смѣшное и притязательное на нашъ взглядъ высокомѣріе вовсе не могло казаться таковымъ Владимиру и его современникамъ, которые видѣли въ имперіи не жалкую руину и не внутреннюю пустоту подъ наружнымъ блескомъ, а нѣчто совсѣмъ другое, и которые, не имѣя никакихъ притязаній равнять себя съ нею, должны были питать къ ней всевозможное уваженіе. Во-вторыхъ, совершенная неправда, будто это высокомѣріе, доходя до настоящей глупости, дозволяло себѣ положительно оскорблять варваровъ, когда они появлялись къ Грекамъ въ видѣ просителей, и будто такое именно оскорбленіе потерпѣла Ольга въ свой пріѣздъ въ Константинополь. Мы ужь говорили выше, что съ Ольгой ничего оскорбительнаго въ Константинополѣ не случилось, что она была принимаема тамъ совершенно подобающимъ образомъ: съ какой же стати опасался бы оскорбленій Владимиръ? Притомъ, когда ссылаются на это небывалое оскорбленіе, то страннымъ образомъ считаютъ нужнымъ представлять дѣло такъ, что какъ будто и Владимиръ долженъ былъ самъ лично отправиться въ Константинополь. Такимъ образомъ ни гордость Владимира, ни опасеніе оскорбленій со стороны Грековъ вовсе не могутъ изъяснить странный и загадочный поступокъ Владимира. Въ чемъ же могло быть дѣло? Во-первыхъ, не невѣроятно думать, что Владимиръ опасался со стороны Грековъ нѣкоторыхъ притязаній и хотѣлъ ихъ заранѣе и рѣшительно отстранить. Греки были не папа; однако и у нихъ была сильная наклонность смотрѣть на народы, принимавшіе ихъ вѣру и становившіеся въ церковную отъ нихъ зависимость, какъ на народы себѣ подручные и въ отношеніи политическомъ, какъ на своихъ вассаловъ. Въ началѣ IX вѣка Руссы Таврическіе приняли отъ Грековъ христіанство, и патріархъ Фотій спѣшитъ назвать ихъ подданными имперіи, хотя они вовсе и не думали о подданствѣ [2]). Императоры константинопольскіе, какъ это мы имѣемъ право думать по нѣкоторымъ указаніямъ, включали имена народовъ, содержавшихъ православную вѣру, въ свой титулъ, считая ихъ какъ бы вассальными себѣ и какъ бы при-

[1]) Походъ на Болгаръ 985 г.

[2]) См. выше выдержку изъ Окружнаго посланія Фотіева.

тязая быть по отношенію къ нимъ тѣмъ же, чѣмъ былъ императоръ западно-римскій или нѣмецкій по отношенію къ своимъ курфирстамъ и князьямъ [1]). Не невѣроятно думать, что у Владимира было опасеніе подобныхъ притязаній отъ Грековъ и что оно-то между прочимъ и заставило его явиться въ первый разъ предъ ними съ мечемъ побѣдителя въ рукахъ, ибо по отношенію къ побѣдителю уже не могли имѣть мѣста никакія притязанія. Во-вторыхъ, необходимо думать, что дѣло было въ томъ желаніи Владимира вступить въ бракъ съ греческою царевной, сестрой константинопольскихъ императоровъ, которое онъ изъявилъ послѣ взятія Корсуни. Для варвара и владѣтеля варварской страны, каковъ былъ Владимиръ, получить руку греческой царевны была вещь весьма нелегкая, и если Владимиръ хотѣлъ этого, то онъ дѣйствительно долженъ былъ воевать съ Греками и предъявлять имъ свое желаніе только въ качествѣ побѣдителя. Браки съ варварами, естественно, должны были чрезвычайно оскорблять гордость Грековъ [2]); выходъ замужъ за варварскихъ князей естественно долженъ былъ представляться дѣломъ ужаснымъ для греческихъ царевенъ; поэтому само собою понятно, что Греки заключали подобные браки только въ случаѣ настоятельной нужды, въ особенности такіе изъ нихъ, когда не сами женились на варварскихъ княжнахъ, а своихъ княженъ должны были выдавать за варваровъ. Но для чего могъ быть нуженъ Владимиру этотъ бракъ съ греческою царевной, котораго онъ такъ усиленно добивался? Предположить, чтобы для удовлетворенія простаго тщеславія состоять въ родствѣ съ императорами, было бъ очень мелко, и настоятельная энергія въ достиженіи ничтожной цѣли заставляла бы предполагать во Владимирѣ человѣка совсѣмъ пустаго. Чтобъ эта энергія получила смыслъ, необходимо предполагать что-нибудь бóльшее, какую-нибудь дѣйствительную, сознававшуюся Владимиромъ нужду. Необходимо, по нашему мнѣнію, предполагать то, о чемъ мы говорили немного выше, именно — что при обращеніи въ христіанство всего народа у Владимира нераздѣльно шли съ заботами религіозными заботы государственныя, что, рѣшившись крестить свой народъ, онъ не только хотѣлъ дать ему вѣру истинную, но и ввести его

1) Въ половинѣ XIV в. султанъ египетскій титулуетъ императора константинопольскаго въ своемъ письмѣ къ нему rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, *Rhossorum* et Alanorum (*Stritter*, Memor. pop. II, 1027). Слѣдуетъ думать, что султанъ повторяетъ титулъ, который императоръ самъ усвоялъ себѣ.

2) См. Константина Порфирогенита De administrando imperio, c. 13, гдѣ нарочито трактуется о семъ. Когда императоръ нѣмецкій Оттонъ I въ 968 г. искалъ руки старшей сестры нашей Анны для своего сына, то даже ему отвѣчали: Inaudita res est, ut porphyrogeniti porphyrogenita, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus misceatur. *Liutprandi* Legatio, c. 15.

въ семью народовъ цивилизованныхъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать его не только народомъ христіанскимъ, но и европейскимъ во всемъ смыслѣ этого слова. При этомъ послѣднемъ предположеніи для насъ будетъ совершенно понятно желаніе Владимира — во что̀ бы то ни стало вступить въ бракъ съ греческою царевной. Греки имѣли стать цивилизаторами Руси, и для Владимира чрезвычайно важно было, чтобъ они имѣли добросовѣстную охоту быть цивилизаторами возможно усердными, чтобы они безъ заднихъ мыслей имѣли расположеніе желать Руси всего лучшаго. Но какъ было этого достигнуть? Ясно, что бракъ съ греческою царевной представлялся наилучшимъ къ этому средствомъ: вступивъ съ императорами греческими въ родство, онъ тѣмъ пріобрѣталъ бы ихъ неподдѣльное и возможно усердное доброжелательство.

Взявъ Корсунь, Владимиръ немедленно отправилъ посольство въ Константинополь къ тогдашнимъ императорамъ Василію и Константину, съ одной стороны — прося для имѣвшей вслѣдъ за симъ явиться Русской церкви того, что ей было нужно отъ Грековъ, а съ другой стороны — себѣ прося въ замужство сестру императоровъ, царевну Анну [1]). Желаніе ли возвратить Корсунь, опасеніе ли угрозы Владимира, какъ говоритъ авторъ его Житія и вслѣдъ за нимъ повѣсть о крещеніи, явиться подъ Константинополемъ, а всего болѣе, вѣроятно, какъ говорятъ лѣтописцы греческіе, желаніе и настоятельная нужда получить отъ Владимира военную помощь противъ явившихся тогда и грозившихъ сильною опасностію бунтовщиковъ [2]), заставили императоровъ согласиться на желаніе Владимира вступить съ нимъ въ родство. Женившись въ Корсуни на сестрѣ императоровъ [3]) и затѣмъ или на самомъ дѣлѣ получивъ или — какъ должно думать (о чемъ сейчасъ ниже), — только обнадеженный получить немедленно вслѣдъ за симъ митрополита и епископовъ для будущей Русской церкви, а во всякомъ случаѣ получивъ и взявъ съ собою нужное количество священниковъ, Владимиръ возвратился въ Кіевъ. чтобы приступить къ крещенію всего своего народа.

---

¹) Анна родилась 13-го марта 963 года (*Krug's* Chronologie d. Byzantier, 318 и 328), слѣдовательно, въ 989 г., когда Владимиръ взялъ Корсунь, ей было 26 лѣтъ.

²) Варды Фоки съ товарищами. Греческихъ лѣтописцевъ см. въ приложеніи къ этой главѣ.

³) По житію Владимиръ крестился въ Корсуни, то-есть, вѣнчался бракомъ съ царевной Анной, въ церкви св. Іакова; по Лаврент. списку повѣсти — въ церкви св. Василія. Мы полагаемъ, что вмѣсто того и другаго должно быть считаемо правильнымъ показаніе Ипатскаго списка повѣсти, по которому онъ крестился въ церкви св. Софіи. Есть основанія полагать (мы укажемъ ихъ ниже), что каѳедральнымъ храмомъ Корсуни была церковь св. Софіи; но Владимиръ вѣнчался, конечно, въ каѳедральномъ храмѣ, ибо, не говоря о другомъ, вѣнчаніе совершалъ, конечно, самъ епископъ.

Владиміръ крестился (самъ лично) въ 987 г., Корсунь была взята имъ черезъ два лѣта на третье послѣ крещенія въ 989 г. [1])

Общее крещеніе народа, къ которому приступилъ Владиміръ послѣ возвращенія изъ Корсуни, само собою разумѣется, было начато съ Кіевлянъ. Этотъ первый приступъ къ нему, какъ заставляютъ вѣрить свидѣтельства, былъ сдѣланъ безъ митрополита и епископовъ, съ одними только священниками; т.-е. на основаніи свидѣтельствъ выходитъ такъ, что Владиміръ не привелъ самъ митрополита и епископовъ, а что они были присланы къ нему спустя только нѣкоторое время послѣ его возвращенія, и что онъ крестилъ Кіевлянъ съ бывшими у него и привезенными имъ священниками, не дожидаясь ихъ (митрополита и епископовъ) прибытія. Житіе Володимера неизвѣстнаго автора и за нимъ повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, говорятъ, что Владиміръ взялъ съ собою изъ Корсуни поповъ, но не говорятъ, чтобы взялъ митрополита и епископовъ. Потомъ о крещеніи Кіевлянъ онѣ говорятъ, что Владиміръ совершилъ его съ попами (царицыными и корсунскими), и не говорятъ, чтобы съ митрополитомъ и епископами. Если бы авторъ житія, которое повторяетъ повѣсть, руководствовался только своими соображеніями, то ему естественно было бы предположить, что Владиміръ самъ вмѣстѣ съ собою привелъ митрополита и епископовъ. Если же онъ не говоритъ о послѣднихъ, говоря только о попахъ, то заставляетъ предполагать, что онъ воспроизводитъ въ этомъ случаѣ какія-то имѣвшіяся у него положительныя свидѣтетельства (можетъ быть, запись, читавшуюся въ лѣтописи; можетъ быть, запись, читавшуюся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ). Новгородская лѣтопись, говоря о крещеніи Новгородцевъ, хотя и не съ совершенной опредѣленностію, однако даетъ знать, что митрополитъ и епископы прибыли въ Россію только уже въ 991 г. «Въ лѣто 6499 (991), — читаемъ въ ней, — крестився Володимеръ и взя у Фотія патріарха у царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона и Новгороду архіепискупа [2]) Якима Корсунянина,... и приде (въ семъ 991 г.) къ Новугороду архіепискупъ Якимъ»... Лѣтопись можно, правда, понимать такимъ образомъ, что она говоритъ только о приходѣ въ 991 г. епископа Іоакима въ Новгородъ, оставляя неизвѣстнымъ то, когда онъ

[1]) По свидѣтельству монаха Іакова, Владиміръ взялъ Корсунь черезъ два года на третій послѣ своего крещенія, которое имѣло мѣсто въ 987 г., а по свидѣтельству лѣтописцевъ греческихъ, онъ оказалъ военную помощь императорамъ Константинопольскимъ, что было послѣ взятія Корсуни, до апрѣля 989 г. Стоящій въ лѣтописи 988 г., если принять за справедливое извѣстіе житія Владимірова, что онъ осаждалъ Корсунь шесть мѣсяцевъ, будетъ дѣйствительнымъ годомъ его отправленія въ походъ.

[2]) Архіепискупа—позднѣйшая поправка вмѣсто епискупа; о патр. Фотіи см. ниже.

прибылъ съ митрополитомъ изъ Константинополя въ Кіевъ. Но вѣроятнѣе и прямѣе понимать ее такъ, что и самый приходъ митрополита съ епископами она относитъ къ тому же 991 году.

Выборъ кандидатовъ въ митрополиты и епископы (съ наборомъ чиновниковъ или клирошанъ къ каждому изъ нихъ), который на первый разъ, какъ это необходимо предполагать, производился съ особою тщательностію, былъ дѣломъ нелегкимъ. А поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго, что съ присыломъ митрополита и епископовъ могли значительно замедлить. Что же касается до крещенія кіевлянъ (именно однихъ только ихъ), то Владиміръ, имѣя у себя готовыхъ священниковъ, которыхъ бы могъ дать крещеннымъ, не имѣлъ нужды дожидаться прихода митрополита и епископовъ.

Въ Корсуни, съ переговорами о бракѣ и съ самымъ его совершеніемъ, съ переговорами объ устройствѣ церковнаго управленія, съ наборомъ священниковъ и другихъ нужныхъ людей, Владиміръ имѣлъ весьма немало дѣла. Поэтому нужно думать, что онъ пробылъ въ ней болѣе или менѣе долгое время и что возвратился изъ нея въ Кіевъ или только въ самомъ концѣ 989 г., или даже въ слѣдующемъ 990 г. Такъ какъ нѣтъ основаній и нельзя предполагать, чтобы по возвращеніи онъ дѣйствовалъ съ поспѣшностію, тотчасъ же совершилъ крещеніе Кіевлянъ. какъ только прибылъ въ Кіевъ; то вообще представляется необходимымъ принимать за годъ этого крещенія 990-й годъ (четвертый отъ собственнаго крещенія Владимірова).

Житіе Володимера неизвѣстнаго автора и за нимъ повѣсть о крещеніи, помѣщенная въ лѣтописи, представляютъ дѣло о крещеніи Владиміромъ Кіевлянъ, такимъ образомъ, что — возвратился изъ Корсуни, сокрушилъ бывшіе въ городѣ идолы, отдалъ въ одинъ прекрасный послѣ сего вечеръ приказъ явиться всѣмъ на другой день поутру на рѣку для купанія (что̀ есть крещеніе какъ внѣшнее дѣйствіе) въ новую вѣру, — и сдѣлалъ людей изъ язычниковъ христіанами, т.-е. представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто вся недолгая исторія состояла въ томъ, что приказалъ и исполнено. Вслѣдъ за Житіемъ и повѣстію и новые изслѣдователи большею частью такимъ же образомъ представляютъ себѣ крещеніе Владиміромъ какъ Кіевлянъ, такъ и всего вообще народа: въ Кіевѣ — приказалъ и исполнено; въ другихъ городахъ — приходилъ, приказывалъ и было исполняемо. Позволяемъ себѣ съ полною увѣренностію думать, что это было не совсѣмъ такъ. Когда предстояло крестить цѣлый народъ, то, конечно, не могло быть и мысли о томъ, чтобы вездѣ наставить въ вѣрѣ всѣхъ и каждаго; въ подобныхъ случаяхъ уже по неизбѣжной необходимости большая часть людей исполняетъ простой приказъ. Но если не было возможности нигдѣ наставить всѣхъ, то была возможность вездѣ наставлять нѣкоторыхъ, которые бы своимъ сознательнымъ поведеніемъ въ

перемѣнѣ вѣры могли служить своего рода доказательствомъ для другихъ; была возможность если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени вездѣ вводить новую вѣру такимъ образомъ, чтобы ея принятіе представлялось не дѣломъ принужденія, а дѣломъ свободы и убѣжденія. Предполагать, чтобы Владимиръ при обращеніи народа въ христіанство не хотѣлъ дѣлать того возможнаго, что̀ требовалось всякими доводами разума человѣческаго и что̀ вмѣстѣ требовалось достоинствомъ и самой новой вѣры, значило бы воображать его себѣ однимъ изъ тѣхъ деспотовъ, которые, зная только одно: «приказываю и исполняй», не хотятъ давать ни малѣйшаго мѣста свободному убѣжденію даже и тамъ, гдѣ отъ него не могло бы быть ничего, кромѣ пользы, и гдѣ бы оно было желательно и для нихъ самихъ. Монахъ Іаковъ, влагая въ уста Владимиру, стоявшему подъ осажденной Корсунью, молитву къ Богу: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, *да научатъ* люди (моя) закону крестьянскому», даетъ намъ прямо знать, что Владимиръ хотѣлъ вводить, а слѣдовательно и вводилъ, христіанство въ своемъ народѣ не только посредствомъ принужденія, но и посредствомъ наученія.

О томъ, что только предполагается, само собою понятно, не можетъ быть никакихъ положительныхъ рѣчей. А слѣдовательно, мы не можемъ сказать ничего положительнаго и о томъ, какимъ образомъ Кіевляне были приготовляемы Владиміромъ къ крещенію. Можно предполагать, что народу приказано было собираться на сходки, что такихъ сходокъ назначено было нѣсколько въ разныхъ частяхъ города, что въ продолженіе того или другаго времени онѣ происходили регулярно, въ опредѣленные сроки, и что такимъ образомъ онѣ представляли изъ себя какъ бы временныя училища (огласительныя школы) для взрослыхъ. Можно и должно предполагать, что на тѣ отдѣльныя лица, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣли особенный авторитетъ между своими согражданами, было обращено особенное вниманіе, что лица эти, имѣвшія вліять на другихъ своимъ примѣромъ и словомъ, были собираемы на особенныя сходки, на которыхъ они были наставляемы въ христіанствѣ и убѣждаемы къ его принятію съ особою старательностію и людьми особенно на это способными.

Принимая за совершенно вѣроятное сейчасъ сказанное, мы находимъ не невѣроятнымъ сдѣлать еще предположеніе. Греческіе священники, приведенные Владимиромъ изъ Корсуни, были люди способные къ учительству; но они не знали русскаго языка и могли объясняться только черезъ переводчиковъ, что̀ въ приложеніи къ дѣлу учительства весьма неудобно. Чтобы имѣть возможность надлежащимъ образомъ учить крещаемыхъ, должны были найдти священниковъ, которые бы могли говорить съ народомъ его собственнымъ языкомъ и которые бы такимъ образомъ

совершили его оглашеніе подъ руководствомъ священниковъ греческихъ. Такихъ священниковъ отчасти уже представляли собою священники кіевскихъ Варяговъ-христіанъ, бывшіе въ Кіевѣ передъ симъ; но этихъ священниковъ сравнительно и на все число имѣвшихъ креститься было слишкомъ мало. Если бы въ помощь къ нимъ не могло быть найдено другихъ священниковъ, способныхъ быть учителями со стороны языка, то, конечно, должны были бы удовольствоваться и ими одними и тѣмъ, что они могли сдѣлать. Но эти другіе священники могли быть найдены, и именно — во-первыхъ, у Болгаръ; во-вторыхъ, прямо у Русскихъ, — другихъ Русскихъ, особыхъ отъ нашихъ кіевскихъ и ставшихъ христіанами впереди этихъ послѣднихъ. Ранѣе или позднѣе, Владимиръ долженъ былъ пріобрѣсти отъ Болгаръ славянскія богослужебныя книги. А если такъ, то естественнѣе думать, что онъ позаботился о нихъ прежде крещенія народа, чтобы къ сему послѣднему имѣть уже ихъ на лицо. Но пріобрѣтая отъ Болгаръ книги, Владимиръ имѣлъ готовый случай, чтобы пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ и священниковъ, которые могли бы быть приготовителями его народа къ христіанству. Еслибы кому-нибудь представилось, что Владимиръ не вдругъ могъ обратиться мыслію къ Болгарамъ, то лѣтопись положительно отвѣчаетъ намъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ ними еще до крещенія: въ 985 г. онъ имѣлъ съ ними или съ придунайскою частью ихъ войну [1]), затѣмъ прежде или послѣ этой войны онъ женился на Болгаркѣ. Другіе Русскіе, особые отъ Кіевскихъ и ставшіе христіанами прежде ихъ, у которыхъ Владимиръ могъ взять священниковъ, были Венгерскіе или Угорскіе Русскіе, которые жили и до настоящаго времени живутъ по ту сторону Карпатъ

[1]) Карамзинъ полагаетъ, что война 985 г. была съ Болгарами Камскими. Но это совершенно неосновательно. Лѣтопись говоритъ о походѣ: «Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конихъ». Еслибы Владимиръ ходилъ на Болгаръ Камскихъ, то онъ бы плылъ по Волгѣ, а Торковъ привелъ бы берегомъ той же рѣки; но сказать просто «иде въ лодьяхъ» и «берегомъ приведе», когда отъ Кіева добраться до Волги было такъ далеко, было бы со стороны лѣтописца въ высшей степени странно. Потомъ, въ X вѣкѣ по берегу Волги, покрытому непроходимымъ лѣсомъ, вовсе невозможно было проводить конницы (Никоновская лѣтопись, точно обозначая Болгаръ, съ которыми воевалъ Владимиръ въ 985 г., называетъ ихъ Низовскими, что̀ значитъ именно Дунайскихъ, ибо они были внизу отъ Кіева, какъ Кіевъ внизу отъ Новгорода и Смоленска). Что касается до знакомства Русскихъ съ Дунайской Болгаріей во времена Владимира независимо отъ личныхъ отношеній къ ней послѣдняго, то ежегодные торговые караваны ихъ, отправлявшіеся изъ Кіева въ Константинополь, обыкновенно дѣлали на пути привалы въ нѣсколькихъ приморскихъ городахъ Болгаріи (Конст. Порфирог. De administr. imper., c. 9), при чемъ былъ веденъ съ нею по пути болѣе или менѣе обширный торгъ (Святославъ подъ 969 г.: въ Переяславецъ изъ Руси идутъ скора и воскъ, медъ и челядь).

въ сѣверо-восточной Венгріи и которые были обращены въ православное христіанство, какъ мы замѣчали выше, за цѣлое столѣтіе до насъ. Языкъ единоплеменныхъ намъ Болгаръ довольно близокъ къ нашему русскому, а въ древнее время былъ и еще ближе, однако же, во всякомъ случаѣ, не на столько, чтобы Болгаринъ и Русскій могли понимать другъ друга съ перваго слова. Но эти Угорскіе или Венгерскіе Русскіе были совсѣмъ тѣже Русскіе, что и мы, и даже говорили однимъ нарѣчіемъ съ Кіевлянами, — такъ называемымъ теперь малороссійскимъ; слѣдовательно, они какъ разъ представляли собою то, что нужно было Владимиру. Они были непосредственными сосѣдями нашей Червонной или Галицкой Руси, и Владимиръ не могъ не знать о нихъ; а потому, предполагая вѣроятнымъ, что онъ позаботился пріобрѣсти священниковъ изъ Болгаріи, нельзя не предполагать столько же и даже болѣе вѣроятнымъ, что онъ позаботился пріобрѣсти послѣднихъ и отъ нихъ — Венгерскихъ Русскихъ.

Какъ совершено было Владимиромъ крещеніе Кіевлянъ, мы не знаемъ. Очень можетъ быть, что дѣло происходило подобно тому, какъ оно представляется въ Житіи Володимера и въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, а именно — что всѣ жители города крещены были единовременно (а не по частямъ), что они явились на мѣсто крещенія, которымъ была рѣка, въ назначеный день, по приказанію князя. Только при этомъ совсѣмъ невѣроятнымъ образомъ представляютъ дѣло Житіе Володимерово и повѣсть, когда говорятъ, будто (всѣ) «людье (слышавъ приказаніе князя) съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы (-ша) сего князь и боляре пріяли» [1]). Должно думать, что огласительная проповѣдь священниковъ принесла весь свой плодъ и что болѣе или менѣе значительное количество людей было убѣждено посредствомъ нея и приведено къ сознанію въ ложности язычества и истинности христіанства: всѣ такіе люди, очень можетъ — представлявшіе собою не совершенное меньшинство въ общей массѣ, нѣтъ сомнѣнія, съ величайшею радостью и сердечнымъ ликованіемъ шли исполнить приказаніе креститься. Необходимо предполагать, что было не малое количество такихъ, которые хотя сами сознательно и не были убѣждены въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, но предпочитали своему сужденію сужденіе высшихъ и покорно шли креститься, дѣйствительно говоря то, что̀ житіе и повѣсть влагаютъ въ уста всѣмъ. Но затѣмъ необходимо и всякое правдоподобіе требуетъ предполагать, что было нѣкоторое, а можетъ быть — и немалое, количество такихъ, которые остались глухи къ проповѣди и въ глазахъ которыхъ князь и бояре были отступниками отъ старотеческой вѣры. Одни изъ такихъ могли быть заставлены повино-

---

[1]) Житіе и повѣсть противорѣчатъ сами себѣ, когда говорятъ, что при низверженіи Перуна «плакахуся его невѣрніи людье».

ваться угрозами или даже прямо силой, а другіе, вѣроятно, не были заставлены никакими средствами и — или искали спасенія въ бѣгствѣ [1]) или сдѣлались, такъ сказать, языческими мучениками. Митрополитъ Иларіонъ, молча о послѣднемъ разрядѣ упорныхъ, ясно говоритъ о первомъ: «да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся, понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено» [2]).

Вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ или непосредственно предъ нимъ. какъ необходимо само собою разумѣть, Владиміромъ были сокрушены въ Кіевѣ языческіе идолы, находившіеся на мѣстахъ общественныхъ мольбищъ, и тотчасъ же затѣмъ было срублено потребное и возможное на первый разъ количество христіанскихъ церквей. Спеціальный вопросъ составляетъ то, когда была построена церковь въ честь ангела Владимирова св. Василія, поставленная на мѣстѣ того Перуна, который находился на холму близъ двора загороднаго терема, т. е. послѣ собственнаго крещенія Владиміра или уже послѣ крещенія всего народа? Представлялось бы вѣроятнымъ думать, что своего ангела Владиміръ почтилъ тотчасъ послѣ своего крещенія; но такъ какъ лѣтописецъ весьма ясно даетъ знать, что холмъ, на которомъ стоялъ Перунъ съ другими идолами, былъ главнымъ языческимъ мольбищемъ Кіевлянъ, то на самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе полагать, что Владиміръ рѣшился разрушить это мольбище только или непосредственно передъ или непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ, и что такимъ образомъ онъ находилъ необходимымъ терпѣть языческія моленія подлѣ своего собственнаго дворца въ

---

1) Татищевъ, по своему обычаю, выдаетъ это предположеніе за положительный фактъ (II, 75 нач.).

2) По житію Володимера неизвѣстнаго автора-Грека, о которомъ мы говорили выше, и по другому житію его же — проложному, общее крещеніе Кіевлянъ было совершено въ рѣкѣ Почайнѣ; по повѣсти же, помѣщенной въ лѣтописи, — въ Днѣпрѣ. Проложное житіе, точнѣе опредѣляя на Почайнѣ мѣсто крещенія, говоритъ: «и оттолѣ наречеся мѣсто святое, идѣже нынѣ церкы есть Петрова» (въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, въ статьѣ: Сказаніе о первыхъ князехъ рускихъ: «церковь святаго апостола Петра», Опис. Сунодд. рукопп. *Горск.* и *Невостр.*, № 326, л. 47; въ Степенн. кн., I, 141, святаго мученика Турова, что, вѣроятно, не совсѣмъ ошибка, а имѣетъ отношеніе къ Туровой божницѣ, о которой упоминается въ Ипатской лѣтописи подъ 1146 г.). Авторъ Синопсиса, нѣтъ сомнѣнія, передавая преданіе, которое существовало въ его время, говоритъ, что крещеніе совершено было «на рѣкѣ Почайнѣ, идеже при брезѣ нынѣ церковь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба» (8-е изд. С.-Пб. 1798, стр. 71). Ни церквей Петровой (о которой cfr Никон. лѣт. подъ 1008 г.) и Борисоглѣбской ни божницы Туровой мѣстность въ настоящее время неизвѣстна. Что касается до Крещатика или Хрещатика, то, по автору Синопсиса, онъ получилъ названіе отъ того, что тутъ крещены были сыновья Владиміра (ibid.). Но не получилъ ли онъ имя просто отъ того, что сюда ходили на водокрещи, то-есть, на освященіе воды?

продолженіе трехъ лѣтъ послѣ собственнаго обращенія въ христіанство.[1])

Для крещенія другихъ городовъ послѣ Кіева нужно было поставленіе священниковъ (которые бы могли быть даны крещеннымъ въ этихъ другихъ городахъ). Священниковъ могли ставить только епископы, и слѣдовательно—ясно, что къ крещенію другихъ городовъ послѣ Кіева Владиміръ могъ приступить только послѣ прибытія митрополита и епископовъ. Временемъ прибытія митрополита и епископовъ, какъ мы сказали, долженъ быть полагаемъ 991 годъ. Во всякомъ случаѣ они прибыли не позднѣе сего года, ибо въ этомъ году пришолъ въ Новгородъ назначенный въ него епископъ.

Новгородская лѣтопись отождествляетъ приходъ въ Новгородъ епископа и крещеніе Новгородцевъ, т. е. представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Новгородцы были крещены епископомъ въ томъ же году, въ который онъ пришолъ къ нимъ, или тотчасъ послѣ прихода. Мы думаемъ, что это было не такъ и что епископъ болѣе или менѣе долго жилъ въ некрещенномъ городѣ (подобно тому какъ епископы Ростовскіе жили въ некрещенномъ городѣ весьма долго). Необходимо думать, что въ порядкѣ крещенія остальной Руси послѣ Кіева было наблюдаемо нѣкоторое сообразованіе съ обстоятельствами и условіями. А это сообразованіе требовало, чтобы послѣ Кіева была крещена область Кіевская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и чтобы только потомъ было приступлено къ крещенію другихъ большихъ, служившихъ центрами, городовъ съ ихъ округами. Тогдашняя Русь, только что соединенная изъ отдѣльныхъ областей, еще не представляла изъ себя сплошнаго и компактнаго цѣлаго, какъ въ настоящее время; она состояла еще изъ многихъ отдѣльныхъ

[1]) Когда Перунъ сволоченъ былъ въ Днѣпръ, то Владиміръ «пристави (приставовъ) рекъ: аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, дондѣже пороги проидеть, то тогда охабитеся его; они же повелѣная створиша: яко пустиша и, проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня рѣнь, якоже и до сего дне словеть». Что разумѣются за пороги между Кіевомъ и Выдубицкимъ монастыремъ (Перуня рѣнь), сказать не можемъ. Вмѣсто рѣнь Карамзинъ (I, прим. 459) читаетъ рѣль, что̀, по его мнѣнію, значитъ мысъ и что̀ въ старомъ (ср. у него самого, V, прим. 254) и въ теперешнемъ Новгородскомъ нарѣчіи значитъ низменное мѣсто, поемный лугъ, но едва ли это основательно. Такъ какъ отрѣвать значило и значитъ оттаскивать (см. выше отрѣвайте), то рѣнь, можетъ быть, значитъ пристань (въ обратномъ смыслѣ мѣста, отъ котораго оттаскиваются служащіе для перевоза паромы), каковая и дѣйствительно была тутъ, ибо тутъ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ. Относительно посрамительнаго способа сокрушенія Владиміромъ идоловъ cfr у Гельмольда (Lib. II c. 12), какъ король Датскій Вальдемаръ сокрушилъ въ 1168 г. идолъ Святовита у покоренныхъ имъ Ругіянъ (et fecit produci simulachrum illud antiquissimum Zvantevith, et jussit mitti funem in collo ejus et trahi per medium exercitum in oculis Sclavorum, et frustatim concisum in ignem mitti).

цѣлыхъ, каковыми были вошедшія въ составъ всего государства частныя области: Кіевская или Полянская, Черниговская или Сѣверянская, Смоленская или Кривичская, Новгородская или Славянская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и проч. Кіевъ, идеально ставшій столицею всего государства, названный матерью городовъ Русскихъ [1]), на самомъ дѣлѣ въ понятіи народа еще продолжалъ быть таковою только для области Кіевской или для области племени Полянскаго. Такимъ образомъ великая перемѣна, которую народъ позволилъ совершить съ собою въ Кіевѣ, еще ничего не говорила другимъ областямъ русскимъ, потому что другія области еще смотрѣли на свои столицы и на свои старшіе города. Но для области Кіевской въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, для земли Полянской, примѣръ Кіева былъ совершенно обязателенъ. Не могла же область быть врознь съ своею столицей, съ своимъ старшимъ городомъ, въ которомъ была ея голова. «На что старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ».—таково было отношеніе областей къ ихъ центрамъ: Кіевъ сдумалъ на томъ, чтобы исполнить волю князя и перемѣнить вѣру,—на чемъ же оставалось стать области, какъ не на томъ же, т. е. чтобы безъ дальнихъ напрасныхъ раздумываній и колебаній послѣдовать его примѣру? [2]) Такимъ образомъ необходимо думать, что вслѣдъ за Кіевомъ крещена была область Кіевская и что въ дальнѣйшемъ, хотя вѣроятно и быстромъ, но все таки постепенномъ, крещеніи остальной Руси былъ наблюдаемъ тотъ порядокъ, чтобы крестить сначала тѣхъ, отъ кого ожидалось менѣе сопротивленія и чтобы наоборотъ тѣмъ, отъ кого ожидалось этого сопротивленія болѣе, дать больше времени свыкнуться съ мыслью о необходимости перемѣнить вѣру.

Если мы примемъ сейчасъ сказанное, что Новгородъ былъ крещенъ не тотчасъ послѣ Кіева въ 991-мъ году, а въ неизвѣстномъ году спустя то или другое время послѣ него: то мы поймемъ, какимъ образомъ Владиміръ приготовлялъ къ принятію христіанства остальную Русь. Въ Новгородъ епископъ былъ посланъ тотчасъ, какъ онъ прибылъ съ митрополитомъ изъ Греціи; но городъ былъ крещенъ не тотчасъ послѣ сего, а спустя тотъ или другой промежутокъ времени: ясно, что епископъ,

---

[1]) Матерь городовъ—греческ. μητρόπολις (какъ назывались у Грековъ главныя города областей въ административномъ отношеніи, — наши губернскіе).

[2]) Когда Оттонъ Бамбергскій, креститель Балтійскихъ (польскихъ) Поморянъ прибылъ съ проповѣдію (въ 1124 г.) въ городъ Юлину (Волынь), то жители отвѣчали ему, что пусть онъ идетъ въ старшій городъ — Штетинъ и что — какъ поступятъ старшіе Штетинцы, такъ сдѣлаютъ и они младшіе Юлинцы (super hoc verbo se facturos, quidcumque facerent Stetinenses, hanc enim civitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum matremque civitatum), Vita S. Ottonis въ Acta SS. Болландистовъ, іюля t. 1 p. 400, *Гильфердинга* Исторія Балтійскихъ Славянъ, т. I стр. 12.

посланный въ городъ тотчасъ по своемъ прибытіи изъ Греціи и прежде чѣмъ рѣшено было крестить послѣдній, посланъ былъ за тѣмъ, чтобы приготовить жителей къ крещенію. Какъ поступилъ Владиміръ въ отношеніи къ Новгороду, такъ онъ могъ поступить и въ отношеніи ко всѣмъ городамъ, въ которыхъ намѣревался учредить епископскія каѳедры или — что тоже — ко всѣмъ городамъ важнѣйшимъ, ибо каѳедры были учреждены въ этихъ городахъ.

Крещеніе всей Руси, послѣ того какъ Владиміръ приступилъ къ нему, очевидно, должно было составлять главный предметъ его дѣятельности. Послѣ 990-го года, въ который приступлено было къ этому крещенію, Владиміръ княжилъ 25 лѣтъ: слѣдовательно, имѣлъ совершенно достаточно времени для того, чтобъ употребить въ этомъ отношеніи всѣ свои заботы. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ успѣлъ Владиміръ сдѣлать; но мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о томъ, чего онъ не сдѣлалъ и что̀ было дѣлаемо уже послѣ него. Предполагая съ совершеннымъ правомъ и основаніемъ, что все, о чемъ не говорится послѣ, было уже сдѣлано имъ, мы получимъ, что онъ крестилъ половину Руси, и именно—что онъ крестилъ всю ту часть ея, которая по населенію была чисто русско-славянскою или Русью въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ, и что оставилъ некрещен поючасть Руси не русскую — инородческую (и иноплеменную). Собственную Русь составляли: Новгородскіе Славяне (не включая въ ихъ число подвластныхъ имъ инородцевъ), вся часть Руси заднѣпровская, начиная съ сидѣвшихъ въ верховьяхъ Днѣпра Кривичей и кончая, вѣроятно, сидѣвшею на Днѣстрѣ сѣверною (нѣкоторою) частью Тиверцевъ, и вь Руси Преддпѣпровской или сюсторонней племя Сѣверянъ, которые, сидѣвъ по Деснѣ, Семи и Сулѣ, занимали нынѣшнюю губернію Черниговскую, сѣверныя части губерній Полтавской и Харьковской и западную часть губерніи Курской, на востокѣ по г. Курскъ включительно. Русь инородческую (и иноплеменную) составляли: огромная область Ростовская съ Бѣлозерьемъ, которую населяли инородцы Меря и Весь, область Муромская, населяемая инородцами Муромой, и земля Вятичей съ Радимичами. Послѣдніе—Вятичи съ Радимичами были Славяне, но Славяне не нашего русскаго, а ляшскаго или польскаго племени и были позднѣйшими къ намъ выходцами. Поселившись не среди настоящихъ Русскихъ, такъ чтобы могли быть окружены ими и ихъ вліяніемъ со всѣхъ сторонъ, а съ краю и примыкая съ одной стороны къ нимъ, а съ другой,—къ инородцамъ (къ помянутымъ Мерѣ и Муромѣ) [1]), они весьма долгое время имѣли наклонности сознавать себя Русскими еще менѣе, чѣмъ настоящіе инородцы.

---

[1]) Радимичи, сидѣвшіе по Сожѣ, занимали восточную половину губерніи Могилевской; Вятичи, сидѣвшіе къ западу отъ нихъ, въ верховьяхъ Оки, занимали сѣверный уголъ губерніи Черниговской (Гомель на ихъ западной границѣ), во-

Еслибы судить по пространству, то нужно было бы сказать, что Владиміромъ была крещена меньшая половина Руси, ибо Русь собственная относилась тогда къ Руси инородческой приблизительно такъ же, какъ въ настоящее время европейская Россія относится къ Сибири.

Какъ было совершаемо и совершено Владиміромъ крещеніе собственной Руси, мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Извѣстіе позднѣйшей лѣтописи Густинской, что Владиміръ, раздѣливъ государство на удѣлы между сыновьями, «посла съ ними (въ ихъ области) и священники, заповѣдая имъ, да каждо по всей области своей повелѣваетъ учити люди и крестити людей и церкви ставити, еже не бысть» [1]), нисколько не могло бы быть принято, какъ положительное свидѣтельство, но какъ предположеніе оно не только было бы совершенно вѣроятно, но и необходимо долженствовало бы быть сдѣлано, еслибы только не было несостоятельно тѣмъ, что въ 991 году, съ котораго было приступлено къ крещенію всей Руси, сыновья Владиміра были еще весьма молоды и что развѣ немногіе изъ нихъ были уже посажены на удѣлы. Что̀ лѣтопись Густинская предполагаетъ (высказывая въ видѣ положительнаго факта) о сыновьяхъ Владиміра, то, конечно, совершенно необходимо предполагатъ объ его посадникахъ. Но мы думаемъ, что должно быть предполагаемо не одно это, а и гораздо большее, именно—что, во первыхъ, Владиміръ самъ лично принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи если не всѣхъ, то большей части областей, и во-вторыхъ—что онъ самъ лично возможно-усерднымъ образомъ производилъ надзоръ за тѣмъ, чтобы христіанство въ областяхъ водворялось возможно скорѣе и успѣшнѣе. Владиміръ принялъ христіанство не въ преклонной старости, а именно въ годы наибольшей способности человѣка къ дѣятельности (не вступно въ 30 или съ небольшимъ 30-ти лѣтъ): очевидно, есть вся вѣроятность предполагать самое широкое участіе непосредственное. Если великіе князья Кіевскіе, по свидѣтельству Константина Порфирогенита (De administr. imper., c. 9), и безъ всякой особенной нужды имѣли обычай проводить цѣлую половину года въ объѣздахъ своей земли, въ такъ называемомъ полюдьи, то тѣмъ болѣе Владиміръ долженъ былъ предпринимать поѣздки по областямъ въ виду такой нарочитой и важной нужды, какъ ихъ крещеніе и утвержденіе въ нихъ христіанства. Сыновья Владиміра, по мѣрѣ того, какъ выростали и были сажаемы на удѣлы, должны были постепенно снимать съ него бремя личныхъ заботъ [2]).

сточную бо́льшую половину губерніи Орловской и южную половину губерніи Калужской (ихъ города въ первой: Брянскъ, Мценскъ, Карачевъ, Сѣвскъ, во второй: Воротинескъ между Калугой и Перемышлемъ, Козельскъ).

[1]) П. Собр. Лѣтт., II, 239.

[2]) Въ собственной Руси Владиміромъ были посажены на удѣлы: въ Новгородѣ—сначала Вышеславъ, а потомъ, послѣ его смерти, Ярославъ, въ Полоцкѣ —

(Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ читается подъ 991-мъ годомъ сказаніе о крещеніи Новгородцевъ; но въ немъ о самомъ крещеніи ничего нѣтъ. Вотъ это сказаніе: «Пришолъ въ Новгородъ епископъ Іоакимъ, и требища разрушилъ и Перуна посѣкъ и приказалъ (стащить) и бросить въ Волховъ. Обвязавъ веревками, его волокли по навозу («по калу») и били палками и пихали. И въ то время вошелъ въ Перуна бѣсъ и началъ онъ кричать: «О горе, охъ мнѣ, достался немилостивымъ симъ рукамъ». Когда вринули его въ Волховъ, то, плывя сквозь великій мостъ, онъ бросилъ на него свою палицу и сказалъ: «этимъ будутъ поминать меня Новгородскія дѣти»,—безумные, и нынѣ біяся ей, утѣху творятъ бѣсамъ [1]). И наказалъ (епископъ), чтобы никто нигдѣ не перенималъ его. Пошелъ Пидблянинъ [2]) поутру на рѣку, намѣреваясь горшки вести въ городъ, а Перунъ приплылъ къ берегу, и оттолкнулъ его шестомъ и сказалъ: «Ты Перунище, досыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь»,—и поплыло изъ свѣта «некошное». — Умолчаніе сказанія, представляющаго собою какъ будто легендарный отрывокъ отъ цѣлаго, объ участіи Владимира въ крещеніи города не должно быть понимаемо непремѣнно въ томъ смыслѣ, что Владимиръ не принималъ этого участія: сказаніе молчитъ и вообще объ участіи гражданской власти, которое необходимо предполагается. Если же это правда, то дѣло должно быть понимаемо такъ, что на Добрыню, который былъ посадникомъ Новгорода, Владимиръ надѣялся, какъ на самаго себя).

Когда мы говоримъ, что при Владимирѣ крещена была вся собственно русская Русь, то этого никакъ не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто крещены были всѣ до одного человѣка. Не желавшихъ креститься, нѣтъ сомнѣнія, было весьма много какъ въ Кіевѣ, такъ и вообще во всей Руси. Въ самомъ Кіевѣ, т.-е. именно въ самомъ городѣ Кіевѣ, полицейскій надзоръ, какъ нужно предполагать, былъ настолько силенъ и дѣйствителенъ, что эти не желавшіе не могли укрыться и должны были — или креститься неволей, или спасаться бѣгствомъ, или подвергнуться казнямъ. Но въ области Кіевской, т.-е. по ея пригородамъ и селамъ, и во всей остальной Руси какъ по городамъ, такъ

Изяславъ, въ Туровѣ — Святополкъ, въ землѣ Древлянской — Святославъ, во Владимирѣ Волынскомъ — Всеволодъ.

[1]) Разумѣется страсть Новгородцевъ къ кулачнымъ боямъ, о которой cfr Акт. Истор. I, 89.

[2]) Въ Новгор. III-й лѣтоп. Пидблянинъ, въ Соф. Врем. Видъблянинъ. Питба или Пидба, погостъ Пидебской, съ церковію св. Николая, находился на лѣвой сторонѣ Волхова, при впаденіи въ него рѣчки Питьбы или Пидьбы, въ трехъ, а по другимъ, въ четырехъ, старыхъ верстахъ отъ Новгорода; см. *Карамзина* III, прим. 327, V, прим. 254, и IX, прим. 268; Новгородскія писцовыя книги, III, С.-Пб. 1868, стрр. 13 и 24, *Неволина* о Пятинахъ, стрр. 120 и 389.

и по селамъ, значительная часть не желавшихъ креститься имѣли полную возможность скрываться, а слѣдовательно и скрывались. Такимъ образомъ, это дѣло о крещеніи должно понимать такъ, что было крещено большее или меньшее большинство жителей, что язычество было объявлено вѣрою запрещенною и преслѣдуемою (religio prohibita, intolerata, illicita) и что оно, хотя далеко еще не перестало существовать, стало вѣрою тайною, подобно расколу старообрядства во времена его сильнѣйшихъ преслѣдованій.

Мы уже начинали говорить выше, что совершенная покорность Русскихъ въ дѣлѣ перемѣны вѣры волѣ князя и такъ называемое мирное распространеніе христіанства на Руси есть не что иное, какъ невозможная выдумка нашихъ неумѣренныхъ патріотовъ, хотящихъ приносить здравый смыслъ въ жертву своему патріотизму. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе новой вѣры сопровождалось немалымъ волненіемъ въ народѣ, что были открытые сопротивленія и бунты, хотя мы и не знаемъ о нихъ никакихъ подробностей. О крещеніи Новгородцевъ сохранилась пословица, что «Путята крестилъ ихъ мечемъ, а Добрыня огнемъ». Это, очевидно, значитъ, что въ Новгородѣ новая вѣра была встрѣчена открытымъ возмущеніемъ и что для подавленія послѣдняго потребовались и были употреблены самыя энергическія мѣры. Очень возможно, что подобныя возмущенія были и не въ одномъ Новгородѣ. Въ то время собственная Русь, кромѣ раздѣленія на многія области, раздѣлялась еще на двѣ большія половины, которыя сдѣлалъ изъ нея союзъ данничества иноплеменникамъ предъ основаніемъ собственнаго государства, именно — на половину сѣверную, съ Новгородомъ во главѣ, которая передъ Рюрикомъ платила дань Варягамъ, и половину южную, съ Кіевомъ во главѣ, которая платила передъ нимъ дань Хазарамъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что половина Руси, издавна до нѣкоторой степени тянувшая къ Кіеву, послѣдовала его примѣру въ дѣлѣ перемѣны вѣры значительно съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ половина сѣверная (состоявшая изъ Новгородцевъ, Кривичей, Полочанъ и Дряговичей), для которой примѣръ Кіева не могъ имѣть ни малѣйшей нравственной обязательности. [1])

---

[1]) Топографія Новгорода возбуждаетъ недоумѣнія и какъ будто сообщаетъ новыя данныя къ исторіи крещенія его жителей. Рѣкою Волховомъ Новгородъ раздѣляется на двѣ половины — Софійскую, получившую названіе отъ находящагося на ней Софійскаго каѳедральнаго собора, и Торговую, получившую названіе отъ находящихся на ней торговыхъ или гостиныхъ рядовъ. Такъ какъ въ древнее время жилище князей было не на Софійской сторонѣ, а на Торговой (Ярославово дворище), то какъ будто слѣдуетъ, что и первоначальный Кремль города находился не на первой сторонѣ, а на послѣдней (вокругъ жилища князей) и что Кремль Софійскій (оставшійся потомъ единственнымъ Крем-

Преимущественная защита всякой вѣры естественна ея нарочитымъ служителямъ, которые, съ одной стороны, обязуются къ тому своимъ призваніемъ, а съ другой — побуждаются личнымъ интересомъ. Наше язычество не имѣло нарочитыхъ служителей въ собственномъ смыслѣ или жрецовъ, а имѣло только волхвовъ, частное религіозно-общественное служеніе которыхъ состояло въ прорицаніи будущаго и вообще практикѣ всего сверхъ-естественнаго. Несомнѣнно, что сословіе волхвовъ въ языческой Руси было очень многочисленно; имѣемъ положительныя данныя для заключенія, что волхвы имѣли желаніе противодѣйствовать введенію христіанства [1]); но за всѣмъ тѣмъ мы вовсе не полагаемъ, чтобы правительство должно было одолѣть ихъ въ настоящей систематической борьбѣ. Сословіе нашихъ волхвовъ не было сословіемъ организованнымъ, такъ чтобы борьба съ ихъ стороны могла быть ведена общею массой и по одной общей командѣ. Они представляли борцовъ немалочисленныхъ, но разрозненныхъ и одиночныхъ, а при такомъ положеніи дѣла правительству, какъ оно поступало послѣ [2]), не было затрудненія освобождаться отъ нихъ тѣмъ, что они внезапно исчезали и пропадали безъ вѣсти, бывъ по мѣрѣ ихъ опасности или заключаемы въ тюрьмы или предаваемы смертной казни.

Мы сказали, что Владиміръ крестилъ всю собственную Русь и оставилъ не крещенною Русь инородческую. Въ продолженіе 25 лѣтъ, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ находился въ полной возможности крестить не только первую, но и вторую. Если онъ не сдѣлалъ послѣдняго, то, нѣтъ сомнѣнія, не по недостатку времени. Нельзя

лемъ Новгорода) явился только вмѣстѣ съ соборомъ. Если это такъ, то можно предполагать во-первыхъ, что Новгородцы не позволили епископу поселиться съ его соборомъ въ своемъ Кремлѣ; во-вторыхъ, что князья нашли нужнымъ обнести домъ епископовъ Кремлемъ или крѣпостію для ихъ безопасности отъ ихъ паствы (Софійскій Кремль и въ настоящее время не особенно великъ, но онъ расширенъ противъ первоначальнаго Мстиславомъ,—Новг. I лѣт. подъ 1116 г., слѣдовательно въ первоначальномъ видѣ онъ дѣйствительно представлялъ крѣпость только около дома и каѳедральнаго собора епископовъ). Въ Ярославовомъ Уставѣ о мостѣхъ упоминаются «Софьяне» (Руск. Достопп. II, 293 нач.). Подъ этими Софьянами нельзя разумѣть причта Софійскаго, ибо, во-первыхъ, въ Уставѣ говорится о корпораціи или общинѣ людей болѣе или менѣе многочисленной; во-вторыхъ — на корпорацію возлагаются такія обязанности, отъ которыхъ причтъ Софійскій, по всей вѣроятности, былъ свободенъ. Нельзя разумѣть и «дѣтей боярскихъ» епископскихъ, ибо во времена Ярослава ихъ несомнѣнно еще не было. Кого же разумѣть? Представляется какъ будто не совсѣмъ невѣроятнымъ разумѣть корпорацію стражей, данныхъ князьями епископамъ (и поселенныхъ по близости ихъ особой слободой)...

[1]) Ибо знаемъ объ ихъ нѣкоторыхъ попыткахъ къ изгнанію христіанства, уже введеннаго, изъ лѣтоп. подъ 1071 г.; обстоятельнѣе скажемъ ниже.

[2]) Лѣтоп. подъ 1071 г.

полагать причиной сего и то, чтобы онъ встрѣтилъ между инородцами непреодолимое сопротивленіе. Это сопротивленіе могло быть; но еслибы онъ захотѣлъ одолѣть и сокрушить его, еслибы онъ захотѣлъ прибѣгнуть къ крещенію огнемъ и мечемъ, какъ это, по свидѣтельству пословицы, случилось съ Новгородцами, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ успѣлъ бы настоять на своемъ и достигнуть своей цѣли. Необходимо думать, что онъ оставилъ инородцевъ до времени въ покоѣ по побужденіямъ государственнаго благоразумія. Всѣ они давно были данниками Руси (Меря съ Весью и Мурома — со времени Рюрика, Вятичи — со времени Олега); но пока оставались инородцами, они все были не крѣпки къ Руси и все еще не составляли настоящей Руси. Необходимо было позаботиться о томъ, чтобы обрусить ихъ. Но чтобы успѣшнѣе и скорѣе достигнуть этого послѣдняго, благоразуміе требовало не раздражть ихъ, не возбуждать искусственнымъ образомъ чувства ихъ особой національности и не давать имъ повода поднимать знамя возстанія за отеческую вѣру, чѣмъ легко создалась бы упорная вражда, имѣвшая надолго отчуждить ихъ отъ Русскихъ. Заботиться объ ихъ обрусѣніи прежде, чѣмъ о ихъ крещеніи, предписывала политика или государственное благоразуміе, но въ то же время дѣло имѣло себя такимъ образомъ, что съ достиженіемъ одной цѣли, достигалась и другая; сдѣлавшись Русскими, они, такъ сказать, eo ipso имѣли сдѣлаться и христіанами. Вятичи съ Радимичами, какъ уже мы говорили, не были инородцы въ собственномъ смыслѣ, но они были столько строптивы, что съ ними надлежало обходиться еще болѣе осторожно, чѣмъ съ настоящими инородцами, — послѣ перваго покоренія Олегомъ, они были потомъ снова покоряемы Святославомъ и дважды самимъ Владиміромъ.

Итакъ, Владиміръ, какъ креститель Руси, долженъ быть разумѣемъ таковымъ въ смыслѣ возможно обширномъ, полномъ и собственномъ. Онъ былъ ея крестителемъ не только въ томъ смыслѣ, что положилъ первое начало введенію въ ней христіанства и замѣнѣ имъ язычества, — что сдѣлалъ первый нѣкоторый приступъ къ ея крещенію, но и въ томъ смыслѣ, что онъ дѣйствительно крестилъ всю Русь и все русское государство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго, какъ собственной Руси. Крещеніе всей Руси вовсе не должно быть понимаемо такъ, что крещены были всѣ до одного человѣка; полное водвореніе въ ней христіанства должно быть представляемо не столько какъ внутреннее и настоящее, сколько какъ наружное и просто внѣшнее: но дѣло, по самому его существу, и могло быть сдѣлано въ томъ и другомъ отношеніи только болѣе или менѣе поверхностно. Что можно было сдѣлать Владиміру для общаго крещенія Руси и для полнаго водворенія въ ней христіанства, то было не только имъ начато, но и вполнѣ и до совершеннаго конца сдѣлано.

Мы говорили выше, что Владиміръ не только былъ крестителемъ Руси, но хотѣлъ быть и ея просвѣтителемъ, желалъ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее страною не только христіанскою, но и европейскою во всемъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни, или приведши самъ вмѣстѣ съ священниками или получивъ немного спустя времени вмѣстѣ съ митрополитомъ и епископами ученыхъ людей и учителей, Владиміръ роздалъ этимъ послѣднимъ въ ученіе дѣтей «нарочитые чади», т. е. своихъ бояръ и, по всей вѣроятности, лучшихъ гражданъ кіевскихъ. Весьма неудачнымъ образомъ предполагая, что дѣти нарочитой чади набраны были для приготовленія въ священники, въ этомъ распоряженіи Владиміра, обыкновенно, видятъ заботу, относившуюся къ церкви. Но дѣти знатныхъ людей не могли быть набраны для сейчасъ указанной цѣли, ибо, съ одной стороны, они нужны были для государственной службы, а съ другой — отцы ихъ не могли имѣть ни малѣйшей охоты отдавать ихъ для приготовленія въ священники, которые должны были выбираться не изъ знати, а совсѣмъ изъ другихъ сословій. Дѣти знатныхъ людей могли быть набраны для ученія только съ тою цѣлью, чтобы стать людьми болѣе или менѣе просвѣщенными независимо ни отъ какихъ практическихъ цѣлей; иначе сказать, помянутое распоряженіе Владиміра означаетъ, что съ генераціи набранныхъ дѣтей онъ хотѣлъ водворить въ высшемъ русскомъ обществѣ греческое просвѣщеніе. Къ обстоятельной рѣчи объ этомъ мы возвратимся послѣ.

Такова исторія крещенія Владиміра и крещенія имъ Руси. Къ нему не приходили послы или миссіонеры отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, хотя и могли приходить; онъ не посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ и для выбора лучшей между ними, ибо подобное посольство есть вещь невозможная и немыслимая: онъ принялъ греческое православное христіанство не какимъ-нибудь безпримѣрнымъ образомъ въ исторіи и не съ какою нибудь сказочною замысловатостью, а совершенно просто и естественно, какъ принимали христіанство всѣ европейскіе государи. Мы вовсе не питаемъ напрасной надежды, чтобы всѣ сразу согласились съ нами видѣть въ повѣсти о крещеніи Владиміра, помѣщенной въ лѣтописи, то, что̀ она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. простое сочиненіе: люди, привыкшіе воображать, что мы совсѣмъ особый народъ и что у насъ все было не полюдски, конечно, не сразу отступятся отъ своего мнѣнія. Но мы имѣемъ твердую увѣренность, что при свѣтѣ критики житіе этого преданія весьма недолгое и что, во всякомъ случаѣ, его выбытіе изъ исторіи есть не болѣе какъ вопросъ времени.

Повторимъ кратко дѣйствительную исторію крещенія Владиміра со всѣмъ ей предшествующимъ. Тотчасъ или вскорѣ послѣ основанія нашего государства Рюрикомъ, къ великимъ князьямъ нашимъ начали являться на службу изъ Константинополя Варяги-христіане, и во вторую половину

княженія третьяго изъ нихъ — Игоря этихъ Варяговъ-христіанъ собралось въ Кіевѣ такъ много, что они составили изъ себя цѣлую общину, которая позаботилась о надлежащемъ устройствѣ себя въ отношеніи религіозномъ, завела церкви и священниковъ. Община эта со времени Игоря продолжала и оставалась существовать въ Кіевѣ до самаго крещенія Владимира. Варягамъ-христіанамъ естественно было держаться того убѣжденія, что христіанство должно смѣнить въ Россіи язычество, какъ оно смѣнило его почти въ другихъ странахъ, а во всякомъ случаѣ имъ естественно было одушевляться непосредственнымъ желаніемъ обратить къ единой истинной вѣрѣ страну, находившуюся во мракѣ языческаго суевѣрія. Отсюда необходимо должно было случиться, что находившіеся близъ великихъ князей Варяги-христіане стали проповѣдниками передъ ними христіанства. Превосходство христіанства передъ язычествомъ такъ велико и такъ очевидно, что при нѣкоторой способности проповѣдниковъ къ проповѣди и при нѣкоторой способности слушателей къ ея пониманію, не заграждаемой никакими предразсужденіями, успѣхъ проповѣди есть именно тотъ результатъ, которому быть надлежитъ. И вотъ, такимъ образомъ проповѣдь Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ и имѣла своимъ результатомъ, что Россія черезъ своихъ князей стала страною христіанскою. Варяги обратили къ христіанству Игоря и его супругу Ольгу, и первое стало бы общею вѣрою Руси уже со времени ихъ, еслибы они находили возможнымъ отважиться на то, чтобѣ перемѣнить вѣру народа. Послѣ Святослава, анти-христіанина по характеру, престолъ великокняжескій перешелъ къ внукамъ Ольги. Весьма вѣроятно предполагать, какъ то и предполагаютъ, что Ярополкъ послѣ воспитанія, полученнаго отъ Ольги, также склонéнъ былъ Варягами-христіанами на сторону христіанства, какъ она сама и ея мужъ Игорь; но если онъ имѣлъ намѣреніе и рѣшимость ввести въ Россію христіанство, то ему помѣшала въ этомъ ранняя смерть отъ руки брата. Ярополку наслѣдовалъ Владимиръ. Варяги-христіане обратились къ нему съ своею проповѣдью такъ же, какъ къ его предшественникамъ, а слѣдствіемъ проповѣди и было то, чему, при отсутствіи особенныхъ исключительныхъ препятствій, и быть надлежало — его обращеніе въ христіанство. Совершенно возможное само по себѣ, это обращеніе должно было случиться тѣмъ легче, что оно было подготовлено: примѣръ дѣда и бабки, воспитаніе, полученное отъ второй, и наконецъ по всей вѣроятности, примѣръ брата — вотъ что̀ уже предварительно имѣлъ Владимиръ въ пользу новой вѣры. Не видѣвъ у себя никакихъ пословъ или миссіонеровъ, не посылавъ своихъ пословъ по землямъ, Владимиръ расположенъ и убѣжденъ былъ къ принятію греческаго православнаго христіанства Кіевскими Варягами-христіанами, а затѣмъ, что касается до обращенія всего народа, то въ семъ послѣднемъ случаѣ, какъ необходимо думать, онъ дѣйствовалъ не только какъ человѣкъ, желающій

дать другимъ истинную вѣру, но и какъ государь, сознававшій настоятельную необходимость этой вѣры государственную. Рѣшившись креститься самъ и крестить весь свой народъ, Владиміръ не нашелъ возможнымъ сдѣлать того и другаго одновременно, но сначала крестился самъ частнымъ, и по всей вѣроятности — болѣе или менѣе тайнымъ образомъ, а къ общему крещенію народа приступилъ только послѣ довольно продолжительнаго приготовленія. Предъ общимъ крещеніемъ народа Владиміру нужно было войти въ сношенія съ Греками для іерархическаго устройства будущей русской церкви; такъ какъ для цѣлей государственныхъ онъ считалъ нужнымъ для себя родственный союзъ съ императорами Константинопольскими, то и вступилъ въ эти сношенія весьма оригинальнымъ образомъ, именно—въ качествѣ побѣдителя Грековъ. Послѣ приступа къ общему крещенію народа Владиміръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много лѣтъ; вслѣдствіе того онъ не только началъ его, но и довелъ до самаго конца, крестивъ всю русско-славянскую часть Руси, которая составляла тогда собственное русское государство.

Все внутреннее выражается и олицетворяется во внѣшнемъ. Насажденная на Руси церковь христіанская требовала внѣшняго представительства, требовала такой церкви въ смыслѣ зданія, которая бы была церковью всей Руси и матерью всѣхъ церквей Русскихъ, которая, однимъ словомъ, вещественно и монументально представляла бы собою духовную церковь Русскую (подобно тому, какъ въ Московской Руси представлялъ ее Московскій Успенскій соборъ, а нынѣ въ Руси Петербургской представляетъ соборъ Исакіевскій). Такую всерусскую церковь, или иначе сказать, церковь совершенно исключительную по размѣрамъ и великолѣпію, единственную каменную среди церквей деревянныхъ, Владиміръ началъ строить вскорѣ послѣ того, какъ приступилъ къ общему крещенію народа, именно на другой годъ послѣ похода на Корсунь, и строивъ пять лѣтъ окончилъ въ 996 году. Какъ бы поручая крещеную Русь покрову этой церкви, посвященной Божіей Матери (празднику Успенія) и отъ данной ей десятины получившей названіе Десятинной, Владиміръ молился въ ней за Русь въ первый разъ по ея совершеніи: «Господи Боже! призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и соверши, яже насади десница Твоя—новыя люди си, имже обратилъ еси сердце въ разумъ познати Тебе, Бога истиннаго». Церковь эта, вещественно олицетворявшая собою духовную русскую церковь, бывъ поставлена на томъ холмѣ, на которомъ прежде было главное языческое мольбище и на которомъ преждѣ стоялъ идолъ главнаго языческаго бога—Перуна, представляла собою истинный трофей христіанства надъ язычествомъ [1]).

---

[1]) Что Десятинная церковь была поставлена на томъ холмѣ, на которомъ прежде стоялъ Перунъ, это ясно даетъ знать лѣтопись. Послѣдній стоялъ на холмѣ внѣ двора загороднаго каменнаго терема (Лѣтоп. подъ 908 и 945 г., Лаврент.,

Совершивъ великое дѣло крещенія Руси и ея введенія въ семью народовъ, призванныхъ къ исторической жизни, бывъ рѣшителемъ ея судьбы и нашимъ первымъ Петромъ Великимъ, Владимиръ, подобно этому послѣднему, скончался въ старости далеко не преклонной, на 55—56 году жизни и никакъ не болѣе, 15-го іюля 1015 года.

Онъ имѣлъ нѣкоторыя частныя, рѣзко выдававшіяся черты въ своемъ характерѣ, которыя не могли остаться безъ памяти въ потомствѣ и о которыхъ такъ или иначе упоминаютъ всѣ сказанія, которыя говорятъ о немъ. Онъ былъ, во-первыхъ, изъ числа тѣхъ безгранично щедрыхъ людей, которые считаютъ все принадлежащее имъ столько же собственностью своею, какъ и всѣхъ ихъ окружающихъ; во-вторыхъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ истинно гуманныхъ натуръ, которыя не понимаютъ, какъ можно быть довольну самому, когда не столько же довольны и всѣ окружающіе. По всему этому, смотря на жизнь, не какъ аскетъ, которымъ онъ не былъ, а съ той, для не аскетовъ и въ предѣлахъ мѣры совершенно правильной точки зрѣнія, что «жизнь для жизни намъ дана», Владимиръ хотѣлъ, чтобы жизнь его окружающихъ текла въ полномъ довольствѣ и веселіи, и чтобъ этихъ обязанныхъ князю довольствомъ и веселіемъ людей было какъ можно болѣе. Когда Владимиръ сталъ христіаниномъ, то эта наклонность и потребность его натуры щедро довольствовать людей выразились въ христіанской добродѣтели безграничнаго

изд. 2-е стрр. 53, 54 и 77, Ипатск. изд. 2-е стрр. 33, 35 и 52); но и Десятинная церковь была поставлена предъ дворомъ теремнымъ («дворъ теремный за святою Богородицею» или иначе св. Богородица предъ дворомъ теремнымъ, подъ 945 г. Лавр. стр. 54, Ипатск. стр. 35). На холмѣ этомъ, по ясному свидѣтельству лѣтописи, была поставлена церковь св. Василія: но мы полагаемъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы на одномъ холмѣ были поставлены двѣ церкви. Если лѣтопись подъ 980 г. говоритъ: «на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василія есть» и не упоминаетъ о церкви Десятинной, то это, вѣроятно, должно понимать такъ, что церковь св. Василія, построенная прежде, была поставлена на самомъ мѣстѣ Перунова идола, а Десятинная — болѣе или менѣе поодаль (собственно на мѣстѣ двора убитыхъ при Владимирѣ язычникѣ Варяговъ-христіанъ, лѣт. подъ 980 г.). Нынѣшнее кіевское преданіе раздѣляетъ церкви Васильевскую и Десятинную весьма значительнымъ промежуткомъ мѣста; но относительно этого преданія должно сказать: во-первыхъ, вовсе не есть нѣчто положительно и несомнѣнно доказанное, что сохранившаяся отъ древняго времени и признанная за Васильевскую церковь (Трехсвятительская) дѣйствительно есть Васильевская; во-вторыхъ, въ Кіевѣ послѣ Владимира церквей св. Василія было построено еще нѣсколько; нынѣшняя Васильевская (Трехсвятительская) церковь, если она дѣйствительно есть Васильевская, можетъ быть принимаема, напримѣръ, за ту церковь св. Василія, которую въ 1197 г. великій князь Рюрикъ Ростиславичъ поставилъ на Новомъ княжемъ дворѣ (Ипатск., 1197). Если не ошибаемся, относительно мѣстности Десятинной церкви согласенъ съ нами и преосв. *Макарій* (Ист. т. I, изд. 2 стр. 49).

милосердія къ нищимъ и убогимъ. У него было заведено, чтобы во дворцѣ великокняжескомъ каждую недѣлю былъ обильный пиръ для всѣхъ чиновниковъ дворцовыхъ и городскихъ и для лучшихъ городскихъ гражданъ при немъ самомъ и безъ него: «По вся недѣли устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ и соцькымъ и десятьскымъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего.» Въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ были имъ устраиваемы нарочитые пиры, по случаю какихъ нибудь праздниковъ. Объ освященіи и по поводу освященія церкви въ Василевѣ лѣтопись говоритъ: «Постави церковь и створи праздникъ великъ варя 300 проваръ [1]) меду, и съзываше боляры своя и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многи.... Праздновавъ князь днiй 8 и въ възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица [2]) и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бещисленное множество народа». О христіанскомъ милосердіи Владимира къ нищимъ и убогимъ лѣтопись говоритъ: «Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу — питье и яденье и отъ стотьниць кунами [3]). Устрои же и се, рекъ: «яко немощніи и больніи не могуть долѣсти двора моего» — повелѣ пристроити кола [4]) и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: кдѣ больній и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу». Можетъ показаться преувеличеннымъ это свидѣтельство лѣтописи, но оно вполнѣ подтверждается свидѣтельствами митрополита Иларіона и монаха Іакова. «Кто исповѣсть,» восклицаетъ первый, — «многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо глаголъ Господень.... не до слышанія стави глаголанное, но дѣломъ сконча слышанное, просящимъ подавая, нагія одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшеніе посылая, должныя искупая, работныя свобождая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть». Второй пишетъ: «Болѣ всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многія его милостыня: не токмо

---

[1]) Позднѣйшія извѣстія опредѣляютъ одну проварю меду въ берковецъ солоду (*Карамз.* I, прим. 476).

[2]) То-есть, къ храмовому празднику Десятинной церкви.

[3]) Отъ ключницъ деньгами.

[4]) Телѣги, возы.

въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей земли Руской, — и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію; нищая и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромыя и трудоватыя вся милуя и одѣвая и накормя и напаяя.» На нарочитыхъ праздникахъ, каковы освященія церквей, Владимиръ раздавалъ нищимъ огромныя деньги — до 300 и болѣе гривенъ.

Владимиръ былъ причисленъ къ лику святыхъ не тотчасъ послѣ своей смерти и даже весьма нескоро. Что̀ было этому причиной, мы не можемъ сказать положительно, но съ вѣроятностью предполагаемъ, что она заключалась въ тѣхъ его изобильныхъ пирахъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Память о нихъ долго жила въ народѣ [1]) и они-то и могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владимра святымъ, ибо пиры и святость, которая — по позднѣйшимъ, впавшимъ въ односторонность, понятіямъ — стала непремѣннымъ синонимомъ аскетизма, должны были представляться вещами трудно совмѣстимыми. Владимиръ могъ быть признанъ святымъ, когда живая память о пированьяхъ — почестныхъ пирахъ и о столованьяхъ — почестныхъ столахъ его наконецъ совсѣмъ исчезла, оставшись только въ былинахъ народныхъ, и когда онъ остался для представленія народнаго только крестителемъ Руси. Не знаемъ, когда именно и какъ это случилось; служба Владимиру написана по признакамъ въ періодъ до-монгольскій, но не въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка или еще ранѣе, какъ думаетъ преосв. Филаретъ и какъ наклоненъ думать преосв. Макарій, а вѣроятно въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, ибо для современныхъ автору ея русскихъ князей Владимиръ—не дѣдъ и не прадѣдъ, а уже праотецъ [2]); затѣмъ, сколько имѣемъ свѣдѣній въ настоящее время, онъ называется въ лѣтописи святымъ въ первый разъ подъ 1254 г. (Ипатск., ср. тамъ же подъ 1229 г.), а о празднованіи памяти его какъ святаго въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1263 г. (Лаврент.). Монахъ Іаковъ, защищая умершаго Владимира отъ нареканія, что онъ не творитъ чудесъ, говоритъ: «Не дивимся, возлюбленнѣи, аще чудесъ не творитъ по смерти: мнози бо святіи праведніи не сотвориша чудесъ, но святи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святый Златоустъ [3]): Отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята человѣка? Отъ чудесъ ли или отъ дѣлъ? И рече: Отъ дѣлъ познати, а не отъ чудесъ».... и пр. Лѣтопись, и за нею

---

1) См. Иларіона сейчасъ выше. Другое свидѣтельство — былины народныя.

2) Преосв. *Филаретъ* въ Исторіи, I, § 30, и въ Обзорѣ § 22; преосв. *Макарій* въ Исторіи, т. I, изд. 2 стр. 103.

3) Разумѣется, кажется, мѣсто изъ слова Златоустаго De compunctione ad Demetrium, — Montfauc. edit. Parisina altera I, 167 fin.

Житіе Володимера, [1]) жалуясь на своихъ современниковъ, что они не воздаютъ ему по должному за его великое благодѣяніе крещенія Русской земли, забывая молиться за него въ день его памяти, вслѣдствіе чего Богъ могъ бы его прославить, говорятъ съ укоромъ: «Дивно же есть се, колико добра створилъ Рустѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью... Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его, видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и».... Владимиръ похороненъ былъ въ построенной имъ Десятинной церкви, гдѣ мраморный гробъ его поставленъ былъ рядомъ съ таковымъ же гробомъ прежде него умершей его супруги царевны Анны [2]). Мощи Владимира, въ нашествіе Монголовъ погребенныя подъ развалинами Десятинной церкви, оставались въ землѣ до первой половины XVII вѣка, до митрополита Петра Могилы. Этотъ послѣдній, возобновляя въ 1635 г. Десятинную церьковь, нашелъ гробъ Владимра и вынулъ изъ него останки (всѣ находившіеся или только часть — неизвѣстно), изъ коихъ въ настоящее время глава находится въ большой церкви Печерскаго монастыря, ручная кость — въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, одна челюсть отъ главы — въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Эта послѣдняя прислана была въ даръ царю Михаилу Θеодоровичу Петромъ Могилой въ 1640 г., при чемъ митрополитъ между прочимъ просилъ государя, чтобы онъ «велѣлъ своимъ государевымъ мастеромъ своею царскою казною сдѣлать раку на мощи прародителя своего святаго и равноапостольнаго князя Владимера, которая будетъ поставлена съ его мощи у святой Софіи, юже сооружи великій князь Ярославъ сынъ его,» — Акты Южн. и Здпадн. Росс., III, стрр. 29 и 44. Перенесеніе мощей изъ Десятинной церкви въ Софійскую, вмѣстѣ съ гробомъ преп. Θеодосія Печерскаго (sic), предполагалось совершить въ томъ же году, по полученіи раки, — тамъ же, стр. 29).

(Никоновская лѣтопись и Степенная книга увѣряютъ, будто Владимиръ не только хотѣлъ быть крестителемъ своей Руси, но помышлялъ о распространеніи христіанства и между сосѣдними народами, именно говорятъ, что онъ посылалъ своего миссіонера (родомъ Грека) къ Болгарамъ Волжско-камскимъ (первая — 1, 95, вторая — 1, 147). Извѣстіе,

---

[1]) Объ отношеніи между лѣтописію и Житіемъ въ данномъ мѣстѣ см. выше стр. 119.

[2]) Которая умерла въ 1011 г. Что Владиміръ погребенъ въ Десятинной церкви, объ этомъ говоритъ наша лѣтопись; что гробъ его былъ поставленъ именно рядомъ съ гробомъ его супруги царевны Анны, объ этомъ говоритъ Дитмаръ Мерзебургскій, называющій Десятинную церковь церковью св. Климента, о чемъ см. ниже, — Chronic. lib. VII, c. 52 (Скилица на какомъ-то основаніи говоритъ, что Анна умерла послѣ Владимира, въ 1023—26 г., — Memor. pop. II, 1010).

конечно, неособенно надежное (а въ подробностяхъ баснословное), но нельзя сказать, чтобы совершенно и очевидно невѣроятное. Великіе люди, къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ Владиміръ, имѣютъ наклонность создавать великіе и широкіе планы,—и кто знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ онъ мечталъ о томъ, чтобы въ противоположность союзу новыхъ народовъ западной Европы создать союзъ народовъ Европы восточной? Когда тѣже Никоновская лѣтопись и Степенная книга сообщаютъ, что къ Владиміру пришло на службу и приняло у него православное христіанство нѣкоторое количество Болгарскихъ и Печенѣжскихъ князей (первая — 1, 95 и 103, вторая — 1, 149), то не сообщаютъ ничего невѣроятнаго: эти приходы значатъ тоже, что позднѣйшіе боярскіе «пріѣзды» къ князьямъ и отъѣзды отъ нихъ).

II.

Ярославъ, довершитель дѣла Владимирова со стороны духовной.

Послѣ смерти Владиміра въ его семействѣ настало междоусобіе. Старшій сынъ, Святополкъ, опасаясь соперничества братьевъ и желая быть единовластцемъ, рѣшился избить ихъ. Послѣ убійства троихъ — Бориса Ростовскаго, Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго, онъ встрѣтилъ отпоръ въ Ярославѣ Новгородскомъ. Продолжавшаяся между братьями въ теченіи пяти лѣтъ междоусобная война окончилась въ пользу Ярослава, который и занялъ престолъ великокняжескій, ставъ такимъ образомъ преемникомъ Владиміра въ дѣлѣ утвержденія на Руси христіанства.

Занявъ престолъ великокняжескій не по праву старшинства, а случайнымъ образомъ, Ярославъ, къ счастію, оказался вполнѣ достойнымъ преемникомъ своего отца, какъ въ области государственной, такъ и церковной. Въ этой послѣдней онъ былъ усерднымъ продолжателемъ и докончателемъ начатаго, но не оконченнаго, Владиміромъ. Указывая сдѣланное Ярославомъ и вмѣстѣ — отношеніе его дѣятельности къ предшествующей дѣятельности Владиміра, лѣтописецъ говоритъ: «Яко же бо се нѣкто землю разоретъ, другій же насѣетъ, тако и сей (Ярославъ): отецъ бо его Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ, сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій».

Дѣятельность Ярослава или сдѣланное имъ состояло въ томъ, что Русь, крещенную Владиміромъ, онъ сдѣлалъ книжною и грамотною, или иначе сказать — что, послѣ введенія въ Россіи христіанства внѣш-

няго, онъ далъ ей средства сдѣлаться христіанскою внутренно. Мы сказали выше, что Владимиръ тотчасъ или вскорѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни набралъ дѣтей нарочитой чади и роздалъ ихъ въ ученье полученнымъ изъ Греціи учителямъ, и что это дѣйствіе его нужно понимать, какъ приступъ къ осуществленію желанія и заботы ввести въ Россію просвѣщеніе. Эти заботы Владимира ввести въ Россію просвѣщеніе несомнѣнно поддерживалъ и Ярославъ, какъ мы скажемъ о семъ ниже. Но то, о чемъ мы говоримъ теперь, должно быть отличаемо отъ нихъ и должно быть представляемо не какъ продолженіе уже начатаго Владимиромъ, а какъ нѣчто новое и особое. Настоящее просвѣщеніе могло быть введено только въ небольшомъ классѣ избранной и нарочитой чади или высшей аристократіи, ибо только у лицъ, принадлежавшихъ къ ней, могли быть охота и побужденіе отдавать дѣтей своихъ въ настоящее ученіе и только у нихъ могли быть средства платить за него учителямъ, такъ какъ оно не имѣло быть даровымъ или казеннымъ. По послѣ высшей аристократіи оставалось нѣсколько классовъ всѣхъ другихъ людей. Здѣсь нельзя было думать о настоящемъ просвѣщеніи и въ то же время невозможно было оставить людей ни съ чѣмъ, ибо такимъ образомъ они оставались бы нисколько не просвѣщенными въ христіанствѣ; настоящее просвѣщеніе здѣсь должна была замѣнить простая грамотность — умѣнье читать и затѣмъ собственное болѣе или менѣе усердное чтеніе учительныхъ книгъ. Чтобы привести Русь въ возможность стать грамотною и читающею, нужно было доставить ей книги, подразумѣвается, заимствовавъ послѣднія со стороны: это и сдѣлалъ Ярославъ. Заботы о средствахъ общенародной грамотности или объ этихъ книгахъ при Владимирѣ были еще преждевременны, ибо во все его правленіе масса народа должна была оставаться еще холодною къ христіанству, а слѣдовательно—имѣть весьма мало стремленія и къ поученію въ немъ [1]). Но въ правленіе Ярослава, по истеченіи сорока-пятидесяти лѣтъ послѣ крещенія, христіанство ужь успѣло, если не во всей Руси, — чего предполагать вовсе невозможно, — то по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ болѣе или менѣе укрѣпиться и укорениться во всѣхъ слояхъ общества. Такимъ образомъ, въ правленіе Ярослава, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ уже во всѣхъ слояхъ общества явилась привязанность къ христіанству и большая или меньшая часть его гражданъ стала въ своихъ чувствахъ уже совсѣмъ

---

[1]) Если Несторъ въ Житіи Бориса и Глѣба говоритъ, что «блаженный Борисъ взимаше книги и чтяше,... чтяше же житія и мученія святыхъ», то, надѣемся, читатель не увидитъ въ этихъ словахъ возраженія противъ всего того, что мы говоримъ о дѣятельности Ярослава по введенію книжности въ Россіи. Нѣкоторыя учительныя книги пріобрѣлъ и для собственнаго употребленіе имѣлъ, конечно, ужь и Владимиръ (не говоря о томъ, что слова Нестора болѣе фраза, чѣмъ положительное свидѣтельство).

настоящими христіанами. Вслѣдствіе того и заботы объ общенародной грамотности, преждевременныя при Владимирѣ, теперь оказались настоятельно нужными. Великая заслуга Ярослава состояла въ томъ, что онъ, такъ сказать — не задерживая теченія исторіи и естественнаго хода жизни, не оказался глухимъ къ очередной неотмѣнной нуждѣ времени.

О дѣятельности Ярослава относительно перенесенія на Русь грамотности и книжности лѣтопись говоритъ: «и собра (Ярославъ) писцы многы и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское письмо, и списаша книги многи,... многы (книги) написавъ положи въ святѣй Софьи — церкви, юже созда самъ». Не совсѣмъ вразумительную рѣчь лѣтописца, какъ кажется, нужно понимать такъ, что Ярославъ, во-первыхъ, собралъ многихъ писцовъ, которые переписывали уже готовые славянскія переводы, и во-вторыхъ, что онъ нашелъ переводчиковъ, которые переводили съ греческаго языка на славянскій, и что такимъ образомъ тѣмъ и другимъ путемъ онъ и доставилъ Русскимъ весьма многія четіи книги. Если же не такъ нужно понимать лѣтописца, то по крайней мѣрѣ такъ необходимо представлять самое дѣло. Въ Болгаріи прежде насъ ужъ очень много книгъ переведено было съ греческаго языка на славянскій; переводить тѣ же книги вновь и не захотѣть просто воспользоваться готовыми переводами, очевидно, было бы отсутствіемъ всякаго смысла. А потому необходимо предполагать, что прежде чѣмъ переводить, Ярославъ позаботился пріобрѣсти изъ Болгаріи существовавшіе тамъ готовые переводы. Послѣ полученія этихъ переводовъ онъ и самъ могъ, какъ увѣряетъ лѣтопись, — заставлять переводить тѣ книги, которыхъ не было въ переводахъ, и которыя онъ находилъ нужными, — объ этомъ послѣднемъ мы обстоятельнѣе скажемъ послѣ. Всѣ собранныя книги, какъ посредствомъ простаго списыванія, такъ и посредствомъ переводовъ, Ярославъ положилъ въ созданной имъ св. Софіи.

Пріобрѣсть тѣмъ или другимъ способомъ переводы книгъ, собрать ихъ въ одно мѣсто и такимъ образомъ сдѣлать изъ нихъ одну публичную библіотеку, это, по-видимому, дѣло небольшое и во всякомъ случаѣ слишкомъ малое для того, чтобы водворить въ странѣ грамотность. Въ дѣйствительности это было дѣло весьма не легкое; въ этомъ заключалось все, что можно было сдѣлать, и этимъ вполнѣ достигалась предположенная цѣль. Въ то время не было печатанія книгъ, а было рукописаніе, письмо было тогда уставное, а матеріаломъ для книгъ служилъ кожаный пергаминъ, вслѣдствіе чего процессъ писанія долженъ было совершаться чрезвычайно медленно. По всему этому приготовленіе книгъ въ то время было дѣломъ такой величайшей трудности и важности, о которой мы не можемъ составить себѣ и понятія и которыя людямъ, знающимъ представлять себѣ дѣло только въ томъ видѣ, что — пошолъ въ лавку да купилъ книгу, можетъ показаться пожалуй даже смѣшною. Въ настоя-

щее время имѣй только деньги и ничего не стоитъ составить библіотеку хоть въ нѣсколько милліоновъ томовъ. Въ тогдашнее время дѣло было не только въ деньгахъ, которыхъ, на одну рукопись требовалось столько же сколько теперь чуть не на полтысячи печатныхъ книгъ [1]), но еще кой въ чемъ, съ чѣмъ нельзя было справиться ни съ какими деньгами. Требовалось найдти, во-первыхъ, искусныхъ писцовъ; а такъ какъ несомнѣнно, что таковые писцы въ то время были необыкновенно рѣдки, то лишнихъ писцовъ противъ того, сколько ихъ могло найдтись въ наличности, очевидно, нельзя было создать никакими деньгами, и слѣдовательно, приходилось довольствоваться тѣми, которые были, сколько бы ихъ мало ни было. Во-вторыхъ, никакими деньгами нельзя было достигнуть того, чтобы писцы писали рукописи скорѣе, нежели какъ они могли; но могли они, какъ уже мы сказали, писать только чрезвычайно медленно. Предположимъ, что Ярославъ составилъ при св. Софіи библіотеку въ пятьсотъ рукописей среднихъ размѣровъ (какъ Остромирово евангеліе). Каждый писецъ могъ написать въ годъ только двѣ такія рукописи; слѣдовательно, десять писцовъ могли написать пятьсотъ рукописей только въ продолженіи 25 лѣтъ. Лѣтопись говоритъ, что Ярославъ собралъ писцовъ многихъ. Въ тогдашнемъ Кіевѣ онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ найдти балѣе десяти писцовъ; предположимъ, что еще десять писцовъ онъ досталъ изъ Болгаріи, и что такимъ образомъ вообще онъ въ состояніи былъ собрать двадцать писцовъ. Для этихъ двадцати писцовъ, чтобы написать библіотеку въ пятьсотъ рукописей, требовалось времени никакъ не менѣе двадцати лѣтъ съ половиной. Изъ этого ясно, что во времена Ярослава составить одну порядочную библіотеку было дѣломъ величайшаго труда, и что составленіе подобной библіотеки было событіемъ величайшей, истинно исторической, важности [2]).

---

[1]) По существующимъ примѣрамъ (Остромирово евангеліе), мы знаемъ, что на написаніе обыкновенныхъ размѣровъ рукописи, изъ которой въ печати выйдетъ совсѣмъ небольшая книга, требовалось полгода. Такъ какъ въ то время ремесло писанія, по крайней рѣдкости мастеровъ, несомнѣнно было весьма дорогое, то за полгода писцу нужно было заплатить приблизительно никакъ не менѣе пятисотъ рублей серебромъ на нынѣшнія деньги. Слѣдовательно, одна обыкновенная рукопись стоила пятьсотъ рублей серебромъ только въ письмѣ, не считая пермагина, который долженъ былъ быть весьма дорогъ, ибо не дѣлался въ Россіи, а привозился изъ-за границы.

[2]) Для большей убѣдительности укажемъ на примѣръ изъ позднѣйшаго времени. Наша Троицкая Лавра составляла свою библіотеку рукописей, если считать концемъ составленія конецъ XVII вѣка, въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ съ половиной. Не будучи богата совсѣмъ такъ, какъ владѣтельный государь, она тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, располагала средствами огромными. И однако въ продолженіе трехъ сотъ съ половиной лѣтъ она успѣла составить библіотеку рукописей никакъ не превосходившую полуторыхъ тысячъ книгъ или NN (800

Одна публичная библіотека на всю страну, это, по видимому, было слишкомъ мало, и этимъ, по видимому, слишкомъ недостаточно достигалась указанная нами выше цѣль ея учрежденія. Это и на самомъ дѣлѣ было не весьма много. Но, во-первыхъ, по тогдашнимъ условіямъ Руси, подобныхъ публичныхъ библіотекъ и въ дѣйствительности могло быть заведено немного, а именно только двѣ — въ Кіевѣ и еще въ Новгородѣ, ибо тогда только эти два города были на столько центральными городами не для однихъ своихъ округовъ, а и для всей Руси, чтобы въ нихъ можно было заводить съ дѣйствительнымъ смысломъ публичныя библіотеки, заводить же ихъ въ какихъ-либо другихъ городахъ значило бы затрачивать громадные труды и деньги для того, чтобы затрата принесла самую ничтожную пользу (дѣлать почти тоже, что — строить напримѣръ мостъ черезъ Волгу, чтобы доставить возможность ѣздить по немъ одной деревнѣ). Такимъ образомъ, устроивъ публичную библіотеку въ Кіевѣ, Ярославъ собственно сдѣлалъ половину дѣла. Мы не знаемъ, въ состояніи ли онъ былъ сдѣлать все дѣло, т. е. устроить двѣ библіотеки. Но во всякомъ случаѣ во второй библіотекѣ пока вовсе не было нужды, и то, что сдѣлалъ онъ, было все, что требовалось сдѣлать, ибо Новгородъ, какъ это мы положительно знаемъ, во времена Ярослава еще весьма далекъ былъ отъ того, чтобы сознавать нужду въ библіотекѣ христіанскихъ учителныхъ книгъ [1]).

Можетъ быть, иной читатель, не съ разу понимая дѣло, задастъ вопросъ: какимъ образомъ публичная библіотека, учрежденная Ярославомъ, должна была служить къ водворенію грамотности и книжности на Руси? На самомъ дѣлѣ это весьма просто и послѣ небольшаго думанья представится совершенно противоположный вопросъ: да какъ же бы иначе это могло и случиться? Чтобы водворилась книжность, нужно было, чтобы явились книги; чтобы явились книги, нужно было, чтобъ онѣ могли быть съ чего-нибудь списываемы; но съ чего стали бы ихъ списывать, если бы правительствомъ не заведено было для сего казенной публичной библіотеки? Книги, уже переведенныя на славянскій языкъ, нужно было доставать изъ Болгаріи; книги, еще не переведенныя, но желаемыя въ переводѣ, нужно было доставать въ подлинникахъ изъ Греціи и потомъ переводить: возможно ли это было для частныхъ лицъ? Еслибы Ярославъ не сдѣлалъ того, что онъ сдѣлалъ, то нѣтъ сомнѣнія, мы все-таки не остались бы безъ книжности, но тогда мы не за разъ получили бы совершенно достаточный для насъ кругъ учительной пись-

---

находятся до настоящаго времени на лицо; около двухъ сотъ, если не гораздо менѣе, взято въ Московскую Духовную Академію; остальныя пятьсотъ полагаемъ на взятыя въ разное время въ Москву къ царю и патріарху и на утраченныя во время пожаровъ).

[1]) См. лѣтопись подъ 1071 г.; обстоятельно будетъ ниже.

менности, а все мало-мальски необходимое пріобрѣтали бы, говоря почти безъ преувеличенія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Лѣтопись ничего не говоритъ намъ, но по соображенію со свѣдѣніями о позднѣйшемъ времени и по самой вѣроятной естественности дѣла необходимо предполагать, что заведенная Ярославомъ въ Кіевѣ публичная библіотека тотчасъ же породила особое сословіе ремесленниковъ — книжныхъ писцовъ, что писцы эти, представлявшіе собою древнія типографіи, начали списывать — списывать и продавать книги, и что такимъ образомъ и пошла книжность...

Не знаемъ, имѣлъ ли въ виду Ярославъ, учреждая свою библіотеку, необходимость ея еще въ одномъ весьма важномъ отношеніи. Книги тогда были письменныя, а не печатныя; если ошибки возможны при печатаніи, то онѣ въ десять разъ болѣе возможны при письмѣ. Чтобы, по мѣрѣ списыванія, отъ писца къ писцу, ошибки совсѣмъ не переполнили книгъ, необходимо было, чтобы существовали возможно исправные списки, по которымъ новые списки могли бы быть правимы, чтобы существовали, какъ называли у насъ въ старое время таковые списки, — «добрые переводы». Но гдѣ могли бы искать писцы книжные и вообще кто бы то ни было добрыхъ переводовъ, еслибъ они не находились въ публичномъ, общеизвѣстномъ и общедоступномъ мѣстѣ?

Итакъ, Владиміръ былъ крестителемъ Руси, а Ярославъ насадителемъ въ ней книжности, ея — если можно такъ выразиться — ограмотителемъ.

Мы уже говорили выше, что общенародную грамотность, которая предполагаетъ только умѣнье читать и о которой мы говорили сейчасъ, должно отличать отъ настоящаго просвѣщенія, какъ вещи отъ нея особой.

Послѣ Владиміра, нѣтъ сомнѣнія, заботился о поддержаніи просвѣщенія въ высшемъ классѣ общества и Ярославъ, хотя мы и не имѣемъ относительно того никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ. Необходимо предполагать это, во-первыхъ, потому, что дѣло начато было слишкомъ недавно, чтобы уже успѣли охладѣть къ нему и махнуть на него рукою; во-вторыхъ, Ярославъ былъ вовсе не такой человѣкъ, который способенъ былъ бросить хорошія начинанія своего отца. Если отъ его заботъ о воспитаніи собственныхъ дѣтей (о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже) можно заключать къ его заботамъ и вообще о просвѣщеніи, то необходимо думать, что онъ заботился о немъ никакъ не менѣе Владиміра [1]).

Достраивая зданіе русской церкви, до половины возведенное Владиміромъ, Ярославъ продолжалъ заботиться объ окончаніи и того, что

---

[1]) Что сообщаемое лѣтописями подъ 1030 г. извѣстіе о приказаніи набрать въ Новгородѣ отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300 сюда не идетъ, объ этомъ сейчасъ ниже.

оставалось не совсѣмъ конченнымъ уже въ прежде возведенной его части. Тотчасъ послѣ приступа къ крещенію народа Владиміръ приказалъ рубить церкви по городамъ и ставить къ нимъ священниковъ. Спустя нѣкоторое время, нѣтъ сомнѣнія, онъ приказалъ рубить первыя и ставить вторыхъ не только по городамъ, но и по селамъ. Но все-таки для всей Руси тѣхъ и другихъ требовалось такъ много, что во все время его правленія однихъ не могло быть нарублено, а другихъ наставлено въ достаточномъ количествѣ. Ярославъ, по свидѣтельству лѣтописи, усердно заботился объ умножаніи священниковъ и церквей, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и его заботы все-таки еще не привели къ тому, чтобы священниковъ и церквей стало совсѣмъ достаточно. Примѣръ Новгорода показываетъ, что въ правленіе Ярослава дѣло о приготовленіи кандидатовъ въ священники лежало еще всецѣло на попеченіи правительства. Подъ 1030 годомъ лѣтописи сообщаютъ, что Ярославъ, пришедъ въ Новгородъ, собралъ отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300 человѣкъ и повелѣлъ ихъ учить книгамъ. Извѣстіе это, обыкновенно не совсѣмъ правильно понимаемое, хочетъ сказать, что Ярославъ приказалъ набрать у старостъ, которые были представителями крестьянскихъ обществъ, и чрезъ нихъ самихъ — крестьянскихъ (но не ихъ собственныхъ) дѣтей [1]), и также дѣтей священническихъ и раздать тѣхъ и другихъ учить грамотѣ съ цѣлью приготовленія въ священники. Если еще само правительство должно было заботиться о приготовленіи кандидатовъ въ священники въ Новгородѣ, то оно же, конечно, должно было заботиться о нихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Всегда бываетъ такъ, что люди, дѣлая что-нибудь, вмѣстѣ съ необходимымъ заботятся, если это бываетъ возможно, о красотѣ, приличіи, достоинствѣ, смотря по тому, которое изъ этихъ качествъ требуется, вообще о внѣшней видимости и представительности. Естественно, что и основатели русской церкви заботились не только о томъ, чтобъ она была, но и о томъ, чтобъ она имѣла достойную внѣшность.

Владиміръ началъ эти заботы построеніемъ Десятинной церкви; Ярославъ продолжилъ ихъ, соединивъ съ того же рода заботами государственныя. Съ принятіемъ христіанства Русь стала государствомъ

[1]) Дѣти могли быть набраны — или для ученія наукамъ, въ видахъ просто образованія, или для ученія грамотѣ съ спеціальною цѣлію приготовленія во священники. Въ первомъ случаѣ были бы набраны дѣти нарочитой чади или высшей аристократіи, къ которой старосты вовсе не принадлежали; во-второмъ случаѣ мальчики должны были набираться просто изъ низшихъ классовъ и не могло быть никакой причины, чтобъ ихъ захотѣли набрать именно изъ дѣтей старостъ. Что извѣстіе лѣтописей нужно понимать именно такъ, какъ мы его понимаемъ, это показываетъ и образъ ихъ выраженія. Онѣ не говорятъ: старостиныхъ и поповыхъ дѣтей, но отъ старостъ и поповыхъ дѣтей.

европейскимъ. Слѣдовательно, и о представительности Кіева надлежало позаботиться не только какъ столицы церкви, но и какъ столицы государства европейскаго. Порядочная столица непремѣнно должна была имѣть приличный «Кремль» или то, что въ тогдашнее время называлось въ собственномъ смыслѣ городомъ. Кремль или городъ Кіева первоначальный, до-олеговскій, былъ малъ и ничтоженъ, что даетъ знать лѣтопись, когда называетъ его уменьшительно «градкомъ» [1]). Владимиръ построилъ свой новый городъ на томъ бывшемъ до него загородьи, гдѣ стоялъ княжескій загородный теремъ и гдѣ было главное мольбище Кіевлянъ, и гдѣ потомъ онъ (Владимиръ) поставилъ церкви св. Василія и Десятинную [2]). Но, вѣроятно, и этотъ второй городъ не соотвѣтствовалъ достоинству столицы государства: Ярославъ построилъ третій городъ, о сравнительной обширности котораго свидѣтельствуетъ лѣтопись, называя его «городомъ великимъ». Подражая Константинополю, который былъ и долженствовалъ быть для насъ идеаломъ, Ярославъ назвалъ главные въѣздные ворота въ городъ Золотыми,—нѣтъ сомнѣнія, устроивъ ихъ до нѣкоторой степени соотвѣтственно первообразу и украсивъ соотвѣтственно имени. На воротахъ была поставлена церковь во имя Благовѣщенія съ тою цѣлью, по изъясненію митрополита Иларіона, «да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвици, будетъ и граду сему; къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою» [3]). Въ своемъ новомъ городѣ Ярославъ построилъ новый великокняжескій дворецъ, который служилъ резиденціей для послѣдующихъ великихъ князей, и который, если не былъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ, что мы не знаемъ, то по крайней мѣрѣ былъ сравнительно обширенъ, ибо въ отличіе отъ другихъ, существовавшихъ въ Кіевѣ и близъ него княжескихъ дворцовъ, называется «великимъ дворомъ» [4]).

Этими гражданскими постройсками сдѣлавъ Кіевъ малымъ Константинополемъ, какъ столицу государства, Ярославъ хотѣлъ затѣмъ сдѣлать его таковымъ же и относительно святыни христіанской. Въ своемъ новомъ городѣ онъ воздвигъ храмъ Софіи — Премудрости Божіей, въ со-

---

[1]) Подъ 862 г., въ разказѣ о занятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ.

[2]) Обстоятельную топографію Кіева см. ниже.

[3]) Ярославовы Золотыя ворота, на которыхъ была поставлена церковь, формою своей не должны были или по крайней мѣрѣ мало должны были походить на Константинопольскія золотыя ворота. Послѣднія, существующія до настоящаго времени, представляютъ изъ себя двѣ высокія квадратныя мраморныя башни и между ними таковую же стѣну съ тремя въ этой послѣдней воротами, изъ которыхъ середнія, нѣтъ сомнѣнія, были царскими.

[4]) Ипатск. лѣтопись подъ годами 1146, 1150 три раза и 1154, (2-го изд. стрр. 229, 276, 279, 288, 326); ср. Лаврент. лѣтоп. подъ 1151 г.

отвѣтствіе знаменитой Софіи Константинопольской. Съ этою послѣднею Софіей, которая въ то время была буквально единственнымъ храмомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, воздвигнутая Ярославомъ Софія не имѣла ничего общаго, кромѣ имени (вовсе не будучи и по формѣ уменьшеннымъ ей подражаніемъ, какъ это обыкновенно думаютъ), но сравнительно съ тѣмъ, что было тогда у другихъ новыхъ народовъ, она несомнѣнно была храмомъ великолѣпнымъ, храмомъ, которымъ имѣли полное право гордиться Русскіе, и о которомъ современники безъ хвастовства могли говорить, что она есть «церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, яко же ина не обрящется во всѣмъ полунощи земленѣмъ отъ востока до запада» [1]). Близъ церкви св. Софіи Ярославъ построилъ два княжескихъ или—если можно такъ выразиться—придворныхъ монастыря, мужской — въ честь ангела своего св. Георгія, и женскій — въ честь ангела супруги своей св. Ирины. Сдѣлавъ для гражданскаго и церковнаго украшенія Кіева сейчасъ нами указанное, Ярославъ, конечно, не сдѣлалъ его и ни въ какомъ отношеніи подобнымъ одной изъ теперешнихъ столицъ; но все измѣряется и оцѣнивается относительно, — для своего времени и это немногое было такъ много, что престольный городъ Руси получилъ оттолѣ право называться «славнымъ и великимъ градомъ [2]).

Владимиръ и Ярославъ были насадителями христіанства на Руси: первый крестилъ ее внѣшнимъ образомъ, второй просвѣтилъ ее учительными книгами, давъ ей средства перейдти отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему. Дѣло еще далеко не было совсѣмъ окончено, — внѣшнимъ образомъ оставалась не крещенною еще цѣлая половина Руси, внутреннимъ и истиннымъ христіанство начинало становиться еще только въ самомъ Кіевѣ; тѣмъ не менѣе Русь стала ужь отселѣ страною несомнѣнно и вполнѣ христіанскою. Въ первомъ отношеніи христіанство было водворено въ ней еще не вполнѣ, но уже совершенно прочно и безповоротно, во второмъ отношеніи христіанство еще только начиналось, но для него уже было сдѣлано то, чтобъ оно на этомъ началѣ не остановилось: въ томъ и другомъ отношеніи времени оставалось продолжать и доканчивать свое.

---

[1]) Слова митр. Иларіона.
[2]) Онъ же.

III.

Окончательное распространеніе христіанства на Руси послѣ Владимира.

Мы сказали выше, что Владиміръ крестилъ половину Руси, которая по своему населенію была чисто русская, и оставилъ не крещенною другую половину, которая была по населенію или инородческою, какъ области Ростовская и Муромская съ значительною частью области Новгородской, или хотя славянскою, но не чисто русскою, какъ земля Вятичей. Когда мы говоримъ, что Владиміръ крестилъ русскую половину Руси, то, какъ уже замѣчали прежде, это нужно понимать не такъ, что онъ крестилъ въ ней всѣхъ до одного человѣка, а такъ, что онъ крестилъ большинство жителей, что онъ объявилъ христіанство вѣрою, которая должна быть принята всѣми и что онъ запретилъ язычество. Посредствомъ укрывательства, которое было очень возможно, нѣтъ сомнѣнія, еще весьма многіе остались язычниками, а такимъ образомъ и въ этой крещеной части Руси христіанство могло водвориться совершенно только со временемъ. Съ какою постепенностію оно водворялось здѣсь и какъ скоро окончательно водворилось, относительно всего этого мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній, и слѣдовательно остается просто предполагать, что оно водворялось мало по малу, по мѣрѣ теченія времени. Подобнымъ же образомъ, совсѣмъ не имѣя свѣдѣній объ окончательномъ и совершенномъ водвореніи христіанства и въ названныхъ нами инородческихъ и иноплеменныхъ областяхъ, мы скажемъ только о томъ, что̀ намъ извѣстно объ его въ нихъ насажденіи въ качествѣ вѣры, имѣвшей замѣнить собою язычество.

Если Кіевъ не оставилъ намъ достовѣрныхъ свѣдѣній о своемъ обращеніи въ христіанство, то тѣмъ менѣе мы вправѣ спрашивать этого отъ какихъ-нибудь глухихъ инородческихъ областей, въ которыхъ письменность началась слишкомъ не рано или совсѣмъ не начиналась до позднѣйшаго времени, изъ которыхъ однѣ слишкомъ не скоро начали помышлять, а другія и совсѣмъ не помышляли вести свои отдѣльныя лѣтописи [1]) и въ которыхъ устное преданіе, какъ это и всегда бываетъ въ глухихъ мѣстахъ, имѣло всю свою свободу и все свое приволье.

---

[1]) Выражаясь такимъ образомъ, что допускаемъ, какъ возможное, существованіе въ періодъ домонгольскій другихъ областныхъ лѣтописей, кромѣ лѣтописи Новгородской, мы имѣемъ въ виду ссылку Симона Владимирскаго на «старую лѣтопись Ростовскую» (въ Патерикѣ). Но, собственно говоря, мы находимъ

Мы сказали выше, что Владимиръ, руководясь побужденіями государственнаго благоразумія, не хотѣлъ крестить инородческой Руси силой и принужденіемъ. Сколько знаемъ и сколько можемъ предполагать, не было употреблено этой силы въ дѣлѣ ихъ обращенія и впослѣдствіи, и у всѣхъ у нихъ христіанство первоначально водворено было нравственными усиліями не вооруженныхъ, въ собственномъ смыслѣ проповѣдниковъ, а окончательно утвердилось вмѣстѣ съ ихъ обрусѣніемъ и вслѣдствіе сего послѣдняго.

Первыми водворителями христіанства въ Ростовѣ и его области были его епископы, каѳедра которыхъ была учреждена въ немъ при первомъ раздѣленіи Россіи на епархіи или при первомъ введеніи у насъ епархіальнаго управленія, что́ случилось на пятый годъ послѣ крещенія Владимира и на третій годъ послѣ его возвращенія изъ Корсуни, именно — въ 991 г. Не предполагая крестить инородцевъ силой и принужденіемъ, какъ это имѣло быть съ собственною Русью (которая крещена была не только проповѣдью, но и принужденіемъ), Владимиръ учредилъ въ Ростовѣ епископскую каѳедру, должно думать, потому, что въ этомъ слишкомъ отдаленномъ отъ собственной Руси городѣ сознавалась необходимось епископа для бывшей въ немъ колоніи Русскихъ и для чиновниковъ [1]), и что онъ представлялъ уже удобства для учрежденія каѳедры (каковыхъ, вѣроятно, не представлялъ не менѣе отда-

рѣшительно невѣроятнымъ допустить, чтобы въ инородческомъ, безграмотномъ и до начала XIII вѣка безкняжескомъ Ростовѣ велась своя лѣтопись, и думаемъ, что Симонъ называетъ лѣтопись Ростовскою въ несобственномъ смыслѣ или что наоборотъ что̀-нибудь Ростовское онъ называетъ лѣтописью въ несобственномъ смыслѣ (Всего вѣроятнѣе разумѣть у него диптихъ или сvнодикъ, т. е. поминальникъ Ростовской архіерейской каѳедры, каковые сvнодики, весьма возможно, даже прямо назывались лѣтописями, ибо въ древнее время слово лѣтопись употреблялось довольно въ обширномъ смыслѣ: запись на книгѣ — лѣтопись, подпись на иконѣ, на памятникѣ, на зданіи — лѣтопись, и пр. Такъ какъ первые епископы Ростовскіе были изъ монаховъ Печерскихъ, то и могло войдти въ Ростовѣ въ обычай — записывать въ поминальникъ имена всѣхъ архіереевъ, бывшихъ изъ монаховъ Печерскихъ, т. е. бывшихъ на какихъ бы то ни было каѳедрахъ, о чемъ говоритъ Симонъ. Но съ какой стати въ настоящей лѣтописи Ростовской велся бы обстоятельный списокъ архіереевъ, поставленныхъ изъ монаховъ Печерскихъ?).

[1]) Да припомнитъ читатель нынѣшній Туркестанскій край съ учрежденною въ немъ епископскою каѳедрой. Ростовъ былъ административнымъ центромъ весьма обширной области, а потому и чиновниковъ въ немъ и его области должно было находиться сравнительно очень много. Равнымъ образомъ и о колоніи Русскихъ слѣдуетъ думать, что она была здѣсь болѣе многочисленна, чѣмъ въ другихъ инородческихъ городахъ: крѣпость Ростова къ Русскому государству съ самаго древняго времени видна изъ того, что уже при Олегѣ въ немъ сидѣлъ важный или перваго разряда намѣстникъ великокняжескій, — лѣтоп. подъ 907 г.

ленный Муромъ); а затѣмъ епископы, конечно, съ самаго начала имѣли своею миссіей и то, чтобы не силой и принужденіемъ, а свободнымъ убѣжденіемъ склонять и обращать въ христіанство и инородцевъ. Первымъ Ростовскимъ епископомъ былъ Ѳеодоръ, Грекъ родомъ, какъ и всѣ вообще первые русскіе епископы. При содѣйствіи гражданской власти, которая олицетворялась тогда въ особѣ удѣльнаго князя [1]), руками язычниковъ или призванныхъ изъ крещеной Руси христіанъ, онъ построилъ въ Ростовѣ великолѣпный деревянный храмъ. Но его усилія, большія или малыя, сколько-нибудь водворить христіанство между здѣшними инородцами были совершенно напрасны. Вторымъ епископомъ былъ Иларіонъ, вѣроятно — также Грекъ, хотя позднѣйшее положительное свидѣтельство объ этомъ не имѣетъ ровно никакого историческаго авторитета. Проповѣдь между инородцами и этого втораго епископа также была безъуспѣшна. Позднѣйшее сказаніе, которое говоритъ о напрасныхъ усиліяхъ Ѳеодора и Иларіона водворить христіанство между Ростовцами, — баснословитъ, что оба епископа, одинъ за другимъ, «не терпяще невѣрія и досаженія людій, избѣгоша» съ своей каѳедры; но, не побѣдивъ невѣрія, они совершенно ограждены были отъ досажденій гражданскою властью [2]). Третьимъ Ростовскимъ епископомъ былъ св. Леонтій.

---

[1]) При Владимирѣ удѣльными князьями въ Ростовѣ были сначала Ярославъ, а потомъ Борисъ.

[2]) Извѣстія объ епископахъ Ѳеодорѣ и Иларіонѣ находятся въ житіи (точнѣе — въ сказаніи объ обрѣтеніи мощей) св. Леонтія Ростовскаго. Изъ многихъ редакцій этого послѣдняго (*Ключевскій*, Древнерусскія житія, какъ историческій источникъ, М. 1871, стр. 3 и слѣд.) имѣютъ нѣкоторое историческое значеніе извѣстія только первой изъ нихъ или древнѣйшей, извѣстія же всѣхъ остальныхъ, позднѣйшихъ суть, не что иное, какъ ни на чемъ не основанные простые вымыслы ихъ авторовъ. Первая редакція напечатана въ *Православ. Собесѣд.* 1858 г., кн. 1, стр. 301 и слѣд. Что Ѳеодоръ былъ Грекъ, это, какъ сказали мы, необходимо предполагать потому, что и всѣ самые первые епископы, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, были Греки. Что Иларіонъ былъ тоже Грекъ, это вѣроятно предполагать, во-первыхъ, потому, что въ его время большинство епископовъ было еще изъ Грековъ, что изъ Русскихъ они еще только начали быть ставимы, и что еслибъ онъ принадлежалъ къ послѣднимъ, то о семъ, какъ объ обстоятельствѣ замѣчательномъ, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь было-бы записано; во-вторыхъ, потому, что по извѣстіямъ, хотя и не совершенно достовѣрнымъ, даже и преемникъ Иларіона (св. Леонтій) былъ еще изъ Грековъ, а не изъ Русскихъ. — Думать вмѣстѣ съ позднѣйшими Ростовскими грамотниками и патріотами, будто первые Ростовскіе епископы были поставляемы и присылаемы патріархами Константинопольскими, значитъ — имѣть охоту вѣрить совершеннымъ нелѣпостямъ. Патріархи вообще ставили митрополитовъ, но не ставили епископовъ въ митрополіи, ибо не имѣли на это права; полагать, чтобы патріархи знали о Ростовѣ и прилагали о немъ особенное попеченіе, есть верхъ наивности, извинительной въ старыхъ Ростовскихъ патріотахъ, но ни въ комъ болѣе.

По однимъ не совершенно надежнымъ извѣстіямъ [1]), онъ былъ рожденіемъ и воспитаніемъ константинопольскій Грекъ; по другимъ, также не вполнѣ достовѣрнымъ [2]), онъ былъ постриженикъ Печерскаго монастыря, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе есть то, что былъ Русскій. Не совсѣмъ правдоподобнымъ образомъ примиряя извѣстія, хотятъ представлять дѣло такъ, что онъ былъ родомъ Грекъ, но, пришедши въ Россію, постригся и подвизался въ Печерскомъ монастырѣ, изъ котораго и былъ возведенъ на каѳедру. Если вѣрны наши свѣдѣнія о годѣ поставленія его преемника, то онъ занималъ каѳедру неизвѣстно сколь долгое время, до 1077 года [3]). Св. Леонтій успѣлъ сдѣлаться крестителемъ Ростова, чего напрасно добивались (если только впрочемъ дѣйствительно добивались) двое его предшественниковъ. Какъ онъ достигъ этого, т. е. какъ велъ онъ дѣло проповѣди, приведшее къ крещенію, подробности вовсе неизвѣстны. Писанное чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти житіе его говоритъ, что, оставивъ закоренѣлыхъ въ язычествѣ взрослыхъ, онъ старался учить дѣтей, что первые, бывъ раздражены его проповѣдью, рѣшились-было убить его, но что когда хотѣли они это сдѣлать, онъ вышелъ къ нимъ въ священныхъ ризахъ, съ соборомъ іерейскимъ и діаконскимъ, что они были поражены при этомъ чудеснымъ видѣніемъ лица его, какъ лица ангела и что вслѣдствіе этого и послѣдовало общее желаніе креститься. Проповѣдь двухъ первыхъ епископовъ, не имѣвшая прямыхъ послѣдствій, могла имѣть своимъ результатомъ по по крайней мѣрѣ то, что подготовила умы язычниковъ къ принятію христіанства, а церковь, построенная еще первымъ изъ нихъ, должна была непрестанно имъ проповѣдывать, что христіанства, принятаго во всей русской Руси, имъ не избыть. Обратившись съ проповѣдью по прибытіи на каѳедру и потомъ настоятельно обращаясь съ нею къ лучшимъ и болѣе другихъ уже обрусѣвшимъ гражданамъ, св. Леонтій и могъ наконецъ подѣйствовать на ихъ подготовленные умы, а примѣру ихъ послѣдовали и остальные, или, по крайней мѣрѣ, большинство сихъ послѣднихъ [4]).

---

[1]) Житія или сказанія объ обрѣтеніи мощей, о которомъ въ предъидущемъ примѣчаніи и которое (первая редакція) написано не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ послѣ смерти св. Леонтія.

[2]) Симона Владимирскаго въ посланіи къ Поликарпу, который писалъ еще позднѣе лѣтъ на 60 слишкомъ. Если однако принять, что Симонъ причисляетъ Леонтія къ постриженникамъ Печерскимъ на основаніи отмѣтки Ростовскаго каѳедральнаго синодика, — см. прим. выше, — то его показаніе нужно будетъ принимать какъ достовѣрное.

[3]) Извѣстны, нисколько не надежныя впрочемъ, записи, которыя относятъ его смерть къ 1072—1073 г. (*Ключевскаго*, Житія, стр. 13, прим. 2).

[4]) Что касается до крещенія Чудскаго конца города св. Авраміемъ, о чемъ повѣствуется въ его житіи, то во-первыхъ, Аврамій жилъ не въ началѣ XI в.

Преемникомъ св. Леонтія былъ св. Исаія [1]), родомъ Русскій, постриженникъ Печерскаго монастыря, послѣ котораго былъ игуменомъ въ Кіевскомъ Изяславовомъ монастырѣ св. Димитрія. Каѳедру Ростовскую, на которую возведенъ былъ съ сейчасъ помянутаго игументства, онъ занималъ съ 1077 по 1089 г., слѣдовательно въ продолженіе 12 лѣтъ [2]). Св. Исаія былъ преемникомъ св. Леонтія въ дѣлѣ апостольства и продолжателемъ его трудовъ. Не захотѣвшая креститься при первомъ часть жителей Ростова осталась не крещеною и при немъ, но онъ положилъ начало христіанству въ другихъ городахъ и мѣстахъ области Ростовской и соединенной съ нею области Суздальской. Мы уже говорили выше, что какъ во всемъ, такъ и въ дѣлѣ перемѣны вѣры, весьма важенъ былъ примѣръ старшихъ городовъ каждой области, которымъ во всемъ считали себя обязанными слѣдовать города младшіе. Примѣръ Ростова долженъ былъ подѣйствовать на другіе города области, вслѣдъ за которыми мало по малу должны были послѣдовать и принадлежавшія къ нимъ села. Сколь много успѣлъ сдѣлать св. Исаія, т. е. до какой степени успѣлъ водворить христіанство въ области Ростовской, мы не знаемъ. Весьма поздній жизнеописатель неопредѣленно говоритъ: «и обходитъ убо (Исаія) прочія грады и мѣста еже въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области и невѣрныхъ увѣщаетъ вѣровати въ Святую Троицу — Отца и Сына и Святаго Духа и просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ». Важнѣйшимъ горо-

---

при Владимирѣ и Борисѣ, а несравненно позднѣе, какъ это скажемъ и докажемъ ниже, и во-вторыхъ, подъ крещеніемъ, по всей вѣроятности, должно разумѣть не крещеніе въ собственномъ смыслѣ, а отвращеніе отъ языческаго суевѣрія людей уже крещеныхъ. Леонтій, по его житію, совершивъ крещеніе жителей Ростова, «съ миромъ къ Господу отъиде». Напротивъ того, Симонъ Владимирскій говоритъ, что язычники (оставшіеся не крещеными) послѣ многихъ мученій предали его смерти, почему и причисляетъ его къ мученикамъ. Извѣстіе Симона представляется совершенно невѣроятнымъ: что язычники могли имѣть желаніе убить епископа, это весьма возможно, но какъ допустила бъ ихъ сдѣлать это гражданская власть, про которую забываетъ Симонъ въ своемъ повѣствованіи? (Если Симонъ, называя Леонтія, будто бы потерпѣвшаго мученическую смерть, «третьимъ гражданиномъ небеснымъ Русскаго міра со онѣма Варягома», хочетъ сказать, что Леонтій пострадалъ ранѣе Бориса и Глѣба, то это будетъ крайняя у него несообразность: Печерскій монастырь, изъ котораго былъ, по словамъ Симона, Леонтій, явился спустя много времени послѣ мученичества Бориса и Глѣба).

[1]) Свѣдѣнія о немъ въ житіи его, которое написано въ концѣ XV вѣка, послѣ 1474 г. (*Ключевскаго* Житія, стр. 24). Оно напечатано въ *Православ. Собесѣдн.* 1858 г., кн. I, стр. 434.

[2]) Такъ по житію, но за полную достовѣрность хронологіи вовсе нельзя поручиться: cfr въ Патерикѣ Печерскомъ повѣствованіе Поликарпа (котораго впрочемъ мы тоже вовсе не относимъ къ числу повѣствователей совершенно достовѣрныхъ) о затворникѣ Никитѣ.

домъ въ области послѣ Ростова былъ Суздаль, составлявшій главный городъ частнѣйшей области Суздальской: необходимо предполагать, что на него прежде всего и обратилъ свое вниманіе святой Исаія. Подъ 1096 г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что въ семъ году уцѣлѣли въ Суздалѣ отъ пожара «дворъ монастырскій Печерскаго монастыря и церки, яже тамо (на дворѣ) есть св. Дмитрея, юже бѣ далъ Ефремъ и съ селы». Кто именно долженъ быть разумѣемъ здѣсь подъ Ефремомъ, остается неизвѣстнымъ, — если епископъ (митрополитъ) Переяславскій, что̀ обыкновенно предполагается, но что весьма мало вѣроятно [2]), то дача могла имѣть мѣсто еще при жизни Исаіи, ибо этотъ Ефремъ былъ его современникомъ; если-же его собственный преемникъ на Ростовской каѳедрѣ, что̀ не только гораздо вѣроятнѣе, но что̀ собственно говоря есть и единственно вѣроятное, то дача могла случиться только послѣ его смерти. Какъ бы то ни было, построеніе церкви, существовавшей въ 1096 г., со всею вѣроятностію можетъ быть относимо еще къ правленію Исаіи, а такимъ образомъ ему же со всею вѣроятностію можетъ быть усвояемо и крещеніе Суздаля. Представляется весьма правдоподобнымъ думать, что монахи Печерскіе, получившіе въ даръ отъ преемника Исаіина помянутую церковь, были и помощниками послѣдняго въ дѣлѣ крещенія города, ибо, какъ мы сказали выше, онъ самъ былъ изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря [1]).

Послѣ смерти Ярослава Великаго область Ростовская присоединена была къ удѣлу Переяславля Русскаго или Кіевскаго и досталась младшему его сыну Всеволоду. Сынъ этого послѣдняго, знаменитый Владиміръ Мономахъ, въ своей молодости многократно путешествовалъ въ Ростовъ, и какъ мы имѣемъ положительныя доказательства, весьма любилъ

---

[1]) Епископъ Переяславскій Ефремъ, носившій по особымъ обстоятельствамъ титулъ митрополита, но вовсе не бывшій митрополитомъ Русскимъ или Кіевскимъ, какъ это ошибочно полагаютъ, могъ имѣть только то отношеніе къ епархіи Ростовской, что она была въ одномъ удѣльномъ княженіи съ его собственною. Епископъ Ростовскій Ефремъ также, какъ и Исаія, бывшій изъ монаховъ Печерскихъ (въ Патерикѣ у Симона называемый Суздальнымъ), и вѣроятно, непосредственно преемствовавшій ему на каѳедрѣ, построилъ въ Суздалѣ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ каменную церковь св. Богородицы (Лавр. лѣт. подъ 1222 г.). Не знаемъ, когда это случилось, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1125 г., когда умеръ Владиміръ Мономахъ; а такъ какъ въ городахъ только что обращенныхъ не строили церквей каменныхъ, то построеніе таковой церкви въ Суздалѣ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что онъ обращенъ былъ задолго до 1125 г.

[2]) А что касается до церкви св. Димитрія, то представляется столько же вѣроятнымъ думать, что Исаія построилъ ее въ честь того св. Димитрія, у котораго онъ былъ въ Кіевѣ игуменомъ.

его и его область [1]). Такъ какъ молодость Мономаха именно падаетъ на годы управленія Ростовской каѳедрой св. Исаіи [2]), то со всею вѣроятностію можно и должно предполагать, что епископъ въ своей апостольской дѣятельности находилъ самаго усерднаго и ревностнаго помощника въ истинно и усердно благочестивомъ князѣ, насколько это было въ средствахъ послѣдняго и насколько это отъ него зависѣло.

Много или мало успѣлъ св. Исаія распространить христіанство въ области Ростовской, во всякомъ случаѣ онъ успѣлъ положить то первое начало, которое было важнѣе всего и за которымъ, скоро или нескоро, но необходимо долженъ былъ послѣдовать желаемый конецъ. Дальнѣйшему болѣе или менѣе быстрому распространенію христіанства въ области должна была весьма много содѣйствовать власть гражданская, которая, съ одной стороны, при положенномъ твердомъ началѣ могла уже безъ опасенія употреблять силу и понужденіе, а съ другой стороны — должна была споспѣшествовать цѣли умноженіемъ храмовъ. Область Ростовская состояла собственно изъ трехъ областей — области Ростовской въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, области Суздальской и Бѣлозерья. Послѣ св. Бориса область Ростовская не имѣла своихъ князей въ продолженіе цѣлаго столѣтія до начала XII вѣка [3]). Съ этого времени въ ней снова явились князья, но первенствующая роль при этомъ оказалась не за Ростовомъ, а за Суздалемъ. Первый удѣльный князь, данный области Ростовской въ началѣ XII вѣка, былъ князь не Ростовскій, а Суздальскій [4]). Вскорѣ область Суздальская въ новооснованномъ Владимірѣ стала даже центромъ всей Руси, Ростовъ же началъ имѣть своихъ собственныхъ удѣльныхъ князей не ранѣе, какъ съ 1207 года [5]). Князья области Суздальской

[1]) О путешествіи Мономаха въ Ростовъ см. въ его духовной грамотѣ. Объ его любви къ Ростову и къ Ростовской области свидѣтельствуетъ то, что въ первомъ онъ построилъ весьма хорошую церковь, бывшую предметомъ его особенныхъ заботъ (по совершенному подобію кіевской Печерской церкви, въ которую онъ присылалъ изъ Кіева иконы, Патер. Печерск.), а во второй основалъ новый городъ въ свое имя (Владиміръ Кляземскій).

[2]) Мономахъ родился въ 1053 году; слѣдовательно, во время правленія Исаіи приходится 24—36 годы его жизни.

[3]) Мономахъ, какъ сейчасъ мы сказали, много разъ посѣщалъ область Ростовскую, но не видно, чтобъ онъ былъ ея удѣльнымъ княземъ; сынъ его Мстиславъ былъ посаженъ на столъ Ростовскій (1095 г.), но оставался на немъ весьма недолго.

[4]) Младшій сынъ Мономаха Юрій Долгорукій, посланный отцемъ въ Суздаль около 1105 г. (въ весьма молодыхъ годахъ, Симонъ въ Патерикѣ — въ разказѣ о созданіи церкви Печерской, а онъ женатъ былъ въ 1107 г., — лѣтоп.).

[5]) Въ 1175 г. Ростовцы посадили было у себя Мстислава Ростиславича, племянника Боголюбскаго, но онъ сидѣлъ у нихъ весьма недолго, и рядъ постоянныхъ князей Ростовскихъ начинается именно съ 1207 года, съ Константина Всеволодовича.

были въ тоже время князьями и области Ростовской, но такъ какъ, конечно, сначала они заботились о первой и потомъ ужь о второй, то на семъ основаніи необходимо предполагать, что окончательно христіанство водворено было скорѣе не въ области Ростовской, а въ Суздальской. Въ глухомъ и обширномъ Бѣлозерьи, которое начало имѣть своихъ отдѣльныхъ князей только уже послѣ нашествія Монголовъ, христіанство распространялось, нѣтъ сомнѣнія, весьма медленно и окончательно водворено было весьма поздно [1]).

Позднее сказаніе приписываетъ крещеніе Мурома князю Константину Святославичу, внуку Ярослава Великаго, правнуку Владимира Святаго, подъ которымъ, очевидно, долженъ быть разумѣемъ Ярославъ Святославичъ, первый князь Муромскій послѣ св. Глѣба и родоначальникъ послѣдующаго дома князей Муромскихъ и Рязанскихъ, посаженный въ Муромѣ въ 1096 г. и послѣ 33-лѣтняго въ немъ княженія умершій въ 1129 г. [2]). Заставляя жить этого князя на цѣлое столѣтіе позднѣе противъ его дѣйствительнаго времени, сказаніе представляетъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Послѣ св. Глѣба, который напрасно старался обратить Муромцевъ въ христіанство, они жили сами о себѣ, пребывая въ поганствѣ и зли суще, въ продолженіе двухъ сотъ слишкомъ лѣтъ. Наконецъ, Богъ вдохнулъ въ сердце помянутому князю Константину Святославичу желаніе стать просвѣтителемъ Мурома, и онъ началъ проситься у отца, чтобы тотъ отпустилъ его господствовать въ Муромѣ. Отпущенный отцомъ и снабженный имъ для взятія города войскомъ, Константинъ отправилъ впереди себя увѣщевать Муромцевъ сдаться и покориться сына своего Михаила. Когда Муромцы убили этого послѣдняго, Константинъ подступилъ къ городу, чтобы взять его силою. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, Муромцы сдались и пустили къ себѣ князя, но рѣшительно не хотѣли принимать христіанства. Наконецъ Богъ, услышавъ продолжительныя и горячія молитвы князя, смягчилъ сердца упорныхъ людей и они изъявили желаніе креститься.

---

1) Ссылаясь чрезъ автора Исторіи Росс. Іерархіи на лѣтописца Устюжскаго, относятъ къ XI вѣку существованіе монастыря Троицкаго Гледенскаго, находящагося близъ Устюга. Но лѣтописецъ Устюжскій у автора Исторіи Іерархіи (III, 694) этого не говоритъ, а только самъ послѣдній предполагаетъ это. Предполагать то же самое вмѣстѣ съ нимъ мы находимъ совершенно невозможнымъ. Затѣмъ, слѣдуя тому же автору Исторіи Іерархіи, относятъ къ тому же XI вѣку основаніе монастыря Челмогорскаго или Челменскаго, находившагося въ 43 верстахъ къ сѣверозападу отъ Каргополя при озерѣ Челмогорскомъ. Но, не говоря о совершенной невѣроятности дѣла самого по себѣ, въ житіи преп. Кирилла, основателя монастыря, прямо говорится, что онъ пришелъ «на Челму гору въ лѣто 6824», т. е. въ 1316 г. (*Ключевскій*, стр. 321).

2) Житіе Муромскихъ князей Константина, и чадъ его, Михаила и Θеодора, о времени написанія и о редакціяхъ котораго см. у *Ключевскаго*, стр. 287.

Весь этотъ разказъ есть не что иное, какъ вымыслъ, не знаемъ — обязанный ли своимъ происхожденіемъ общимъ силамъ Муромцевъ или того одного ритора XVI вѣка, который написалъ сказаніе. Послѣ св. Глѣба Муромъ не отпадалъ отъ власти Руси и не жилъ самъ о себѣ, но, оставаясь подъ помянутою властію, принадлежалъ съ своею областію къ удѣлу Черниговскому [1]). Князь Ярославъ Святославовичъ, не имѣвшій нужды брать Мурома силой, а просто получившій его себѣ въ удѣлъ (изъ удѣла Черниговскаго), не могъ быть его первымъ крестителемъ потому, что въ 1096 году, въ которомъ онъ былъ посаженъ на княженіе Муромское (не отцомъ, котораго давно не было въ живыхъ, а старшимъ братомъ Олегомъ), въ городѣ Муромѣ существовалъ уже монастырь [2]), изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что въ немъ было уже христіанство.

Какимъ проповѣдникамъ Муромъ обязанъ своимъ христіанствомъ, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ, принадлежа къ удѣлу Черниговскому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежалъ и къ епархіи Черниговской, то самое вѣроятное предполагать тутъ труды епископовъ Черниговскихъ и лицъ, ими посыланныхъ и отъ нихъ приходившихъ.

Существованіе монастыря въ Муромѣ въ 1096 г. показываетъ, что христіанство, бывъ водворено въ немъ не непосредственно передъ симъ годомъ, а по крайней мѣрѣ лѣтъ за 10 — за 15, и слѣдовательно — первое введеніе его въ немъ должно быть относимо по крайней мѣрѣ къ 1085—1080 г., что̀ будетъ значить, что Муромъ крестился спустя лѣтъ 20—15 послѣ Ростова, и именно въ то самое время, какъ христіанство, бывъ распространяемо въ области Ростовской, явилось въ ближайшемъ къ нему городѣ сей послѣдней — Суздалѣ. Что князь Ярославъ или Константинъ Святославичъ, княжившій въ Муромѣ цѣлые 33 года, не бывъ первымъ его крестителемъ, могъ много содѣйствовать распространенію и утвержденію въ немъ христіанства, это совершенно вѣроятно, хотя положительнаго пока мы ничего и не знаемъ [3]).

Къ области Муромской принадлежала область Рязанская. О крещеніи ея мы тоже не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Такъ какъ

---

[1]) Въ 1088 г. Муромъ взяли Болгары, но взяли не затѣмъ, чтобы удержать его за собою, а только затѣмъ, чтобы ограбить.

[2]) Спаса, Лаврент. лѣт., изд. 2 стр. 229.

[3]) Съ другой стороны, то обстоятельство, что Ярославъ Святославичъ въ свое долговременное правленіе не построилъ въ Муромѣ церкви, которая при немъ или послѣ него стала бы соборомъ, не говоритъ въ пользу его особеннаго усердія объ утвержденіи христіанства въ Муромѣ. По сказанію, онъ погребенъ былъ съ своими сыновьями Михаиломъ мученикомъ (по сказанію) и другимъ Ѳедоромъ въ построенной имъ церкви Благовѣщенія, на мѣстѣ которой воздвигнутъ былъ монастырь, какъ увѣряетъ то же сказаніе, по приказанію царя Ивана Васильевича Грознаго (*Карамзинъ*, II, прим. 153, стр. 70).

Рязань была ближе къ Чернигову, главному городу всего удѣла и мѣстопребыванію областнаго епископа, и такъ какъ она представляла собою часть инородческой области Муромской непосредственно сосѣднюю съ собственною Русью, крещеною съ самаго начала, то съ совершенною вѣроятностію должно предполагать, что она стала христіанскою раньше Мурома и во всякомъ случаѣ не позднѣе его.

Вятичи съ Радимичами, бывъ не инородцами, а тѣми же Славянами, только иного племени, крещены были значительно позднѣе, чѣмъ помянутые выше инородцы [1]). Изъ всѣхъ извѣстій, которыя мы имѣемъ, видно, что съ этими древними Поляками на нашей территоріи князьямъ нашимъ было столько же хлопотъ, сколько намъ съ современными. Бывъ въ первый разъ покорены еще Олегомъ и потомъ бывъ много разъ снова покоряемы, они оставались только данниками Руси, весьма плохо признававшими ея власть и имѣвшими своихъ собственныхъ князей, не менѣе какъ до конца XI вѣка: Владиміръ Мономахъ въ своей духовной грамотѣ въ числѣ своихъ военныхъ походовъ упоминаетъ о трехъ походахъ на Вятичей и на ихъ князей. Пока Вятичи оставались Вятичами, т. е. пока область ихъ, находясь только въ нѣкоторомъ подданствѣ Руси, управлялась своими собственными князьями, нечего было и думать о томъ, чтобы пытаться крестить ихъ. Эти попытки могли начаться только тогда, когда Вятичи были совершенно покорены Русскими, и когда, лишенные своихъ князей, они получили правительство въ лицѣ русскихъ чиновниковъ, что случилось не ранѣе конца XI вѣка (вѣроятно, послѣ упомянутыхъ выше походовъ Владиміра Мономаха). Область Вятичей до совершеннаго покоренія числилась принадлежащею, а послѣ покоренія дѣйствительно стала принадлежать къ удѣльному княжеству Черниговскому. По всей вѣроятности, стараніями Черниговскихъ князей и епископовъ христіанство мало по малу и было между ними водворено. Положительнаго объ этихъ стараніяхъ мы однако же совершенно ничего не знаемъ. Изъ немалаго, вѣроятно, числа проповѣдниковъ, трудившихся надъ обращеніемъ особенно упорныхъ въ язычествѣ людей, мы знаемъ только одного сторонняго,— это монахъ Печерскаго монастыря св. Кукша, который жилъ около половины XII вѣка и который, неизвѣстно сколько Вятичей крестивъ, отъ некрещеныхъ потерпѣлъ мученическую смерть. Исторія этого крестителя Вятичей даетъ предполагать, что христіанство тогда еще только вводи-

[1]) Область ихъ мы указали выше, именно—первые занимали сѣверный уголъ губерніи Черниговской и губерніи Орловскую и Калужскую, а вторые—восточную половину губерніи Могилевской (кромѣ указанныхъ нами выше нынѣшнихъ городовъ, въ землѣ Вятичей упоминаются неизвѣстныя намъ мѣста и мѣстности: Блеве, Болдыжъ, Воробеинъ, Вщижъ, Вятичъ, Домагощь, Обловь, Подесенье (по р. Деснѣ), Ярышевъ,—Ипатск. лѣт., Index, Корьдно — въ грамотѣ Мономаха; въ землѣ Родимичей = рѣка Пищана или Песчана, — лѣтоп. подъ 984 г.).

лось между ними: если язычники дерзнули поднять на него руки въ виду русскихъ властей, то ясно, что онъ былъ изъ числа самыхъ первыхъ проповѣдниковъ, когда язычество было еще во всей своей силѣ и еще ни малѣйше не думало уступать мѣста христіанству. Всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о Вятичахъ, заставляютъ предполагать, что послѣднее распространялось между ними весьма медленно и окончательно водворилось весьма не скоро [1]).

Новгородцы съ Ладожанами и Изборяно-Псковичами представляли собою на своемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства славянскихъ колонистовъ, которые, пришедъ откуда-то, поселились въ инородческой, Чудской или Финнской, землѣ и которые, объявивъ себя господами инородцевъ и высшими собственниками всей ихъ обширной территоріи, дѣйствительно или номинально подчинивъ ихъ своей власти (подобно тому, какъ Европейцы занимаютъ земли дикарей въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи), основали между ними свое промыленно-торговое (эксплуататціонное) государство [2]). Должно полагать, что это основаніе колоніи имѣло мѣсто болѣе или менѣе задолго до основанія нашего государства Рюрикомъ. Но съ другой стороны столько же вѣроятнымъ представляется думать, что въ періодъ времени, прошедшій отъ основанія колоніи до введенія въ Россіи христіанства Владиміромъ, обрусѣніе инородцевъ шло весьма медленно и что къ минутѣ этого введенія отношеніе между Славянами и инородцами было въ своеобразномъ государствѣ почти такое же, какое въ Кіевѣ между Варягами и Славянами. На этомъ основаніи необходимо думать, что Владиміромъ крещены были въ области Новгородской только самые, весьма немногіе, города — Новгородъ, Ладога, Псковъ, и что затѣмъ вся остальная сельско-деревенская земля была предоставлена будущему времени. О послѣдующемъ крещеніи обширной области Новгородской, древніе предѣлы которой могутъ быть опредѣлены только неопредѣленнымъ: «куда коса и топоръ ходили», мы также ничего не знаемъ,

---

[1]) Есть легенда о крещеніи Мценянъ, въ которой утверждается, что до половины XV вѣка «во градѣ Мценскѣ мнози (оставались) невѣрующе въ Христа Бога нашего», и что окончательно христіанство было въ немъ водворено въ 1445 г. вел. кн. Василіемъ Дмитріевичемъ и митрополитомъ Фотіемъ, съ употребленіемъ большой воинской силы, см. *Русск. Вивліоѳ.*, изд. *Полевымъ*, I, стр. 361 (въ 1445 г. великимъ княземъ былъ Василій Васильевичъ Темный, а митрополита послѣ Исидора не было; Василій Дмитріевичъ 1389—1425, митрополитъ Фотій 1408—1431).

[2]) Новгородцы потому и удержали общее или народное имя Славянъ, вмѣсто принятія какого-нибудь частнаго или племеннаго, что были Славяне поселившіеся между неславянами. Что касается до вопроса—откуда они пришли, то мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ мнѣніе наиболѣе простое и котораго, если и не ошибаемся, держится большинство, именно—что они пришли весьма не издалека и были ἄποικοι (выселенцы) сосѣднихъ съ Финнами Кривичей.

какъ и о крещеніи другихъ областей, о которыхъ говорили выше. Нужно вообще полагать, что христіанство мало по малу распространялось въ области не столько нарочитыми стараніями Новгородцевъ, которыя предполагать въ нихъ мы имѣемъ весьма мало основаній, сколько само собою по мѣрѣ обрусѣнія инородцевъ, которые, превращаясь въ Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или вслѣдъ затѣмъ обращались и въ христіанство. Инородцы ближайшей къ Новгороду округи должны были скоро или нескоро обрусѣть сплошною массой, а слѣдовательно и христіанство скоро или не скоро должно было явиться здѣсь вѣрою цѣлаго населенія. Но въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ обрусѣніе, конечно, совершалось только въ видѣ появленія бо́льшихъ или меньшихъ отдѣльныхъ и разбросанныхъ пятенъ на сплошной инородческой массѣ, по мѣрѣ того какъ возникали въ средѣ инородцевъ города и поселенія съ чисто Русскимъ населеніемъ. Подобнымъ образомъ, идя вслѣдъ за обрусѣніемъ, должно было распространяться въ этихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ и христіанство [1]).

Нарочитыми борцами за язычество противъ христіанства, какъ мы говорили, долженствовали быть у насъ волхвы, которые не были жрецами въ собственномъ смыслѣ, каковыхъ у насъ вообще не было, но которые были у язычниковъ профессіональными служителями религіи, какъ прорицатели будущаго и какъ люди призванные творить чудесное, — «волшвеное» или волшебное (на помощь людямъ во всякихъ ихъ дѣлахъ), ибо прорицаніе и волшебство составляли необходимый элементъ всякаго язычества. Положительныхъ извѣстій объ этой борьбѣ, которая не могла быть, какъ мы сказали, упорною и опасною, мы имѣемъ весьма

---

[1]) Положительныя извѣстія о крещеніи инородцевъ области Новгородской состоятъ единственно въ томъ, что, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ «пославъ крести множество Корѣлъ, мало не всѣ люди» (Лаврент., 2 изд. стр. 427). На юго-восточной окраинѣ Новгородскихъ владѣній въ нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Тверской губерніи Торжкѣ, полагается основаніе монастыря въ первой половинѣ XI вѣка, именно—Борисоглѣбскаго Новоторжскаго, основаннаго, какъ принимается, преп. Ефремомъ Угриномъ, братомъ Георгія Угрина, любимаго слуги св. Бориса. Но чтобы основателемъ Новоторжскаго монастыря дѣйствительно былъ преп. Ефремъ Угринъ и чтобы онъ дѣйствительно былъ основанъ въ первой половинѣ XI вѣка, это болѣе чѣмъ сомнительно. См. ниже въ главѣ о монастыряхъ. Равнымъ образомъ мы весьма мало расположены вѣрить и тому, чтобы на другую окраину Новгородскихъ владѣній, на мѣсто нынѣшней Вологды, пришелъ изъ Кіева основатель бывшаго Троицкаго Кайсаровскаго монастыря преп. Герасимъ въ 1149 г., см. ниже тамъ же (Вологда, собственно говоря, — не окраина Новгородскихъ владѣній, а Новгородская колонія на территоріи, принадлежавшей Ростову,— въ Ростовскомъ Бѣлозерьѣ). — О Вятчанахъ (Хлыновцахъ), Новгородскихъ колонистахъ въ землѣ Вотяковъ, которые не распространяли христіанства между инородцами и напротивъ сами изъ себя представляли весьма оригинальныхъ христіанъ, скажемъ ниже въ главѣ объ управленіи.

мало, а именно и всего два, относящіяся къ одному времени и дающія тотъ общій выводъ, что борьба, не бывъ упорною и опасною, была однако довольно продолжительна.

Подъ 1071 г. лѣтописецъ разсказываетъ: явился волхвъ, прельщенный бѣсомъ; пришедъ въ Кіевъ, онъ началъ проповѣдывать народу, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ назадъ и что земли будутъ переступать съ своихъ мѣстъ на чужія, что греческая земля станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой, и что и прочія земли измѣнятъ свои мѣста.

Лѣтописецъ не говоритъ прямо, чтобы это былъ волхвъ, проповѣдывавшій именно возстановленіе язычества, а не былъ просто волхвъ, хлопотавшій только о волшебствѣ, съ отдѣленіемъ и обособленіемъ послѣдняго отъ язычества,—такъ сказать съ вынесеніемъ его изъ сферы религіозной (о волхвахъ этой второй категоріи читается у лѣтописца нѣсколько записей, — подъ 1024 г. и потомъ подъ нашимъ 1071 г.). Но онъ даетъ ясно знать, что въ волхвѣ должно видѣть именно одного изъ прямыхъ, нарочито выступавшихъ, борцовъ, за язычество противъ христіанства, когда говоритъ, что онъ обратился въ Кіевѣ съ открытою проповѣдію къ народу: волхвы второй категоріи или волхвы единственно какъ волхвы (какъ своего рода промышленники), которыми кишѣла русская земля не только во времена лѣтописца, но и до позднѣйшаго недавняго времени, не имѣли нужды и вовсе не могли находить благоразумнымъ, чтобы выступать съ открытою проповѣдію чего нибудь въ народѣ, ибо послѣднее значило бы самимъ и намѣренно выдавать себя въ руки правительства [1]). Какъ понимать приведенную выше проповѣдь волхва, не совсѣмъ ясно; но, какъ кажется, она имѣетъ тотъ смыслъ, что-де земли христіанскія будутъ поражены отъ боговъ языческихъ тяжкими бѣдствіями и страшными переворотами и что-де русская земля, чтобы избѣжать угрожающихъ христіанамъ золъ, снова должна возвратиться къ язычеству.

О томъ, какъ встрѣтилъ народъ въ Кіевѣ проповѣдь волхва, лѣтописецъ говоритъ: «невѣгласи послушаху его, вѣрніи же смѣяхуся, глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебе». Судьба волхва, которому правительство, нѣтъ сомнѣнія, не дало долго проповѣдывать, была та, что «въ едину нощь (онъ) бысть безъ вѣсти», т. е. что онъ

---

[1]) Если дѣятельность нѣкоторыхъ волхвовъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ подъ 1024 г. и потомъ подъ нашимъ 1071 г. (волхвы Ярославскіе), принимала такіе размѣры, что о ней доходило до свѣдѣнія правительства, то это не составляетъ возраженія противъ сейчасъ нами сказаннаго,—въ этихъ случаяхъ волхвы доводили о себѣ до свѣдѣнія правительства (своею дѣятельностію) безъ своего намѣренія.

былъ тайно схваченъ и затѣмъ или навсегда засаженъ въ тюрьму или— что гораздо вѣроятнѣе—преданъ смертной казни.

Между 1074 и 1078 годами явился волхвъ въ Новгородѣ [1]). По словамъ лѣтописца, онъ творился аки богъ,—говорилъ, что провидитъ все (будущее), хулилъ вѣру христіанскую и обѣщался пройдти передъ всѣми по Волхову (какъ по суху) [2]).

Въ Новгородѣ еще и въ 1074—78 г. христіанство было болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ: проповѣдь волхва произвела мятежъ противъ правительства, всѣ жители обратились на его (волхва) сторону и хотѣли убить епископа. Если бы это послѣднее случилось и Новгородцы снова стали язычниками, то само собою разумѣется, что стали бы не надолго: засимъ послѣдовала бы кровая расправа съ ними со стороны центральнаго правительства, т. е. Кіевскаго, и они во-второй разъ крещены были бы огнемъ и мечемъ. Къ счастію Новгородцевъ, ихъ спасла отъ ужасной драмы находчивость и рѣшительность ихъ князя Глѣба Святославича. Когда епископъ, облекшись въ богослужебныя одежды и взявъ крестъ, вышелъ на площать и сказалъ: «кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ (во Христа), пусть идетъ ко кресту», то на сторонѣ епископа сталъ только князь съ своей дружиной, а весь народъ пошелъ къ волхву, «производя великій мятежъ», т. е. какъ должно понимать, рѣшительно и бурно высказываясь противъ христіанства. При такомъ положеніи дѣла, Глѣбъ взялъ подъ полу своего платья топоръ, пошелъ къ волхву и завелъ съ нимъ бесѣду: «знаешь ли, что будетъ завтра поутру и во весь день до вечера? — «все знаю» (отвѣчалъ волхвъ); «а знаешь ли, что будетъ сегодня? — «сотворю великія чудеса» (отвѣчалъ волхвъ). При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и разсѣкъ имъ волхва надвое. Неожиданный конецъ имѣлъ то дѣйствіе, что народъ тотчасъ же разошелся.

Близость по времени появленія волхвовъ Кіевскаго и Новгородскаго заставляетъ до нѣкоторой степени подозрѣвать, что ихъ дѣятельность находилась въ связи, слѣдовательно—заставляетъ, до нѣкоторой степени подозрѣвать, что представителями язычества была предпринята въ данное время организованная и общая попытка возстановить свою старую вѣру. Весьма возможно однако, что близость была просто случайная и что оба волхва дѣйствовали единолично, представляя изъ себя одинокихъ ревнителей или фанатиковъ (Волхвъ Новгородскій явился приблизительно

---

1) Волхвъ явился при князѣ Новгородскомъ Глѣбѣ Святославичѣ: въ 1074 году мы видимъ Глѣба въ Кіевѣ при отцѣ (въ лѣтописи разсказъ о прощаніи Святослава съ умирающимъ преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ); онъ былъ посаженъ въ князья, вѣроятно, до 1076 г., въ которомъ умеръ его отецъ; умеръ онъ (самъ) въ 1078 г.

2) Лѣтоп. подъ 1071 г., fin.

на пятый годъ послѣ пророчества волхва Кіевскаго: не значитъ ли это, что волхвы нашли посредствомъ своего волшевенія,—посредствомъ своей какой нибудь астрологіи, что пятый годъ отъ 1071 г. будетъ годомъ великихъ, благопріятныхъ для нихъ и ихъ дѣла, событій, и не въ увѣренности ли относительно сего и явился волхвъ Новгородскій? Въ Кіевѣ была предъузнана смерть князя Глѣба Святославича, убитаго въ 1078 г. въ Заволочьѣ (Никита, затворникъ Печерскій, прельщенный бѣсомъ, — въ Патерикѣ): не значитъ ли это, что князь былъ убитъ волхвами или по ихъ наущенію и что въ замыслѣ участвовали и волхвы Кіевскіе?).

Есть въ лѣтописи еще третье извѣстіе о появленіи волхва, въ которомъ, по всей вѣроятности, разумѣется волхвъ нашей категоріи, т. е. выступавшій съ открытою проповѣдію о возстановленіи язычества и объ изгнаніи христіанства. Этотъ волхвъ явился въ 1091 г. въ Ростовѣ, который около 1071 г., когда являлся волхвъ Кіевскій, только что былъ крещенъ. Лѣтописецъ даетъ знать, что не успѣлъ волхвъ явиться и начать свою проповѣдь, какъ былъ схваченъ и казненъ: «въ се же лѣто (1091-е) — пишетъ онъ [1]) — волхвъ явися въ Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе».

Само собою разумѣется, что кромѣ попытокъ открытой проповѣди о формальномъ возстановленіи язычества на мѣсто христіанства, волхвы вели постоянную тайную проповѣдь о сохраненіи язычества вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ правительство было противъ нихъ безсильно, и они своею проповѣдію, конечно, немало содѣйствовали тому, чтобы въ народѣ болѣе или менѣе долго оставалось двоевѣріе,— открытое христіанство въ соединеніи съ тайнымъ язычествомъ. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ.

---

[1]) 1091 г. fin.

Увѣренія нѣкоторыхъ Римско-католическихъ писателей, будто мы Русскіе обращены въ христіанство латинскими миссіонерами, и дѣйствительныя попытки папъ обратить насъ въ христіанство и восхитить насъ у Грековъ.

Для кого изъ Русскихъ не будетъ въ высшей степени неожиданнымъ узнать оригинальную истину, будто предки наши обращены были изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами, будто первое нѣкоторое время мы принадлежали къ Римской половинѣ церкви и будто мы очутились потомъ на сторонѣ Греческой только вслѣдствіе непохвальной измѣны святому отцу? Однако есть нѣкоторые католическіе писатели, которые утверждали и до сихъ поръ непрочь утверждать это.

Средневѣковая письменность, какъ извѣстно, вездѣ оставила много баснословнаго. Въ средневѣковой латинской письменности дѣйствительно есть сказанія, баснословящія вышеуказанное. И вотъ нѣкоторые латинскіе писатели и хватаются за эти сказанія. Само собою понятно, что хватаются не даромъ, а ради практической цѣли. Таковую практическую цѣль составляетъ желаніе послужить осуществленію весьма смѣшной въ существѣ, но никогда (даже и донынѣ) не покидающей Римскій престолъ, мечты привлечь насъ Русскихъ подъ свой кровъ и подъ свою власть. Если мы Русскіе обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами и если мы очутились на сторонѣ Грековъ только отщепившись отъ латинянъ, то исторія налагаетъ-де на насъ обязанность снова возвратиться къ послѣднимъ.

Латинскія сказанія, баснословящія, будто мы обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами, усвояютъ совершеніе этого дѣла нѣмецкому миссіонеру начала XI вѣка, епископу или архіепископу in partibus infidelium Бруну или Брунону (Brun, Bruno), по монашескому имени Бонифацію [1]). Происходивъ изъ весьма знатной фамиліи [2]), Брунъ съ ранняго дѣтства отличался глубокой набожностію; по окончаніи ученія онъ поступилъ въ духовное званіе, затѣмъ постригся въ монахи и наконецъ, послѣдуя примѣру многихъ, рѣшился посвятить себя апостольскому дѣлу проповѣди христіанства между язычниками. Для своей цѣли онъ испросилъ себѣ у папы посвященіе въ санъ епископа

---

[1]) Что Брунъ въ монашествѣ назывался Бонифаціемъ, см. лѣтопись Кведлинбургскую подъ 1009 г., лѣтопись Магдебургскую подъ тѣмъ же годомъ и анналиста Саксонскаго подъ 1009 и 1106 гг. Нѣкоторые изъ одного Бруна-Бонифація дѣлаютъ двоихъ — Бруна и Бонифація.

[2]) См. анналиста Саксонскаго подъ указанными годами.

или архіепископа [1]) in partibus infidelium и отправился на проповѣдь.

Плодомъ этой проповѣди и было, будто бы наше обращеніе изъ язычества въ христіанство. Утверждаютъ или — что тоже — баснословятъ сіе два древніе латинскіе писателя. Первый изъ нихъ есть итальянецъ Петръ Даміани или Петръ Даміанъ (Petrus Damiani, P. Damianus), изъ монаховъ и настоятелей монастыря Fontis Avellani въ средней Италіи (близъ города Губбіо, находящагося недалеко на сѣверо-западъ отъ города Перуджіо, который въ свою очередь во 100 съ небольшимъ верстахъ на сѣверъ отъ Рима) епископъ Остіенскій и кардиналъ, умершій въ 1072 году, святой Римской церкви, знаменитый своимъ подвижничествомъ, церковно-общественной дѣятельностью и сочиненіями. Второй есть интерполяторъ хроники французскаго монаха Адемара, умершаго около 1030 года, неизвѣстно когда жившій, но не позднѣе конца XII вѣка.

У Петра Даміани читается цѣлая повѣсть о крещеніи насъ—Русскихъ епископомъ Бруномъ. Она находится въ принадлежащемъ ему житіи св. Ромуальда, основателя конгрегаціи Камальдуловъ въ орденѣ Бенедиктинцевъ († 1027 г.), къ ученикамъ котораго, по его увѣренію, принадлежалъ Брунъ или, какъ онъ называетъ его по монашескому имени, Бонифацій. Повѣсть довольно длинна и хотя она не содержитъ въ себѣ ничего историческаго, истиннаго или ложнаго, а разсказываетъ только о великихъ чудесахъ, при которыхъ будто бы совершено Бруномъ наше обращеніе въ христіанство, но поелику касается насъ — Русскихъ, то мы приведемъ ее сполна. Вотъ эта повѣсть: «(Отправившись на проповѣдь) и пришедъ къ язычникамъ [2]), (Бонифацій) началъ проповѣдывать съ такимъ горячимъ настояніемъ, что никто не сомнѣвался въ томъ, что святой мужъ сгаралъ желаніемъ мученичества. Но они (язычники), опасаясь, чтобы у нихъ не случилось того же, что было послѣ мученія блаженнаго Адалберта [3]), когда блистающими знаками чудесъ обращены были многіе изъ славянскаго племени, въ продолженіе долгаго времени съ хитрымъ коварствомъ удерживаютъ руки отъ святаго мужа и тогда какъ онъ сгаралъ сильнымъ желаніемъ умереть, они, не желая его убивать, жестоко (его) щадятъ. Когда же достопочтенный мужъ пришолъ къ королю Руссовъ (ad regem Russorum) и съ твердою ревностію горячо

---

[1]) Епископа по Титмару Мерзеб., архіепископа по лѣтт. Кведлинб. и Магдеб. и анналисту Сакс. Дѣло, полагаемъ, должно понимать такъ, что Брунъ поставленъ былъ въ епископы автокефальные (зависимые отъ самаго папы), которые (вѣроятно и у латинянъ, какъ у Грекокъ) назывались архіепископами.

[2]) Которые не называются по имени.

[3]) Разумѣется Адалбертъ или Войтехъ, епископъ Пражскій, потерпѣвшій мученическую смерть въ Пруссіи, въ которую онъ пришолъ для проповѣди, въ 997 г.

началъ проповѣдывать, то король, видя его одѣтымъ въ рубища и ходящаго босыми ногами, подумалъ, что святой мужъ занимался этимъ (проповѣдію) не ради вѣры, а скорѣе для того, чтобы собрать деньги. Посему обѣщалъ ему, что если онъ откажется отъ подобнаго вздора, то одаритъ его бѣдность богатствами съ величайшею щедростію. Тогда Бонифацій сейчасъ и безъ замедленія возвращается въ гостинницу, одѣвается подобающимъ образомъ въ драгоцѣннѣйшія первосвященническія украшенія и въ такомъ видѣ снова является во дворецъ короля. Увидѣвъ его украшеннымъ столь великолѣпными одѣяніями, король сказалъ: теперь знаемъ, что тебя побуждаетъ къ вздорному ученію не нужда бѣдности, а незнаніе истины; однако, если хочешь, чтобы было принимаемо за истинное то, въ чемъ увѣряешь, то пусть будутъ воздвигнуты два высокіе костра изъ бревенъ, отдѣленные одинъ отъ другаго самымъ узкимъ промежуткомъ, и когда отъ подложеннаго огня разгорятся такимъ образомъ, что огонь обоихъ сольется въ одно, ты пройди черезъ (сквозь) промежутокъ: если огонь причинитъ тебѣ сколько нибудь вреда, то мы предадимъ тебя совершенному сожженію, если же (чему нельзя вѣрить) ты выйдешъ здравъ, то мы всѣ безъ всякаго колебанія увѣруемъ въ твоего Бога. Этотъ уговоръ понравился не только Бонифацію, но и всѣмъ присутствовавшимъ язычникамъ: Бонифацій, одѣвшись такимъ образомъ, что какъ бы намѣревался совершать торжество миссы (литургіи), сначала со всѣхъ сторонъ очистилъ огонь святою водой и кажденіемъ ладона, затѣмъ вошелъ въ клокочущіе клубы пламени, и вышелъ невредимымъ до такой степени, что не сгорѣлъ ни малѣйшій волосъ его головы. Тогда король и прочіе, которые присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, толпами бросаются къ ногамъ блаженнаго мужа, слёзно просятъ прощенія и настоятельнѣйше умоляютъ крестить ихъ. Итакъ, начало́ стекаться къ крещенію такое множество язычниковъ, что святой мужъ поспѣшилъ къ нѣкоторому обширному озеру и крестилъ народъ въ семъ изобиліи водъ. Король рѣшилъ, что, оставивъ королевство сыну, онъ самъ, доколѣ будетъ живъ, никоимъ образомъ не разлучится съ Бонифаціемъ. Братъ короля, жившій вмѣстѣ съ нимъ, поелику не хотѣлъ вѣровать, въ отсутствіе Бонифація былъ самимъ королемъ умерщвленъ. Но другой братъ, который жилъ отдѣльно отъ короля,- когда пришолъ къ нему достопочтенный мужъ, не хотѣлъ слушать его словъ, но пылая противъ него крайнимъ гнѣвомъ за обращеніе брата, тотчасъ схватываетъ (его), а потомъ, опасаясь, что если будетъ держать его живымъ, то король похититъ его изъ его рукъ, приказалъ обезглавить его на своихъ глазахъ въ присутствіи немалой толпы людей. Но тотчасъ и самъ ослѣпъ и такой поразилъ его со всѣми, кто присутствовалъ, ужасъ (столбнякъ), что не могли ни говорить, ни чувствовать, ни совершать какое либо человѣческое дѣйствіе, но всѣ пребывали оцѣпенѣлыми и не-

подвижными, какъ камни. Король, услышавъ объ этомъ, пораженный чрезвычайною скорбію, принимаетъ твердое рѣшеніе не только предать смерти брата, но посѣчь мечами и всѣхъ, которые были участниками такого злодѣянія. Но когда съ поспѣшностію пришелъ туда и увидѣлъ тѣло мученика лежащимъ еще на мѣстѣ, а брата и остальныхъ людей съ ужасомъ увидѣлъ стоящими безъ чувствъ и движенія, то со всѣми своими надумалъ, чтобы прежде была (совершена о нихъ) молитва, не возвратитъ ли имъ, можетъ быть, Божественное милосердіе чувство, котораго лишились, потомъ — если согласятся вѣровать, то, бывъ прощены въ преступленіи, пусть останутся жить, если же нѣтъ, то всѣ да погибнутъ отъ отмстительныхъ мечей. Итакъ, когда самимъ королемъ и прочими христіанами принесена была продолжительная молитва, то не только возвращается оцѣпенѣвшимъ людямъ прежнее чувство, но сверхъ того и умножается помыслъ горячо желать истиннаго спасенія, ибо усердно и съ плачемъ просятъ прощенія въ своемъ злодѣяніи, принимаютъ таинство крещенія съ великою поспѣшностію и надъ тѣломъ блаженнаго мученика строятъ церковь. Однако, если бы я попытался сообщить о всѣхъ дарахъ добродѣтелей сего удивительнаго мужа, о которыхъ можетъ быть сказано не ложно, то можетъ быть не достало бы языка, но не не достало бы матеріи» [1]).... Такова повѣсть. Впереди ея, начиная рѣчь о Бонифаціи, Даміани говоритъ, что «нынѣ Русская церковь хвалится имѣть его какъ блаженнѣйшаго мужа».

Интерполяторъ хроники Адемаровой говоритъ, что императоръ Оттонъ III много заботился о просвѣщеніи христіанствомъ окрестныхъ народовъ, преданныхъ идоламъ, ибо «у него были два достопочтеннѣйшіе епископа (миссіонера), т. е. святой Адалбертъ, архіепископъ города Праги, который въ провинціи Богеміи, и святой Брунъ (Brunus), епископъ города Осбурга, который въ провинціи Баваріи, родственникъ императора» [2]). Затѣмъ повѣствуетъ онъ о миссіонерской дѣятельности того и другаго епископа. Мы опустимъ его рѣчи объ Адалбертѣ, котораго онъ называетъ архіепископомъ, замѣтивъ только, что объ его дѣятельности сообщается баснословный вздоръ, и приведемъ то, что онъ говоритъ о Брунѣ и именно въ отношеніи къ Россіи. «Примѣру (Адалберта, отправившагося на проповѣдь) послѣдовалъ Брунъ епископъ и просилъ императора, чтобы приказалъ вмѣсто него посвятить въ епископы на его столъ, кого онъ избралъ, по имени Одольрика [3]). Когда это было сдѣ-

---

[1]) Vitae S. Romualdi capp. XXVI et XXVII, у Миня Patr. t. 144, p. 976 sqq.

[2]) Нашего Бруна авторъ смѣшиваетъ съ другимъ епископомъ Бруномъ, братомъ императора Генриха II, преемника Оттонова. Ни Осбурга, ни какого другаго города нашъ Брунъ епископомъ не бывалъ.

[3]) Разумѣется св. Удальрикъ, умершій въ 973 г., весьма задолго до того, какъ нашъ Брунъ отправился на проповѣдь.

лано, онъ смиренно отходитъ въ провинцію Угрію, которая называется Бѣлой Угріей, въ отличіе отъ другой Угріи Черной [1])... Онъ обратилъ къ вѣрѣ Угрію провинцію (и) другую, которая называется Россія (Russia).... Но когда онъ простерся до Печенѣговъ и началъ проповѣдывать имъ Христа, то пострадалъ отъ нихъ, какъ пострадалъ и святой Адалбертъ [2]). Ибо Печенѣги, свирѣпствуя дьявольскою яростію, извлекли всѣ внутренности его чрева чрезъ малое отверстіе въ боку и содѣлали его мужественнымъ мученикомъ Божіимъ. Тѣло его народъ Русскій выкупилъ за дорогую цѣну, и построили въ Россіи монастырь его имени, и началъ (онъ) сіять великими чудесами. Спустя немного дней, пришолъ въ Россію нѣкоторый греческій епископъ и обратилъ низшій классъ народа [3]) этой провинціи, который еще былъ преданъ идоламъ, и заставилъ ихъ принять обычай Греческій относителано рощенія бороды и прочаго» (in barba crescenda et ceteris exemplis) [4]).

На основаніи сейчасъ приведенныхъ повѣстей нѣкоторые Римско-католическіе писатели и объявляютъ насъ за первоначальныхъ католиковъ и за бѣглецовъ отъ св. отца. Если бы это дѣйствительно было такъ, то изъ сего не слѣдовало бы для насъ ровно никакого нравоученія или, если угодно, слѣдовало бы нравоученіе обратное тому, которое выводятъ помянутые посатели: предки наши, состоявъ подъ властію папы, отложились отъ ней; странны были бы мы, если бы, не научаясь ихъ примѣрамъ, снова захотѣли искать этой власти. Но само собою разумѣется, что это было не такъ. Въ высшей степени было бы наивно, если бы мы отказались отъ своихъ собственныхъ свидѣтельствъ, если бы мы согласились признать, что у насъ было запамятовано или неимовѣрно ловкимъ образомъ скрыто, отъ кого мы приняли христіанство, и преклонились подъ увѣреніями двухъ латинскихъ баснотворцевъ. Не имѣя чѣмъ опровергнуть этихъ баснотворцевъ, кромѣ нашихъ собственныхъ свидѣтельствъ, мы должны были бы оставить католическихъ писателей вѣрить имъ, сколько хотятъ, и развѣ на отмѣстку имъ выдумать что нибудь въ родѣ того, что самъ папа обращенъ въ христіанство нами Русскими. Заграждаютъ однако имъ суесловящія уста и ихъ собственные свидѣтели и увы! — даже самъ епископъ Брунъ, ихъ мнимый Русскій апостолъ. Есть западный писатель, который былъ не только современникомъ нашего Бруна, но его сверстникомъ, товарищемъ по школѣ и родственникомъ, — это Титмаръ, епископъ Мерзебургскій. Титмаръ говоритъ въ своей

---

[1]) О дѣятельности Бруна въ Угріи отчасти баснословится, отчасти усвояется ему то, что принадлежало Адалберту Пражскому.

[2]) По автору, Адалбертъ пострадалъ у Печенѣговъ.

[3]) Medietatem ipsius, i. e. Russiae.

[4]) Ademari S. Cibardi monachi Historiarum libri tres, lib. III ad cap. 31, у Миня въ Patr. t. 141 p. 48, у Пертца въ Monumenta VI, 129.

хроникѣ какъ о крещеніи Русскихъ, такъ и о миссіонерской дѣятельности Бруна. Говоря о крещеніи, онъ ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы оно было плодомъ проповѣди Бруна и прямо утверждаетъ, что Владиміръ принялъ вѣру отъ Грековъ [1]). Говоря о миссіонерской дѣятельности Бруна, онъ ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы она простиралась и на Россію и ясно даетъ знать, что она началась уже послѣ того, какъ мы приняли христіанство: Брунъ, по его свидѣтельству, посвященъ въ епископы и выступилъ на эту дѣятельность послѣ смерти императора Оттона III при его преемникѣ Генрихѣ II, а Оттонъ III умеръ въ 1002 году [2]). Отъ самого Бруна сохранилось до настоящаго времени письмо къ императору Генриху, въ которомъ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Россіи [3]). Изъ письма оказывается, что Брунъ дѣйствительно былъ у насъ въ Россіи, но не для проповѣди, о которой не говоритъ ни единаго слова, а уже послѣ того, какъ мы были крещены, что̀ онъ даетъ знать совершенно ясно и что̀ столько же ясно и изъ времени, когда онъ у насъ былъ и которое есть правленіе самаго Генриха (по признакамъ 1006—7 годъ). Брунъ былъ у насъ въ Россіи случайнымъ образомъ, именно — по пути, идучи для проповѣди отъ Венгровъ къ Печенѣгамъ и возвращаясь отъ послѣднихъ назадъ. Онъ былъ принятъ Владиміромъ весьма дружелюбно, гостилъ у него цѣлый мѣсяцъ и, съ своей стороны (какъ увѣряетъ), оказалъ ему услугу тѣмъ, что содѣйствовалъ заключенію мира съ Печенѣгами. Истинная исторія миссіонерской дѣятельности Бруна состоитъ въ томъ, что онъ выступилъ на нее уже послѣ того, какъ мы приняли христіанство, что онъ проповѣдывалъ въ Польшѣ, т. е. какъ нужно думать — въ ея языческой Помераніи, потомъ въ Венгріи, у Печенѣговъ и Пруссовъ и что наконецъ въ 1009 г. онъ потерпѣлъ мученическую смерть въ странѣ, занимавшей средину между Пруссіей и Россіей, т. е. очевидно въ Литвѣ [4]).

Всякія невѣрныя историческія показанія и всякія басни происходятъ отъ двухъ причинъ, — или отъ ненамѣреннаго недоразумѣнія или отъ намѣреннаго умысла. Которое изъ двухъ было причиной, что Петръ Да-

---

1) Chronic. lib. VII c. 52.

2) Chronic. lib. VI c. 58. Далѣе Титмаръ говоритъ, что Брунъ умеръ въ 1009 г. in duodecimo conversionis ac inclitae conversationis suae anno. Подъ conversio и conversatio должно разумѣть постриженіе въ монахи, cfr Дюканжа Gloss. Latinit. подъ первымъ словомъ. И самъ Петръ Даміани говоритъ, что Брунъ выступилъ на миссіонерскую дѣятельность послѣ смерти Адалберта Пражскаго, слѣдоват. послѣ 997 года.

3) Письмо напечатано покойнымъ *Гильфердингомъ* въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 1, отд. Науки, стрр. 1—34.

4) Титмаръ Мерзеб., — цитата выше. По лѣтописи Кведлинбургск. — на границахъ Россіи и Литвы.

міани и неизвѣстный интерполяторъ Адемара дѣлаютъ епископа Бруна нашимъ крестителемъ, положительно сказать не можемъ. Такъ какъ время миссіонерской дѣятельности Бруна почти совпадаетъ со временемъ нашего крещенія, такъ какъ онъ проповѣдывалъ въ странахъ, сосѣднихъ съ нашей Россіей и даже былъ въ ней самой, то очевидно, что существовали поводы для недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе однако насъ какъ-то невольно клонитъ къ подозрѣнію, что причиной было не оно, а намѣренный умыслъ, желаніе создать ту практическую истину, будто мы обращены въ христіанство латинскими миссіонерами [1]). Во всякомъ случаѣ весьма поучительно баснословіе Петра Даміани. Онъ жилъ очень немного спустя времени послѣ Бруна, такъ что для насъ отдаленныхъ людей смотритъ совсѣмъ настоящимъ его современникомъ; по своему положенію и по своимъ качествамъ онъ представляется человѣкомъ вполнѣ авторитетнымъ: не будь другихъ свидѣтелей, и его баснословіе шло бы за настоящее историческое показаніе. Ясно изъ его примѣра, до какой степени баснословіе въ исторіи возможно и до какой степени основательно то, чтобы историкъ прежде всего былъ скептикомъ.

Но если мы — Русскіе были обращены въ христіанство не латинскими миссіонерами, то, какъ говорили мы выше, папа дѣйствительно дѣлалъ было попытку обратить насъ въ христіанство; а потомъ онъ дѣлалъ было и еще другую попытку, именно — Владимира уже крестившагося отклонить отъ признанія власти Грековъ и подчинить своей собственной власти.

Извѣстія объ этихъ попыткахъ читаются только въ одной изъ новѣйшихъ редакцій первоначальной лѣтописи, именно — въ редакціи, находящейся въ Никоновской лѣтописи. Но нѣтъ никакого основанія подозрѣвать, чтобы онѣ были позднѣйшимъ вымысломъ, потому что вовсе нельзя придумать побужденій, по которымъ вымыслъ могъ быть сдѣланъ (а наоборотъ, должно думать, что въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи извѣтія опущены, къ чему безъ труда можетъ быть указано и побужденіе, каково — желаніе позднѣйшихъ редакторовъ изгладить изъ памяти нашей исторіи о сношеніяхъ нашихъ съ папами). Подъ 979 г. въ Никоновской лѣтописи читается: «того же лѣта придоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы». Въ годѣ — ошибка, потому что Ярополкъ убитъ Владимиромъ, какъ мы говорили

---

[1]) Къ повѣсти Петра Дакіани есть варіантъ, принадлежащій нѣкоему Виперту, который выдаетъ себя за ученика Брунова, что̀ совершенно сомнительно, но который жилъ однако не позднѣе XI в. (у Пертца въ Monumenta VI, 579). Еслибы было доказано, что Даміани имѣлъ въ рукахъ сего Виперта (а что который котораго нибудь варіируетъ, это весьма вѣроятно), то его намѣренность не подлежала бы сомнѣнію, ибо у Виперта мѣсто дѣятельности и смерти Бруна не Россія, а Пруссія.

выше, не въ 980 г. (что неправильно полагаетъ Никоновская лѣтопись вмѣстѣ съ другими), а въ 978 г.; такъ какъ извѣстіе перенесено на несоотвѣтствующій годъ, по всей вѣроятности, съ ближайшаго къ нему соотвѣтствующаго, то его должно понимать въ томъ общемъ смыслѣ, что послы приходили въ самомъ концѣ правленія Ярополка. Затѣмъ, въ Никоновской лѣтописи читается подъ 988 г., что, когда Владиміръ находился во взятой имъ Корсуни, «придоша (къ нему) послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша»[1]).

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній на счетъ того, какъ понимать эти два посольства папы. Къ Ярополку, въ концѣ его кратковременнаго и неожиданно пресѣкшагося правленія, когда на самомъ дѣлѣ онъ началъ было только приходить въ возрастъ зрѣлой юности, папа присылалъ посольство за тѣмъ, чтобы убѣдить его принять христіанство. Къ Владиміру, тотчасъ и вскорѣ послѣ занятія имъ мѣста Ярополкова, папа почему-то не присылалъ посольства[2]). Но потомъ онъ узналъ, что Владиміръ, уже крестившійся, находится въ Корсуни съ тѣмъ, чтобы завязать церковныя сношенія съ Греками и подчинить имъ въ церковномъ отношеніи Русь, которую намѣревался крестить, — и онъ (папа) поспѣшилъ отправить къ князю въ Корсунь посольство, чтобы попытаться подчинить его вмѣсто Грековъ себѣ[3]).

О дальнѣйшихъ попыткахъ папъ подчинить насъ своей власти скажемъ ниже.

---

[1]) Это извѣстіе читается и въ Степенной книгѣ, 1, 135 fin. (О взаимномъ отношеніи Никоновской лѣтописи и Степенной книги см. ниже).

[2]) Посольство къ Ярополку, по всей вѣроятности, присылалъ и папою въ первые годы правленія Владиміра былъ Бенедиктъ VII, занимавшій престолъ съ 975 по 984 г. Среди тогдашнихъ, большею частію весьма недостойныхъ, папъ онъ составлялъ исключеніе (по крайней мѣрѣ, нѣкоторое), такъ что историки отзываются объ его церковной ревности съ особенной похвалой (Альцогъ), и почему онъ не посылалъ посольства къ Владиміру послѣ неудавшагося посольства къ Ярополку остается неизвѣстнымъ. Два преемника Бенедиктовы, — Іоаннъ XIV и Бонифацій VII, занимали престолъ менѣе, чѣмъ по году, слѣд. не имѣли времени заботиться о нашей Россіи (а второй не имѣлъ и охоты, ибо былъ знаменитое «horrendum monstrum Bonifacius, cunctos mortales nequitia superans»). Къ Владиміру въ Корсунь присылалъ посольство папа Іоаннъ XV, занимавшій престолъ съ 985 по 996 годъ.

[3]) Слова Никоновской лѣтописи, что послы папы принесли Владиміру въ Корсунь мощи святыхъ, невольно наводятъ насъ на подозрѣнія относительно мощей св. Климента Римскаго, которыя Владиміръ принесъ съ собою изъ Корсуни въ Кіевъ. Мощи Климента, умершаго въ Корсуни, въ ссылкѣ отъ Траяна въ тамошнія каменоломни, неизвѣстно когда послѣ древнихъ временъ передъ поло-

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Житіе Владимира, принадлежащее неизвѣстному автору, по всей вѣроятности, Греку, и соотвѣтствующая ему часть повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщенной въ лѣтописи.

«Житіе блаженаго Володимера», принадлежащее неизвѣстному автору, по всей вѣроятности, Греку, какъ мы говорили выше, открыто преосвящ. Макаріемъ; напечатанное имъ сначала въ Христіанск. Чтеніи за 1849 г.,—кн. 11, оно потомъ перепечатано имъ въ Исторіи Русской Церкви (въ приложеніяхъ къ т. 1, изд. 2 стр. 264 sqq).

Преосвящ. Макарій принимаетъ два вида или двѣ редакціи житія (Истор. т. II, изд. 2 стр. 151). Но это не совсѣмъ вѣрно. Собственно житія извѣстна одна редакція, а затѣмъ есть позднѣйшія компиляціи, въ которыхъ житіе является въ соединеніи съ другими древними сказаніями.

У преосвящ. Макарія были въ распоряженіи два списка житія: Сахаровскій XVI в., по которому онъ его напечаталъ, и Болотовскій XVII., изъ котораго онъ выставилъ варіанты. Намъ извѣстенъ еще третій списокъ—въ ркп. фундаментальн. библіотеки Московск. Дух. Академіи № 198, л. 232 об., XVII вѣка [1]).

виной IX в. оказались сокрытыми въ неизвѣстное мѣсто. Въ полнвинѣ IX в. открылъ ихъ Константинъ философъ, нашъ первоучитель Славянскій (бывшій и довольно долго жившій) въ Корсуни проѣздомъ къ Хазарамъ. Въ житіи Константина (Паннонск.) говорится, что онъ взялъ мощи Климента съ собой въ Константинополь, изъ котораго потомъ въ Моравію, и что ходивъ изъ Моравіи въ Римъ (въ которомъ и умеръ) онъ принесъ ихъ въ даръ папскому престолу. Можно понимать дѣло такъ, что Константинъ взялъ не всѣ мощи, а только часть ихъ и что остававшуюся часть Владиміръ и принесъ изъ Корсуни въ Кіевъ. Но не невозможно понимать его и такъ, что мощи Климента прислалъ Владиміру папа, — прислалъ съ тою особенною цѣлію, чтобы показать, что-де и обрѣтникъ Славянской грамоты и первый Славянскій учитель признавалъ власть его — папы (о Константинѣ cfr ниже). А что касается до того, что Владиміръ могъ взять мощи отъ папы, то, вопервыхъ, папа тогда былъ еще православный (а соревнованіе между нимъ и патріархомъ Константинопольскимъ о власти совсѣмъ другое дѣло), — вовторыхъ, святыня не перестаетъ быть святыней даже и въ рукахъ невѣрныхъ (пусть вспомнитъ читатель позднѣйшее полученіе Ризы Господней отъ шаха Персидскаго).

[1]) Рукопись есть сборникъ, вторая бо́льшая половина котораго состоитъ изъ статей по русской исторіи, именно: л. 86, Житіе Ольги, тоже что въ Степ. кн. 1, 5; л. 160 об., Похвала Ольгѣ, таже что тамъ же стр. 44; л. 188, Память и

Позднѣйшихъ компиляцій, о которыхъ мы сейчасъ сказали, намъ извѣстно, двѣ: первая въ Румянцевской рукописи по Описанію Востокова № 436, л. 264 fin., стр. 697 col. 1 fin., не начала XVI в., какъ думаетъ Востоковъ, а XVII и вѣроятно второй половины (вторая редакція преосв. Макарія). Компиляція надписывается: «мѣсяца Іюля въ 15 день память благовѣрнаго великаго князя Владимира, нареченнаго въ крещеніи Василія». Она состоитъ: сначала 11 строкъ — начало проложнаго житія, которое печатаетъ ниже (Сей бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжска... и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ, како вѣруютъ), потомъ житіе съ самаго начала (Ходиша же слуги его), но не до конца, а въ размѣрѣ трехъ пятыхъ [1]); конецъ опять изъ пролога (Преставися къ Богу мѣсяца...). Вторая компиляція въ Милютинской Минеѣ подъ 15 Іюля, Синод. ркп. № 807 л. 954. Надписаніе и небольшое начало изъ монаха Іакова, который ниже, а потомъ житіе.

«Житіе блаженаго Володимера. [2])

Сице убо бысть малымъ прежде сихъ лѣтъ, сущу самодержцю всея рускыя земля Володимеру, вънуку же Иолжину, а правнуку Рюрикову, ходиша же слугы его въ Болъгары и въ Нѣмци, и видѣша скверная дѣла ихъ; и оттолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша украшеніа церковная и чинъ божественныя службы, изрядная архіерѣйская лѣпота, пѣнья же и ликы, и предстоянія дьяконъ, и ту пребыша 8 дней. Царь же Василей и Костянтинъ отъпустиша я с дары и с честию.

Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи.

«Избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «идите первое въ Болгары, и испытайте первое вѣру ихъ». Они же идоша, и пришедше видѣша скверныя дѣла и кланянье въ ропати, (и) придоша въ землю свою. И рече имъ Володимеръ: «идѣте паки въ Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки». Они же придоша въ Нѣмци и съглядавше церковную службу ихъ, (и) придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша, они же совѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ тойже день. Наутрія посла къ патреарху, глаголя сице: «придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да при-

похвала Володимиру монаха Іакова, которую печатаемъ ниже; л. 202, Слово о законѣ и о благодати (митр. Иларіона); л. 232 об., наше житіе. Мы относимъ рукопись къ XVII в., но ея полууставное, переходящее въ скоропись, письмо какъ-то весьма неопредѣленно, и очень можетъ быть, что она даже XVI в.

[1]) Изъ пяти страницъ въ Исторіи преосв. Макарія три первыя,—до смерти на Берестовомъ.

[2]) Такъ въ Сахар. и Академ., въ Болотовск.: Испытаніе блаженаго князя Владимира.

Житіе.

Они же пріидоша въ Русь. Володимеръ же созва бояры своя и старцы, и рече имъ: се пріидоша посланніи наши, да слышимъ отъ нихъ бывшая. И рекоша слугы ходившая: яко смотрихомъ, како покланяются Болгаре въ ропатѣ, стояще без пояса, и поклонився сядеть и глядить сѣмо и овамо, акы бѣшенъ; и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, и нѣсть добръ законъ ихъ. Въ Нѣмцехъ же многы видѣхомъ въ храмѣхъ службы творяща, а красоты никоея не видѣхомъ въ нихъ. Пріидохомъ же и во Греки, въ Царьградъ, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не вѣмы, на небеси ли есмы были или на земли: нѣсть нигдѣже такова видѣнія, ни красоты такія не доумѣемъ сказати; токмо то вѣмы, яко тамо Богъ со человѣкы пребываетъ, и есть служба ихъ лучши всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя: всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди же не приметь горести; тако и мы, княже, не можемъ здѣ быти, но идемъ тамо.

Лѣтопись.

строй церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительскія ризы, да видятъ славу Бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архіерейски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же, во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василій и Костянтинъ, рѣста имъ: «идѣте въ землю вашю», и отпустиша я съ дары велики и съ честью.

Они же придоша въ землю свою, и созва князь боляры своя и старца, (и) рече Володимеръ: «се придоша посланіи наши мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее». И рече: «скажите предъ дружиною». Они же рѣша: «яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладка, послѣди

Житіе.

Бояре же рекоша: аще не бы былъ добръ законъ Греческый, то не бы пріяла Олга, баба твоя. Володимеръ же рече: воля Господня да будеть! И умысли въ собѣ: сице сътворю.

Минувшю же лѣту, иде съ вои на Корсунь. Корсуняне же боряхуся крѣпко со града. Володимеръ же рече: аще ми ся не предасте, стояти имамъ за три лѣта. Они же не послушаша, и стоя шесть мѣсяць. [2]) Бѣ же въ Корсуни мужь именемъ Анастасъ; сей написавъ на стрѣлу и пусти ю къ Володимеру: «ко кладязю отъ въсточныя страны града въ градѣ по трубамъ воды сведены; копавъ перейми я». [3]) Князь же, се слышавъ, рече: Господи Боже! аще ми се сбудется, абіе крещюся. И повелѣ копати въпреки трубамъ, и переяша воду. Людіе же въ градѣ изнеможаху жажею водною, и предашася. Онъ же, въземъ

Лѣтопись.

горести не пріимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти. Отвѣщавше же боляре рекоша: «аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ рече: «гдѣ крещенье пріимемь?» Они же рекоша: «гдѣ ти любо».

И минувшю лѣту, въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ гречьскій, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ града въ лимени, дали града стрѣлище едино [1]), и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же объстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть и ношаху къ себѣ во градъ, сыплюще по средѣ

---

[1]) Топографію Корсуни см. въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ 2, отд. 1 стр. 256 нач. sqq. Она находилась на мысу между двумя заливами — нынѣшней Карантинной бухтой съ восточной стороны и нынѣшнимъ Круглымъ заливомъ съ западной (въ двухъ верстахъ къ западу отъ Севастополя). «Лимень объ онъ полъ града»—пристань въ Кругломъ заливѣ.

[2]) Если принять это извѣстіе за справедливое, то, какъ замѣчали мы выше, будетъ слѣдовать, что Владиміръ, взявшій Корсунь въ началѣ 989 г., отправился въ походъ на нее дѣйствительно въ 988 г., который стоитъ въ лѣтописи.

[3]) Житіе нужно понимать: въ колодецъ или систерну, которая находится въ городѣ на восточной сторонѣ или въ восточной его части, по трубамъ проведены воды, подразумѣвается — извнѣ. Повѣсть, наоборотъ, разумѣя подъ колодезями бассейны внѣ города, изъ которыхъ проведена была въ него вода, едва-ли дѣлаетъ правильную поправку: по отношенію къ кораблямъ Владиміра въ пристани востокомъ былъ городъ, а по отношенію къ его осадному лагерю на сушѣ (которую Корсунь имѣла съ южной стороны) колодези или бассейны были съ юга (о нихъ и о водопроводѣ см. ibid. стрр. 258 и 262). Полякъ Броневскій, описавшій развалины Корсуни во второй половинѣ XVI вѣка, согласно съ житіемъ говоритъ, что хранилища проведенной воды были у восточной стѣны города (Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. VI стр. 341).

Житіе.

градъ, посла къ царемъ къ Василію и къ Костянтину въ Царьградъ, глаголя има: се градъ вашь славный взяхъ, слышахъ же, яко имѣета сестру дѣвою, — дайте ю за мя; аще ли ми ея не даста, азъ и Царюграду тако сътворю, яко сему. Она же отвѣщаста: намъ не достоитъ за некрещеныя давати, но крещеніе (да) пріимеши; аще ли сего не сътвориши, не дадѣмъ сестры своея за тя. Володимеръ отвѣща посланнымъ: пришедше отъ васъ крестятъ мя. И посласта царя [2]) Анну, сестру свою, и съ нею воеводы и прозвутеры, и пріидоша в Корсунь. А Володимеръ разболѣся. Епископъ же съ попы Корсуньскими и съ попы царицины, огласивше, крестиша и́ въ церкви святаго Иякова в Корсунѣ градѣ, и нарекоша имя ему Василей. И бысть чюдо дивно и преславно: яко възложи руку на нь епископъ, и абіе цѣлъ бысть отъ язвы. [3]) Възрадовася сердцемъ, и мнози отъ бояръ его въ томъ часѣ крестишася: и постави церковь въ Корсунѣ на горѣ святаго Василіа. [4])

Лѣтопись.

града [1]); воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И (се) мужь Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идетъ по трубѣ; копавъ переими». Володимеръ же слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: аще се ся сбудеть, и самъ ся крещаю». И ту абье повелѣ копати преки трубамъ и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко цареви Василью и Костянтину, глаголя сице: «се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, сътворю граду вашему, якоже и сему створихъ». И слышаста царя, быста печальна, (и) въздаста вѣсть, сице глаголюща: «не достоитъ хрестеяномъ за поганыя дати; аще ся крестиши, то и се получишь, и и царство небесное пріимеши, и съ нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своея за тя». Си слышавъ Володимеръ,

---

¹) Въ развалинахъ Корсуни дѣйствительно видны двѣ искусственныя земляныя насыпи (ibid. стрр. 257 и 258). Но едва-ли не вѣроятнѣе будетъ думать, что онѣ явились какъ нибудь просто и только подали поводъ сложиться баснѣ о слишкомъ своеобразныхъ осадѣ и защитѣ.

²) Въ Акад.: и посласта царицу Анну сестру...

³) Обращаемъ особенное вниманіе читателя на разсказъ о чудѣ въ житіи и въ повѣсти. Такъ какъ послѣдующіе сказатели никогда не сокращаютъ чудесъ, то, по нашему убѣжденію, тутъ рѣшительное доказательство, что авторъ житія по отношенію къ автору повѣсти есть предшествующій, а не послѣдующій.

⁴) Относительно церкви, въ которой Владимиръ вѣнчался съ царевной, какъ какъ мы говорили выше, вѣроятнѣйшее есть думать, что она была каѳедральная Корсунская — Св. Софіи, какъ это въ Ипатской лѣтописи. Что касается до церкви, которую онъ поставилъ, то — въ житіи св. Василія, въ Лаврент. лѣтоп. безъ имени, а по Ипатск. лѣтоп. св. Іоанна Предтечи. Развалины церквей Корсунскихъ оставались до позднѣйшаго времени, а отчасти остаются, кажется, и теперь (послѣ осады Севастополя); если бы произведены были такія тщатель-

Житіе. *Лѣтопись.*

рече посланымъ отъ царю: «глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ днiй законъ вашь, и есть ми любо вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдама посланіи нами мужи». И си слышавша царя, рада быста и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «крестися, и тогда послевѣ сестру свою къ тобѣ». Рече же Володимеръ: «да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста царя, (и) посласта сестру свою, сановники нѣкія и прозвутеры; она же не хотяше ити: «яко въ полонъ», рече, «иду, лучи бы ми сдѣ умрети». И рѣста ей братья: «еда како обратитъ Богъ тобою рускую землю въ покаянье, а гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имутъ створити намъ»,—и одва ю принудиша. Она же сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде черезъ море. И приде въ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божью же устрою, въ се время разболѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже (и) си не домышляшеться что сотворити, и тужаше велми, и посла къ нему царица, рькущи: «аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли (ни), то не имаши избыти сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «да аще истина будеть, то по-

---

ныя раскопки, какія умѣютъ дѣлать другіе люди, а не мы, то можетъ быть и открыто было бы что нибудь важное (Древніе строители церквей имѣли обычай изсѣкать въ нихъ записи объ ихъ построеніи или дѣлать такъ называемыя ихъ лѣтописи; если бы была найдена такая запись Владимира о построенной имъ церкви, то она могла бы быть открытіемъ величайшей важности).

Житіе. *Лѣтопись.*

истинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ», и повѣлѣ хрестити ся. Епископъ же Корсунскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимира; яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье и прослави Бога, рекъ: «топерво увѣдѣхъ Бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святаго Василья [1]), и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне [2]), а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилсъ ся есть въ Кіевѣ, и ини же рѣша: Василиви, друзіи же инако скажють.

И посемь поимъ царицю и Анастаса и попы Корсуньскія, съ мощьми святаго Климента и Фива, ученика его, поимавъ же иконы изборныя и книгы. А градъ Корсунь вдасть царема за вѣно, сестры дѣля ею. А самъ въ Кіевъ вшедъ, повелѣ испровращи и избити кумиры, овыи иссѣщи, *) а иныя ижжещи; а Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи; Перуна

Володимеръ же посемъ, поемъ царицю и Настаса и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя (и) иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ [3]), идѣже съсыпаша средѣ града крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи и 4 кони мѣдяны [4]), иже и нынѣ стоять за святою

[1]) Въ Ипатск. лѣтоп.: «Крестиже ся въ церкви святое Софьи, и есть церкви...

[2]) Броневскій упоминаетъ о какомъ-то царскомъ дворцѣ (Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. VI стр. 342): ужь не должно ли это понимать такъ, что домъ, въ которомъ жилъ Владиміръ, со времени его пребыванія получилъ названіе дворца и подъ этимъ названіемъ слылъ до позднѣйшаго времени? Свой дворецъ Броневскій полагаетъ въ восточной части города.

[3]) Въ Ипатск. лѣт.: «постави же церковь святаго Іоанна Предтечи въ Корсуни на горѣ»...

[4]) «Капищи» — статуи, собственно идолы: двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня (Не лежатъ ли эти статуи и кони и до сихъ поръ въ Кіевѣ въ землѣ?)

*) Акад.: съсѣщи.

Житіе.

же повелѣ привязати к коневи къ хвосту, *) и влещи съ горы по Боричеву на ручей, а слугы пристави бити идолы жезліемъ. Се же не яко древу чюющу, но на поруганіе бѣсу, иже прелщаше ны симъ образомъ. Плакахужеся его невѣрніи людіе, еще бо бяху не пріали святаго крещенія. И привлекше кумира Перуна, въвергоша ѝ въ Днѣпръ рѣку, и проплы порогы, извѣрже ѝ вѣтръ на берегъ, и оттолѣ прослу Перуня гора. [1]) И положи заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящются на рѣци, богатъ ли или убогъ или нищь или работенъ. Да се же людіе слышавше, радостно течаху, глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри пріяли. Наутрѣя же изыде Володимеръ, съ попы царицины и съ Корсуньскими, и снидеся [2]) бещисла народа: влѣзше в воду до шія, а иніи до персій, младіи же по брегу, а жены младенци держаще; а попы на брезѣ молитвоваху. И бысть радость велика крестившимся людемь, и идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и вси людіе, и помолися: Боже, сътворивый небо и землю, и море и вся яже въ нихъ! Призри на люди твоя, и дай имъ познати Тебе (*Болот.* истиннаго Бога), и утверди въ нихъ вѣру неблазнену, а мнѣ помози на врагы, да побѣжу ѝ. И повелѣ крестьяномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстомъ, идѣже кумиры стояли; а самъ постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стоялъ Перунъ идолъ. И повелѣ попомъ по

Лѣтопись.

Богородицею, яко же не вѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кіеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющу, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье пріиметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемь. Влекому же ему по ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше вринуша ѝ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, дондеже порогы пройдеть; то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже ѝ вѣтръ на рѣнь и оттолѣ прослу Перуня рѣнь, яко же и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, или работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли». Наутрія же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и снидеся безъ числа людій: влѣзоша въ воду и стояху ови до шіе, а друзіи

*) Акад.: къ коневью хвосту.

[1]) Акад.: Перуна города.

[2]) Болотовск. и Академ.: и съ Корсуньскими на Почайну рѣку и снидеся...

Житіе.

градомъ и по селомъ люди ко крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ. [1])

Лѣтопись.

до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млади держаще, свершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ, и се уже побѣженъ есмь отъ невѣ гласа (сего), а не отъ апостолъ ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: «Боже створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти Тобе истиньнаго Бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не

---

[1]) Въ Румянц. компиляціи № 436 вмѣсто: «дѣти учити грамотѣ» читается согласно съ лѣтописью: «дѣти нача поимати у нарочитыхъ и даяти на ученіе книжное.

Житіе.

Минувшу же лѣту, умысли создати церковь святыя Богородица, пославъ приведе мастера [1]) отъ Грекъ. Свершенѣ же ей бывши, украси ю, и [2]) иконами удививъ, и поручи ю Анастасу Корсуняниню, и попы Корсунскія пристави служити въ ней, и вдасть все имъ, еже бѣ взялъ в Корсуни и кресты, и отда отъ всего имѣнія десятую [3]) той церкви и отъ града.

Бѣ бо велми милостивъ, по словеси Господню, иже речеся: *блажени милостивіи, яко ти помилованы будуть;* [4]) бяху же нищіи приходяще на дворъ его по вся дни и пріимаху кто чего требоваше, а недужнымъ, немогущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да въ домы приносятъ имъ; [5]) и многи створи добродѣтели.

Лѣтопись.

бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвыхъ плакахуся.

. . . .

. . . .

Въ лѣто 6497 (989) [6]). Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица (и) пославъ приведе мастеры отъ Грекъ. И наченшю же здати и яко скончa зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы и съсуды и кресты.

(Подъ 996 г., послѣ разсказа объ освященіи Кіевской Десятинной церкви, о построеніи церкви Преображенія въ Василевѣ и о празднованіи праздниковъ Преображенія и Успенія) Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единого еуангелье чтомо: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть, и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ, и пакы: не скрывайте себя сокровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подкапывають, но скрывайте себѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить ни татье крадуть, и Давыда глаголюща: блаженъ мужь милуя и дая, Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу въ заимъ даеть,—си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, — питье и яденье и отъ скотниць кунами. Устрои же и се, рекъ: «яко немощніи и больніи не мо-

---

1) Такъ во всѣхъ трехъ спискахъ.

2) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

3) «Часть» нѣтъ во всѣхъ трехъ спискахъ.

4) Мѳ. 5, 7.

5) Въ Академ.: приносятъ имъ потребы.

6) Такъ въ Лаврентьевск. сп., въ Ипатск.: въ лѣто 6499 (991).

Житіе.

Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и́, бѣ бо Святополкъ въ Кіевѣ; и нощію же межи клѣтьми пріимавше [1]) помостъ, въ коврѣ опрятавше, и ужи свѣсиша на землю и положиша [2]) на сани, везше поставиша и́ во святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдавше людіе, снидошася безъ числа и плакашася по немь, боляре яко заступника ихъ земли и убозѣи яко и [3]) кормителя.

Оле чюдо! Яко вторый Іерусалимъ на земли явися Кіевъ и вторый Моисей Володимеръ явися. Онъ стѣнный законъ въ Іерусалимѣ, отлучающе отъ идолъ, а се чистую вѣру и крещеніе святое, вводящее въ жизнь вѣчную. Онъ ко единому Богу веляше въ законъ пріити, се вѣрою и святымъ крещеніемъ просвѣти всю руськую землю и приведе къ пресвятѣй Троици—къ Отцу и Сыну и Святому Духу, и добродѣтелію получи жизнь вѣчную и люди, тому же научивъ, введе въ царство небесное. Онамо къ единѣмъ апостоломъ рече Господь: *не бойся малое* мое *стадо,* [4]) здѣже ко всѣмъ тоже речено. Онамо 40 днiй и 3 Моусѣй и [5]) законъ давъ преставися

Лѣтопись.

гутъ долѣсти двора моего», — повелѣ пристроити кола (и) вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, впрашающимъ: «кдѣ больній и нищь, не могы ходити?» тѣмъ раздаваху на потребу.

(Подъ 1015 г.) Умре же на Берестовѣмь, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ; ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше въ коверъ и́, ужи свѣсиша на землю; възложьше и́ на сани, везъше поставиша и́ въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немь, боляре аки заступника ихъ земли, убозіи аки заступника и кормителя. И вложиша и́ въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженаго князя.

(Непосредственно въ слѣдъ за предъидущимъ).

---

1) Въ Академ.: проимавше.

2) Въ Акад.: и возложше.

3) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

4) Лук. 12, 33.

5) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

Житіе.

и на горѣ погребенъ, се же 30 лѣтъ и 3 бывъ во святомъ крещеніи, вѣру чистую [1]) съблюдъ, заповѣди съвершивъ Господня, преставися, в руцѣ Божіи душю свою предавъ. И тѣло же его честное вложиша в гробъ мраморянъ и съхраниша съ плачемъ благовѣрнаго князя.

И бысть вторый Костянтинъ въ руской земли Володимеръ, се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже, крестився самъ, и люди своя крести: тако и се сътвори подобно ему. Аще бо бѣ и преже въ поганствѣ на скверную похоть желая, но послѣже прилежа къ покоянію, якоже апостолъ вѣщеваетъ: [2]) *идѣже умножися грѣхъ, ту изобилуеть* [3]) *благодать.* [4]) Аще бо въ невѣжьствѣ етера съгрѣшенія быша, послѣже раскаяшася [5]) покаяніемъ и милостынями, якоже глаголеть: въ чемъ тя застану, въ томъ тя и [6]) сужю, якоже пророкъ глаголеть: *живу Азъ Аданаи Господь, яко не хощю смерти грѣшникомъ, но обратитися имъ отъ пути вашего злаго,* [7]) мнози бо праведніи, не [8]) творяще по правдѣ, живуще погибають. Дивно же есть се, колико добра сътворилъ рустѣй земли, крестивъ ю; мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданію. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ былѣ быхомъ въ прельсти дьяволи, яко и прародители наши

Лѣтопись.

Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо и бѣ преже на скверньную похоть похоть желая, но послѣже прилежа къ покаянью, якоже апостолъ вѣщаваеть: идѣже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать. Дивно же есть се, колико добра створилъ русьстѣй земли, крестивъ ю; мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему прославилъ бы и́, намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ. Но даждь ти Господь по сердцу твоему и вся прошенья твоя исполни, его же (*вар.* еже) желаше царства небеснаго; даждь ти Господь вѣнець съ праведными, въ пищи райстѣй веселье и ликъствованье съ Авраамомь и съ про-

[1]) Въ Академ.: честну.
[2]) Въ Академ.: вѣщаетъ.
[3]) Въ Академ: изобилуется.
[4]) Римл. 5, 20.
[5]) Въ Академ.: разсыпашася.
[6]) Въ Академ.: *и* нѣтъ.
[7]) Іезек. 33, 11.
[8]) Въ Академ.: *не* нѣтъ.

Житіе.

погинуша. Да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань въ день преставленія его, вида бы [1]) Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и, намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ. Но даждь Господи [2]) по сердцу твоему и вся прошенія твоя исполни, иже желаше царства небеснаго; дажь ти Господи вѣнецъ съ праведными, въ пищи райстѣй веселіе и ликъствованіе съ Аврамомъ и съ прочими патріархи, якоже Соломонъ рече: *умершю мужю праведну не погибаеть упованіе.* Сего бо въ память держати рустіи людіе, поминающе святое крещеніе, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснѣхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви новіи людіе, просвѣщени святымъ Духомъ, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въздати [3]) комуждо противу трудомъ неизреченную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ.

О святая царя, Костянтине и Володимере! Помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ бѣды греческыя и рускыя, и о мнѣ грѣшнемъ помолитася къ Богу, яко имуще дерзновеніе къ Богу, да спасуся ваю молитвами. Молюся и мило васъ дѣю [4]) писаніемъ грамотица сея малыя, юже, похваляю васъ, [5]) написахъ недостойнымъ умомъ и невѣжьственнымъ смысломъ. Вы же, святая, молящеся о насъ, о людехъ своихъ, пріимѣте на молитву

Лѣтопись.

чими патріархы, якоже Соломонъ рече: умершю мужу праведну, не погыбаеть упованье. Се бо в память держать русьстіи людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснѣхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новіи людье, просвѣщени святымь Духомь, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ».

(Этого заключенія нѣтъ въ лѣтописи).

---

1) Въ Академ.: вѣдалъ бы.

2) Т. е. но да дасть Господь,.. да исполнитъ...

3) Должно подразумѣвать пропущенное: имуща?

4) Въ Академ.: и молитву ся дѣю.

5) Въ Академ.: похваляя ваю.

Житіе. *Лѣтопись.*

къ Богу святую ваю сыну-Бориса и Глѣба, да вси вкупѣ възможете Господа умолити, съ помощью силы креста честнаго и съ милитвами пресвятыя Богородица, Госпожа нашея, и со всѣми святыми. (въ Академ.: Аминь).»

2. Память и похвала Владимиру монаха Іакова.

Этотъ чрезвычайно важный историческій памятникъ открытъ и напечатанъ преосвящ. Макаріемъ одновременно съ сейчасъ приведеннымъ житіемъ Владимира (послѣ Христ. Чтенія также перепечатанъ имъ въ Исторіи, въ приложеніяхъ къ 1 т., 2 изд. стр. 255 sqq).

Память и похвала читается въ спискахъ въ двухъ видахъ—въ полномъ, съ заглавіемъ, которое сейчасъ ниже, и въ сокращенномъ, именно — только его вторая меньшая половина (что̀ указано ниже) подъ заглавіемъ: «Житіе благовѣрнаго Владимера, нареченнаго во святомъ крещеніи Василіа, крестившаго Русьскую землю».

Списковъ Памяти въ полномъ видѣ у преосв. Макарія были два вышеуказанные: Сахаровскій и Болотовскій. У насъ подъ руками третій списокъ—въ вышепомянутой рукописи Моск. Дух. Академіи № 198, л. 188. Изъ списковъ въ сокращенномъ видѣ преосв. Макарія извѣстенъ одинъ — Румянцевскій № 434, л. 486, стр. 677; у насъ еще другой списокъ — библіотеки Троицкой Лавры № 792, л. 88.

Перепечатываемъ преосв. Макарія съ указаніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ по Академ. сп. № 198 и съ нѣкоторыми по нему поправками, что̀ замѣчаемъ.

«Мѣсяца Июля въ 15 день. Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя кр	ести и всю землю рускую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иіаковомъ мнихомъ. Господи благослови отче.

Паулъ святый Апостолъ, церковный учитель и свѣтило всего міра, посылая к Тимоѳію писаніе, глаголаше: *чадо*, Тимоѳію, *еже слыша отъ мене многы послухы, тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольнѣ будутъ и ины научити.* [1]) И блаженный Апостолъ Лука Евангелистъ къ Ѳеофилу писаше глаголя: [2]) *понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ, бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ, ходившю исперва и по всѣхъ, писати тебѣ, державный Ѳеофиле, да разумѣеши о нихже начатъ Іисусъ творити же и учити.* [3]) Къ тому Ѳеофилу написа Дѣянія Апостольска и Еван-

[1]) 2 Тим. 2, 1. 2.

[2]) Нѣсколько поправляемъ преосв. Макарія по Акад. сп.

[3]) Лук. 1, 1—4.

геліе святый Апостолъ Лука. Потомъ многихъ святыхъ писати начаша житіа и мученія. Такоже и азъ, худый мнихъ Іиаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимери вся рускыя земля, о сыну Святославлѣ, и мало събравъ отъ многыхъ я [1]) добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба, — како просвѣти благодать Божіа сердце князю Володимеру, сыну Святославлю и внуку Игореву, и възлюбивый [2]) человѣколюбивый Богъ, хотяй спасти всякаго человѣка и в разумъ истиный пріити, и вжада святого крещенія. *Якоже жадаетъ еленъ на источникы водныя,* [3]) тако вжада благовѣрный князь Володимеръ святаго крещеніи, и Богъ сътвори хотѣніе его. Пишеть бо: *вълю боящихся его сътворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ я;* [4]) и самъ рече Господь: *просите и пріимите, ищите и обрящете, толцѣте и отверзется вамъ; всякъ просяй приметъ, ищай обрящетъ, толкущему отверзется;* [5]) и пакы рече: *иже вѣру имѣтъ, крестится и спасенъ будетъ, а иже вѣры не иматъ, не крестится, уже осужденъ будетъ.* [6])

Взыска спасенія, и прія отъ бабѣ [7]) своей Олзѣ, како шедше ко Царюгороду и приняла бяше святое крещеніе, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися, и почи с миромъ и Христѣ Іисусѣ и въ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Владимеръ отъ бабѣ [8]) своей Олзѣ, нареченнѣй въ святомъ крекрещеньи Елена, тоя и житіе подража, —святыя царица Елены, блаженныя княгыни Олги; то слышавъ Владимеръ, разгараштся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещенія. Видя же Богъ хотѣніе сердца его, провидя доброту его и призрѣ съ небесе милостію своею и щедротами и въ Троици славимый Богъ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, на князя Володимера, — испытая сердца и утробы, Богъ праведенъ, вся прежде вѣдый, и просвѣти сердце князю рускыа земля Володимеру пріати святое крещеніе.

Крестижеся самъ Володимеръ, и чада своя и весь домъ свой святымъ крещеніемъ просвѣти, и свободи всяку душю, мужескъ полъ и женескъ, святого ради крещенія. И възрадовася и възвеселися о Бозѣ давидьскы [9]) князь Володимеръ, и акы святый пророкъ дивный Аввакумъ о Господѣ веселяся и радуяся о Бозѣ Спасѣ своемъ. [10]) О блаженое время и день добрый, исполненъ всего блага, въ онже крестися Володимеръ князь! И нареченъ бысть во святомъ крещеніи Васи-

---

1) Въ Академ., какъ и въ Болот.: отъ многія добродѣтели.
2) Въ Болот.: возлюби й, въ Академ... возлюбивый й.
3) Пс. 41, 2.
4) Пс. 144' 19.
5) Матѳ. 6, 7. 8, Лук. 11, 9. 10.
6) Марк. 16, 16.
7) Въ Акад. *отъ* баба, но должно быть *о* бабѣ, какъ это и читается въ Болот.
8) Въ Акад. о бабѣ.
9) Нѣсколько поправляемъ по Акад. сп.
10) Тоже.

лей и даръ Божій осѣни его, благодать Стятаго Духа освѣти сердце его и навыче по заповѣди Божіи ходити и жити добрѣ о Бозѣ [1]), и вѣру тверду удержа неподвижиму. Крести же и всю землю рускую отъ коньца и до коньца, и поганьскыя богы, пачежъ и бѣсы, Перуна и Хорса и ины многы попра, и съкруши идолы и отверже всю безбожную лесть. И церковь созда каменну во имя пресвятыя Богородица, прибѣжище и спасеніе душамъ вѣрнымъ, и десятину ей вда, тѣмъ попы набдѣти и сироты и вдовица и нищая. И потомъ всю землю рускую и грады вся украси святыми церквами, и отвержеся всея дьяволя льсти, и пріиде отъ тмы дьяволя на свѣтъ съ чады своими, пріиде къ Богу крещеніе пріимъ и всю землю рускую исторже изъ устъ дьяволь и къ Богу приведе и къ свѣту истинному. Рече бо Господь пророкомъ: [2]) *изводяй отъ нечестия нечестиваго, акы уста мои еси:* [3]) и бысть князь Володимеръ, акы уста Божіа, и человѣкы отъ льсти дьяволя къ Богу приведе. О колика радость и веселіе бысть на земли! И ангели възвеселишася, и архангели, и святыхъ дуси взыграшася. Самъ рече Господь, колика *радость бываетъ на небесѣхъ о единѣмъ грѣшницѣ кающемся.* [4]) Толико безъ числа душь по всей земли руской приведены къ Богу святымъ крещеніемъ! Похвалы всякыя дѣло достойно сътвори и радости духовныя полно.

О блаженный и треблаженный княже Володимере, благовѣрне и христолюбиве и страннолюбче! Мьзда твоя многа зѣло предъ Богомъ. Тоже блаженный Давыдъ глаголаше: *блаженъ человѣкъ, егоже ты накажеши, Господи, отъ закона твоего научиши и да укротиши отъ дній людъ.* [5]) Блаженный князь Володимеръ уклонився отъ службы дьяволя и пріиде къ Христу Богу, Владыцѣ своему, и люди вся приведе и научи я служити Богу. Самъ бо Господь рече: *иже сотворить и научить, сей великъ наречется въ царствѣ небеснемъ.* [6]) А ты, о блаженный княже Володимерю, бысть Апостолъ въ князѣхъ, всю землю рускую приведъ къ Богу святымъ крещеніемъ, о научи люди своя кланятися Богу, славити и пѣти Отца и Сына и Святаго Духа. И вси людіе рускыя земля познаша Бога тобою, божественный княже Володимере! Възрадовашежеся Ангельстіи чини, агници чистіи, [7]) нынѣ радуються вѣрніи и воспѣша и въсхвалиша. Акы младенци иеврейстіи съ вѣтвьми усрѣтоша Христа, вопіюще: осана Христу Богу, побѣдителю смерти: тако и новоизбранніи людіе рускыя земля въсхвалиша Владыку Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, и къ Богу приближившеся святымъ крещеніемъ, и дьявола отвергъшеся и службы его поругашася и поплеваша бѣсы и познаша Бога истиннаго, Творца и Сдѣтеля всей твари, и поють по

---

1) Тоже.
2) Акад.: и пророкомъ.
3) Іер. 15, 19.
4) Лук. 15, 7. 10.
5) Пс. 93, 12 Болот.. и Акад. лютъ.
6) Матѳ. 5, 19.
7) Акад.: и агнѣцѣ чистѣѣ.

вся дни живота и на всякъ часъ пѣснь чюдную, хвалу Архангельскую: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцехъ благоволеніе.* [1]) И ты, блаженный княже Володимерю, подобно Костянтину великому сътвори. Якоже онъ, вѣрою великою и любовію Божіею подвигся, утверди всю вселенную любовію и вѣрою, и святымъ крещеніемъ просвѣти весь миръ и законъ Божій по всей вселеннѣй заповѣда и раздруши храмы идольскыя со лжеименными боги, святыя же церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу, въ Троици славимому, Отцю и Сыну и Святому Духу, и крестъ обрете, всего мира спасеніе, съ божественною и богомудрую матерью своею святою Оленою, и чяды многы [2]) приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесщисленное множество, и требища бѣсовская потреби и храмы идольскыя раздруши, и церквами украси всю вселенную и грады [3]), и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣніи и молитвами и праздники праздновати на славу и на хвалу Богу. Такоже и блаженный князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Олгою. [4])

Та бо блаженная княгыни руская Олга, по смерти мужа своего Игоря, князя рускаго, освящена бывши Божіею благодатію и въ сердци пріимши Божію благодать. О како похвалю блаженную княгыню Олгу, братіе! — Не вѣдѣ. Тѣломъ жена сущи, мужеску мудрость имѣющи, просвѣщена Духомъ Святымъ, разумѣвши Бога истиннаго, Творца небу и земли, въставьши иде в землю грѣческую, въ Царьградъ, идѣже цари крестьяны и крестьянство утвердися, и пришедше проси крещеніа, и пріимши святое крещеніе възвратися въ землю рускую, въ домъ свой, къ людемъ своимъ, съ радостію великою, освящена духомъ и тѣломъ, несущи знаменіе честнаго креста. И потомъ требища бѣсовьская съкруши и начя жити о Христѣ Іисусѣ, възлюбивши Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, и поиде въ слѣдъ Господа Бога, всими добрыми дѣлы освѣтившися и милостынею украшьшися, нагыя одѣвающи, жадныя напаяющи и странныя упокоющи [5]), нищая и вдовица и сироты — вся милующи и потребу дающи всяку съ тихостію и любовію сердца, и молящи Бога день и нощь о спасеніи своемъ. И тако поживши и добрѣ славящи Бога въ Троици, Отца и Сына и Святаго Духа, почи въ блазѣ вѣрѣ, скончя житіе свое съ миромъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. И Богъ прослави тѣло своея си Олены, ей же имя въ святомъ крещеніи наречено блаженыя княгыни Олги, и есть въ гробѣ тѣло ея честное, и неразрушимо пребываетъ и до сихъ дней. Богъ бо своя рабы славить; рече бо пророкъ: *славящая мя прославлю и укоряяй бесчестни будеть* [6]). Блаженная бо княгыни Олга прослави

---

[1]) Лук. 2, 14.

[2]) Слѣдуетъ чтенію Болот. сп.

[3]) Так Болот. и Акад.

[4]) Передъ слѣдующимъ отдѣломъ въ Сахар. и въ Акад. надписаніе киноварью: «Похвала княгинѣ Олгѣ, како крестися и добрѣ поживе по заповѣди Господни».

[5]) Акад. покоявающи.

[6]) 1 Царств. 2, 30.

Бога всѣми дѣлы своими добрыми, и Богъ прослави ю. Ино [1]) чюдо слышите о ней: въ гробѣ, идѣже лежитъ блаженное и честное тѣло блаженныя княгынѣ Олгы, — гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица, ту церковь създа блажены князь Володимеръ каменую в честь святѣй Богородици, и есть гробъ блаженыя Олги, — и на верху гроба оконце сътворено, и туда видѣти тѣло блаженыя Олгы лежащи цѣло, да иже съ вѣрою придеть, отворится оконце, и видѣть честное тѣло лежаще цѣло, и дивися чюду таковому, толико лѣтъ въ гробѣ лежащу тѣлу не разрушимуся. И человѣци же вѣрніи, видѣвше чудо толико, славять Бога, дивящеся милости Божіей, юже имать на святыхъ своихъ. О дивное и страшное чюдо, братіе, и преславно! Достойно похвалы всякоя тѣло то честное: въ гробѣ цѣло, акы спя, почиваетъ! По истинѣ, *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ* [2]). То видяще [3]) вѣрніи человѣцѣ прославять Бога, прославляющаго рабы своя. А другымъ, иже не съ вѣрою приходять, не отворится оконце гробное, и не видять тѣла того честнаго, но токмо гробъ. Тако Богъ прослави рабу свою Олгу, рускую княгыню, нареченую въ святомъ крещеніи Елена! [4]) По святомъ же крещеніи си блаженная княгыни Олга живе лѣтъ 15, и угодивъ Богу добрыми дѣлы своими и успѣ мѣсяца Июля въ 11 день въ лѣто 6477-е, душю свою честную предавши в руцѣ Владыцѣ Христу Богу.

Послушайте возлюбленніи! [5]) Блаженный же князь Володимеръ, [6]) внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чада своя и всю землю рускую крести отъ конца и до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче и идолы съкруши, и всю землю рускую и грады и честными иконами церкви украси [7]) и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣніемъ и молитвами; и праздноваше свѣтло праздникы Господьскыя, три трапезы поставляше: первую митрополиту съ епископы и съ черноризьцѣ и съ попы, вторую нищимъ и убогымъ, третьюю собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ. Подобяся царемъ святымъ блаженый князь Володимеръ Пророку Давиду, царю Езекѣю и преблаженному Иосѣю и великому Костянтину, иже избраша и изволиша Божій законъ. боле всего и послужиша Богу всѣмъ сердцемъ и получиша милость Божію и наслѣдиша рай и пріаша царство небесное и почиша съ всѣми святыми, угожьшими Богу: такоже и [8]) блаженый князь

---

1) Акад.: И ино.

2) Пс. 67, 37.

3) Поправляемъ по Акад. сп.

4) Полагаемъ, что со словъ: «Ино чюдо слышите», есть позднѣйшая вставка, хотя сдѣланная еще въ періодъ до-монгольскій.

5) Со словъ: «Блаженный же князь Володимеръ» начинается память и похвала въ спискахъ Румянц. и Троицк. Думаемъ, что «послушайте возлюбленніи» приписано въ то время, какъ Память начала быть читаема въ церквахъ въ день празднованія кончины Владимира. Можно думать, что она только отсюда была читаема и что поэтому именно въ нѣкоторыхъ спискахъ она и писана не вся, а только съ того, что̀ отсюда.

6) Поправляемъ чтеніе по Акад. сп.

7) Такъ и въ Акад. сп.

8) *и* изъ Акад. сп.

Володимеръ, послуживъ Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею. Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти: мнозѣ бо святѣи праведнѣи не сътвориша чюдесъ, но святи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святый Іоаннъ Златоустъ [1]: отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята человѣка, отъ чудесъ ли или отъ дѣлъ? И рече: отъ дѣлъ познати, а не отъ чюдесъ. Много бо и волъсви чюдесъ сътвориша бѣсовьскымъ мечтаніемъ; и бяху святѣи Апостолѣ и бяху лжіи Апостолѣ [2]), бѣша святѣи пророцѣ и бяху лжіи [3]) пророцѣ, слуги дьяволя; ино чюдо, и самъ сотона преображается въ ангелъ свѣтелъ. Но отъ дѣлъ разумѣти святаго, якоже Апостолъ рече: *плодъ духовный есть любы, терпѣніе, благовѣріе, благость, кротость и въздержаніе, на таковыхъ нѣсть закона* [4]). Блаженый же князь Володимеръ всѣмъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби и заповѣди Его взыска и съхрани. И [5]) вся страны бояхуся его и дары приношаху ему. И възвеселися и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещеньи, и хваляше и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимеръ, и сице въ радости смиреніемъ сердца глаголаше: Господи, Владыко благый! Помянулъ мя еси и привелъ мя еси на свѣтъ, и позпахъ я, всея твари Творца. Слава Ти [6]), Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Іисуса Христа! Слава Ти [7]) съ Сыномъ и Святымъ Духомъ! Сице мя помиловавъ! Во тмѣ бяхъ, дьяволу служай и бѣсомъ, но Ты мя святымъ крещеніемъ просвѣти. Акы звѣрь бяхъ, много зла творяхъ въ поганьствѣ, и живяхъ акы скотина, но Ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава Ти, Боже, въ Троици славимый, Отце и Сыне и Святый Душе, Троице Святая! Помилуй мя, настави мя на путь твой и научи мя творити волю твою, яко Ты еси Богъ мой. Князь же Володимеръ поревнова святыхъ мужь дѣлу и житію ихъ, и възлюбя Авраамово житіе, и подража страннолюбіе его, Іяковлю истину, Моисѣеву кротость, Давидово безлобіе, Костянтина царя великаго, перваго царя крестьянскаго, того подражая правовѣріе. Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощнѣи и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посылаше: немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженый князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но и по всей земли руской и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, алчьныя кормя и жадныя напаяя, странныя покояя милостію, церковникы чтя и любя и милуя, подавая имъ требованіе; нищія и сироты и вдовица и слѣпыя и хромыя и трудоватыя и вся милуя и одѣвая и накорьмя и напаяя. Такоже пребывающу князю

---

1) Акад.: Иванъ Златоустый.

2) Акад.: и бяху святѣи апостоли и бяху блаженіи апостоли, что̀ можетъ быть ошибка изъ блазніи.

3) Акад.: лживіи.

4) Гал. 5. 23.

5) И въ Акад. нѣтъ.

6) Въ Акад.: славити.

7) Въ Акад. опять: славити.

Володимерю въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божіа просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вcѣ. Идѣже идяше, одолѣваше: Радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, Вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ, и Ятъвягы взя, и сребреныя Болгары [1]) побѣди, и на Казары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи. Умысли же и на грѣчьскый градъ Корсунь, и сице моляшеся князь Володимиръ Богу: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошю, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьяньскому». И послуша Богъ молитвы, его, и прия градъ Корсунь. И взя съсуды церковныя и иконы и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. Въ ты дни [2]) бѣяста царя два въ Цариградѣ: Костянтинъ и Василей. И посла к нимъ Володимеръ, прося у нихъ сестры оженитбся, да ся бы болма на крестьяньскый законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к нему, и мощи [3]) святыхъ даста ему; положи и̑. Тако добрѣ [4]) поживе благовѣрный князь Володимеръ, и скончя житіе свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, и съ благовѣрною Олгою: и та-бо шедши Царюграду прияла бяше святое крещеніе, и много сотворивъ добра въ житіи семъ предъ Богомъ, и сконча житіе свое въ добрѣй вѣри, я почи съ миромъ, в руцѣ Божіи душю предавши. И еще живу сущю Володимеру князю, рать бяше отъ Печенѣгъ. Володимеръ же бяше болѣстію одержимъ: въ той же болѣзни предасть душю свою в руцѣ Божіи [5]).

Володимеръ князь, отходя свѣта сего, сице моляшеся глаголя: «Господи Боже мой! Не позналъ Тебе Бога [6]), но помиловалъ мя еси и святымъ крещеніемъ просвѣтилъ мя еси: и познахъ Тя, Боже всѣхъ, святый Творче всея твари, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Слава Ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Владыко Боже! Не помяни моей злобы: не позналъ есмь Тебе въ поганьствѣ, нынѣ же Тя знаю и вѣдѣ [7]). Господи Боже мой! Помилуй мя [8]): аще мя хощеши казнити и мучити за грѣхы моя, казни Самъ мя, Господи, бѣсомъ не предай же мене». И сице глаголя и моляся Богу, преда душу свою с миромъ Ангеломъ Господнимъ, и успѣ. Праведныхъ бо душа в руцѣ Божіи суть, и мъзда имъ отъ Бога, и строеніе имъ отъ Вышняго; того ради пріимуть вѣнець красоты отъ руки Господня. По святомъ же крещеньи поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ. На другое

---

[1]) Такъ въ Сахар., Болот., Румянц. и Троицк., но въ Акад.: Сербяны и Болгары. У Татищева (II, 63 fin.) и у Стрыйковскаго (подъ 985 г.) такъ же, кажется, были списки, въ которыхъ читалось какъ въ Академ.

[2]) Въ Акад.: И въ ты дни.

[3]) Поправляемъ по Акад.

[4]) Въ Акад.: даста ему, и тако положь добрѣ поживе....

[5]) Передъ дальнѣйшимъ въ Сахар. и Акад. надписано киноварью: «Молитва князя Володимера».

[6]) Поправляемъ по Акад. сп.

[7]) Такъ и въ Акад., въ Болот. вѣдѣ.

[8]) Акад.: Помилуй мя Боже.

лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи, в девятое лѣто десятину блаженый и христолюбивый князь Володимеръ вда церкви святѣй Богородици и отъ имѣнія своего. О томъ бо и самъ Господь рече: *идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будеть* [1]). Блаженый князь Володимеръ имяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы: тамо и сердце его бѣ, въ царствіи небеснѣмъ. И Богъ поможе ему, и сѣде въ Кіевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава и дѣда своего Игоря. А Святослава князя Печенѣзѣ убиша; а Ярополъкъ сѣдяше въ Кыевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава, и Олегъ идый съ вои у Вручя града мостъ ся обломи съ вои и удавиша Олга въ гребли, и Ярополка убиша въ Кыевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Кыевѣ князь Володимеръ в'осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца Июня въ 11 день, въ лѣто 6486. Крестижеся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убіеніи брата своего Ярополка. Каяшеся и плакашеся [2]) блаженый князь Володимеръ всего того, елико сътвори въ поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, Творца небеси и земли, покаявся всего и отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца Июля въ 15 день, въ лѣто 6523 о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава и держава со Отцемъ» [3]).

---

3. Проложное сказаніе о Владимирѣ.

Помѣщаемъ это сказаніе ради его относительной древности, не столько впрочемъ для пользованія, сколько для свѣдѣнія, по древнѣйшей извѣстной намъ рукописи, которая есть синодальный пергаминный Прологъ 1400 г., № 240 и въ которомъ оно подъ 15 Іюля, — л. 139 об.

«Вотъ день святаго князя Володимира, крестившаго всю рускую землю [4]).

Сь бысть сынъ Святъславль, отъ племени варяжьска, князь Володимеръ. Первое ко идоломъ много тщаніе творя по отцю преданію, да егда Богъ восхотѣ избрати людіи овы, вдохну въ сего благодать святаго Духа, и возбну отъ сна отъ лютаго идолослуженія и посла по всимъ языкомъ, испытая законъ ихъ, како вѣрують, и увиди въ (sic) святую грѣчкую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ и рече въ собѣ: сице створю, пойду въ землю ихъ и плѣню грады ихъ, и обращю учителя, — да еже умысли, то и сотвори. Шедъ взя Корсунь [5]), и посла къ царю

---

[1]) Матѳ. 6, 21.

[2]) Исправляемъ по Акад. сп.

[3]) Съ «емуже» изъ Акад. сп.

[4]) Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сборникахъ сказаніе надписывается: «Похвала (Слово похвально) благовѣрному князю Владимеру, нареченному въ крещеніи святемъ Василію», Лаврск. Троицк. ркп. № 792 л. 84 об., Румянц. № 434 л. 487 об., у Вост. стр. 677 fin.

[5]) Въ спискѣ сказанія, находящемся въ Румянцевскомъ Торжественникѣ конца XV вѣка (у Восток. № 435, стр. 687) здѣсь читается замѣчательная вставка:

грѣчкому, глаголя: дай за меня сестру свою, аще ли не даси, створю граду твоему, яко и сему створихъ; онъ же отвѣща: нѣсть здѣ таковаго обычая, крестьяномъ даяти за поганыя, аще ли ся крестишь, то и се получиши и вяще сего царство небесное. И рече Владиміръ: тако створю, пришедше отъ тебе съ царицею крестятъ мя. И въ то время впалъ бяше Володимиръ въ недугъ обѣма очима, и рече пославши царица къ нему: аще не крестишися, не избудеши болѣзни сея; онъ же рече: крестите мя, ибо на то вы есмь призвалъ. И егда крестиша и̕, створися чюдо веліе: вшедшю ему во святую купель и отверзостася ему очи и бысть акы николиже имѣвъ недуга; прозрѣвъ, похвали всихъ Бога, и просвѣщенъ бывъ радовашеся душею и тѣломъ. И пришедъ къ Кіеву изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и прочая вся кумиры, и посемь созва все множество людіи, заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: аще кто не обрящется утро на рѣцѣ, то будеть противникъ мнѣ. И снидe на Почайну рѣку весь воздстрастъ мужъ и женъ и младенци, свершеніи же стояху въ водѣ, ови до пояса, инія до выя, а друзіи бродяху, а прозвутери по брегу стояще молитвы глаголаху яко надъ крестимыми, и оттолѣ наречеся мѣсто святое, идѣже нынѣ церкы есть Петрова, и тъ бысть первый ходатай нашему спасенію. Володимиръ же, возрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: призри на новопросвѣщенныя люди сія и дай же имъ Господи увидити тебе истиньнаго Бога, утверди въ нихъ правую вѣру, и мнѣ помози Господи на супротивнаго врага, да надѣяся на твою державу попру козни его. Повелѣ же по всимъ градомъ ставити церкви [1]), а самъ созда церковь святую Богородицю. Пребывъ же нѣколико лѣтъ, нача болѣти и преставися къ Богу мѣсяца Іюля въ 15 день; тѣло же его положиша въ церкви святыя Богородица, юже самъ созда, и плакася его все множество людіи, боярѣ аки отца, люди акы заступника, сироты акы помощника, нищіи и вдовици акы печалника и кормителя. Да како тя возможемъ по достоянію похвалити, сотворшаго дѣло равно апостоламъ? Хвалитъ убо Римьская земля Петра и Павла, Асья Богословца Іоанна, Египетьская земля Марка, Антіохійская Лука (sic), а Грѣчкая Андрея, вся же Руская земля тебе, Володимере, яко Господня апостола, молебными пѣсньми память твою празднующе. Похвальныя вѣнца приносимъ ти, глаголюще: радуйся, Володнмере, пріимый вѣнець отъ Вседержителя Бога, радуйся святая главо, вожю и учителю нашъ, имже избывше тмы свѣтъ познахомъ, радуйся честное древо самаго рая, иже возрасти намъ святѣи лѣто расли святую

«Шедъ взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ; не роспустивъ полковъ и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемь просити за себе сестры ихъ».... Въ этой замѣткѣ какъ будто говоритъ современникъ, но откуда она̄ взята переписчикомъ рукописи? Если онъ не нашелъ ее гдѣ нибудь какъ случайную замѣтку, а взялъ ее изъ цѣлаго сочиненія, то, конечно, весьма желательно, чтобы открыто было это послѣднее.

[1]) Въ указанномъ спискѣ Румянцевск. Торжественника: «Ставити церкви по всему граду и по селомъ, а самъ»..., что впрочемъ, очевидно, есть чтеніе неправильное, хотя Востоковъ и принимаетъ его за болѣе правильное.

мученику Бориса и Глѣба, отъ неюже нынѣ сынове рустіи насыщаются, пріемлюще недугомъ исцѣленіе, радуйся дѣлателю вѣрный Христовъ, и растерзавъ лестное терьніе и раздрушивъ, взоравъ крещеніемъ всю землю, и насѣявъ святыми книгами, отъ нихже жнуть рустѣи сынови полезныя рукояти (sic) покаянію, и друзіи уже ядять нескудную пищю въ царствіи небеснѣмь, еяже трапезы сподобимся и мы недостойніи, кающеся о согрѣшеніи».

---

4. Бандуріево греческое сказаніе о крещеніи Владимира.

Это сказаніе найдено ученымъ первой половины прошлаго вѣка Анзельмомъ Бандуріемъ (Бандуричемъ) въ одной новаго письма рукописи Парижской королевской библіотеки. Оно напечатано Бандуріемъ въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ его Imperium Orientale, T. II Animadverss. in librum Constant. Porph. De adminstr. imper. pp. 112 — 116, а въ новѣйшее время перепечатано въ Боннскомъ изданіи Византійцевъ, Constant. Porphyrog. vol. 111 p. 357 sqq (въ тѣхъ же на туже книгу примѣчаніяхъ Бандуріевыхъ); въ одномъ латинскомъ переводѣ у Стриттера въ Memor. pop. II, 959 fin.; по-русски въ сокращенной передачѣ у Шлецера, — Несторъ II, 542 § 3 и у Карамзина 1 прим. 447.

Сказаніе не имѣетъ совершенно никакого историческаго значенія. Но мы печатаемъ его въ полномъ русскомъ переводѣ — во-первыхъ, для свѣдѣнія, во-вторыхъ — какъ образецъ повѣстей, на какія способны были Греки. Какъ мы замѣчали выше, сказаніе не имѣетъ начала (historia a principio mutila est, говоритъ Бандурій).

.....« и хорошо изучаютъ сихъ [1]) богопочтеніе. (Потомъ же) они [2]), такъ сказать, на крыльяхъ достигаютъ Рима, и все тамъ изслѣдуютъ и осматриваютъ и хорошо обозрѣваютъ благоукрашеніе божественныхъ храмовъ (и видятъ, дозираютъ, тамошнихъ архіереевъ и іереевъ; и не только это, но видятъ и самого патріарха ихъ, называемаго также папой, и слышатъ отъ него весьма многія къ пользѣ (своей) рѣчи. И такимъ образомъ съ поспѣшностію возвращаются назадъ и достигаютъ своей страны и являются къ великому королю (πρὸς τὸν μέγαν ῥῆγαν), и тамъ обстоятельно повѣствуютъ, что видѣли и слышали. Они съ настояніемъ увѣряли, что великое и истинное (есть то, что̀ они видѣли), и что нѣтъ нужды въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и изысканіи, и «если хочешь, — говорили, — свѣтлѣйшій и славнѣйшій нашъ самодержецъ и князь, принять ихъ вѣру [3]), то дай знать имъ и ты хорошо будешь посвященъ въ ихъ ученіе». Когда же бывшіе съ нимъ князья все выслушали, особенно же тѣ, которые уже и прежде

---

[1]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго — Камскихъ Болгаръ.

[2]) Послы Владимировы.

[3]) Т. е. Римлянъ.

были его совѣтниками[1]), то опять и опять сказали ему: «нехорошимъ кажется всѣмъ намъ дѣломъ, чтобы они не развѣдали и не узнали обстоятельно и относительно Константинополя, поелику и этотъ городъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, есть великій нѣкій и превосходный; итакъ надлежитъ, чтобы и его богопочтеніе и службу[2]) они изслѣдовали и испытали, и такимъ образомъ изъ обѣихъ изберемъ лучшее». Выслушавъ это, благоразумный и славный король, согласился и благосклонно принялъ (совѣтъ). Посему многократно помянутыхъ выше четырехъ мужей еще посылаетъ и въ Константинополь, дабы и тамъ все обозрѣли и извѣдали. И съ большимъ трудомъ достигаютъ и его (Константинополя) и приходятъ къ содержавшему тогда скипетръ Римскій, разумѣю Василію изъ Македоніи, и сообщаютъ причину своего прибытія. Онъ же, любезно и прелюбезно ихъ принявъ, тотчасъ приставилъ къ нимъ нѣкоторыхъ князей изъ числа разумныхъ, чтобы показали имъ все лучшее въ городѣ, и чтобы хорошо могли уразумѣвать ихъ спросы и давать на нихъ отвѣты. (Приставленные) же мужи, взявъ (ихъ) и показавъ (имъ) въ городѣ многое достойное зрѣнія, вошли въ славный и великій божественный храмъ Премудрости Божіей (Софіи). И какъ повѣствуютъ (какъ носится молва, ὡς ὁ λόγος κρατεῖ), тогда совершался въ немъ великій праздникъ, — Златоустаго ли или Успенія пресвятыя Матери моего Бога, точно не умѣю сказать, только праздникъ совершался удивительный и великій. И четыре оные мужа, будучи съ нашими князьями, осматривали весь храмъ и видя великое освѣщеніе совершаемаго праздника и слыша благозвучіе пѣсней, въ удивленіи недоумѣвали. Итакъ, когда они пробыли тамъ вечерній гимнъ и утренній[3]), и многое сказали и слышали, настаетъ и время священной и божественной литургіи, и опять названные мужи съ царскими князьями входятъ въ достопочитаемый и величайшій храмъ, чтобы быть зрителями безкровнаго и божественнаго тайноводства. Достигнувъ въ разсказѣ моемъ доселѣ, изумляюсь человѣколюбію Бога, хотящаго всѣмъ спастися и въ познаніе истины пріити. Итакъ, когда языческіе оные и варварскіе мужи вошли, какъ сказано, въ превеликій храмъ и тамъ стоя все дѣлаемое въ храмѣ смотрѣли и тщательно замѣчали, — какъ сначала былъ такъ называемый малый входъ, потомъ съ великолѣпіемъ совершился великій и и иподіаконы и діаконы выходили изъ святаго алтаря съ лампадами и рипидами, а также весьма многіе іереи и архіереи по обычаю со страшными и божественными тайными и самъ, имѣвшій тогда святительство, патріархъ, и какъ всѣ присутствовавшіе пали на полъ и горячо изливали молитву и взывали: Господи помилуй, а одни только[4]) четыре оные языческіе мужа съ открытыми глазами и небоязненно смотрѣли и все совершаемое замѣчали. По сему и милосердый и человѣколюбивый Богъ нашъ открылъ очи мужей оныхъ, и видѣли они нѣчто страшное

---

[1]) Подразумѣвается—на то, чтобы послать пословъ для осмотра вѣръ.

[2]) Τὸ σέβας καὶ τὴν λατρείαν.

[3]) Т. е. вечерню и заутреню.

[4]) Рѣчь выходитъ нѣсколько безъ смысла, но мы въ этомъ невиноваты.

и преестественное, вопросивъ о чемъ обстоятельно, узнали истину. Ибо когда окончился оный божественный и великій входъ и отъ преклоненія всѣ встали, то мужи, видѣвшіе странное видѣніе, тотчасъ взяли за руки находившихся близь нихъ князей императора и сказали имъ слѣдующее: «не отрицаемъ, все что мы доселѣ видѣли, страшно и велико, но сейчасъ видѣнное нами превыше естества человѣческаго, ибо видѣли мы нѣкихъ крылатыхъ юношей, одѣтыхъ въ странную (и) прекрасную одежду,— они не ходили по полу храма, но носились по воздуху, поя: святъ, святъ, святъ, что всѣхъ насъ болѣе всего другаго поразило и привело въ великое недоумѣніе». Когда услышали это князья императора, то отвѣчали имъ: можетъ быть, вы не знаете всѣхъ таинствъ христіанъ и никогда не слыхали, что ангелы сходятъ съ небесъ и священнодѣйствуютъ съ нашими іереями. Они, услышавъ это, сказали: всеистинно и ясно есть то, что намъ говорите, и не нуждается въ другомъ доказательствѣ, ибо мы сами все видѣли собственными глазами; отпустите же насъ скорѣе возвратиться туда, откуда мы посланы, чтобы увѣдомить и удостовѣрить владыку нашего о томъ, что видѣли и что хорошо узнали. (Итакъ), ихъ отослали опять туда съ радостію великою и съ веселіемъ. Они же возвратившись и прибывши въ свою страну, пашли славнаго и великаго короля и поклонившись ему сказали все, что видѣли, и разъяснили ясно, говоря и сіе: «не отрицаемъ, что великое нѣчто и славное мы видѣли прежде въ Римѣ, все же видѣнное (нами) въ Константинополѣ поражаетъ умъ человѣческій», и все разсказывали ему по порядку и подробно. Великій же ихъ князь, когда точно узналъ отъ нихъ истину и удостовѣрился, нисколько не медлитъ, но тотчасъ посылаетъ къ благочестивѣйшему царю Римлянъ въ Константинополь и проситъ архіерея, чтобы тьмочисленный тамъ народъ научилъ и крестилъ, — содержалъ же тогда скипетръ римскій Василій изъ Македоніи. Принявъ съ радостію посланныхъ оттуда мужей, онъ послалъ имъ нѣкоего архіерея, славнаго благочестіемъ и добродѣтелію и съ нимъ двухъ мужей Кирилла и Аѳанасія [1], также добродѣтельныхъ и весьма разумныхъ и мудрыхъ, которые были исполнены не только знанія божественнаго писанія, но хорошо научены были и внѣшней мудрости, какъ достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ изобрѣтенныя ими письмена. Они, отправившись туда, всѣхъ научили и крестили и привели къ благочестію христіанъ. Видя же, что народъ этотъ совершенно варварскій и невѣжественный,[2]) названные ученые мужи не находили возможнымъ научить ихъ двадцати четыремъ письменамъ (буквамъ) эллинскимъ, посему, чтобы опять не отклонились они отъ благочестія, начертали имъ и научили ихъ тридцати пяти письменамъ,[3]) которые называются: ἆς, μπούκη, βέτδ, γλαώδ, δοπρῶ... и пр. Таковы суть, тридцать

---

[1]) Разумѣй — Кирилла и Меѳодія, Славянскихъ просвѣтителей.

[2]) *βάρβαρον πάντῃ καὶ σόλοικον.*

[3]) Надѣемся, самъ читатель замѣчаетъ оригинальное остроуміе автора: Кириллъ и Аѳанасій потому начертали для Русскихъ свои *тридцать пять* буквъ, что видѣли невозможнымъ научить ихъ *двадцати четыремъ* греческимъ....

пять буквъ Россовъ, которыя и до сихъ поръ изучаютъ всѣ и хорошо знаютъ благочестіе.

Нѣкоторые же говорятъ, что тамъ было и таковое чудо. Еще содержимый суевѣріемъ самъ князь и бояре его и весь народъ, и размышляя о прежней своей вѣрѣ и вѣрѣ христіанъ, призываютъ къ себѣ недавно прибывшаго архіерея и спрашиваетъ князь: что онъ намѣревается имъ проповѣдывать и чему учить. Когда же онъ предложилъ священную книгу Божественнаго Евангелія и повѣствовалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ человѣческомъ образѣ [1]), то толпа Руссовъ сказала: если и мы не увидимъ чего нибудь подобнаго, и въ особенности что ты говоришь о случившемся съ тремя отроками въ печи, то совершенно не будемъ тебѣ вѣрить. Онъ же, вѣруя неложному слову сказавшаго: аще что просите во имя Мое, получите, и: вѣруй въ Мя, дѣла яже азъ творю, и той сотворитъ и больши сихъ сотворитъ, сказалъ имъ: хотя и не должно искушать Господа Бога, но если вы отъ всей души рѣшились приступить къ Нему, просите, чего хотите, и Богъ непремѣнно сотворитъ по прошенію вашему, хотя мы малѣйшіе и недостойные. Они же тотчасъ попросили, чтобы свитокъ Божественнаго Евангелія брошенъ былъ въ разведенный ими огонь, и (обѣщались), если онъ сохранится невредимымъ, приступить къ проповѣдуемому имъ Богу. Согласились на этомъ. И послѣ того какъ іерей поднялъ глаза и руки къ небу и воззвалъ: прослави Духа твоего святаго, Іисусе Христе Боже нашъ — въ глазахъ всего народа брошена была въ печь книга святаго Евангелія. Печь достаточное время была разжигаема и наконецъ и совсѣмъ погасла, но священный свитокъ найденъ былъ не пострадавшимъ и не поврежденнымъ и не потерпѣвшимъ отъ огня никакого ущерба. Видя это и будучи поражены величіемъ чуда, варвары безъ колебанія устремились къ крещенію и очищенные умомъ прославили Спасителя Господа, которому слава и держава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Если находились Греки, способные сочинять повѣсти, подобныя сейчасъ представленной, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нашолся Грекъ, который сочинилъ и наше житіе Владимира.

---

5. Греческіе и арабскій писатели о женитьбѣ Владимира на царевнѣ Аннѣ.

Кедринъ (ed. Paris. t. II p. 699, у Стритт. въ Memor. pop. II, 1009): «(Императоръ Василій) много убѣждалъ (патриція Дельфину, соучастника бунтовщика Варды Фоки) отступить (съ войскомъ) отъ Хризополя (нынѣшн. Скутари), и не могъ убѣдить. Изготовивъ ночью корабли и на нихъ посадивъ Руссовъ, — ибо онъ успѣлъ призвать ихъ на помощь и сдѣлать князя ихъ Владимира своимъ родственникомъ (κηδεστήν, зятемъ), женивъ (его) на сестрѣ своей Аннѣ, —

---

[1]) Ἐν τῇ ἀνθρωπίνῃ ἐπιδημίᾳ, т. е. Іисусомъ Христомъ на землѣ.

неожиданно переправляется съ ними и напавъ на враговъ легко овладѣваетъ послѣдними» (это говоритъ Кедринъ между 15 Августа 987 и Апрѣлемъ 989 г., Krug's Chronologie d. Byzantier S. 319 прим.). Въ другомъ мѣстѣ, ed. Paris. t. II p. 710 fin., Кедринъ называетъ Владиміра зятемъ Василія.

Зонара (ed. Paris. t. II p. 221, у Стритт. ibidd.): «Когда Дельфина сталъ лагеремъ у Хризополя, императоръ внезапно напалъ на него съ народомъ Русскимъ, — ибо вступивъ въ родство съ княземъ русскимъ Владиміромъ чрезъ выдачу (за него) сестры своей Анны, — и легко завладѣваетъ противниками».

Ельмакинъ, арабскій историкъ († 1273). по всей вѣроятности, заимствующій у какого нибудь лѣтописца греческаго: «Сильно началъ бояться императоръ Василій Варды Фоки, ктомуже у него недоставало и денегъ. Посему принужденъ былъ послать къ королю Руссовъ, которые были его врагами, и просить у него помощи. Этотъ обѣщалъ ему ее, прося его вступить въ родственный союзъ. И взявъ король замужъ сестру императора римскаго Василія, послѣ того какъ сей убѣдилъ его, чтобы онъ принялъ христіанскую вѣру» (Historia Saracenica у Круга въ Chronologie S. 319; говоритъ между октябремъ 987 и 13 Апрѣля 989 г., Кругъ ibidd.).

Изъ писателей греческихъ непосредственныхъ современникомъ взятія Владиміромъ Корсуни и его женитьбы на царевнѣ Аннѣ былъ Левъ діаконъ Калойскій. Но, къ сожалѣнію, онъ въ своей исторіи, которую кончаетъ именно 989 г., не повѣствуетъ о нихъ ни нарочито ни мимоходомъ, а только кратко упоминаетъ о первомъ, именно говоритъ, что явленіе необычайной кометы въ 986 г. и огненные столпы, являвшіеся на сѣверной части неба, кромѣ другихъ бѣдствій, предвѣщали и завоеваніе Херсонеса Тавроскиѳами (кн. X гл. 10 нач., въ греческ. подл. у Газе p. 108, — въ русск. перев. Д. Попова стр. 108).

Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ, что Владиміръ привелъ себѣ жену изъ Греціи, по имени Елену, которая обручена была нѣмецкому Оттону III, но которая у послѣдняго была коварнымъ образомъ восхищена (Chronic. l. VII c. 52 нач.). Почтенный епископъ гнѣвается на нашего — какъ онъ величаетъ — короля по какому-то недоразумѣнію, вѣроятно считая его виновникомъ того неудачнаго нѣмецкаго посольства въ Константинополь за невѣстой, о которомъ говоритъ лѣтопись Гильдесгеймская подъ 995 г. Наша Анна была родная тетка Оттона III, ибо супруга Оттона II, а его — Оттона III мать, Ѳеофано или Стефана была родная старшая сестра Анны.

Анна, какъ мы сказали, родилась за два дня до смерти своего отца Романа Младшаго, 13-го марта 963 года (Кедринъ у Круга въ Chronol. d. Byzant. S. 318).

---

6. Сага объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ.

Сага эта, принадлежащая къ собранію сагъ такъ называемой младшей Едды, сдѣланному въ первой половинѣ XIII вѣка Снорро Стурлюзономъ (1188—1241), въ исландскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ напечатана протоіер. Сабининымъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, т. 4, кн. I, М. 1840.

Астрида, жена конунга Норвежскаго Триггвія, послѣ того какъ мужъ ея былъ убитъ соперниками, принуждена была бѣжать изъ отечества. Во время бѣгства она родила сына по имени Олава, что случилось въ 969 г., на 32 году правленія императора Оттона Великаго. На четвертый годъ бѣгства, послѣ укрывательства въ разныхъ мѣстахъ, Астрида захотѣла поѣхать въ Гардарикію къ конунгу Валдамару (въ Россію, къ Владиміру), у котораго вмѣстѣ съ другими Норвежцами былъ на службѣ братъ ея Сигурдъ. На пути напали на нихъ и захватили ихъ морскіе разбойники изъ Эстляндіи, но Олавъ былъ выкупленъ изъ плѣна своимъ дядей Сигурдомъ, который былъ посланъ Валдамаромъ для взысканія въ той странѣ дани. Сдѣлавшись по одному особенному случаю извѣстенъ конунгу, Олавъ былъ приближенъ имъ къ себѣ и затѣмъ началъ пользоваться отъ него такою любовію, какъ будто былъ его собственный сынъ (будучи особенно покровительствуемъ супругой конунговой Адлогіей, умнѣйшею изъ всѣхъ женъ). Совершивъ у Валдамара великіе военные подвиги и вообще ставъ защитой его страны отъ враговъ, а также ознаменовавъ себя отвращеніемъ къ идолопоклонству, Олавъ возбудилъ къ себѣ зависть приближенныхъ конунга, которые и начали настоятельно клеветать на него послѣднему. Принужденный вслѣдствіе клеветъ оставить Гардарикію, Олавъ отправился въ Виндляндію, (землю Славянъ Венедовъ на Балтійскомъ морѣ), гдѣ женился на правительницѣ государства Гейрѣ, дочери конунга Бурислава, и гдѣ снова завоевалъ всѣ провинціи и крѣпости, которыя отложились было отъ власти Гейры, и совершилъ другія знаменитыя дѣла. Послѣ случившейся смерти своей супруги, Олавъ отправился странствовать, — сначала въ Данію, а потомъ снова въ Гардарикію, къ конунгу Валдамару. Будучи опять принятъ послѣднимъ и его супругой весьма ласково и перезимовавъ у него съ своими воинами зиму, Олавъ въ одну ночь видѣлъ великое и достопримѣчательное видѣніе, въ которомъ небесный гласъ призывалъ его для познанія истиннаго Бога ѣхать въ Грецію. Повинуясь этому гласу, Олавъ немедленно отправился въ Грецію, гдѣ многими славными учителями былъ наставленъ въ христіанской вѣрѣ и сподобился принять крещеніе. Послѣ сего онъ просилъ епископа, по имени Павла, чтобы этотъ ѣхалъ въ Гардарикію, проповѣдывать христіанство язычникамъ. Епископъ, великій другъ Божій, изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы Олавъ ѣхалъ напередъ и растолковалъ причину его — епископа посѣщенія, дабы вожди не сопротивлялись, когда онъ будетъ насаждать тамъ христіанскую религію. Возвра-

тившись въ Гардарикію, Олавъ тотчасъ началъ убѣждать къ принятію христіанства конунга и его супругу. Сперва конунгъ изъявилъ рѣшительное нежеланіе оставить отеческую вѣру; но потомъ, убѣжденный рѣчами своей супруги, которая вняла истинѣ гораздо скорѣе, перемѣнилъ мысли. Тутъ прибылъ помянутый епископъ Павелъ, который и крестилъ конунга и его народъ. (Въ сагѣ говорится о матери Владимира, которая была очень старая и слабая, такъ что непрестанно лежала на одрѣ болѣзни, но которая по внушенію прорицательнаго духа предъугадывала будущее и предрекла обращеніе Владимира въ христіанство чрезъ Олава: можно думать, что сага разумѣетъ тутъ бабку Владимирову Ольгу.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Управленіе.

I.

Введеніе управленія. Митрополія и митрополиты.

Когда говорятъ о нашемъ первоначальномъ церковномъ управленіи, то обыкновенно предполагаютъ какъ нѣчто само собой и естественно разумѣемое — тотъ случай, что Русская церковь въ административномъ отношеніи была подчинена церкви Греческой; почему, проходя молчаніемъ самый фактъ этого подчиненія, какъ не требующій объясненій, прямо обращаются къ рѣчи о томъ, въ чемъ и какъ оно выразилось. На самомъ дѣлѣ это подчиненіе вовсе не составляетъ подобнаго нѣчто, само собой разумѣемаго, и первая рѣчь, которая должна быть въ настоящей главѣ о нашемъ церковномъ управленіи въ періодъ до-монгольскій, есть именно рѣчь о томъ фактѣ, что Русская церковь при ея основаніи не получила самостоятельности и была подчинена въ административномъ отношеніи церкви Греческой. Должно различать особые одинъ отъ другаго вопросы о пользѣ и о правѣ. Очень можетъ быть, что подчиненіе было для Русской церкви полезно, но объ этомъ рѣчь другая, а сначала рѣчь о правѣ, отдѣльно взятомъ и самомъ по себѣ. Рѣчь эта тѣмъ болѣе весьма не безполезна, что далеко не всѣ у насъ яснымъ образомъ представляютъ себѣ, какъ имѣетъ себя право въ данномъ случаѣ.

Церковное управленіе слагается, если можно такъ выразиться, изъ двухъ элементовъ — изъ того, что есть въ немъ богоучрежденнаго, и того, что есть въ немъ обыкновеннаго, человѣческаго. Богоучрежденное въ церковномъ управленіи составляетъ то, что каждое отдѣльное христіанское общество, большое или малое, должно имѣть свою іерархію, состоящую изъ епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, все же остальное въ немъ, составляющее систему такъ называемой административной

централизаціи, есть происхожденія столько же человѣческаго, какъ все вообще человѣческое, какъ всѣ порядки обыкновенныхъ человѣческихъ или гражданскихъ обществъ. Первоначально каждая отдѣльная церковная община, какъ бы она мала ни была и хотя бы заключалась въ одномъ селѣ или въ одной деревнѣ, если она имѣла своего епископа, была церковью совершенно самостоятельной и ни отъ кого независимой, ибо она представляла изъ себя совершенно полную частную церковь [1]). По этому богоучрежденному порядку, не полагающему ничего болѣе, какъ отдѣльную, большую или малую, общину съ епископомъ во главѣ, церковь вселенская имѣла представлять изъ себя совокупность такого же безчисленнаго множества независимыхъ и самостоятельныхъ, соединяемыхъ и объединяемыхъ только узами братской любви и ничѣмъ болѣе, частныхъ церквей, сколько въ ней было общинъ. Но такъ какъ люди, по своей природѣ несовершенные, не въ состояніи осуществлять идеаловъ божественныхъ и не могутъ поддерживать въ своей средѣ мира и добраго ряда однимъ духомъ любви, то богоучрежденное въ церкви скоро потребовалось дополнить человѣческимъ, именно по подобію гражданскихъ обществъ ввести въ ней систему подчиненія и административной централизаціи. Эта система централизаціи, будучи по своему происхожденію нисколько не божественною, а обыкновенною человѣческою, имѣетъ въ церкви совершенно тѣ же значеніе и авторитетъ, что̀ въ обыкновенныхъ гражданскихъ обществахъ, или иначе сказать, церковь совершенно приравнивается по ней къ этимъ послѣднимъ.

Все человѣческое, будетъ ли оно въ государствѣ или въ церкви, дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ обыкновенныхъ человѣческихъ правъ. Слѣдовательно, церковное управленіе во всемъ объемѣ своей административной централизаціи, которая не есть въ ней бо-

[1]) Въ первое время не было приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е отдѣльныхъ церковныхъ общинъ съ своими особыми церквами, которыя бы находились подъ завѣдываніемъ только пресвитеровъ или священниковъ. Въ первое время каждая таковая отдѣльная община, имѣвшая свою особую церковь, какъ бы она ни была незначительна и хотя бы ограничивалась одной деревней, представляла изъ себя полную частную церковь — имѣла своего епископа съ бо̀льшимъ или меньшимъ соборомъ пресвитеровъ (Епископы селъ и деревень — хорепископы, которые первоначально были столько же полными и полноправными епископами, какъ и епископы городовъ). Церковь и при ней особая община, собственно говоря, необходимо предполагаютъ епископы, ибо каждая община есть особая частная церковь въ смыслѣ духовномъ, а эта послѣдняя не можетъ быть безъ епископа; и сіе-то разумѣетъ Игнатій Богоносецъ или вообще древній писатель, извѣстный подъ его именемъ, когда говоритъ: «одинъ жертвенникъ, какъ одинъ епископъ со пресвитерствомъ и діаконами» (Посл. къ Филадельф. гл. 4, cfr апост. пр. 31, Антіох. соб. пр. 5. Карѳаг. соб. пр. 10). О происхожденіи приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, которые по отношенію къ каѳедральной церкви епископа собственно суть филіалы, выставки, приписныя церкви, скажемъ ниже.

жественное, а есть просто человѣческое, совершенно равносильно и одно-значуще съ управленіемъ государственнымъ и ограничивается тѣмъ же самымъ объемомъ правъ, что и это второе, ни болѣе ни менѣе. Въ сферѣ государственной, по отношенію къ международному, занимающему насъ вопросу, между людьми твердо признано и общепринято — во-первыхъ, что одно государство не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другаго, — во-вторыхъ, что каждое государство у себя дома имѣетъ полное право распоряжаться своими дѣлами совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо. Эти два общія положенія имѣютъ совершенно одинаковое значеніе какъ въ области чисто государственной, такъ и въ области церковной, поколику послѣдняя (во всемъ объемѣ своей административной централизаціи) не есть область собственно церковная, а церковно-государственная.

Какъ ни одно государство не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другаго и какъ каждое государство имѣетъ право распоряжаться своими внутренними дѣлами совершенно самостоятельно, такъ, въ буквальную, такъ сказать, параллель къ этому, ни одна частная церковь не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другой таковой же и каждая частная церковь имѣетъ право устроять свои внутреннія дѣла совершенно ни отъ кого независимо. Объёмъ и сущность правъ въ послѣднемъ случаѣ совершенно одни и тѣже, что и въ первомъ, ибо и въ церкви въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не право божественное, которое сюда вовсе не простирается, а обыкновенное право человѣческое.

Такимъ образомъ частная церковь Греческая имѣла совершенно такое же право подчинить себѣ частную церковь Русскую, какое право имѣло бы государство Греческое подчинить себѣ государство Русское, т. е. не имѣла права ни малѣйшаго и вовсе никакого [1]). И однако это подчиненіе не только имѣло мѣсто, но, какъ необходимо предполагать, было выдаваемо со стороны Грековъ за дѣло совершенно естественное и натуральное — за дѣло, которому такъ и надлежало быть. Какъ же это могло случиться?

Въ области церкви такъ же, какъ и области государства, люди сохраняютъ наклонность злоупотреблять своими правами, преувеличивая ихъ значеніе и перетолковывая ихъ по своему желанію. Въ церкви Греко-Римской, не на основаніи какихъ нибудь предписаній божественныхъ, а просто волею человѣческою, учреждена была система административной централизаціи, которая на высшей своей ступени состояла изъ пяти патріархатовъ. Эти административные пять патріархатовъ, имѣвшіе все свое

[1]) Т. е. имѣла совсѣмъ такое же право, съ какимъ въ настоящее время патріархи Константинопольскіе изъявили бы притязаніе на новое подчиненіе себѣ Русской церкви.

значеніе для церкви Греко-Римской, которою и для которой были учреждены, для другихъ церквей имѣли столько же значенія, сколько для другихъ государствъ имѣло значенія то обстоятельство, что имперія Греко-Римская раздѣлена была на такое, а не другое количество генералъ-губернаторствъ (діоцезовъ), т. е. рѣшительно и совершенно никакого. Но Греки, нѣкоторое время представлявшіе собою почти всю вселенскую церковь, ибо христіанская вселенная нѣкоторое время вся заключалась въ предѣлахъ имперіи Греко-Римской, возъимѣли притязаніе смотрѣть на эти, касавшіеся ихъ и никого болѣе, патріархаты, какъ на административный строй, имѣвшій обнимать собою всю церковь вселенскую, и въ то же время, такъ какъ о патріархатахъ говорятъ вселенскіе соборы, производить ихъ учрежденіе не отъ своей собственной воли, но отъ воли Божественной, дѣйствовавшей черезъ эти послѣдніе. «Вселенскіе соборы учредили пять патріаршествъ для всей церкви вселенской», т. е. иначе сказать — вселенскіе соборы будто бы опредѣлили, чтобы всѣ церкви во вселенной находились подъ вѣдѣніемъ церкви Греко-Римской, — таковы были взгляды, притязанія и увѣренія позднѣйшихъ Грековъ [1]). Эти притязанія были совершенно равносильны тому, какъ если бы Греки говорили, что вселенскіе соборы подчинили всѣ государства въ мірѣ ихъ государству греческому. Но такъ какъ, выдумывая притязанія, они исключительно себѣ же самимъ усвояли право и суда относительно ихъ вѣрности, то людямъ новымъ въ христіанствѣ и не знавшимъ своихъ правъ ничего не оставалось болѣе, какъ соглашаться съ ними. «Я тебѣ говорю, что ты обязанъ платить мнѣ деньги; ты не долженъ сомнѣваться въ своей обязанности, ибо это говорю тебѣ я, а я знаю твои обязанности», — именно въ этомъ нѣсколько оригинальномъ видѣ имѣло себя дѣло [2]).

---

[1]) «Пять патріаршествъ знаемъ во всемъ мірѣ, ибо какъ тѣло наше управляется пятью чувствами, такъ и Христово тѣло — церковь вѣрныхъ управляется пятью чувствами — пятью престолами», говоритъ патріархъ Антіохійскій Петръ (первой половины XI в.) въ посланіи къ патріарху Аквилейскому; «пяти патріархамъ раздѣлены церкви (αἱ ἐνορίαι) четырехъ предѣловъ вселенной», говоритъ Ѳеодоръ Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ на правила, — у Ралли и П. II, 41 fin и IV, 408 fin. (Вальсамонъ буквально повторяетъ приведенныя слова нѣсколько разъ; на этомъ основаніи можно думать, что онъ беретъ ихъ готовыми изъ сложившагося такъ сказать катихизиса Греческихъ притязаній).

[2]) Если бы пять патріархатовъ Греко-Римскихъ и дѣйствительно учреждены были вселенскими соборами, то изъ этого ровно бы ничего не слѣдовало. Канонисты греческіе забываютъ, что вселенскіе соборы вмѣстѣ съ общими дѣлами всей вселенской церкви занимались еще частными дѣлами и церкви Греко-Римской: учрежденіе ими пяти патріархатовъ, если бы оно дѣйствительно имѣло мѣсто, значило бы только учрежденіе ими сихъ патріархатовъ для этой церкви Греко-Римской и болѣе ничего. Но вселенскіе соборы вовсе и не учреждали патріархатовъ, которые вмѣстѣ со всей системой церковно-административной

Такимъ образомъ Греческая церковь не имѣла совершенно никакого права на то, чтобы подчинять себѣ церковь Русскую, и послѣдняя не имѣла совершенно никакой обязанности къ тому, чтобы признать надъ собою власть церкви Греческой.

Но этого мало. Изъясняя всѣ права, которыя Русскіе имѣли въ данномъ случаѣ, — что̀ къ нашему предмету пожалуй прямо и не относится, но что не излишне для полноты рѣчи, — мы должны сказать гораздо болѣе. Права частныхъ церквей въ устройствѣ своей внутренней администраціи, какъ мы говорили выше, совершенно одинаковы съ правами въ этомъ отношеніи частныхъ государствъ, ибо въ томъ и другомъ слу-

---

централизаціи явились еще до нихъ (1 всел. соб. прр. 4—6) и которые во времена ихъ, но вовсе не по ихъ установленію, стали называться патріархатами вмѣсто прежняго имени діоцезовъ, διοίκησις, какъ назывались высшіе церковно-административные округи дотолѣ, заимствовавъ имя отъ діоцезовъ или генералъ-губернаторствъ гражданскихъ, которымъ они соотвѣтствовали, подобно тому какъ и вся вообще церковно-административная централизація вполнѣ соотвѣтствовала централизаціи гражданской (имя патріарха, въ 4 вѣкѣ, Григоріями Богословомъ и Нисскимъ, употребляемое какъ почетный титулъ всякаго епископа, Suiceri Thes. Eccl. II, 640, впервые употребляется какъ частнѣйшее имя высшихъ предстоятелей церкви, вмѣсто прежнихъ именъ: епископъ, экзархъ діоцеза и архіепископъ, въ дѣяніяхъ 4 вселенскаго собора, Русск. Казанск. перев. Дѣянн. т. 3 стр. 375, и у историка Сократа, V, 8). По отношенію къ патріархатамъ или церковнымъ діоцезамъ вселенскіе соборы сдѣлали только то, что отчасти сами нарушили, отчасти допустили и признали нарушеніе ихъ полнаго соотвѣтстія съ діоцезами гражданскими, именно—4-й вселенскій соборъ, во-первыхъ, соединилъ подъ власть одного патріарха (діоцезальнаго епископа) Константинопольскаго (который, послѣ перенесенія столицы государства изъ Рима въ Константиноподь, сталъ таковымъ въ діоцезѣ Ѳракійскомъ вмѣсто епископа Ираклійскаго, былъ признанъ въ семъ достоинствѣ и вмѣстѣ въ своемъ старшинствѣ предъ всѣми діоцезальными епископами послѣ Римскаго 2-мъ вселенскимъ соборомъ, пр. 3) три діоцеза — Ѳракійскій, Понтійскій и Азійскій, пр. 28, — во-вторыхъ, призналъ выдѣленіе изъ діоцеза Антіохійскаго и возведеніе въ особые патріархаты (съ отдѣльнымъ отъ діоцеза округомъ) епископіи Іерусалимской, что̀ было сдѣлано императоромъ Ѳеодосіемъ Младшимъ, Дѣянн. Собб. Русск. Казанск. перев. т. IV стр. 170. Вообще Греко-Римскіе патріархаты были административные округи частной Греко-Римской церкви и болѣе ничего: какое отношеніе они могли имѣть къ вселенской церкви и какимъ образомъ они могли быть учреждены для всей ея? Само собою разумѣется, что никто никогда не опредѣлялъ, чтобы патріархатовъ было во вселенской церкви пять, а не болѣе; но равнымъ образомъ никто никогда не опредѣлялъ и того, чтобы ихъ было пять, а не болѣе, и въ церкви Греко-Римской. — Въ діоцезахъ Ѳракійскомъ и Азійскомъ, подчиненныхъ патріарху Константинопольскому, жили народы варварскіе или были населенія инородческія, негреческія, области которыхъ, въ изъятіе изъ общаго порядка управленія, не составляли изъ себя митрополій съ подчиненными епископіями, и каждая составляла изъ себя только одну епископію (въ діоцезѣ Ѳракійскомъ область малая Скиѳія съ епископомъ въ городѣ Томи, въ діоцезѣ Азійскомъ область Исаврія

чаѣ онѣ совершенно однѣ и тѣже. Какъ устройство администраціи каждаго государства принадлежитъ исключительно ему самому и никому болѣе, такъ и совершенно въ той же мѣрѣ устройство внутренней администраціи каждой частной церкви принадлежитъ исключительно ей самой и никому болѣе. Слѣдовательно, Русская церковь не только имѣла право на то, чтобы быть совершенно самостоятельною и независимою, но еще и на то, чтобы устроить свою внутреннюю администрацію такъ, какъ какъ ей самой желалось и представлялось лучшимъ, исключительно по своей собственной волѣ. Говоря это послѣднее, мы думаемъ сказать не только то, что Русскіе, не смѣя превосходить Грековъ или даже и равняться съ ними, могли только до нѣкоторой степени подражать имъ, а то, что они имѣли безъусловное неограниченное право поступать такъ, какъ сами хотѣли. Въ Греко-Римской имперіи система церковной администраціи состояла въ раздѣленіи всей области церкви на пять патріархатовъ съ подчиненными имъ митрополіями. Русскіе имѣли полное право учредить у себя не только тѣже пять патріархатовъ, но даже и болѣе и вообще столько, сколько бы сами пожелали [1]). Вмѣсто системы патріархатовъ

съ епископомъ въ городѣ Исавронолѣ, Cod. Iustin. lib. 1, tit. III c. 36, Номок. Фотія тит. 1 гл. 20). Четвертый вселенскій соборъ, подчиняя помянутые діоцезы патріарху Константинопольскому, постановляетъ относительно епископовъ инородческихъ областей, чтобы они (зависѣли не отъ какихъ нибудь сосѣднихъ митрополитовъ, а непосредственно отъ самаго патріарха) и были поставляемы не кѣмъ либо изъ первыхъ, а самимъ послѣднимъ: «въ діоцезахъ Понтійскомъ, Азійскомъ и Ѳракійскомъ должны быть поставляемы святѣйшимъ престоломъ святѣйшей церкви Константинопольской только митрополиты (но не епископы, которые должны быть ставимы своими, подчиненными патріарху, митрополитами), а также отъ него же должны быть поставляемы и епископы варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ (*ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων*. пр. 28). Это весьма простое опредѣленіе вселенскаго собора канонисты Греческіе (Зонара и Вальсамонъ въ толкованіяхъ на помянутое правило) понимаютъ такъ, будто соборъ предопредѣлилъ во власть патріарха Константинопольскаго всѣ имѣвшіе принимать христіанство варварскіе или новые народы, какъ зависимые, такъ и независимые отъ Грековъ, въ томъ числѣ и насъ Русскихъ... (2-е правило 2-го вселенскаго собора говоритъ о тѣхъ же въ несобственномъ смыслѣ народахъ варварскихъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи и церкви Греческой, а не о какихъ нибудь народахъ въ собственномъ смыслѣ, представлявшихъ изъ себя особыя государства, и разумѣетъ то, что «по утвердившемуся обычаю отцевъ» ихъ области должны быть управляемы каждая единымъ епископомъ, а не митрополитами съ епископами).

[1]) Выражаясь такъ, мы имѣемъ въ виду право какъ чистое право, въ его отвлеченности и въ его неограниченной полнотѣ; а было ли бы сообразно съ положеніемъ тогдашней Русской церкви учрежденіе многихъ патріархатовъ, это, конечно, другой вопросъ. Что, усвояя Русскимъ право учредить нѣсколько или сколько хотѣли патріархатовъ, мы не проповѣдуемъ какое нибудь неправославіе, какъ это пожалуй можетъ показаться иному читателю, сошлемся на

съ митрополіями они имѣли право ввести какую нибудь другую систему [1]), однимъ словомъ — имѣли право устроить свою церковную администрацію совершенно независимо отъ Грековъ и ихъ примѣра, единственно своимъ собственнымъ разумомъ и по своему собственному усмотрѣнію.

Такъ имѣетъ себя вопросъ о чистомъ правѣ. Мы уже говорили выше и здѣсь снова (для нѣкоторыхъ читателей) повторяемъ, что право и польза суть вещи совсѣмъ различныя между собою и совсѣмъ отдѣльныя одна отъ другой. Рѣшая вопросъ о правѣ, мы разумѣемъ одно чистое право и ничего болѣе. Что же касается до того, была ли зависимость Русской церкви отъ церкви Греческой благомъ для первой или зломъ, то на этотъ особый и самъ по себѣ вопросъ мы и отвѣчать будемъ особо.

Первое учрежденіе у насъ церковнаго управленія, о которомъ, къ сожалѣнію, вовсе ничего не говоритъ наша первоначальная лѣтопись, пока покрыто мракомъ неизвѣстности. Что Греки предложили Владиміру и вмѣстѣ потребовали отъ него, чтобы Русская церковь была подчинена церкви Греческой въ качествѣ ея митрополіи, — это необходимо предполагать. Что Владиміръ не могъ ничего отвѣчать и возражать имъ на это отъ каноническаго права, котораго совсѣмъ не зналъ, это также предполагается само собою. Изъ всего этого слѣдовало бы заключать, что Русская церковь стала той митрополіей Константинопольскаго патріархата, которою мы ее единственно знаемъ, съ самаго перваго введенія у насъ церковнаго управленія. Но есть нѣкоторыя, хотя и не совсѣмъ

XVII в., которому извинительно было бы даже и не каноническое принимать за каноническое: когда Симеонъ Полоцкій предложилъ свой извѣстный проэктъ учредить въ Россіи именно столько патріархатовъ, сколько ихъ было въ имперіи Греко-Римской, т. е. пять, то не нашли его мысли антиканонической и еретической (ибо она была было принята царемъ и обсуждаема), а только неудобоисполнимою. Прежде Полоцкаго доказывалъ Грекамъ, что ихъ четыре патріаршества были только для ихъ царства и что онѣ учреждены не вселенскими соборами, а «по царскому изволенію,» извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ (Статейный списокъ или такъ называемый Малый Проскинитарій, — бесѣда 6-го Іюня. А что вообще независимый государь можетъ устроить у себя патріаршій престолъ, см. Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи, въ Дополнн. къ Актт. Истoрр. т. 2 стр. 191 sub fin.: «благочестивый царь.... аще и по власти (т. е. своей собственной) можаше превысочайшій престолъ патріаршескій устроити, яко царь и самодержецъ»...). — Когда по поводу учрежденія независимой церкви въ нынѣшнемъ королевствѣ греческомъ патріархъ Константинопольскій возобновилъ старыя рѣчи о богоучрежденности будто бы пяти патріархатовъ, то ему пришлось услышать рѣшительную отповѣдь и отъ самихъ Грековъ: со стороны Аѳинской было написано нѣсколько сочиненій, въ которыхъ опровергается эта мнимая богоучрежденность со всею подобающею доказательностію (особенно сочиненіе Фармакида Ὁ συνοδικὸς τόμος ἢ περὶ ἀληθείας. ἐν Ἀθήναις, 1852, въ которомъ см. ч. 1 гл. 3. Περὶ τῆς ἐπὶ τῶν ἀποστόλων καὶ τῆς μετ' αὐτοὺς διοικήσεως τῆς ἐκκλησίας).

[1]) Какъ это у насъ въ настоящее время и дѣйствительно есть.

ясныя и не совершенно твердыя, основанія предполагать, что сначала дѣло было не совсѣмъ такъ. Двое древнихъ нашихъ писателей — монахъ Іаковъ, о которомъ у насъ была рѣчь выше, и преп. Несторъ Печерскій, говоря о нашихъ митрополитахъ, употребляютъ названіе архіепископъ, именно — первый изъ нихъ въ разсказѣ о чудесахъ Бориса и Глѣба называетъ то митрополитомъ, то архіепископомъ митрополита Іоанна I-го, а второй въ таковомъ же разсказѣ о тѣхъ же чудесахъ называетъ то первымъ, то вторымъ именемъ митрополитовъ Іоанна I-го и Георгія. Въ Западной или католической церкви имя архіепископа [1]) совершенно тождезначуще съ именемъ митрополита или есть просто другое названіе одного и того же церковно-административнаго сана. Но въ церкви Восточной архіепископы были совершенно отличны отъ митрополитовъ; представляя собою изъятіе изъ общаго порядка управленія, они были двухъ родовъ — низшіе и высшіе митрополитовъ. Архіепископы, низшіе митрополитовъ, были такіе епископы, которые, не подчиняясь, какъ того требовалъ общій порядокъ, мѣстнымъ или окружнымъ митрополитамъ, зависѣли прямо и непосредственно отъ патріарховъ [2]); архіепископы, высшіе митрополитовъ, были такіе митрополиты, которые, не подчиняясь своимъ окружнымъ патріархамъ, пользовались совершенною независимостью и автономіей или которые въ сущности были тоже, что сами патріархи и отличались отъ послѣднихъ только именемъ [3]). У нашихъ древнихъ, помянутыхъ выше, писателей имя архіепископа, конечно, могло явиться только съ востока, но не съ запада. Правда, писатели ясно даютъ знать, что они сами употребляютъ это имя совершенно въ одномъ смыслѣ съ именемъ митрополита, въ простую замѣну сего послѣдняго. Но такъ какъ не естественно предполагать, чтобы имя съ самаго начала явилось къ намъ какъ пустое слово, то естественно наоборотъ предполагать, что первоначально явилось оно съ самымъ дѣломъ. Отъ перваго высшаго пастыря Русской церкви Леона или Льва мы имѣемъ на греческомъ языкѣ одно сочиненіе. Въ надписаніи большей части извѣстныхъ въ настоящее время списковъ сочиненія читается: Λέοντος μητροπολίτȣ, но въ надписаніи одного списка вмѣсто μητροπολίτȣ стоитъ ἀρχιεπισκόπȣ [4]): какимъ образомъ въ позднѣйшихъ

---

[1]) По его позднѣйшему и такъ сказать вторичному употребленію послѣ первичнаго употребленія въ смыслѣ титула епископовъ или экзарховъ діоцезальныхъ.

[2]) Такихъ архіепископовъ въ позднѣйшее время было очень много, см. каталоги архіепископскихъ каѳедръ у Ралли и П., V стрр. 456 и 475.

[3]) Такихъ архіепископовъ было немного — Кипрскій (сохраняющій свои права до настоящаго времени, — 6-го вселен. соб. пр. 39), первой Юстиніаны, въ позднѣйшее время — Иверскій (у Ралли и П. II. 172), Болгарскій и Сербскій (о второмъ и двухъ послѣднихъ см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской).

[4]) См. покойнаго *В. И. Григоровича* Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, Казань, 1848, стр. 14 (Τȣ̃ ἁγιωτάτȣ ἀρχιεπισκόπȣ Ῥωσσίας Λέοντος λόγος и пр.).

спискахъ, — каковые мы имѣемъ, — ἀρχιεπισκόπȣ могло быть превращено въ μητροπολίτȣ, это для насъ совершенно понятно; но какимъ образомъ и съ какой стати μητροπολίτȣ превращено въ ἀρχιεπισκόπȣ, это останется далеко не совсѣмъ понятнымъ. Такимъ образомъ сейчасъ указаннымъ дается основаніе предполагать, что при первомъ учрежденіи у насъ церковнаго управленія мы получили не митрополитовъ, а автокефальныхъ или независимыхъ архіепископовъ, и что только потомъ, — что впрочемъ долженствовало быть весьма вскорѣ, ихъ автокефалія была уничтожена и они низошли въ рядъ обыкновенныхъ митрополитовъ. Мы сказали выше, что противъ требованій Грековъ, чтобы Русская церковь была подчинена церкви Греческой въ качествѣ ея митрополіи, Владиміръ не могъ ничего возразить отъ чистаго каноническаго права, такъ какъ совсѣмъ его не знаемъ. Но онъ могъ искать и требовать для Русской церкви независимости, опираясь не на право, котораго не зналъ, а на примѣръ, который видѣлъ. Передъ нимъ находилась церковь Болгарская, которая была совершенно тоже, что церковь Русская, т. е. столько же новая и недавняя. Такъ какъ эта послѣдняя имѣла автокефальнаго архіепископа, то естественнаго было и Владиміру потребовать, чтобы Русской церкви дано было тоже самое, что было дано ей. Мы знаемъ, что Греки заставлены были дать автекефалію Болгарскимъ митрополитамъ политическою нуждой [1]). Но подобнымъ образомъ и Владиміръ велъ переговоры съ ними о своемъ церковномъ управленіи изъ взятаго у нихъ города и въ то время, какъ императоры Константинопольскіе весьма нуждались въ его военной помощи. Въ первомъ случаѣ къ нуждѣ присоединялось добровольное расположеніе со стороны императора въ слѣдствіе того обстоятельства, что имѣлъ мѣсто бракъ Болгарскаго государя съ Греческою царевной. Но тоже самое было и при второмъ случаѣ [2]).

Преемника Леонова Іоанна 1-го монахъ Іаковъ и преп. Несторъ называютъ то именемъ архіепископа, то именемъ митрополита, и тѣмъ даютъ знать, что по ихъ мнѣнію и по ихъ свѣдѣніямъ, онъ былъ второе, а не первое, ибо можно называть по злоупотребленію архіепископомъ митрополита, но называть митрополитомъ архіепископа значило бы умалять его достоинство. Слѣдовательно, на основаніи ихъ указаній, су-

---

А еще въ одномъ спискѣ стоитъ ἐπισκόπȣ, что очевидно изъ ἀρχιεπισκόπȣ, — *А. С. Павлова* критическіе опыты по исторіи древнѣйшей Греко-Русской полемики противъ Латинянъ, Спб., 1878, стр. 115 прим.

[1]) См. въ нашей указанной книгѣ.

[2]) Позваляя себѣ пускаться въ область предположеній, можно предполагать, что Владиміръ хотѣлъ вступить въ сношенія съ Греками послѣ принятія христіанства въ качествѣ ихъ побѣдителя не потому только, что указано нами выше, но и по сейчасъ-указанному, т. е. чтобы имѣть возможность потребовать у нихъ автокефаліи своей церкви.

ществованіе предполагаемой автокефальной Русской архіепископіи должно было бы ограничить только правленіемъ перваго высшаго предстоятеля Русской церкви. Однако и преемникъ Леоновъ Іоаннъ 1-й составляетъ для насъ нѣкоторую загадку. Степенная книга и Никоновская лѣтопись сообщаютъ, что онъ построилъ въ 1008 г. двѣ каменныя церкви, одну въ Кіевѣ, другую въ Переяславлѣ. [1]) Правда извѣстіе весьма ненадежно— во-первыхъ, по источникамъ, въ которыхъ его находимъ, во-вторыхъ,—само по себѣ, ибо при Владимірѣ строеніе каменныхъ церквей было, такъ сказать, великимъ дѣломъ и самъ онъ построилъ только одну такую церковь (Кіевскую Десятинную). Но если мы его примемъ, то нужно будетъ думать, что онъ былъ не Грекъ, а природный Русскій, изъ весьма богатыхъ въ міру людей, подобно послѣдующему Переяславскому епископу Ефрему, такъ какъ предполагать, чтобы митрополитъ Грекъ имѣлъ охоту строить на свой счетъ каменныя или деревянныя церкви, было бы совсѣмъ невѣроятно. Въ пользу мнѣнія или подозрѣнія, что Іоаннъ 1-й былъ не Грекъ, а природный Русскій, говоритъ и то обстоятельство, что онъ, по увѣренію помянутыхъ Іакова и Нестора, съ величайшею готовностью согласился на предложеніе Ярослава или даже самъ сдѣлалъ послѣднему предложеніе установить праздникъ въ честь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и что онъ написалъ имъ службу (Грекъ митрополитъ Георгій не вѣрилъ въ святость Русскихъ святыхъ даже послѣ ихъ канонизаціи, Лѣтоп. подъ 1072 г. и Несторъ; послѣдній: «митрополитъ же бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная;» сравни также въ Лѣтописи подъ 1108 г. то, что монахи Печерскіе, желая причислить къ лику святыхъ преп. Ѳеодосія, обращаются съ просьбою не къ митрополиту, а къ вел. князю, и что этотъ уже повелѣваетъ митрополиту [2]). Но если Іоаннъ былъ не Грекъ, а природный Русскій, то гораздо вѣроятнѣе предполагать, что онъ былъ автокефальный архіепископъ, а не подчиненный патріарху Константинопольскому митрополитъ. Автокефальные архіепископы были избираемы подчиненными имъ епископами, а избраніе митрополитовъ принадлежало въ то время патріарху. Если Іоаннъ, бывъ Русскимъ, былъ подчиненный патріарху Константинопольскому митрополитъ, то это значило бы, что онъ былъ избранъ не патріархомъ (который избралъ бы Грека), а въ нарушеніе порядка

---

[1]) Степ. кн. I, 166 fin., Никон. лѣт. подъ 1008 г.

[2]) То обстоятельство, что принадлежащая митр. Іоанну служба Борису и Глѣбу написана хорошимъ Русскимъ языкомъ, который обличаетъ въ авторѣ природнаго Русскаго, а не Грека, само по себѣ еще не составляетъ положительнаго доказательства. Служба могла быть написана не самимъ митр. Іоанномъ, а только подъ его руководствомъ, или могла быть написана имъ по гречески и на русскій переведена. Но при другихъ указаніяхъ, конечно, и это обстоятельство должно быть принимаемо во вниманіе.

и въ восхищеніе у патріарха его правъ (по тогдашнимъ понятіямъ, см. ниже) самими Русскими. Но чтобы посягательство на права патріарха со стороны Русскихъ имѣло мѣсто такъ рано, это представляется весьма мало вѣроятнымъ. Слѣдовательно, если Іоаннъ былъ дѣйствительно Русскій, то гораздо вѣроятнѣе думать, что онъ былъ автокефальный архіепископъ и что онъ былъ избранъ собственными Русскими епископами какъ таковой.

Противъ сейчасъ сказаннаго представляются возраженія. Въ первоначальной Новгородской лѣтописи, въ которой есть нѣкоторая (случайная) рѣчь о первомъ нашемъ высшемъ пастырѣ, полученномъ отъ Грековъ, и которая въ той части своей, гдѣ находится эта рѣчь, принадлежитъ почти непосредственноту, а можетъ быть даже и совсѣмъ непосредственному, современнику, вообще свидѣтелю совершенно авторитетному, пастырь этотъ называется не архіепископомъ, а митрополитомъ. Затѣмъ служба Іоанна 1-го Борису и Глѣбу имѣетъ въ своемъ надписаніи по извѣстнымъ намъ спискамъ: «твореніе Іоанна митрополита Руськаго». Однако возраженія эти могутъ быть пока устранены. Первоначальная Новгородская лѣтопись извѣстна намъ въ позднѣйшихъ спискахъ (и позднѣйшихъ редакціяхъ), и весьма возможно предполагать, что имя архіепископа замѣнено въ ней именемъ митрополита отъ переписчиковъ. Тоже самое и относительно надписанія службы Борису и Глѣбу. Правда, служба съ своимъ приведеннымъ чтеніемъ надписанія извѣстна намъ въ спискахъ сравнительно весьма древнихъ, именно XIII в., но отъ Іоанна 1-го до XIII в. цѣлыя два столѣтія, и понятно, что въ продолженіи двухъ столѣтій имя архіепископа могло быть перемѣнено на имя митрополита по крайней мѣрѣ десять разъ.

Итакъ, есть нѣкоторая, хотя и не совершенно твердая, вѣроятность предполагать, что первоначально Русская церковь получила-было автокефалію.

Но если эта, заставляющая предполагать или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвать себя, первоначальная автокефалія дѣйствительно имѣла мѣсто, то ея продолженіе должно быть ограничиваемо и всего правленіемъ двухъ помянутыхъ высшихъ представителей Русской церкви — Леона и Іоанна 1-го, ибо подъ 1051 г. въ разсказѣ о поставленіи митр. Илларіона лѣтопись весьма ясно даетъ знать, что Русская церковь начала быть простою митрополіею Константинопольскаго патріархата за то или другое, уже нѣкоторое, время до сего [1]).

---

[1]) О поставленіи митр. Иларіона своими Русскими епископами въ лѣтописи разсказывается какъ о случаѣ исключительномъ, слѣдовательно необходимо предполагаются предшествующія поставленія митрополитовъ не исключительные (Константинопольскимъ патріархомъ) и предшествовавшій начавшійся и уже

При допущеніи нашего предположенія объ автокефаліи, по-видимому, будетъ представляться весьма страннымъ и непонятнымъ то, что она была дана и потомъ тотчасъ же или весьма скоро отнята. На самомъ дѣлѣ, по изъясненію примѣра тѣхъ же Болгаръ, въ этомъ не будетъ ничего страннаго. Греки, чрезвычайно не наклонные давать церковной независимости народамъ, принимавшимъ отъ нихъ христіанство, согласились дать автокефалію Болгарамъ, когда заставила ихъ къ тому политическая нужда, а потомъ точасъ же, какъ нужда миновалась и перестала существовать, они отказались признавать ее за ними. [1]) Подобнымъ образомъ они могли поступить и съ нами: при первомъ учежденіи у насъ церковнаго управленія, когда Владиміръ велъ переговоры съ ними изъ взятой у нихъ Корсуни и когда они искали у него военной помощи, они дали намъ автокефальнаго архіепископа, а затѣмъ тотчасъ же или весьма скоро они постарались низвести архіепископа въ простые мотрополиты. [2]) Различіе между нами и Болгарами будетъ состоять въ томъ, что послѣдніе разъ полученную автокефалію удержали, не смотря на желаніе Грековъ отнять ее у нихъ, мы же безпрекословно подчинились ихъ волѣ [3]).

существовавшій порядокъ обыкновенный. Конечно, и слова лѣтописи подъ 1037 г., что Ярославъ заложивъ церковь св. Софіи митрополью, составляютъ свидѣтельство, но свидѣтельство, противъ котораго можетъ быть возражаемо (тѣмъ, что «митрополью» позднѣйшее чтеніе вмѣсто архіепископью).

¹) См. въ указанной нашей книгѣ и сравни тамъ же объ учрежденіи архіепископіи Сербской.

²) Если допускать эпизодъ существованія автокефаліи, то вѣроятнымъ будетъ представляться, что Греки отняли ее не послѣ смерти Леона при Владимирѣ, а послѣ смерти Іоанна при Ярославѣ: при могущественномъ Владимирѣ они едва ли бы на это рѣшились, но Ярославъ въ первую половину своего княженія, до смерти брата своего Мстислава, вовсе не былъ тѣмъ великимъ Ярославомъ, какимъ сталъ послѣ, и у Грековъ могла найтись храбрость предъявить ему свои претязанія.

³) Не думая настивать рѣшительнымъ образомъ на нашемъ предположеніи и не скрывая какихъ бы то ни было возраженій, которыя могутъ быть противъ него сдѣланы, укажемъ другое представляющееся объясненіе относительно перехода къ намъ имени архіепископа, — объясненіе довольно, такъ сказать, грубое, однако не совсѣмъ невѣроятное. Въ служебникахъ нашихъ, переведенныхъ съ греческаго Константинопольскаго, стояло въ ектеніяхъ и вообще при поминовеніяхъ имени епископа «архіепископѣ нашемъ, архіепископа нашего» т. е. оставленъ былъ безъ перемѣны стоявшій въ подлинникѣ титулъ патріарха Константинопольскаго (cfr Опис. Сунодд. ркпп. Горск. и Невостр. № 342 стр. 3). Этотъ-то титулъ по недоразумѣнію и невѣдѣнію и могъ быть принятъ у насъ за титулъ или за другое имя нашего митрополита. Только этой (какъ думаемъ) причиной можно объяснять то, что иногда титулуются архіепископами позднѣйшіе митрополиты Московскіе (которые не могли заимствовать титула, подобно митрополитамъ Кіевскимъ, у митрополитовъ Западныхъ, Римско-католическихъ).

Проходя этотъ краткій эпизодъ автокефаліи, если только онъ имѣлъ мѣсто, и обращаясь къ тому, что дѣйствительно осталось, мы находимъ, что Русская церковь относительно управленія не имѣла составлять изъ себя независимой частной церкви, но была присоединена какъ административная часть къ церкви Греческой, именно — образовавъ изъ себя митрополію, была подчинена патріарху Константинопольскому наравнѣ со всѣми прочими собственно греческими его митрополіями, иначе сказать, съ Русскою церковію относительно управленія случилось совершенно тоже, что случилось бы съ самостоятельнымъ государствомъ, если бы оно было приписано къ другому въ видѣ генералъ-губернаторства.

Сравнительно съ митрополіями собственно греческими Русская церковь, явившаяся на одной съ нимъ доскѣ, была митрополіей слишкомъ большой. Греческіе митрополіи равнялись греческимъ губерніямъ, ибо у Грековъ митрополитъ былъ церковнымъ начальникомъ гражданской губерніи (ἐπαρχία). Такъ какъ губерніи греческія были весьма не велики, то Русская церковь, представлявшая изъ себя одну митрополію, равнялась по пространству не одной сотнѣ греческихъ митрополій и едва ли была менѣе патріархата Константинопольскаго со всѣми его остальными митрополіями взятыми вмѣстѣ. Кромѣ огромности по пространству, Русская митрополія, какъ бы то ни было, представляла изъ себя особое государство, съ своимъ особымъ государемъ. По всѣму этому слѣдовало бы ожидать, что въ ряду другихъ митрополій, съ которыми она имѣла мало общаго, она будетъ отличена и почтена какъ нибудь по крайней мѣрѣ мѣстомъ. На самомъ дѣлѣ этого вовсе не случилось. Не обращая никакого вниманія на преимущества Русской митрополіи, какъ особаго государства, Греки сначала поставили ее, какъ это нужно думать, на томъ мѣстѣ, которое ей приходилось какъ самой младшей послѣ митрополій, существовавшихъ прежде, а потомъ, не обращая вниманія даже и на старшинство, а просто отдавая предпочтеніе своимъ митрополіямъ Греческимъ, они еще понизили ее весьма значительно: въ древнѣйшемъ извѣстномъ каталогѣ, въ которомъ записана наша церковь въ числѣ митрополій, она стоитъ на 61 мѣстѣ, [1]) а въ позднѣйшее время она и еще понижена на цѣлыя девять мѣстъ [2]).

Итакъ, Русская церковь, не получивъ административной самостоятельности, но, бывъ подчинена церкви Греческой (ставъ въ администативномъ отношеніи частью другой частной церкви), получила себѣ высшаго начальника въ лицѣ патріарха Константинопольскаго.

---

[1]) Въ каталогѣ, усвояемомъ импер. Льву Мудрому († 911 г.), но на самомъ дѣлѣ составленномъ или по крайней мѣрѣ получившемъ теперешній видъ неизвѣстно когда гораздо позднѣе его, у Ралли и П. V, 474.

[2]) При Андроникѣ Палеологѣ старшемъ (1306—1328), его каталогъ ibid. стр. 493.

Права сего послѣдняго по отношенію къ Русской церкви имѣли быть тѣже самыя, что и къ другимъ, собственно греческимъ митрополіямъ, ибо она совершенно приравнивалась къ симъ послѣднимъ. Права эти были слѣдующія:

1) Патріархъ поставлялъ митрополитовъ — пунктъ, который требуетъ особой рѣчи и о которомъ обстоятельнѣе скажемъ сейчасъ ниже; 2) Патріархъ былъ начальникомъ митрополитовъ, и именно такъ, что не имѣлъ права мѣшаться въ ихъ внутреннюю дѣятельность, пока эта послѣдняя не представляла ничего противузаконнаго и неправильнаго, [1]) но имѣлъ право и вмѣстѣ обязанъ былъ останавливать ихъ, призывать къ суду и подвергать наказаніямъ въ случаѣ допущенія ими дѣяній неправильныхъ и противозаконныхъ; 3) собиралъ митрополитовъ на областные соборы для разсужденій о церковныхъ дѣлахъ и нуждахъ своей области [2]); 4) въ качествѣ высшей судебной инстанціи принималъ аппелляцію на судъ митрополитовъ, наконецъ 5) не на основаніи прямыхъ правилъ каноническихъ, а на основаніи обычая, который явился помимо правилъ и думалъ опираться на нихъ не прямымъ образомъ, онъ имѣлъ право такъ называемой ставропигіи, именно — право во всѣхъ предѣлахъ своего округа брать въ свое непосредственное вѣдѣніе, освобождая отъ власти мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ, отдѣльные монастыри и церкви [3]).

---

[1]) Такъ это опредѣляютъ правила каноническія касательно отношеній митрополитовъ къ епископамъ — Апост. пр. 34, Антіох. соб. пр. 9, а отношенія патріарховъ къ митрополитамъ долженствовали быть тѣже, что первыхъ ко вторымъ, Двукратн. соб. пр. 15.

[2]) Не ежегодно, а по мѣрѣ нужды и по усмотрѣнію. Ежегодно обязаны были собирать соборы епархіальные митрополиты изъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ: патріархъ же собиралъ ежегодные соборы только изъ непосредственно подвѣдомыхъ ему архіепископовъ и изъ митрополитовъ титулярныхъ (каковые у Грековъ были) или не имѣвшихъ подъ собою епископовъ, но не изъ митрополитовъ дѣйствительныхъ. Это затѣмъ, чтобы, собирая ежегодные соборы изъ митрополитовъ дѣйствительныхъ, не лишить послѣднихъ возможности собирать свои собственные соборы, см. у Ралли и П. II, 325 и III, 536. Иногда предъявляли патріархи право и къ митрополитамъ дѣйствительнымъ призывать ихъ на ежегодные соборы—это увидимъ ниже въ исторіи нашей же церкви (митр. Алексѣй).

[3]) Σταυροπήγιον — крестоводруженіе. При основаніи приходскихъ церквей и монастырей мѣстные епископы сами лично или чрезъ уполномоченныхъ пресвитеровъ водружали на приготовленныхъ для первыхъ и для церквей вторыхъ мѣстахъ деревянные кресты (въ срединѣ полукружія будущихъ алтарей, съ извѣстными на крестахъ надписями, см. ниже въ чинѣ заложенія церквей), давая чрезъ то дозволеніе на ихъ строеніе и какъ бы видимымъ знакомъ отмѣчая и утверждая чрезъ то свою надъ ними власть. Такимъ образомъ, право ставропигіи патріарховъ собственно означало ихъ право водружать свои кресты, вмѣсто мѣстныхъ епископовъ, при основаніи новыхъ церквей и монастырей во всѣхъ предѣлахъ ихъ округовъ и чрезъ сіе крестоводруженіе брать

Мы сказали выше, что право патріарха ставить митрополитовъ требуетъ особой рѣчи. Въ X в., когда мы приняли христіанство, и въ послѣдующее время патріархи Константинопольскіе пользовались этимъ правомъ не совсѣмъ такъ, какъ это постановлено было правилами каноническими, причемъ изъ сего несогласія позднѣйшей практики съ правилами по отношенію собственно къ намъ—Русскимъ, выходило совершенно существенное различіе. Каноническія правила предоставляютъ патріархамъ только право посвящать митрополитовъ, послѣ того какъ они будутъ избраны и имъ представлены, самое же избраніе по нимъ должно быть производимо епархіальными соборами епископовъ каждой митрополіи[1]). Напротивъ,

---

таковые монастыри и церкви въ свою непосредственную власть. Но на практикѣ это право было простираемо и на существовавшіе уже монастыри и церкви. Ставить тѣ и другія подъ непосредственную власть патріарховъ, освобождая отъ власти мѣстныхъ епископовъ, или дѣлать ихъ ставропигіальными патріаршими обыкновенно старались такъ называемые ктиторы однихъ и другихъ (см. о нихъ ниже), ибо это составляло привиллегію и льготу (подобнымъ образомъ у насъ въ позднѣйшее время ввелся обычай, чтобы монастыри во всѣхъ дѣлахъ недуховныхъ, бывъ освобождаемы отъ власти своихъ епископовъ, были вѣдаемы самими государями,—приказомъ Большаго Дворца). Правила каноническія дозволяютъ митрополитамъ брать клириковъ у подвѣдомыхъ имъ епископовъ, Каро. соб. пр. 66, а такъ какъ опредѣленное о митрополитахъ наипаче приличествуетъ патріархамъ, Двукр. соб. пр. 15, то на семъ и основывали право патріаршей ставропигіи (Матѳей Властарь усвояетъ это право одному патріарху Константинопольскому,—у Гоара въ Euchol. ed. Paris, p. 613, но Вальсамонъ усвояетъ его всѣмъ патріархамъ, — въ толкованіи на 31 Апост. пр., у Ралли и П., II, 42. Ставропигіальными монастырями и церквами завѣдывали патріаршіе экзархи, ibid. V, 110). — Четвертый вселенскій соборъ постановляетъ: «аще на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе, да обращается или къ екзарху діоцеза или къ престолу царствующаго града и отъ него да судится» (прр. 9 и 17). Нѣкоторые подъ екзархами діоцезовъ разумѣютъ всѣхъ вообще экзарховъ, изъ чего выводятъ то заключеніе, что соборъ опредѣляетъ патріарху Константинопольскому право принимать апелляціи на судъ митрополитовъ и другихъ патріархатовъ помимо мѣстныхъ патріархатовъ (cfr Властаря въ Синтагмѣ буква Н. гл. 8). Но другіе разумѣютъ подъ экзархами діоцезовъ только экзарховъ діоцезовъ Ѳракійскаго, Понтійскаго и Азійскаго, которые тѣмъ же соборомъ были подчинены Константинопольскому патріарху, и потому въ помянутомъ предписаніи собора не видятъ предоставленія пратріарху Констатинопольскому никакого особаго преимущества (cfr Зонару въ толков. на 17 пр. Халкид. соб. у Ралли и П. II, 260).

[1]) 4 всел. соб. пр. 28: «митрополиты должны постановляемы быть Константинопольскимъ аріепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго». Что обычай избранія митрополитовъ былъ именно такой, какой мы указали, см. каноническое посланіе 3 всел. соб. къ собору Памфилійскому и Сардикійск. соб. пр. 6; что оно должно было принадлежать не патріарху, это ясно и изъ самаго приведеннаго правила, ибо оно послѣ учиненія имѣло быть ему представлено.

въ X в. и послѣ патріархи не только посвящали митрополитовъ, но и избирали ихъ, именно съ соборомъ находившихся при нихъ архіереевъ [1]). Ясно существенное отличіе практики отъ правилъ въ приложеніи къ намъ. По правиламъ — русскаго митрополита долженъ былъ бы избирать соборъ русскихъ епископовъ; слѣдовательно, онъ былъ бы избираемъ изъ природныхъ русскихъ. Но практика была та, чтобы русскаго митрополита избиралъ патріархъ съ соборомъ находившихся при немъ архіереевъ, и слѣдствіемъ этаго было то, что митрополитами нашими были присыланные изъ Константинополя Греки. Такимъ образомъ выходитъ, что они Греки не только безъ всякаго права подчинили себѣ Русскую церковь, но собственно говоря нарушали дѣйствительныя права и въ томъ случаѣ, когда заставляли насъ имѣть митрополитовъ изъ нихъ, а не изъ природныхъ Русскихъ. До какой степени однако было зломъ для насъ все это, на сей вопросъ отвѣтимъ ниже.

Главнымъ и важнѣйшимъ между сейчасъ указанными правами, очевидно, было неканоническое право патріарховъ избирать русскихъ митрополитовъ. Что же касается до собственныхъ начальственныхъ отношеній патріарха къ Русской церкви, то онѣ имѣли быть, какъ видно изъ сказаннаго, весьма ограниченными: патріархъ не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Русской церкви и могъ проявлять свою власть по отношенію къ ней только въ тѣхъ случаяхъ, когда ея дѣла и дѣянія ея митрополитовъ представляли что либо противозаконное и неправильное. Ясно, что это не могло быть часто, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это не могло быть такимъ вмѣшательствомъ со стороны патріарховъ въ дѣла Русской церкви, которое должно было бы признать для нея тягостнымъ. Правомъ избирать русскихъ митрополитовъ патріархи пользовались и непремѣнно хотѣли пользоваться, въ слѣдствіе чего въ продолженіе всего періода домонгольскаго митрополиты наши были не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, когда епископы наши, по настояніямъ гражданскаго правительства, восхитили у патріарха его право. Не знаемъ, насколько усердно патріархи хотѣли вмѣшиваться во внутреннія дѣла Русской церкви, когда представлялись имъ къ тому законные поводы; но во всякомъ случаѣ объ этомъ вмѣшательствѣ ихъ извѣстно чрезвычайно немногое. Относительно путешествій нашихъ митрополитовъ на патріаршіе соборы, требованіе чего со стороны патріарховъ составляло ихъ право, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, причемъ не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, какъ часто были собираемы патріархами эти соборы въ продолженіе на-

[1]) Вальсамонъ утверждаетъ, будто этотъ новый порядокъ введенъ именно помянутымъ правиломъ 4 всел. собора (въ толк. на 6 пр. Сардик. соб., у Ралли и П. III. 245). Но онъ говоритъ неправду.

шего періода до-монгольскаго [1]). Что именно извѣстно о проявленіяхъ власти патріарховъ Константинопольскихъ въ отношеніи къ Русской церкви въ продолженіе періода до-монгольскаго, за исключеніемъ избранія и постановленія митрополитовъ, объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ этимъ послѣднимъ.

Въ системѣ греческаго церковнаго управленія митрополитъ соотвѣтствовалъ гражданскому губернатору, а подчиненные ему епископы—уѣзднымъ свѣтскимъ начальникамъ. Каждый уѣздный городъ имѣлъ своего епископа, власть котораго обнимала его самаго и принадлежащій ему уѣздъ; каждый губернскій городъ имѣлъ своего митрополита, власть котораго обнимала всѣ епископіи, входившія въ составъ гражданской губерніи [2]) Власть митрополитовъ, по отношенію къ составлявшимъ ихъ

[1]) Какъ кажется, соборы изъ всѣхъ митрополитовъ были собираемы патріархами весьма не часто и они обыкновенно довольствовались соборомъ изъ архіепископовъ и митрополитовъ титулярныхъ, о которыхъ сказали мы выше (если митрополиты дѣйствительные находились въ Константинополѣ случайно, для своихъ дѣлъ, то они обыкновенно и по праву присутствовали на упомянутыхъ соборахъ).

[2]) Система греческаго церковнаго управленія (административной централизаціи), какъ мы говорили выше, образовалась въ полномъ соотвѣтствіи съ системой управленія гражданскаго. Въ послѣдней, начиная снизу: уѣздный городъ съ его уѣздомъ (первый — πόλις, второй — παροικία, по-русски буквально — приселища), губернскій городъ съ губерніей, обнимавшей то или другое количество уѣздовъ (первый — μητρόπολις, вторая — ἐπαρχία), генералъ-губернаторство или діоцезъ (διοίκησις), обнимавшій то или другое количество губерній. Подобнымъ образомъ въ первой: епископъ — церковный начальникъ уѣзднаго города и уѣзда (его область не ἐπαρχία, что значитъ губернія и какъ назывались области митрополитовъ, а παροικία, откуда, черезъ посредство латинскихъ paroecia и parochia, у Поляковъ и у Малоруссовъ парафія — приходъ, — Апост. пр. 34, Анкирск. соб. прр. 13 и 18, Антіох. соб. пр. 9 и другія, а о томъ, что каждый городъ имѣлъ своего епископа см. Cod. Iust. lib. I tit. III c. 36); епископъ митрополіи, епархіи, экзархъ епархіи (соб. Сардк. пр. 6) митрополитъ — церковный начальникъ епископій, обнимавшихся гражданской губерніей; епископъ діоцеза, — экзархіи, экзархъ, архіепископъ, а потомъ патріархъ (съ удержаніемъ въ титулѣ имени архіепископа: архіепископъ такой-то и патріархъ), — церковный начальникъ митрополій, обнимавшихся гражданскимъ діоцезомъ или генералъ-губернаторствомъ. Это полное соотвѣтствіе системы церковнаго управленія системѣ управленія гражданскаго осталось неприкосновеннымъ на послѣдующее время въ двухъ первыхъ степеняхъ, начиная снизу (бывъ подтверждено и правилами каноническими, 4 всел. соб. пр. 17 и 6 всел. соб. пр. 38), но было съ теченіемъ времени, какъ мы сказали выше, нарушено относительно третьей степени или высшей. Діоцезовъ гражданскихъ было въ Восточной имперіи пять: Египетскій съ главнымъ городомъ Александріей, Восточный съ главнымъ городомъ Антіохіей, Азійскій съ главнымъ городомъ Ефесомъ, Понтійскій съ главнымъ городомъ Кесаріей Каппадокійской (отъ того Василій Великій архіепископъ, а не митрополитъ) и Ѳракійскій съ главнымъ городомъ Иракліей, а потомъ Константинополемъ. Столько же было первона-

митрополіи или церковныя губерніи епископамъ, была таже, что власть патріарховъ по отношенію къ митрополитамъ, отличаясь отъ сей послѣдней только въ дѣлѣ избранія епископовъ. Избраніе митрополитовъ принадлежало, т. е. долженствовало принадлежать, не патріархамъ съ соборомъ находившихся при нихъ архіереевъ, а соборамъ епископовъ самыхъ митрополій; напротивъ, избраніе епископовъ принадлежало не соборамъ пресвитеровъ каждой епископіи, а тѣмъ же соборамъ епископовъ каждой митрополіи [1]). Не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла своихъ епископій, въ которыхъ епископамъ принадлежала такая же самостоятельность, какъ и митрополитамъ [2]) и относительно которыхъ сдѣлано было только одно исключеніе, митрополитъ имѣлъ высшій надзоръ надъ епископами, обладая правомъ и обязанный подвергать ихъ суду и наказаніямъ, въ случаѣ той или другой ихъ неисправности, и конечно низлагать ихъ въ случаѣ ихъ тяжкихъ винъ и совершенной негодности. Въ томъ и другомъ случаѣ судъ долженъ былъ твориться не единолично митрополитомъ, но не иначе какъ при участіи собора епископовъ его митрополіи [3]). Какъ патріархамъ принадлежало право апелляціи на судъ митрополитовъ, такъ въ свою очередь митрополитамъ принадлежало право апелляціи на судъ подчиненныхъ имъ епископовъ. Всѣ дѣла сего послѣдняго рода, подобно тому какъ и творить судъ надъ самими епископами, они должны разсуждать не иначе, какъ соборно, т. е. съ соборомъ прочихъ епископовъ своей области. Непосредственное вмѣшательство въ дѣла подчиненныхъ епископовъ, о которомъ сказали мы, дозволялось и предписывалось митрополитамъ относительно хозяйственной экономіи епископій. Седьмой вселенскій соборъ, подтверждая каноническое опредѣленіе предшествующаго времени, чтобы каждая церковь (т. е. каждая епископія) имѣла для дѣлъ хозяйственныхъ своего особаго эконома, предписываетъ, что въ случаѣ, если бы какой епископъ не захотѣлъ самъ поставить таковаго, то его долженъ поставить своею собственною властію окружной митрополитъ (пр. 11). Соборное опредѣленіе патр. Алексія 1028 г., представляющее изъ себя впрочемъ временную мѣру, вызванную обстоятельствами, дозволяетъ и предписываетъ митро-

---

чально и церковныхъ діоцезовъ, экзархатовъ или архіепископій, позднѣйшихъ патріархатовъ (cfr 2 всел. соб. пр. 2). Но потомъ три діоцеза гражданскіе — Ѳракійскій, Понтійскій и Азійскій соединены въ одинъ діоцезъ духовный (Константинопольскій), а одинъ діоцезъ гражданскій — Восточный раздѣленъ на два діоцеза церковные (Антіохійскій и Іерусалимскій).

[1]) Гражданскіе законы Греческіе въ своихъ предписаніяхъ относительно избранія епископовъ расходятся нѣсколько съ правилами каноническими. Укажемъ это ниже.

[2]) Апост. пр. 34, Антіох. соб. пр. 9.

[3]) Тѣже правила.

политамъ самое дѣятельное и непосредственное вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла подвѣдомыхъ имъ епископій [1]). Такъ какъ, по каноническимъ постановленіямъ, епископы ничего важнаго не могли дѣлать безъ воли и согласія митрополитовъ, а эти послѣдніе наоборотъ, какъ мы сейчасъ сказали, ничего таковаго не могли дѣлать безъ вѣдома и согласія собора подчиненныхъ имъ епископовъ: то въ слѣдствіе сего открывалась нужда въ томъ, чтобы какъ можно чаще собирались епархіальные или губернскіе (митрополитанскіе) церковные соборы. До конца VII в. было правиломъ, чтобы соборы эти собирались дважды въ году [2]); шестой вселенскій соборъ, по разнымъ причинамъ, нашелся вынужденнымъ вмѣсто двухъ разъ назначить одинъ разъ [3]), что и осталось правиломъ на будущее время.

Первоначальная общерусская или Кіевская лѣтопись по древнѣйшей, дошедшей до насъ, редакціи Лаврентіевско-Ипатской ничего не говоритъ объ учрежденіи у насъ митрополіи и о первомъ нашемъ митрополитѣ; проходя совершеннымъ молчаніемъ исторію возникновенія русской церковной іерархіи, она въ первый разъ упоминаетъ о митрополитѣ случайнымъ образомъ только подъ 1039 г. [4]). Затѣмъ мы имѣемъ два разногласящія извѣстія о первомъ нашемъ митрополитѣ: Новгородская первоначальная лѣтопись, большая часть позднѣйшихъ редакцій первоначальной лѣтописи Кіевской или общерусской и часть списковъ такъ называемаго устава Владимирова говорятъ, что первымъ митрополитомъ нашимъ былъ Леонъ, который, по лѣтописямъ, былъ присланъ къ Владимиру изъ Константинополя въ 991 г.; такъ называемая Степенная книга, позднѣйшая редакція первоначальной лѣтописи Кіевской, находящаяся въ лѣтописи Никоновской и другая часть списковъ устава Владимирова говорятъ, что первымъ нашимъ митраполитомъ былъ Михаилъ, приведенный, по двумъ первымъ, самимъ Владимиромъ изъ Корсуни въ 988 г. и имѣвшій Леона, котораго онѣ полагаютъ вторымъ, своимъ преемникомъ. Въ обоихъ случаяхъ свидѣтельствъ собственно по одному: въ первой группѣ повторяется Новгородская лѣтопись, во второй — Степенная книга; относительно первой группы мы не имѣемъ нужды это доказывать, а что касается до второй, то Никоновская лѣтопись въ данномъ случаѣ воспроизводитъ Степенную книгу почти буквально, а уставъ Владимировъ, въ дѣйствительности не принадлежащій Владимиру (о чемъ ниже), указываетъ свой источникъ тѣмъ, что имѣетъ Михаила только

---

1) У Ралли и П. V, 25.

2) Апост. пр. 37, 1-го всел. соб. пр. 5, 4-го всел. соб. пр. 19, Антіох. соб. пр. 20.

3) Пр. 8.

4) «Въ лѣто 6547 священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отецъ Ярославль, митрополитомъ Θеопемптомъ» — вотъ ея первое извѣстіе и первая рѣчь о митрополитахъ.

16

въ позднѣйшихъ (послѣ Степенной книги явившихся) спискахъ, тогда какъ въ древнѣйшихъ — Леона. Спрашивается: которому изъ двухъ свидѣтельствъ должно быть отдано предпочтеніе? По нашему убѣжденію, несомнительно, что лѣтописи Новгородской. Начало первой или первоначальной лѣтописи Новгородской, въ которой читается о первомъ митрополитѣ (по поводу извѣстія постановленіи въ Новгородъ перваго епископа) написано ученикомъ ученика перваго Новгородскаго епископа, т. е. такимъ близкимъ ко времени перваго митрополита человѣкомъ, который никакъ не могъ не имѣть надлежащихъ о немъ свѣдѣній [1]); напротивъ, Степенная книга составлена въ XVI в. и притомъ извѣстна своей крайней въ историческомъ отношеніи недоброкачественностію [2]): какое основаніе и какое оправданіе мы будемъ имѣть для того, чтобы предпочитать свидѣтельство новое и идущее изъ источника совершенно сомнительнаго свидѣтельству, весьма древнему и почти современному, т. е. не будетъ ли это рѣшительно вопреки всякихъ правилъ и всякихъ требованій исторической критики? Извѣстіе Степенной книги о митр. Михаилѣ съ перваго же взгляда поражаетъ своею странностію: митр. Михаилъ, по ея словамъ, привелъ съ собою изъ Греціи шесть епископовъ; однако, приведши съ собою епископовъ, онъ не учредилъ епископскихъ каѳедръ;—это дѣлаетъ по ней, какъ и по Новгородской лѣтописи, только Леонъ. Митрополитъ, не дѣлающій того, что онъ долженъ бы былъ сдѣлать, не наводитъ ли на мысль, что онъ возникъ и приставленъ впереди дѣйствительнаго перваго митрополита по какому нибудь недоразумѣнію? Отправляясь искать это недоразумѣніе, мы дѣйствительно его находимъ. Недоразумѣніе стоитъ въ зависимости отъ другаго недоразумѣнія. Во всѣхъ безъ исключенія нашихъ лѣтописяхъ и памятникахъ, говорящихъ о первомъ нашемъ митрополитѣ, т. е. какъ одной, такъ и другой группы, утверждается, будто онъ присланъ намъ или полученъ нами отъ патріарха Фотія, который умеръ за цѣлое слишкомъ столѣтіе до Влади-

---

[1]) Авторъ первоначальной лѣтописи Новгородской записалъ о смерти перваго Новгородскаго епископа Іоакима подъ 1030 г.: «преставися епископъ Акимъ Новгородскій и бяше (послѣ его смерти, до назначенія новаго епископа, правителемъ епископіи) ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше».

[2]) Составитель Степенной книги, собственно говоря, былъ человѣкъ очень почтенный, трудолюбиво собиравшій свѣдѣнія изъ всякихъ источниковъ на подобіе нынѣшнихъ ученыхъ историковъ. Но, во-первыхъ, онъ собиралъ свѣдѣнія безъ всякой критики, относясь съ одинаково полной вѣрой ко всему, что находилъ; во-вторыхъ, по обычаю всѣхъ людей, не вполнѣ надлежащимъ образомъ понимающихъ исторію, онъ позволялъ себѣ поступать такъ, чтобы свои простыя предположенія выдавать за положительные факты (послѣ такъ дѣлалъ у насъ Татищевъ), и наконецъ, — въ-третьихъ, подобно всѣмъ сейчасъ указанымъ людямъ, онъ смѣшивалъ исторію съ поэзіей и матеріалъ, собранный въ источникахъ, не затруднялся дополнять e suo ventre.

мира (891). [1]) Преосвященный Филаретъ объясняетъ эту несообразность тѣмъ, что имя Фотія употребляется лѣтописцами не въ смыслѣ живаго лица, а по примѣру Болгаріи въ переносномъ смыслѣ представителя греческаго православія въ противоположность инославію латинскому. [1]) Но, во-первыхъ, у древнихъ вовсе не было въ обычаѣ употреблять подобныхъ иносказаній; во-вторыхъ, противопоставлять греческаго православія у насъ было совершенно нечему и о самомъ примѣрѣ Болгаріи ровно ничего неизвѣстно. Вообще, признавая объясненіе преосвящ. Филарета натянутымъ и несостоятельнымъ, нужно объяснять дѣло гораздо проще. Необходимо думать, что предки наши имѣли въ своихъ рукахъ въ славянскомъ переводѣ окружное посланіе патр. Фотія (Εγκύκλιος ἐπιςολή). Въ этомъ посланіи Фотій между прочимъ сообщаетъ свѣдѣнія о крещеніи современныхъ ему, точно неизвѣстныхъ намъ, Русскихъ, которые послѣ неудачной осады Константинополя рѣшились принять христіанство, т. е. тѣхъ Русскихъ, о которыхъ говорили мы выше въ главѣ объ Аскольдѣ и Дирѣ; именно онъ пишетъ: «не только Болгары промѣняли прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно православные и въ жестокости и скверно-убійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы, — въ настоящіе время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго; и *до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія христіанъ съ великимъ усердіемъ и прилежаніемъ.*» Необходимо думать, что эти рѣчи патр. Фотія о современныхъ ему Русскихъ наши лѣтописцы по недоразумѣнію и невѣдѣнію и приняли за рѣчи о нашихъ Кіевскихъ Русскихъ съ Владиміромъ во главѣ и что въ этихъ-то рѣчахъ они и увидѣли свидѣтельсто, будто митрополитъ былъ присланъ Владиміру патр. Фотіемъ. Такимъ образомъ, въ Новгородской лѣтописи, въ которой говорилось о первомъ нашемъ митрополитѣ, но не было сказано, отъ какого патріарха онъ присланъ, было прибавлено, что онъ присланъ отъ патр. Фотія. [1]) Когда сдѣлано добавленіе, не знаемъ, но не позднѣе XIII в.,

[1]) «Крестися Володимеръ и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона».... «Володимеръ посла (изъ Корсуни) въ Греки къ пресвященному Фотію патріарху Цареградскому и взятъ отъ него перваго митрополита Михаила Кіеву»....

[2]) Исторіи періодъ 1, § 15, изд. 3 стр. 50.

[3]) А могло быть даже и такъ, что стоявшее въ лѣтописи имя дѣйствитель-

ибо въ спискѣ устава Владимирова отъ второй половины этого вѣка уже читается: «всприялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Цареградьскаго, взяхъ перваго митрополита Леона Кіеву».... Составитель Степенной книги читалъ въ Новгородской лѣтописи (что и самъ повторяетъ), что первый митрополитъ былъ полученъ нами отъ патр. Фотія, но въ тоже время въ другихъ своихъ источникахъ онъ находилъ, что митрополитъ, данный отъ Фотія Русскимъ, назывался не Леономъ, а Михаиломъ. Лѣтописцы греческіе въ извѣстныхъ въ настоящее время ихъ спискахъ не называютъ по имени епископа, посланнаго патр. Фотіемъ къ современнымъ ему Русскимъ, но въ нашихъ славянскихъ сказаніяхъ, ссылающихся на Зонару и на Куропалата или Скилицу, не знаемъ — на какомъ основаніи, онъ называется митрополитомъ Михаиломъ: «въ лѣто 886,—читаемъ въ Густинской лѣтописи,— пріиде Михаилъ митрполитъ въ Русь, посланъ отъ Василія Македона, царя Греческаго и Фотія патріарха, иже увѣряя Русь вверже евангеліе въ огнь и не изгорѣ, и симъ чудомъ ужаси Русь и многія крести» (Полн. Собр. Лѣтт. 11, 239). Тоже повторяется во всѣхъ статьяхъ о такъ называемыхъ пяти крещеніяхъ Руссовъ или Славяно-Руссовъ (при ап. Андреѣ, при Кириллѣ и Меѳодіи, при Фотіи, при Ольгѣ и при Владимирѣ), именно—въ той же Густинской лѣтописи, ibid стр. 253, въ предисловіи къ печатному Патерику Печерскому, въ Синопсисѣ, въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, [1]) изъ нея въ книгѣ о вѣрѣ (гл. 3), а изъ сей послѣдней въ Никоновской Кормчей. Въ помянутыхъ сказаніяхъ совершенно ясно говорится, что митр. Михаилъ былъ присланъ Русскимъ отъ патр. Фотія не при Владимирѣ, а гораздо ранѣе; но составитель предпочиталъ вѣрить Новгородской лѣтописи, лѣтописямъ и памятникамъ ее повторяющимъ (уставъ Владимира,— что, какъ мы сказали, повторяетъ и самъ). [2]) Такимъ образомъ у него оказывались два свидѣтельства о первомъ нашемъ митрополитѣ, полученномъ отъ патр.

наго патріарха, при которомъ мы приняли христіанства, было ошибочнымъ образомъ замѣнено именемъ Фотія.

[1]) Копыстенскій, человѣкъ ученый и слѣдовательно, какъ можно преполагать, самъ смотрѣвшій источники, на которые ссылается, пишетъ: «Іоаннъ Занаросъ въ томѣ третьемъ пишетъ: «царь-мовитъ-Василій (Македонянинъ) въ народомъ Роскимъ примире учинивши, справилъ, а бы онъ въ признане вѣры христіанской пришолъ и гды ся крестити обѣцовали, архіерея имъ послалъ Михаила митрополита»..., Полинодіи ч. 3, розд. 1 артик. 1,— въ Русской Исторической библіотекѣ, томъ 4, кн. 1 стр. 971.

[2]) Императоръ, посылавшій къ (неизвѣстнымъ) Руссамъ вмѣстѣ съ патр. Фотіемъ митр. Михаила, былъ, по сказаніямъ, Василій (Македонянинъ). Но и Владимиръ крестился при импер. Василіи (Болгаробойцѣ). Это совпаденіе именъ должно было укрѣплять составителя Степенной книги въ томъ мнѣніи, что сказанія должно относить именно къ Владимиру.

Фотія, и ему предстояло рѣшить, которое свидѣтельство правильнѣе: онъ и рѣшилъ, что правильнѣйшее свидѣтельство есть то, которое называетъ его Михаиломъ. Ясны при этомъ и побужденія, которыя могли заставить его склониться въ пользу такого рѣшенія: въ Новгородской лѣтописи говорится, что митрополитъ полученъ Владиміромъ изъ Константинополя въ 991 г.; между тѣмъ составитель зналъ изъ Кіевской или общерусской первоначальной лѣтописи, что Владиміръ крестился въ Корсуни въ 988 г.; слѣдовательно отъ крещенія Владимірова до прибытія Леона оставался промежутокъ времени безъ митрополита. Находя въ своихъ извѣстіяхъ другаго митрополита кромѣ Леона, т. е. Михаила, составитель естественно и заподозрилъ, что въ Новгородской лѣтописи пропускъ и что на пустой промежутокъ долженъ быть поставленъ имено тотъ другой митрополитъ, котораго онъ находилъ въ сказаніяхъ [1]).

Итакъ, первымъ митрополитомъ нашимъ былъ Леонъ или Левъ, присланный Владиміру изъ Константинополя въ 991 году, слѣдовательно— отъ патр. Николая Хризоверга, который занималъ каѳедру съ 983 по 996 г. Отъ чего могло случиться, что Греки прислали Владиміру митрополита не въ Корсунь тотчасъ послѣ того, какъ онъ вступилъ съ ними въ сношенія, а спустя цѣлые три года послѣ похода на Корсунь, т. е. какъ будто непонятнымъ образомъ медливъ учрежденіемъ въ Россіи

---

[1]) Степенная книга и за нею Никоновская лѣтопись не только даютъ намъ новаго митрополита, но изъ того же suo ventre, о которомъ сказали мы выше, сообщаютъ и его характеристику съ частичкой біографіи и нѣкоторыя свѣдѣнія объ его дѣятельности. По словамъ Степенной книги (и за нею Никоновской лѣтописи) митр. Михаилъ ходилъ съ приведенными имъ шестью епископами въ Новгородъ «и многи люди крести», затѣмъ съ четырьмя епископами въ Ростовъ «и крестиша людей безчисленное множество», а самъ Владиміръ съ двумя епископами ходилъ въ Суздальскую землю, гдѣ «крестиша вся люди». (Въ Новгородѣ Степенная книга креститъ не всѣхъ людей и не безчисленное множество потому, что на основаніи Новгородской лѣтописи должда крестить его затѣмъ во второй разъ). Въ характеристикѣ митр. Михаила, которую не считаемъ нужнымъ приводить, говорится, что онъ былъ родомъ Сиринъ: это вѣроятно съ какого нибудь повода, котораго однако въ настоящее время не можемъ указать (Не помнимъ, какой-то стараго времени славянофилъ дѣлаетъ догадку, что вмѣсто Сиринъ должно читать Сербинъ).—Такъ какъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ почиваютъ мощи митрополита Михаила, перенесенныя, по преданію, изъ Десятинной церкви въ началѣ XII вѣка, то должно думать, что въ Кіевъ принесены были изъ Таврической Руси мощи того митрополита (архіепископа) Михаила, который былъ при патр. Фотіи крестителемъ Таврическихъ Руссовъ и который въ отдаленномъ смыслѣ можетъ быть принимаемъ, и на самомъ дѣлѣ былъ принимаемъ, и за нашего перваго крестителя (до 1730 г. мощи почивали въ Антоніевыхъ пещерахъ, а въ этомъ году по Высочайшему указу перенесены въ соборную церковь Лавры,— митр. *Евгенія* Описаніе Кіевоперерской Лавры, изд. 2 стр. 115 и *егоже* Описаніе Кіево-соф. собора, стр. 64 нач.).

церковнаго управленія, мы уже говорили выше: имѣлъ быть посланъ не одинъ митрополитъ, а и все потребное количество епископовъ, а при каждомъ изъ послѣднихъ большій или меньшій, по возможности достаточный, штатъ священниковъ; чтобы найти и набрать всѣхъ нужныхъ людей, очевидно, требовалось весьма не мало времени, такъ что даже и цѣлые три года не должны представлять ничего особенно страннаго. Первылъ дѣломъ Леона по прибытіи на Русь было учрежденіе церковнаго управленія, открытіе епархій и поставленіе епископовъ, — объ этомъ мы скажемъ ниже. Затѣмъ необходимо думать, хотя мы и не имѣемъ положительныхъ извѣстій, что онъ оказывалъ возможно дѣятельое содѣйствіе Владимиру въ крещеніи Руси. Наконецъ онъ извѣстенъ, какъ писатель, оставившій послѣ себя одно полемическое сочиненіе противъ Латинянъ, о которомъ скажемъ также ниже и которое своими учено-литературными достоинствами показываетъ, что онъ былъ человѣкъ не случайно попавшійся, а дѣйствительно нарочитымъ образомъ и съ особеннымъ стараніемъ избранный. Умеръ онъ неизвѣстно когда послѣ 1004 и до 1008 года [1]).

Первоначальная общерусская лѣтопись по древнѣйшей дошедшей до насъ ея редакціи не говоритъ о первомъ нашемъ митрополитѣ, о которомъ мы узнаемъ изъ мѣстной лѣтописи Новгородской. Не говоритъ она о митрополитахъ, какъ мы сказали, и потомъ до 1039 г. Затѣмъ въ ней самой и въ ея продолженіяхъ, обнимающихъ періодъ до-монгольскій, по тѣмъ же древнѣйшимъ редакціямъ послѣднихъ, дѣло имѣетъ себя слѣдующимъ образомъ: лѣтописи вовсе не ведутъ нарочитаго списка митрополитовъ, съ отмѣтой непрерывной ихъ смѣны; нѣкоторыхъ митрополитовъ отмѣчены въ нихъ годы прибытія или поставленія и годы смерти, другихъ митрополитовъ отмѣчены которые нибудь одни годы, либо первые либо вторые, и наконецъ о третьихъ упоминается только случайнымъ образомъ. Первоначальная лѣтопись въ своихъ извѣстіяхъ о митрополитахъ, какъ за время до 1039 г., такъ и послѣдующее, нѣсколько дополняется отчасти изъ той же мѣстной лѣтописи Новгородской, отчасти изъ редакцій позднѣйшихъ (именно редакціи лѣтописи Никоновской) и отчасти изъ нѣкоторыхъ древнихъ житій. Извѣстія, которыя находимъ въ продолженіяхъ первоначальной лѣтописи по ихъ древнѣйшимъ редакціямъ, остаются единственными нашими извѣстіями, не бывъ болѣе не откуда дополняемы. На основаніи древнихъ лѣтописей съ указанными дополненіями составляется каталогъ митрополитовъ періода

[1]) Подъ 1004 г. онъ упоминается какъ живой, а въ 1008 г. его преемникъ,— Никон. лѣт. Положительное свидѣтельство Татищева II, 89, будто Леонъ умеръ въ 1007 г., очевидно, основывается на произвольномъ пониманіи неопредѣленнаго свидѣтельства Степенной книги (I, 166 fin).

до-монгольскаго, состоящій изъ 21 лица. Для пространства времени, обнимаемаго періодомъ до монгольскимъ, этотъ каталогъ, конечно, не коротокъ; но чтобы онъ былъ совершенно полонъ, какъ то нѣкоторые принимаютъ, это вовсе не составляетъ дѣла рѣшенаго, ибо лѣтописи, какъ мы сказали, не ведутъ нарочитаго непрерывнаго списка митрополитовъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаютъ только случайнымъ образомъ. И дѣйствительно мы находимъ нѣкоторые позднѣйшіе источники, которые увѣряютъ насъ, что каталогъ долженъ быть еще дополненъ по крайней мѣрѣ на три лица. Захарія Копыстенскій, намѣстникъ и потомъ архимандритъ Печерскій († 1626), помѣстилъ въ своей Палинодіи [1]) каталогъ митрополитовъ, при составленіи котораго пользовался не только лѣтописями, но еще «Кіевскимъ столичнымъ помянникомъ», т. е. помянникомъ или диптихомъ митрополитовъ, веденнымъ при ихъ каѳедральной Кіево-Софійской церкви, и изъ этого помянника сообщаетъ намъ имена трехъ, неизвѣстныхъ намъ по лѣтописямъ, митрополитовъ [2]). Если помянникъ, бывшій въ рукахъ у Копыстенскаго, представлялъ собою не подлинникъ, а — что̀ есть вѣроятнѣйшее — позднѣйшую переписку, то, конечно, могли попасть въ него и митрополиты никогда не существовавшія, внесенные произвольно и ошибочно переписчиками. Однако за дѣйствительное существованіе всѣхъ трехъ его митрополитовъ, лишнихъ противъ лѣтописей, весьма много или, по крайней мѣрѣ, весьма не мало говоритъ то обстоятельство, что всѣхъ ихъ мы находимъ въ позднѣйшихъ московскихъ спискахъ [3]) митрополитовъ, составленныхъ, по всей вѣроятности, при помощи помянниковъ какихъ нибудь епископій (въ которыхъ, какъ должно думать, писались имена митрополитовъ на ряду съ именами мѣстныхъ епископовъ), — списки эти намъ извѣстные: при Никоновской лѣтописи, — Полн. Собр. Лѣтт. т. IX, стр. XIII, а по старому отдѣльному изданію т. 1 прилож. стр. 3, при Воскресенской лѣтописи, — Полн. Собр. т. VII, стр. 239, въ Новгородской 1-й лѣтописи по Академическ. списку, — Продолженія Вивліоѳики ч. II, стр. 316. Не призна-

---

1) Обширномъ полемическомъ сочиненіи противъ уніатовъ, написанномъ въ 1621 г. и напечатанномъ въ прошломъ 1878 г. въ «Русской Исторической библіотекѣ» (т. 4 кн. 1, а глава изъ Полинодіи, въ которой содержится каталогъ митрополитовъ, напечатана въ изслѣдованіи Ф. А. Терновскаго «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси», вып. 2, Кіевъ, 1876 стр. 200 sqq, гдѣ см. и о самой Палинодіи).

2) Глава изъ Палинодіи содержащаяся, въ сейчасъ помянутомъ сочиненіи г. Терновскаго. Стр. 210.

3) Подъ каталогомъ разумѣется то, что̀ не только перечисляетъ имена митрополитовъ, но и собщаетъ о нихъ свѣдѣнія хронологическія и (большія или меньшія) историческія (таковъ катологъ Копыстенскаго, таковы и другіе катологи, о которыхъ ниже); а списки — простое перечисленіе именъ, безъ всякихъ какихъ нибудь обозначеній.

вая существованія лишнихъ митрополитовъ Копыстенскаго и списковъ за совершенно несомнительное, съ другой стороны, мы вовсе не находимъ возможнымъ и основательнымъ и того, чтобы относиться къ нимъ съ совершеннымъ невѣріемъ. Мы внесемъ ихъ въ нашъ нижеслѣдующій каталогъ, предоставляя окончательно рѣшить вопросъ о нихъ (конечно, не особенно важный) будущему времени [1]).

---

1) Кромѣ каталога Захаріи Копыстенскаго въ его Палинодіи, который есть первый, извѣстный намъ, по времени, существуютъ другіе каталоги: 1) Сильвестра Коссова (изъ префектовъ Кіевской Академіи епископа Мстиславскаго и потомъ митрополита Кіевскаго, † 1657 г.), составленный на основаніи лѣтописей (безъ Никоновск. и Степенной кн. и поэтому не имѣющій Іоанна 1-го) и Польскихъ историковъ (ссылки на Стрыйковскаго), не принимающій новыхъ противъ лѣтописей митрополитовъ Палинодіи, которая была у автора въ рукахъ (напечатанъ въ приложеніи къ польскому Патерику Коссова — Πατερικόν: Zywoty SS. Oycow Pieczarskych, w Kiiowie, roku 1635; заглавіе каталога, стр. 164: Chronologia o prawoslawnych metropolitach Ruskich et caet., отъ начала до Петра Могилы. Митр. Евгеній въ Описаніи Кіево-соф. собора, стр. 81 fin., говоритъ, что Коссовъ по Стрыйковскому послѣ митрополита Матѳея полагаетъ новаго противъ лѣтописей Никиту. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками Патерикона, но мы видѣли его и въ нашихъ замѣткахъ о немъ не значится этой особенности); 2) св. Димитрія Ростовскаго, дополняющій списокъ митрополитовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ, митрополитами Палинодіи (напечатанъ съ дополненіемъ изъ Селлія и неизвѣстно откуда и кажется съ измѣненіями въ Московскомъ Любопытномъ Мѣсяцословѣ на 1776 годъ В. Рубана, стр. 54; о подлинникѣ см. словарь Евгенія I, 132 № 16, обычное названіе — Кіевскій каталогъ, cfr тогоже Евгенія Опис. Кіево-соф. соб. стр. 66 и слѣдд); 3) Неизвѣстнаго, составляющій начало общаго каталога всѣхъ Русскихъ архіерейскихъ каѳедръ и имѣющій надписаніе: «Каталогъ или лѣтописаніе бытности архіереевъ Россійскихъ» и проч., относительно списка митрополитовъ повторяющій св. Димитрія (находится въ рукописи, во многихъ спискахъ, которыхъ у насъ подъ руками два—фундамент. библіот. М. Д. Акад. № 122 и Виѳанск. Семин. библіот. № 2140; обычное названіе—Московскій каталогъ — Евг. ibid. I, 131. Что разумѣть подъ именемъ Московскаго каталога, на который ссылается св. Димитрій у Рубана, остается намъ неизвѣстнымъ, но не одинъ изъ указанныхъ выше списковъ, ибо изъ него берутся разныя свѣдѣнія, напр. о митрр. Ѳеопемптѣ, Ефремѣ, Матѳеѣ, Кириллѣ, которыхъ въ спискахъ вовсе нѣтъ); 4) Никодима Селлія (Датскаго урожденца, обратившагося въ православіе, † 1746, о немъ Евгеній въ Словарѣ), дополняющій списокъ митрополитовъ лѣтописей и Палинодіи еще двумя новыми митрополитами, неизвѣстно откуда взятыми (каталогъ въ сочиненіи De Russorum Hierarchia, о которомъ ibid.); 5) Игнатія Кульчинскаго (уніатскаго монаха, † 1741), не имѣющій митрополитовъ лишнихъ противъ лѣтописей (въ сочиненіи Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Pars 3, по новому Парижскому изданію Мартынова стр. 111 sqq); 6) извѣстнаго Михаила Лекеня (le Quien), по списку, сообщенному изъ Петербурга въ 1730 г., и такъ же, какъ каталогъ Кульчинскаго, не представляющій митрополитовъ лишнихъ противъ лѣтописей (Oriens Christianus 1, 1261). Хронологическія показанія каталоговъ, не только дополняющія но и поправляющія лѣтописи или ихъ игнорирующія, суть ничто иное, какъ произвольныя, ни на чемъ не основанныя, предположе-

Митрополитовъ несомнительныхъ, какъ мы сказали, извѣстно 21, а съ тремя не несомнительными ихъ будетъ 24. Рядъ ихъ послѣ Леона есть слѣдующій:

2. Іоаннъ 1-й, по свидѣтельствамъ не совершенно надежнымъ занявшій каѳедру не позднѣе 1008 [1]), а по свидѣтельствамъ совсѣмъ надежнымъ — занимавшій ее въ первые годы правленія Ярослава [2]) (который 1019 — 1054).

3. Ѳеопемптъ, упоминаемый подъ 1039 г. [3])

4. Кириллъ 1-й, не упоминаемый лѣтописями, но стоящій въ Кіево-Софійскомъ помянникѣ, которымъ пользовался Копыстенскій, и въ спискѣ митрополитовъ Никоновской лѣтописи.

5. Иларіонъ, поставленный въ 1051 г.

6. Ефремъ, упоминаемый подъ 1055 г. [4]).

7. Георгій, упоминаемый подъ 1072 и 1073 г. [5]).

8. Іоаннъ 2-й, прибывшій, если вѣрить показанію нѣкоторыхъ позднихъ источниковъ, передъ 1077 г. или не позднѣе сего года [6]) и скончайшійся въ 1089 г.

нія ихъ авторовъ (или Польскихъ историковъ, у которыхъ берутся) и не имѣютъ, помимо лѣтописей, совершенно никакого значенія.

[1]) Никон. лѣт. подъ симъ годомъ (и Степ. кн. I, 166).

[2]) Іаковъ и Несторъ въ Сказаніяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ, въ чудесахъ. Копыстенскій называетъ Іоанна, какъ онъ говоритъ, по Кіевскому помяннику, Іоной. Это значитъ, что или переписчикъ помянника неправильно читалъ въ своемъ оригиналѣ или самъ Копыстенскій въ помянникѣ сокращенное написаніе Іѡ҃н (изъ Копыстенскаго Іона перешелъ и въ другіе катологи). У Рубана въ каталогѣ св. Димитрія читается, не знаемъ — кому принадлежащее, второму или первому: «подъ симъ Іоною полагаютъ нѣкоторые Георгія и Никифора сомнительными».

[3]) Въ 1036 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ этомъ году поставленъ Новгородскій епископъ Лука Жидята.

[4]) Въ первоначальной Новгородской лѣтописи (Новг. 1-я лѣт. по Акад. списку въ Продолж. Вивліоѳ. II, 354 и Новг. 2-я лѣт.) и изъ нея въ Соф. Временникѣ, Никоновск. и Тверск. лѣтт. Нѣкоторые сомнѣваются въ существованіи этого митрополита, но онъ есть, по свидѣтельству Копыстенскаго, въ Кіево-Соф. помянникѣ и также во всѣхъ трехъ Московскихъ спискахъ, указанныхъ выше.

[5]) Что касается до его прибытія около 1062 г., то основанія въ пользу сего предположенія, приводимыя преосвящ. Макаріемъ (II, 14, прим. 20), не совсѣмъ тверды. Преп. Ѳеодосій Печерскій, нашедшій по лѣтописцу уставъ Студійскаго монастыря у одного монаха, пришедшаго съ митр. Георгіемъ, потому же лѣтописцу, который долженъ быть предпочитаемъ Нестору, какъ современникъ Ѳеодосіевъ, каковымъ послѣдній не былъ, началъ заботиться объ исканіи устава не тотчасъ послѣ вынесенія монастыря изъ пещеры на верхъ земли, что̀ по Нестору было въ 1062 г., а спустя то или другое время. Въ 1061 г. и потомъ въ 1069 г. былъ въ Кіевѣ митрополитомъ, ибо въ первомъ году поставленъ Новгородскій епископъ Стефанъ, а во второмъ Новгородск. еп. Ѳеодоръ. Подъ митрополитомъ 1069 г. по всей вѣроятности долженъ быть разумѣемъ Георгій.

[6]) Житію св. Исаіи Ростовскаго, по которому Исаія поставленъ въ епископы

9. Іоаннъ 3-й, преемникъ предшествующаго, прибывшій въ 1089 или 1090 г. [1]) и умершій послѣ годичнаго правленія.

10. Николай, упоминаемый подъ 1097 и 1101 гг. [2]).

11. Никифоръ 1-й, прибывшій 6 декабря 1103 г. и умершій въ апрѣлѣ 1121 г. (Лаврент. и Ипатск.).

12. Никита, преемникъ Никифора, прибывшій въ 1122 г. (Лавр. и Ип.) и умершій 9 марта 1126 г. (Лавр., по Ипатск. въ 1127 г.).

13. Михаилъ, по Ипатской лѣтописи прибывшій въ 1131 г., но вѣроятнѣе, что по крайней мѣрѣ не позднѣе 1129 г. [3]), оставившій каѳедру и удалившійся въ Константинополь въ 1145 г. (Лавр.).

14. Климъ или Климентъ, преемникъ Михаила, поставленный въ 1147 г., послѣ неоднократнаго удаленія съ каѳедры окончательно оставившій ее въ 1155 г. и упоминаемый какъ живой подъ 1164 г. (см. ниже) [4]).

15. Константинъ 1-й, преемникъ Климента, пришедшій въ 1156 г. послѣ апрѣля мѣсяца (Лавр. и Ип., cfr Новг. 1 лѣт.) [5]), удалившіся съ каѳедры въ 1158 г. и умершій въ 1159 г. (Лавр., Новгор. 1).

16. Ѳеодоръ, преемникъ Константина, пришедшій въ Августѣ 1161 г. (Ип.), сидѣвшій на каѳедрѣ или годъ и 10 мѣсяцевъ или просто 10 мѣсяцевъ и умершій въ 1162 г. или 1163 г. [6]).

митр. Іоанномъ въ 1077 г. (см. выше). Въ 1078 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ семъ году поставленъ Новгородскій епископъ Германъ.

[1]) Первый годъ въ Лаврент. лѣт., второй въ Ипатск.

[2]) Въ 1096 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ этомъ году поставленъ Новгородскій епископъ, св. Никита. Что касается до Ефрема, котораго ставитъ Никоновская лѣтопись (и за него всѣ каталоги) между Іоанномъ 3-мъ и симъ Николаемъ, то онъ былъ не митрополитъ Русскій, а епископъ Переяславскій, и носилъ имя митрополита только титулярно (см. о немъ ниже).

[3]) Въ ноябрѣ—декабрѣ 1129 г. поставленъ Новгородскій епископъ Нифонтъ, и предполагать, чтобы между Никитой и Михаиломъ былъ еще митрополитъ и чтобы Михаилъ явился послѣ него такъ скоро, не представляется вѣроятнымъ.

[4]) Копыстенскій свидѣтельствуетъ, что въ Кіево-Соф. помянникѣ послѣ Михаила стояло имя Константина, и потомъ самъ ставитъ Климента, Константина и пр., такъ что у него выходятъ три Константина. Но тутъ должно видѣть ошибочное примиреніе помянника съ лѣтописями. Въ помянникѣ, какъ необходимо думать, не стояло имени Климента, изглаженнаго его преемникомъ по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже. Находя въ помянникѣ за Михаиломъ Константина, а въ лѣтописяхъ Климента, Копыстенскій и думаетъ, что Константинъ помянника есть предшественникъ Климента. — Селлій, неизвѣстно на чемъ основываясь, послѣ Михаила ставитъ подъ 1146 г. Кирилла (у Рубана въ дополнп. къ Димитрію Ростовскому).

[5]) А поставленный не позднѣе Января мѣсяца того же года (см. у преосвящ. Макарія III, 18, прим. 20).

[6]) Ипатская лѣтопись говоритъ, что Ѳеодоръ, пришедшій (по ней) въ Августѣ 1161 г., умеръ послѣ 10-мѣсячнаго правленія въ 1163 г. (подъ симъ по-

17. Іоаннъ 4-й, преемникъ Θеодора, пришедшій въ 1164 г. (Ип.) и умершій въ 1166 г. (Новгор. 1; по свидѣтельству Татищева, неизвѣстно откуда взятому, III, 146,—Мая 12).

18. Константинъ 2-й, преемникъ Іоанна, пришедшій въ 1167 г. (Новг.) и упоминаемый потомъ по поводу одного событія, которое Лаврентьевская лѣтопись относитъ къ 1169 г., а Ипатская къ 1172 г.

19. Никифоръ 2-й, упоминаемый съ 1182 по 1197 г. (Конечные годы въ Ипатск.).

20. Гавріилъ.

21. Діонисій.

Ни о томъ ни о другомъ не упоминаютъ лѣтописи, но оба они, по свидѣтельству Копыстенскаго, находятся въ Кіево-Софійскомъ помянникѣ, а равнымъ образомъ находятся и во всѣхъ трехъ указанныхъ выше Московскихъ спискахъ. Втораго изъ нихъ — Діонисія упоминаетъ и одна изъ лѣтописей, именно такъ называемая Типографская [1]), только ставитъ его подъ такимъ годомъ, въ которомъ по Лаврентьевской лѣтописи былъ другой митрополитъ (подъ 1210, въ которомъ по Лавр. слѣдующій Матθей).

22. Матθей, упоминаемый въ первый разъ подъ 1210 г. (Лавр.) и умершій 22 августа 1220 г. (Лавр.) [2]).

23. Кириллъ 2-й, поставленный въ январѣ 1224 г. (Лавр.), скончавшійся въ 1233 (Новгор. 1) [3]).

24. Іосифъ прибывшій въ 1237 г. (Новг. 1) и за тѣмъ болѣе не упоминаемый.

Обычный способъ поставленія русскихъ митрополитовъ въ продолженіе періода до-монгольскаго былъ тотъ, что они не токмо посвящались, но и

слѣднимъ годомъ). Тутъ очевидно ошибка или въ показаніи времени правленія, или въ годѣ смерти.

1) Лѣтописецъ, содержащій Россійскую исторію отъ 6714 (1206) лѣта, до лѣта 7042 (1534), Москва, 1784, стр. 2.

2) Московскій каталогъ или «Лѣтописаніе бытности» ставитъ послѣ Матθея предшествующаго Діонисія, а у Селлія (Дополнн. къ Димитрію Рост. у Рубана) по немъ еще другой Діонисій, посвященный будто бы въ 1217 г.,

3) Густинская лѣтопись, которой слѣдуютъ всѣ каталоги, раздѣляетъ этого митр. Кирилла на двоихъ Кирилловъ — первый съ 1225 г., второй съ 1230. Не знаемъ, на чемъ она основывается, но необходимо думать, что ошибается, ибо Лаврентьевская лѣтопись, говорящая о поставленіи Кирилла въ 1224 г., и Новгородск. лѣт., говорящая о смерти Кирилла въ 1233 г., образомъ своего выраженія ясно даютъ знать, что говорятъ объ одномъ и томъ же, замѣчательномъ и выдававшемся изъ ряда другихъ, митрополитѣ («блаженный»). Что основанія Густинской лѣт. новыя и произвольныя, это дается подозрѣвать тѣмъ, что она называетъ своего перваго Кирилла Русиномъ вопреки помянутымъ лѣтописямъ, которыя обѣ называютъ Кирилла Грекомъ.

избирались патріархами Константинопольскими. Слѣдовательно всѣ они долженствовали быть Греками. Но могли быть исключенія, которыхъ по лѣтописямъ намъ извѣстно два и которыя состояли въ томъ, что Русскіе сами избирали своихъ митрополитовъ и сами поставляли ихъ у себя дома своими епископами безъ сношеній съ патріархами. Были или не были другія исключенія, кромѣ двухъ извѣстныхъ, мы не можемъ сказать положительнымъ образомъ, ибо свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о митрополитахъ, весьма неполны и весьма недостаточны. Могли быть другіе случаи, подобныя указаннымъ; могли быть потомъ тѣ случаи, что кандидаты въ митрополиты были избираемы въ Россіи и изъ Русскихъ и только посвящаемы патріархомъ. Обыкновенно предполагается, что ни первыхъ случаевъ, кромѣ двухъ извѣстныхъ, ни вторыхъ не было; предполагать это дѣйствительно есть наивѣроятнѣйшее, но не мѣшаетъ не забывать, что это есть именно только вѣроятное и что въ виду крайней, такъ сказать, небрежности лѣтописей относительно извѣстій о митрополитахъ и въ виду пропуска такого исключительно важнаго событія, какъ приходъ къ намъ изъ Греціи перваго митрополита, вѣроятность далеко не можетъ быть признана первостепенною. Есть все основаніе и все право принимать, что митрополиты, вступленіе которыхъ на каѳедру отмѣчено въ лѣтописяхъ и о вступленіи которыхъ говорится какъ о приходѣ: «приде митрополитъ»... всѣ были Греки (хотя и митрополиты, избранные въ Россіи и изъ Русскихъ и только посвященные патріархомъ, тоже приходили бы). Такихъ митрополитовъ 9-ть, именно: Іоаннъ 3-й, Никифоръ 1-й [1]), Никита, Михаилъ, Константинъ 1-й, Ѳеодоръ, Іоаннъ 4-й, Константинъ 2-й, и Іосифъ [2]). Изъ остальныхъ 9-ти, за исключеніемъ перваго Леона, двоихъ Русскихъ, поставленныхъ въ Россіи (Иларіона и Климента) и троихъ Кіево-Софійскаго помянника Копыстенскаго (Кирилла 1-го, Гавріила и Діонисія) объ одномъ, именно — Кириллѣ 2-мъ, говорится, что онъ «поставленъ», а объ остальныхъ 8-ми ничего не говорится, ибо ихъ вступленія на каѳедру совсѣмъ отмѣчены въ лѣтописяхъ. О Кириллѣ, котораго вступленіе обозначено словомъ «поставленъ», прямо сказано, что онъ былъ Грекъ, и такимъ образомъ лѣтописи указаннымъ путемъ не опредѣляютъ намъ національности 8-ми митрополитовъ, о которыхъ онѣ говорятъ. Изъ этихъ 8-ми митрополитовъ объ одномъ, именно — Іоаннѣ 1-мъ, есть основанія подозрѣвать, что онъ былъ природный Русскій, затѣмъ объ одномъ — Іоаннѣ 2-мъ, положительно извѣстно, что онъ былъ Грекъ [3]), о другомъ — Георгіи это послѣднее

[1]) Митр. Никифоръ 1-й и ямо даетъ видѣть въ себѣ Грека въ своемъ поученіи на недѣлю Сыропустною, о которомъ ниже.

[2]) Іосифа Новгородская лѣтопись даже прямо называетъ Грекомъ: „приде митрополитъ Грьчинъ изъ Никѣя въ Кіевь, именемъ Еснфъ“.

[3]) Изъ языка его сочиненій, о чемъ см. ниже, въ просвѣщеніи.

можетъ быть положительно утверждаемо на основаніи свидѣтельствъ, хотя не прямыхъ, но совершенно достаточныхъ [1]), и наконецъ о третьемъ — Никифорѣ 2-мъ нѣкоторыми не прямыми указаніями дается это подозрѣвать [2]). Слѣдовательно не имѣется у насъ никакихъ данныхъ для опредѣленія національности 7-ти митрополитовъ, — четырехъ, о которыхъ говорятъ лѣтописи (Ѳеопемпта, Ефрема, Николая и Матѳея) и трехъ Кіево-Софійскаго помянника. Если должно быть признано за вѣроятнѣйшее то, что не было у насъ въ періодъ до-монгольскій другихъ случаевъ поставленія митрополитовъ въ самой Руси, кромѣ двухъ извѣстныхъ то вмѣстѣ съ этимъ и относительно національности 7-ми сейчасъ указанныхъ митрополитовъ вѣроятнѣйшее будетъ то, что всѣ они были Греки; однако относительно вѣроятности должно быть повторено тоже самое, что сказано выше.

До какой крайней степени скудными свѣдѣніями мы обладаемъ о митрополитахъ нашихъ періода домонгольскаго и объ ихъ дѣлахъ, это мы давали знать уже не одинъ разъ выше. Рядъ митрополитовъ весьма не короткій; но мы совершенно избавлены отъ труда излагать и обозрѣвать дѣятельность не только всѣхъ ихъ, многихъ или нѣкоторыхъ между ними, но хотя бы одного изъ всѣхъ. Въ лѣтописяхъ мы находимъ небольшое количество общихъ отзывовъ о митрополитахъ; отчасти изъ лѣтописей, отчасти изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, и притомъ самымъ плохимъ образомъ, два-три, а точнѣе говоря одинъ-два, случая изъ ихъ правительственной дѣятельности, — и только. Общихъ отзывовъ о митрополитахъ читаемъ въ лѣтописяхъ пять, — три о Грекахъ и два о двоихъ Русскихъ. Изъ трехъ отзывовъ о Грекахъ два хвалебные и одинъ укоризненный. О митрополитѣ Іоаннѣ 2-мъ († 1089) лѣтопись отзывается съ величайшими похвалами, какъ о человѣкѣ исключительномъ: «бысть мужъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ (къ) убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому — богату и убогу, смиренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же [3]), книгами святыми утѣшая печальныя, и сякого (такого) не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ» [4]). Митрополитъ Кириллъ 2-й, предпослѣдній за періодъ до-монгольскій († 1233), былъ по отзыву лѣтописи «учителенъ зѣло и хитръ

---

[1]) Преп. Ѳеодосій Печерскій нашелъ въ Кіевѣ Студійскій уставъ у Михаила черица монастыря Студійскаго, «иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ» лѣт. подъ 1055 г.; о невѣріи митр. Георгія въ святость свв. Бориса и Глѣба, что̀ даетъ видѣть въ немъ Грека, см. выше.

[2]) Дѣло епископа Ростовскаго — Полоцкаго Николая, о которомъ Лавр. лѣт. подъ 1185 г., а Ипатск. подъ 1183 г., и въ которомъ даетъ себя видѣть его предилексія къ Грекамъ.

[3]) Молчаливъ и рѣчистъ въ одно и тоже время, нѣтъ сомнѣнія, должно понимать такъ, что молчаливъ на пустяшныя рѣчи, а рѣчистъ на учительныя.

[4]) Подъ 1089 г.

ученью божественныхъ книгъ» [1]). Отзывъ укоризненный лѣтопись дѣлаетъ о митр. Іоаннѣ 3-мъ, преемникѣ Іоанна 2-го, который былъ по ней человѣкъ слабый духомъ и по причинѣ скопчества крайне болѣзненый тѣломъ (а также, вѣроятно, и странный видомъ, — безбородый) [2]) и который занималъ престолъ митрополичій весьма не на долгое время, какъ странная тѣнь: въ годъ смерти Іоанна 2-го, говоритъ лѣтопись, пошла Янка, дочь Всеволодова, въ Грецію (къ своимъ родственникамъ), и привела съ собой митрополита Іоанна скопца; когда его увидѣли, то всѣ люди сказали: «да это пришолъ мертвецъ; онъ умеръ, пробывъ (на каѳедрѣ) отъ года до года (т. е. ровно одинъ годъ); былъ онъ мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ» [3]). О двоихъ Русскихъ лѣтописи отзываются — о Иларіонѣ: «(бѣ) мужъ благъ, книженъ и постникъ» [4]), о Климентѣ: бысть книжникъ и философъ такъ (такой), якоже въ Русской земли не бяшеть» [5]). Эти общіе отзывы лѣтописей о митрополитахъ, въ которыхъ почти исключительно обращается вниманіе на книжность и учительность, дополняются для насъ въ томъ же отношеніи сохранившимися до настоящаго времени сочиненіями митрополитовъ. На основаніи сихъ послѣднихъ должны быть причислены къ учительнымъ изъ числа Грековъ, кромѣ Іоанна и Кирилла: первый митрополитъ Леонъ (какъ упомянули мы выше) и потомъ Георгій и Никифоръ 1-й (о чемъ см. ниже, въ главѣ о просвѣщеніи). Сохранившіяся сочиненія Іоанна 2-го вполнѣ подтверждаютъ отзывъ лѣтописи объ его книжности и учительности, а одно сохранившееся сочиненіе митр. Иларіона даетъ въ немъ видѣть человѣка не просто книжнаго, а совсѣмъ выдающагося изъ ряду вонъ.

Изъ правительственной дѣятельности митрополитовъ періода до-монгольскаго, какъ мы сказали, извѣстно одинъ-два случая. Совершенно точно говоря, ихъ извѣстно два. Случаи эти относятся не къ дѣятельности конструитивной (если позволительно такъ выразиться), а къ дѣятельности текущей, обычной, т. е. они представляютъ собою не случаи какихъ либо новыхъ мѣрпріятій на пользу церкви, а случаи проявленія обычной власти митрополитовъ, именно — случаи суда митрополитами епископовъ. Мы уже предваряли выше, что они извѣстны весьма плохо. Первый случай: Въ 1055 г. былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ Ефремомъ Новгородскій епископъ Лука Жидята однимъ изъ своихъ холоповъ; вызванный митрополитомъ въ Кіевъ, онъ былъ осужденъ имъ и

[1]) Лаврентьев. лѣт. подъ 1224 г.

[2]) Въ Греціи скопцы между монахами составляли явленіе весьма обычное. Откуда они брались, скажемъ ниже въ главѣ о монашествѣ.

[3]) Подъ 1089 г.

[4]) Подъ 1051 г.

[5]) Ипатск. лѣт. подъ 1147 г.

просидѣлъ въ заключеніи три года, послѣ чего успѣлъ оправдаться и снова возвратился на свой столъ, а клеветника постигла жестокая казнь [1]). Какъ совершаемъ былъ судъ, — что̀ знать было бы для насъ главное, т. е. по каноническимъ правиламъ соборно съ епископами или вопреки этихъ правилъ единолично, на это, къ сожалѣнію, вовсе не намекается. Во всякомъ случаѣ для насъ замѣчательно тутъ то, что епископъ подвергается казни заточенія, которая, если не ошибаемся, есть казнь неканоническая, и что клеветникъ подвергается духовною властью гражданскому кровавому наказанію — урѣзанію носа и обѣихъ рукъ. Второй случай: въ 1156 г. Андрей Боголюбскій, желая удалить съ своей Ростовской каѳедры епископы Нестора, прислалъ его въ Кіевъ на судъ къ митрополиту Константину 1-му съ какими-то на него обвиненіями. На этотъ разъ судъ, окончившійся оправданіемъ епископа, какъ сообщаетъ источникъ о немъ говорящій, но въ показаніи о процессѣ суда не особенно впрочемъ надежный [2]), производимъ былъ соборно, причемъ дѣло подвергалось продолжительному и тщательному изслѣдованію, иначе сказать, судъ производимъ былъ сообразно каноническимъ о немъ постановленіямъ [3]).

---

[1]) Новгородск. 1-я лѣт. по Академ. см. въ Продолж. Вивліоѳ. I, 345, Новгород. 2-я лѣт. и Софійск. Временн. подъ 1055 г. говорятъ: «(Въ) семъ же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новгорода и иде къ Кіеву, и осуди (его) митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта.» Никоновская лѣтопись и за нею Тверская дополняютъ: «отъ своего холопа Дудики въ неподобныхъ рѣчехъ» и «осуди митрополитъ Ефремъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ.» Первыя лѣтописи подъ 1058 г.: «архіепископъ (sic) Лука прія свой столъ въ Новгородѣ и свою волость, Дудицѣ же холопу оскомины — урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ и бѣжа въ Нѣмцы.“ Вторыя:... «въ Нѣмцы, сице же и его лукавымъ совѣтникамъ Козмѣ и Домьяну достойное воздаша злодѣянію ихъ.»

[2]) Посланіе Константинопольскаго патріарха Луки Хризоверга къ Андрею Боголюбскому, — Никон. лѣтоп. II, 182 и у преосвящ. Макарія т. 3. изд. 2. стр. 299. Мы называемъ посланіе въ показаніи о процессѣ суда источникомъ не особенно надежнымъ потому, что патріархъ, можетъ быть, говоритъ объ этомъ процессѣ суда со словъ самаго Нестора. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ подъ 1156 г., что «на туже зиму иде епископъ Несторъ въ Русь и лишиша і епископьи»; но Никоновская лѣтопись дополняетъ, что Несторъ, осужденный было митрополитомъ въ 1156 г., былъ оправданъ имъ послѣ новаго испытанія его дѣла въ слѣдующемъ въ 1157 г. Она называетъ обвинителями его или, какъ она говоритъ, клеветниками на него «своихъ домашнихъ»; но изъ посланія патріарха къ Боголюбскому видно, что обвинителемъ былъ ни кто иной, какъ самъ князь и что домашніе епископа были только свидѣтелями (и — по увѣренію Никон. лѣт. — подвергались наказанію отъ митрополита за лжесвидѣтельство).

[3]) Еще извѣстны два случая проявленія власти митрополитовъ надъ епископами, именно—митр. Климентомъ надъ епископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ и митр. Константиномъ 2-мъ надъ Ростовско-Суздальскимъ епископомъ Ѳеодоромъ или Ѳеодорцемъ. Но они суть случаи не столько суда, сколько личной расправы митрополитовъ съ епископами, о нихъ скажемъ ниже.

Итакъ, за цѣлыя двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, за цѣлый періодъ времени мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній о церковно-правительственной дѣятельности нашихъ митрополитовъ. Это, конечно, въ высшей степени прискорбно, однако необходимо надлежащимъ образомъ смотрѣть на предметъ и не спѣшить дѣлать выводовъ, которые дѣлать было бы несправедливо. Нѣкоторые, смотря съ предъубѣжденіемъ на господство у насъ Грековъ, отъ этого рѣшительнаго отсутствія въ лѣтописяхъ извѣстій о дѣятельности митрополитовъ спѣшатъ заключать къ рѣшительному отсутствію сколько нибудь замѣчательныхъ совершенныхъ ими дѣлъ и затѣмъ спѣшатъ заключать о крайней или, по меньшей мѣрѣ, несомнѣнной ихъ — митрополитовъ Грековъ недоброкачественности. Спеціальную рѣчь объ этомъ мы будемъ вести нѣсколько ниже, а здѣсь пока ограничимся однимъ простымъ замѣчаніемъ, что подобное заключеніе далеко неосновательно.

Мы сказали выше, что по каноническимъ правиламъ митрополиты обязаны были ежегодно собирать къ себѣ на соборъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ для разсужденія о нуждахъ церкви и для рѣшенія дѣлъ, подававшихся на апелляцію къ ихъ — митрополитовъ суду отъ суда епископовъ. Къ величайшему сожалѣнію надлежитъ думать, что наша Русская церковь съ самаго древняго времени подлежитъ укору въ несоблюденіи этото весьма важнаго предписанія каноническихъ правилъ о митрополичьихъ ежегодныхъ соборахъ. Необходимо думать, что въ періодъ до-монгольскій епископы собирались къ митрополиту въ Кіевъ гораздо чаще, нежели какъ это стало впослѣдствіи, и что соборы не ежегодно регулярные и необязательные были устрояемы митрополитами сравнительно довольно нерѣдко. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, что въ продолженіе этого періода въ отношеніяхъ митрополитовъ къ епископамъ было значительно болѣе простоты и духа братства, гораздо менѣе духа высокаго начальства съ одной стороны и духа чиновничьей субъординаціи съ другой, нежели какъ то стало потомъ на Москвѣ. При этой предполагаемой со всею вѣроятностію относительно того времени простотѣ отношеній слѣдуетъ полагать, что безъ дальнихъ и безъ всякихъ формальностей епископы обращались къ митрополиту и лично являлись въ Кіевъ всякій разъ, какъ это находили почему нибудь нужнымъ. Но за всѣмъ симъ необходимо думать, что у насъ не было введено и не существовало въ до-монгольскій періодъ обычая ежегодно и регулярно собирать предписанныхъ каноническими правилами соборовъ митрополіи или иначе всей Русской церкви, которая представляла изъ себя митрополію, ибо на существованіе обычая такихъ ежегодныхъ соборовъ мы не находимъ рѣшительно никакихъ указаній ни въ лѣтописяхъ ни въ какихъ либо памятникахъ до-монгольскаго періода. Нельзя винить въ этомъ однихъ митрополитовъ; по всей вѣроятности,

они виноваты были даже всѣхъ менѣе. Мы знаемъ, что и въ Греціи въ позднѣйшее время епископы весьма неохотно являлись на эти соборы, которые слишкомъ ограничивали ихъ власть [1]); тѣмъ болѣе это должно было случиться у насъ, гдѣ въ дальности епископій отъ митрополіи существовалъ, до нѣкоторой степени, основательный предлогъ уклоняться отъ сихъ соборовъ, и гдѣ, какъ положительно свидѣтельствуетъ намъ митрополитъ Іоаннъ 2-й въ такъ называемомъ Правилѣ черноризцу Іакову, епископы уклонялись отъ соборовъ и не ежегодныхъ и не срочныхъ, а потребованію нуждъ созывавшихся митрополитами [2]). Эти послѣдніе виновны только тѣмъ, что не настаивали, во что бы то ни стало, на точномъ исполненіи каноническихъ требованій относитетьно помянутыхъ соборовъ. Весьма прискорбно это, отъ чего бы ни случившееся опущеніе не столько по отношенію къ самому періоду до-монгольскому, сколько по отношенію къ послѣдующему времени. Въ періодъ до-монгольскій митрополиты Греки, послѣдуя добрымъ обычаямъ своей родины, нѣтъ сомнѣнія, и при отсутствіи сихъ регулярныхъ соборовъ, въ достаточной степени поддерживали духъ коллегіальности и братства между епископами и духъ совѣщательности въ общецерковномъ упраленіи. Но послѣ перенесенія каѳедры митрополіи въ Москву, въ иныхъ людяхъ и и подъ иными вліяніями, начался тотъ духъ разъединенія и разъобщенія, которому могли бы воспрепятствовать только помянутые соборы. Если бы Москва наслѣдовала отъ Кіева обычай ежегодно совѣщаться о дѣлахъ церкви, то вѣроятно весьма много хорошаго напридумывала бы она на пользу сей послѣдней...

Въ числѣ митрополитовъ періода до-мангольскаго, какъ мы сказали, двое были не Греки, а природные Русскіе, избранные и поставленные въ самой Россіи. Такъ какъ обычный порядокъ былъ тотъ, чтобы митрополиты избирались и посвящались въ Константинополѣ, то само собою предполагается, что эти два случая представляли собою событія исключительныя.

Первый случай имѣлъ мѣсто при второмъ христіанскомъ государѣ нашемъ, — при Ярославѣ Великомъ. Лѣтопись говоритъ, что въ 1051 г. Ярославъ, собравъ епископовъ, поставилъ въ св. Софіи митрополитомъ Иларіона, который былъ предъ тѣмъ священникомъ при церкви нахо-

---

[1]) 4 всел. соб. пр. 19, 6 всел. соб. пр. 8 fin.

[2]) Въ Русскихъ Достопамм. I, 102 и у преосвящ. Макарія т. 2 изд. 2 стр. 376: «иже не послушаютъ епископи своего митрополита совокуплятися призываеміи отъ него соборъ сотворити, иже (такъ какъ) злѣтворящаа посварити ихъ отеческимъ наказаніемъ». Разумѣть эти слова митр. Іоанна о правильныхъ ежегодныхъ соборахъ мы не находимъ основательнымъ, ибо самый образъ выраженія показываетъ, что тутъ разумѣются соборы не ежегодные, а созываемые по мѣрѣ нужды.

дившагося подъ Кіевомъ великокняжескаго села Берестова [1]), который отличался весьма строгой, подвижнической жизнію [2]) и который былъ человѣкъ необыкновенно умный, вѣроятно — отлично по своему времени образованный, и блистательно, изъ ряду вонъ, краснорѣчивый, о чемъ скажемъ ниже. Лѣтопись ни единымъ словомъ не говоритъ, что заставило Ярослава поставить Иларіона, т. е. поставить митрополита у себя дома и своими епископами, безъ всякаго сношенія съ Греками [3]), и слѣдовательно остается дѣлать только догадки. Одна изъ позднѣйшихъ лѣтописей, именно — Никоновская, а въ слѣдъ за нею и нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, предпологаютъ, что причиной была война Ярослава съ Греками. Но предположеніе это не можетъ быть признано основательнымъ: Ярославъ имѣлъ войну съ Греками въ 1043 г.; чрезъ три года, слѣдовательно въ 1046 г. былъ заключенъ миръ и отъ него до поставленія Иларіона прошли цѣлые пять лѣтъ. За симъ остается предполагать, какъ и предполагаетъ большинство новыхъ изслѣдователей, что Ярославъ былъ недоволенъ существовавшимъ порядкомъ избранія и поставленія митрополитовъ, по которому мы должны были получать Грековъ, приходившихъ изъ Константинополя, и что онъ хотѣлъ ввести новый порядокъ ихъ избранія и постановленія — изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи. Предположеніе само по себѣ представляется весьма естественнымъ и вѣроятнымъ. Если мы припомнимъ то, что говорили выше о полученной нами сначала автокефаліи, то оно будетъ казаться еще болѣе вѣроятнымъ, именно — тогда можно будетъ объяснять дѣло такъ, что Ярославъ хотѣлъ возвратить эту данную намъ и тотчасъ же отнятую автокефалію. Какъ однако, повидимому, ни вѣроятно предполагать все это, мы съ своей стороны весьма и крайне сомнѣваемся, чтобы и на самомъ дѣлѣ предполагать это было должно. Что Ярославъ могъ стать недоволенъ существовавшимъ порядкомъ, что онъ могъ имѣть мысль и желаніе ввести новый порядокъ, а тѣмъ болѣе возвратить порядокъ первоначальный (автокефалію), это, повторяемъ, само по себѣ весьма возможно. Но нѣтъ совершенно никакихъ положительныхъ признаковъ думать, чтобы это и на самомъ дѣлѣ было такъ. Ярославъ былъ отецъ, память котораго свято чтили его дѣти. Если бы онъ имѣлъ помянутую мысль, то онъ, конечно, завѣщалъ бы ее симъ послѣднимъ, а если бы это было такъ, то необходимо было бы ожидать, что сыновья его будутъ настаивать на введенномъ имъ новомъ порядкѣ и будутъ ста-

---

[1]) Въ мѣстности Печерскаго монастыря.

[2]) О жизни лѣтопись подъ 1051 г.

[3]) Вся рѣчь лѣтописи о поставленіи Иларіона состоитъ въ слѣдующемъ: «въ лѣто 6559 постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Руси въ святѣй Софіи, собравъ епископы».

раться его отстаивать. Никакихъ слѣдовъ ничего подобнаго однако мы вовсе не видимъ. Правда, что лѣтописныя извѣстія, которыя мы имѣемъ за то время, чрезвычайно скудны и неполны; но если бы не нарочными рѣчами, то по крайней мѣрѣ какой нибудь обмолвкой и какимъ нибудь случайнымъ замѣчаніемъ лѣтопись дала бы знать, что была послѣ Ярослава борьба за введенный имъ новый порядокъ; но никакихъ и подобныхъ случайныхъ намековъ вовсе неизвѣстно. На другой годъ послѣ смерти Ярослава мы находимъ на каѳедрѣ митрополичьей Грека Ефрема [1]). Если бы было извѣстно, что онъ пришелъ еще при немъ, то это положительно и прямо значило бы, что Ярославъ, ставя Иларіона, не думалъ вводить никакихъ новыхъ порядковъ. Но предположимъ, что Ефремъ пришелъ не при немъ, а уже послѣ его смерти. На другой годъ послѣ смерти отца, дѣти принимаютъ митрополита Грека: вѣроятнѣйшее отсюда заключеніе, конечно, есть то, что отецъ не завѣщалъ дѣтямъ не принимать Грековъ. Мы полагаемъ, что поступокъ Ярослава гораздо вѣроятнѣе понимать просто какъ отдѣльный поступокъ, при которомъ не имѣлось въ виду ничего общаго и ничего дальнѣйшаго, а также и ничего прежняго. Ярославу очень понравился Иларіонъ, который, сколько мы знаемъ о немъ, дѣйствительно заслуживалъ самой полной любви. Желая видѣть его митрополитомъ, онъ и приказалъ епископамъ поставить его — не потому, чтобы имѣлъ въ виду начать имъ рядъ митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, а потому только, что именно его хотѣлъ видѣть митрополитомъ. Изъ-за одного человѣка, повидимому, не стоило рѣшаться на то, чтобы входить въ ссору съ Греками. Но Ярославъ былъ такой государь, который нисколько не стѣснялся Греками,— захотѣлъ и сдѣлалъ, не обращая никакого на нихъ вниманія. Что поступокъ Ярослава долженъ быть понимаемъ именно такъ, какъ мы его понимаемъ, въ пользу этого говорятъ и нѣкоторыя, положительно извѣстныя намъ, обстоятельства. Если бы Ярославъ, ставя Иларіона въ митрополиты, хотѣлъ начать съ него новый порядокъ, то это бы означало разрывъ церковнаго союза съ Греками, а вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и вообще вражду его къ нимъ. Съ другой стороны и Греки, если бы дѣло дѣйствительно имѣло себя такъ, исполнились бы той же вражды къ Ярославу. Между тѣмъ или предъ самымъ поставленіемъ или послѣ самаго поставленія Иларіона Ярославъ женилъ своего любимаго сына

[1]) Что Ефремъ былъ Грекъ, положительнымъ образомъ этого намъ неизвѣстно, но, какъ говорили мы выше, это есть вѣроятнѣйшее предполагать. Видѣть въ Ефремѣ самаго Иларіона подъ монашескимъ именемъ, представляется намъ совершенно не основательнымъ: лѣтописецъ называетъ Иларіона тѣмъ именемъ, которое онъ носилъ въ митрополитахъ, слѣдовательно это имя и есть монашеское, а какъ назывался онъ въ міру, лѣтописецъ этого не сообщаетъ (вѣроятно, потому, что не знаетъ).

Всеволода на греческой царевнѣ [1]). Если бракъ имѣлъ мѣсто до поставленія, то онъ свидѣтельствуетъ, что не было вражды съ Греками у Ярослава; если послѣ поставленія, то онъ свидѣтельствуетъ, что не было таковой вражды у Грековъ къ нему. Сейчасъ указанное обстоятельство располагаетъ насъ думать, что поставленіе Иларіона не имѣло своимъ слѣдствіемъ даже и кратковременнаго недоразумѣнія и неудовольствія съ Греками, что, поставивъ его, потому что хотѣлъ поставить его именно, Ярославъ тотчасъ же затѣмъ вошелъ въ сношенія и объясненія съ послѣдними. Представивъ и объяснивъ имъ, что случившееся поставленіе должно быть понимаемо какъ отдѣльный и исключительный случай, не долженствующій имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, онъ этимъ вполнѣ ихъ и удовольствовалъ, заставивъ признатъ совершившійся фактъ, а такимъ образомъ по поводу поставленія не былъ нарушаемъ и миръ церковный. Считаемъ нужнымъ пробавить къ сему еще нѣчто, что беремъ изъ области только вѣроятнаго. Въ 1055 г., какъ мы говорили выше, имѣлъ мѣсто судъ митр. Ефрема надъ Новгородскимъ епископомъ Лукой Жидятой. Новгородскія лѣтописи не указываютъ причинъ суда, но лѣтопись Никоновская утверждаетъ, что епископъ былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ «въ неподобныхъ рѣчехъ». Согласившись признать это дополнительное сообщеніе Никоновской лѣтописи, согласившись за тѣмъ думать, что неподобныя рѣчи относились къ самому митрополиту, весьма вѣроятно будетъ понимать дѣло такъ, что Лука Жидята—природный Русскій высказывалъ свое недовольство тѣмъ, что послѣ митрополита изъ Русскихъ (Иларіона) снова явился на каѳедру Грекъ. Но если мы согласимся на все это, то тутъ же будемъ имѣть и доказательство, что князья ни сколько не раздѣляли негодованія епископа,—нисколько не защищенный послѣдними, Лука былъ сужденъ и осужденъ митрополитомъ, и пробылъ въ Кіевѣ (въ большемъ ими меньшемъ заключеніи), пока не успѣлъ такъ или иначе оправдаться, три года.

Второй случай имѣлъ мѣсто черезъ сто лѣтъ послѣ Ярослава, въ половинѣ XII вѣка. Въ 1145 г., въ правленіе великаго князя Всеволода Олеговича (изъ рода князей Черниговскихъ, внука Святослава Ярославича), митрополитъ Михаилъ, занимавшій каѳедру въ продолженіе 16—14 лѣтъ (см. выше), оставилъ Кіевъ и удалился въ Константинополь къ патріарху. Въ 1147 г. преемникъ Всеволода († 1146) вел. князь Изяславъ Мстиславичъ (изъ племени Мономаховичей, родо-

[1]) На какой-то близкой родственницѣ Константинопольскаго императора Константина Мономаха (1042-1054), но не на его дочери, ибо Константинъ, сколько извѣстно, дочерей не имѣлъ (отъ сего и старшій сынъ Всеволода Владимиръ прозванъ Мономахомъ). Въ какомъ году женатъ былъ Всеволодъ, мы не знаемъ, но первое дитя у него (помянутый сейчасъ сынъ Владимиръ Мономахъ) родилось въ 1053 г.

начальникъ линіи князей Волынскихъ, внукъ Владиміра Мономаха) поставилъ преемника Михаилу, митрополита Клима или Климента, изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи безъ сношеній съ патріархомъ. Къ этимъ краткимъ извѣстіямъ лѣтописи, къ сожалѣнію, не прибавляютъ совершенно никакихъ комментаріевъ относительно вопросовъ: почему и что. Само собою, конечно, разумѣется, что Михаилъ оставилъ Кіевъ и удалился въ Константинополь по какимъ нибудь неудовольствіямъ; можно разумѣть тутъ, какъ обыкновенно разумѣютъ, неудовольствія на междуусобія князей, которые были особенно сильны въ княженіе именно Всеволода, такъ какъ онъ, по своимъ личнымъ цѣлямъ, нарочито возбуждалъ и поддерживалъ ихъ [1]); но вѣроятнѣе разумѣть какія нибудь личныя, неизвѣстныя намъ, неудовольствія съ вел. княземъ, ибо въ періодъ до-монгольскій междуусобія князей были такъ обычны, что если бы митрополиты хотѣли оставлять изъ-за нихъ престолъ, то ни одинъ изъ нихъ не остался бы на немъ до смерти. По той или другой причинѣ удалился Михаилъ, но представляется затѣмъ вѣроятнѣйшимъ думать, что Изяславъ рѣшился поставить преемника ему въ самой Руси не въ гнѣвѣ на его поступокъ, а въ гнѣвѣ на поведеніе патріарха Константинопольскаго послѣ его поступка, именно на медленіе послѣдняго дать Русскимъ митрополита. Михаилъ удалился не при немъ, а при его предшественникѣ, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго и къ которому, за его поведеніе по отношенію къ себѣ, не могъ питать и сохранять иныхъ чувствъ, кромѣ чувства вражды (Всеволодъ устранилъ было Изяслава отъ великокняжескаго престола, желая передать его своему брату Игорю Олеговичу); слѣдоватетьно весьма сомнительно, чтобы онъ могъ наслѣдовать отъ перваго гнѣвъ на поступокъ митрополота, та или другая была причина послѣдняго. Что касается до патріарха, то этотъ, вслѣдствіе жалобъ Михаила на Русскихъ, могъ медлить назначеніемъ новаго митрополита съ цѣлію изъявить имъ свое неудовольствіе и наказать ихъ, что̀ и могло возбудить гнѣвъ Изяслава, которому досталось, такъ сказать, въ чужомъ пиру похмѣлье, т. е. приходилось нести наказаніе за вину другихъ [2]). Лѣтопись сообщаетъ [3]), что Михаилъ, удаляясь изъ Кіева, оставилъ епископамъ рукописаніе о томъ, «яко не достоитъ имъ безъ митрополита въ святѣй Софьи (т. е. Кіевской митрополичьей) служити». Такъ этому надлежало быть и по правиламъ

---

[1]) Cfr *Соловьева* Исторіи Россіи т. 2., изд. 4 стрр. 110, 112 и 114.

[2]) Въ 1145 г. патріархомъ константинопольскимъ былъ Михаилъ Окситъ или Куркуя. Въ слѣдующемъ 1146 г. его смѣнилъ Козма Аттикъ, низложенный въ февралѣ 1147 г. Послѣ Козмы престолъ оставался празднымъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ, а за тѣмъ съ конца Декабря 1147 г. по Апрѣль 1151 г. Николай Музалонъ.

[3]) Ипатская подъ 1147 г.

каноническимъ [1]); тѣмъ болѣе нарочитое подтвержденіе правилъ митрополитомъ долженствовало произвести то, чтобы ихъ нарушеніе казалось преступленіемъ. Михаилъ оставилъ свое рукописаніе, нѣтъ сомнѣнія, съ цѣлію наказать Всеволода Олеговича лишеніемъ архіерейскаго служенія въ главномъ храмѣ его столицы; но за смертію Всеволода, въ слѣдствіе медленія патріарха назначить новаго митрополита, наказаніе приходилось нести Изяславу. Лишеніе архіерейскаго служенія само по себѣ не было обстоятельствомъ первостепенной важности, но оно должно было сильно оскорблять гордость и щекотливость вел. князя, ибо чрезъ это, къ униженію передъ другими князьями, онъ представлялся какъ бы находящимся подъ епитиміей и подъ запрещеніемъ. Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, одинъ изъ выдающихся по своему характеру князей періода домонгольскаго, былъ вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые имѣютъ наклонность терпиливо сносить оскорбленія своей гордости. По той или другой причинѣ Изяславъ рѣшилъ избрать и поставить преемника Михаилу въ самой Россіи, не обращаясь къ патріарху, но главный вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ: что имѣлъ онъ при семъ въ виду? Хотѣлъ ли поставить митрополита подобнымъ образомъ только на этотъ одинъ разъ или же хотѣлъ установить новый способъ избранія митрополитовъ вообще на будущее время? Извѣстно, что считается имѣющимъ положительное свидѣтельство въ свою пользу второе. Однако это положительное свидѣтельство относится не къ самому поставленію Климента, а къ дальнѣйшему, и какъ увидимъ ниже, не имѣетъ никакого значенія и смысла. О поставленіи Климента говорятъ лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, первая весьма кратко, вторая довольно подробно, и обѣ говорятъ такъ, что обходятъ совершеннымъ молчаніемъ нашъ вопросъ, именно — одна кратко сообщая, а другая довольно подробно разсказывая о немъ, какъ о событіи случившемся въ такомъ-то году, и ни единымъ словомъ не касаются того, какъ его понимать. Вся рѣчь Лаврентьевской лѣтописи есть слѣдующая: «Въ лѣто 6655 (1147) Изяславъ постави митрополита Клима, калугера Русина, особь съ шестью епископы, мѣсяца Іюля въ 27, на память святаго Пантелеимона». «Въ тоже (1147-е) лѣто, — пишетъ Ипатская лѣтопись, — постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба», затѣмъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ поставленія, о протестѣ противъ него нѣкоторыхъ епископовъ и только. Если мы имѣли передъ собою рѣчи

---

[1]) По которымъ епископъ не можетъ дѣлать ничего архіерейскаго, а въ томъ числѣ и совершать служеній въ храмахъ, безъ дозволенія мѣстнаго епископа, см. прр. Апост. 35, 6 Всел. соб. 20 и Антіох. соб. 13 и 22 и толкованія на нихъ (если отсутствуетъ дозволяющій, то не можетъ быть дано и получено дозволенія).

людей, у которыхъ въ обычаѣ говорить опредѣленно и обстоятельно, тогда было бы для насъ несомнѣнно, какъ понимать это совершенное умолчаніе о смыслѣ событія: умалчивается, обыкновенно, то, что само собою подразумѣвается и чего по этой причинѣ разсказывающему не приходитъ на умъ замѣчать нарочито; слѣдовательно, тогда было бы для насъ несомнѣнно, что случай, о которомъ намъ повѣтствуется безъ всякаго замѣчанія и поясненія, какъ понимать его, долженъ быть понимаемъ какъ случай единичный, ибо при подобномъ образѣ повѣстствованія это подразумѣвается само собой, а что либо другое никакъ не можетъ подразумѣваться, или иначе сказать — подразумѣвается только это, а не что либо другое. Но наши лѣтописцы въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ, какъ мы уже давали знать много разъ выше, вовсе не могутъ быть признаны людьми, имѣющими наклонность говорить опредѣленно и обстоятельно; а слѣдовательно и обычный способъ пониманія людскихъ рѣчай не можетъ быть приложенъ къ ихъ указаннымъ рѣчамъ (потому что въ отношеніи къ ихъ рѣчамъ о церковныхъ дѣлахъ никогда не будетъ для насъ несомнѣннымъ, чтобы недосказанное было то, что само собою должно быть подразумѣваемо, а не то, что они по своему обычаю просто не досказываютъ). Когда невозможно толковать людей съ увѣренностію, то остается толкованіе вѣроятное. Это послѣднее, конечно, есть то, что въ другомъ случаѣ, т. е. въ приложеніи къ другимъ людямъ, было бы несомнѣннымъ. Такимъ образомъ рѣчи лѣтописцевъ о поставленіи Климента Изяславомъ представляется вѣроятнѣйшимъ понимать такъ, что послѣдній въ одинъ данный разъ хотѣлъ поставить митрополита въ Россіи и не имѣлъ намѣренія навсегда ввести новый порядокъ избранія митрополитовъ. Считать наиболѣе вѣроятнымъ первое, а не второе, заставляетъ и собственное поведеніе Изяслава. Поставивъ Климента въ митрополиты, онъ не входилъ въ сношенія съ патріархомъ, чтобы испросить у него митрополиту признаніе законности, — это мы знаемъ положительно [1]. Слѣдовательно, если предполагать, что Изяславъ, ставя Климента, имѣлъ намѣреніе ввести новый порядокъ поставленія митрополитовъ, то нужно будетъ понимать его поведеніе такъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать это самовольно, не ища согласія патріарха. Но сдѣлать это значило произвести схизму и расколъ между Русскою церковію и Греческой: чтобы рѣшился на послѣднее Изяславъ Мстиславичъ или вообще какой бы то ни было Русскій князь XII в., это представляется намъ весьма сомнительнымъ. Другое дѣло поступокъ единичный: разгнѣванный патріархомъ князь могъ отмстить первому тѣмъ, что на одинъ разъ восхитилъ у него его право ставить митрополитовъ и произвелъ времен-

[1]) Изъ рѣчей Клименту епископа Новгородскаго Нифонта, Ипатск. лѣт. подъ 1147 и 1159 гг.

ную схизму, За личное оскорбленіе, которое Изяславъ находилъ въ поведеніи патріарха по отношенію къ себѣ, онъ могъ имѣть желаніе и во гнѣвѣ рѣшимость отмстить тѣмъ же личнымъ оскорбленіенъ; но идти далѣе, внести постоянную смуту въ церковь, — это въ виду всегдашней благоразумной умѣренности нашихъ князей, которымъ никогда не былъ присущъ духъ крайняго радикализма, представляется весьма маловѣроятнымъ. Но если бы мы вопреки того, что представляется вѣроятнѣйшимъ на основаніи лѣтописей и на основаніи исторіи самаго дѣла, камъ мы ее знаемъ, все таки захотѣли представить его себѣ такъ, что Изяславъ не только въ одинъ данный разъ хотѣлъ поставить митрополита въ самой Россіи, а вообще ввести новый порядокъ ставленія митрополитовъ, то и въ этомъ случаѣ обычныя представленія, будто таково было желаніе всей Руси, сильно будто бы оскорблявшейся и тяготившейся властью митрополитовъ Грековъ, были бы далеко невѣрны. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ, что Изяславъ поставилъ Климента въ митрополиты «особь съ шестью епископы». Это «особь» значитъ то, что Изяславъ поставилъ Климента не по совѣту и соглашенію съ другими князьями, а безъ нихъ и вопреки имъ, одинъ самъ собой, и слѣдовательно, тѣ или другія мысли были у него при поставленіи Климента, прочіе князья не раздѣляли ихъ и не сочувствовали имъ. До какой степени между прочими князьями было мало противниковъ власти митрополитовъ Грековъ, если только самъ Изяславъ вообще былъ имъ, видно изъ того, что къ нимъ не принадлежалъ родной братъ Изяслава, находившійся съ нимъ въ наилучшихъ братскихъ отношеніяхъ — Ростиславъ Смоленскій (какъ увидимъ ниже). Въ этомъ случаѣ оставалось бы вѣрнымъ только то, что большинство Русскихъ епископовъ было противъ власти митрополитовъ Грековъ или по крайней мѣрѣ не за нее.

Въ 1147 г. въ Россіи было 10 или 11 архіерейскихъ каѳедръ [2]); изъ нихъ одна была праздною [1]); слѣдовательно всѣхъ епископовъ было 9 или 10. Изъ этихъ 9-ти или 10-ти епископовъ явились къ Изяславу на соборъ въ Кіевъ для избранія и поставленія митрополита въ самой Россіи, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, шестеро, а по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, какъ кажется, въ данномъ случаѣ болѣе вѣрному, пятеро [3]). Изъ остальныхъ енисковъ двое не явились на

---

[1]) Десять: Черниговская, Переяславская, Владиміро-Волынская, Бѣлгородская, Юрьевская, Туровская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская и Смоленская; одиннадцатая — Галичская открыта неизвѣстно когда до 1165 г. и весьма возможно, что въ 1141 г. (см. ниже въ приложеніи къ этой главѣ: Частнѣйшія извѣстія объ епархіяхъ).

[2]) Туровская, епископъ которой съ 1146 г. удаленъ былъ съ каѳедры Изяславомъ по причинамъ политическимъ, Лаврент. и Ипат. лѣтт.

[3]) Ипатскій лѣтописецъ, вообще обнаруживающій въ себѣ человѣка болѣе близко знакомаго съ дѣломъ о поставленіи Климента, прямо перечисляетъ епи

соборъ потому, что были противъ поставленія митрополита въ Россіи, а о мысляхъ прочихъ ничего неизвѣстно и очень можетъ быть, что они уклонились отъ собора не по собственнымъ волѣ и намѣренію, а по причинамъ независящимъ, т. е. потому, что не желали ихъ участія въ соборѣ ихъ удѣльные князья [1]). Изъ двоихъ епископовъ, прямо заявившихъ свое несогласіе на поставленіе Климента и протестовавшихъ противъ него, одинъ былъ Грекъ; слѣдовательно изъ всѣхъ Русскихъ епископовъ, которые были родомъ Русскіе, протестовалъ только одинъ [2]). Передавая часть или же вообще сущность соборныхъ разсужденій, Ипатскій лѣтописецъ пишетъ, что епископъ Черниговскій, или старшій по столу между присутствовавшими, или болѣе другихъ авторитетный лично, говорилъ: «я знаю, что епископы, составивъ изъ себя соборъ, имѣютъ право поставить митрополита [3])…. я знаю, что мы имѣемъ право поставить; ктому же у насъ есть глава святаго Климента: какъ Греки ставятъ (патріарховъ) рукой святаго Іоанна, (такъ и мы поставимъ митрополита» [4]). «Такъ порѣшили», говоритъ лѣтописецъ, и 27 Іюля 1147 г. былъ поставленъ въ митрополиты главою св. Климента избранный вел. княземъ кандидатъ — Климъ или Климентъ, монахъ и схимникъ, т. е. мо-

---

скоповъ, присутствовавшихъ на соборѣ, именно по нему они были: Черниговскій, Переяславскій, Владимірскій, Бѣлгородскій и Юрьевскій.

[1]) Ипатская лѣтопись какъ будто представляетъ дѣло такимъ образомъ, что епископы, несогласные на поставленіе Климента, протестовали на соборѣ. Но Новгородская 1-я лѣт., весьма подробная о своемъ Новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ, бывшемъ противъ поставленія Климента, ничего не говоритъ о его путешествіи въ Кіевъ 1147 г., и слова, съ которыми Ипатск. лѣтопись заставляетъ Нифонта обращаться къ Клименту какъ бы на соборѣ, могли быть говоримы только уже послѣ него (когда Климентъ былъ посвященъ). Само по себѣ не понятно, зачѣмъ епископы, несогласные на поставленіе Климента, прибыли бы на соборъ (и даже—какъ были бы пущены на него), и Нифонтъ, если бы былъ на немъ, долженъ былъ попасть въ заточеніе тотчасъ послѣ него.

[2]) Что касается до епископа Полоцкаго, то его считать протестовавшимъ, на основаніи Ипат. лѣт. подъ 1156 г. (2-го изд. стр. 333), нѣтъ никакого достаточнаго основанія, — онъ могъ быть только человѣкомъ гибкимъ.

[3]) „Азъ свѣдѣ, яко достоитъ сшедшеся епископомъ митрополита поставити". Можно понимать не совсѣмъ опредѣленнаго лѣтописца и такъ, что епископъ говорилъ это Изяславу до собора, т. е. что послѣдній, желая поставить митрополита въ самой Руси, предварительно совѣтовался съ епископомъ, можно ли это сдѣлать, и епископъ отвѣчалъ утвердительно.

[4]) „Якже ставятъ Греци рукою святаго Ивана". Что разумѣть подъ этими словами, до сихъ поръ не разыскано; но что у Грековъ что-то такое дѣйствительно было, объ этомъ необходимо заключать изъ словъ Новгородскаго архіепископа Антонія, который въ своемъ Константинопольскомъ Паломникѣ говоритъ, что въ св. Софіи Константиноп. находится „Германа рука, его же ставятся патріарси" (по изд. Савваитова, Спб. 1872, стр. 56; тутъ же см. примѣч. 8-е ученаго издателя).

нахъ великаго образа, по отзыву того же лѣтописца, который мы приводили уже выше, «книжникъ и философъ такъ, яко же въ Русской земли не бяшеть» [1]).

Два епископа, прямо протестовавшіе противъ поставленія митрополита въ Россіи, были Нифонтъ Новгородскій и Мануилъ Смоленскій. Мануилъ былъ родомъ Грекъ, и этимъ помимо всего дальнѣйшаго объясняется его протестъ [2]). Но Нифонтъ, по всей вѣроятности, былъ природный Русскій [3]). Предполагая, что при поставленіи Климента имѣлось въ виду

---

[1]) „Постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба". Смолятича обыкновенно понимаютъ такъ, что Климентъ былъ родомъ Смолянинъ, изъ Смоленской области; но весьма возможно и то, что оно было родовымъ его прозваніемъ. Выведъ изъ Заруба, т. е. приведши изъ монастыря, который былъ въ Зарубѣ. Зарубовъ извѣстно два: Кіевской, находившійся на той сторонѣ Днѣпра противъ впаденія въ него съ сей стороны р. Трубежа (часто упоминаемой въ лѣтописяхъ; точное опредѣленіе его мѣста въ Книгѣ большому чертежу стр. 93, въ настоящее время деревня Зарубинцы) и Смоленской, точно неизвѣстно, гдѣ находившійся (Дополн. къ Акт. истор. 1, 6 и Ипатск. лѣт. 2 изд. стр. 364). Вѣроятнѣе разумѣть первый, о существованіи въ которомъ монастыря извѣстно положительно. — Замѣчательно, что при избраніи кандидата въ митрополиты было отступлено отъ обычаевъ греческихъ: въ Греціи не ставили въ епископы монаховъ великаго образа или схимниковъ, каковъ былъ Климентъ (см. ниже).

[2]) Епископъ Владимирскій Ѳеодоръ по Лаврентьевск. лѣт. (подъ 1137 г.) былъ (какъ и Мануилъ, ibid) скопецъ. На этомъ основаніи вѣроятнѣе считать его Грекомъ, чѣмъ Русскимъ. А если такъ, то странно и замѣчательно, что онъ не протестовалъ (бывъ епископомъ собственной области Исяслава, въ случаѣ протеста, онъ рисковалъ престоломъ и по этой причинѣ не протестовалъ?).

[3]) Относительно національности Нифонта мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній и ясныхъ указаній. Если бы онъ былъ Грекъ, то Новгородскій лѣтописецъ, непосредственный его современникъ (и можетъ быть священникъ, имъ поставленный, Новгор. 1-я лѣт. подъ 1144 г.), говорящій о немъ много и обстоятельно, кажется, долженъ бы былъ это замѣтить (у него о поставленіи Нифонта: „въ се же лѣто (1129) отвержеся архіепископъ (sic, — по позднѣйшей поправкѣ переписчиковъ) Іоаннъ Новагорода, и поставиша архіепископа Нифонта, мужа свята и зѣло боящася Бога, и приде Новугороду мяясца Января въ 1 день, на святаго Василья, въ обѣдню»). Въ своихъ отвѣтахъ Кирику Нифонтъ ссылается на церковные обычаи Царьграда и всей Греческой земли и области (у Калайд. стрр. 176 и 178); но это можетъ значить не то, что онъ былъ родомъ Грекъ, а то, что онъ путешествовалъ на Востокъ для поклоненія св. мѣстамъ или по другой причинѣ (cfr ниже), и что онъ пробылъ тамъ довольно долго (чтобы узнать обычаи всей земли): объ обычаяхъ онъ сообщаетъ для свѣдѣнія и для соображенія, но не для исполненія, какъ бы того слѣдовало ожидать отъ Грека. Когда съ 1156 г. Нифонтъ собрался идти въ Кіевъ, то, по словамъ Новгородскаго лѣтописца, «иніи мнози глаголаху, яко полупивъ святую Софію пошолъ Царюграду»; но слухъ этотъ могъ распространиться объ Нифонтѣ не потому, чтобы онъ былъ родомъ Грекъ, а по его особеннымъ отношеніямъ къ патріарху (о которыхъ ниже). Свидѣтельство о Нифонтѣ повѣсти Патерика Печерскаго, составленной въ XV в.

навсегда установить порядокъ избранія и поставленія митрополитовъ въ самой Россіи, находятъ страннымъ, что противъ этого могъ протестовать Русскій, и объясняютъ поведеніе Нифонта частными интересами Новгородской каѳедры, для которой было болѣе выгодно, чтобы митрополиты были изъ Грековъ и поставленные въ Греціи. Но, во-первыхъ, далеко для насъ неясно, какимъ образомъ для епископовъ Новгородскихъ последнее могло быть болѣе выгоднымъ: послѣ Изяслава остался старый порядокъ поставленія митрополитовъ, и мы знаемъ, что епископы Новгородскіе не извлекли изъ него для своихъ интересовъ никакихъ выгодъ. Если разумѣютъ право апелляціи къ патріарху (при предположеніи, что поставляемые въ Россіи митрополиты остались бы въ подчиненіи послѣднему), то напротивъ для епископовъ Новгородскихъ былъ бы болѣе выгоденъ новый порядокъ, чѣмъ старый, ибо тягаться въ Константинополѣ съ митрополитомъ изъ Русскихъ можно было съ надеждой на успѣхъ, напротивъ тягаться съ митрополитомъ изъ Грековъ было дѣло безнадежное. Во-вторыхъ, когда говорятъ объ интересахъ Новгородской каѳедры, то забываютъ, что Нифонтъ былъ еще не природный Новгородецъ, а какъ и всѣ его предшественники, пришлый человѣкъ и что въ его время интересы Новгородской каѳедры были еще вовсе не то, что въ послѣдствіи, — Нифонтъ былъ еще, по отношенію къ своей паствѣ, не послѣдующій владыка Новгородскій, безъ котораго Новгородъ не дѣлалъ шагу въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ (какъ впрочемъ по-настоящему смотрѣть на великое политическое значеніе послѣдующихъ владыкъ Новгородскихъ, объ этомъ ниже), а просто епископъ, какъ и всѣ епископы. Если нѣтъ основаній предполагать личныхъ интересовъ, то остается предполагать искреннее убѣжденіе и особые взгляды. По искреннему убѣжденію Нифонтъ находилъ дѣло, сдѣланное Изяславомъ, незаконнымъ; допуская, что оно состояло въ томъ, чтобы ввести новый порядокъ избранія митрополитовъ и слѣдовательно допуская, что вопросъ былъ тутъ не только въ законности дѣла (какъ при единичномъ случаѣ), но и въ его пользѣ и желаемости, мы должны будемъ понимать поведеніе Нифонта такимъ обра-

---

(*Ключевск.* Древне-русскія житія святыхъ, стр. 261), повторяемое въ его житіи, составленномъ въ XVI в. (Памятнн. старинной русской литерат. гр. Кушелева-Безбородко, IV, 1), что онъ былъ постриженникъ Печерскаго монастыря, не имѣетъ авторитета; но весьма большое право предполагать это даетъ Ипатская лѣтопись (подъ 1156 г.), по которой въ бывшемъ Нифонту видѣніи преп. Ѳеодосій Печерскій называлъ его: «брате *сыну*». А во всякомъ случаѣ по свидѣтельству той же лѣтописи (ibid.) Нифонтъ «бѣ имѣя велику любовь къ святѣй Богородици (Печерской или къ ея монастырю) и къ отцу Ѳеодосью». Постриженникъ или только усердный почитатель Печерскаго монастыря, это, конечно, весьма рѣшительнымъ образомъ говоритъ за то, что Нифонтъ былъ не Грекъ, а природный Русскій.

зомъ, что онъ находилъ дѣло не только незаконнымъ, но и неполезнымъ и нежелаемымъ. Думающіе объ этомъ предметѣ противное сему, полагаютъ и увѣрены, что именно согласно съ ними всѣ думали въ древнее время, но, какъ мы сказали и указали выше, они весьма ошибаются: никто изъ князей не сочувствовалъ намѣренію Изяслава поставить Климента и слѣдовательно никто изъ нихъ не сочувствовалъ мысли Изяслава ввести новый порядокъ поставленія митрополитовъ, если только такая мысль была у него. Если никто изъ свѣтскихъ, изъ мірянъ не сочувствовалъ указанной мысли Изяслава, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нашелся и епископъ, который былъ противъ нея, и мы съ своей стороны должны не удивляться этому, а принимать это къ свѣдѣнію: такой компетентный судья лучшаго и худшаго, какъ Нифонтъ, былъ рѣшительно за старый порядокъ; слѣдуетъ отсюда заключеніе, что этотъ порядокъ не былъ такъ нехорошъ, какъ это иные думаютъ представлять.

Но, какъ мы говорили выше, болѣе чѣмъ вѣроятно, что при поставленіи Климента дѣло шло не о новомъ способѣ избранія митрополитовъ, а только объ одномъ случаѣ поставленія (т. е. его — Климента). Слѣдовательно Нифонтъ возставалъ не противъ того, что считаютъ русскими интересами, а только противъ однаго поступка Русскихъ или точнѣе поступка Изяслава съ половиною Русскихъ епископовъ.

Лѣтописи Ипатская и 1-я Новгородская, согласно передающія [1]) протесты Нифонта, увѣряютъ, что онъ не возставалъ противъ избранія кандидата въ митрополиты изъ среды самыхъ Русскихъ и самими Русскими епископами, но, во-первыхъ, противъ его самовольнаго посвященія послѣдними безъ благословенія патріарха и во-вторыхъ — противъ того, что посвященный митрополитъ не искалъ вступить въ общеніе съ патріархомъ и оставался внѣ союза и въ расколѣ съ нимъ. Если это вѣрно, то Нифонтъ, показывая въ себѣ человѣка, знающаго правила церковныя, какимъ онъ намъ и извѣстенъ, былъ совершенно правъ. Патріархи Константинопольскіе присвоили себѣ право избранія митрополитовъ (и въ томъ числѣ Русскаго) противъ правилъ каноническихъ; но право посвященія митрополитовъ принадлежало имъ на основаніи этихъ правилъ. Митрополитъ, находившійся внѣ общенія съ своимъ патріархомъ, конечно, былъ митрополитъ производящій расколъ и находящійся въ расколѣ съ нимъ.

Протестовавшихъ епископовъ Климентъ старался примирить съ собою, добивался склонить къ признанію своей законности и власти. Относительно Мануила Смоленскаго, который не имѣлъ никакого особеннаго авторитета ни по каѳедрѣ, ни лично (какъ слѣдуетъ думать) и протестъ котораго, въ слѣдствіе его греческаго происхожденія, долженъ

---

[1]) Первая подъ 1147 и 1156 гг., вторая подъ 1149 г.

былъ казаться пристрастнымъ, хотя бы даже и не былъ таковымъ, и поэтому терять свое значеніе, митрополитъ, вѣроятно, безпокоился не особенно много. Но совсѣмъ другое дѣло былъ Нифонтъ. Епископъ одной изъ главныхъ и видныхъ каѳедръ, человѣкъ весьма авторитетный лично и притомъ авторитетный именно со стороны значенія каноновъ церковныхъ, въ которыхъ была здѣсь вся сила [1]), онъ представлялъ съ своимъ непризнаніемъ митрополита такое для всѣхъ возраженіе противъ его законности, безъ устраненія котораго послѣдняя вовсе не могла считаться безспорною. Поэтому онъ употребилъ всѣ усилія заставить Нифонта признать себя. Однако все было напрасно, и Нифонтъ остался непреклоненъ. Послѣ двухгодичныхъ тщетныхъ стараній, или какъ выражается Ипатская лѣтопись [2]) — «мученій» съ Нифонтомъ, митрополитъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ силѣ: при содѣйствіи вел. князя епископъ Новгородскій былъ приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ заключеніе въ Печерскій монастырь, въ которомъ впрочемъ находился весьма недолго, — въ томъ же въ 1149 г., въ которомъ онъ былъ посаженъ, Юрій Долгорукій согналъ съ престола великокняжескаго Изяслава, а съ послѣднимъ удалился изъ Кіева и Климентъ [3]). Туже силу хотѣлъ употребить митрополитъ и съ Мануиломъ, и вѣроятно гораздо ранѣе, чѣмъ съ Нифонтомъ; но не наклонный къ славѣ страдальца за правду Грекъ спасался отъ рукъ митрополита тѣмъ, что бѣгалъ отъ него и укрывался [4]).

Не признавая законности и власти митрополита, Нифонтъ ставилъ себя чрезъ то въ непосредственную власть патріарха [5]). И патріархъ дѣйствительно поспѣшилъ принять его въ свою непосредственную власть. Отъ Сентября 1148 г. сохранился до настоящаго времени документъ, въ которомъ Нифонтъ называетъ себя архіепископомъ [6]): имя архіепископа не было въ то время почетнымъ титуломъ (какъ у насъ теперь), а обозначало (какъ уже мы говорили) такого епископа, который, не находясь въ подчиненіи своего окружнаго митрополита, зависѣлъ непосред-

---

[1]) Къ Нифонту обращались съ спросами другіе епископы (у Кирика: «Климъ вопроша нашего епископа отъ Полотьскаго епископа», Калайд. стр. 181, т. е. Климъ спрашивалъ Нифонта по порученію Полотскаго епископа).

[2]) Подъ 1156 г.

[3]) Долгорукій вошолъ въ Кіевъ 23 Августа; насколько ранѣе посаженъ былъ Нифонтъ, неизвѣстно.

[4]) Ипатск. лѣт. подъ 1156 г., 2-го изд. стр. 333 fin.

[5]) «Не могу съ тобою служить, говорилъ Нифонтъ Клименту, ни вспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха». Ипатск. лѣт. подъ 1156 г.

[6]) Антиминсъ съ подписью послѣдняго, см. въ Археологическ. описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ, архим. Макарія, I, 254, также въ древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка И. И. Срезневскаго, Спб. 1863, стр. 30.

ственно отъ патріарха; такимъ образомъ это имя, употребляемое Нифонтомъ, несомнѣнно показываетъ, что онъ формально былъ принятъ патріархомъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. Тотъ или другой смыслъ имѣло поставленіе Климента и зналъ ли патріархъ хорошо, какой оно имѣло смыслъ, но во всякомъ случаѣ, и какъ поступокъ единичный, оно долженствовало быть ему ненавистнымъ, потому что представляло собою опасный прецедентъ. Поэтому онъ настоятельно поощрялъ Нифонта къ борьбѣ съ Климентомъ, и, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи [1]), «присла къ нему грамоты, блажа (его) и причитая къ святымъ» [2]).

Климентъ былъ поставленъ Изяславомъ въ митрополиты въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1147 г. На третій годъ послѣ поставленія, въ Августѣ мѣсяцѣ 1149 г., Изяславъ былъ согнанъ съ великокняжескаго престола, какъ мы сказали выше, своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ. Вмѣстѣ съ княземъ долженъ былъ удалиться изъ Кіева и митрополитъ, что значитъ — во-первыхъ, то, что будучи личнымъ твореніемъ Изяслава, онъ, хотѣлъ или не хотѣлъ, имѣлъ быть врагомъ его враговъ, во-вторыхъ и главное, — что Юрій не признавалъ законности его поставленія [3]). Въ продолженіе слѣдующаго 1150 г. Изяславъ дважды сгонялъ съ престола Юрія и столько же разъ возвращался съ нимъ въ Кіевъ митрополитъ. Возвратившись во второй разъ, онъ оставался на каѳедрѣ въ теченіе пяти лѣтъ до 1155 года, когда Юрій послѣ смерти Изяслава († 13 Ноября 1154 г.) окончательно занялъ великое княженіе. Его удаленіе съ каѳедры въ 1155 г., при этомъ окончательномъ занятіи Юріемъ великокняжескаго престола, было вмѣстѣ и послѣднимъ его съ нея удаленіемъ.

Климентъ занималъ каѳедру митрополичью съ небольшими перерывами въ продолженіе девяти лѣтъ (1147—1155). Такъ какъ онъ не признавалъ власти патріарха, а патріархъ не признавалъ его законности, то значитъ, что въ его правленіе Русская церковь находилась въ схизмѣ и расколѣ съ церковью Греческою. Слѣдовательно за періодъ до-монгольскій мы имѣемъ девятилѣтній эпизодъ раскола между Русскою и Греческою церквами.

Здѣсь бы собственно должна была кончаться исторія Климента, которая могла имѣть тотъ или другой смыслъ по намѣренію Изяслава и которая на дѣлѣ, во всякомъ случаѣ, имѣла смыслъ единичнаго по-

---

1) Подъ 1156 г.

2) Одна изъ грамотъ въ Памятнн. Русск. Литерат. Кушелева-Безбородко, IV, 5, и у преосвящ. Макарія, т. 3, изд. 2, стр. 297.

3) Что видно изъ его послѣдующаго поведенія: послѣ 1155 г. онъ, не поставивъ новаго митрополита, какъ Изяславъ Климента, послалъ за митрополитомъ въ Грецію (митр. Константинъ 1-й).

ступка. Но вмѣшался въ исторію составляющій такъ сказать злую судьбу новыхъ изслѣдователей почтенный В. Н. Татищевъ, и она продолжается гораздо далѣе.

Юрій, какъ мы сказали, два раза не надолго занимавъ престолъ великокняжескій при жизни Изяслава, окончательно занялъ его послѣ его смерти. Въ первые два раза онъ такъ помалу сидѣлъ на престолѣ, что вовсе не могъ имѣть времени позаботиться о новомъ митрополитѣ въ замѣнъ не признаваемаго имъ Климента. Но, избавившись отъ соперника, онъ сѣлъ наконецъ на немъ твердо и теперь хлопоты о митрополитѣ были однимъ изъ первыхъ его дѣлъ. Ни сколько не думая ставить въ митрополиты другаго Русскаго изъ собственныхъ сторонниковъ, что онъ долженъ былъ бы сдѣлать, если бы при поставленіи Климента, какъ это думаютъ, рѣшено было то, чтобы начать имъ рядъ митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, Юрій послалъ за митрополитомъ къ патріарху. Въ Константинополѣ, гдѣ — весьма возможно — понимали дѣло о поставленіи Климента въ самомъ худомъ и опасномъ видѣ, т. е. какъ попытку начать поставленіе митрополитовъ въ самой Россіи, поспѣшили поставить и отправить на Русь требуемаго митрополита [1]). Прибывъ въ Кіевъ въ 1156 г. или на другой годъ послѣ занятія престола великокняжескаго Юріемъ, митрополитъ этотъ — Константинъ 1-й началъ съ того, что запретилъ всѣхъ священниковъ, поставленныхъ Климентомъ и предалъ проклятію, не знаемъ въ какой формѣ произнесенному и совершенному, умершаго Изяслава Мстиславича, — священники впрочемъ скоро были разрѣшены, давъ митрополиту рукописаніе противъ Климента. Не долго однако сидѣлъ Константинъ на своей каѳедрѣ. Призвавшій его Юрій Долгорукій умеръ въ 1157 г. (15 мая) [2], т. е. на другой годъ послѣ его прибытія, и престоломъ великокняжескимъ овладѣли сыновья покойнаго Изяслава съ тѣмъ, чтобы передать его дядѣ своему Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. При первомъ вступленіи въ Кіевъ Изяславичей (весной 1158 г.) Константинъ, виновный предъ ними въ проклятіи ихъ отца, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Изяславичи хотѣли возвратить на каѳерду поставленнаго ихъ отцемъ Климента; но его рѣшительно не хотѣлъ Ростиславъ, считавшій незаконнымъ его поставленіе, и когда племянники послали звать его въ Кіевъ, то онъ прежде всего поспѣшилъ заявить имъ это нехотѣніе свое имѣть

---

1) Юрій послѣ смерти Изяслава (и по устраненіи соперниковъ — Ростислава Смоленскаго и Изяслава Давидовича Черниговскаго) занялъ престолъ великокняжескій о вербницѣ 1155 г. (Новгор. 1-я лѣт.), а новый митрополитъ былъ поставленъ до 1-го Января 1156 г. (см. у преосвящ. Макарія т. 3, изд. 2 прим. 20, указаніе на иностранный источникъ, котораго у насъ нѣтъ подъ руками).

2) По Ипатск. лѣт. ошибочно 15 мая 1158 г.

Климента митрополитомъ: «се вы являю, — сказалъ онъ имъ чрезъ своего посла, — не хочу Клима у митропольи видѣти, зане не взялъ благословенія отъ святыя Софіи и отъ патріарха»[1]). Такъ какъ сыновья Изяслава ни подъ какимъ видомъ не хотѣли Константина, потому что онъ проклиналъ ихъ отца, то между дядей и племянниками вышло упорное преніе, которое наконецъ уладили тѣмъ, чтобы не брать ни Климента ни Константина, а просить новаго митрополита изъ Греціи. Этотъ новый митрополитъ, по имени Θеодоръ, прибывшій въ 1161 г., жилъ весьма не долго и умеръ въ 1162 г. или 1163 (см. выше въ каталогѣ митрополитовъ). Между тѣмъ въ это время Климентъ успѣлъ какимъ-то образомъ войти въ расположеніе Ростислава (вѣроятно при содѣйствіи племянниковъ послѣдняго, помянутыхъ Изяславичей), и когда Θеодоръ умеръ, то онъ отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбой, чтобы тамъ признали Климента законнымъ митрополитомъ. Но его посолъ встрѣтился на дорогѣ и воротился назадъ съ новымъ митрополитомъ, который уже шелъ изъ Греціи, т. е. патріархъ, по всей вѣроятности, узнавъ о перемѣнѣ мыслей Ростислава, возможно поспѣшилъ поставленіемъ и отправленіямъ митрополита, чтобы не дать занять престола Клименту, котораго онъ, разумѣется, не хотѣлъ. Зная о перемѣнѣ мыслей Ростислава и ожидая его сопротивленія принять новаго митрополита, изъ Константинополя отправили съ симъ послѣднимъ нарочнаго императорскаго посла и богатые дары. Когда прибылъ митрополитъ, Ростиславъ дѣйствительно сначала сопротивлялся принять его, но потомъ.... потомъ, прежде чѣмъ былъ принятъ новый митрополитъ, было еще что-то такое, но что именно— остается неизвѣстнымъ, потому что во всѣхъ спискахъ Кіевской лѣтописи, которая говоритъ о прибытіи митрополита, въ данномъ мѣстѣ пропускъ. Татищевъ увѣряетъ, что Ростиславъ согласился принять митрополита, но будто онъ сказалъ при этомъ слѣдующее знаменитое, въ чемъ вся сущность второй половины исторіи о Климентѣ и изъ-за чего эту вторую половину мы досказываемъ: «я сего митрополита за честь и за любовь царскую нынѣ пріиму, но впредь ежели патріархъ, безъ вѣдома и опредѣленія нашего, противно правилъ святыхъ апостолъ (!), въ Русь митрополита поставитъ, не токмо не пріиму, но и законъ сдѣлаемъ вѣч-

---

[1]) Ипатск. лѣт. подъ 1159 г., 2 изд. стр. 345. Преосвящ. Макарій говоритъ, т. 3, изд. 2 стр. 19, что Ростиславъ не хотѣлъ Климента, «поддавшись внушенію своего епископа Мануила Грека», но не знаемъ на какомъ основаніи. Что Ростиславъ дѣйствовалъ не по чьему либо внушенію, а по собственному убѣжденію, это показываетъ дальнѣйшее его поведеніе (признаніе Климента подъ условіемъ). А первое княженіе Ростислава послѣ смерти Изяслава, на которое ссылается преосвящ. Макарій, продолжалось всего одну недѣлю (Новгор. 1-я лѣт. подъ 1154 г.).

ный избирать и постановлять епископамъ Русскимъ съ повелѣнія великаго князя»[1]).

Что въ лѣтописяхъ въ нашемъ мѣстѣ пропускъ намѣренный, это не невѣроятно; слѣдовательно возможно предполагать, что Ростиславъ дѣйствительно говорилъ послу императора что-то такое нехорошее, что послѣдующіе усердные цензора сочли за не обходимое изгладить. Но сказалъ ли онъ именно то, что заставляетъ сказать его Татищевъ? На Руси послѣ поставленія Климента принимали уже двухъ митрополитовъ, присланныхъ изъ Греціи (Константина и Ѳеодора) и принимали не только безъ всякаго сопротивленія, но и сами нарочно посылавъ просить ихъ; за вторымъ изъ митрополитовъ — Ѳеодоромъ посылалъ именно самъ Ростиславъ, который рѣшительнно не хотѣлъ Климента, «зане не взялъ благословенія отъ святыя Софіи и отъ патріарха.» Послѣ двухъ митрополитовъ нарочно прошенныхъ, послѣ рѣшительныхъ настояній въ одномъ случаѣ самаго Ростислава, чтобы митрополитъ былъ взятъ отъ патріарха, этотъ послѣдній присылаетъ третьяго, — и вдругъ будто бы Ростиславъ говоритъ то, что заставляетъ его говорить Татищевъ. Какой смыслъ будутъ имѣть его слова, т. е. какую невозможную безсмыслицу они собой представляютъ? Ростиславъ весьма могъ сердиться на то, что въ Константинополѣ намѣренной поспѣшностію отняли у него возможность посадить на митрополію Климента; онъ могъ сорвать сердце въ какихъ нибудь нехорошихъ или даже и очень нехорошихъ словахъ, касавшихся чести императора и патріарха; но чтобы онъ сказалъ то, что онъ говоритъ у Татищева, это совершенно невѣроятно. Дѣло тутъ было исключительно въ одномъ Климентѣ и ни въ чемъ больше, т. е. Ростиславъ хотѣлъ посадить его только на митрополію и вовсе не думалъ о томъ, чтобы и всѣхъ послѣ него митрополитовъ ставить изъ Русскихъ. Ему мѣшаютъ въ этомъ, и вдругъ онъ говоритъ: «ну такъ за это мы не станемъ вообще брать у васъ митрополитовъ.» Раздражительный ребенокъ, у котораго отнята игрушка, конечно, можетъ дать такой отвѣтъ; но отъ человѣка взрослаго, при всей взбалмошности, какую бы мы въ немъ ни предположили, онъ невозможенъ. Ростиславъ могъ весьма сопротивляться, могъ весьма сердиться; но сопротивляться не тому, чтобы Греки вообще давали намъ митрополитовъ, а только тому, чтобы принять отъ нихъ митрополита въ данномъ случаѣ, сердиться не на то, что вообще Русская церковь находилась въ зависимости отъ Греческой, а только на то, что въ данномъ случаѣ эта зависимость мѣшала исполниться его желанію. Весьма странно, какъ защитники приведенныхъ словъ Татищева не видятъ, что онѣ рѣшительно опровергаются поведеніемъ Ростислава именно въ данную минуту. Онъ хочетъ посадить

---

[1]) III, 142.

или возвратить на митрополію Климента, но онъ желаетъ сдѣлать это не иначе, какъ испросивъ ему признаніе и благословеніе у патріарха, для чего и отправилъ было въ Константинополь посла: могъ ли человѣкъ, поступавшій такъ, сказать въ тоже время слова, которыя заставляетъ говорить его Татищевъ? Съ какой стати этотъ послѣдній влагаетъ въ уста Ростислава приведенныя слова, это объясняется очень просто. Съ той стати, что онъ вообще писалъ Русскую исторію не такъ, какъ она была, но какъ хотѣлъ онъ представлять ее самъ, и что онъ собственное, къ великому сожалѣнію и къ величайшему несчастію позднѣйшихъ историковъ, ни малѣйше не стѣснялся выдавать за почерпнутое въ источникахъ [1]).

Итакъ, въ періодъ до-монгольскій было два случая поставленія митрополитовъ Кіевскихъ изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи, — первый при Ярославѣ, второй черезъ сто лѣтъ при Изяславѣ. Весьма вѣроятно или даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что ни тотъ ни другой случай не имѣлъ значенія попытки ввести новый порядокъ ставленія митрополитовъ и что оба представляютъ собою единичные случаи восхищенія у патріарховъ ихъ права ставить нашихъ митрополитовъ. Но допустимъ общепринимаемое мнѣніе, что они имѣли значеніе указанныхъ попытокъ. Попытки, говорятъ, означаютъ то, что Русскіе недовольны были властію митрополитовъ Грековъ, а изъ этого слѣдуетъ, что они были плохаго мнѣнія о доброкачественности этой власти. Однако — во-первыхъ, на цѣлый періодъ только двѣ попытки: конечно, нельзя сказать, что заявленіе недовольства было слишкомъ рѣшительное и настоятельное. Во-вторыхъ, первая попытка имѣла мѣсто такъ рано, что власть митрополитовъ Грековъ еще вовсе не могла обнаружить своего качества, и слѣдовательно тутъ протестъ былъ не противъ этого послѣдняго (а предполагая, что дѣйствительно былъ протестъ — независимо отъ него противъ подчиненія Русской церкви власти церкви Греческой). Въ половинѣ XII вѣка, къ которому относится второй случай, Русскіе, конечно, уже имѣли возможность судить и составить себѣ понятіе о качествѣ власти митрополитовъ Грековъ. Но при этомъ второмъ случаѣ мы видимъ, что противъ митрополитовъ Грековъ были далеко не всѣ: большинство епископовъ было за митрополита изъ Русскихъ или по край-

---

1) О Татищевѣ, человѣкѣ собственно весьма почтенномъ и историкѣ не только весьма, но и замѣчателено талантливомъ, только отличавшемся указаннымъ весьма дурнымъ обычаемъ, общимъ впрочемъ его времени, чего не хотятъ взять въ разсчетъ новые изслѣдователи, мы будемъ вести нарочитую рѣчь въ особомъ приложеніи. «Законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и поставлять (митрополитовъ) епископамъ Русскимъ съ повеленія великаго князя», — Татищевъ могъ говорить въ свое время такъ грозно, но вѣрить, чтобы это могло быть сказано въ XII вѣкѣ, было-бы нѣсколько легкомысленно.

ней мѣрѣ не противъ него, всѣ же князья, за исключеніемъ самаго виновника попытки (предполагая, что случай имѣлъ значеніе попытки), были за митрополитовъ Грековъ. Мы вовсе не имѣемъ данныхъ, чтобы положительно сказать, на чьей сторонѣ было мнѣніе большинства; но, во-первыхъ, если относительно епископовъ, людей заинтересованныхъ, можетъ быть подозрѣваемо, что они желали видѣть во главѣ своей митрополита изъ природныхъ Русскихъ по причинамъ стороннимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ благомъ церкви, то ничего подобнаго нельзя предполагать о князьяхъ. Во-вторыхъ, епископа Новгородскаго Нифонта, который стоялъ на сторонѣ князей, лѣтопись, и именно лѣтопись Кіевская, а не Новгородская, не только не укоряетъ, но и называетъ поборникомъ всей Русской земли и ревнивымъ по божественнѣмъ [1]).

Если не ошибаемся, общепринятое мнѣніе, что Русскіе до-монгольскаго періода были недовольны властію митрополитовъ Грековъ значительно основывается на томъ, что до-монгольскіе предки наши питали весьма мало симпатіи къ національному характеру Грековъ, какъ народа, что они за нѣкоторыя черты ихъ народнаго характера столько же презирали ихъ, какъ древніе Римляне классическихъ Эллиновъ [2]). Но если такъ, то тутъ несправедливое обобщеніе: національныя черты характера Грековъ, за которыя Русскіе презирали ихъ, нисколько не препятствовали быть хорошими правителями митрополитамъ Грекамъ, и это презрѣніе, которое питали Русскіе къ нѣкоторымъ чертамъ греческаго характера, само по себѣ, было бы совсѣмъ несправедливо принимать за доказательство недовольства недоброкачественною власти митрополитовъ Грековъ. Такимъ образомъ, это общепринятое мнѣніе, что Рускіе недовольны были властію митрополитовъ Грековъ, по причинѣ ея дурнаго качества, на что указываютъ какъ на доказательство дѣйствительной ея недоброкачественности, становится весьма и весьма сомнительнымъ.

Допуская, что случаи поставленія митрополитовъ въ Россіи имѣли значеніе попытокъ ввести новый порядокъ ихъ ставленія (не избранія только, но и ставленія), можно понимать дѣло еще такъ, что Русскіе желали этого новаго порядка не по нерасположенію къ власти митропо-

---

1) Ипатск. подъ 1156 г., 2-го изд. стр. 332.

2) Грекъ есть хитрецъ, обманщикъ, скаредъ и трусъ — вотъ представленіе, которое имѣли русскіе о Грекахъ съ дурной стороны. «Суть бо Греци льстивы и до сегодни,» говоритъ лѣтописецъ, разсказывая какъ они хотѣли было обмануть Святослава (весьма возможно впрочемъ, что говоритъ не самъ лѣтописецъ, какъ обыкновенно думаютъ, а одинъ изъ его читателей, замѣтка котораго, сдѣланная на полѣ, внесена была потомъ въ текстъ, и замѣчательно, что въ Ипатск. лѣт. вмѣсто льстивы стоитъ мудры). Повѣствуя о вѣроломномъ поступкѣ одного епископа, родомъ Грека, лѣтописецъ въ объясненіе просто прибавляетъ: «бяше бо родомъ Гречинъ». Народные пословицы говорятъ о лживости и хитрости Грековъ: «Торопчанина обманетъ Цыганъ, Цыгана — Жидъ, Жида — Грекъ, а

литовъ Грековъ по причинѣ ея недоброкачественности, а по желанію освободить церковь Русскую отъ зависимости церкви Греческой, что было оскорбительно для національнаго самолюбія. Не видимъ нужды и цѣли отвѣчать на вопросъ: насколько это вѣроятно [1]), но во всякомъ случаѣ единственнымъ законнымъ путемъ тутъ для Русскихъ было то, о чемъ въ продолженіе періода до-монгольскаго, не подвергая сомнѣнію греческаго ученія о пяти патріархатахъ для всей вселенской церкви, несомнѣнно не думали, т. е. искать и требовать независимости Русской церкви. Пока же Русская церковь оставалась и признавала себя митрополіей Константинопольскаго патріарха, дотолѣ и право поставленія митрополитовъ принадлежало ему законнымъ и безспорнымъ образомъ.

Прежде чѣмъ обращаться къ собственной рѣчи о томъ, какъ смотрѣть на господство у насъ митрополитовъ Грековъ въ продолженіе періода до-монгольскаго — какъ на благо или какъ на зло, считаемъ нужнымъ указать еще одно обстоятельство, которое относится къ исторіи поставленія нашихъ митрополитовъ. Страннымъ и возбуждающимъ вопросъ образомъ выражается Лаврентьевская лѣтопись о появленіи на каѳедрѣ предпослѣдняго нашего митрополита въ періодъ до-монгольскій — Кирилла 2-го. Она говоритъ: «въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софьѣ (въ) Кіевѣ блаженный Кириллъ Гречинъ, мѣсяца Генваря въ 6, въ праздникъ Богоявленья». Дѣло въ томъ, что о всѣхъ другихъ митрополитахъ Грекахъ лѣтописи употребляютъ выраженіе не поставленъ, а приде, и что о приходѣ ни одного изъ нихъ не записано съ такою такъ сказать тщательностію. Оба эти обстоятельства не мало располагаютъ понимать лѣтописца такъ, что Кириллъ былъ посвященъ въ самой Россіи. Если бы это было такъ, то мы бы имѣли еще случай поставленія митрополита въ Кіевѣ и притомъ замѣчательный случай — поставленія не Русскаго, а Грека. А если бы это послѣднее было такъ, то затѣмъ рождались бы вопросы: какъ и отъ чего это случилось — съ дозволенія или безъ дозволенія патріарха и не скрывается ли тутъ цѣлой исторіи. Считая напраснымъ гадать что-нибудь, пока самое обстоятельство, вызывающее на гаданія, только заставляетъ предполагать себя, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить его для свѣдѣнія, въ надеждѣ на возможность того или инаго разъясненія въ будущемъ [2]).

Грека—чёртъ;» «Грекъ скажетъ правду однажды въ годъ»; объ ихъ скаредности: «Грекъ за злато себѣ очи вылупитъ;» объ ихъ трусости и ничтожествѣ: «ракъ не рыба, а Грекъ не человѣкъ».

[1]) Относительно Ярослава, который можетъ быть представляемъ человѣкомъ еще не успѣвшимъ помириться съ подчиненностію русской церкви, это не невѣроятно; относителено Изяслава это возможно, но безъ прямыхъ указаній никакъ не можетъ быть считаемо вѣроятнымъ.»

[2]) Надобно впрочемъ имѣть въ виду Новгородскую 1-ю лѣтопись, въ которой о Кириллѣ сообщается такъ, что не возбуждается никакихъ недоумѣній и

Обращаемся къ указанной рѣчи о томъ, какъ намъ самимъ смотрѣть на господство у насъ въ продолженіе періода до-монгольскаго митрополитовъ Грековъ. О правахъ мы уже говорили выше, именно — мы уже говорили, что Греки не имѣли ни малѣйшаго дѣйствительнаго права на то, чтобы подчинять себѣ Русскую церковь. Но отстраняя право, о которомъ рѣчь рѣшонная, какъ смотрѣть на самый фактъ? Это обстоятельство, что въ продолженіе двухвѣковаго съ половиной до-монгольскаго періода митрополитами нашими были Греки, было благомъ или зломъ для Русской церкви?

Не только либералы, которые eo ipso обязаны быть о дѣлѣ самаго худаго мнѣнія, но даже и консерваторы, которые весьма бы не желали говорить о Грекахъ слишкомъ не хорошо, находятъ себя вынужденными сознаться, что господство ихъ у насъ не можетъ быть признано для насъ благомъ. Вопреки тѣмъ и другимъ и рискуя прослыть за слишкомъ большаго оригинала, мы того мнѣнія, что господство Грековъ не было для насъ большимъ и рѣшительнымъ зломъ ни въ какомъ отношеніи и что наоборотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было положительнымъ и величайшимъ благомъ.

Начиная съ тѣхъ, кого мало заботитъ качество власти митрополитовъ Грековъ и которые только весьма недовольны будто бы оставшимися въ Русской жизни слѣдами отъ продолжительнаго господства у насъ и надъ нами Грековъ, мы должны сказать, что эти Греки служатъ для насъ въ нашей исторіи козломъ отпущенія. Сравнивая себя съ людьми Западно-европейскими, мы находимъ въ себѣ кое-что не совсѣмъ хорошее; самолюбіе не дозволяетъ намъ винить въ недостаткахъ нашихъ самихъ себя; подъ руками Греки, — оставленная Западной Европой Византія, и мы спѣшимъ взвалить вину на нихъ, все разрѣшая однимъ словомъ: византійщина. Народъ нашъ слишкомъ внѣшне понимаетъ вѣру, полагая ее главнымъ образомъ въ томъ, чтобы какъ можно крѣпче класть кресты на груди и какъ можно сильнѣе бить лбомъ объ полъ: византійщина. Священникъ у насъ съ трепетомъ входитъ въ прихожую къ своему архіерею и растягивается ему въ ноги: византійщина. Дьяконы наши съ своими знаменитыми басами вмѣсто раздѣльной и разумной человѣческой рѣчи даютъ намъ наслаждаться безсмысленнымъ ораніемъ и гудѣніемъ: византійщина. Въ живописи нашей безобразный типъ: византійщина. Однимъ словомъ, все у насъ, надъ чѣмъ самъ Русскій порядочный человѣкъ долженъ пожимать плечами, есть византійщина. И однако все это совершенно и рѣшительно несправедливо. Когда Западная Европа

вопросовъ; подъ 1233 г. въ ней записано: «томъ же лѣтѣ преставися блаженный митрополитъ всея Руси Кыевскый именьмъ Кюрилъ; родомъ Грьцинъ бѣ, приведенъ бысть изъ Никѣя».

называетъ средневѣковыхъ Грековъ презрительно Византіей, то она разумѣетъ ихъ извѣстные недостатки, но это вовсе не значитъ, чтобы она разумѣла тѣ самые недостатки, которые мы находимъ въ самихъ себѣ и чтобъ это давало намъ право, окрещивая недостатки именемъ Византіи, спѣшить взваливать вину за нихъ на Грековъ. У средне-вѣковыхъ Грековъ были свои недостатки, называемые общимъ именемъ византіизма, но не тѣ, которые мы находимъ въ самихъ себѣ и за которые мы хотимъ винить ихъ. Шестнадцатый вѣкъ всѣми считался такимъ временемъ, когда посѣвы византіизма разсцвѣли у насъ во всемъ блескѣ: и однако извѣстный знаменитый Максимъ Грекъ, прибывъ въ Москву, до такой степени мало узналъ въ нашей Руси свою Византію, что оказался въ первой человѣкомъ какъ бы совсѣмъ изъ другаго міра. Но если не виноваты въ нашихъ недостаткахъ Греки, то кто же виноватъ въ нихъ? Этотъ наивнѣйшій вопросъ можно слышать отъ людей вовсе не наивныхъ. Отвѣтъ однако простъ: если въ вашихъ недостаткахъ не виноватъ никто другой, то, очевидно, виноваты въ нихъ вы сами. Кромѣ византіизма есть еще нашъ москвитизмъ, которымъ мы не обязаны никому, кромѣ самихъ себя (и разумѣется, обстоятельствъ). Этотъ-то послѣдній мы несправедливо и смѣшиваемъ съ первымъ. Ниже намъ придется не одинъ разъ возвратиться къ рѣчи о сей предполагаемой винѣ Грековъ въ нашемъ такъ называемомъ византіизмѣ и мы возвратимся къ нему еще и нарочитымъ образомъ. А здѣсь ограничимся краткимъ указаніемъ того, какъ несправедливо винить въ немъ Грековъ. Западная Европа начала свою культурную жизнь, совершенно подобно намъ, съ тѣмъ запасомъ изъ прошлаго, который могла заимствовать у Византіи. Если тамъ посѣвъ сѣмянъ, заимствованныхъ у Византіи, принесъ одни плоды, а у насъ совсѣмъ другіе, то ясно, что виноваты не сѣмяна, а почва и еще что-нибудь другое.

Митрополиты родомъ Греки, говорятъ люди, держащіеся худаго мнѣнія о качествѣ ихъ власти, не могли такъ же усердно заботиться о дѣлахъ Русской церкви, какъ усердно заботились бы о нихъ митрополиты изъ природныхъ Русскихъ. Это совершенная правда, которой никто не будетъ отрицать, какъ никто не будетъ оспаривать того общаго положенія, что урожденный свой человѣкъ или человѣкъ собственной народности всегда и вездѣ лучше иностранца (подразумѣвается, если будетъ съ нимъ совершенно равнокачественнъ). Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ то, что митрополиты Греки не составляли безусловнаго блага для Русской церкви, противъ котораго нельзя было бы сдѣлать совсѣмъ возраженій. Но спрашивается: такъ ли велико могло быть проистекавшее отсюда зло, чтобы его должно было считать положительнымъ и большимъ зломъ? Превосходство человѣка своей національности передъ иностранцемъ заключается въ томъ, что первый имѣетъ патріотизмъ, который

есть расположеніе жертвовать собой для отечества, а второй его не имѣетъ. Патріотизма невозможно вдохнуть въ иностранца, потому что онъ есть свойство прирожденное; а такъ какъ бываютъ случаи, гдѣ патріотизмъ является совершенно необходимымъ, то изъ сего слѣдуетъ, что бываютъ случаи, когда иностранецъ никоимъ образомъ не можетъ замѣнить человѣка своей національности. Но устраните эту патріотическую необходимость жертвовать собой, въ случаѣ которой человѣкъ своей національности не можетъ быть замѣненъ иностранцемъ, и различіе между первымъ и вторымъ окажется вовсе не такое большое, какое можно было бы предполагать. Человѣкъ находится на службѣ въ чужой странѣ; ожидать, чтобы для чужой страны онъ захотѣлъ жертвовать собой, было бы напрасно и неосновательно; но если онъ честный человѣкъ, то онъ будетъ исполнять свои обязанности усердно и добросовѣстно, и слѣдовательно тамъ, гдѣ не будутъ требоваться патріотическія жертвы, онъ совсѣмъ замѣнитъ собою человѣка собственной національности. Митрополиты наши родомъ Греки были именно чиновники, служившіе въ чужой странѣ. Патріотизма, охоты жертвовать собой за наше отечество мы, конечно, напрасно стали бы съ нихъ спрашивать, и когда представлялись къ тому немногіе случаи, его дѣйствительно у нихъ неоказывалось; но затѣмъ ничто не мѣшало имъ быть совершенно добросовѣстными и возможно усердными чиновниками или исполнителями своихъ обязанностей. Не отрицаемъ, что и въ обыкновенномъ положеніи чиновникъ своей національности все-таки лучше чиновника иностранца, ибо всякое, даже и самое пустое, дѣло требуетъ душевнаго участія, котораго у своего всегда найдется больше, чѣмъ у иностранца, но повторяемъ, что разность не такая большая, чтобы могла быть рѣчь о великомъ злѣ.

Періодъ митрополитовъ Грековъ, говорятъ, ознаменованъ такого скудостію дѣлъ на пользу церкви, что о нихъ совершенно ничего не говорятъ лѣтописи. Послѣднее совершенная правда, но изъ этого, какъ мы уже давали знать выше, вовсе не слѣдуетъ, какъ необходимый выводъ, первое. Положимъ, что митрополиты Греки совершенно ничего не дѣлали; несомнѣнно однако, что каждый изъ нихъ приходилъ и каждый умиралъ. Но и обо этихъ приходахъ и объ этихъ смертяхъ лѣтописи говорятъ далеко не всѣхъ митрополитовъ: значитъ ли это, что иные митрополиты являлись къ намъ не приходя и что иные митрополиты исчезали не умирая? Лѣтописи, дѣйствительно, ничего не говорятъ о дѣятельности митрополитовъ, и это заслуживаетъ величайшаго сожалѣнія; но это вовсе не значитъ непремѣнно того, чтобы не было самой дѣятельности, а можетъ означать только то, что лѣтописи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не считали своею обязанностію и задачею и вообще не имѣли наклонности и охоты говорить о дѣятельности митрополитовъ, какъ вмѣстѣ съ митрополитами Греками они ровно ни слова не говорятъ о дѣятель-

ности и двухъ митрополитовъ природныхъ Русскихъ. Тѣ, которые заключаютъ отъ молчанія о дѣятельности къ ея отсутствію, полагаютъ, что лѣтописи много говорятъ о дѣятельности митрополитовъ послѣдующаго времени. Они совершенно ошибаются: о дѣятельности митрополитовъ послѣдующаго времени лѣтописи говорятъ совершенно столько же мало, а если угодно, то и еще менѣе. Если, не смотря на то, о послѣдующихъ митрополитахъ мы знаемъ болѣе, такъ это потому, что отъ нихъ дошли до насъ акты и грамоты. Отъ митрополитовъ періода до-монгольскаго не дошло до насъ никакихъ ни актовъ ни грамотъ. Но не говоримъ о совершенной возможности предположенія, что акты и грамоты пока еще не открыты и могутъ быть открыты въ послѣдствіи, — кто знаетъ, до какой степени памятники письменности до-монгольскаго періода истреблены, найдетъ ли тотъ невозможнымъ предполагать, что могли безвозвратно погибнуть и требуемые нами акты и грамоты [1])? Слѣдовательно и это отсутствіе актовъ и грамотъ, будучи весьма печальнымъ фактомъ, не будетъ давать мѣста ровно никикимъ положительнымъ выводамъ.

Наконецъ, предполагающіе скудость дѣятельности митрополитовъ Грековъ смѣло полагаютъ, что если бы на ихъ мѣстѣ были природные Русскіе, то они надѣлали бы Богъ знаетъ чего. Смѣлость ихъ однако ни на чемъ не основана и только свидѣтельствуетъ объ ихъ наивности. Замѣчательныя дѣла вовсе не составляютъ такихъ пустяковъ, которыми должна кишѣть каждая страница исторіи, и люди, дѣлающіе что либо необычное и особенное, являются вовсе не такъ часто, чтобы послѣ двоихъ таковымъ долженъ быть третій. Послѣдующая исторія Русской церкви именно и доказываетъ намъ, что мы были бы несправедливы, непремѣнно требуя отъ періода до-монгольскаго замѣчательныхъ дѣлъ и замѣчательныхъ людей. Вотъ какъ имѣютъ себя замѣчательныя дѣла въ послѣдующее время: въ 1274 г. Владимирскій соборъ митрополита Кирилла 3-го; въ 1503 г., т. е. чрезъ пространство времени немного неравное періоду до-монгольскому, въ Москвѣ соборы при митрополитѣ Симонѣ, а въ промежутокъ замѣчательнаго ровно ничего. Что касается до замѣчательныхъ людей, то періодъ Московскій продолжался почти четыреста лѣтъ и однако на всемъ пространствѣ его мы знаемъ между митрополитами и патріархами только двухъ изъ ряду вонъ выдающихся церковныхъ дѣятелей — митрополита Макарія и патріарха Никона, и при томъ послѣдняго принимая за таковаго только съ величайшими оговорками. Слѣдовательно, если даже согласимся допустить, что въ періодъ до-монгольскій совсѣмъ не было ни замѣчательныхъ дѣлъ ни замѣчательныхъ дѣятелей, то и изъ этого еще не будетъ слѣдовать заключенія объ его особенной недоброкачественности.

---

[1]) См. нѣсколько ниже, въ этой же главѣ.

Возражаютъ и еще противъ митрополитовъ Грековъ періода до-монгольскаго. Но у насъ нѣтъ охоты опровергать возраженій по совершенной ихъ несостоятельности.

Итакъ, митрополиты Греки періода до-монгольскаго ни въ какомъ отношеніи не составляютъ положительнаго, а тѣмъ болѣе — великаго зла. Но, какъ сказали мы выше, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они составляютъ величайшее благо, — до такой степени величайшее, что мы не только должны примириться съ совершенно ни на какомъ правѣ не основаннымъ притязаніемъ Грековъ подчинять себѣ въ церковномъ отношеніи другіе православные народы, но и благодарить Бога, что они имѣли подобное притязаніе.

Вообразите, что если бы вмѣсто митрополитовъ изъ Грековъ въ періодъ до-монгольскій мы имѣли ихъ изъ природныхъ Русскихъ, то имѣли бы не ангеловъ, а такихъ же людей со страстями и слабостями, какъ и всѣ люди, и затѣмъ обратитесь къ тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ Руси. Тогдашняя система наслѣдованія престола великокняжескаго, состоявшая не въ наслѣдованіи отцу старшаго сына, а совсѣмъ въ другомъ, всѣмъ извѣстномъ, порядкѣ, отчасти сама по себѣ, отчасти вслѣдствіе злоупотребленій, которыя она вызывала и допускала, имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что если не всегда, то большею частію на престолѣ великокняжескомъ смѣняли врагъ врага. Но эта смѣна враговъ врагами на престолѣ великокняжескомъ какія могла бы имѣть послѣдствія для митрополіи, въ случаѣ если бы митрополиты наши поставляемы были у насъ дома? Она необходимо имѣла бы своимъ послѣдствіемъ то, что въ митрополіи происходили бы тѣже самыя замѣшательства и скандалы, которые происходили въ великокняженіи, что въ дѣлахъ церкви произошелъ бы величайшій и крайне соблазнительный хаосъ, что достоинство митрополита могло бы быть совершенно уронено и что вообще церковь наша пришла бы въ такое состояніе, что представляла бы изъ себя самое печальное зрѣлище. Вообразите, что на престолѣ великокняжескомъ въ неособенно продолжительномъ времени преемствуютъ три или четыре князя другъ другу враги, каковые случаи бывали. Первый князь оставляетъ своего митрополита; второй сгоняетъ его и ставитъ своего; третій сгоняетъ и этого и еще ставитъ своего; четвертый сгоняетъ, наконецъ, и этого и еще ставитъ своего, такъ что заразъ будутъ четыре митрополита. Каждый изъ согнанныхъ митрополитовъ, разумѣется, не считаетъ себя законно лишеннымъ престола и снова домогается получить его или поставить его вновь гдѣ нибудь внѣ Кіева; епископы Русскіе раздѣляются между четырьмя митрополитами на четыре партіи, и начинается борьба четырехъ враговъ, представляющихъ изъ себя не два, а именно четыре лагеря.... Всякій, немного имѣющій воображенія, читатель представитъ себѣ, какое бы вышло изъ этого величайшее зло и какой бы

произошелъ отъ сего невообразимый соблазнъ. Можетъ быть, читатель наивно воображаетъ, что митрополиты изъ природныхъ Русскихъ не захотѣли бы доводить дѣла до соблазновъ и вели бы себя какъ святые. Увы, изъ послѣдующаго времени мы знаемъ одинъ случай, когда Русскимъ епископамъ представилось показать себя, — это послѣ смерти митрополита Алексія: и они показали себя людьми ни малѣйше не лучшими другихъ людей.... Но то, что мы сказали выше, есть еще не все. Русь до-монгольская состояла изъ многихъ удѣльныхъ княженій. Великіе князья, смѣняя другъ друга, смѣняли бы и митрополитовъ; но кромѣ того при избраніи каждаго митрополита въ лагерѣ каждаго великаго князя изъ удѣльныхъ князей, принадлежавшихъ къ его сторонѣ, составлялись бы отдѣльныя партіи, между которыми происходили бы изъ-за избранія митрополитовъ еще свои внутренніе раздоры и смуты. Кто имѣетъ понятіе о дѣлахъ патріархіи Константинопольской послѣ взятія Константинополя Турками, кто немного знаетъ самыя худшія времена этого періода ея, тотъ составитъ себѣ понятіе о дѣлахъ Русской до-монгольской церкви — каковы они были бы въ случаѣ избранія митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, если мы скажемъ, что онѣ представляли бы то же, что эти дѣла патріархіи Константинопольской въ ея помянутыя худшія времена.

Въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла мы сказали, что въ X в., когда мы приняли христіанство, и въ послѣдующее время патріархи Константинопольскіе поставляли митрополитовъ не совсѣмъ согласно съ правилами церковными, — что патріархамъ принадлежало собственно только ихъ посвященіе, но не избраніе, которое должны были производить соборы епископовъ каждой митрополіи. Еслибы Русскіе хорошо знали правила церковныя и рѣшительно настояли на томъ, чтобы по отношенію къ нимъ было поступаемо вполнѣ согласно съ сими правилами, то повидимому тогда дѣло могло бы имѣть себя наилучшимъ образомъ. Съ одной стороны Русскіе имѣли бы своихъ митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, а съ другой стороны, такъ какъ ихъ посвященіе производилось бы не дома, а въ Константинополѣ, предотвращалась бы опасность того появленія заразъ многихъ митрополитовъ и тѣхъ смутъ на митрополичьей каѳедрѣ, о которыхъ мы говорили выше. Мы съ своей стороны того рѣшительнаго убѣжденія, что и это незнаніе Русскими правилъ церковныхъ было счастіемъ для Русской церкви. Дѣло въ томъ, что и при посвященіи митрополитовъ въ Константинополѣ, въ случаѣ если бы они избирались дома, опасность смутъ и соблазновъ въ митрополіи нисколько бы не устранилась. На престолѣ великокняжескомъ смѣняетъ врагъ врага; вмѣстѣ съ соперникомъ онъ изгоняетъ и митрополита, который былъ его сторонникомъ, за тѣмъ онъ избираетъ своего сторонника и посылаетъ его въ Константинополь съ тяжкими обвиненіями на предшественника, какъ на человѣка совершенно недостойнаго каѳедры: что дѣлать патріарху?

Положимъ, что онъ судилъ бы и судилъ самымъ безпристрастнымъ образомъ: но какой соблазнъ производили бы въ Русской церкви и эти суды, въ которыхъ обѣ стороны — и обвиняющая и обвиняемая не остановились бы ни предъ какими взаимными клеветами? Но такъ какъ патріархи Константинопольскіе и всѣ имѣвшіе у нихъ вліяніе на дѣла были тоже не ангелы, то они не судили бы, а вышло бы совсѣмъ другое, еще гораздо худшее, чѣмъ при посвященіи митрополитовъ въ самой Россіи. Патріархи ставили бы Русскихъ митрополитовъ въ такомъ множествѣ, какого бы они требовали, и въ то же время открылось бы мѣсто самыхъ широкихъ размѣровъ подкупу, — тому въ высшей степени соблазнительному подкупу, котораго примѣръ мы видимъ въ помянутое нами время послѣ смерти митрополита Алексія. Очень можетъ быть, что замѣщеніе каѳедры Русской митрополіи Греками производилось въ Константинополѣ не безъ грѣха. Русская митрополія, совершенно исключительная въ числѣ другихъ митрополій Константинопольскаго патріархата, как чрезвычайно лакомый кусокъ, нѣтъ сомнѣнія, сильно манила всѣхъ; весьма вѣроятно поэтому, что при ея замѣщеніи имѣли мѣсто и интриги и подкупъ и всѣ неблаговидныя средства. Но по крайней мѣрѣ ничего этого Русскіе не знали....

Итакъ, вотъ наше мнѣніе о томъ обстоятельствѣ, что въ продолженіе періода до-монгольскаго митрополитами нашими были не природные Русскіе, а Греки изъ Константинополя. Это господство митрополитовъ Грековъ не было и не можетъ быть признано безусловнымъ благомъ, поколику таковымъ вообще не можетъ быть господство иностранцевъ. Но вовсе не было оно и положительнымъ, а тѣмъ болѣе великимъ зломъ, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ было положительнымъ и величайшимъ благомъ. Въ періодъ до-монгольскій, по тогдашнимъ полититическимъ обстоятельствамъ Руси, митрополитами нашими и долженствовали быть Греки. Будучи иностранцами, они не замѣняли собой вполнѣ и не могли замѣнить природныхъ Русскихъ; но за то, не принесши всего добра, которое бы принесли природные Русскіе, они предохранили Русскую церковь отъ опасности такихъ великихъ золъ, что послѣднее самымъ безъусловнымъ образомъ перевѣшиваетъ собою первое.

Послѣ всего сказаннаго у насъ остается еще нѣкоторая рѣчь о митрополитахъ Грекахъ. Доселѣ мы отвѣчали на вопросъ: какъ смотрѣть на то обстоятельство, что митрополитами нашими въ періодъ до-монгольскій были Греки, а не природные Русскіе. Но за этимъ, что̀ думать о нашихъ митрополитахъ Грекахъ періода до-монгольскаго независимо отъ сего: худы или хороши они были сами по себѣ, не бывъ въ состояніи вполнѣ замѣнить природныхъ Русскихъ и оставаясь иностранцами, т. е. худы или хороши они были какъ иностранцы? Положительныхъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, какъ мы уже говорили выше, нѣтъ совершенно

никакихъ, и остается дѣлать только предположенія. Что-же предполагать? Если не имѣемъ положительныхъ данныхъ, то вся справедливость и все сознаніе долга быть безпристрастными требуютъ, чтобы мы держались въ предположеніяхъ золотой середины. Мы не имѣемъ права и основанія утверждать, чтобы всѣ митрополиты Греки были на выборъ люди самые хорошіе, въ родѣ Іоанна 2-го и Кирилла 2-го; но въ то же время мы не будемъ имѣть никакого права и основанія утверждать и противное, — чтобы они представляли собой какой нибудь исключительный подборъ людей мало способныхъ и мало достойныхъ, въ родѣ Іоанна 3-го: наши митрополиты Греки были люди какъ люди, не исключительно хорошіе, но и не исключичельно худые, — вотъ справедливѣйшее, что должно о нихъ думать. Мы говорили выше, что предки наши не питали ни малѣйшаго уваженія къ національному характеру Грековъ, — что они представляли ихъ какъ бы олицетвореніемъ лести. Положимъ, что предки наши были совершенно правы; было бы однако въ высшей степени несправедливо и неладно полагать, будьто эта національная черта характера Грековъ, антипатичная сколько нашимъ предкамъ, столько же и кому бы то ни было, дѣлала ихъ людьми ни на что негодными. Всякій народъ имѣетъ свои особенные національные недостатки; эти недостатки болѣе или менѣе отпечатлѣваются на всей его дѣятельности и болѣе или менѣе даютъ ей свой характеръ: но подъ ограничивающимъ условіемъ этихъ недостатковъ каждый народъ болѣе или менѣе способенъ ко всему хорошему, и что касается именно до Грековъ, то мы знаемъ, что они были народъ способный къ сему послѣднему болѣе, чѣмъ какой либо другой народъ. Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ только то, что дѣятельность нашихъ митрополитовъ Грековъ, имѣя недостатки, должна была отпечатлѣвать на нихъ и выражать въ нихъ болѣе или менѣе національный греческій характеръ; но затѣмъ ничто не препятствовало ей имѣть всѣ добрыя качества. Не имѣя права и основанія, какъ мы уже сказали выше, предполагать исключительный избытокъ этихъ качествъ, мы въ то же время не имѣемъ права и основанія предполагать и исключительный ихъ недостатокъ или исключительную ихъ скудость, т. е. иначе сказать, мы имѣемъ вѣроятнѣйшимъ предъ собою то, чтобы быть о митрополитахъ Грекахъ средняго и обычнаго добраго мнѣнія. Но митрополиты эти управляли Русскою церковію въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сотъ лѣтъ съ половиной и при томъ управляли въ такое время, когда она росла и устроялась, т. е. въ такое время, когда сравнительно требовалась все-таки большая дѣятельность. Слѣдовательно, заключительнымъ нравоученіемъ будетъ то, что митрополиты эти по всей справедливости должны быть поминаемы въ нашей исторіи нѣкоторымъ добрымъ словомъ. Ниже еще мы возвратимся къ нимъ. Не имѣя совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ ихъ дѣятель-

ности церковно-правительственной, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности государственной: въ этой послѣдней, какъ увидимъ ниже, они явили себя самымъ достойнымъ образомъ (тамъ мы увидимъ, какъ мало пользы, если не много зла, было-бы и для государства, если бы митрополитами нашими были природные Русскіе, а не Греки).

Выше мы видѣли, что при поставленіи Климента половина Русскихъ епископовъ была за митрополита изъ Русскихъ, а рѣшительное большинство ихъ по крайней мѣрѣ не противъ него. Послѣ сейчасъ сказаннаго позволительно думать, что желаніе епископовъ видѣть на каѳедрѣ митрополичьей человѣка изъ природныхъ русскихъ имѣло своей причиной не заботы о благѣ церкви, а что либо другое, стороннее. Можно думать, что̀ причиной было то же, по чему чиновникамъ никакого нашего присутственнаго мѣста не можетъ нравиться, чтобы предсѣдателемъ у нихъ былъ постоянно Нѣмецъ. Нѣмецъ требуетъ отъ Русскихъ нѣмецкой аккуратности и усидчивости и вообще всего нѣмецкаго, и не хочетъ знать, что многое, что̀ для Нѣмца: вздоръ, пустяки совсѣмъ въ русской натурѣ и въ русской крови... Подобное, т. е. несходство народными характерами могло быть причиной и того, что епископы Русскіе не долюбливали своихъ митрополитовъ Грековъ (Грекъ, человѣкъ тонкій и дипломатъ, а Русскій — человѣкъ простой и нѣсколько аляповатый: естественно, что одному тяжело и не совсѣмъ по себѣ было водиться съ другимъ...)

Есть еще особый взглядъ на дѣло, о которомъ мы должны сказать въ заключеніе всего. Нѣкоторые думаютъ, что митрополиты Греки были совершенно необходимы для Русской церкви въ періодъ до-монгольскій, что безъ нихъ она не могла бы существовать. Съ этимъ мнѣніемъ, представляющимъ противоположную крайность тому, которое мы разбирали выше, также нельзя совсѣмъ согласиться. Въ самое первое время, конечно, необходимы были Греки; но было бы странно думать, будто мы до такой степени были безталанны, чтобы не могли обходиться безъ нихъ цѣлыя сотни лѣтъ. Напротивъ, необходимость имѣть достойныхъ кандидатовъ въ митрополиты изъ природныхъ Русскихъ могла принесть еще пользу, заставивъ создавать ихъ такими средствами, о которыхъ иначе и не помышляли. Положимъ, что примѣръ Иларіона, который, бывъ и всего третьимъ нашимъ митрополитомъ, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ митрополитовъ за весь періодъ до-монгольскій, есть исключеніе. Но несомнѣнно, что если не все сряду Иларіоны, то вообще люди способные и достойные занимать каѳедру митрополичью нашлись бы и въ достаточномъ количествѣ.

Первоначально, въ продолженіе лѣтъ 50-ти, митрополиты наши имѣли свою каѳедру не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, именно — въ томъ Переяславлѣ, по древнему — Русскомъ или Кіевскомъ, который въ настоящее время есть Полтавскій, и который находится на нашей или лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра въ $94\frac{1}{2}$ верстахъ внизъ отъ Кіева, лежа не на самомъ Днѣпрѣ, а въ $8\frac{1}{2}$ отъ него верстахъ, при сліяніи рѣкъ Альты и Трубежа (или при впаденіи первой въ послѣднюю). Этотъ фактъ первоначальнаго существованія или нахожденія каѳедры митрополита въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Отъ перваго митрополита нашего Леона или Льва сохранилось до настоящаго времени греческое сочиненіе, которое надписывается: Λέοντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας; древній нашъ лѣтописецъ подъ 1089 г. свидѣтельствуетъ, что «бѣ преже въ Переяславли митрополья», а говоря о построеніи Ярославомъ св. Софіи, даетъ знать, что въ Кіевѣ каѳедра митрополитовъ явилась только при сей церкви, построенной чрезъ 50 лѣтъ послѣ учрежденія нашей митрополіи. Но что могла быть за причина, что каѳедра митрополіи первоначально учреждена была не въ Кіевѣ, столицѣ государства, а въ Переяславлѣ? Недавно сдѣлано предположеніе, что вѣроятно въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось для митрополита удобнаго помѣщенія, а въ Переяславлѣ таковое нашлось, и что вѣроятно поэтому они и были поселены тамъ на время до приготовленія въ Кіевѣ помѣщенія. Съ этимъ предположеніемъ, которое едва ли можетъ быть признано совершенно состоятельнымъ и само въ себѣ, нельзя согласиться, потому что каѳедра митрополіи оставалась въ Переяславлѣ цѣлыя 50 лѣтъ. Если бы митрополитъ первоначально помѣщенъ былъ въ Переяславлѣ за неимѣніемъ дома для него въ Кіевѣ (допустимъ это не совсѣмъ вѣроятное предположеніе), то онъ былъ бы переведенъ въ послѣдній года черезъ два — черезъ три, а во всякомъ случаѣ къ тому времени, какъ построена была Десятинная церковь, ибо если ему предназначалось собственно жить въ Кіевѣ, то очевидно, что эта церковь долженствовала бы служить и его каѳедральною церковію. Построивъ эту церковь, Владиміръ не перевелъ однако къ ней митрополита: ясно, что по его мысли Переяславль навсегда назначался быть мѣстомъ каѳедры послѣдняго. Не находя возможнымъ отвѣчать что либо удовлетворительное на нашъ вопросъ, мы пока принуждены довольствоваться отвѣтомъ только не прямымъ, а именно — что намѣреніе Владиміра помѣстить митрополита не въ столицѣ государства, а отдѣльно въ особой резиденціи, не представляетъ собою примѣра единственнаго вь своемъ родѣ, что такъ было и у многихъ другихъ [1]). Изъ Переяславля перевелъ ми-

[1]) У Болгаръ въ періодъ перваго царства до 1019 г. столицей государства былъ Переяславль, а каѳедра митрополита-патріарха, по всей вѣроятности, находилась въ Доростолѣ; у Сербовъ во все время существованія ихъ государства каѳедра архіепископовъ-патріарховъ была врознь съ столицами государства (см. нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской). Такъ было у нѣкоторыхъ, если не у многихъ, и на Западѣ. — Можно предполагать, что Владиміръ, поселяя митрополита въ Пе-

трополитовъ въ Кіевъ Ярославъ, который учредилъ ихъ каѳедру при построенной имъ церкви св. Софіи. Епископы, смѣнившіе собою въ Переяславлѣ митрополитовъ, нѣкоторое время продолжали именоваться митрополитами, представляя собою митрополитовъ титулярныхъ (каковые бывали и у Грековъ, см. ниже).

Составляетъ вопросъ собственная епархіальная область нашихъ митрополитовъ. Объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить объ епархіяхъ епископовъ.

Въ періодъ до-монгольскій у насъ сдѣлана была одна попытка учредить въ Россіи другую митрополію кромѣ Кіевской, именно — въ половинѣ XII вѣка Андреемъ Боголюбскимъ.

Андрей Боголюбскій, второй удѣльный князь Суздальскій, наслѣдовавшій на удѣлѣ своему отцу Юрію Долгорукому, успѣлъ и съумѣлъ создать себѣ на своемъ Сѣверѣ такую силу, что рѣшительно возвысился надъ упадавшими князьями Кіевскими и открылъ собою рядъ великихъ князей на новомъ мѣстѣ. Чтобы окончательно сдѣлать свой Владиміръ Кляземскій столицей великаго княженія, Боголюбскому естественно было имѣть желаніе видѣть въ немъ митрополита. Такъ какъ въ его время Владиміръ, еще не былъ единой столицей великаго княженія, перемѣщенной изъ Кіева, а былъ новой и другой столицей рядомъ съ послѣднимъ, и столицей еще только de facto, но не de jure, то онъ не могъ поступить такъ, чтобы перевесть прежняго митрополита изъ Кіева во Владиміръ, и долженъ былъ искать учрежденія второй или новой митрополіи. Въ 1162 году [1]), послѣ приготовленія для будущаго митрополита каѳедры въ великолѣпномъ храмѣ Успенія Божіей Матери и имѣя уже готоваго кандидата въ нѣкоемъ Ѳеодорѣ или Ѳедорцѣ, о которомъ скажемъ ниже, по совѣту съ своими боярами, онъ отправилъ посольство съ просьбою объ отдѣленіи области Суздальской отъ епархіи Ростовской и объ учрежденіи во Владимірѣ митрополіи къ Константинопольскому патріарху Лукѣ Хризовергу. Но его желанію не суждено было исполниться. Патріархъ созвалъ соборъ, обсудилъ на немъ просьбу и въ своей

реяславлѣ, отдалъ ему этотъ городъ въ полную власть и собственность, чтобы такимъ образомъ сдѣлать его своего рода княземъ, а Ярославъ перенесъ митрополію въ Кіевъ — во-первыхъ, потому, что нашелъ это неудобнымъ, а во-вторыхъ, за тѣмъ, чтобы придать болѣе блеска столицѣ государства.

[1]) Лѣтопись Никоновская, повѣствующая о попыткѣ Боголюбскаго (II, 179) относитъ его посольство въ Константинополь къ 1160 г. Но, во первыхъ, оно было при митр. Ѳеодорѣ, а сей послѣдій по Ипатской лѣтописи пришолъ въ Августѣ 1161 г.; во вторыхъ, другія событія, о которыхъ говоритъ Никоновская лѣтопись подъ симъ 1160 г. (возвращеніе Боголюбскимъ епископа Леона и изгнаніе имъ братьевъ) Ипатская лѣтопись относитъ къ 1162 г. Впрочемъ извѣстно, что и хронологія Ипатской лѣтописи далеко не надежна.

грамотѣ [1]) прислалъ отвѣтъ, въ которомъ содержался рѣшительный отказъ. Раздѣляя одинъ отъ другаго вопросы о пользѣ и о правѣ, мы не знаемъ, что отвѣчать на первый, — очень можетъ быть, что учрежденіе второй митрополіи не послужило бы къ государственной пользѣ Россіи; очень можетъ быть даже, что оно не послужило бы и къ пользѣ церковной. Но что касается до втораго вопроса, то патріархъ, собственно говоря, не имѣлъ никакого права отказать Боголюбскому въ его просьбѣ. Патріархъ мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что каноны церкви запрещаютъ нарушать установленные предѣлы митрополій и епископій и что посему онъ не можетъ отдѣлить область Суздальскую отъ епархіи Ростовской и учредить въ Россіи вмѣсто одной митрополіи двѣ. Но такихъ каноновъ церковныхъ вовсе нѣтъ. Дѣйствительно, запрещая безъ нужды измѣнять предѣлы митрополій и епископій, каноны церковные вовсе не запрещаютъ это безусловно, ибо подобное запрещеніе было бы несообразностію, напротивъ и на оборотъ они предписываютъ, чтобы церковное управленіе послѣдовало или соотвѣтствовало гражданскому (4 всел. соб. пр. 17 и 6 всел. соб. пр. 38), т. е. говорятъ именно въ пользу требованія Боголюбскаго. Если въ Греціи уѣздный городъ, превращаясь въ губернскій, чрезъ то самое превращался и изъ епископіи въ митрополію, то подобное же могло, если уже не должно было, быть конечно и у насъ въ Россіи. Боголюбскій подобно Владиміру не зналъ своихъ правъ, иначе онъ учредилъ бы у себя митрополію самъ, безъ спроса патріарха, ибо это было его правомъ какъ государя даже и по современнымъ ему воззрѣніямъ Греческимъ (см. у Ралли и П. II, 262 и VI, 275). Впрочемъ тутъ—вопросъ, кого считать высшею государственной властію по отношенію къ Русской церкви, о чемъ ниже. Полагаютъ, что патріархъ отказалъ Боголюбскому въ его просьбѣ вслѣдствіе стараній митрополита Кіевскаго, посолъ котораго дѣйствительно былъ въ то время въ Константинополѣ. Но такъ какъ въ семъ послѣднемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда находили возможнымъ кривить совѣстію, обыкновенно склонялись на сторону того, кто лучше платилъ, и такъ какъ несомнѣнно, что Андрей Боголюбскій въ состояніи былъ заплатить лучше, чѣмъ митрополитъ, то вѣроятнѣе думать, что патріархъ дѣйствовалъ по искреннему убѣжденію, дѣйствительно находя, хотя и несправедливо, противозаконнымъ исполнить просьбу [2]). Можетъ быть впрочемъ, въ учрежденіи второй митрополіи онъ какимъ-нибудь образомъ усматривалъ

[1]) Она въ Никон. лѣт., а въ болѣе первоначальномъ видѣ у преосв. Макарія т. 3, изд. 2 стр. 298.

[2]) Въ Угровлахіи или Валахіи въ XIV вѣкѣ патріархи напротивъ сами учредили двѣ митрополіи, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 351.

опасность для зависимости Руской церкви отъ своего престола. Не успѣвъ въ своемъ желаніи учредить во Владимирѣ митрополію, Боголюбскій попытался было сдѣлать своего Ростовскаго епископа автокефальнымъ или независимымъ отъ митрополита, но и въ этой попыткѣ, какъ скажемъ ниже, также потерпѣлъ неудачу.

II.

Епископскія каѳедры, епископы и епархіальное управленіе.

Отъ митрополитовъ переходимъ къ епископамъ.

Епископскія каѳедры были учреждены у насъ тотчасъ по прибытіи къ намъ нашего перваго митрополита, каковое учрежденіе было его первымъ дѣломъ по прибытіи. Это учрежденіе каѳедръ, по свидѣтельству лѣтописей [1]), имѣло мѣсто въ одномъ и томъ же году съ самымъ прибытіемъ, именно 991-мъ, что̀ будетъ третьимъ годомъ послѣ похода Владимирова на Корсунь и вторымъ послѣ приступа къ общему крещенію народа. Мы уже не однократно давали знать выше, какъ у Грековъ малы были епископіи. Первоначально каждая отдѣльная церковная община, сельская или городская, или каждый приходъ (при чемъ каждый городъ большой или малый всегда составлялъ одну общину или одинъ приходъ) имѣлъ своего епископа; впослѣдствіи уничтожили сельскихъ епископовъ и оставили только городскихъ, но этихъ послѣднихъ оставили всѣхъ, такъ что въ Греціи непремѣнно и eo ipso каждый городъ имѣлъ своего епископа[2]). Этотъ вопросъ о томъ или другомъ количествѣ епархій не есть только вопросъ простой церковной статистики, но весьма важный вопросъ о самомъ духѣ церковнаго управленія, ибо бо̀льшее количество начальниковъ имѣетъ себя такъ, а меньшее количество совсѣмъ иначе, ибо въ одномъ случаѣ преобладаетъ духъ простоты, а въ другомъ духъ власти; въ одномъ случаѣ возможность бо̀льшей близости епископовъ къ своимъ паствамъ, въ другомъ — меньшей. Россія наша, по своимъ условіямъ, по своему съ древняго до настоящаго времени подавляющему ее пространству, вовсе не могла быть раздѣлена на епархіи въ томъ смыслѣ и такимъ об-

---

[1]) Тѣхъ, которыя считаютъ первымъ митрополитомъ дѣйствительнаго перваго митрополита Леона, см. ихъ выше.

[2]) Номоканонъ Фотія титл. 1, гл. 20 и титл. 8, гл. I, Cod. Iustinian. lib. 1, tit. III, cap. 36.

разомъ, какъ это было въ Греціи. Тогдашняя собственная Русь была по ту сторону Днѣпра, что въ настоящее время составляетъ Россію западную, заднѣпровскую; въ сравненіи съ безпредѣльной Россіей нашей, находящейся по сю сторону Днѣпра, она представляется намъ весьма малой. Но и на пространствѣ той или тогдашней Россіи, если бы поставить задачею сдѣлать епископовъ такъ же близкими во всякомъ смыслѣ къ ихъ паствамъ, какъ это было въ Греціи, нужно было бы учредить епископій ни какъ не менѣе, какъ ста два. Но это было невозможно, ибо на огромномъ пространствѣ у насъ было въ высшей степени рѣдко населеніе и весьма многимъ изъ епископовъ, такъ же близкихъ къ своимъ паствамъ, какъ это было въ Греціи, у насъ пришлось бы имѣть въ своемъ завѣдываніи деревни по двѣ — по три, никакъ не болѣе. Если бы были учреждены у насъ епархіи во всѣхъ городахъ, какъ это было въ Греціи, то хотя городовъ въ сравненіи съ послѣднею у насъ было ничтожное количество, однако относительно всё-таки явилось бы у насъ епархій довольно значительное число. Но епископовъ нужно было содержать, а наибольшая часть городовъ тагдашней непромышленной Руси были тѣже бѣдныя деревни и носили названіе городовъ только въ смыслѣ болѣе или менѣе укрѣпленныхъ мѣстъ [1]). Въ слѣдствіе всего этого громаднѣйшая Россія по необходимости имѣла быть раздѣлена на такое малое количество епархій, что каждая наша епархія равнялась десяткамъ двумъ-տремъ епархій греческихъ, а нѣкоторыя изъ нихъ (Новгородская, Ростовская) равнялись цѣлымъ сотнямъ послѣднихъ [2]). Это совсѣмъ иное, чѣмъ въ Греціи, раздѣленіе Россіи на епархіи, будучи дѣломъ простой необходимости, въ то же время, какъ мы сказали, должно было внести въ наше епархіальное управленіе значительно иной духъ, нежели какой былъ въ Греціи: немногіе епископы огромныхъ территорій должны были явиться совсѣмъ съ инымъ характеромъ, чѣмъвесьма многіе епископы весьма малыхъ областей.

Сколько было учреждено Владиміромъ на первый разъ епархій, остается положительно неизвѣстнымъ, ибо изъ лѣтописей, говорящихъ о семъ учрежденіи, Новгородскія называютъ прямо только своего собственнаго епископа, а потомъ прибавляютъ: «и по инѣмъ градомъ (постави митрополитъ) епискупы», лѣтопись Никоновская кромѣ Новгорода назы-

---

[1]) Чтобы читателя не дивили укрѣпленныя деревни (древніе города), пусть онъ припомнитъ кавказскія укрѣпленныя станицы недавняго времени.

[2]) Въ самой Греціи для двухъ областей, населенныхъ, выражаясь по-гречески, народами варварскими и представлявшихъ тѣ же неудобства къ учрежденію въ каждомъ городѣ епископской каѳедры, что и наша Россія, сдѣлано было исключеніе, чтобы всѣми городами той и другой изъ нихъ завѣдывалъ одинъ епископъ (области—такъ называемая Малая Скиѳія въ Европѣ и Исаврія въ Малой Азіи, — въ послѣдней впрочемъ всегда два города. См. примѣч. второе выше).

ваетъ прямо четыре города и потомъ прибавляетъ: «и по инымъ многимъ градомъ епископы (митрополитъ) постави» [1]). Четыре города, прямо называемые послѣдней лѣтописью, суть: Черниговъ, Ростовъ, Владимиръ Волынскій [2]) и Бѣлгородъ. Отправляясь искать другихъ епархій, открытыхъ при Владимирѣ, кромѣ указанныхъ пяти, мы находимъ, что изъ всѣхъ епархій, существовавшихъ въ послѣдующее время періода до-монгольскаго, только о трехъ неизвѣстно положительнымъ образомъ, что онѣ открыты послѣ Владимира, объ остальныхъ же всѣхъ положительно извѣстно, что онѣ открыты уже именно послѣ него; слѣдовательно рѣчь и можетъ быть только объ этихъ трехъ епархіяхъ. Сіи три епархіи суть: Туровская, Полоцкая и Тмутараканская. Если мы дадимъ вѣру словамъ Никоновской лѣтописи, что кромѣ прямо названныхъ ею городовъ были открыты епархіи и въ другихъ городахъ, то изъ сейчасъ названныхъ трехъ мы, во всякомъ случаѣ, открытіе которой нибудь должны будемъ усвоять Владимиру. Такъ какъ дать вѣру ея словамъ есть всѣ основанія, ибо считать перво-открытыми только пять прямо названныхъ епархій было бы слишкомъ мало, при чемъ на за-днѣпровскую или собственную Русь приходилось бы и всего три епархіи; такъ какъ Туровъ и Полоцкъ принадлежали къ такимъ городамъ, въ которыхъ открытіе епархій есть вся вѣроятность усвоять Владимиру, а Тмутаракань наоборотъ была такимъ городомъ, въ которомъ нѣтъ вѣроятности усвоять открытіе епархіи кому либо послѣ него: то мы принимаемъ за самое вѣроятное, что всѣ три названныя епархіи были открыты при Владимирѣ. Полоцкъ, въ настоящее время ничтожный и не столько русскій, сколько жидовскій, городишко, въ древнее время былъ главнымъ городомъ особаго племени Полочанъ или Полоцкихъ Кривичей; въ правленіе Святослава или Ольги послѣ Игоря прибывшій изъ-за моря варягъ Рогвольдъ основалъ было въ немъ особое княжество варяжско-русское, которое уничтожилъ Владимиръ, побѣдивъ и убивъ Рогвольда; что Владимиръ считалъ его въ числѣ важнѣйшихъ городовъ своего времени, видно изъ того, что онъ отдалъ его въ удѣлъ старшему сыну отъ Рогнѣды и второму по старшинству между всѣми своими сыновьями (послѣ Святополка) Изяславу: по всему этому есть вся вѣроятность усвоять открытіе епархіи Полоцкой именно Владимиру. Вѣроятность эта усиливается еще болѣе тѣмъ, что въ противномъ случаѣ мы должны будемъ допустить, что цѣлый край, несомнѣнно крещенный при Владимирѣ, (область Полоцкая)

---

[1]) 1, 105.

[2]) Владимира лѣтопись не называетъ Волынскимъ, а просто Владимиромъ. Но въ другомъ Владимирѣ—Кляземскомъ, хотя бы онъ и былъ основанъ Владимиромъ святымъ (а не Мономахомъ), что впрочемъ весьма сомнительно, епископская каѳедра учреждена только уже въ 1214 году.

былъ оставленъ безъ собственнаго епископа и ввѣренъ былъ тому или другому епископу отдаленному. Туровъ, въ настоящее время даже и не городъ, а мѣстечко [1]), былъ главнымъ городомъ племени Дряговичей или Болотниковъ и хотя послѣ Владимира въ періодъ удѣловъ не игралъ значительной роли, но при немъ самомъ несомнѣнно, хотя и не совсѣмъ понятно, занималъ между городами одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, что̀ видно изъ того, что Владимиръ отдалъ его въ удѣлъ самому старшему сыну Святополку (равно какъ и послѣ него Ярославъ старшему сыну Изяславу): слѣдовательно, и въ немъ такъ же совершенно вѣроятно усвоять основаніе епархіи Владимиру, какъ и въ Полоцкѣ. Что касается до Тмутаракани, этой отдаленной и загадачной колоніи Русскихъ, находившейся на нынѣшнемъ полуостровѣ Тамани, то въ ея недолговременное существованіе послѣ Владимира настоящимъ удѣльнымъ княземъ ея, — каковые князья послѣ Владимира заботились о дальнейшемъ открытіи епархій, — былъ и всего одинъ — сынъ его Мстиславъ, такъ что открытіе епархіи Тмутараканской можетъ быть усвояемо только или ему или сему Мстиславу. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ усвоять ея открытіе ему, чѣмъ Мстиславу: этотъ послѣдній, какъ показываетъ его поведеніе, вовсе не смотрѣлъ на Тмутаракань какъ на такое мѣсто, въ которомъ бы онъ желалъ остаться навсегда [2]), а поэтому не могъ онъ имѣть охоты заботиться и объ открытіи въ ней епархіи [3]). Такимъ образомъ, кромѣ пяти епархій, объ открытіи которыхъ Владимиромъ лѣтописи говорятъ положительно, со всею вѣроятностію должно усвоять ему открытіе еще трехъ епархій. Три епархіи конечно не составляютъ многихъ епархій, о которыхъ говоритъ Никоновская лѣтопись кромѣ пяти прямо ею названныхъ; тутъ одно изъ двухъ — или вскорѣ послѣ Владимира нѣкоторыя изъ епархій имъ открытыхъ были закрыты или выраженіе Никоновской лѣтописи «по инымъ многимъ градомъ» есть просто пре-

---

[1]) Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, на р. Припети, на половинѣ разстоянія между Мозырью и Пинскомъ.

[2]) Въ 1024 г., послѣ неудачной попытки занять престолъ великокняжескій, онъ отнялъ у Ярослава заднѣпровскую Русь и сѣлъ въ Черниговѣ.

[3]) Собственно мы думаемъ, хотя пока и сносимъ свои мысли подъ черту, что епархія Тмутараканская существовала еще до Владимира. Тмутаракань, какъ это со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, составляла часть той Руси Азовско-Таврической, о которой мы говорили выше, по каковой именно причинѣ Кіевскіе Русскіе, завоевавъ ее, и удержали ее за собой въ видѣ колоніи. Таврическимъ Русскимъ далъ епископа напр. Фотій, и этотъ-то епископъ, какъ у насъ есть рѣшительная наклонность полагать, и есть нашъ позднѣйшій Тмутараканскій епископъ. Усвояя открытіе епархіи Тмутараканской Владимиру, мы будемъ имѣть предъ собою вопросъ, на который нельзя отвѣтить ничего сколько нибудь удовлетворительнаго, именно — зачѣмъ Владимиръ открылъ эту епархію?

увеличеніе; такъ какъ первое почти совсѣмъ невѣроятно, то слѣдуетъ думать послѣднее [1]).

Восемь епархій, а не считая Тмутараканской, семь епархій на всю Русь, — это, конечно, весьма немного. Но такъ какъ усердіе Владиміра къ христіанству и церкви не можетъ подлежать сомнѣнію, то слѣдуетъ думать, что открытіе большаго числа епархій не представлялось возможнымъ и удобнымъ. Сравнивая произведенное церковное дѣленіе Россіи на епархіи съ ея гражданскимъ раздѣленіемъ при Владимирѣ, находимъ, что шесть епархій были открыты въ городахъ, которые были при Владимирѣ удѣльными, одна — въ городѣ, который почему-то не былъ при немъ удѣльнымъ, но который былъ самымъ старшимъ послѣ Кіева, и одна — въ городѣ, который не имѣлъ никакого гражданскаго значенія и учрежденіе каѳедры въ которомъ должно быть объясняемо причинами церковно-административными и еще, такъ сказать, личными. Города, бывшіе при Владимирѣ удѣльными, суть: Владимиръ Волынскій, Туровъ, Полоцкъ, Новгородъ, Ростовъ и Тмутаракань; городъ, не бывшій удѣльнымъ, при немъ, но самый старшій послѣ Кіева — Черниговъ; городъ, не имѣвшій никакого гражданскаго значенія — Бѣлгородъ. Изъ городовъ, бывшихъ при Владимирѣ удѣльными, не были открыты епархіи: въ неизвѣстномъ по имени главномъ городѣ области Древлянской и въ Муромѣ. Древній Бѣлгородъ въ настоящее время есть мѣстечко Бѣлгородка, находящееся въ 23 1/2 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева и составляющее первую станцію на почтовой дорогѣ къ Житомиру: или онъ самъ составлялъ или въ немъ находилось одно изъ главныхъ имѣній Владимира, ибо до принятія христіанства, по словамъ лѣтописца, у него помѣщена была здѣсь значительная часть его многочисленныхъ будто бы наложницъ (300 изъ 800); на третій годъ послѣ похода на Корсунь (991), вѣроятно одновременно съ тѣмъ, какъ водворять евископа, Владимиръ заложилъ въ Бѣлгородѣ настоящій городъ или крѣпость и значительно умножимъ его населеніе посредствомъ вывода изъ другихъ мѣстъ. «бѣ бо, — говоритъ лѣтописецъ, — любя градъ сь.» Впослѣдствіи, однако, онъ называется «градомъ малымъ». [2]) Въ этомъ, не имѣвшимъ въ гражданскомъ отношеніи совершенно ника-

---

[1]) О митр. Михаилѣ Никоновская лѣтопись говоритъ, что онъ привелъ съ собою отъ патр. Фотія шесть епископовъ (1, 103). Если принимать, что эти слова должны быть перенесены съ Михаила на Леона, то это будетъ значить, что при самомъ первомъ учрежденіи каѳедръ ихъ было учреждено шесть и что остальныя двѣ, которыя съ вѣроятностію должны быть относимы ко времени Владимира, бѣли открыты при немъ, но не при первомъ учрежденіи каѳедръ, а впослѣдствіи времени.

[2]) Лаврент. лѣт. подъ 1097 г.: «Бѣлгородъ градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ» (въ Ипатск. лѣтоп. ошибочно — Звѣнигородъ).

кого значенія, городѣ, Владимиръ учредилъ архіерейскую каѳедру, какъ слѣдуетъ думать, во-первыхъ — за тѣмъ, что, назначивъ престольнымъ городомъ митрополита не Кіевъ, а Переяславль, онъ хотѣлъ имѣть въ епископѣ Бѣлгородскомъ такого архіерея, который бы въ потребныя времена могъ совершать въ Кіевѣ архіерейскія служенія и вообще былъ для него — великаго князя, архіереемъ такъ сказать придворнымъ, episcopus curialis, каковые бывали у другихъ государей; во-вторыхъ — за тѣмъ, чтобы дать въ немъ митрополиту какъ бы викарія и помощника. Въ неизвѣстномъ главномъ городѣ областы Древлянской Владимиръ не учредилъ архіерейской каѳедры, какъ необходимо думать, потому, что небольшая область эта была близка къ другимъ епархіямъ и въ частности, какъ могло предполагать это, потому, что она назначена была въ епархіи епископу Бѣлгородскому. Учредивъ епархію въ инородческомъ Ростовѣ, Владимиръ не учредилъ ея въ инородческомъ Муромѣ, вѣроятно, потому, что въ первомъ и его области была болѣе или менѣе значительная колонія настоящихъ Русскихъ и что самые инородцы его уже показывали большую или меньшую наклонность къ обрусѣнію, а Муромъ напротивъ еще представлялъ изъ себя совсѣмъ глухую и совсѣмъ цѣльную инородческую украйну, въ которой учрежденіе архіерейской каѳедры было бы совершенно безполезнымъ и оказывалось совершенно неудобнымъ.

Послѣ Владимира до нашествія Монголовъ въ Россіи было открыто еще ровно столько же епархій, сколько было открыто имъ, т. е. восемь, именно: Переяславская и Юрьевская при Ярославлѣ, Смоленская въ 1137 г., Галичская до 1165 г., Рязанская до 1207 г., Владимиро-Клявемская въ 1214 г., Перемышльская въ 1220 г. или прежде сего года и Угровская не задолго до нашествія Монголовъ. Всѣхъ епархій къ нашествію послѣднихъ должно было бы такимъ образомъ быть 16; но такъ какъ одна изъ нихъ — Тмутараканская, вмѣстѣ съ самымъ своимъ княжествомъ, прекратила существованіе или въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, то ихъ было 15. Само собою разумѣется, что новыя епархіи послѣ Владимира были открываемы въ городахъ значительнѣйшихъ, какъ это было при немъ самомъ и какъ это долженствовало быть по самому существу дѣла. Значительнѣйшими городами въ періодъ домонгольскій были у насъ стольные города удѣльныхъ княженій, которыя раздѣлялись на два разряда, такъ сказать — на первичныя и вторичныя, именно: вся Россія раздѣлилась на извѣстное количество удѣловъ, которые, представляя изъ себя въ свою очередь новыя особыя цѣлыя, раздѣлялись на удѣлы частнѣйшіе и боковые или такъ сказать подъудѣлы. Послѣ Владимира учреждены были епископскія каѳедры во всѣхъ стольныхъ городахъ главныхъ явившихся удѣловъ и только въ весьма немногихъ стольныхъ городахъ удѣловъ частнѣйшихъ, а именно и всего

въ одномъ — Перемышлѣ, который былъ частнѣйшимъ удѣломъ Галича.[1]) Изъ епархій, открытыхъ Владиміромъ, одна представляла собою исключеніе противъ гражданскаго порядка (Бѣлгородская); изъ епархій, открытыхъ послѣ Владиміра, такое исключеніе представляли двѣ — Юрьевская и Угровская. Что касается до всѣхъ вообще епархій періода до-монгольскаго, то въ отношеніи къ епархіямъ, открытымъ при Владимірѣ, произошло послѣ него нѣкоторое измѣненіе въ гражданскомъ порядкѣ, а именно: Черниговъ, который не былъ при немъ удѣломъ, сталъ таковымъ съ Ярослава, и на оборотъ — Ростовъ, бывшій при немъ удѣломъ, послѣ него пересталъ быть таковымъ на долгое время. Такимъ образомъ отношеніе всѣхъ вообще епархій періода до-монгольскаго къ гражданскому или государственному порядку будетъ: 10 епископскихъ каѳедръ существовали въ стольныхъ городахъ главныхъ или первичныхъ удѣловъ, именно: Черниговская, Переяславская, Владиміро-Волынская, Туровская, Полоцкая, Новгородская, Смоленская, Галичская, Рязанская и Владиміро-Кляземская; одна каѳедра существовала въ стольномъ городѣ частнѣйшаго удѣла — Перемышльская, одна — въ городѣ бывшемъ удѣльномъ — Ростовская и три представляли собою исключеніе противъ гражданскаго порядка: Бѣлгородская, Юрьевская и Угровская. Особыхъ нѣкоторыхъ рѣчей требуютъ епархія Переяславская и двѣ сейчасъ названныя послѣднія. Епископская каѳедра въ Переяславѣ была открыта или была оставлена на мѣсто каѳедры митрополичьей, которая послѣ 1037 г. переведена была Ярославомъ въ Кіевъ къ построенной имъ св. Софіи[2]); въ воспоминаніе того, что епископія Переяславская наслѣдовала митрополіи, первые Переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ носили титулъ митрополитовъ[3]). Епископія Юрь-

---

[1]) Перемышль собственно былъ старше Галича, но въ половинѣ XII вѣка роли перемѣнились.

[2]) Заложенной въ семъ 1037 г., но неизвѣстно когда оконченной.

[3]) Называется митрополитомъ епископъ Переяславскій Ефремъ. Что этотъ Ефремъ не былъ митрополитомъ Кіевскимъ или настоящимъ Русскимъ, какъ то думаютъ нѣкоторые, а былъ епископомъ Переяславскимъ и носилъ имя митрополита только титулярно, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Лѣтописецъ, во-первыхъ, прямо и ясно называетъ Ефрема митрополитомъ именно Переяславскимъ (подъ 1089 г.), во-вторыхъ, — называетъ его митрополитомъ подъ такимъ годомъ (тѣмъ же 1089), когда въ Кіевѣ былъ настоящій митрополитъ (Іоаннъ 3-й), въ-третьихъ, — назвавъ сначала митрополитомъ, послѣ называетъ (подъ 1091 г.) просто епископомъ. Преп. Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія говоритъ объ Ефремѣ, бывшемъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, что онъ «поставленъ митрополитомъ въ городѣ Переяславли» (митрополиты посвящались въ Константинополѣ, а объ Ефремѣ, жившемъ предъ возведеніемъ на каѳедру въ семъ послѣднемъ городѣ, Несторъ ясно даетъ знать, что онъ былъ призванъ домой и потомъ посвященъ). Наконецъ, и Симонъ въ Патерикѣ, не думая при-

евская учреждена была Ярославомъ въ построенномъ имъ городѣ Юрьевѣ, который въ настоящее время есть мѣстечко Бѣлая Церковь, находящееся на р. Роси въ 81 верстѣ къ юго-западу отъ Кіева. Въ этомъ городѣ или городкѣ, построенномъ въ великомъ княженіи, гдѣ при Ярославѣ были два епископа (самъ митрополитъ и епископъ Бѣлгородскій), и которому не было придано Ярославомъ никакого политическаго значенія, епископская каѳедра, нѣтъ сомнѣнія, учреждена была имъ по одной изъ тѣхъ причинъ, по которымъ была учреждена Владиміромъ каѳедра Бѣлгородская, именно — чтобы дать митрополиту втораго викарія или помощника, при чемъ частнѣйше, какъ думаемъ, нужно разумѣть то, что, давая митрополиту втораго викарія, Ярославъ хотѣлъ доставить ему возможность безъ призыва другихъ архіереевъ производить посвященія епископовъ. Городъ Угровскъ или Угровескъ находился въ древней сѣверо-восточной Галиціи, въ нынѣшней Люблинской губерніи нашего бывшаго царства Польскаго, при впаденіи рѣки или рѣчки Угеръ, отъ которой и получилъ названіе, въ Западный Бугъ (противъ городка или мѣстечка Опалина, — въ настоящее время селеніе Угрускъ). Изъ селенія въ городъ возвелъ Угровскъ великій князь галичскій Даніилъ Романовичъ, который хотѣлъ было жить въ немъ вмѣсто своего стольнаго города Галича, столько извѣстнаго крамолами его бояръ, но который скоро избралъ послѣ него имъ же построенный и весьма недалеко отсюда находившійся Холмъ. Въ Угровскѣ епископская каѳедра была учреждена Даніиломъ, какъ это необходимо думать, по той личной причинѣ, которая для Владиміра была одною изъ причинъ учрежденія каѳедры въ Бѣлгородѣ, именно — чтобы имѣть въ его епископѣ своего епископа придворнаго (недолго существовавъ въ Угровскѣ, каѳедра переведена была Даніиломъ послѣ нашествія Монголовъ въ Холмъ, въ который, какъ мы сказали, переселился изъ Угровска и онъ самъ).

Пятнадцать епархій на всю и на цѣлую Русь. Въ сравненіи съ Греціей это было до послѣдней степени мало. Если бы у насъ понятіе города, который у Грековъ необходимо и само собою предполагалъ епископа, было приложено по крайней мѣрѣ ко всѣмъ безъ исключенія стольнымъ городамъ удѣльнымъ, т. е. какъ первичныхъ, такъ и вторичныхъ удѣловъ, то епархій долженствовало бы быть открыто не менѣе какъ вдвое. Кромѣ того, послѣ Владиміра несомнѣнно явились и неудѣльные такіе города, въ которыхъ бы могли существовать епископскія каѳедры. Такимъ образомъ, у насъ вообще могло бы быть открыто епархій если не приблизительно такъ же много, какъ было ихъ въ Греціи, то гораздо

числять Ефрема къ митрополитамъ Кіевскимъ, называетъ его епископомъ Переяславскимъ. О титулярныхъ митрополитахъ въ Греціи см. 4-го вселенскаго соб. пр. 12.

болѣе того, сколько ихъ было открыто на самомъ дѣлѣ. Но Владиміръ, открывшій весьма малое количество весьма обширныхъ епархій по необходимости, положилъ этимъ такъ сказать принципъ немногочисленности и обширности епархій. Весьма вѣроятно, что и князья не имѣли особенной охоты учреждать епархіи, ибо сіи учрежденія должны были сопровождаться для нихъ весьма чувствительными расходами, — на построеніе приличныхъ каѳедральныхъ соборовъ, на обезпеченіе каѳедръ землями и проч. Но несомнѣнно, что главнымъ образомъ и настойчиво противодѣйствовали открытію новыхъ епархій уже бывшіе епископы, ибо для этихъ послѣднихъ сокращеніе ихъ существовавшихъ епархій было ни чѣмъ инымъ, какъ пропорціональнымъ сокращеніемъ ихъ доходовъ (о которыхъ ниже). Что главное препятствіе было именно въ епископахъ, а не князьяхъ, и что первые смотрѣли на открытіе новыхъ епархій съ величайшимъ неудовольствіемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, въ 1137 г. открывшій епархію Смоленскую чрезъ отдѣленіе отъ Переяславской, въ своей учрежденной грамотѣ епископіи, составленной съ первымъ епископомъ Мануиломъ (тѣмъ самымъ, о которомъ была рѣчь выше), пишетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ: «(аще) епископъ который начнеть *несытствомъ*, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва»[1]). Немного выше мы видѣли, что патріархъ Константинопольскій Лука Хризовергъ страннымъ образомъ увѣрялъ Андрея Боголюбскаго, будто «правила святыхъ апостолъ и божественныхъ отецъ каяждо митрополія и епископья цѣли и непорушимо своя держати оправданія повелѣли»; нѣтъ сомнѣнія, что это мнимо-апостольское и мнимо-отеческое узаконоположеніе горячо защищалось нашими епископами. Какъ не торопились у насъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, учреждать епископіи даже въ стольныхъ городахъ первичныхъ удѣловъ, видно изъ того, что епископія Галичская учреждена лѣтъ черезъ 60 послѣ возникновенія удѣла, а Рязанская и Владимиро-Кляземская чрезъ цѣлое столѣтіе.

Такимъ образомъ слишкомъ малое количество и слишкомъ большая обширность епархій стали навсегда отличительной характеристической чертой администраціи Русской церкви, внесши въ наше епархіальное управленіе значительно иной, чѣмъ въ Греціи, духъ.

Наибольшая часть епископовъ имѣли своими епархіями тѣ области или тѣ удѣлы, въ стольныхъ городахъ которыхъ имѣли свои каѳедры. Но составляютъ вопросъ епархіи — самого митрополита, епископа Бѣлгородскаго и отчасти Юрьевскаго.

Пока митрополиты находились въ Переяславлѣ, ихъ епархію составлялъ сей послѣдній городъ съ своей областью, но принадлежалъ ли имъ

---

[3]) Дополн. къ Акт. Истор. т. I № 4, стр. 7 sub fin.

при этомъ Кіевъ съ его областью? Относительно самаго Кіева это весьма вѣроятно, но впрочемъ — не болѣе, относительно же области Кіевской одинаково вѣроятно какъ то, что она принадлежала митрополитамъ, такъ и то, что она составляла епархію епископовъ Бѣлгородскихъ. Послѣ перехода въ Кіевъ, митрополиты оставили Переяславль съ его областью заступившимъ ихъ мѣсто епископамъ Переяславскимъ, а что касается до ихъ собственной епархіи, то представляется нѣсколько одинаково вѣроятныхъ предположеній: если область Кіевская принадлежала имъ, когда они находились въ Переяславлѣ, то она и составила ихъ епархію; если же, до ихъ перехода, область Кіевская составляла епархію епископовъ Бѣлгородскихъ, то могло быть одно изъ двухъ — или митрополиты взяли у епископовъ Бѣлгородскихъ область Кіевскую, образовавъ имъ епархію въ другомъ мѣстѣ или оставивъ ихъ безъ епархіи, или же, не беря у нихъ области, удовольствовались однимъ только городомъ Кіевомъ. Послѣднее столько же возможно, какъ и первое, ибо патріархи Константинопольскіе довольствовались и довольствуются именно однимъ Константинополемъ. Если впослѣдствіи митрополиты Московскіе имѣли въ Кіевѣ свою епархію, то эта епархія могла быть и не оставшеюся епархіей митрополитовъ Кіевскихъ, а епархіею образовавшеюся изъ прекратившихъ свое существованіе послѣ нашествія Монголовъ епархій Бѣлгородской и Юрьевской.

Что касается до епископа Бѣлгородскаго, то нѣкоторыя предположенія объ его епархіи мы высказали сейчасъ, но можетъ быть сдѣлано и еще одно предположеніе, а именно — что онъ получилъ епархію внѣ области, въ которой находилась каѳедра, подобно тому, какъ послѣ на Москвѣ имѣлъ ее епископъ — митрополитъ Крутицкій. Этой внѣшнею епархіей его можетъ быть предполагаема область Древлянская, сосѣдняя съ Кіевскою съ сѣверо-запада, такъ какъ въ одномъ только стольномъ городѣ удѣла Древлянскаго не было посажено Владиміромъ епископа изъ всѣхъ бывшихъ при немъ удѣловъ собственной Руси. Въ случаѣ вѣроятности этого предположенія нужно будетъ думать объ области Кіевской, что она принадлежала самому митрополиту.

Епископъ Юрьевскій, по всей вѣроятности, не имѣлъ внѣшней епархіи, которую мы сейчасъ предположили относительно епископа Бѣлгородскаго, ибо негдѣ было бы искать таковой епархіи. Будучи несомнѣнно весьма малою, его внутренняя епархія однако не ограничивалась однимъ городомъ Юрьевымъ, но имѣла бóльшую или меньшую округу, — положительно извѣстно, что къ ней принадлежалъ г. Каневъ [1]).

---

[1]) Возможно подробныя и возможно обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ епархіяхъ періода до-монгольскаго сообщаемъ въ особомъ приложеніи къ настоящей главѣ.

Въ Греціи въ позднѣйше время, по крайней мѣрѣ съ импер. Льва Мудраго († 911, cfr Вальсамона у Ралли и П. III, 516) каѳедры митрополитовъ имѣли свои опредѣленныя степени старшинства и младшинства, вмѣстѣ съ чѣмъ и сами митрополиты опредѣленныя мѣста сосѣданія. Не можемъ сказать, имѣли или нѣтъ эти степени каѳедры епископовъ, находившихся подъ митрополитами. Точно такъ же не можемъ сказать, имѣли или не имѣли ихъ и наши епископіи въ періодъ до-монгольскій. Какъ кажется — нѣтъ. Во-первыхъ, если бы были эти степени, то лѣтописи въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится перечислять многихъ епископовъ, всегда ставили бы ихъ въ одномъ порядкѣ, а между тѣмъ этого въ нихъ не находимъ, — въ разныхъ случаяхъ порядокъ разный. Во-вторыхъ, еслибы были степени, то старшими долженствовали бы быть епископы: Новгородскій, какъ епископъ главнаго послѣ Кіева города, Черниговскій, какъ епископъ старшаго города послѣ Кіева въ южной Руси, и Переяславскій, какъ епископъ наслѣдовавшій митрополитамъ. Епископа Новгородскаго не встрѣчаемъ въ перечисленіяхъ вмѣстѣ съ другими епископами, но епископы Черниговскій и Переяславскій не являются въ нихъ старшими [1]). Не имѣя степеней, епископы наши, вѣроятно, сосѣдали, на основаніи древняго обычая и правила, [2]) по старшинству посвященія. Въ 1165 г. епископъ Новгородскій получилъ отъ митрополита титулъ архіепископа (о чемъ ниже) и вмѣстѣ съ этимъ несомнѣнно пріобрѣлъ старшинство между епископами (если только уже прежде не имѣлъ его).

Самые первые епископы наши всѣ были изъ Грековъ, ибо хотя лѣтописи не говорятъ этого прямо, но это необходимо предполагать само собою, такъ какъ между только-что крещенными Русскими, конечно, не могло найдтись людей, которые бы способны были быть епископами [3]).

---

[1]) Въ Лаврентьевск. лѣтоп. подъ 1089 г. епископы: Бѣлгородскій, Ростовскій, Черниговскій, Юрьевскій; подъ 1091 г.: Переяславскій, Владимирскій, Черниговскій, Юрьевскій. Въ Ипатской лѣтоп. подъ 1147 г.: Черниговскій, Бѣлгородскій, Переяславскій, Юрьевскій, Владимирскій.

[2]) Карѳагенск. собора пр. 97 (на греческомъ у Ралли и П., въ болѣе полномъ видѣ, 86-е).

[3]) Что касается до самаго поставленія, то можно предполагать двояко — или что всѣ епископы поставлены были въ Греціи и приведены въ Россію готовыми, или что въ Греціи поставлено было только нѣсколько епископовъ, а остальные поставлены уже въ Россіи и не только изъ лицъ, приведенныхъ самимъ митрополитомъ, но также и изъ тѣхъ Грековъ, которыхъ ранѣе привелъ изъ Корсуни Владимиръ. Обыкновенно предполагаютъ первое; но существующія данныя болѣе за второе предположеніе. Въ Новгородъ былъ поставленъ епископомъ Іоакимъ Корсунянинъ, т. е. родомъ изъ Корсуни. Если бы всѣ епископы были поставлены въ Константинополѣ, то ихъ не стали бы набирать въ такихъ далекихъ мѣстахъ, какъ Корсунь; если Іоакимъ попалъ въ епископы,

Послѣ этихъ первыхъ епископовъ не обращались болѣе за кандидатами въ Грецію и находили ихъ въ самой Россіи. Кто и изъ кого были они въ продолженіе первыхъ лѣтъ 50-ти, пока не явились у насъ монастыри и въ нихъ монахи, достойные и способные быть епископами, это составляетъ вопросъ, на который трудно отвѣчать и на который во всякомъ случаѣ нельзя сказать ничего положительнаго. Вѣроятно, были они ставимы отчасти изъ тѣхъ же Грековъ, не нарочно получавшихся изъ Константинополя, а находившихся при митрополитахъ и епископахъ въ ихъ клиросахъ или соборныхъ штатахъ (о которыхъ ниже), а потомъ между Русскими — отчасти изъ бѣлыхъ священниковъ, которыхъ предъ поставленіемъ постригали или не постригали въ монахи и между которыми достойные и способные кандидаты должны были преимущественно находиться въ тѣхъ же епископскихъ клиросахъ, а отчасти, можетъ быть, и изъ достойныхъ мірянъ, т. е. можетъ быть по нуждѣ нарушали то каноническое правило, которое было постановлено по поводу возведенія въ патріархи Фотія [1]). Когда начали быть ставимы епископы изъ нашихъ монаховъ, мы не знаемъ, но по всей вѣроятности не ранѣе конца правленія Ярослава и именно — что его придворный Георгіевскій монастырь, построенный послѣ 1037 г., былъ первый, который началъ ихъ доставлять. Затѣмъ, пока не явились монастыри вездѣ въ Россіи, ихъ началъ доставлять на всю ее и довольно долгое время доставлялъ преимущественно монастырь Печерскій, о которомъ Симонъ Владимирскій говоритъ, что «якоже отъ самого Христа Бога нашего апостоли во всю вселенную посылаеми бѣша, такоже отъ того монастыре Госпожа нашея Богородица мнози епископи поставлени быша во всю Русскую землю», и изъ котораго потому же Симону всѣхъ епископовъ въ продолженіе періода до-монгольскаго вышло не менѣе 50-ти. Когда явились монастыри во всѣхъ удѣлахъ, ихъ начали выбирать изъ монаховъ мѣстныхъ и преимущественно изъ монаховъ главнѣйшихъ въ удѣлахъ или епархіяхъ монастырей, бывшихъ какъ бы княжескими придворными, частнѣе — изъ игуменовъ этихъ монастырей, которые, какъ слѣдуетъ думать, большею частію были и духовниками княжескими. Нѣкоторые примѣры изъ позднѣйшаго времени показываютъ, что князья заранѣе разузнавали о людяхъ достойныхъ

то самое вѣроятное предполагать, что онъ былъ изъ числа священниковъ, приведенныхъ Владимиромъ изъ Корсуни, и поставленъ въ епископы прибывшимъ митрополитомъ въ Кіевѣ. Можетъ быть, одинъ-двое были поставлены въ епископы и изъ самихъ Русскихъ, — изъ тѣхъ священниковъ, которые были у христіанъ Кіевскихъ до принятія христіанства Владимиромъ.

[1]) Собора перво-втораго 17-е, предписывающее, чтобы «никто изъ мірянъ или монаховъ не былъ внезапно возводимъ на высоту епископства», но чтобъ каждый, «по испытаніи прежде въ церковныхъ степеняхъ, воспринималъ рукоположеніе во епископы».

быть епископами и заранѣе намѣчали ихъ. Умираетъ въ области епископъ и князь тотчасъ же отправляетъ за кандидатомъ на его мѣсто куда-нибудь далеко: очевидно, что этотъ кандидатъ былъ уже предъизбранъ въ его умѣ.

Въ продолженіе всего періода до-монгольскаго, вмѣстѣ съ природными Русскими, ставимы были епископы и изъ Грековъ, именно — изъ упомянутыхъ нами выше Грековъ, которые жили въ Россіи чиновниками при митрополитахъ и при епископахъ. По нѣкоторымъ причинамъ желательно было бы знать, какъ часты были случаи этого поставленія изъ Грековъ или какой процентъ епископы изъ нихъ составляли между всѣми нашими епископами. Къ сожалѣнію, источники наши не позволяютъ намъ сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ даже и что-нибудь приблизительное.

Сейчасъ сказали мы, что князья предъизбирали епископовъ въ своемъ умѣ. Изъ ближайшаго къ періоду до-монгольскому времени мы имѣемъ свидѣтельства, что иногда епископы предъизбираемы были и на самомъ дѣлѣ. Въ 1261 г. въ Ростовѣ при жизни епископа Кирилла, достигшаго глубокой старости, по благословенію тогдашняго митрополита Кирилла 3-го и самого епископа, «изведоша архимандрита святаго Богоявленья Игнатья (избравъ его въ будущіе преемники Кириллу) и бысть причетникъ церкви святыя Богородица въ Ростовѣ»[1]). Т. е. предъизбраннаго преемника епископу заранѣе помѣстили при каѳедральномъ соборѣ, взявъ его съ его дѣйствительнаго мѣста. Очень вѣроятно, что такъ бывало и въ періодъ до-монгольскій.

Выше мы сказали о возможности поставленія епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ съ предварительнымъ постриженіемъ въ монахи или безъ онаго. Бѣлые священники, первоначально единственные кандидаты въ епископы, къ тому времени, какъ мы приняли христіанство, уже почти совсѣмъ уступили мѣсто монахамъ, вслѣдствіе чего какъ въ Греціи епископы изъ этихъ священниковъ представляли собой въ позднѣйшее время не болѣе, какъ исключеніе, такъ и у насъ долженствовало быть тоже самое. Что касается до насъ, то мы тутъ сдѣлали только то, что заимствовали отъ Грековъ установившійся обычай; а что касается до этихъ послѣднихъ, то установиться обычаю было легко и естественно. Архіерейство и монашество не имѣютъ между собой ничего общаго и суть вещи отличныя одна отъ другой: архіерей есть высшая степень священства, а монахъ есть совсѣмъ не духовный и не клирикъ, а мірянинъ

---

[1]) Лаврент. лѣт. Въ другомъ мѣстѣ, подъ 1301 г., таже лѣтопись страннымъ образомъ употребляетъ слово причетникъ о поставленномъ епископѣ: «въ Новѣгородѣ Великомъ поставленъ бысть Ѳеоктистъ епископомъ... и бысть причетникъ святое Софьи Новгородскые». Въ первомъ случаѣ причетникъ значитъ человѣкъ причисленный, причтенный, къ клиру или къ штату соборному.

или особый видъ сего послѣдняго [1]). Такъ какъ обѣты монаховъ какъ разъ противоположны существу дѣятельности пастырей [2]), то первоначально они не только не принимали никакого участія въ управленіи церковномъ и не имѣли никакого отношенія къ церковному священноначалію, но имъ и положительно запрещено было вмѣшиваться въ дѣла церковныя и принимать въ нихъ участіе канонами церковными [3]). Но если давшій обѣтъ быть пасомымъ будетъ найденъ достойнымъ того, чтобы быть пастыремъ и согласится на это, то, конечно, онъ можетъ быть сдѣланъ пастыремъ: а это и случилось съ монахами, когда ихъ начали ставить въ епископы. Дѣло впрочемъ началось не прямо съ того, что ихъ начали ставить въ епископы, а съ того, что епископы начали ставить ихъ въ низшіе клирики. Монахи представляли такой особый и въ такія особыя условія поставленный видъ мірянъ, что совершенно естественно было придти къ мысли брать изъ нихъ клириковъ. Въ имперіи греческой позволено было брать этихъ послѣднихъ не изъ всѣхъ сословій общества, но съ значительнымъ въ семъ отношеніи ограниченіемъ, такъ что нѣкоторые епископы чувствовали въ нихъ нужду. Предъ епископами были монахи, которые представ-

---

[1]) Что монахъ, пока онъ не посвященъ въ какую-либо церковную степень или монахъ какъ монахъ есть мірянинъ, это само по себѣ ясно изъ того, что ничѣмъ инымъ онъ не можетъ быть, ибо между клиромъ, къ которому онъ не принадлежитъ (потому что не имѣетъ посвященія, помимо котораго нельзя стать клирикомъ) и мірянами нѣтъ ничего третьяго. Что правила церковныя причисляютъ монаховъ къ мірянамъ (и во всякомъ случаѣ не причисляютъ къ клиру), см. 4 всел. соб. прр. 2 fin и 3, 7-го всел. соб. пр. 14 и собора двухкратнаго правило 17. Первоначально монахи, какъ міряне, не были подчинены епископамъ (4 всел. соб. пр. 4), тогда какъ подчиненіе имъ клириковъ предполагается само собой. «Рукоположенные монахи, говоритъ Вальсамонъ, именуются клириками» (у Ралли и Потли II, 21); слѣд. не рукоположенные монахи не суть клирики (см. его же схолію къ Номокан. Фотія тит. 1, гл. 31). Блаженный Іеронимъ говоритъ о самомъ себѣ: alia monachorum est causa, alia clericorum: clerici pascunt oves, ego pascor (у Бингама въ Antiquitt. Eccless. Vol. 3. p. 21, гдѣ и вообще о семъ). Если монахи впослѣдствіи подчинены были епископамъ, то это значитъ не то, что они причислены были къ клиру, а то, что они представляютъ такой особый видъ мірянъ, который долженствовалъ быть подчиненъ епископамъ (подобно тому, какъ въ ихъ вѣдѣніе отданы были больницы, богадѣльни и страннопріимницы).

[2]) 4 всел. соб. пр. 4 и собора въ храмѣ Софіи пр. 2; послѣднее правило: «обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія; они обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти».

[3]) 4 всел. соб. пр. 4. «Монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отреклись отъ міра; да не вмѣшиваются ни въ церковныя ни въ житейскія дѣла и да не пріемлютъ въ нихъ участія, оставляя свои монастыри».

ляли собою мірянъ, отказавшихся отъ міра, которые освобождены были отъ всѣхъ обязательствъ мірскихъ (ибо это такъ было) и которые отданы были въ подчиненіе именно имъ — епископамъ: ясно, что ничего не могло быть легче, какъ придти епископамъ къ мысли брать необходимыхъ клириковъ именно изъ нихъ. Такъ это и случилось, — соборы дозволили епископамъ «по необходимой надобности» брать клириковъ изъ монаховъ [1]), и съ этого-то поставленія епископами монаховъ на низшія церковныя степени и начался входъ послѣднихъ въ клиръ (къ которому они сами вовсе не принадлежатъ). Послѣ перваго шага необходимо долженствовалъ быть сдѣланъ другой. Многіе изъ монашествующихъ, отличаясь высокимъ образомъ жизни, въ тоже время и столько же отличались высокимъ образованіемъ; предписанное епископамъ шестымъ вселенскимъ соборомъ [2]), а на практикѣ вошедшее въ обычай въ большей части греческой церкви и гораздо ранѣе [3]), разлученіе съ женами естественно должно было обратить мысли къ монахамъ, какъ къ такимъ людямъ, которые уже сами по себѣ и какъ міряне давали обѣтъ безбрачія: по всему этому ничего не могло быть натуральнѣе того, чтобы скоро увидѣли въ монахахъ одинаково съ клириками достойныхъ кандидатовъ и на высшую степень священства — въ епископы. Довольно долгое время, — въ продолженіе двухъ съ половиной столѣтій послѣ появленія монашества, — епископы были ставимы изъ монаховъ только въ видѣ исключенія, но въ половинѣ VI вѣка, при импер. Юстиніанѣ (525—565) они уже являются кандидатами въ епископы совершенно одинаковыми съ клириками [4]), затѣмъ скоро стало и господствующимъ обычаемъ ставить епископовъ не изъ клириковъ или бѣлаго духовенства, а изъ монаховъ (подъ тѣмъ, подразумѣвается, условіемъ, чтобы монахъ прошелъ всѣ низшіе степени клира, ибо міряниpermalink, каковъ есть монахъ самъ по себѣ, можетъ быть поставленъ въ епископы только при этомъ условіи).

Когда мы приняли отъ Грековъ христіанство, у послѣднихъ уже давно было преобладающимъ обычаемъ ставить епископовъ изъ монаховъ, а не изъ клириковъ или бѣлаго духовенства. Этотъ обычай, само собою разумѣется, заимствовали отъ Грековъ и мы, и несомнѣнно, что наибольшая часть и рѣшительное большинство нашихъ епископовъ періода до-монгольскаго были изъ монаховъ, при чемъ мы, какъ это было и ес-

---

[1]) 4 всел. соб. пр. 4. Cod. Theod. lib XVI t. II c. 32: Si quos forte episcopi deesse sibi clericos arbitrantur, ex monachorum numero rectius ordinabunt; non obnoxios publicis privatisque rationibus cum invidia teneant, sed habeant jam probatos.

[2]) Пр. 12.

[3]) См. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Свв. Отцевъ, т. 21, статью: «О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной», стр. 333.

[4]) Cod. I, 3, 53, новеллы 123-я и 137-я.

тественно, вдались противъ Грековъ въ большую крайность и исключительность [1]). Были однако и у насъ въ періодъ до-монгольскій хотя и немногіе случаи поставленія епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ. Такихъ случаевъ въ настоящее время пока извѣстно и всего четыре, именно — посвященія Иларіона въ митрополиты (1051 г.), Іоанна (1109 г.), Иліи (1164) и Гавріила (1185) въ епископы-архіепископы Новгородскіе. Мы сказали выше, что поставляли бѣлыхъ священниковъ въ епископы, предварительно постригая или не постригая ихъ въ монахи. Постригать бѣлаго священника въ монахи предъ поставленіемъ въ архіереи и считать это постриженіе необходимымъ для сего поставленія [2]), есть нѣчто такое, что понять весьма не легко. Собственно и строго говоря, архіерей есть не монахъ, а именно архіерей, только взятый изъ сословія монаховъ и перестающій быть монахомъ съ минуты своего посвященія, поелику архіерейство и монашество, какъ двѣ противоположности, не совмѣстимы между собою [3]). Такимъ образомъ, если и изъ самыхъ монаховъ поставленной

---

1) Ссылаются на слова князя Михаила къ Новгородцамъ, который, предлагая послѣднимъ въ 1229 г. избрать епископа, говорилъ: «сочите (ищите) таковаго мужа въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли» (Собр. Лѣтт. III, 45): но полагать на основаніи ихъ, будто бѣлые священники въ періодъ до-монгольскій у насъ считались одинаковыми кандидатами въ епископы съ монахами значило бы предполагать то, чему несомнѣнно рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ дѣйствительность. Слова эти показываютъ только, что бѣлые священники не совсѣмъ исключены были изъ кандидатовъ въ епископы.

2) Т. е. разумѣемъ не то, когда бѣлый священникъ самъ пострижется въ монахи и потомъ будетъ поставленъ въ архіереи, а то, когда онъ постригается въ монахи передъ поставленіемъ въ архіереи и именно для сего поставленія.

3) Правило каноническое говоритъ: «аще который епископъ или кто иной архіерейскаго сана восхощетъ снити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія, таковой впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства, ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства и начальствованія» (собора въ храмѣ св. Софіи пр. 2). Если архіерей, ставшій монахомъ, «лишаетъ себя архіерейскаго достоинства» и если «монашество прекращаетъ архіерейство» (употребляемъ выраженія Зонары и Вальсамона въ толкованіи на приведенное правило, у Ралли и П. II, 709 нач. и 710 нач.): то очевидно, что на оборотъ и монахъ, ставшій архіереемъ, перестаетъ быть монахомъ, ибо — и+или+и —, конечно, одно и тоже (а предсѣдающій не можетъ быть въ то же время покоряющимся и учащій учимымъ», Зонара ibid.). Cfr Іоанна Златоустаго о священствѣ слово 6-е, въ которомъ именно изображается разность священства и монашества. Архіереи изъ монаховъ носятъ монашеское одѣяніе и соблюдаютъ монашеское воздержаніе отъ извѣстныхъ родовъ пищи (а въ древности и волосы на головѣ носили по монашески, а не какъ мірскіе священники, о чемъ ниже). Не знаемъ, какъ повелось это — посредствомъ ли прямаго предписанія церкви или путемъ добровольнаго обычая (какъ будто гдѣ-то мы встрѣчали свидѣтельство, что первое, но къ сожалѣнію память въ настоящую минуту намъ не служитъ): это значитъ,

архіерей послѣ поставленія перестаетъ быть монахомъ, то постригать въ монахи бѣлаго священника предъ поставленіемъ въ архіереи значитъ постригать его за тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ же потомъ сложилъ съ себя монашество. А считать необходимымъ постриженіе въ монахи для поставленія въ архіереи значило бы ничто иное, какъ дѣйственность богоучрежденнаго таинства, каково священство, поставлять въ зависимость отъ того, что̀ имѣетъ происхожденіе просто человѣческое, каково монашество. Но и въ Греціи въ позднѣйшее время вошло въ обычай всѣхъ поставляемыхъ въ архіереи непремѣнно постригать предварительно въ монахи. Не знаемъ, когда обычай пріобрѣлъ значеніе настоящаго правила, но Сумеонъ Солунскій въ первой четверти XV вѣка говоритъ о немъ, какъ о рѣшительно господствующемъ, ибо по его словамъ поставляемые въ архіереи наибольшею частію (ἐπὶ πλέον) постригаются въ монахи и отъ поставляемыхъ не монаховъ это требуется церковію. [1]) У насъ въ Россіи,

---

что церковь предписываетъ архіереямъ, бывшимъ монахамъ или архіереямъ изъ монаховъ, удерживать и соблюдать то изъ монашескаго, что не несовмѣстимо съ архіерействомъ (У насъ погребаемые архіереи отпѣваются священническимъ, а не монашескимъ, чиномъ; слѣд. наша церковь не смотритъ на архіереевъ, какъ на монаховъ. Издавна идущій обычай нашихъ архіереевъ носить цвѣтное одѣяніе, — «пестрое духовенство», — какъ нужно думать, имѣетъ своимъ основаніемъ ихъ взглядъ на себя какъ не на монаховъ). — Священство не уничтожаетъ монашества въ іеромонахахъ, но послѣдніе суть священники особаго рода, священники не для пастырства, а только для совершенія церковныхъ службъ въ монастыряхъ (cfr Вальсамона въ томъ же толкованіи ibid. p. 710). — Издатели греческаго Пидаліона, стоящіе за нынѣшній взглядъ греческой церкви, что всякій, поставляемый въ архіереи, долженъ быть предварительно постригаемъ въ монахи, примм. къ 1 и 51 апос. прр., въ то же время признаютъ, что архіерейство и монашество, ἐναντία ὄντα ἀναμεταξὺ τῶν, ἡνωμένα νὰ εὑρίσκονται εἰς τὸν αὐτὸν καιρὸν, ἀδύνατόν ἐστι, — толк. на 2 пр. собора въ храмѣ св. Софіи: какимъ образомъ совершается тутъ у нихъ примиреніе, мы не понимаемъ.

[1]) De poenitentia cap. 266 и de sacerdotio, у Миня въ Патрол. t. 155 pp. 489 и 964. Никита Пафлагонскій въ жизни патр. Игнатія говоритъ о поставленіи въ патріархи Фотія: primo die monachus ex laico, altero lector, tum hypodiaconus и пр., Acta SS. Болландистовъ, Октября t. X p. 177 col. 2. Есть и еще свидѣтельства изъ времени Фотія, что Греки въ его время вообще постригали въ монахи поставлявшихся въ епископы изъ мірянъ (у Hergenröther'a въ Photius, Patriarch von Constantinop., ч. I, стрр. 379 и 680, — изъ писемъ папы Николая и изъ дѣяній Вормскаго собора 868 г.), но свидѣтельства неопредѣленныя и не совсѣмъ надежныя). На Константинопольскомъ соборѣ 879—880 г. восточные говорили посламъ папы по припятому чтенію дѣяній соборныхъ: εἰς τὴν ἀνατολὴν, εἰ μὴ ἐστι τις κεκαρμένος ἐν Χριστῷ, ἐπίσκοπος ἢ πατριάρχης οὐ γίνεται, т. е. на востокѣ, если кто не постриженъ во Христѣ, епископомъ или патріархомъ не бываетъ (у Гергенрётера ibid. ч. II, стр. 486), въ каковыхъ словахъ издатели греческаго Пидаліона (въ примѣч. къ апостольск. пр. 51) видятъ положительное доказательство, что въ половинѣ XI вѣка у Грековъ никого не поставляли въ архіереи безъ предварительнаго постриженія въ монахи. Но въ

если не съ самаго начала періода до-монгольскаго, то по крайней мѣрѣ въ концѣ его несомнѣнно господствовало то мнѣніе, что бѣлый священникъ, ставимый въ епископы, предварительно долженъ быть ставимъ въ монахи; Симонъ, епископъ Владимирскій, пишетъ Поликарпу: «Иларіона митрополита и самъ чёлъ еси въ житіи святаго Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства (разумѣется поставленіе въ митрополиты) сподобленъ бысть». Хотя Иларіонъ, былъ или не былъ постриженъ въ монахи предъ поставленіемъ въ митрополиты, о чемъ сейчасъ ниже, не могъ быть постриженъ Антоніемъ, который пришелъ съ Аѳона уже послѣ его поставленія; хотя самое житіе Антонія, на которое ссылается Симонъ, есть вещь загадочно-апокрифическая [1]): но во всякомъ случаѣ изъ приведенныхъ словъ Симона («и тако») слѣдуетъ то, что самъ онъ считалъ постриженіе монашеское необходимымъ для бѣлаго священника, ставимаго въ епископы. Что касается до нашихъ четырехъ указанныхъ случаевъ поставленія епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ, то объ Іоаннѣ Новгородскомъ ничего неизвѣстно, какъ онъ поставленъ [2]); митрополитъ Иларіонъ поставленъ былъ по всей или по крайней мѣрѣ по бо́льшей вѣроятности съ предварительнымъ постриженіемъ въ монахи, а Новгородскіе — Илія и Гавріилъ несомнѣнно были поставлены безъ этого предварительнаго постриженія. Отъ митрополита Иларіона сохранилось исповѣданіе вѣры, которое онъ написалъ и далъ предъ своимъ поставленіемъ. Подъ этимъ исповѣданіемъ по чтенію извѣстныхъ нынѣ списковъ онъ подписался: «азъ милостію человѣколюбиваго Бога мнихъ и презвитеръ Иларіонъ, отъ благочестивыхъ епископъ священъ быхъ» [3]) и проч. Хотя весьма возможная вещь, что слово мнихъ приписано послѣ, но все таки пока гораздо вѣроятнѣе думать, что оно есть подлинное слово подписи. Объ епископахъ Новгородскихъ Иліи и Гавріилѣ одна современная запись прямо и совершенно ясно свидѣтельствуетъ, что тотъ

приведенныхъ словахъ вмѣсто *μη* должно поставить *μεν*, ибо вся рѣчь читается: *εἰς ἀνατολὴν... οὐ γίνεται, ἡ δὲ δύσις καὶ τοὺς ὄντας μοναχοὺς κληρικοὺς ποιεῖ, τοῦτο δὲ ἡμεῖς οὐ γνωρίζομεν*, что будетъ значить: на востокѣ, если кто постриженъ во Христѣ, не бываетъ епископомъ или патріархомъ, а западъ дѣлаетъ клириками и сущихъ (настоящихъ, совершенныхъ) монаховъ, — сего мы не знаемъ. Такимъ образомъ въ приведенныхъ словахъ говорится и содержится свидѣтельство, что на Востокѣ не поставляли въ архіереи монаховъ, постриженныхъ въ великій ангельскій образъ или схиму.

[1]) О семъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о Патерикѣ.

[2]) Одна роспись Новгородскихъ владыкъ, Собр. лѣтт. III, 179, говоритъ: «лѣта 6616 поставленъ бысть епископъ Новуграду Иванъ попынъ (попинъ, попъ; въ Новгор. 3-й лѣтоп. ibid. стр. 213 ошибочно: попынинъ); Новгородская 2-я лѣтопись, ibid. стр. 122: «лѣта 6616 поставленъ бысть епископъ Новугороду Иванъ, попомъ жилъ 20 лѣтъ».

[3]) Прибавленій къ Твореніямъ Свв. Отцевъ ч. II, стр. 255.

и другой изъ нихъ приняли монашеское постриженіе (первый съ именемъ Іоанна, второй — Григорія) передъ самою смертію [1]).

Здѣсь, конечно, самое мѣсто вопросу: что̀ предпочтительнѣе или полезнѣе для церкви — архіереи изъ монаховъ, какъ это у насъ было и есть, или архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ, какъ бы этого желали многіе? Серьезный отвѣтъ на этотъ вопросъ вынудилъ бы насъ къ слишкомъ большому отступленію, а между тѣмъ исторія нисколько не пострадаетъ отъ того, что мы воздержимся отъ заявленія личнаго взгляда. Отлагая серьезный отвѣтъ до другаго мѣста, ограничимся здѣсь самымъ краткимъ отвѣтомъ и именно,—отвѣчая съ нѣкоторою, можетъ быть несовершенною, ясностію, за которую просимъ извиненія у читателя, скажемъ: очень можетъ быть, что придетъ время, когда архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ будутъ полезнѣе архіереевъ изъ монаховъ, — тогда это такъ и будетъ; но что касается до прошедшаго и до настоящаго времени, то мы того мнѣнія, что отъ самаго перваго и до самаго настоящаго времени архіереи изъ монаховъ предпочтительнѣе архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ; монашество имѣетъ свои спеціальные недостатки, которые отражаются въ архіереяхъ, но и мірская жизнь имѣетъ тѣ же спеціальные ей недостатки: полагаемъ, что и прошедшему и настоящему пока времени удобнѣе было и есть у насъ имѣть дѣло съ первыми недостатками, чѣмъ съ послѣдними...

Возвращаемся къ архіереямъ изъ монаховъ. Многіе, а какъ кажется— и большая часть думаютъ, что архіереи изъ монаховъ были выбираемы у насъ такъ сказать демократически, единственно по вниманію къ ихъ качествамъ и достоинствамъ и ни къ чему болѣе. Необходимо думать, что на самомъ дѣлѣ это было не такъ, что въ демократическомъ по идеѣ обществѣ монаховъ выдѣлялась аристократія, изъ которой преимущественно и браты были архіереи. Извѣстенъ оригинальный аргументъ,

[1]) Сунодальн. ркпп. по *Горск. и Невостр.* № 380 л. 189 обор., Описанія. Отд. III, стр. 269 fin, cfr Ипатск. лѣт. подъ 1166 г. Кромѣ четырехъ приведенныхъ нами примѣровъ указываютъ еще на одинъ примѣръ изъ періода до-монгольскаго. Въ 1214 г. епископъ Ростовскій Іоаннъ «отписася епископьи и пострижеся въ черньцѣ въ монастыри въ Боголюбовомъ» (Лавр. лѣт.): если постригся въ черницы, то заключаютъ, что поставленъ въ епископы изъ бѣлыхъ священниковъ. Но этотъ Іоаннъ до поставленія въ епископы былъ духовникомъ вел. князя (та же лѣт. подъ 1190 г.), а тогда было господствующимъ обычаемъ, какъ скажемъ ниже, чтобы духовники были изъ монаховъ, и потому «постригся въ чернцѣ» съ бо́льшею вѣроятностію тутъ значитъ, что послѣ малаго образа, который имѣлъ до архіерейства, постригся въ великій. Относительно женъ бѣлыхъ священниковъ, избиравшихся въ архіереи, если они были живы, импер. Исаакъ Ангелъ (1185—1195) предписываетъ, чтобы онѣ непремѣнно постригались въ монахини, давая знать, что прежде это не всегда было такъ (у Ралли и П. V. 321).

которымъ въ началѣ XVI вѣка преп. Іосифъ Волоколамскій защищалъ недвижимыя имущества нашихъ монастырей отъ секуляризаціи. «Аще у монастырей селъ не будетъ — говорилъ онъ между прочимъ, — како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти?» [1]) Это значитъ, что во времена Іосифа архіереевъ ставили изъ монаховъ, которые по своему мірскому происхожденію были изъ бояръ и вообще болѣе или менѣе сословныхъ и благородныхъ людей, — «изъ честныхъ фамилій». Есть вся вѣроятность думать, что это было такъ и въ періодъ до-монгольскій и съ самаго начальнаго времени. Во-первыхъ, этому совершенно естественно было случиться и быть само по себѣ. Въ настоящее время возводятся въ архіереи люди не изъ дворянства и не изъ высшаго сословія, но получившіе высшее образованіе, а крестьянинъ, какъ крестьянинъ, — всякій согласится, что въ архіереяхъ онъ будетъ не совсѣмъ на мѣстѣ. Человѣкъ изъ простаго сословія, но получившій достаточное образованіе, вступивъ въ высшее общество, тотчасъ же сдѣлается въ немъ своимъ; напротивъ простой человѣкъ, остающійся при своей простотѣ, будетъ въ немъ человѣкомъ, зашедшимъ, какъ говорится, совсѣмъ не туда. Архіереи по своему положенію принадлежали къ высшему сословію, вращались въ средѣ князей и знатнѣйшихъ бояръ: естественно, что они и избираемы были изъ монаховъ, принадлежавшихъ по рожденію къ высшему обществу, — изъ того же боярства, въ которое входили въ качествѣ архіереевъ. Можетъ быть, предполагаютъ, что въ древнее время уравнивало всѣхъ общее невѣжество; если такъ, то относительнымъ образомъ это совершенно несправедливо. Въ древнее время совсѣмъ не было у насъ образованія въ теперешнемъ смыслѣ, но было свое относительное образованіе, и это послѣднее, какъ увидимъ ниже, имѣли и могли имѣть главнымъ образомъ именно люди, и въ томъ числѣ монахи, изъ высшаго сословія. Во-вторыхъ, въ древнее время была специальная причина, по которой монахи изъ высшаго сословія должны были стать преимущественными, если не исключительными, кандидатами въ архіереи. Причина эта заключалась въ томъ, что въ архіереи могъ быть поставленъ только человѣкъ богатый. Въ Греціи съ весьма древняго времени ввелся обычай (разъяснять происхожденіе котораго намъ нѣтъ здѣсь нужды), что поставляемый въ архіереи долженъ былъ платить весьма большія пошлины поставляющему и его чиновникамъ (пошлина самому поставляющему — καθεδρατικὸν и ἐνθρονιαστικὸν, пошлина чиновникамъ — συνήθεια, что̀ буквально значитъ пошлина, ибо послѣдняя есть то, что пошло, что сдѣлалось обычнымъ). Импер. Юстиніанъ, желая положить предѣлы безмѣрности этихъ пошлинъ, въ од-

[1]) Прибавленій къ Творр. Свв. Отцевъ ч. X, стр. 505.

ной изъ своихъ новеллъ [1]) назначилъ ихъ размѣры. Сообразно съ доходами епархій поставляемыхъ, онѣ имѣли быть пяти разрядовъ или классовъ: высшій разрядъ 400 золотыхъ монетъ [2]), затѣмъ 300, 120, 42 и низшій 28 таковыхъ же монетъ. Такъ какъ золотую монету полагаютъ въ $20^1/_2$ франковъ [3]), то выйдетъ, что высшій разрядъ — 8200 франковъ, а низшій — 574 франка. Несомнѣнно однако, что въ дѣйствительности вовсе не слушались этого закона и что на самомъ дѣлѣ размѣры пошлинъ всегда значительно превосходили норму, имъ установленную. Такъ какъ русскія епархіи въ сравненіи съ греческими были чрезвычайно обширны, то болѣе чѣмъ вѣроятно за всѣ ихъ платилось по первому разряду. Восемь тысячъ франковъ узаконенныхъ, да если еще положить двѣ — три, а можетъ быть и всѣ четыре тысячи франковъ сверхъ закона, — это будетъ сумма очень почтенная; что въ Россіи дѣйствительно очень дорого обходилось поставленіе въ епископы, это свидѣтельствуютъ слова одной княгини, которая говорила, что для поставленія одного монаха въ епископы она не пожалѣла бы и тысячи гривенъ серебра [4]), которыя на наши деньги будутъ равняться 15 — 17 тысячамъ рублей серебра. Княгиня, употребляя круглую крупную сумму — «тысяча», конечно хочетъ сказать только, что она ничего бы не пожалѣла; но во всякомъ случаѣ изъ словъ ея ясно, что поставленіе въ архіереи должно было стоить совсѣмъ серьезныхъ денегъ. Монахи изъ простаго сословія и людей бѣдныхъ, если слишкомъ выдавались своими качествами и если князья желали имѣть ихъ епископами, конечно, очень легко могли быть поставляемы при помощи того простаго способа, что князья платили за нихъ сами. Но такъ какъ интересъ послѣднихъ требовалъ останавливаться на такихъ людяхъ, которые бы при добрыхъ качествахъ избавляли ихъ отъ необходимости чувствительныхъ издержекъ; такъ какъ, въ случаяхъ непредложенія кандидатовъ въ епископы князьями, митрополиты естественно останавливались на такихъ монахахъ, которые въ состояніи были бы заплатить за свое поставленіе: то и должно было по сейчасъ изложенной второй причинѣ случиться, чтобы въ епископы преимущественно избирались монахи по своему происхожденію изъ людей богатыхъ (Слишкомъ ловкіе отдѣльные монахи, по происхожденію изъ людей простаго званія и бѣдныхъ, могли попадать въ архіереи тѣмъ спо-

---

1) Новелла 123, гл. 3. Въ славянскомъ переводѣ въ Іосифовско-Никоновской Кормчей. гл. 42, л. 319 § 32.

2) Въ греческомъ подлинникѣ просто νόμισμα, т. е. монета, какъ употреблялось это имя о монетахъ золотыхъ; славянскіе переводчики вмѣсто общаго имени поставили частнѣйшее имя золотыхъ монетъ «перперы», греческое — τὰ ὑπέρπυρα.

3) Византій въ Κωνςαντινὄπ. III, 267.

4) Верхуслава Поликарпа, — у Симона въ Патерикѣ.

собомъ, что давали на себя обязательства, разумѣется — подъ условіемъ огромныхъ, обычныхъ тогда, процентовъ, выплачивать слѣдующія за поставленіе пошлины, послѣ сего послѣдняго изъ доходовъ епархій. Весьма вѣроятно, что въ видѣ исключенія такія случаи бывали. Но мы не ведемъ нарочитой о нихъ рѣчи потому, что не имѣемъ къ этому положительныхъ основаній въ положительныхъ свидѣтельствахъ).

По каноническимъ правиламъ избраніе епископа должно быть совершаемо соборомъ епископовъ митрополіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита [1]), безъ всякаго участія гражданской власти, вмѣшательство которой положительно воспрещается и признается противуканоническимъ [2]). Какъ было дѣло въ семъ отношеніи у насъ въ Россіи, мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія только за вторую половину до-монгольскаго періода и именно свѣдѣнія, состоящія въ томъ, что у насъ, вопреки канонамъ, избирали кандидатовъ въ епископы не митрополиты съ соборомъ епископовъ, а князья. Повелось ли это у насъ съ самаго начала или вошло въ обычай только съ теченіемъ времени и не вдругъ, остается неизвѣстнымъ, но есть основанія считать вѣроятнѣйшимъ послѣднее. Въ Новгородѣ епископы были не избиранные самими Новгородцами, а присыланные изъ Кіева, до первой половины XII вѣка. Въ лѣтописяхъ не говорится прямо, отъ кого они были присыланы — отъ великаго князя или отъ митрополита; но такъ какъ Новгородцы давно уже не принимали отъ великихъ князей и своихъ князей удѣльныхъ (выбирая ихъ сами), то вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что отъ послѣдняго, а не отъ перваго. Но если бы въ другихъ мѣстахъ съ давняго времени былъ обычай избирать епископовъ самимъ, то было бы совсѣмъ не понятно, какимъ образомъ и почему долгое время медлили послѣдовать этому обычаю другихъ въ Новгородѣ, гдѣ были всѣ причины, чтобы онъ явился самъ собой и ранѣе, чѣмъ у другихъ. Первое прямое извѣстіе о поставленіи епископа княземъ находимъ въ лѣтописи подъ 1126 годомъ [3]), за тѣмъ они идутъ непрерывно до конца періода, причемъ однако не мѣшаетъ замѣтить въ нихъ ту односторонность, что только указанное первое относится къ южной Руси, всѣ же прочія къ Руси сѣверной или Владимирской. По одному поводу находимъ высказаннымъ въ лѣтописяхъ общій взглядъ на дѣло и состоявшій именно въ томъ, что право избирать епископа приналдежитъ не митрополиту, а князю и гражданамъ. Въ 1185 году митрополитъ Никифоръ 2-й поставилъ-было епископомъ въ Ростовъ безъ сношенія съ великимъ кня-

---

[1]) 1 всел. соб. пр. 4; 4 всел. соб. пр. 28 sub fin; 7 всел. соб. пр. 3; Антіох. соб. прр. 19 и 23.

[2]) Апост. пр. 30, 7 всел. соб. пр. 3.

[3]) Марка въ Переяславль княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ, Лавр. лѣт.

земъ Всеволодомъ Юрьевичъ нѣкоего Николая Грека, но великій князь не принялъ послѣдняго и принудилъ митрополита поставить своего кандидата; по этому поводу авторъ одной лѣтописи [1]) замѣчаетъ отъ себя, что на святительскій чинъ достоинъ восходить только тотъ, «кого князь восхощетъ и людье», а другой лѣтописецъ [2]) заставляетъ великаго князя сказать митрополиту: «не избраша сего людье земли нашее.» Какимъ образомъ случилось, что избраніе епископовъ превратилось у насъ изъ дѣла церковнаго, какимъ оно долженствуетъ быть по канонамъ, въ дѣло земское,—лѣтописи не объясняютъ, ибо послѣднее, по ихъ мнѣнію, какъ мы сейчасъ видѣли, есть именно нормальное и законное. Самой вѣроятнѣйшей причиной представляется наша система удѣловъ. По мѣрѣ теченія времени удѣльные князья все болѣе и болѣе должны были сознавать свою и своихъ удѣловъ самостоятельность и независимость отъ Кіева и пріобрѣтать все бо́льшую и бо̀льшую охоту быть въ своихъ домашнихъ дѣлахъ совершенно самостоятельными; такимъ образомъ по мѣрѣ теченія времени имъ все менѣе и менѣе могло нравиться получать епископовъ назначенныхъ въ Кіевѣ, вслѣдствіе чего дѣло и кончилось наконецъ тѣмъ, что они присвоили ихъ избраніе себѣ самимъ. Выше мы дали знать, что изъ свидѣтелствъ объ избраніи епископовъ самими князьями только одно относится къ южной Руси, всѣ же прочія къ сѣверной. Очень возможно предполагать, что въ южной Руси до самаго конца періода было и такъ и иначе, т. е. что епископы избирались то самими князьями, то митрополитами, и что только сѣверная Русь, явившаяся представительницей принципа щекотливой власти, однажды присвоивъ себѣ право, уже потомъ ревниво и неуклонно охраняла его [3]). Которая система избранія должна быть признана лучшею, сказать трудно, и что касается до насъ, то мы склоняемся не на сторону земства, которое тутъ только красное слово и подъ которымъ въ дѣйствительности долженъ быть разумѣемъ самъ князь съ своими ближайшими совѣтниками и никто болѣе. При избраніи епископовъ митрополитами, князья всегда могли имѣть бдительный надзоръ надъ тѣмъ, чтобы митрополиты не допускали зло-

---

[1]) Лаврентьевской.

[2]) Ипатскій подъ 1183 г.

[3]) Гражданскіе законы греческіе относительно избранія епископовъ не совсѣмъ сходились съ правилами каноническими. По новелламъ Юстиніана 123, гл. 1 и 137, гл. 2 (Славянск. перев. въ Никоновск. Кормч. гл. 41 л. 318, § 28), повторенныхъ въ Delectus legum Льва и Константина tit. VIII, cap. 3, дѣло дожно было происходить такъ, что сначала клирики и лучшіе граждане подлежащаго города (κληρικοὶ καὶ πρῶτοι τῆς πόλεως) избирали трехъ кандидатовъ и только уже изъ этихъ трехъ избиралъ и поставлялъ митрополитъ. Очень можетъ быть, что князья наши знали эти законы и думали опираться именно на нихъ, самимъ себѣ присвояя право избранія епископовъ.

употребленій; а между тѣмъ при избраніи епископовъ ими самими была полная возможность дѣйствію всякихъ стороннихъ вліяній. Представлялось бы то, что князья должны были лучше знать достойныхъ людей, чѣмъ митрополиты; но послѣдніе должны были совершать избранія не единолично, а съ соборомъ епископовъ, а симъ послѣднимъ люди достойные могли быть извѣстны нисколько не менѣе, чѣмъ князьямъ.

Мы уже неоднократно давали знать выше, что огромное пространство нашихъ епархій должно было имѣть весьма значительное вліяніе на духъ и характеръ нашихъ архіереевъ. Вліяніе это, къ сожалѣнію, было не избѣжно, но оно было и могло быть не къ лучшему, а къ худшему. Архіерей по своей идеѣ не есть только административно-судебный чиновникъ надъ духовенствомъ бо̀льшаго или меньшаго округа, не имѣющій никакого отношенія къ мірскому населенію этого округа, но есть совершенно такой же пастырь сего послѣдняго, сколько всякій приходскій священникъ есть пастырь своихъ прихожанъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ есть не только пастырь, но и архипастырь, т. е. не только самъ пастырь, но и начальникъ надъ другими пастырями. По сей именно идеѣ первоначально каждая отдѣльная церковная община, малая или большая, или каждый отдѣльный приходъ имѣлъ непремѣнно своего епископа. Уничтоженіе епископовъ сельскихъ и оставленіе только городскихъ, съ образованіемъ епископскихъ округовъ или приходовъ [1]) такъ, чтобы они обнимали города съ уѣздами, было собственно посягательствомъ на архіерейство, какъ на пастырство. Но такъ какъ въ Греціи остановились на этомъ и не пошли далѣе, то посягательство, не проведенное слишкомъ далеко, не имѣло своимъ слѣдствіемъ того, чтобы совершенно разрушить архіерейство, такъ пастырство. Архіерей вмѣсто одного прихода ставшій пастыремъ цѣлаго округа приходовъ, конечно, не могъ уже для всѣхъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ для одного. Но въ Греціи уѣзды были весьма малы, такъ что епархіи въ ихъ новомъ объемѣ, послѣ уничтоженія епископій сельскихъ, сдѣлались приблизительно равны не болѣе, какъ нашимъ благочиніямъ. Архіерей такого малаго округа еще въ значительной степени сохранялъ возможность остаться истиннымъ пастыремъ своей паствы. Свои сравнительно весьма малыя епархіи архіереи имѣли полную возможность обходить ежегодно; обходя ихъ, они имѣли полную возможность останавливаться въ каждомъ селеніи на болѣе или менѣе продолжительное время, такъ что, — какъ положительно вмѣняетъ имъ это въ обязанность одинъ императорскій указъ, — могли посѣтить по одиночкѣ домы всѣхъ своихъ пасомыхъ, не исключая и хижинъ бѣдняковъ, чтобы съ каждымъ пастырски обо всемъ побесѣдовать

---

[1]) Епископскіе округи, какъ уже мы говорили, назывались не епархіями, что̀ означало округъ митрополіи, а именно приходами — *παροικία*.

и каждаго наставить на путь благочестія [1]). Находясь отъ своего архіерея не за сотни верстъ, а много — много верстахъ 15—20-ти, всѣ христіане его епархіи имѣли полную возможность обращаться къ нему со всѣми своими дѣлами и нуждами, требующими его пастырскаго благословенія и наставленія. Такимъ образомъ, для мірянъ своихъ епархій архіереи въ Греціи и до позднѣйшаго времени остались истинными пастырями и не превращались въ ихъ представленіи во что-то такое, что засажено въ губернскомъ городѣ за двѣнадцатью стеклами, что «для насъ недоступно и не имѣетъ къ намъ никакого отношенія» и что существуетъ единственно на страхъ и грозу попамъ...

По отношенію къ священникамъ или пресвитерамъ архіереи, собственно говоря, вовсе не суть высокіе начальники и грозные судьи, которыхъ послѣдніе обязаны только трепетать. Пресвитеры собственно суть духовные сопачальники епископовъ надъ духовными подчиненными, которые суть міряне. Въ первенствующей церкви, какъ мы говорили, вовсе не было такихъ приходовъ, въ которыхъ бы были одни пресвитеры, но каждый приходъ имѣлъ епископа и при немъ соборъ или коллегію пресвитеровъ. Одинъ вмѣстѣ съ другими, но никакъ не одинъ безъ другихъ, составляли духовное начальство общины; архіерей былъ въ этомъ соборѣ или въ этой коллегіи президентомъ, пресвитеры — членами и совѣтниками [2]). Когда уничтожены были сельскіе епископы и сельскія церковныя общины или приходы подчинены были вѣдѣнію епископовъ городскихъ; когда въ самыхъ городахъ, изъ которыхъ каждый первоначально, былъ ли онъ великъ или малъ, представлялъ изъ себя только одинъ приходъ, ибо въ нихъ, такъ же, какъ въ селахъ епископы съ пресвитерами составляли по одной нераздѣльной коллегіи, явились прихо-

---

[1]) Новелла императ. Алексѣя Комнена, у Ралли и П. V, 303. «Апостолы не для инаго чего обходили вселенную, какъ для того, чтобы преподавать правое проповѣданіе всѣмъ людямъ. Итакъ, должно и архіереямъ, которые наслѣдовали ихъ честь, каждому подобнымъ образомъ дѣлать въ своемъ округѣ, поелику не служитъ къ униженію архіерея, а напротивъ къ величайшей чести, если онъ взойдетъ и въ хижину бѣдняка, обстоятельно познакомится съ его положеніемъ и направитъ его на путь благочестія, ибо такой архіерей дѣлается подражателемъ учениковъ Христовыхъ и Самого Христа, и этимъ преимущественно исполняетъ обязанность архіерейскаго званія. И «канониконъ» (κανονικόν — подать архіеріямъ съ мірянъ епархіи, о которой ниже) для того назначенъ архіереямъ, чтобы каждый, обходя (епархію) и уча, отъ него питался. Итакъ, пусть знаетъ всякій архіерей, что онъ облеченъ на этотъ духовный трудъ и онъ долженъ это исполнить, какъ и блаженные оные отцы (древніе архіереи) и самые божественные апостолы во всю жизнь творили это».

[2]) Примѣчаніе къ сей часъ сказанныхъ нами словамъ вышло у насъ слишкомъ велико, и поэтому мы печатаемъ его на концѣ главы, вмѣстѣ съ приложеніями.

ды въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. явились особыя церкви, къ которымъ отъ собора пресвитеровъ, состоящаго при епископахъ, начали быть отряжаемы и назначаемы особые завѣдующіе и настоятели [1]): тогда явились пресвитеры не состоящіе при епископахъ, но живущіе отъ нихъ отдѣльно. Это выбытіе нѣкоторыхъ пресвитеровъ изъ собора пресвитерскаго, находившагося при епископѣ, нисколько не означало въ сущности пониженія этихъ пресвитеровъ и ихъ нисхожденія въ рядъ простыхъ подчиненныхъ. Въ одной большой общинѣ (епископіи) явилось нѣсколько частныхъ общинъ (приходовъ въ теперешнемъ смыслѣ) и этими послѣдними начали завѣдывать отдѣльныя лица изъ той коллегіи начальниковъ, которая стояла во главѣ большой общины; ясно, что это собственно—не подчиненные, а отдѣльные представители и уполномоченные центральнаго начальства. Но въ то же время эти пресвитеры, находившіеся на частныхъ участкахъ (приходахъ) по самому своему положенію подвергались опасности низойти на степень простыхъ подчиненныхъ. Центральное начальство, котораго они были частными представителями, естественно, должно было имѣть надъ ними надзоръ. Надзору надъ сотоварищами, каковы были пресвитеры на отдѣльныхъ приходахъ по отношенію къ епископу съ находящимся при немъ соборомъ пресвитеровъ, легко было превратиться, по мѣрѣ теченія времени, въ надзоръ надъ подчиненными, а такимъ образомъ и симъ пресвитерамъ оказаться по отношенію къ епископіи не болѣе какъ ихъ простыми подчиненными, это превращеніе священниковъ приходскихъ изъ сотоварищей и соначальниковъ въ подчиненные случилось и въ Греціи. Но здѣсь, благодаря именно той же малости епархій, дѣло опять остановилось на полдорогѣ и не дошло до своей крайности. Приходскіе священники стали подчиненными, но при малости епархій они всѣ были такъ близки къ епископу, всѣ такъ часто видѣлись и обращались съ нимъ и въ епископіи, въ которую приходили къ нему, и въ своихъ собственныхъ приходахъ, въ которые онъ приходилъ къ нимъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ однихъ къ другимъ навсегда должна была уцѣлѣть и остаться весьма значительная доля простоты и близости, при которыхъ не могло быть и помину о томъ, чтобы начальникъ вознесся на недосягаемую высоту, а подчиненный нисъ палъ въ неизмѣримую глубину, чтобы одинъ сталъ олицетвореніемъ грозной власти, а другой — рабской приниженности и рабскаго трепета. Въ Греціи приходскіе священники стали лицами подчиненными архіреямъ, но подчиненіе установилось въ возможно лучшемъ видѣ этого по-

---

[1]) О происхожденіи приходовъ въ теперешнемъ смыслѣ см. у Бингама Antiquitt. Ecclesс. vol. 3 p. 593 sqq (lib. IX cap. VIII § 2). Къ вопросу о времени появленія этихъ приходовъ прибавимъ, кажется, не указанное Бингамомъ: Гангр. соб. пр. 6 и Сокр. Hist. Eccl. l. VII c. 36.

слѣдняго, избѣжавъ по возможности всего, что̀ есть въ немъ худаго и крайняго.

Не то должно было случиться съ отношеніями архіереевъ къ ихъ паствамъ и къ ихъ духовенствамъ у насъ въ Россіи въ слѣдствіе обширности нашихъ епархій. Епархіи наши были такъ обширны, что для большей части своихъ паствъ архіереи наши не имѣли физической возможности быть пастырями, ибо не имѣли возможности видѣть тѣхъ, кого надлежало пасти. Средство для пастырскаго общенія архіереевъ съ ихъ паствами представляли объѣзды епархій. Но, при обширности послѣднихъ, архіереи могли совершать ихъ только такимъ образомъ, чтобы быть далеко не во всѣхъ селеніяхъ, а только въ центральнѣйшихъ пунктахъ, и останавливаться въ каждомъ мѣстѣ не на болѣе или менѣе продолжительное время, а только на такой короткій срокъ, чтобы увидѣть толкущуюся толпу пасомыхъ и ничего болѣе. При малости епархій архіереи безъ всякихъ неудобствъ для текущихъ дѣлъ управленія и безъ всякихъ неудобствъ для людей, имѣвшихъ настоятельную нужду ихъ видѣть, могли отсутствовать изъ мѣстъ своего обычнаго пребыванія или изъ своихъ каѳедральныхъ городовъ на болѣе или менѣе продолжительное время, ибо было незатруднительно для нихъ непрерывное дѣятельное сношеніе съ каѳедрами и всѣмъ имѣвшимъ настоятельную въ нихъ нужду легко было ихъ найдти: напротивъ, при обширности епархій архіереи должны были настоятельно заботиться о томъ, чтобы по возможности менѣе продолжительное время нахотиться въ отлучкѣ отъ каѳедръ и изъ мѣстъ обычнаго пребыванія. Такимъ образомъ вообще—при обширности нашихъ епархій, объѣзды архіереевъ могли быть только весьма быстрыми проѣздами по центральнымъ пунктамъ и ни чѣмъ болѣе. Составляя трудъ, объѣзды нисколько не достигали своей. цѣли, и поэтому были архіереями нашими оставлены. Слѣдовательно, архіереи наши могли и имѣли возможность быть истинными пастырями только для незначительныхъ, ближайшихъ къ нимъ, частей ихъ епархій. Но человѣкъ устроенъ такъ, что если для него невозможно все, то онъ нисходитъ («съѣзжаетъ»—если только позволительно въ данномъ случаѣ это тривіальное выраженіе) на ничто. Человѣкъ по своей слабости болѣе наклоненъ къ ничему, чѣмъ къ чему-нибудь, и ему нужны только предлогъ и извиненіе для того, что бы онъ поспѣшилъ послѣдовать своей склонности; въ томъ обстоятельствѣ, что для него невозможно все, онъ находитъ таковые предлогъ и извиненіе и, хватаясь за нихъ, быстро приходитъ къ этому ничто, къ которому его влечетъ его природа. Архіереи наши были совершенно такіе же люди, какъ всѣ люди, и помянутый нами законъ наклонности болѣе ни къ чему, чѣмъ къ чему нибудь долженъ былъ имѣть и надъ ними всю свою силу. Невозможность быть пастырями для всѣхъ предоставляла дѣло ихъ собственной воли,—мѣрѣ

и степени ихъ собственнаго усердія. Но предоставленные самимъ себѣ и находя предлоги оправдывать свое не особенное усердіе, они, по указанному нами закону человѣческой природы, и кончили тѣмъ, что медленнѣе или скорѣе свели возможное нѣчто на болѣе удобное ничто. Не имѣя возможности быть дѣйствительными пастырями для всѣхъ, архіереи наши все меньше и меньше заботились о томъ, чтобы быть таковыми пастырями нѣкоторыхъ и кончили тѣмъ, что со всѣмъ перестали быть ими, ставъ какъ бы не существующими для паствъ и оставшись только высшими церковными чиновниками, окружными начальниками приходскихъ духовенствъ.

На характеръ отношеній архіереевъ къ подчиненнымъ имъ приходскимъ духовенствамъ обширность нашихъ епархій должна была вліять также далеко не съ хорошей стороны. Совершенно естественно, что—чѣмъ обширнѣе область, тѣмъ и начальникъ сознаетъ себя бо́льшимъ начальникомъ. Но епархіи наши не были тѣми крошечными областями, представляющими собой не болѣе какъ волости или станы, каковы были епархіи въ Греціи; онѣ были такъ обширны, что не только обнимали цѣлыя удѣльныя княженія, но даже по нѣскольку этихъ послѣднихъ. Совершенно естественно и извинительно было поэтому явиться у нашихъ архіеревъ гораздо большему духу власти, нежели какъ это было въ Греціи. Чѣмъ болѣе извѣстной категоріи начальниковъ, тѣмъ менѣе они сознаютъ свою власть и свое значеніе и, наоборотъ, чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ они выше и тѣмъ они болшіе начальники. Въ имперіи греческой, которая развѣ немногимъ превосходила относительно пространства нашу тогдашнюю Россію, число архіереевъ восходило до многихъ сотенъ;[1]) у насъ же, на немного меньшемъ, а можетъ быть даже и не меньшемъ, пространствѣ архіееревъ было и всего — сначала 8, а къ нашествію Монголовъ 15: естественно, что у нашихъ архіереевъ должно было явиться совсѣмъ иное сознаніе своей власти, чѣмъ у послѣднихъ.

Обширность епархій, съ другой стороны, и подчиненное духовенство должно было приводить къ тому, чтобы и оно само и добровольно усвояло все большую и большую власть своимъ архіереямъ. Подчиненный тѣмъ свободнѣе и непринужденнѣе чувствуетъ себя съ своимъ начальникомъ, чѣмъ чаще съ нимъ видится и чѣмъ болѣе обращается; напротивъ онъ со страхомъ и трепетомъ предстаетъ передъ него, если ему приходится видѣть его слишкомъ рѣдко. При обширности нашихъ епар-

[1]) При импер. Юстиніанѣ, по Синекдему Гіерокла, въ Греціи было 64 губернскихъ и 935 уѣздныхъ городовъ, слѣдов. столько же было и епископовъ. Послѣ Юстиніана, вѣроятно, много городовъ, а съ ними и епископій, перестало существовать отъ набѣговъ варварскихъ. Но все-таки число послѣднихъ продолжало оставаться очень большимъ: на Константинопольскихъ соборахъ при Фотіи присутствовало епископовъ — 861 г. болѣе 300. 879 — 880 г. слишкомъ 380.

хій, священники наши могли видѣть своихъ архіереевъ только весьма рѣдко, хотя, какъ увидимъ ниже, и чаще нынѣшняго. Естественно, что уже они сами, никѣмъ не нудимые, представали предъ архіереевъ не иначе, какъ съ самымъ крайнимъ смиреніемъ и униженіемъ, и это тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, рѣшительное большинство ихъ, какъ увидимъ ниже, было не только безъ всякаго образованія, которое пробуждаетъ сознаніе своего достоинства, но едва-едва грамотные, а съ другой стороны — что всѣ они по своему происхожденію были изъ класса самаго невысокаго. Такимъ образомъ, обширность нашихъ епархій должна была приводить къ тому, чтобы съ одной стороны, архіереи наши поддались духу властительства или высоковластія, а съ другой стороны — чтобы подчиненное имъ духовенство исполнилось духа особеннаго смиренія и рабства. Слѣдствіемъ того и другаго у насъ было то, что архіерей, какъ начальникъ священниковъ, сталъ по отношенію къ нимъ слишкомъ высоко и недоступно, —что священники, какъ подчиненные архіерея, стали по отношенію къ нему слишкомъ низко и приниженно.

Итакъ, пастыри своихъ паствъ болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ, слишкомъ высокіе начальники своихъ подчиненныхъ — таковыми явились у насъ архіереи.

Причиной этого грустнаго факта должна быть считаема впрочемъ не исключительно одна только обширность нашихъ епархій, но и еще нѣчто другое, болѣе существенное и болѣе, если такъ можно выразиться, органическое, именно — что, при переходѣ на новую почву, архіерейство отъ этого самаго должно было потерпѣть значительное измѣненіе къ худшему, что на новой почвѣ оно, такъ сказать, должно было нѣсколько выродиться. Въ Греціи, гдѣ именно впервые и явилось христіанство, духъ преданія въ архіерействѣ непрерывно шелъ отъ временъ апостольскихъ. По мѣрѣ теченія времени и тамъ архіерейство не восходило все къ большему и большему совершенству, а удалялось все больше и больше отъ первоначальнаго совершенства. Но тамъ помянуый духъ непрерывнаго преданія, хотя съ теченіемъ времени умалившись и ослабѣвъ, все-таки остался въ архіерействѣ съ тѣмъ, чтобы благотворно въ немъ дѣйствовать и чтобы представлять собою противодѣйствіе рѣшительному вторженію инаго духа. Перенесенное къ намъ, архіерейство стало у насъ совершенно вновѣ, ибо переносятся учрежденія, но не переносится духъ. Такимъ образомъ у насъ архіерейство должно было совершенно вновь создать себѣ свой духъ и характеръ или совершенно вновь слагать себя въ нравственный типъ. Безъ всякой подкладки добраго преданія люди были предоставлены самимъ себѣ. Но человѣкъ, предоставленный самому себѣ, всегда и вездѣ оказывается человѣкомъ, — всегда въ этомъ случаѣ онъ наклоненъ поставить дѣло такъ, чтобы обязанностей взять какъ можно менѣе, а наоборотъ власти присвоить какъ можно болѣе. Обшир-

ность нашихъ епархій представляла извиненіе нашимъ епископамъ въ первомъ случаѣ и невольно ихъ влекла къ сверхдолжному во второмъ. Люди оказались людями, и такимъ образомъ одно въ соединеніи съ другимъ — извиняющія и располагающія обстоятельства вмѣстѣ съ естественной, ничѣмъ не задержанной, наклонностію воспользоваться ими, и произвели то, что архіерейство наше сложилось въ нравственный типъ, значитело отличный отъ типа греческаго, что по отношенію къ мірскимъ населеніямъ своихъ епархій они стали пастырями болѣе въ смыслѣ отвлеченномъ и духовномъ, чѣмъ дѣйствительномъ,—что по отношенію къ подчиненнымъ духовенствамъ они стали начальниками слишкомъ высоко стоящими и многовластными, далеко болѣе должнаго грозными и страшными.

Ничто не бываетъ вдругъ. И архіереи наши, разумѣется, не съ разу явились такими, какими мы ихъ потомъ видимъ. Но несомнѣнно то, что они начали становиться такими еще съ самаго начала или еще въ періодъ Кіевскій и что архіерейство наше позднѣйшее не есть что либо новое противъ архіерейства древнѣйшаго, но что непрерывная исторія его восходитъ къ самому началу. Впослѣдствіи на Москвѣ явились и еще обстоятельства, которыя должны были дѣйствовать на нашихъ архіеереевъ въ томъ же направленіи, но эти обстоятельства только прибавили дѣла и не могутъ быть считаемы первыми причинами, изъ которыхъ долженъ быть изъясняемъ характеръ нашего архіерейства.

Вышеприведенныя наши рѣчи клонятся не къ тому, чтобы обвинять нашихъ архіереевъ, а къ тому, чтобы разъяснять факты. Къ оправданію нашихъ архіереевъ можетъ служить примѣръ архіереевъ западныхъ. Съ людей образованныхъ спрашивается болѣе, чѣмъ съ необразованныхъ; наши архіереи были необразованы, тогда какъ западные были люди образованные. Но и эти послѣдніе стали (поставили себя) въ такія же отношенія къ паствѣ и подчиненному духовенству, какъ и наши.

Въ настоящее время у насъ переводятъ архіереевъ съ каѳедры на каѳедру въ видѣ повышенія или вообще по соображеніямъ административнымъ. Этотъ обычай, имѣющій въ основаніи своемъ взглядъ на архіереевъ, какъ на чиновниковъ и устраняющій взглядъ на нихъ, какъ пастырей, нрипадлежитъ только текущему Петербургскому періоду. Правила каноническія строго воспрещаютъ безпричинныя перемѣщенія архіереевъ съ каѳедры на каѳедру [1]) и дозволяютъ это только по винамъ благословнымъ, когда можетъ произойти отъ сего особенная польза для населенія епархіи. [2]) Въ древней Руси по примѣру древней Греціи и

---

[1]) Вселенск. 1-го соб. пр. 15, Сардик. соб. пр. 1.

[2]) Апост. пр. 14. При этомъ нѣкоторые толкователи (Арменопулъ, Ἐπιτομὴ τῶν κανόνων, τμῆμ. ά ἐπίγρ δ') и, какъ кажется справедливо, разумѣютъ перемѣщеніе не навсегда, а на время, для временнаго завѣдыванія епархіей (какъ Григорій Богословъ завѣдывалъ епархіей Константинопольской).

во всей старой Руси вопреки примѣру позднѣйшей Греціи вовсе не было обычая перемѣщать архіереевъ съ каѳедры на каѳедру.[1])

Выше мы не сказали объ уровнѣ просвѣщенія или о степени просвѣщенности нашихъ архіереевъ періода до-монгольскаго. Объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить вообще о нашемъ просвѣщеніи въ продолженіе настоящаго періода, гдѣ рѣчь о семъ будетъ болѣе удобною.

Отъ самихъ архіереевъ обращаемся къ органамъ или чиновникамъ ихъ епархіальнаго управленія.

Первоначально, когда каждая церковная община во главѣ собора пресвитерскаго имѣла своего епископа, епархіальнаго начальства надъ самымъ духовенствомъ не было и не могло быть, ибо все оно, состоя при епископѣ, представляло изъ себя одну корпорацію духовнаго или церковнаго начальства, имѣющую духовными подчиненными себѣ міранъ епархій или общинъ. Когда явились приходы въ собственномъ смыслѣ, съ одной стороны — чрезъ уничтоженіе сельскихъ епископовъ, а съ другой — чрезъ учрежденіе таковыхъ и въ самыхъ городахъ, и когда такимъ образомъ, въ лицѣ пресвитеровъ сихъ послѣднихъ, явились по епархіямъ подчиненные изъ самаго духовенства: то епархіальное начальство стали или остались составлять епископъ съ соборомъ пресвитеровъ, находившихся при немъ самомъ или при его каѳедрѣ. Епископъ съ находящимся при немъ или каѳедральнымъ соборомъ пресвитеровъ — въ такомъ видѣ епархіальное начальство существовало довольно долгое время [2]). Такъ какъ

---

[1]) Въ послѣмонгольской Руси исключая отступленіе отъ сего при замѣщеніи самой каѳедры митрополичьей — патріаршей, каковое отступленіе могло быть подводимо подъ указанное апостольское правило. Въ Греціи перемѣщенія архіереевъ съ каѳедры на каѳедру, не въ видѣ впрочемъ нашего нынѣшняго какъ бы непремѣннаго правила, начались давно, см. у Ралли и П. V, 116 и 391, въ Пидаліонѣ примѣчч. къ апост. пр. 14-му и Сардик. соб. 1-му.

[2]) Такъ какъ штаты священниковъ при каѳедральныхъ архіерейскихъ соборахъ были въ Греціи, судя по Константинопольской св. Софіи, очень велики, то должно думать, что совѣты епископовъ составляли не всѣ эти священники, а старшіе между ними въ извѣстномъ, опредѣленномъ числѣ; иначе было бы неудобно и для всякихъ дѣлъ должны были бы собираться чуть не цѣлые соборы (императоръ Юстиніанъ назначаетъ штатъ священниковъ св. Софіи въ 60 человѣкъ, — Новелла 3 гл. 1 sub fin., а императоръ Ираклій, † 641, въ 80 человѣкъ, у Ралли и П. V, 231, cfr Номокан. Фотія тит. 1 гл. 30, — ibid. 1, 69. Когда нашъ Антоній Новгородскій увѣряетъ, что «у святыя Софіи 3000 поповъ» и что изъ нихъ 500 штатныхъ получающихъ ругу, — Константиноп. Паломникъ по изд. Саввантова стр. 173,—о штатныхъ попахъ сравн. Новеллу Алексѣя Комнена у Ралли и П. V, 295: ἔμβαθμοι κληρικοὶ καὶ περισσοὶ—но на его показаніе, вѣроятно, нужно смотрѣть такъ же, какъ на показанія другихъ нашихъ паломниковъ, будто св. Софія «имать дверей 365, також и престоловъ», — Стефанъ Новгор.).

въ Греціи епархіи, и послѣ ихъ расширенія, происшедшаго отъ уничтоженія сельскихъ епископовъ, были все-таки малы, то тамъ не было никакой нужды въ уѣздномъ духовномъ начальствѣ, соотвѣтствующемъ нашимъ духовнымъ правленіямъ или благочиннымъ, ибо тамъ каждый епископъ остался въ полной возможности надзирать надъ всею епархіею самъ непосредственно [1]).

При архіереяхъ съ соборами пресвитеровъ, которые составляли правительственную и судебную власть церковную, съ весьма ранняго времени начали появляться разные исполнительные чиновники, которые отчасти были изъ числа самихъ же пресвитеровъ [2]), а преимущественно, и въ позднѣйшее время, кажется,—исключительно, изъ діаконовъ [3]). Эти исполнительные чиновники, первоначально подручные архіереямъ съ соборами пресвитеровъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтали все больше и больше значенія и въ заключеніе окончили тѣмъ, что совсѣмъ замѣнили собою пресвитеровъ, сами ставъ на мѣсто этихъ послѣднихъ и изъ исполнительныхъ чиновниковъ превратились въ сановниковъ [4]). Послѣ такой

---

1) Не было впрочемъ чиновниковъ уѣздныхъ, постоянно жившихъ въ уѣздахъ, но были чиновники странствующіе, посылавшіеся отъ епископовъ или визитаторы,—это періодевты (*περιοδευταὶ*, отъ *περιοδεύω*, собственно обхожу, а не собственно—врачую, исправляю, ибо въ классической древности періодевтами назывались странствующіе лекаря). Бывъ священниками и не имѣя собственныхъ приходовъ, періодевты обходили епархіи, чтобы производить надзоръ и устроять дѣла церковныя (*περιοδευταὶ δὲ λέγονται, διὰ τὸ περιέρχεσθαι καὶ καταρτίζειν τοὺς πιστοὺς, μὴ ἔχοντας καθέδραν οἰκείαν*, — Зонара въ толков. на 57 пр. Лаодик. соб., у Ралли и П. III, 223, *οὗτοι περιοδεύουσι καὶ ἐπιτηροῦσι τὰ ψυχικὰ σφάλματα καὶ καταρτίζουσι τοὺς πιστοὺς*, — Вальсам. ibidd). Въ позднѣйшее время періодевты стали называться екзархами (*περιοδευταὶ δὲ εἰσιν οἱ σήμερον προβαλλόμενοι παρὰ τῶν ἐπισκόπων ἔξαρχοι*, Вальсам. ibidd., cfr Дюканжа Gloss. Graecit. подъ сл. *περιοδευτής*).

2) Вѣроятно, тѣхъ младшихъ, которые не были членами архіерейскихъ совѣтовъ, см. второе примѣчаніе выше.

3) *Ὀφφίκια ἐκκλησιάςικα*, Трулльск. соб. пр. 7. *Ὀφφίκιον* отъ лат. officium—должность вообще, а въ частности должность низшаго исполнительнаго чиновника при большемъ чиновникѣ (офиціалъ, cfr Дюканжа Gloss. Latinit.). Георгій Кодинъ, писавшій въ половинѣ XV вѣка, увѣряетъ, что наши чиновники, въ его время бывшіе уже сановниками, о чемъ сейчасъ ниже, первоначально всѣ были изъ презвитеровъ,—De officiis Constantinopolitanis, гл. 9, въ Патр. Миня t. 157 p. 84; но это ошибочно. Видя передъ собою сановниками діаконовъ, которые, какъ таковые, возвышались надъ презвитерами, и думая, что эти сановники всегда были сановниками, Кодинъ, естественно, находилъ необычнымъ, что діаконы стали выше презвитеровъ; не зная, какъ на самомъ дѣлѣ это случилось, онъ и предполагаетъ, что первоначально сановниками были презвитеры, а потомъ придумываетъ благословную причину случившейся перемѣны, которая ibidd. и которая въ существѣ не объясняетъ ничего.

4) Изъ *ὀφφίκια*—*ἀρχοντικία*,—Зонара и Вальсам. въ толков. на 7 пр. Трулльск. соб., у Ралли и П. II, 321 и 322.

совершившейся перемѣны, епархіальное начальство начали представлять изъ себя архіерей и находящійся при немъ штатъ разныхъ наименованій духовныхъ чиновниковъ или сановниковъ. Полное число главныхъ между этими чиновниками, завѣдывавшихъ отдѣльными частями епархіальнаго управленія и имѣвшихъ при себѣ болѣе или менѣе многочисленныя канцеляріи, [1]) по правилу и по обычаю церкви Константинопольской, долженствовало быть шесть, именно: великій экономъ, завѣдующій всѣми имѣніями и всѣмъ хозяйствомъ епископіи; великій сакелларій [2]) — начальникъ мужскихъ и женскихъ монастырей, наблюдающій за ихъ нравами и хозяйствами; великій скевофилаксъ — хранитель и начальникъ каѳедральной ризницы, распорядитель по церкви относительно ея чистоты, убранства, освѣщенія и пр., въ случаѣ небытности въ приходскихъ церквахъ [3]) священниковъ, имѣющій подъ своимъ охраненіемъ ризницу и все имущество сихъ послѣднихъ; великій хартофилаксъ [4]), чиновникъ самый важный, отчасти вѣдавшій дѣла епархіальнаго управленія, каково производство въ церковныя степени, а за тѣмъ — выражаясь по нынѣшнему — епархіальный юрисконсультъ и епархіальный судія во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ; сакеллій или просто сакелларій — подобный великому сакелларію, начальникъ приходскихъ церквей съ ихъ имѣніями и епископской для наказуемыхъ священниковъ темницы; протекдикъ — оффиціальный защитникъ со стороны церкви всѣхъ ищущихъ ея защиты (о чемъ ниже), въ особенности рабовъ отъискивающихъ свободу, а также епископскій судія для всѣхъ мірянъ, которые вмѣсто гражданскихъ судовъ добровольно обращались къ суду церкви [5]) (о чемъ также ниже).

Когда случилось въ Греціи, что сейчасъ указанные нами чиновники замѣнили собою въ епархіальномъ управленіи соборъ каѳедральныхъ пресвитеровъ, пока остается точно неизвѣстнымъ. Въ началѣ XIII вѣка это

---

[1]) Приказы — σεκρέτα (латинск. secretum), Вальсам. у Ралли и П. IV, 533 sub fin. (порусски σεκρέτον буквально—таинница, какъ и переводилось въ древнее время, — «таинница царева»).

[2]) Σακελλάριος отъ σάκελλον, которое есть латинск. sacellum — мѣшокъ для храненія денегъ, мѣсто для храненія денегъ, казначейство; сакелларій собственно казначей (т. е. нужно думать, что въ древнѣйшее время его обязанности были иныя, чѣмъ въ позднѣйшее; у императоровъ сакелларій и въ позднѣйшее время — казначей).

[3]) Которыя по своему происхожденію какъ бы филіалы каѳедральной епископской.

[4]) Собственно — дѣлохранитель, архиваріусъ.

[5]) Протекдикъ причисленъ къ пяти первымъ въ позднѣйшее время (у Ралли и П. V, 409) и такъ какъ всѣ чиновники архіерейскіе считались по пяткáмъ или пятерицамъ, то и въ числѣ шести они продолжали называться пятерицей— первая пятерица — πρώτη πεντάς (ibid. стр. 531 sqq.). Эта первая пятерица имѣла особое, не совсѣмъ ясное по происхожденію и значенію, названіе—ἐξωκατάκοιλοι (*Дюк.* Gloss. Graecit., это слово).

было уже «древнее преданіе», [1]) а въ концѣ XI — началѣ XII вѣка при Алексѣѣ Комненѣ (1081—1108) — случившимся за многіе годы (πρὸ μακρᾶ χρόνου); [2]) но, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ заключать изъ указанія Константина Порфирогенита въ его книгѣ „О церемоніяхъ Византійскаго двора ("Ἔκθεσις τῆς βασιλείυ τάξεως), этого еще не было въ половинѣ X вѣка [3]).

---

[1]) Іоаннъ Китрскій у Ралли и П. V, 409 fin., cfr Вальсамона ibid. IV, 533 fin.

[2]) У Ралли и П. II, 156.

[3]) Говоря объ императорскихъ званыхъ или парадныхъ обѣдахъ (κλητώρια), Константинъ Порфирогенитъ помѣщаетъ у себя подробный списокъ всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ и церковныхъ, въ какомъ порядкѣ они садятся за столъ, т. е. списокъ съ обозначеніемъ степеней всѣхъ чиновниковъ, — Lib. II, cap. 52, τόμ. 3, у Миня въ Патр. t. 112 p. 1346 sqq. Въ этомъ спискѣ относительно главнаго и самаго старшаго по времени появленія исполнительнаго чиновника патріаршаго — эконома (который еще не называется великимъ экономомъ, а просто экономомъ) находимъ, что его имя написано дважды, и именно — во-первыхъ, очень высоко, немного ниже митрополитовъ и епископовъ и много выше презвитеровъ придворныхъ и св. Софіи; во-вторыхъ—значительно низко, много ниже презвитеровъ, непосредственно послѣ кубикуляріевъ или комнатныхъ чиновниковъ патріаршихъ (κȣβικȣλάριοι, стольники и спальники) и непосредственно передъ діаконами придворными и св. Софіи. Относительно перваго или высокаго мѣста замѣчено: καθὰ τὰ νῦν ἐτιμήθη, т. е. какъ нынѣ (онъ—экономъ) почтенъ, а относительно втораго или низкаго мѣста необходимо думать, что оно есть то, которое онъ занималъ до сейчасъ указаннаго почтенія или повышенія. Такимъ образомъ, если первый изъ исполнительныхъ чиновниковъ только что повышенъ былъ и поставленъ выше презвитеровъ, а дотолѣ былъ гораздо ниже ихъ, то ясно, что исполнительные чиновники были ниже презвитеровъ (и что ихъ возвышеніе началось именно съ сего повышенія эконома, сдѣланнаго самимъ Константиномъ). О прочихъ исполнительныхъ патріаршихъ чиновникахъ въ спискѣ не упоминается поименно; но по всей вѣроятности они должны быть подразумѣваемы подъ οἱ καγκελλάριοι τῶν σεκρέτων (канцелярскіе чиновники, подъяки, писцы приказовъ или присутственныхъ мѣстъ), которые стоятъ почти въ самомъ концѣ списка (Константинъ Порфирогенитъ неоднократно говоритъ объ ἄρχοντες τȣ πατριάρχȣ или τῆς ἐκκλησίας, иногда отличая ихъ отъ презвитеровъ, у Миня pp. 170, 256, 368, 1044, 1156: это, по всей вѣроятности, должно понимать такъ, что, какъ замѣчали мы выше, не всѣ каѳедральные презвитеры были совѣтниками епископовъ, а только старшіе между ними въ извѣстномъ числѣ, къ опредѣленію котораго у патріарха Константинопольскаго, можетъ быть, должно служить то указаніе Константина, что если патріархъ обѣдалъ у императора съ избраннымъ причтомъ, то презвитеровъ было съ нимъ 24,— у Миня p. 1381. "Ἄρχοντες иногда называются именемъ σεκρέτον: πατριάρχης μετὰ τȣ̃ σεκρέτȣ αὐτȣ̃, у Миня p. 1148. Употребляемое Константиномъ παπάδες τȣ̃ σεκρετȣ или σεκρετικοὶ παπάδες, у Миня p. 1381, 1388, 1401, должно понимать не въ смыслѣ священниковъ приказныхъ или канцелярскихъ, а въ смыслѣ клириковъ, причетниковъ, ибо слово παπᾶς употреблялось у Грековъ не только въ смыслѣ священника, но и вообще клирика, причетника, см. въ Новеллѣ Алексѣя Комнина, у Ралли и П. V, 280, λιτὸς παπᾶς ἤτοι ἀναγνώστης. Названіе

Въ нашей Русской церкви коллегіями епархіальныхъ чиновниковъ у епископовъ являются состоящіе при нихъ клиросы или крылосы. Что разумѣть подъ этими клиросами — штатъ ли чиновниковъ съ особенными наименованіями и должностями, какъ это стало въ Греціи въ позднѣйшее время, или безразличный соборъ презвитеровъ, какъ это было въ древнѣйшее время, остается неизвѣстнымъ; но гораздо вѣроятнѣе, что послѣднее, а не первое, ибо постоянно говорится о клиросахъ вообще безъ различенія въ нихъ особыхъ чиновниковъ и ни одно изъ указанныхъ выше греческихъ названій этихъ особыхъ чиновниковъ какъ въ лѣтописяхъ, такъ и вообще въ нашихъ памятникахъ, вовсе не встрѣчается.

О клиросахъ или крылосахъ, состоящихъ при епископахъ или при каѳедральныхъ епископскихъ соборахъ, мы встрѣчаемъ въ памятникахъ довольное число упоминаній. Преп. Несторъ въ житіи Ѳеодосія Печерскаго говоритъ о клиросѣ Кіевской св. Софіи [1]; въ дарственной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1150 г. говорится, что князь даетъ средства содержанія епископу съ клиросомъ его; [2]) въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1156 г. говорится о клиросѣ Новгородской св. Софіи; въ Лаврентьевской лѣтописи говорится подъ 1230 г. о клиросѣ епископа Владимиро-Клязенскаго, подъ тѣмъ же 1230 и подъ 1231 годами о клиросѣ Ростовской соборной или каѳедральной епископской церкви, подъ 1257 г. (вообще о соборныхъ епископскихъ) клирошанахъ; [3]) въ Ипатской лѣтописи подъ 1223 и 1288 годами — о клиросѣ епископіи Владимиро-Волынской; въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. о соборныхъ епископскихъ клирошанахъ.

Что эти клиросы не были при епископахъ только штатами ихъ соборныхъ священиковъ, а вмѣстѣ были при нихъ штатами ихъ епархіальныхъ чиновниковъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Прежде всего это показываетъ ихъ названіе, перешедшее къ намъ отъ Грековъ. Клиросъ или клиръ (κλῆρος) у Грековъ собственно значитъ вообще духовенство, [4]) но въ частнѣйшемъ и такъ сказать въ техническомъ смы-

---

κουβικουλάριοι или κουβουκλείσιοι, у Миня pp. 1156, 1349, употребляется Константиномъ въ смыслѣ комнатныхъ патріаршихъ чиновниковъ, тогда какъ послѣ оно стало употребляться и въ смыслѣ чиновниковъ приказныхъ. — Вальсам. у Ралли и П. II, 323 fin., т. е. послѣ комнатные чиновники, вѣроятно, были и приказными.

[1]) На концѣ житія, въ чудесахъ: «Паки сповѣдаху, яко единъ отъ клироса святыя и великыя церкве Софія, болящу ему»....

[2]) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 4, стр. 5.

[3]) Еще см. годы 1189 и 1237.

[4]) И преимущественно духовенство низшее, внѣолтарное, Вальсам. у Ралли и П. II, 485.

слѣ клириками у нихъ назывались именно архіерейскіе чиновники [1]): ясно, что и унасъ названіе клиросъ, принятое для употребленія не въ общемъ смыслѣ духовенства, а въ частномъ смыслѣ духовенства соборнаго архіерейскаго, можетъ означать въ приложеніи къ этому послѣднему духовенству только ту его особенность, что оно было не просто духовенствомъ, но вмѣстѣ представляло собой при архіереѣ и его епархіальныхъ чиновниковъ,—было его каноникатомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ на Западѣ соборные архіерейскіе каноники суть одновременно и священники и епархіальные чиновники. Лѣтопись, говоря о клиросѣ, ясно отличаетъ его отъ простыхъ священниковъ, какъ корпорацію отдѣльную и употребляетъ въ примѣненіи къ нему такія выраженія—эпитеты, которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ нимъ должна быть разумѣема

---

1) Собственное названіе архіерейскихъ чиновниковъ: ἐκκλησιαστικοί ἄρχοντες—церковные сановники, ἐκκλ. ἀξιωματικοί—церковные чиновники; названія совокупности или корпораціи чиновъ: ὀφφίκια ἐκκλησιαστικὰ (съ измѣненнымъ смысломъ сл. ὀφφίκια, см. выше), ἀρχοντικία, ἀξιώματα, ἐπιτάγματα, λειτουργήματα, διακονήματα, κληρικάτα,—спеціальныя сочиненія о нихъ: Συνταγμάτιον περὶ τῶν ὀφφικίων, κληρικάτων καὶ ἀρχοντικίων.... ἐκκλησίας. патр. Іерусалимск. Хризанѳа, 1-е изд. въ Торговищѣ, 1715, 2-е въ Венеціи, 1778, и Die Synoden und die Episcopal-Aemter in der morgenlandishen Kirche, von Jos. Zhishman, Wien, 1867. Въ греческихъ памятникахъ, соотвѣтствующихъ нашему періоду до-монгольскому, намъ пока не случалось встрѣчать употребленія названія κληρικοί—клирики въ смыслѣ архіерейскихъ чиновниковъ. Но о семъ свидѣтельствуютъ извѣстные намъ записи и памятники XIII—XIV вѣка и обычай настоящаго времени; записи см. въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V, стрр. 604, 612, 615 и 616, памятники—въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изданныхъ Миклошичемъ, т. I, стрр. 17 нач., 50 нач., и *575*, т. II, стр. 571 fin., а о настоящемъ времени издатели Пидаліона пишутъ: τὴν σήμερον κληρικοί ὀνομάζονται ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον οἱ τὰ ἐκκλησιαστικὰ ἀρχοντίκια καί ὀφφίκια, τόσον ἱερώμενοι, ὅσον καὶ λαϊκοι (въ примѣч. къ Апост. пр. 2); тоже самое Византій,— Κωνσταντινούπ. III, 523 (Κληρικάτα ὀφφίκια, собственно значившее должности, службу низшихъ, внѣолтарныхъ клириковъ у Ралли и П. 21, стало потомъ означать должности чиновниковъ, у Чишмана въ указ. сочин. стр. 90 примѣч. 7. Какъ на Востокѣ названіе клирикъ съ теченіемъ времени изъ общаго стало частнѣйшимъ, вмѣсто духовенства вообще стало употребляться о церковныхъ чиновникахъ, такъ на Западѣ тоже самое случилось съ canonicus — каноникъ, которое первоначально значило духовнаго вообще или совершенно соотвѣтствовало названію клирикъ въ его общемъ значеніи,—ὁ ἀπὸ κάνονος, κανονικὸς).—Кромѣ названія лицъ въ двухъ указанныхъ смыслахъ, у насъ въ Россіи слово клиросъ, съ простонародной евколофонической перестановкой — крылосъ, употребляется еще какъ названіе мѣстъ стоянія въ церкви пѣвцовъ и чтецовъ. Отъ названія въ которомъ изъ двухъ первыхъ смысловъ происходитъ это второе синекдохическое названіе, употребляющее имя лицъ вмѣсто имени мѣста, на которомъ они стоятъ, не можемъ сказать, но вѣроятнѣе—отъ названія во второмъ смыслѣ. Если бы производить его отъ низшихъ клириковъ (которые преимущественно разумѣются подъ словомъ клиръ въ общемъ смыслѣ, см. выше), какъ мѣсто ихъ стоянія, то названіе нужно

корпорація священниковъ совсѣмъ особыхъ, — священниковъ возвышенныхъ надъ другими и имѣющихъ власть: «игумени и попове и святыя сборныя церкве клиросъ», говоритъ она въ одномъ мѣстѣ; «игумени и попове и черньци и пресвѣтлый клиросъ сборныя церкве святыя Богородица», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ [1]). Въ житіи св. Аврамія Смоленскаго протопопъ каѳедральнаго архіерейскаго соборнаго клироса называется первымъ отъ старѣйшихъ [2]). Если протопопъ соборнаго клироса есть первый отъ старѣйшихъ, то ясно, что всѣ соборные священники — клирошане суть старѣйшіе; если же они суть старѣйшіе, то очевидно, что они суть корпорація епархіальныхъ чиновниковъ и начальниковъ. Въ посланіи неизвѣстнаго по имени епископа Владимирскаго къ неизвѣстному по имени великому князю, сыну Александра Невскаго († 1263) о неприкосновенности судовъ церковныхъ говорится, что эти суды даны клирошанамъ на потребу: [3]) подъ судами разумѣются судебныя пошлины; но если онѣ идутъ клирошанамъ, то ясно потому, что послѣдніе суть судящіе. О митрополитѣ Максимѣ говорится въ лѣтописяхъ, что, перенося каѳедру митрополіи изъ Кіева во Владимиръ, онъ пришелъ изъ перваго въ послѣдній со всѣмъ своимъ клиросомъ [4]). Если бы его клирошане были просто священники, то онъ не имѣлъ бы нужды брать ихъ съ собой, ибо таковыхъ онъ нашелъ бы и во Владимирѣ; если же онъ взялъ ихъ, то ясно, что они были не просто священники, но и епархіальные чиновники. Несомнительно ясныя свидѣтельства о соборныхъ

было бы считать заимствованнымъ изъ Греціи (ибо у насъ низшаго клира не звали клиромъ и клиросомъ), но въ Греціи, сколько знаемъ, мѣсто стоянія для пѣвцовъ вовсе не называется клиросомъ. Что же касается до названія клиросъ въ смыслѣ соборныхъ священниковъ, то оно могло быть перенесено на мѣста стоянія пѣвцовъ потому, что въ соборахъ священники (соборные клиросы), какъ это въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ соборахъ и до настоящаго времени, сами пѣли, стоя внѣ алтаря на мѣстахъ, которыя называются крылосами, cfr Вивліоѳ. VI, 209 и 388, XI, 6 (т. е. мы хотимъ сказать: названіе мѣстъ стоянія пѣвцовъ и чтецовъ—клиросъ отъ клироса или клирошанъ въ смыслѣ соборныхъ священниковъ. Особые огороженные клиросы, которые въ настоящее время есть во всѣхъ церквахъ, въ древнѣйшее время по всей вѣроятности были только въ соборахъ). — Кромѣ каѳедральныхъ соборовъ мы встрѣчаемъ клирошанъ въ монастыряхъ,—подъ 1175 г. упоминаются въ Лаврентьевской лѣтописи клирошане Боголюбскіе, т. е. Боголюбскаго монастыря: это значитъ, что въ монастыряхъ въ несобственномъ смыслѣ назывались клирошанами старшіе монахи (позднѣйшіе соборные старцы).

1) Лаврент. лѣт. подъ 1230 и 1231 гг.

2) «Призва (епископъ Смоленскій) единаго отъ своего честнаго крылоса, перваго отъ старѣйшихъ — протопопа именемъ Георгія», Правосл. Собесѣдн. 1858 г. ч. 3 стр. 385.

3) Опис. Румянц. Муз. *Востокъ*. стр. 28.

4) Такъ называемая Типографск. лѣтоп. стр. 58 нач., также Степенн. кн. I, 378.

клиросахъ, какъ о штатахъ епархіальныхъ чиновниковъ, къ нашему счастію, сохранили для насъ позднѣйшіе памятники Западно-Русской церкви, въ которой эти клиросы не были оттѣснены, какъ то случилось на Москвѣ, свѣтскими архіерейскими чиновниками, такъ называемыми архіерейскими боярами. Въ редакціи Патерика Печерскаго такъ называемой Акакіевской, составленной въ Печерскомъ монастырѣ въ половинѣ XV вѣка, позднѣйшая приписка влагаетъ въ уста умирающему преп. Ѳеодосію слова, обращенныя къ вел. кн. Святославу: «и се поручаю твоему благочестію святы сій монастырь...., да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ *никтоже отъ клирикъ Софейскихъ*»: [1]) ясно, что тутъ клирикъ есть чиновникъ, ибо съ какой стати опасаться обладанія отъ простаго священника? [2]) Виленскій соборъ 1509 г. постановляетъ, что если священникъ дойдетъ до великихъ безчинствъ, то «намъ (епископамъ) соборнѣ, съ нашимъ крылосомъ — съ священно-иноки и попы, таковому безчиннику не велѣти священствовати» [3]). Въ 1539 г. была учреждена епископія Львовская, на мѣсто давно закрытой Галичской, и первый епископъ Львовскій Макарій въ томъ же 1539 г. созвалъ священниковъ Львовскихъ и посовѣтовавшись съ ними учинилъ клиросъ и предоставилъ ему власть держать, какъ и у иныхъ епископовъ [4]). Въ посланіи архимандрита Уневскаго Исаіи Болобана, имѣвшаго быть постановленнымъ въ епископы Львовскіе на мѣсто дяди его Гедеона Болобана, адресованномъ къ будущей паствѣ отъ 3 февраля 1607 г. читаемъ: «пришедъ во Львовъ усердно во любвѣ Христовѣ собрахъ священное братство презвитерей и канониковъ сирѣчь правильныхъ священникъ, иже въ священнѣмъ церкви судилищѣ со епископомъ предсѣдятъ».... и еще обѣщаніе: «каноны (намъ) утвердити и чинъ намъ клириковъ расписати опаства дѣля судовъ, на нихже оффѣкіяхъ духовнымъ мужемъ лѣпо быти» [5]).

---

[1]) См. Историческія чтенія о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Наукъ за годы 1856 и 1857, стр. 48.

[2]) А опасеніе клириковъ, какъ чиновниковъ, значитъ то, что этимъ клирикамъ монастыри отдавались епископами въ пользованіе, какъ бы въ аренду (см. ниже).

[3]) Акт. Истор. т. I, № 289 стр. 527 col. 2.

[4]) Акты Южной и Западной Россіи т. I, № 103 стр. 106, см. также № 118, стр. 124 fin. «Созвавши священники Львовскіе — пишетъ епископъ — и розмовши (sic) зъ ними, учинили есмо клиросъ и заставили есьмо имъ моцно держати и по ныхъ будучимъ потомкомъ, такъ какъ у иньшихъ епископіахъ есть».

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи Южно-Западной Руси, издалъ А. С. Петрушевичъ, Львовъ, 1868 г., стрр. 9 fin. и 13 sub fin. Что касается до Московской Руси послѣмонгольскаго періода, то упоминаются клирошане: въ междумитрополію между Максимомъ и Петромъ, именно — говорится, что послѣ смерти перваго отправился въ Константинополь искать поставленія въ митрополиты нѣкій

Къ сейчасъ сказанному мы должны сдѣлать одну оговорку. Мы говоримъ о клирикахъ или клирошанахъ, составлявшихъ административно-судебные коллегіи или соборы при епископахъ, какъ о священникахъ ихъ каѳедральныхъ соборныхъ церквей. Такъ вездѣ говорятъ о нихъ и такъ вездѣ представляютъ ихъ памятники. Но какъ кажется и даже весьма вѣроятно, это нужно понимать особымъ образомъ, а именно — что клирошане были соборными священниками и въ тоже время имѣли свои приходы, т. е. что въ соборахъ они были главными священниками, имѣя подъ собой еще другихъ священниковъ, не принадлежавшихъ къ клиросу, и болѣе числились, чѣмъ состояли дѣйствительными священниками. Въ этомъ видѣ представляетъ дѣло памятникъ XVI в.,— запись помянутаго выше епископа Львовскаго Макарія [1]). Странный фактъ этотъ, неизъяснимый въ XVI в., изъяснится для насъ, если мы позволимъ себѣ предположить, что такъ было и въ періодъ домонгольскій. У Грековъ дѣйствительно было такъ, что чиновники епископскіе изъ презвитеровъ съ одной стороны состояли при епископахъ и ихъ соборахъ, а съ другой стороны имѣли свои приходы [2]). Причиной сего было то, что когда начали являться въ городахъ особые приходы, то для завѣдыванія ими отряжались отъ епископскимъ каѳедръ главные священники [3]). Къ рѣчи о семъ будемъ имѣть случай возвратиться еще послѣ.

игуменъ Геронтій, который взялъ съ собой святительскую одежду и утварь, одну икону Богородицы и жезлъ пастырскій «и сановники церковныя» (Степ. кн. I, 414),— эти сановники суть именно клирошане, а названіе есть переводъ греческ. ἄρχοντες, какъ титуловались послѣдніе; при митр. Ѳеогностѣ—Акт. Истор. т. I, стр. 1 col. 1 fin.; послѣ Алексѣя до Кипріана, Карамз. V, примм. 57 и 60; при Кипріанѣ, Карамз. V прим. 254 стр. 99 нач. (причемъ употребляется замѣчательное выраженіе: «со всѣмъ своимъ клиросомъ, *бѣло образующимъ*. У самаго Кипріана въ поученіи къ духовенству 1395 г., Акт. Ист. т. I, № 11 стр. 20: «ино гды бываютъ сборныя церкви, а суть попы крилошане съ дьяконы».... Въ написанномъ имъ житіи митр. Петра: патріархъ прислалъ судить Петра «единаго отъ клирикъ церковныхъ» т. е. одного изъ чиновниковъ патріархіи, Степ. кн. I, 417.— Какъ должно думать, клирошане исчезли или начали исчезать въ Московской Руси со времени митр. Іоны).

1) Акты Южной и Западной Россіи т. I, № 103. Что клирошане принадлежали къ собору, видно изъ того, что они имѣли въ немъ недѣлю, что кажется нужно понимать не въ смыслѣ службы въ продолженіе недѣли, а въ смыслѣ службы въ воскресенье и завѣдыванія (въ продолженіе недѣли) ставлениками; что они имѣли приходы, видно изъ того, что въ записи они называются по именамъ и каждый съ своимъ приходомъ (на концѣ).

2) Свидѣтельство о семъ Кодина въ сочиненіи De officiis Constantinopolitanis, гл. 9, — выписка у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ словомъ: ἐξωκατάκοιλοι, также см. у Миклошича въ Acta Patriarchat. Constantinop. I, 114.

3) Точно также въ Римѣ presbyteri cardinales, состоящіе въ коллегіи папы, были настоятелями приходовъ, по которымъ титулуются и до настоящаго времени.

Какимъ образомъ епархіальные клиросы участвовали у насъ въ епархіальномъ управленіи архіереевъ, мы пока не имѣемъ рѣшительно никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Предполагая со всею вѣроятностію, что наши клиросы соотвѣтствовали не позднѣйшимъ греческимъ чиновникамъ съ особыми наименованіями и съ особымъ у каждаго кругомъ дѣятельности, а древнѣйшимъ соборамъ пресвитеровъ, иначе сказать — предполагая со всею вѣроятностію, что въ то время, какъ мы заимствовали отъ Грековъ епархіальное управленіе, оно было у нихъ еще съ своей древнѣйшей, а не позднѣйшей формѣ, слѣдуетъ думать, что наши клиросы представляли собой не вторую, а первую форму греческаго епархіальнаго управленія, т. е. что они представляли собой не штаты особыхъ чиновниковъ, между которыми подъ высшимъ надзоромъ архіерея раздѣлены были епархіальное управленіе и судъ, а безраздѣльные соборы пресвитеровъ, которые цѣлыми своими корпораціями составляли постоянные совѣты епископовъ въ дѣлѣ управленія и суда. Если это такъ, то за симъ слѣдуетъ думать, что каждый членъ каѳедральнаго клироса, не имѣя ничего отдѣльнаго и опредѣленно назначеннаго въ своемъ завѣдываніи, имѣлъ значеніе только какъ членъ, во всемъ участвующій вмѣстѣ съ другими, и что въ случаѣ необходимости раздѣленія дѣлъ между членами или въ случаѣ необходимости порученія какихъ-либо дѣлъ отдѣльнымъ членамъ, это производилось не по опредѣленному и однажды на всегда назначенному правилу, а каждый разъ по особому усмотрѣнію епископа со всѣмъ остальнымъ клиросомъ. Какъ велико было у насъ значеніе каѳедральныхъ клиросовъ при епископахъ или насколько велика была ихъ власть въ епархіальномъ управленіи совмѣстно съ властію сихъ послѣднихъ, мы пока совершенно ничего не знаемъ. Но если первоначально, что весьма вѣроятно, клиросы и составляли изъ себя дѣйствительную власть, совмѣстную съ властію епископа, то во всякомъ случаѣ въ томъ обстоятельствѣ, что ни одинъ изъ членовъ клироса не имѣлъ ничего опредѣленнаго въ своемъ завѣдываніи и каждый изъ нихъ имѣлъ значеніе только какъ членъ цѣлаго, заключалась причина, чтобы клиросы съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утрачивали своего значенія, а наконецъ и совсѣмъ его потеряли, низшедши на степень простыхъ соборныхъ причтовъ или, если предполагать то, что мы сейчасъ предположили, разрушившись такимъ образомъ, что каждый членъ его низшолъ на степень простаго настоятеля своей церкви. Отнять у человѣка опредѣленно принадлежащія ему права будетъ значить именно отнять или совершить правонарушеніе, но постепенно отдалять, а наконецъ и совсѣмъ отдалить отъ себя корпорацію совѣтникомъ, это должно было совершиться мало по малу и незамѣтно и даже безъ намѣренія и вины отдаляющаго. Съ нашими клиросами должно было случиться тоже, что въ Греціи случилось съ соборами пресвитеровъ, т. е.

что съ теченіемъ времени на ихъ мѣсто стали исполнительные чиновники.

Кромѣ каѳедральныхъ клиросовъ, которые составляли коллегіальные совѣты или соборы при епископахъ, упоминаются еще отдѣльные епархіальные чиновники, именно — епископскіе намѣстники. Относительно происхожденія должности представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что она не была впервые учреждена у насъ, а была заимствована нами какъ готовая изъ церкви Греческой, ибо вообще предполагаеть это есть вѣроятнѣйшее во всемъ церковномъ, пока нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ противнаго; но какой именно должности въ церкви Греческой она соотвѣтствовала, указать это весьма не легко. Названіе должности намѣстникъ не представляется буквальнымъ переводомъ ни одной изъ должностей извѣстныхъ въ церкви Греческой и по всей вѣроятности есть наше собственное, занятое изъ области гражданской. [1]) Всего ближе подходитъ къ слову намѣстникъ греческое τοποτηρητής — мѣстоблюститель, но у Грековъ топотиритами или мѣстоблюстителями назывались не постоянные епархіальные чиновники, а временные послы куда нибудь, имѣвшіе представлять тамъ, куда посланы, лицо пославшаго, напр. послы на соборы, посланники для ходатайства о чемъ либо къ царямъ и пр. Послѣ мѣстоблюстителей должность намѣстника, состоявшая въ большей или меньшей замѣнѣ или представительствѣ лица епископа въ епархіальномъ управленіи и судѣ, между должностями, бывшими въ церкви Греческой, можетъ быть сближаема только съ двумя — или хартофилакса или синкелла. Такъ какъ относительно должности перваго со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ то время, какъ мы заимствовали отъ Грековъ церковное управленіе, ея еще не было или что она была еще только должностію низшею, исполнителлною, то остается думать, что наши намѣстники соотвѣтствовали греческимъ синкелламъ. Синкеллы, явившіеся въ церкви Греческой весьма рано, первоначально означали просто пресвитеровъ или монаховъ, которые жили при епископахъ или въ однихъ келліяхъ съ ними и которыхъ имѣть сожителями, въ томъ или другомъ числѣ, требовалъ отъ епископовъ обычай для неукоризненности — propter testimonium ecclesiasticum, т. е. для свидѣтельства непорочности жизни и для предотвращенія неблагопріятныхъ слуховъ. Но съ теченіемъ времени изъ простыхъ сожителей при епископахъ синкеллы превратились въ настоящихъ чиновниковъ и притомъ чиновниковъ весьма важныхъ, что видно изъ того,

---

[1]) Въ области гражданской намѣстники въ древнее время обыкновенно назывались (по лѣтописямъ) посадниками, но cfr такъ называемый уставъ Владимировъ по списку второй половины XIII вѣка, у Карамз. къ т. 1 прим. 506 («въ которомъ городѣ намѣстникъ», — на самомъ концѣ) и въ Собраніи Госуд. Грам. I, 6 sub fin., актъ 1284 г. (Артемій намѣстникъ).

что синкеллы патріарховъ заняли мѣсто выше митрополитовъ [1]). Въ чемъ именно состояла должность синкелловъ, положительно неизвѣстно; но слѣдуетъ думать, чтобы они были какъ бы вторыми «я» епископовъ, т. е. возможно полномочными ихъ викаріями или возможно полными представителями и замѣнителями лица ихъ самихъ во всей области епархіальныхъ дѣлъ.

Итакъ, сближеніе нашихъ намѣстниковъ съ греческими синкеллами, если только это сближеніе вѣрно, должно вести къ тому, чтобы видѣть въ нихъ викаріевъ и представителей епископовъ или ихъ намѣстниковъ въ томъ смыслѣ совершенной замѣны, какъ это слово принято понимать. Весьма немногія положительныя извѣстія, которыя мы имѣемъ о нашихъ намѣстникахъ, и при томъ не изъ періода до-монгольскаго, а уже последующаго времени, не противорѣчатъ вѣроятности указаннаго предположенія. Греческіе синкеллы всѣ жили при епископахъ, напротивъ наши намѣстники — одинъ жилъ при епископѣ, а другіе посылались въ уѣзды для самостоятельнаго управленія отдѣльными частями епископій. Это различіе, если только вообще вѣрно наше сближеніе намѣстниковъ съ синкеллами, должно было зависѣть отъ того, что у Грековъ епископіи были такъ малы, что не было нужды раздѣлять ихъ на намѣстничества, у насъ же напротивъ онѣ были такъ велики, что подобное раздѣленіе представлялось необходимымъ [2]).

По скольку намѣстниковъ было и полагалось быть у каждаго епископа и было ли положено что нибудь въ этомъ отношеніи, пока остается совершенно неизвѣстнымъ. Но частные извѣстные примѣры нѣкоторыхъ епископій даютъ знать, что ихъ было весьма не помногу и что области намѣстниковъ уѣздныхъ (не жившихъ при самихъ архіереяхъ) едва ли не совпадали съ областями намѣстниковъ (посадниковъ) княжескихъ, т. е.

---

1) См. у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. σύγκελλος. За позднѣйшее время сказанное должно разумѣть о протосинкеллахъ, т. е. первыхъ или старшихъ между многими явившимися синкеллами (которыхъ импер. Ираклій назначаетъ патріарху двоихъ, у Ралли и П. V, 232). Въ X вѣкѣ, по свидѣтельству Константина Порфирогенита, синкеллы давались патріархамъ императорами (не ясно,—всѣ или одинъ главный), De ceremm. Lib. II, Cap. V, и за столами императорскими занимали мѣсто гораздо выше митрополитовъ, между самыми первыми сановниками имперіи (за общій столъ на обѣдахъ послѣ усѣченнаго или собственно императорскаго, о которомъ выше стр. 88 прим. 3, садятся: магистръ, ректоръ, сvнкеллъ, ibid. Lib. II Cap. 52, τόμ. 3 нач.).

2) Впрочемъ знаемъ нѣкоторые примѣры, что и у Грековъ въ епархіяхъ обширныхъ, подобно нашимъ, были синкеллы, жившіе въ уѣздахъ (а не при епископахъ) и завѣдывавшіе отдѣльными частями епархій. См. книгу Ἱστορία τῆς Ἑπτανήσου et caet., ὑπο Π. Χιώτου, μερος ά, εν Κερκύρα, 1863, стр. 241: островомъ Итакой (Теакой), принадлежавшимъ къ епархіи епископа Кефаллинійскаго (Кефалонійскаго) завѣдывалъ особый протосинкеллъ послѣдняго.

что по скольку и гдѣ въ княженіяхъ были вторые, постольку и тамъ были въ епархіяхъ и первые. Симонъ епископъ Владимирскій въ посланіи къ Поликарпу даетъ знать, что у него въ епархіи Владимирской было два намѣстника — одинъ при немъ самомъ во Владимирѣ, и другой въ Суздалѣ; онъ пишетъ Поликарпу: «аще бы ты былъ достоинъ, не быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рукама намѣстника тя себѣ поставилъ быхъ во обѣ епископьи Володимерю и Суздалю», т. е. позволяя себѣ преувеличеніе или иперболу, онъ хочетъ сказать: если бы ты былъ достоинъ, то я бы поставилъ тебя намѣстникомъ не только на одно изъ двухъ моихъ намѣстничествъ, но и на оба. Симонъ раздѣляетъ свою епархію на двѣ части по двумъ большимъ гражданскимъ областямъ, изъ которыхъ она состояла; есть вся вѣроятность думать, что и вообще намѣстники были въ епархіяхъ по большимъ гражданскимъ областямъ, изъ которыхъ онѣ состояли.

Въ чемъ состояла должность намѣстника, находившагося при самомъ епископѣ, относительно этого мы знаемъ два указанія, изъ которыхъ одно впрочемъ относится не къ періоду до-монгольскому, а къ послѣдующему времени. Въ такъ называемомъ церковномъ уставѣ Владимира читается: «своимъ тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти, ни судити (смѣснаго суда) безъ владычня намѣстника»; о митрополитѣ Алексѣѣ, который до постановленія въ епископы состоялъ въ продолженіе 12 лѣтъ намѣстникомъ при митр. Ѳеогностѣ, говорится, что онъ былъ «устроенъ намѣстникомъ быти святительскихъ правленій, еже разсуждати Божія люди и вся церковныя суды въ правду по священнымъ правиломъ».[1] Въ первомъ случаѣ дается знать, что къ обязанностямъ намѣстника принадлежалъ епархіальный судъ; а во второмъ случаѣ дается знать, что этотъ судъ составлялъ его главную обязанность. Необходимо думать, что намѣстникъ производилъ судъ не единолично, а коллегіально при участіи или всего собора клирошанъ или извѣстнаго количества его членовъ, ибо даже въ весьма позднее время было весьма твердо сознаваемо, что святительскій судъ долженъ быть соборный (Стоглавъ). О намѣстникахъ, находившихся не при самыхъ епископахъ, а на отдѣльныхъ намѣстничествахъ, мы пока не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Изъ позднѣйшаго времени, когда на отдѣльныя намѣстничества начали быть назначаемы лица свѣтскія и когда они больше или меньше утратили свое значеніе противъ древнѣйшаго времени и потеряли свой первоначальный характеръ, съ этими намѣстничествами до-монгольскаго періода можетъ быть сравниваемо только Кіевское намѣстничество Московскихъ митрополитовъ, пока митрополиты владѣли Кіевомъ. Намѣстники Кіевскіе, и въ позднѣйшее время всегда назначавшіеся не изъ

[1]) Степ. кн. I, 450.

свѣтскихъ, а изъ духовныхъ лицъ, обладали самыми обширными полномочіями, вполнѣ представляя собою лицо митрополитовъ во всемъ дѣлѣ церковнаго управленія и суда, за исключеніемъ поставленія въ церковныя степени, чего не могли дѣлать по неимѣнію епископскаго сана и что должны были дѣлать по ихъ грамотамъ сосѣдніе епископы.[1]) Но таковы ли были по своимъ полномочіямъ намѣстники періода до-монгольскаго, это пока остается неизвѣстнымъ. Слишкомъ обширная власть намѣстника Кіевскаго можетъ быть изъясняема тѣмъ исключительнымъ обстоятальствомъ, что Кіевъ находился слишкомъ далеко отъ Москвы и притомъ въ другомъ государствѣ, такъ что митрополиты по необходимости должны были уволить тамошнее духовенство отъ всякихъ обращеній къ нимъ самимъ за чѣмъ бы то ни было. Такъ ли же было, когда этихъ исключительныхъ обстоятельствъ не существовало, т. е. такъ ли было съ уѣздными намѣстниками періода до-монгольскаго, это пока составляетъ вопросъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что намѣстники эти въ большей или меньшей степени представляли и замѣняли лицо епископовъ. Если они замѣняли ихъ вполнѣ, имѣя полномочіе рѣшать дѣла собственною властію, то въ этомъ случаѣ необходимо предполагать, что духовенству намѣстничествъ предоставлено было право апелляціи отъ нихъ къ самимъ епископамъ.

При уѣздныхъ намѣстникахъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, такъ же какъ при самихъ епископахъ, были свои клиросы или свои административно-судебные соборы презвитеровъ. Во-первыхъ, представляется необходимымъ предполагать это само по себѣ: если сами епископы управляли и судили не единолично, то тѣмъ болѣе или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ не менѣе странно было бы думать, чтобы единоличная и неограниченная власть была предоставлена намѣстникамъ. Во-вторыхъ, предполагать это заставляютъ нѣкоторыя данныя: въ послѣдующее время мы находимъ по городамъ сборныя или соборныя церкви, которыя не платили дани епископамъ[2]); въ объясненіе такой привиллегіи нѣкоторыхъ уѣздныхъ соборовъ трудно придумать что нибудь другое кромѣ того, что нѣкогда они сами представляли епархіальную власть. Наконецъ, въ третьихъ — объ этомъ говорятъ, хотя и не совсѣмъ рѣшительно, и нѣкоторыя прямыя свидѣтельства: въ позднѣйшихъ актахъ корпораціи соборныхъ священниковъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ были намѣстники, называются крылосами (Псковскаго Троицкаго собора при Кипріанѣ, Акт.

---

[1]) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. II, № 167, стр. 524.

[2]) Уставная грамота вел. кн. Василія Димитріевича и митр. Кипріана, Акт. Эксп. I, № 9, стр. 5.

Истор. I, 17, Самборскаго собора въ началѣ XV вѣка и Виленскаго собора въ концѣ того же вѣка, Акты Западн. Россіи I, 45 и 175); правда, что въ позднѣйшее время могли называться крылосами и штаты или корпораціи простыхъ соборныхъ священниковъ [1]), однако вѣроятнѣе думать, что названіе не перенесено на помянутые штаты священниковъ съ дѣйствительныхъ крылосовъ, а осталось за ними отъ того времени, какъ они были дѣйствительными крылосами [2]).

(Въ позднѣйшее время по всѣмъ нашимъ городамъ являются соборы съ протопопами во главѣ. Не знаемъ, когда начали появляться эти соборы. Но если съ древнѣйшаго времени, то не должно думать, чтобы ихъ протопопы съ самаго перваго появленія представляли собою вторую инстанцію уѣздной власти подъ намѣстниками; первоначально они были только первыми священниками въ соборахъ (какъ теперь), а чиновниками стали въ Западной Руси и на Москвѣ въ позднѣйшее время (въ Западной Руси не только сдѣланы были начальниками протопопы городскіе, но учреждены были протопопіи и уѣздныя, какъ наши теперешнія благочинія, что было взято съ образца деканатовъ Римско-католическихъ). Вальсамонъ даетъ знать, у Ралли и П. III, 142, что въ Греціи протопопы замѣнили собою въ малыхъ городахъ или пригородахъ и въ большихъ селеніяхъ древнихъ хорепископовъ, но по его же свидѣтельству, административное значеніе хорепископовъ совершенно уничтожилось (παντελῶς ἠπράκτησεν, слѣдовательно не перешло на протопоповъ, ibid. III, 47 и IV, 277). Πρωτοπαπαδίκιον въ Греціи, ibid. II, 148 нач., не значило административный округъ епархіи, а малый городъ или большое селеніе, принадлежащее епископу. Отъ чего получили названіе наши помянутые соборы положительно сказать не можемъ; но думаемъ — отъ того, что они были церкви въ городахъ, въ которыя собирались священники прочихъ церквей для общественныхъ молебновъ, для совершенія торжественныхъ литургій при проѣздахъ епископовъ и подобн., cfr ниже въ главѣ о богослуженіи).

Итакъ, органами епархіальнаго управленія въ періодъ до-монгольскій были, во-первыхъ, каѳедральные клиросы, которые составляли изъ себя

---

[1]) Cfr Акт. Западн. Росс. т. I, № 66.

[2]) Высокое общественное положеніе епископскихъ намѣстниковъ въ древнее время видно изъ того, что они являются при князьяхъ вмѣстѣ съ ихъ старшими боярами при заключеніи международныхъ договоровъ, Собр. Госуд. Грам. I, 6 sub fin. Въ XVI вѣкѣ въ Галиціи намѣстниковъ избирали не епископы, а клирошане, первые же только благословляли или утверждали ихъ, — Акт. Южн. и Западн. Росс. I, 106 (а относительно древняго времени сравн. дѣянія Владимирскаго собора 1274 г.: «намѣстники поставляющіи на мздѣ»); въ небытность епископовъ намѣстники завѣдывали епархіями, ibid. (такъ и синкеллы въ Греціи).

совѣты или соборы при епископахъ и, во-вторыхъ, намѣстники этихъ послѣднихъ, изъ коихъ одинъ, состоявшій при самой каѳедрѣ, былъ викаріемъ и помощникомъ епископа въ самомъ мѣстѣ его нахожденія, а другіе, жившіе въ уѣздахъ на отдѣльныхъ намѣстничествахъ, обладая бо́льшими или меньшими полномочіями (и по всей вѣроятности, также имѣя при себѣ свои клиросы) были особыми уѣздными епархіальными начальниками.

Къ этимъ двумъ категоріямъ чиновниковъ со всею вѣроятностію должна быть причислена еще третья, которая достовѣрно извѣстною становится только въ послѣдующее время, но которой начало есть всѣ основанія относить еще къ сему первому періоду. Это — чиновники уѣздные низшіе и притомъ, нужно думать, не изъ самаго клира или духовенства, какъ предшествующіе, а изъ мірянъ.

Въ Греціи, какъ мы говорили, не было постоянныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ епархіальномъ управленіи, потому что при весьма небольшомъ пространствѣ епархій въ нихъ не было никакой нужды. Напротивъ, у насъ, при слишкомъ большой обширности епархій, была въ такихъ чиновникахъ настоятельная и неизбѣжная нужда. Не знаемъ точно, какимъ изъ чиновниковъ греческихъ соотвѣтствовали наши намѣстники; во всякомъ случаѣ тѣ изъ нихъ, которые не жили при самихъ епископахъ, а находились на особыхъ намѣстничествахъ, представляя собою нововведеніе противъ церкви Греческой, были чиновниками уѣздными. Но такъ какъ этихъ намѣстниковъ, по причинѣ ли ихъ большихъ полномочій и высокаго положенія или по чему нибудь другому, было въ епархіяхъ весьма не по многу, то для болѣе дѣйствительнаго надзора надъ духовенствомъ требовались подъ ними еще низшіе уѣздные чиновники. Въ послѣ-монгольское время мы находимъ такихъ низшихъ уѣздныхъ чиновниковъ въ такъ называемыхъ десятинникахъ, и мы думаемъ, что эти десятинники явились въ качествѣ уѣздныхъ епархіальныхъ чиновниковъ еще во время до-монгольское. По своему первоначальному происхожденію десятинники суть собственно сборщики княжеской десятины въ пользу епископовъ съ населеній епархій. Наши епископы со стороны государственной власти были обезпечены въ средствахъ содержанія тѣмъ, что князья уступили имъ десятину или десятую часть съ податей или оброковъ, которые они собирали съ населеній, а также и съ нѣкоторыхъ другихъ статей своихъ доходовъ, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже. При этомъ, что касается до десятины или десятой части собственно съ податей или оброковъ, то князья поступали не такъ, что собирали ее сами вмѣстѣ съ своими девятью десятыми частями и потомъ выдавали ее епископамъ гуртомъ по разсчету, а такъ, что, выключивъ ее изъ своихъ доходовъ, предоставляли собирать ее у самихъ плательщиковъ самимъ епископамъ, какъ отдѣльную подать. Такъ, собственное на-

значеніе десятинниковъ, какъ мы сказали, состояло въ томъ, чтобы собирать съ населеній епархій эту десятину княжескихъ податей, отдѣленную въ пользу епископовъ. Эти-то десятинники въ періодъ послѣ-монгольскій и являются не только сборщиками десятины или податей, но вмѣстѣ и низшими епархіальными чиновниками, надзирающими надъ духовенствомъ. Когда совершилось ихъ превращеніе изъ простыхъ сборщиковъ въ епархіальныхъ чиновниковъ, пока остается совершенно неизвѣстнымъ, но, какъ мы сказали выше, со всею вѣроятностію надлежитъ думать, что превращеніе имѣло мѣсто еще во время до-монгольское. Когда бы ни случилось это превращеніе, во всякомъ случаѣ его необходимо объяснять нуждой. Епархіи наши были слишкомъ обширны, а между тѣмъ уѣздныхъ чиновниковъ, которые бы могли надзирать надъ духовенствомъ, за исключеніемъ намѣстниковъ, надзоръ которыхъ простирался еще на слишкомъ большіе частные округи, не было учреждено по неимѣнію такихъ чиновниковъ въ церкви Греческой. Десятинники, живя для своихъ сборовъ въ уѣздахъ по участкамъ или десятинамъ, представляли собою готовыхъ людей, которыми съ полнымъ удобствомъ можно было воспользоваться для цѣлей надзора, т. е. представляли собою готовыхъ людей, къ обязанности которыхъ производить сборы съ полнымъ удобствомъ могла быть присоединена еще обязанность надзирать надъ духовенствомъ своихъ округовъ или десятинъ. Такъ какъ это было удобно, то и было сдѣлано. Но если такимъ образомъ необходимо объяснять превращеніе десятинниковъ изъ простыхъ сборщиковъ податей въ административныхъ епархіальныхъ чиновниковъ, то и послѣднее событіе необходимо относить еще ко времени до-монгольскому. Та нужда, которая заставила превратить десятинниковъ изъ простыхъ сборщиковъ въ административныхъ чиновниковъ, во время до-монгольское столько же существовала и совершенно столько же была настоятельна, какъ и послѣ. За время до-монгольское мы не можемъ указать никакихъ препятствій, которыя бы помѣшали совершиться этому превращенію еще тогда; предполагать же, что тогда еще не успѣли догадаться сдѣлать то, что сдѣлали послѣ, очевидно, есть дѣло нисколько не правдоподобное, ибо догадаться было слишкомъ просто, такъ какъ на догадку невольно наводило самое дѣло, и для того, чтобы сдѣлать ее, періодъ домонгольскій представлялъ слишкомъ достаточно времени.

Мы сказали выше, что десятинники, по всей вѣроятности, были не изъ самаго клира или духовенства, а изъ лицъ свѣтскихъ. Въ послѣдующее время они всегда и непремѣнно были изъ свѣтскихъ, а не изъ духовныхъ, и вопросъ только о древнѣйшемъ времени или собственно въ томъ: были ли они свѣтскими съ самаго начала или они превратились въ таковыхъ изъ духовныхъ только впослѣдствіи, въ періодъ послѣ-монгольской или Московскій? Этотъ частный вопросъ о десятин-

никахъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о всѣхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ, которыхъ мы видимъ у нашихъ архіереевъ впослѣдствіи, ибо несомнѣнно, что первыми свѣтскими чиновниками у архіереевъ были десятинники. Если десятинники являются свѣтскими только во время послѣ-монгольское, а до того были изъ духовныхъ, то и вообще свѣтскіе чиновники явились у архіереевъ не ранѣе, какъ только въ указанное время; если же десятинники были свѣтскими еще въ періодъ домонгольскій, то къ сему же древнѣйшему времени, въ лицѣ сихъ десятинниковъ, должно быть относимо и первое появленіе у нашихъ архіереевъ свѣтскихъ чиновниковъ. Мы говорили уже, что вѣроятнѣйшее думать есть послѣднее, а не первое. Прежде всего, если мы, начиная съ конца, обратимся къ позднѣйшему времени, то окажется крайне затруднительнымъ и совершенно невѣроятнымъ допустить, чтобы свѣтскіе чиновники могли явиться впервые только въ это позднѣйшее время. Если бы въ продолженіе цѣлаго до-монгольскаго періода чиновники были исключительно духовные, то послѣ сего цѣлаго періода появленіе чиновниковъ свѣтскихъ было бы такимъ рѣшительнымъ и неожиданнымъ нововведеніемъ, которое тамъ мы крайне и совершенно затруднились бы изъяснить. Русская церковь періода Московскаго, не смотря на значительное отличіе въ своемъ характерѣ, въ своей физіономіи, если позволительно такъ выразиться, отъ церкви періода Кіевскаго, не можетъ быть однако представляема противъ сей послѣдней какъ что либо совершенно новое, не имѣющее съ нею никакой связи, ибо подобной совершенной разъединенности и безъотносительности послѣдующихъ періодовъ съ предшествующими вообще не бываетъ въ исторіи за ея невозможностію. Но если необходимо думать, что церковь періода Московскаго наслѣдовала преданія отъ церкви періода Кіевскаго, что она жила симъ наслѣдіемъ и не отрицала его, то вмѣстѣ съ симъ явится и все затрудненіе относить первое появленіе свѣтскихъ чиновниковъ къ позднѣйшему времени, потому что такое ихъ появленіе въ это позднѣйшее время будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ именно новостію равносильною отрицанію помянутыхъ преданій. Такимъ образомъ, говоримъ, относя первое появленіе свѣтскихъ епархіальныхъ чиновниковъ не ранѣе какъ къ періоду Московскому, мы будемъ поставлены въ великое затрудненіе изъяснить, какимъ образомъ здѣсь могло имѣть мѣсто это появленіе. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, если мы отнесемъ первое появленіе сихъ чиновниковъ, въ лицѣ десятинниковъ, къ періоду до-монгольскому, то все дѣло изъяснится для насъ весьма просто и понятно. Десятинники первоначально были сборщики княжеской десятины или податей съ населеній епархій въ пользу епископовъ. Какъ таковымъ, имъ совершенно естественно было быть не изъ духовнаго, а изъ мірскаго сословія, ибо нисколько не священная должность ихъ вовсе не тре-

бовала священства и ни малѣйше не могла быть приличною священникамъ. Вмѣстѣ съ сборомъ десятины или податей, получивъ порученіе надзирать за духовенствомъ тѣхъ округъ, въ которыхъ собирали первыя (въ своихъ десятинахъ), десятинники становились епархіальными чиновниками, и это обстоятельство повидимому требовало, чтобы они начали быть назначаемы изъ лицъ не свѣтскихъ, а духовныхъ. Но, во-первыхъ, десятинники стали епархіальными чиновниками не тотчасъ, какъ явились, а спустя то или другое время, слѣдовательно уже долженъ былъ успѣть образоваться обычай, чтобы они избирались изъ свѣтскихъ, а не изъ духовныхъ. Во-вторыхъ, ставъ до нѣкоторой степени епархіальными чиновниками, десятинники все-таки остались сборщиками: свѣтскія лица могли надзирать за духовенствомъ, но духовнымъ лицамъ быть сборщиками было весьма неудобно; слѣдовательно, и послѣ совмѣщенія десятинниками двухъ должностей все удобство было на той сторонѣ, чтобы они остались лицами свѣтскими, а не стали лицами духовными.

Предполагая, что десятинники были изъ свѣтскихъ, а не изъ духовныхъ, съ самаго своего начала, предполагая, что изъ простыхъ сборщиковъ податей они превратились въ административныхъ чиновниковъ, по указаннымъ нами причинамъ, еще въ періодъ до-монгольскій, мы получаемъ во всемъ этомъ весьма простой отвѣтъ на вопросъ: какъ случилось, что люди изъ свѣтскаго званія стали епархіальными чиновниками или какъ случилось, что у архіереевъ нашихъ явились въ епархіальномъ управленіи свѣтскіе чиновники. Случилось это не вдругъ, а постепенно, и началось съ очень небольшаго. Первый весьма неважный шагъ сдѣланъ былъ по нуждѣ, потому что сдѣлать его вызывали и располагали обстоятельства. Свѣтскіе люди въ церковномъ управленіи представляютъ собою противорѣчіе правиламъ церковнымъ. Но противорѣчіе стало важнымъ и слишкомъ замѣтнымъ только тогда, когда свѣтскіе чиновники получили черезъ-чуръ большое значеніе, когда весь характеръ церковнаго управленія они измѣнили въ свѣтскій и мірской. Но въ началѣ противорѣчіе было слишкомъ невелико и неважно и такъ какъ вызывалось нуждой, то и легко могло быть допущено.

Противъ предполагаемой нами вѣроятности появленія свѣтскихъ десятинниковъ въ качествѣ епархіальныхъ чиновниковъ еще въ періодъ до-монгольскій возражаютъ тѣмъ, что митрополитами нашими въ періодъ до-монгольскій были Греки, которые не могли дозволить, чтобы вопреки правиламъ церковнымъ и обычаямъ церкви Греческой явились у насъ свѣтскіе епархіальные чиновники. На возраженіе это отвѣтъ не особенно затруднителенъ. Введеніе свѣтскихъ людей въ епархіальное управленіе дѣйствительно было нарушеніемъ каноновъ церковныхъ и противорѣчіемъ современнымъ обычаямъ церкви Греческой. Но на первыхъ по-

рахъ свѣтскимъ лицамъ предоставлено участіе въ епархіальномъ управленіи весьма незначительное, а слѣдовательно и нарушеніе каноновъ и и обычаевъ церкви Греческой было весьма неважное. Это нарушеніе оправдывалось нуждой, необходимостію учредить сколько-нибудь дѣйствительный надзоръ за духовенствомъ. А такъ какъ по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, то весьма небольшое премѣненіе его, дѣйствительно извиняемое нуждой, безъ труда и могли допустить митрополиты Греки. Но, наконецъ, и въ самой церкви Греческой были свѣтскіе люди церковными чиновниками и притомъ такими чиновниками, въ которыхъ могли находить себѣ оправданіе не только наши десятинники, но и послѣдующіе архіерейскіе бояре, которые судили духовенство въ недуховныхъ дѣлахъ, — разумѣемъ екдиковъ, которые, по свидѣтельству Вальсамона, всегда были изъ мірянъ [1]).

Итакъ, со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, во-первыхъ, что десятинники были изъ людей свѣтскихъ, а не духовныхъ, съ самаго начала, — во-вторыхъ, что изъ простыхъ сборщиковъ податей они стали до нѣкоторой степени епархіальными чиновниками еще въ періодъ до-монгольскій.

Со включеніемъ этихъ десятинниковъ, общій составъ епархіальныхъ чиновниковъ въ періодъ до-монгольскій будетъ: а) чиновники центральные или находившіеся при самомъ архіереѣ: 1) его намѣстникъ, представлявшій собою его помощника и его какъ бы викарія; 2) каѳедральный клиросъ или штатъ каѳедральныхъ священниковъ, составлявшій правительственную коллегію при епископѣ, б) чиновники уѣздные: 1) намѣстники (съ своими клиросами) — болѣе или менѣе полномочные начальники отдѣльныхъ округъ на которыя раздѣлялись епархіи; 2) десятинники, низшіе надзиратели надъ духовенствомъ. Послѣдніе были чиновники свѣтскіе, а не духовные.

---

[1]) У Ралли и П. IV, 531 нач. А по злоупотребленію міряне были допускаемы и на другія церковныя должности. Симеонъ Солунскій жалуется, что въ его время это было въ митрополіи Трапезундской, — De poenitentia cap. 248, въ Патр. Миня, t. 155 pp. 467 fin. и 468. Весьма сравни также Вальсамона въ толкованіи на 11 пр. 7 всел. соб., — у Ралли и П. II, 592.

III.

Пространство епархіальнаго суда. Церковные законы. Дополненіе объ епископахъ (архіепископы).

Отъ представителей или органовъ епископской власти обращаемся теперь къ ея у насъ пространству.

Епископъ есть духовный начальникъ надъ своею паствою и духовный ея судья. Эта власть принадлежитъ ему по божественному праву; этой власти никто не можетъ ни расширить и ни умалить у него, и въ этомъ отношеніи епископъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ же. Но власть епископовъ, не расширимая и не сократимая сама въ себѣ, можетъ болѣе или менѣе расширяться на счетъ власти гражданской, которая обыкновенно поступается епископамъ большею или меньшею частію своихъ правъ. Такъ какъ это послѣднее есть дѣло совершенно свободное, зависящее въ каждой странѣ отъ доброй воли гражданскаго правительства, то и власть епископовъ частныхъ церквей можетъ быть шире или уже, смотря потому, сколько въ какой странѣ уступается гражданскимъ правительствомъ его собственныхъ правъ епископамъ. Слѣдовательно, вопросъ о пространствѣ власти епископовъ въ нашей церкви есть вопросъ о томъ: сколько уступило имъ своихъ правъ наше гражданское правительство. За тѣмъ еще одно ограниченіе. Власть бываетъ двоякая — правительственная или административная и судебная; одна есть власть постоянно дѣйствующая, другая есть власть дѣйствующая по временамъ. Такъ какъ двухъ властей постоянно дѣйствующихъ не можетъ соединять въ себѣ одно и то же лицо безъ ущерба для той или другой власти и такъ какъ епископы суть уже правители (администраторы) духовные, то на семъ основаніи гражданскія правительства не могли уступать имъ, а они не могли принимать отъ правительствъ какой-либо части власти правительственной (административной). Въ самой церкви, ограждающей духовную правительственную власть отъ всякаго ослабленія посредствомъ примѣшенія къ ней власти правительственной мірской,

съ самаго древняго времени существовало каноническое и твердое постановленіе, чтобы епископы, пресвитеры и діаконы не принимали на себя никакихъ мірскихъ попеченій, а иначе были извергаемы изъ сана[1]). Такимъ образомъ, когда идетъ рѣчь объ уступкѣ епископамъ гражданскими правительствами большей или меньшей доли своихъ правъ, то всегда должны быть разумѣемы права судебныя, но не правительственныя (административныя); а слѣдовательно въ частности и въ нашей Русской церкви могла получить то или другое расширеніе только власть епископовъ первая, а не послѣдняя, которая и у насъ, также какъ вездѣ, была ни шире, ни уже того, какою она должна быть по своему существу.

Прежде всего у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, судебная власть епископовъ была расширена посредствомъ того, что имъ предоставлены были въ подсудность священники не только какъ духовные чиновники, но и какъ граждане, т. е. въ подсудность не только по преступленіямъ противъ своей должности, но и по всѣмъ вообще, за исключеніемъ преступленій уголовныхъ самыхъ тяжкихъ. Объ этомъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о приходскомъ духовенствѣ.

Другимъ и важнѣйшимъ расширеніемъ судебной власти епископовъ было то, которое случилось прямо на счетъ міряпъ, чрезъ предоставленіе епископамъ гражданскаго суда надъ сими послѣдними. Объ этомъ второмъ расширеніи мы и скажемъ теперь.

Такъ какъ вѣру и церковь и епископовъ мы заимствовали отъ Грековъ, то естественно было бы ожидать, что и въ сейчасъ указанномъ отношеніи епископы будутъ поставлены у насъ совершенно въ то же положеніе, какъ это было въ Греціи. Но у насъ обстоятельства и условія были иныя, а потому и дѣло вышло значительно иначе. Въ Греціи, гдѣ юридическія понятія стояли на иной степени развитія, чѣмъ у насъ, государственный судъ былъ дѣломъ чисто государственнымъ. Нанятой или какимъ бы то ни было способомъ поставленный правительствомъ судія производилъ судебное разбирательство, постановлялъ приговоръ и тѣмъ кончалось его отношеніе къ подсудимымъ — съ нихъ самихъ онъ не получалъ себѣ никакого вознагражденія за свой трудъ[2]). Напротивъ, у насъ въ Россіи дѣло было еще въ такомъ положеніи, что судей содержали сами судящіеся, именно — съ каждаго судебнаго дѣла шла въ пользу первыхъ извѣстная опредѣленная пошлина. Въ Греціи вмѣша-

---

1) Апостт. прр. 6, 81 и 83, 4 всел. соб. прр. 5 и 7, 7 всел. соб. пр. 10. Двукратн, 11 и Карѳаг. 19.

2) Delectus legum Льва и Константина tit. VII, Новелла послѣдняго περὶ ἐκταγματικῶν у Миня въ Патр. t. 113, p. 588, Арменопула Прохиронъ lib. I, tit. IV capp. 45 и 46, cfr у Ралли и П. V, 548.

тельство кого либо посторонняго въ дѣло государственнаго суда не причиняло ни малѣйшаго личнаго ущерба судьямъ и развѣ могло доставлять имъ одно облегченіе, уменьшая количество дѣлъ, подлежащихъ разбирательству; напротивъ, у насъ всякое подобное вмѣшательство было посягательствомъ на доходы судей, на ихъ содержаніе. Вслѣдствіе этого, совершенно различнаго, отношенія судей къ суду въ Греціи и у насъ, очевидно, и пространство юрисдикціи епископовъ не могло явиться у насъ совершеннымъ снимкомъ съ таковаго же въ Греціи. Такъ какъ въ Греціи было совершенно безразлично для судей, судили ли судъ они сами или онъ былъ предоставленъ кому-нибудь другому; такъ какъ тамъ правительство, допуская участіе въ судѣ стороннихъ людей, не наносило ни малѣйшаго ущерба личному интересу дѣйствительныхъ судей: то тамъ, вслѣдствіе высокаго понятія о нравственной доброкачественности епископовъ и въ освященіе обычая, сложившагося еще въ то время, когда церковь находилась подъ государствомъ языческимъ, епископамъ предоставлено было весьма обширное право вмѣшательства въ дѣло государственнаго суда. Пока государство было языческимъ, у христіанъ установился обычай, въ случаѣ тяжебъ и ссоръ обращаться не къ суду государственныхъ языческихъ судей, но къ суду судей собственныхъ, добровольно избранныхъ и въ особенности къ суду предстоятелей общинъ—епископовъ. Такъ какъ въ самомъ существѣ суда не было никакихъ препятствій, чтобы этотъ до-христіанскій обычай допустили и христіанскіе императоры; такъ какъ, съ другой стороны, высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ епископовъ обязывало сдѣлать это, сохранивъ и подтвердивъ имъ преимущество, которымъ они до той поры пользовались съ такимъ безукоризненнымъ достоинствомъ, то христіанскіе императоры и поспѣшили сдѣлать это, предоставивъ епископамъ сначала неограниченное, а потомъ нѣсколько ограниченное право третейскихъ судей, т. е. право, чтобы епископы, если бы тяжущіеся по взаимному соглашенію не захотѣли идти къ обыкновеннымъ судьямъ, а захотѣли обратиться къ нимъ, принимали таковыхъ на судъ и чтобы ихъ судъ имѣлъ совершенно ту же самую силу, какъ если бы онъ былъ произведенъ обыкновенными судьями. Это право предоставилъ епископамъ первый же христіанскій императоръ Константинъ Великій, о чемъ Созоменъ пишетъ: «позволилъ тяжущимся, чтобы они обращались къ суду епископовъ, если бы они не хотѣли идти въ гражданскіе суды; приговоры епископовъ нетолько имѣли всю силу, но даже и большую, чѣмъ другихъ судей, какъ бы были постановлены самимъ императоромъ, и ректоры провинцій съ ихъ чиновниками обязаны были приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія епископовъ»[1]). Это узаконеніе Констан-

[1]) Hist. Eccles. lib. I, c. 9.

тина было повторяемо нѣсколько разъ и послѣдующими императорами и оставалось въ силѣ до позднѣйшаго времени; только вскорѣ послѣ Константина сдѣлано было то ограниченіе, чтобы епископы принимали къ своему третейскому суду дѣла гражданскія, но не уголовныя [1]).

У насъ, какъ мы сказали, было такъ, что съ каждаго судебнаго дѣла въ пользу судей шла извѣстная пошлина. Предоставить кому бы то ни было право третейскаго суда или право судящимся уклоняться отъ суда обыкновенныхъ судей у насъ значило лишать этихъ послѣднихъ принадлежавшихъ имъ доходовъ. Такимъ образомъ, по сей причинѣ у насъ и епископамъ вовсе не могло быть предоставлено права, усвоеннаго имъ въ Греціи. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что нашъ судъ представлялъ собой доходъ, само собою вытекало то непремѣнное положеніе, что судъ, предоставленный одному, долженъ быть неприкосновененъ для всякаго другаго, какъ собственность перваго, а слѣдовательно — и по отношенію къ епископамъ вытекало то положеніе, что для нихъ долженъ быть неприкосновененъ судъ, предоставленный гражданскимъ судьямъ.

Однако и у насъ было такъ, что государство почтило епископовъ значительной уступкой имъ своихъ правъ; только у насъ это было совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Греціи, и уступка имѣла другой смыслъ и значеніе, чѣмъ тамъ. Не допуская вмѣшательства епископовъ въ область суда гражданскаго, предполагая это вмѣшательство столько же невозможнымъ, сколько вообще невозможно чье бы то ни было посягательство на чужую собственность, государство или князья сдѣлали у насъ то, что расширили собственную постоянную область суда епископовъ на счетъ суда гражданскаго, т. е., что, не предоставляя епископамъ права постоянно вмѣшиваться во всѣ дѣла суда гражданскаго, они предоставили ихъ постоянному вѣдѣнію нѣкоторыя такія дѣла, которыя собственно подлежали сему послѣднему суду. Въ Греціи чрезъ предоставленіе епископамъ права третейскихъ судей свидѣтельствовалось уваженіе къ ихъ высокому нравственному характеру; у насъ уступкой епископамъ нѣкоторыхъ предметовъ суда гражданскаго дѣлался имъ денежный даръ, предоставлялось имъ нѣсколько лишнихъ статей дохода.

Относительно исторіи расширенія у насъ суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній.

Существуютъ такъ-называемые церковные уставы Владимира и Ярослава или ихъ будто бы дарственныя грамоты церкви, которыя именно дѣлаютъ то, что расширяютъ судъ церковный на счетъ суда граждан-

---

[1]) Cod. Justinian. lib. I tit. IV legg. 7 и 8. Впрочемъ въ позднѣйшее время, какъ даютъ знать свидѣтельства, судили и уголовныя легкія преступленія (ἐγκληματικὰ ἐλαφρότερα), — Вальсам. у Ралли и П. III, 495 fin.

скаго, предоставляя первому одна одно, другая другое количество дѣлъ гражданскихъ. Но если бы который-нибудь изъ этихъ уставовъ, исключающихъ себя взаимно, и былъ подлиннымъ, то во всякомъ случаѣ оставалось бы несомнѣннымъ, что ни одинъ извѣстный въ настоящее время списокъ того и другаго не представляетъ ихъ въ подлинномъ видѣ, а всѣ представляютъ въ большей или меньшей позднѣйшей передѣлкѣ, и что, такимъ образомъ, мы лишены возможности знать, что въ томъ и другомъ уставѣ есть подлинное. Такъ или иначе, больше или меньше, расширенъ былъ у насъ судъ церковный на счетъ суда гражданскаго въ самомъ началѣ, но необходимо принимать, что впослѣдствіи съ нимъ не случилось того, чтобы его пространство временно сокращалось, а было то, что онъ постепенно все болѣе и болѣе расширялся. Между тѣмъ изъ половины XII вѣка мы имѣемъ документальное свидѣтельство о пространствѣ у насъ церковнаго суда, изъ котораго оказывается, что даже и въ то время онъ еще имѣлъ иные и болѣе узкіе предѣлы, чѣмъ по какому бы ни было изъ списковъ того или другаго устава. Такое документальное свидѣтельство составляетъ жалованная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная имъ новооткрытой Смоленской епископіи въ 1150 году (о ней ниже).

Затѣмъ, вопреки нынѣшнимъ горячимъ и не горячимъ защитникамъ подлинности уставовъ, съ совершенною рѣшительностію должно возвратиться къ мнѣнію Карамзина, что они суть не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія.

Уставъ Владимира, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ [1]) и множествѣ списковъ, начинается краткимъ введеніемъ о принятіи Владимиромъ христіанства отъ Грековъ и о взятіи имъ у нихъ перваго митрополита, и потомъ содержитъ запись о дарствованіяхъ великаго князя, которыя суть: пожалованіе десятины Кіевской церкви св. Богородицы; предоставленіе въ подсудность епископамъ — во-первыхъ, всѣхъ мірянъ по нѣкоторымъ дѣламъ гражданскимъ, во-вторыхъ — нѣкоторыхъ классовъ мірянъ и духовенства по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ; порученіе завѣдыванію епископовъ богоугодныхъ заведеній и ихъ надзору торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. «Се азъ князь Василій, нарицаемый Володимеръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ (и) блаженныя княгини Ольги, въспріялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго (и) взяхъ перваго митрополита Леона Кіеву, иже крьсти всю землю Русьскую святымъ крщеніемъ. Потомъ же лѣтомъ многымъ минувшемъ создахъ церковь святыя Богородица Десятиньную, и дахъ ей десятину по всѣй земли Рустѣй изъ княженія въ сборьную церковь, отъ

1) Въ трехъ редакціяхъ: древней, которая должна быть принимаема за оригинальную автора, и въ двухъ позднѣйшихъ. См. въ продолженіи къ этой главѣ.

всего княжа суда,... изъ торгу,... изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякого жита... Потомъ разверзъше Грецьскыи Номоканонъ и обрѣтохъ въ немь, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ,... а се церковніи суды: роспустъ, смилное, заставанье... (перечисляются дѣла гражданскія, по которымъ всѣ міряне должны быть подвѣдомы суду епископовъ). Се же искони установлено есть и поручено святымъ пискупьямъ (епископамъ) городскія и торговыя всякія мѣрила и спуды и звѣсы... А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ... (перечисляются люди, предоставленные епископамъ въ подсудность по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ), монастыреве, больницѣ»... (богоугодныя заведенія).

Все, что находится въ уставѣ не только по всѣмъ извѣстнымъ редакціямъ, но и по всѣмъ безъ изъятія многочисленнымъ спискамъ всѣхъ редакцій, конечно, есть въ немъ подлинное и первоначальное, принадлежащее самому его автору. Съ этимъ совершенно согласны и защитники подлинности устава. Итакъ, — во-первыхъ, по всѣмъ спискамъ уставъ сначала говоритъ о дарованіи Владимиромъ десятины Кіевской церкви Богородицы, а потомъ о предоставленіи извѣстной части гражданскаго суда и пр. всѣмъ Русскимъ епископамъ. Если читатель припомнитъ себѣ, что десятина была дана не одной Кіевской церкви Богородицы или не одной митрополіи, но и всѣмъ епископіямъ, то онъ пойметъ всю несообразность того, какъ имѣетъ себя дѣло въ уставѣ. Уставъ говоритъ о пространствѣ суда, предоставленнаго всѣмъ Русскимъ епископамъ; но и десятина была дана всѣмъ имъ: ясно, что и о предоставленіи послѣдней онъ долженъ былъ говорить не одной Кіевской церкви Богородицы, а и всѣмъ епископіямъ. Эта совершенная и въ подлинномъ Владимировомъ уставѣ невозможная несообразность, очевидно, должна быть объясняема такъ, что позднѣйшіе составители устава не знали о дарованіи Владимиромъ десятины всѣмъ епископіямъ, что, читавъ въ лѣтописи о десятинѣ только Кіевской церкви Богородицы, они и даруютъ послѣднюю только сей одной и ставятъ частное распоряженіе о ней во главѣ тѣхъ общихъ узаконеній, которыя сочиняютъ сами.

Во-вторыхъ, по всѣмъ спискамъ устава Владимиръ даетъ десятину Кіевской церкви Богородицы «во всей земли Русской». Но это невозможно и совсѣмъ нелѣпо; Владимиръ далъ и могъ дать десятину Кіевской церкви Богородицы только въ области великаго княженія, десятина же съ прочихъ областей или удѣловъ долженствовала быть дана и дана была ихъ собственнымъ епископіямъ [1]).

---

[1]) Намъ, конечно, поспѣшатъ возразить, что такъ говоритъ о дарованіи десятины и лѣтопись. Однако это не такъ; въ лѣтописи Владимиръ говоритъ: „даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ *моихъ* де-

Въ-третьихъ, по всѣмъ спискамъ устава Владиміръ говоритъ, что онъ предоставляетъ суду епископовъ извѣстное количество дѣлъ гражданскихъ на основаніи греческаго Номоканона. Но это не правда, и слѣдовательно самъ Владиміръ не могъ этого сказать.

Въ-четвертыхъ, по всѣмъ спискамъ устава Владиміръ предоставляетъ суду епископовъ «смилное» или тяжбы изъ-за брачныхъ контрактовъ (рядныхъ грамотъ) и тяжбы о «задницѣ» или о наслѣдствѣ («дѣти тянутся о задницю»). Но относительно тяжбъ о наслѣдствѣ мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что при Ярославѣ они подлежали суду князя [1]), а за тѣмъ — ни однихъ, ни другихъ тяжбъ не находимъ подлежащими суду епископовъ даже въ половинѣ XII вѣка (грамота Ростислава Смоленскаго).

Въ наибольшей части списковъ устава во вступленіи говорится о томъ, что Владиміръ послѣ крещенія взялъ у патріарха перваго митрополита Кіеву, такъ что это мѣсто (о взятіи митрополита у патріарха) со всею вѣроятностію должно быть относимо къ мѣстамъ, принадлежащимъ оригиналу. Но во всѣхъ тѣхъ спискахъ, которые, говоря о семъ, называютъ патріарха по имени, — а такихъ списковъ въ своей категоріи рѣшительное большинство, — онъ есть Фотій, умершій до Владиміра за сто лѣтъ [2]).

Какъ нахожденіе чего-нибудь во всѣхъ спискахъ устава свидѣтельствуетъ о принадлежности этого чего-нибудь самому автору, такъ, наоборотъ, отсутствіе чего-нибудь во всѣхъ спискахъ устава должно, конечно, свидѣтельствовать о небытіи этого послѣдняго въ самомъ оригиналѣ. Между дѣлами, поручаемыми вѣдѣнію епископовъ, ни въ одномъ спискѣ устава не читается: «аще кто водитъ двѣ женѣ». Между тѣмъ со всею

сятую часть". Лѣтопись говоритъ, будто Владиміръ „далъ бѣ десятину къ церкви той по всей Русской земли" только подъ 1169 г. (Лавр., — Ипатск. — подъ 1172 г.), когда уже плохо разумѣлось, что такое десятина (а какъ это послѣднее могло случиться ясно будетъ изъ слѣдующихъ ниже рѣчей о десятинѣ).

[1]) Въ Правдѣ Ярославовой: «Аже братья ростяжуться передъ княземъ о задницю»... то... Толковать образъ выраженія: «аже ростяжются» такъ, что тяжущимся предоставляется обращаться къ суду князя, если они не хотятъ идти на судъ епископа, натянуто и неосновательно. По характеру нашего суда, о чемъ мы говорили немного выше, у насъ не могло быть того, чтобы тяжущимся было предоставлено по произволу обращаться къ тому или другому суду. Словомъ «аже», которое въ данномъ случаѣ дѣйствительно сообщаетъ рѣчи нѣкоторую неопредѣленность, начинается въ Правдѣ чуть не каждый параграфъ или каждая статья.

[2]) Имени патр. Фотія нѣтъ въ нѣкоторыхъ спискахъ устава позднѣйшаго времени, когда было узнано, что онъ не современникъ Владиміра. Но вмѣстѣ съ рѣшительнымъ большинствомъ позднѣйшихъ списковъ оно стоитъ въ спискѣ древнѣйшемъ, такъ что несомнительно должно быть принимаемо за принадлежащее оригиналу устава.

необходимостію должно предполагать, что это преступленіе предоставлено суду епископовъ съ самаго начала и самимъ св. Владиміромъ. Отсутствіе его въ уставѣ даетъ знать, что послѣдній явился въ то время, когда языческій обычай двоеженства совсѣмъ вывелся или, по крайней мѣрѣ, сталъ такъ рѣдокъ и незамѣтенъ, что не напомнилъ о себѣ его авторамъ.

Со всякими усиліями можно еще пожалуй доказывать подлинность устава Владимирова; но никакими усиліями нельзя доказать подлинность устава Ярославова, такъ что самая попытка дѣлать это была бы оригинальнымъ упорствомъ и болѣе ничего.

Уставъ этотъ, дошедшій до насъ, такъ же какъ и уставъ Владимировъ, въ немаломъ количествѣ списковъ и также не совсѣмъ въ одной редакціи [1]), представляетъ собою списокъ преступленій противъ нравственнаго христіанскаго закона, которыя вмѣстѣ признаются и преступленіями государственно-уголовными и по которымъ всѣ міряне предоставляются суду церковному, — митрополита и епископовъ, нетолько какъ по преступленіямъ нравственнымъ, подлежащимъ духовнымъ епитиміямъ, что̀ само собою разумѣется, но и какъ по преступленіямъ государственно-уголовнымъ, подлежащимъ мірскимъ наказаніямъ; при этомъ точно обозначаются размѣры денежныхъ штрафовъ, которые должны быть взимаемы епископами съ виновныхъ. «Се азъ князь великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью (въ другихъ спискахъ — по записи) отца своего, сгадалъ есмь съ митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми съ греческимъ Номокანономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжъ судити князю и бояромъ; далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ въ Номоканонѣ, по всѣмъ градомъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть. Аже кто умчитъ дѣвку или насилитъ, за соромъ ей»... столько-то, епископу столько-то. «Аже кто пошибаетъ (бьетъ) боярскую дщерь или боярскую жену»... за соромъ ей столько-то, а епископу столько-то, и т. д.

По всѣмъ спискамъ устава Ярославъ говоритъ, что онъ сложилъ его по данью или по записи отца. Но если Владиміръ имѣлъ намѣреніе написать уставъ, то съ какой стати онъ не сдѣлалъ бы этого самъ, а поручилъ устно или письменно (!) Ярославу (котораго онъ вовсе не прочилъ въ свои преемники)? И почему Ярославъ исполнилъ бы волю отца не въ началѣ правленія, а только подъ самый конецъ его? Вообще непонятныя въ подлинномъ Ярославовомъ уставѣ слова показываютъ только то, что̀ составители его не знали о существованіи мнимаго устава Владимірова, что вполнѣ подтверждается и взаимнымъ счисленіемъ ихъ содержанія (А митрополитъ Иларіонъ, поставленный подъ самый конецъ

[1]) См. также въ приложеніи къ этой главѣ.

правленія Ярослава, конечно, потому что составители не знали другаго митрополита времени Ярослава).

По всѣмъ спискамъ устава Ярославъ говоритъ, что онъ предоставляетъ епископамъ тѣ суды, которые писаны въ правилѣхъ въ Номоканонѣ. Но это совершенная неправда.

По всѣмъ спискамъ устава размѣры штрафовъ за преступленія отличаются несообразностями.

По всѣмъ спискамъ устава въ немъ есть такія рѣчи, которыя вовсе не идутъ въ жалованную грамоту князя митрополиту и епископамъ и превращаютъ его изъ сей послѣдней въ нѣчто другое, въ церковное каноническое сочиненіе; именно, во-первыхъ, говорится о такихъ правахъ митрополитовъ и епископовъ надъ священниками и монахами и о такихъ взаимныхъ правахъ священниковъ между собой, которыя вовсе не касаются князя; во-вторыхъ, говорится не только о преступленіяхъ гражданскихъ, подлежащихъ гражданскимъ наказаніямъ, но и о преступленіяхъ духовныхъ, подлежащихъ духовнымъ наказаніямъ — епитиміямъ.

Послѣ этихъ признаковъ подложности устава не совсѣмъ рѣшительныхъ есть въ немъ признаки подложности совершенно и безусловно рѣшительные.

Во-первыхъ, судъ митрополита и епископовъ надъ мірянами по преступленіямъ уголовнымъ расширяется въ уставѣ до такой степени, какъ у насъ этого не только не могло быть и не было во времена Ярослава, но несомнѣнно не было и никогда послѣ (разнаго вида кражи). А если авторъ устава предоставляетъ суду митрополита и епископовъ даже поджигательство, то доходитъ уже до совершеннаго абсурда. Въ семъ весьма важномъ уголовномъ преступленіи не только міряне всегда судились судомъ гражданскимъ, но по всей вѣроятности всегда подлежали ему и лица духовныя [1]).

Во-вторыхъ, наибольшую часть преступленій уставъ облагаетъ двойнымъ наказаніемъ, — денежнымъ штрафомъ въ пользу епископа и казнью въ собственномъ смыслѣ со стороны князя. Не допуская того, чтобы наше древнее законодательство представляло собою нѣчто противное разуму человѣческому и нѣчто немыслимымъ образомъ выдававшееся изъ всѣхъ другихъ законодательствъ, конечно, нельзя допустить и того, чтобы у насъ въ древнее время преступленія могли быть обложены двойнымъ наказаніемъ.

Неизвѣстный авторъ устава Владимирова, заставляя Владимира предоставлять суду митрополита и епископовъ по извѣстнымъ дѣламъ граж-

---

[1]) То же должно разумѣть объ убійствахъ и душегубствѣ, которыя предоставляются суду митрополита и епископовъ нѣкоторыми списками устава. — Относительно времени Ярославова сравнивай его «Русскую Правду».

данскимъ и по извѣстнымъ преступленіямъ уголовнымъ всѣхъ мірянъ, ссылается на греческій Номоканонъ: «разверзше греческій Номоканонъ, обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ». То же дѣлаетъ и авторъ устава Ярославова. Въ греческомъ Номоканонѣ вовсе нѣтъ того, чтобы дѣла гражданскія и преступленія уголовныя, которыя предоставляются нашими уставами суду митрополита и епископовъ, предоставлялись суду послѣднихъ. Однако ссылка уставовъ на греческій Номоканонъ оказывается сдѣланною не совсѣмъ безъ всякаго основанія или не совсѣмъ простою фальшью и ложью. Въ Кормчей Книгѣ послѣ каноновъ церковныхъ помѣщено нѣсколько краткихъ руководствъ къ законамъ гражданскимъ, изъ коихъ одни представляютъ собою оффиціальные памятники законодательства, а другія произведенія частныхъ юристовъ; эти руководства суть: двѣ выписки изъ новеллъ Юстиніановыхъ [1]), выписка изъ ветхозавѣтнаго законодательства Моусеева [2]), уставъ о наказаніяхъ неизвѣстнаго частнаго юриста, названный «Закономъ суднымъ» [3]) Еклога Льва Исавра [4]) и Прохиронъ Василія Македонянина [5]). Сейчасъ указанныя руководства къ гражданскимъ законамъ помѣщены въ Кормчей Книгѣ вовсе не потому, чтобы дѣла гражданскія и преступленія уголовныя, о которыхъ въ нихъ говорится, предоставлены были императорами въ Гре-

---

[1]) Въ Никоновской печатной Кормчей первая выписка составляетъ главу 42-ю и надписывается: «Отъ свитка божественныхъ новыхъ заповѣдей, иже въ божественномъ наслѣдіи царя Іустиніана».... Состоитъ изъ 87 главъ и усвояется Іоанну Схоластику,—*Biener'a* Geschichte der Novellen, S. 167, и De collectionibus canonum, p. 15). Вторая выписка составляетъ главу 44-ю и надписывается: «Отъ различныхъ титлъ рекше граней Іустиніана царя новыхъ заповѣдей».... Раздѣляется на 13 граней и содержитъ извлеченіе изъ Номоканона Фотіева (изъ κείμενον'α, *Бинеръ* De collectionn. p. 67).

[2]) Въ Никон. Кормч. гл. 45, надписаніе: «Избраніе отъ закона Богомъ даннаго Израильтяномъ Моусеомъ»..., состоитъ изъ 50 главъ.

[3]) Въ Никон. Кормч. гл. 46, надписаніе: «Законъ судный людемъ царя Константина Великаго». Въ древнѣйшихъ спискахъ статья называется просто «Закономъ суднымъ» (*Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 275 col. 2 и наша Академич. ркп. № 54 л. 38), а въ позднѣйшихъ спискахъ усвоена Константину Великому потому, что въ началѣ ея читается: «Прежде всякія правды достойно о Божіи правдѣ глаголати, тѣмже и святый Константинъ, первый законъ списавъ, предаде сице глаголя».... (Съ учеными примѣчаніями статья напечатана во 2 т. Рускк. Достопп).

[4]) Въ Никон. Кормч. гл. 50; усвояемая Льву Мудрому надписывается: «Леона, царя премудраго, и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученій и образѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ» (О томъ, что Еклога принадлежитъ не Льву Мудрому, а Льву Исавру, см. *Геймбаха* въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 86, S. 214).

[5]) Въ Никон. Кормч. гл. 49, надп. «Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ» (О Прохиронѣ въ Енцикл. Эрша и Гр. ibid. S. 303).

ціи суду церковному, а совсѣмъ по другой причинѣ. Въ Греціи, какъ мы говорили, епископамъ предоставлено было право третейскихъ судей, т. е. право принимать къ себѣ на судъ всѣхъ міряпъ и во всякихъ дѣлахъ, если бы они не пожелали судиться у обыкновенныхъ судей. По этой причинѣ въ Греціи судьи церковные имѣли такую же нужду въ знаніи законовъ гражданскихъ, какъ и судьи гражданскіе. А поэтому-то руководства къ гражданскимъ законамъ и внесены въ Кормчую Книгу. Но у насъ это было понято иначе: законы гражданскіе, внесенные въ Кормчую Книгу по сейчасъ указанной причинѣ, у насъ были поняты какъ законы, трактующіе о власти епископовъ (предоставляющіе въ исключительную подсудность послѣднихъ дѣла и преступленія, о которыхъ въ нихъ говорится). И вотъ эти-то руководства къ гражданскимъ законамъ, помѣщенныя въ Кормчей и вовсе не думающія предоставлять въ (исключительную) подсудность епископамъ дѣлъ и преступленій, о которыхъ говорятъ, и составляютъ тотъ греческій Номоканонъ, по которому будто бы не подобаетъ извѣстныхъ тяжъ гражданскихъ и преступленій уголовныхъ князю судити ни бояромъ его ни судьямъ. Этотъ-то мнимый Номоканонъ и служитъ для составителей уставовъ источникомъ, на основаніи котораго они составляютъ свои списки преступленій уголовныхъ и дѣлъ гражданскихъ, предоставляемыхъ ими суду митрополитовъ и епископовъ [1]). При семъ составитель устава Владимирова обнаруживаетъ въ пользованіи источникомъ мѣру и благоразуміе, составляя свой списокъ такимъ образомъ, чтобы противъ него не могло быть сдѣлано серьезныхъ возраженій; напротивъ, составитель устава Ярославова, одушевленный желаніемъ создать епископамъ изъ суда церковнаго возможно солидную статью доходовъ, не хочетъ знать никакой мѣры и благоразумія, дѣлая почти весь судъ гражданскій общимъ достояніемъ князя и епископа (предоставляя первому казнить, а второму усвояя взиманіе денежныхъ штрафовъ).

Нельзя сказать съ увѣренностію, какимъ образомъ случилось, что помѣщеніе въ Кормчей Книгѣ руководствъ къ гражданскимъ законамъ понято было у насъ помянутымъ неправильнымъ образомъ, — но не на-

---

[1]) Одинъ изъ позднѣйшихъ, XVII вѣка, читателей устава Владимирова усмотрѣлъ, подобно намъ, что̀ должно разумѣть подъ «греческимъ Номоканономъ», на который ссылается уставъ и сдѣлалъ на полѣ замѣтку: «зри царскій уставъ», подъ которымъ разумѣетъ статьи по гражданскому законодательству, помѣщенныя въ Кормчей (см. въ Вивліоѳ VI, 5, гдѣ замѣтка внесена уже въ самый текстъ устава). — Въ одной изъ статей по гражданскому законодательству, помѣщенныхъ въ Кормчей, именно — въ Законѣ судномъ» (Никон. Кормч. гл. 46) говорится о двухъ наказаніяхъ за преступленія—гражданскомъ, состоящемъ въ разныхъ казняхъ, и церковномъ, состоящемъ въ духовныхъ епитиміяхъ: можетъ быть, эта рѣчь о двухъ наказаніяхъ и подала автору устава Ярославова мысль обложить преступленія двумя гражданскими наказаніями.

мѣренному недоразумѣнію или по намѣренному умыслу [1]). Если первое, то необходимо думать, что уставы явились уже послѣ нашествія Монголовъ и послѣ того, какъ митрополитами нашими перестали быть Греки, ибо со стороны послѣднихъ, очевидно, не могло быть въ семъ случаѣ недоразумѣнія. Если второе, то уставы могли явиться еще и въ періодъ Кіевскій. Во всякомъ случаѣ, внутренніе признаки устава Владимирова, старшаго по времени появленія, заставляютъ относить его ко времени не болѣе раннему, какъ конецъ XII — начало XIII вѣка или самый конецъ Кіевскаго періода [2]). А признаки внѣшніе склоняютъ болѣе къ тому мнѣнію, чтобы считать уставы явившимися уже въ періодъ Монгольскій [3]).

Послѣ мнимыхъ уставовъ Владимира и Ярослава, которые, какъ мы говорили, въ своемъ теперешнемъ видѣ мало принесли бы намъ пользы и въ томъ случаѣ, если бы тотъ или другой изъ нихъ былъ подлиннымъ, мы остаемся и всего съ однимъ достовѣрнымъ актомъ изъ періода до-

---

[1]) То обстоятельство, что составители уставовъ не сполна усвояютъ суду митрополита и епископовъ всѣ дѣла и преступленія, о которыхъ говорится въ руководствахъ, а дѣлаютъ выборъ, по видимому, заставляетъ считать вѣроятнѣйшимъ второе, а не первое.

[2]) Слово «клиросъ» употребляется въ уставѣ въ смыслѣ всего причта, тогда какъ его древнее значеніе — штатъ архіерейскихъ чиновниковъ; между лицами, принадлежащими къ клиросу, называются проскурницы, тогда какъ онѣ явились у насъ не ранѣе второй половины XII вѣка (см. ниже); авторъ устава забываетъ помѣстить между преступленіями двоеженство.

[3]) Взглядъ на помянутыя выше руководства къ гражданскимъ законамъ, какъ на законодательные акты, трактующіе о власти епископовъ, могъ явиться только тогда, когда эти руководства были внесены въ Кормчую Книгу (ибо взглядъ явился именно вслѣдствіе сего внесенія, — вслѣдствіе того, что руководства видѣли въ Кормчей Книгѣ). Слѣдовательно, первое случилось не ранѣе послѣдняго. Если не ошибаемся, вѣроятнѣйшее есть то, что помянутыя руководства къ гражданскимъ законамъ находятся въ составѣ нашей славянской Кормчей только со времени митрополита Кирилла 3-го (по принятому счету — 2-го), который пріобрѣлъ нынѣшнюю редакцію (нынѣшнее изданіе, — если пойметъ насъ читатель) нашей Кормчей изъ Болгаріи въ 1262 г. (Такъ какъ мы имѣемъ списокъ устава Владимирова, писанный не позднѣе 1294 г., см. въ приложеніи, то, въ случаѣ принятія сейчасъ сказаннаго, время появленія устава опредѣлялось бы промежуткомъ годовъ 1262 — 1294). — Наши уставы не были извѣстны въ позднѣйшей Кіевской Руси (уставъ Владимировъ не былъ тамъ извѣстенъ совсѣмъ; уставъ Ярословлвъ тамъ былъ, но свой и отличный отъ Московскаго, — Акт. Западн. Россіи т. 1, №№ 43, 82 и 166; самый уставъ Ярославовъ Кіевской редакціи въ послѣднемъ № стр. 191 col. 1). Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что уставы впервые явились или сочинены не въ Кіевской Руси, а гдѣ-то въ сѣверной (Новгородѣ или Владимирѣ), а во-вторыхъ, съ наибольшею вѣроятностію и то, что явились не до нашествія Монголовъ, а уже послѣ, ибо въ первомъ случаѣ они могли бы распространиться въ южной Руси.

монгольскаго, который говоритъ о пространствѣ у насъ церковнаго суда или юрисдикціи епископовъ. Актъ этотъ есть упомянутая нами выше грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная имъ Смоленской епископіи вскорѣ послѣ основанія сей послѣдней, въ 1150 году. Предоставляемая этой грамотой князя епископамъ Смоленскимъ область суда является значительно расширенною на счетъ суда гражданскаго. Грамота ясно даетъ знать, что князь Смоленскій не первый дѣлаетъ это расширеніе суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, но что онъ уступаетъ его своимъ епископамъ въ томъ объемѣ, въ какомъ въ его время онъ принадлежалъ всѣмъ епископамъ [1]). Такимъ образомъ, изъ находящагося въ нашемъ распоряженіи единственнаго достовѣрнаго документа мы узнаемъ о началѣ расширенія у насъ судацерковнаго на счетъ суда гражданскаго только то, что это случилось когда-то до половины XII вѣка.

Необходимо думать, что первое начало расширенія суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго восходитъ ко времени самаго св. Владиміра. Онъ ввелъ въ Россіи церковное управленіе и учредилъ впервые епископіи. Какимъ-нибудь образомъ онъ долженъ былъ опредѣлить область церковнаго суда, чтобы власть епископовъ не сталкивалась со властію гражданскою. Но если бы онъ опредѣлилъ область церковнаго суда такъ, чтобы епископамъ не вмѣшиваться ни во что собственно гражданское, то весьма невѣроятно было бы предполагать, чтобы это его узаконеніе могло быть отмѣнено въ пользу епископовъ кѣмъ-либо изъ послѣдующихъ великихъ князей. Суду епископовъ, какъ увидимъ ниже, были предоставлены большею частію такія гражданскія преступленія [2]), которыя не считались преступленіями въ языческой Руси, и необходимо думать, что дѣло началось именно съ нихъ. Такъ какъ при Владимірѣ представители суда гражданскаго, только-что превратившіеся въ христіанъ изъ язычниковъ, не могли считаться надежными преслѣдователями и карателями сихъ преступленій, то естественно было, чтобы Владиміръ отдалъ ихъ вѣдѣнію и суду епископовъ. Такъ какъ преступленія эти, не бывъ прежде преступленіями, вмѣстѣ съ симъ не составляли прежде и статей дохода для гражданскихъ судей, то не могло быть препятствія и протеста противъ отдачи ихъ вѣдѣнію епископовъ и съ той стороны, что сею отдачею нарушались права гражданскихъ судей: отдачею не отнимались у кого-нибудь прежде бывшія статьи дохода, а только создавались для епископовъ новыя. Но если бы судъ по тѣмъ преступленіямъ, которыя мы находимъ послѣ подсуднымн епископамъ,

---

[1]) „А тяжъ епископлихъ, пишетъ князь, не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ“, т. е. тѣхъ тяжъ или дѣлъ судебныхъ, которыя подлежатъ суду епископовъ.

[2]) Употребляемъ слово гражданскій, очевидно, не въ противоположность уголовный, а церковный.

не былъ предоставленъ послѣднимъ самимъ Владиміромъ и находился нѣкоторое время въ вѣдѣніи судей гражданскихъ, то весьма трудно предполагать, чтобы созданныя и находившіяся нѣкоторое время въ обладаніи гражданскихъ судей статьи дохода могли быть потомъ уступлены епископамъ.

Какія именно преступленія гражданскія были предоставлены Владиміромъ суду епископовъ или какъ первоначально была опредѣлена имъ область суда послѣднихъ, вопросъ этотъ, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, конечно, навсегда долженъ остаться вопросомъ. Сейчасъ выше мы сказали, что впослѣдствіи были подсудными епископамъ большею частію такія преступленія, которыя въ языческой Руси не были преступленіями. Поелику этого рода преступленія Владиміръ имѣлъ всѣ побужденія предоставить вѣдѣнію епископовъ, ибо только они могли съ надлежащимъ знаніемъ судить и съ надлежащимъ усердіемъ преслѣдовать ихъ; поелику, съ другой стороны, тѣхъ преступленій, которыя были таковыми уже въ языческой Руси, Владиміръ не имѣлъ побужденій отдавать епископамъ, а въ финансовой сторонѣ дѣла были и положительныя къ тому препятствія: то вообще необходимо думать, что Владиміръ первоначально предоставилъ епископамъ то или другое количество дѣлъ первой, а не второй категоріи. Владиміръ не давалъ письменнаго узаконенія, которымъ бы опредѣлялась область суда церковнаго, и мы думаемъ, т. е. намъ представляется вѣроятнымъ думать, что первоначально дѣло было установлено только въ принципѣ — что̀ можетъ и что̀ не можетъ принадлежать къ области церковнаго суда, но что подробности, болѣе или менѣе опредѣленныя границы сего суда установили только время и обычай. Когда Русскіе приняли христіанство, то оказались преступленіями многія такія дѣла, которыя прежде не считались преступленіями. Всѣ такія преступленія прежде всего были преступленіями церковными или духовными, преступленіями противъ христіанскаго закона и уже потомъ стали преступленіями гражданскими, потому что гражданская власть, ставъ на христіанскую точку зрѣнія, должна была признать ихъ таковыми. Какъ преступленія церковныя епископы должны были начать преслѣдовать ихъ съ самаго начала и никого не спрашиваясь, своею собственною властію. Но вотъ и гражданская власть, укрѣпляясь въ христіанскихъ взглядахъ, мало по малу начала признавать ихъ преступленіями и съ своей точки зрѣнія и облагать ихъ соотвѣтствующими гражданскими наказаніями. Такъ какъ гражданская власть усвоила и заимствовала свой взглядъ отъ церкви, то совершенно естественно было, чтобы и гражданскій судъ съ гражданскими наказаніями по помянутымъ преступленіямъ, по мѣрѣ того, какъ она признавала ихъ преступленіями гражданскими, она предоставила тѣмъ же епископамъ, которые уже вѣдали и преслѣдовали ихъ, какъ преступленія церковныя. Она должна

была сдѣлать это тѣмъ болѣе, что, сама не теряя ничего изъ принадлежавшаго ей, она создавала для епископовъ новыя статьи дохода. Гражданскій судъ отказывался только отъ вновь явившихся статей дохода, но эти новыя статьи явились благодаря именно взглядамъ церкви, а съ другой стороны на гражданскомъ правительствѣ лежала забота о возможно болѣе удовлетворительномъ обезпеченіи церкви: естественно поэтому было случиться, чтобы князья, въ таковой заботѣ объ этомъ обезпеченіи церкви и въ своемъ усердіи къ сему, рѣшились сдѣлать помянутую, не особенно большую съ ихъ стороны, жертву.

Итакъ, повторяемъ, всего вѣроятнѣе думать, что первоначально только въ принципѣ было установлено, какая именно область преступленій гражданскихъ можетъ поступить въ юрисдикцію епископовъ, но что потомъ частнѣйшимъ образомъ область этой юрисдикціи расширялась и слагалась постепенно. Объ отвѣтѣ на вопросъ: въ какой именно постепенности и какъ именно шло дѣло, очевидно, не можетъ быть и рѣчи, когда мы ничего положительнаго не можемъ отвѣчать и на всѣ другіе вопросы, впереди его стоящіе. Естественно предполагать, что власть гражданская скорѣе признала преступленіями гражданскими преступленія церковныя наиболѣе важныя, и слѣдовательно вообще нужно предполагать, что въ признаніи послѣднихъ первыми она шла основываясь на семъ началѣ большой важности.

Грамота Ростислава Мстиславича Смоленскаго, которая сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ у насъ суда епископскаго въ половинѣ XII в., къ сожалѣнію, пока извѣстна въ спискѣ не совсѣмъ исправномъ, такъ что пока мы узнаемъ изъ нея не совершенно все то, что намъ надлежало бы въ данномъ случаѣ знать [1]. Слѣдующія преступленія предоставляетъ она суду епископовъ Смоленскихъ не только какъ преступленія церковныя, подлежащія духовнымъ наказаніямъ, что само собою подразумѣвается, но и преступленія гражданскія, подлежащія гражданскимъ наказаніямъ — бо́льшимъ или меньшимъ денежнымъ штрафамъ: 1) «роспустъ» или роспускъ, т. е. какъ судъ по дѣламъ о роспускѣ, законно вчиняемымъ, такъ и преслѣдованіе роспусковъ, совершонныхъ своевольно и неправильно; 2) «ажъ водитъ кто двѣ жонѣ», т. е. если кто, не довольствуясь одною женою, какъ требуетъ христіанство, позволитъ себѣ по-язычески многоженство; 3) «аще кто поимется чрезъ законъ», т. е. браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства; 4) «(тяжа) уволочская, аще уволочетъ кто дѣвку»; объ этомъ преступленіи сказано, что его судитъ князь или посадникъ и только выдаетъ епископу половину штрафа: «што возьметъ князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что возьметъ свои тяжи, то съ епископомъ на полы»; 5) «зелья

[1]) Напеч. въ Дополн. къ Акт. Истор., т. 1, № 4, стр. 5.

и душегубства», т. е. всѣ виды волшебства и колдовства и происходящій отъ сего всякій вредъ; 6) «аще бьетася двѣ женѣ», т. е. если подерутся и будутъ искать суда двѣ женщины. За симъ остаются еще двѣ тяжи или два преступленія, но въ чемъ онѣ состоятъ, понять нельзя; о первой сказано: «а пятое ажъ ту женку, то епископу»; о второй: «шестая (тяжа) вопросъ, а то епископу». Такимъ образомъ, въ половинѣ XII вѣка суду епископовъ не только духовному, но и гражданскому подлежали: во-первыхъ, три вида дѣлъ брачныхъ: многоженство, браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства и роспуски; во-вторыхъ, зелейничество и волшебство; въ-третьихъ, бой между женщинами, и наконецъ два вида преступленій, остающіеся неизвѣстными. Почему предоставлены были суду епископовъ преступленія брачныя и волшебство, это ясно изъ того, что̀ сказано нами выше: въ языческой Руси эти преступленія не считались преступленіями, т. е. онѣ предоставлены были полному вѣдѣнію епископовъ за тѣмъ, чтобы могли быть преслѣдуемы съ тою надлежащею неукоснительностію и строгостію, которыхъ правительство вовсе не могло ожидать отъ гражданскихъ судей. Что касается въ частности до дѣлъ брачныхъ, то онѣ имѣютъ нѣкоторыя спеціальныя свойства, которыя заставляли, чтобы онѣ предоставлены были вѣдѣнію епископовъ. Для сужденія объ однихъ изъ этихъ дѣлъ судія до̀лженъ имѣть спеціальныя каноническія свѣдѣнія, при разбирательствѣ другихъ судья долженъ быть не только судьею, но и нравственнымъ увѣщателемъ; то и другое, будучи невозможно для гражданскихъ судей, такъ-сказать необходимо отдавало эти дѣла въ руки епископовъ. И въ самой Греціи судъ по дѣламъ брачнымъ до такой степени почитался наиболѣе приличествующимъ епископамъ и они до такой степени считались по этимъ дѣламъ судьями наиболѣе компетентными и наиболѣе соотвѣтствующими, что если необязательно предписывалось, то настоятельно рекомендовалось, чтобы эти дѣла производились разбирательствомъ не иначе, какъ у епископовъ [1]). Почему предоставляются суду епископовъ бои между женщинами, на этотъ вопросъ мы не можемъ ничего сказать удовлетворительнаго. Можетъ быть, предоставлявшіе ихъ суду епископовъ имѣли въ виду то, чтобы судъ по этимъ боямъ, имѣвшимъ причинять бо̀льшій соблазнъ, чѣмъ бои мужчинъ, не ограничивался наложеніемъ однихъ наказаній, но и сопровождался нравственными увѣщаніями, или можетъ быть съ другой стороны имѣли въ виду то, чтобы избавить виновныхъ женщинъ отъ позора стоять и давать свои показанія на судѣ у обыкновенныхъ судей. Преступленіе уволока или умыканія, т. е. увоза или похищенія дѣвицъ для брака не предоставляется суду епископовъ, но имъ уступается

---

[1]) Новелла Алексѣя Комнина у Ралли и П. V, 281 (самый конецъ новеллы).

только половина штрафа, который возьмутъ съ виновныхъ имѣющіе судить князь или его посадникъ. Преступленіе это, какъ мы думаемъ, не было предоставлено суду епископовъ потому, что оно было преступленіемъ уже въ языческой Руси и что, какъ таковое, оно уже до христіанства принадлежало гражданскимъ судьямъ. Предполагать это даетъ намъ право лѣтописецъ. Онъ сообщаетъ, что обычай умыканія дѣвицъ, бывшій у многихъ Славянъ, — у Древлянъ, Вятичей, Радимичей и Сѣверянъ, не существовалъ у Полянъ или Славянъ Кіевскихъ, у которыхъ, по его свидѣтельству, были настоящіе браки. Такъ какъ гражданское правительство, водворившись среди сихъ послѣднихъ Славянъ, естественно должно было усвоить и ихъ взгляды на вещи, то отсюда весьма вѣроятно предполагать, что оно начало смотрѣть на умыканіе, какъ на преступленіе и начало преслѣдовать его какъ таковое еще во времена языческія [1]). Почему, не предоставляя умыканія суду епископовъ, предоставили имъ половину штрафа, за это преступленіе, положительно сказать не можемъ. Можетъ быть потому, чтобы епископовъ, имѣвшихъ въ семъ случаѣ большую возможность надзора, чѣмъ гражданская власть, побудить бдительно надзирать и неупустительно указывать случаи преступленія.

Мы сказали выше, что въ древней Руси со всѣхъ дѣлъ судебныхъ гражданскихъ шла въ пользу судей извѣстная пошлина и что большая часть преступленій уголовныхъ, за исключеніемъ самыхъ тяжкихъ, были наказуемы денежнымъ штрафомъ въ пользу тѣхъ же судей. Вслѣдствіе этого гражданская власть, уступивъ суду епископовъ извѣстное количество дѣлъ гражданскихъ, пожертвовала имъ, какъ мы сказали, извѣстное количество статей своихъ доходовъ. Какъ именно велика была жертва правительства въ предоставленіи суду епископовъ указанныхъ нами выше дѣлъ гражданскихъ или иначе сказать, какъ велики были денежные штрафы, которые шли епископамъ съ суда за указанныя преступленія, пока остается неизвѣстнымъ, ибо пока вовсе не извѣстно такихъ актовъ, въ которыхъ бы опредѣлялся размѣръ этихъ штрафовъ. Есть основаніе только вообще предполагать, что эти судебные доходы епископовъ были довольно значительны, что они не только окупали трудъ суда, но и приносили такую выгоду, которою стоило дорожить и которую стоило отстаивать. Это ясно изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій, которыя были писаны въ защиту церковнаго суда отъ посягательства судей гражданскихъ и которыя, защищая неприкосновенность этого суда,

[1]) Техническое названіе законной жены въ древней Руси было «водимая» (Лѣтоп. о женахъ Владиміра подъ 980 г.), т. е. ставшая сожительницею по брачному обряду Кіевскому или Полянскому, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: «не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но *привожаху* вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче».

говорятъ, что онъ данъ на потребу клирошанамъ и на вспомоществованіе всѣмъ ищущимъ помощи церкви [1]).

Грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, какъ мы сказали выше, пока есть единственный, извѣстный въ настоящее время, достовѣрный актъ изъ всего періода до-монгольскаго, который сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ области церковнаго суда. Такимъ образомъ мы знаемъ о семъ пространствѣ только за половину XII вѣка, и за тѣмъ прямо переносимся въ періодъ Московскій.

Сравнивая пространство области церковнаго суда, какое она имѣла въ половинѣ XII вѣка, съ ея пространствомъ въ позднѣйшее Московское время, мы находимъ, что когда-то впослѣдствіи, послѣ половины XII вѣка, эта область значительно расширилась. Кромѣ всего указаннаго выше, впослѣдствіи времени суду епископовъ подлежали еще: 1) тяжбы по ряднымъ грамотамъ или брачнымъ контрактамъ; 2) дѣла по духовнымъ грамотамъ, по раздѣлу наслѣдствъ и о душеприкащикахъ, злоупотребляющихъ своими правами; 3) дѣла по кабаламъ и по жалобамъ рабовъ на господъ и на оборотъ; 4) жалобы родителей на дѣтей въ непослушаніи или въ какихъ иныхъ неистовствахъ; 5) жалобы мужей на женъ и женъ на мужей въ прелюбодѣяніи и въ иныхъ дѣлахъ; 6) дѣла о бракахъ дѣтей противъ воли родителей; 7) дѣла о незаконныхъ дѣтяхъ, отъ которыхъ отказываются родители; 8) дѣла о насиліи женъ и дѣтей; 9) тяжбы изъ-за такъ-называемыхъ поклажаевъ или отдачи вещей на сохраненіе; 10) дѣла объ усыновленіи и о наслѣдствѣ дѣтямъ усыновленнымъ; 11) нѣкоторыя виды безчестія (кто кого назоветъ выблядкомъ или прелюбодѣемъ или инымъ какимъ словомъ; кто дерзнетъ рукою за тайные уды или кто чью жену опростоволоситъ [2]).

Когда случилось это расширеніе суда церковнаго, — еще въ періодъ до-монгольскій или уже въ періодъ Московскій?

Представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать, что еще въ періодъ до-монгольскій. Князья Московскіе были весьма благочестивы, весьма уважали епископовъ и вообще санъ духовный, но въ то же время весьма крѣпко и ревниво оберегали свои изстаринныя права, и полагать, чтобы они захотѣли поступиться ими епископамъ, есть вещь весьма сомнитель-

---

[1]) «Суды церковныи даны закономъ Божіимъ прежними цари и великими нашими князьями; князю и боярамъ и судіямъ въ тѣ суды нельзѣ вступатися... то дано клирошаномъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многъ кормленіе, нищихъ кормленіе, обидимыхъ помоганіе»... и пр., Опис. Рум. Муз. Восток. стр. 281 col. 1 fin. также Правосл. Собесѣдн. 1861, ч. 3, стр. 471.

[2]) Стоглавн. гл. 68, соборныя статьи 28 мая 1667 г. въ Акт. Истор. т. 4, № 155, стр. 205, докладные пункты Синода 12 апрѣля 1722 г. въ Собр. Закон. т. 6, № 3963.

ная и мало вѣроятная. То же самое оказывается наиболѣе вѣроятнымъ и по другимъ сторонамъ дѣла: невозможно предположить, чтобы границы между судами гражданскимъ и церковнымъ все еще оставались нетвердыми и неопредѣленными до самаго начала XIV вѣка, откуда начинается періодъ Московскій; необходимо думать, что время неопредѣленности прекратилось и твердое установленіе границъ имѣло мѣсто ранѣе указаннаго времени; а слѣдоват. необходимо за симъ думать, что и расширеніе суда церковнаго, какимъ мы находимъ его въ позднѣйшее время противъ XII вѣка, произошло когда-то ранѣе Москвы. Время Московское можно назвать временемъ юридической ясности или юридическаго уясненія: подведены были обстоятельные счеты всему предшествующему, каждый остался на будущее время съ тѣмъ, съ чѣмъ оказался, но тутъ же былъ и конецъ всякому дальнѣйшему расширенію чьихъ-либо правъ на счетъ правъ великаго князя. То, что князья Московскіе при своемъ появленіи нашли изстари принадлежащимъ епископамъ, они оставили имъ, не посягая на установленныя временемъ границы ихъ области, но въ то же время не дозволяли имъ нарушать и своихъ также установленныхъ временемъ границъ. Такъ представляется самымъ вѣроятнымъ разумѣть дѣло относительно князей Московскихъ, а слѣдовательно и расширеніе границъ области суда церковнаго относить ко времени до-московскому.

Какимъ образомъ первоначально произошло расширеніе суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, это мы объясняли выше и это объясняется довольно легко. Но значительно иное дѣло—то новое или последующее расширеніе, о которомъ мы говоримъ теперь. Первоначально расширеніе произошло не вслѣдствіе того, что гражданская власть поступилась церкви извѣстнымъ количествомъ дѣлъ и преступленій, бывшихъ дотолѣ въ ея вѣдѣніи, а вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ церкви создались въ гражданской области новыя преступленія, которыя и были предоставлены ей—церкви. Но дальнѣйшее расширеніе области суда церковнаго или то, о которомъ мы говоримъ сейчасъ, должно было совершаться уже положительнымъ образомъ на счетъ суда гражданскаго или въ прямой и положительный ему ущербъ, ибо должно было совершаться тѣмъ путемъ, чтобы дѣла, прежде бывшія подсудными суду гражданскому, перешли въ область суда церковнаго. Какимъ же образомъ могло случиться, что гражданская власть, по финансовой сторонѣ дѣла рѣшительно заинтересованная въ томъ, чтобы не дозволять расширяться области суда церковнаго на счетъ его собственной области, однако дозволила, чтобы таковое расширеніе имѣло мѣсто?

Если расширеніе дѣйствительно имѣло мѣсто, то, значитъ, была возможность ему случиться и, значитъ, были причины, вслѣдствіе которыхъ оно на самомъ дѣлѣ случилось. Вопросъ слѣдовательно только въ томъ: какъ же можно объяснить дѣло наиболѣе вѣроятнымъ образомъ?

Всѣ указанныя нами выше дѣла и преступленія, которыя позднѣе, послѣ половины XII вѣка, вошли въ область суда церковнаго, имѣютъ то особенное, всѣмъ имъ общее, свойство, что для удовлетворительнаго рѣшенія ихъ недостаточенъ судъ по формѣ, но желателенъ судъ по совѣсти, для котораго требуется, чтобы судія представлялъ изъ себя не только просто судію, но и имѣющаго авторитетъ нравственнаго увѣщателя, ибо одни изъ нихъ таковы, что могутъ считаться удовлетворительно оконченными только тогда, когда вмѣстѣ съ разсужденіемъ самой тяжбы будетъ возстановленъ добрый миръ между судящимися, а другія таковы, что самое это разсужденіе можетъ быть удовлетворительно произведено только тогда, когда, не довольствуясь отвѣтами по формѣ, судія сдѣлаетъ обращеніе къ искренней совѣсти судящихся и изъ этого обращенія вынесетъ для себя то или другое убѣжденіе. Такими судьями не были обыкновенные судьи гражданскіе, но могли быть только судьи духовные — священники, и слѣдовательно всѣ эти дѣла заключали въ себѣ, въ своихъ свойствахъ, естественное тяготѣніе къ церкви. Мы сказали, что у насъ въ Россіи, по той причинѣ, что судъ былъ доходъ для судей, никому, а въ томъ числѣ и епископамъ, не было и не могло быть предоставлено право третейскаго суда, потому что всякое уклоненіе судящихся отъ обыкновенныхъ подлежащихъ судей лишало бы сихъ послѣднихъ ихъ доходовъ. Но въ дѣлѣ суда легко предписывать, чтобы никто помимо установленныхъ судей не смѣлъ обращаться къ третейскимъ судьямъ, но трудно и совершенно невозможно слѣдить за точнымъ исполненіемъ предписанія, если почему-нибудь сами судящіеся найдутъ болѣе выгоднымъ для себя и вообще предпочтительнымъ судъ вторыхъ, а не первыхъ судей. Такимъ образомъ, если могли быть причины, чтобы судящіеся предпочитали въ помянутыхъ судебныхъ дѣлахъ судъ епископовъ и вообще судъ духовныхъ судей суду гражданскихъ судей, то они и имѣли полную возможность, не смотря на существовавшее запрещеніе, обращаться по своему желанію къ суду первыхъ, а не послѣднихъ. Но помянутыя причины, какъ мы сказали, были: всѣ указанныя выше дѣла именно такого рода, что судящіеся всегда должны были желать, что онѣ разбирались не просто судьями, а именно пастырями и духовными отцами. Въ объясненіе послѣднихъ словъ мы должны напомнить читателю, что сказали о церковномъ судѣ періода до-монгольскаго выше. Впослѣдствіи на Москвѣ судьями духовными стали лица мірскія, — такъ-называемые свѣтскіе чиновники архіереевъ, и судъ духовный пользовался репутаціей нисколько не лучшей, если только не гораздо худшей, суда гражданскаго. Но въ періодъ до-монгольскій судьями были именно лица духовныя — священники, составлявшіе каѳедральные клиросы архіереевъ. Мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ объ ихъ доброкачественности, но во всякомъ случаѣ необхо-

димо думать, что они были не хуже судей гражданскихъ и что во всякомъ случаѣ за ними сполна оставалось преимущество духовнаго сана. Такимъ образомъ, по указаннным нами обстоятельствамъ, совершенно естественно было случиться тому, чтобы судящіеся во всѣхъ указанныхъ выше дѣлахъ, обходя судъ обыкновенныхъ или гражданскихъ судей, обращались къ суду епископовъ или вообще судей духовныхъ. Но если это долженствовало быть такъ, то за симъ естественно было случиться тому, чтобы дѣла, съ которыми первоначально обращались къ суду епископовъ добровольно, потомъ стали имъ подсудными совсѣмъ и оффиціально или совершенно вошли въ область суда церковнаго. Всякая давность, по употребленію или по злоупотребленію, создаетъ право. Долговременное обращеніе въ помянутыхъ выше дѣлахъ къ третейскому суду епископовъ создало для нихъ (епископовъ) право пр ітязать на эти дѣла, какъ на полную собственность и вслѣдствіе этого должна была возникнуть у нихъ тяжба съ судьями гражданскими. Кто же долженъ былъ остаться побѣдителемъ и кто долженъ былъ уступить? Для государства быть обидчикомъ церкви есть роль весьма неблагодарная, и всякій государь всегда предпочтетъ слыть ея благодѣтелемъ, чѣмъ обидчикомъ, если только для этого не требуется какая-нибудь жертва, превышающая мѣру. Епископы, защищая свои притязанія, могли говорить, что тѣ суды «клирошаномъ на потребу, нищихъ кормленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе» и пр.; но что подобное могли говорить князья? Уступить спорныя дѣла церкви значило оказать ей благодѣяніе, не уступить—значило не хотѣть сдѣлать ей благодѣянія: такъ какъ церкви естественно жить благодѣяніями отъ государей, а государямъ естественно оказывать благодѣянія церкви, то поэтому и должно было случиться, чтобы въ спорѣ о судѣ князья уступили епископамъ.

Когда послѣ половины XII вѣка государство оффиціально признало помянутыя дѣла и преступленія подлежащими суду церковному и когда такимъ образомъ послѣдній получилъ тотъ объемъ, какой онъ имѣлъ въ позднѣйшее время, это остается неизвѣстнымъ. Вѣроятно, что дѣло происходило не вдругъ и что судъ церковный достигъ своего окончательнаго расширенія только въ самое послѣднее время періода до-монгольскаго или, что̀ едва ли даже не вѣроятнѣе, въ промежутокъ между періодами до-монгольскимъ и Московскимъ.

Говоря объ окончательномъ расширеніи церковнаго суда, должно возвратиться съ рѣчами къ такъ-называемому церковному уставу Владимира. Не будучи подлинной грамотой этого государя, уставъ тѣмъ не менѣе не былъ просто литературнымъ памятникомъ, а имѣлъ несомнѣнное и важное практическое значеніе. Не знаемъ, насколько онъ помогъ и помогъ ли сколько-нибудь церковному суду въ самомъ его расширеніи, но то несомнѣнно, что онъ весьма много ему помогъ прочно и

навсегда утвердиться въ пріобрѣтенныхъ имъ границахъ. Явившись около того времени, какъ совершилось окончательное расширеніе церковнаго суда или когда этотъ послѣдній достигъ наибольшаго своего объема, во второй половинѣ XII вѣка или по крайней мѣрѣ не ранѣе, уставъ этотъ скоро пріобрѣлъ себѣ всеобщую вѣру. Но онъ назначаетъ суду церковному почти тѣ же самыя широкія границы, которыя получилъ послѣдній на наибольшей степени своего расширенія. Такимъ образомъ, достигнувъ этого наибольшаго расширенія, церковный судъ сталъ подъ охрану и защиту такого узаконенія, какъ завѣтъ перваго крестителя Руси. Насколько стала твердою общая вѣра въ то, что уставъ есть подлинное и дѣйствительное узаконеніе Владимира, настолько же судъ церковный сталъ безопасенъ отъ посягательства власти гражданской. Въ этомъ мнимомъ уставѣ слѣдующее пишется отъ лица Владимира о судахъ церковныхъ или имѣющихъ подлежать вѣдѣнію епископовъ: «растворивше греческій Номоканонъ, обрѣтохомъ, еже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни тіуномъ, (и) далъ есть тѣ суды церквамъ Божіимъ — митрополиту и всѣмъ епископамъ по (всей) Руской земли: роспускъ, смильное (тяжбы о приданомъ), заставаніе (въ блудѣ), умычки (невѣстъ), пошибаніе (ссоры и тяжбы) между мужемъ и женою о животѣ (объ имѣніи), въ племени или въ сватовствѣ поймутся (т. е. заключатъ браки), вѣдьство (вѣдовство), потвори, чародѣянія, волхванія, зелейничество, урěканія (оскорбленіе словами) три: бляднею, зеліи и еретичествомъ, зубояжа (т. е. вѣроятно болѣе или менѣе сильное укушеніе противника въ дракѣ), или сынъ отца біетъ или матерь дочка біетъ или сноха свекровь, или кто уречется (т. е. будетъ браниться) скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры или дѣти, а любо племя тяжутся о задници (т. е. о наслѣдствѣ), церковная татьба, мертвецы своючатъ (т. е. вынимаютъ изъ могилъ для обкрадыванія), крестъ (придорожный) посѣкутъ или на стѣнахъ трески (щепы) емлютъ изъ креста, скотъ или псы или птицы безъ всякія нужды введетъ въ церковь или что неподобно церкви сдѣетъ, или два друга имѣтася бити (и) единаго жена другаго иметъ за лоно и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероножиною, или кто подъ овиномъ молится или во ржи или подъ рощеніемъ или у воды, или дѣвка дитя повержетъ. Ты вси суды, — заключаетъ уставъ свое перечисленіе, — церквамъ Божіимъ даны суть закономъ Божіимъ, по правиломъ святыхъ отецъ, христіанскими цари и князи во всѣхъ христіанскихъ людѣхъ.»

Уставъ не вполнѣ обнимаетъ все то, что въ позднѣйшее время дѣйствительно начало принадлежать суду епископовъ [1]), но онъ предостав-

---

[1]) Изъ вышеуказаннаго нѣтъ дѣлъ по кабаламъ, о незаконныхъ дѣтяхъ и изъ-за поклажаевъ.

ляетъ этому суду, если не на дѣлѣ, то на словахъ, такъ многое и общій, если не дѣйствительный, то видимый итогъ его такъ великъ, что впослѣдствіи, въ защиту принадлежности какого бы то ни было дѣла суду церковному, можно было ссылаться на него съ полною увѣренностію и не боясь встрѣтить возраженій, просто глухимъ образомъ или огуломъ.

Всѣмъ доселѣ сказаннымъ мы не вполнѣ кончили рѣчь о расширеніи области суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго. Въ указанныхъ выше дѣлахъ и преступленіяхъ всѣ безъ исключенія міряне подлежали суду епископовъ, а не гражданскихъ судей. Но кромѣ сего, отчасти мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, отчасти со всею или по крайней мѣрѣ съ большею вѣроятностію можемъ предполагать, что существовали такіе разряды мірянъ, которые были предоставлены суду епископовъ не только по указаннымъ выше, но и вообще по всѣмъ дѣламъ и преступленіямъ, т. е. которые были предоставлены епископамъ въ полную подсудность и которые были какъ бы причислены къ духовному сословію и къ духовному вѣдомству. Мнимый уставъ Владимира насчитываетъ такихъ разрядовъ довольно много [1]). Для времени Владимира, которому уставъ не принадлежитъ, его свидѣтельство не можетъ имѣть никакого значенія. Можно было бы подумать, что онъ списываетъ современную себѣ дѣйствительность; но и это представляется крайне сомнительнымъ [2]). Что касается до извѣстій относительно сего положительныхъ и несомнѣнныхъ, то въ грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава мы находимъ, что онъ предоставляетъ въ полную подсудность своего епископа разрядъ людей, называемыхъ прощениками. Къ сожалѣнію, изъ грамоты Ростислава вовсе не видно, была ли эта полная подсудность прощениковъ епископамъ всеобщею въ его времемя или только онъ самъ предоставилъ ихъ своему епископу; «а се даю святѣй Богородици и епископу — пишетъ онъ въ грамотѣ — прощеники съ медомъ и съ кунами и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку». Что за разрядъ людей составляли прощеники или что такое они были, это тоже дѣло не совсѣмъ ясное. Въ памятникахъ письменности нѣсколько позднѣйшаго послѣмонгольскаго времени выраженія: быть прощену, получить прощеніе, употребляются въ смыслѣ получить чудесное изцѣленіе отъ болѣзни при мощахъ или отъ иконы; слѣдовательно, по этимъ памятникамъ, подъ прощениками должно было бы разумѣть людей чудесно изцѣленныхъ. Но упомянутыхъ выраженій не

---

1) «А се церковніи люди: игуменъ, попъ.... паломникъ, лечецъ, прощеникъ, баба вдовица, задушный, человѣкъ, слѣпецъ, хромецъ.... больницы, гостинницы, странноприимницы, — то люди церковные, богадѣльные».

2) См. въ приложеніи.

встрѣчается въ памятникахъ письменности періода до-монгольскаго. Самое слово прощеникъ, обозначающее людей прощенныхъ и—какъ весьма вѣроятно предполагать — прощенныхъ въ смыслѣ духовномъ, конечно, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что должно разумѣть именно помянутыхъ выше людей. Но такъ какъ въ періодъ до-монгольскій, мощи были въ одномъ Кіевѣ и о чудотворныхъ иконахъ не встрѣчается извѣстій, то весьма возможно, что прощеники до-монгольскаго періода были что-нибудь и иное [1]). Въ сказаніяхъ позднѣйшаго времени встрѣчаемъ еще прощениковъ, нѣсколько отличныхъ отъ указанныхъ выше. Извѣстный иностранецъ Маржеретъ, писавшій о нашемъ отечествѣ въ началѣ XVII вѣка, говоритъ, что въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однако не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское, что̀ считается очень благоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выдти за другаго мужа» [2]). Начало этого разряда прощениковъ съ большею вѣроятностію можетъ быть относимо къ періоду до-монгольскому. Ростиславъ отдаетъ прощениковъ своему епископу съ медомъ, съ кунами, съ вирою и продажами; подъ вирою и продажами разумѣются пошлины съ дѣлъ судныхъ и денежные штрафы за преступленія; подъ кунами или деньгами могутъ быть разумѣемы или ежегодный оброкъ или право наслѣдованія имѣнія послѣ смерти; но что такое разумѣть подъ медомъ, это остается темнымъ. Возможно предполагать, что прощеники выбывали изъ сословій, къ которымъ они принадлежали, и поступали въ свой особый разрядъ или какъ бы въ свой особый орденъ при совершеніи особаго церковнаго молебствія, на которомъ употреблялся сыченый и не сыченый медъ, и можетъ быть въ грамотѣ именно и разумѣется этотъ медъ со всѣмъ доходомъ отъ молебствія (т. е. со всѣмъ, что̀ бы положили на молебенъ всѣ присутствующіе).

Итакъ, въ половинѣ XII в. такъ-называемые прощеники или вообще во всей Россіи и всѣхъ ея епархіяхъ находились въ полной под-

---

[1]) Въ XVI в., какъ видно изъ словъ Герберштейна, разумѣли подъ прощениками въ уставѣ Владиміра именно прощениковъ сейчасъ указаннаго рода; онъ пишетъ: Volodimerus potestati spiritualium subjecit.... et eos, qui miraculum ab aliquo sanctorum acceperint,

[2]) Въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ ч. 1, изд. 3, стр. 261 нач., въ особой книжкѣ Историческія записки, сочиненныя Маржеретомъ, Москва 1830, стр. 42 fin. И въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ Россіи, люди соборованные масломъ и потомъ выздоровѣвшіе считаются какъ бы умиравшими и воскресшими и поэтому обязанными жить не какъ другіе люди и по возможности отказаться отъ житейской суеты (въ особенности людямъ брачнымъ вмѣняется въ обязанность отказаться отъ брачнаго сожитія).

судности епископамъ или по крайней мѣрѣ они были отданы въ такую подсудность епископу въ епархіи Смоленской. Было ли это вообще или въ частности, во всякомъ случаѣ необходимо будетъ понимать дѣло такъ, что причиной тутъ было исключительное общественное положеніе прощениковъ, т. е. что неизвѣстно въ чемъ состоявшее прощеніе какъ бы выдѣляло ихъ изъ числа прочихъ міряиъ и дѣлало ихъ какъ бы людьми Божіими, на каковомъ основаніи мірская власть и отдала ихъ въ полное вѣдѣніе епископовъ или пожертвовала церкви.

Этими прощениками епархіи Смоленской ограничиваются всѣ наши положительныя свѣдѣнія о лицахъ, принадлежавшихъ въ полную подсудность епископамъ. Не имѣя положительныхъ свѣдѣній, но заключая отъ послѣдующаго времени, можно съ большею вѣроятностію предполагать, что подобнымъ же образомъ былъ вполнѣ подсуденъ епископамъ еще одинъ разрядъ міряиъ, не вслѣдствіе своего особаго общественнаго положенія, а на другомъ основаніи, именно — по землѣ. Это именно жившіе на церковныхъ земляхъ нищіе. Относительно послѣдующаго времени мы знаемъ, что нищіе для удобства сбора милостыни имѣли обычай жить при церквахъ, вмѣстѣ съ причтами послѣднихъ, на церковныхъ или на погостныхъ земляхъ; они жили въ домахъ или въ кельяхъ, которыя отчасти, вѣроятно, строили они сами, арендуя землю у причтовъ, а отчасти, вѣроятно, были строимы людьми благотворительными, или пріобрѣтавшими у причтовъ право поселять нищихъ безплатно или предоставлявшими имъ право взимать плату [1]). Всѣ такіе нищіе, жившіе на церковныхъ земляхъ, въ послѣдующее время были вполнѣ подсудны епископамъ или составляли какъ бы церковныхъ людей, за тѣми исключеніями, которыя были общи для всѣхъ вообще церковныхъ людей и о которыхъ скажемъ ниже [2]). Можно съ вѣроятностію предполагать, что эта полная подсудность указанныхъ нищихъ епископамъ началась еще въ періодъ до-монгольскій. Не имѣя положительныхъ о семъ свѣдѣній, мы однако находимъ нѣкоторыя на это указанія. Митрополитъ Кириллъ 3-й въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. между другими злоупотребленіями епископовъ указываетъ то, что они дѣлаютъ насилія нищимъ, заставляя ихъ жать на себя или «сѣно сѣчи или провозъ дѣяти» [3]). Можно конечно разумѣть тутъ и вообще нищихъ, которыхъ епископы заставляли работать на себя потому, что они собирали милостыню

---

[1]) См. Новгородскія писцовыя книги, напечатанныя въ приложеніяхъ къ сочиненію Неволина «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ», стрр. 136, 140, 146, 151, 153 и многія другія. Что это было такъ уже и въ древнее до-монгольское время см. въ житіи Бориса и Глѣба монаха Іакова, чудо 6-е (Христ. Чтен. 1849 г. кн. 11, стр. 406).

[2]) Акт. Экспед. т. 3, № 69, стр. 104.

[3]) Русскія Достопамм. I, 112.

у церквей. Но вѣроятнѣе разумѣть именно тѣхъ между ними, которые и жили при самыхъ церквахъ и на которыхъ епископы имѣли дѣйствительныя права, какъ на людей себѣ подсудныхъ.

Итакъ, расширеніе области суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго у насъ произошло троякимъ образомъ: во-первыхъ, священники были отданы въ подсудность епископамъ не только какъ священники, но и какъ граждане; во-вторыхъ, по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ и преступленіямъ были предоставлены ихъ суду всѣ міряне; въ третьихъ, нѣкоторые разряды мірянъ были отданы имъ въ полную подсудность подобно священникамъ.

Церковное управленіе предполагаетъ церковные законы, къ которымъ мы теперь по порядку и обратимся.

Такъ какъ каждая частная церковь есть нераздѣльная и органическая часть церкви вселенской, а эта послѣдняя имѣетъ свои общіе и общеобязательные для всѣхъ ея частей законы, то прежде всего само собою предполагается, что каждая частная церковь должна имѣть и принимать эти общіе законы или такъ-называемые каноны. За тѣмъ, каждая частная церковь можетъ имѣть законы частные или мѣстные, которые имѣютъ значеніе только для ней самой и ни для кого болѣе и которые, въ предѣлахъ права, можетъ издавать или ея собственная высшая власть или власть государственная, подъ которою она (церковь) состоитъ.

Что Русская церковь признала и приняла общіе законы церковные или каноны съ самаго своего начала, это само собою разумѣется, ибо безъ того она не могла бы быть церковію, и здѣсь рѣчь можетъ быть только о переводахъ сихъ канововъ на славянскій языкъ. Въ Греческой церкви въ X вѣкѣ, когда мы приняли христіанство, было въ практическомъ употребленіи изданіе каноновъ такъ-называемое Фотіево. Это изданіе, впервые сдѣланное неизвѣстно кѣмъ около половины VI вѣка, послѣ не одинъ разъ неизвѣстными лицами дополнявшееся и окончательно дополненное патр. Фотіемъ въ 883 году, состоитъ изъ двухъ частей—первая представляетъ собою систематическій указатель къ канонамъ и вмѣстѣ касающимся церкви гражданскимъ законамъ, раздѣленный по содержанію на 14 титлъ или отдѣленій, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на большее или меньшее количество главъ; вторая часть содержитъ самый текстъ каноновъ, расположенный въ порядкѣ соборовъ и отцовъ, ихъ написавшихъ. Такъ какъ мы приняли христіанство спустя много времени послѣ патріарха Фотія, то слѣдовало бы ожидать, что у насъ явится въ славянскомъ переводѣ его окончательная редакція. На самомъ дѣлѣ было однако не такъ—въ періодъ до-монгольскій мы имѣли въ славянскомъ переводѣ номоканонъ, носящій его имя, не въ его окончательной редакціи, а въ послѣдней, сдѣланной передъ нимъ

и представляющей собраніе каноновъ еще не въ совершенной и окончательной полнотѣ, какъ это у него самого, именно — въ этой редакціи, бывшей у насъ въ славянскомъ переводѣ, недостаетъ правилъ двухъ соборовъ, бывшихъ при самомъ Фотіи — такъ-называемаго двукратнаго или перво-втораго 861 г. и бывшаго въ храмѣ Софіи 879 г. [1]). Странность эту необходимо объяснять тѣмъ, что мы не взяли на себя труда самимъ перевести для себя Номоканонъ съ греческаго языка, а воспользовались готовымъ переводомъ его, сдѣланнымъ въ Болгаріи. Болгары приняли христіанство до 883 года, когда Фотій издалъ свою редакцію, а потому и Номоканонъ они, очевидно, должны были перевести для себя съ редакціи болѣе ранней. Такимъ образомъ, не взявъ на себя труда самимъ перевести Номоканонъ, мы имѣли въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ не совершенно полное собраніе каноновъ церковныхъ, хотя недостававшее, какъ мы указали сейчасъ выше, и было весьма незначительно. Кромѣ собранія каноновъ по номоканону такъ-называемому Фотіеву, мы имѣли въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ еще другое, но уже весьма значительно неполное, ихъ собраніе, сдѣланое Іоанномъ Схоластикомъ или адвокатомъ Антіохійскимъ, послѣ патріархомъ Константинопольскимъ (565—578), въ половинѣ VI вѣка, и представляющее собою систематическій, раздѣленный по содержанію на 50 титлъ, сводъ текста [2]) каноновъ апостольскихъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и Василія Великаго. Это собраніе Схоластика (Συναγωγὴ κανόνων), долгое время у Грековъ бывшее въ общемъ употребленіи одновременно съ Номоканономъ, получившимъ въ окончательной редакціи названіе Фотіева, по всей вѣроятноси переведено было на славянскій языкъ, Меѳодіемъ первоучителемъ для Моравовъ [3]); заимствованное отъ нихъ Болгарами, оно потомъ одновременно съ первымъ или подобно первому было взято отъ послѣднихъ и нами [4]).

Такимъ образомъ, Русь до-монгольская имѣла каноны церковные въ славянскомъ переводѣ, хотя и въ несовершенно полномъ составѣ. Но на какой степени находилось знаніе этихъ каноновъ? Всегда само собою предполагается, что каждое духовное лицо (священники и еписко-

---

¹) Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ, А. Павлова. Казань, 1869.

²) Не только указаніе каноновъ, какъ въ первой части Номоканона Фотіева, а самые каноны въ полномъ видѣ. Указаніе, какіе каноны въ каждомъ титлѣ, см. въ статьѣ И. И. Срезневскаго: Греческая Иверская Кормчая XI—X в. съ собраніями каноновъ и законовъ Іоанна Схоластика, Спб. 1871

³) Въ такъ-называемомъ Паннонскомъ житіи Меѳодія говорится, что незадолго до своей смерти въ 885 г. онъ озаботился перевесть между другими книгами и «номоканонъ рѣкше закону правила».

⁴) Извѣстно по двумъ спискамъ: Румянц. Муз. XIII в., у Восток. № 230 и Моск. Дух. Акад. первой половины XVI в., — фундам. библіот. № 54.

пы) обязано совершенно знать каноны церковные, какъ основные законы церкви, и однако съ этимъ знаніемъ всегда бываетъ то же, что съ нашимъ русскимъ обязательнымъ для всякаго знаніемъ законовъ Россійской Имперіи, т. е. что мало кто имѣетъ его и мало кто о немъ заботится. Никто не отрицаетъ обязательной силы канововъ церковныхъ; но въ практической жизни дѣйствуютъ не они непосредственно, а заведенный на основаніи ихъ (а отчасти и помимо ихъ и вопреки имъ) обычай; въ практической жизни требуется знаніе и соблюденіе сего послѣдняго и нисколько не первыхъ, знаніе которыхъ представляется излишнимъ и ненужнымъ и простою ученою роскошью. На этомъ основаніи даже въ настоящее время мы не найдемъ ни одного священника, который бы порядочно зналъ каноны церковные и имѣлъ бы сколько-нибудь удовлетворительное понятіе о книгѣ, называемой Кормчею (кромѣ того, что она есть книга весьма толстая), и между самыми епископами совершенно основательное знаніе канововъ церковныхъ еще вовсе не составляетъ обычнаго дѣла. Если таково знаніе канововъ церковныхъ даже въ настоящее время, то само собою предполагается, что въ періодъ до-монгольскій оно имѣло быть еще несравненно ниже. Но въ этотъ періодъ были и особенныя причины, по которымъ дѣло долженствовало быть такъ, чтобы священники не имѣли о канонахъ ни малѣйшаго понятія и чтобы нѣкоторое знаніе ихъ составляло только исключительную спеціальность епископовъ. Въ настоящее время, когда существуетъ книгопечатаніе, каждая церковь безъ труда можетъ пріобрѣсти печатную Кормчую, но въ періодъ до-монгольскій было рукописаніе и тогда еще было оно, какъ говорили мы выше, до такой степени дорого и до такой степени мастерство скудное мастерами, что пріобрѣтеніе каждой книги стоило если не дороже, то едва ли не затруднительнѣе для приходовъ, чѣмъ построеніе самыхъ церквей. По этой причинѣ необходимо думать, что собранія канововъ церковныхъ или Кормчей книги, далеко не неизбѣжно нужной, въ періодъ до-монгольскій вовсе не имѣли приходскія церкви (за исключеніемъ можетъ быть приходовъ въ любимыхъ имѣніяхъ княжескихъ, куда могли прикладывать книгу князья) и что она исключительно находилась только по епископіямъ. Нельзя ручаться за то, чтобы и въ этихъ послѣднихъ она была непремѣнно во всѣхъ; но если и предполагать это, то объ ея употребленіи нужно думать то же, что въ настоящее время мы знаемъ объ ея употребленіи по селамъ, т. е. что она составляла книгу, лежащую и чрезвычайно мало употребляемую,—книгу, въ которой невѣдомо что писано. Тогдашніе епископы наши, какъ и всѣ тогдашніе люди (о чемъ будемъ говорить ниже) не имѣли настоящаго образованія и были не болѣе, какъ простые грамотники. Но чтобы простой грамотникъ сталъ читать каноны церковные и въ состояніи былъ справиться съ ними, т. е. надлежащимъ образомъ

уразумѣвать и понимать ихъ, это весьма сомнительно. Для чтенія каноновъ церковныхъ требуется какое-нибудь руководство, которое бы помогло ознакомиться съ ними вообще и которое бы помогало разумѣнію каждаго изъ нихъ въ частности, но такого руководства, пока не написаны были извѣстныя толкованія на каноны — Зонарино, Вальсамоново и Аристиново, явившіеся позднѣе, вовсе не было. Неистолкованные каноны церковные, переведенные буквально, а вслѣдствіе этого и не особенно вразумительно, съ греческаго, представлялись архіереямъ у другихъ православныхъ Славянъ «помраченными облакомъ мудрости эллинскаго языка» [1]); нѣтъ сомнѣнія, что такими находили ихъ и наши архіереи и что какъ таковые ихъ весьма уважали, но весьма мало читали и изучали.

Частные или мѣстные законы каждой частной церкви, обязательные только для ней самой и ни для кого болѣе, какъ мы сказали, составляютъ узаконенія или указы — во-первыхъ, ея собственной высшей власти, во-вторыхъ, власти государственной, подъ которою каждая частная церковь находится. Само по себѣ совершенно ясно, что́ должно разумѣть подъ частными законами каждой частной церкви. Но довольно хитрый вопросъ, что́ должна была разумѣть подъ своими частными законами Русская церковь. Дѣло въ томъ, что она была въ такомъ особенномъ положеніи, что и составляла и не составляла изъ себя частную церковь. Какъ церковь совсѣмъ особаго государства и какъ церковь совсѣмъ отдѣльная, она, конечно, составляла особую частную церковь, но въ то же время въ административномъ отношеніи она не составляла самостоятельной частной церкви, а была только частію другой таковой же церкви,—митрополіей Константинопольскаго патріарха, совершенно такою же, какъ всѣ прочія его митрополіи. Какъ особая частная церковь она должна была признавать своими мѣстными законами только узаконенія и указы своихъ собственныхъ митрополитовъ и великихъ князей (а каждая изъ ея епископій еще своихъ удѣльныхъ князей); но какъ административная часть церкви Греческой, какъ митрополія патріарха Константинопольскаго, она должна была признавать таковыми и узаконенія и указы патріарховъ Константинопольскихъ и императоровъ греческихъ. Что она должна была признавать первые, это ясно, ибо патріархи Константинопольскіе были высшіе административные начальники Русской церкви и ихъ власть въ сей послѣдней была совершенно такова же, какъ во всѣхъ другихъ подчиненныхъ имъ митрополіяхъ. Не столько ясно, чтобы Русская церковь должна была признавать своими законами относящіяся до дѣлъ церковныхъ узаконенія и указы императоровъ греческихъ; но и это такъ. Помянутые узаконенія и указы императоровъ, очевидно, должны были простираться на всю административную Греческую церковь,

---

1) У Сербовъ; точное указаніе ниже.

ибо будучи адресуемы патріархамъ и будучи для нихъ обязательны, они вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, были обязательны и для всѣхъ подчиненныхъ имъ митрополитовъ, а Русская церковь была частью административной церкви Греческой, была митрополіей Константинопольскаго патріарха, черезъ котораго подчинялась и императору греческому. Однако для Русской церкви признать всѣ мѣстные законы церкви Греческой и своими таковыми же законами было бы несовершенно удобно. Во-первыхъ, признавать для себя обязательными указы императоровъ греческихъ не могли не находить Русскіе обиднымъ для своей національной чести. Во-вторыхъ, значительная часть мѣстныхъ узаконеній греческихъ были бы вовсе не примѣнимы къ Россіи по различію мѣстныхъ условій. Какъ рѣшали Русскіе до-монгольскаго періода этотъ запутанный и хитрый вопросъ, остается неизвѣстнымъ. Какъ общій вопросъ, они по всей вѣроятности вовсе не ставили его и не рѣшали; а что касается до практики, то, сколько достаетъ нашихъ свѣдѣній для того, чтобы судить о дѣлѣ, они относились къ этимъ законамъ такъ, что отвѣтъ выходилъ и да и нѣтъ, что и признавали они ихъ и не признавали. Они не особенно заботились о томъ, чтобы привести эти законы въ полную для себя извѣстность и чтобы всѣ ихъ имѣть въ славянскомъ переводѣ, но переводы, дѣланные другими, они заимствовали отъ этихъ другихъ, а кое-что можетъ быть перевели и сами. За тѣмъ, что касается до самаго ихъ употребленія, то Русскіе, ни положительно отрицая, ни положительно признавая ихъ, съ одной стороны вовсе не пользовались ими непосредственнымъ образомъ, а съ другой стороны приняли изъ нихъ все то, что перешло къ нимъ изъ Греческой церкви путемъ обычая. Вообще, какъ въ канонической, такъ и въ этой неканонической части мы приняли отъ Грековъ не законы церковные съ тѣмъ, чтобы по этимъ законамъ самимъ устроить церковь, а готовый образецъ сей послѣдней, на сколько въ своихъ несущественныхъ частностяхъ онъ могъ быть принятъ нами и какъ она (церковь) по тѣмъ и другимъ законамъ (каноническимъ и неканоническимъ) была устроена у Грековъ. Какъ, признавъ обязательную силу каноновъ церковныхъ, мы однако не исправили по нимъ у себя тѣхъ отступленій отъ нихъ, которые дозволили Греки, а оставили дѣло въ томъ видѣ, какъ получили отъ нихъ; такъ признавая или не признавая обязательное значеніе мѣстныхъ греческихъ законовъ, мы безъ размышленій и безъ критики и безъ различенія каноническаго отъ неканоническаго приняли обычаи, основанные на сихъ законахъ, совершенно также, какъ и обычаи, основанные на канонахъ. Перенимая образецъ, мы предполагали при этомъ законы просто на вѣру и вовсе не заботились о томъ, чтобы доискиваться и рѣшать, что̀ въ принятыхъ нами обычаяхъ основывается на канонахъ, что̀ на мѣстныхъ узаконеніяхъ, и на сколько послѣднія имѣютъ для насъ обязательной силы.

Сколько имѣемъ свѣдѣній и сколько можемъ предполагать и заключать, страннымъ и не совсѣмъ обычнымъ образомъ вела себя и церковь Греческая по отношенію къ церкви Русской въ дѣлѣ этихъ мѣстныхъ законовъ. Такъ какъ церковь Русская была митрополіей Константинопольскаго патріархата, то слѣдовало бы ожидать, что всѣ вновь выходившія узаконенія патріарховъ и императоровъ или по крайней мѣрѣ однихъ первыхъ будутъ оффиціально сообщаемы ей къ свѣдѣнію и исполненію наравнѣ со всѣми прочими митрополіями, и однако этого вовсе не было, какъ слѣдуетъ думать на основаніи того, что ни одного подобнаго узаконенія неизвѣстно въ славянскомъ переводѣ въ нашихъ славяно-русскихъ рукописяхъ. Такимъ образомъ, сами патріархи Константинопольскіе и не признавали и признавали Русскую церковь за особую частную церковь.

Безспорно обязательными для Русской церкви частными законами со стороны церкви Греческой были указы патріарховъ Константинопольскихъ, спеціально касавшіеся ея самой и именно къ ней самой адресованные. Такихъ указовъ за весь періодъ до-монгольскій пока извѣстенъ и всего одинъ, это именно указъ патріарха Германа 2-го къ митрополиту Кириллу 2-му отъ 1228 г. о непоставленіи во священники рабовъ, предварительно не отпущенныхъ на свободу, о которомъ обстоятельнѣе скажемъ ниже.

Частные законы Русской церкви въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ слова мѣстные, какъ мы сказали, должны были составлять законодательные акты, т. е. сего рода грамоты или указы, ея собственныхъ митрополитовъ и ея собственныхъ великихъ князей. Такъ какъ періодъ до-монгольскій былъ временемъ введенія и водворенія христіанства въ Россіи, иначе сказать—временемъ, когда естественно должны были возникать всякаго рода недоумѣнія и вопросы, требовавшіе разрѣшенія и разъясненія путемъ законодательнымъ, то, повидимому, нужно смотрѣть на него какъ на періодъ законодательной дѣятельности наиболѣе усиленной. Какъ было дѣло въ дѣйствительности, мы не знаемъ, но пока въ настоящее время отъ періода до-монгольскаго неизвѣстно совершенно ни одного указаннаго рода законодательнаго акта. Что могло погибнуть безвозвратно или можетъ оставаться доселѣ неизвѣстнымъ даже множество актовъ, въ этомъ нѣтъ совершенно ничего невѣроятнаго; вотъ одинъ совершенно убѣдительный на это примѣръ: лѣтописи даютъ знать, что въ періодъ до-монгольскій было писано весьма много такъ-называемыхъ крестныхъ или договорныхъ грамотъ между князьями, и однако въ настоящее время пока неизвѣстно изъ нихъ совершенно ни одной. Такимъ образомъ, могли быть законодательные акты помянутаго рода даже въ цѣломъ множествѣ, хотя мы вовсе ихъ и не знаемъ [1]). Но съ

---

[1]) Еще одинъ примѣръ уже изъ области самой церкви. До недавняго времени почти совсѣмъ ничего не было извѣстно письменнаго изъ администра-

другой стороны, какъ кажется, вѣроятнѣе думать, что актовъ не было множества, и именно—что Русская церковь до-монгольскаго періода законодательствовала не столько путемъ письменнымъ, который въ то время былъ по многому путь весьма затруднительный, сколько путемъ устнымъ. Епископы собирались на соборы къ митрополиту, если не ежегодно въ опредѣленные сроки, то все-таки довольно часто: на этихъ соборахъ и могли митрополиты законодательствовать въ видѣ наставленій епископамъ. Приходское духовенство каждой епархіи собиралось ежегодно, если не всё каждый разъ, то по очереди, къ своимъ епископамъ на такъ-называемые «сборы», о которыхъ скажемъ ниже: на этихъ сборахъ епископы въ свою очередь и могли законодательствовать по своимъ епархіямъ. Такъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, но такъ ли было дѣло въ дѣйствительности, это въ-концѣ-концовъ составляетъ вопросъ.

По тогдашнему политическому строю Руси не только вся Русская церковь имѣла своего государственнаго главу въ великомъ князѣ, но и каждая епископія имѣла своего особеннаго такого же главу въ своемъ удѣльномъ князѣ. Какъ великій князь могъ законодательствовать во всей Русской церкви, такъ каждый удѣльный князь могъ законодательствовать въ своей епископіи. Изъ памятниковъ этого частнѣйшаго мѣстно-русскаго законодательства отъ періода до-монгольскаго сохранились до настоящаго времени два,—именно: грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича, написанная въ 1137 г. и содержащая въ себѣ распоряженія относительно епископской десятины въ Новгородской епархіи [1]), и потомъ грамота Смоленскаго князя Ростислава, о которой много разъ мы говорили выше [2]).

Не имѣя отъ періода до-монгольскаго, за исключеніемъ весьма не многаго сейчасъ указаннаго, памятниковъ церковнаго мѣстно-русскаго законодательства въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, мы имѣемъ отъ него нѣсколько частныхъ сочиненій каноническаго содержанія, неоффиціальная цѣль и задача которыхъ преподать наставленія относительно

тивно-судебной дѣятельности патріарховъ Константинопольскихъ XIII—XV вѣка, такъ что можно было думать, что они правительствовали безписьменно. Но вдругъ сдѣлано открытіе — и найдено въ семъ отношеніи весьма многое (Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCCII, ediderunt Fr. Micklosich et Jos. Müller, Vindobonae, два тома, 1850—52).

1) Напеч. въ Русскихъ Достопамм. 1, 82.

2) Есть еще грамота Всеволода — Гавріила Мстиславича Новгородскому Софійскому собору (напеч. преосв. Макаріемъ въ Ист. т. 2, изд. 2, стр. 380). Но она очевидно подложна. Объ этой грамотѣ Всеволода, равно какъ и объ его грамотѣ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ (Русск. Достопамм. 1, 77), которая большею частію не считается подложною, но которая по всей вѣроятности есть таковая же, см. въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ.

тѣхъ или другихъ предметовъ церковной практики. Таковыя сочиненія въ настоящеее время извѣстны:

1) Упоминаемое въ памятникахъ до-монгольскаго періода подъ именемъ «Устава бѣлеческаго» (мірскаго) и «нѣкоторой заповѣди», въ позднѣйшихъ рукописяхъ, называемое «Заповѣдію святыхъ отецъ къ исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ» сочиненіе митрополита Георгія [1]). Содержаніе сочиненія, имѣющаго цѣлію преподать новымъ въ христіанствѣ Русскимъ наставленія наиболѣе для нихъ нужныя, по содержанію весьма разнообразно, а въ изложеніи не отличается послѣдовательностію. Сначала идутъ уставы о поклонахъ и о пищѣ въ разныя времена года, потомъ уставъ относительно плотскаго сожитія съ женами въ великій постъ и о причастіи, а за тѣмъ смѣшанно—правила и наставленія относительно брака, отцовъ духовныхъ, лицъ поставляемыхъ во священники и другія церковныя степени, о плотскомъ супружескомъ сожитіи вообще, о постриженіи въ монашество, о родильницахъ, объ эпитиміяхъ за разныя согрѣшенія и пр. и пр. Странную судьбу имѣло сочиненіе митрополита Георгія въ періодъ до-монгольскій. Какъ написанное митрополитомъ, оно, повидимому, должно было получить всеобщую распространенность и всеобщую извѣстность и стать до нѣкоторой степени какъ бы оффиціальнымъ уставомъ Русской церкви. Однако этого вовсе не случилось. Спустя 50 лѣтъ послѣ смерти митрополита Георгія, а можетъ быть и менѣе, о существованіи его сочиненія вовсе не знали епископы и оно было извѣстно только нѣкоторымъ [2]).

2) Посланіе преп. Ѳеодосія Печерскаго къ вел. кн. Изяславу Ярославичу, написанное въ отвѣтъ на его вопросъ и поэтому называемое

---

1) Кирикъ въ своемъ Вопрошаніи пишетъ: «рѣхъ (епископу Нифонту): написано, владыко, есть въ уставѣ бѣлеческомъ, яко добро бы блюстися (мужамъ отъ женъ въ великій постъ), яко Христовъ постъ есть, аще ли не могутъ, а (по крайней мѣрѣ) преднюю недѣлю и послѣднюю» (Лаврск. Троицк. Кормчая № 206, л. 282, въ печатномъ это мѣсто выпущено); еще: «прочтохъ ему (Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежитъ человѣкъ, а зачнетъ дѣтя, будетъ любо тать, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трепетникъ, а родителема опитемья два лѣта» (печатн. у Калайд. стр. 188 fin.), и еще: «прашахъ и сего: аже даютъ сорокоустье служити за упокой, и еще живи суще? Не можетъ, рече, того взборонити, аже приносятъ спасенія хотяче души своей, еже творишь и митрополита Георгія Рускаго написавша, а нѣту того нигдѣ же» (у Калайд. стр. 194 fin.). Первое и второе написано, а третье запрещается именно въ нашей Заповѣди, изъ чего и слѣдуетъ, что она есть то сочиненіе, которое Кирикъ называетъ уставомъ бѣлеческимъ и нѣкоторой заповѣдью и которое онъ усвояетъ митр. Георгію. О спискахъ Заповѣди, по которымъ она намъ извѣстна, см. въ приложеніяхъ къ этой главѣ, гдѣ мы ее печатаемъ.

2) Какъ показываетъ одна изъ сейчасъ сдѣланныхъ выписокъ изъ Кирика.

въ спискахъ «Вопрошаніе Изяславле» [1]). Въ краткомъ посланіи этомъ преп. Ѳеодосій, во-первыхъ, отвѣчаетъ на вопросъ великаго князя — можно ли рѣзать скотъ для пищи въ воскресенье; во-вторыхъ, говоритъ, вѣроятно тоже по поводу спроса великаго князя или бывшей бесѣды съ нимъ, о постѣ въ среду и пятокъ.

3) «Правило церковное вкратцѣ» митр. Іоанна 2-го, написанное къ нѣкоему черноризцу Іакову въ отвѣтъ на предложенные имъ митрополиту вопросы [2]).

4) Такъ-называемое «Вопрошаніе Кириково», именно — собраніе отвѣтовъ, полученныхъ іеромонахомъ и доместикомъ Новгородскаго Антоніева монастыря Кирикомъ отъ разныхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался съ своими вопросами, преимущественно отъ трехъ епископовъ — Новгородскихъ: Нифонта (1129—1156) и Иліи (1165—1185) и неизвѣстной епархіи Саввы [3]).

Оба сочиненія по содержанію крайне разнообразны, а по изложенію совершенно смѣшанны. Черноризецъ Іаковъ обращался къ митрополиту Іоанну, а Кирикъ къ нѣсколькимъ лицамъ съ разными, недоумѣнными для нихъ, вопросами изъ обширной области церковной практики и въ обоихъ сочиненіяхъ отвѣты изложены совершенно безъ всякаго систематическаго порядка, просто въ случайной связи. Такъ въ Правилѣ митр. Іоанна: о времени крещенія младенцевъ, достоитъ ли матери кормить дитя до 40 дней, о неядѣніи давленины и звѣроядины, о служащихъ на опрѣснокахъ или латинянахъ, о ядящихъ мясо въ великое говѣніе, объ имѣющихъ по двѣ жены, о волхвованіи, и пр. Въ Вопрошаніи Кириковомъ: о молитвѣ осквернившимся сосудамъ, о заупокойной литургіи, о лихвѣ, о постриженіи чернеца въ схиму, о прянятіи въ православіе латинянъ, достоитъ ли рѣзати скотъ въ воскресенье, о поклонникахъ, ходящихъ въ Іерусалимъ, и пр. Правило митрополита Іоанна и Вопрошаніе Кириково важны для насъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, какими вопросами церковной практики наиболѣе интересовались Русскіе люди до-монгольскаго періода и насколько встрѣчали они затрудненій и недоумѣній въ ея области. Къ этой сторонѣ дѣла мы возвратимся послѣ. Мы не будемъ подробно передавать здѣсь содержанія обоихъ сочиненій, равно какъ и Устава бѣлеческаго митр. Георгія, а воспользуемся одними и другимъ по частямъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

---

[1]) Напечатано преосвящ. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. II, выпускъ 11, стр. 213 и въ Исторіи т. 2, изд. 2, стр. 335.

[2]) Напечатано въ Русскихъ Достопамм. 1, 89 и преосв. Макаріемъ въ Истор. т. 2, изд. 2, стр. 369. Отрывки греческаго текста, найденные А. С. Павловымъ, въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. XXII, кн. 2.

[3]) Напечатано съ довольнымъ количествомъ пропусковъ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка Калайдовича, стр. 173 sqq.

Упоминается еще какой-то Өеодосъ, написавшій что-то каноническое [1]. Но какой и что — пока остается неизвѣстнымъ. Въ позднѣйшихъ сборникахъ не мало статей каноническаго содержанія, изъ которыхъ многія вѣроятно русскаго происхожденія и нѣкоторыя можетъ быть изъ до-монгольскаго періода. Но послѣднія опять тоже не могутъ быть отдѣлены и указаны.

Докончимъ рѣчь объ епископахъ до-монгольскаго періода.

Мы сказали выше, что Андрей Боголюбскій потерпѣлъ неудачу въ своихъ стараніяхъ учредить у себя во Владимирѣ особую митрополію. Кандидатомъ въ будущіе митрополиты, какъ мы тоже говорили, у него былъ предназначенъ нѣкій Өеодоръ или, какъ ругательно называютъ его лѣтописи, Өедорецъ, по однимъ не вполнѣ достовѣрнымъ извѣстіямъ — Русскій изъ знатнаго боярскаго рода и постриженикъ Печерскаго монастыря [2], по другимъ такимъ же извѣстіямъ—Грекъ, племянникъ Смоленскаго епископа Мануила [3]. Объ этомъ Өеодорѣ или Өедорцѣ, послѣ несостоявшагося дѣла объ учрежденіи митрополіи во Владимирѣ, лѣтописи [4] разсказываютъ слѣдующее: Андрей Боголюбскій рѣшилъ поставить его въ епископы Ростовскіе, но онъ, не смотря на всѣ увѣщанія великаго князя, не хотѣлъ пойдти на поставленіе къ митрополиту въ Кіевъ, а пошелъ въ Константинополь, гдѣ и былъ посвященъ патріархомъ; сѣвъ на каѳедрѣ, онъ оказался неистовымъ тиранномъ и совершеннымъ злодѣемъ: «мнози,—говорятъ лѣтописи,— пострадаша человѣцы отъ него, въ держаньи его, и сёлъ изнебывши и оружья и конь, друзіи же и работы добыша, заточенья и грабленья; не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и иереѣмъ безмилостивъ сый мучитель, другимъ человѣкомъ головы порѣзывая и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная на стѣнѣ и муча немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье, имѣнья бо бы не сытъ, аки адъ»; наконецъ онъ кончилъ тѣмъ, что повелѣлъ затворить во Владимирѣ всѣ церкви, со включеніемъ и своего каѳедральнаго собора, такъ что «не бысть звонѣнья ни пѣнья по всему городу»; послѣ всего Андрей Боголюбскій послалъ его въ Кіевъ къ митрополиту, которымъ онъ и былъ казненъ, какъ злодѣй и еретикъ.

Представлять дѣло такъ, какъ представляютъ намъ его лѣтописи, было бы совершенно безъ смысла. Боголюбскій настоятельно увѣщеваетъ

---

1) У Кирика, Лаврск. Кормч. № 206, л. 277, об. У него же приводятся наибольшія выдержки изъ одной или изъ нѣсколькихъ безъименныхъ «нѣкоторыхъ заповѣдей» (Лаврск. Кормч. л. 277, об. и печатн. стрр. 188 и 189); но русскія или переводныя эти заповѣди, остается неизвѣстнымъ.

2) Никоновской лѣтописи 11, 206 нач. (и Татищева III, 160, 161, 167 и 168).

3) Посланія патр. Луки Хризоверга къ Боголюбскому по списку въ Никон. лѣт. II, 184.

4) Лаврент. подъ 1169 г., Ипатск. подъ 1172 г., Никоновск. подъ 1170 и 1171 гг.

Ѳеодора идти на поставленіе въ Кіевъ; послѣдній, не слушая его, идетъ въ Константинополь, и, однако, когда возвращается, князь принимаетъ его. Сѣдши на каѳедру, Ѳеодоръ начинаетъ неистово злодѣйствовать,—князь всѣ его злодѣйства терпитъ; наконецъ онъ затворяетъ во Владимирѣ всѣ церкви, князь и это терпитъ и только уже послѣ сего отправляетъ его на судъ къ митрополиту. Возможно ли такое терпѣніе отъ какого бы то ни было князя и тѣмъ болѣе отъ Андрея Боголюбскаго, который гонялъ епископовъ безъ малѣйшаго стѣсненія? Какимъ образомъ епископъ могъ неистовствовать не только надъ духовенствомъ, но и надъ мірянами, и притомъ надъ послѣдними даже болѣе, чѣмъ надъ первыми? Что будетъ значить и какой смыслъ будетъ имѣть затвореніе всѣхъ церквей? Наконецъ, какимъ образомъ совершенно изъ ряду вонъ выходящій злодѣй не казненъ безъ дальняго суда въ самомъ Владимирѣ, а посланъ на судъ къ митрополиту въ Кіевъ? Само собою разумѣется, что дѣло, представляемое лѣтописцами безсмысленно, должно имѣть какой-нибудь смыслъ. Если Ѳеодоръ поставился въ епископы не въ Кіевѣ, а въ Константинополѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, съ согласія Боголюбскаго; если Боголюбскій терпѣлъ злодѣйства Ѳеодора, такихъ или не такихъ размѣровъ, какъ онѣ изображаются въ лѣтописяхъ, если онъ позволилъ ему затворить во Владимирѣ всѣ церкви, то, очевидно, были всего этого причины, — что епископъ дѣйствовалъ съ попущенія и дозволенія князя. Въ чемъ же могло быть дѣло? Ѳеодоръ съ дозволенія князя могъ отправиться для посвященія въ епископы не къ митрополиту въ Кіевъ, а въ Константинополь къ патріарху, только по той причинѣ, что хотѣлъ пріобрѣсти себѣ отъ патріарха особыя права, и именно—единственно возможное для епископа право автокефаліи или независимости отъ митрополита, съ непосредственнымъ подчиненіемъ самому патріарху. Необходимо думать, что въ этомъ правѣ автокефаліи и было все дѣло. Андрей Боголюбскій, не успѣвъ получить для своего Владимира отдѣльнаго митрополита, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы его епископъ Ростовскій былъ автокефальнымъ или независимымъ отъ Кіевскаго митрополита епископомъ и съ этою цѣлію отправилъ Ѳеодора въ Константинополь. Послѣдній былъ посвященъ патріархомъ въ епископы Ростовскіе, но получилъ ли при семъ право автокефаліи, это остается неизвѣстнымъ и, судя по послѣдующему, гораздо вѣроятнѣе думать — нѣтъ, чѣмъ да [1]). Какъ бы то ни было, необходимо думать за тѣмъ,

[1]) Никоновская лѣтопись увѣряетъ, будто патріархъ потому поставилъ Ѳеодора въ епископы, что повѣрилъ увѣреніямъ, «яко нѣсть нынѣ въ Кіевѣ митрополита». На самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, было не такъ: патріархъ не могъ не знать, былъ или не былъ въ Кіевѣ митрополитъ, а если, нарушая каноническія правила, взялъ на себя поставить, то, конечно, потому, что или ему или его приближеннымъ щедро было заплачено.

что Ѳеодоръ, по возвращеніи изъ Константинополя, съ согласія князя, объявилъ себя автокефальнымъ епископомъ, ибо только этимъ предположеніемъ можетъ быть со смысломъ объяснено то, что повѣствуютъ лѣтописи о неистовствахъ Ѳеодора далѣе. Эти неистовства должны значить, что между епископомъ Ростовскимъ, который объявилъ себя автокефальнымъ, и между митрополитомъ Кіевскимъ, который не хотѣлъ признавать его автокефаліи, завязалась ожесточенная борьба, — что въ этой борьбѣ духовенство и граждане Владимирскіе раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна держала сторону епископа, а другая сторону митрополита, и что епископъ съ княземъ и воздвигли безпощадное гоненіе на сторону съ ними несогласную, хотя весьма можетъ быть, что, изображая эту безпощадность гоненія и представляя ее безпричиннымъ неистовствомъ Ѳеодора, лѣтописцы и впадаютъ въ бо́льшее или меньшее преувеличеніе. Могло дѣло доходить и до затворенія всѣхъ храмовъ Владимирскихъ, — этотъ поступокъ со стороны епископа могъ значить то, что онъ хотѣлъ подѣйствовать на сторону ему враждебную посредствомъ церковнаго отлученія. Конецъ борьбы былъ тотъ, что Боголюбскій выдалъ своего епископа митрополиту. Что принудило къ этому князя и при томъ такого, вовсе не имѣвшаго охоты уступать кому бы то ни было, князя, какъ Боголюбскій, остается неизвѣстнымъ; но вѣроятно то, что Ѳеодоръ, не успѣвъ добыть автокефаліи въ Константинополѣ, объявилъ себя автокефальнымъ самозванно, что митрополитъ успѣлъ доказать это и что такимъ образомъ онъ успѣлъ вооружить противъ него, какъ противъ наглаго обманщика, все общественное мнѣніе Россіи, которому и не нашелъ возможнымъ или благоразумнымъ сопротивляться Боголюбскій [1]). Митрополитъ, получивъ въ свои руки Ѳеодора, предалъ его, если вѣрить лѣтописямъ, жесточайшей казни, именно: ему урѣзали языкъ, отсѣкли правую руку, вынули очи и затѣмъ—если не самъ онъ послѣ всего этого умеръ — такъ или иначе совсѣмъ его казнили. Приводитъ въ невольное изумленіе эта нисколько не духовная, выходящая изъ всякихъ предѣловъ по своей жестокости и безпримѣрная въ нашей исторіи, казнь; но сказать что-либо о ней мы поставлены недостаткомъ свѣдѣній въ совершенную невозможность: вѣроятно, вражда между

---

[1]) Въ проложномъ житіи св. Кирилла епископа Туровскаго читаемъ, что онъ «Ѳеодорца, за укоризну тако нарицаемаго, ересь обличи и проклятъ его». Можно думать, что и всѣ епископы юга, возбуждаемые своими князьями, конечно, весьма не сочувствовавшими стремленіямъ Андрея Боголюбскаго, были противъ притязаній Ѳеодора. А борьбу со всѣми епископами Боголюбскій не могъ находить благоразумною (Кириллъ Т., какъ увѣряетъ его проложное житіе, «многа посланія написа Андрею Боголюбскому отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній». Очень можетъ быть, что эти посланія касались дѣла Ѳеодорова; но, къ сожалѣнію, пока ни одного изъ нихъ неизвѣстно).

митрополитомъ и епископомъ доходила до самой крайней степени (затвореніе епископомъ храмовъ Владимирскихъ, какъ мѣра карательная противъ сторонниковъ митрополита, позволяетъ думать, что дѣло доходило до взаимныхъ проклятій), такъ что первый, получивъ въ руки послѣдняго, по своему противъ него ожесточенію и снѣдаемый единственно чувствомъ и жаждою мщенія, не въ состояніи былъ соблюсти въ казни никакой мѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эпизодъ борьбы Ѳеодора съ митрополитомъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ Русской церковной исторіи, но нельзя до крайности не пожалѣть, что лѣтописцы наши намѣренно или тенденціозно передаютъ его до послѣдней степени неудовлетворительно: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ своемъ полномъ и настоящемъ видѣ онъ весьма много послужилъ бы къ характеристикѣ времени. Во всякомъ случаѣ, на той и на другой сторонѣ мы видимъ между борющимися безпощадную жестокость, изъ которой слѣдуетъ то заключеніе, что время вовсе не должно быть представляемо такимъ мягкимъ, какъ это наклонны дѣлать иные.

Епископы автокефальные или непосредственно зависимые отъ патріарха назывались у Грековъ архіепископами. Одновременно съ тѣмъ, какъ епископъ Ростовскій добивался получить себѣ значеніе автокефальнаго епископа, другой епископъ, именно — Новгородскій, получилъ его титло, но безъ его значенія, т. е. названіе архіепископа безъ соединенной съ нимъ автокефаліи. Настоящее автокефальное архіепископство могъ дать только патріархъ, освобождая епископа отъ власти митрополита и подчиняя непосредственно себѣ, но епископу Новгородскому далъ архіепископство какъ простое титло Кіевскій митрополитъ. Въ 1165 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, посвященъ въ епископы Новгородскіе митрополитомъ Іоанномъ 4-мъ Илія, выбранный изъ священниковъ одной изъ Новгородскихъ церквей; въ томъ же году, спустя то или другое время послѣ посвященія Иліи, ходилъ изъ Новгорода въ Кіевъ къ митрополиту игуменъ Юрьева монастыря Діонисій, и «повелѣно бысть (съ этимъ Діонисіемъ) владыцѣ архіепископство митрополитомъ,» — такъ передаютъ дѣло Новгородскія лѣтописи [1]). Съ какой стати епископъ Новгородскій возведенъ былъ митрополитомъ въ титулярные архіепископы, каковыхъ въ Греціи вовсе не было, лѣтописи нисколько не объясняютъ, но дѣло довольно понятно само по себѣ. Выше мы говорили, что епископъ Новгородскій Нифонтъ, не признавая законности митр. Климента, взятъ былъ патріархомъ въ свою непосредственную власть и что такимъ образомъ онъ былъ сдѣланъ и сталъ автокефальнымъ архіепископомъ. Преемникъ Нифонта († 1156), когда послѣ Климента снова явились на каѳедрѣ митрополичьей законные митрополиты, опять сталъ простымъ

---

[1]) Новгор. 1-я лѣт.

епископомъ, ибо опять подчинился митрополиту. Но послѣ архіепископа, что̀ по названію болѣе и важнѣе, чѣмъ епископъ, Новгородцамъ не хотѣлось имѣть простаго епископа, — и вотъ они и придумали доставить своему епископу не значеніе архіепископа (автокефалію), а его имя, какъ почетный титулъ (бывъ съ своимъ изобрѣтеніемъ далекими предтечами Петербургскаго періода). Митрополитъ, давая епископу имя или титло архіепископа, нововводилъ тутъ такую затѣю, которой совсѣмъ не знала церковь Греческая. Но такъ какъ затѣя была совершенно невинная, ибо все дѣло было въ одномъ и простомъ имени, и притомъ такая, о которой можно было и не доводить до свѣдѣнія патріарха, что̀ по всей вѣроятности митрополитъ и сдѣлалъ [1]): то, получивъ отъ богатыхъ Новгородцевъ или отъ ихъ богатаго владыки приличные дары, онъ и могъ охотно согласиться ее допустить. Что касается до епископовъ Новгородскихъ, то титулъ архіепископа, не давъ имъ никакихъ правъ, прибавилъ имъ нравственнаго авторитета, какъ людямъ, почтённымъ особымъ титломъ, и безспорно возвысилъ, ихъ надъ другими епископами, потому что имя архіепископа значитъ если не начальника надъ епископами, то во всякомъ случаѣ начальнаго епископа [2]).

IV.

Приходское духовенство и приходы.

Обращаемся къ низшему или приходскому духовенству.

О томъ, какъ нужно думать относительно самаго перваго появленія у насъ священниковъ, съ запасомъ которыхъ Владимиръ приступилъ къ общему крещенію народа, мы уже говорили выше. Прежде всего онъ имѣлъ то или другое нѣкоторое число ихъ уже готовымъ въ священникахъ тѣхъ Варяговъ-христіанъ, которые были въ Кіевѣ передъ его крещеніемъ. За тѣмъ, изъ похода Корсунскаго онъ привелъ съ собою священниковъ греческихъ. Такъ какъ однихъ и другихъ не могло быть достаточнымъ для того, чтобы приступить къ общему крещенію народа и такъ какъ послѣдніе изъ нихъ, по незнанію русскаго языка, имѣли

---

1) Патріархи называютъ архіепископовъ Новгородскихъ епископами въ половинѣ XIV в. (Миклош. Acta Patriarch. Constantinop. 1, 347).

2) Т. е. по словопроизводству; въ приложеніи къ автокефальнымъ епископамъ оно вовсе не значило начальнаго епископа, а значило епископа, непосредственно подчиненнаго патріарху. Въ Азбуковникахъ: «архіепископъ—начало епископомъ, рекше начальствуяй (надъ епископы), архіепископи (бо) учинени, яко да назираютъ надъ епископы»....

быть болѣе общими руководителями дѣла крещенія, чѣмъ принимать на себя дѣйствительное пастырство надъ крещенными, то со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать еще, что было выписано и получено большее или меньшее количество священниковъ изъ Болгаріи и, можетъ быть, также изъ Венгерской Руси. Такъ или иначе, создавъ необходимый запасъ священниковъ, Владимиръ приступилъ къ общему крещенію народа. Но съ минуты приступа къ сему послѣднему открывалась нужда уже не во временномъ только большемъ или меньшемъ ихъ запасѣ, а въ томъ, чтобы дать ихъ въ возможно достаточномъ количествѣ всей странѣ, чтобы представить и поставить то огромное ихъ количество, при которомъ бы всѣ новокрещенные не по имени только, а на самомъ дѣлѣ оказались съ своими пастырями и при которомъ бы могли быть образованы приходы болѣе или менѣе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Какъ ведено было правительствомъ это дѣло созданія первыхъ священниковъ для всей страны, въ лѣтописи, къ сожалѣнію, не находимъ извѣстій. Она сообщаетъ, что Владимиръ сейчасъ или вскорѣ послѣ возвращенія изъ похода подъ Корсунь «пославъ нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти нача на ученье книжное;» но, какъ уже мы говорили выше, это извѣстіе нужно понимать такъ, что дѣти нарочитой чади или бояръ были собраны и розданы на ученье книгамъ не съ тою спеціальною цѣлію, чтобы приготовить въ нихъ будущихъ священниковъ, а съ тою общею цѣлію, чтобы сдѣлать ихъ просвѣщенными людьми, чтобы съ ихъ генераціи ввести въ сословіи боярскомъ образованность и просвѣщеніе, о чемъ, какъ это необходимо думать, заботился Владимиръ. Дѣти бояръ необходимы были для великокняжеской службы и нельзя думать, чтобы правительство рѣшилось пожертвовать ими церкви, тѣмъ болѣе, что въ жертвѣ этой не было никакой нужды, ибо для церкви совершенно было безразлично — будутъ ли ея священники изъ дѣтей боярскихъ или изъ кого бы то ни было. Съ другой стороны, и сами бояре не могли имѣть ни малѣйшей охоты на то, чтобы отпустить дѣтей своихъ въ священники, ибо это значило бы то же, что имѣть охоту отдать своихъ дѣтей на низведеніе изъ бояръ въ пролетаріи.

Не имѣя положительныхъ извѣстій, остается дѣлать предположенія. Единственное предположеніе, которое можетъ быть здѣсь дѣлаемо, есть слѣдующее: крестивъ каждую большую область, Владимиръ оставлялъ вездѣ нѣкоторое количество священниковъ изъ того общаго запаса ихъ, который имѣлъ, и одновременно съ симъ было приступаемо въ каждой области къ набору кандидатовъ въ священники изъ ея новокрещенныхъ или новообращенныхъ. Если бы кому-нибудь не кстати вспомнилось, что апостолъ и за нимъ отеческія правила запрещаютъ ставить во священники новокрещенныхъ, то отвѣтъ ему тотъ, что нарушить запрещеніе была неизбѣжная нужда, что причина, по которой оно

сдѣлано: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволъ*, у насъ вовсе не имѣла приложенія и что по нуждѣ бывало нарушеніе каноновъ и въ самой древней церкви, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же каноны [1]). Сейчасъ мы сказали, что дѣти боярскія набраны были въ ученье книгамъ не для приготовленія во священники; но и вообще думать, будто первые кандидаты во священники были набираемы изъ дѣтей, значитъ предполагать то, что изъ всего есть наименѣе вѣроятное. Набрать дѣтей значило — обречь себя на продолжительное ожиданіе, между тѣмъ какъ въ священникахъ была настоятельная нужда: съ какой же бы непостижимой стати набрали дѣтей, а невзрослыхъ? Очень можетъ быть, что не вполнѣ строго сообразовались съ предписаніемъ каноновъ церковныхъ, требующимъ, чтобы во священники были поставляемы люди не моложе 30-лѣтняго возраста, какъ не со всею строгостію наблюдалось у насъ это предписаніе и во все послѣдующее время, но совершенно необходимо предполагать, что были набираемы въ кандидаты не дѣти, а люди взрослые, которые, послѣ возможно скораго и бѣглаго приготовленія (о которомъ скажемъ вслѣдъ за симъ ниже), тотчасъ же могли бы быть поставляемы во священники.

Одинъ разъ сдѣланнымъ наборомъ кандидатовъ во священники вовсе не кончились заботы правительства по приготовленію сихъ послѣднихъ. Напротивъ, послѣ перваго набора имѣлъ мѣсто цѣлый періодъ таковыхъ правительственныхъ наборовъ, который, какъ нужно думать, въ однихъ мѣстахъ окончился ранѣе, въ другихъ позднѣе, но который вообще продолжался не менѣе какъ до половины княженія Ярослава, а можетъ быть и значительно далѣе: лѣтописи свидѣтельствуютъ, что такой правительственный наборъ сдѣланъ былъ по приказанію Ярослава въ Новгородѣ въ 1030 году [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что самый первый наборъ кандидатовъ во священники во всѣхъ областяхъ былъ наборомъ чисто и буквально принудительнымъ, что, при отсутствіи добровольныхъ охотниковъ, кандидаты были набираемы или вербуемы силой, причемъ сейчасъ помянутый примѣръ Новгородскаго набора 1030 года даетъ основанія предполагать, что вербовка и доставка или поставка нужнаго количества кандидатовъ была возлагаема на старостъ крестьянскихъ обществъ [3]). Съ перваго взгляда представлялось бы вѣроятнымъ предполагать, что не одинъ первый наборъ былъ принудительнымъ, но что и нѣсколькіе или даже многіе послѣдующіе были таковыми же, такъ что

---

1) 1 всел. соб. пр. 2.

2) Софійск. лѣт. въ Полн. Собр. Лѣтт. т. V и Никон. лѣт. подъ симъ годомъ.

3) «Приде (Ярославъ) къ Новугороду (и) собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ». Отъ старостъ, какъ уже мы говорили выше, нужно понимать не такъ, что дѣтей ихъ, а такъ, что имъ, какъ представителямъ крестьянскихъ обществъ, приказано было набрать кандидатовъ изъ сихъ послѣднихъ.

священство довольно долгое время было своего рода военною повинностію, имѣвшею причинять правительству не мало заботъ и хлопотъ. Едва ли однако нужно предполагать это на самомъ дѣлѣ. Глубоко искренняя и настоящая привязанность къ храстіанству явилась не вдругъ, но предубѣжденіе противъ него должно было пройдти довольно скоро, а вмѣстѣ съ симъ должны были явиться и добровольные охотники идти въ священники. Совершенно естественно стремиться человѣку перейдти изъ худшаго положенія въ лучшее; если правительству окажется нужда призвать людей къ новому роду дѣятельности и если для него при этомъ безразлично, изъ кого бы эти люди ни были, то оно всегда найдетъ желающихъ поспѣшить на его призывъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ новое положеніе будетъ бо̀льшимъ или мѐньшимъ улучшеніемъ противъ прежняго. Положеніе нашего приходскаго духовенства, собственно говоря, съ самаго начала было вовсе и далеко не блистательнымъ. Но все же былъ весьма немалочисленный классъ людей, для которыхъ оно должно было представляться значительно лучше ихъ собственнаго положенія. А такъ какъ для правительства было совершенно безразлично — пойдутъ ли во священники эти люди или другіе, то и представляется не мало вѣроятнымъ думать, что послѣ перваго же набора изъ числа сихъ людей явились добровольные охотники идти во священники и что такимъ образомъ послѣдующіе правительственные наборы послѣ самаго перваго были не столько принудительными вербовками, сколько вызываніемъ и набираніемъ добровольныхъ охотниковъ.

Когда этихъ добровольныхъ охотниковъ явилось столько, что ими несомнѣнно уже имѣло быть обезпечено дальнѣйшее пополненіе священниковъ, правительство должно было прекратить свои наборы и священство начало существовать, такъ-сказать, само о себѣ, помимо его заботъ.

Вовсе не изъ дѣтей бояръ было составлено наше духовенство первоначально посредствомъ правительственныхъ наборовъ: вовсе не дѣти бояръ шли у насъ во священники и въ послѣдующее время. Никто не пойдетъ изъ лучшаго положенія въ худшее и всякій пойдетъ только изъ худшаго положенія въ лучшее, — вотъ общій законъ, который, въ приложеніи къ нашему священству, долженъ былъ дѣйствовать такъ же, какъ и вездѣ, и по силѣ этого закона оно должно было составиться и составляться изъ людей снизу. Положеніе приходскаго духовенства въ періодъ до-монгольскій и матеріально и нравственно было такъ незавидно, что охотники идти во священники могли быть ни изъ бояръ, ни изъ купцовъ, ни вообще изъ зажиточныхъ людей, хотя бы то и крестьянъ, а только изъ людей бѣднѣйшихъ, были они горожане или крестьяне, вообще изъ людей городскихъ или сельскихъ настолько бѣдныхъ, что священство было бы для нихъ пріобрѣтеніемъ. Не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній отъ періода до-монгольскаго, но со всею вѣроятностію

еще къ нему должно быть относимо сдѣланное гражданскимъ правительствомъ и относительно самыхъ бѣднѣйшихъ людей ограниченіе — какіе изъ нихъ могли идти во священники и какіе не могли, ибо подобное ограниченіе мы находимъ и въ Греціи съ самаго древняго времени [1]). Поступавшіе во священники переставали нести государственныя повинности, слѣдовательно, такъ-сказать, пропадали для государства и переставали для него существовать; естественно было желать государству, чтобы этотъ уходъ изъ него людей въ церковь сопровождался для него возможно меньшимъ ущербомъ и естественно было поэтому, чтобы оно дозволило такой уходъ не всѣмъ желавшимъ безъ различія, а только тѣмъ, которыми оно могло жертвовать безъ особеннаго для себя ущерба. Въ позднѣйшее время существовалъ у насъ законъ, что не могутъ быть принимаемы во священники служилые государевы люди и несущіе тягло крестьяне [2]), послѣ которыхъ оставался собственно одинъ разрядъ мірскихъ людей — не несшіе тягла бобыли (позднѣе называвшіеся еще казаками), и со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что законъ этотъ восходитъ еще ко временамъ до-монгольскимъ.

Такимъ образомъ, классъ людей, которые могли имѣть охоту и имѣли право идти во священники, былъ весьма ограниченъ. Не будучи съ этимъ и весьма малочисленнымъ, онъ имѣлъ своею отличительною чертою то, что былъ классъ бѣднѣйшій и въ гражданскомъ обществѣ малоправнѣйшій,—былъ то, что въ настоящее время называется пролетаріатомъ.

Какъ никогда не бываетъ правила безъ исключенія, такъ весьма возможно думать, что въ видѣ исключенія поступали иногда во священники и люди богатые, имѣвшіе внутреннее расположеніе къ священству и желавшіе посвятить себя Богу нѣсколько иначе, чѣмъ тѣ, которые постригались въ монахи. Это тѣмъ болѣе должно было случаться въ періодъ до-монгольскій, что тогда священство и монашество еще были, такъ-сказать, довольно въ одной цѣнѣ и что послѣднее еще не заслоняло до такой степени перваго, какъ это случилось послѣ.

Главный контингентъ священства составляли впрочемъ не міряне, а дѣти самыхъ священниковъ. Тѣ, которые думаютъ, что наслѣдственность духовенства есть вещь очень не давняя, весьма ошибаются. Въ старое время не было наслѣдственности, узаконенной въ томъ смыслѣ, чтобы мірянамъ совершенно загражденъ былъ доступъ къ священству, какъ

---

[1]) Cod. Theodos. lib. XVI, tit. II, capp. 3 (законъ Константина Великаго). 6 и 17; Юстиніана новеллы 6 гл. 4 и 123 гл. 15.

[2]) Уставная грамота вел. кн. Василія Димитріевича и митр. Киприана, въ Акт. Эксп. 1. № 9, стр. 5 col. 2. «А слугъ моихъ князя великаго и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити».

это было въ новѣйшее время до недавнихъ поръ; но въ старое время была наслѣдственность не только обычная, но даже и узаконенная въ томъ смыслѣ, что дѣтямъ священниковъ, желавшимъ идти по стопамъ отцовъ, предоставлены были нѣкоторыя важныя льготы. Обычай, чтобъ дѣти священниковъ шли тоже во священники, долженъ былъ установиться очень просто и естественно. Всякій мастеръ передаетъ дѣтямъ свое мастерство и свое ремесло; натурально, что и дѣти священниковъ, выроставшіе при отцахъ ихъ помощниками и пріобрѣтавшіе при нихъ навыкъ къ ихъ занятіямъ, — выроставшіе, если позволительно такъ выразиться, въ ремеслѣ священства, чувствовали охоту и склонность къ тому же священству. Для поступленія во священники требовались грамотность и умѣнье священствовать въ смыслѣ умѣнья совершать церковныя службы и исправлять церковныя требы: кому было естественнѣе учиться первой и кому было удобнѣе и сподручнѣе учиться второму, какъ не дѣтямъ священниковъ, которыя учителями грамоты могли имѣть своихъ отцовъ, а учиться священству въ помянутомъ смыслѣ должны были въ продолженіе всего своего дѣтства? Сынъ священника, не хотѣвшій идти во священники, долженъ былъ выбыть въ разрядъ тяглыхъ людей; такъ какъ это выбытіе не могло сдѣлать его богатымъ, то остаться бѣднякомъ не тяглымъ все-таки было предпочтительнѣе, чѣмъ стать бѣднякомъ тяглымъ. Такимъ образомъ по всему сказанному, самъ собою долженъ былъ установиться обычай, чтобы дѣти священниковъ шли преимущественно въ тѣ же священники. Обычай этотъ до того былъ естественъ, и явиться и установиться ему до того казалось всѣмъ натуральнымъ и необходимымъ, что поповъ сынъ, не умѣющій грамотѣ и слѣдовательно не хотящій идти во священники, считался какимъ-то выродкомъ и уродомъ, — онъ назывался изгоемъ, что̀ означало какъ бы заштатный классъ людей потерявшихъ и какъ бы промотавшихъ право принадлежать къ тому сословію, къ которому они дотолѣ принадлежали [1]). Гражданское правительство съ своей стороны предоставило льготы дѣтямъ священниковъ въ тѣхъ своихъ узаконеніяхъ, что, во-первыхъ, сынъ священника, пока онъ жилъ при отцѣ, не былъ дѣлаемъ тяглымъ человѣкомъ; — во-вторыхъ, что если бы онъ самъ отдѣлился отъ отца и добровольно поступилъ въ тяглые люди, то и послѣ этого онъ все-таки могъ, если бы хотѣлъ, быть поставленъ во священники [2]). Смыслъ втораго узаконенія ясенъ; что касается до перваго, то

¹) Въ подложной грамотѣ Всеволода Новгородской св. Софіи: «изгои три: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ.... (у преосв. Макарія въ Ист. т. 2, изд. 2, стр. 383).

²) Въ помянутой Уставной грамотѣ вел. кн. Василія Димитріевича и митр. Кипріана: «который поповичъ будетъ писанъ въ мою (великаго князя) службу, а восхочетъ стати въ попы или діаконы, ино ему волно стати; а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичъ».

правительство, не привлекая къ отбыванію государственныхъ повинностей сына священника, который еще не избралъ рода жизни, конечно, хотѣло дать ему чрезъ это возможность готовиться къ священству. Наслѣдственность духовнаго званія, совершенно естественная по существу дѣла, несомнѣнно ведетъ свое начало отъ самаго перваго времени: въ 1030 году. Ярославъ приказываетъ въ Новгородѣ набрать кандидатовъ во священники «отъ старостъ», т. е. чрезъ старостъ у крестьянъ, и «отъ поповыхъ дѣтей» [1]).

Изъ сказаннаго нами выше слѣдуетъ, что у насъ явились священники въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ въ весьма непродолжительномъ времени послѣ того, какъ, приступивъ къ общему крещенію страны, вмѣстѣ съ тѣмъ приступили и къ образованію ихъ сословія. Что это было дѣйствительно такъ, имѣемъ мы и положительныя доказательства. Подъ 1051 г., по поводу поставленія Илларіона въ митрополиты, лѣтопись разсказываетъ, что у Ярослава было подъ Кіевомъ село или имѣніе (мыза, ферма) Берестовое, въ которомъ была церковь святыхъ апостоловъ, и что въ этомъ селѣ при сейчасъ названной церкви онъ набдѣлъ или содержалъ многихъ поповъ («попы многы»). Если совершенно безъ всякой нужды, а потому только, что «попы любяше по велику», Ярославъ содержалъ многихъ священниковъ при церкви, находившейся въ его имѣніи, то ясно, что въ послѣднихъ вовсе не чувствовалось недостатка. Что касается до всего послѣдующаго времени періода до-монгольскаго, то слѣдуетъ вообще думать, что священниковъ у насъ былъ не недостатокъ, а избытокъ, превышавшій болѣе или менѣе дѣйствительную нужду.

Кандидатами во священники были, какъ мы сказали, во-первыхъ— дѣти священниковъ, во вторыхъ — желавшіе міряне изъ того разряда сихъ послѣднихъ, которому дозволено было поступать въ духовное званіе. Такъ какъ разрядъ этихъ мірянъ былъ весьма ограниченъ, то можетъ представляться съ перваго взгляда, что вообще кандидаты во священники были не особенно многочисленны. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Во-первыхъ, уже одни дѣти священниковъ, изъ коихъ бо̀льшая часть несомнѣнно предпочитала стремиться къ священству, чѣмъ выходить въ тяглые люди—въ крестьяне, представляли собою такой контингентъ, который долженъ былъ вполнѣ обезпечивать нужду, ибо съ каждымъ поколѣніемъ ихъ число, естественно, все болѣе и болѣе должно было увеличиваться. Во-вторыхъ, что касается до мірянъ, то хотя доз-

---

[1]) Въ Греціи съ этою наслѣдственностію священства доходило даже до того, что нѣкоторые старые священническіе роды получали отъ императоровъ наслѣдственное право священства (имѣвъ быть ставимы епископами, хотя бы и были недостойны или, если не хотѣли идти во священники, имѣвъ право на мѣста, которыя сдавали въ аренду другимъ), см. Вальсамона у Ралли и П. II, 380.

волено было поступать въ духовное званіе и всего одному классу ихъ, именно бѣднѣйшему, однако не должно представлять классъ этотъ малочисленнымъ, ибо извѣстно, что классъ бѣдныхъ людей нигдѣ не бываетъ малочисленнымъ. Необходимо думать, какъ уже мы говорили, что ни матеріально, ни нравственно духовенство не было поставлено въ періодъ до-монгольскій особенно хорошо; но для бѣдныхъ людей возможность попасть во священники все-таки должна была представляться значительнымъ пріобрѣтеніемъ, все-таки значительною перемѣною худшаго на лучшее, и если не совсѣмъ выходомъ изъ пролетаріевъ, то по крайней мѣрѣ переходомъ въ аристократы между сими послѣдними. По всему этому необходимо думать, что для всего класса міряню, которому дозволено было идти во священники, священство составляло предметъ самыхъ горячихъ желаній, что оно было цѣлію ихъ завѣтныхъ стремленій, подобно тому, какъ для людей всѣхъ классовъ цѣлію таковыхъ стремленій служитъ то самое высшее, чего они могутъ достигнуть. А слѣдовательно необходимо думать, что всѣ эти міряне не только шли во священники, когда ихъ звали туда, но и сами изъ всѣхъ силъ добивались его, употребляя всѣ старанія къ тому, чтобы приготовить себя къ нему со стороны грамотности или вообще той или другой способности совершать съ грѣхомъ пополамъ церковныя службы. Но если такимъ образомъ не только не было недостатка въ кандидатахъ во священники, но и было ихъ изобиліе, то вмѣстѣ съ симъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ должны были явиться почти въ такомъ же изобиліи и священники.

Въ періодъ до-монгольскій, какъ и послѣ до новѣйшаго времени, не было чего-нибудь похожаго на штаты приходскихъ священниковъ, напротивъ приходы пользовались совершенно неограниченной свободой имѣть священниковъ столько, сколько сами хотѣли. Такъ какъ приходы обязаны были содержать священниковъ, то, разумѣется, долженствовала быть какая-нибудь норма, свыше которой и сами прихожане не могли желать имѣть священниковъ. Но поелику, съ одной стороны, содержаніе крайне невзыскательныхъ священниковъ тогда было совсѣмъ не то, что въ настоящее время, а съ другой стороны для прихожанъ было тѣмъ лучше, чѣмъ было ихъ болѣе, то необходимо думать, что тогдашняя норма, опредѣлявшаяся не кѣмъ-нибудь сверху, а просто самими прихожанами, относилась къ нынѣшней никакъ не менѣе какъ 10 къ 1, т. е. что считавшееся тогда нормальнымъ число священниковъ было по крайней мѣрѣ въ 10 разъ болѣе нынѣшняго. Если не было препятствій со стороны прихожанъ, чтобы священниковъ было множество, то тѣмъ менѣе онѣ могли быть со стороны епископовъ. Какого бы множества священниковъ ни желали себѣ прихожане, епископы не имѣли никакого права отказываться, ибо норма количества, какъ мы сказали, могла опредѣляться только желаніемъ прихожанъ и болѣе ничѣмъ. Съ другой

стороны обстоятельства дѣла имѣли себя такъ, что епископы не только не должны были останавливать прихожанъ, когда они желали себѣ черезъ-чуръ много священниковъ, а напротивъ только должны были съ охотою удовлетворять ихъ желаніямъ, какъ бы онѣ ни были неумѣренны и неблагоразумны. За каждое поставленіе во священники епископы въ то время взимали опредѣленную, довольно высокую, плату, которую еще сами возвышали произвольно и незаконно. Чѣмъ болѣе приходилось имъ ставить священниковъ, тѣмъ болѣе для нихъ было выгодно. Въ виду этого, епископы не только не должны были унимать прихожанъ, когда они желали себѣ священниковъ черезъ-чуръ много, а напротивъ должн ы были всевозможно поощрять ихъ къ тому, чтобы они желали ихъ какъ можно болѣе. Если мы допустимъ весьма возможное предположеніе, что у насъ люди не были болѣе совершенны, чѣмъ въ Греціи, то, судя по тамошнимъ порядкамъ, не невѣроятно предположить, что съ этимъ размноженіемъ священниковъ епископы позволяли себѣ даже злоупотребленія. Въ Греціи епископы до такой степени обратили поставленіе священниковъ въ простую статью дохода, что ставятъ рѣшительно всякаго желающаго, кто, желая поставиться, въ состояніи приличнымъ образомъ заплатить. Но такъ какъ, съ одной стороны, правила каноническія рѣшительно требуютъ, чтобы священники были рукополагаемы не иначе, какъ въ извѣстные приходы [1]), а съ другой стороны, прихожане не могутъ же содержать столькихъ священниковъ, сколько бы имъ ни наставили епископы, то въ Греціи выдумано ставить священниковъ номинально-приходскихъ или приписныхъ, которые только причисляются къ извѣстнымъ приходамъ, но нисколько не состоятъ въ нихъ дѣйствительными священниками, и которые, будучи въ сущности безприходными, представляютъ собою только кандидатовъ на имѣющія открыться мѣста [2]). Нѣтъ ничего невозможнаго, что это злоупотребленіе существовало и у насъ въ Россіи. Подъ 1159 г. въ лѣтописяхъ читаемъ, что въ этомъ году Ростовцы и Суздальцы выгнали отъ себя епископа своего Леона, «зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы». Въ несовсѣмъ вразумительныхъ словахъ лѣтописей, по всей вѣроятности, разумѣется одинъ изъ видовъ того злоупотребленія, о которомъ мы говорили сейчасъ, именно—что Леонъ умножилъ количество приходовъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность какъ можно болѣе ставить священниковъ, съ которыхъ онъ бралъ весьма высокую плату за поставленіе.

---

[1]) 4 всел. соб. пр., 6.

[2]) Объ этихъ клирикахъ номинальныхъ и приписныхъ см. новеллу Алексѣя Комнина у Ралли и П. V, 295: ἀπογεγραμμένοι μεν ὑπάρχουσι και δουλεύουσι τῇ ἐκκλησιᾳ, οὐ λαμβάνουσι δὲ τι, ἀλλ᾿ ἐλπίδι καὶ μόνῃ τρέφονται προκοπῆς.

Итакъ, что касается количества приходскихъ священниковъ въ перiодъ до-монгольскiй, то, повторяемъ, необходимо представлять дѣло такъ, что не только не чувствовалось въ нихъ недостатка, а напротивъ было ихъ великое изобилiе, что тогдашня норма превышала нынѣшнюю приблизительно, по крайней мѣрѣ, разъ въ десять.

Пока продолжался перiодъ правительственныхъ наборовъ, забота о замѣщенiи приходовъ священниками лежала на правительствѣ, которое или само непосредственно вело дѣло, назначая кандидата на каждый приходъ изъ имѣвшагося у него запаса или предоставляя этотъ свой запасъ кандидатовъ гуртомъ въ распоряженiе епископовъ. Послѣ того какъ правительство устранилось отъ приготовленiя кандидатовъ, забота о замѣщенiи приходовъ священниками не стала дѣломъ епископовъ, которые вовсе не имѣли въ своемъ распоряженiи людей, которыхъ бы они могли ставить, а сполна и исключительно легла на самихъ прихожанъ. Умиралъ или выбывалъ священникъ: прихожане сами обязаны были найти ему преемника и привести его къ епископу; послѣднiй же только посвящалъ его или, если уже онъ былъ посвященный, только благословлялъ. Можетъ показаться съ перваго взгляда, что эта обязанность прiискивать священниковъ составляла въ древнее время весьма трудную заботу для прихожанъ. Но изъ того, что̀ сейчасъ выше сказали мы о множествѣ желавшихъ тогда поступить во священники, слѣдуетъ, что это было вовсе не такъ. Прихожане развѣ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могли быть поставляемы въ необходимость прiискивать кандидатовъ, большею же частiю долженствовало быть такъ, что кандидаты сами являлись къ нимъ въ томъ или другомъ множествѣ и имъ оставалось только выбирать. Само собою разумѣется, что чѣмъ богаче былъ приходъ, тѣмъ бо̀льшее должно было являться и число кандидатовъ. Но и приходы самые бѣднѣйшiе не должны были оставаться совсѣмъ безъ охотниковъ занять ихъ. Мы сказали выше, что у насъ, какъ и въ Грецiи, вѣроятно существовалъ обычай ставить священниковъ только приписныхъ, священниковъ только in spe. Для подобныхъ священниковъ и приходы самые худые составляли все-таки нѣчто; а такъ какъ въ древнее время была совершенно полная свобода для священниковъ перехода съ прихода на приходъ, то они охотно должны были занимать и худые приходы на время до прiисканiя лучшихъ, на которые могли переходить при первой открывшейся возможности. Судя по послѣдующему послѣ-монгольскому старому времени, нужно думать, что если не всегда, то иногда прихожане заключали со священниками контракты, въ которыхъ, съ одной стороны, давалось обязательство доставлять приличное содержанiе, а съ другой добросовѣстно и неукоснительно исполнять обязанности [1]).

---

1) Образецъ позднѣйшихъ таковыхъ контрактовъ или «порядныхъ» см. въ Актахъ Юридич. 1838 г. № 185.

Такъ какъ съ приходовъ бѣдныхъ священники могли уйдти во всякое время и такимъ образомъ прихожане этихъ приходовъ подвергались опасности внезапно оказаться совсѣмъ безъ священника, то по сей, нѣтъ сомнѣнія, причинѣ иногда назначался и прописывался въ контрактѣ срокъ, на который нанимался священникъ къ приходу [1]) и ранѣе котораго, подразумѣвается, онъ не могъ его оставить.

Сейчасъ помянутое нами право перехода состояло въ томъ, что священникъ, поставленный на одинъ приходъ, во всякое время, по своей доброй волѣ, могъ оставить его и пойдти искать себѣ другой не только въ предѣлахъ своей собственной епархіи, но и гдѣ бы то ни было въ чужихъ епархіяхъ. Для этого требовалось только, чтобы священникъ запасся отъ архіерея такъ называемой отпускной грамотой, изъ которой бы явствовало, что онъ есть не самозванецъ, а дѣйствительно поставленный священникъ и что онъ не состоитъ подъ запрещеніемъ. Съ этой грамотой онъ искалъ себѣ новаго прихода, и когда находилъ, то утверждаемъ былъ архіереемъ на новомъ мѣстѣ посредствомъ грамоты благословенной. Такъ какъ всякому человѣку естественно желать лучшаго, то само собою разумѣется, что священники не упускали пользоваться правомъ перехода, стремясь съ худшихъ приходовъ на лучшіе, а изъ этого слѣдуетъ, что они представляли собой людей болѣе или менѣе бродячихъ, были пастырями, которые какъ можно чаще старались мѣнять своихъ овецъ.

Со всею вѣроятностію или, лучше сказать, съ совершенною несомнительностію должно предполагать, что у насъ въ періодъ до-монгольскій, по подобію Грековъ, были ставлены въ приходскіе священники не только бѣлые священники, но и монахи или іеромонахи. Выше мы сказали, что первый входъ монаховъ въ клиръ именно и начался съ того, что епископамъ, въ случаѣ необходимой надобности, за неимѣніемъ мірянъ, дозволено было поставлять въ низшія степени клира изъ монаховъ; слѣдовательно приходскій священникъ изъ монаховъ есть явленіе не только совершенно естественное, но по времени и болѣе первоначальное, чѣмъ архіерей изъ нихъ же. Въ древнѣйшее время, какъ необходимо думать, ставили въ приходскіе священники не іеромонаховъ, а бѣлыхъ священниковъ, взятыхъ изъ монаховъ, въ чемъ есть существенное различіе, ибо послѣдніе переставали быть монахами и освобождались отъ тѣхъ обѣтовъ монашескихъ, которые несовмѣстимы съ пастырствомъ, а первые не перестаютъ быть ими и не освобождаются ни отъ какихъ обѣтовъ и какъ таковые, собственно говоря, не могутъ быть пастырями [2]). Но между тѣми и другими не было никакого видимаго различія, ибо

---

[1]) Ibid.

[2]) Cfr въ Πηδάλιον'ѣ къ 4 пр. 4-го всел. соб. прим. 2.

монахи, поставлявшіеся въ бѣлые священники, не освобождались отъ даннаго ими и совмѣстимаго съ пастырствомъ обѣта цѣломудрія и поставлялись безъ предварительной женитьбы, которая вовсе не составляетъ необходимаго условія священства, а различіе невидимое, то различіе, что монахъ есть ученикъ, а не учитель, повинующійся, а не начальствующій (собора въ храмѣ Софіи пр. 2), въ позднѣйшее время, съ потемнѣніемъ и потускнѣніемъ истиннаго взгляда на монашество, съ утратою живаго и отчетливаго представленія о томъ, что̀ составляетъ его сущность, перестало быть помнимо и примѣчаемо. Вслѣдствіе этого іеромонахи явились тѣмъ же или пошли за то же, что̀ и бѣлые священники изъ монаховъ, т. е. за настоящихъ священниковъ съ полною правоспособностью пастырства. Послѣ этого смѣшенія іеромонашества съ настоящимъ священствомъ, въ Греціи начали замѣщать мѣста приходскихъ священниковъ монахами такимъ образомъ, что не ставили бѣлыхъ священниковъ изъ монаховъ, а назначали на мѣста изъ іеромонаховъ, что продолжается и до настоящаго времени. Брать приходскихъ священниковъ изъ монаховъ первоначально заставила нужда. Но впослѣдствіи къ нуждѣ присоединились еще двѣ причины Во-первыхъ, многіе іеромонахи предпочитали свободную жизнь на приходахъ жизни въ монастыряхъ, и вслѣдствіе этого постарались достигнуть того, чтобы дѣло нужды превратить въ дѣло обычное. Во-вторыхъ, особый, водворившійся въ церкви Греческой, а точнѣе говоря — созданный монахами, обычай. Право исповѣди не принадлежало въ Греческой церкви eo ipso каждому священнику, а давалось архіереями только нѣкоторымъ священникамъ, болѣе способнымъ къ ея совершенію. Монахи успѣли достигнуть того, чтобы это право исключительно сосредоточилось въ ихъ рукахъ, т. е. чтобы духовничество исключительно было поручаемо іеромонахамъ (обстоятельно см. ниже). Такъ какъ не вездѣ и не во всѣхъ мѣстностяхъ было столько монастырей, чтобы міряне безъ затрудненія могли ходить въ нихъ на исповѣдь, то введся обычай, чтобы іеромонахами духовниками были снабжаемы приходы. У насъ не было никакой нужды ставить іеромонаховъ въ приходскіе священники, потому что никогда и нигдѣ не могло чувствоваться недостатка кандидатовъ изъ мірянъ; но о второй, указанной выше, причинѣ (стремленіе іеромонаховъ на приходы), заключая по послѣдующему времени, нужно думать, что она была сильна у насъ столько же, какъ и въ Греціи. Относительно духовенничества мы не доходили до такой совершенной крайности, какъ Греки, однако есть вся вѣроятность принимать, что и у насъ іеромонахи были предпочтительными духовниками передъ бѣлыми священниками. Такимъ образомъ необходимо думать, что у насъ въ періодъ до-монгольскій, какъ въ современной ему Греціи и какъ у насъ самихъ въ послѣдующее время, были приходскими священниками не только бѣлые священники, но и монахи или іеромонахи.

Въ настоящее время приходскіе священники изъ іеромонаховъ называются у Грековъ игуменами; ниже увидимъ, что въ позднѣйшее время они и у насъ назывались такъ же; изъ этого слѣдуетъ то заключеніе, что такъ назывались они у Грековъ и у насъ и въ древнее время. Когда мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ нашихъ, что то-то или то-то сдѣлали «вси игумени и попове,» то болѣе чѣмъ вѣроятно, что каждый разъ должно разумѣть не однихъ только игуменовъ монастырей, но и іеромонаховъ, игуменившихъ у приходскихъ церквей.

Мы Русскіе не можемъ представить себѣ мірскаго или приходскаго священника иначе, какъ человѣкомъ женатымъ. Между тѣмъ женитьба или супружество нисколько не необходимо для священства и священникомъ можетъ быть совершенно безразлично какъ человѣкъ женатый, такъ и холостой, въ послѣднемъ случаѣ съ тѣмъ ограниченіемъ, что не можетъ жениться послѣ посвященія или что женившись долженъ оставить священство (и не только безразлично, но по идеѣ и столько же бы предпочтительно, сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества) [1]). Обязательный (и весьма благоразумный) законъ, чтобы священники были непремѣнно женаты (ибо идея и практика иногда вещи совсѣмъ различныя) явился у насъ весьма давно: не позднѣе какъ со времени митрополита Петра у насъ было требуемо, чтобы вдовые священники шли въ монахи или оставляли священство. Но такъ какъ въ семъ случаѣ мы, какъ кажется, не послѣдовали примѣру Грековъ, которые, если не ошибаемся, допускали и допускаютъ холостыхъ священниковъ [2]), а установили законъ сами собой, то необходимо думать, что мы дошли до него не сразу и что такимъ образомъ въ періодъ до-монгольскій его еще не существовало. Митрополитъ Георгій, повторяющій въ своемъ уставѣ 1-е правило Неокесарійскаго собора: «попъ, аще женится, преставити отъ чину....» даетъ знать, что случаи поставленія холостыхъ въ священники бывали. Впрочемъ, вообще необходимо думать, что случаи бывали весьма рѣдко и представляли собой не болѣе, какъ только исключенія, ибо желавшіе дѣвствовать должны были предпочитать священству монашество.

---

¹) Правила каноническія, запрещающія клирикамъ бракъ послѣ посвященія, исключая чтецовъ и пѣвцовъ: Апост. 26, Трулльск. соб. 6.

²) У Арсенія Суханова въ Проскинитаріи, въ бесѣдѣ съ патріархомъ Александрійскимъ Іоанникіемъ, читаемъ: «Арсеній рекъ: мощноль неженатаго въ попы поставити? И патріархъ рекъ: мощно, и указалъ на своихъ предстоящихъ, и тѣ неженаты поставлены въ попы, и паки рекъ патріархъ: мочно поставить и неженатаго, только ему не мощно будетъ послѣ поставленія жениться, а если женится, не будетъ попъ» (Сунод. ркп. № 574, л. 59). Но въ Аѳинахъ относительно настоящаго времени увѣряли насъ, что въ священники ставятся непремѣнно женатые и притомъ только уже болѣе или менѣе достаточно пожившіе въ бракѣ и имѣющіе дѣтей.

Въ Западной Руси въ XVI в., предъ введеніемъ уніи, какъ извѣстно, было не малое количество священниковъ двоеженцевъ (или точнѣе говоря изъ двоеженцевъ, ибо, какъ думаемъ, дѣло должно понимать не такъ, чтобы священники женились во второй разъ уже бывъ священниками, а такъ, что они поставлялись изъ двоеженцевъ). Не знаемъ, что̀ видѣть въ этомъ, — слѣдствіе ли позднѣйшей распущенности или зло наслѣдованное и остававшееся отъ издавна. Но во всякомъ случаѣ возможно какъ одно, такъ и другое, ибо у Грековъ находимъ священниковъ двоеженцевъ не только въ нашъ періодъ до-монгольскій, но и гораздо ранѣе [1]).

Существовало и допускалось у насъ въ періодъ до-монгольскій замѣчательное злоупотребленіе относительно поставленія во священники, объясняемое нуждой времени. Бѣдные и вообще простые люди довольно долгое время послѣ принятія христіанства чуждались у насъ церковнаго вѣнчанія браковъ, находя его нужнымъ только для бояръ, а сами довольствуясь бракомъ мірскимъ, наслѣдованнымъ отъ язычества (обстоятельнѣе ниже). Но въ священники наибольшею частію ставились люди бѣдные и простые. Нѣтъ сомнѣнія, за невозможностію находить достаточнаго количества кандидатовъ во священники, вѣнчанныхъ по христіански, въ періодъ до-монгольскій допускалось, чтобы ставимы были во священники и не вѣнчанные, а вступившіе въ брачное сожитіе посредствомъ мірскихъ браковъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они вѣнчались предъ посвященіемъ, при чемъ, если были дѣти, то привѣнчивались (также ниже). Въ Уставѣ Бѣлечскомъ митр. Георгія читается: «аще (кто) не вѣнчался будетъ, не достоинъ поповства, да вѣнчався съ женою станетъ попомъ, достоинъ бо ся вѣнчати, аще и дѣти будутъ» [2]).

Въ томъ же уставѣ митр. Георгія читаемъ еще правила относительно поставленія во священники:

«Аще въ поганствѣ грѣхи будетъ сотворилъ, развѣе душегубства, а по крещеніи будетъ не согрѣшилъ, станетъ попомъ».

«Аще кто научится грамотѣ, а будетъ души не погубилъ, а жену понялъ дѣвою и въ татьбѣ будетъ не вязанъ, а инъ грѣхъ сотворилъ будетъ, да покается о нихъ ко отцю (духовному) и схранитъ епитемью, и будетъ попъ».

---

1) Трульск. соб. пр. 3, указъ патріарха Алексѣя († 1043) у Ралли и П. V, 28, Вальсамонъ ibid. II, 23.

2) Ркп. Троицкой Лавры № 204, л. 266. Въ Волоколамск. ркп. № 566, въ которой находятся отрывки изъ устава Георгіева, это правило читается: «Аще ли дьякъ безъ вѣнчанія жену поялъ есть, а будетъ достоинъ поповства, то вѣнчався съ нею станетъ въ попы», л. 114 об. fin. Если бы было первоначальнымъ сіе послѣднее чтеніе, то это значило бы, что терпѣли на мѣстахъ дьяковъ, ко-

«Аще обручена жена будетъ дьяку, а умретъ, не совокупився съ нею, достоинъ ему, иную поимше, стати попомъ».

«Аще будетъ на лици знаменіе, аки кровь, не можетъ стати попомъ».

Кромѣ священниковъ причты церковные состояли у насъ въ древнее время, такъ же какъ и въ настоящее, изъ діаконовъ, дьячковъ и пономарей.

Не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но по аналогіи съ церковью Греческой и по заключенію отъ позднѣйшаго времени нужно думать, что дьяконы не считались въ древнее время необходимостію всякаго мало-мальски порядочнаго прихода, а напротивъ что они были чрезвычайно рѣдки — въ епископскихъ каѳедральныхъ соборахъ, въ соборахъ уѣздныхъ, а за тѣмъ еще при весьма не многихъ церквахъ [1]). Такъ какъ дьяконы должны были считаться необходимыми или по крайней мѣрѣ желательными при служеніяхъ праздничныхъ — на храмовыхъ праздникахъ приходовъ, то вѣроятно было бы предполагать, что они были распредѣлены по епархіямъ такъ, чтобы каждый приходъ имѣлъ удобство привозить ихъ къ себѣ на нужное время, т. е. какъ-нибудь по бо́льшимъ или меньшимъ округамъ; но пока относительно этого мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. У Грековъ въ общежитіи и просторѣчіи діаконъ назывался и доселѣ называется уменьшительно διακός [2]), откуда нашъ дьякъ. Въ древнѣйшее время и у насъ онъ назывался однимъ и другимъ именемъ, а потомъ второе имя было усвоено у насъ чтецамъ и пѣвцамъ, о чемъ скажемъ сейчасъ ниже.

Правила, читаемыя въ нашихъ каноническихъ сочиненіяхъ періода до-монгольскаго, относительно поставленія въ діаконы:

У митр. Георгія въ Уставѣ:

«Аще ли попъ ставитъ покаяльнаго сына діакономъ, аще будетъ прежде поятья жены своея съ иными блудъ сотворилъ, не достоитъ его поставити и лише осужденіе пріиметъ» (Первыя слова, по всей вѣроятности, нужно понимать такъ, что если священникъ дастъ своему духовному сыну свидѣтельство, что онъ достоинъ въ дьяконы).

У Кирика въ Вопрошаніи:

«Аще кто холостъ буда (будучи) сотворитъ блудъ и отъ того ся дѣтя родитъ, не достоитъ поставити діакономъ».

торые, бывъ поставлены холостыми, вступили потомъ въ бракъ безъ церковнаго вѣнчанія (въ другомъ мѣстѣ той же ркп., — л. 152 об. fin., правило читается какъ въ Лаврск.).

[1]) По грамотѣ Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опокахъ, — церкви соборной, въ которой имѣла быть вседневная служба, одному дьякону при многихъ попахъ полагается служить только по субботамъ и по воскресеньямъ (Рускк. Достопамм. I, 78).

[2]) А дьяконица — διάκισσα.

«Оже дѣвку растлитъ, и паки ея о женитъ иною, недостоитъ поставити».

«(Если ищущій діаконства будетъ виновенъ въ татьбѣ), — аже будетъ татьба велика, а не уложатъ ее отай (не уладятъ дѣла относительно ея тайно), но сильну прю составятъ передъ княземъ и передъ людьми, то недостоитъ того ставити діакономъ, и ожели окрадеться (будетъ виновенъ въ воровствѣ), а то уложатъ отай, то достоитъ».

«Аже паробка (слугу, холопа) господа вяжутъ (и) бьютъ украдшаго что-либо, достоитъ ставити».

Относительно иподіаковъ, занимающихъ середину между діаконами и дьяками, въ Правилѣ митр. Іоанна предписывается, что они должны вступать въ бракъ до посвященія, а иначе погубляютъ свой чинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дается знать, что прежде дозволялось имъ жениться и послѣ посвященія (Можетъ быть перешла къ намъ отъ Грековъ остававшаяся у послѣднихъ по злоупотребленію практика, которую относительно діаконовъ установляетъ Анкирскій соборъ въ пр. 10).

Дьячекъ есть уменьшительное отъ дьякъ и собственно должно бы было дья́чекъ. Въ письменныхъ актахъ древняго времени не употребляется уменьшительная форма дьячекъ, но всегда дьякъ. Должность церковная, которая у насъ названа была именемъ дьякъ, а послѣ стала называться дьячекъ, у Грековъ называлась и называется ἀναγνώστης — чтецъ и ψάλτης — пѣвецъ. Наше русское названіе чтецовъ и пѣвцовъ — дьякъ, какъ они у Грековъ не называются, есть греческое уменьшительное имя дьяконовъ, перенесенное на нихъ съ послѣднихъ. Относительно этого перенесенія должно думать слѣдующее: такъ какъ чтецы и пѣвцы носятъ одну и ту же богослужебную одежду съ діаконами — стихарь, то первоначально называли ихъ у насъ однимъ и тѣмъ же именемъ съ первыми — діаконами и діаками, причемъ, если нужно было отличить настоящихъ діаконовъ отъ чтецовъ и пѣвцовъ, прибавляли къ имени прилагательное «урарный» [1]) (орарный); но потомъ было принято различать однихъ отъ другихъ тѣмъ, что настоящихъ діаконовъ стали называть полнымъ ихъ именемъ — діаконъ, а вторыхъ ихъ уменьшительнымъ именемъ — дьякъ. Въ древнее и вообще въ старое время дьячки (дьяки) были у насъ не только церковными причетниками, но и своего рода чиновниками свѣтскими, хотя это и запрещаютъ правила церковныя. Въ древнее время люди грамотные, и особенно люди умѣющіе писать, — ибо и въ настоящее время умѣть читать и писать не совсѣмъ одно и то же, а въ древнее время было и совсѣмъ одно и то же (уставное письмо) [2]) — составляли

[1]) «Дьяконъ урарьный» въ Хроникѣ Амартола, — ркп. Моск. Д. Акад. № 100, л. 193 и об., «дьякъ уларьный» въ Узаконеніи Константина, — Рускк. Достопп. II, 182 нач.

[2]) По свидѣтельству Еингарда, Карлъ Великій, начавшій учиться писать въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не могъ выучиться искусству письма надлежащимъ обра-

величайшую рѣдкость; а между тѣмъ никакая община или никакой приходъ не могъ совсѣмъ обходиться безъ человѣка грамотнаго и умѣющаго писать, ибо иначе нельзя было бы написать никакого акта и нельзя бы прочесть никакого акта написаннаго: церковные пѣвцы-чтецы или дьяки, поелику они уже по своей должности обязаны были быть грамотными, вмѣстѣ съ этой непосредственной должностью обязывались быть и приходскими писарями и читарями [1]) (отъ этой второй и второстепенной должности церковныхъ дьяковъ получили названіе дьяковъ и всѣ вообще писаря) [2]).

Въ лѣтописи упоминаются дьяки, которымъ гуменцо прострижено, но которые не поставлены, т. е. дьяки, которые посвящены, но не поставлены на мѣста [3]). Что такое были эти дьяки, посвященные, но не имѣющіе мѣстъ, изъ лѣтописи ясно не видно; но необходимо думать, что желавшіе поступить въ духовное званіе заранѣе посвящались въ дьяки, какъ это было весьма обычно и въ Греціи [4]), чтобы быть такимъ образомъ кандидатами возможно дѣйствительными, какъ бы признанными. До пріисканія мѣстъ эти дьяки вѣроятно частнымъ образомъ дьячествовали въ приходахъ, къ которымъ принадлежали по рожденію или въ домахъ у богатыхъ людей и вообще вездѣ, гдѣ ихъ частнымъ образомъ нанимали. Въ случаѣ особенныхъ нуждъ эти дьяки должны были идти на войну съ прочими гражданами [5]).

Будучи не только церковными чтецами и пѣвцами, но и приходскими секретарями или писарями, дьяки въ древнее время, какъ это необходимо думать, были не то, что въ настоящее время дьячки, а лицами въ приходахъ болѣе или менѣе или, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени важными и вліятельными [6]).

зомъ: temptabat et scribere, sed parum successit labor praeposterus ac sero inchoatus, — Vita Karoli M., § 25 fin.

1) Обязательства дьячковъ позднѣйшаго времени быть мірскими писарями см. въ Акт. Юрид. 1838 г., №№ 285, 286 и 302.

2) Въ грамотѣ Всеволода у церкви Ивана Предтечи на Опокахъ при многихъ священникахъ полагается одинъ дьякъ (Руск. Достопам. I, 78): изъ этого слѣдуетъ, что его обязанность была читать, а что пѣли сами священники (т. е. тѣ изъ нихъ, которые не служили).

3) Ипатск. лѣтоп. подъ 1148 г., 2 изд. стр. 259 fin. Аче и дьякъ, а гуменьце ему прострижено, а не поставленъ будетъ»....

4) О Греціи см. у Ралли и П. 617 и 619 (Въ Греціи кромѣ этихъ дьяковъ безмѣстныхъ были еще такъ-сказать полудьяки: не посвященные въ дьяки епископами, но носившіе стрижку и одежду дьяческія, о которыхъ ниже, — 7 всел. соб. пр. 14 и толкованія на него. Весьма вѣроятно, что такіе полудьяки или какъ бы самодьяки были и у насъ).

5) Ипатск. лѣт. ibid.

6) Дьяки или дьячки, искавшіе дальнѣйшей промоціи въ дьяконы и священники, должны были представлять епископамъ свидѣтельства отъ своихъ духов-

Пономарь есть греческое παραμονάριος, что, происходя отъ παραμένω, значитъ человѣка, пребывающаго при чемъ-нибудь, стерегущаго что-нибудь. Въ Греціи парамонари жили при церквахъ, но они не были простыми сторожами [1]) ихъ, а чѣмъ-то въ родѣ смотрителей и даже причисляются, по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ, къ старѣйшимъ [2]). Наши пономари не были сторожами съ самаго древняго времени, ибо послѣдніе упоминаются особо и называются именно сторожами [3]). О первоначальной обязанности пономарей нужно думать, что она состояла не въ томъ, чтобы пѣть на лѣвомъ клиросѣ, а въ томъ, чтобы во время службы прислуживать священнику [4]). Не имѣя обязанности читать и пѣть, они по всей вѣроятности были большею частію совсѣмъ безграмотны. Отъ нихъ требовалось только, чтобы были отъ «чистыхъ» [5]) за тѣмъ, чтобы могли входить въ олтарь. Дьяки и пономари, въ отличіе отъ священниковъ и діаконовъ, назывались общимъ именемъ причетниковъ [6]).

Въ несобственномъ смыслѣ принадлежатъ еще у насъ къ церковнымъ причтамъ просфоропеки или просвирницы (просвирни, просвирены), т. е. особыя при церквахъ женщины, вдовы или незамужнія дѣвицы, приготовляющія для нихъ просфоры. Эти просфоропеки или просвирницы явились у насъ не съ самаго начала, а послѣ половины XII вѣка и не

ныхъ отцовъ въ томъ, что они достойны священства. Дьякъ, получившій отъ духовнаго отца такое свидѣтельство, что сдѣлалось большею частію заблаговременно, въ древнее время носилъ особое названіе «покаяльника» (какъ совершившій требуемое покаяніе, — см. Устава бѣлеческаго митр. Георгія по нашему изданію въ приложеніи къ настоящей главѣ правила 17, 45, 61, 70, 91 и 164).

[1]) Которые по гречески πορτάριος или πορτάρης.

[2]) Описаніе Сунодд. ркпп. Горск. и Новостр. № 380, отд. III, ч. 1, стр. 266. Но у Константина Порфирогенита въ De ceremonn., по изд. Миня pp. 173 и 261, προσμονάριοι (которыхъ, можетъ быть, должно отличать отъ παραμονάριοι), какъ кажется, суть церковные служители, близкіе къ нашимъ сторожамъ.

[3]) Въ грамотѣ Всеволода Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, Рускк. Достопамм. I, 78 нач.

[4]) Грамота Всеволода Новгородск. Софійск. собору называетъ пономаря «свѣщегасомъ» (у преосв. Макарія т. II изд. 2 стр. 383 нач.), а архіепископъ Геннадій въ концѣ XV в. свѣщеносомъ (Акт. Ист. т. I стр. 144 col. 2). Въ грамотѣ Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опокахъ упоминаются попы, дьяконъ, дьякъ и сторожа (Рускк. Достопп. I,77 sqq), но не упоминается пономаря или пономарей: изъ этого слѣдуетъ, что при иныхъ церквахъ (и даже соборахъ, какова церковь Іоанна Предтечи) пономарей не было и ихъ замѣняли сторожа.

[5]) Правила Владимирск. собора 1274 г., Русскія Достопамм. I, 118.

[6]) Въ сейчасъ указанныхъ правилахъ, стр. 111. Причетникъ отъ причитати (ibid. стр. 118) т. е. къ церкви есть переводъ греческаго κληρικός (въ Ник. Кормч. гл. 42, выписки изъ новеллъ Юстиніана). О раздѣленіи у Грековъ всѣхъ членовъ клира на два класса: ἱερωμένοι—высшіе, отъ епископа до иподіакона, и κληρικοί — всѣ прочіе, см. у Вальсам. въ толков. на 77 пр. Трулльск. соб. у Ралли и П. II, 485.

позднѣе второй половины XIII-го[1]). Въ Греціи не было и до настоящаго времени нѣтъ нашихъ просвирницъ и тамъ дѣло съ просфорами имѣетъ себя такъ, что для церквей ихъ пекутъ обыкновенные булочники и хлѣбники, у которыхъ онѣ покупаются, а частные люди, желающіе помянуть на просфорахъ живыхъ или мертвыхъ (т. е. принести ихъ въ церковь для вынутія), отчасти покупаютъ ихъ у тѣхъ же булочниковъ и хлѣбниковъ[2]), отчасти пекутъ сами. Такъ было и у насъ по крайней мѣрѣ до половины XII вѣка, ибо въ вопрошаніи Кириковомъ читаемъ вопросо-отвѣтъ: «прашахъ: единою просфурою достоитъ ли служити? (рече:) аже будетъ далече, яко въ селѣ, а негдѣ будетъ взяти другое просфуры, то достоитъ; аже будетъ близь торгъ, гдѣ купити, то не достоитъ, — ажели како гдѣ не будетъ, по нужи достоитъ».... Но у насъ греческіе порядки были совершенно неудобны, ибо у насъ не только не было особыхъ булочниковъ и хлѣбниковъ въ селахъ, но и въ иныхъ городахъ они приготовляли свои произведенія не каждый день, а только въ извѣстные дни недѣли, именно — къ недѣльнымъ базарнымъ днямъ, почему и просфоры пекли только къ этимъ днямъ (для селъ) и подъ воскресенья (для своихъ городскихъ церквей). Вслѣдствіе этого у насъ даже въ иныхъ изъ городовъ не служили въ будни литургіи за невозможностью достать просфоръ, а въ селахъ, привозя просфоры изъ городовъ съ базаровъ, принуждены были служить на просфорахъ испеченныхъ Богъ знаетъ когда, совсѣмъ старыхъ и зачерствѣлыхъ[3]). По причинѣ

---

1) Въ половинѣ XII вѣка ихъ еще не было, см. Кирика сейчасъ ниже, а въ такъ-называемомъ уставѣ Владимира по списку конца XIII вѣка онѣ уже есть (Карамз. къ т. 1 прим. 506: «а се церковные люди: игуменъ, попъ.... проскурница»....)

2) Въ греческихъ городахъ можно видѣть и слышать, какъ разносчики-булочники идутъ съ корзинками и кричатъ: καλὰ προσφοράκια, т. е. хорошія просвирки!

3) Извѣстенъ разсказъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго, что онъ въ своемъ Курскѣ, видѣвъ, какъ не поются литургіи за невозможностію доставать просфоры, самъ рѣшился стать просворопекаремъ и продавцомъ ихъ. Дѣло должно понимать такъ, что въ Курскѣ (какъ должно подразумѣвать, и въ другихъ подобныхъ, т. е. небольшихъ городахъ) булочники пекли просфоры только къ воскресеньямъ, такъ что въ будни ихъ нельзя было достать. У митр. Георгія читаемъ въ Уставѣ: «проскуры аще изыдетъ 8 дніи, не пѣти ею», и еще: «аще будетъ проскура разсѣлася, а иное не будетъ проскуры»... У Кирика съ Вопрошаніи: «просфурою, рече, достоитъ просфумисати за двѣ недѣли», т. е. просфора годна для службы въ продолженіи двухъ недѣль. Эти правила, не понятныя при нынѣшнихъ порядкахъ, весьма понятны изъ того, что мы сказали выше. У Кирика въ Вопрошаніи есть наставленія о томъ, какія женщины не должны печь просфоръ (у Калайд. стрр. 194 и 201): ихъ должно относить не къ особымъ просфоропекамъ, которыхъ не было, а ко всякимъ домовымъ хозяйкамъ (которыя пекли для себя сами, если не хотѣли покупать). Это отсутствіе у насъ особыхъ просфорницъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе полутораста лѣтъ и проис-

этого крайняго неудобства порядковъ греческихъ у насъ и сдѣлано было то нововведеніе противъ Грековъ, что поставлены были при церквахъ особыя женщины для печенія просфоръ (каковое нововведеніе, какъ мы сказали, падаетъ на пространство времени отъ половины XII до второй половины XIII-го). Есть большая вѣроятность думать, что должность просфоропекъ не была создана у насъ совсѣмъ вновь, но что ими были сдѣланы или стали женщины, уже прежде бывшія при церквахъ въ другой должности. Въ Греціи съ древняго до настоящаго времени было и есть, а у насъ было въ древнее и старое время такъ, что мужчины и женщины становились въ церквахъ за богослуженіемъ не вмѣстѣ или смѣшанно, а особо одни отъ другихъ: гдѣ были верхнія галереи или такъ-называемыя полати, мужчины становились внизу, въ самой церкви, а женщины на сихъ полатяхъ; гдѣ ихъ не было, мужчины въ передней половинѣ церкви, а женщины въ задней, отдѣленныя отъ мужчинъ особымъ возвышеніемъ пола своей части и особой рѣшоткой (обстоятельнѣе ниже). Для смотра за женскими половинами церквей, для поставленія въ нихъ свѣчъ предъ иконами во время богослуженія и пр., въ Греціи были (и кажется и до сихъ поръ есть) при церквахъ особыя женщины, которыя собственно и по-просту не знаемъ какъ назывались, но которыя почетно величались и титуловались діакониссами [1]). Есть большая вѣроятность думать, что эти діакониссы или смотрительницы женскихъ отдѣленій церквей были и у насъ и что онѣ и стали у насъ просфоропеками, соединивъ въ себѣ двѣ должности. И не только весьма вѣроятно предполагать, что у насъ эти діакониссы были, но даже едва ли не должно будетъ усвоять имъ за древнее время особое, такъ-сказать, совсѣмъ причетническое значеніе. Вальсамонъ о современныхъ ему діакониссахъ Константинопольской св. Софіи говоритъ: «въ святѣйшей церкви престола Константинопольскаго діакониссы рукополагаются (προχειρίζονται, точно — проручествуются), и не имѣютъ только одного участія въ жертвенникѣ (въ которомъ имѣли участіе древнія діакониссы, о которыхъ онъ говоритъ выше), но церковничествуютъ многое (ἐκκλησιάζουσι δὲ πολλὰ) и завѣдуютъ по-церковнически (ἐκκλησιαζικῶς) женскимъ отдѣленіемъ церкви» [2]). Не совсѣмъ понятное «церковничествуютъ многое» въ связи рѣчи заставляетъ подозрѣвать, что тутъ дѣло идетъ о пѣніи діакониссами тѣхъ церковныхъ службъ, которыя могутъ быть пѣты внѣ

ходившія отсюда величайшія неудобства — для господъ, плохо разумѣющихъ исторію, весьма поучительный примѣръ того, какъ и до вещей самыхъ простыхъ люди додумываются весьма нескоро.

1) Вальсамонъ у Ралли и П. IV, 477. Cfr ibid. V. 231.

2) У Ралли и П. IV, 477.

алтаря [1]). Это подозрѣніе превращается въ увѣренность, когда мы припомнимъ другія, сами по себѣ тоже не совсѣмъ понятныя свидѣтельства. Въ словѣ на обрѣтеніе мощей св. Климента Римскаго, разсказывающемъ исторію этого обрѣтенія, совершеннаго Константиномъ философомъ, первоучителемъ Славянскимъ («Слово на принесеніе мощемъ, историческую имуще бесѣду»), говорится, что когда обрѣтенныя въ морѣ и принесенныя въ городъ (Херсонесъ) мощи были поставлены въ одной церкви, то по приказанію архіепископа было совершено всенощное бдѣніе «до полунощи убо мужескимъ поломъ, а отъ полунощи до утра черноризицами и благовѣрными женами, обычай такъ сущь вѣрными тѣми (sic) до скончанія.» Архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ Константинопольскомъ Паломникѣ говоритъ, что въ Софіи Константинопольской недалеко отъ южнаго боковаго алтаря есть мѣсто, гдѣ «мироносица поютъ» [1]). Снесеніе приведенныхъ мѣстъ не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Греціи, вездѣ или по крайней мѣрѣ индѣ, совершаемы были подъ руководствомъ нашихъ діакониссъ такъ-сказать совсѣмъ женскія внѣалтарныя церковныя службы, т. е службы, отправлявшіеся или пѣвшіяся исключительно женщинами. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что и у насъ нѣчто подобное было въ древнее время. Въ Стоглавѣ читаемъ: «Безчиніе (творится) у проскурницъ: боголюбцы даютъ проскурнямъ деньги на проскуры о здравіи или за упокой, и она спроситъ имени о здравіи, да надъ проскурою сама приговариваетъ, якоже арбуи въ Чуди, а за упокой также мертвыхъ имянъ спрашиваетъ, да надъ проскурою приговариваетъ, а тѣ проскуры попу даетъ, и попъ людемъ даетъ и къ себѣ относитъ, а на жертвенникъ тѣхъ проскуръ о здравіи и за упокой не проскомисаетъ» (Глава 5, отвѣтъ на 11 вопросъ). Можно, конечно, предполагать, что наши просфорницы усвоили себѣ это странное какъ бы священствованіе безъ всякаго повода; но вѣроятнѣе предполагать поводъ и именно — что сейчасъ указанное было малымъ и искаженнымъ остаткомъ ихъ древняго причетничества.

Въ Греціи приходское духовенство было тяглымъ по отношенію къ епископамъ, именно — платило имъ извѣстныя ежегодныя подати. Таковымъ стало оно и у насъ въ Россіи, — объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о средствахъ содержанія епископовъ.

Ипатская лѣтопись въ одномъ мѣстѣ, именно подъ 1187 г. при описаніи смерти Галичскаго князя Ярослава Осмомысла Владимировича

---

[1]) А могутъ быть пѣты внѣ алтаря и не священниками, какъ знаетъ, а можетъ-быть и не знаетъ, читатель, всѣ церковныя службы, за исключеніемъ литургіи.

[2]) По изд. Саввантова col. 62.

называетъ церковные «зборы вся» (которые созвалъ князь для прощальной бесѣды) [1]). Что разумѣть подъ этими многими зборами или сборами? Впослѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторые города (Новгородъ, Псковъ и Москва) имѣли помногу соборовъ (Новгородъ и Москва по семи, Псковъ — пять), что каждый соборъ имѣлъ своего соборскаго поповскаго старосту (въ Новгородѣ и Псковѣ) или своего протопопа (въ Москвѣ) и что духовенство городовъ и принадлежавшихъ имъ уѣздовъ было раздѣлено между этими соборами, составляя при каждомъ изъ нихъ какъ бы особую корпорацію или свое особое цѣлое. Эти позднѣйшіе соборы по своему происхожденію имѣли значеніе не административное, а богослужебное, именно — значеніе церквей, въ которыхъ должно совершаться ежедневное богослуженіе всѣмъ составомъ (поочередно) причисленныхъ къ нимъ священниковъ (о чемъ скажемъ ниже). Но относительно древнихъ сборовъ или соборовъ представляется намъ не невѣроятнымъ сдѣлать другое предположеніе. Выше мы говорили, что памятники Юго-Западной Руси XVI вѣка представляютъ дѣло о священникахъ, составлявшихъ архіерейскіе клиросы, такимъ образомъ, что съ одной стороны они принадлежали къ каѳедральнымъ архіерейскимъ соборамъ, а съ другой стороны были настоятелями приходскихъ церквей. Если предположить, что такъ было и въ періодъ до-монгольскій, то можно будетъ думать, что священники раздѣлены были на сборы по тѣмъ приходскимъ церквамъ, которыми завѣдывали члены клироса и что, составляя при сихъ церквахъ таковые особые сборы или подраздѣленныя цѣлыя, они находились подъ частнѣйшею властію и подъ частнѣйшимъ надзоромъ ихъ настоятелей, которые по отношенію къ нимъ были ихъ непосредственными начальниками и какъ бы ихъ благочинными.

Въ настоящее время архіереи наши управляютъ своими епархіями такъ-сказать письменно, посредствомъ указовъ. Но въ древнее время этотъ способъ былъ неудобопримѣнимъ: невозможно было имѣть нынѣшнихъ канцелярій, ибо негдѣ было взять писцовъ; невозможно было писать въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ указы, ибо писать ихъ на пергаментѣ было бы крайне дорого и при тогдашнемъ способѣ писанія нужно было бы имѣть канцеляріи въ 10 разъ болѣе многочисленныя, чѣмъ нынѣшнія. Такимъ образомъ, въ древнее время долженъ былъ преобладать и господствовать способъ управленія изустный, посредствомъ устной передачи приказовъ. При обширности епархій и этотъ изустный способъ управленія представлялъ немалыя трудности. Но ему помогалъ

---

[1]) 2 изд. стр. 442. Точно также позднѣйшая лѣтопись (такъ названная) Тверская подъ 1159 г. говоритъ, что одинъ князь «посла въ Кіевъ къ Святѣй Софіи и по всѣмъ соборамъ, да творятъ стояніе всенощное въ церквахъ» (Полн. Собр. Лѣтт. т. 15, стр. 228 fin).

тотъ, какъ мы говорили выше, существовавшій въ древней Руси обычай, чтобы священники епархій ежегодно собиралась къ своимъ архіереямъ на епархіальные соборы или сборы. Опредѣленнымъ временемъ этихъ сборовъ была недѣля православія или первое воскресенье великаго поста, которое и получило отъ нихъ названіе сборнаго [1]). Обычай былъ заимствованъ, какъ необходимо думать, отъ церкви Греческой, въ которой вѣроятно было принято, чтобы торжество православія архіереи совершали вмѣстѣ со всѣми священниками своихъ епархій [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ собирались не всѣ священники каждой епархіи, ибо по той же обширности послѣднихъ у насъ было это невозможно; вѣроятно они собирались въ большемъ или меньшемъ количествѣ поочередно. Но во всякомъ случаѣ чрезъ то или другое количество являвшихся священниковъ архіереи и могли разсылать изустно свои приказанія и указы по епархіямъ. Къ величайшему сожалѣнію, мы пока вовсе не имѣемъ сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній объ этихъ ежегодныхъ сборахъ священниковъ къ архіереямъ. Очень можетъ быть, что иные архіереи, не довольствуясь только тѣмъ, что являвшіеся священники сослужили имъ на торжествѣ православія, оставляли ихъ у себя на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы составлять съ ними настоящіе соборы для разсужденій обо всякаго рода текущихъ дѣлахъ и нуждахъ и что такимъ образомъ сборы эти въ древнее время играли въ церковной администраціи болѣе или менѣе важную роль [3]). Что касается до очереди, по которой собирались священники на соборы, то, принимая за вѣроятное сказанное нами «о соборахъ всѣхъ», можно думать, что они чередовались по этимъ сборамъ, т. е. одинъ годъ собирались два - три сбора, другой годъ — другіе два - три и т. д.

Кромѣ священниковъ приходскихъ, въ до-монгольской, какъ и въ послѣдующей старой, Руси, былъ еще особенный, весьма немалочисленный

---

1) Новгор. 1 лѣт. подъ 1178 и 1230 гг.: «по чистѣи недѣли на Сборъ».

2) Предположеніе подтверждаетъ Константинъ Порфирогенитъ, который говоритъ, что въ недѣлю православія служатъ съ патріархомъ въ Влахернской церкви *μητροπολῖται, ἀρχιεπίσκοποι καὶ ἐπίσκοποι, ὅσοι δ᾽ ἂν τύχωσιν ὄντες τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐν τῇ πόλει, ὁμοίως καὶ κληρικοὶ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας καὶ οἱ τῶν ἔξω ἐκκλησιῶν καὶ ὅσοι δ᾽ ἂν ἐν πᾶσι τοῖς μοναστηρίοις τὸν μονήρη βίον ἀσκοῦσιν ἐν ταύτῃ τῇ θεοφυλάκτῳ πόλει.* De ceremonn. Lib. 1, cap. 28 нач., у Миня p. 396 нач.

3) Единственное пока извѣстное намъ мѣсто объ этихъ сборахъ (и какъ единственное — драгоцѣнное) есть мѣсто въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1409 г., найденное нами послѣ того, какъ написано читаемое въ текстѣ и подтверждающее это послѣднее. Неизвѣстный авторъ повѣсти о смерти Арсенія епископа Тверскаго пишетъ: «приспѣвшу сбору всегодищному многолѣтствовахомъ пастырю и учителю своему: *въ понедѣльникъ же ученіе слышахомъ и нѣкая исправленія отъ законныхъ дѣлъ,* послѣ же всѣмъ прощеніе и благословеніе и отъидохомъ въ свояси».

классъ ихъ — именно священниковъ домовыхъ. Въ Греціи съ древняго времени предоставлено было всякому желающему имѣть для себя свою домовую церковь, пользуясь каковымъ правомъ имѣли ихъ большая часть знатныхъ и вообще состоятельныхъ людей [1]), при чемъ дѣло относительно ихъ должно быть понимаемо вовсе не такъ, что онѣ были устрояемы въ самыхъ домахъ, въ особыхъ комнатахъ, какъ теперь у насъ, а такъ, что онѣ устроялись особыми небольшими зданіями на дворахъ. Отъ Грековъ обычай имѣть такія церкви перешолъ и къ намъ Русскимъ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, до какой степени былъ у насъ распространенъ и силенъ обычай имѣть эти церкви въ періодъ до-монгольскій, но есть вся вѣроятность предполагать, что онъ былъ распространенъ столько же, какъ это было въ Греціи. Имѣть небольшую домовую деревянную церковь стоило столько же мало, сколько имѣть на дворѣ лишнее строеніе; а такъ какъ дѣло, нѣтъ сомнѣнія, было поставлено такимъ образомъ, что домовая церковь считалась признакомъ знатности, то необходимо думать, что имѣли ихъ не только всѣ люди дѣйствительно знатные, но и всѣ тѣ, которые тянулись въ знать или, иначе сказать, что имѣли ихъ весьма многіе. Титмаръ Мерзебургскій, современникъ Владиміровъ, говоритъ, что ко времени смерти послѣдняго въ Кіевѣ было 400 церквей [2]); Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что въ пожаръ 1017 г. сгорѣло въ немъ церквей «яко до семи сотъ» [3]), а по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи въ пожаръ 1124 г. ихъ сгорѣло въ немъ «близь шести сотъ». Эти огромныя цыфры, совершенно невѣроятныя и невозможныя для церквей приходскихъ, нѣтъ сомнѣнія, должны быть понимаемы такъ, что въ первой нужно разумѣть до трехъ четвертей, а во второй и третьей — пяти шестыхъ и шести седьмыхъ, если только во всѣхъ трехъ не гораздо болѣе, церквей домовыхъ. Но при всякой домовой церкви, какъ это мы имѣемъ право заключать по позднѣйшему времени, держали особыхъ домовыхъ священниковъ. Домовыя церкви, конечно, были только въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ жили знатные люди и преимущественно въ самомъ Кіевѣ. Предполагая, что имѣли ихъ, а съ ними и домовыхъ священниковъ, не только дѣйствительно знатные люди, но и всѣ тѣ, которые хотѣли тянуться за знатными и слыть за таковыхъ, мы должны будемъ представлять дѣло

---

1) Назывались τὰ εὐκτήρια и οἱ εὐκτήριοι οἶκοι, см. 6 всел. соб. пр. 31 и соб. двукратн. пр. 12 и толкованія къ нимъ, у Ралли и П. II, 371 и еще ibid. II, 581, IV, 459, V. 31; также у Дюканжа въ Gloss. Latinit. подъ словами Oratorium и Oraculum, у Свицера въ Thesaurus подъ Εὐκτήριον и во всякой хорошей археологической книгѣ.

2) Chronic. l. VIII, c. 16.

3) I, 124. О пожарѣ говорятъ и лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, но, къ сожалѣнію, о церквахъ въ нихъ только «и погорѣша церкви».

такъ, что этихъ домовыхъ священниковъ было въ Кіевѣ и въ другихъ большихъ городахъ весьма и весьма большое количество. Этого однако мало. Данныя позднѣйшаго времени заставляютъ предполагать, что домовыхъ священниковъ было не только весьма большое, но совсѣмъ чрезвычайно большое количество. Въ позднѣйшее время, какъ сообщаютъ намъ положительныя свидѣтельства, имѣли домовыхъ священниковъ не только тѣ, которые имѣли домовыя церкви, но весьма многіе и изъ тѣхъ, которые не имѣли послѣднихъ, — имѣли за тѣмъ, чтобы священники совершали для нихъ всѣ церковныя службы, за исключеніемъ литургіи, на домахъ, въ ихъ моленныхъ или такъ-называемыхъ крестовыхъ комнатахъ [1]). Не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но со всею вѣроятностію можемъ предполагать, что это такъ было и въ древнѣйшее время. Такъ какъ содержать домоваго священника столько же ничего не стоило, сколько содержать одного лишняго лакея, и единственный дѣйствительный расходъ на него составляла единовременная плата за посвященіе, то необходимо думать, что вообще домовыхъ священниковъ или капеллановъ имѣли, если не положительно всѣ тѣ, то по крайней мѣрѣ наибольшая часть всѣхъ тѣхъ, которыхъ въ позднѣйшее время стали называть общимъ именемъ дворянства, и слѣдовательно необходимо представлять дѣло такъ, что въ Кіевѣ и потомъ во Владимирѣ — средоточіяхъ этого послѣдняго были цѣлыя тысячи домовыхъ священниковъ, что они были переполнены и такъ-сказать кишѣли ими [2]).

Мы сказали сейчасъ, что содержаніе домоваго священника столько же мало стоило, сколько содержаніе одного лишняго лакея. Есть основанія думать, что въ періодъ до-монгольскій эти домовые священники и на самомъ дѣлѣ большею частію были лакеями и холопами тѣхъ, для которыхъ они были священниками. Баринъ отдавалъ своего раба или двороваго выучиться грамотѣ, затѣмъ посылалъ къ епископу для посвященія, и вотъ ему былъ священникъ — его собственный крѣпостной. Какъ имѣли господа изъ своихъ крѣпостныхъ разныхъ ремесленниковъ, псарей, музыкантовъ, такъ на ряду съ ними имѣли изъ тѣхъ же крѣпостныхъ и домовыхъ священниковъ. Что дѣло было не только весьма нерѣдко, но и большею частію такъ, объ этомъ необходимо заключать изъ сохранившейся до настоящаго времени грамоты патріарха Константинопольскаго Германа къ нашему митрополиту Кириллу 2-му отъ 1228 г., въ которой патріархъ предписываетъ митрополиту искоренить то злоупотребленіе, что нѣкоторые въ Русской землѣ ставятъ рабовъ во священники, не освобождая ихъ отъ рабства: «дошло до слуховъ нашего

[1]) Котоших. гл. XIII нач.

[2]) До какой степени много было этихъ священниковъ — послѣ въ Москвѣ, это мы увидимъ впослѣдствіи.

смиренія — пишетъ патріархъ, — что нѣкоторые въ Русской странѣ пріобрѣтаютъ куплею рабовъ, даже и плѣнниковъ (т. е. не христіанъ), и отдаютъ ихъ учиться священной грамотѣ (подразумѣвается, — плѣнниковъ напередъ крестивъ), а потомъ, когда придутъ въ возрастъ, возводятъ ихъ по чину къ священнодостоянію, приводя ихъ къ епископамъ, но не освобождаютъ ихъ напередъ отъ рабства, такъ что и послѣ священнаго поставленія іереи безчествуются рабіимъ именемъ [1]). Если слухъ о такомъ злоупотребленіи дошелъ до патріарха Константинопольскаго, находившагося притомъ въ 1228 г. въ Никеѣ, то необходимо думать, что оно не составляло рѣдкаго исключенія, а было болѣе или менѣе общимъ обычаемъ [2]).

Не изъ среды высшихъ сословій общества было наше духовенство въ періодъ до-монгольскій; не высока была степень и его просвѣщенія, подобно тому, какъ и во все послѣдующее время старой Руси. Владиміръ, какъ мы говорили выше, имѣлъ желаніе и намѣреніе ввести въ Россію просвѣщеніе — не грамотность только, а именно настоящее просвѣщеніе, каково было оно тогда въ Греціи, изъ которой онъ могъ его заимствовать. Но это имѣло быть сдѣлано и неудавшееся начало этому было у насъ положено не посредствомъ основанія казенныхъ училищъ, которыхъ въ Греціи не было, а посредствомъ водворенія у насъ частныхъ учителей, которые бы, какъ это было въ Греціи, частнымъ обра-

---

1) У преосв. Макарія Ист. т. 3, изд. 2, стр. 321 нач.

2) Послѣ того, какъ было написано нами стоящее въ текстѣ, мы случайно встрѣтили у Гизлера выписку изъ одного латинскаго писателя первой половины IX вѣка (Агобарда архіепископа Ліонскаго) о томъ, какъ имѣло себя дѣло съ домовыми священниками на Западѣ. Она до такой степени подтверждаетъ и поясняетъ сказанное нами, что мы не можемъ ее не привести. Вотъ она: increbuit consvetudo impia, ut paene nullus inveniatur anhelans et quantulumcunque proficiens ad honores et gloriam temporalem, qui non domesticum habeat sacerdotem, non cui obediat, sed a quo incessanter exigat licitam simul atque illicitam obedientiam, non solun in divinis officiis, verum etiam in humanis, ita ut plerique inveniantur, qui aut ad mensas ministrent aut canes ducant aut caballos, quibus feminae sedent, regant aut agellos provideant. Et quia tales, de quibus haec dicimus, bonos sacerodotes in domibus suis habere non possunt, non curant omnino, quales clerici illi sunt, quanta ignorantia coeci, quantis criminibus involuti; tantum ut habeant presbyteros proprios, quorum occasione deserant ecclesias seniores et officia publica. Quod autem non habeant eos propter religionis honorem, apperet ex hoc, quod non habent eos in honore. Unde et contumeliose eos nominantes, quando volunt eos ordinari presbyteros, rogant nos (епископовъ) aut jubent dicentes: habeo unum clericionem, quem mihi nutrivi de servis meis propriis aut beneficialibus sive pagensibus aut obtinui ab illo vel illo homine sive de illo vel illo pago, — volo ut ordines eum mihi presbyterum (Kirchengeschichte, Dritte Periode, Zweiter Theil, cap. III, § 7 прим. 12, 4-го изд. 2. B. 1. Abth. S. 56).

зомъ вели и поддерживали дѣло образованія, содержа у себя на домахъ частныя училища или какъ бы пансіоны и преподавая науки желающимъ. Этотъ греческій способъ поддержанія просвѣщенія, если бы онъ даже и удался, во всякомъ случаѣ былъ бы не для духовенства, а для боярства, въ которомъ Владиміръ и пытался ввести просвѣщеніе, ибо желавшіе получать послѣднее должны были бы на свои собственныя средства покупать его у частныхъ учителей, сами платя за ученіе (обстоятельнѣе скажемъ въ главѣ о просвѣщеніи).

Не предназначенное быть сословіемъ просвѣщеннымъ, духовенство наше имѣло быть только грамотнымъ. Въ первое время, пока кандидаты во священники были поставляемы правительствомъ, вербуемые посредствомъ особыхъ казенныхъ наборовъ, очевидно, само же правительство должно было заботиться и объ ихъ обученіи грамотѣ. Какъ именно это было дѣлано, положительныхъ и прямыхъ извѣстій мы не имѣемъ; но. съ одной стороны — мы имѣемъ нѣкоторыя указанія, а съ другой стороны. дѣло таково, что само по себѣ ясно, какое предположеніе есть тутъ вѣроятнѣйшее. Кандидаты во священники были набираемы правительствомъ для церкви и для епископовъ; ихъ приготовленіе должно было состоять не только въ обученіи грамотѣ, но и въ наученіи совершать церковныя службы и вообще священствовать: по обѣимъ этимъ причинамъ кому могло быть поручаемо ихъ приготовленіе кромѣ епископовъ? Не знаемъ мы, была ли нужда приготовлять кандидатовъ во священники правительственнымъ образомъ въ Греческой церкви конца X — начала XI вѣка; но такая нужда бывала въ ней въ древнѣйшее время, и ихъ приготовляли именно епископы, у которыхъ для сей цѣли въ числѣ епархіальныхъ чиновниковъ были особые учители [1]). Такимъ образомъ необходимо предполагать, что набиравшіеся правительствомъ кандидаты были вручаемы имъ епископамъ и что при каѳедрахъ сихъ послѣднихъ и подъ ихъ надзоромъ они и были приготовляемы къ священству, т. е. иначе сказать, необходимо предполагать, что, пока, продолжался періодъ правительственныхъ наборовъ, при каѳедрахъ епископовъ существовали временныя школы для кандидатовъ во священники, которыхъ отличіе отъ школъ совсѣмъ обыкновенныхъ было то, что учениками были не мальчики, а люди взрослые, ибо таковыми должны быть представляемы кандидаты не только самаго перваго, но и всѣхъ правительственныхъ наборовъ. Что дѣло было дѣйствительно такъ, на это мы имѣемъ, какъ мы сказали, и положительныя указанія. Новгородскій лѣтописецъ пишетъ подъ 1030 г. о смерти перваго Новгородскаго епископа Іоакима: «преставися архіепископъ (читай вмѣсто позднѣйшей поправки: епископъ)

[1]) См. Zhishman'a Die Synoden und die Episcopal-Aemter in d. morgenländ. Kirche, S. 149: Διδάσκαλος τῆς ἐκκλησίας, κρατῶν καὶ τὰ σχολία τῆς ἐπισκοπῆς.

Акимъ Новгородскій и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» [1]). Едва ли можно смотрѣть на эти слова иначе, какъ не такъ, что тутъ говоритъ одинъ изъ бывшихъ кандидатовъ во священники, учившійся и приготовлявшійся къ священству при Новгородской епископской каѳедрѣ.

Съ прекращеніемъ правительственныхъ наборовъ кандидатовъ во священники должно быть считаемо прекратившимся существованіе и сейчасъ указанныхъ школъ при епископскихъ каѳедрахъ. Мы не знаемъ, была ли бы охота у правительства содержать эти школы на свой счетъ, — вѣроятнѣе нѣтъ, чѣмъ да; несомнѣнно, что не имѣли бы никакой охоты содержать эти школы на свой счетъ епископы, ибо это значило бы съ ихъ стороны жертвовать значительную часть своихъ доходовъ, въ первое время вовсе не черезъ-чуръ огромныхъ: во всякомъ случаѣ, эти школы не могли бы существовать по той весьма простой причинѣ, что онѣ не имѣли бы учениковъ. Дѣти священниковъ могли выучиваться грамотѣ и научаться совершенію церковныхъ службъ у своихъ отцовъ: съ какой же бы стати отцы ихъ стали отдавать ихъ въ епископскія школы и принимать на себя сопряженныя съ симъ совершенно напрасныя хлопоты? Міряне, желавшіе пойти во священники, имѣли учителей грамотности и священствованія у себя дома или въ тѣхъ же священникахъ или въ явившихся вездѣ спеціальныхъ учителяхъ грамоты, создавшихъ изъ этого учительства частное ремесло, и затѣмъ въ наглядной школѣ своихъ приходскихъ церквей: имѣя полную возможность приготовиться къ священству у себя дома, съ какой стати они имѣли бы охоту поступать въ епископскія школы, т. е. бросать свое крестьянство, отправляться въ епископскій городъ и тамъ выживать то или другое количество лѣтъ? [2]) Такимъ образомъ, послѣ прекращенія правительственныхъ наборовъ, во все послѣдующее время періода до-монгольскаго, какъ потомъ и въ дальнѣйшей старой Руси, кандидаты во священники или вообще въ духовное званіе получали приготовленіе частнымъ образомъ и въ мѣстахъ своего рожденія и жительства: дѣти священниковъ и вообще духовныхъ — у своихъ отцовъ; міряне, желавшіе пойдти во священники, отчасти у тѣхъ же священниковъ и вообще духовныхъ въ ихъ домовыхъ училищахъ, которыя, если немногіе изъ нихъ, то нѣкоторые, какъ необходимо думать, содержали, отчасти въ таковыхъ же домовыхъ училищахъ міряиъ или такъ-называвшихся впослѣдствіи, а можетъ быть и тогда, мастеровъ.

---

[1]) Новгор. лѣт. 2-я, Софійск. 2-я, Никоновск., Тверск.

[2]) Если бы читателю показались странными наши рѣчи, то пусть онъ припомнитъ, съ какими величайшими усиліями и съ какимъ энергическимъ участіемъ воинскихъ командъ въ продолженіе XVIII вѣка сгоняемы были ученики въ новосозидавшіяся школы настоящаго времени.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, на какой степени высоты находилась грамотность между нашими священниками до-монгольскаго періода; но такъ какъ дѣло велось тогда такъ же, какъ послѣ, именно — не состоя ни на чьемъ попеченіи и ни подъ чьимъ надзоромъ и будучи совершенно предоставлено самому себѣ, то необходимо думать, что она находилась, такъ же, какъ и послѣ, на самой крайней степени невысоты и что священники до-монгольскаго періода въ большинствѣ своемъ были еле-еле грамотны, едва-едва, что̀ называется, брели. Всѣмъ извѣстны отзывы о малограмотности нашихъ священниковъ XV и XVI вѣка, сдѣланные архіепископомъ Новгородскимъ Геннадіемъ и Стоглавымъ соборомъ. «Се приведутъ ко мнѣ мужика — пишетъ Геннадій о кандидатахъ во священники — и азъ велю ему апостолъ дати чести, — и онъ не умѣетъ ни ступити, и азъ ему велю псалтырю дати, — и онъ потому едва бредетъ,... азъ прикажу учити ихъ октеніи, — и онъ ни къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ»[1]). Въ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора читаемъ: «ставленники, хотящіе во дьяконы и въ попы ставитися, грамотѣ мало умѣютъ; и святители истязуютъ ихъ о томъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: «мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ, сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ»; а отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому-жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ»[2]). Члены Стоглаваго собора полагаютъ, что прежде бывало значительно лучше, потому что прежде бывали многія училища[3]); но они ошибаются, — и прежде, восходя до самаго начала, было всегда такъ же, ибо и прежде училищъ никогда не было (за исключеніемъ самаго перваго времени, когда священство создавалось такъ-сказать искусственно, правительствомъ) и всѣ желавшіе поставиться и попасть во священники также учились или у своихъ отцовъ (священниковъ) или у мастеровъ (частныхъ учителей). Итакъ, еле-еле бредетъ по книгѣ, черезъ каждыя два слова запинаясь, — вотъ несомнѣнный аттестатъ въ учености большинству нашихъ священниковъ до-монгольскаго періода, равно какъ и послѣдующаго стараго времени.

Вмѣстѣ съ большинствомъ, какъ извѣстно, всегда бываетъ меньшинство. Между священниками нашими періода до-монгольскаго оно должно быть предполагаемо двухъ родовъ—высшее и низшее большинства.

Первое меньшинство, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, составляли, если не бо̀льшая, то по крайней мѣрѣ довольно значитель-

---

[1]) Акт. Ист. т. 1, № 104, стр. 147 col. 2.

[2]) Стогл. гл. 25, Казанск. изд. стр. 120.

[3]) ibidd.

ная часть священниковъ городскихъ. Между священниками этими не могло быть людей образованныхъ въ теперешнемъ или собственномъ смыслѣ этого слова; но есть вся вѣроятность полагать, что довольно значительная часть ихъ были не только грамотными, но и образованными въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Тогдашнее наше образованіе состояло послѣ умѣнья грамотѣ въ собственной большей или меньшей начитанности въ тѣхъ учительныхъ книгахъ, которыя существовали въ славянскомъ переводѣ съ греческаго. Священники сельскіе не имѣли никакой возможности быть начитанными, хотя бы иные изъ нихъ того и желали, ибо имъ совсѣмъ не по чемъ было быть начитанными. Книги въ древнее время составляли такую невѣроятную для настоящаго времени драгоцѣнность, что библіотеки сельскихъ приходскихъ церквей не только совсѣмъ не имѣли и вовсе не помышляли о томъ, чтобы имѣть четіи книги, но до послѣдней степени страдали недостаткомъ, а иногда и совершеннымъ отсутствіемъ, и книгъ богослужебныхъ. Въ другомъ положеніи были въ этомъ случаѣ священники городскіе и по преимуществу стольныхъ городовъ удѣльныхъ. Четіи книги, сколько ихъ было, сосредоточены были въ городахъ, въ библіотекахъ людей богатыхъ, къ которымъ эти священники и могли имѣть возможно полный доступъ въ качествѣ приходскихъ священниковъ или пастырей послѣднихъ. Быть въ возможности сдѣлать что-нибудь, конечно, не значитъ непремѣнно и на самомъ дѣлѣ сдѣлать это что-нибудь. Находясь въ возможности быть начитанными, священники городскіе, конечно, могли и не пользоваться ею. Гораздо большая однако вѣроятность думать, что древнее священство наше не представляло изъ себя сплошь поголовной малограмотности, что священники городскіе дѣйствительно пользовались своею возможностію быть начитанными или, что тоже, по тогдашнему образованными и что такимъ образомъ то или другое большинство этихъ священниковъ представляли собою по тогдашнему классъ людей образованныхъ. Мы знаемъ изъ періода до-монгольскаго одну исторію, которая служитъ къ косвенному подтвержденію нашихъ словъ, а именно — исторію, изъ которой видно, что городскіе священники этого періода весьма дорожили репутаціей людей учительныхъ и что они весьма недружелюбно относились къ тѣмъ, кто посягалъ на ихъ славу въ семъ отношеніи. Въ Смоленскѣ въ лицѣ преподобнаго Авраміа явился учительный монахъ, къ которому устремились всѣ, искавшіе душеспасительныхъ бесѣдъ, бросая своихъ духовныхъ отцовъ, — и священники Смоленскіе воспылали противъ этого непрошеннаго учителя такою ненавистію, что готовы были бы «жива его пожрети», устроили противъ него настоящій бунтъ и успокоились только тогда, когда у него отнято было право учительства [1]).

[1]) Житіе Авраміа напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ, въ 3-й части 1858 г.

Второе, совсѣмъ противоположное первому и весьма любопытное, меньшинство составляли изъ себя священники совсѣмъ безграмотные. Мы не знаемъ пока положительныхъ свидѣтельствъ изъ періода до-монгольскаго, что такіе священники тогда были, но мы имѣемъ положительныя письменныя свидѣтельства, что они были въ продолженіе первой половины XVIII в. [1]), мы имѣемъ положительныя устныя и письменныя свидѣтельства отъ живыхъ людей, что ихъ застали какъ исключенія (и по глухимъ мѣстамъ вовсе не малочисленныя) еще наши дѣды [2]), слѣдовательно необходимо думать, что они тѣмъ болѣе были въ періодъ до-монгольскій. Какъ однако человѣкъ, совсѣмъ не знающій грамотѣ, могъ быть священникомъ, которому нужно совершать столько службъ и которому безъ книгъ, а слѣдовательно и безъ умѣнья грамотѣ повидимому невозможно обойтись? Этотъ, съ перваго взгляда неразрѣшимый, вопросъ, однако разрѣшается. Искусствомъ сочинять люди начали заниматься задолго до того времени, какъ изобрѣли письменность. Пока не была изобрѣтена эта послѣдняя, все сочиненное сохранялось въ простой памяти. До какой невѣроятной степени простая память могла замѣнять собою письменность или записи, до какой степени она могла вмѣщать въ себѣ цѣлыя книги, когда была въ этомъ нужда, мы и представить себѣ не можемъ, не видя предъ собою примѣровъ. Тѣмъ не менѣе однако это не подлежитъ никакому сомнѣнію и мы имѣемъ на это положительныя свидѣтельства: всѣмъ и каждому извѣстно, что цѣлыя Иліада и Одиссея Гомера, прежде чѣмъ были записаны, сохранялись въ памяти рапсодовъ. Кромѣ свидѣтельствъ мертвыхъ, сказанное нами несомнѣнно подтверждаютъ и свидѣтельства живыя. Сербы и Черногорцы отличались и отличаются особенною страстію къ слаганію народныхъ эпическихъ сказаній на подобіе гомеровскихъ. Ученые въ послѣднее время начали ихъ записывать; но между неучеными они и до сихъ поръ хранятся въ памяти, и память иного присяжнаго сербскаго рапсода вмѣщаетъ и хранитъ ихъ въ себѣ столько, что просто поразительно. Мы сами лично знаемъ людей, и совсѣмъ не особенно замѣчательныхъ въ своемъ родѣ, которые знаютъ на память такія длинныя эпическія повѣсти, для довольно скораго «сказа» которыхъ требуется не менѣе двухъ часовъ, и

---

[1]) Прибавленій къ Творр. свв. Отцевъ ч. XXI, 1862 г. стр. 205 нач., Ист. Соловьева т. 16, изд. 2 стр. 375, Біографіи Тверскихъ іерарховъ Прот. К. Чередѣева, Тверь 1859, стр. 117, Н. Розанова Исторія Моск. Епарх. Управленія, ч. 2-й кн. 1-я, Москва 1870, стр. 69.

[2]) Письменное свидѣтельство, что въ первой четверти нынѣшняго столѣтія было весьма немалое количество священниковъ «совершенно безграмотныхъ и заучившихъ церковную службу наизусть» въ Пензенско-Саратовской епархіи, см. въ январской книжкѣ Русской Старины за нынѣшній 1879 годъ, въ статьѣ «Ириней епископъ Пензенскій», — отд. VII, стр. 159.

весь запасъ памяти которыхъ до такой степени великъ, что для непрерывной рѣчи нужна по крайней мѣрѣ цѣлая недѣля, если не болѣе. Итакъ, вотъ разрѣшеніе повидимому неразрѣшимаго вопроса: люди безграмотные ухитрялись достигать того, чтобы грамотность замѣнять памятью. Сынъ священника или сынъ мірянина, желавшій поступить во священники, прилежно ходилъ въ церковь, усердно и напряженно заучивалъ за священникомъ и за дьячкомъ все читаемое и поемое и наконецъ достигалъ того, что въ состояніи былъ стать священникомъ, такъ-сказать, изустнымъ, или же и у самихъ учителей грамоты, у такъ-называемыхъ мастеровъ, бывало такъ, что иные ученики, готовившіеся во священники, предпочитали не учиться умѣнью чтенія, а заучивать церковныя службы наизусть. [1]) Само собою разумѣется, что заучивались не всѣ церковныя книги отъ доски до доски и со включеніемъ мѣсячныхъ миней, что̀, конечно, совершенно невозможно; но заучивалось то, что считалось неизбѣжно необходимымъ. Само собою разумѣется, что такіе священники «наизусть» далеко были не безъ изъяновъ, но все-таки они были священники.... [2]) Предполагать, чтобы въ до-монгольское время богослуженіе по всѣмъ приходскимъ церквамъ совершалось такъ же полно, какъ въ настоящее время, было бы очень наивно. Въ настоящее время каждая приходская церковь снабжена полнымъ кругомъ богослужебныхъ книгъ, но въ то время это было, какъ уже мы неоднократно давали знать, весьма далеко не такъ. Слѣдовательно и священники, умѣющіе грамотѣ, за отсутствіемъ книгъ, по необходимости совершали церковныя службы только весьма сокращенно. А слѣдовательно и священники безграмотные, кратко служившіе по другой причинѣ, вовсе не представляли собой чего-нибудь черезъ-чуръ страннаго и необычнаго. Невольно рождается вопросъ: что̀ могла быть за причина, что люди предпочитали такой страшный трудъ, какъ заучиваніе наизусть, такому простому дѣлу, какъ выучиться читать? Въ виду несомнѣнности факта остается отвѣчать, что первое находили болѣе легкимъ, чѣмъ послѣднее, что пріобрѣтеніе искусства чтенія считалось дѣломъ величайшаго труда, который многіе находили для себя неподсильнымъ.

Мы, разумѣется, вовсе не знаемъ, какъ былъ великъ процентъ священниковъ вовсе безграмотныхъ въ періодъ до-монгольскій. Но было обстоятельство, на которое мы намекнули сейчасъ выше и на основаніи котораго необходимо заключать, что процентъ священниковъ, которые,

---

[1]) Cfr архіепископа Геннадія въ Акт. Истор. т. I, № 104, стр. 148.

[2]) Въ сейчасъ указанной статьѣ: «Ириней епископъ Пензенскій» сообщается, что нѣкоторые изъ безграмотныхъ священниковъ знали только по одному евангелію, которое и читали постоянно на утреняхъ и литургіяхъ и на всякихъ службахъ, что произносимыхъ въ слухъ молитвъ они знали только начала.

бывъ неграмотными или грамотными, находились вынужденными совершать службы наизусть, былъ весьма не малъ. Въ до-монгольскій періодъ книги составляли такую трудно пріобрѣтаемую рѣдкость, что не только нельзя предполагать, чтобы всѣ приходскія церкви были снабжены богослужебными книгами въ достаточномъ количествѣ, но, напротивъ, необходимо предполагать, что такихъ церквей, за исключеніемъ епископій, было чрезвычайно мало, если только не совсѣмъ не было, — что большая часть церквей были снабжены ими болѣе или менѣе недостаточно и что наконецъ нѣкоторыя, если не многія, церкви не были снабжены ими никакимъ образомъ, т. е. совсѣмъ ихъ не имѣли. Въ церквахъ весьма недостаточно снабженныхъ книгами и въ церквахъ вовсе ими не снабженныхъ,— въ совокупности тѣхъ и другихъ было, несомнѣнно, весьма немало, — священники и грамотные по необходимости должны были служить наизусть — въ однихъ большую часть службъ, въ другихъ же рѣшительно все. Церковь совершенно безъ книгъ, священникъ и дьячки, совершающіе церковныя службы совсѣмъ наизусть, — это повидимому необыкновенно удивительно; но давно извѣстно, что не всѣ тѣ вещи суть чудеса, которыя мы расположены принимать за таковыя [1])...

Священники не только суть священники или чиновники церковные, но, какъ всѣ чиновники, вмѣстѣ и граждане государства. Вслѣдствіе этого они подлежатъ двоякой подсудности — церковной и государственной. Не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, какъ было у насъ со второю ихъ подсудностію въ періодъ до-монгольскій. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что тогда, какъ и послѣ, было совершенно то же, что было въ семъ отношеніи въ Греціи. Въ этой же послѣдней священники и вообще всѣ клирики или духовные съ весьма древняго времени предоставлены были въ подсудность епископамъ не только какъ чиновники церковные, но и какъ граждане, т. е. не только въ дѣлахъ и преступленіяхъ по сану, но и во всякихъ другихъ, къ нему не относящихся, за исключеніемъ, во-первыхъ, преступленій уголовныхъ тяжкихъ и съ

---

[1]) Каждый изъ насъ слыхалъ въ дѣтствѣ и не въ дѣтствѣ забавные и повидимому невѣроятные анекдоты о совершеніи церковныхъ службъ священниками малограмотными и безграмотными и къ какимъ они прибѣгали способамъ, чтобы скрыть отъ прихожанъ свое невѣжество. Всѣ эти анекдоты основываются на дѣйствительной дѣйствительности стараго времени. Что было у насъ съ совершеніемъ церковныхъ службъ даже въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., пусть читатель смотритъ сочиненіе Посошкова: Книга о скудости и богатствѣ, гл. I о духовности. Какъ церкви скудно снабжены были у насъ богослужебными книгами даже въ періодъ Московскій, когда книги значительно подешевѣли и стали значительно болѣе доступными для пріобрѣтенія чѣмъ прежде, увидимъ ниже (А какъ священники и грамотные и въ весьма позднѣйшее время служили обѣдни безъ служебника наизусть, ограничиваясь одними только возгласами, см. Дневныя записки св. Димитрія Ростовск. въ Вивліоѳ. XVII, 102).

соблюденіемъ, во-вторыхъ, въ случаѣ тяжбъ или дѣлъ между клириками и мірянами того общаго положенія греко-римскаго законодательства, что ἐνάγων δεῖ ἀκολουθεῖν τῷ φόρῳ ἐναγομένου, actor forum rei sequatur, т. е. что обвиняющій ищетъ на обвиняемаго въ томъ судѣ, которому подлежитъ сей послѣдній (при чемъ судья перваго присутствуетъ на судѣ въ качествѣ контролирующаго свидѣтеля, — судъ смѣсный)[1]).

Отъ священниковъ обращаемся къ приходамъ или приходскимъ церквамъ.

Самые первые приходы были учреждены правительствомъ. Крестя извѣстное мѣсто или извѣстную мѣстность, правительство ставило извѣстное количество церквей и къ нимъ опредѣляло священниковъ. Но эти первые приходы, какъ само собою разумѣется, были чрезвычайно велики[2]) и каждый изъ нихъ съ теченіемъ времени долженъ былъ раздѣлиться на бо́льшее или меньшее количество новыхъ приходовъ. Положительныхъ свѣдѣній относительно возникновенія этихъ такъ-сказать вторичныхъ приходовъ мы не имѣемъ никакихъ. Само собою должно подразумѣвать, что пока крещенные оставались христіанами лишь по имени, они нисколько не заботились объ устроеніи приходовъ и что заботы эти начались только съ тѣхъ поръ, какъ изъ христіанъ по имени они начали превращаться въ христіанъ дѣйствительныхъ. Что касается до дальнѣйшаго времени, когда это послѣднее совсѣмъ случилось и когда дѣло съ приходами пришло такъ-сказать въ свою норму, то объ ихъ количествѣ у насъ въ періодъ до-монгольскій должно думать то же самое, что и о количествѣ священниковъ, т. е. что ихъ было никакъ не болѣе должнаго мало, а развѣ болѣе должнаго много, никакъ не недостатокъ, а развѣ излишекъ и избытокъ. Въ древнее время не было никакихъ штатовъ для приходовъ и никакихъ формальностей, которыя бы затрудняли ихъ открытіе, а епископы, которымъ принадлежало право дозволять это открытіе или которые по крайней мѣрѣ обладали возможностію не дозволять его[3]), какъ мы сказали выше, не только не имѣли никакихъ по-

---

[1]) Cod Theodos. lib. XVI tit. II capp. 23 и 47, Cod. Justinian. lib. 1 tit IV c. 28. Новелла Ираклія у Ралли и П. V, 225. Delectus legum Льва и Константина tit XI, cap. 11, Новелла Алексѣя Комнина у Ралли и П. V, 281, къ Номоканону Фотія тит. 9 гл. 1 схолія Вальсамона, Арменопула Прохиронъ Append tit. IV c. 12. См. еще у Ралли и П. V, 28 и VI, 225.

[2]) Крестя городъ, правительство раздѣляло его на нѣсколько участковъ и въ каждомъ ставило церковь; крестя уѣздъ, тоже раздѣляло его на нѣсколько участковъ или становъ и въ каждомъ ставило церковь: такъ должно представлять дѣло. Относительно обширности уѣздныхъ изъ этихъ первыхъ приходовъ должно думать приблизительно то же, что въ настоящее время видимъ въ Сибири.

[3]) Какъ было дѣло съ открытіемъ приходовъ, мы не знаемъ: можетъ быть предварительно испрашивалось разрѣшеніе у епископовъ, а можетъ быть и нѣтъ, такъ что у нихъ были только просимы антиминсы въ церкви уже построенныя

бужденій препятствовать размноженію приходовъ, а напротивъ имѣть личный интересъ въ томъ, чтобы поощрять послѣднее. Построить деревянную церковь, каковы были церкви до-монгольскаго періода, и притомъ — деревянную церковь какихъ угодно малыхъ размѣровъ и снабженную принадлежностями такъ, что онѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ иконъ, могли быть изготовлены въ деревнѣ и собственными средствами, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже, ничего не стоило, а пріискиваніе священниковъ не только было весьма легко, какъ видно изъ сказаннаго выше, но они даже сами могли содѣйствовать размноженію приходовъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Приходы устроялись и церкви строились обществами и отдѣльными людьми, и именно обществами: въ городахъ — концами, слободами, улицами, полуулицами и вообще бо́льшими или меньшими сосѣдствами и околотками, въ деревняхъ — разныхъ размѣровъ округами, волостями и волостками; частными людьми: 1) собственниками - землевладѣльцами въ ихъ имѣніяхъ (включая въ то число и князей, какъ частныхъ собственниковъ), 2) не собственниками, но по тѣмъ или другимъ побужденіямъ хотѣвшими строить церкви для общинъ (сельскихъ и городскихъ), которыя не имѣли ихъ и которыя изъявляли желаніе ихъ имѣть.

Приходскія церкви, построенныя общинами или составлявшія «мірское строеніе», конечно, съ самаго перваго времени были тою же общинною собственностію, что̀ и въ настоящее время, ибо быть чѣмъ-нибудь инымъ не могли. Общины, конечно, съ древняго времени завѣдывали ими такъ же, какъ и теперь, т. е. чрезъ выборныхъ людей или церковныхъ старостъ. Въ позднѣйшее время старостъ приставляли не по одному, а по нѣскольку и по крайней мѣрѣ по два. Весьма вѣроятно, что такъ было съ самаго древняго времени [1]) и что цѣлію сего было устроить нѣкоторый контроль надъ расходованіемъ церковныхъ денегъ (само собою подразумѣвается, что въ древнее время не велось нынѣшнихъ приходо-расходныхъ книгъ, хотя впрочемъ нѣкоторыя записи на «доскахъ», отмѣтки на биркахъ или посредствомъ бирокъ [2]), можетъ быть, и были).

Совсѣмъ иное, чѣмъ о церквахъ, построенныхъ самими общинами, и довольно неожиданное должно думать о тѣхъ приходскихъ церквахъ, которыя были строены для общинъ частными людями. Въ Греціи част-

---

(не давая антиминсовъ епископы и могли бы препятствовать открытію новыхъ приходовъ).

¹) Многіе старосты церкви Ивана Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ (по мнимой, хотя и древней) грамотѣ Всеволода (Рускк. Достопамм. I, 77 sqq) не составляютъ свидѣтельства, ибо положеніе и завѣдываніе этой церкви были исключительныя.

²) Бирка изъ нѣмецк. Birke — береза, ибо и до настоящаго времени для бирокъ употребляется березовыя палочки (Руссы-Норманны).

ные люди, строившіе общественныя церкви приходскія или неприходскія (ибо бывали общественныя церкви и неприходскія или безприходныя), и въ своихъ ли имѣніяхъ или гдѣ бы то ни было, становились ихъ наслѣдственными такъ-называемыми ктиторами или получали на нихъ наслѣдственное такъ-называемое ктиторское право (κτίτορες, κτιτορικὸν δίκαιον), то же что на западѣ патроны и патронатъ [1]). Это право состояло, во-первыхъ, въ томъ, что ктиторы безотчетно и единолично, на правахъ частной собственности, распоряжались доходами церквей; во-вторыхъ, что они поставляли къ нимъ священниковъ и причетниковъ (на Западѣ jus praesentandi, въ позднѣйшей Западной Руси — право «поданья», т. е. право указывать, назначать кандидатовъ во священники). По закону, человѣкъ, желавшій построить общественную церковь и пріобрѣсти на нее себѣ и своимъ потомкамъ право ктиторства, долженъ былъ обезпечить содержаніе ея самой и священническаго при ней причта прикладомъ къ ней движимаго или недвижимаго имѣнія, которое бы давало соотвѣтствующій доходъ [2]). На самомъ дѣлѣ это далеко не всегда дѣлалось [3]); но если дѣлалось, то имѣніе, разъ приложенное къ церкви и ставшее ея собственностію, не могло быть снова взято у ней ни самимъ ктиторомъ, ни его потомками, ни вообще кѣмъ бы то ни было [4]). Такимъ образомъ ктиторы, если они снабжали церкви имуществами, переставали быть собственниками этихъ послѣднихъ; но они и ихъ потомки оставались полными собственниками доходовъ церквей какъ отъ приложенныхъ имѣній, такъ и отъ всего, что приходило въ церкви помимо ихъ, т. е. ктиторы были собственниками церквей какъ бы на правахъ вѣчной аренды, имѣя право на доходы, но не имѣя права на имущество. Относительно поставленія священниковъ и причетниковъ ктиторы ограничены были въ своемъ правѣ тѣмъ, что должны были представлять кандидатовъ достойныхъ и что епископы обязаны были посвящать только таковыхъ, имѣя въ противномъ случаѣ власть замѣщать мѣста по собственному избранію [5]). Кти-

---

[1]) Κτίτωρ значитъ здатель, строитель; но такъ назывались не только дѣйствительные строители церквей, но и ихъ потомки и вообще наслѣдники и преемники, владѣвшіе церквами, ими построенными. Въ ектеніѣ: «еще молимся о блаженныхъ и приснопамятныхъ создателяхъ святаго храма сего» разумѣются именно ктиторы: Ἔτι δεόμεθα ὑπὲρ τῶν μακαρίων καὶ ἀειμνήστων κ τ ι τ ό ρ ω ν τοῦ ἁγίου οἴκου τούτου.

[2]) Новелла Юстиніана 67, гл. 2, о наслѣдственности новелла 123, гл. 18.

[3]) Сравни 7-го всел. соб. пр. 17.

[4]) Собора двукратн. пр. 1, cfr. схолію къ 1 гл. 2 тит. Номоканона Фотіева— у Ралли и П. I, 91 fin. и въ Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича II, 323 sub fin., что впрочемъ, какъ видно изъ указаннаго правила и изъ другихъ свидѣтельствъ (напр. Acta Patriarchat. I, 77), не всегда было такъ.

[5]) Новелла Юстиніана 123, гл. 18, Вальсамонъ у Ралли и П. II, 651, — и, какъ подразумѣвается изъ сказаннаго, имѣя право смѣщать священниковъ,

торы не обязаны были представлять священникамъ всего дохода, который доставляла служба при церкви, но имѣли право входить съ ними въ частное и произвольное соглашеніе на счетъ платы за службу, такъ что священники служили при ктиторскихъ церквахъ по частному найму ктиторовъ, получая отъ нихъ условленную ругу (ῥόγα) или находясь у нихъ на ругѣ, на жалованьѣ [1]). Если ктиторъ былъ человѣкъ богатый и благочестивый, то, конечно, не только весь доходъ, получавшійся церковію, употреблялъ на нее саму и на служащихъ при ней священниковъ, но и прилагалъ изъ собственныхъ средствъ, если то требовалось; но иначе было дѣло, если онъ былъ человѣкъ бѣдный, принужденный, напримѣръ, построить церковь въ своемъ небольшомъ имѣніи или же если потомки богатаго человѣка бѣднѣли. Въ этомъ случаѣ церковь, принадлежавшая кому-нибудь по праву ктиторскому или составлявшая ктиторію, становилась для ея владѣльца какъ бы имѣніемъ, изъ котораго извлекались доходы: нѣкоторая часть того, что она доставляла, употреблялась на нее саму; нѣкоторая часть на наемъ священника или священниковъ, а все остальное обращалось ктиторомъ въ собственную пользу. Съ теченіемъ времени число подобныхъ ктиторій стало болѣе или менѣе велико, и, такимъ образомъ, явился цѣлый классъ общественныхъ, приходскихъ и неприходскихъ церквей, которыми (собственно доходами съ которыхъ) владѣли частные люди на правахъ собственности и для которыхъ эти церкви составляли какъ бы имѣнія (вѣчныя аренды). Вошло въ обычай передавать ктиторское право не только посредствомъ наслѣдства [2]), но и посредствомъ продажи, такъ что и въ отношеніи къ формѣ перехода помянутыя церкви приравнялись къ частнымъ имѣніямъ.

Такое приравненіе ктиторскихъ церквей къ частнымъ имѣніямъ сдѣлало то, что ихъ начали строить съ прямою цѣлію создавать изъ нихъ имѣнія. Бѣдный предпріимчивый человѣкъ находилъ часть города или деревню, которыя не имѣли своей церкви и желали бы имѣть ее, или вообще мѣсто, которое бы обѣщало доходы, собиралъ деньги на богоугодное дѣло — сооруженіе храма, строилъ на собранныя деньги церковь и, такимъ образомъ, становился собственникомъ своеобразнаго имѣнія. Это

которые бы оказались недостойными послѣ посвященія, Вальсам. ibidd., Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича I, 569.

[1]) Acta Patriarchat. I, 569, II, 393 нач. и 496 нач.

[2]) Ктиторское право было наслѣдственно по крайней мѣрѣ со временъ Юстиніана, — новелла 123, гл. 18; относительно позднѣйшаго времени см. Acta Patriarchat. I, 138, 179, 231; II, 391 fin., 404, 405. О продажѣ у Ралли и П. I, 91 fin., Acta Patriarch. I, 392; II, 322, 392. Ктиторское право оставлялось въ наслѣдство, отдавалось въ приданое и продавалось не только все въ однѣ руки, но и по частямъ, см. предъидущіе цитаты въ Acta Patriarchat. и еще II, 445 и 468.

дѣлали міряне, но не было никакихъ препятствій дѣлать этого и священникамъ: и они дѣйствительно дѣлали это и, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, предпочтительно предъ мірянами [1]).

Если ктиторы вымирали или почему-либо оставляли свои ктиторіи, то церкви не становились общинною собственностію населеній тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились, но, продолжая оставаться ктиторіями, поступали въ собственность епископій, которыя были наслѣдницами послѣ первыхъ ктиторовъ и преемницами во владѣніи послѣ вторыхъ. Епископіи поступали съ достававшимися имъ ктиторіями такъ, что или продавали и дарили ихъ въ вѣчное владѣніе или отдавали за деньги и безмездно во временное пользованіе [2]) (во временное безмездное пользованіе ктиторіи отдавались преимущественно епископскимъ чиновникамъ, для которыхъ онѣ были тѣмъ, что на старомъ русскомъ языкѣ называлось «кормленіемъ»; по-гречески временное пользованіе — ἐφορία, а въ позднѣйшее время также ἐξαργία).

Изъ Греціи ктиторское право перешло и къ намъ въ Россію. Въ древнихъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ (или по крайней мѣрѣ мы лично не знаемъ пока) никакихъ прямыхъ на него указаній. Но мы находимъ его у насъ въ позднѣйшее время: не говоря объ юго-западной Руси XVI — XVII вѣка, въ который мы видимъ его подъ названіемъ патроната и гдѣ можно было бы производить его изъ латинской церкви, мы находимъ остатки его на Москвѣ. Всѣ позднѣйшія такъ-называемыя ружныя церкви представляли собою не что иное, какъ княжескія ктиторіи и получали отъ правительства или отъ князей ругу какъ таковыя. Своимъ ктиторскимъ правомъ поставлять въ эти церкви священниковъ государи пользовались еще въ XVI в., что̀ внѣ Москвы и дѣлали посредствомъ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ (дворецкихъ и дьяковъ) [3]). Стоглавый соборъ свидѣтельствуетъ, что въ его время многіе міряне и священники собирали на построеніе церквей и строили послѣднія [4]). Очень можетъ быть, что не всѣ строили, чтобы создать себѣ ктиторіи, но несомнѣнно, что нѣкоторые строили именно съ этою цѣлію. Церкви, которыми владѣли священники, какъ частною собственностію и которыя продавали, какъ таковыя, мы находимъ у насъ въ половинѣ XVII вѣка; въ опредѣленіяхъ Московскаго собора 1667 г. читаемъ: «святыя церкви свя-

---

1) 7-го всел. соб. пр. 17. Соборъ не говоритъ прямо, съ какою цѣлію не имѣвшіе средствъ міряне и клирики предпринимали строить церкви, но цѣль эта ясна изъ того значенія, которое могли имѣть для бѣдныхъ людей построенныя ими церкви.

2) У Ралли и П. V, 21, Acta Patriarch. I, 77, 423 fin., 455, 474, 568; II, 388, 399 нач., 414, 467, 495 fin.

3) Стоглавъ, гл. 41 вопр. 15, Казанск. изд. стр. 177.

4) Глава 5, вопросы 13 и 19, Казанск. изд. стрр. 59 и 63 fin.

щенникомъ корчемствовати и продавати нелѣпо есть, зане Христосъ Спаситель нашъ искупи святую церковь пречистою своею кровію и свободи ю; совѣтуемъ убо нынѣ всѣмъ прихожанамъ коеяждо церкви (говорятъ восточные патріархи) православнымъ христіаниномъ, живущимъ здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и прочимъ и благословляемъ васъ, да искупите святыя церкви продаемыя и церковныя мѣста, развѣ домоваго ихъ строенія храминъ, да будутъ свободны и подъ единою главою и властію, еще есть Христосъ: а продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и беззаконно»[1]).

Необходимо или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно думать, что въ періодъ до-монгольскій бояре и вообще собственники-землевладѣльцы поставляли въ священники своихъ холоповъ, о чемъ мы говорили выше, не только въ свои домовыя, но и въ приходскія церкви, находившіяся въ ихъ имѣніяхъ (право поставлять въ которыя священниковъ принадлежало имъ, какъ ихъ—церквей ктиторамъ).

---

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, № 102, стр. 473, § 30; опредѣленіе повторяется Московскимъ соборомъ 1675 г., бывшимъ при патр. Іоакимѣ, — Ист. Іер. I, 346 нач. Архіепископъ Гнезненскій Іоаннъ de Lasco въ своей запискѣ De Ruthenorum nationibus earumque erroribus, представленной Латеранскому собору 1514 г., пишетъ: item dicunt (Rutheni), licite vendi posse praelaturas ac beneficia, aut emi, similiter et sacrosordines (?); et quae beneficia patres tenuere, dicunt filii, ad ea jus haereditarium se habere et succedunt, praesertim in parochialibus ecclesiis (Historica Russiae Monimenta Тургенева, т. 1, стр. 127 col. 1). У Грековъ до сихъ поръ весьма не мало приходскихъ церквей, которыя составляютъ частную собственность мірскихъ людей и священниковъ, и онѣ начали превращаться въ домовыя церкви или въ общественныя только съ недавняго времени. Въ королевствѣ Греческомъ закономъ 1834 г. предписано: «церкви, составляющія частную собственность (αἱ ἰδιοκτῆται ἐκκλησίαι), тогда только могутъ быть приходскими, когда будутъ куплены приходомъ или будутъ подарены ему собственникомъ (παρὰ τȣ̃ ἰδιοκτήκȣ), — изданіе законовъ королевства, касающихся церкви и народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ Ἐκκλησιαστικὰ και εκπεδευτικά, т. 1, Аѳины, 1860, стр. 31. Одинъ Грекъ въ Аѳинахъ увѣрялъ насъ, что на островахъ Архипелага до недавняго времени почти всѣ приходскія церкви составляли частную собственность священниковъ. У Грековъ турецкихъ приходскія церкви, составляющія частную собственность, называемыя (полагаемъ) по-турецки τα γεδίκια, предписано обратить въ общественныя посредствомъ выкупа, если собственникъ — священникъ, или посредствомъ простаго уничтоженія права собственности, если онъ міряninъ, новыми церковными законами 1862 г. (Γενικοὶ κανονισμοὶ περὶ διευθετήσεως τῶν ἐκκλησιαστικῶν και ἐθνικῶν πραγμάτων et caet., Κωσταντινȣπ. 1862, Κανονισμȣ 5 αρθρ. 12 (на островѣ Корфу составляютъ до настоящаго времени частную собственность мощи св. Спиридона Тримифунтскаго вмѣстѣ съ церковію, въ которой находятся,—фамиліи Булгарисовъ, которою получены въ приданое за дѣвицею отъ фамиліи Калохеретисовъ, принесшей мощи изъ Константинополя послѣ взятія послѣдняго Турками, Ἱστορία της Επτανήσȣ, υπο Π. Χιώτου, Μερος ό, стр. 144.

Въ Греціи ктиторы церквей предъявляли странное притязаніе, что священники и вообще клирики послѣднихъ не должны подлежать власти мѣстныхъ епископовъ, а знать власть единственно ихъ — ктиторовъ [1]). Въ лѣтописяхъ нашихъ находимъ одно указаніе, дающее предполагать, что и у насъ притязалось и было нѣчто подобное въ періодъ до-монгольскій. Въ 1136 г. женился въ Новгородѣ тогдашній Новгородскій князь Святославъ Олеговичъ; бракъ былъ почему-то незаконный и епископъ Нифонтъ отказался вѣнчать его (въ древнее время браки князей вѣнчали епископы) и не позволилъ быть на немъ своимъ священникамъ и монахамъ; не смотря на это, князь былъ обвѣнчанъ въ своей придворной церкви священниками этой послѣдней (Новгор. 1-я лѣт.) Можно впрочемъ понимать тутъ дѣло еще и такъ, что священники не всѣхъ ктиторскихъ церквей находились у насъ въ особыхъ, не нормальныхъ, отношеніяхъ къ епископамъ, но что занимали исключительное положеніе именно придворные княжескіе священники (Для надлежащаго рѣшенія вопроса объ этихъ послѣднихъ священникахъ нужно доискаться свѣдѣній, какое положеніе занимали придворные священники въ Константинополѣ. Въ настоящую минуту мы этихъ свѣдѣній пока не имѣемъ) [2]).

Послѣ церквей въ собственномъ смыслѣ должно быть еще сказано о придѣлахъ. Въ настоящее время придѣлами называются боковые алтари въ церквахъ, но не то были они въ древнее и старое время. Въ древнее и старое время придѣлы или собственно придѣльныя церкви были — во-первыхъ, малыя церкви, приставленныя или придѣланныя къ большимъ церквамъ; во-вторыхъ, малыя церкви, устроенныя или сдѣланныя внутри большихъ церквей. Въ послѣднемъ случаѣ придѣлы по видимому совершенно то же, что теперешніе боковые алтари. То же и однако не то: придѣлы внутри церквей устроялись такъ, что были не только алтарями, но малыми особыми церквами, имѣвшими свое собственное глухое огражденіе (кто имѣетъ возможность видѣть придѣлы XVII в., сохраняющіе свое устройство, тотъ пойметъ наши слова; въ Петербургѣ на древній и старый манеръ устроены придѣлы въ Исакіевскомъ соборѣ, только особое огражденіе придѣловъ — не глухія стѣнки, а рѣшотки) [3]). Какъ одни, такъ и другіе придѣлы наибольшею частію

---

[1]) У Ралли и П. I, 188 fin., II, 236 нач. и 650 fin. То же самое было и на Западѣ, см. у Гизелера Dritte Periode, Zweiter Theil, cap. III, § 7 (4-го изд. II, 1, S. 56).

[2]) А что есть основаніе подозрѣвать исключительное положеніе придоврныхъ священниковъ, именно — что они составляли особыя вѣдомства подъ властію придворныхъ протопоповъ, сравни въ нашей книгѣ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской о сербскомъ «протопопѣ дворскомъ», стр. 689 fin.

[3]) Въ старое время у Грековъ принималось, что одна церковь должна имѣть только одинъ алтарь; поэтому придѣлы внутри церквей и устроялись въ видѣ

имѣли своихъ особыхъ священниковъ, которые держали свою особую службу и получали свои особые доходы, вообще—которые представляли собою особые причты отъ причтовъ главныхъ церквей, при которыхъ или въ которыхъ находились придѣлы. Появленіе какъ однихъ, такъ и другихъ придѣловъ относится къ періоду до-монгольскому [1]), но мы пока не въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ объяснить ихъ происхожденія и ихъ значенія. Представлялось бы вѣроятнымъ думать, что благочестивые люди, желавшіе имѣть свои церкви для поминовенія своихъ душъ и не имѣвшіе средствъ на строеніе большихъ церквей, строили малыя и приставляли ихъ къ первымъ, а потомъ и устрояли ихъ въ первыхъ. Но этому объясненію противорѣчитъ то, что нѣкоторыя придѣльныя церкви явились одновременно съ главными,—пристроены или внутри устроены одними и тѣми же строителями, что и первыя [2]). Въ придѣлѣ одной церкви, который находился внутри ея и которому не положено было имѣть особыхъ священниковъ, повелѣвается священникамъ пѣть обѣдни по недѣлямъ или по воскресеньямъ [3]), чѣмъ дается знать, что цѣлію устроенія придѣла было то, чтобы по воскресеньямъ въ этой церкви были двѣ обѣдни—ранняя и поздняя. Такимъ образомъ, можетъ быть, что происхожденіе однихъ придѣловъ должно объяснять первой причиной, другихъ — второй [4]). Въ позднѣйшее время всѣ придѣлы представляются ружными церквами [5]), изъ чего слѣдуетъ, что происхожденіе всѣхъ ихъ ктиторское, при чемъ должно понимать дѣло не такъ, что всѣ онѣ построены государями (которые давали имъ ругу), а такъ, что въ позднѣйшее время ктиторство всѣхъ ихъ государи приняли на себя.

особыхъ церквей, cfr Іоанна митрополита Клавдіопольскаго сочиненіе противъ латинянъ,—у *А. С. Павлова* въ Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей Греко-руской полемики противъ латинянъ, стр. 190, § 14.

[1]) Внѣшній придѣлъ при церкви св. Михаила въ Новгородѣ поставленъ въ 1219 г. (Новг. 1-я лѣт.); внутренніе придѣлы — въ Новгородской Софіи упоминаются въ 1180 г. (ibid.), на полатяхъ церкви Ивана Предтечи на Опокахъ въ грамотѣ Всеволода (Руск. Достопамм. I, 78). — Многочисленныя свидѣтельства объ особыхъ попахъ въ тѣхъ и другихъ придѣлахъ — въ позднѣйшихъ актахъ; одни и тѣже попы въ придѣлѣ съ главною церковію—у Ивана Предтечи на Опокахъ по грамотѣ Всеволода.

[2]) Внѣшній придѣлъ къ церкви св. Михаила въ Новгородѣ и внутренній придѣлъ въ церкви Ивана Предтечи на Опокахъ.

[3]) Грамотой Всеволода въ церкви Ивана Предтечи на Опокахъ.

[4]) Въ позднѣйшее время внѣшніе придѣлы являлись еще такимъ образомъ, что церкви, стоявшія безъ пѣнія, сносили къ церквамъ поющимъ (Стоглавъ гл. 85, Казанск. изд. стр. 375 fin).

[5]) Стоглавъ, гл. 5, вопр. 30, Казанск. изд. стр. 70.

V.

Средства содержанія духовенства высшаго и низшаго.

Обращаемся къ средствамъ содержанія духовенства высшаго и низшаго.

Въ первенствующее время церкви служители алтаря или епископы съ прочими клириками имѣли средствомъ своего содержанія единственно добровольныя приношенія вѣрующихъ своихъ общинъ, т. е. общинъ, составлявшихъ епископіи или, что тоже, приходы. Каждый членъ общины, по мѣрѣ своихъ средствъ и усердія и во всякомъ случаѣ памятуя Ветхозавѣтную заповѣдь, что Богу должно быть пожертвовано не менѣе десятой части стяжаній (Лев. 27, 30, Числъ 18, 21, Второзак. 14, 22), дѣлалъ приносъ церкви на ея служителей или всякій разъ, какъ приступалъ къ таинству причащенія, что̀ въ древнее время было каждое воскресенье, или по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ. Эти приносы, состоявшіе частію въ деньгахъ, главнымъ же образомъ въ съѣстныхъ припасахъ и необходимыхъ для жизни вещахъ натурою, слагались въ домѣ епископа (Апост. пр. 4) или въ особой церковной сокровищницѣ (по просту — кладовой, клѣти, магазеѣ) и ежемѣсячно раздѣлялись епископами и пресвитерами между собою и между прочими клириками [1]). Не позднѣе второй половины III вѣка, т. е. еще во времена языческія, явилось другое средство содержанія клириковъ, именно — люди богатые начали завѣщавать и отказывать епископіямъ недвижимыя имѣнія, каковое средство седержанія было признано со стороны государства отъ перваго же христіанскаго государя — Константина Великаго [2]). Наконецъ самъ Константинъ Великій обезпечилъ содержаніе клириковъ государственнымъ или казеннымъ образомъ: кромѣ единовременныхъ щедрыхъ пожертвованій церквамъ нуждавшимся онъ назначилъ казенное ежегодное жалованье или казенную ежегодную ругу (ἐτήσια σιτηρέσια), неизвѣстно

---

1) Bingh. Antiquitt. Vol II, 262 sqq.

2) Законъ 321 г: Habeat unusquisque licentiam sanctissimo catholicae (eccelesiae) venerabilique concilio decedens bonorum, quod optaverit, relinquere. Cod. Thood. lib. XVI, tit. II, § 4. Cod. Iustinian. lib. 1 tit. 11 § 1. — Bingh. Vol. II, p. 265.

какихъ размѣровъ, всѣмъ церквамъ въ имперіи, предписавъ выдавать ее изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ[1]), — руга эта, уничтоженная Юліаномъ, была возстановлена послѣ его смерти Іовіаномъ, впрочемъ не во всемъ своемъ (неизвѣстномъ намъ) объемѣ, а въ третьей его части[2]).

Первоначально, какъ мы говорили, не было приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова и каждый приходъ представлялъ собою епископію или, наоборотъ, каждая епископія составляла изъ себя одинъ приходъ. Когда явились эти приходы, то сначала нѣкоторое время было такъ, что приношенія, представлявшіяся вѣрующими въ приходскія церкви, всѣ собирались въ одно мѣсто, — къ главной или епископской церкви, и что изъ одной общей при ней сокровищницы получали содержаніе какъ епископы и находившіеся при нихъ клирики, такъ и клирики командировавшіеся или назначавшіеся отъ епископій для завѣдыванія приходскими церквами. Но, съ теченіемъ времени, вошло въ обычай и было установлено, чтобы приношенія, представлявшіяся въ приходскія церкви отдѣленными къ нимъ членами общинъ, не были доставляемы въ епископскую церковь, а оставались находящимся при нихъ клирикамъ[3]). Вслѣдствіе этого приходскія церкви отдѣлились въ содержаніи отъ епископій или отъ церквей каѳедральныхъ епископскихъ (которое сначала они имѣли съ ними общее), и такимъ образомъ произошло раздѣленіе въ средствахъ содержанія духовенства высшаго и низшаго.

Послѣ этого раздѣленія средствами содержанія епископовъ съ ихъ каѳедральными клириками стали, во-первыхъ, общія съ приходскими священниками добровольныя приношенія вѣрующихъ, т. е. именно тѣхъ вѣрующихъ, которые не отошли отъ каѳедральныхъ епископскихъ церквей къ образовавшимся частнымъ приходамъ и которые, послѣ образованія сихъ послѣднихъ, остались собственными прихожанами первыхъ (каѳедральныхъ церквей); во-вторыхъ — доходы съ недвижимыхъ имѣній и въ-третьихъ — государственная руга. Изъ этихъ трехъ средствъ послѣднее — государственная руга — прекратила свое существованіе или перестала быть выдаваема болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Юстиніана, если только еще не до него или не при немъ[4]). Средствомъ содержанія приходскаго духовенства стали добровольныя приношенія вѣрующихъ, образовавшихъ

---

[1]) Bingh. Vol. II p. 271.

[2]) Ibidd. p. 272.

[3]) Въ Константинополѣ это было установленно въ 460 г. при патр. Геннадіи. Выписка изъ Ѳеодора чтеца у Bingh. Vol. II p. 291, прим. a.

[4]) Въ Кодексѣ Юстиніановомъ приводится законъ о ругѣ Маркіановъ 454 г., lib. 1 tit. II, § 12, но въ собственныхъ новеллахъ Юстиніана нѣтъ о ней ничего; Созоменъ говоритъ, что руга выдается до настоящаго времени (Lib. V, c. 5), но Ѳеодоритъ этого не говоритъ (H. E. lib. I, c. 11).

изъ себя приходы. Была ли выдаваема ему отъ епископій соотвѣтствующая или какая-нибудь часть доходовъ отъ недвижимыхъ имѣній (дотолѣ принадлежавшихъ каѳедрамъ) и изъ государственной руги (пока она существовала) остается неизвѣстнымъ.

Въ дальнѣйшее и позднѣйшее время эти средства содержанія являются въ слѣдующемъ видѣ:

духовенства низшаго или приходскаго: 1) добровольныя приношенія вѣрующихъ или прихожанъ, 2) сборы съ прихожанъ самого духовенства (наши такъ-называемыя славы), 3) взиманіе платъ за требы и частныя службы и наконецъ 4) отчасти доходы съ недвижимыхъ имѣній, которыя были жертвуемы нѣкоторымъ приходскимъ церквамъ такъ же, какъ и епископіямъ;

духовенства высшаго или архіереевъ съ ихъ каѳедральными причтами: 1) доходы съ недвижимыхъ имѣній, 2) всѣ тѣ доходы, что̀ и приходскаго духовенства, поколику каѳедральныя церкви имѣли свои приходы, 3) взиманіе платъ за требы не только съ собственныхъ прихожанъ, но и со всѣхъ мірянъ епархій, такъ какъ и послѣ образованія приходовъ осталось въ обычаѣ, чтобы, не довольствуясь приходскими священниками, приглашать для совершенія требъ епископовъ, 4) ежегодные сборы или оброки и временныя пошлины съ приходскаго духовенства епархій, 5) таковые же сборы или оброки и таковыя же пошлины со всѣхъ мірянъ епархій.

Въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, у нихъ дѣло съ средствами содержанія имѣло себя такъ, какъ мы представили сейчасъ непосредственно. Между всѣми указанными средствами, послѣ исчезновенія государственной руги, не было ни одного, которое бы шло отъ государства, а равнымъ образомъ не было ни одного, которое бы было узаконено и утверждено государствомъ (хотя это послѣднее съ нѣкоторыми изъ средствъ случилось вскорѣ послѣ принятія нами христіанства); всѣ указанныя средства или непосредственно шли отъ добровольнаго усердія вѣрующихъ, или же, — какъ оброки и пошлины низшаго духовенства высшему, — условливались этимъ усердіемъ (ибо, не имѣя что̀ взять съ вѣрующихъ, низшее духовенство не имѣло бы и что̀ давать архіереямъ). Этимъ средствамъ отъ добровольнаго усердія, очевидно, не могло быть предоставлено у насъ духовенство въ первое время, ибо предки наши въ первое время послѣ своего принудительнаго крещенія были христіанами только по имени и не могли имѣть никакой добровольной охоты содержать духовенство. Слѣдовательно, въ первое время духовенство такъ или иначе имѣло быть обезпечено у насъ самимъ правительствомъ. Правительство могло сдѣлать это двоякимъ образомъ, — или принять содержаніе духовенства на себя или принудительно возложить его на народъ, создавъ въ послѣднемъ случаѣ обязательную подать

въ пользу духовенства. Не знаемъ, какъ поступило бы наше правительство въ томъ случаѣ, если бы, ко времени принятія нами христіанства, въ Греціи взиманія духовенства съ народа имѣли уже видъ обязательныхъ, признанныхъ и подтвержденныхъ правительствомъ, податей. Но, не имѣя предъ собою примѣра этихъ обязательныхъ податей у Грековъ, оно поступило такъ, что взяло содержаніе духовенства на себя.

На содержаніе высшаго духовенства или архіереевъ съ ихъ каѳедральными причтами св. Владимиръ назначилъ десятину или десятую часть своихъ княжескихъ доходовъ; духовенству низшему или приходскому онъ назначилъ отъ себя опредѣленное жалованье или опредѣленную ругу.

Наша десятина, естественно, напоминаетъ десятину западную, и такъ какъ она по времени своего появленія есть позднѣйшая этой второй, то обыкновенно имѣютъ наклонность думать, что она взята съ образца второй и представляетъ собою заимствованіе отъ Запада и подраженіе ему. Но между нашей десятиной и западной есть существенное различіе: у насъ только само правительство опредѣлило на содержаніе духовенства десятину или десятую часть своихъ доходовъ, на Западѣ же не только правительство опредѣлило на содержаніе духовенства десятину своихъ доходовъ, но обязало къ ней и всѣхъ и каждаго, такъ что наша десятина представляетъ собою только часть десятины западной [1]). Если бы было заимствованіе, то мы бы заимствовали не часть только, а все сполна. Происхожденіе нашей десятины легко можетъ быть объяснено и безъ обращенія къ Западу. Служители алтаря должны быть содержимы вѣрующими, это само собою разумѣется. Въ отвѣтъ на вопросъ: какую часть своихъ стяжаній вѣрующіе обязаны удѣлять на служителей алтаря, въ церкви христіанской съ древнѣйшаго времени указывалось на примѣръ церкви Ветхозавѣтной, гдѣ самъ Богъ узаконилъ десятину или десятую часть ежегодныхъ стяжаній. Это проповѣдывалось какъ на Западѣ, такъ и на

---

[1]) На Западѣ десятина введена была правительственнымъ образомъ Карломъ Великимъ въ 779 г. (Капитулярій сего года у Pertz'-а въ Monumenta Germaniae III, 36 § 7) и имѣла состоять, какъ мы сказали, въ томъ, что, во-первыхъ, правительство должно было жертвовать на содержаніе духовенства десятую часть своихъ доходовъ, во-вторыхъ, въ томъ, что каждый міряninъ и каждый членъ общества долженъ былъ удѣлять и отдавать въ пользу духовенства десятую часть своихъ ежегодныхъ стяжаній. Въ Капитуляріи Карловомъ 785 г. читается: Et hoc Christo propitio placuit, ut undecumque census aliquid ad fiscum pervenerit, sive in frido sive in qualecumque banno et in omni redibutione ad regem pertinente, decima pars ecclesiis et sacerdotibus reddatur, и потомъ: similiter secundum Dei mandatum praecipimus, ut omnes decimam partem substantiae et laboris suis ecclesiis et sacerdotibus donent, tam nobiles quam ingenui, similiter et liti, juxta quod Deus unicuique dederit christiano, partem Dei reddant, у Pertz'a ibid. p. 49, §§ 16 и 17.

Востокѣ [1]). На Западѣ правительство, вводя свою десятину, узаконило то, что давно требовалось епископами. Подобнымъ образомъ и у насъ князья могли опредѣлить на содержаніе епископовъ десятину или десятую часть своихъ доходовъ, а не какую-нибудь меньшую, потому, что, независимо отъ примѣра Запада, нашими епископами указывалось на нее, какъ на часть богоопредѣленную.

Епископы наши начали нуждаться въ средствахъ содержанія, конечно, съ первой минуты прибытія на Русь, что было въ 991 г. Между тѣмъ лѣтопись говоритъ, что Владиміръ далъ десятину Кіевской церкви Богородицы и съ нею (какъ должно подразумѣвать) митрополиту въ 996 г. при ея освященіи, т. е. на шестой годъ послѣ прибытія епископовъ. Весьма возможно, что лѣтопись не ошибается и говоритъ совершенную правду. Водворенію епископовъ на каѳедрахъ и ихъ обезпеченію въ содержаніи должно было предшествовать крещеніе народа, если не совершенно поголовное, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе общее. А на это, даже разумѣя дѣло въ послѣднемъ, а не въ первомъ смыслѣ, конечно, могло потребоваться не менѣе шести лѣтъ. Очень можетъ быть даже, что и въ 996 г. десятина дана была только митрополиту, а прочимъ епископамъ, о дарованіи которымъ десятины лѣтопись ничего не говоритъ, то или другое нѣкоторое время позднѣе. Само собою должно подразумѣвать, что епископы, пока не получили десятины, были содержимы Владиміромъ на тотъ же собственный счетъ (ибо иначе имъ не на что было бы содержаться). Лѣтопись увѣряетъ, что Владиміръ, давъ въ 996 г. десятину Кіевской церкви Богородицы (и митрополиту), написалъ относительно ея и положилъ въ церкви на храненіе свою нарочитую грамоту; къ величайшему сожалѣнію, эта грамота, въ которой мы, вѣроятно, нашли бы рѣшеніе немалаго количества вопросовъ, не сохранилась до настоящаго времени.

По словамъ лѣтописи, Владиміръ далъ десятину Кіевской церкви Богородицы (и митрополиту) отъ имѣнья своего и отъ градъ своихъ: «даю, — говоритъ онъ въ ней, — церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». Это должно понимать такъ, что онъ далъ десятину или десятую часть доходовъ — во-первыхъ, отъ своихъ частныхъ имѣній или отъ своихъ селъ («отъ имѣнья»), во-вторыхъ — отъ сборовъ или взиманій государственныхъ («отъ градъ»). Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что какая десятина дана была митрополиту въ области великаго княженія, такая же дана была и епископамъ въ княженіяхъ удѣльныхъ, т. е. что и послѣднимъ дана была десятина не только съ доходовъ государственныхъ, но и съ частныхъ имѣній княжескихъ, хотя эти имѣнія при Владимірѣ, такъ какъ наи-

[1]) Cfr Bingh. Vol. II p. 285 fin. sqq.

большая часть удѣловъ только при немъ явилась, и были, нѣтъ сомнѣнія, весьма немногочисленны [1]). По словамъ лѣтописи, въ помянутой выше грамотѣ Владимира, которою онъ утверждалъ за Кіевскою церковію Богородицы (и митрополитомъ) данную имъ десятину, было написано: «аще кто сего посудить, да будетъ проклятъ». Это значитъ, что по намѣренію Владимира вся данная имъ митрополиту и епископамъ десятина должна была остаться за ними навсегда. На самомъ дѣлѣ это было не такъ: изъ нѣсколькихъ видовъ десятины иное дѣйствительно осталось за епископами навсегда, другое же постепенно и еще въ періодъ домонгольскій перестало быть и исчезло. Навсегда осталась за епископами, какъ ихъ доходъ, десятина отъ княжескихъ податей или оброковъ съ населеній; но за тѣмъ въ первой половинѣ XII вѣка въ епархіяхъ, которыя открыты были при Владимирѣ, получалась епископами десятина отъ помянутыхъ даней и еще отъ виръ и отъ продажъ или отъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ [2]), а въ епархіяхъ вновь открывавшихся предоставлялась князьями епископамъ десятина только съ однихъ даней [3]). Послѣ Владимира, съ теченіемъ времени, у епископовъ постепенно яви-

---

[1]) Въ лѣтописяхъ упоминается Полоный, градъ святыя Богородицы десятиный, находившійся гдѣ-то на сѣверѣ отъ Кіева: «ѣхаша (Половцы) за Кыевъ воевать, и пріѣхаша къ Полоному ко святѣй Богородицѣ граду десятиньному и къ Семычю и взяша села».... (въ Лаврент. подъ 1169 г., въ Ипатск. подъ 1172). Если бы нужно было понимать лѣтописи такъ, что Полоный былъ одинъ изъ числа десятинныхъ городовъ церкви Богородицы, то нужно было бы представлять дѣло такъ, что изъ числа всѣхъ городовъ великаго княженія Владимиръ отдалъ церкви Богородицы въ полную собственность десятую часть ихъ. Но это по всякимъ соображеніямъ совершенно невѣроятно. Нѣтъ сомнѣнія, лѣтописи нужно разумѣть не такъ, что Полоный былъ градъ Богородицы десятиный, а такъ, что онъ былъ градъ принадлежавшій церкви Богородицы Десятинной или составлявшій ея вотчину, имѣніе. Если кого-нибудь удивитъ, что Десятинная церковь владѣла цѣлымъ городомъ, то на это нужно замѣтить, что города бывали разные: селеніе весьма небольшое, но обнесенное тыномъ или полисадомъ отъ набѣговъ Половецкихъ, составляло уже городъ, а что Полоный принадлежалъ именно къ числу такихъ городовъ, это показываетъ его совершенное изчезновеніе или превращеніе въ такую деревню, которой не могутъ отъискать изслѣдователи.

[2]) Грамота Новгородскаго князя Святослава Олеговича 1137 г.: «уставъ, бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ (св. Владимиръ) и отъ дѣдъ нашихъ имати пискупомъ (епископамъ) десятину отъ да̀ній и отъ виръ и продажъ, что̀ входитъ въ княжь дворъ всего», Рускк. Достопп. I, 82.

[3]) Грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г. Смоленской епископіи, открытой въ 1137 г.: «се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи и кромѣ виры, и кромѣ полюдья», Дополн. къ Акт. Истор. т. I. № 4, стр. 5 col. 2.

лись другіе источники доходовъ кромѣ десятины, которая первоначально была единственнымъ средствомъ ихъ содержанія. Это, конечно, и дало основаніе князьямъ нарушить, до нѣкоторой степени, завѣтъ Владимира и сократить размѣры десятины.

Десятина съ частныхъ княжескихъ имѣній или съ селъ, пока она существовала, по всей вѣроятности, выдавалась натурою, т. е. по окончаніи каждаго сельско-хозяйственнаго года изъ прибылей, которыя онъ доставлялъ, выдавалась десятая мѣра всякаго произращавшагося хлѣба и десятая голова всякаго содержавшагося скота.

Изъ десятинъ государственныхъ десятина отъ виръ и отъ продажъ или отъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ выдавалась не такимъ образомъ, чтобы по полученіи штрафа или пошлины съ какого-либо дѣла княжескими судьями тотчасъ же доставлялась десятая часть епископамъ, а такъ же, какъ и предъидущая, по окончаніи каждаго судебнаго года: изъ общей суммы выручавшихся за годъ этой статьи доходовъ выдавалась епископамъ по его окончаніи десятая часть изъ княжескихъ казначействъ. Такъ какъ эта десятина подавала поводъ къ неудовольствіямъ между князьями и епископами, заставляя послѣднихъ подозрѣвать судей княжескихъ, если не самихъ князей, въ утайкѣ доходовъ, то нѣкоторые князья выкупали ее у епископовъ, а именно—по неизвѣстному намъ, вѣроятно, среднему разчисленію ея величины за то или другое количество предшествовавшихъ лѣтъ, договаривались съ епископами выдавать имъ вмѣсто неизвѣстной, имѣющей придти суммы, извѣстную опредѣленную [1]).

Съ десятиной отъ даней или оброковъ съ населеній было поступлено особеннымъ образомъ. Она не имѣла быть выдаваема князьями епископамъ по окончаніи каждаго податнаго года или по мѣрѣ сбора даней, а отдѣлена была въ особую подать, которую было предоставлено собирать съ населеній самимъ епископамъ, т. е. изъ десяти частей княжеской дани съ каждаго плательщика отдѣлена была въ особую подать одна десятая часть (напр. изъ рубля гривна) и эта особая подать и отдана была епископамъ какъ ихъ собственная и самостоятельная подать, которую они должны были собирать сами посредствомъ своихъ собственныхъ сборщиковъ. Такимъ образомъ, десятина съ княжескихъ даней или оброковъ, образовала особую дань епископамъ съ населеній епархій. Что дѣло было устроено именно такимъ образомъ и что наша стараго времени дань съ мірянъ епархій епископамъ имѣетъ именно сейчасъ указанное происхожденіе, а не какое-нибудь другое, это — во-первыхъ, необходимо заставляютъ предполагать являющіеся при нашихъ архіереяхъ

---

[1]) Таковой договоръ съ епископомъ (Новгородскимъ) представляетъ собою помянутая выше грамота Святослава Олеговича.

такъ-называемые десятинники, должность и обязанность которыхъ могла состоять въ сборѣ на нихъ десятинъ и ни въ чемъ другомъ; во-вторыхъ, это прямо и ясно даетъ знать Симонъ, епископъ Владимирскій, представляющій сборъ своей десятины, какъ сборъ особой подати и производимый имъ самимъ [1]). Почему сдѣлано было такимъ образомъ, прямо не видно и можно только догадываться. При сборѣ оброковъ могли быть бо́льшіе или меньшіе недоборы. Если бы князья оставили за собой собираніе десятины, то они должны были бы выдавать ее епископамъ или по разсчету того, что дѣйствительно каждый годъ получали или по разсчету того, что должны были получать сообразно окладамъ. Въ первомъ случаѣ всегда былъ бы поводъ къ подозрѣнію въ утайкѣ и слѣдовательно поводъ къ неудовольствію между князьями и епископами; во-второмъ случаѣ было бы невыгодно для князей, которые должны были бы доплачивать епископамъ недобранное изъ своей собственной части доходовъ. По этой вѣроятно причинѣ и выдѣлена была десятина съ даней или оброковъ въ особую подать, которую предоставлено было собирать съ населеній самимъ епископамъ: если епископы собирали ее сполна, — было ихъ счастье; если болѣе или менѣе не добирали — было ихъ несчастье. Двѣ, дошедшія до насъ грамоты изъ періода до-монгольскаго [2]) показываютъ, что епископамъ были даваемы князьями окладныя оброчныя росписи, въ которыхъ обозначалось, сколько въ какой волости слѣдовало епископамъ ихъ десятой части, и что по этимъ росписямъ епископы и производили сборы.

Чрезъ такое устройство дѣла съ десятиной отъ даней или оброковъ случилось то, что она явилась средствомъ обезпеченія нашихъ епископовъ тождественнымъ съ одною изъ статей дохода епископовъ греческихъ. Съ десятиной этой дѣло было устроено у насъ такъ, что она стала податью епископамъ съ населеній епархій; но точно также и въ Греціи между другими средствами содержанія епископовъ существовала подать съ населеній епархій. Если бы у насъ съ нашею десятиною дѣло было устроено иначе, т. е. если бы она не была отдѣлена въ особую подать (а выдавалась епископамъ князьями), то съ теченіемъ времени греческая подать перешла бы къ намъ, какъ перешли къ намъ всѣ греческія средства содержанія епископовъ (а выданіе десятины епископамъ

---

[1]) Въ Патерикѣ, во вступительномъ или собственномъ увѣщаніи Поликарпу: «Кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея съборныя церкви красоты Володимерьское (соборныя церкви, которая, будучи великолѣпною, составляетъ красоту Владимира) и другія Суздальскія церкве, юже самъ создахъ; колика имѣета (двѣ помянутыя каѳедральныя церкви) градовъ и селъ, и *десятину собираютъ по всей земли той*, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость».

[2]) Святослава Олеговича Новгородскаго и Ростислава Мстиславича Смоленскаго.

князьями съ теченіемъ времени вѣроятно бы прекратилось, какъ это случилось съ другими десятинами, которыя князья выдавали епископамъ сами). Но тогда бы подать явилась у насъ, какъ новая подать, наложенная на мірянъ; при указанномъ же устройствѣ дѣла съ нашей десятиной случилось то, что именно эта десятина (превращенная въ подать) замѣнила указанную подать и что чрезъ это міряне освободились у насъ отъ новой подати въ пользу епископовъ (т. е. они стали платить имъ, какъ и въ Греціи, подать, но подать не вновь на нихъ наложенную, а образовавшуюся чрезъ выдѣленіе десятины изъ княжеской дани) [1]).

Съ теченіемъ времени должны были явиться у насъ и всѣ тѣ средства содержанія архіереевъ, которыя были въ Греціи. Средства эти, кромѣ подати съ мірянъ епархій, которою у насъ стала десятина отъ княжескихъ даней, какъ мы сказали, были: во-первыхъ, общія со всѣми

[1]) Когда и какимъ образомъ явилась у Грековъ подать съ населеній епархій въ пользу епископовъ, не имѣемъ свѣдѣній. Императоръ Алексѣй Комнинъ († 1118), говоря въ одной своей новеллѣ объ обязанности архіереевъ обходить епархіи, пишетъ объ этой подати, называвшейся τὸ κανονικὸν (и еще, кажется, подобно подати государственной καπνικὸν — подымница, ибо у позднѣйшихъ Сербовъ она — дымница): «и канониконъ для того назначенъ архіереямъ, чтобы каждый (изъ нихъ) обходя (епархію) и уча, имъ (каноникономъ) питался» (у Ралли и П. V, 303), что заставляетъ объяснять происхожденіе подати такъ, что архіереи, обходя епархіи и благословляя (какъ они дѣлали въ древнее время) жилища всѣхъ мірянъ въ каждомъ селеніи, отъ всѣхъ получали добровольныя благодаренія, которыя и превратились потомъ въ обязательные сборы. Патріархъ Николай Грамматикъ въ († 1111) своей грамотѣ говоритъ о канониконѣ съ мірянъ: «(государи) начатки (плодовъ) отъ мірянъ (ἀπὸ τῶν λαϊκῶν ἀπαρχὰς), назвавши каноникономъ, опредѣлили взимать съ каждаго изъ сихъ (мірянъ) сообразно ихъ достатку и доставлять благоговѣйнѣйшимъ іереямъ» (у Ралли и П. V, 60). Государственно узаконилъ подать импер. Исаакъ Комнинъ новеллой отъ 1057—59 г. (не въ полномъ видѣ она у Ралли и П. I, 75, въ полномъ видѣ у Цахаріе въ Ius Graeco-Romanum III, 322; повторена въ новеллѣ Алексѣя Комнина, — у Ралли и П. V, 28, у Цахаріе ibid. p. 365; что подать узаконена послѣ патріарха Алексѣя, который † 1042 г., см. помянутую выше грамоту патр. Николая Грамматика). Новеллой Исаака Комнина подать эта опредѣляется: съ селенія, имѣющаго 30 дымовъ (καπνούς), епископу: одна золотая монета, двѣ серебряныхъ, одинъ баранъ, шесть модіевъ ячменя (модій по опредѣленію позднѣйшаго Грека — Христоф. Ангела въ Ἐγχειρίδιον'ѣ, ed. Fehlavii стр. 846, есть третья часть вьюка одной лошади), шесть мѣръ вина, шесть модіевъ муки и 30 курицъ; съ селенія, имѣющаго 20 дымовъ: двѣ трети монеты золотой, одна серебряная, ягненокъ годовикъ (? μέσαρνον), четыре модія ячменя, четыре мѣры вина, четыре модія муки и 20 курицъ; съ селенія, имѣющаго 10 дымовъ: пять серебряныхъ монетъ, одинъ ягненокъ, два модія ячменя, двѣ мѣры вина, 10 курицъ. Въ позднѣйшее время эта подать съ мірянъ епархій называлась αἱ ζήτιαι — требованія (по-старорусски — спросъ, запросъ) и турецкимъ именемъ мирія.

приходскими священниками доходы отъ приходовъ каѳедральныхъ церквей и именно добровольныя приношенія прихожанъ, сборы съ нихъ и взиманіе съ нихъ платъ за требы: во-вторыхъ — доходы отъ совершенія требъ помимо собственныхъ приходовъ; въ-третьихъ — ежегодные оброки и временныя пошлины съ низшаго духовенства епархій и (кромѣ ежегодныхъ оброковъ) временныя пошлины со всѣхъ мірянъ епархій; въ-четвертыхъ — доходы съ недвижимыхъ имѣній.

Были или не были у насъ въ періодъ до-монгольскій собственные приходы у каѳедральныхъ епископскихъ церквей, мы не имѣемъ прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній. Но со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что были, ибо трудно придумать причины, по которымъ бы этихъ приходовъ у нихъ не было: въ каждомъ епархіальномъ городѣ епископская каѳедральная церковь являлась первою и до появленія другихъ церквей составляла приходскую церковь для всего населенія города; съ появленіемъ другихъ церквей ея приходъ долженъ былъ сократиться, но останется непонятнымъ, почему бы онъ со всѣмъ прекратился (а не остался напротивъ и послѣ сего главнымъ и бо̀льшимъ). Не можемъ сказать, чтобы вмѣстѣ съ князьями удѣльными (которые были въ наибольшей части епископскихъ городовъ) непрѣменно были прихожанами каѳедральныхъ церквей и всѣ ихъ бояре, такъ чтобы приходы этихъ послѣднихъ состояли на подборъ изъ знати и людей богатыхъ; очень можетъ быть и всего вѣроятнѣе, что приходы каѳедральныхъ, такъ же какъ и другихъ, церквей опредѣлялись топографически, т. е. что приходы эти составляли прилежащія къ церквамъ мѣстности и ихъ округи или, выражаясь по старому, сосѣдства, кѣмъ бы они ни были населены; но такъ какъ, съ другой стороны, каѳедральныя церкви обыкновенно ставились въ центрахъ городовъ, въ дворянскихъ такъ сказатъ кварталахъ, то есть вся вѣроятность предполагать, что ихъ приходы по преимуществу состояли изъ боярства и изъ людей богатыхъ. О доходахъ епископовъ съ соборными клириками отъ ихъ собственныхъ приходовъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о приходскихъ священникахъ.

Въ Греціи, какъ мы сказали, и послѣ образованія отдѣльныхъ приходовъ, осталось въ обычаѣ, чтобы приглашать для совершенія такъ-называемыхъ требъ не только приходскихъ священниковъ, но по возможности и архіереевъ. Обычай, какъ понятно, имѣлъ своимъ основаніемъ то, что архіереи и послѣ образованія отдѣльныхъ приходовъ, переставъ быть архипастырями или начальными пастырями всѣхъ въ буквальномъ смыслѣ, остались таковыми для всѣхъ въ смыслѣ небуквальномъ, а отчасти, конечно, такъ же и то, что людямъ врожденна тщеславная наклонность обставлять свои дѣйствія возможно большею торжественностію. Обычай этотъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ требамъ остается въ Греціи во всей силѣ и до настоящаго времени: покойнику быть отпѣту безъ архіерея

не только значитъ быть погребену бѣдно, но и совсѣмъ по-нищенски, такъ что тамъ не допуститъ такихъ похоронъ своему покойнику и самый бѣдный человѣкъ, сколько-нибудь заботящійся о своей доброй славѣ. А относительно древняго времени со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что если не у всѣхъ мірянъ епархій, то у жителей городовъ (изъ которыхъ каждый имѣлъ епископа) такъ было не только съ однимъ погребеніемъ, а и со всѣми требами. Бывшее въ Греціи до нѣкоторой степени перешло и къ намъ. Наши архіереи по своимъ средствамъ содержанія съ самой первой минуты стали совсѣмъ не тѣмъ, что большинство архіереевъ греческихъ, а по своимъ взглядамъ на себя далеко не тѣмъ, что̀ всѣ они, и поэтому у насъ вѣроятно не было даже и весьма непродолжительнаго періода времени, когда бы архіереи имѣли охоту ходить для совершенія требъ къ людямъ бѣднымъ. Но люди богатые, какъ это должно думать и какъ объ этомъ должно заключать и по позднѣйшему старому времени, столько же имѣли у насъ обычаемъ приглашать для совершенія требъ непремѣнно архіереевъ, сколько въ Греціи имѣли этимъ обычаемъ всѣ.

Низшее приходское духовенство по своему первоначалу, какъ мы говорили выше, бывшее тѣмъ же духовенствомъ каѳедрально-соборнымъ, только отдѣленнымъ или командированнымъ для завѣдыванія частными явившимися приходами, съ теченіемъ времени стало не только духовенствомъ подчиненнымъ, но и духовенствомъ податнымъ. При объяснимости перваго — довольно трудно объяснимо второе; однако оно составляетъ фактъ. Подать низшаго приходскаго духовенства архіереямъ въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ называется (такъ же, какъ и подать съ мірянъ) τὸ κανονικόν [1]); но въ позднѣйшее время въ общежитіи она называлась ἐμβατοίκιον (въ просторѣчіи ἐμπατοίκιον)[2]). Ἐμβατοίκιον значитъ собственно входное, вступное, отъ ἐμβαίνω; но въ употребленій оно значило и значитъ условно или технически то же, что древнее ἐμφύτευσις, — аренда, арендованіе, арендная плата [3]). Это второе названіе даетъ знать, что архіереи смотрѣли на приходы, какъ на свою собственность, которую они отдавали поставляемымъ къ нимъ священникамъ какъ бы въ аренду, и что на основаніи сего взгляда и явилась ежегодная подать приходскихъ священниковъ архіереямъ, представлявшая какъ бы ежегодную арендную плату за приходы первыхъ послѣднимъ. Когда явилась впервые подать, не знаемъ; но она утверждена была соборнымъ

---

[1]) У Ралли и П. V, 60.

[2]) Дюк. Gloss. Graecit. сл. Ἐμπατίκιον.

[3]) Дюк. ibid. подъ сл. Ἐμβατικὸν δίκαιον. Для настоящаго времени см. книжку Συλλογὴ τοπικῶν τῆς Ἑλλάδος συνηθειῶν et caet., ὑπὸ Α. Χρυσανθοπούλου, Ἀθην. 1853, стр. 88.

опредѣленіемъ патр. Алексѣя [1]), который занималъ каѳедру съ конца 1025 по 1043 г. Этимъ соборнымъ опредѣленіемъ было постановлено, во-первыхъ — взимать канониконъ (или емватикіонъ) не со всѣхъ членовъ причта, а съ однихъ только священниковъ; во вторыхъ — со священниковъ ежегодно взимать по одной золотой монетѣ (или иперпиру), что на наши деньги будетъ около 5 рублей. Аренда обыкновенно платится за то, съ чего получается доходъ; а такъ какъ священники наши въ первое время не получали съ приходовъ никакого дохода, будучи сами, подобно епископамъ, содержимы правительствомъ, то, конечно, и не могла быть наложена на нихъ наша подать съ самаго же начала. Какъ скоро она была потомъ наложена, не имѣемъ свѣдѣній и указаній; но представляется необходимымъ думать, что болѣе или менѣе скоро и немедленно послѣ того, какъ оказалось это возможнымъ, т. е. болѣе или менѣе скоро послѣ того, какъ приходы начали доставлять священникамъ доходъ. Правда, изъ дѣяній Владимирскаго собора 1274 г. какъ будто слѣдуетъ, что ея не было даже и въ то время; но дѣянія собора въ отношеніи къ нашему предмету не совсѣмъ опредѣлены, а между тѣмъ предполагать, чтобы подати не было у насъ даже и въ 1274 г. и чтобы она явилась у насъ уже только послѣ сего года, — это представляется намъ савсѣмъ невѣроятнымъ. Въ позднѣйшее время подать взималась у насъ не съ однихъ священниковъ, а со всѣхъ членовъ причта и раздѣлялась на двѣ статьи — на подать подворную (съ попова двора, съ дьяконова....) и на поземельную (если земля пахатная и сѣнокосная была при церкви).

Не имѣемъ или не знаемъ указаній въ греческихъ актакъ за время, соотвѣтствующее нашему періоду до-монгольскому, взимали или не взимали архіереи вмѣстѣ съ приходскими священниками подать съ монаховъ, которые давно получали отъ міра гораздо болѣе, чѣмъ всякіе приходскіе священники. Въ послѣдующее время они получали ее въ Греціи и у насъ. Въ Греціи въ послѣдующее время подать эта состояла не только въ канониконѣ, какъ со священниковъ, но еще въ мнимосинонѣ (τὸ μνημόσυνον) или поминовенномъ, именно — въ извѣстной долѣ отъ денегъ, которыя получались въ монастыряхъ на поминовеніе умершихъ [2]).

Временныя пошлины архіереевъ съ низшаго духовенства состояли во взиманіи платы за поставленія или за посвященія. Выше мы видѣли, что плата за поставленіе въ архіереи явилась весьма рано. Столько же, если еще не болѣе, рано явилась и плата за поставленіе въ низшія церковныя степени: уже Василій Великій († 379) укоряетъ подчинен-

---

[1]) Соборное дѣяніе патр. Алексѣя остается неизвѣстнымъ; о немъ знаемъ изъ грамоты патр. Николая Грамматика, — у Ралли и П. V, 60.

[2]) См. напр. Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича II, 241.

ныхъ ему епископовъ за взиманіе этой платы, какъ за дѣло беззаконное (правило канонич. 90); импер. Юстиніанъ узаконилъ ее и опредѣлилъ ея крайней бо́льшій размѣръ (именно — что она не должна превосходить одногодичный доходъ поставляемаго, — новелла 123, гл. 16). Послѣ Юстиніана она уже не подвергалась болѣе никакимъ прерѣканіямъ; только въ концѣ XIII вѣка импер. Андроникъ Старшій сдѣлалъ было напрасную попытку ее уничтожить (Георгія Пахимера кн. 3, гл. 3). Въ то позднѣйшее время, какъ мы приняли христіанство, узаконенные размѣры этой пошлины у Грековъ были слѣдующіе: за поставленіе въ чтецы одинъ иперпиръ, за поставленіе въ дьяконы еще три иперпира, а всего четыре за поставленіе во священники еще три иперпира или всего семь [1]); слѣдовательно, на наши деньги, принимая иперпиръ за 20 франковъ или за 5 рублей серебромъ, будетъ: за поставленіе во священники 35 р., въ діаконы 20, въ чтецы 5. Что взиманія со священниковъ этой ставленической пошлины не могло быть начато у нихъ съ самой же первой минуты, ясно изъ того, что первые наши священники были набираемы посредствомъ принудительныхъ наборовъ: ни съ кого не взимаютъ платы за то, что принимается не по доброй волѣ. Тѣмъ не менѣе однако представляется довольно вѣроятнымъ предполагать, что, какъ доходъ архіереевъ и какъ одно изъ средствъ ихъ содержанія, пошлина явилась именно съ самаго перваго времени. Ставленіе составляло трудъ, чѣмъ и оправдывалось взиманіе платы; весьма поэтому возможно, что въ первое время считали себя обязанными платить архіереямъ за этотъ трудъ сами князья. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что пошлина явилась или была введена архіереями немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ явились добровольные искатели священства, что̀, какъ говорили мы выше, должно было случиться не слишкомъ продолжительное время спустя послѣ перваго появленія священства. Мы уже говорили выше, что съ пошлиной этой какъ въ Греціи, такъ и у насъ, архіереи позволяли себѣ злоупотребленіе, произвольно возвышая ее противъ узаконеннаго. У насъ въ частности несомнѣнно это было такъ уже и въ періодъ до-монгольскій [2]).

Временную пошлину съ мірянъ епархій, относительно существованія которой въ Греціи въ нашъ періодъ до-монгольскій мы имѣемъ свѣдѣнія, составляла плата за благословеніе браковъ или наша позднѣйшая вѣнечная пошлина, пошлина за вѣнечныя знамена. Неизвѣстно когда явившись, пошлина эта была утверждена правительственно импер. Кон-

[1]) Новелла Исаака Комнина, — не въ полномъ видѣ у Ралли и П. I, 75, въ полномъ у Цахаріе въ Ius Graeco-Romanum III, 322, подтвержденная Алексѣемъ Комнинымъ, — у Ралли и П. V, 28, у Цахаріе ibid. III, 365.

[2]) Свидѣтельство въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г.

стантиномъ Мономахомъ (1042—1054), указъ котораго о ней повторенъ потомъ Алексѣемъ Комнинымъ. По указу Мономаха, повторенному Комнинымъ [1]), каждый мужчина, вступавшій въ бракъ, долженъ былъ платить своему областному епископу одну золотую монету или иперпиръ, слѣдовательно около 5 рублей, а каждая женщина, выходившая замужъ, приносить полотно въ 12 локтей. Весьма вѣроятно, что наши архіереи начали требовать этой пошлины при первой возможности, но съ другой стороны столько же вѣроятно, что они дѣйствительно начали получать ее весьма не скоро, ибо и въ позднѣйшее время пошлина эта, собиравшаяся чрезъ священниковъ, постоянно взносилась туго и неисправно, съ одной стороны будучи не платима мірянами, а съ другой утаиваема священниками. Во всякомъ случаѣ въ этотъ періодъ она не могла быть значительною, потому что въ продолженіе всего періода, какъ скажемъ ниже, многіе русскіе люди чуждались церковнаго вѣнчанія браковъ, довольствуясь ихъ заключеніемъ по-язычески или по-граждански.

Кромѣ сейчасъ указанныхъ податей и пошлинъ съ низшаго духовенства и съ мірянъ епархій въ позднѣйшее время является у насъ немалое количество новыхъ податей и пошлинъ съ тѣхъ и другихъ и къ тѣмъ и другимъ съ приходскихъ церквей, именно съ духовенства: подъѣздъ съ благословенною куницею или плата и пошлина архіереямъ за то, что они ежегодно должны были бы объѣзжать епархіи и при этомъ ежегодно благословлять или подтверждать каждаго священника на его приходѣ, чего на самомъ дѣлѣ не дѣлали [2]); сборное или соборная куница — ежегодный даръ, превращенный въ опредѣленную дань, священниковъ епископамъ при ихъ — священниковъ, дѣйствительномъ или воображаемомъ пріѣздѣ на такъ называемые «сборы» къ послѣднимъ, о которыхъ мы говорили выше; Рождественское и Петровское — ежегодные дары, такъ же превращенные въ опредѣленныя дани, священниковъ епископамъ въ праздники Рождества Христова и Апостоловъ Петра и Павла (и чуть ли не таковое же еще праздничное или пасхальное); пошлины съ грамотъ перехожихъ, отпускныхъ (о которыхъ выше), епитрахильныхъ и орарныхъ (вдовымъ священникамъ и діаконамъ, о которыхъ ниже); съ мірянъ: полюдная пшеница, — осенній сборъ хлѣба, соотвѣтствовавшій княжескому «осеннему полюдію даровному» [3]) (и какъ кажется еще и другіе сборы, о чемъ обстоятельнѣе послѣ); похоронная пошлина за дозволеніе хоронить скоропостижно умершихъ; почеревная

---

1) Новелла послѣдняго у Ралли и П. V, 280, у Цахаріе въ Ius Graeco-Romanum, III, 365.

2) Благословенная куница сначала платилась при самомъ посвященіи, а потомъ ежегодно и послѣ.

3) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 2.

пошлина—штрафъ съ женщинъ, родившихъ отъ блуда и прелюбодѣянія; съ церквей: пошлина за антиминсы и плата за освященіе. Изъ этихъ даней и пошлинъ пошлины епитрахильная и орарная должны быть относимы къ позднѣйшему времени, ибо самая практика, по отношенію къ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, изъ которой онѣ вышли, есть уже послѣ-монгольская [1]). Относительно сборнаго имѣемъ указаніе ближайшаго къ періоду до-монгольскаго времени, заставляющее возводить его начало къ сему періоду, именно въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. читаемъ: «егда божестьвныя съборы собирая (—ютъ епископы), тогда нѣкако сбираніе сбираютъ отъ властель церковныхъ»). О почеревной пошлинѣ говоритъ уставъ Ярославовъ, чѣмъ дается нѣкоторое основаніе также возводить ее еще къ періоду до-монгольскому. О другихъ даняхъ и пошлинахъ ничего не можемъ сказать положительнаго; но въ области предположеній склоняемся болѣе на то мнѣніе, чтобы возводить ихъ уже къ древнему времени, а не считать нововведеніями времени позднѣйшаго (Приношеніе священниками епископамъ даровъ въ праздники, конечно, всякій приметъ за русскій обычай, перешедшій въ область церковную изъ области гражданской. Однако имѣемъ указанія, что онъ происхожденія греческаго (какъ можетъ быть и самый обычай гражданскій); Аѳанасій К. Ипсиланти въ исторіи Грековъ послѣ взятія Константинополя Турками, изданной въ Константинополѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: Ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν τῶν εἰς δώδεκα βίβλιον η' θ' καὶ ι' ἤτοι τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν пишетъ (стр. 399): «священники Константинополя, Галаты и церквей по проливу Босфорскому были обязаны по древнему обычаю приносить патріаху (Константинопольскому) каждый: въ заговѣнье (передъ масляницей) по 20 курицъ, о масляницѣ — каймакъ (турецкое изготовленіе изъ молока, — нѣчто среднее между творогомъ и сливками), въ праздникъ Благовѣщенія и Вербное воскресенье большихъ рыбъ (въ подл.: ἰχθύας τῶν μεγάλων, что̀ или опечатка, или — рыбъ изъ породы большихъ) въ Пасху — яица и барашковъ». Можно подозрѣвать, что и полюдная пшеница, хотя ея имя и русское, и вообще другіе сборы съ мірянъ кромѣ каноникона (если таковые кромѣ полюдной пшеницы были) также происхожденія не русскаго, и что сборъ, названный полюдной пшеницей, только былъ поставленъ въ аналогію съ полюдьемъ княжескимъ; одинъ позднѣйшій греческій образецъ ставильной грамоты

---

[1]) Въ позднѣйшее время вдовымъ священникамъ и діаконамъ запрещалось священствовать и діаконствовать, но если они обѣщались въ чистотѣ пребывать, то должны были исправлять при церквахъ обязанности дьячковъ, стоя на клиросахъ и получая отъ священниковъ, ихъ заступившихъ, четвертую часть доходовъ. При этомъ имъ дозволялось: священникамъ употребленіе епитрахили, діаконамъ (стихаря и) ораря, за что и пошлина, cfr Стогл. соб. гл. 81.

митрополиту усвояетъ ему подати съ міранъ, кромѣ каноникона, который называемъ именемъ ζητίαι: τῶν καρπῶν τὰς δεκάτας, τὰς εὐλογίας τῶν οἴκων, τὰς ἀπαρχὰς τῶν καρπῶν ἁπάντων, — десятины плодовъ, благословенія домовъ, начатки всякихъ плодовъ (у Ралли и П. V, 554). Въ Сербіи передъ княжествомъ епископы взимали съ міранъ епархій двѣ подати: канониконъ, по-сербски называвшійся дымницей, и другую, неизвѣстно какъ называвшуюся по-гречески и по-сербски, а по-турецки — миріей, см. книжку В. Караджича: Милош Обренович князь Сербіи, у Будиму, 1828, стр. 194).

О недвижимыхъ имѣніяхъ епископовъ или епископій свѣдѣнія наши за періодъ до-монгольскій въ высшей степени скудны. Такъ называемыя недвижимыя имѣнія первоначально возникли посредствомъ того, что человѣкъ богатый занималъ землю никому не принадлежащую и совершенно цѣльную, что онъ раздѣлывалъ и распахивалъ ее и затѣмъ или устроялъ на ней собственную усадьбу для веденія собственнаго хозяйства посредствомъ своихъ рабовъ, что въ древности обозначалось словомъ «село», или участками сдавалъ ее въ аренду хлѣбопашцамъ (крестьянамъ), которыхъ называлъ къ себѣ [1]) и совокупность которыхъ начала представлять позднѣйшія населенныя вотчины. Оба вида этихъ недвижимыхъ имѣній епископы могли пріобрѣтать троякимъ образомъ — посредствомъ полученія въ даръ, посредствомъ покупки и посредствомъ собственнаго ихъ заведенія. Такъ какъ въ древнее время или въ до-монгольскій періодъ недвижимыя имѣнія были вовсе не такъ многочисленны, какъ они стали впослѣдствіи, то необходимо думать, что въ то время вовсе не было и такой охоты жертвовать ими церкви, какую мы послѣ видимъ на Москвѣ. Это предположеніе подтверждается и положительными свидѣтельствами. Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, основывая Смоленскую епископію, что̀ было уже далеко не въ началѣ существованія церкви, а спустя полтора столѣтія отъ него въ половинѣ XII вѣка, надѣлилъ епископію имѣніями, хотя и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его полномъ усердіи къ ней, далеко не изобильно, — далъ два села или усадьбы (фермы), участокъ пахатной земли, нѣсколько сѣнныхъ покосовъ и озеръ, и только. Лѣтописи упоминаютъ подъ 1123 г. о городѣ ми-

1) При избыткѣ въ древнее время свободныхъ земель, которыя посредствомъ разработки всѣмъ можно было пріобрѣтать въ собственность, многіе хлѣбопашцы предпочитали идти въ арендаторы на земли къ богатымъ людямъ потому, что послѣдніе — во-первыхъ, доставляли имъ защиту отъ всякихъ притѣсненій и притѣснителей среди тогдашняго безправія (становились ихъ патронами), во-вторыхъ, — что они ссужали ихъ деньгами, которыя имъ до нѣкоторой степени нужны были для заведенія и веденія хозяйства и которыя въ древнее время бѣднымъ людямъ доставать было такъ трудно, что за нихъ шли въ кабалу (во временные или вѣчные рабы).

трополичьемъ, а подъ 1169 о городѣ Богородицы Десятинной, и за тѣмъ свидѣтельствуютъ, что Андрей Боголюбскій надѣлилъ свою Владимирскую Богородицу Златоверхую свободами или слободами купленными и селами лѣпшими. Но весьма вѣроятно, что митрополія съ Десятинною церковью и Владимирская Богородица Боголюбскаго представляли собою исключенія: великимъ князьямъ естественно было имѣть желаніе поставить митрополитовъ и знаменитую церковь крестителя Руси въ отношеніи къ обезпеченности въ исключительное положеніе, причемъ подъ городами не должно непремѣнно разумѣть населенныя мѣста съ десятками тысячъ жителей, а селенія, защищенныя городьбами отъ набѣговъ Половецкихъ, хотя бы и съ весьма небольшимъ числомъ послѣднихъ; стремленіе же Боголюбскаго поставить свою церковь въ исключительное положеніе (какъ была исключеніемъ и она сама по своему великолѣпію) не подлежитъ сомнѣнію. При малочисленности недвижимыхъ имѣній, когда всякій старался еще только заводить ихъ, вовсе не могло быть охотниковъ и ихъ продавать. Такимъ образомъ, слѣдуетъ полагать, что путемъ полученія въ даръ и путемъ покупки епископы могли пріобрѣсти въ до-монгольскій періодъ только самое ограниченное количество недвижимыхъ имѣній. Оставался путь собственнаго заведенія или устроенія такихъ имѣній. Мы полагаемъ, что здѣсь нужно различать усадьбы или села съ собственными хозяйствами и имѣнія, населенныя крестьянами, и что о тѣхъ и другихъ нужно думать совсѣмъ различно. Заниматься называніемъ на свои земли крестьянъ есть дѣло совсѣмъ не свойственное епископамъ, ибо должно было соединяться съ дрязгами нисколько не идущими къ епископскому сану. Правда, въ послѣдствіи на Москвѣ епископы занимались этимъ дѣломъ такъ же усердно, какъ и свѣтскіе землевладѣльцы; но ко всякому не идущему занятію человѣкъ привыкаетъ не вдругъ, а только постепенно, и мы на семъ основаніи думаемъ, что въ періодъ до-монгольскій епископы этимъ дѣломъ еще не занимались. Что касается до усадебъ или селъ съ собственными хозяйственными заведеніями, то мы полагаемъ, что о нихъ должно думать наоборотъ. Каждому богатому человѣку естественно было стремиться къ тому, чтобы заводить и имѣть такія усадьбы или что тоже свои собственныя хозяйства; весьма вѣроятно поэтому, что и епископы наравнѣ съ другими стремились къ тому же и что такимъ образомъ каждая епископія имѣла ихъ большее или меньшее число. Не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній и указаній, но съ большею вѣроятностію можемъ предполагать, что впервые далъ или завелъ такія села, по крайней мѣрѣ — по одному такому селу, всѣмъ епископіямъ самъ св. Владимиръ. Соборъ Владимирскій 1274 г., давая знать, что епископіи имѣли эти села или усадьбы съ собственными хозяйственными заведеніями, въ то же время указываетъ и на злоупотребленіе, которое епископы позволяли себѣ при обработкѣ своихъ земель, — именно: что они сгоняли

на барщинныя къ себѣ работы нищихъ, жившихъ при церквахъ и бывшихъ посему, какъ мы говорили выше, имъ подсудными. Епископы, какъ мы тоже говорили выше, были въ древнее время наибольшею частію изъ людей богатыхъ. Можно со всею вѣроятностію думать, что они не только заводили села епископіямъ на доходы этихъ послѣднихъ или такъ сказать на казенныя ихъ средства, но что они — во-первыхъ, прилагали къ нимъ свои собственныя села, которыми владѣли въ міру, во-вторыхъ,— что и новыя села заводили также и на свои собственныя, принесенныя и получавшіяся въ міру, деньги. Если землевладѣніе епископовъ въ древнее или до-монгольское время состояло главнымъ образомъ въ томъ, что они имѣли усадьбы, села или мызы для веденія собственныхъ хозяйствъ, то всякій пойметъ, что въ то время этотъ источникъ доходовъ еще вовсе не принадлежалъ къ числу такихъ, гдѣ бы было одно простое полученіе денегъ и болѣе ничего; это еще не были позднѣйшія населенныя вотчины, получавшіяся въ даръ, гдѣ тотчасъ послѣ полученія являлось собираніе оброковъ съ крестьянъ, но были просто собственныя хозяйства, гдѣ прибыль, нисколько не даваясь даромъ, условливалась количествомъ затраченныхъ труда и капитала [1]).

---

[1]) Наши свѣдѣнія о недвижимыхъ имѣніяхъ епископскихъ каѳедръ въ періодъ до монгольскій, будучи весьма немногочисленны и касаясь трехъ каѳедръ — митрополичьей, Смоленской и (Ростовско-) Владимирской, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1123 г. упоминается принадлежавшій митрополиту городъ Синелицъ (II, 56: «того же лѣта пресвященный Никита митрополитъ Кіевскій и всея Русіи въ своемъ градѣ Синелицѣ затвори въ темницѣ злаго еритика Дмитра»). По Карамзину II, прим. 225, Синельцъ—Синецъ на Сулѣ, которая течетъ въ Полтавской губерніи, вѣроятно одно и тоже съ городомъ Книги Большему Чертежу Синчей (на нынѣшнихъ картахъ село Сенча), находившимся между Снятиномъ и Лохвицей, стр. 95. Если вѣрно опредѣленіе мѣстности города Синелица, то нужно будетъ думать, что онъ сталъ имѣніемъ митрополичьей каѳедры, пока послѣдняя находилась еще въ Переяславлѣ Полтавскомъ, т. е. до второй половины княженія Ярослава, см. выше). Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій далъ Смоленской епископіи: село Дросенское со изгои и съ землею, село Ясенское съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, землю въ Погоновичохъ Моншинскую, озера Никоморская и съ сѣножатями и уѣздъ княжь, на Сверковыхъ лугахъ сѣножати и уѣздъ княжь, озеро Колодарское, въ Смоленскѣ на горѣ огородъ съ капустникомъ (т. е. съ огородникомъ — капустникомъ) и съ женою и съ дѣтьми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтьми (sic — тетеревникъ, вѣроятно садокъ тетеревиный, а далѣе пропускъ имени или названія лица, которое имъ завѣдывало и которому принадлежала жена); затѣмъ онъ взялъ еще у епископовъ Переяславскихъ, къ епархіи которыхъ принадлежала область Смоленская до открытія собственной епископіи, и отдалъ епископамъ Смоленскимъ одно имѣніе, которое дано было епископамъ Переяславскимъ его дѣдомъ Владимиромъ Мономахомъ и которое находилось въ области Смоленской, именно — не знаемъ, городъ или село — Холмъ (въ настоящее время село Бѣльскаго уѣзда между городами Бѣлой и Сы-

Наконецъ, статью доходовъ и одно изъ средствъ содержанія епископовъ составляли судебныя пошлины и штрафы какъ съ духовенства по всѣмъ дѣламъ и преступленіямъ не духовнымъ и не должностнымъ, поелику духовенство было отдано въ ихъ полную подсудность (за исключеніемъ преступленій уголовныхъ самыхъ тяжкихъ, которыя наказывались не денежными штрафами), такъ и съ мірянъ по тѣмъ дѣламъ гражданскимъ и преступленіямъ уголовнымъ, въ которыхъ они были отданы или стали подсудными суду епископовъ. Объ этихъ пошлинахъ и штрафахъ мы говорили выше.

Особый отъ епископовъ и лишній противъ нихъ доходъ митрополитовъ составляла плата, взимавшаяся послѣдними съ поставляемыхъ епископовъ[1]). Объ ея извѣстныхъ размѣрахъ въ Греціи и объ ея предполагаемыхъ размѣрахъ у насъ мы также говорили выше.

У Грековъ въ позднѣйшее время патріархъ Константинопольскій имѣлъ особый доходъ, состоявшій въ томъ, что чрезъ три года на четвертый на него собираема была подать съ мірянъ всего патріархата, что называлось βοήθεια[2]). Эти черезъ три года на четвертый всякому

чевкою), Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 4. Объ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская подъ 1158 г. говорятъ, что онъ далъ Владимірской церкви Успенія Богородицы (которая до открытія собственной епархіи Владимірской была уѣздною каѳедральною церковію епископовъ Ростовскихъ) «свободы купленыя и съ даньми и села лѣпшая», и за тѣмъ первая изъ лѣтописей въ своемъ дальнѣйшемъ разсказѣ говоритъ о городахъ, данныхъ имъ церкви (подъ 1176 г.: послѣ смерти Андрея были отъяты отъ церкви и опять возвращены ей «городы ея», которые онъ далъ ей), причемъ по всей вѣроятности подъ городами должно разумѣть не особое отъ предшествующаго, а одно и тоже съ нимъ. За симъ относительно недвижимыхъ имѣній Владимірской каѳедры приводятъ слова Симона, епископа Владимірскаго, который пишетъ Поликарпу въ Патерикѣ: «Кто не вѣсть мене грѣшнаго Симона и сея соборныя церкви красоты Владимірскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ: колико имѣета градовъ и селъ»... но разумѣетъ ли Симонъ въ приведенныхъ словахъ многіе города и села, принадлежащія его каѳедрѣ (собственно каѳедрамъ Владимірской и Суздальской) какъ собственность или онъ разумѣетъ многіе города и села, изъ которыхъ состояла его обширная епархія, ясно не видно и скорѣе по контексту рѣчи должно разумѣть послѣднее, чѣмъ первое. Подъ 1239 г. въ Лаврентьевской лѣтописи называется градомъ святыя Богородицы (Владимірской) городъ Гороховецъ, находящійся во Владимірской губерніи, на рѣкѣ Клязьмѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Оку.

[1]) Въ позднѣйшее время называлась у Грековъ, какъ мы сказали выше, φιλότιμον.

[2]) Христофора Ангела Enchiridium de statu hodienorum Graecorum, cura G. Fehlavii, p. 517. Въ позднѣйшее передъ нами время ее собирали и епископы, у которыхъ она состояла въ томъ, что или черезъ два года на третій или черезъ три на четвертый обыкновенную подать съ епархій они собирали въ удвоенномъ количествѣ (если не всѣ, то многіе епископы собирали вонтію или подать въ двойномъ количествѣ и въ первый годъ по вступленіи на паству).

немного знакомому съ Русской церковной исторіей, конечно, напоминають такъ называемый мѣсячный судъ черезъ три года на четвертый митрополита Московскаго въ Новгородѣ и подъѣзды Новгородскихъ владыкъ черезъ тѣ же три года на четвертый въ Псковѣ. Затѣмъ мы имѣемъ свидѣтельства, что Московскіе митрополиты наши собирали дани или подати не только съ своей собственной епархіи, но и со всей митрополіи; такое свидѣтельство дастъ намъ исторія поставленія въ митрополиты св. Алексѣя: находясь въ Константинополѣ для сего поставленія и имѣя нужду въ деньгахъ для борьбы тамъ съ явившимися соперниками, Алексѣй присылалъ въ Россію къ епископамъ, чтобы на него собрана была дань со всей митрополіи [1]). На основаніи всего сейчасъ сказаннаго есть вся вѣроятность предполагать, что позднѣйшіе Московскіе митрополиты наши не по подобію митрополитовъ Греческихъ, а по подобію патріарха Константинопольскаго, имѣли особый видъ дохода, состоявшій въ томъ, что на нихъ черезъ три года на четвертый была собираема подать со всей митрополіи. Не имѣемъ никакихъ положительныхъ основаній, но не безъ вѣроятности можемъ предполагать, что у Грековъ этотъ спеціальный доходъ патріарховъ Константинопольскихъ, а у насъ митрополитовъ, восходитъ еще ко временамъ до-монгольскимъ [2]).

Какъ епископы дѣлили доходы каѳедръ съ соборными клириками или клирошанами, за древнѣйшее время не имѣемъ свѣдѣній. Въ позднѣйшее время было не такъ, чтобы изъ всей суммы получавшихся доходовъ епископы брали на свой пай извѣстную долю, а такъ, что самыя статьи доходовъ были раздѣлены между епископами и клирошанами и что одни знали свое, другіе свое (самыя вотчины раздѣлены были на двѣ половины, изъ которыхъ съ одной получалъ доходы архіерей, съ другой клирошане или соборяне). Такъ какъ исторія соборныхъ клирошанъ есть та, что съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе утрачивали свое административное значеніе, то весьма возможно, что и исторія ихъ доходовъ была исторіей постепеннаго сокращенія этихъ послѣднихъ. Въ позднѣйшее время мы находимъ указанія, которыя заставляютъ это подозрѣвать.

Подобно епископамъ съ соборными клириками или клирошанами, первоначально не могло быть предоставлено самому себѣ, а имѣло быть обезпечено правительствомъ и все низшее или приходское духовенство.

---

1) Никоновск. лѣт. III, 204.

2) Въ позднѣйшее время у Грековъ явился ежегодный оброкъ митрополитовъ и архіепископовъ патріарху Константинопольскому (Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича I, 126, соборное дѣяніе 1324 г., а за тѣмъ и ежегодный оброкъ епископовъ митрополитамъ, — Христофоръ Ангелъ въ Ἐγχειρίδιον'ѣ ed. Fehlavii, p. 840 sqq): полагаемъ, что къ нашей воитіи (съ мірянъ епархій) онъ не имѣетъ отношенія.

Мы такъ привыкли представлять себѣ это послѣднее духовенство птицей Божіей, не имѣющею никакого опредѣленнаго содержанія и живущею единственно подаяніями прихожанъ, что мысль о правительственномъ обезпеченіи не приходитъ въ голову сама собой. Однако въ первое время это необходимо долженствовало быть такъ. Народъ въ первое время послѣ своего принудительнаго обращенія въ христіанство, конечно, не имѣлъ ни малѣйшей охоты содержать поставленныхъ ему пастырей ни добровольными приношеніями, ни платами за требы, которыхъ первоначально не искалъ, а отъ которыхъ бѣжалъ. Слѣдовательно, приходскіе священники въ первое время должны были оставаться или безъ всякихъ средствъ содержанія или имѣли быть обезпечены въ своемъ содержаніи правительственнымъ образомъ. Но въ первомъ случаѣ никто бы не пошелъ во священники или же люди силою навербованные не стали бы исполнять обязанностей и смотрѣли бы на это священство, какъ на ненавистную барщину. А такимъ образомъ правительственное обезпеченіе низшаго духовенства въ первое время предполагается какъ нѣчто совершенно необходимое и нѣчто такое, безъ чего дѣло не мыслимо. Лѣтопись, ничего не говоря о Владимирѣ, говоритъ только объ Ярославѣ, что онъ, ины церкви къ прежде существовавшимъ ставя по градомъ и по мѣстомъ или по селамъ и поставляя къ нимъ священниковъ, давалъ послѣднимъ «отъ имѣнья своего урокъ» [1]): но что должно быть предполагаемо необходимо, то, конечно, должно быть предполагаемо и несмотря на молчаніе лѣтописи.

Если лѣтопись не говоритъ намъ о томъ, что низшее духовенство при своемъ первомъ появленіи было обезпечено правительствомъ, то, конечно, нѣтъ въ ней свѣдѣній и о томъ, какъ оно было обезпечено. Непрямой или ненарочный отвѣтъ на нашъ вопросъ лѣтопись даетъ въ привиденныхъ выше словахъ объ Ярославѣ. Ярославъ обезпечивалъ священниковъ вновь открываемыхъ имъ приходовъ, нѣтъ сомнѣнія, такимъ же образомъ, какимъ обезпечивалъ ихъ и какимъ вообще положилъ или узаконилъ ихъ обезпечивать Владимиръ. Слѣдовательно, это обезпеченіе состояло въ урокахъ отъ имѣнія княжаго, иначе сказать — въ княжьемъ жалованьи или въ княжьей ругѣ. Какъ велико было жалованье, по всей вѣроятности для — всѣхъ священниковъ единообразное или по крайней мѣрѣ раздѣлявшееся не болѣе, какъ на двѣ категоріи и единообразное для священниковъ сельскихъ и городскихъ (за исключеніемъ, можетъ быть, соборовъ въ городахъ, о чемъ сейчасъ ниже), мы не знаемъ. Преп. Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба говоритъ о церкви этихъ свв. мучениковъ, построенной Ярославомъ въ Вышгородѣ, что «христолюбецъ (князь) повелѣ властелину града того (Вышгорода) даяти

---

1) Подъ 1037 г.

отъ даній (города) церкви святою (мученику) десятую часть». Можно было бы подумать на основаніи этого свидѣтельства (какъ и намъ было подумалось), что на содержаніе приходскаго духовенства отдѣлена и опредѣлена была десятая часть мѣстныхъ доходовъ съ городовъ и волостей (за отдѣленіемъ изъ нихъ десятой части въ пользу епископовъ или иначе десятая часть изъ девяти десятыхъ, что будетъ 9 копѣекъ изъ рубля). Но въ Вышгородѣ до построенія церкви Бориса и Глѣба были уже другія церкви или, по крайней мѣрѣ, одна другая церковь (св. Василія, при которой находились мощи Бориса и Глѣба до построенія собственной); слѣдовательно на долю церкви Бориса и Глѣба, если бы на содержаніе приходскаго духовенства опредѣлена была десятина мѣстныхъ доходовъ, должна была бы приходиться не вся она, а только то или другое количество долей изъ нея (смотря по числу духовенства прежде бывшаго и къ ней опредѣленнаго). На основаніи приведеннаго свидѣтельства можно сдѣлать только съ нѣкоторою вѣроятностію предположеніе, что на содержаніе соборныхъ или главныхъ церквей въ городахъ, въ которыхъ имѣла совершаться ежедневная служба, каковою назначилъ быть Ярославъ церкви Бориса и Глѣба, была назначена десятая часть или десятина изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ. Что руга вообще выдавалась изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ и волостей, это необходимо предполагать, ибо въ древнее время не было нынѣшняго сосредоточенія казенныхъ доходовъ въ одномъ государственномъ казначействѣ и потомъ новой ихъ повсюду разсылки. Что она на извѣстную долю была денежная и на извѣстную долю состояла изъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ натурою, это также должно думать судя по послѣдующему времени.

Спустя то или другое время послѣ крещенія Русскіе начали превращаться изъ христіанъ по имени въ христіанъ дѣйствительныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ должно было явиться сознаніе неудобства слишкомъ большихъ приходовъ, открытыхъ правительствомъ, и желаніе открывать приходы новые, меньшіе, и такимъ образомъ долженъ былъ пойдти рядъ приходовъ, которые стали быть открываемы самими прихожанами. Священникамъ этихъ новыхъ, неправительственныхъ и такъ-сказать добровольныхъ приходовъ перестала быть выдаваема казенная руга и ихъ содержаніе было предоставлено исключительно самимъ прихожанамъ. Составляетъ вопросъ, къ отвѣту на который мы не имѣемъ никакихъ указаній: послѣ того какъ Русскіе, превратившись изъ христіанъ по имени въ христіанъ дѣйствительныхъ, возъимѣли усердіе къ вѣрѣ и церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоту платить священникамъ за требы и вообще давать имъ посильную «милостыню» на содержаніе, прекратило или не прекратило правительство выдачу своей руги приходамъ первоначальнымъ, имъ самимъ открытымъ? Представляется вѣроятнѣйшимъ

думать, что не прекратило и что такимъ образомъ съ появленіемъ втораго ряда приходовъ стало два ихъ класса или два разряда: приходы, которые получали ругу отъ правительства и содержаніе отъ прихожанъ, и приходы, которые получали только одно второе.

Въ Греціи въ позднѣйшее время, какъ мы сказали выше, средства содержанія приходскаго духовенства состояли: въ добровольныхъ приношеніяхъ прихожанъ, въ сборахъ съ нихъ самого духовенства, во взиманіяхъ платъ за требы и частныя службы и отчасти въ доходахъ съ недвижимыхъ имѣній. Какъ было въ Греціи, такъ имѣло быть и стало и у насъ.

Добровольныя приношенія, въ первенствующей церкви составлявшія все и бывшія настолько изобильными, что ими содержались не одни служители алтаря, но и бѣдные, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе оскудѣвали и наконецъ превратились въ то, что мы видимъ въ настоящее время, — въ подачу просфоръ на проскомидіи (при чемъ самыя просфоры, которыя представляютъ собою древнія приношенія и которыхъ названіе значитъ именно приношеніе [1]), не оставляются священникамъ). Въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, эти приношенія несомнѣнно уже были у нихъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ они были въ древнее время [2]); съ другой стороны весьма вѣроятно, что они были еще и не совсѣмъ тѣмъ, что̀ суть въ настоящее время: какую они занимали середину, это, къ сожалѣнію, остается совершенно неизвѣстнымъ. Грекъ первой четверти XVII вѣка Христофоръ Ангелъ въ своемъ описаніи современнаго церковнаго быта своихъ соотечественниковъ говоритъ между прочимъ о нашихъ приношеніяхъ, какъ о доходѣ священниковъ: «Греки имѣютъ тридцать шесть праздниковъ въ году, двѣнадцать называются Господскими, остальные 24 — Предтечи, святыхъ апостоловъ и великихъ мучениковъ: во всѣ эти праздники и въ каждое воскресенье священникъ долженъ служить литургію и каждый домъ (прихода) даетъ священнику два денарія, и передъ началомъ литургіи онъ молится отдѣльно о каждомъ изъ дающихъ ему деньги» [3]) (т. е. поминаетъ на проскомидіи). Если справедливо увѣреніе Христоф. Ангела, что у Грековъ даже въ началѣ XVII в. считалось обязательнымъ, чтобы въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ отъ всѣхъ домовъ прихода была дѣлаема из-

---

1) Προσφορὰ отъ προσφέρω приношу.

2) Уже во времена Юстиніана епископы и священники должны были прибѣгать къ рѣшительному средству церковнаго отлученія, чтобы побуждать мірянъ къ «плодоношенію», Cod. Lib. 1, tit. III, c. 39.

3) Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σήμερον Ἑλλήνων, — Enchiridium de statu hodiernorum Graecorum: opera Christoph. Angeli Graeci, cura Fehlavii, Lipsiae, 1671, p. 846.

вѣстная опредѣленная подача священнику на проскомидію [1]); то можно, кажется, съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что такъ было у насъ по крайней мѣрѣ въ древнее время. Но если мы предположимъ это, то добровольныя приношенія періода до-монгольскаго будутъ не нынѣшними случайными грошами, а доходомъ опредѣленнымъ и сравнительно довольно значительнымъ. Впрочемъ, у насъ будетъ нѣкоторая вѣроятность предполагать это только о городахъ, но не о селахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, у насъ называются канунами — «накануне такого-то праздника». Названіе канунъ производятъ отъ каноновъ, извѣстнаго пѣсеннаго послѣдованія, которое поется на утреняхъ. Но каноны поются не только въ праздники, но и во всякіе другіе дни и не составляютъ отличія праздниковъ отъ другихъ дней. Названіе канунъ происходитъ не отъ каноновъ, а есть Греческое κανοῦν. Греческое κανοῦν, сокращенное изъ κανεον, собственно значитъ корзину, сплетенную изъ тростника (κάνη), а переносно значитъ даръ, подарокъ, приношеніе, и именно по первоначальному употребленію — даръ изъ брашнъ, фруктовъ и овощей, такъ какъ эти дары приносились или посылались въ корзинахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, получили у насъ названіе кануновъ отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вслѣдъ за Греціей, обычай приносить на вечерни въ эти дни вмѣстѣ съ кутьею въ честь праздниковъ или святыхъ брашна и овощи въ даръ священникамъ (которые пѣли надъ ними заздравный молебенъ, называвшійся также канунομъ) [2]). Если бы относительно этихъ приношеній брашнами и овощами или съѣстными припасами сдѣлать за древнее время то же предположеніе, что относительно подачъ на проскомидіи денежныхъ, т. е. что онѣ считались болѣе или менѣе для всѣхъ обязательными, то опять мы получили бы въ нихъ настоящую статью доходовъ, хотя впрочемъ опять только для городовъ, но не для селъ.

Относительно происхожденія сборовъ самихъ священниковъ съ прихожанъ или такъ-называемыхъ у насъ «славъ» нужно думать такимъ образомъ, что когда вѣрующіе ослабѣли въ своей ревности къ добровольнымъ приношеніямъ, то священники сами начали производить съ нихъ сборы. Въ Греціи эти сборы производились и до настоящаго времени производятся ежемѣсячно по той, вѣроятно, причинѣ, что въ древнее время,

---

[1]) А справедливость его увѣренія подтверждается тѣмъ, что мы выше сказали о доходѣ архіереевъ у позднѣйшихъ Грековъ προθέσεις (если только мы правильно толкуемъ эти προθέσεις).

[2]) О приношеніи кануновъ у Грековъ см. Вальсамона въ толков. на 4 апост. правило, гдѣ вмѣсто κανοῦν онъ употребляетъ уменьшительное κανίσκιον. О приношеніи ихъ у насъ см. Кирика Новгор., у Калайд. стр. 180, — говорится, что у Грековъ кануны приносятся не на вечерни, какъ у насъ, а на заутреню, cfr Стогл. гл. 5, вопр. 36 (кутья и канунъ).

какъ мы говорили выше, ежемѣсячно должны были производиться и ежемѣсячно дѣлились между клириками добровольныя приношенія; именно— въ первое число каждаго мѣсяца совершается въ церкви малое освященіе воды, съ которою священники и обходятъ домы прихожанъ, получая отъ нихъ подаянія. Весьма возможно, что и у насъ въ горадахъ сборы эти производились въ древнее время ежемѣсячно; но они никогда не могли производиться у насъ ежемѣсячно въ селахъ, потому что при обширности нашихъ сельскихъ приходовъ священники въ этомъ случаѣ должны бы были посвятить сборамъ всю свою дѣятельность [1]). Въ селахъ сборы производились въ древнее время, такъ же какъ и теперь, по три раза въ годъ — о Пасхѣ, о Рождествѣ и въ Петровки. О Пасхѣ и о Рождествѣ, конечно, потому, что это суть самые большіе праздники въ году; почему въ Петровки, не совсѣмъ понятно, но вѣроятно потому, чтобы собирать начатки отъ сыровъ (сметаны) и яицъ, которыя въ Петровъ постъ накапливаются [2]).

Плата за требы есть плата за трудъ. Но такъ какъ трудъ священниковъ есть тотъ особенный трудъ, о которомъ сказано: *туне пріясте, туне дадите имъ*, то въ первенствующее время не было особыхъ платъ за требы, а были общія приношенія на содержаніе священниковъ. Съ теченіемъ времени, когда вѣрующіе ослабѣли въ усердіи къ этимъ приношеніямъ, должна была явиться плата за требы, превращающая до нѣкоторой степени пастырей въ сдѣльныхъ работниковъ и продавцовъ того, что не должно бы быть продаваемо. Послѣ требъ, совершеніе которыхъ столько же составляетъ долгъ и обязанность священниковъ, какъ и совершеніе общественнаго богослуженія, такъ какъ онѣ столько же необходимы для каждаго отдѣльнаго лица, сколько послѣдніе для всѣхъ, и слѣдовательно составляютъ то, что вмѣстѣ съ общественнымъ богослуженіемъ священники непремѣнно принимаютъ на себя совершать (таинства и отпѣваніе покойниковъ), тѣмъ болѣе должна была явиться плата за частныя службы, которыя суть дѣло личнаго желанія и усердія. У насъ въ древнее время, также какъ и въ Греціи, не было никакихъ узаконенныхъ таксъ на плату за требы и частныя службы [3]) и ея размѣры были установлены (въ разныхъ мѣстахъ вѣроятно довольно разнообразно) обычаемъ и добровольнымъ соглашеніемъ или такъ-сказать компромиссомъ

---

[1]) Въ Греціи же почти каждое селеніе имѣетъ свою церковь и никогда приходъ не состоитъ болѣе какъ изъ трехъ селеній.

[2]) «Попы-міряне мірскимъ человѣкомъ молитвы даютъ на Въскресеніе (Пасху) и на Рождество и на Петровъ день», Волокол. ркп. Моск. Д. Акад. № 566 л. 7 об. нач. Самыя эти молитвы въ Новгородскомъ Софійскомъ служебникѣ XII—XIII в. (см. у преосв. Макарія Ист. т. 3, *перваго* изданія стр. 89) и такъ же въ Ново-іерусалимскомъ служебникѣ XIV в. (Извѣстій Акад. Н. VII, 265).

[3]) Cfr Вальсьмона 31 отвѣтъ Марку Алекс., у Ралли и П. IV, 471.

между желаніемъ поболѣе взять и между желаніемъ поменѣе дать. Что эти два желанія — поболѣе взять и поменѣе дать съ самаго древняго времени находятся у насъ въ той борьбѣ между собою, въ которой мы ихъ видимъ въ настоящее время, это необходимо предполагать: о борьбѣ говоритъ то безчисленное множество пословицъ на счетъ алчности священниковъ, которыя сложены народомъ и которыя свидѣтельствуютъ вовсе не объ одной этой алчности священниковъ, но вмѣстѣ и не особой тщивости по отношенію къ нимъ народа. Въ Вопрошаніи Кириковомъ епископъ Нифонтъ, вѣроятно, въ отвѣтъ на вопросъ Кирика, назначаетъ цѣну, которую должно брать за заупокойныя литургіи и которая, какъ нужно думать, болѣе или менѣе понижена противъ дѣйствительно бравшейся. Если бы полагать, что и вездѣ цѣна приблизительно была та же и еслибы заключать отъ нея къ цѣнѣ другихъ требъ, то выходило бы, что въ древнее время плата за требы была не особенно низкая; именно — Нифонтъ назначаетъ за заупокойную литургію шесть кунъ, не включая въ то число вина, ладона и свѣчей, которыя должны быть заказывающаго, что̀ на наши деньги будетъ 2 р. 40 к. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что по исключительному въ древнее время Новгороду, какъ исключительна въ настоящее время Москва, не должно дѣлать общихъ заключеній.

Частныя требы и службы, за которыя въ настоящее время взимается священниками плата, суть: совершеніе таинствъ, за исключеніемъ преподаянія причастія умирающимъ, пѣніе молебновъ и молебствій — во-первыхъ, личныхъ и домовыхъ, во-вторыхъ — общественныхъ или деревенскихъ, погребеніе покойниковъ и поминовеніе умершихъ. Такъ все это было, какъ должно думать, и въ періодъ до-монгольскій.

Если не вездѣ въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ намъ извѣстныхъ, священники въ настоящее время ничего не берутъ или по крайней мѣрѣ ничего не требуютъ за причащеніе больныхъ, хотя бы приходилось для этого ѣхать въ деревни за 20—30 верстъ. Должно думать, что подобное исключеніе въ отношеніи къ нашей требѣ идетъ съ древняго времени и что если оно теперь не есть, то въ древнее время было всеобщимъ и, какъ таковое, перешло къ намъ изъ Греціи. Причиной, почему эта треба составила исключеніе, было вѣроятно, во-первыхъ, то, что существуетъ нарочитое каноническое предписаніе — не требовать отъ причащающихся платы (Трулльск. соб. пр. 23), во-вторыхъ — что собственныя чувства возбранили священникамъ сдѣлать тѣло и кровь Христовы, напутствующія умирающаго, предметомъ продажи. Общественныя молебствія селъ и деревень, состоящія въ томъ, что села и деревни имѣютъ своихъ святыхъ (какъ бы своихъ частныхъ патроновъ), которымъ празднуютъ всенощными въ часовняхъ и крестными ходами вокругъ селеній, въ настоящее время называются мольбами (по крайней мѣрѣ въ

мѣстахъ намъ извѣстныхъ), а въ древнее и старое время назывались братчинами, потому что села и деревни устрояли у себя въ дни этихъ молебствій, составлявшихъ ихъ сельскія и деревенскія праздники, складчинные или братчинные общественные обѣды и пиры (своего рода пикники, то же что у Грековъ ксеніи, — о нихъ ниже). Поминовеніе усопшихъ пѣніемъ заупокойныхъ литургій въ древнее время было — въ селахъ и деревняхъ, по всей вѣроятности, такъ же мало обычно, какъ и въ настоящее время (или по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени), а въ городахъ напротивъ, какъ должно думать, столько же и даже болѣе обычно, чѣмъ теперь (о чемъ ниже). Но эта статья дохода, которая могла бы быть для городскихъ священниковъ очень важною, какова она есть нынѣ, составляла въ древнее время монополію монастырей и священниковъ только нѣкоторыхъ церквей. Въ древнее время, какъ мы говорили выше, еще не было обычая, чтобы литургія была служима въ приходскихъ церквахъ по буднямъ, въ которые она была пѣта только въ монастыряхъ и изъ мірскихъ церквей только въ такъ-называемыхъ соборныхъ: въ монастыряхъ и этихъ соборныхъ церквахъ и должны были заказываться заупокойныя литургіи [1]) (Въ позднѣйшее время и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было устроено такъ, что священники и приходскихъ церквей, составлявшихъ округу соборной церкви, пользовались доходами отъ поминовеній, именно — всѣ приходскіе священники округи отправляли въ соборной церкви череду ежедневной службы; но не видно, чтобы это было такъ уже и въ древнее время).

Недвижимыми имѣніями приходскія церкви или причты ихъ могли владѣть въ трояком видѣ, именно — церкви городскія и сельскія; подобно епископіямъ или епископскимъ каѳедрамъ, какъ усадьбами или селами и какъ имѣніями, отданными въ аренду крестьянамъ; церкви сельскія — какъ землями, которыя бы причты обработывали сами. Чтобы у приходскихъ церквей городскихъ или сельскихъ были находившіяся во владѣніи причтовъ усадьбы или села, иначе фермы съ собственными хозяйствами, это не представляется вѣроятнымъ. Священники были въ этомъ случаѣ совсѣмъ иное, чѣмъ епископы. Послѣдніе, какъ люди безсемейные, объединяли свои интересы съ интересами каѳедръ и смотрѣвъ на своихъ преемниковъ, какъ на своихъ наслѣдниковъ, имѣли побужденія заботиться о помянутыхъ усадьбахъ, какъ о своей настоящей собственности, хотя онѣ и находились только въ ихъ владѣніи. Напротивъ священники, люди

[1]) Плата за таинство исповѣди (у Кирика въ Вопрош. «дарокъ») также составляла доходъ не всѣхъ приходскихъ священниковъ, а только нѣкоторыхъ, ибо въ древнее время (какъ мы говорили и еще скажемъ) не каждый приходскій священникъ былъ eo ipso и духовникомъ, а нарочито поставлялись въ духовники только нѣкоторые изъ нихъ.

женатые, имѣвшіе наслѣдниковъ, которые не были ихъ наслѣдниками въ пользованіи усадьбами, не представляли собою людей способныхъ быть владѣтелями послѣднихъ, — они бы не поддерживали и не улучшали ихъ, а стремились бы къ тому, чтобы, казенное превращая въ собственное, какъ можно скорѣе расхитить въ нихъ то, что могло быть расхищено, т. е. чтобы какъ можно скорѣе оставлять отъ этихъ имѣній одну голую землю. Имѣніями, отданными въ аренду крестьянамъ, которые бы платили оброки, или такъ-называемыми населенными вотчинами, могли владѣть причты приходскихъ церквей городскихъ и сельскихъ, получая съ крестьянъ оброки. О дѣйствительномъ владѣніи представляется необходимымъ думать, что — во-первыхъ, владѣли ими церкви только весьма немногіе, во-вторыхъ, — что церкви исключительно городскія. Само собою ясно, что эти имѣнія, какъ и предшествующія, приходскія церкви могли пріобрѣтать только посредствомъ полученія въ даръ, а не посредствомъ собственнаго заведенія (ибо причты приходскихъ церквей представляли собою людей способныхъ только пользоваться, но не заводить). Но если въ періодъ до-монгольскій, по причинѣ немногочисленности этихъ имѣній, весьма мало дарили ихъ даже епископіямъ, то, конечно, тѣмъ менѣе могли дарить ихъ приходскимъ церквамъ. Сельскимъ приходскимъ церквамъ могли дарить ихъ только вотчинники земель, на которыхъ находились церкви — князья или бояре. Но чтобы тѣ и другіе имѣли охоту дѣлать это, когда могли обезпечивать причты церквей болѣе простымъ и удобнымъ для себя образомъ — посредствомъ дачи имъ руги или жалованья, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Священники сельскихъ приходскихъ церквей, находившихся на земляхъ частныхъ вотчинниковъ, были въ древнее время, какъ мы говорили выше, наибольшею частію изъ крѣпостныхъ людей вотчинниковъ — изъ ихъ холоповъ или дворовыхъ людей: о подобномъ духовенствѣ могли ли заботиться вотчинники, чтобы создавать ему имѣнія, которыя бы ставили его до нѣкоторой степени на одну ногу съ ними самими? Относительно городскихъ приходскихъ церквей возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ владѣли нашими недвижимыми имѣніями уже въ періодъ до-монгольскій, какъ владѣли ими послѣ, т. е. еще въ этотъ періодъ нѣкоторыя изъ сихъ церквей были надѣлены нашими имѣніями отъ своихъ ктиторовъ или отъ своихъ прихожанъ — вотчинниковъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо думать, что такія церкви представляли собою не болѣе, какъ только крайне немногочисленныя исключенія. Единственная приходская церковь періода до-монгольскаго, о нашихъ недвижимыхъ имѣніяхъ которой въ этотъ періодъ мы знаемъ положительнымъ образомъ, есть Кіевская Десятинная церковь Богородицы. Лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская (одна повторяя въ данномъ случаѣ другую) говорятъ, что въ половинѣ XII вѣка ей принадлежалъ одинъ городъ или городокъ и затѣмъ, выражаясь не

совсѣмъ опредѣленно, какъ будто даютъ знать, что вмѣстѣ съ городомъ принадлежала и окружная послѣдняго волость [1]). Если мы допустимъ даже послѣднее, если мы допустимъ даже, что Десятинная церковь владѣла не однимъ городомъ и не одной волостью, то отсюда не будетъ слѣдовать никакого заключенія по отношенію къ другимъ церквамъ. Десятинная церковь представляла собою рѣшительное исключеніе изъ всѣхъ приходскихъ церквей древней Руси. Со времени Ярослава переставъ быть каѳедральною церковію митрополитовъ, она все-таки осталась матерью церквей Русскихъ и великою церковію крестителя Руси. Какъ таковая, какъ церковь, представлявшая собою общую великую ктиторію не только великихъ князей, но и всѣхъ князей Русскихъ, она могла быть надѣлена недвижимыми имѣніями не менѣе и даже болѣе, чѣмъ епископіи [2]).

Землей для собственной обработки причты сельскихъ приходскихъ церквей могли владѣть, подразумѣвается, совершенно такъ, какъ въ настоящее время: земля — церковная, хозяйственное заведеніе и обработка — свои на подобіе крестьянъ. Было или не было надѣлено у насъ сельское приходское духовенство при своемъ первомъ появленіи пахатной землей отъ правительства, которое бы въ случаѣ надѣленія узаконило, что каждая сельская приходская церковь должна владѣть извѣстнымъ количествомъ помянутой земли, для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ данныхъ. По заключеніямъ отъ позднѣйшаго времени и по соображеніямъ апріорическимъ должно думать, что этого не было. Если бы при первоначальномъ устройствѣ быта сельскаго духовенства было у насъ постановлено надѣлять его въ извѣстномъ количествѣ пахатной землей, то этотъ законъ былъ бы долженъ остаться

---

[1]) Въ лѣтописяхъ Лаврентьевской и Ипатской при описаніи одного набѣга Половцевъ, который первою относится къ 1169 г., а второю къ 1172 г., упоминается Полоный или Полный, «святѣй Богородици градъ десятинный» т. е. какъ должно разумѣть — городъ принадлежавшій св. Богородицѣ Десятинной, находившійся неизвѣстно гдѣ недалеко на сѣверъ отъ Кіева (упоминаемой вмѣстѣ съ сосѣднимъ городомъ Семычемъ или Семьчемъ, который Степенная книга, называя его Семынемъ, также усвояетъ Десятинной церкви, — I, 313) и за тѣмъ какъ будто дается знать, что вмѣстѣ съ Полонымъ принадлежала церкви большая или меньшая окружная волость: Половцы, захватившіе Полоный, были поражены Русскими, которымъ «бысть помощь хреста честнаго и святое Матери Божьи Десятиньное, ея же бяхуть волости заяли», — подъ волостями можно разумѣть самый Полоный, понимая волость въ смыслѣ владѣнія, но также и окружную волость, понимая послѣднее слово именно въ собственномъ смыслѣ волости. — Впослѣдствіи упоминается въ Кіевской области Полоный, принадлежащій князьямъ, — Ипатск. лѣт. подъ 1195 и 1196 гг., 2 изд. стрр. 462 и 468: неизвѣстно, нашъ ли, но если нашъ, то дѣло должно будетъ понимать такъ, что послѣ 1169 г. онъ былъ пріобрѣтенъ князьями посредствомъ купли, обмѣна или незаконнаго присвоенія.

[2]) О великомъ усердіи къ Десятинной церкви всѣхъ князей русскихъ см.

въ силѣ и на все послѣдующее время, ибо при благодатномъ обиліи у насъ земли вовсе нельзя придумать никакихъ причинъ, по которымъ бы онъ могъ быть отмѣненъ, а между тѣмъ въ послѣдующее время находимъ, что не всѣ причты сельскихъ церквей владѣли пахатными землями и вовсе не находимъ такого закона, чтобы владѣли ими всѣ они. Надѣленіе сельскихъ священниковъ землей для собственной обработки предполагаетъ взглядъ на нихъ какъ на земледѣльцевъ, какъ на священниковъ и вмѣстѣ крестьянъ. Въ настоящее время мы такой взглядъ и имѣемъ на нашихъ сельскихъ священниковъ, потому что таковыми ихъ видимъ и потому что дѣйствительность пріучила насъ къ такому взгляду; но по идеѣ священникъ и земледѣлецъ-крестьянинъ не имѣютъ между собою ничего общаго, а слѣдовательно и у нашего правительства перваго времени послѣ введенія христіанства не могло быть той мысли, чтобы сдѣлать сельскихъ священниковъ земледѣльцами-крестьянами. О первоначальномъ происхожденіи нашихъ церковныхъ земель въ селахъ, составляющихъ крестьянско-пашенные участки причтовъ, какъ намъ кажется, нужно думать такимъ образомъ: въ священники у насъ ставились люди изъ крестьянскаго сословія; какъ таковые, они имѣли наклонность соединять священство съ крестьянствомъ; поэтому они брали у крестьянскихъ обществъ или землевладѣльцевъ-собственниковъ участки земли, которые или выпрашивали у крестьянскихъ обществъ и частныхъ собственниковъ въ безмездное пользованіе, въ первомъ случаѣ такъ, что крестьянскія общества сами принимали на себя платить причитавшуюся долю казеннаго оброка, или за которые уплачивали казенный оброкъ и вносили арендную плату собственникамъ наравнѣ съ другими крестьянами [1]); съ теченіемъ времени, когда крестьянствованіе вошло между сельскими священниками въ общій обычай, они и начали добиваться у крестьянскихъ обществъ и у землевладѣльцевъ-собственниковъ, чтобы участки земли, которыми они пользовались изъ милости или за плату, были предоставлены церквамъ въ собственность [1]).

---

1) Послѣднее предположеніе не дожно казаться страннымъ. Въ Греціи мы находимъ дѣйствительнымъ какъ разъ то, что предполагаемъ, именно — если крестьянинъ, арендующій землю у вотчинника (ἐναπόγραφος, adscriptitius, см. Дюканж. Gloss. Latinit. подъ сл. Ascriptitii), будетъ поставленъ въ клирики противъ воли послѣдняго, то онъ послѣ поставленія не имѣетъ права отказываться отъ арендуемой земли, но долженъ обработывать ее и вносить условленную плату (Новелла Юстиніана 123, гл. 17).

2) Причты городскихъ и сельскихъ приходскихъ церквей имѣли у насъ церковную усадебную землю, что, какъ нужно думать, случилось не такимъ образомъ, что имъ нарочито отводима была эта земля и въ извѣстномъ узаконенномъ количествѣ, а такимъ, что при каждой церкви должно было находиться большее или меньшее количество земли для приходскаго кладбища (какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, ибо въ послѣднихъ кладбища при церквахъ уничто-

Такъ было у насъ съ средствами содержанія духовенства высшаго и низшаго. Средства духовенства высшаго несомнѣнно и очевидно были совершенно достаточными (а съ теченіемъ времени, когда у епископій явились многія населенныя вотчины, стали и болѣе чѣмъ достаточными). Напротивъ, средства духовенства низшаго, за ничтожными и главнымъ образомъ случайными, не отъ способа обезпеченія зависѣвшими, исключеніями, были бѣдны и скудны. Въ городахъ стольныхъ княжескихъ, въ которыхъ жили составлявшіе дворы князей бояре, въ городахъ не только стольно-княжескихъ, но и торговыхъ, какъ напр. Новгородъ, гдѣ было много богатыхъ купцовъ, нѣтъ сомнѣнія, на ту или другую часть были приходы хорошіе; если не на ту или другую часть, то поединично были приходы хорошіе вообще въ городахъ; наконецъ, если мы примемъ предположеніе, что соборныя церкви въ уѣздныхъ или неепархіальныхъ городахъ были обезпечены отъ правительства десятиной мѣстныхъ доходовъ и что эта десятина не была отнята у нихъ и послѣ того, какъ явились доходы съ прихожанъ, то нужно будетъ причислить къ хорошимъ приходамъ всѣ эти соборныя церкви (у которыхъ былъ еще особый противъ другихъ церквей доходъ — отъ поминовеній). Но за симъ рѣшительнѣйшее большинство приходовъ должно представлять себѣ тѣмъ, что̀ суть до настоящаго времени приходы бѣдные и средніе, т. е. что одни еле-еле кормили священниковъ, а другіе доставляли имъ положеніе не болѣе какъ зажиточныхъ или небѣдныхъ крестьянъ. Эта скудость средствъ содержанія нашего приходскаго духовенства, общая ему съ таковымъ же духовенствомъ у Грековъ и во всемъ православномъ мірѣ, какъ извѣстно, составляетъ рѣзкое отличіе нашего духовенства отъ духовенства западнаго, которое Карлъ Великій обезпечилъ опредѣленнымъ и не только совершенно достаточнымъ, но даже и болѣе, чѣмъ достаточнымъ содержаніемъ, именно возобновляя ветхозавѣтный законъ о содержаніи левитовъ, назначилъ приходскому духовенству, такъ же какъ и епископамъ, десятину, которая должна была состоять въ томъ, что каждый прихожанинъ долженъ былъ платить причту своей приходской церкви, въ видѣ ежегоднаго оброка, десятую часть своихъ ежегодныхъ доходовъ [1]).

жены только въ весьма недавнее время), такъ-называемый погостъ или, какъ говорятъ въ иныхъ мѣстахъ, — монастырь, и что на этихъ погостахъ или монастыряхъ и было предоставлено селиться причтамъ. Относительно городскихъ приходскихъ церквей имѣемъ одно случайное указаніе въ лѣтописи, что онѣ надѣляемы были дачами огородной земли (Ипатск. лѣтоп. подъ 1151 г., 2 изд. стр. 296 sub fin).

[1]) Кромѣ десятины, законъ о которой мы привели выше, Карлъ надѣлилъ еще всѣ церкви довольно большими участками земли (mansus ecclesiasticus) и затѣмъ еще постановилъ, чтобы при церквахъ были для причтовъ казенные дома

Наши князья не обезпечили нашего приходскаго духовенства сколько нибудь прочнымъ и достаточнымъ образомъ, сколько-нибудь на манеръ Запада, нѣтъ сомнѣнія, потому что не имѣли передъ собою въ семъ случаѣ примѣра Греціи. На эту необезпеченность, на эту скудость средствъ нашего приходскаго духовенства не должно однако смотрѣть ложными глазами, а именно — вдаваться въ іеремiады, что съ приходскимъ духовенствомъ было поступлено у насъ несправедливымъ и жестокимъ образомъ, что оно обречено было у насъ на нищенство и пр. и пр. Карлъ Великій, обезпечивая западное приходское духовенство, соединялъ съ этимъ стремленіе и заботу, чтобы духовенство было образовано, чтобы священники были тѣми просвѣщенными пастырями прихожанъ, какъ въ настоящее время это желается и требуется отъ нихъ и у насъ или лучше сказать какой идеалъ относительно ихъ имѣемъ въ настоящее время и мы (ибо и доселѣ идеалъ еще весьма плохо и весьма мало переходитъ у насъ въ дѣйствительность). Ничего подобнаго, въ слѣдъ за Греціею, не было у насъ: наши требованія отъ священниковъ состояли въ томъ, чтобы они были чуть-чуть грамотны, умѣли служить церковныя службы и совершать требы, — и только [1]). Въ этомъ отношеніи между нами и Западомъ совершенно существенное и чрезвычайно важное различіе, которымъ условливается не только различіе церковной исторіи Запада отъ

съ казенною прислугой, см. Дюканж. Gloss. Latinit. подъ сл. mansus. — У насъ въ періодъ до-монгольскій проповѣдывалось, что Богу на служителей алтаря и на бѣдныхъ должно удѣлять десятую часть ежегодныхъ стяжаній, и люди особенно благочестивые дѣйствительно такъ и дѣлали (одно принадлежащее періоду до-монгольскому «поученіе сыномъ и дщеремъ духовнымъ» завѣщеваетъ: «десятину отъ всего имѣнія своего, лучшее отъемъ, дажь Богови, — совокупивъ же ю держи у себе, да отъ того даеши сиротѣ и вдовицѣ и странну и попомъ и чернцемъ и убогимъ», — Румянц. Муз. у Восток. № 230, л. 102 об., Моск. Дух. Акад. ркп. № 54, л. 82 об.; затѣмъ смотри: одно весьма древнее поученіе въ Прибавл. къ Творр. свв. Отцц. ч. XVII, стр. 54, одно весьма древнее наставленіе отца сыну въ Москвитян. 1851 г., № 6, кн. 2. стр. 137, лѣтописи Лаврентьевскую и Ипатскую — о преп. Θеодосіи Печерскомъ подъ 1074 г., о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ — первую подъ 1086 г., вторую — подъ 1087 г., Несторово житіе преп. Θеодосія по изд. Бодянск. въ Чтен. л. 20 fin). Эту нашу вольную десятину должно отличать отъ обязательной десятины западной, а равно должно отличать ее и отъ той нашей десятины, составлявшей жалованье отъ князей епископамъ, о которой мы говорили выше. Напр. о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ читаемъ въ лѣтописи (цитата сейчасъ выше), что онъ давалъ десятину св. Богородицѣ Кіевской отъ всего своего имѣнія по вся лѣта; это не должно понимать такъ, что всѣ князья обязаны были давать десятину помянутой церкви, а такъ, что князь, послѣ обязательной десятины мѣстному епископу, давалъ церкви десятину отъ своего добровольнаго къ ней усердія.

[1]) Въ Греціи еще Юстиніанъ требуетъ отъ клириковъ не болѣе, какъ — чтобы знали грамоту: *κληρικὸς οὐκ ἄλλως χειροτονεῖσθαι συγχωροῦμεν, εἰ μὴ γράμματα ἴσασι* (новелла 123, гл. 12); обстоятельнѣе ниже.

нашей, но и исторіи гражданской: различіе это по отношенію къ намъ въ высшей степени печально, ибо результатами были нравственная невоспитанность народа и наше невѣжество (о чемъ обстоятельнѣе ниже). Но отвлекаясь отъ слѣдствій и имѣя въ виду только то, чѣмъ обязывалось быть наше приходское духовенство или только то, что̀ отъ него требовалось, мы вовсе не найдемъ, чтобы оно было у насъ несправедливымъ и жестокимъ образомъ обижено, чтобы оно представляло собою классъ людей бездомныхъ. Относительно способности требовалось нѣкоторе умѣніе грамотѣ, относительно исполненія обязанностей — совершеніе церковныхъ службъ и требъ: люди, отъ которыхъ такъ мало требовалось, имѣли ли право на большее обезпеченіе, чѣмъ то, какое они у насъ имѣли? Напротивъ, не было ли бы аномаліей и несообразностію, если бы наши священники были обезпечены позападному? Отстранивъ отъ своего мысленнаго взора нынѣшнихъ образованныхъ священниковъ (которые впрочемъ имѣютъ болѣе претензіи и потребностей людей образованныхъ, чѣмъ исполняютъ свои обязанности, какъ таковые), представимъ, что поставленъ во священники крестьянинъ еле-грамотный и что ему дана тысяча рублей жалованья: не будетъ ли это своего рода великой несообразностію? А если это жалованье будетъ взиматься съ его прихожанъ, то не будетъ ли это величайшею несправедливостью по отношенію къ послѣднимъ? Человѣкъ еле грамотный становился во священники, иначе сказать — бралъ на себя механическій трудъ служенія церковныхъ службъ и совершенія требъ: за совершеніе требъ онъ получалъ плату, которая, какъ бы ни была мала, во всякомъ случаѣ была не ниже механическаго труда, какъ таковаго; церковныхъ службъ священникъ служилъ не болѣе пятидесяти въ году и даже менѣе, ибо несомнѣнно, что далеко не всѣ священники служили обѣдни каждое воскресенье, и за это, не говоря о нѣкоторой непосредственной платѣ въ видѣ подачъ на проскомидію, производилъ три сбора съ прихожанъ, — полагаемъ, что это достаточно. Наши священники были главнымъ образомъ не священники, а крестьяне, священство же были для нихъ, такъ сказать, только добавленіемъ къ крестьянству и добавленіемъ, несомнѣнно, не безвыгоднымъ (хотя въ размѣрахъ именно крестьянскихъ, а не дворянскихъ). Весьма возможно, что священники жаловались на свою судьбу, какъ это дѣлаютъ всѣ люди, но несомнѣнно то, что охотниковъ идти во священники было великое множество. Съ нѣкоторымъ основаніемъ они могли жаловаться на то, что рядомъ съ ними были монахи, которые не были выше ихъ ни въ какомъ отношеніи и которые (далеко не всѣ впрочемъ) были, въ сравненіи съ ними, относительно житейской обезпеченности, настоящіе господа. Но благополучіе монаховъ создало не правительство искуственнымъ образомъ, и всегда въ этомъ мірѣ такъ, что одни люди возбуждаютъ зависть другихъ....

VI.

Отношеніе власти церковной къ государству и наоборотъ власти государственной къ церкви.

Теперь слѣдуетъ намъ сказать объ отношеніи у насъ церкви къ государству и наоборотъ — государства къ церкви въ періодъ до-монгольскій.

Власть гражданская обязана матеріально содержать и внѣшнимъ образомъ охранять власть церковную. Съ своей стороны эта послѣдняя должна представлять собою нравственное начало, которое бы нравственнымъ образомъ благотворно дѣйствовало на власть гражданскую. Сколько знаемъ, наша власть церковная или наше высшее духовенство періода до-монгольскаго вполнѣ понимало и признавало эту лежавшую на немъ обязанность и старалось выполнять ее по возможности добросовѣстно и усердно.

Періодъ до-монгольскій, иначе періодъ удѣловъ, представляетъ собою время непрестанныхъ междоусобій князей. Обязанность церковной власти—митрополита и епископовъ—состояла въ томъ, чтобы по возможности предотвращать и прекращать эти междоусобія, по возможности поддерживать и возстановлять между князьями миръ, и сколько знаемъ — наши митрополиты и епископы періода до-монгольскаго среди княжескихъ междоусобій всегда и постоянно сознавали себя ничѣмъ инымъ, какъ миротворцами, и стремились быть таковыми на дѣлѣ, насколько это было возможно. Одинъ митрополитъ говоритъ одному князю: «княже, мы есмы приставлены въ Руской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья»[1]); эти слова одного митрополита были девизомъ, если не всѣхъ нашихъ митрополитовъ и епископовъ, то несомнѣнно большей ихъ части. Въ лѣтописяхъ находимъ мы и всего два примѣра, что епископы вели себя недостойнымъ образомъ, не какъ истинные миротворцы, а какъ интриганты[2]). Можно допустить, что такихъ интригантовъ было и не

[1]) Митр. Никифоръ 2-й Кіевскому князю Рюрику Ростиславичу, — въ Ипатск. лѣт. подъ 1195 г., изд. 2 стр. 460 нач.

[2]) Епископы Черниговскіе — Антоній, родомъ Грекъ, — Ипатск. лѣт. подъ 1164 г., и Порфирій, — Лаврент. лѣт. подъ 1187 г.

два, а то или другое нѣсколько, въ особенности изъ Грековъ, каковымъ былъ одинъ изъ двухъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ [1]); не невозможное дѣло, что они были не только между епископами, но и между самими митрополитами: но за всѣмъ тѣмъ на основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же лѣтописей остается неподлежащимъ сомнѣнію, что подобные люди составляли только исключеніе и при томъ рѣдкое и что собственнымъ и общимъ девизомъ митрополитовъ и епископовъ было именно «востягивати князей отъ кроиролитья» и увѣщевать ихъ, какъ митр. Николай увѣщевалъ Владимира Мономаха, говоря князю: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русськыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрьствомь» [2]).

Для представителей духовной власти неважно было знать, правъ или неправъ былъ князь, поднимавшій оружіе; ихъ забота состояла только въ томъ, чтобы предотвращать кровопролитья, и поэтому они одинаково унимали отъ междоусобій какъ неправыхъ, такъ и правыхъ, указывая послѣднимъ на то, что они много спасенія примутъ отъ Бога и избавятъ землю свою отъ великихъ бѣдъ [3]). Бывали случаи, что князья считали себя обязанными поднимать оружіе, бывъ связаны крестнымъ цѣлованіемъ подать помощь другимъ; тогда представители духовной власти брали грѣхъ клятвопреступленія на себя: «на насъ буди той грѣхъ, — говорили они находившимся въ подобномъ положеніи князьямъ — сотвори миръ» [4]).

Такъ какъ митрополитъ и епископы, естественно, пользовались наибольшимъ уваженіемъ у всѣхъ, то князья, имѣя важныя нужды и просьбы до другихъ князей, обыкновенно прибѣгали къ ихъ посредству, посылая ихъ послами. И митрополиты и епископы, обыкновенно, не отказывались отъ такихъ посольствъ, но считали ихъ какъ бы своею обязанностію [5]).

На большихъ съѣздахъ князей, при постановленіи договоровъ особенной важности, митрополитъ съ соборомъ епископовъ и игуменовъ счи-

---

1) Сколько можемъ въ настоящую минуту припомнить, къ двумъ названнымъ отчасти или вполнѣ долженъ быть причисленъ неизвѣстный по имени епископъ Перемышльскій самаго времени нашествія монголовъ, — Ипатск. лѣт. подъ 1241 г., 2 изд. стр. 52 fin.

2) Лавр. и Ипатск. лѣтт. подъ 1097 г.

3) Въ Лаврент. лѣт. подъ 1149 г. епископъ Переяславскій Евфимій.

4) Ibid. подъ 1127 г., — весь соборъ іерейскій Кіева вел. кн. Мстиславу.

5) Случаевъ этихъ посольствъ въ лѣтописяхъ указано много; до чего обычно было возлагать ихъ на епископовъ, показываютъ слова Владимира Мономаха въ письмѣ къ Олегу Черниговскому: «да еже начнеши клятися Богу и мнѣ добро сердце створиши, *пославъ солъ свой или пископа*, и грамоту напиши съ правдою»... Лаврент. лѣт. подъ 1096 г., 2 изд. стр. 245.

тались необходимыми, какъ высшіе свидѣтели ненарушимости даваемыхъ обязательствъ. Въ 1096 г. Владиміръ Мономахъ съ вел. кн. Святополкомъ Изяславичемъ говорятъ Олегу Черниговскому: «поиди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ».

Князья утверждали свои обязательства по отношенію одинъ къ другому посредствомъ договорныхъ грамотъ. Чтобы придать этимъ грамотамъ всю ненарушимость, договаривающіеся обыкновенно цѣловали крестъ изъ рукъ митрополита или епископовъ, отъ чего и грамоты назывались крестными.

Много выше мы говорили, что не только для церкви, но и для государства было истиннымъ счастіемъ то, что въ періодъ до-монгольскій митрополитами у насъ были не природные Русскіе, а присыланные изъ Константинополя Греки. Не связанные личными обязательствами и чуждые личныхъ отношеній, митрополиты Греки вели себя истинными пастырями, какъ представители христіанской правды и христіанскаго мира. Но митрополиты изъ природныхъ Русскихъ были бы сторонниками князей, ихъ поставлявшихъ. Слѣдовательно, они не унимали бы князей отъ кровопролитья, а помогали бы имъ въ этихъ послѣднихъ. Нетрудно представить себѣ, до какой недостойной и жалкой роли низошла бы тогда церковь и до какой степени это, вмѣсто возможнаго противодѣйствія злу, должно было бы ему содѣйствовать и его увеличить....

Епископы, какъ чиновники церкви, не могутъ быть вмѣстѣ съ симъ чиновниками государства, ибо невозможно въ одно и то же время двумъ господамъ работати. Но, не бывъ дѣлаемы настоящими чиновниками государственными, епископы въ Греціи были призваны къ чрезвычайно важному косвенному участію въ государственномъ управленіи, чтобы содѣйствовать его благу. Питая высокое уваженіе къ сану епископовъ, императоры хотѣли имѣть въ нихъ какъ бы вторыхъ «я» на провинціяхъ или въ каждомъ изъ нихъ, что̀ называется, собственное императорское око: они поручили имъ высшій надзоръ надъ гражданскими, правителями и судьями со всѣмъ дѣломъ управленія и суда и возложили на нихъ право и вмѣстѣ обязанность оказывать защиту и покровительство всѣмъ обидимымъ и угнетаемымъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ епископы не были устранены формальнымъ образомъ отъ подобнаго участія въ гражданскомъ управленіи, но у насъ не могло быть мѣста его приложенію: епископскія каѳедры у насъ были въ стольныхъ княжескихъ городахъ; слѣдовательно, въ каждомъ епископскомъ городѣ у насъ былъ самъ князь и не имѣлъ нужды въ посредствующихъ надзирателяхъ надъ своими

---

[1]) См. *Неволина* о пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, — въ Полномъ собраніи сочиненій, т. VI, стр. 255 sqq.

чиновниками и судьями. Должно думать, что люди, терпѣвшіе обиды отъ самихъ князей, обращались у насъ къ предстательству епископовъ (какъ въ позднѣйшее время видимъ, что опальные бояре ищутъ у митрополитовъ печалованія предъ государями, а митр. Никифоръ 1-й, пишущій въ одномъ увѣщательно-обличительномъ посланіи къ Владиміру Мономаху: «не опечалися, княже, о словеси (моемъ) или (не) мниши, яко *кто приде ко мнѣ печаленъ* и того ради написахъ ти се» [1]), даетъ прямое основаніе предполагать, что существовалъ обычай прибѣгать въ указанномъ случаѣ къ епископамъ).

Есть еще мірская область, о дѣятельности въ которой епископовъ не только ожидались бы рѣчи, но и ожидались бы всего болѣе,— это общественная благотворительность. Въ первенствующее время церкви бѣдные (послѣ недолгаго эпизода, когда ихъ совсѣмъ въ ней не было, Дѣян. 4, 34) составляли какъ бы одно съ клиромъ и, состоявъ на попеченіи предстоятелей церквей или епископовъ столько же, сколько и самые клирики, получали на свое содержаніе извѣстную долю (не менѣе 4-й части) изъ доходовъ послѣднихъ—добровольныхъ приношеній вѣрующихъ [2]). Когда усердіе вѣрующихъ въ дарствованіи епископіямъ недвижимыхъ имѣній сдѣлало ихъ богатыми, епископы обратили эти богатства на то, чтобы учреждать всякаго рода благотворительныя заведенія: больницы, богадѣльни для старыхъ и для бѣдныхъ, пріюты для воспитанія сиротъ, наши воспитательные дома для незаконорожденныхъ дѣтей и подкидышей [3]), странно-пріимницы и пр. (νοσοκομεῖα, βρεφοτροφεῖα, γηροκομεῖα и πτωχοτροφεῖα, ορφανοτροφεῖα, ξενοδοχεῖα), такъ что епископамъ, какъ нарочитымъ здателямъ этихъ заведеній. въ Греціи было поручено завѣдываніе вообще всѣми ими, кѣмъ бы ни были построены и учреждены. Наши епископы періода до-монгольскаго (какъ и всего послѣдующаго времени) не ознаменовали себя въ этомъ отношеніи совершенно ничѣмъ. Не знаемъ, насколько имѣли бы они охоты соревновать епископамъ греческимъ, если бы современные имъ епископы греческіе оставались тѣмъ же, чѣмъ были древніе. Но въ Греціи въ нашъ періодъ до-монгольскій епископы были уже только людьми благотворимыми, а не благотворящими, отчасти потому, что ослабѣла ревность, а отчасти потому, что обѣднѣла страна, а съ нею и они — епископы.

---

1) Русск. достопп. I, 72 sub fin.

2) Bingh. Vol. II, 294, также Vol. I, 108.

3) Отъ чего явился у Грековъ обычай подкидывать дѣтей къ церквамъ. Отчасти, кажется, и у насъ существующій такой же обычай долженъ быть объясняемъ не тѣмъ, чтобы у насъ также были при церквахъ воспитательные дома, — ибо ихъ несомнѣнно не было, — а тѣмъ, что дитя отъ церкви и какъ бы сопровождаемое благословеніемъ церкви (даръ Божій) скорѣе найдутся охотники взять.

Превосходить же современныхъ епископовъ греческихъ и брать въ примѣръ древнихъ, — это было выше нашихъ епископовъ (епископъ Переяславскій Ефремъ, единственный изъ епископовъ періода до-монгольскаго, извѣстный тѣмъ, что имѣлъ охоту употреблять свои средства,—не столько, вѣроятно, казенныя отъ каѳедры, сколько свои собственныя, ибо лично былъ человѣкъ весьма богатый,—на дѣла общественныя, вмѣсто больницы или богадѣльни построилъ въ Переяславлѣ греческія бани, т. е. вмѣсто того, что было бы полезно, построилъ то, что ознакомило бы Русскихъ людей съ греческимъ комфортомъ..., Лавр. лѣт. подъ 1089 г., Ипатск. подъ 1090 г., а прибавленіе Никоновской лѣтописи къ строенію банному больницъ со врачами, — «всѣмъ приходящимъ безмезднаго врачеванія», подъ первымъ изъ указанныхъ годовъ, есть не болѣе какъ ея собственное прибавленіе, имѣющее своимъ основаніемъ то, что ея составитель или самъ думалъ или только хотѣлъ заставить думать другихъ, что бани-де были построены епископомъ не для ихъ обыкновеннаго назначенія, а съ врачебною цѣлію).

Объ отношеніяхъ нашихъ князей къ епископамъ мы говорили выше, что съ одной стороны они показали полное и совершенное усердіе въ дѣлѣ ихъ матеріальнаго обезпеченія, а съ другой стороны вели себя съ ними не совсѣмъ по надлежащему какъ съ чинами церкви: князья, какъ мы говорили, вопреки каноническимъ правиламъ, присвоили себѣ право избранія кандидатовъ въ епископы. Равнымъ образомъ не совсѣмъ каноническимъ представляется ихъ поведеніе и по отношенію къ епископамъ поставленнымъ. Епископъ можетъ быть удаленъ съ каѳедры и отъ должности только послѣ законнаго суда надъ нимъ церковнаго; но князья наши позволяли себѣ изгонять епископовъ не только безъ всякаго суда, но даже и вопреки суду церковному. Приводимые лѣтописями примѣры такого самоволія князей не особенно многочисленны, но замѣчательно, что лѣтописцы не только не порицаютъ князей за присвоеніе себѣ власти имъ не принадлежащей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо одобряютъ ихъ: изъ этого слѣдуетъ, что тогдашнее общественное мнѣніе Руси дѣйствительно усвояло князьямъ право самовольнаго обращенія съ епископами. Въ 1156 г. Андрей Боголюбскій хотѣлъ удалить съ каѳедры епископа Ростовскаго Нестора и послалъ его — неизвѣстно намъ — съ какими обвиненіями, на судъ къ митрополиту; послѣднимъ послѣ соборнаго и тщательнаго суда епископъ былъ оправданъ [1]): несмотря на это, Боголюбскій не захотѣлъ принять его и поставилъ на его мѣсто другаго. Этого преемника Несторова, по имени Леона, тотъ же Боголюбскій самовольно и безъ всякаго суда прогонялъ отъ себя дважды, — въ первый

[1]) Если только, какъ замѣчали мы выше, вѣрить показанію, которое мы въ семъ случаѣ имѣемъ.

разъ за то, что онъ «умножилъ бяше церкви, грабяй попы», во второй разъ, — что онъ началъ учить о постѣ въ среду и пятокъ, когда случатся въ эти дни Господскіе праздники, не согласно съ тѣмъ, какъ желалъ князь. Въ 1168 г. Черниговскій князь Святославъ самовольно прогналъ отъ себя епископа Антонія изъ-за того ученія о постѣ въ среду и пятокъ, именно — что епископъ «многажды браняшеть князю ѣсти мясъ въ Господскіе праздники»; оправдывая князя въ его поступкѣ, лѣтописецъ обращается съ назиданіемъ къ епископу: «да внимаемъ мы себѣ кождо насъ и не противимся Божью закону».

Имѣемъ мы одинъ замѣчательный случай суда надъ епископомъ, произведеннаго соборомъ князей. Въ 1229 г. оставилъ каѳедру по причинѣ болѣзни Ростовскій епископъ Кириллъ I-й, который, по словамъ лѣтописца, былъ «богатъ зѣло кунами и селы и всѣмъ товаромъ [1]) и книгами, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, яко ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области». Въ томъ же 1229 г. былъ съѣздъ князей въ Суздалѣ; на этомъ съѣздѣ былъ привлеченъ къ суду оставившій каѳедру епископъ и по приговору одного изъ князей, которому вѣроятно было поручено произнесть его въ качествѣ третейскаго судьи, былъ лишонъ всего своего богатства. Лѣтопись по своему обычаю передаетъ дѣло, къ сожалѣнію, весьма не ясно и на вопросъ, за что епископъ былъ судимъ и лишенъ богатства, отвѣчаетъ глухо: «нѣкакою тяжею». Весьма вѣроятно, князья Ростовскіе обвиняли своего бывшаго епископа, что онъ пріобрѣлъ богатство лихоимствомъ и вообще незаконнымъ образомъ. Какъ бы то ни было, судъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что епископъ былъ сужденъ и осужденъ князьями какъ простой мірянинъ и гражданинъ, совершенно помимо и безъ всякаго участія церковной власти [2]).

Если не совсѣмъ канонически относились къ епископамъ великіе и удѣльные князья, то тѣмъ менѣе могло быть уваженія къ канонамъ или этой, если позволительно такъ выразиться, каноничности въ вольномъ, республиканскомъ Новгородѣ. Не вдругъ и не весьма скоро впрочемъ случилось, что на мѣсто власти митрополитовъ Новгородъ поставилъ по отношенію къ своимъ епископамъ свою собственную, земскую власть: не ранѣе какъ съ половины XII вѣка онъ началъ самъ избирать своихъ епископовъ и самъ вѣдать ихъ, а дотолѣ принималъ ихъ присыланныхъ

---

[1]) Т. е. деньгами, селами и всякимъ имѣніемъ.

[2]) Авторъ житія Аврамія Смоленскаго говоритъ объ епископѣ Смоленскомъ Лазарѣ, занимавшемъ каѳедру въ первой четверти XIII в. и оставившемъ ее въ 1225 г. или предъ симъ годомъ: «сей бо бѣяше ради Бога оставилъ епископью свою и за многія обидѣнія святыхъ церквей, иже обидѣть властели, отъимающе чюжая безъ правды...», Прав. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3, стр. 376 нач.

изъ Кіева и, сколько извѣстно, не распоряжался ими такъ, какъ сталъ дѣлать это потомъ съ епископами собственнаго избранія. Первое, довольно долгое, время послѣ крещенія, Новгородцы, бывшіе еще весьма плохими христіанами, вѣроятно, смотрѣли на своихъ епископовъ болѣе или менѣе индифферентно, — видѣли въ нихъ неземскихъ чиновниковъ, присыланныхъ изъ Кіева, до которыхъ имъ мало дѣла; притомъ же въ это первое время ихъ гражданская или государственная зависимость отъ Кіева была еще настолько велика, что они не могли посягнуть на права митрополитовъ, охраняемыя великими князьями. Затѣмъ, когда Кіевъ пересталъ быть для нихъ указчикомъ въ гражданскомъ отношеніи, а они сами уже настолько стали христіанами, что не только не могли держать епископовъ въ совершенномъ удаленіи отъ дѣлъ земскихъ, но и не могли обходиться безъ нихъ въ сихъ послѣднихъ дѣлахъ, какъ представителей вѣры, подающихъ или не подающихъ свое благословеніе и чрезъ то содѣйствующихъ или препятствующихъ, они не тотчасъ же присвоили избраніе и вѣданіе епископовъ самимъ себѣ потому, что это значило присвоить себѣ права митрополита, а всякое правонарушеніе совершается не вдругъ. Вообще, Новгородцы начали сами избирать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами вѣдать своихъ епископовъ съ 1156 г. Передъ тѣмъ епископомъ Новгородскимъ былъ извѣстный Нифонтъ, непримиримый противникъ митрополита Климента. Этотъ Нифонтъ рѣзко отдѣляется отъ ряда предшествующихъ ему епископовъ тѣмъ, что принималъ самое дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ Новгородскихъ, и не только Новгородскихъ, но даже и общерусскихъ [1]). Не знаемъ, условливалось ли это личными государственными талантами и стремленіями Нифонта, или къ его времени положеніе и авторитетъ епископовъ въ Новгородѣ стали таковы, что безъ нихъ уже не могли обходиться въ дѣлахъ земскихъ; какъ бы то ни было, но, отъ чего бы ни зависѣвшее, это дѣятельное и рѣшительное участіе Нифонта въ дѣлахъ земскихъ должно было побудить Новгородцевъ къ тому, чтобы, обходя и забывая каноны церковные, взять епископовъ въ свои земскія руки. Это и поспѣшили они сдѣлать послѣ смерти Нифонта, избравъ преемника ему сами народнымъ вѣчемъ и, разумѣется, изъ среды своего собственнаго духовенства. При первомъ приступѣ къ введенію новыхъ порядковъ Новгородцамъ благопріятствовали обстоятельства: когда умеръ Нифонтъ, въ Кіевѣ не было митрополита, вслѣдствіе чего они, сами избравъ епископа, могли оправ-

---

[1]) Нифонтъ былъ епископомъ съ 1130 г.: въ 1134 г. онъ призывалъ въ Новгородъ для успокоенія здѣшнихъ волненій митр. Михаила, въ 1141 г. ходилъ въ Кіевъ съ лѣпшими людьми по новаго Новгородскаго князя, въ 1147 г. ходилъ къ Юрію Долгорукому «мира дѣля», въ 1151 г. ходилъ къ тому же Юрію просить въ Новгородскіе князья его сына; что касается до дѣлъ общерусскихъ, то въ 1135 г. онъ ходилъ въ Кіевъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами.

дываться тѣмъ, что кромѣ нихъ самихъ некому было избрать послѣдняго. Необходимо думать однако, что дѣло не обошлось безъ нѣкоторой борьбы съ митрополитомъ и что послѣдній не сразу отказался отъ своихъ весьма важныхъ правъ. Вскорѣ послѣ избранія Новгородцами кандидата на мѣсто Нифонта въ Кіевъ прибылъ митрополитъ изъ Константинополя, именно — въ томъ же самомъ 1156 г; но избранный кандидатъ, — игуменъ Аркадій, оставался безъ посвященія весьма долго, до 1158 г. Это не можетъ значить ничего инаго, какъ то, что митрополитъ не хотѣлъ и отказывался посвятить его. Чѣмъ заставили наконецъ Новгородцы митрополита уступить имъ право избирать своихъ епископовъ, остается неизвѣстнымъ; но гораздо болѣе вѣроятно, что не стойкостію и какими нибудь угрозами, а по преимуществу обычнымъ для нихъ аргументомъ — деньгами.

Съ 1156 года въ Новгородѣ навсегда водворился обычай избирать епископовъ самимъ — посредствомъ народнаго вѣча и изъ среды собственнаго духовенства. Изъ восьми епископовъ періода до-монгольскаго, составляющихъ этотъ новый рядъ ихъ, шестеро были избраны единогласно или по крайнѣй мѣрѣ большинствомъ голосовъ, при избраніи же двоихъ споры партій разрѣшаемы были посредствомъ жеребья, именно — жеребьи предполагавшихся кандидатовъ были кладены на престолъ св. Софіи и изъ нихъ вынимался одинъ (Весьма можетъ быть впрочемъ, что посредствомъ жеребья избраны были не два епископа, а и нѣсколькіе, но что только Новгородскіе лѣтописцы, не желая выставлять волненій, происходившихъ у нихъ по поводу избранія епископовъ, о другихъ случаяхъ умалчиваютъ, cfr въ Новгор. 1-й лѣт. подъ 1193 г. запись объ избраніи Мартирія).

Несомнѣнно, что епископы Новгородскіе съ того времени, какъ начали быть избираемы самими Новгородцами, находились въ полной и совершенной власти своего земства. Не всѣ епископы испытали надъ собой силу и произволъ этой власти, потому что не всѣ доводили себя до того, но то, что мы знаемъ о нѣкоторыхъ, не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ 1211 г. архіепископъ Митрофанъ чѣмъ-то возбудилъ противъ себя гнѣвъ Новгородцевъ или, какъ говоритъ лѣтописецъ, «злодѣй исперва не хотя добра зависть вложи (на него) людемъ», — и безъ всякаго суда и дальнихъ проволочекъ онъ былъ сведенъ съ каѳедры и выведенъ изъ города. Черезъ 8 лѣтъ этотъ Митрофанъ снова успѣлъ пріобрѣсть благоволеніе Новгороцевъ и они, возвращая его на каѳедру, занятую другимъ — Антоніемъ, въ мірѣ Добрыней Ядрейковичемъ, сказали сему послѣднему: «иди, куда знаешь» (*поиди, гдѣ ти любо*). Послѣ смерти Митрофана въ 1223 г. былъ избранъ въ епископы монахъ Хутынскаго монастыря Арсеній, но въ 1225 г. Новгородцы возвратили Антонія, предложивъ Арсенію снова возвратиться туда, от-

куда былъ взятъ. Послѣ удаленія Антоніева съ каѳедры за болѣзнію, въ 1228 г. въ другой разъ избранъ былъ Арсеній, но просидѣвъ, весьма недолго въ дворѣ архіепископскомъ, буквальнымъ образомъ былъ вытолканъ изъ него въ шею и даже спасся отъ смерти только тѣмъ, что укрылся въ св. Софіи. Новгородскіе лѣтописцы, подобно тому какъ и всѣ наши лѣтописцы, описывая внѣшнія событія, не имѣютъ обычая и имѣютъ весьма мало намѣренной охоты приподнимать завѣсу, за которой скрываются внутреннія пружины. Но по всему видно, что епископы Новгородскіе или эти среди другихъ епископовъ Руси знаменитые владыки были недалеки отъ того, чтобы представлять изъ себя простыя игрушки въ рукахъ партій. Впрочемъ, такъ какъ епископы не стояли и не могли стоять внѣ дѣлъ земскихъ, а принимали и должны были принять въ нихъ участіе, то это должно было случиться по необходимости (Положеніе архіепископовъ Новгородскихъ значительно измѣнилось къ лучшему или точнѣе говоря — совсѣмъ стало другимъ впослѣдствіи времени, когда по отношенію къ нимъ Новгородъ сталъ подъ контроль Москвы, т. е. когда въ виду сей послѣдней Новгородцамъ стало невозможнымъ мѣнять ихъ такъ, какъ прежде. Заключая отъ этого позднѣйшаго времени, нѣкоторые ошибочно судятъ и о времени древнѣйшемъ). Замѣчательно, до какой степени наклонны были Новгородцы сдѣлать гражданскимъ и собственное церковное управленіе своихъ епископовъ. Архіепископъ Антоній, въ 1225 г. вторично возведенный на каѳедру, черезъ три года долженъ былъ отказаться отъ нея по болѣзни онѣмѣнія, которая совсѣмъ препятствовала ему исполнять обязанности епископа; не смотря на это, они возводили его на каѳедру въ третій разъ, при чемъ для управленія епархіей сажали съ нимъ своихъ двухъ мужей, т. е. иначе сказать — при чемъ управленіе епархіей поручали двумъ мірскимъ людямъ или какъ бы старостамъ, выбраннымъ отъ міра.

VII.

Бытъ и общественное положеніе духовенства. Его мірское (небогослужебное) одѣяніе.

Въ заключеніе настоящей главы о церковномъ управленіи скажемъ о бытѣ и общественномъ положеніи духовенства высшаго и низшаго и потомъ еще, въ видѣ археологическаго добавленія, объ его древнемъ не богослужебномъ одѣяніи или костюмѣ.

Мы говорили выше, что вслѣдствіе слишкомъ большой обширности епархій и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ архіереи наши, въ отличіе отъ архіереевъ греческихъ, пришли къ тому, чтобы сознавать себя по отношенію къ подчиненнымъ начальниками слишкомъ высоковластными. По той же самой причинѣ слишкомъ большой обширности епархій и слишкомъ малаго количества ихъ, архіереи наши должны были придти къ тому, чтобы сознавать себя людьми слишкомъ высокопоставленными и знатными, господами самой большой статьи. Въ Греціи, гдѣ архіереевъ было безчисленное множество, гдѣ каждый уѣздный городъ, хотя бы и самый захолустный, подобный нашему Бую, котораго нѣкто три года искалъ, имѣлъ своего епископа, архіереямъ, при всемъ уваженіи, какимъ они пользовались въ обществѣ, трудно и неестественно было заразиться и надмиться мнѣніемъ о себѣ, какъ объ избранной знати, ибо знатно только то, что немногочисленно. Но у насъ епископіи обнимали не только цѣлыя удѣльныя княженія, но и по нѣскольку сихъ послѣднихъ. У насъ архіерей не равнялся въ гражданскомъ чиноначаліи начальнику уѣздному, но по обширности своей области совсѣмъ не имѣлъ себѣ равныхъ между гражданскими администраторами, превосходя этою обширностію области даже и самихъ удѣльныхъ князей. Если къ большей части греческихъ архіереевъ шло комическое названіе, употребляемое Григоріемъ Богословомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ — микрополитъ [1]) (аллюзія къ митрополитъ), то напротивъ наибольшая часть русскихъ архіереевъ вмѣстѣ съ Симономъ Владимирскимъ имѣли право называть свои епархіи цѣлыми землями и восклицать о великомъ множествѣ находящихся въ нихъ городовъ и о томъ, что — кто ихъ епископовъ не знаетъ [2]). При такомъ положеніи дѣла совершенно естественно было, чтобы архіереи наши сознали себя людьми весьма высокопоставленными и знатными въ обществѣ, чтобы они считали себя однимъ изъ самыхъ первыхъ чиновъ въ государствѣ. Такъ это и было.

Всякій человѣкъ устраиваетъ свой внѣшній бытъ сообразно съ тѣмъ, какъ онъ сознаетъ свое общественное положеніе. Человѣкъ знатный устраиваетъ свой бытъ такъ, какъ требуетъ его знатность или занимаемое имъ высокое общественное положеніе, ибо знатность обязываетъ (noblesse oblige). Слѣдовательно, о внѣшнемъ бытѣ епископовъ необходимо думать, что онъ устроенъ былъ такъ, какъ бытъ знатныхъ свѣтскихъ людей, т. е. съ представительностію и пышностію этихъ послѣднихъ. У лѣтописцевъ мы находимъ одно свидѣтельство, которое положительно подтвер-

---

[1]) Oratio de laude patris, — взятое у Аристофана изъ комедіи Всадники.

[2]) «Кто не вѣсть мене грѣшнаго Симона и сея соборныя церкве красоты Володимерское и другія Суждальскія... колико же имѣета городовъ и селъ, и десятину сбираютъ по всей земли той».

ждаетъ то, что мы считаемъ нужнымъ предполагать, какъ вѣроятное. Авторъ Ипатской лѣтописи, разсказывая подъ 1241 г., какъ епископъ Перемышльскій, замѣшанный въ политическія смуты, хотѣвъ бѣжать, былъ пойманъ чиновникомъ Галичскаго князя, говоритъ: «удоси (успѣлъ захватить) владыку и слуги его разграби гордые и тулы ихъ бобровье раздра и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша». Если слуги были горды, то ясно, что они сознавали себя слугами знатнаго господина; если они были отлично одѣты во всевозможные мѣха, то ясно, что у этого знатнаго господина внѣшній бытъ поставленъ былъ на соотвѣтствующую ногу. О бѣдѣ, постигшей Перемышльскаго епископа, авторъ лѣтописи, какъ очевидно, сообщаетъ съ злорадствомъ и смыслъ его рѣчи такой: вы сознавали и вели себя слишкомъ знатными, то вотъ же вамъ! Епархія Перемышльская была далеко не изъ общирнѣйшихъ, а слѣдовательно и не изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ; если въ приведенныхъ словахъ является передъ нами какъ знатный человѣкъ епископъ Перемышльскій, то необходимо думать то же самое и еще болѣе и обо всѣхъ епископахъ [1]).

(Приведенныя нами выше слова о слугахъ архіерейскихъ съ одной стороны и посредственно представляютъ собою свидѣтельство о бытѣ ихъ господъ, а съ другой стороны и непосредственно говорятъ о нихъ самихъ. Изъ приведенныхъ словъ оказывается, что слуги архіерейскіе съ весьма древняго времени были все тѣмъ же, чѣмъ мы знаемъ ихъ по сю пору: отлично одѣты на счетъ священниковъ и одновременно съ тѣмъ чрезвычайно горды и нахальны съ тѣми же священниками. Послѣ приведенныхъ классическихъ словъ о нихъ Ипатской лѣтописи припоминаются другія классическія слова, сказанныя въ Петровскомъ Регламентѣ: «слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомые скотины и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ какъ татаре на похищеніе устремляются», а затѣмъ живой ихъ не гибнущій примѣръ...)

Между приходскими священниками нужно различать священниковъ столичныхъ, разумѣя подъ таковыми священниковъ всѣхъ удѣльныхъ городовъ, священниковъ городскихъ не столичныхъ и священниковъ сельскихъ.

Если всякій легко догадывается, что должно думать о послѣднихъ, то, напротивъ, далеко не всякій ожидаетъ того, что нужно думать о первыхъ. Священники столичные или городовъ удѣльныхъ занимали весьма почетное общественное положеніе и играли весьма важную общественную роль, такъ что составляли весьма рѣзкій контрастъ съ священниками

---

[1]) Съ какою, напротивъ, совершенною и крайнею простотой жили греческіе епископы X вѣка, см. Лиутпранда Legatio, § 63 (ipsi vendunt, ipsi emunt, ostia ipsi claudunt, ipsi aperiunt, ipsi dapiferi, ipsi agasones, ipsi capones...)

сельскими. Дѣло, не совсѣмъ ожиданное, изъясняется однако очень просто и естественно. Князья съ составлявшими ихъ дворы боярами съ одной стороны и священники съ другой стороны представляли собою тогдашнихъ людей образованныхъ; но образованіе однихъ и другихъ не было розное, а было одно и тоже, именно—образованіе церковное или начитанность въ церковныхъ учительныхъ книгахъ. Несомнѣнно или, по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что князья съ боярами были болѣе образованы, чѣмъ священники; но такъ какъ они были люди свѣтскіе, а образованіе было церковное, то естествено, что настоящими хозяевами въ немъ они считали не самихъ себя, а священниковъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ высшихъ представителей тогдашняго общаго всѣмъ и одного для всѣхъ образованія или въ качествѣ тогдашнихъ людей самыхъ образованныхъ, священники и должны были получить мѣсто въ придворныхъ обществахъ княжескихъ. Священники и придворные люди, — это повидимому слишкомъ странно; но чтобы не казалось это слишкомъ страннымъ, нужно нѣсколько отрѣшиться отъ теперешнихъ понятій. Въ то древнее время, о которомъ говоримъ, священникъ вовсе не казался въ свѣтскомъ обществѣ, какъ это теперь, чѣмъ-то попавшимъ совсѣмъ не въ свое мѣсто, какимъ-то пѣстомъ, замѣшавшимся въ ложкахъ.

Священниковъ ввелъ въ высшее придворное общество креститель Руси св. Владиміръ, который, по свидѣтельству монаха Іакова, когда устроивалъ у себя обѣды и пиры, поставлялъ три трапезы и изъ нихъ первую митрополиту съ епископами и съ монахами и со священниками [1]). Восхваляя добродѣтели послѣдующихъ князей, лѣтописцы почти постоянно называютъ ту ихъ добродѣтель, что они «излиха (паче мѣры) чтяху чернеческій чинъ и поповскій (іерейскій чинъ и мнишскій)». Свое почтеніе къ чернеческому или мнишескому чину князья выражали тѣмъ, что почасту приходили въ монастыри и, принимая съ одной стороны духовныя наставленія, съ другой стороны предлагали монахамъ обильныя учрежденія (обстоятельнѣе скажемъ ниже, когда будемъ говорить о монастыряхъ): необходимо думать, что подобнымъ образомъ свое почтеніе къ іерейскому или поповскому чину они выражали тѣмъ, что призывали священниковъ къ своимъ княжескимъ трапезамъ. О такомъ предметѣ, какъ трапезованія или пированія священниковъ у князей мы, конечно, не находимъ нарочитыхъ рѣчей у лѣтописцевъ. Но мы находимъ у нихъ извѣстія объ этомъ въ рѣчахъ ненарочитыхъ, случайныхъ, извѣстія при томъ такія, которыя даютъ знать, что общество священниковъ составляло обычную кампанію князей. Авторъ Ипатской лѣтописи, разсказывая подъ 1150 г. о внезапномъ нападеніи на Бѣлгородъ враговъ,

[1]) У преосв. Макарія т. I, изд. 2 стр. 260.

чуть было его не взявшихъ, говоритъ, что въ то время князь Бѣлгородскій пировалъ у себя во дворцѣ съ боярами и Бѣлгородскими священниками [1]).

Принадлежа къ придворному обществу князей въ качествѣ наивысшихъ представителей тогдашняго образованія, священники играли весьма не маловажную роль при дворахъ княжескихъ, въ ихъ дѣлахъ государственныхъ, и какъ люди дѣловые. При людяхъ знатныхъ всегда предполагаются незнатные дѣльцы. Впослѣдствіи времени мы видимъ при князьяхъ такими дѣльцами ихъ дьяковъ. Но въ періодъ до-монгольскій эти люди, по своему первоначалу весьма не высокіе, простые писцы, еще не успѣли составить себѣ репутаціи и еще не успѣли занять положенія,—въ періодъ до-монгольскій такими дѣльцами при князьяхъ были священники. Не состоя, разумѣется, оффиціально на службѣ у князей, они принимали въ дѣлахъ государственныхъ весьма дѣятельное и весьма большое участіе какъ частные дѣловые люди или временно призывавшіеся или можетъ быть даже и постоянно участвовавшіе только въ качествѣ дѣятелей и совѣтниковъ неоффиціальныхъ, приватныхъ. Имѣя въ нашей гражданской исторіи чрезвычайно скудныя свѣдѣнія по отдѣлу внутренней государственной жизни, мы не можемъ изобразить этого участія священниковъ въ дѣлахъ государственныхъ съ достаточной полнотой. Но что оно было и было весьма значительно и важно, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ почти совершенно находилось въ ихъ рукахъ, что они были у нашихъ удѣльныхъ князей своего рода Ришелье и Мазарини. Между удѣльными князьями, по причинѣ ихъ множества, были непрестанныя распри и ссоры, и слѣдовательно постоянныя дипломатическія сношенія. Для таковыхъ сношеній до такой степени преимущественно употреблялись въ періодъ до-монгольскій священники, что на тогдашнемъ дипломатическомъ языкѣ попъ и посолъ были синонимами и что въ международныхъ договорахъ попамъ усвояются тѣ же самыя преимущества, что и посламъ [2]).

---

[1]) «Въ тоже время Борисъ (князь Бѣлгородскій) пьяшеть (по-просту пьянствовалъ) въ Бѣлгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородскыми», 2 изд. стр. 288. Галичскій князь Владиміръ Ярославичъ отнялъ у попа жену и сдѣлалъ ее своей женой (та же лѣт. подъ 1188 г., стр. 444): попадья успѣла понравиться князю, конечно, на одномъ изъ его пировъ.

[2]) Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Нѣмцами 1228 г.: «аже послови пригодится пакость или попови, во всякой обидѣ за два человѣка платити дань», Карамз. III, 127; въ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами ок. 1195 г.: «оже убьють таль или попъ Новгородскіе или Нѣмецкые Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову»,—у Напіерскаго № 1-й (b) fin. О попахъ послами во внутреннихъ сношеніяхъ см. Ипатск. лѣт. подъ 1146 г. стр. 236,

Что священники иногда достигали чрезвычайно большаго вліянія, что ихъ дѣти и внуки иногда выходили въ весьма знатные люди, въ самые большіе бояре, на это мы имѣемъ свидѣтельствъ немного, но все-таки имѣемъ. Подъ 1240 г. въ Ипатской лѣтописи [1]) повѣтствуется о Галичскомъ бояринѣ Судьичѣ, который по происхожденію былъ поповъ внукъ и который, вмѣстѣ съ другимъ бояриномъ, заправлялъ всей землей Галичской, будучи больше въ ней самого князя [2]).

Священники городскіе нестоличные, по всей вѣроятности, представляли изъ себя то же самое, что и въ настоящее время, — людей уединенныхъ, живущихъ по преимуществу между самими собой и составляющихъ какъ бы особое общество въ обществѣ. Не играя какой-либо видной роли въ послѣднемъ, просительно смотря въ руки людей богатыхъ и слѣдовательно будучи усиленно съ ними почтительны, они въ то время не были и чѣмъ нибудь слишкомъ страдательнымъ [3]).

Какъ нѣчто именно страдательное должны быть представляемы священники сельскіе. Мы еще сами помнимъ то время, когда священникъ сельскій трактовался всѣми господами и всѣми начальниками свѣтскими, нисходя книзу до становаго включительно, немного лучшее лакея. Въ XVII вѣкѣ, отъ котораго больше или меньше можно заключать ко всему вообще Московскому времени, какъ мы имѣемъ свидѣтельства... [4]), не только бояре, но даже и боярскіе люди считали сельскаго священника за человѣка, съ которымъ всего менѣе нужно церемониться. Необходимо думать, что и въ періодъ до-монгольскій сельскій священникъ былъ все тѣмъ же жалкимъ паріемъ, какимъ мы его знаемъ во все последующее время. Тогда было еще особенное обстоятельство, которое долженствовало приводить къ тому, чтобы всѣ сколько-нибудь господа трактовали сельскихъ священниковъ совершенно какъ лакеевъ. Тогда существовало злоупотребленіе, чтобы господа ставили въ свои домовые и въ свои вотчинные священники своихъ рабовъ или лакеевъ, которыхъ

1161 г. стр. 352, 1170 г. стр. 369, 1180 г. стр. 419, 1202 г. стр. 481; Новгор. лѣт. I подъ 1215 г., въ Полн. Собр. III, 33. Какъ кажется, сюда же относится пословица: «попа послать стыжуся, а самъ идти боюся».

[1]) Стр. 525 нач.

[2]) И въ Греціи лица духовныя, впрочемъ не священники, а архіереи и монахи, весьма нерѣдко были употребляемы императорами въ гражданскихъ дѣлахъ, см. у Ралли и П. II, 229 и III, 349.

[3]) Въ настоящее время между священниками городскими бываютъ исключенія людей свѣтскихъ, вращающихся въ мірскомъ обществѣ и предающихся всѣмъ мірскимъ удовольствіямъ. Должно думать, что въ древнее и старое время такія исключенія бывали чаще, ибо въ древнее и старое время, при гораздо большей вообще близости священства къ обществу, это не могло составлять такой странной рѣзкости, какъ въ настоящее время.

[4]) См. у Соловьева въ Исторіи т. XI, 2 изд. стр. 254 fin.

удерживали въ рабствѣ и послѣ посвященія. Обращаясь съ этими своими священниками какъ съ холопами и лакеями, ибо дѣйствительно были таковыми, господа естественно должны были сдѣлать привычку обращаться какъ съ настоящими лакеями и со всѣми вообще сельскими священниками.

Скажемъ о мірскомъ или небогослужебномъ одѣяніи духовенства.

Въ Греціи не позднѣе, какъ съ того или другаго времени до 6 вселенскаго собора (691) было узаконено или вошло въ обычай, чтобы священники и всѣ клирики, какъ люди особенные въ обществѣ, одѣвались въ свои особенныя одежды, ибо въ правилахъ помянутаго собора читаемъ: «никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути: но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ» (στολαῖς κεχρήσθω ταῖς ἤδη ἀπονεμηθείσαις) [1]. Это узаконеніе или этотъ установившійся обычай должно понимать — во-первыхъ, не такимъ образомъ, чтобы для священниковъ или ими самими были изобрѣтены какія-нибудь новыя одежды (новая форма), а такимъ, что изъ многихъ видовъ одеждъ, существовавшихъ у мірянъ, имъ былъ присвоенъ, или они сами себѣ усвоили, одинъ извѣстный видъ наиболѣе для нихъ приличный; во-вторыхъ, объ одеждахъ не всѣхъ вообще, а только выходныхъ или публичныхъ, подразумѣвая, что одежды домашнія, невидимыя подъ выходными, оставлены произволу каждаго.

Въ настоящее время священники наши имѣютъ двѣ выходныя или публичныя одежды — подрясникъ и рясу. Но нынѣшняя ряса по своему происхожденію весьма поздняя, у Грековъ явившаяся только уже во времена турецкія, а нами усвоенная отъ Грековъ только уже въ половинѣ XVII вѣка, и до ея появленія выходныхъ одеждъ у священниковъ была одна, — та что̀ нынѣ составляетъ подрясникъ, который до нынѣшней рясы не назывался рясою, каковое названіе есть собственно названіе одной изъ одеждъ монашескихъ, но у Грековъ назывался иматіемъ, а у насъ однорядкою [2]. Этотъ иматій, наша старая однорядка и нашъ нынѣшній подрясникъ, былъ выходною или публичною одеждою не только священниковъ и діаконовъ, но и всѣхъ клириковъ, т. е. и чтецовъ и пѣвцовъ [3]).

---

[1]) Пр. 27. Ранѣе 6 вселенскаго собора Евсевій Кесарійскій въ жизни Константина (кн. I, гл. 42) даетъ знать, что епископы носили особую одежду, но онъ разумѣетъ, кажется, не столько ея форму, сколько качество, именно — онъ говоритъ «что епископы по одеждѣ казались ничтожными» (ἄνδρες εὐτελεῖς τῇ τοῦ σχήματος περιβολῇ). Выраженіе правила соборнаго «уже (ἤδη) даетъ какъ будто знать, что особая одежда у священниковъ явилась незадолго передъ тѣмъ».

[2]) О названіи у Грековъ см. Дюканж. Gloss. Graecit. подъ сл. ἱμάτιον, о названіи у насъ — ниже.

[3]) Сvмеонъ Солунскій De sacris ordinationibus, у Миня въ Патрол t. 155 p. 396.

Иматій, какъ одежда собственно такъ называвшаяся и національная у Грековъ съ древнѣйшихъ временъ, представлялъ собою безрукавную накидку или плащъ. Но у Грековъ позднѣйшихъ или византійскихъ былъ еще другой иматій, принадлежавшій ко многочисленному рязряду одеждъ, заимствованныхъ съ Востока, и называвшійся иначе каввадіемъ (καββάδιον) [1]), который составлялъ одежду не накидную, а надѣвальную и рукавную. Этотъ послѣдній иматій, будучи сшитъ изъ черной матеріи, употреблялся какъ одежда траурная [2]). Необходимо думать, что, какъ таковую одежду, и усвоили себѣ священники второй иматій, т. е. что изъ одеждъ, употреблявшихся въ міру, они избрали одежду траурную, поелику она всего болѣе имъ приличествовала, какъ одежда наиболѣе скромная и степенная (подобно тому, какъ у насъ женщины богомолки и читалки носятъ траурное платье). А во всякомъ случаѣ ихъ иматіи долженствовали имѣть траурный цвѣтъ — черный или темнокрасный (ὀξύς) [3]).

Объ иматіи священниковъ и всѣхъ клириковъ довольно много говоритъ Сvмеонъ Солунскій [4]). Но онъ не настолько обстоятельно описываетъ его форму, чтобы можно было сказать, насколько она была тождественна съ формою нынѣшнихъ подрясниковъ. Онъ называетъ иматій одеждою рукавною (μετὰ τοῖς μανικίοις), длинною до пятъ и широкою (но не съ широкими рукавами, какъ неправильно толкуютъ Сvмеона нѣкоторые), изъ стана съ рукавами представляющею крестъ (σταυρȣ̃ δὲ τύπον ἐπέχει τῷ μήκει τε καὶ τοῖς μανικίοις). Говоря, что чтецы преповсывали свой иматій и не говоря того же о священникахъ, при томъ говоря о первыхъ съ поясненіемъ, почему они такъ дѣлали: «поелику ихъ должность — служить», Сvмеонъ Солунскій даетъ знать, что священ-

---

1) Священническій иматій, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, въ письменныхъ памятникахъ называется иматіемъ, а въ общежитіи назывался и доселѣ называется у Грековъ каввадіемъ, *Византія* Κωνσταντινȣ́π. III, 403.

2) О траурномъ иматіи *Дюканж.* ibid.; что онъ былъ нашъ рукавный, видно изъ того, что на него надѣвалась безрукавная мантія, которая не надѣвалась на другія безрукавныя одежды.

3) Сvмеонъ Солунск. ibid. Не въ качествѣ траурной одежды, бывъ сшитъ изъ матеріи не чернаго цвѣта, а всякихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, священническій иматій, подъ именемъ каввадія, въ послѣднее время имперіи былъ носимъ императорами, сенаторами и другими сановниками (Сvмеонъ Солунск. ibid. и Кодинъ De officiis Constantinopolitanis, гл. 4, — Константинъ Порфирогенитъ упоминаетъ о каввадіи, но носившемся не самими Греками, а о какомъ-то носившемся иностранцами, находившимися у нихъ на службѣ. De ceremn. у Миня въ Патр. t. 112, p. 1376), а послѣ паденія имперіи до недавняго времени и всѣми вообще (желающими) мірянами, *Византія* Κωνσταντινȣ́π. III, 403.

4) Въ указанномъ выше мѣстѣ.

ники не имѣли обычая носить по иматіямъ поясовъ, какъ носятъ ихъ въ настоящее время по подрясникамъ (каковой обычай ношенія долженъ быть считаемъ заимствованнымъ отъ монахавъ одновременно съ тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ ними священники начали носить нынѣшнія рясы). Въ нашихъ русскихъ лицевыхъ или украшенныхъ миніатюрами рукописяхъ мы находимъ изображеніе священническаго иматія, по нашему однорядки, изъ того времени, когда еще онъ не имѣлъ поверхъ себя нынѣшней рясы и составлялъ единственную выходную или публичную одежду священниковъ, — такова извѣстная намъ рукопись съ лицевымъ житіемъ преп. Сергія Радонежскаго второй половины XVI вѣка, находящаяся въ библіотекѣ Троицкой Лавры и изданная послѣднею въ литографическомъ снимкѣ въ 1853 г. («Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 года. Въ литографіи Свято-троицкія Сергіевы Лавры»). Много разъ изображенный въ рукописи иматій представляетъ собою длинный до пятъ и довольно широкій или просторный халатъ, съ прямымъ станомъ или безъ таліи, съ довольно широкимъ откладнымъ воротникомъ, закругленнымъ на концахъ или какъ говорятъ — шалью, съ рукавами совершенно такими, какъ у нынѣшнихъ подрясниковъ, именно съ концами, плотно обхватывающими кисти рукъ на подобіе поручей, застегнутый отъ ворота до подола на длинный рядъ пуговицъ (лл. 15 об., 59 об., 332 sqq.) [1].

[1]) Отъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ должно думать, иматій и получилъ у насъ названіе однорядки, т. е. одежды, застегнутой на одинъ рядъ пуговицъ (какъ называлась у насъ и мірская, весьма похожая на него, одежда). А что онъ назывался у насъ однорядкой, см. автобіографію протопопа Аввакума, — разсказы о разстриженіяхъ (съ протопопа Даніила содрали однорядку и кафтанъ, — послѣдній — нынѣшняя ряса) и челобитную попы Никиты, выписки изъ которой въ статьѣ покойнаго К. И. Невоструева «О скуфьѣ и камилавкѣ», напечатанной въ Душепол. Чтен., въ Декабрской книжкѣ 1867 г. и въ Мартовской кн. 1868 г. — Невоструевъ указываетъ еще изображеніе священника въ однорядкѣ въ Собраніи рисунковъ къ путешествію Майерберга, изданномъ въ 1827. Мы не имѣемъ подъ руками этихъ рисунковъ; но если въ нихъ не согласно съ нашею рукописью, то должно давать большую вѣру ей, а не имъ. — На нашихъ рисункахъ священникъ, какъ это у Сумеона Солунскаго, не препоясанный по однорядкѣ поясомъ. — Иматій греческихъ императоровъ, называвшійся каввадіемъ, по своей формѣ представлялъ тоже самое, что на нашихъ рисункахъ и что мы сейчасъ описали, — длинный халатъ съ прямымъ станомъ или безъ таліи и узкими рукавами (подъ именемъ кабата греческій каввадій былъ въ числѣ одеждъ нашихъ русскихъ царей и имѣлъ ту же форму, что выше; а другая одежда нашихъ царей, имѣющая тотъ же станъ, но широкіе рукава, какъ у саккосовъ или у рясъ, есть не греческій каввадій, за который ошибочно иными принимается, а греческій императорскій саккосъ и называлась у насъ платномъ, см. *Савваитова* Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и пр., СПБ. 1865, подъ сл. платно, стр. 240, cfr указатель къ «Выходу государей»).

Отъ иматія, по нашему старому — однорядки, въ сей часъ указанномъ видѣ, нашъ нынѣшній подрясникъ, составляющій этотъ иматій — однорядку, отличается тѣмъ, что имѣетъ талію, что воротникъ вмѣсто отложнаго довольно большаго имѣетъ маленькій, стоячій и что не застегнутъ по поламъ. У Грековъ болѣе, чѣмъ у насъ, подрясникъ или иматій сохранилъ свою древнюю форму: воротъ его у нихъ, такъ же какъ и у насъ, маленькій, стоячій, но станъ прямой безъ таліи и ширина — древняя; не застегиваясь на рядъ пугоцивъ до самаго подола, онъ застегивается у нихъ на такой (весьма частой) рядъ отъ ворота до пояса. У насъ послѣ появленія нынѣшнихъ рясъ однорядки съузили и начали дѣлать съ таліей, нѣтъ сомнѣнія, затѣмъ, чтобы устранить неудобство ношенія двухъ широкихъ одеждъ (т. е. нынѣшней рясы и однорядки въ древней формѣ), а у Грековъ, у которыхъ этого не сдѣлано, такое неудобство устраняется тѣмъ, что подъ подрясникъ на таліи продѣвается тесьма, которая собираетъ его назади въ складки (какъ въ нашихъ солдатскихъ шинеляхъ; тесьма есть и у нашихъ подрясниковъ, только съ другимъ назначеніемъ); воротъ передѣланъ изъ большаго отложнаго въ маленькій стоячій, очевидно, потому, что первый не имѣетъ смысла и представляетъ неудобства при другой сверху одеждѣ; застегиваніе по поламъ у насъ уничтожено вполнѣ, а у Грековъ отчасти — или, независимо отъ нынѣшнихъ рясъ, потому, что стѣсняло шагъ, или же — если въ зависимости отъ нихъ, то потому, что эти послѣднія приняли на себя обязанность закрывать нижнее платье, къ чему служило оно.

Сейчасъ сказанное нами о формѣ иматія относится къ позднѣйшему времени въ Греціи и у насъ. Но въ древнее время онъ имѣлъ у Грековъ еще одну существенную особенность, которую первое нѣкоторое время, можетъ быть, сохранялъ и у насъ. Классическіе Греки не знали нашихъ рукавныхъ одеждъ съ разрѣзаннымъ передомъ или съ полами; у нихъ одежды были — или безрукавные плащи, накидки, или рукавныя рубахи съ глухими передами (наши діаконскій стихарь, архіерейскій саккосъ). Такъ было это и у первыхъ Грековъ византійскихъ, а когда вошло у нихъ въ обычай разрѣзывать переда у рукавныхъ одеждъ (или дѣлать рукавныя одежды съ разрѣзанными передами), остается намъ неизвѣстнымъ. Вмѣстѣ съ другими рукавными одеждами и нашъ священническій иматій былъ первоначально у Грековъ одеждою глухой, длинною и широкою рубахой, тѣмъ же кололомъ, что древняя богослужебная риза, только съ рукавами, и былъ разрѣзанъ съ переду, — явился одеждою съ полами, только въ позднѣйшее, неизвѣстное намъ, время (отъ разрѣза Греки не сразу перешли къ свободной распашкѣ, а отсюда и рядъ пуговицъ, на которыя иматій, подобно какъ и другія одежды, застегивался отъ верху до низу). Если случилось это не прежде принятія нами христіанства, а уже послѣ сего, то весьма возможно, что и у насъ нѣ-

которое время онъ оставался въ томъ же видѣ одежды глухой, надѣвавшейся черезъ голову (какъ это осталось въ Греціи и у насъ со всѣми одеждами богослужебными).

Зная, какъ у нынѣшнихъ нашихъ священниковъ имѣетъ себя дѣло съ рясами (нынѣшними), конечно, никто не подумаетъ, чтобы древніе наши священники всѣ и всегда непремѣнно ходили въ однорядкахъ и и чтобы вообще они были въ древнее время къ своей особенной одеждѣ тѣмъ же, что̀ напр. у насъ въ настоящее время военные къ мундиру. Если и до сихъ поръ сельскіе священники надѣваютъ рясу только за обѣдню въ воскресенье и въ большіе праздники, а во многихъ еще мѣстахъ только въ одни послѣдніе; если еще и до сихъ поръ въ домашнемъ быту только немногіе изъ нихъ употребляютъ заобычно и постоянно подрясникъ, а большинство, смотря по времени года, или довольствуется рубахой или носитъ тѣ же кафтаны, что и крестьяне: то, конечно, соотвѣтствующимъ образомъ должно думать и о періодѣ до-монгольскомъ. Въ Греціи съ Болгаріей и въ Сербіи до недавняго времени большинство сельскихъ священниковъ вовсе не знало, что̀ такое священническія одежды, ходило и служило въ тѣхъ же самыхъ одеждахъ, что и всѣ сельчане, и отличалось отъ послѣднихъ только поповской капой или поповскимъ головнымъ покровомъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что и у насъ было такъ въ старое и тѣмъ болѣе въ древнее время (о важности у насъ поповской скуфьи, указывающей на то, что въ ней полагалось поповство, см. ниже) [1].

---

[1]) У Гоара въ Евхологіи и у Гейнекція въ Abbildung d. alten und neuen Griechischen Kirche помѣщено изображеніе греческаго священника въ иматіи или каввадіи (въ объясненіяхъ къ изображенію послѣднее названіе), который не надѣтъ въ рукава, а накинутъ на плечи. Что у священника подъ накинутымъ каввадіемъ надѣто въ рукава, не видно, потому что онъ поставленъ бокомъ. Соображая примѣръ нынѣшнихъ священниковъ сербскихъ, думаемъ, что подъ накинутымъ каввадіемъ должно предполагать другой каввадій, надѣтый въ рукава, и понимать дѣло при этомъ — или такъ, что иногда для тепла священники греческіе носили по два каввадія, или такъ, что сначала носили по два каввадія для тепла, а потомъ это вошло въ обычай. Нынѣшніе сербскіе священники, не знающіе нашей широкорукавной рясы, именно ходятъ въ двухъ нынѣшнихъ подрясникахъ или древнихъ иматіяхъ, которые называютъ турецкимъ именемъ «джубе» надѣвая ихъ одинъ на другой (причемъ верхній, чтобы могъ быть надѣтымъ, имѣетъ нѣсколько болѣе широкіе рукава, чѣмъ нижній, и не имѣетъ поручей или запястій, обхватывающихъ кисти рукъ. — Византій, говоря о мірскихъ иматіяхъ или каввадіяхъ, которые вышли у Грековъ изъ употребленія только въ недавнее время, сообщаетъ любопытное извѣстіе, что рукава и воротъ у нихъ дѣлались обыкновенно бѣлыя: αἱ δὲ χειρίδες καὶ τὸ περιλαίμιον (ἡ τραχηλιὰ) αὐτȣ͂ (καββαδίȣ), συνήθως λευκὰ, ἀφίνοντο, καθὼς καὶ τώρα, ἔξωθεν τȣ͂ ἐπιβαλταρίȣ, πρὸς ἀπόδειξιν τῆς λεπτότητος καὶ λευκότητός των, — Κωνσταντινȣπ. III, 403. Если это дѣлалось такъ и у иматіевъ священническихъ, вопреки пред

Обращаясь отъ формы одежды священниковъ къ ея качеству, мы, конечно, не должны напоминать читателю о томъ, что вовсе не слѣдуетъ представлять шелки и шелки и аглицкія сукна. Люди пожилые еще сами помнятъ, какъ большинство нашихъ сельскихъ священниковъ было одѣто въ такіе нанки и демикотоны, которые и можно было находить только на рясахъ и подрясникахъ священниковъ. Подвигаясь отъ временъ нашей памяти нѣсколько назадъ, мы находимъ, что въ концѣ XVII — первой половинѣ XVIII вѣка многіе сельскіе священники ходили въ лаптяхъ, въ нихъ представляясь архіереямъ и въ нихъ щеголяя въ самой столицѣ государства Москвѣ [1]), и что одежда большинства этихъ священниковъ въ то же самое время была не только изъ сермяжныхъ сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашеныхъ, но и гнусная и раздранная [2]). Чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ, конечно, не лучше, хотя худшее сейчасъ указаннаго представлять уже и довольно трудно. Немногіе богатые священники изъ числа городскихъ ходили въ періодъ до-монгольскій въ одеждахъ изъ шелковыхъ матерій, причемъ вѣроятно не уступали въ щегольствѣ нынѣшнимъ щеголямъ-священникамъ, ибо названныя матеріи получались у насъ въ древнее время изъ Византіи и съ Востока въ полномъ изобиліи и въ самомъ большомъ выборѣ; не особенно многіе сравнительно священники средняго состоянія носили одежды изъ всякаго рода матерій болѣе или менѣе дешеваго фабричнаго приготовленія; всѣ же остальные священники, которыхъ было рѣшительное большинство, несомнѣнно носили ихъ изъ домашняго холста и домашняго сермяжнаго сукна, причемъ, какъ необходимо заключать отъ временъ послѣдующихъ, вмѣстѣ съ бѣдностію одежды вовсе не отличались и ея опрятностію, а представляли собой въ большинствѣ изъ большинства людей болѣе или менѣе рубищныхъ и лохмотныхъ [1]).

писанію или въ нѣкоторое нарушеніе предписанія о черномъ цвѣтѣ, то мы бы имѣли тутъ отвѣтъ на вопросъ, почему приходское духовенство называется бѣлымъ духовенствомъ).

[1]) *Кемпфера* Diarium itineris ad aulam Moscoviticam, *Н. Розонова* Исторія Московск. Епарх. Управленія ч. 1-я, М. 1869, стр. 137.

[2]) *Посошковъ* О скудости и богатствѣ, гл. I, *Н. Розоновъ*, ibidd.

[3]) Митр. Іоаннъ 2-й въ Церковномъ правилѣ къ Іакову черноризцу (по недавно найденному въ отрывкахъ греческому подлиннику) заявляетъ требованіе, чтобы священники по крайней мѣрѣ въ церковь за богослуженіе являлись въ одеждахъ шолковыхъ, льняныхъ или бумажныхъ, окрашенныхъ въ черный цвѣтъ (Записокъ Акад. Наукъ, т. XXII, кн. II, приложж. стр. 11); но его требованіе могло быть исполнено у насъ только въ отношеніи къ одеждамъ льнянымъ и притомъ только такъ, чтобы разумѣть не тонкое покупное полотно, а грубую домашнюю холстину: сами архіереи снабжали у насъ церкви въ періодъ до-монгольскій (какъ и весьма долгое время послѣ) антиминсами не шолковыми, не бумажными и не тонко-полотняными, а грубо-холщевыми. А какъ

Въ періодъ до-монгольскій у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, рѣшительное большинство архіереевъ было изъ монаховъ; но въ видѣ исключенія у насъ, такъ же какъ и тамъ, были архіереи и изъ бѣлыхъ священниковъ. У архіереевъ изъ монаховъ было принято въ Греціи, а вслѣдъ за нею и у насъ, носить одежду монашескую. Но какую одежду носили архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ, это составляетъ вопросъ, на который мы, къ сожалѣнію, не можемъ отвѣчать ничего положительнаго. Возможно, что вмѣстѣ съ большинствомъ архіереевъ и чтобы не розниться отъ большинства, они носили тоже, что̀ и они, одѣяніе монашеское, хотя и не были монахами ни въ какомъ смыслѣ; но столько же возможно и то, что они носили одѣяніе свое собственное и отличное отъ архіереевъ изъ монаховъ. Такъ какъ относительно головнаго покрова архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ есть указанія, что онъ былъ отличенъ отъ покрова архіереевъ изъ монаховъ (см. ниже); то вѣроятнѣйшимъ представляется думать послѣднее. Въ случаѣ вѣрности этого предположенія должно будетъ затѣмъ предполагать: или что одѣяніе архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ было совершенно тождественно и совершенно одно и тоже съ одѣяніемъ сихъ послѣднихъ, или что оно имѣло противъ него какія-нибудь свои прибавленія и отличія [1]).

Архіереи изъ монаховъ носили одѣяніе монаховъ манатейныхъ, изъ которыхъ они поставлялись (см. выше), именно — рясу и мантію.

Нынѣшняя ряса, какъ мы говорили, не есть дѣйствительная ряса. Эта послѣдняя ряса, составляющая одежду монаховъ первой или низшей степени, рясофоровъ или рясофорныхъ (рясу носящихъ) есть та одежда, которой собственное названіе хитонъ и которая названа рясой описательно, отъ качества. Греческое τό ῥάσον, изъ котораго наша ряса, прилагательное средняго рода съ подразумѣваемымъ существительнымъ ἀμφίον или ἔνδυμα — одежда, изъ латинскаго rasum, отъ rado — скребу, счищаю, значитъ одежду выношенную, вытертую, лишонную ворсы, вообще одежду худую, и потомъ еще въ употребленіи — одежду грубо-шерстяную, одежду изъ сермяжнаго или солдатскаго сукна [2]). Рясами (одеждами рясными), ῥάσα ἀμφία, назывались, во-первыхъ, всѣ монашескія одежды [3]), потому

дороги и какъ трудно доставаемы были въ селахъ матеріи, изъ которыхъ предписываетъ митр. Іоаннъ имѣть одежды священникамъ, видно изъ того, что и въ позднѣйшее время богослужебныя ризы въ большей части сельскихъ церквей были холщево-крашенинныя.

[1]) До появленія въ мірѣ монашества и до водворенія обычая ставить архіереевъ изъ монаховъ, архіереи, конечно, носили одѣяніе не монашеское; но какое именно они его носили, это остается неизвѣстнымъ (если только прежде водворенія указаннаго обычая архіереями уже была присвоена какая нибудь особенная одежда).

[2]) См. Дюканжа Gloss. Graecit. подъ сл. ῥάσον.

[3]) См. напр. Вальсамона Περὶ ῥασοφόρων, у Ралли и П. IV, 501.

что всѣ онѣ долженствовали быть «нищетными» [1]); во-вторыхъ — рясой названъ былъ хитонъ потому, что онъ долженствовалъ быть изъ грубаго сукна [2]). Хитонъ, у классическихъ Грековъ — собственно рубашка, непосредственно надѣваемая на тѣло (то, что̀ послѣ и нынѣ ὑποκάμισον), у позднѣйшихъ Грековъ былъ верхнею или выходною одеждою изъ класса рукавныхъ и глухихъ (см. выше), имѣвшею форму длинной до пятъ рубашки, а когда былъ разрѣзанъ спереди, то получилъ форму длиннаго до пятъ халата. Хитонъ или обычно ряса есть то, что̀ у нынѣшнихъ монаховъ подрясникъ, который передалъ свое второе имя одеждѣ, явившейся поверхъ его, т. е. нынѣшней рясѣ. Множество изображеній монашескаго хитона или собственной монашеской рясы конца X — начала XI вѣка мы имѣемъ въ извѣстномъ Менологіи импер. Василія Булгаробойца (или неправильно Македонянина, — Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris et caet.). По этимъ изображеніямъ онъ есть длинная до пятъ рубаха (еще не разрѣзанная спереди), отличающаяся отъ священническаго иматія тѣмъ, что не такъ просторна въ стану и совсѣмъ не имѣетъ воротника (см. Янв. 31), съ рукавами совершенно такими, какъ у иматіевъ или однорядокъ на рисункахъ въ Житіи преп. Сергія, именно узкими и имѣющими на концахъ обхватывающія кисти рукъ поручи или запястія (но въ самомъ Житіи Сергія рукава у рясъ монашескихъ другія — болѣе широкія и безъ поручей на концахъ, которые одной ширины со всѣмъ рукавомъ).

Мантіи, въ настоящее время надѣваемыя монахами манатейными только въ церкви и притомъ весьма рѣдко, въ древнее (и весьма долгое старое) время составляли такую же непремѣнную выходную ихъ одежду, какъ нынѣшнія рясы, которыхъ не было. Совершенно одинаково съ монахами было это и у архіереевъ [3]). Монашескія мантіи конца X — начала XI в. (Менолог. Василія) отличались отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что, во-первыхъ, имѣли, кажется, менѣе складокъ назади, и во-вторыхъ — что были гораздо ихъ короче, не только не волочились по землѣ, но и далеко, примѣрно на четверть или болѣе, ея не достигали. Должно думать, что имѣли ту же самую форму и мантіи архіерейскія. Что касается до отличія мантій архіерейскихъ отъ мантій монашескихъ, состоящаго въ такъ-называемыхъ источникахъ и скрижаляхъ (по греч. ποταμοὶ — рѣки и πόματα — яблоки), то, какъ даетъ знать 7-й вселенскій соборъ

---

1) Уставъ церк., гл. 39.

2) Въ нашихъ Азбуковникахъ: «Расу т. (толкъ) сукно; ряска т. сукманъ» (Сахарова Сказанія Русскаго народа II, 182, ркп. Моск. Дух. Акад. № 230).

3) Новг. 3-я лѣтопись подъ 1484 г.: безуміе архіепископа Сергія впервые было замѣчено потому, что онъ началъ выходить на улицу въ одной ряскѣ безъ мантіи. См. ниже о монахахъ.

(правило 16-е, конецъ), въ видѣ простаго украшенія, порожденнаго тщеславіемъ, они начали появляться довольно рано, а когда вошли въ общій обычай и были узаконены, остается неизвѣстнымъ (Изображенія архіереевъ въ мантіяхъ можно встрѣчать чрезвычайно рѣдко, ибо святители обыкновенно изображаются въ ризахъ, а не въ мантіяхъ. Въ Менологіи импер. Василія подъ 13 Ноября есть изображеніе въ мантіи Іоанна Златоустаго, ведомаго въ ссылку, — мантія совершенно монашеская безъ всякаго признака источниковъ и скрижалей; напротивъ, въ томъ же Менологіи есть довольно много (чуть не большая часть) преподобныхъ, у которыхъ по ширинѣ мантій немного выше подола или одна, или двѣ полосы, напоминающія источники архіерейскихъ мантій, ч. 1-й стрр. 110, 149, 164, 203 и другія, ч. 2-й стрр. 23, 67, 106, 109, 121, 125, 160, 215 и другія. Въ рукописи иллюстрированныхъ дѣяній Флорентійскаго собора, находящейся въ Вѣнской библіотекѣ, — у Несселя ч. V, стрр. 39 и 40, патріархъ Константинопольскій и другіе архіереи также въ мантіяхъ совершенно монашескихъ безъ всякихъ источниковъ и скрижалей, хотя съ другой стороны изъ свидѣтельствъ Кодина (выписка у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. ποταμοὶ) и Симеона Солунскаго (Expositio de divino templo, вопросо-отв. 38, у Миня t. 155, p. 712) положительно извѣстно, что во время Флорентійскаго собора архіереи уже имѣли на мантіяхъ источники и скрижали. У насъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ архіереи имѣли на мантіяхъ по три источника на каждой полѣ, — см. мантіи архіерейскія въ помянутомъ выше лицевомъ Житіи преп. Сергія и свидѣтельство Герберштейна въ Commentarii по изд. Старчевскаго, стр. 21, col. 2, а что касается до Грековъ позднѣйшихъ, то на мантіи патріарха Константинопольскаго въ Евхологіи Гоара три источника, а на мантіи того же патріарха въ Туркогреціи Крузія два и при этомъ идущіе не наискось, а горизонтально немного выше подола. Любопытное указаніе, что въ позднѣйшее время у насъ и священники имѣли на своей одеждѣ нашивки, подобные архіерейскимъ скрижалямъ см. въ указанной статьѣ Невоструева, а о таковыхъ нашивкахъ у Грековъ на платьѣ мірянъ-мужчинъ и женщинъ см. у Несселя т. 1, стр. 63 sqq). — Не знаемъ, носили или не носили наши архіереи мантіи мѣховыя, пока имѣли послѣднія своей обычной одеждой. Такъ какъ они имѣли возможность одѣваться тепло и помимо мантій, дѣлая мѣховыми свои рясы, что̀ нынѣ подрясники, и поддѣвая подъ эти послѣдніе мѣховыя куртки, и такъ какъ открытая мантія, бывъ сдѣлана на мѣху, не могла доставлять слишкомъ много тепла, а между тѣмъ должна была составлять значительную тяжесть, то представлялось бы вѣроятнѣйшимъ думать, что архіереи и лѣтомъ и зимой носили мантіи холодныя, подразумѣвая, что зимой не шелковыя, а суконныя (каковыя они во всякомъ случаѣ носили, ибо въ позднѣйшее время

упоминается манатейное сукно). Но съ другой стороны мы имѣемъ свидѣтельства, что уже у Грековъ древняго времени, соотвѣтствующаго нашему періоду до-монгольскому и не между архіереями только, но и между монахами, былъ обычай употреблять мѣховыя мантіи [1]). А поэтому весьма возможно, что для пышности и щегольства употребляли мѣховыя мантіи изъ дорогихъ мѣховъ и наши архіереи.

Въ позднѣйшее время въ числѣ одеждъ архіерейскихъ упоминается мятель [2]), о которомъ еще Кириллъ Туровскій или неизвѣстный авторъ «Сказанія о черноризчестѣмъ чину отъ Ветхаго закона и Новаго» говоритъ въ семъ послѣднемъ монаху: «а мятля на ся не възлагай» (у Калайд. стр. 110). Такъ какъ названіе мятель есть греческое μαντήλιον [3]), что есть уменьшительное изъ μανδύας — мантія, то слѣдовало бы разумѣть подъ мятлемъ такъ-называемую малую мантію или манотку, имѣющую видъ надѣваемаго на рясу капюшона, которая иногда носится монахами какъ бы мантія будничная (какъ бы монашескій полумундиръ). Но въ сейчасъ указанномъ Сказаніи о черноризчестѣмъ чину, о маноткѣ или малой маноткѣ говорится особо отъ мятля (у Калайд. стрр. 112, 113 и 114). Если мятель не малая мантія или манотка, то мы не въ состояніи сказать, что онъ былъ такое. Можетъ быть, дѣло должно понимать такимъ образомъ, что онъ былъ малой мантіей, только архіерейской, имѣвшей какія-нибудь отличія отъ малой мантіи монашеской, и что поэтому въ Сказаніи и запрещается надѣвать его монаху [4]).

Относительно качества одежды большинство священниковъ, какъ мы сказали, должны быть представляемы одѣтыми — на меньшую половину въ высшей степени скромно, на большую половину вовсе убого; совершенно другое нужно думать въ этомъ отношеніи о нашихъ архіереяхъ. Сознавая себя людьми, принадлежащими къ самой высшей знати въ государствѣ, они долженствовали быть знатными во всемъ, кончая и одеждой, или точнѣе сказать — въ томъ числѣ и одеждой, ибо большинство людей вовсе не полагаетъ одежду въ числѣ малостей. Если слуги архіереевъ нашихъ періода до-монгольскаго, по приведенному выше свидѣтельству, были одѣты богато и изысканно, то, конечно, еще

---

[1]) Описан. Синодд. рукпп. Горск. и Невостр., отд. III ч. 2 стр. 264 пач.

[2]) См. напр. описаніе одеждъ архіерейскихъ въ извѣстіяхъ Архіологическаго Общества, т. 2, стр. 328 fin., въ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи, вып. 3, приложж. стр. 42 и въ Описаніи документовъ и дѣлъ архива Св. Синода, т. I, приложж. стр. LXXXII.

[3]) Въ словѣ мятель буква я есть древній юсъ, имѣющій носовой звукъ anъ, такъ что истинное древнее произношеніе слова — мантель, а такъ какъ въ просторѣчіи у Грековъ μαντήλιον долженствовалъ быть μαντέλι, то и ясно до очевидности, что мятель изъ μαντήλιον (а не μανδύας).

[4]) Въ древнее время мятель былъ у насъ и мірскою общею одеждою, заимствованною отъ мірянъ Грековъ. См. Ипатск. лѣт. подъ 1152 г., 2 изд. стр. 319 sub fin., и подъ 1261 г., стр. 564.

болѣе тоже самое должно думать и о нихъ самихъ. А право и основаніе для непосредственныхъ заключеній о самихъ архіереяхъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ даютъ намъ наши нынѣшніе архіереи. Наши нынѣшніе архіереи одѣваются съ изысканной роскошью. Эта роскошь вовсе не бросается намъ въ глаза и вовсе не кажется роскошью, потому что она у насъ принята и обычна. Но она явится предъ нами во всемъ своемъ объемѣ, если мы поставимъ нашего архіерея, одѣтаго въ драгоцѣнныя или тѣ ліонскія шолковыя матеріи, которыя не знаемъ какъ называются (не говоря о теплыхъ рясахъ на драгоцѣнныхъ мѣхахъ) рядомъ съ архіереемъ греческимъ. Всѣ греческіе архіереи, включая въ то число и «вселенскаго», одѣваются нисколько не роскошнѣе нашихъ іеромонаховъ: черная ряса изъ той же самой матеріи, что у іеромонаховъ, и болѣе никакой роскоши. Наша роскошь архіереевъ въ одеждѣ значитъ не то, чтобы всѣ они хотѣли щеголять, а то, что у насъ такъ принято и такъ обязательно и что архіерей, явившійся у насъ куда-нибудь въ торжественное собраніе не въ драгоцѣнной рясѣ, а подобно напр. греческимъ архіереямъ въ простой монашеской, произвелъ бы настоящій соблазнъ и былъ бы сочтенъ за человѣка наклоннаго юродствовать [1]). Но эта наша роскошь, ставшая обязательнымъ закономъ, очевидно, указываетъ на то, что она идетъ изъ древняго времени. Что наши архіереи въ семъ случаѣ весьма уклонились отъ того, что̀ предписывается законами церковными, объ этомъ нечего говорить; правило 7-го вселенскаго собора (16-е) гласитъ: «всякая роскошь и украшеніе тѣла чужды священническаго чина и состоянія; сего ради епископы или клирики, украшающіе себя свѣтлыми и пышными одеждами да исправляются; аще же въ томъ пребудутъ, подвергати ихъ епитиміи» (и далѣе нарочито запрещаетъ ношеніе одеждъ изъ разноцвѣтныхъ ткапей, обычно употребляемыхъ у насъ архіереями, которые поэтому въ старое время и назывались у насъ пестрымъ духовенствомъ, пестрыми властями) [2]).

---

¹) Покойный митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ въ церковь за ту обѣдню, на которой говорилъ свое знаменитое слово о суетѣ въ одеждѣ, несомнѣнно въ безукоризненно хорошей рясѣ...

²) Нынѣшнія широкорукавныя священническо-монашескія рясы (которыхъ собственное имя — кафтанъ, отъ чего во многихъ мѣстахъ священники называютъ подрясники, — старыя однорядки, полукафтаньями, и которыя вовсе не суть старо-греческія каввадіи, какъ по недоразумѣнію полагаетъ покойный К. И. Невоструевъ, ибо каввадіи суть именно тѣ иматіи или однорядки, которые священники носили до нынѣшнихъ рясъ) у Грековъ явились во второй половинѣ XVI в., а у насъ взяты отъ Грековъ патр. Никономъ (см. въ помянутой статьѣ Невоструева). Откуда онѣ взялись у Грековъ, скажемъ послѣ, когда дойдетъ до ихъ принятія нами. Въ качествѣ одежды обязательной онѣ, кажется, введены была у насъ только между монахами, а священниками мірскими приняты въ общее употребленіе добровольно; по крайней мѣрѣ въ дѣяніяхъ

Прежде чѣмъ говорить о головномъ покровѣ древнихъ священниковъ, скажемъ о томъ, какъ имѣли себя самыя ихъ головы, т. е. собственно волосы. Къ удовольствію нынѣшнихъ священниковъ, которые не особенно жалуютъ свои длинные волосы и къ скорби священниковъ, которые напротивъ утѣшаются ими, мы должны сказать, что въ древнее время дѣло съ волосами ихъ было вовсе не такъ, какъ теперь. Во-первыхъ, священники подстригали свои волосы въ кружокъ совершенно такъ, какъ въ настоящее время подстригаютъ ихъ наши крестьяне, только значительно выше и при этомъ еще такъ, что волосы находящіеся надъ лбомъ не зачесывали на стороны, но оставляли ихъ безъ такъ-называемаго пробора висѣть на этомъ послѣднемъ. Во вторыхъ, они гладко выстригали кругловиднымъ образомъ большую часть головы, оставляя ниже этой выстрижки подстриженныхъ волосъ пальца на два — на два съ половиной, такъ что изъ этихъ волосъ образовывался вокругъ головы (выстрижки) какъ бы обручъ или вѣнецъ, отъ чего и выстрижка называлась στέφανος т. е вѣнецъ — (Сvмеонъ Солунск., въ просторѣчіи παπαλήθρα и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще γάῤῥαρα или γαράρα, — Дюк. Gloss. Graecit., у насъ гуменце, въ просторѣчіи попова плѣшь, — Акты Экспед. I, III. Въ настоящее время такъ выстригаютъ темя, только значительно менѣе чѣмъ древніе священники, нѣкоторые изъ старообрядцевъ, а въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи и старики изъ православныхъ). Что касается до подстриженія волосъ, то у Грековъ это было общей принадлежностію или общей особенностію клириковъ съ мірянами, ибо у Грековъ послѣдніе не носили длинныхъ волосъ, о чемъ говоритъ еще ап. Павелъ: *мужъ, аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (I Кор. II, 14). Не найдено же было для клириковъ неприличнымъ носить подстриженные волосы по той простой причинѣ, что по взглядамъ Грековъ подстриженные волосы были признакомъ простоты и скромности, а напротивъ длинные волосы считались у нихъ за весьма предосудительныя съ христіанской нравственной точки зрѣнія изысканность и щегольство [1]). Что касается до гладкаго и кругловиднаго остриженія (выстриженія) верха головы или такъ называемаго вѣнца (στέφανος), то онъ былъ собственною и спеціальною особенностію клириковъ или ду-

---

собора 1675 г., бывшаго при патр. Іоакимѣ, предписывается: «одежди же имъ (протопресвитерамъ, протодіаконамъ, іереямъ же мірскимъ и діаконамъ) носити по подобію Греческихъ монашескихъ рясъ (широкорукавныхъ, какъ прямо говоритъ соборъ выше) или по обычаю Россійскому священническому» (однорядки), — Ист. Іер. I, 344.

[1]) См. 6 всел. соб., пр. 96 и толкованія на него Зонари и Вальсамона. А затѣмъ еще, въ противоположность франтамъ и въ противоположномъ смыслѣ, носили длинные волосы пустынники и анахореты (которыхъ не должно совсѣмъ смѣшивать съ монахами), см. ниже въ главѣ о монашествѣ.

ховенства, былъ именно собственнымъ знакомъ или признакомъ духовнаго званія, — κληρικοῦ σχῆμα. Это остриженіе совершалось при посвященіи въ первую степень причта или клира — въ чтецы [1]). Тотъ фактъ, что въ древнее время архіереи и священники и вообще всѣ члены клира или причта носили подстриженные, какъ указано выше, волосы, несомнительно доказываютъ сохранившіеся памятники древней иконографіи, и не только древней, но даже поздней, и не только поздней, но даже и настоящаго времени, ибо и въ настоящее время пишутъ у насъ древнихъ святителей съ короткими или подстриженными волосами [2]). Кругловидное же и гладкое выстриженіе головы между людьми сколько нибудь знающими есть фактъ общеизвѣстный [3]). Когда вывелось у насъ подстриженіе волосъ, положительно сказать пока не можемъ, но съ увѣренностію думаемъ, что не во времена еще Кіевскія или домонгольскія, а во времена уже Московскія [4]), остриженіе же или выстриженіе верха головы (гуменце) оставалось, сколько мы знаемъ въ настоящее время, ни-

---

¹) Въ греческомъ чинѣ посвященія въ чтецы до сихъ поръ читается, что архіерей крестообразно стрижетъ посвящаемаго и затѣмъ поручаетъ кому-нибудь остричь его εἰς κληρικὸν σχῆμα (κείρεται παρ᾽ ἀρχιερέως σταυροειδῶς.... εἶτα τέλεον ὑπό τινος εἰς κληρικὸν κείρεται σχῆμα).

²) Памятники иконографіи VI в. у Зальценберга въ Altchristliche Baudenkmale Bll. XXVII и XXVII, конца X в. — Менологій импер. Василія, второй половины XI в. — въ такъ называемомъ Святославовомъ Изборникѣ лл. 3 и 128; позднѣйшіе и именно наши — Строгоновскіе лицевые святцы XVI в., такъ называемые Коппоніанскіе святцы XVII в. у Ассемани въ Kalendaria, Кіевскіе святцы того же вѣка у Мартынова въ Annus Eccles.

³) Желающій впрочемъ пусть смотритъ въ Синтагмѣ Ралли и П. ища по Index'у κουρά и ἐπικουρίς, а не ходя такъ далеко, вотъ предписаніе Московскаго собора 1674 г.: «протопресвитери и протодіакони, іереи же мірстіи и діакони долженствуютъ ходити во скуфіяхъ, во знаменіе священнаго духовнаго ихъ чина и рукоположенія архіерейскаго, на главахъ же имѣти *простриженo зовемое гуменно немало*, власы же оставляти по круглости главы, еже являетъ терновый вѣнецъ, его же носи Христосъ», Ист. Іер. I, 344 нач. Древнее толкованіе: «Что есть іерей и почему глаголется священникъ и что остриженіе главы его», даетъ какъ будто знать, что верхъ головы не только былъ выстригаемъ, но и выбриваемъ, ибо — это между прочимъ въ воспоминаніе того, что ап. Петръ «отъ противящихся словеси, *обритъ* (былъ), яко ругу (наруганіе) пріимъ отъ нихъ» (ркп. Моск. Д. Акад. изъ Волокк. № 566 л. 338 обор. нач.), а относительно позднѣйшаго времени у насъ въ Россіи Петрей утверждаетъ это положительно (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1867 г., ч. 2, стр. 419).

⁴) Въ 1504 г. въ Псковѣ было постановлено относительно вдовыхъ священниковъ, изобличенныхъ въ нечистой жизни: „жити имъ въ міру кромѣ церкви и верхъ тѣмъ власы свои растити и одежда имъ носити мірская“ (Псковск. 1-я лѣтоп., въ Собр. Лѣтопп. IV, 277) Если бы священники уже носили длинные волосы, то слѣдовало бы ожидать, что будетъ сказано объ остриженіи сихъ длинныхъ волосъ (косы), ибо они и при ращеніи верха оставались бы видимымъ знакомъ священства и притомъ знакомъ болѣе видимымъ, чѣмъ гу-

какъ не менѣе, какъ до начала XVIII в.[1]). Относительно волосъ епископовъ напр. Фотій въ одномъ посланіи къ папѣ Николаю даетъ знать[2]), что въ его время въ Греціи епископы поставлявшіеся изъ монаховъ не перемѣняли формы ношенія волосъ монашеской на форму священническую; слѣдовательно только носили подстриженными волосы (какъ это дѣлали тогда монахи, о чемъ ниже), но не выстригали на головѣ вѣнца.

Головной покровъ священниковъ и діаконовъ и, какъ кажется, всѣхъ низшихъ клириковъ въ древнее время былъ двойной — внутренній, составлявшій принадлежность и знакъ духовнаго сана, и внѣшній для защищенія головы отъ атмосферныхъ вліяній, какъ у всѣхъ вообще людей.

Первый составляла скуфья, по-гречески тоже σκούφια, но преимущественно σκιάδιον, которая закрывала выстриженный верхъ, плотно его облегая, и которую священники имѣли на головахъ — во-первыхъ, всегда внѣ церкви, т. е. не только на улицѣ, но и въ домахъ, во-вторыхъ, какъ кажется, и въ самой церкви, когда просто присутствовали въ ней, но не совершали службъ[3]).

менце, ибо послѣдняго не видно при закрытой головѣ. Въ помянутомъ выше лицевомъ Житіи преп. Сергія священникъ изображается съ подстриженными волосами, — лл. 14, 15 и об. 59 об., 59 об., 332, sqq. Не имѣемъ въ настоящую минуту возможности справиться въ сунодальной рукописи начала XVI в., по описанію Горск. и Невостр. № 204, въ которой на л. 368 «О пострижаніи брады» и рощеніи волосъ на головѣ, но подозрѣваемъ, что тамъ запрещается именно то рощаніе, о которомъ сейчасъ говоримъ. По свидѣтельству Льва Алляція, даже еще и въ его время, т. е. въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Греціи носили длинные волосы только монахи, но не священники (въ трактатѣ De monachis et monialibus in Graecia, котораго мы не имѣемъ подъ руками и извлеченіе изъ котораго читаемъ въ примѣчаніяхъ Феляргія къ Энхиридіону Христоф. Ангела, p. 675).

[1]) См. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1861 г., кн. 3, статью: Царевичъ Алексѣй Петровичъ, стр. XIII. О величинѣ бывшаго гуменца свидѣтельствуетъ пословица: «не грози попу плѣшью, у него плѣшь съ лопату». О позднѣйшемъ мнѣніи, что попу должна подстригать гуменцо попадья, а не кто либо другой, — въ Прав. Собесѣдн. 1861 г., кн. 3, стр. 347.

[2]) Ἀπολογητικὴ Ἐπιστολή, по изд. Валетты стр. 156.

[3]) Симеонъ Солунскій говоритъ о скуфьяхъ или скадіяхъ такъ, что какъ будто онѣ принадлежали однимъ священникамъ и діаконамъ (De sacris ordinationibus cap. 186, у Миня t. 155, p. 396). Но такъ какъ назначеніемъ скуфьи было то, чтобы прикрывать выстреженное гуменце, а сіе гуменце имѣли и чтецы съ пѣвцами, то на этомъ основаніи слѣдуетъ думать, что носили скуфью и они (у Гейнекція въ Abbildung d. alten und neuen Griechisch. Kirche, ч. III къ стр. 62, мальчикъ, сопутствующій священнику и замѣняющій ему дьячка, изображенъ въ такой же, какъ онъ, скуфьѣ). Объ употребленіи скуфей священниками въ церкви скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о богослуженіи. Объ ихъ употребленіи священниками внѣ церкви у Олеарія читаемъ: «при посвященіи (во священники) постригаются (посвящаемому) на макушкѣ волосы и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею, плотно лежащая

Внѣшній головной покровъ (περικεφάλαιον или ἐπιῤῥιπτάριον), употреблявшійся только на улицѣ и налагавшійся на внутренній, о которомъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній и притомъ только позднѣйшія, былъ, по всей вѣроятности, произвольный съ тѣмъ предполагаемымъ при всѣхъ одеждахъ священниковъ ограниченіемъ, чтобы онъ былъ по возможности скромный. Что касается до немногихъ позднѣйшихъ свѣдѣній или собственно иконографическихъ свидѣтельствъ, то на основаніи ихъ слѣдуетъ заключать, что наиболѣе употребительнымъ внѣшнимъ головнымъ покровомъ священниковъ была шляпа, — та самая, которую они носятъ до настоящаго времени, но только еще съ болѣе низкой тульей и еще съ съ болѣе широкими полями, и затѣмъ наконецъ — если не всегда, то иногда съ тою особенностію, что она имѣла практическое приспособленіе, при помощи котораго снятая съ головы могла висѣть на спинѣ, именно — въ поля шляпы съ боковъ противъ ушей вдѣвались шнуры, которые держались въ своихъ мѣстахъ (дырахъ) посредствомъ пришитыхъ къ верхнимъ концамъ ихъ запонокъ или пуговокъ и которые, имѣя длины четверти двѣ — двѣ съ половиной, нижними концами сшивались вмѣстѣ.

на подстриженномъ мѣстѣ головы, прямо на кожѣ, какъ наши ермолки, около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадаютъ по плечамъ, какъ у женщинъ. Шапочку эту попы никогда днемъ не снимаютъ, развѣ только для того, чтобы снова подстричь выросшіе на головѣ волосы: это какъ бы священная принадлежность и имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ, то подвергается большому взысканію и долженъ заплатить попу безчестіе. Но отъ этого попы не меньше получаютъ побоевъ, ибо вообще они болѣе нетрезвый и праздный народъ, чѣмъ другіе люди. Чтобы не трогать священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ попа, затѣмъ поколотятъ его хорошенько и снова бережно надѣваютъ на него оную». (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1864 г., кн. 4, стр. 351). Раньше Олеарія Герберштейнъ пишетъ: (sacerdotes) vestimentum prope laicorum habent, extra paretum parvum et rotundum, quo rasuram tegunt... (По изд. Старчевскаго, стр. 21, col. I fin). О ношеніи у насъ въ позднѣйшее время скуфей не только священниками, но и діаконами, см. Акт. Истор. т. 2, № 53, стр. 63, и приведенную выше выписку изъ дѣяній собора 1675 г. По позднѣйшимъ нашимъ извѣстіямъ, скуфьи у поповъ были четверосоставныя (изъ четырехъ клиньевъ), обложены торокомъ или оторочкой и имѣли три строки (Сунод. ркп. № 850 л. 70 обор.). У Грековъ въ позднѣйшее время священники и діакона носили скуфьи съ большими хвостами (περιστερά) на подобіе скуфей нашихъ послушницъ (Суханова Проскинитарій, по Казанск. изд. стр. 30, и изображеніе священника у Гейнекція въ Abbildung ч. III, къ стр. 62). Еще выписки и между прочимъ изъ дѣяній Московскаго собора 1667 г. въ помянутой статьѣ Невоструева. Послѣдній, какъ кажется, представляетъ дѣло такъ, что у насъ священники носили только скуфьи безъ шапокъ поверхъ ихъ; но не говоря о совершенной невѣроятности предполагать, чтобы священники наши могли довольствоваться такимъ легкимъ головнымъ покровомъ, читанныя и цитуемыя имъ дѣянія собора 1674 г. ясно говорятъ сначала о скуфьяхъ, а потомъ «тако же» и о

при чемъ на общемъ или соединенномъ концѣ для красоты пришивалась довольно большая кисть [1]).

Относительно головнаго покрова архіереевъ Іоаннъ Кантакузенъ въ своей хроникѣ, говоря о патріархѣ Константинопольскомъ Іоаннѣ Гликѣ (1316 — 1320), даетъ знать, что онъ былъ особый у архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ и особый у архіереевъ изъ монаховъ [2]), что̀ необходимо было бы понимать такъ, что архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ употребляли какъ таковой головной покровъ священническую шляпу, о которой мы сказали сейчасъ, а архіереи изъ монаховъ — головной покровъ монашескій, который у насъ въ настоящее время не въ своей древней формѣ и который въ этой послѣдней, сохраняемой нашими старообрядцами, вмѣсто нашего высокаго клобука имѣлъ подъ такъ-называемой крепой шапочку или скуфью, подобную священнической. Такъ какъ на извѣстныхъ намъ старыхъ изображеніяхъ архіереевъ [3]) мы не находимъ ихъ въ одной священнической шляпѣ, но или въ головномъ покровѣ монашескомъ или семъ покровѣ и поверхъ его

шапкахъ (До настоящаго времени носятъ наши скуфьи священники Австрійскихъ Сербовъ). Къ выпискамъ Невоструева должно прибавить еще Петрея (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867 г., кн. 2, стр. 419 и 423, изъ котораго отчасти заимствуетъ Олеарій и у котораго прямо о скуфьяхъ и о шапкахъ, хотя нѣсколько и перепутано, — можетъ быть впрочемъ не авторомъ, а только переводчикомъ).

1) См. изображеніе митр. Виссаріона въ священнической шляпѣ поверхъ головнаго покрова монашескаго въ одной изъ рукописей Вѣнской библіотеки,— у Несселя ч. IV, стр. 42, изображенія нѣсколькихъ архіереевъ въ тѣхъ же шляпахъ также поверхъ монашескихъ головныхъ покрововъ на миніатюрѣ засѣданій Флорентійскаго собора, ibid. ч. V, стр. 40, и изображеніе священника Іоанна Нафанаила — при его книгѣ Ἡ θεία λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων διαφόρων διδασκάλων, напечатанной въ Венеціи въ 1574 г. (въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ при Никонѣ, названной Скрижалью). Иногда, и вѣроятно только архіереями, вмѣсто шнуровъ употреблялись широкіе ленты, которыя пришивались къ бокамъ шляпы внутри и которыя внизу не сшивались вмѣстѣ, а оставлялись такъ, будучи, конечно, въ случаѣ надобности завязываемы, — см. изображеніе патр. Константинопольскаго въ Евхологіи Гоара, Парижск. изд. стр. 115, и изъ него у Дюканж. Glossarium Graecitatis передъ началомъ и у Гейнкція Abbildung ч. III, къ стр. 60, также въ Туркогреціи Крузія, стр. 106. Контакузенъ, говоря по поводу Константинопольскаго патріарха Іоанна Глики, что патріархи, если они будутъ не изъ чина монашествующихъ, носятъ головной попокровъ покрытый бѣлымъ полотномъ (Хроники кн. 3, гл. 36, выписка у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. καμελαύκιον) даетъ знать, что мірскіе священники, если не всегда и обычно, то большею частію носили головные покровы или шляпы бѣлаго цвѣта (это опять къ отвѣту на вопросъ: отъ чего мірскіе священники — бѣлое духовенство).

2) Цитата въ предъидущ. прим.

3) См. второе примѣчаніе выше.

священнической шляпѣ [1]), то слѣдуетъ думать, что архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ употребляли шляпу въ соединеніи съ головнымъ покровомъ монашескимъ и именно, какъ мы сейчасъ сказали, надѣвая ее поверхъ сего послѣдняго. А такъ какъ въ позднѣйшее время мы находимъ священническія шляпы и у архіереевъ изъ монаховъ, то слѣдуетъ, что и сіи послѣдніе, если не всегда, то иногда употребляли ихъ въ соединеніи съ головнымъ покровомъ монашескимъ. Извѣстныя намъ шляпы позднѣйшихъ архіереевъ изъ монаховъ называются проѣзжими, чѣмъ дается знать, что если не исключительно, то по преимуществу онѣ употреблялись сими архіереями въ дорогахъ [2]).

Отличіе шляпъ у архіереевъ отъ шляпъ у священниковъ было то, что на первыхъ изъ широкихъ тесемъ, лентъ или бахромъ нашивался крестъ, и именно — большой, имѣвшій центромъ своимъ центръ тульи шляпы и простиравшійся концами до краевъ полей послѣдней [3]).

Зимнимъ головнымъ покровомъ наши священники имѣли вмѣсто шляпы тѣ или другія изъ употреблявшихся у насъ зимнихъ шапокъ, и какъ есть основанія думать — по преимуществу такъ-называемый и доселѣ сохранившійся у священниковъ треухъ или малахай, который едва ли не есть весьма громкая по имени греческая τροπαιεχία, что̀ значитъ головной покровъ побѣдителей. Сія послѣдняя, будучи собственно солдатскимъ шлемомъ или солдатской каской, если обращалась у Грековъ въ видѣ простой или, какъ говорятъ, цивильной шапки, легко могла перейти къ нимъ по той причинѣ, что имѣла весьма важное для нашей зимы свойство закрывать уши и затылокъ (была весьма похожа на каски нашихъ

---

1) На нашъ нынѣшній монашескій клобукъ надѣть священническую шляпу, конечно, неудобно; но надѣть ее на сей клобукъ въ его древней формѣ, которую мы указали, нѣтъ никакого неудобства; на нашъ непривычный взглядъ это будетъ только немного странно.

2) Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи, выпускъ 3-й, Спб. 1865, прилож. стр. 42 нач. («шляпа проѣзжая»). Въ натурѣ двѣ шляпы патр. Никона — одна въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, другая въ Московской Сѵнодальной ризницѣ.

3) Сѵмеонъ Солунскій, — выписка у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. σταυροφόροι, изображенія патріарховъ въ Евхологіи Гоара (и изъ него у Дюканжа и Гейнекція) и у Крузія; въ натурѣ шляпа патр. Никона въ Сѵнодальной ризницѣ, съ которой споротъ крестъ, но на которой явственно видны его швы. О патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ Кантакузенъ сообщаетъ (цитата выше), что онъ обернулъ священническую шляпу (по тульѣ) бѣлой матеріей и на сей послѣдней написалъ (спереди) образъ Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечей. — Главные шесть чиновниковъ или клириковъ патріарха Константинопольскаго, такъ называемые ἐξωκατάκοιλοι, по подобію архіеревъ, имѣли крестъ на шляпахъ, отъ чего назывались σταυροφόροι, — крестоносные чиновники или сановники (въ нашихъ извѣстіяхъ о нихъ Супральск. лѣтоп., стр. 147 нач. и у

пожарныхъ солдатъ) [1]. Подобно шляпамъ архіереи употребляли у насъ и треухи или малахаи, на которые, такъ же какъ и на шляпы, были нашиваемы кресты [2].

Отношенія Русской церкви къ Римской, попытки папъ подчинить насъ своей власти и наши собственныя обращенія къ папамъ.

Выше было говорено, что нѣкоторые римско-католическіе писатели утверждаютъ, будто мы — Русскіе обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами и будто уже только послѣ принятія христіанства мы перешли или были перезваны и переманены отъ папы на сторону Грековъ. Этимъ дѣло не кончается. Писатели утверждаютъ, будто и передавшись на сторону Грековъ, мы все-таки не порвали связей съ св. отцомъ, будто мы признавали его верховенство и главенство въ церкви и будто такъ было по однимъ изъ нихъ — то или другое нѣкоторое время, а по другимъ — даже въ продолженіе всего періода домонгольскаго.

Цѣль этихъ не менѣе неожиданныхъ и странныхъ увѣреній все та же, что и выше, т. е. чтобы создать для насъ обязанность возвратиться къ стопамъ св. отца.

Исторія нашихъ отношеній къ папамъ въ продолженіе періода домонгольскаго должна быть раздѣляема на двѣ половины. Мы приняли христіанство до окончательнаго раздѣленія церквей Восточной и Западной, и это раздѣленіе, случившееся въ 1054 году [3], т. е. чрезъ 60

Муравьева въ Сношеніяхъ съ Востокомъ ч. I, стр. 87 нач.). Что касается до тѣхъ же главныхъ чиновниковъ у митрополитовъ, то они получали сіи кресты только по особымъ пожалованіямъ императоровъ (подобно нынѣшнимъ орденамъ) и притомъ сіи пожалованія начались только въ позднѣйшее время, — такъ чиновникамъ митрополита Солунскаго, одного изъ наиболѣе важныхъ въ патріархатѣ Константинопольскомъ, кресты были пожалованы въ 1347 г. (Миклошича Acta Patriarchat. Constantinop. I, 258).

[1]) Названіе же малахай или молохай есть несомнѣнно греческое — μολάχιον (Словарь Византія) отъ μαλάχα (μολόχα и μολοχᾶ, — Дюк. Gloss. Graecit.), — проскурнякъ, и означаетъ головной покровъ (по преимуществу женскій) похожій формою на проскурнякъ.

[2]) Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи, выпускъ 3-й, Отд. II, стр. 14. Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. I, приложж. стрр. CCIV, CCCCLXVII и CCCCLXXIII.

[3]) Легаты папы, бывшіе въ Константинополѣ, положили на престолъ св. Софіи отлучительную грамоту противъ Грековъ, съ каковой минуты началось окончательное раздѣленіе, 16 іюля 1054 года.

лѣтъ послѣ нашего крещенія, и должно быть полагаемо гранью двухъ половинъ.

Ссора патріарха Фотія и папы Николая 1-го въ половинѣ IX вѣка, ссора весьма сильная и сопровождавшаяся взаимными отлученіями, не была однако началомъ совершеннаго и формальнаго раздѣленія церквей. Послѣ ссоры миръ снова былъ возстановленъ, и хотя онъ былъ очень непроченъ, хотя прерывался вспышками затаенной вражды и хотя Греки смотрѣли на латинянъ подозрительно и обличали ихъ въ отступленіяхъ отъ православія и правомыслія: однако до 1054 г., когда совершилось окончательное раздѣленіе, послѣдніе были для первыхъ, хорошими или худыми, православными и сынами единой вселенской церкви. Само собою разумѣется, что какъ смотрѣли на латинянъ до раздѣленія Греки, такъ смотрѣли на нихъ и мы. Папа не былъ для Грековъ еретикомъ [1]) (не бывъ вполнѣ доброкачественнымъ и православнымъ); конечно, прежде Грековъ не объявляли его еретикомъ и мы. Если католическіе писатели докажутъ, что Греки признавали папу главою церкви, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ доказано, что таковымъ признавали его и мы (ибо и мы признавали его тѣмъ, чѣмъ признавали Греки). Но было ли когда-нибудь послѣднее и особенно было ли что-нибудь похожее на это послѣднее въ періодъ времени отъ ссоры патр. Фотія съ папою Николаемъ до окончательнаго раздѣленія, къ концу котораго относится наше христіанство?

Послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, происшедшаго въ 1054 г., папа сталъ для Грековъ еретикомъ, [2]) отлученнымъ отъ вселенской церкви. Повидимому, совершенно ясно, что тѣмъ же долженъ былъ онъ стать и для насъ, ибо мы остались на сторонѣ Грековъ и подъ ихъ властію, чего католическіе писатели не отрицаютъ. Однако эти писатели говорятъ, что — нѣтъ, что и послѣ сего мы то или другое время признавали власть папы (нѣкоторое,—какъ говорятъ одни; весьма долгое, до самаго конца періода домонгольскаго, — какъ говорятъ другіе). Писатели не берутъ на себя труда объяснить удовлетворительно, какимъ образомъ могло быть, чтобы мы въ одно и тоже время признавали двѣ враждебныя и исключающія одна другую власти (ибо того факта, что мы остались и оставались подъ властію Грековъ они, повторяемъ, не отрицаютъ); но какъ кажется, они предполагаютъ, что въ вопросѣ о папѣ мы — Русскіе вели себя независимо отъ Грековъ, что послѣ того какъ Греки

---

[1]) Церковь Греческая, какъ церковь, не провозглашала латинянъ еретиками посредствомъ своего соборнаго (такъ сказать оффиціальнаго) приговора. Но большинство частныхъ греческихъ полемистовъ, увлекаемое враждой въ прискорбную крайность, хотѣло видѣть въ нихъ не только еретиковъ (а не схизматиковъ), но даже и еретиковъ самыхъ злыхъ и тяжкихъ. Сравн. о семъ ниже.

[2]) Разумѣемъ, какъ сказали, большинство частныхъ мнѣній, но не голосъ церкви.

провозгласили его еретикомъ, для насъ — Русскихъ онъ остался православнымъ и что такимъ образомъ, не отдѣляясь отъ нихъ и не отлагаясь отъ ихъ непосредственной власти, мы продолжали признавать въ то же время, вопреки имъ, и его — папы верховную (надъ непосредственною) власть. Но если это такъ, то не говоря о совершенной оригинальности мысли усвоять намъ указанную самостоятельность, т. е. иначе о крайней и смѣшной ея несостоятельности, не говоря о недоказанности, т. е. хотимъ мы сказать — совершенной ложности того, что составляетъ здѣсь сущность, а именно, — будто бы въ продолженіе времени, предшествовавшаго раздѣленію, Греки передали намъ ученіе о главенствѣ папы въ церкви, — въ отвѣтъ на сказанное выше мы считаемъ достаточнымъ указать только на то, что послѣ раздѣленія у насъ митрополитами были Греки: возможно ли и сообразно ли съ человѣческимъ смысломъ допускать, чтобы одни и тѣ же Греки въ Константинополѣ признавали папу еретикомъ, а въ Кіевѣ православнымъ и главою вселенской церкви? Но, говорятъ католическіе писатели, у нихъ есть фактъ, доказывающій то, что̀ они утверждаютъ. Этотъ фактъ — нашъ русскій праздникъ 9 мая въ честь перенесенія мощей Николая чудотворца въ Баръ-градъ. Праздникъ установленъ въ Россіи помимо Греціи, которая его не знаетъ и не признаетъ; событіе, въ память котораго онъ установленъ, вовсе не есть для Грековъ предметъ радости и торжества: ясно-де, что онъ установленъ Русскими по приказанію папы и слѣдовательно ясно-де, что въ минуту установленія праздника, что было уже послѣ раздѣленія церквей (въ послѣднихъ годахъ XI вѣка), они признавали его власть. Этотъ праздникъ есть собственный и единственный фундаментъ, на которомъ зиждутся всѣ увѣренія римско-католическихъ писателей. Но, увы! судьба, какъ бы избавляя насъ отъ напрасныхъ словопреній, хотѣла, чтобы они имѣли съ своимъ толкованіемъ праздника спеціальныя ad hoc рѣшительныя противъ себя доказательства. Въ то самое время, какъ былъ установленъ у насъ праздникъ 9 мая, папа обращался къ нашему митрополиту съ предложеніемъ возсоединенія, и митрополитъ отвѣчалъ ему обличеніями его неправомыслія и отказомъ на предложеніе (сношенія папы Климента III съ нашимъ митрополитомъ Іоаннамъ II): ясно, что праздникъ установленъ у насъ не по приказанію папы. Если бы онъ былъ установленъ у насъ по приказанію папы, то былъ бы установленъ и во всей католической церкви, ибо нельзя же, конечно, утверждать, чтобы папа имѣлъ фантазію установить его въ одной Русской церкви; но католическая церковь этого праздника не имѣетъ и никогда не имѣла; слѣдовательно ясно, что онъ былъ установленъ у насъ не по приказанію папы (не установляя его, на наше, такъ сказать, счастье, во всей католической церкви, папа установилъ его только какъ мѣстный праздникъ въ Барѣ).

Очень хорошо знаемъ, что опровергать иныхъ католическихъ писателей значитъ то же самое, что толочь воду въ ступѣ. Но сказаннаго требовала отъ насъ полнота историческаго изложенія [1]).

Никогда не имѣвъ насъ подъ своею властію, непосредственною или только верховною, св. отецъ, разумѣется, всегда желалъ имѣть насъ подъ нею, ибо мы въ сравненіи съ другими христіанскими народами уже съ древняго времени представляемъ собою «народъ безчисленный» [2]).

Выше мы сказали, что папа прислалъ посольство къ Владиміру въ Корсунь, когда князь, находясь въ этомъ городѣ, велъ переговоры съ Греками объ іерархическомъ устройствѣ будущей Русской церкви, и что цѣлію посольства (какъ необходимо думать) было то, чтобы отклонить Владиміра отъ церковнаго союза съ Греками и подчинить своей собственной власти. Посольство не имѣло успѣха. Но отъ такого привлекательнаго стяжанія (такой привлекательной добычи), какъ наша огромная (сравнительно) Русь, папы не хотѣли отказаться послѣ одной попытки, и ихъ сдѣлано было въ правленіе Владиміра еще двѣ .По свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи, которая говоритъ о посольствѣ папы къ Владиміру въ Корсунь и прежде Владиміра къ Ярополку, къ первому изъ князей приходили изъ Рима еще два посольства, — одно въ 991, другое въ 1000 году. О цѣли этихъ вторыхъ посольствъ лѣтопись такъ же ничего не говоритъ, какъ и первыхъ [3]); но здѣсь, такъ же какъ и тамъ, она не можетъ подлежать сомнѣнію: необходимо думать, что, послѣ неудачной попытки отклонить Владиміра отъ церковнаго союза съ

---

[1]) До какой нелѣпости доходятъ иные католическіе писатели, въ этомъ читатель убѣдится, если напр. почитаетъ Specimen Ecclesiae Ruthenicae Игн. Кульчинскаго (новое изданіе, обязательно сдѣланное извѣстнымъ Мартыновымъ, — Paris, 1859 г.). По Кульчинскому, Русскіе признавали папу главою церкви въ продолженіе всего періода домонгольскаго и именно такъ, что митрополиты признававшіе его и не признававшіе чередовались между собою, — одинъ признаетъ, другой — нѣтъ, третій опять признаетъ и т. д.: т. е. по представленіямъ автора у насъ господствовали на этотъ счетъ личныя фантазіи и капризы митрополитовъ! Что касается до его доказательствъ относительно тѣхъ митрополитовъ, которыхъ онъ выдаетъ за признававшихъ папъ, то въ однихъ случаяхъ, не моргая глазами, онъ сочиняетъ ихъ, а въ другихъ случаяхъ, ничто же сумняся, обращаетъ въ свою пользу такія доказательства, которыя говорятъ именно и ясно противъ него.

[2]) Народомъ безчисленнымъ, какъ звѣзды, называетъ насъ Матѳей, епископъ Краковскій, въ письмѣ къ Бернарду аббату Клервосскому отъ 1130 г., — Historica Russiae Monimenta, I, Praef. XIII.

[3]) Подъ 991 г. лѣтопись говоритъ: «того же лѣта придоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы съ любовію и честію», т. е. представляетъ дѣло такъ, будто папа, безъ всякихъ личныхъ побужденій, присылалъ къ Владиміру пословъ засвидѣтельствовать ему свое уваженіе.

Греками, папа присылалъ къ нему новыя посольства, чтобы пытаться перезвать его отъ Грековъ на свою сторону. Въ слѣдъ за первыми — 991 г. послами папы, по свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи, приходили къ Владиміру послы отъ королей польскаго и чешскаго, а вторыхъ пословъ папы, по ея словамъ, прямо сопровождали послы королей чешскаго и венгерскаго [1]). Если не необходимо, то совершенно вѣроятно понимать это такимъ образомъ, что послы римско-католическихъ государей, съ которыми Владиміръ, по свидѣтельству первоначальной лѣтописи, жилъ въ мирѣ и любви [2]), должны были содѣйствовать стараніямъ пословъ папы [3]). Въ отвѣтъ на оба посольства послѣдняго Владиміръ посылалъ своихъ пословъ въ Римъ (по свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи) [4]). Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что посольства были принимаемы княземъ весьма благосклонно и дружелюбно. Но эти благосклонность и дружелюбіе и были единственнымъ результатомъ стараній папъ, — перезвать Владиміра отъ Грековъ къ себѣ имъ вовсе неудалось. Весьма возможно, что первое изъ двухъ нашихъ посольствъ, т. е. посольство 991 г., было прислано, когда еще не приходили къ Владиміру изъ Константинополя митрополитъ и епископы греческіе (прибывшіе именно въ семъ 991 году). Если это такъ, то и на сей разъ время еще было благопріятно: предстояло убѣдить Владиміра не къ тому, чтобы онъ отослалъ митрополита и епископовъ греческихъ уже принятыхъ, а къ тому, чтобы онъ отказался принять еще не пришедшихъ. Но увы! у Владиміра совершенно твердо было рѣшено вступить въ непосредственный церковный союзъ съ Греками, а не съ папою: посольство папы было принято имъ весьма дружелюбно; въ отвѣтъ на него онъ послалъ въ Римъ своихъ пословъ, а между тѣмъ сношенія съ Греками объ учрежденіи іерархіи шли своимъ чередомъ и митрополитъ съ епископами былъ полученъ отъ нихъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ ушли послы папы [5]). Съ полною вѣроятностію предполагаютъ, что нашъ первый ми-

---

[1]) Подъ 1000 г.: «того же лѣта приде (-оша) послы отъ папы Римскаго и отъ королей Ческихъ и Угорскихъ» (sic).

[2]) Первоначальная лѣтопись подъ 996 г.: «И бѣ живя (Владиміръ) съ князи околними миромь, — съ Болеславомъ Лядьскымь и съ Стефаномъ Угрьскымь и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы».

[3]) Въ 1000 г. венгерскій князь Стефанъ получилъ отъ папы королевскій вѣнецъ. Весьма вѣроятно, что легаты папы, принесшіе Стефану вѣнецъ, и ходили потомъ въ Россію (булла папы Стефану о вѣнцѣ отъ 27 Марта 1000 г., — *Фесслера*, Geschichte von Ungarn, т. I, изд. 2, *Клейна*, стр. 108).

[4]) Подъ 994 и 1001 гг.

[5]) Посольство 991 г. было присылано тѣмъ же папой Іоанномъ XV, который посылалъ къ Владиміру въ Корсунь. Посольство 1000 г. присылалъ Сильвестръ II (до папства Гербертъ, архіепископъ Реймскій, знаменитый ученый своего времени, бывшій учителемъ импер. Оттона III, который возвелъ его на папскій

трополитъ Леонъ, передъ которымъ или при которомъ приходило первое посольство папы и при которомъ приходило второе, именно по поводу этихъ посольствъ написалъ свое обличительное сочиненіе противъ латинянъ, имѣвъ своею цѣлію противодѣйствовать стараніямъ Рима (еще православнаго тогда, но весьма хромавшаго въ православіи, что показываетъ митрополитъ въ своемъ сочиненіи) привлечь Владимира на свою сторону [1]).

престолъ. Этотъ Оттонъ былъ родной племянникъ супруги Владимировой царевны Анны, ибо его мать, а супруга Оттона II, Феофано или Стефана († 995), была родная сестра послѣдней. Эти родственныя связи, вѣроятно, немало поддерживали надежды папы).

[1]) Еще указаніе на попытку папъ подчинить насъ своей власти при Владимирѣ нѣкоторые видятъ въ словахъ Титмара Мерзебургскаго объ епископѣ Колобрежскомъ Рейнбернѣ (Chronic. lib. VII, c. 52). Владимиръ женилъ своего старшаго сына Святополка на Польской княжнѣ, дочери Болеслава Великаго. Вмѣстѣ съ княжной прибылъ въ Россію, въ качествѣ ея придворнаго священника или духовника, помянутый Рейнбернъ, бывшій епископъ Колобрежскій (Колобрега, отъ «около берега», по-нѣмецки Кольбергъ, находится въ Пруссіи, въ бывшемъ Славяно-Балтійскомъ, въ X — XI в. принадлежавшемъ Польшѣ, Поморьѣ, что̀ нынѣшняя Померанія, на берегу Балтійскаго моря, при впаденіи въ него рѣки Перванте; Рейнбернъ оставилъ свою каѳедру, открытую въ 1000 г. или передъ симъ годомъ не для дѣйствительныхъ, а только для чаемыхъ христіанъ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что чаянія оказались напрасными, хотя Титмаръ и говоритъ о семъ противное). Святополкъ, тайно подъущаемый тестемъ, намѣревался возстать противъ отца. Вслѣдствіе этого Владимиръ заключилъ его съ женой въ темницу, а вмѣстѣ съ ними и Рейнберна, какъ соучастника замысла. О пребываніи Рейнберна въ темницѣ Титмаръ говоритъ: «въ ней (темницѣ) мужъ достопочтенный тайно съ божественною похвалою совершилъ то, что̀ на волѣ (in aperto) не могло быть сдѣлано». Эти слова понимаютъ такъ, что̀ въ темницѣ Рейнбернъ успѣлъ расположить Святополка къ подчиненію власти папы. Но тутъ прежде всего спрашивается: какія препятствія могли помѣшать Рейнберну сдѣлать это на волѣ, когда онъ жилъ при Святополкѣ? Затѣмъ контекстъ рѣчи Титмара вовсе не за это толкованіе приведенныхъ словъ, а со всѣмъ за другое. Вся рѣчь Титмара о Рейнбернѣ въ темницѣ есть слѣдующая: «въ ней достопочтенный мужъ съ божественною похвалою совершилъ то, что на волѣ не могло быть сдѣлано. Здѣсь, примиривши себя съ Верховнымъ Первосвященникомъ слезами и жертвою непрестанной молитвы, износившейся изъ сердца сокрушеннаго, разрѣшонный изъ тѣсной темницы тѣла радуяся перешолъ къ свободѣ вѣчной славы». Ясно, что слово «здѣсь» указываетъ на внутреннюю связь предъидущаго съ послѣдующимъ и слѣдоват. ясно, что въ первой части Титмаръ говоритъ о дѣлѣ совершенномъ Рейнберномъ не по отношенію къ другому, а по отношенію къ себѣ самому. Если бы Титмаръ дѣйствительно разумѣлъ совращеніе Святополка, то какія бы препятствія имѣлъ онъ не сказать этого прямо? Наконецъ, толкуя указаннымъ образомъ слова Титмара, предполагаютъ, что Рейнбернъ посаженъ былъ въ одну темницу съ Святополкомъ. Но это было бы со стороны Владимира великимъ неразуміемъ и болѣе, чѣмъ сомнительно.

Послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, которое случилось въ годъ смерти Ярослава, въ продолженіе періода до-монгольскаго попытки папъ подчинить насъ своей власти сравнительно были немногочисленны. Русь до-монгольская вовсе не была тѣмъ, чѣмъ послѣ стала Русь Московская, именно — страной весьма крѣпко запертой, въ которую весьма трудно попасть, а напротивъ была страной совершенно открытой и доступной, находившейся съ Западомъ въ живомъ общеніи. Вслѣдствіе этого папамъ не было тогда затрудненій и препятствій дѣлать свои попытки столь часто, сколько бы они хотѣли; а поэтому и немногочисленность ихъ попытокъ нужно объяснять не трудностью дѣлать послѣднія, а другими причинами. Такой причиной, по всей вѣроятности, должно считать то, что въ продолженіе времени, соотвѣтствующаго нашему періоду до-монгольскому, у однихъ изъ папъ было слишкомъ много дѣла и заботъ и безъ насъ, и что напротивъ другіе папы не имѣли заботъ ровно ни о чемъ.

Есть не совсѣмъ ясное указаніе на то, что папа пытался перезвать насъ къ себѣ въ самую минуту раздѣленія церквей. Когда послы папскіе, бывшіе въ 1054 г. въ Константинополѣ, положивъ на алтарь св. Софіи отлучительную грамоту противъ Грековъ, удалились изъ города, то импер. Константинъ Мономахъ, не довѣряя вѣрности копіи этой грамоты, которую передалъ ему патр. Михаилъ Керулларій (рѣшительное поведеніе патріарха противъ папы императоръ по своимъ политическимъ видамъ не одобрялъ), post Nuntios Romanos directis suis exemplar excommunicationis verissimum a civitate Russorum remissum sibi accepit[1]). Т. е. въ слѣдъ за послами Римскими отправилъ своихъ пословъ и получилъ вѣрнѣйшую копію отлучительной грамоты, которая была прислана ему изъ города Русскихъ. Вѣроятнѣйшее толкованіе этого несовсѣмъ яснаго извѣстія есть то, что послы папы держали свой обратный путь чрезъ Россію и что въ ней они настигнуты были посланцами императора, которымъ и вручили копію[2]). Если такъ, то Россія вовсе не лежала посламъ папы на прямой дорогѣ домой и слѣдовательно они, дѣлая большой крюкъ, заходили въ нее нарочно. Единственной причиной, для чего бы они это сдѣлали, можетъ быть предполагаемо то, что они

---

[1]) Brevis commemoratio eorum, quae gesserunt Apocrisiarii s. Rom. sedis in regia urbe, написанное однимъ изъ легатовъ, Гумбертомъ, у Баронія подъ 1054 г. и у Гизелера II, I, § 42, прим. 8 (4 Aufl. S. 390).

[2]) Не помнимъ, у кого-то встрѣтили мы предположеніе, что вмѣсто a civitate Russorum должно читать a civitate Rusio и разумѣть τὸ Ῥούσιον, греческій городъ, находившійся въ горахъ Родопскихъ (до Русія называвшійся Топиромъ, см. о немъ *Тафеля* De via militari Romanorum Egnatia, Tubingae, 1842, — Pars Orientalis, p. 19). Но предположеніе не представляется намъ состоятельнымъ.

хотѣли попытаться вооружить Русскихъ противъ Грековъ и оторвать ихъ отъ послѣднихъ.

Въ послѣдней четверти XI вѣка, между 1084 — 1089 годами присылалъ посольство къ намъ въ Россію папа или собственно антипапа Климентъ III, поставленный импер. Генрихомъ IV противъ Григорія VII, съ которымъ императоръ велъ ожесточенную борьбу [1]). Характеристическую черту этого посольства составляетъ то, что папа не искалъ подчиненія себѣ Русской церкви, а предлагалъ возсоединеніе. Какъ понимать это, не совсѣмъ ясно — такъ ли, что Климентъ, начиная съ немногаго, въ концѣ концовъ имѣлъ въ виду то же, что и другіе папы, или такъ, что онъ дѣйствительно думалъ о возсоединеніи. Но если послѣднее, то странно, что онъ обращался къ намъ, а не Грекамъ, ибо отложиться отъ православія къ Римской церкви мы могли и безъ Грековъ, но не могли безъ нихъ вести переговоровъ о возсоединеніи церквей. Не совсѣмъ понятно и то, что Климентъ III, сидѣвшій на папскомъ престолѣ весьма нетвердо и имѣвшій нужду посвящать всѣ свои заботы самому себѣ, хотѣлъ поднимать такіе вопросы, какъ возсоединеніе церквей или подчиненіе себѣ Русской церкви. Какъ бы то ни было, нашъ митрополитъ Іоаннъ II, при которомъ и къ которому приходилъ посолъ папы, — одинъ изъ его епископовъ, въ отвѣтъ на предложеніе, написалъ папѣ посланіе, въ которомъ вѣжливо и съ соблюденіемъ самаго приличнаго тона, но вмѣстѣ твердо, обличаетъ «согрѣшенія» (ἁμαρτήματα) Римской церкви и въ которомъ предлагаетъ папѣ обратиться къ патріарху Константинопольскому и находящемуся при немъ собору митрополитовъ, «иже, — говоритъ митрополитъ, — слово животно имуще, яко свѣтила въ мірѣ сіяють, и възможни суть (δυνατοί εἰσι) Божіею благодатью таковыхъ взыскати и съ тобою исправити» [2]). Съ приходившимъ епископомъ папы митрополитъ, какъ съ вѣроятностію надлежитъ думать, посылалъ къ нему своего собственнаго посла. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1091 г. читается: «того же лѣта приде Ѳеодоръ, Грекъ митрополичь, отъ папы изъ Рима, и принесе много мощей святыхъ»: по всей вѣроятности этотъ Ѳеодоръ былъ ни кто иной, какъ посолъ Іоанна, ходившій къ Клименту.

---

[1]) Климентъ III, до папства Гибертъ или Вибертъ, архіепископъ Равеннскій, поставленъ былъ Генрихомъ въ 1080 г.

[2]) Отвѣтное посланіе Клименту митр. Іоанна напечатано въ древнемъ славянскомъ переводѣ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII в. *Калайдовича*, стр. 209; въ томъ же переводѣ съ греческимъ подлинникомъ *А. С. Павловымъ* въ изслѣдованіи: Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ латинянъ, СПБ., 1878 г., стр. 169. О посольствѣ папы см. въ статьѣ *Неволина*: О митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту о опрѣснокахъ, — Полн. Собр. сочинн. т. 6.

По свидѣтельству сейчасъ помянутой Никоновской лѣтописи приходили въ Россію послы отъ папы въ 1169 г. Къ сожалѣнію лѣтопись не сообщаетъ о послахъ совершенно никакихъ извѣстій, не указывая и того, куда именно они приходили [1]) (Можно подозрѣвать, что они приходили во Владиміръ къ Андрею Боголюбскому и что побужденіемъ для папы прислать ихъ были дошедшіе до него слухи о неудовольствіяхъ Боголюбскаго на патріарха Константинопольскаго, каковыя князь могъ имѣть на патріарха за несогласіе послѣдняго учредить во Владимірѣ особую митрополію).

Въ 1207 г. присылалъ или намѣренъ былъ прислать въ Россію посольство папа Иннокентій III. О намѣреніи свидѣтельствуетъ сохранившееся доселѣ въ Ватиканскомъ архивѣ посланіе [2]); а было ли исполнено намѣреніе, объ этомъ ничего нельзя сказать, потому что о посольствѣ нѣтъ никакихъ извѣстій въ нашихъ лѣтописяхъ. Папа Иннокентій III былъ чрезвычайно ревностнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно счастливымъ папою относительно подчиненія св. сѣдалищу православныхъ народовъ. Въ 1199 г. онъ вступилъ въ сношенія съ Болгарами и привелъ ихъ къ тому концу, что послѣдніе признали его власть; въ слѣдъ за Болгарами тоже сдѣлали Сербы (тѣ и другіе притворно и весьма недолгое время) [3]); наконецъ въ 1204 году крестоносцы взяли Константинополь и хотя вмѣстѣ съ этимъ Греки не подчинились Римской церкви, но все-таки у нихъ водворена была латинская іерархія. Послѣ всего этого Иннокентій, конечно, не могъ забыть и насъ Русскихъ. Въ своемъ посланіи, адресованномъ archiepiscopis, episcopis et universis tam clericis quam laicis per Rutheniam constitutis, папа настоятельно убѣждаетъ насъ возвратиться съ распутія на путь истины, отъ котораго мы упорно отклоняемся. Церковь, говоритъ онъ, едина; власть надъ этою единою церковью вручена апостолу Петру, котораго я есмь преемникъ, слѣдовательно... и прочее; наконецъ, говоритъ онъ, разумѣя взятіе Константинополя крестоносцами, «греческая имперія и почти вся греческая церковь возвратилась къ почитанію апостольскаго престола и смиренно пріемлетъ его повелѣнія»; вы часть греческой церкви: «не нелѣпо ли то, что часть будетъ разногласить съ своимъ цѣлымъ и что одинъ членъ будетъ отдѣляться отъ всего тѣла?» Посланіе было или имѣло быть послано съ однимъ кардиналомъ-пресвитеромъ (G... по имени, tituli S. Vitalis), на котораго была возложена обязанность, по приведеніи заблудшей дочери къ ея ма-

---

[1]) Въ лѣтописи подъ 1169 годомъ: «того-же лѣта придоша послы отъ римскаго папы».

[2]) Оно напечатано въ Historica Russiae Monimenta Тургенева, т. I стр. 3.

[3]) См. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской.

тери, искоренять и разрушать, строить и насаждать, что найдетъ требующимъ искорененія и разрушенія, строенія и насажденія [1]).

Отъ 1227 года сохранилось любопытное посланіе въ Россію папы Гонорія III [2]). Оно адресовано ко всѣмъ королямъ Русскимъ, — ad universos reges Russiae. Въ немъ читаемъ: «Радуемся о Господѣ, что послы ваши, какъ дошелъ до насъ слухъ, посланные къ почтенному брату нашему епископу Моденскому, легату апостольскаго сѣдалища отъ нашего ребра (находящемуся въ Ливоніи), смиренно просили его, чтобы онъ лично посѣтилъ ваши страны, послику, желая быть спасительно наставлены въ здравомъ ученіи, вы готовы совершенно отказаться отъ всѣхъ заблужденій, въ которыя впали, какъ говорите вы, по причинѣ недостатка проповѣдниковъ». Далѣе папа утверждаетъ королей русскихъ въ ихъ намѣреніи, предлагаетъ имъ, если они желаютъ, чтобы къ нимъ прибылъ легатъ Римскій, прислать къ нему — папѣ, грамоты и вѣрныхъ пословъ и убѣждаетъ жить между тѣмъ въ твердомъ мирѣ съ христіанами Ливоніи и Естоніи, грозя въ противномъ случаѣ своимъ гнѣвомъ, которое имъ не избѣжать. Прочитавъ вышеприведенное, съ великимъ изумленіемъ спрашиваетъ себя: неужели въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобы князья Русскіе изъявляли папѣ желаніе совершенно отказаться отъ всѣхъ заблужденій греческой церкви? Оказывается, что это — ни что иное, какъ слишкомъ неумѣренное употребленіе довольно обычнаго па-

---

[1]) Лѣтопись такъ-называемая Кенигсбергская (Библіотека Россійская Историческая, ч. I, Спб., 1767) стр. 300, и за нею Татищевъ, II, 344, а за обоими почти всѣ новые изслѣдователи говорятъ еще о посольствѣ Иннокентія къ князю Роману Мстиславичу Галицкому, присланномъ въ 1205 г. Но это посольство пока для насъ очень сомнительно: если бы оно было, то была бы написана папою грамота князю, которая должна бы была сохраниться, притомъ же по связи посольства съ дѣлами польскими о немъ должны были бы говорить польскіе историки, которые однако совершенно молчатъ о немъ. Въ 1205 г. Поляки посылали къ Роману для своихъ дѣлъ послами своихъ двухъ епископовъ (Длугошъ): можетъ быть отсюда и возникло извѣстіе о посольствѣ къ нему папы. Въ Кёнигсбергской лѣтописи о немъ пишется: «таже и папа, слышавъ, яко Романъ Угре и Ляхи побѣди и всю Русь подъ себе приведе, сла къ нему свой посолъ, намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщавая ему грады и королемъ въ Руси учинити. Романъ же препирашеся отъ письма, а они не срамляяся належаху ему ласковыми словесы. Единою же молвящу послу тому къ Романови, како папа мочный и можетъ его богата, сильна и честна мечемъ Петровымъ устроити, изъявъ мечь свой, рече послу: «такій ли то мечь Петровъ у папы? нжъ имать такій, то можетъ городы давати, а азъ, доколѣ имамъ и̇ при бедрѣ, не хочу куповати ино кровію, якоже отцы и дѣды наши размножили землю Русскую». У Татищева нѣсколько измѣнено, — вставлены такъ сказать татищевскія обличенія посламъ папы и нравоученія ему самому.

[1]) Напечатано въ Historica Russiae Monimenta Тургенева, т. I стр. 20, № XXI.

памъ пріема. Вступая въ сношенія съ православными, съ цѣлію привлечь ихъ къ себѣ, папы нерѣдко начинали тѣмъ, что дошло-де до нашего слуха, что вы желаете возсоединиться съ святою матерью... Въ 1224 г. Новгородцы заключили миръ съ Ливонскимъ орденомъ, для чего ихъ послы приходили въ Ригу; миръ утвержденъ былъ отъ имени папы находившимся въ Ригѣ его легатомъ епископомъ Моденскимъ, — и вотъ послы Новгородскіе и превращаются у папы во всѣхъ королей Русскихъ. Такъ какъ при заключеніи мира Новгородцы были стороною побѣжденною и искавшею мира, то весьма возможно, что дипломатическимъ образомъ они изъявляли легату свою готовность соединиться съ Римскою церковію. Не знаемъ, доходило ли до нихъ посланіе папы; если доходило, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что никакого отвѣта не послѣдовало.

Въ 1231 г. папа Григорій IX обращался съ своимъ посланіемъ къ великому князю Владимирскому Юрію Всеволодовичу [1]). Для убѣжденія князя онъ употребляетъ тѣ же доводы, что выше Иннокентій, т. е. что единая церковь имѣетъ единаго пастыря въ св. Петрѣ, котораго онъ — папа преемникъ. Но къ догматическимъ доводамъ перваго онъ присоединяетъ доводы политическіе, а именно — что въ случаѣ присоединенія къ Римской церкви, матери всѣхъ вѣрующихъ, князь, какъ государь, щедро будетъ взысканъ милостями и благоволеніемъ его — папы. Побужденіемъ, расположившимъ Григорія обратиться къ Юрію, нѣтъ сомнѣнія, было то, что его миссіонерамъ—братьямъ проповѣдникамъ или Доминиканцамъ удалось тогда водвориться въ Кіевѣ и что тамъ они имѣли съ своей пропагандой нѣкоторый успѣхъ (см. ниже). Но посланіе едва ли не имѣло своимъ послѣдствіемъ того, что содѣйствовало открытію Кіевскихъ интригъ, послѣ чего миссіонеры были изгнаны изъ Кіева.

Всѣ указанныя попытки папъ, несомнѣнно и само собою подразумѣваемо, не имѣли никакого успѣха. Относительно тѣхъ случаевъ, когда мы знаемъ о нихъ не по извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, а по сохранившимся въ Ватиканскомъ архивѣ грамотамъ папъ, остается неизвѣстнымъ, — всегда ли намѣреніе было приводимо въ исполненіе, ибо грамоты могли быть писаны, но не отправляемы, или же отправляемы, но не доходили по своему назначенію. Замѣчательна въ этихъ сношеніяхъ одна странность. Наши государи по своему титулу были великіе князья (magni duces). Слѣдовало бы ожидать, что папы будутъ привлекать ихъ къ себѣ обѣщаніемъ титула королевскаго, какъ это они въ другихъ случаяхъ дѣлами. Однако здѣсь они этого не дѣлаютъ, но и прямо называютъ нашихъ великихъ князей и даже просто князей королями [2]). Ос-

---

[1]) Посланіе напечатано въ Historica Russiae Monimenta, т. I стр. 30.

[2]) Посланіе Гонорія III ad omnes reges.

тается непонятнымъ, съ какой стати они усвояютъ нашимъ князьямъ титулъ королей, который они обыкновенно признавали только за тѣми государями, которымъ давали его сами [1]).

Папы дѣлали попытки подчинить Русскую церковь своей власти. Но увы! возможно было и обратное, а именно — чтобы русскіе государи изъявляли папамъ готовность признать ихъ власть. Средневѣковые папы представляли изъ себя великую силу, къ которой всѣ обращались за помощью. Возможно было покупать эту помощь у папъ и государямъ православнымъ цѣною изъявленія искренней или притворной готовности подчиниться имъ, — и, къ сожалѣнію, государи православные это дѣлали. Нѣтъ ни одного православнаго народа, государи котораго были бы свободны отъ упрека въ этой наклонности жертвовать для своихъ личныхъ интересовъ рѣшительно всѣмъ. Не свободны отъ этого упрека и наши Русскіе государи. Нѣкоторые изслѣдователи съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на то, что примѣры подобной весьма печальной нравственной легкости у насъ весьма не многочисленны. Не многочисленны, это правда; но и у другихъ православныхъ народовъ они не безчисленны, и во всякомъ случаѣ едва ли слѣдуетъ объяснять это нашей особенной доброкачественностью среди другихъ православныхъ народовъ, а не просто нашимъ особенно счастливымъ положеніемъ по отношенію къ папамъ.

За періодъ до-монгольскій извѣстенъ одинъ подобный примѣръ.

Въ 1073 году былъ согнанъ съ велико-княжескаго престола Изяславъ Ярославичъ своими братьями Святославомъ и Всеволодомъ. Онъ отправился искать помощи къ польскому королю Болеславу, который оказалъ ему подобную же помощь весьма незадолго передъ тѣмъ [2]). Но на сей разъ Болеславъ отнялъ у Изяслава значительную часть богатствъ, которыя онъ принесъ съ собою, и указалъ ему дорогу. Изяславъ обратился къ нѣмецкому императору Генриху IV, обѣщаясь, если вѣрить нѣмецкимъ лѣтописцамъ, признать себя данникомъ имперіи [3]); но по-

---

[1]) Папа Григорій IX, спеціально старающійся привлечь Юрія Всеволодовича къ союзу съ Римскою церковію обѣщаніемъ земныхъ выгодъ, называетъ его, какъ и другіе папы другихъ русскихъ государей, королемъ и не обѣщаетъ ему вѣнца королевскаго, а только то, что ecclesia Romana te ut magnum in ecclessia Dei principem habere proponit et deligere ut filium specialem. Называютъ королями Русскихъ государей и древніе латинскіе писатели, — Титмаръ, Петръ Даміани. Но послѣ нашествія Монголовъ королевскій вѣнецъ, какъ извѣстно, явился на сцену (Даніилъ Галицкій).

[2]) Въ 1073 году Изяславъ былъ согнанъ съ престола во второй разъ. Въ первый разъ это было въ 1068 г., и онъ возвратилъ тогда престолъ (въ слѣдующемъ 1069 г.) при помощи польскаго короля.

[3]) Карамз. II, 47.

слѣдній могъ сдѣлать только то, чтобы отправить за него посольство въ Россію, которое принесло богатые дары ему самому и разумѣется ничего князю [1]). Тогда Изяславъ, можетъ быть, по совѣту Нѣмцевъ рѣшился обратиться къ папѣ, знаменитому Григорію VII или Гильдебрандту [2]). Изъ сохранившихся документовъ не видно, о чемъ просилъ Изяславъ папу. Но такъ какъ послѣдній могъ помочь ему возвратить престолъ единственно тѣмъ способомъ, чтобы заставить оказать ему помощь польскаго короля, то нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ именно онъ и просилъ папу. Въ замѣнъ этого Изяславъ чрезъ своего сына, котораго онъ отправилъ посломъ къ папѣ, подвергалъ свое государство къ стопамъ св. Петра, желая получить его отъ папы, какъ даръ сего послѣдняго, и изъявлялъ готовность признать власть св. престола. Страннымъ и не совсѣмъ понятнымъ образомъ Григорій VII вовсе не показалъ особенной ревности къ тому, чтобы воспользоваться само собою представлявшимся случаемъ присоединить ко владѣніямъ св. Петра нашу Россію, что составляло мечту для другихъ папъ. Онъ написалъ посланіе къ Изяславу [3]), въ которомъ, пріемля имъ предлагаемое, обѣщаетъ ему свою помощь. Однако вовсе не видно, чтобы дѣйствительно заботился доставить Изяславу эту помощь, безъ которой все должно было остаться простыми словами. Вмѣстѣ съ грамотой къ Изяславу онъ написалъ грамоту королю польскому [4]). Но въ этой послѣдней онъ увѣщеваетъ только короля возвратить Изяславу отнятое богатство и ни слова не говоротъ объ оказаніи ему помощи въ возвращеніи престола [5]). Все дѣло кончилось ничѣмъ, и Изяславъ успѣлъ возвратиться на престолъ безъ помощи папы (въ 1077 г.). Усердный почитатель преп. Ѳеодосія, увы! показалъ себя человѣкомъ вовсе не высокаго нравственнаго характера... О томъ, что Изяславъ выражалъ папѣ готовность признать его власть, мы знаемъ только изъ посланія къ нему самаго папы (ибо и вообще о сношеніяхъ мы знаемъ только изъ двухъ сохранившихся и нами указанныхъ посла-

---

[1]) О посольствѣ нѣмецкаго императора къ Святославу наша лѣтопись подъ 1075 г. (Карамз. ibidd.).

[2]) Соображая приходъ пословъ императора въ Россію (1075 г.) и даты посланій папы, писанныхъ въ слѣдствіе обращенія къ нему Изяслава (тотъ же 1075 г.), дѣло должно представлять едва ли не такъ, что великій князь обратился къ императору и въ то же время къ папѣ.

[3]) Напечатано въ Historica Russiae Monimenta Тургенева, т. I, № 1 (дата — quintodecimo Kalendas Maji, 1075).

[4]) Напечатана ibid. № 2 (дата XII Kal. Maji, 1075).

[5]) Весьма возможно, что Григорій VII, тонкій политикъ и человѣкъ слишкомъ проницательнаго ума, не придавалъ серьезнаго значенія Изяславовымъ обѣщаніямъ признать его — папы власть (и видѣлъ въ нихъ то, что они были на самомъ дѣлѣ, т. е. простое притворство).

ній папы). На семъ основаніи нѣкоторые наши историки хотѣли бы заподозривать дѣйствительность прискорбнаго факта, полагая, что папа или по недоразумѣнію или по прямому намѣренію навязываетъ Изяславу такія заявленія и предложенія, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ не дѣлалъ. Напрасныя и безполезныя сомнѣнія! Какъ скоро мы признаемъ за достовѣрное, что православный государь обращался съ просьбою къ папѣ и былъ имъ выслушанъ, то не только достовѣрно, но и само собою предполагается, что онъ изъявлялъ папѣ искреннюю или притворную готовность признать его власть, ибо единственно подъ этимъ условіемъ папа могъ изъявить готовность оказать ему свою помощь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣчанія къ стр. 313.

Безспорныя и всѣми признаваемыя истины иногда оказываются въ такомъ положеніи (позволимъ себѣ такъ выразиться), что требуютъ нарочитаго подтвержденія. Въ такомъ именно положеніи находится та истина, что пресвитеры не суть служители епископа, а суть его сотоварищи и соначальники. По этому, исполняя обязанность оправдать наши, выше стоящія, рѣчи объ отношеніи пресвитеровъ къ епископамъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать это съ нѣкоторою обстоятельностію. Къ сему побуждаетъ насъ еще и то, что въ недавнее время у насъ совершенно неожиданнымъ образомо явились нарочитые апологеты единолично неограниченной (monarchisch-unbegrenzten) власти епископовъ.

Богоучрежденную чразъ апостоловъ церковную іерархію составляютъ не только епископы, но и пресвитеры съ діаконами. Какъ безъ епископа не можетъ быть церкви (всякой частной, о которой у насъ рѣчь въ данномъ случаѣ) такъ не можетъ ея быть и безъ пресвитеровъ, которые составляютъ такую же необходимую степень церковнаго священства, какъ и первые (Пространный Катихизисъ, часть I, о десятомъ членѣ сѵмвола вѣры, священство). Что же такое составляютъ пресвитеры въ церковной іерархіи? Они не суть служители епископа, ибо таковые суть діаконы (что значитъ и самое имя послѣднихъ, ибо греческое διάκονος по-русски значитъ служитель, слуга) [1]). Слѣдовательно ясно, что они не могутъ составлять ничего иного, какъ его помощниковъ (такъ какъ между служителями и помощниками нѣтъ ничего третьяго), и слѣдовательно затѣмъ ясно, что апостолы по Божественному полномочію учредили въ церкви священноначаліе не единоличное, которое бы состояло въ каждой частной церкви изъ одного епископа, а соборное, которое бы состояло изъ епископа и при немъ собора пресвитеровъ, какъ его необходимыхъ помощниковъ.

Въ церковномъ богослуженіи, въ совершеніи литургіи, пресвитеры до настоящаго времени остаются по отношенію къ епископамъ тѣмъ, чѣмъ они были съ

---

[1]) Слово διάκονος, въ классич. Іонійск. нарѣчіи διήκονος, производятъ отъ древняго глагола διάκω, διήκω — спѣшить, торопиться.

самаго древняго времени и съ самыхъ временъ апостольскихъ, т. е. ихъ сослужителями, а не слугами (какъ діаконы). Но если это такъ, то это представляетъ собою живое и наглядное и, такъ сказать, безусловно убѣдительное доказательство, что и во всемъ остальномъ дѣлѣ церковнаго строенія они были по отношенію къ нимъ тѣмъ же, т. е. ихъ помощниками, потому что представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы въ одномъ (въ однихъ функціяхъ должности) имъ была усвоена роль помощниковъ епископа, а въ другомъ его слугъ, и чтобы они были вмѣстѣ и помощниками и слугами, конечно, совершенно невозможно. (Алтарь церковный есть не только мѣсто совершенія литургіи, но и вообще мѣсто правительственнаго засѣданія епископа, его какъ бы присутственная зала, ибо въ первое и древнѣйшее время епископы именно въ немъ творили и отправляли все дѣло церковнаго управленія и суда. Но въ этой церковной присутственной залѣ пресвитеры сосѣдятъ епископу на вторыхъ престолахъ [1]). Ясно, что сосѣдающіе епископу суть его товарищи и помощники)[2]).

Сейчасъ сказанное нами съ совершенною и несомнительною ясностію подтверждаютъ писанія апостоловъ, представляющія собою верховный и заграждающій всякія уста авторитетъ.

Степень священства пресвитерская точно такъ же учреждена апостолами и ведетъ свое начало отъ нихъ, какъ и степень священства епископская. Что же мы находимъ въ писаніяхъ апостольскихъ? Апостолы нигдѣ не говорятъ отдѣльно объ епископахъ и отдѣльно о пресвитерахъ, но или говорятъ только объ епископахъ и діаконахъ [3]), или говорятъ объ епископо-пресвитерахъ, употребляя названія епископъ и пресвитеръ, какъ тождезначущія и одно вмѣсто другаго (въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ то одно, то другое) [4]). Что же значитъ это подразумѣваніе пресвитеровъ вмѣстѣ съ епископами или отождествленіе однихъ и другихъ? Очевидно, оно не можетъ значить ничего инаго, какъ то, что пресвитеры составляли съ епископами одну нераздѣльную власть (такъ что при упоминаніи объ однихъ само собою дается подразумѣвать и становится излишнимъ прямо упоминать дру-

---

1) Объ епископскомъ престолѣ въ алтарѣ и о вторыхъ престолахъ (сопрестоліи) пресвитеровъ см. ниже.

2) Новые апологеты единолично-неограниченной власти епископовъ, что бы легче отдѣлываться отъ пресвитеровъ, имѣютъ наклонность приравнивать послѣднихъ къ діаконамъ. Но, напомнивъ имъ Грибоѣдовское наставленіе на счетъ знанія мѣры въ словахъ, мы попросимъ ихъ не забывать и то, что они имѣютъ противъ себя въ семъ случаѣ такъ сказать олицетворенное на дѣлѣ и наглядное, а слѣдовательно уже вовсе непререкаемое, свидѣтельство богослужебной практики: пресвитеры сосѣдятъ епископу въ алтарѣ, а діаконы не имѣютъ права садиться въ алтарѣ (въ присутствіи епископа и пресвитеровъ и имѣли для сего въ древнее время особую комнату, — діаконикъ).

3) Филиппис. I, 1, I Тим. 3, 2. 8 (у ап. Іакова наоборотъ въ гл. 5, ст. 14 подъ именемъ пресвитеровъ вмѣстѣ съ дѣйствительными пресвитерами долженъ быть разумѣемъ и епископъ).

4) Дѣян. 20, 17. 28; I Петр. 5, 1—2; Тит. 1, 5, 7.

гихъ и такъ что при безразличномъ употребленіи одного или другаго имени рѣчь ведется объ обоихъ). Такъ это понимаетъ и св. Іоаннъ Златоустый. Объясняя 3-ю главу 1-го посланія къ Тимоѳею, гдѣ апостолъ говоритъ объ епископахъ и потомъ, опуская пресвитеровъ, о діаконахъ, онъ пишетъ: «окончивъ рѣчь объ епископахъ и изобразивъ ихъ качества и сказавъ, что они должны имѣть, а чего должны воздерживаться, и опустивъ чинъ пресвитеровъ, (апостолъ) перескочилъ (μετεπήδησε) къ діаконамъ. Почему это? Потому что не велико разстояніе между ними (пресвитерами) и епископами, такъ какъ и они (пресвитеры) восприняли учительство и предстоятельство (т. е. власть учительства и предстоятельства) церкви, и такъ какъ — что сказалъ (апостолъ) объ епископахъ, относится и къ пресвитерамъ. Одной хиротоніей (правомъ одной хиротоніи епископы) превосходятъ пресвитеровъ и только симъ однимъ кажутся преимуществующими передъ ними [1]).

Во времена апостольскія, такъ же какъ и всегда впослѣдствіи, въ каждомъ городѣ было по одному епископу (потому что въ древнее время, какъ и всегда впослѣдствіи, церковь каждаго города представляла собою одну частную церковь, а каждая частная церковь можетъ имѣть одного только епископа по той причинѣ, что главныхъ начальниковъ, каковъ есть епископъ въ своей частной церкви, всегда можетъ быть только по одному). Между тѣмъ въ писаніяхъ апостольскихъ мы находимъ: 1. Посланіе къ Филипписеямъ ап. Павелъ пишетъ всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ сущимъ въ Филиппѣхъ съ епископы и діаконы (посланія гл. 1 ст. 1). Очевидно, что тутъ вмѣстѣ съ однимъ дѣйствительнымъ епископомъ Филиппскимъ (города Филиппъ) апостолъ называетъ епископами и пресвитеровъ, какъ это и понимаетъ Іоаннъ Златоустый[2]). Если и въ конкретномъ случаѣ, обращаясь къ пресвитерамъ извѣстнаго мѣста, апостолъ называетъ ихъ епископами, то, конечно, онъ даетъ знать о совластіи и соначаліи пресвитеровъ епископу съ такою ясностію, яснѣе которой ничего не можетъ быть. 2. Возращаясь въ Іерусалимъ изъ третьяго апостольскаго путешествія, ап. Павелъ призвалъ въ Мелитъ *пресвитеровъ* Ефесскихъ и преподалъ имъ наставленіе внимать стаду, въ кото-

---

[1]) Ὅτι δ' οὐ πολὺ τὸ μέσον αὐτῶν καὶ ἐπισκόπων. Καὶ γὰρ καὶ αὐτοὶ διδασκαλίαν εἰσὶν ἀναδεδεγμένοι καὶ προστασίαν τῆς ἐκκλησίας, καὶ ἃ περὶ ἐπισκόπων εἶπε, ταῦτα καὶ πρεσβυτέροις ἁρμόττει. Τῇ γὰρ χειροτονίᾳ μόνῃ ὑπερβεβήκασι καὶ τούτῳ μόνον δοκοῦσι πλεονεκτεῖν τοὺς πρεσβυτέρους. На 1 посланіе къ Тимоѳею Бесѣда II сначала, Montfauc. editio Parisina altera, t. XI, p. 666 (b).

[2]) На посланіе къ Филипписеямъ Бесѣда I, ed. Montfauc. Parisina altera, t. XI, p. 224. Полагаемъ, что такъ понимаетъ и не одинъ Іоаннъ Златоустый, а большинство древнихъ толковниковъ, потому что иначе понимать нельзя: епископы суть главные начальники и предстоятели частныхъ церквей; а какъ таковыхъ ихъ никогда не могло быть быть болѣе, какъ только по одному (потому что вездѣ и всегда главный начальникъ можетъ быть только одинъ). Единственное извѣстное намъ исключеніе представляетъ собой Епифаній Кипрскій, который по забвенію сейчасъ нами сказаннаго хочетъ утверждать, будто во времена апостольскія было въ иныхъ городахъ (т. е. въ иныхъ частныхъ церквахъ) по нѣскольку епископовъ, Adversus haereses, lib. III, haeres. LXXI, κατὰ Ἀερίου).

ромъ Духъ св. поставилъ ихъ *епископами* пасти церковь Господа и Бога (Дѣян. 20, 17. 28). Здѣсь вмѣстѣ съ однимъ епископомъ Ефесскимъ разумѣется и соборъ пресвитеровъ; слѣдовательно. къ епископу и собору пресвитеровъ апостолъ обращается какъ къ единому и нераздѣльному собору начальниковъ. 3. Въ 1 посланіи къ Солунянамъ ап. Павелъ увѣщеваетъ послѣднихъ: *молимъ же вы, братія, знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ* (5, 12). Ясно, что подъ настоятелями вмѣстѣ съ однимъ епископомъ Солунскимъ разумѣется и соборъ пресвитеровъ [1]).

Если бы послѣ временъ апостольскихъ мы не имѣли свидѣтельствъ о совластіи пресвитеровъ епископамъ, то подобное отсутсвіе свидѣтельствъ означало бы только тотъ грустный фактъ, что сіе совластіе прекратилось тотчасъ послѣ временъ апостольскихъ, и болѣе ничего. Но этого не было и мы имѣемъ свидѣтельства и изъ послѣдующаго времени.

Климентъ Римскій († ок. 100 г.), Поликарпъ Смирнскій († 168) и Ириней Ліонскій († ок. 202) употребляютъ названія епископъ и пресвитеръ совершенно такъ, какъ мы это видимъ въ писаніяхъ апостольскихъ, именно перечисляя степени церковной іерархіи, называютъ только или епископовъ съ діаконами, подразумѣвая вмѣстѣ съ епископами пресвитеровъ, или пресвитеровъ и діаконовъ, подразумѣвая епископовъ вмѣстѣ съ пресвитерами, и потомъ употребляютъ имена епископъ и пресвитеръ, какъ синонимы, одно вмѣсто другаго [2]). Изъ этого употребленія именъ слѣдуетъ то же самое заключеніе, что и выше.

Игнатій Богоносецъ († 115) или вообще весьма древній, извѣстный и принимаемый подъ его именемъ, писатель ясно и нарочито учитъ, что епископъ, предстоятель церкви, управляетъ ею съ соборомъ помощниковъ—пресвитеровъ. Въ посланіе къ Ефесеямъ онъ пишетъ: «всячески надлежитъ (вамъ) славить Іисуса Христа, который прославилъ васъ, дабы вы были устроены въ единомъ повиновеніи, дабы вы, повинуясь епископу и собору пресвитеровъ (ἐπισκόπῳ καὶ πρεσβυτερίῳ, — пресвитерству), были освящены во всемъ» (п. 2). Въ посланіи къ Магнезіянамъ онъ говоритъ, что желалъ бы видѣть при себѣ одного діакона «потому что онъ повинуется епископу, какъ благодати Божіей, и собору пресвитеровъ (πρεσβυτερίῳ), какъ закону Іисуса Христа» (п. 2), и потомъ увѣщеваетъ самихъ Магнезіянъ: «старайтесь дѣлать все въ единомысліи съ Богомъ,

---

[1]) Совершивъ вмѣстѣ съ Варнавою первое апостольское путешествіе, ап. Павелъ рукоположилъ въ каждую церковь пресвитеровъ, Дѣян. 14, 23. Вмѣстѣ съ пресвитерами онъ рукоположилъ, конечно, и епископовъ; слѣдовательно, подъ пресвитерами разумѣются и епископы, а слѣдовательно — одни съ другими объединяются, какъ власть. Въ I посланіи къ Тимоѳею 5, 17, апостолъ называетъ пресвитеровъ предстоятелями (προεστῶτες). О пресвитерахъ во времена апостольскія см. Дѣян. 15, 2. 4. 6. 22, 21, 18; I Тим. 4, 14.

[2]) Климентъ Римск. въ I посланіи къ Коринѳянамъ, гл. 42, 44 (47) и 57; Поликарпъ въ пос. къ Филиппійцамъ, гл. 5 и 6; Ириней Adversus haereses, lib. III, c. 3 и lib. IV, cc. 43 и 44. О Климентѣ и Иринеѣ cfr. *Катанскаго* «Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ», стрр. 68 и 115.

имѣя епископа предсѣдательствующимъ вмѣсто Бога, и пресвитеровъ, занимающими мѣсто собора апостоловъ» (n. 6). Въ посланіи къ Тралліянамъ онъ пишетъ: «вы повинуетесь епископу, какъ Іисусу Христу... но необходимо повиноваться и собору пресвитеровъ, какъ апостоламъ Іисуса Христа» (n. 2), и еще: «почитайте епископа, какъ Іисуса Христа, который есть Сынъ Отчій, пресвитеровъ же (почитайте), какъ соборъ Божій и какъ союзъ апостоловъ, безъ нихъ нѣтъ церкви» (n. 3). Въ посланіи къ Смирнянамъ: «всѣ послѣдуйте епископу, какъ Іисусъ Христосъ Отцу, и собору пресвитеровъ (πρεσβυτερίῳ), какъ апостоламъ» (n. 8). Къ Поликарпу Смирнскому Игнатій обращается съ просьбою отправить посла въ Антіохію «для изъявленія Антіохійцамъ радости Смирнской церкви о возстановленіи у нихъ мира». Относительно избранія этого посла Игнатій пишетъ Поликарпу въ посланіи къ нему: «надлежитъ (тебѣ), богоблаженнѣйшій Поликарпъ, созвать боголѣпнѣйшій совѣтъ и избрать кого нибудь»... (n. 7), т. е. указывая въ приведенныхъ словахъ на практику своего времени, даетъ знать, что епископы все дѣлали не иначе, какъ совмѣстно съ совѣтами пресвитеровъ.

Св. Кипріанъ Карѳагенскій († 258) не въ наставленіяхъ, адресованныхъ другимъ, а въ своемъ собственномъ поведеніи и въ своихъ заявленіяхъ относительно своихъ правъ и обязанностей является строгимъ исполнителемъ и рѣшительнымъ защитникомъ того апостольскаго узаконенія, что епископъ долженъ управлять ввѣренною ему церковію не иначе, какъ при участіи собора пресвитеровъ. «Отъ начала епископства моего,—говоритъ онъ въ одномъ посланіи къ клиру Карѳагенскому, писанномъ во время удаленія отъ каѳедры по случаю гоненія,—я положилъ ничего не дѣлать по (своему) частному мнѣнію безъ вашего совѣта и (какъ то было обычаемъ въ древнѣйшей церкви) безъ согласія моего народа», и затѣмъ многократно заявляетъ на словахъ и въ поведеніи, что онъ хочетъ и старается держаться этого правила со всею, такъ сказать, скрупулезною добросовѣстностію[1]). А его абстрактно-положительное ученіе о нашемъ предметѣ есть то, что истинный христіанинъ долженъ повиноваться епископамъ и священникамъ (episcopis et sacerdotibus obtemperare)[2]).

[1]) Посланія Кипріана: 6-е, ad clerum suum de cura pauperum ac confessorum; 14-е, ad clerum suum, de iis qui ad pacem festinabant; 24 е, ad clerum, de literis praecedentibus Romam missis; 33-е, ad clerum et plebem de Aurelio lectore ordinato: 65-е, ad Rogatianum episcopum de superbo diacono; 66-е, ad clerum et plebem Furnitanorum de Victore (въ изданіяхъ письма Кипріановы располагаются не всегда одинаково; у насъ подъ руками изданіе Рейнгартово, гдѣ письма въ порядкѣ Памеліевомъ).

[2]) Посл. 62-е, ad Pomponium de virginibus, n. 3. Латинскій канонистъ второй половины XI в. Deusdedit въ своемъ Collectio canonum, изданномъ a Pio Martinucci, Venetiis, 1869, приводитъ слѣдующія два опредѣленія Кипріана, сдѣланныя имъ на помѣстныхъ Карѳагенскихъ соборахъ и неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ: Firmum decretum esse non potest, quod non plurimorum videbitur habuisse consensum, и потомъ: in minoribus causis sanctiores prudentioresque fratres rectos ad suum episcopus convocet consilium, in majoribus

Въ такъ называемыхъ Правилахъ апостольскихъ читается предписаніе: «пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ; ибо ему (епископу) ввѣрены людіе Господни и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ»[2]. Защитники абсолютной власти епископовъ находятъ, что это предписаніе совершенно яснымъ и совершенно безспорнымъ образомъ опредѣляетъ власть епископовъ въ томъ смыслѣ, какъ хотятъ понимать ее они, т. е. какъ власть единоличную и

---

vero omnem fratrum convocet conventum: quod si aliter aegerit, juxta sanctorum canonum decreta irrita et infirma sit ejus sententia, p. 222, n. CII fin. — Если св. Кипріанъ во время своего удаленія отъ каѳедры по случаю гоненія поставлялъ клириковъ безъ собора пресвитеровъ, то сіе значитъ вовсе не то, чтобы на дѣлѣ онъ поступалъ вопреки тому, къ чему признавалъ себя обязаннымъ на словахъ, а только то, что въ исключительныхъ случаяхъ онъ считалъ дозволительнымъ отступленіе отъ правила. При этомъ, внѣ-обычнымъ образомъ онъ поставлялъ въ клирики только такихъ людей, мнѣніе о которыхъ собора пресвитеровъ было ему уже положительно извѣстно или въ одобреніи которыхъ пресвитерами не могло быть для него никакого сомнѣнія; о случаяхъ поставленія онъ считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія собора пресвитеровъ; наконецъ, онъ совершалъ поставленія не въ собственномъ смыслѣ одинъ, а съ тѣми пресвитерами, которые были при немъ. — Если св. Кипріанъ учитъ, что «епископъ въ церкви и церковь въ епископѣ» и что «кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви» (Epist. 69, n. 7), то изъ сего ученія, пріемлимаго всѣми и подтверждаемаго, какъ извѣстно, и канонами (Апост. и др.), вовсе и ровно ничего не слѣдуетъ для апологетовъ новаго ученія (Безъ епископа не можетъ быть церкви, но это вовсе не значитъ наоборотъ, чтобы одинъ епископъ составлялъ всю церковь или всю церковную іерархію. Безъ епископа не можетъ быть церкви, но и епископъ безъ пресвитеровъ не составляетъ церкви. А если случится такой расколъ въ частной церкви, что на одной сторонѣ будетъ епископъ, а на другой всѣ пресвитеры, то это не будетъ значить, чтобы церковь была тамъ, гдѣ епископъ, а будетъ представлять собою тотъ исключительный случай, что извѣстная частная церковь разрушилась и прекратила свое существованіе. Пресвитеры составляютъ такую же необходимую степень церковнаго священства, какъ и епископы, а безъ необходимаго церковь не можетъ существовать. Если оставшійся одинокимъ епископъ поставитъ (законно) новыхъ пресвитеровъ, церковь снова явится, но снова явится потому, что снова явились въ ней пресвитеры, подразумѣвается, съ правами старыхъ, т. е. тутъ дѣло сводится къ тому, что епископы τῇ χειροτονίᾳ μόνῃ ὑπερβεβήκασι пресвитеровъ — слова Златоуст., см. выше. Епископъ можетъ ставить пресвитеровъ, но не безъ пресвитеровъ поставленныхъ (законно) и обладающихъ правами имъ принадлежащими онъ не можетъ быть).

[2] Пр. 39. Апостольскія правила называются апостольскими не потому, чтобы они были написаны апостолами или по ихъ завѣщанію непосредственными ихъ пріемниками, а потому, что они явились въ церкви, спустя много времени послѣ апостовъ (вѣкъ III — IV), на основаніи сохранявшагося въ послѣдней апостольскаго преданія. Трулльскій соборъ, окончательно придающій правиламъ вселенско-каноническое значеніе не называетъ ихъ апостольскими, а преданными намъ именемъ апостоловъ (пр. 2 сначала), cfr о сихъ правилахъ Начертаніе церковно-библейской исторіи, — исторія ново-завѣтн. церкви, вѣкъ I-й, гл. V, 2 изд. стр. 821.

абсолютную. Однако вовсе непонятно, какимъ образомъ они это находятъ. Составляетъ общее правило то, чтобы въ коллегіяльныхъ присутствіяхъ члены послѣднихъ ничего не дѣлали безъ своихъ предсѣдателей, потому что иначе эти присутствія вмѣсто своего превосходства надъ единоличными правителями обратились бы въ величайшее зло (по причинамъ всѣмъ понятнымъ) и въ нѣчто совершенно безсмысленное. Если это всегда и непремѣнно такъ въ администраціи мірской, то странно было бы, если бы это иначе было въ администраціи церковной, болѣе совершенной, чѣмъ мірская. Епископъ есть предсѣдатель мѣстнаго церковнаго управленія и изъ этого само собою и необходимо слѣдуетъ, что пресвитеры ничего не могутъ дѣлать безъ его воли. Но если это такъ и совершенно безспорно (не только на основаніи прямаго предписанія, но и простаго здраваго смысла): то какимъ образомъ наоборотъ, отсюда слѣдуетъ, чтобы епископъ все могъ дѣлать безъ пресвитеровъ, чтобы пресвитеры совершенно устранялись отъ власти и она исключительно ввѣрялась епископу? Во всякихъ нашихъ коллегіяльныхъ присутственныхъ мѣстахъ совѣтники и члены ничего не могутъ дѣлать безъ предсѣдателей: но значитъ ли это, чтобы предсѣдатели все могли дѣлать безъ совѣтниковъ и членовъ?[1]) Такимъ образомъ не ясно ли, что защитники абсолютной власти епископовъ хотятъ видѣть въ предписаніи то, чего оно вовсе не говоритъ и хотятъ выводить изъ него слѣдствіе, которое изъ него вовсе не слѣдуетъ? Къ прискорбію нашихъ защитниковъ, они имѣютъ противъ себя и самыя Правила апостольскія. 4-й канонъ этихъ правилъ предписываетъ, чтобы приносимые въ церковь на содержаніе клира всякіе жизненные припасы «епископъ и пресвитеры раздѣляли (послѣ самихъ себя) діаконамъ и прочимъ клирикамъ». Ясно, что канонъ понимаетъ и принимаетъ пресвитеровъ какъ соначальниковъ епископу. 58-й канонъ Правилъ говоритъ: «епископъ или пресвитеръ не рачащій о причтѣ или о людехъ и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ». Если на пресвитеровъ возлагается обязанность рачить о причтѣ и они подвергаются отвѣтственности за неисполненіе обязанности, какъ и епископъ, то, конечно, ясно, что они понимаются какъ соначальники послѣдняго, какъ «сотрудники, данные епископу» (Вальсамонъ въ толкованіи на этотъ канонъ) [2]).

---

[1]) На верху древняго епархіальнаго управленія стояли митрополиты, въ слѣдствіе чего никому не было дозволено составлять безъ нихъ епархіальныхъ соборовъ (Антіох. соб. прр. 16 и 20 fin). Значитъ ли это, чтобы вся власть на епархіальныхъ соборахъ принадлежала митрополитамъ?

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что съ весьма древняго времени начали появляться епископы, которые понимали апостольское правило такъ, какъ понимаютъ его наши нынѣшніе апологеты, и которые на основаніи этого правила и помимо его (и еще до его появленія въ письмени) стремились къ тому, чтобы присвоить всю власть себѣ и совершенно отстранить отъ нея пресвитеровъ, но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. А ссылаться на злоупотребленія, толкуя ихъ какъ правило (Ива Едесскій), — пріемъ вовсе непохвальный. Апологеты задаютъ вопросы: «безусловно ли обязателенъ для епископа въ судномъ дѣлѣ совѣтъ пресвитеровъ и діаконовъ (изъ которыхъ послѣднихъ никто не считаетъ совѣт-

Такимъ образомъ въ Правилахъ апостольскихъ вовсе не говорится того, чтобы списокъ былъ единоличнымъ и неограниченнымъ начальникомъ церкви (своей мѣстной) и напротивъ ясно говорится, что пресвитеры суть соначальники («сотрудники») епископа. Какъ имѣетъ себя дѣло по нашему вопросу въ остальномъ вселенскомъ канонѣ церковномъ? Въ остальномъ канонѣ мы не находимъ прямыхъ и нарочитыхъ рѣчей, что такое суть пресвитеры по отношенію къ епископамъ—соначальники имъ или ихъ слуги. Но вмѣсто прямыхъ рѣчей мы находимъ въ немъ непрямыя, которыя по своей ясности совершенно замѣняютъ намъ первыя. Василій Великій говоритъ, что міряне вводятся въ клиръ при испытаніи ихъ достоинства пресвитерами (лично и чрезъ посредство діаконовъ) и что только послѣ сего испытанія и «принятія» пресвитерами они получаютъ посвященіе отъ епископовъ (пр. 89). Өеофилъ Александрійскій говоритъ, что недостойные клирики извергаются пресвитерами (пр. 6) и затѣмъ относительно рукоположенія въ церковныя степени предписываетъ: «относительно имѣющихъ рукополагатися тиковой да будетъ уставъ: весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберетъ

никами епископа) для того, чтобы приговоръ его получилъ силу и свое надлежащее дѣйствіе?» Или: «имѣетъ ли право епископъ привести въ исполненіе судебный приговоръ, относительно котораго между нимъ и его совѣтомъ произошло разногласіе и который слѣдовательно явился не по общему согласію всѣхъ пресвитеровъ и діаконовъ и т. д.?» И даютъ отвѣтъ: «вопросы эти разрѣшаются сами собою: пресвитеры и діаконы могутъ, конечно, не соглашаться съ приговоромъ своего епископа, могутъ обвинять его въ несправедливости его дѣйствій, но не иначе, какъ предъ высшею его властію, предъ соборомъ епископовъ; но ни они, ни самъ подсудимый не имѣютъ никакого права считать постановленное епископомъ рѣшеніе не имѣющимъ дѣйствительнаго и обязательнаго значенія и силы». Смѣшивая матеріи, апологеты говорятъ тутъ о двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приговоромъ епископа и пресвитеровъ или епископскаго суда будетъ недоволенъ самъ подсудимый и когда онъ заявитъ желаніе перенести дѣло аппелляціоннымъ порядкомъ въ епархіальный или митрополичій соборъ (епархія—митрополія, см. выше); во-вторыхъ, когда съ мнѣніемъ епископа по какому нибудь дѣлу не согласятся пресвитеры или когда между самими судьями выйдетъ разногласіе. Говорить въ первомъ случаѣ, чтобы рѣшеніе епископа имѣло обязательную силу и значеніе, понимая это въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, значитъ говорить не дѣло, чтобы не сказать болѣе: право аппелляціи есть право исканія, чтобы приговоръ былъ отмѣненъ; но какъ онъ будетъ отмѣненъ, когда уже будетъ исполненъ? Т. е. иначе сказать, право аппелляціи на приговоръ необходимо предполагаетъ суспенсію приговора или отсрочку его исполненія. Второй случай есть случай прекословія между судьями. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе епископа не только не имѣло обязательной силы и значенія, но и само вовсе не могло являться: въ случаѣ прекословія между судьями дѣло переносилось (какъ это всегда бываетъ) въ высшую инстанцію — епархіальный соборъ, на обязанности котораго именно лежало «разрѣшать церковныя прекословія» (Апост. пр. 37), и только этотъ соборъ, разрѣшая вышедшее между епископомъ и пресвитерами несогласіе, постановлялъ свое рѣшеніе.

и тогда епископъ да испытываетъ избраннаго и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви»... (пр. 7). Если избраніе въ церковныя степени совершается епископами при непремѣнномъ участіи пресвитеровъ; если при ихъ участіи совершается епископами и изверженіе изъ клира лицъ недостойныхъ: то ясно, что они суть «сотрудники» епископовъ, и сотрудники ихъ какъ въ качествѣ правителей, такъ и судей, т. е. иначе сказать — несомнѣнно сотрудники ихъ по всему. Не говоря прямо о пресвитерахъ, какъ о сотрудникахъ епископовъ въ управленіи церквами, остальной канонъ церковный послѣ Правилъ апостольскихъ даетъ намъ это какъ необходимый выводъ изъ того, что онъ предписываетъ относительно завѣдыванія церковными имѣніями. Завѣдываніе церковными имѣніями ввѣряется епископу (Апост. пр. 41), но не иначе какъ при участіи пресвитеровъ (Антіох. соб. пр. 25, Карѳаг. соб. пр. 42, Ѳеофила Алекс. пр. 10). Такимъ образомъ, если завѣдывать церковными имѣніями каноны обязуютъ епископовъ не иначе какъ при участіи пресвитеровъ, то, выражаясь словами одного Апостольскаго канона (41-го), кольми паче слѣдуетъ то, что это сотрудничество пресвитеровъ епископамъ они предполагаютъ необходимымъ въ пасеніи драгоцѣнныхъ человѣческихъ душъ.

Возвращаясь снова къ свидѣтельствамъ неканоническаго авторитета, мы не будемъ приводить ихъ всѣхъ, а приведемъ только болѣе прямыя и болѣе важныя.

Постановленія апостольскія называютъ пресвитеровъ совѣтниками епископа (σύμβȣλοι τȣ̃ ἐπισκόπȣ), сенатомъ (верховной правительственной коллегіей) и совѣтомъ церкви (συνέδριον καὶ βȣλὴ τῆς ἐκκλησίας Lib. 11, c. 28), и затѣмъ въ нихъ обстоятельно и ясно предписывается относительно суда епископскаго: «да присутствуютъ на судилищѣ (съ вами епископами) и діаконы (подразумѣвается, какъ исполнительные чиновники) и пресвитеры, судя нелицепріятно, какъ люди Божіи, по правдѣ. Когда же войдутъ тотъ и другой человѣкъ, у которыхъ есть тяжба (оба тяжущіеся), то пусть каждый станетъ среди судилища, и вы (пресвитеры), выслушавъ ихъ, праведно подайте голоса (ὁσίως ἀνενέγκατε τὰς ψήφȣς) стараясь обоихъ (тяжущихъ) сдѣлать друзьями (примирить) прежде приговора (ἀπόφασις) епископа, чтобы судъ противъ согрѣшившаго не сдѣлался гласнымъ, потому что епископъ и на судилищѣ имѣетъ соучастникомъ и свидѣтелемъ суда Христа Бога» (Lib. II, c. 47). Болѣе ясныхъ рѣчей о томъ, что судъ епископовъ долженъ быть судомъ коллегіальнымъ, причемъ пресвитеры, какъ члены суда, подаютъ голоса, а епископъ, какъ его предсѣдатель, произноситъ приговоръ, полагаемъ, быть не можетъ[1]).

---

[1]) И однако защитники единоличной власти епископовъ ухищряются обратить ихъ въ свою пользу! Они, во-первыхъ, находятъ въ высшей степени замѣчательнымъ то, что приговоръ (ἀπόφασις) произноситъ епископъ; во-вторыхъ, о голосахъ, подаваемыхъ епископами, какъ членами суда (ψῆφοι) они говорятъ, что они — пресвитеры «подаютъ и свои мнѣнія касательно судящихся, какъ бы

Посланія Игнатія Богоносца дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой, которая есть первоначальная или подлинная, и распространенной, которая есть позднѣйшая и относится не ранѣе какъ къ IV вѣку. По этой второй редакціи въ посланіи къ Траллійцамъ читаемъ: «что такое епископъ, какъ не лице, имѣющее главное начальство и власть надъ всѣмъ, сколько то возможно посильному подражателю Христа Бога? Что такое соборъ пресвитеровъ (πρεσβυτέριον), какъ не священная коллегія (σύστημα, — Corps, Corporation, Collegium, Lex. v. Passow), (что такое они) какъ не совѣтники и не сотоварищи (συνεδρευταὶ) епископа?... Итакъ, кто не повинуется имъ, тотъ человѣкъ совершенно безбожный и нечестивый; тотъ презираетъ Христа и его установленіе» (п. 7).

Блаженный Іеронимъ, державшійся, какъ извѣстно, относительно происхожденія епископовъ своего особаго взгляда, весьма близкаго къ нынѣшнему протестантскому, говоря о своемъ времени, во-первыхъ, буквально повторяетъ приведенныя нами слова Златоустаго, а именно спрашиваетъ: «что дѣлаетъ епископъ, за исключеніемъ посвященія, чего бы не дѣлалъ пресвитеръ?» [1]) во-вторыхъ, пишетъ: «и мы имѣемъ въ церкви свой сенатъ—соборъ пресвитеровъ» [2]).

Существуетъ древнее собраніе правилъ церковныхъ, составленное неизвѣстнымъ изъ мѣстныхъ правилъ и мѣстной практики разныхъ частныхъ церквей, въ которомъ до послѣдняго времени видѣли правила IV Карѳагенскаго собора (изъ числа соборовъ, бывшихъ при епископѣ Авреліи, 398 г.). Въ этомъ собраніи между прочимъ читаются правила: a) «епископъ да не слушаетъ никакого дѣла безъ присутствія своихъ клириковъ; иначе да будетъ недѣйствителенъ приговоръ епископа, если онъ не будетъ утвержденъ приговоромъ клириковъ» (пр. 23); b) «епископъ гдѣ нибудь сидящій не долженъ дозволять (non patiatur), чтобы стоялъ (предъ нимъ) пресвитеръ» (пр. 34) [3]); c) «при посвященіи пресвитера, когда епископъ благословляетъ его и держитъ руку на его головѣ, то и всѣ пре-

---

свои убѣжденія или совѣты». Но что удивительнаго въ томъ, что въ коллегіальномъ присутственномъ мѣстѣ приговоръ произноситъ предсѣдатель, а не кто нибудь изъ членовъ или не всѣ члены поочередно (развѣ новые канонисты знаютъ, чтобы гдѣ нибудь бывало иначе?). А говорить, чтобы голоса, подаваемые на судѣ (ψῆφοι), могли значить какъ бы убѣжденія или совѣты, значитъ говорить нѣчто вовсе неизвинительное для канониста (вы членъ суда съ правомъ «голоса»: протолкуетъ ли это кто нибудь такъ, что вы членъ суда съ правомъ немного поболтать въ каждомъ его засѣданіи?). См. въ Постановленіяхъ апостольскихъ и далѣе послѣ сейчасъ нами указаннаго, до гл. 54. Еще замѣтимъ, что иногда Постановленія апостольскія подразумѣваютъ пресвитеровъ вмѣстѣ съ епископами, кн. II, глл. 30, 42 и 44.

[1]) Epist. 146, ad Evangelum.

[2]) У Бинг. I, 273.

[3]) А относительно діаконовъ, какъ извѣстно, предписывается: «не подобаетъ діакону сидѣти въ присутствіи пресвитера, но съ повелѣніемъ пресвитера сѣсти», — Лаодик. соб. пр. 20.

свитеры, которые присутствуютъ, держатъ свои руки на его головѣ подлѣ руки епископа» (пр. 3) [1]).

9-е правило 4-го вселенскаго собора по принятому тексту читается: «Если который клирикъ съ клирикомъ же имѣетъ судное дѣло, то да не оставляетъ своего епископа и да не прибѣгаетъ къ свѣтскимъ судилищамъ; но сперва да предъявитъ свое дѣло у своего мѣстнаго епископа или по изволенію того же епископа избранные обѣими сторонами да составятъ судъ». Но въ славянскомъ переводѣ Номоканона Іоанна Схоластика правило это читается: «Аще который клирикъ съ клирикомъ тяжу имать, да не оставляетъ своего епископа и къ людскимъ судьямъ (да не) пририщетъ; но преже до скажеть вещь свою епископу, да епископъ повелѣніемъ своимъ призвавъ обѣ страны, хотящаяся прѣти, съ начальными своими попы праведнѣ да устроитъ»[2]). Которое изъ двухъ чтеній есть подлинное, мы не знаемъ; но предполагая, что оно есть и то, которое у насъ принято, во всякомъ случаѣ будемъ имѣть несомнѣннымъ, что чтеніе Номоканона Схоластикова, взятое отъ практики и свидѣтельствующее о ней, было весьма распространеннымъ и весьма авторитетнымъ, ибо иначе переводчикъ Номоканона св. Меѳодій, первоучитель славянскій и архіепископъ Моравскій, конечно, не принялъ бы его [3]). Что наше чтеніе дѣйствительно было распространено и весьма авторитетно, на это мы имѣемъ и еще одно доказательство: въ Генелевомъ изданіи Кодекса Ѳеодосіева къ закону имперр. Валента, Граціана и Валентиніана отъ 376 г., который Lib. XVI, tit. 11, n. 23 и который начинается: Qui mos est caussarum civitium, idem in negotiis ecclesiasticis, приложено слѣдующее interpretatio: Quoties ex qualibet re ad religionem pertinente inter clericos fuerit nata contentio, id specialiter observetur, ut convocatis ab episcopo diœcesanis presbyteris, quae in contentionem venerint, judicio terminentur (Каноны церковные еще ожидаютъ своего тщательнаго сличенія по рукописямъ; а въ доказательство нашихъ словъ кромѣ, сейчасъ указаннаго, приведемъ и еще одинъ извѣстный намъ примѣръ, который составляетъ вмѣстѣ свидѣтельство и по отношенію къ собственному предмету нашей рѣчи. Въ сокращеніи каноповъ, которое принадлежитъ или усвояется Метафрасту, 34 правило Карѳагенскаго собора читается: «Клирики (низшіе) и воздержники (ἐγκρατευόμενοι) да не приступаютъ къ вдовамъ и дѣвамъ (да не входятъ въ общеніе съ...), развѣ какъ только по повелѣнію епископовъ и пресвитеровъ; но и это не одни, а только когда берутъ ихъ съ собою епископъ или пресвитеры») [4]).

Въ Московской Руси каѳедральные архіерейскіе клиросы или соборы при епископахъ пресвитеровъ, какъ ихъ чиновниковъ, исчезаютъ въ концѣ XIV — нача-

1) У Гефеле въ Concilien-Geschichte, 2 Band, 2 Aufl. S. 68 sqq.

2) Номокан. тит. 15, ркп. Моск. Дух. Акад. № 54.

3) И въ Стоглавникѣ наше правило приводится по чтенію Номоканона Схоластикова, гл. 55, Казанск. изд. стр. 265. Обращаемъ на это вниманіе спеціальныхъ канонистовъ.

4) Въ Патрол. Миня, t. 114, p. 269.

лѣ XV вѣка. Однако по крайней мѣрѣ еще до половины XVI вѣка въ ней твердо было помнимо, что судъ святительскій долженъ быть судъ соборный [1]).

«Уставъ бѣлеческій» или «Заповѣдь» митр. Георгія.

Основанія того, почему нижеслѣдующую «Заповѣдь святыхъ отець ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ», мы принимаемъ за сочиненіе митр. Георгія и называемъ уставомъ бѣлеческимъ, мы приводили выше (стр. 371, см. также ниже примѣчанія къ правиламъ Заповѣди 58-му, 64-му и 108-му).

---

[1]) Стоглавъ, гл. 66 fin., 68 и 69, Казанск. изд., стрр. 293, 298—9, 324. Объ отношеніи пресвитеровъ къ епископамъ см. у *Бингама* I, 268 sqq, въ Словаряхъ *Дюканжа* (Graecit. и Latinit.) и *Свицера*, у *Цишмана* въ Die Synoden und Episcopal-Aemter и вообще въ археологическихъ книгахъ. Между нашими русскими современными учеными теорія единоличной и абсолютной власти епископовъ не есть теорія старая, для которой въ наши дни все еще находились бы защитники, а теорія новая, которая (представляя собою повтореніе задовъ за нѣкоторыми западными учеными) только въ наши дни провозглашена, cfr *митр. Евгенія* Разсужденіе о чинахъ Греко-Россійскія церкви, Моск. 1817 г. изд. стр. 97 sqq, *митр. Филарета* Начертаніе церковно-библейской исторіи, — исторія новозавѣтная, вѣкъ I-й, гл. IV, 2-го изд., стр. 817, *Вѣтринскаго* Памятники древней христіанской церкви, томъ I, Спб. 1829, стр. 141 sqq и іеромон. *Павла* О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви, Спб. 1857, стр. 12 sqq. О частныхъ доводахъ защитниковъ новой теоріи, которые стоятъ замѣчаній, мы сдѣлали замѣчанія выше, а теперь въ заключеніе покажемъ, какъ имѣетъ себя она сама. Люди не настолько смѣлы, чтобы отвергать факты и свидѣтельства и поэтому вынуждены признать, что «устройство древняго епархіальнаго суда по церковнымъ памятникамъ представляется не иначе, какъ въ формѣ церковнаго собранія и засѣдающаго въ немъ совѣта церковнаго». Но въ тоже время они проповѣдуютъ: «основное отличіе судебной власти епископа состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ ее непосредственно при рукоположеніи въ санъ епископа, тогда какъ пресвитеры посвященіемъ въ свой санъ получаютъ только такъ сказать правоспособность къ принятію извѣстнаго круга юридическихъ обязанностей, получаютъ только возможность къ прохожденію той или другой должности; но чтобы эта возможность перешла въ дѣйствительность, нужно еще особое полномочіе епископа». И такъ съ одной стороны, епархіальный судъ не иначе какъ церковный совѣтъ, слѣдовательно—пресвитеры непремѣнно участвуютъ въ немъ; а съ другой стороны, пресвитерамъ для сего нужно особое полномочіе епископа, слѣдовательно они могутъ участвовать въ немъ только тогда (только въ тѣ отдѣльные разы), когда пожелаетъ этого епископъ: трудно понять, какъ творцы теоріи не замѣчаютъ своего подобнаго противорѣчія. Но еще труднѣе понять то, какъ они, проповѣдуя о пресвитерахъ знаменитое сейчасъ приведенное, не замѣчаютъ, что проповѣдуютъ не только нѣчто въ высшей степени странное, но и такое, что по всей справедливости заслуживало бы болѣе жестокаго имени. Пресвитеръ, рукополагаемый епископомъ, получаетъ вмѣстѣ съ благодатію св. Духа извѣстныя

Уставъ, называвшійся въ древнее время и «Заповѣдью», какъ теперь стоитъ въ его надписаніи [1]), извѣстенъ намъ по двумъ спискамъ—Троицкому Лаврскому № 204 (лл. 261 об. fin.,—277) и библіотеки Ундольскаго № 28 (лл. 79—94), которые оба XVI вѣка. Въ Синодальной рукописи, по описанію Горскаго и Невоструева № 391, л. 331 обор., читается небольшое начало Заповѣди (о пищѣ и поклонахъ). Въ Синодальной рукописи по тому же Описанію, № 153, л. 290 и въ Волоколамской рукописи (теперь находящейся въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи) № 566 приводятся отдѣльныя правила изъ Заповѣди, въ первой нѣкоторыя, во второй довольно многія. Наконецъ, въ рукописяхъ, содержащихъ Номоканонъ Іоанна Схоластика съ дополненіями (Схоластикова Кормчая, — Румянц. муз. № 230 и Моск. Д. Акад. фундан. № 54), читаются — во-первыхъ, нѣкоторыя отдѣльныя правила, во-вторыхъ, цѣлая група ихъ, въ видѣ таковаго же цѣлаго, что̀ и у митр. Георгія (объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ см. ниже примѣч. къ надписанію предъ § 130).

Мы печатаемъ заповѣдь по Троицкому списку съ указаніемъ отличій и варіантовъ списка Ундольскаго [2]).

По двумъ позднѣйшимъ спискамъ невозможно рѣшать вопроса: насколько сочиненіе митр. Георгія сохранилось до насъ въ подлинномъ видѣ или насколько оно интерполировано въ позднѣйшее время. Почему мы оставляемъ пока этотъ вопросъ вовсе не тронутымъ (см. впрочемъ сейчасъ указанное примѣчаніе къ надписанію предъ § 130 и примѣчаніе къ § 158).

Въ спискахъ правила Заповѣди написаны слитно, безъ обозначенія ихъ счета, безъ разстановки на новыя строки и иногда безъ отмѣты заглавными буквами.

права; однако получая эти права́, онъ не получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ однажды на всегда пра́ва пользоваться ими, но можетъ ими пользоваться только по новымъ, въ каждомъ частномъ случаѣ, особымъ дозволеніямъ епископа, такъ что благодать св. Духа преподается ему, такъ сказать, только какъ потенція, для перехода которой всякій частный разъ въ дѣйствительность требуются нарочитыя благословенія (и какъ бы новыя хиротоніи) епископа. Неужели не видятъ творцы теоріи, что говорить подобное значитъ зарапортовываться? (А когда авторъ приведенныхъ выписокъ выражается: «получаютъ возможность къ прохожденію той или другой должности», тогда какъ у него рѣчь вовсе не о должностяхъ, вовсе не о назначеніи въ благочинные и пр., то онъ показываетъ только, что сбился въ своихъ мысляхъ). Пресвитеръ въ рукоположеніи епископскомъ получаетъ благодать и право совершать литургію и вообще таинства: испрашиваетъ ли онъ потомъ у епископа особаго дозволенія на совершеніе каждой литургіи и на совершеніе всякій разъ каждаго изъ остальныхъ таинствъ? Если нѣтъ, то совершенно тоже самое и со всѣми остальными правами, которыя онъ получаетъ.

[1]) См. примѣч. къ 108-му пр. Заповѣди.

[2]) Въ спискѣ Ундольскаго не достаетъ нѣкоторыхъ правилъ, что мы указываемъ ниже; языкъ его нѣсколько подновленъ, что даетъ видѣть въ немъ позднѣйшую редакцію, но, наоборотъ, нѣкоторыя правила читаются въ немъ, очевидно, правильнѣе и исправнѣе, чѣмъ въ Троицкомъ.

Для удобства пользованія и ссылокъ мы разставляемъ ихъ на новыя строки и выставляемъ имъ счетъ (такъ что въ нижеслѣдующемъ текстѣ Заповѣди выставленныя цифры должны быть считаемы нашими; а если читатель найдетъ, что въ иныхъ случаяхъ мы раздѣляемъ правила произвольно и неправильно: то ему предоставляется раздѣлять по своему)[1].

Заповѣдь[2]) святыхъ отець ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ.

1. Отъ паскы до всѣхъ святыхъ поклонъ средній до пояса[3]) по 60 на день; а порозныя[4]) недѣля и въ среду и въ пятокъ мяса ясти бѣльцомъ, а чернцомъ доиво[5]) и сыры и яица и рыбы ясти. Аже будетъ на коемъ епитемья, то отъ паскы до антипаскы до сшествія святаго Духа[6]) въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ рыбы ясти двожды дне и питіе пити въ мѣру, а николиже не упиватися; во вторникъ и въ четверьтокъ и въ субботу и въ недѣлю и въ превленіе (sic, читай: преполовленіе) праздника мяса ясти, и русалная недѣля[7]) въ среду и въ пятокъ мяса ясти.

2. Въ Петрово говѣйно[8]) все ни мяса ясти ни доива отинудъ[9]), а поклоновъ до земли сто на день, кромѣ суботы и недѣли и Осподскихъ праздникъ и Богородицы и Іоанна Предтечи и 12 апостолъ; аще ся пригодитъ тѣхъ который день или въ среду или въ пятокъ, нѣсть поклона до земли ни постъ, но молитву свою и пѣніе держатъ во вся дни до послѣдняго издыханія на всяко время противу силѣ комуждо и поклона такожо, а упиватися не велю никомуже, но ясти и пити въ мѣру, а къ Богу молитися на всякъ часъ, а въ покаянны (sic, читай: въ покаяньи) и въ чистотѣ всегда пребывати. Въ Петрово же говѣйно

---

1) По Троицкому списку Заповѣдь была напечатана г. Тихонравовымъ въ Памятникахъ отреченной русской литературы, подъ рубрикой: «Худые номокакунци» (т. II, стр. 289).

2) По сп. Ундольскаго и въ Синод. № 391: «Заповѣди».

3) Въ Волокол. ркп. № 566, л. 423 о поклонѣ среднемъ до пояса: «сиде есть поклонъ, елико прекланяти главу противу пояса своего».

4) Въ сп. Ундольск.: «праздныя». Порозная, праздная недѣля — недѣля св. Пасхи.

5) Молоко.

6) Въ сп. Ундольск. нѣтъ: «Аже — епитемья» и читается: «ясти. А отъ антипасхи до сшествія святаго»... Выпускъ словъ: «аже — епитемья», можетъ быть, есть дѣло позднѣйшее, но затѣмъ въ немъ, очевидно, правильнѣйшее или подлинное чтеніе. Антипасха — Өомино воскресенье.

7) Въ сп. Ундольск.: «Троицькую недѣлю». Русальной недѣлей называлась недѣля передъ днемъ св. Троицы.

8) Въ сп. Ундольск. слово «говѣйно» замѣнено словомъ «говѣніе», какъ и ниже.

9) Въ сп. Унд.: «все — отинудъ» нѣтъ.

постъ: въ среду и пятокъ безъ варива [1]) и безъ питья одиною днемъ ясти, во вторникъ и въ четвертокъ и въ суботу и въ недѣлю рыбы двожды днемъ и питіе.

3. По Петровѣ дни въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ вариво — сочиво, горохъ съ масломъ древянымъ и съ маковымъ одиною днемъ, а рыбъ и скорома въ ты дни не ясти ни питія пити кромѣ болѣзни и тяжкыя страды; во вторникъ и въ четвертокъ доиво, рыбы двожды днемъ и питіе въ мѣру — по 3 чаши на обѣдѣ и на ужинѣ, а въ суботу и въ недѣлю мясо; а поклона по 60 на день кромѣ суботы и недѣли, поклоны бо починаются въ понедѣльникъ [2]) вечеръ(омъ), а въ пятокъ покладается [3]) въ 9 часъ и въ говѣйно и кромѣ говѣйна, а въ суботу и въ недѣлю всякую среднее поклоняніе.

4. Въ Филипово говѣйно такоже держатъ, како то и въ Петрово говѣнье писано, и постъ и поклонъ, поединою днемъ ясти въ всѣ дни, а въ суботу и въ недѣлю двожды.

5. Отъ Рождества Христова до Крещенія Господня [4]) поклонъ до пояса, а въ среду и пятокъ мясо и доиво ясти и питіе въ мѣру [5]), въ канунъ [6]) Крещенія Господня не ясти мяса ни доива, а отъ Крещенія Господня до великаго поста поклонъ до земли по 60 на день, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ постъ держати, а одиною днемъ сочиво безъ питья, безъ доива и безъ рыбы, а въ вторникъ и въ четвергъ доиво и рыбы и питіе въ мѣру, по 3 чаши на обѣдѣ и на ужинѣ, а въ суботу и въ недѣлю мясо.

6. Въ недѣлю о мытарѣ и фарисеи и предъ мясопусною недѣлею та [7]) вся мясо ясти (и) доиво, укаряя Армены [8]), аще ли нѣсть Арменъ, то не ясти ни мяса ни доива [9]). Въ мясопустную недѣлю въ середу и въ пятокъ не ясти мяса ни доива; въ сыропускную (sic) недѣлю въ среду и въ пятокъ сыръ ясть одиною днемъ, а поклонъ до земли по 60 на день.

7. Въ великое говѣйно поклонъ по 300 на день до земли, а черноцомъ поклонъ въ все лѣто по 200, а во великое говѣнье по 300 на день; первая же недѣля сухо ясти одиною днемъ, а питія не пити [10]); аще ли въ немощи будеть,

---

[1]) Въ сп. Ундольск.: «варенія», какъ и ниже.

[2]) Въ сп. Ундольск.: «въ недѣлю». У Кирика въ Вопрошеніи (Калайд. 175): «въ пятокъ по вечерніи не дай (кланятися до земля), а въ недѣлю по вечерніи достоить».

[3]) Въ сп. Унд.: ошибочно: «поклоняются».

[4]) Въ сп. Унд.: «до Обрѣзанія Господня».

[5]) Въ сп. Унд.: «въ мѣру, по 3 чаши на обѣдѣ и на ужинѣ».

[6]) Въ сп. Унд.: «наканунѣ».

[7]) Въ сп. Унд.: «А недѣля о мытари и фарисеи предъ мясопустною недѣлею та»...

[8]) Укоряя Армянскій постъ такъ называемый Арцивуріевъ (*Дюканж.* Gloss. Graecit. подъ сл. ἀρτζιβούριον).

[9]) Въ сп. Унд.: «аще ли ни доива» нѣтъ.

[10]) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 179): «въ чистую недѣлю медъ ясти прѣсный, квасъ житный».

въ недѣлю и въ суботу по 3 чаши великихъ на обѣдѣ и на ужинѣ, въ ты же дни рыбы ясти бѣльцомъ [1]); а по Өедоровѣ [2]) недѣлѣ въ всѣ недѣли въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ сухо ясти одиною днемъ, а во вторникъ и четвертокъ сочиво съ масломъ древянымъ или съ маковымъ одиною днемъ, а въ суботу и въ недѣлю рыбы [3]) дважды днемъ. Отъ жоны своея законныя съблюстися въ все говѣйно. И на святаго Іоанна обрѣтенье главы и на 40 мученикъ и на Благовѣщенье рыбы ясти одною днемъ, а вариво и сочиво съ масломъ древянымъ только ясти въ суботу и въ недѣлю, а во вторникъ не ясти ни въ четвертокъ древянаго масла. Аще ли ся пригодитъ праздникъ святого Іоанна Предтечи или 40 мученикъ въ Өедорову недѣлю, то ясти [4]) рыбы, и аще ся пригодитъ [5]) Благовѣщенье въ великую пятницу или въ великую суботу, не ясти рыбъ ни варива никому же, но сухо ясти.

8. Когда причаститься кто хощетъ святыхъ таинъ, яже [6]) велятъ отци [7]), то сохранитися достоитъ своихъ жонъ законныхъ вѣнчянныхъ предъ (— и) причащенія, елико имъ велятъ отци, и по причащенію.

9. Подобаетъ же достойному причаститися пречистыхъ таинъ по всѣ недѣли святого поста и въ великой четвертокъ и въ великую суботу и на Пасху и на Възнесеніе Господне и на Сшествіе святаго Духа и въ Петрово говѣнье и на Петровъ день и на святую мученику Бориса и Глѣба и на Преображеніе Господне и на Успеніе святыя Богородица и на Въздвиженіе честнаго креста и въ день святаго Дмитрея и на Веденье (sic) святыя Богородица [8]) и въ день святого Николы и на Рождество Христово и на Крещеніе Господне и на Възнесеніе [9]) Господне. И въ болѣзнь (sic) и въ смерть достоитъ причащатися всякому крестьяну человѣку, и во питемьи [10]): ни одиному человѣку, крестьяну будучему, мужу или женѣ, малу или велику, молоду и стару, не достоитъ умирати безъ покоянія (и) безъ причастія святыхъ таинъ, ли въ нощь ли въ день.

10. Достоитъ попомъ вынимати святое тѣло того дѣля по вся лѣта въ великыи четвергъ, и ссушивше держати въ стружцѣ отъ года до года больныхъ дѣля [11]); аще ли того попове не дрьжатъ и епископы не учатъ ихъ тому, то вси хотятъ о томъ слово вздати за то къ Богу въ день судный, — и митрополиты и

---

[1]) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 179): «икра во все говѣніе бѣльцемъ».

[2]) Въ сп. Унд.: «3 чаши, а рыбы токмо на Благовѣщеніе и на вербницу ясти. А по Өедоровѣ»... Өедорова недѣля—первая недѣля великаго поста.

[3]) Въ сп. Унд.: «рыбы» нѣтъ.

[4]) Въ сп. Унд. «не ясти».

[5]) Въ сп. Унд. «случится».

[6]) Нужно «аще» — если.

[7]) Духовные отцы, духовники.

[8]) Въ сп. Ундольск. прибавлено: «въ святая святыхъ».

[9]) Въ сп. Унд. «Срѣтеніе».

[10]) Т. е. хотя бы онъ былъ и подъ епитеміей.

[11]) У Кирика въ Вопрошеніи о томъ же по изд. Калайд. стр. 176.

епискоры и попове, то бо есть велико дѣло, а неисправлено въ руской земли то, а Бога дѣля исправите, архіереи святители, много людій [1]) умираетъ въ васъ безъ причащенія святыхъ таинъ, въ вашомъ ненаказаніи и небреженіи и лѣности и піянствѣ.

11. А се вѣдомо вы буди: безъ вѣнчанія жонъ не поимати никомуже, ни богату, ни убогу, ни нищему ни работу (sic, читай: работну); безъ вѣнчанія бо женитва беззаконна есть, а не благословенна и не чиста, но и тайный бракъ нарицаютъ святыя книги [2]). Вы архіереи и святители Божіи, наказайте ихъ вы безъ лѣности о всемъ въ трезвѣ умѣ, то вашо дѣло есть, да и себе блюдите въ чистотѣ и душь всѣхъ людіи, порученныхъ вамъ отъ Бога, да не стыдимся предъ Богомъ на страшнемъ судищи.

12. А оглашенныхъ [3]) исходити вонъ мужемъ, а не женамъ [4]), (въ) запрещеньи будуче, изъ церкви на службѣ [5]) (sic), въ притворѣ до отпѣтья стояти, а на заутренеи и на вечерни позбранно (sic, читай: невозбранно) стояти въ церкви.

13. И отъ жонъ своихъ достойно въздержатися всякому крестьянину будуче (sic) въ суботу вечеръ и въ недѣлю вечеръ и въ Господскія праздники и въ нарочитыхъ святыхъ и въ великое говѣйно и егда нечисты бываютъ жены и егда хощетъ кто причаститися святыхъ таинъ, то соблюстися отъ женъ своихъ предъ причащеніемъ ночь [6]), а по причащеньи 2-ю нощь. Всякъ же человѣкъ страхъ Божій держи въ сердци своемъ всегда и часъ смертный поминай присно и страшный онъ судъ вѣчныя муки.

14. А ко Госпожину дню [7]) постятся 15 дни; Августа въ 1 день, аще причтется въ среду или въ пятокъ, не ясти мяса ни доива, но рыбы ясти [8]).

---

[1]) Въ сп. Унд.: «дѣло, и неисправленіе въ святительскомъ ненаказаніи и во іерейскомъ небреженіи, много людій»... Т. е. позднѣйшій редакторъ недоумѣвалъ, зачѣмъ тутъ стоитъ русская земля.

[2]) Въ сп. Унд.: «но и тайный—книгы» нѣтъ. О томъ же митр. Іоаннъ въ Правилѣ церковномъ Іакову Черноризцу, по изд. въ Рускк. Достопп. I,101 fin.

[3]) Въ сп. Унд.: «А отъ оглашенныхъ».

[4]) Въ сп. Унд. было написано: «мужемъ, а женамъ», потомъ «а» поправлено киноварью во что-то другое, но во что—не ясно, можетъ быть «и».

[5]) Въ сп. Унд.: «на службѣ литургіа». Правильнѣйшимъ, какъ кажется, должно считать чтеніе Троицкаго списка, по которому изъ-за литургіи отъ оглашенныхъ выходить изъ церкви находящимся въ запрещеніи мужчинамъ, а не женщинамъ. Женщины могли не высылаться потому, что полати или хоры, на которыхъ онѣ обыкновенно становились (см. ниже), не принимались за самую церковь (у Грековъ полати или хоры назывались между прочимъ κατηχούμενα, κατηχουμενεῖα, что значитъ именно оглашенники). Въ Схоластиковой Кормчей по Академ. ркп. это правило читается дважды; на л. 75 об.: «а о литургіи оглашеныхъ исходити отъ церкве и стояти въ папротѣ, а на вечери и на утрени иногда (sic) не возбранну быти по всему, идѣже хощетъ стояти въ церкви»; на л. 126 повторяется тоже, но съ началомъ: «о литургіи и оглашеныхъ» и потомъ: «и иногда».

[6]) Въ сп. Унд. «ночь» нѣтъ.

[7]) Въ сп. Унд. «А къ Успенію святѣй Богородицѣ».

[8]) Въ сп. Унд.: «доива, то бо есть 1-й день поста».

15. Аще убіютъ или срѣжутся въ церкви, да не поютъ въ ней 40 дній, потомъ вскопаютъ мостъ [1]) церковный и высыплютъ, аще и на стѣнѣ будетъ кровь пала, да омываютъ водою и молитву сътворятъ и водою покропятъ святою, и почнутъ пѣти.

16. Аще отець [2]) дѣти (читай: дѣтій) своихъ [3]) не перказавъ [4]) отъ идетъ далече, достоитъ имъ инаго отца искати.

17. Аще по покаяніи [5]) блудъ створитъ дьякъ, недостоитъ ему попомъ стати.

18. Аще отець перекажетъ [6]) умирая, идѣже не любо дѣтемъ [7]), да сами найдутъ отца себѣ, идѣже имъ будетъ любо, покааніе бо волное [8]).

19. А брата приснаго достоитъ пріяти на покояніе.

20. Попъ, аще хощетъ камкати [9]) не служивъ, въ олтари камкаетъ съ попы, фелогъ (sic — фелонь) взложь [10]).

21. Аще будетъ на лици знаменіе, акы кровь, не можетъ стати попомъ.

22. Мужу съ женою достоитъ каятися у единого отца.

23. Дьяку (аще) будетъ простриженъ верхъ, не достоитъ ему животины рѣзати [11]).

24. Аще кто покается дѣтескъ полъ, 8 лѣтъ или 10, а согрѣшенія его будутъ мала, разрѣшити въ смый день [12]).

25. Попъ, аще хощетъ литургисати, да не ястъ луку преже за единъ день.

26. Аще лѣтѣ [13]) будутъ мухи въ олтари, не достоитъ калугеру ни падьяку отгонити отъ честныхъ даровъ, но токмо дьякону.

27. Аще кто поялнаго [14]) начнетъ имѣти люта отца или невѣжю, да отпро-

---

[1]) Мостъ; помостъ — полъ. Вскопаютъ — выскребутъ, выстрогаютъ (снимутъ съ пола окровавленную поверхность).

[2]) Подразумѣвается — духовный.

[3]) Въ сп. Унд.: «дѣтей своихъ духовныхъ».

[4]) Въ сп. Унд. неудачный переводъ на новый языкъ: «не наказавъ». Переказавъ — отказавъ, передавъ, т. е. другому духовному отцу.

[5]) Волокол. ркп. № 566, л. 468 об.: «аще покаянъ дьякъ блудъ створить, не стати ему попомъ». О дьякахъ «покаялникахъ», о которыхъ говорится у митр. Георгія нѣсколько разъ и далѣе, см. выше стр. 393 прим. 6.

[6]) Въ сп. Унд.: «прикажеть».

[7]) Т. е. если отецъ духовный, умирая, передаетъ своихъ духовныхъ дѣтей духовнику, который имъ нелюбъ.

[8]) Въ сп. Унд.: «волно есть». Въ Вопрошаніи Кирика (Калайд. 199): «покаяніе бо волно есть».

[9]) Камкати или комкати — причащаться, изъ латинскаго communicare.

[10]) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 179): «причащатися достоитъ попу въ монатьи съ людьми, аще бы не служилъ, и пакы коли хотя служити»...

[11]) Этимъ правиломъ дается знать, что были при церквахъ дьяки безъ простриженныхъ верховъ или непосвященные, т. е. міряне дьячествовавшіе, исправлявшіе обязанности дьячковъ.

[12]) Въ сп. Унд.: «8 день». Cfr ниже въ главѣ о богослуженіи.

[13]) Лѣтомъ.

[14]) Въ сп. Унд.: «покаяльнаго». Правильнѣйшее чтеніе, вѣроятно, есть послѣднее; но можетъ быть было и прилагательное «поялный», произведенное

сится отъ него и индѣ покается; аще ли не пуститъ, не можетъ ся охабити его [1]).

28. Въ недѣлю не пѣти литургіи за упокой.

29. Аще презвутеру усшетъ рука и не мочи начнетъ благословити, да не литургисаетъ, но октенью молвитъ на заутреніи и молитву всегда творитъ, якоже и попъ, токмо не литургисаетъ.

30. Въ масльную недѣлю творится бракъ [2]).

31. Аще попъ литургимисать (sic) хощетъ въ вторникъ, то въ понедѣльникъ блюдется въ ту нощь [3]).

32. Проскуру достоитъ топити [4]).

33. Надъ мертвецомъ бывше пѣти, а просцемъ комкати [5]).

34. Проскурѣ аще изыдетъ 8 дніи, не пѣти ею [6]).

35. Аще не вѣнчался будетъ [7]), не достоинъ поповства, да вѣнчався съ женою станетъ попомъ, достоитъ бо ся вѣнчати, аще и дѣти будутъ.

36. Аще обручена жена будетъ дьяку, а умретъ, не совокупившеся съ нею, достоитъ ему иную поимше стати въ попы.

37. Въ клобукѣ недостойно конархисати ни чтенья чести.

38. Трепаремъ не крестити на Господьскыя праздники обѣда.

39. Въ среду страстныя недѣли полагается поклонъ, въ пятокъ тоя недѣли держати [8]).

40. Въ кадилницу темьянъ кладя благословити рукою.

отъ глагола поять, поимать (выбирать, такъ какъ духовныхъ отцовъ выбирали, именно — такимъ образомъ, что, выбравъ, навсегда оставались при одномъ).

[1]) Въ сп. Унд.: «отхабитися отъ него». Cfr Кирика въ Вопрошаніи по изд. Калайд. стр. 202 fin.

[2]) Въ сп. Унд.: «не творится».

[3]) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ. Кирикъ въ Вопрошаніи: «попу бѣлцю бывшу съ своею женою за день, лзѣ служити, ополоскавшеся до пояса, а не кланявшеся и не мывшеся; аще попъ восхощетъ служити въ недѣлю и въ вторникъ, можеть съвъкупиться межю днема—изранья въ понедѣльникъ; съ своею женою бывъ, томъ дни нельзѣ въ олтарь» (въ ркпп., у Калайд. это выпущено).

[4]) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ. Въ Волокол. ркп. № 566, л. 111 читается: «проскуру всяку (вынятую и невынятую) достоить топити въ водѣ, а пожемъ не рѣзати ея». Какъ будто это должно понимать такъ, что просфору засохшую не должно рѣзать ножемъ, а размачивать въ водѣ и потомъ ломать руками.

[5]) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ. У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 195): «надъ мертвецемъ бывшю попу достоить томъ дни служити ему, аще покадить и цѣлуеть».

[6]) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 194 fin): «проскумисати за двѣ недѣли», т. е. просфора годна для проскомисанія въ продолженіе двухъ недѣль.

[7]) Въ сп. Унд.: «Аще не вѣнчался будеть съ женою діакъ». Въ Волокол. ркп. № 566, л. 114: «Аще діакъ безъ вѣнчанія жену поялъ есть».

[8]) Въ сп. Унд.: «полагаются поклоны», а дальнѣйшихъ словъ «въ пятокъ — держати» нѣтъ.

41. Честный крестъ цѣловавше не ясти мяса ни сыра [1]).

42. Евангелья не достоитъ цѣловати ядше ни доры ясти [2]).

43. Бѣльцомъ мужемъ достоитъ носити крестъ на себѣ и тако съвокуплятися съ подружіемъ [3]).

44. Съ священнымъ крестомъ на проходъ не ходити, или будетъ съ мощьми, то держати и дележюще (sic) клавятися ему [4]).

45. Аще покаялнику жена умретъ первая или простьцю, а оженится второю въ законъ, аще хощетъ, да вѣнчается такоже [5]).

46. Аще дѣтя крестятъ, да мати его не ястъ 8 дній ни мяса ни масла [6]).

47. Аще ли пуститъ жену, да не вѣнчается, такоже аще и третью жену пойметъ [7]).

48. Аще дѣтя умретъ [8]) внезапу безъ болѣзни, суще (sic) не разумѣти, како ему къ смерти, то нѣсть епитемьи.

49. Отъ треженца не достоитъ проскуры взяти.

50. Достоитъ въ иконѣ ковати крестъ [9]).

51. Въ монастыри достоитъ дѣтя крестити, 8 день разрѣшится.

52. Безъ антимиса (sic) не достоитъ служити (въ) неосвящено(й) церкви, а въ освященой достоитъ, ктимисъ (sic) священтся, егда церковь святятъ или митрополита ставятъ или епископа.

53. Церкви безъ мощіи не ставятъ, но помощи (sic) въ 4 столпцѣ [10]) трапезы вдолбше положатъ.

54. Главу стригуще «Помилуй мя Боже» пѣти [11]).

55. Въ говѣнье дѣтяти молоду коровья молока не ясти: 2 говенья матерь ссетъ, а во третье не дати ему ясти.

56. Аще и на срамныхъ удѣхъ будетъ изметъ, священнымъ масломъ достоитъ мазати [12]).

57. Аще мужю жена не дастъ ножницъ, не достоитъ пострищи его, тако (и) женѣ.

---

1) У Кирика въ Вопрошаніи это о цѣлованіи креста въ день Воздвиженія, но не въ иные дни, — Калайд. стр. 178 fin. и 196 нач.

2) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ. У Кирика въ Вопрошаніи наоборотъ: «Евангелье цѣлуеть и ядше и пивше» (въ ркпп. у Калайд. выпущено).

3) Cfr у Кирика въ Вопрошаніи, по Калайд. стр. 195 fin.

4) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

5) Въ сп. Унд.: ...«простьцю, аже не можетъ въздержатися, да пойметь 2-ю въ законъ и вѣнчается, и пріиметь опитемью, како ему отецъ духовный повелитъ.»

6) Cfr Описан. Синодд. ркпп. Горск. и Невостр., № 358, л. 184.

7) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

8) Въ сп. Унд.: «умреть не крещено».

9) Т. е. можно вставлять въ икону крестъ.

10) Въ сп. Унд. «столбцы».

11) Въ сп. Унд.: «пѣти, а мыющеся часы пѣти».

12) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

58. Аще кто живъ сый, вдасть за ся сорокоустье, пѣти недостоитъ ему [1]).

59. У попа своего комкати попадьи.

60. Аще попинъ хощетъ дѣтя крестити и отцомъ быти, да привяжетъ чисть платъ къ иконѣ и воложитъ въ онъ дѣтя; егда на переносъ нести, повелитъ иному нести за ся, тако же ко комканію емуже повелитъ, тотъ възметъ [2]).

61. Аще кто научится грамотѣ, а будетъ души не погубилъ, а жену понялъ дѣвою и въ татьбѣ будетъ не вязанъ, а инъ грѣхъ створилъ будетъ, да покается о нихъ ко отцю и съхранитъ епитемью и будетъ попъ [3]).

62. Жена аще родитъ дѣтя, не ясти съ нею.

63. Аще жена, родивше дѣтя, умирати начнетъ, омывше ю дати камканіе, аже къ смерти ей будетъ, такоже и дѣтя (аще) умирати начнетъ омывши не ждати ни единаго дни [4]).

64. Въ святый и великый постъ добро удержатися малженама отъ себе; аще ли не можета, то первую и послѣднюю недѣлю чисто съхранити, тако и къ Ржеству Христову постъ и къ Петрову дни [5]).

65. Аще человѣкъ помыслитъ на грѣхъ и страха ради Божія вспрянетъ отъ лукаваго совѣта вражія, нѣсть епитемьи за то, но плачется за разслабленіе си ума и молится съ смиреніемъ, яко покрылъ есть Господь отъ прельсти діаволя.

66. Въ говѣнье главу ищи въ суботу или въ недѣлю [6]).

67. На средокрестье, аще крестъ цѣловавше, не ясти рыбы, а въ великой четвертокъ ясти рыбы [7]).

68. Въ недѣлю достоитъ проскуры печи, а хлѣба, аще не достанетъ, то съ проскурами испечи мало [8]).

69. Въ недѣлю до вечера не дѣлати.

70. Покоялникомъ не достоитъ 3-ее жене поимати.

71. Погану человѣку, сътворивше молитва, не ясти съ нимъ, но оли крестивше.

---

[1]) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 194 fin.): «Прашахъ его (Нифонта) и сего: аже дають сорокоустье служити за упокой и еще живи суще. Не можеть, рече, того възборонити, аже приносять спасенія хотяче души своей, еже творишь и митрополита Георгія Русьскаго написавша, а нѣту того нигдѣже».

[2]) Cfr ниже въ главѣ о Богослуженіи.

[3]) Cfr Кирика, по изд. Калайд. стр. 190.

[4]) Митр. Іоаннъ въ Русск. Достопп. I,90, Кирикъ у Калайд. стр. 195.

[5]) У Кирика въ Вопрошаніи: «Прашахъ, достоитъ ли дати тому причастіе, аже въ великый постъ съвъкупляется съ женою своею. Разгнѣвася: ци учите, рече, въздержатися въ говѣнье отъ женъ, грѣхъ вы въ томъ. Рѣкъ: написано, владыко, есть бо въ уставѣ бѣльчестѣмъ: яко добро бы блюстися, яко христовъ постъ есть, аще ли не могуть, а преднюю недѣлю и послѣднюю недѣлю, и Ѳеодосъ, рече (я сказалъ), у митрополита слышавъ, написа. Такоже не написавъ, рече, ни митрополитъ ни Ѳеодосъ» (въ рукоп., у Калайд. выпущено).

[6]) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

[7]) Въ сп. Унд.: «цѣловавши не ясти рыбы, яко и на Вздвиженіе честнаго креста».

[8]) Въ сп. Унд.: «мало, якоже бы годѣ того дни».

72. Аще кто покаявся умретъ, пѣти надъ нимъ въ ризахъ и сорокоустье.

73. Артусъ весь въ семый день ломити, егда служба кончается велика дни.

74. Аже [1]) полотномъ икона покрывана, не достоитъ въ немъ себѣ ничего имѣти, но церкви.

75. Егда нечиста будетъ жена, не печи проскуръ ей, ни въ церковь вълазити, ни цѣловати еуангелія, ни иконы ни креста [2]).

76. Въ говенье не достоитъ сѣдѣти нога на ногу взложивше [3]).

77. Чеснокъ достоитъ ясти въ Благовѣщеньевъ (день) и 40 мученикъ. Не кланятися единъ день [4]).

78. Въ постъ ни человѣкы ни дѣтина не крестится, ни страстныя недѣля, но въ вербную и въ суботу лазареву и въ великую суботу, аще ли боленъ будетъ, да крестити и [5]).

79. Аще церковь [6]) у кого будетъ въ дому, достоитъ въ ней пѣти литургія, а дѣтяти не крестити, но въ соборнѣи церкви.

80. Песъ аще налочетъ или сверчекъ впадетъ или стонога или жаба или мышь, толко молитва створити; а мышь или жаба сгніетъ и разыдется гноемъ, то не ясть, аще ли вкуситъ невѣдый, то постится 8 (50?) дніи. Аще хомякъ или мышь или ино что скверно впадетъ въ яденье, а вкуситъ невѣдый, нѣсть за то епитемьи. Аще жаба въ кладезѣ (sic) впадетъ мертва или хомякъ или мышь, да выльютъ 40 ведеръ и молитву створятъ и покропятъ святою водою крестомъ, и тако начнутъ пити.

81. На роту по винѣ достоитъ ходити [7]).

82. Аще въ поганствѣ грѣхы будетъ створитъ, развѣе душегубства, а по крещеніе (sic) будетъ не сгрѣшилъ, станетъ попомъ.

83. Аще видиши прозвитера въ блудъ впадающа или нань молвятъ, ты ему не зирай (sic, читай: зазирай), но аще хощеши отъ него камкати, камкай, яко свята его мня, а не грѣшна; аще обличится грѣхъ его предъ митрополитомъ, да отлучится, да аще ослушався начнетъ литургисати, тогда отъ него не камкати.

84. Трудоватому [8]) достоитъ съ здравыми камкати, святый Василей (и) Григорей Богословець струпы ихъ омываху, ту не гнушастася ихъ.

85. Достоитъ сътворити милостыню, аще съ ключится, и передъ народомъ [9]).

---

1) Въ сп. Унд. «Имже».

2) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 199 fin.): «нечистѣ женѣ достоить, рече, ясти проскумисана проскура, доры не достоить ни еуангелія цѣловати, ни въ церковь лѣсти» и (Калайд. 201 fin.) «аще ли будетъ (жена) нечиста, тогда да не печеть (проскуръ)».

3) Въ сп. Унд.: «Ногу на ногу возложивъ сѣдѣти грѣхъ».

4) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

5) Въ сп. Унд.: «да крестить, егда хотятъ».

6) Въ сп. Унд.: «церквица». Тоже въ Волокол. ркп. № 566, л. 132 об.

7) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

8) Больному.

9) Въ сп. Унд.: «Достоитъ творити милостыню предъ народомъ».

86. Аще кто вдасть портъ, въ немъ же ходивъ, достоитъ въ немъ устроити, еже хощотъ (sic), церкви.

87. Аще кто челядина убіетъ, яко разбойникъ епитемью пріиметъ.

88. Аще кто челядина продастъ поганымъ [1]) и начнетъ того каятися велми, да не камкаетъ за лѣто и поклоняется 12 на заутрени, 12 на вечерни.

89. Аще кто убіетъ разбойника или ратнаго напь пришедша, да приметъ опитемью за поллѣта за пролитіе крови, засмотривше (sic) житіе его.

90. Аще съ треми женами мужескими будетъ былъ, за лѣто не камкати, тако и постъ противу силѣ.

91. Бѣльца [2]) въ калигахъ и въ сорочици и въ копытьцахъ погрести безъ наколенковъ [3]), такоже и покоялпика и простца [4]).

92. Аще кто не хотя проткнетъ потырь или доры уронитъ, пролитое съ землею вскопаетъ и въ воду всыплетъ, а уронившуюся дору сжещи ю, поклона за недѣлю 12 на вечеръ, 12 заутра.

93. Аще человѣкъ не бѣсенъ ся погубитъ, не пѣти надъ нимъ, но повереничіи (sic, читай: но повергнути и҆), а не погрести.

94. Аще митрополитъ или епископъ не литургисалъ будетъ служилъ (sic) [5]), не дастъ проскуры, но попъ, еже (sic, читай: иже) будетъ служилъ [6]).

95. Винный грезнъ и хлѣбъ новый, въ лътари (олтари) поставивше посторонь святыя трапезы, епископу или преднему попови молитву створити.

96. Облеченному на епископство не достоитъ верха постригати, но егда поставленъ будетъ.

97. Аще бѣльца епископомъ поставятъ, и пострижется епископъ сый, и болѣ того епископъ сый не будетъ [7]).

98. Аще будетъ церкви новопоставлена, то вечеръ и заутра отпѣти ей канунъ во имя той церкви, егда [8]) будетъ литургія обойти около всее церкви съ кресты въ ризахъ и внити въ церковь и створше октенья...

---

1) Митр. Іоаннъ въ Русск. Достопп. 1, 96.

2) Подразумѣвается—священника.

3) Копытьцы — носки. Наколенки въ настоящее время называются у крестьянъ (по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ мѣстахъ) паголенками. Если чулокъ разрѣзать на двое такъ, чтобы изъ низа вышелъ носокъ, то верхъ и будетъ паголенкомъ или древнимъ наколенкомъ. Паголенки, закрывающіе ногу до колѣна, надѣваются крестьянами вмѣстѣ съ носками, т. е. поверхъ ихъ, по требованію погоды. Правило хочетъ сказать, что у мірскихъ покойниковъ можно закрывать не всю ногу до колѣна.

4) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

5) Служилъ, кажется, употреблено тутъ въ смыслѣ—присутствовалъ за службой, за литургіей.

6) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

7) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

8) Въ сп. Унд.: «и егда».

99. ...любо единъ поетъ попъ, суботу лазареву митрополитъ крестъ и дѣти и въ великую суботу [1]) 18...

100. Въ воскресенье митрополитъ чтетъ еуангеліе въ лътари и на подножцѣ степеннѣмъ стоя къ дверемъ лицемъ [2]).

101. Святая же трапеза въ великый четвертокъ помывати перво укропомъ и разъемлютъ на благословенье, а 2-е радостомомъ и то такоже разъемлютъ, а губою же помывати, разрубятъ ю на части и раздаютъ требующимъ.

102. Не подобаетъ у латыни камкати ни молитвы взимати [3]), и питія изъ едины чяши ни ясти [4]), ни дадити (sic) имъ понагѣя.

103. Яко умры и вскресніи и подобіе смерти Христовѣ [5]) очищается отъ грѣхъ, омывая въ немъ грѣхи своя; еже [6]) бо три погруженія творятъ, крестятъ [7]) и въ крещеньи, 3 нощи являетъ, яже створи Господь въ сердци земля и паки три взницанья [8]) творя надъ водою 3 дни именуя [9]), яже створи Господь въ адѣ, да крестяся умираетъ грѣху, а живетъ Богу.

104. Лѣпо есть крестьянину, въ коемъ жо дѣлѣ сущему въ часы дневныя, въ няже Христосъ укоръ пріятъ, распятіе и смерти вкуси, въ ты дни пѣти и хранити молитвами, елма насъ ради таковая пріятъ и пострада, глаголю убо 3 часъ и 6 и 9, яко въ шостый часъ всплакася тварь, не терпяще укора владычня, а въ 9 часъ смерти вкуси; да елма убо таковая пострада за ны Господь, должны есмы и мы готовы быти, съ тщаніемъ пѣти и хвалити и молити, да не яко (не) разумніи осужени будемъ отъ Него, такоже и въ иныи часы безпрестани поминати Бога и хвалити о всемъ ти (Того?).

105. Яко нелѣпо есть еллиньскыхъ преданій ходити [10]) и праздникъ нечестивыхъ имѣти, яже (нѣціи) отъ крестьянъ съ тщаніемъ творятъ въ градѣхъ и въ селѣхъ, не вѣдятъ ся гибнуче. Нѣсть достойно намѣняти коби ни звѣздъ ни срящи вѣровати ни чеху ни иному подобну тѣмъ ни родству части наряцати (sic), но при всемъ Бога наменяти, развѣ грѣха случшагося человѣкомъ. Недостойно висикосного лѣта блюсти, насаженіе вина, ни во ино вся дѣло, ни на-

---

[1]) Въ сп. Унд.: «любо единъ попъ поетъ» отнесено къ предыдущему правилу, а дальнѣйшаго нѣтъ.

[2]) Въ сп. Унд. этого правила нѣтъ.

[3]) Въ сп. Унд.: «Въ латынскую церковь не подобаетъ входити ни пити съ ними изъ единой чаши ни ясти ни понагія имъ дати». Cfr. Кприка у Калайд., стр. 202, § 16.

[4]) Митр. Іоаннъ (Русск. Достопп. 1, 90 fin.): «ясти же съ ними, нужю сущю, Христовы любви ради, не отнюдь есть възбраньно».

[5]) Въ сп. Унд. надъ этимъ правиломъ надписано киноварью: «О крещеніи» и начало его читается: «Яко умрыи въ крещеніи по подобію смерти Христове».

[6]) Въ сп. Унд.: «яже бо».

[7]) Въ сп. Унд.: «крестяи (крестя и)».

[8]) Въ сп. Унд.: «возникновенія».

[9]) Въ сп. Унд.: «наименуя». Нужно: назнаменуя?

[10]) Въ сп. Унд. также «ходити». Нужно: хранити.

лучнаго растенья, не нарѣцати дне зла, укланятижеся звѣздочетца и кудесника, блюстися волшебства и подобныхъ тѣмъ, нелѣпо коледовати ни русальи играти ни индикъ чести ни праздновати въ ня, ни есть лѣпо іюдейскихъ праздникъ держати ни иного ничесоже сътворимаго по закону ихъ ни праздновати суботъ ихъ ни входа лѣтняго, ни праздновати зажинанью ни требы кровавы не творити, ничто же Моисѣева закона. (Но) токмо праздници държати о имяни Господа нашего Іисуса, — праздници Огосподьстѣи, Богородица, Предтеча, святыхъ апостолъ (и) всѣхъ Богу угодившихъ святыхъ.

106. Нѣсть лѣпо подрьжати мясопусту другыихъ по пятикостьи чрезъ письмена святая, единъ бо мясопустъ уставихомъ. По волѣ лѣпо есть поститися и не нарокомъ по уставу, акы по преданію нѣкоему.

107. Нелѣпо проскуромисати въ горахъ ни въ клѣтѣхъ, вурокъ улагають священныя тайны и [1]) по священному мѣсту ходяще ли сами или скотѣхъ [2]) или иною скверною оскверняему и безчествуему или готову скверна̑ву сущу, еретичества бо суть, а не крестьянска, или паки издолбающе [3]) влагати святое камканіе, аки отъ меча крыюще, якоже друзіи творятъ урокъ [4]) приносящимъ христовамъ тайнамъ.

108. Аще смѣсится кто съ женою въ пятницю и въ суботу и въ недѣлю, да аще зачнетъ, и будеть тать или разбойникъ или блудникъ, родителя же да пріимутъ опитемью 2 лѣта, поклона по 100 на день [5]).

109. Аще кто свою жену пустивъ, а иную поиметъ, постъ 2 лѣта, а поклона 700 на день [6]).

110. Аще мати продасть дитя свое, то 8 лѣтъ, аще ли не имѣя продасть, 6 лѣтъ, а поклона по... (цифра смарана) [7]) на день.

111. Оженився 2-ю женою постъ отъ года [8]), а 3-ею постъ 4 лѣта, а поклона по сту на день [9]).

112. Аще попъ, вошедъ [10]) въ церковь, ти воротится воспять, недостоитъ служити, а простець не имать мзды литургія тоя.

---

[1]) Въ сп. Унд. «и» нѣтъ.

[2]) Въ сп. Унд.: «скотѣ ихъ».

[3]) Въ сп. Унд.: «вдолбающе».

[4]) Въ сп. Унд. въ текстѣ «въ урокъ», а на полѣ поправка «въ укоръ».

[5]) Кирикъ въ Вопрошаніи (Калайд. 188 fin.): «прочтохъ же ему (Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежить человѣкъ, а зачнеть дѣтя, будеть любо тать любо разбойникъ любо блудникъ, любо трепетивъ (вар. трепетникъ), а родителма опитемья двѣ лѣта. А ты книги (рече) годяться сжечи».

[6]) Митр. Іоаннъ въ Русскк. Достопп. 1, 96.

[7]) Въ сп. Унд.: «200».

[8]) Въ сп. Унд.: «отъ года до года».

[9]) См. ниже пр. 165, которое представляетъ собою повтореніе настоящаго правила (Митр. Іоаннъ ibid. стр. 95).

[10]) Въ сп. Унд.: «пошедъ».

113. Аще кто глаголеть съ другомъ въ церкви, да поклонится 100 и не камкаетъ того дни.

114. Аще кто скощунитъ [1]) смѣхотвореніемъ, играетъ, да поклонится 300.

115. Аще кто помочится на востокъ, да поклонится 300 [2]).

116. А иже развратитъ еуангельская словеса и апостольская о собѣ, да будетъ проклятъ.

117. Иже камканія не мнитъ тѣла Христова, да будетъ проклятъ.

118. Иже не крестится двѣма персты, да бу... [3]).

119. Иже кто во гнѣвѣ росровавится (sic, читай: роскровавится), постъ 70 дніи, а поклоновъ 200, а попъ лѣто, а епископъ 5 лѣтъ, а калугѣръ 3 лѣта, а простець 8 (50?) дни.

120. Аще попъ ловитъ звѣри или птици, да извержется сана.

121. Аще епископъ носитъ ястребъ на руцѣ, а не молитвеникъ, да извержется сана.

122. Аще кто что вкуситъ снѣдно жидовско или болгарско или срацинска, а не вѣдая, постъ 8 (50?) дніи, а поклона 12 вечеръ, а 12 заутра, и аще ли вѣдая, 2 лѣта.

123. Аще ли приступитъ отъ крестьянъ къ поганымъ, а паки ся возвратитъ, постъ 40 дни.

124. Хотяще камкати, того дни не мытися, ни зноитися, такоже и по камканіи.

125. Аще епископъ упіется, 10 дни постъ.

126. Аще кто цѣлуетъ мѣсяцъ, да будетъ проклятъ.

127. Аще кто креститъ 2-ю трапезу роду и роженицамъ [4]) трепаремъ святыя Богородица и то ясть и піетъ, да будетъ проклятъ.

128. А иже о двою постъ [5]) искони устанлени [6]) святіи отци, но якоже ина [7]) многа преобидѣна быша правила и закони церковніи за многую нашу лѣность, тако и си поста преобидѣна быша за несытостьство наше, обаче добро бы было съхранивше, всякъ бо храняи имать мзду велику, а не храняй ни мзды имать ни оставленія грѣховъ.

129. Аще ся человѣкъ новопокаетъ [8]), да хранитъ епитемью 40 дніи, ни ядя мяса ни масла, и по 40 дніи дати ему въ суботу и въ недѣлю мяса и рыбы.

---

1) Въ сп. Унд.: «кощюнитъ».

2) Въ сп. Унд. послѣ сего правила лишнее правило: «Аще кто поидеть на игры, да поклонится 300».

3) Въ сп. Унд.: «Иже кто не крестится крестообразно, да будеть проклятъ». Чтеніе Троицкаго списка есть очевидно позднѣйшая, XVI в., поправка.

4) Въ Волокол. ркп. № 566, л. 136 об.: «родству и роженицамъ».

5) Въ сп. Унд.: «о двою посту».

6) Въ сп. Унд. ошибочно: «уставили».

7) Въ сп. Унд.: «и ина».

8) Въ Волокол. ркп. № 566, л. 150 съ поясненіемъ: «аще ли новопокается кто, не бывалъ будетъ дотулѣ въ покаяніи...»

Заповѣди [1]) святыхъ отець. Господи благослови отче [2]).

130. Иже разбой творятъ отъ роженія своего и убіетъ [3]), 10 лѣтъ да покается въ иной области и потомъ да пріятъ будетъ въ свое отечьство, аще праведно будетъ покаялся о хлѣбѣ и о водѣ, и да послушествуетъ ему епископъ и попове, у нихъ же ся будетъ каялъ, къ роженью убіенаго, аще ли ся будетъ не добрѣ покаялъ, да не пріятъ будетъ въ свое отечество [4]).

131. Иже разбой сотворитъ нехотя, 5 лѣтъ да покается, о(тъ) нихъ 3 о хлѣбѣ и о водѣ.

132. Аще кто проклинается, 7 лѣтъ да покается, 3 отъ нихъ о хлѣбѣ и о водѣ. Аще кто нужою проклинается [5]), 3 лѣта постъ о хлѣбѣ и о водѣ.

133. Аще кто украдетъ славное что [6]), или скотъ, или домъ подкопаетъ или добро другое [7]), 5 лѣтъ постъ, аще ли что мало украдетъ 3 (лѣта) постъ.

134. Аще отъ отравленія [8]) погубитъ человѣка, 7 лѣтъ да покается, 3 отъ нихъ о хлѣбѣ и о водѣ.

135. Аще кто причетникъ или вящьши чинъ [9]) имѣя, оставль жону, честь пріиметъ [10]), и паки ю пріиметъ [11]), аще есть діакъ, 7 лѣтъ да поклонится [12]), а аще ли попъ, 11 [13]) лѣтъ да покается.

---

1) Въ сп. Унд.: «Отъ заповѣди».

2) Нижеслѣдующее отдѣленіе правилъ до 147-го читается какъ таковое же цѣлое, что у митр. Георгія, съ надписаніемъ: «Заповѣдь святыхъ отець», въ Схоластиковой Кормчей, въ Румянц. сп. л. 106, въ Академ. сп. л. 83. Но одно цѣлое отличается отъ другаго тѣмъ, что у митр. Георгія нѣтъ довольно многихъ правилъ, которыя читаются въ Кормчей и наоборотъ есть нѣсколько правилъ, которыхъ не читается въ Кормчей. Который случай предполагать тутъ: то ли, что правила взяты изъ Кормчей и приписаны къ правиламъ митр. Георгія (или вставлены въ ихъ середину), или то, что они изъяты изъ митр. Георгія и написаны въ Кормчей отдѣльно, этого не представляется возможнымъ рѣшить (можетъ быть, имѣетъ мѣсто тотъ случай, что правила взяты и переведены съ греческаго самостоятельно митр. Георгіемъ и самостоятельно составителями славянской Схоластиковой Кормчей въ ея нынѣшнемъ видѣ, — переведены по двумъ особымъ редакціямъ ихъ въ подлинникѣ, чѣмъ объяснится ихъ различіе въ составѣ).

3) Въ Схоласт. Кормч.: «Иже разбой створить или отъ роженіа своего убіетъ...»

4) Въ Волокол. ркп. № 566, л. 149: «аще ли будетъ добрѣ каялся о хлѣбѣ и о водѣ, и да послушествуютъ ему епископъ и попове, въ нихже ся будетъ добрѣ каялъ, къ роженію своему да пріятъ будетъ».

5) Схол. К.: «кленется».

6) Схол. К.: главное что. Смыслъ: большое, важное, цѣнное.

7) Схол. К.: «что зѣло добро драгое».

8) Схол. К.: «отравленія дѣля».

9) Схол. К.: «вящшю честь».

10) Такъ и въ сп. Унд. и въ Схоласт. Кормч.

11) Схол. К.: «поиметъ».

12) Схол. К.: «покается».

13) Схол. К.: «10».

136. Аще ли которая жена удавитъ дѣтя [1]), 3 лѣта постъ.

137. Аще кто въ 1 день Генваря на коледу идетъ, яко же первіи поганіи творяху, 3 лѣта постъ, да покается о хлѣбѣ и водѣ, яко отъ скотины [2]) (sic) есть игра та.

138. Аще которая жена зелья ради [3]) извержетъ, 3 лѣта да покается.

139. Аще кто клятъ будетъ (или молится сотонамъ или имена [4]) творитъ человѣча [5]), 5 лѣтъ) [6]) да покается о хлѣбѣ и о водѣ.

140. Аще которая жена блудъ створитъ и проказитъ отроча въ себѣ, 5 лѣтъ и (sic) покается 3 о хлѣбѣ и о водѣ.

141. Аще кому умретъ отроча не крещено,... (цифра пропущена) лѣтъ [7]) постъ, да покается о хлѣбѣ и о водѣ [8]).

142. Аще кто проліетъ отъ святыя чаши въ время приношенія, 7 лѣтъ и (sic) покается, аще ли на концѣ проліетъ, 40 дни постится [9]).

143. Иже сътворитъ блудъ съ скотиною, по святого Василья 15 лѣтъ не камкати, мы [10]) же 2 лѣта сухо ясть 12 часъ (sic), а поклона 200 на день, аще ли облѣнишися, то 15 (лѣтъ?) творити.

144. Иже блудъ творитъ съ сестрою, 15 лѣтъ не камкати, поститися и плакати, мы же 3 лѣта камкати же не повелѣваемъ, по сухо ясти 12 часъ, а поклонъ на день 500, аще ли облѣнится, 15 лѣтъ творитъ.

145. Иже блудъ творитъ съ снохою, то 15 лѣтъ повелѣ святый Василей и плакатися и не камкати, мы же 2 лѣта не камкати въ 9 = и часъ (sic) сухо ясти, а поклона 300 на день, аще ли облѣнится, то 11 лѣтъ творитъ.

146. Тать, аще покается, и не камкаетъ по святаго Василья 2 недѣли, аще ли отъ иного обличенъ будетъ 2 лѣта, мы 40 дніи, а не камкати, но сухо ясти въ 9 (sic), кланяася на день по 100, дондѣже престанетъ отъ татьбы.

147. О потворѣхъ. Иже потворы и чародѣянія исповѣдаетъ, по святому Василію 15 лѣтъ да не камкаетъ, постяся и плачася, мы же 3 лѣта безъ камканія сухо ясти въ 9 = и часъ и поклоновъ по вся дни по 50 и по 200 (и) да отступитъ отъ грѣха.

---

1) Схол. К.: «отроча».

2) Такъ и въ сп. Унд., въ Схол. К.: «отъ сотоны».

3) Схол. К. словъ: «зелья ради» нѣтъ.

4) Схол. К.: «имена имъ».

5) Схол. К.: «человѣческая».

6) Поставленныя въ скобкахъ слова въ Троицк. сп. на полѣ, а въ сп. Унд. и въ Схоласт. Кормч. въ текстѣ.

7) Схол. К.: «некрещено за лѣностію, 3 лѣта...»

8) У Кирика въ Вопрошаніи (Калайд. 195): «аще ли, рече, умреть дѣтя нехрьщено небреженіемь родитель или поповымь, велми за душегубье, поста 3 лѣта; аще ли не вѣдуче, то нѣту опитемьи».

9) Въ Схол. К., не знаемъ тоже ли правило, или другое: «Аще кто проліетъ, святую службу творя, похоронитъ е, 8 дніи да постится о хлѣбѣ и о водѣ».

10) Вѣроятно, Іоаннъ Постникъ, какъ онъ говоритъ «мы» въ нѣкоторыхъ нижеслѣдующихъ правилахъ.

148. А се хотя молитву творити болному, преже глаголи: святый Боже, Пресвятая Троица, Отче нашъ, Господи помилуй 12, таже молитвы за болящаго. А иже не идя ко болящему, а въ церкви или въ кельи своей помолитъ о немъ, (то) измолвитъ молитву Отче нашь [1]). Се разрѣшающе человѣка 2 глаголи: во имя Отца и Сына и Святаго Духа разрѣшаю тя отъ всѣхъ узъ грѣховныхъ.

149. Аще кто зоветъ попа на вѣнчанье брачное, услышитъ же бракъ законопреступенъ — блудомѣшенье, спрѣчь сестру умершія жены хотяща пріяти или ясть или приношеніе принести и сотворити [2]).

150. Аще услышитъ попъ беззаконенъ бракъ, и рчетъ предо всѣми: беззаконенъ есть бракъ, не подобаетъ ему причаститися чужемъ грѣсѣ.

151. Аще сътворитъ блудъ во снѣ простъ людинъ, то вопроситъ попа о восприятіи камканія: достоитъ ли ему пріяти или ни; аще будетъ мыслью прилежалъ похоти женстѣй, не достоитъ, аще ли ни, то сотона искушаетъ, да сяже ради вины оттучдаетъ причастья Божіихъ таинъ, яко не престаетъ искуситель, нападая на ны во время, егда хощетъ человѣкъ пріобщитися таинѣ Божіи.

152. Аще простецъ жену свою изгнавъ и ину пойметъ или отъ иного пущену, да отверженъ будетъ.

153. Вся святыя 40 дни и постъ развѣ суботы и недѣли и до [3]) Благовѣщеньева дни да не будетъ литургія, но токмо прежесвященная.

154. Попъ, аще оженится, преставити отъ чину, аще ли блудъ створитъ или прелюбы створитъ, изринути отнюдь и вести на покаяніе.

155. Аще кто разсмотряетъ попа женатаго, аки неподобно служившему [4]), приношенья не пріимати, да будетъ проклятъ.

156. Аще дора обетщаетъ (sic) за лѣто или за два, да потребится, и того ради блюдется, да не огнемъ сожждена будетъ [5]).

157. Аще попъ литургію пѣвъ, ти забудетъ потребити доры, заутра потребитъ ю [6]).

158. Аще будетъ проскура разсѣлася или будетъ два креста цѣла, (а) иное не будетъ проскуры, то да сотворитъ тѣмъ крестомъ другую проскуру [7]) и тако да литургисаетъ аще ли иныхъ будетъ много, то оставити и [8]).

---

[1]) Кирикъ въ Вопрошаніи по изд. Калайд., стр. 181.

[2]) Въ сп. Унд.: «принести створитъ».

[3]) «До» есть и въ сп. Унд., но оно представляется ошибочной вставкой.

[4]) Схол. К.: «служившу ему...» Акад. сп. л. 87 fin.

[5]) Въ Схол. К.: «Аще дора обетшаетъ за недѣлю или за двѣ, да потребится, а тогда блюдется, да не огнемъ сожьжена будетъ», — Акад. сп. л. 88 об.

[6]) Въ Схол. К.: «Аще іерей пролитургію (sic) пѣвъ, ти забудетъ потребити, да соблюдетъ е и заутра да потребить е»,—Акад. сп. л. 88 об.

[7]) Въ сп. Унд.: «проскуру» нѣтъ.

[8]) Волокол. ркп. № 566, л. 157: «аще будеть проскура рассялаcа (sic) и будеть на ней два креста единочислевы и (не) будеть другіа проскуры, да сътворитъ единемъ крестомъ агнець и поетъ литургію». Въ Схоласт. Кормч.: «Аще будетъ проскура разсѣдалася, и будета въ ней два креста цѣлы, а иноя не бу-

159. Великаго и преславнаго учителя нашего Павла апостола, купно съ нимъ въспити [1]) глаголюще: проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ всѣхъ книгахъ законныхъ, якоже творити я; аще бо рече ангелъ проповѣсть вамъ, не якоже мы благовѣстихомъ, проклятъ да будетъ; да и мы должни есмы съ нимъ велегласно въспити (sic) глаголюще: иже не любитъ Господа нашего, да будетъ проклятъ. Иже не вѣруетъ въ святую нераздѣльную Троицю, да будетъ проклятъ. Иже святого камканія не мѣнитъ самаго тѣла и крови Христовы, да будетъ проклятъ. Иже не молится съ упованіемъ святѣи Богородици Маріи, да будетъ проклятъ. Иже не кланяется съ страхомъ кресту Господню, да будетъ проклятъ. Иже ни иконы Господня и честныхъ всѣхъ святыхъ съ страхомъ и съ любовію не цѣлуетъ, да будетъ проклятъ. Иже словесъ еуангельскихъ не имѣетъ въ честь, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ пророкъ не творитъ святымъ духомъ пророчествовавша, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ всѣхъ не чтетъ ни ся кланяетъ съ любовію мощемъ ихъ, да будетъ проклятъ. Иже хулитъ святыя литургія и молитвы вся преданыя крестьяномъ апостолы и отци святыми, да будетъ проклятъ. Иже всея твари видѣмыя (sic) же и невидѣмыя (sic) не мнитъ Богомъ створены, да будетъ проклятъ. Иже развращаетъ о собѣ словеса еуангельская, (не) якоже исправиша святіи мужи, да будетъ проклятъ [2]). Иже не творитъ Богомъ даннаго Моусѣемъ закона, но о собѣ никако (нѣкако) блядетъ, да будетъ проклятъ. Иже не мнитъ церковныхъ сановъ Богомъ данныхъ, да будетъ проклятъ. Иже на лукахъ, а не всею мыслію проклинаетъ правила сего, да будетъ проклятъ, о всемъ бо ны извѣсти блаженный Павелъ, святаго Духа къ нему глаголавша: видите ли еретици рѣчь сію глаголющу [3]) (sic).

160. Яко законная женитва Богомъ законна, пища и питіе въ мѣру не осудитъ человѣка, аще бо речетъ: ясте и пійте, все въ славу Бога творите.

161. И и (sic) пакы слышахомъ о попѣхъ, иже служивше литургію, не достоитъ въ ту нощь съвокуплятися съ женою своею, но сохранити вся нощь и до восхода солнцю, да не похулятъ тѣла и крови Его, зане страшно и свято есть, рече бо Господь: ядый плоть мою и піяй кровь Мою во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ; не подобаетъ Христа въ себѣ держащи плотьстѣи страсти прилѣплятися, кая бо есть община свѣту съ тмою, или кая община Христу къ смраду сласти плотстѣи; аще ли сице не творятъ, якоже есть писано, то не иматъ (sic)

детъ проскуры, то да сотворитъ единѣмъ крестомъ дору, и такъ да литургисаетъ; аще ли инѣхъ досыти будетъ, то да ни проскумисаетъ еа», — Акад. сп. л. 88 об.—Правила Георгіевы 156 — 158 читаются подъ рядъ въ Схоластиковой Кормчей, въ собраніи правилъ безъ оглавленія, которое въ Румянцевск. спискѣ начинается на л. 111 на обор., у Восток. стр. 278 нач., а правило 155 въ томъ же собраніи, но значительно выше. Слѣдовательно, здѣсь опять вопросъ о взаимномъ отношеніи.

1) Въ сп. Унд.: «възпити».

2) Въ сп. Унд. «иже развратитъ—проклятъ» нѣтъ.

3) Въ сп. Унд.: «глаголюща».

благодати Отца нашего, иже есть на небесехъ, сего бо дѣля имя Божіе хулится въ языцѣхъ, якоже рече Христосъ во святомъ еуангеліи: лисове язвинны (sic) имутъ, а птица небесныя гнѣзда, а Сынъ человѣчь не иматъ у васъ гдѣ главы подклонити смрада ради сласти; то уже слышите слово, яко Христосъ у васъ не имать, гдѣ главы подклонити смрада ради сласти, и лишается дара благодати святаго Духа, и нынѣ простыя люди како можете страху Божію и чистотѣ научити, и пріемлюще отъ васъ тѣло и кровь Христову како схранити, якоже вы рекохъ; аще убо кто отъ васъ будетъ тако створилъ, да останется того и пріиметъ за то епитемью 40 дни, а заутра 30; аще тако схранятъ, то пріимутъ отъ Бога милость и простыню грѣховъ.

162. Се подобаетъ вѣдати, аще попъ взметъ сърокоустье или два или три, да поетъ первое едино и потомъ (второе и третье), а во едино двое сърокоустье не поется; аще ли кто ослушается кануновъ и пѣти начнетъ въ единъ день, то сберетъ себѣ гнѣвъ Божій и пагубу на душу свою въ день страшнаго суда Божія праведнаго, рече бо Господь: не можетъ наимникъ двѣма господинома работати [1]); то како попираете слово Божіе, не боящеся суда Божія и по своему изволенію творяще и инѣхъ томуже учаще, о таковыхъ бо рече святое писаніе: о горе вамъ о семъ мудрымъ и о семъ хитрымъ, и паки рече Господь: о горе вамъ вожеве слѣпіи, видяще слѣпи есте, слышаще не хощете разумѣти.

163. Аще тѣло Христово обетщаетъ (sic) или исплѣсневѣетъ, то огнемъ его не сожещи, а въ воду его не врещи, но потребити и́, вліявши вина, такоже аще и дора обетщаетъ, потребити ю.

164. Аще ли попъ ставитъ покаялнаго сына діакономъ, аще будетъ преже поятья жены своея съ иными блудъ створилъ, не достоитъ его поставити и лише осуженіе пріиметъ.

165. А се вѣдомо буди, аще кому жена умретъ первая и оженится другою, да пріиметъ епитемью отъ года до года. Аще ли кто третею (sic) пріиметъ, да пріиметъ епитемью, 5 лѣтъ не дати камканія ни въ церковь влазити, но внѣ ему стояти, а постъ ему держати, како повелятъ [2]).

Такъ называемый «Церковный уставъ» Владимировъ.

Такъ называемый Церковный уставъ св. Владимира сохранился до настоящаго времени въ весьма большомъ количествѣ списковъ, которые находимъ главнымъ образомъ въ Кормчихъ книгахъ, гдѣ ему принадлежало мѣсто и гдѣ онъ помѣ-

---

[1]) Cfr Описан. Синод. ркпп. Горск. и Невостр. № 377 л. 160.

[2]) Въ сп. Унд.: «како ему отець духовныи повелитъ».

щался по праву памятника церковно-юридическаго, а отчасти въ лѣтописяхъ, помѣщавшійся въ качествѣ памятника историческаго, и также въ сборникахъ [1]).

Древнѣйшій, извѣстный въ настоящее время, списокъ Устава читается въ Кормчей книгѣ, написанной во второй половинѣ XIII вѣка, между 1276 и 1294 годами, для Новгородскаго Софійскаго собора и находящейся въ настоящее время въ Московской синодальной библіотекѣ (№ 132) [2]).

По этому древнѣйшему списку Уставъ Владимировъ представляетъ собою слѣдующее: предисловіе о принятіи Владимиромъ христіанства отъ Грековъ и о взятіи у нихъ перваго митрополита Кіеву; о построеніи въ Кіевѣ церкви Богородицы Десятинной и о дарованіи ей десятины; о предоставленіи суду митрополита и епископовъ въ извѣстныхъ дѣлахъ гражданскихъ и въ извѣстныхъ преступленіяхъ уголовныхъ всѣхъ мірянъ, съ настоятельнымъ увѣщаніемъ и заклятіемъ великаго князя къ своимъ чиновникамъ и къ потомкамъ — суда церковнаго не обидѣть; о порученіи епископамъ всякихъ городскихъ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ; о предоставленіи имъ въ полную подсудность (по всякимъ дѣламъ) низшаго духовенства и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; о предоставленіи имъ въ завѣдываніе богоугодныхъ заведеній, съ новымъ увѣщаніемъ и заклятіемъ о необидѣніи суда церковнаго.

Послѣ этого древнѣйшаго списка Устава всѣ другіе извѣстные въ настоящее время списки принадлежатъ концу XV—XVII вѣку. Позднѣйшіе списки относятся къ этому древнѣйшему такъ: часть списковъ, и именно — значительнѣйшая, представляетъ простое и совершенное воспроизведеніе древнѣйшаго въ общемъ, съ нѣкоторыми варіантами въ частностяхъ; въ другой части списковъ уставъ является противъ него (древнѣйшаго списка) болѣе или менѣе сокращеннымъ, и именно сокращеніе производится такимъ образомъ, что опускается предисловіе, сокращаются или совсѣмъ опускаются увѣщанія и заклятія о необидѣніи суда церковнаго, опускается о предоставленіи епископамъ мѣръ и вѣсовъ; наконецъ третья часть списковъ представляютъ особыя редакціи устава противъ списка древнѣйшаго. Этихъ особыхъ редакцій извѣстно въ настоящее время двѣ. Отличія одной изъ редакцій состоятъ въ томъ, что читается свое особое предисловіе къ Уставу, въ

---

[2]) Кромѣ списковъ указанныхъ преосв. *Макаріемъ* (Истор. т. I, изд. 2 стр. 157 sqq), см. еще Описанія рукописей Царскаго и библіотеки Троицкой Лавры (есть списки въ рукописяхъ и нашей Академіи).

[2]) Въ началѣ рукописи, писанной, подразумѣвается, на пергаминѣ, читается запись: «Въ лѣто ҂ѕѱ... (одна или двѣ цифирныя буквы стерты) написаны быша книгы сія повелѣніемъ благовѣрнаго князя Новъгородьскаго Дмитрія, а стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа Новгородьскаго Климента, и положены быша въ церкви святыя Софія на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе души...» См. *Русскк. Достопамм.* 1, 19 и *Ундольскаго* Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Патріаршей библіотеки № 110, помѣщенное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1867 г. кн. 2; фотографическій снимокъ сей записи у Срезневскаго въ приложж. къ Древнимъ памятникамъ Русскаго письма и языка. Князь Дмитрій Александровичъ, сынъ Невскаго, умеръ въ 1294 г., архіепископъ Климентъ занималъ каѳедру съ 1276 по 1299 г.

которомъ говорится о посыланіи Владимиромъ пословъ для испытанія вѣръ и о высокой степени, усвоенной нашему митрополиту, яко второму патріарху, и что потомъ въ самомъ Уставѣ находятся лишнія рѣчи о дарованіи великимъ княземъ Кіевской Десятинной церкви недвижимыхъ имѣній, а его княгинею всякой безцѣнной кузни и о назначеніи церковнаго богатства [1]). Другая редакція не содержитъ уклоненій отъ древнѣйшаго списка и лишковъ противъ него относительно предметовъ рѣчи, но представляетъ его распространеніе относительно того, что въ немъ есть; именно — распространяется предисловіе, въ которомъ подробнѣе, чѣмъ въ древнѣйшемъ спискѣ, о крещеніи Владимира (въ Херсонѣ, въ церкви св. ап. Іакова) и о взятіи у Грековъ двухъ митрополитовъ — перваго Михаила и втораго Леонта; весьма значительно расширенъ списокъ дѣлъ и преступленій, предоставляемыхъ суду митрополита и епископовъ, и нѣсколько расширенъ списокъ лицъ, предоставляемыхъ имъ въ полную подсудность; наконецъ, пространнѣе излагаются увѣщанія и заклятія о необидѣніи суда церковнаго [2]).

Взаимное отношеніе сейчасъ указанныхъ классовъ, на которые раздѣляются списки Устава, несомнительно и очевидно есть слѣдующее: списокъ древнѣйшій съ воспроизводящими его позднѣйшими (которые, какъ мы сказали, образуютъ большинство въ общемъ количествѣ всѣхъ списковъ), представляетъ собою оригиналъ

---

[1]) Редакція устава извѣстна по двумъ спискамъ, см. преосв. *Макарія* Ист. т. 1, 2 изд. стр. 158, а одинъ изъ списковъ напечатанъ у него же тамъ же (приложж. п. 11, стр. 158). О дарованіи Десятинной церкви недвижимыхъ имѣній, княгинею безцѣнной кузни и о назначеніи церковнаго богатства взято изъ статьи «О церковныхъ судахъ и о десятинахъ...», Нач. «Отъ самое истины слышавъ святыхъ апостолъ и отецъ преданія», въ которой уставъ Владимира превращается въ историческую запись объ узаконеніяхъ и попеченіяхъ о церкви и духовенствѣ Владимира и другихъ послѣ него князей (напечатана въ Правосл. Собесѣдн. 1861 г., ч. II, стр. 434, у насъ подъ руками въ «Мѣрилахъ праведныхъ» XV в.,—Троицк. Лаврск., № 15, л. 331 об. и Академ. № 187, л. 293 об.).

[2]) Эта редакція извѣстна намъ по пяти спискамъ: напечатанному въ Вивліоѳикѣ, ч. VI, стр. 1 sqq (съ рукописи неисправной, въ которой рѣчи Владимира о смерти митр. Михаила превращены на первое лицо) и находящимся въ рукописяхъ — Троицк. Лаврск. библіот. № 783, л. 599 об. и Академ. фундам. № 200, л. 23, № 225, л. 12 об. и № 234 л. 33, (надписаніе устава по спискамъ редакціи: «Уставъ по греческимъ Номоканономъ...»). На томъ основаніи, что въ спискахъ редакціи надъ отдѣломъ, въ которомъ перечисляются люди церковные, сдѣлано частное надписаніе: «А сіа люди церковніи по божественнымъ правиломъ предани патріарху или митрополиту или епископу, въ коемь аще предѣлѣ будеть» (по Лаврск. сп.), составленіе редакціи относятъ къ временамъ патріарховъ. Но Лаврская рукопись, въ которой находится списокъ устава, принадлежала митр. Іоасафу († 1555), изъ чего слѣдуетъ, что у автора подъ патріархомъ должно разумѣть не патріарха русскаго, а греческаго, т. е. понимать дѣло такъ, что онъ хочетъ усвоять данный отдѣлъ устава не только Россіи, но и Греціи. Со всею вѣроятностію должно считать авторомъ редакціи самаго митр. Іоасафа (ниже мы сдѣлаемъ нѣкоторыя ссылки на нее, называя ее редакціей Іоасафовской).

или подлинникъ устава, т. е. этотъ такъ называемый уставъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ его неизвѣстнаго автора; списки, передающіе уставъ въ большемъ или меньшемъ сокращеніи противъ древнѣйшаго списка, суть позднѣйшія сокращенія оригинала; двѣ особыя редакціи устава противъ древнѣйшаго списка составляютъ позднѣйшія его (устава) редакціи.

Классы списковъ раздѣляются между собою сейчасъ указаннымъ нами образомъ. Отдѣльные списки всѣхъ классовъ имѣютъ свои частные варіанты, причемъ дѣло находимъ въ такомъ положеніи, что почти нѣтъ двухъ списковъ, которые бы были дословно сходны между собою. Составляя замѣчательную особенность нашего памятника, это показываетъ, что каждый изъ переписчиковъ устава хотѣлъ быть и его редакторомъ, и что каждый хотѣлъ по своему разумѣнію его править.

Вотъ древнѣйшій списокъ устава, читаемый въ помянутой Софійско-Новгородской (нынѣ Сүнодально-Московской) Кормчей конца XIII вѣка [1]):

«Уставъ святаго князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковныхъ судѣхъ.

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ князь Василій, нарицаемы Володимиръ [2]), сынъ Святославль [3]), внукъ Игоревъ, блаженныя княгини Олгы [4]),

---

[1]) Тщательно отмѣчать варіанты позднѣйшихъ списковъ, по сказанному выше объ ихъ происхожденіи, мы не видимъ никакой нужды. Между многими позднѣйшими списками, представляющими въ варіантахъ обработку частныхъ людей, мы имѣемъ списокъ, авторизованный церковною властію XVI в., именно — помѣщенный въ Стоглавникѣ (гл. 63); изъ этого только списка мы и отмѣтимъ варіанты (такъ какъ и уставъ, помѣщенный въ Стоглавникѣ, по разнымъ спискамъ послѣдняго представляетъ свои варіанты, то мы укажемъ наши варіанты по списку изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи наиболѣе авторитетному или представляющему наибольшее ручательство подлинности, именно — по списку, который принадлежалъ знаменитому старцу Троицкаго монастыря второй половины XVI в. Варсонофью Якимову и который въ настоящее время находится въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи,—фундам. библіот. № 194). Мы говорили выше, что когда составитель устава, предоставляя суду митрополита и епископовъ въ извѣстныхъ дѣлахъ гражданскихъ и преступленіяхъ уголовныхъ всѣхъ безъ исключенія міряпъ, ссылается на греческій Номоканонъ, то разумѣетъ подъ Номоканономъ руководства къ гражданскимъ законамъ, помѣщенныя въ Кормчей книгѣ, которыя понимаетъ какъ законодателаные акты, опредѣляющіе пространство власти церковной. Въ подлежащихъ мѣстахъ мы сдѣлаемъ указаніе на эти руководства по Никоновской Кормчей книгѣ (причемъ будемъ указывать только главы Кормчей, не называя всякій разъ самыхъ руководствъ, которыя по главамъ имѣютъ себя: гл. 42 и 44—выписки изъ Юстиніановыхъ новеллъ; гл. 45 — Законъ, Богомъ данный Моисею; гл. 46 — Прохиронъ Василія Македонянина; гл. 50 — Еклога Льва Исавра). Печатаемый нами древній списокъ устава Владимирова уже напечатанъ дважды: Карамзинымъ въ 506 примѣч. къ 1 т. и въ 1 т. Дополненій къ Актамъ историческимъ.

[2]) Въ Стоглавникѣ: «князь Владимеръ, нареченный во святомъ крещеніи Василей».

[3]) Въ Стоглавн.: «сынъ Святославичь».

[4]) Послѣ «Игоревъ» нѣтъ союза «и» и въ Стоглавникѣ.

въсприялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя [1]) и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго, взяхъ първаго митрополита Леона [2]) Кіеву, иже крьсти всю землю Русьскую святымь крщеньемь. Потомь же лѣтомъ многымъ [3]) минувшемъ создахъ

---

1) Въ Стоглавн.: «царя Костянтина». Редакторъ списка, помѣщеннаго въ Стоглавникѣ, зналъ имена царей, при которыхъ крестился Владимиръ. Если онъ ставитъ имя одного царя, то это должно понимать такъ, что въ спискѣ, съ котораго онъ списывалъ, стояло также, какъ въ нашемъ древнѣйшемъ, царя, а не царей. Отсюда слѣдуетъ, что «царя» есть оригинальное чтеніе устава, составляющее одно изъ доказательствъ его подложности (такъ какъ Владимиръ крестился не при царѣ, а при царяхъ).

2) Въ Стогл.: «Михаила» какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, составляющихъ въ общемъ количествѣ меньшинство. Мы говорили выше, что первымъ нашимъ митрополитомъ поставилъ Михаила вмѣсто Леона или Льва авторъ Степенной книги. За болѣе раннѣе время этой перемѣны, повидимому, говоритъ то обстоятельство, что Михаилъ называется первымъ митрополитомъ, а Леонъ вторымъ, въ спискѣ устава Владимирова, читаемаго въ рукописи, принадлежавшей митр. Іоасафу (Троицк. Лаврск. № 783, см. выше). Но особая, несомнительно — весьма поздняя, редакція устава, которую представляетъ изъ себя этотъ списокъ, со всею вѣроятностію можетъ быть усвояема самому Іоасафу или кому нибудь изъ его современниковъ. А такъ какъ наша рукопись могла быть написана, когда Іоасафъ находился уже на покоѣ (низведенный съ каѳедры въ 1542 г., скончался послѣ 13-лѣтняго пребыванія на покоѣ въ нашемъ Троицкомъ монастырѣ въ 1555 г.), то составитель редакціи устава,— былъ ли это онъ самъ или кто-либо изъ его современниковъ, — и могъ уже имѣть въ рукахъ Степенную книгу. Обширное историческое предисловіе къ уставу по нашей редакціи, въ которомъ говорится съ частными подробностями о крещеніи Владимира и о полученіи имъ отъ Грековъ двухъ митрополитовъ,—сначала Михаила, а потомъ Леона, указываетъ на какую либо историческую книгу, которою пользовался составитель редакціи, а такою историческою книгою могла быть только Степенная книга; при этомъ есть и частные признаки, которые указываютъ (хотя и нерѣшительно), что составитель пользовался Степенною книгою: по этой книгѣ (1, 130) Владимиръ крестился въ Корсунѣ въ церкви св. Іакова; тоже и по нашей редакціи устава (Что касается до списка устава, помѣщеннаго въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, напечатаннаго кн. Оболенскимъ въ 9 кн. Временника Общ. Ист. и Древн., въ которомъ митрополитъ есть Михаилъ, стр. 34: то напечатанный списокъ лѣтописца вовсе не «есть точная копія» съ рукописи XIII в., какъ утверждаетъ это кн. Оболенскій, желавшій сдѣлать свое открытіе «драгоцѣнностью», а несомнѣнно представляетъ изъ себя редакцію второй половины XVI в., что кромѣ всего другаго видно и изъ того, что лѣтописецъ надписывается: «лѣтописецъ Русскихъ царей». По палеографическимъ признакамъ относятъ къ первой половинѣ XVI в. нѣкоторыя не имѣющія годовъ рукописи, содержащія нашъ уставъ съ именемъ митр. Михаила. Но палеографія есть свидѣтель только приблизительный, который самъ вовсе не ручается за свою точность и допускаетъ ошибки не только на полстолѣтія, но и болѣе чѣмъ на столѣтія).

3) «Многимъ» стоитъ рѣшительно во всѣхъ спискахъ, такъ что несомнѣнно должно быть признано за оригинальное чтеніе, принадлежащее самому составителю устава. А такъ какъ Владимиръ приступилъ къ строенію Десятинной церкви

церковь святыя Богородица Десятинную и дахъ ей десятину по всей земли Русьстѣй: отъ всего [1]) княжа суда десятую вѣкшю, а изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ [2]) на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита [3]) чюдному Спасу [4]) и чюднѣй его Матери. Потомь разверзше [5]) грецьскыи Номоканонъ и обрѣтохомъ въ немь, оже [6]) не подобаеть сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ [7]); и язъ, сгадавъ съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣтми [8]), далъ есмь ты суды церквамъ, — митрополиту и всѣмъ пискупіямъ [9]) по Руськой земли. А посемь не надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ ни внучатомъ ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные ни во всѣ суды ихъ, то все далъ есмь по всѣмъ городомъ [10]) и по погостомъ и по свободамъ, гдѣ [11]) нъ (sic, должно читать: ни) суть христіяне; и своимъ тіуномъ [12]) приказываю, церковнаго суда не обидѣти ни судити безъ владычня намѣстника [13]). А се церковніи суди: роспустъ [14]), смилное [15]), заставанье [16]), умычка [17]) (это слово приписано въ рукописи наверху), пошибанье промежи мужемь и женою о животѣ [18]), въ племени или въ

вовсе не «лѣтомъ многимъ минувшимъ» послѣ своего крещенія, то это «многимъ» дополняетъ собой число доказательствъ подложности устава.

1) Въ Стоглавн.: «десятину изъ всяго (sic) княженіа своего, тако же и по всей земли руской, и со княженіа отъ всего»...

2) Въ Стоглавникѣ вѣроятно ошибка: «а и домовъ».

3) Въ Стоглавн.: «живота».

4) Что значитъ въ уставѣ «Спасу», когда Десятинная церковь была посвящена только Божьей Матери?

5) Въ Стоглавн.: «расмотривше».

6) Въ Стоглавн.: «въ немъ написано, оже».

7) Въ Стоглавн.: «ни бояромъ его ни тіуномъ».

8) Въ Стогл.: «и азъ сгадалъ съ своими дѣтми и со всѣми князи и со всѣми боляры».

9) Въ Стоглавн.: «церквамъ Божіимъ и отцу своему митрополиту и всѣмъ епископомъ».

10) Въ Стогл.: «есмь церкви Божіи по всѣмъ».

11) Въ Стоглавн.: «по слободамъ и по всей земли, гдѣ ни»....

12) Въ Стогл.: «и своимъ болядомъ и тіуномъ».

13) Въ Стогл.: «приказываю судовъ церковныхъ не судити и нашихъ судовъ безъ судей митрополита не судити десятинъ для».

14) «Роспустъ» — разводъ («распускаться» — разводиться, см. ниже въ уставѣ Ярославомъ § 8), т. е. дѣла о разводахъ. Никоновской Кормчей гл. 46 л. 376 об., гл. 49 л. 426 и гл. 50 л. 501 об.

15) «Смилное» — приданное, отъ «мило» — приданое (Словарь *Восток.*), т. е. тяжбы изъ-за приданаго. Никон. Кормч. гл. 49 л. 421 об.

16) Т. е. мужемъ «прелюбодѣя со своею женою сплешася», какъ говоритъ Никон. Кормч. гл. 49, л. 488.

17) «Умычка» — умыканіе, похищеніе дѣвицъ для брака. Никон. Кормч. гл. 42. л. 305 об. и гл. 49, л. 487 об.

18) «Пошибанье — о животѣ»: ссоры и тяжбы изъ-за имѣнія или пожитковъ. Въ Стогл.: «заставаніе, пошибаніе, умычки промежу мужемъ и женою о животѣ». Неладное чтеніе, очевидно, явилось такъ, что слово «умычка», стоявшее

сватьствѣ поимуться [1]), вѣдьство, зеліиничьство, потвори, чародѣянія, волхвованія [2]), урѣканія [3]), три: бляднею, и зѣліи, еретичьство [4]), зубоѣжа [5]), или сынъ отца бьеть или матерь или дчи [6]), или снъха свекровь, братья или дѣти тяжються [7]) о задницю [8]), церковная татба [9]), мертвеци сволочать [10]), крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжуть, скотъ [11]) или псы или потки [12]) безъ великы нужи введеть или ино что неподобно церкви подѣеть [13]), или два друга иметася бити (и) единого жена иметь за лоно

наверху (какъ въ нашемъ спискѣ), при перенесеніи въ самый текстъ поставлено не на мѣстѣ (редакторы 1 тома Дополненій къ Актамъ историческимъ, печатая нашъ списокъ устава, сносятъ слово «умычка» въ текстъ, но по не совсѣмъ понятной для насъ причинѣ ставятъ его на томъ же мѣстѣ, на которомъ оно поставлено въ Стоглавникѣ, такъ что и у нихъ «умычка промежи мужемъ и женою»). Никон. Кормч. гл. 49, л. 422 об.

¹) Т. е. въ родствѣ или въ сватовствѣ вступятъ въ бракъ. Никон. Кормч. гл. 45 л. 370, гл. 49 лл. 416 об. и 492 и гл. 50 л. 517.

²) Въ Стогл.: «вѣдовьство, потворы, чародѣйство, волхвованіе, зелейничество». Вѣдьство или вѣдовьство — колдовство вообще (вѣдунство). Зеліиничество — отравленія и порчи (и привораживанія) посредствомъ зелія (кореньевъ). Потвори — устроеніе посредствомъ волшебства дѣйствій «въ мечтѣ» или мечтательныхъ, призрачныхъ, — обморочиваніе. Чародѣянія — волшебство посредствомъ наговариванія надъ чашами (чара) съ водой. Никон. Кормч. гл. 44 л. 357, гл. 45 л. 371 об., гл. 49 лл. 485 об., 486, 492 об., и гл. 50 л. 517 об.

³) Урѣканіе — укореніе, обзываніе.

⁴) Нужно еретичествомъ, какъ это въ Стогл. и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ.

⁵) Іоасафовская редакція поясняетъ: «аще въ которой въ сварѣ (ссорѣ, дракѣ) кто кого зубомъ ястъ» (Вивліоѳ. VI, 4).

⁶) Въ Стогл.: «или матерь дщерь біетъ». Никон. Кормч. гл. 45, л. 364.

⁷) Въ Стоглавн.: «свекровь, или кто уречется скверными словесы и прилагая отца или матерь, или сестры или дѣти или племя тяжутся»....

⁸) Задница — имѣніе, оставшееся послѣ умершаго, наслѣдство. Никон. Кормч. гл. 49 лл. 444 об. fin., 457 об., 461 sqq, и гл. 50 лл. 498 об., 505, 507 об. sqq.

⁹) Никон. Кормч. гл. 44 л. 352 об., гл. 49 л. 490 и гл. 50 л. 518 об.

¹⁰) Въ Стогл.: «мертвецовъ волочать»,—мертвецовъ совлекаютъ, раздѣваютъ. Никон. Кормч. гл. 44 л. 357 об., гл. 45 л. 376, гл. 49 л. 490 и гл. 50 л. 519.

¹¹) Въ Стогл.: «посѣкутъ или на стѣнахъ трески емлютъ и съ (нужно: изъ) креста, скотъ»... Въ другихъ спискахъ: «посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжуть»... «Крестъ посѣкутъ» — срубятъ крестъ, поставленный при дорогѣ (что было въ обычаѣ въ древнее время), на возвышеніи (что̀, можетъ быть, также было въ обычаѣ въ древнее время по примѣру Болгаріи, — *пресв. Козьма),* на кладбищѣ надъ могилой. Что значитъ: «на стѣнахъ трески (щепы) смаютъ изъ креста» или «на стѣнахъ рѣжутъ», остается для насъ не совсѣмъ понятнымъ (первое, кажется, вырѣзываніе щепъ изъ крестовъ, поставленныхъ на стѣнахъ церковныхъ совнѣ).

¹²) «Потка» значитъ птица (птаха); въ Стогл. первое слово замѣнено послѣднимъ.

¹³) Трулльск. соб. пр. 88. Въ правилѣ вообще о какихъ бы то ни было животныхъ, но нѣтъ въ частности о псахъ и о поткахъ. О птицахъ есть въ тол-

другаго и роздавить [1]), или кого застануть съ четвероножиною [2]), или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи или у воды [3]), или дѣвка дѣтя поврьжеть; тѣ всѣ суды церкви [4]) даны суть [5]), князю и бояромъ и судьямъ ихъ въ ты суды нелзѣ вступатися [6]), то все далъ есмь по первыхъ царствъ [7]) уряженью и по вселенскихъ святыхъ семи зборовъ великихъ святитель. Аще кто преобидить нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и горе собѣ наслѣдують. А своимъ тіуномъ приказываю, суда церковнаго не обидѣти и съ суда [8]) давати 9 частіи князю, а 10-я святѣй церкви [9]). А кто пообидить судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ тому же отвѣчати на страшнѣмь судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая или злая, идѣже не поможеть никтоже кому, по токмо правда избавить отъ вторыя смерти, отъ вѣчныя муки, отъ хрещенія неспасенаго, отъ огня негасимаго, Господь рече: въ день месть (sic, нужно: мести) вздань сдержащимъ неправду въ разумѣ, тѣхъ огнь не угаснеть и червь ихъ не умреть, створшимъ же благая въ жизнь и въ радость неизреченную, а створшимъ злая въ въскрешенье суда, имже рече неизмолимъ судъ обрѣсти [10]). Се [11]) же искони уставлено есть и поручено святымъ пискупьямъ [12]) городскые и торговые всякая мѣрила и спуды и звѣсы [13]), ставила [14]), отъ Бога тако искони уставлено

кованіи на правило Зонариномъ. Если бы предположить, что въ уставъ взято о нихъ изъ Занары, то это служило бы къ опредѣленію времени появленія устава. Но намъ думается, что прибавку о псахъ и птицахъ должно считать русской прибавкой и понимать дѣло такъ, что у насъ въ первое время христіанства случалось, что позволяли себѣ останавливаться въ церквахъ на ночлегъ охотники съ стаями своихъ собакъ и съ ловчими птицами (какъ въ зданіяхъ болѣе просторныхъ, чѣмъ деревенскія избы).

1) Никон. Кормч. гл. 45 л. 368 fin.

2) Никон. Кормч. гл. 45 лл. 369 и 370 об. и гл. 49 л. 492.

3) Никон. Кормч. гл. 49, лл. 486 и 487.

4) Въ Стогл.: «церквамъ Божіимъ».

5) Въ Стогл.: «суть преже насъ по закономъ и правиломъ святыхъ отецъ, христіанскими цари и князи и во всѣхъ христіанскихъ людѣхъ и царю и князю»...

6) Въ Стогл.: «вступатися, и азъ то все далъ есмь по первыхъ царей уряженью и повселенскихъ святитель великихъ, князю и бояромъ и судіамъ непрощено есть отъ закона Божіа вступатися въ тѣ суды. Аще же кто»...

7) У Карамзина произвольная поправка: «царей», а въ Дополнн. къ Актт. Исторр. ошибочно: «царевъ».

8) Въ Стоглавн.: «съ судовъ гражданскихъ».

9) Въ Стоглавн.: «церкви и отцу нашему митрополиту».

10) «А кто обидить — судъ обрѣсти» въ Стоглавн. нѣтъ.

11) Въ Дополнн. къ Актт. Исторр. ошибочно: «Еже».

12) Въ Стоглавн.: «искони поручено Богомъ и святителемъ и епископьямъ ихъ городскіе»...

13) Въ Стогл.: «вѣсы».

14) «Мѣрила» — мѣры протяженія, аршины, сажени; «спуды» — мѣры вмѣстимости, четверики, такъ называемыя малёнки; «звѣсы» — вѣсы; «ставила» — гири.

пискупу [1]) блюсти безъ пакости, ни умалити ни умножити [2]), за все то дати ему слово въ день суда великаго, якоже и о душахъ человѣческахъ [3]). А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ [4]), попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернець, черница, проскурница, паломникъ, лѣчець, прощеникъ, задшьный человѣкъ [5]), сторонникъ [6]), слѣпець, хромець, манастыреве, болницѣ, гостинници [7]), страннопріимницѣ, то люди [8]) церковные, богадѣльные, митрополитъ или пискупъ вѣдаеть межи ими судъ или обида или котора [9]) или вражда или задница; аже будеть иному человѣку съ тымъ человѣкомь рѣчь [10]), то обчіи судъ [11]). Кто переступить

---

[1]) Въ Стогл.: «и митрополиту».

[2]) «Ни умалити ни умножити» въ Стогл. нѣтъ.

[3]) Никон. Кормч. гл. 45, л. 364 об.

[4]) Въ Стогл.: «діаконъ, попадіа, діаконица и дѣти ихъ».

[5]) О прощеникахъ мы говорили выше; задушный человѣкъ — холопъ или челядинецъ, пожертвованный кѣмъ нибудь въ церковь или монастырь для спасенія души (за душу: у Сербовъ «задушіе» — legatum in animae salutem, — Рѣчникъ Даничича; у Чеховъ dušnik — pro anima datus, — Ербена Regesta Bohemiæ, ч. 1, glossarium).

[6]) Въ Стогл.: «черница, понамарь, прощеникъ, баба вдовица, задушный человѣкъ, прикландѣ (sic, нужно: прикладень), сторонникъ... «Сторонникъ» — странникъ. О подсудности низшаго духовенства епископамъ въ Никон. Кормч. гл. 42, л. 324 sqq. и гл. 44, л. 356. Когда авторъ устава подчиняетъ суду епископовъ паломника, сторонника, слѣпца, хромца и лечьца, то это должно понимать такъ, что въ Греціи, порядки которой онъ переноситъ на Русь въ своемъ воображеніи, помянутыя лица подлежали суду епископовъ потому, что первые двое останавливались, вторые двое жили, а послѣдніе практиковали въ богоугодныхъ заведеніяхъ, находившихся въ вѣдѣніи епископовъ.

[7]) Въ Стогл. вмѣсто «гостинницы» — «пустынницы». Эту замѣну одного слова другимъ (или эту поправку), какъ кажется, должно объяснять тѣмъ, что редакторъ устава, помѣщеннаго въ Стоглавникѣ, недоумѣвалъ: что̀ могутъ значить гостинницы. И мы съ своей стороны точно также недоумѣваемъ, что онѣ значатъ. Авторъ устава, переносящій, какъ мы сказали, въ своемъ воображеніи къ намъ на Русь порядки греческіе, предоставляетъ вѣдѣнію епископовъ богоугодныя заведенія (которыхъ у насъ не было). Какъ богоугодное заведеніе, гостинница можетъ значить только домъ и учрежденіе для принятія бѣдныхъ странниковъ, — то, что̀ по-гречески называлось ξενοδοχίον; но эти учрежденія или эти ксенодохіи разумѣются у него подъ страннопріимницами, которыя стоятъ у него рядомъ съ гостинницами. Вѣроятно, дѣло должно понимать такъ, что авторъ устава встрѣчалъ въ рукописяхъ двоякій переводъ греческаго ξενοδοχίον — словомъ гостинница и словомъ страннопріимница и что два названія одного и того же учрежденія и принялъ за два особыя учрежденія. О томъ, что въ Греціи богоугодныя заведенія находились въ вѣдѣніи епископовъ Никон. Кормч. гл. 42 л. 313 (и гл. 44 л. 351 об.).

[8]) Въ Стоглавн. «страннопріимницы и кто порты чернеческіа сверже тъ, тѣ люди»...

[9]) «Котора» — ссора, изъ греч. κατάρα.

[10]) «Рѣчь» въ смыслѣ судъ (спорная рѣчь), cfr Словарь *Восток.* подъ сл. рѣчь.

[11]) Въ Стогл.: «митрополитъ вѣдаетъ промежь ими суды или обида которая то общій судъ и присудъ наполы. Аще кто приступитъ»...

си правила, якоже есмы управили по святыхъ отець правиломъ и по пьрвыхъ царствъ [1]) управленью, кто иметь преступати правила си или дѣти мои или правнучата [2]) или въ которотъ городѣ намѣстникъ или тіунъ или судья, а пообидять судъ церковный, или кто иный, да будуть [3]) прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій семію зборовъ святыхъ отець вселенскыхъ» [4]).

Относительно времени и мѣста появленія устава мы уже высказывали предположенія выше. Здѣсь прибавимъ относительно послѣдняго, что изъ двухъ городовъ, которые должно подозрѣвать въ фальсификаціи, т. е. Владимиръ или Новгородъ, мы съ своей стороны рѣшительно думаемъ на второй [5]).

Такъ называемый „Церковный уставъ" Ярославовъ.

Такъ называемый Церковный уставъ вел. князя Ярослава, явившійся послѣ устава Владимирова и вообще, какъ кажется, весьма не рано [6]), былъ распространенъ значительно менѣе, чѣмъ сей послѣдній, а поэтому и дошолъ до насъ

---

[1]) Въ Стогл.: «первыхъ православныхъ царей»; у Карамз. и въ Дополнп.: «царевъ».

[2]) Въ Стогл.: «правнучата, или князи или боляре или въ которомъ»...

[3]) Въ Стогл.: «а имутъ обидити суды церковныя или отъимати, да будутъ»...

[4]) Въ Стогл.: «отъ семи соборовъ»...

[5]) Въ вольномъ городѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могли дойти до той безцеремонности, чтобы рѣшаться дѣлать подлоги. Власти духовной здѣсь приходилось бороться съ властью мірскою болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, а слѣдовательно здѣсь были и особыя побужденія, которыя бы заставили людей прибѣгнуть къ подлогу; въ то же время здѣсь власть духовная отличалась и большимъ, чѣмъ гдѣ нибудь, стремленіемъ къ многовластію. А наконецъ мы имѣемъ и положительныя свидѣтельства, что здѣсь занимались фальсификаціями. Не говоримъ о грамотѣ князя Всеволода Новгородскому Софійскому собору, которая есть простая (и аляповатая) переправка устава Владимирова на имя Всеволода (напечатана для свѣдѣнія преосвящ. *Макаріемъ* въ приложеніяхъ къ 3 т. исторіи, 2-го изд. стр. 380), но грамота того же Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, которая всѣми принимается за подлинную, на самомъ дѣлѣ есть подложная. Въ началѣ грамоты князь пишетъ: «се азъ *князь великій* Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, *самодрьжець* Мстиславичь, внукъ Володимирь, *владычествующю ми всю Рускою землею* и всею областью Новгородскою»... и потомъ говоритъ о своихъ будущихъ преемникахъ — Новгородскихъ князьяхъ какъ *о великихъ князьяхъ;* настоятель Юрьева монастыря называется въ грамотѣ архимандритомъ, тогда какъ онъ получилъ санъ архимандрита гораздо послѣ (а если мы примемъ, что грамота писана до 1131 г., то въ Антоновомъ монастырѣ еще не было игумена, см. Новгор. 1 лѣтопись подъ симъ годомъ.— Грамота напечатана въ Рускк. Достопп. 1, 77 и въ Дополнн. къ Акт. Истор., I т.).

[6]) Болѣе ранняго упоминанія, чѣмъ въ договорной грамотѣ вел. князя Василія Дмитріевича († 1425) съ митр. Кипріаномъ (Карамз. къ т. V прим. 233) или Фотіемъ (Троицк. Лаврск. ркп. № 730, л. 462), пока мы не знаемъ (причемъ достовѣрность самой грамоты не несомнѣнна).

въ меньшемъ количествѣ списковъ, хотя вовсе и нельзя сказать того, чтобы въ количествѣ скудномъ [1]). Причиной, почему этотъ второй уставъ, гораздо болѣе благопріятный для церковной власти и гораздо болѣе для нея выгодный, не только не имѣлъ большей распространенности, чѣмъ уставъ Владиміровъ, но даже и такой, какъ онъ, вѣроятно, было то, что сами представители церковной власти и сами писцы Кормчихъ книгъ и вообще рукописей сомнѣвались въ его подлинности [2]). Та несообразность, что почти всѣ преступленія облагаются двумя наказаніями (денежный штрафъ епископу и казнь отъ князя), не могла не возбуждать сомнѣнія и въ людяхъ самыхъ многовѣрующихъ. Чрезвычайно высокіе денежные штрафы, которыми уставъ облагаетъ преступленія, были весьма привлекательны; но слишкомъ трудно было убѣдить кого нибудь въ томъ, чтобы такса, назначаемая уставомъ, дѣйствительно была подлинной таксой Ярослава...

Всѣ извѣстные въ настоящее время списки устава Ярославова, состоящаго въ перечисленіи по пунктамъ преступленій и дѣлъ, отдаваемыхъ княземъ суду митрополита и епископовъ, представляютъ одно и тоже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ однихъ спискахъ пунктовъ болѣе, въ другихъ менѣе (что нѣсколько варіируется изложеніе или редакція текста и что порядокъ пунктовъ не всегда строго одинъ и тотъ же). Но списки различаются между собою введеніемъ къ уставу, которое въ однихъ спискахъ одно, въ другихъ другое.

Который изъ списковъ представляетъ собою оригиналъ автора по этому введенію, нельзя сказать. Мы напечатаемъ древнѣйшій, извѣстный намъ, списокъ устава, именно — находящійся въ Соловецкой Кормчей 1493 г. (напечатанный въ Правосл. Обозрѣніи 1861 г. ч. III, стр. 93 sqq), и къ нему выставимъ разности [3]) изъ четырехъ списковъ: 1) находящагося въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго XVI в. (*Переяславскій* [4]), — въ 9 кн. Временника Общ. Ист. и Древн., стр. 42); 2) находящагося въ Румянцевской Кормчей XVI в. (*Румянцевскій*, — у Востокова въ Опис. № 232, стр. 295, col 1 fin., напечатанъ преосв. Макаріемъ въ прилож. къ 2 т. Ист., 2 изд., стр. 377); 3) помѣщеннаго въ Софійской 1-й лѣтописи того же XVI в. (*Софійскій*, — Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 84 fin. sqq) и 4) напечатаннаго Карамзинымъ по неизвѣстнымъ «лучшимъ спискамъ» XVI в. (къ т. II прим. 108, — *Карамзинскій*).

Подъ статьями устава мы сдѣлаемъ указаніе на «градскіе законы» Кормчей книги, въ которыхъ составитель устава видѣлъ свой «Номоканонъ».

---

[1]) Указаніе списковъ см. у преосв. *Макарія*, Ист. т. 2, изд. 2 стр. 269 (къ указаннымъ должно прибавить два списка въ Кормчихъ Троицкой Лавры, №№ 205 и 206, и нѣкоторые другіе, наприм. Кирилло-Бѣлозерскій XV в.,—Учен. Запис. Акад. Н. V, 54, Сунодальный XVII в.,—у *Саввы* въ Указат., изд. 2 стр. 241 fin).

[2]) Въ Стоглавникѣ приводится уставъ Владиміровъ (гл. 63), но не приводится и не упоминается уставъ Ярославовъ.

[3]) По содержанію, но не по редакціи текста.

[4]) Кн. Оболенскій назвалъ лѣтописецъ лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго, собственно говоря, безъ достаточнаго основанія; но мы удерживаемъ названіе, какъ принятое и извѣстное.

«А се уставъ Ярославль, суды святительскыа.

1. Се азъ князь великый Ярославъ, сынъ Володимеровъ, по данію отца своего сгадалъ есмь съ митрополитомъ Кіевьскымъ и всея Руси Иларіономъ, сложихомъ греческый номоканно (такъ напечатано), еже не подобаетъ сихъ тяжь судити князю ни болярòмъ его ни судіямъ его; далъ есмь митрополиту и епископамъ роспусты по всѣмъ городомъ, десятую недѣлю мыта къ церкви, къ митрополиту, а людемъ его не даяти мыту нигдѣ, ни тамгы, и осмьничее далъ есмь.

Въ спискѣ Переяславскомъ: Се азъ великій князь Ярославъ, по правиломъ святыхъ отець и по записи отца своего помыслихъ грѣховныя вещи и духовны отдати церкви, по слову митрополита отъ судебныхъ книгъ; отдали есмо святителемъ тыа духовныа суды, судити ихъ оприсно мирянъ, развѣе татьбы съ поличнымъ, то судити съ моимъ, тажъ и душегубленіе, а въ иныа дѣла никакожъ моимъ не вступатися [1]), да не въ проклятіе впадутъ, или дѣти мои или боляре или заказникъ нашъ; аще отъ рода моего вступится, да будетъ проклятъ.

Въ спискахъ Румянцевскомъ, Софійскомъ и Карамзинскомъ (*основной текстъ Румянц.*): Се азъ великый князь Ярославъ, сынъ Володимеровъ, по данію отца своего, сгадалъ есмь съ митрополитомъ Ларіономъ, сложилъ есмь греческый номоканонъ, иже (*Соф. и Карамз.*: аже) не подобаетъ сихъ тяжь судити князю и бояромъ, далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ въ номоканонѣхъ (*Соф. и Карамз.*: номоканонѣ) по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ крестьянство (*Соф. и Карамз.*: крестьянство есть).

А се о умычки боярскыхъ дщерей:

2. Аще кто умчитъ дѣвку или понасилитъ, аще боярская дщи будетъ, за соромъ ей 5 гривенъ золота [2]). Аще будетъ мешнихъ бояръ [3]), ей гривна золота, а митрополиту гривна золота. А оже добрыхъ людей будетъ, 2 гривни серебра

---

[1]) Редакторъ предисловія пишетъ тутъ то, что въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ говорится о судѣ митрополита и епископовъ надъ низшимъ духовенствомъ, т. е. что лица низшаго духовенства митрополитъ и епископы судятъ во всемъ, кромѣ татьбы съ поличнымъ и душегубства (напр. Стогл. гл. 67, казанск. изд. стр. 294). Относящееся къ духовенству редакторъ распространяетъ на всѣхъ мірянъ!

[2]) По изслѣдованіямъ г. Прозоровскаго, въ Новгородѣ въ XIII—XIV вѣкѣ гривна золота заключала въ себѣ восемь гривенъ серебра, а гривна серебра въ Новгородѣ въ XII—XIII в. равнялась нынѣшнимъ 20 рублямъ сер. («Монеты и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія» въ Запискахъ Импер. Археол. Общества, т. XII вып. 2, стрр. 708 и 711). Слѣдовательно, гривна золота заключала въ себѣ наши 160 рублей сер.

[3]) Это раздѣленіе бояръ на большихъ и меньшихъ, по нашему мнѣнію, несомнительно указываетъ на то, что уставъ составленъ въ Новгородѣ. У насъ не было большихъ и меньшихъ бояръ (какъ они были у другихъ Славянъ), а

ей за соромъ, а митрополиту рубль, а на умычьницѣхъ по 60 ногатъ [1]) митрополиту, а князь ихъ казнитъ.

Въ спискѣ Переяславскомъ: Сежь святителемь отдано святыми отци: умыканіе, насилованіе, аще будетъ боярьская дщи, за срамъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту такожъ, а меньшихъ бояръ, то гривна злата, а добрыхъ людей, гривна серебра, а митрополиту такожъ, а на умытницѣхъ митрополиту по 60 гривенъ, а князь казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: Аще (*Соф.* и *Карам.*: аже) кто умчить дѣвку или насилить, аще боярьская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу) 5 гривенъ золота, а меншихъ бояръ гривна золота, а митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу) гривна золота, добрыхъ людей за соромъ ей 5 гривенъ, а митрополиту (*Соф. и Карамз.* епископу) 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра митрополиту (*Соф.* и *Карамз.*: епископу), а князь казнитъ.

Никоновск. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

3. Аще кто пошибаеть боярьскую дщерь или боярьскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту також, а меньшихъ бояръ—гривна золота, а митрополиту гривна золота, а нарочитыхъ людей — 2 рубля, а митрополиту 2 рубля, а простой чади — 12 гривенъ кунъ [2]), а митрополиту 12 гривни кунъ, а князь казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: а нарочитыхъ людей — 3 рубли, а митрополиту (епископу) 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а митрополиту (епископу) 15 гривенъ [3]).

4. Аще же пустить бояринъ жену: великыхъ бояръ — за соромъ ей 300 гривенъ, а митрополиту 5 гривенъ золота; меншихъ бояръ — гривна золота, а митрополиту гривна золота; нарочитыхъ людей — 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; а простой чади — 2 гривны, митрополиту 2 гривны, а князь ихъ казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: аще пуститъ бояринъ великъ

только просто бояре; но въ Новгородѣ, гдѣ разграниченіе сословій было не такъ строго, какъ въ другихъ мѣстахъ, могли называться меньшими боярами или боярами не въ собственномъ смыслѣ тѣ люди, которые по своему общественному положенію непосредственно слѣдовали за боярами дѣйствительными («житые» люди).

[1]) По *Погодину,* Новгородская ногата—50 коп. сер. (Древн. Русск. Ист. II, 806), по *Прозоровскому* (въ XV в.)—27 копѣекъ (ibid. стр. 707).

[2]) По *Прозоровскому*, Новгородская гривна кунъ (въ XV в.) составляла 2 р. 50 к. сер. (ibid. стр. 708).

[3]) Въ договорѣ Новгородскаго князя Ярослава Владимировича съ Нѣмцами, писанномъ около 1195 г.: «оже пошибаеть мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривенъ ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гривенъ ветхыми кунами. Оже сьгренеть чужее женѣ побои съ головы или дщьри (и) явиться простоволоса, 6 гривенъ старые за соромъ» (*Напіерскаго* Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, Спб. 1857, № 1, b).

жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ.... а простой чади 15 гривенъ, а митрополиту 15 гривенъ...

Въ спискѣ Переясл.: а простьцю 12 гривенъ, а святителю тажъ, а князь казнитъ, а гривна по пятидесятъ грошъ.

Никоновск. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимірову (роспустъ).

О блядни:

5. Аще дѣвка блядеть или дѣтяти добудеть у отца и матери, ли и вдовою, такихъ обличавши и же (sic) пояти въ домъ церковный. Такоже и жена безъ своего мужа или при мужи дѣтя добудеть и погубить или утопить, обличивше пояти ю въ домъ церковный, а чимъ ю паки родъ окупитъ.

Въ спискѣ Переясл.: Аще дѣвицею приживеть и родить дѣтищь у отца и матери, обличивъ пустити въ домъ Божій, такожъ и вдова, олижъ родъ выкупить. *Въ спискахъ Румянц. и Соф.*: Аще въ (у) отца и въ (у) матере дочка дѣвкою дѣтяти добудеть, обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, такоже и жонка; а чимъ ю родъ окупить. *Въ спискѣ Карамз. нѣтъ словъ*: такоже и жонка.

6. Аще дѣвка засядеть: великихъ бояръ — митрополиту 5 гривенъ злата, а меньшихъ бояръ — митрополиту гривна злата, а нарочитыхъ людей — митрополиту 2 рубля или 12 гривенъ, а простой чадѣ — митрополиту гривна серебра или рубль.

Въ спискѣ Румянц.:... нарочитыхъ людей — 12 гривенъ серебра, а митрополиту 12 гривенъ, а простой чади гривна серебра, а митрополиту гривна серебра. *Въ сп. Переясл.*: Аще дѣвица засядеть великихъ болярь, митрополиту 5 гривенъ на отци или племени, а нарочитыхъ людей 12 гривенъ, а простыхъ чади рубль. *Въ спп. Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

7. Иже дѣвьку кто умолвить къ себѣ и дасть въ толоку (вар. толѣку), на умычници (читай: на умолвници) митрополиту — гривна серебра, а на толочанѣхъ по 60, а князь казнитъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: на умолвници митрополиту 3 гривны серебра, а дѣвцѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ по рублю... *Въ сп. Переясл.*: святителю гривну серебра, а дѣвицѣ за срамъ 3 гривны, а на толочанѣхъ по 60 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 45 л. 368, гл. 46 л. 374 и гл. 49 л. 491.

8. Аще мужь отъ жены блядеть; мужь тъ (тотъ) митрополиту въ винѣ, а князь казнитъ.

Аще мужь оженится иною женою, а со старою не распустився, и мужь митрополиту въ винѣ, а молодую пояти въ домъ церковный, а со старою ему жити.

Никон. Кормч. гл. 49 л. 490 fin. и гл. 50 л. 517 fin.

9. Аще пойдеть жена отъ своего мужа за инъ мужь или иметь блясти отъ мужа, ту жену пояти въ домъ церковный, а новожена — въ продажи митрополиту.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

10. Аще будеть женѣ лихый недугъ: или слѣпота или долгая болѣзнь, про то ее не пустити; такоже и женѣ нелзѣ пустити мужа.

11. Аще кумъ съ кумою блудъ творить, митрополиту — 12 гривенъ, а про опитимію по закону указано отъ Бога.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: аще кумъ съ кумою блудъ сотворитъ, митрополиту (епископу) гривна золота и въ опитемьи.

Ник. Кормч. гл. 49 л. 490 об. и гл. 50 л. 519 об.

12. Аще кто зажьжеть гумно или дворъ или иное что, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію подъимутъ, а князь ихъ казнитъ [1]).

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту (епископу) 100 гривенъ

Никон. Кормч. гл. 45 л. 366 об., гл. 46 л. 374 об., гл. 49 л. 492 и гл. 50 л. 518.

13. Аще кто съ сестрою блудъ сотворить, митрополиту 40 гривенъ, а въ опитиміи указаніе по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: епископу 100 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 45 л. 369 об.

14. Аще ближній родъ поймется, митрополиту — 30 или 40 гривенъ, а ихъ разлучити, а опитемью да пріимутъ.

Въ сп. Переясл.: святителю гривна, *въ сп. Румянц.*: 8 гривенъ, *въ спп. Соф. и Карамз.*: 80 гривенъ.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову

15. Аще кто иметь двѣ женѣ водить, митрополиту 20 гривенъ, а которая подълегла, тую пояти въ домъ церковный, а первую жену дръжати и водити по закону; а иметь ю лихо держати и водити, казнію казнити его.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту (епископу) 40 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 46 л. 374 об. и гл. 49 л. 491 об.

16. Аще мужь роспустится съ женою по своей воли, а будеть ли вѣнцалная, и дадять митрополиту 12 гривенъ, а будеть не вѣнчальны, и митрополиту 6 гривенъ.

Въ сп. Переясл. нѣтъ: а будеть не вѣнчальны...

17. Аще ли жидовинъ или бесерменинъ будетъ съ рускою или иноязычникъ: на иноязычьницихъ митрополиту 50 гривенъ, а руску пояти въ домъ церковный.

Въ сп. Румянц.: митрополиту 8 гривенъ; *въ спп. Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

18. Аще кто сблудить съ черницею, митрополиту—40 гривенъ, а въ опитимію вложити.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 100 гривенъ.

---

[1]) Въ Ярославской Правдѣ (Русск. Достопп. 1, 52): «аже зажжеть гумно, то на потокъ и на разграбежь домъ его: переди пагубу исплатитъ, а въ прочи князю поточити ѝ, тако же оже кто дворъ зажьжеть.

Никон. Кормч. гл. 42 л. 332, гл. 49 л. 490 об. и гл. 50 л. 516 об.

19. Аще кто съ животною (читай: животиною) блудъ створитъ, митрополиту 12 гривенъ, въ опитимію и въ казнь по закону.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

20. Аще свекръ съ снохою сблудитъ, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію пріиметъ по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 100 гривенъ.

21. Аще кто съ двѣима сестрама въ блудъ впадеть, митрополиту 30 гривенъ.

Въ сп. Переясл. этого пункта нѣтъ.

22. Аще деверь съ падчерицею блудитъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Переясл., Румянц. и Соф. этого пункта нѣтъ.

23. Аще деверь съ ятровью впадеть въ блудъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

24. Аще кто съ мачихою впадеть въ блудъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 40 гривенъ.

25. Аще два брата будутъ съ единою женою, митрополиту 30 гривенъ, а жена поняти въ домъ церковный.

Въ сп. Переясл.: святителю 1 гривна; *въ спп. Соф. и Карамз.*: митрополиту 100 гривенъ.

26. Аще отець съ дщерью падеться, митрополиту 40 гривенъ, а опитемію пріимуть по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

О блудѣ съ родственницами Никон. Кормч. гл. 45 л. 369, гл. 49 л. 491 об. и гл. 50 л. 517.

27. Аще дѣвька не всхощеть замужь, а отець и мати силою дадуть, а что дѣвька учинитъ надъ собою, то отець и мати митрополиту въ винѣ, а исторъ има платити; такоже и отрокъ.

А се о названы и блядей (такъ напечатано; должно читать: о названьи блядей?) великихъ и меншихъ и городцкихъ и сельскихъ.

28. Аще кто назоветь на имя чюжу жену блядію, а будетъ боярьскаа жена великыхъ бояръ, за срамъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту 5 гривенъ злата, а князь казнитъ.

На имя *въ другихъ спискахъ нѣтъ.*

29. Аще будеть меншихъ бояръ, за срамъ 3 гривны злата, а митрополиту 3 гривны злата.

Въ сп. Переясл. этого пункта нѣтъ.

30. А оже будеть городскыхъ людей, за соромъ ей 3 гривны серебра или рубль, а митрополиту такоже.

Въ сп. Переясл.: гривна 1 серебра, а епископу тажъ.

31. А сельской женѣ 60 рѣзанъ [1]), а митрополиту 3 гривны.

---

[1]) По *Погодину*, Новгородская рязань—20 копѣекъ (Древн. Руск. Ист. II, 806), а по *Прозоровскому*—15 копѣекъ (ibid. стр. 706).

Въ сп. Переясл.: а селяницѣ 60 кунъ [1]), а святителю 3 гривны. *Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.*: за соромъ гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.

32. Аще пострижеть кто кому главу или бороду, митрополиту 12 гривенъ, а князь казнитъ [2]).

Въ сп. Переясл.: святителю 3 гривны.

А се о крадбахъ разноличныхъ:

33. Аще мужъ иметь красти конопли или ленъ и всякоя (sic) жито, или жена, митрополиту 3 гривны [3]).

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту въ винѣ со княземъ на полы.

Никон. Кормч. гл. 44 л. 357, гл. 45 л. 367 об. и гл. 50 л. 519 (вообще о кражѣ).

34. Аще мужь крадеть бѣлыи порты и полотна и портища, митрополиту 3 гривны; такоже и жена.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту въ винѣ съ княземъ на полы.

35. Аще кто иметь красти свадебное и сговорное, — все митрополиту. А оже про дѣвку (сыръ) краянъ будетъ [4]), за сыръ гривну, а за срамъ ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатити, а митрополиту 6 гривенъ, а князь казнить.

Въ сп. Переясл. этотъ пунктъ соединенъ съ предшествующимъ и читается: Аще мужъ или жена крадетъ бѣлы порты, полотна и портище, святителю 10 гривенъ, ажъ ли изгородное (sic, читай: сговорное) и свадебное, то все святителю; аще за дѣвку сыръ краянъ будетъ, а не такъ счинятъ, за сыръ гривна 1, а что истеряли, то заплатятъ, а святителю 6 гривенъ, а князь казнить.

Въ сп. Румянц.: Аще иметь красти свадебное и огородное (sic), бой и убійства, а что учинитися душегубьство, платять вину князю съ митрополитомъ на полы. Аще про дѣвку сыръ будетъ краянъ... *безъ словъ*: а за срамъ ей 3 гривны.

---

1) По *Погодину*, Новгородская куна — 40 копѣекъ (ibidd.), а по *Прозоровскому* — 9 копѣекъ (ibid. стр. 705).

2) Въ Ярославовой Правдѣ (Рускк. Достопп. I, 41): «а кто поръвѣть бороду, а выиметь знаменіе, а вылѣзуть людье, то 12 гривенъ продаже; аже безъ людіи, а въ поклепѣ, то нѣту продаже.

3) Въ Ярославовой Правдѣ (Русск. Достопп. I, 37): «аже крадеть (кто ни будь) скотъ на поли или козы или свинье, 60 кунъ; будетъ ли ихъ (кравшихъ) много, то всѣмъ по 60 кунъ. Аже крадеть гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ».

4) Т. е. если женихъ откажется отъ невѣсты послѣ того, какъ будутъ сдѣланы «сговоры».

Въ спп. Соф. и Карамз.: свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство, аже что чинится, платять виру князю съ владыкою на полы.

36. Аще жена у мужа крадеть, а обличить ю, митрополиту 3 гривны, а мужь казнить ю, а про то ихъ не разлучити.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

37. Аще клѣть покрадеть, такоже створяеть ей.

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

38. Аще снoха у свекра крадеть, такоже надъ нею до сотворять.

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

39. Аще жена будеть чародѣйница или наузница и вълъхва или зелейница, или мужъ: доличивъ казнить ю, а не лишится, митрополиту 6 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

40. Аще мужа два біетася женьскы, — любо одереть или укусить, митрополиту 12 гривенъ или гривна (sic).

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз.: владыцѣ (митрополиту, епископу) 3 гривны.

41. Аще жена мужа біеть, митрополиту 3 гривны.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

42. Аще двѣ жени бьются, митрополиту 60 рѣзанъ или 6 гривенъ на виноватой.

Въ сп. Переясл.: 60 кунъ; *въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

43. Аще который мужь бьеть чюжую жену, за срамъ ей по закону, а митрополиту 6 гривенъ.

44. Аще сынъ бьеть отца или матерь, да казнять его властельскою казнію, а митрополиту въ винѣ, да идетъ такый отрокъ въ домъ церковный.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

Въ сп. Переясл. между двумя предшествующими пунктами новый пунктъ: Аще кто біеть священника, за срамъ 5 гривенъ злата; а свекровь сноху бьеть или деверь ятровь, святителю 6 гривенъ.

45. Аще чернець или черница или попъ или попадья или вдова или проскурница или пономарь впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити митрополиту опрочи мірянъ, а въ что ихъ осудить, воленъ.

Въ сп. Переясл.: аще чернець съ черницею сдѣють блудъ, судитъ ихъ святитель, а мірянъ не припущаа, аще и вѣрни суть; или попъ съ нею или попадья съ черицемъ или проскурница, а тихъ такожъ судитъ, а во что осудить — воленъ.

46. Оже ли дѣвька всхощеть замужь, а отець и мати не дадять ей замужь, а что створитъ надъ собою, отець и мати митрополиту въ вини; такоже и отрокъ.

Въ спп. Переясл. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

47. Аще попъ или чернець или черница упіется безъ времени въ посты, митрополиту въ винѣ.

Въ сп. Переясл.: аще попъ или инокъ бьется, всегда епископу въ винѣ.

48. Аще кто поганое ясть по своей воли, — или кобылину или медвѣдину или иное что отреченное, митрополиту въ винѣ и въ казни.

49. Аще попъ дѣти крестить въ чюжемъ предѣлѣ у иного попа, развѣе нужда или при болѣзни, а что сотворитъ крещеньское не въ своемъ уѣздѣ, митрополиту въ вини будеть.

Вмѣсто крещеньское *въ Румянц.* священническое; *вмѣсто* уѣздѣ *въ Переясл.* предѣлѣ. *Въ Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.*

50. А съ некрещенымъ или иноязычникомъ или отъ нашего языка не крещенъ будетъ, ни ясти ни пити съ нимъ, дондеже крестится; а вѣдая кто ясть или піеть, да будетъ митрополиту въ вини.

Въ спп. Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.

51. Аще кто съ отлученными ясть и піеть, да будетъ самъ отлученъ.

52. Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сотворить, а не лишится[1]), отъ церкви отлучится и отъ христіанъ, а митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.

53. Аще чернець и черница ростриже̇тся, митрополиту 40 гривенъ.

Въ спп. Соф. и Карамз.:... епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ. *Въ сп. Румянц. этой статьи нѣтъ.*

А сими винами разлучити мужа съ женою:

Въ сп. Переясл.: А се роспусты изъ намаканона Ярославли отъ правилъ:

54. А се 1 вина. Аще услышить жена отъ иныхъ людей, что думають на царя или на князя, а того мужу своему не скажеть, а опослѣ обличится: за тое разлучити ихъ.

55. А се вина 2. Аще мужь застанетъ свою жену съ любодѣемъ или учинить на ню добрыми послуху исправу: разлучити а.

56. А се 3 вина. Аще подумаеть жена на своего мужа зеліемъ или иными людми, а (или) она имѣть вѣдати, что мужа ея хотять убити или уморити, а мужу своему не скажеть, а напослѣдокъ объявится: разлучити ихъ.

57. А се 4 вина. Аще жена безъ мужня слова иметь съ чюжими людми ходити или пити или ясти или опроче дому своего спати, а потомъ увѣдаетъ мужь: разлучити ихъ.

58. А се 5 вина. Аще жена иметь, опроче мужа своего волѣ, ходити по игрищамъ или во дни или въ нощи, а мужь иметь счивати[2]), а она не послушаетъ: разлучити ю.

59. А се 6 вина. Аще жена на мужа своего наведетъ тати, велить покрасти мужа своего домъ или сама покрадеть, или товаръ или церковь покрадеть, а инѣмъ подаеть, про то ихъ разлучити.

Въ спп. Соф. и Румянц. нѣтъ этой статьи о винахъ развода.

Никон. Кормч. гл. 46 л. 377, гл. 49 л. 427 об. sqq (статья о разводѣ взята буквально отсюда), cfr гл. 50 л. 501 об.

---

[1]) Т. е. и не прекратитъ связи, не оставитъ ея.

[2]) Счивати — увѣщевать, уговаривать (нын. счунать).

60. О безадщинѣ церковныхъ людей. А что ся дѣеть въ монастырьскихъ людехъ и въ церковныхъ и въ самѣхъ монастырехъ, да не вступается князь, ни волостель въ тое; то да вѣдають митрополичьи волостели; а беззадщина ихъ пойдеть ко волостелю митрополичю.

Въ сп. Переясл.: ...а безатщина идетъ митрополицимъ заказникомъ. *Въ спп. Соф. и Карамз.:* ...а безатщина ихъ епископу идеть [1]).

Cfr въ Никон. Кормч. гл. 44 л. 359.

61. А се язъ князь Ярославъ указъ (указалъ) по собѣ. Аще кто уставъ мой переступить и уставленье мое порушаеть или сынове мои или внуцѣ мои или правнуцѣ мои или отъ рода моего кто или отъ рода болярьскаго бояръ моихъ, боляре или простые люди, а порушають моя ряды и уставленное мое мною княземъ Ярославомъ и вступять (ся) въ судъ митрополичь, что̀ есмь далъ митрополиту и епископамъ церковныя суды, по правиламъ святыхъ отець, судивше ихъ по коейждо вини, казнити ихъ по закону тяжцѣ. А кто иметь судити, станеть со мною на страшнѣмь судѣ предъ Богомъ, и да будеть на немь клятва святыхъ отець 318, иже въ Никіи, и всѣхъ святыхъ Аминь.

Въ спп. Соф. и Карамз. это заключеніе нѣсколько кратче, въ сп. Переясл. значительно кратче, а въ сп. Румянц. его нѣтъ.

Частнѣйшія извѣстія объ епархіяхъ періода домонгольскаго.

Такъ какъ раздѣленіе Россіи на епархіи имѣетъ соотношеніе и связь съ ея раздѣленіемъ на удѣлы, то не мѣшаетъ читателю нѣсколько напомнить себѣ это послѣднее.

Впервые раздѣлилъ Россію на удѣлы Святославъ между своими тремя сыновьями. Но его раздѣленіе за скорой смертью двоихъ сыновей, не имѣвшихъ наслѣдниковъ, не оставило удѣльныхъ линій. Послѣ Святослава въ другой разъ раздѣлилъ Россію на удѣлы Владиміръ между своими 12 сыновьями. Отъ этого раздѣленія осталась одна удѣльная линія—Полоцкая. Владиміръ отдалъ Полоцкъ старшему сыну отъ Рогнѣды, княжны Полоцкой, Изяславу, который умеръ еще при жизни отца въ 1001 г. и потомки котораго чрезъ сіе послѣднее обстоятельство лишились права на старшинство въ родѣ и на занятіе по сему праву великокняжескаго престола (княжескіе изгои). Потомки Полоцкаго Изяслава по его воинственному внуку назывались Всеславичами.

Въ третій и послѣдній разъ раздѣлилъ Россію на удѣлы Ярославъ, который оставилъ послѣ себя пять сыновей, посадивъ ихъ при своей смерти: Изяслава

---

1) Въ Ярославовой Правдѣ (Рускк. Достопп. I,43): «аще умреть смердъ, то задница князю; аже будуть дчери у него дома, то даяти часть на нѣ, аже будуть замужемъ, то не дати имъ части».

на великомъ княженіи, Святослава въ Черниговѣ, Всеволода въ Переяславлѣ, Игоря во Владимирѣ Волынскомъ и Вячеслава въ Смоленскѣ. Изъ этихъ пятерыхъ пошли три удѣльныя линіи отъ троихъ первыхъ — Изяславичей, Святославичей и Всеволодовичей, а что касается до двоихъ послѣднихъ, то пятый, Вячеславъ, имѣлъ потомства всего одного сына, а четвертый, Игорь, имѣлъ его весьма немногочисленное.

Кромѣ пятерыхъ сыновей Ярославъ оставилъ еще не надѣленнаго удѣломъ внука Ростислава, сына умершаго еще при немъ самомъ его старшаго сына, Новгородскаго Владимира (1052). Дѣти этого Ростислава, сами пріобрѣтшіе себѣ удѣлъ, составили еще линію удѣльныхъ князей — Ростиславичей, въ отношеніи къ великокняжескому престолу изгойную, подобно Полоцкой Изяславовой.

Эти пять линій удѣльныхъ князей и владѣли Русью въ продолженіе періода домонгольскаго. Вторые Изяславичи, внуки Ярослава, имѣли своимъ удѣломъ область Туровскую, въ которой княжилъ Изяславъ еще при жизни Ярослава [1]) и которая, нѣтъ сомнѣнія, придана была ему въ родовую собственность къ великому княженію. Святославичи, иначе называвшіеся Ольговичами, имѣли удѣломъ область Черниговскую, къ которой принадлежали Муромъ съ Рязанью, земля Вятичей съ Радимичами и Тмутаракань. Всеволодовичи, иначе Мономаховичи, имѣли своимъ удѣломъ Переяславль, къ которому принадлежали Ростовъ съ Бѣлозерьемъ и Суздалью. Кромѣ того въ ихъ же родъ достались удѣлы Владимиро-Волынскій и Смоленскій. Ростиславичи создали себѣ удѣлъ изъ такъ называемой Червонной Руси или Галиціи, отторгнувъ ее отъ Волыни.

Такимъ образомъ въ періодъ домонгольскій было пять удѣльныхъ княжескихъ линій и семь удѣловъ. Четыре линіи владѣли каждая однимъ удѣломъ, и пятая, — Всеволодовичей или Мономаховичей, тремя удѣлами.

Каждый удѣлъ, представляя изъ себя особое цѣлое, подраздѣлялся на большее или меньшее количество побочныхъ или частнѣйшихъ удѣловъ, при чемъ отдѣлившійся отъ Переяславскаго въ началѣ XII вѣка удѣлъ Суздальскій или Владимирской занялъ мѣсто между основными удѣлами, такъ что сихъ послѣднихъ вмѣстѣ съ нимъ должно быть считаемо восемь.

Вотъ списокъ удѣловъ съ показаніемъ линій:

1. Удѣлъ Полоцкій. Княжеская линія—Изяславичи первые: Изяславъ Владимировичъ † 1001, Борячиславъ Изяславичъ † 1044, Всеславъ Брячиславичъ † 1101, по которому Всеславичи, и пр.

2. Удѣлъ Туровскій; Изяславичи вторые: Изяславъ Ярославичъ † 1078, Святополкъ Изяславичъ † 1113, и пр.

3. Удѣлъ Черниговскій; Святославичи: Святославъ Ярославичъ † 1076, Олегъ † 1115 и Ярославъ † 1129 Святославичи, изъ коихъ отъ перваго — линія Черниговская (съ своими подраздѣленіями), а весь родъ — Ольговичи, отъ втораго линія — Муромско-Рязанская.

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1054 г., также Тверск. лѣтоп.

Удѣлы: 4. Переяславскій,	
5. Суздальскій, отъ него отдѣлившійся,	Всеволодовичи или Мономаховичи.
6. Владиміро-Волынскій и	
7. Смоленскій.	

Всеволодъ Ярославичъ † 1093, получившій отъ отца удѣлъ Переяславскій и потомъ пріобрѣтшій удѣлъ Смоленскій (до 1078 г., Лавр. лѣтоп. подъ симъ годомъ), Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ † 1125, отъ котораго весь родъ — Мономаховичи, въ 1119 г. пріобрѣтшій удѣлъ Владиміро-Волынскій, Мстиславъ Великій † 1132 и Юрій Долгорукій † 1157 Владиміровичи, и пр. Въ Переславлѣ не утвердилось своей особой линіи и онъ былъ общимъ достояніемъ рода. За тѣмъ линіи — Владиміро-Волынская и Смоленская отъ двухъ сыновей Мстислава Великаго: первая Изяслава, вторая Ростислава; линія Суздальская отъ Юрія Долгорукаго.

8. Удѣлъ Галицкій; Ростиславичи: Владиміръ Ярославичъ Новгородскій † 1052, Ростиславъ Владиміровичъ † 1066, такъ-сказать — безземельный (съ 1064 г. Тмутараканскій), Рюрикъ, Владиміръ и Василько Ростиславичи Галицкіе и пр.

Сколько было открыто у насъ епархій при первомъ введеніи церковнаго управленія св. Владиміромъ, остается положительно неизвѣстнымъ, но со всею вѣроятностію нужно полагать ихъ, кромѣ самой митрополіи, восемь; именно — несомнѣнно открыты были пять епархій: 1. Черниговская, 2. Бѣлгородская, 3. Владиміро-Волынская, 4. Новгородская, 5. Ростовская; должны быть считаемы вѣроятно открытыми три епархіи: 6. Туровская, 7. Полоцкая и 8. Тмутараканская.

Послѣ Владиміра до нашествія Монголовъ постепенно были открываемы новыя епархіи: 9. Переяславская и 10. Юрьевская при Ярославѣ, 11. Смоленская въ 1137 г., 12. Галичская до 1165 г., 13. Рязанская до 1207 г., 14. Владиміро-Кляземская въ 1214 г., 15. Перемышльская въ 1220 г. или прежде сего года, 16. Угровская — незадолго до нашествія Монголовъ.

О самой митрополіи мы обстоятельно говорили выше, и поэтому обращаемая прямо къ епископіямъ.

(Относительно списковъ епископовъ каждой епархіи, которые предлагаемъ ниже, поступаемъ такимъ образомъ, что въ текстѣ помѣщаемъ епископовъ, записи о которыхъ читаются въ лѣтописяхъ и въ другихъ источникахъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ, а въ примѣчаніяхъ помѣщаемъ епископовъ, извѣстныхъ по позднѣйшимъ каталогамъ и по другимъ позднѣйшимъ источникамъ или прямо недостовѣрнымъ или ненадежнымъ. Лѣтописи Лаврентьевскую и Ипатскую не цитуемъ [1]), а что находимъ помимо ихъ въ лѣтописяхъ новѣйшихъ, прямо указываемъ. Позднѣйшіе каталоги указываемъ по Исторіи Іерархіи, въ которой

---

[1]) Такъ что всѣ епископы, при именахъ которыхъ не стоитъ цитатъ, и всѣ свѣдѣнія объ епископахъ, которыя не цитуются или сообщаются безъ цитатъ, должны быть считаемы взятыми или изъ одной которой нибудь изъ этихъ лѣтописей или изъ обѣихъ вмѣстѣ (за исключеніемъ епископовъ Новгородскихъ, о которыхъ дѣлаемъ ниже прямую оговорку).

обо всѣхъ епархіяхъ въ 1-й части и которой поэтому мы означаемъ только страницы, предполагая подразумѣваемою сейчасъ названную часть[1]).

1. Епархія Черниговская.

Черниговъ, находящійся на Деснѣ, верстахъ во 120-ти на сѣверо-востокъ отъ Кіева, главный городъ племени Сѣвярянскаго или Сѣверскаго, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ или первоначальныхъ городовъ Руси, бывъ между ними на югѣ если не старшимъ по времени, то старѣйшимъ по степени послѣ Кіева[2]). При Владимирѣ онъ принадлежалъ къ великому княженію; послѣ его смерти сначала тоже, а потомъ съ 1026 года по 1036 годъ былъ столицей его сына Мстислава Тмутараканскаго, которому Ярославъ долженъ былъ уступить Русь по сю сторону Днѣпра; послѣдній, при своемъ раздѣленіи государства на удѣлы, отдалъ его второму сыну Святославу, за племенемъ котораго онъ и остался.

Извѣстные въ настоящее время епископы Черниговскіе суть: 1) Неофитъ, самый первый, поставленный Владимиромъ[3]), 2. Неофитъ 2-й, упоминаемый подъ 1072 г.[4]), Іоаннъ[5]), поставленный неизвѣстно когда до 1087 г., 25 лѣтъ лежавшій въ болѣзни и умершій 23 Марта 1112 г., 4. Ѳеоктистъ, преемникъ Іоанна, изъ игуменовъ Печерскихъ, поставленный 11 или 12 Января 1113 г., умершій 6 Августа 1123 г., 5. Пантелеймонъ, ум. 1142 г.[6]), 6. Онуфрій, преемникъ предъидущаго, пост. въ 1143 г., упом. подъ 1146 и 1147 гг., бывшій въ дѣлѣ о поставленіи митрополита, послѣ удаленія Михаила, во главѣ партіи антигреческой, 7. Антоній, родомъ Грекъ, упом. 1159 г. и представляемый какъ интригантъ[7]), удаленный съ каѳедры 1168 г.[8]), 8. Порфирій, упом. подъ 1187 г., едва ли тоже не Грекъ, ознаменовавшій себя тѣмъ, что въ одномъ посольствѣ, правленномъ по порученію князей, велъ себя «не яко святительски, но яко перевѣтникъ и ложь»; 9. Порфирій 2-й, упом. съ 1230 г.; въ 1239 г., когда Татары взяли и разграбили Черниговъ, какимъ-то образомъ успѣвшій

---

1) Недавно напечатаны «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви» покойнаго *П. М. Строева* (Спб., 1877). Списки епископовъ періода домонгольскаго составлены здѣсь по тѣмъ источникамъ, которыми мы пользуемся для текста.

2) Cfr Лѣтоп. подъ 907 и 945 гг.

3) Никон. лѣт. I, 105.

4) Въ лѣтопп. Воскресенск. и Софійск. 1-й, но не Лаврент. и Ипатск. Въ Исторіи Іерархіи между Неофитами стр. 151, Мартирій и Ѳеодулъ.

5) «А по Никоновской лѣтописи, — говоритъ авторъ Исторіи Іерархіи, не знаемъ, на какомъ основаніи, — Исаія».

6) Въ Исторіи Іерархіи между Ѳеоктистомъ и Пантелеймономъ Гераклидъ.

7) Въ Ипатск. лѣт. подъ 1164 г.

8) Въ Исторіи Іерархіи между Онуфріемъ и Антоніемъ—Ѳеотекнъ и Евѳимій, упоминаемый будто бы въ 1148 г.

снискать ихъ большее или меньшее благоволеніе и живымъ отпущенный въ Глуховъ [1]).

Епархія Черниговская, до открытія епархіи Рязанской, обнимала все удѣльное княжество Черниговское, какъ особое цѣлое, т. е. области собственно Черниговскую, Рязанскую и Муромскую и землю Вятичей съ Радимичами. Собственная область Черниговская обнимала нынѣшнюю губернію Черниговскую и не менѣе половины нынѣшней губерніи Курской (по г. Курскъ включительно); область Муромско-Рязанскую составляли — юго-восточный уголъ губерніи Владимирской, губернія Рязанская и значительная часть губерній Тульской, Воронежской и Тамбовской; земля Вятичей съ Радимичами — восточная часть губерніи Могилевской и большая часть губерній Калужской и Орловской.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Черниговскихъ былъ храмъ Преображенія Господня или Спасскій, который при Владимірѣ былъ деревянный, а потомъ каменный — начатъ Мстиславомъ Владимировичемъ († 1036), а оконченъ Святославомъ Ярославичемъ († 1076).

Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи (покойнаго архіеп. *Филарета* Черниговск.). Черниговъ, 1861.

2. Епархія Бѣлгородская.

Бѣлгородъ, — въ настоящее время мѣстечко Бѣлгородка, находящееся въ $23\frac{1}{2}$ верстахъ къ юго-западу отъ Кіева и составляющее первую станцію на почтовой дорогѣ къ Житомиру. Или онъ самъ составлялъ или въ немъ находилось одно изъ главныхъ имѣній Владимира, ибо до принятія христіанства, по словамъ лѣтописца, у него помѣщена была здѣсь значительная часть его многочисленныхъ наложницъ (300 изъ 800). На третій годъ послѣ похода подъ Корсунь (991), весьма вѣроятно — одновременно съ тѣмъ или передъ самымъ тѣмъ, какъ водворять епископа, Владиміръ заложилъ въ Бѣлгородѣ настоящій городъ или крѣпость и значительно умножилъ его населеніе посредствомъ вывода изъ другихъ мѣстъ, «бѣ бо, говоритъ лѣтописецъ, любя градъ сь.» Впослѣдствіе однако онъ называется «градомъ малымъ» [2]). Бѣлгородъ принадлежалъ собственно къ великому княженію, но въ 1117 г. Владиміръ Мономахъ посадилъ въ немъ

---

[1]) Въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи списокъ епископовъ Черниговскихъ, составленный на основаніи синодиковъ (позднѣйшихъ) мѣстныхъ монастырей и церквей, есть слѣдующій (стр. 11): 1. Неофитъ, 2. Мартирій, 3. Ѳеодулъ, 4. Неофитъ 2й-, 5. Іоаннъ, 6. Ѳеоктистъ, 7. *Парѳеній* 8. Пантелеймонъ, 9. Онуфрій, 10. Евѳимій, 11. Антоній, 12. Порфирій 1-й, 13. Порфирій 2-й.

[2]) Лаврент. лѣтоп. подъ 1097 г.: «Бѣлгородъ градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ» (Въ Ипатск. лѣтоп. ошибочно Звѣнигородъ). У Грековъ однако величался почему-то Ἀσπρόκαστρον μεγάλον, — у Ралли и П. V, 486.

старшаго сына своего Мстислава, желая имѣть себѣ въ немъ надежнаго подручника, что̀, вѣроятно, дѣлали и другіе великіе князья. Со второй половины XII вѣка Бѣлгородъ постоянно имѣлъ своихъ особыхъ князей, но не изъ одной утвердившейся линіи, а перемѣнныхъ, большею частію изъ Смоленскихъ и Суздальскихъ Мономаховичей (всѣхъ долѣе Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскій съ своимъ сыномъ Ростиславомъ, 1174 — 1205).

Такъ какъ при Владимирѣ Бѣлгородъ не имѣлъ никакого значенія ни въ какомъ отношеніи, то очевидно, что епископская каѳедра учреждена въ немъ не по какой нибудь мѣстной нуждѣ, а по другимъ причинамъ. Этими причинами можетъ быть предполагаемо, во-первыхъ, то, что, назначивъ престольнымъ городомъ митрополита не Кіевъ, а Переяславль, Владимиръ хотѣлъ имѣть въ епископѣ Бѣлгородскомъ такого архіерея, который бы въ нужныя времена могъ совершать въ Кіевѣ архіерейскія служенія и вообще былъ бы для него — великаго князя, архіереемъ, такъ сказать, придворнымъ, episcopus curialis, каковые бывали у другихъ государей; во-вторыхъ,—то, чтобы дать въ немъ митрополиту какъ бы викарія и помощника.

Въ настоящее время извѣстны епископы Бѣлгородскіе: 1. Никита, самый первый, поставленный Владимиромъ [1]), 2. Стефанъ упоминаемый подъ 1072 г. [2]), 3. Лука, упоминаемый подъ 1089 г., 4. Никита 2-й, поставленный въ 1113 г., и упоминаемый подъ 1115 г., 5. Ѳеодоръ, упоминаемый подъ 1147 и 1148 гг. 6. Максимъ, упоминаемый въ 1187 г. и умершій въ 1190 г., 7. Адріанъ, преемникъ Максима, изъ игуменовъ Выдубицкихъ, поставленный въ томъ же 1190 г. и упоминаемый въ 1197 г. [3]). Подъ послѣднимъ годомъ Ипатская лѣтопись, выражаясь какъ-то невразумительно, называетъ Адріана то епископомъ Бѣлгородскимъ, то Юрьевскимъ, что̀ вѣроятно должно понимать такъ, что онъ временно завѣдывалъ обѣими епархіями. Послѣднее извѣстное намъ упоминаніе объ епархіи Бѣлгородской относится къ 1231 г. Она прекратила свое существованіе, нѣтъ сомнѣнія, въ нашествіе Монголовъ.

Выше, говоря о митрополитахъ, мы уже сказали, что епархія Бѣлгородская составляетъ вопросъ. Могутъ быть дѣлаемы слѣдующія три предположенія: во-первыхъ, пока митрополиты находились въ Переяславлѣ, епископы Бѣлгородскіе имѣли своей епархій область Кіевскую, а послѣ переселенія митрополитовъ въ Кіевъ или были оставлены безъ епархіи или получили ее въ другомъ мѣстѣ; во-вторыхъ, область Кіевская, бывшая епархіей епископовъ Бѣлгородскихъ до переселенія митрополитовъ въ Кіевъ осталась таковою и послѣ переселенія, а сами митрополиты удовольствовались имѣть своей епархіей одинъ городъ Кіевъ; въ третьихъ, область Кіевская принадлежала митрополитамъ съ самаго начала, а епископы Бѣлгородскіе или съ самаго начала были безъ-епархіальными, или имѣли

---

[1]) Никон. лѣтоп. I, 105.

[2]) Въ Никон. лѣт. (у Строева ошибочно: Никита, 1071).

[3]) Въ Исторіи Іерархіи, стр. 222, послѣ Ѳеодора: Діонисій, Іоаннъ, Кириней.

епархію гдѣ нибудь внѣ (подобно позднѣйшимъ епископамъ Крутицкимъ). Если предполагать, что епископы Бѣлгородскіе или съ самаго начала имѣли, или послѣ переселенія митрополитовъ въ Кіевъ получили епархію гдѣ нибудь внѣ, то единственно вѣроятнымъ будетъ полагать ее въ сосѣдней съ Кіевскою области Древлянской (которая при Владимирѣ не была соединена съ Волынскою, а имѣла своего особаго князя).

Каѳедральная церковь епископовъ Бѣлгородскихъ была во имя свв. Апостоловъ. До 1197 года она была деревянная, а въ семъ послѣднемъ году на мѣстѣ деревянной князь Рюрикъ Ростиславичъ создалъ каменную, о которой лѣтописецъ говоритъ, что высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ она была вдивъ (на диво) удобрена [1]).

3. Епархія Владимиро-Волынская.

Владимиръ Волынскій, находящійся на самой западной границѣ нынѣшней Волынской губерніи, на межѣ съ древней сѣверной Галиціей, составляющей нынѣ Люблинскую губернію бывшаго царства Польскаго (на рѣкѣ или рѣчкѣ Лугѣ, впадающей справа въ Западный Бугъ), какъ необходимо заключать отъ имени, или со всѣмъ вновь былъ основанъ, или по крайней мѣрѣ изъ селенія возведенъ въ городъ св. Владимиромъ. При жизни Владимира удѣльное княжество Владимиро-Волынское составляли — во-первыхъ, собственная область Волынская безъ Древлянской, которая имѣла своего особаго князя, — во-вторыхъ, сейчасъ помянутая древняя Галиція или Червонная Русь. Послѣ смерти Владимира (и въ слѣдъ за нимъ Святослава Древлянскаго, убитаго Святополкомъ) его составляли до 1084 — 86 г. область Волынско-Деревлянская съ Червонной Русью, а съ помянутаго года одна первая, ибо Червонная Русь образовала изъ себя особый удѣлъ. Въ 1199 г. Волынь и Червонная Русь снова соединились, но такъ, что не послѣдняя стала принадлежать къ первой, а наоборотъ (Галицкое княжество). Владимиръ отдалъ удѣлъ Волынскій сыну своему Всеволоду, Ярославъ—сыну своему Игорю. Когда послѣдній въ 1057 г. переведенъ былъ въ Смоленскъ на мѣсто умершаго брата Вячеслава, удѣлъ Волынскій въ продолженіе 60 лѣтъ колебался между родомъ Изяслава Ярославича (сынъ Ярополкъ и внукъ Мстиславъ Святополковичъ) и сыномъ Игоря Давидомъ. Въ 1119 г. Владимиръ Мономахъ присоединилъ удѣлъ Волынскій къ владѣніямъ своего рода и въ немъ утвердилась линія его внука Изяслава Мстиславича. Въ 1199 г. Волынскій князь Романъ Мстиславичъ овладѣлъ Галиціей и, пересѣвъ со стола Волынскаго на Галицкій (а во Владимирѣ оставивъ брата своего Василька, † 1269), поло-

---

[1]) Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 473. Рюрикъ Р-чъ въ то время былъ великимъ княземъ Кіевскимъ, но въ Бѣлгородѣ, изъ котораго онъ перешелъ въ Кіевъ, онъ оставилъ княжить сына своего Ростислава.

жилъ начало знаменитому, весьма не на долгое впрочемъ время, Галицкому княжеству и королевству.

По свидѣтельству мѣстнаго лѣтописца, въ началѣ XIII вѣка Владиміръ представлялъ изъ себя такой прекрасный для своего времени городъ, что ему дивились иностранцы, говоря: «така града не изобрѣтохомъ ни въ Нѣмечскихъ странахъ» [1]). О значительной промышленности и торговлѣ Владиміра даетъ знать тотъ же лѣтописецъ, когда говоритъ, что надъ умершимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ († 1288 г. сыномъ вышеупомянутаго) «плакашеся все множество Володимерцевъ—мужи и жены и дѣти, Нѣмци и Сурожцѣ и Новгородци и Жидове» [2]).

Изъ епископовъ Владиміро-Волынскихъ въ настоящее время извѣстны: 1. Стефанъ 1-й, самый первый епископъ, поставленный Владиміромъ [3]), 2. Стефанъ 2-й, постриженникъ Печерскаго монастыря, сначала доместикъ или экклезіархъ въ немъ, а потомъ преемникъ св. Θеодосія на игуменствѣ, скоро согнанный съ послѣдняго братіей неизвѣстно за что, поставленный въ епископы когда-то до 1091 г. и умершій 27 Апрѣля 1094 года; 3. Амфилохій, поставленный 27 Августа 1105 года, умершій въ 1122 г., 4. Симеонъ, преемникъ Амфилохія, поставленный въ 1123 г., умершій въ 1136 г. [4]), 5. Θеодоръ скопецъ, преемникъ Симеона, поставленный 1137 г., упоминаемый подъ 1147 г.; епископы, бывшіе при Даніилѣ (1205 — 1264) и Василькѣ Романовичахъ, называемые лѣтописцемъ безъ показанія лѣтъ: Іоасафъ [5]) и Василій — оба изъ постриженниковъ находившагося близъ Владиміра монастыря Святая гора, Никифоръ Станило, прежде бывшій слуга (бояринъ) Василька, и Косьма [6]).

Каθедральнымъ соборомъ епископовъ Владимірскихъ была церковь св. Богородицы, которая до Мстислава Изяславича вѣроятно была деревянная, а симъ послѣднимъ построена каменная [7]). Объ украшеніи новой церкви ея строителемъ Никоновская лѣтопись пишетъ подъ 1160 г.: «тогоже лѣта князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь во Володимирѣ Волынскомъ и украси ю

---

1) Ипатск. лѣтоп. подъ 1231 г., 2 изд. стр. 510.

2) Ibid. стр. 605.

3) Никон. лѣт. 1, 105. Въ Исторіи Іерархіи, стр. 220, передъ Стефаномъ 1-мъ Θома грекъ съ 988 (?).

4) По исторіи Іерархіи—святый, изъ игуменовъ Печерскихъ.

5) Въ Новгород. 1-й лѣтоп. упоминаемый подъ 1229 г.

6) Ипатск. лѣт. подъ 1223 г. Въ одной XVIII в. латинской рукописи, принадлежащей библіотекѣ уніатской Перемышльской епископіи, читается слѣдующій списокъ епископовъ Владимірскихъ, заимствованный будто бы изъ древней записи (ex antiqua charta): Ioannes, Antonius, Anythi (sic), Codrius (sic), Helias, Stephanus, Symeon, Theodorus, Laurentius, Procopius, Antonius, Asaph, Basilius, Nicephorus, Cosmas..., см. въ Галичскомъ историческомъ Сборникѣ, вып. 1, Львовъ 1853, статью А. Петрушевича: О соборной церкви и святителяхъ въ Галичѣ, стр. 145 прим.

7) *Карамз.* III, примѣч. 3.

дивно святыми и драгими иконами и книгами и вещми и многими чудными и священными сосуды златыми и съ бисеромъ и съ каменіемъ драгимъ»[1]).

4. Епархія Новгородская.

Рядъ епископовъ Новгородскихъ извѣстенъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ самаго начала, ибо Новгородцы, ведшіе свои собственныя лѣтописныя записи, неупустительно отмѣтили смѣну своихъ владыкъ въ этихъ послѣднихъ[2]). Впрочемъ за хронологическую достовѣрность древнѣйшаго времени далеко нельзя ручаться.

1. Іоакимъ Корсунянинъ, первый поставленный при Владимирѣ, крестившій Новгородцевъ и правившій весьма долго—въ продолженіе 40 лѣтъ, до 1030 года. Въ соборные храмы для своей каѳедры онъ построилъ деревянную церковь св. Софіи о 13 верхахъ, которая, бывъ честно устроена и украшена, стояла не на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ построена каменная, а «конець епископли улицы надъ рѣкою надъ Волховомъ», гдѣ послѣ Соткою Сытиничемъ была поставлена церковь Бориса и Глѣба, и которая сгорѣла въ 1045 году. Въ одной Новгородской лѣтописи[3]) читается, что Іоакимъ назначилъ въ преемники себѣ ученика своего Ефрема, но что этотъ Ефремъ, завѣдывавъ епархіей въ продолженіе 5 лѣтъ послѣ смерти Іоакима, святительства не сподобился.

2. Лука Жидята или Жирята, считаемый, едва ли впрочемъ справедливо, между всѣми русскими епископами первымъ изъ природныхъ Русскихъ, поставленъ былъ Ярославомъ, вѣроятно, бывъ приведенъ изъ Кіева, въ 1036 (—4) г. Въ 1045 г. вмѣстѣ съ Новгородскимъ княземъ Владимиромъ, сыномъ Ярослава, онъ заложилъ, на мѣсто сгорѣвшей деревянной св. Софіи каменную, донынѣ существующую, которая была окончена строеніемъ и освящена въ 1052 г. Въ 1055 г., по оклеветанію своего холопа Дудика въ неподобныхъ рѣчахъ, онъ позванъ былъ въ Кіевъ на судъ къ митрополиту Ефрему, которымъ былъ осужденъ и держанъ въ Кіевѣ въ заключеніи въ продолженіи трехъ лѣтъ, послѣ чего оправданный возвратился на каѳедру. Умеръ послѣ 23 лѣтняго правленія 15 Октября 1059 (—60) г.

3. Стефанъ, поставленный въ 1061 (—60) г., правившій въ продолженіе 8 лѣтъ и умершій въ Кіевѣ въ 1068 г., именно — удавленный своими холопами.

4. Ѳеодоръ, поставленный въ 1069 году, правившій 9 лѣтъ и умершій въ 1077 году: «свой его песъ уяде и отъ того умре». При этомъ Ѳеодорѣ являлся

---

[1]) II, 189.

[2]) Изъ лѣтописей Новгородскихъ заимствуемъ и свѣдѣнія о Новгородскихъ епископахъ (до 1008 г., до смерти епископа Никиты, изъ 2-й и 3-й Новгородскихъ лѣтописей и изъ Краткаго лѣтописца Новгородскихъ владыкъ, напечатаннаго въ приложеніи ко 2-й Новгор. лѣтописи, а съ 1108 г. изъ 1-й Новгородской лѣтописи).

[3]) 3-й, подъ 1030 г.

въ Новгородѣ волхвъ, увлекшій на свою сторону всѣхъ жителей, которые хотѣли убить его — епископа и отъ руки которыхъ онъ избавленъ былъ смѣлостію и находчивостью тогдашняго Новгородскаго князя Глѣба Святославича.

5. Германъ изъ монаховъ Печерскихъ [1]), поставленный въ 1078 г. и, послѣ 18 — лѣтняго правленія, умершій въ 1096 (—95) г.

6. Никита, изъ подвижниковъ Печерскихъ, поставленный въ томъ же 1096 г. [2]), послѣ 13 лѣтняго правленія умершій 30 Января 1108 г. (Объ его подвигахъ и искушеніи, съ нимъ случившемся въ Печерскомъ монастырѣ, см. въ Печерскомъ Патерикѣ, Поликарпа повѣсть 1-я).

7. Іоаннъ попинъ т. е. изъ бѣлыхъ священниковъ [3]), поставленный въ 1110 г. (прибывшій въ Новгородъ съ поставленія 20 Декабря); послѣ 20-лѣтняго правленія отказавшійся отъ епископіи въ 1129 (—30) г. [4]).

8. Нифонтъ, изъ монаховъ Печерскихъ поставленный въ 1129 г., прибывшій на каѳедру 1 Января 1130 г. Въ 1134 г. приходилъ въ Новгородѣ, вѣроятно, по прошенію Нифонта и, вѣроятно, для успокоенія здѣшнихъ волненій, митрополитъ Михаилъ. Въ слѣдующемъ 1135 г. самъ Нифонтъ ходилъ въ Русь — въ Кіевъ — мирить Кіевлянъ съ Черниговцами. Въ 1137 г. онъ не дозволилъ своимъ священникамъ вѣнчать незаконный, по его мнѣнію, бракъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича. Въ 1141 г. ходилъ въ Кіевъ съ лѣпшими людьми по новаго Новгородскаго князя и здѣсь, привлекши на себя съ прочими послами гнѣвъ великаго князя, сидѣлъ въ заключеніи 9 мѣсяцевъ. Въ 1144 г. исписалъ честно всѣ притворы въ св. Софіи. Въ 1145 году не приказалъ пѣть надъ двумя утонувшими (вѣроятно въ пьяномъ видѣ) попами. Въ 1147 г. ходилъ «мира дѣля» въ Суздаль къ Юрію Долгорукому и принятъ былъ отъ него съ великою честію, достигнувъ вполнѣ цѣли путешествія. Съ того же 1147 г. принималъ весьма живое участіе въ дѣлѣ митрополита Климента, котораго былъ противникомъ [5]). Въ 1149 году митрополитомъ Климентомъ и великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ былъ посаженъ въ заключеніе въ Печерскомъ монастырѣ, въ которомъ находился, не знаемъ сколько менѣе года, до отнятія Кіева у Изяслава Юріемъ Долгорукимъ (въ томъ же 1149 г.). Въ 1151 г. «поби святую Софію свинцомъ

---

[1]) По Строеву, изъ игуменовъ Кіево-Спасскаго монастыря (т. е. принимаемый имъ за того Германа, который въ первоначальной Кіевской лѣтописи упоминается подъ 1072 г.).

[2]) Что не позднѣе, см. Лаврент. и Ипатск. лѣтоп. подъ симъ годомъ.

[3]) Въ другихъ—попынинъ, что есть, полагаемъ, ошибка или древняя особенная форма вмѣсто попинъ.

[4]) Въ Тверск. лѣтоп.: «тогоже лѣта архіепископъ Іоань *пьянь* отверъжеся Новгородскіа епископіа сѣдѣвъ 20 лѣтъ». Впрочемъ очень можетъ быть, что пьянь явилось изъ попинъ.

[5]) Въ 1148 г. ходилъ въ Суздаль къ Юрію Долгорукому (см. запись на антиминсѣ въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка *И. И. Срезневскаго*, Спб., 1863, стр. 30), вѣроятно, для возбужденія его противъ Климента.

всю прямь, известію маза всю около». Въ 1154 г. ходилъ къ Юрію просить его сына Мистислава въ Новгородскіе князья. Умеръ послѣ 26 лѣтняго правленія 21 Апряля 1156 года въ Кіевѣ, въ который отправился для встрѣчи новаго митрополита, шедшаго изъ Константинополя. Погребенъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и донынѣ находятся его мощи въ Антоніевыхъ или ближнихъ пещерахъ. Въ записи лѣтописца о смерти Нифонта читается: «тояже (указанной) веснѣ преставися архіепископъ (sic) Нифонтъ Апрѣля въ 21, шелъ бяше Кіеву противу митрополита, иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Софію (т. е. ограбивъ ея казну) пошелъ Царю-граду, и много глаголаху на нь, но себѣ на грѣхъ, семъ бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софію? Притворы исписа, кивотъ створи и всю извну украси, а Плесковѣ святаго Спаса созда камену (Мирожскій монастырь), другую въ Ладозѣ святаго Климента (въ 1153 г.); мню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ па утѣху гроба его, отведе и́ Кыеву и тамо преставися».

9. Аркадій, начинающій собою рядъ Новгородскихъ епископовъ изъ природныхъ Новгородцевъ, которыхъ избирали и назначали сами граждане. Онъ выбранъ былъ всѣмъ собравшимся на вѣче населеніемъ города изъ игуменовъ имъ самимъ построеннаго монастыря св. Богородицы (Аркажа) въ томъ же 1156 г. Безъ посвященія вѣдалъ епископью во дворѣ св. Софіи до 1158 г. [1]); посвященный въ этомъ послѣднемъ году, правилъ еще 6 лѣтъ и умеръ 18 Сентября 1163 г.

10. Илія, выбранный въ 1164 г. изъ священниковъ церкви св. Власія на Волосовой улицѣ, посвященный въ 1165 г. (28 Марта) и послѣ 21-лѣтняго правленія умершій 7-го Сентября 1186 г. По свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, или въ самый годъ посвященія или на третій годъ послѣ него получилъ отъ митрополита Кіевскаго Іоанна санъ архіепископа. Въ 1169 г. было при семъ епископѣ нашествіе Суздальцевъ на Новгородъ, по поводу котораго установленъ праздникъ Знаменія (о немъ ниже). Въ области легендарной онъ знаменитъ своимъ путешествіемъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ. Передъ смертію (но не передъ поставленіемъ) онъ постригся въ монахи съ именемъ Іоанна.

11. Гавріилъ, родной братъ Иліи, избранный въ томъ же 1186 г., поставленный 29 марта 1187 г., правившій въ продолженіе 8 лѣтъ и умершій 7 мая 1193 г., передъ смертію также постригшійся въ монахи съ именемъ Григорія.

12. Мартирій. Объ его избраніи, совершонномъ въ томъ же 1193 году посредствомъ жеребья, въ Новгородской лѣтописи читается: «Новгородци съ княземъ Ярославомъ и съ игумены и съ Софьяны и съ попы гадаша промежу себѣ (о преемникѣ Гавріилу) — сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина, и бысть распря въ нихъ; и положиша на святѣй трапезѣ тріе жребія и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дасть, и вынеся Бо-

———————

1) Предположенія относительно того, почему Аркадій оставался долго безъ посвященія, мы высказали выше.

жіею благодатію Мартурія». Онъ былъ приведенъ изъ Русы, гдѣ былъ игуменомъ имъ самимъ основаннаго монастыря. Поставленный 16 Декабря тогоже 1193 года, былъ на каѳедрѣ въ продолженіе 6 лѣтъ и умеръ 24 Августа 1199 года.

13. Митрофанъ, вѣроятно тотъ, о которомъ выше, не избранный самими Новгородцами, а поставленный вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ, въ томъ же 1199 году и послѣ 10-лѣтняго правленія сведенный съ престола въ 1211 году, о чемъ въ лѣтописи читается: «того же лѣта на зиму, мѣсяца Генваря въ 22 на святаго Климента, злодѣй исперва, не хотя добра, зависть вложи людемъ на архіепископа Митрофана съ княземъ Мстиславомъ и не даша ему правитися и ведоша й въ Торопець».

14. Антоній, постриженикъ Хутынскаго монастыря, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ, ходившій въ Константинополь, въ которомъ былъ въ 1200 году, привезшій изъ него «гробъ Господень» и написавшій Цареградскій Паломникъ, избранный въ томъ же 1211 году и, послѣ 8-лѣтняго правленія, въ 1219 году замѣненный опять Митрофаномъ (изъ Новгорода Антоній удалился къ митрополиту, отъ котораго получилъ епископію Перемышльскую).

15. Митрофанъ, во вторый разъ, въ продолженіи 4 лѣтъ, умеръ 3 іюля 1223 г.

16. Арсеній, чернецъ Хутынскій, мужъ добрый и зѣло боящійся Бога, избранный въ самый день смерти Митрофана, но послѣ 2-лѣтняго правленія безъ посвященія въ 1225 г. уступившій мѣсто снова Антонію (возвратившемуся изъ Перемышля).

17. Антоній, во вторый разъ впродолженіе трехъ лѣтъ до 1228 г., когда больной и онѣмѣлый сошелъ на Хутынь по своей волѣ.

18. Арсеній чернецъ во второй разъ не на долгое время, согнанный въ томъ же 1228 году съ великимъ безчестіемъ и бывшій причиной, не ясно почему, народнаго междоусобія. У лѣтописца читаемъ: «тъгдаже окаянный діаволъ, исперва нехотяи добра роду человѣчу, въздвиже на Арсенія, мужа кротка и смѣрена, крамолу велику — простую чадь, и створше вѣче на Ярославли дворѣ и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоитъ тепло долго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мзду князю, и аки злодѣя пьхающе за воротъ (sic) выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смерти — затворися въ церкви святѣй Софіи (и) иде на Хутино», — за тѣмъ описывается народный бунтъ, въ которомъ были разграблены домы нѣкоторыхъ городскихъ и архіепископскихъ чиновниковъ, обвинявшихся въ томъ, что они «на зло князя водятъ» (Послѣ Арсеній былъ игуменомъ на Хутыни и въ Юрьевомъ монастырѣ).

19. Антоній, въ третій разъ, приведенный изъ Хутыни на другой день послѣ согнанія Арсенія и управлявшій при помощи двухъ посаженныхъ съ нимъ мужей. Былъ недолго до слѣдующаго 1229 года, послѣ чего умеръ на покоѣ въ 1232 г., страдавъ болѣзнію и онѣмѣніемъ 6 съ половиной лѣтъ.

20. Спиридонъ, изъ іеродіаконовъ Юрьева монастыря. Подобно Мартирію и по той же причинѣ избранъ посредствомъ жеребья въ томъ же 1229 году (три жеребья положены были на святой трапезѣ и одинъ изъ нихъ вынималъ послан-

ный изъ владычней гридницы княжичъ Ростиславъ, сынъ тогдашняго Новгородскаго князя Михаила Черниговскаго). Посвященный въ архіепископы въ 1230 году (4 марта), сидѣлъ на престолѣ въ продолженіе 20 лѣтъ и умеръ въ 1249 г.

Епархія Новгородская, обнимавшая всю землю и всѣ владѣнія Новгородскія. и относительно была самой обширной епархіей періода до-монгольскаго и безотносительно епархіей чрезвычайно обширной. Государство Великаго Новгорода составляли: во-первыхъ, область или волость Новгородская въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ, во-вторыхъ—владѣнія внѣшнія или, такъ сказать, колоніи. Собственная область Новгородская обнимала около двухъ третей нынѣшней губерніи Новгородской безъ сѣверо-восточной Бѣлозерской трети, затѣмъ нѣкоторую часть губерніи Тверской невступно до Бѣжецка, Торжка и Осташкова, большую половину губерніи Псковской по черту, проведенную съ сѣвера па югъ на половинѣ разстоянія между Порховомъ и Псковомъ (со включеніемъ угла Холмско-Торопецко-Великолуцкаго), всю губернію Санктпетербургскую, часть Финляндіи по 47 градусъ широты и до 64 гр. долготы, около двухъ третей губерніи Петрозаводской приблизительно по 55 градусъ широты на востокѣ и ту сѣверную часть губерніи Архангельской до моря, которая на сѣверѣ противъ помянутой части губерніи Петрозаводской. Внѣшнія владѣнія или колоніи Новгородцевъ составляли: во-первыхъ, ближайшіе къ Новгороду: Волокъ Ламскій (Волоколамскъ), Торжокъ, Вѣжичи или нынѣшній Бѣжецкъ и Вологда съ ихъ бóльшими или меньшими волостями; во-вторыхъ, отдаленнѣйшія: область Трѣ или Тѣрь, подъ которою разумѣется Кольская Лапландія [1]), Двинское Заволочье отъ Онѣги до сѣверной Двины и отъ послѣдней до Мезени, Печора отъ Мезени до Печоры и Югра по ту сторону Урала въ Сибири. Впрочемъ, чрезвычайная земельная обширность Новгородской епархіи вовсе не означаетъ таковой же многочисленности паствы Новгородскихъ епископовъ; напротивъ, по количеству христіанскихъ душъ, епархія, вѣроятно, принадлежала къ числу самыхъ послѣднихъ, ибо населеніе Новгородскихъ безмѣрно пространныхъ владѣній въ наибольшей части было инородческое и языческое. Къ епархіи Новгородской принадлежалъ Псковъ съ его областію. Послѣдняя была весьма незначительна и гораздо менѣе нынѣшней губерніи Псковской. именно — она представляла изъ себя полосу по обѣимъ берегамъ рѣки Великой, по восточную сторону рѣки столько же широкую, сколько въ настоящее время она широка по западную отъ губерній Лифляндской и Витебской.

О каѳедральномъ храмѣ епископовъ Новгородскихъ св. Софіи обстоятельно мы скажемъ ниже, въ главѣ о богослуженіи, въ отдѣлѣ о церковной архитектурѣ.

5. Епархія Ростовская.

Объ учрежденіи епархіи Ростовской и ея первыхъ четырехъ епископовъ: Ѳеодорѣ, Иларіонѣ, Леонтіи и Исаіи мы говорили выше. Изъ преемниковъ Исаіи

---

[1]) Названіе области Шведско-варяжское и значитъ—Лѣсная страна, см. Лерберга Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, въ переводѣ Д. Языкова, Спб. 1819, стр. 165.

извѣстны: 5. Ефремъ, изъ монахомъ Печерскихъ, бывшій при Владимирѣ Мономахѣ [1]) и по всей вѣроятности непосредственный преемникъ Исаіи; 6. Несторъ, упоминаемый подъ 1149 г. [2]), въ 1156 г. оклеветанный предъ митрополитомъ отъ своихъ домашнихъ и подпавшій запрещенію [3]), въ 1157 г. оправдавшійся предъ митрополитомъ, но въ томъ же году изгнанный съ каѳедры Андреемъ Боголюбскимъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ [4]); 7. Леонъ или Леонтій, преемникъ Нестора, пришедшій на его мѣсто въ 1158 г., въ слѣдующемъ 1159 г. прогнанный Ростовцами и Суздальцами, «зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы», вскорѣ снова возвратившійся на каѳедру, въ 1162 г. опять прогнанный Боголюбскимъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ, и въ томъ же году возвращенный княземъ, но на одинъ Ростовъ безъ Суздаля; 8. Ѳеодоръ или Ѳедорецъ, лишонный престола и казненный въ 1170 г. [5]), — тотъ, о которомъ обстоятельнѣе говорили мы выше; 9. Леонъ, умершій въ 1183 г. или передъ симъ годомъ [6]), можетъ быть опять тотъ же, что выше; 10. Николай Грекъ, поставленный было митрополитомъ, но не принятый великимъ княземъ и переведенный первымъ въ Полоцкъ [7]); 11. Лука изъ игуменовъ Кіевскаго Спасо-Берестовскаго монастыря, поставленный въ 1185 г. (11 Марта) и умершій въ 1189 г. (10 ноября), по лѣтописцу «смиренный духомъ и кроткій»; 12. Іоаннъ, преемникъ Луки, бывшій до поставленія духовникомъ великаго князя Всеволода Юрьевича, поставленный въ 1190 г. (23 Января) и отписавшійся епископіи въ 1214 г., послѣ чего постригся въ черницы въ монастырѣ Боголюбовомъ [8]); 13. Пахомій, преемникъ Луки, изъ игуменовъ Ростовскаго монастыря св. Петра; бывшій духовникомъ Ростовскаго князя Константина Всеволодовича, поставленный въ томъ же 1214 г. и умершій въ 1216 г., весьма похваляемый лѣтописецъ, какъ истинный пастырь, а не наемникъ, отличавшійся нестяжательностію, заботливостію о сиротахъ и вдовицахъ, кротостію ко всякому и исполненный книжнаго ученія; 14. Кириллъ I-й, изъ монаховъ Суздальскаго монастыря св. Димитрія, поставленный въ томъ же 1216 г., оставившій епископію и потомъ лишонный всего своего, весьма большаго, имѣнія въ 1229 г., — о немъ мы говорили выше; 15. Кирилъ 2-й, изъ игуменовъ Владимирскаго Рождественскаго

---

1) Лавр. лѣтоп. подъ 1222 г.

2) Въ записи на одномъ антиминсѣ, см. *И. И. Срезневскаго*—Древніе памятники Русскаго письма и языка, стр. 30.

3) Лаврент. и *Никоновск.* лѣт.

4) Никон. лѣт.

5) Исторія Іерархіи, 115, называетъ его иначе Ѳеодуломъ.

6) Ипатск. лѣт. подъ 1183 г., изд. 2 стр. 425.

7) Ibid.

8) Въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сообщается иное противъ лѣтописи Лаврентьевской объ удаленіи Іоанна съ каѳедры, а именно: «того же лѣта (1214) Володимирци съ княземъ своимъ Гюрьемъ изгнаша Іоанна изъ епископьства, зане не право творяше» (Временника кн. 9, стр. 112).

монастыря, избраный въ 1230 г., поставленный въ 1231 г. и управлявшій епархіей въ продолженіе 30 слишкомъ лѣтъ, до 1262 г. († 21 мая); изображается лѣтописцимъ какъ пастырь своего времени знаменитый, ничимъ же оставшій прежнихъ Ростовскихъ епископовъ, весьма учительный, собиравшій для слушанія своего ученія отъ святыхъ книгъ въ соборную церковь не только жителей Ростова, но и изъ окрестныхъ градъ и украсившій помянутую церковь иконами многоцѣнными, ихъ же нѣсть мощи и сказати, кивотами, сосудами, рипидьями и множествомъ всякихъ узорій (обстоятельнѣе о семъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ) [1].

Епархія Ростовская обнимала область собственно Ростовскую съ соединенною съ ней Бѣлоозерскою и область Суздальскую (послѣднюю до открытія епархіи Владимирской). По имени второй области епископы Ростовскіе называются иногда Суздальскими, а по имени города Владимира, который со времени Андрея Боголюбскаго сдѣлался столицею великихъ князей и въ которомъ епископы Ростовскіе нерѣдко бывали и живали у послѣднихъ, называются также Владимирскими. Собственная область Ростовская обнимала приблизительно нынѣшнюю губернію Ярославскую, а что касается до Бѣлоозерья, то его предѣлы не могутъ быть опредѣлены съ точностію: на сѣверъ отъ нынѣшней губерніи Ярославской оно простиралось неменѣе какъ по города Каргополь и Устюгъ включительно и отъ запада къ востоку имѣло протяженія не менѣе какъ отъ одного города до другаго [2]), но за исключеніемъ Вологды, которая съ своей волостью, какъ мы сказали сейчасъ выше, принадлежала Новгороду. Объ области Судальской скажемъ ниже въ епархіи Суздальской.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Ростовскихъ былъ храмъ Успенія Божіей Матери, который былъ строимъ нѣсколько разъ. Впервые его построилъ изъ дерева первый Ростовскій епископъ Ѳеодоръ. Этотъ деревянный храмъ, который лѣтописецъ называетъ дивною и великою церковію, якоже не было ни будетъ, стоялъ до 1160 г., въ которомъ сгорѣлъ. Второй храмъ, каменный, былъ заложенъ Ростовцами въ 1164 г. и существовалъ весьма недолго — до 1211 года, когда въ случившемся пожарѣ обгорѣлъ и палъ. Третій храмъ былъ заложенъ Ростовскимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1213 г.

---

[1]) Въ позднѣйшихъ каталогахъ и синодикахъ епископы Ростовскіе перечисляются въ такомъ порядкѣ: Ѳеодоръ, Ѳеогностъ, Ѳеодоръ, Ларіонъ, Ѳеогностъ, Ѳеодоръ, Леонтій чудотворецъ, Ларіонъ, Исаія чудотворецъ, Ефремъ, Несторъ, Леонъ, Лука, Іоаннъ, Пахомій, Симонъ, Киріакъ, Митрофанъ, Кириллъ, Кириллъ же... (изъ числа 5 послѣднихъ Симонъ и Митрофанъ очевидно Владимирскіе),—такъ называемая Типографская лѣтопись стр. 208 и Румянц. Муз. у *Восток.*, стр. 573, col. 1 fin.

[2]) Что Устюгъ принадлежалъ къ епархіи Ростовской, извѣстно положительно. Что Каргополь принадлежалъ не къ области Новгородской, а Ростовской, видно изъ того, что Юрій Долгорукій сослалъ въ него извѣстнаго Данила заточеника.

6. Епархія Туровская.

Туровъ, въ настоящее время мѣстечко Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, находящееся на рѣкѣ Припети, на половинѣ разстоянія между городами Мозырью и Пинскомъ.

Княжество Туровское — область предъисторическихъ Дряговичей или Болотниковъ. По свидѣтельству лѣтописи, городъ Туровъ и княжество основаны Варягомъ Туры или Туромъ, который въ правленіе Святослава или Ольги послѣ Игоря пришолъ изъ заморья вмѣстѣ съ другимъ Варягомъ Рогвольдомъ, основавшимъ княжество Полоцкое [1]). Владиміръ отдалъ Туровъ въ удѣлъ старшему сыну Святополку, Ярославъ также старшему сыну Изяславу.. За родомъ послѣдняго Туровъ и остался, бывъ однако нерѣдко отнимаемъ сторонними князьями (изъ чужихъ особенно долго владѣли имъ Мономаховичи).

Въ настоящее время извѣстны епископы Туровскіе: 1. Сумеонъ, 2. Игнатій, 3. Іоакимъ и 4. Георгій, упоминаемые въ одномъ изъ разсказовъ о чудесахъ Бориса и Глѣба, какъ преемствовавшіе другъ другу [2]); изъ нихъ объ Іоакимѣ извѣстно по лѣтописи, что онъ поставленъ въ 1144 г. и навсегда или на время изъ-за смѣны князей низведенъ въ 1146 г., — этимъ приблизительно опредѣляется время жизни и остальныхъ. Затѣмъ, 5. св. Кириллъ, знаменитый проповѣдникъ, неизвѣстно съ какого и по какое время и 6. Лаврентій изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый подъ 1182 г. [3]).

Епархія Туровская обнимала княжество Туровское; но предѣлы этого послѣдняго не могутъ быть опредѣлены съ особою точностью. Къ Турову принадлежали

---

[1]) Подъ 980 г.

[2]) Въ словѣ о Мартынѣ мнисѣ Туровскомъ.

[3]) Въ позднѣйшихъ каталогахъ, которымъ слѣдуетъ авторъ Исторіи Іерархіи (Туровск. еп., стр. 225) и которымъ въ нашемъ случаѣ слѣдуетъ исторіографъ Туровской епархіи архим. Николай (Историко-статистическое описаніе Минской епархіи, составленное ректоромъ Минской духовной семинаріи, архимандритомъ Николаемъ,—Спб., 1864; о Туровской епархіи, предшествовавшей Минской, стр. 51 sqq) рядъ епископовъ Туровскихъ нѣсколько удлиненъ, именно: Сумеонъ, Игнатій, Іоакимъ 1-й, Георгій, Кириллъ 1-й съ 1114 по 1120 г., Іоакимъ 2-й съ 1144 г., Іоаннъ съ 1146 г., Кириллъ 2-й (проповѣдникъ), Лаврентій. Но Іоаннъ взятъ неизвѣстно откуда (Татищевымъ II, 279), а о посвященіи Кирилла 1114 г. записано въ лѣтописи (Лаврент.) безъ обозначенія епархіи («томъ же лѣтѣ поставиша Кирила епископомъ») и вовсе ни откуда неизвѣстно и нѣтъ совсѣмъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ былъ именно Туровскій (первоначально предположили это о Кириллѣ проповѣдникѣ, неправильно относя его жизнь къ началу XII в.). Затѣмъ, несомнѣнно, что въ Іоакимѣ, предшественникѣ Георгія и Іоакимѣ 1144 г. нужно видѣть не два лица, а одно: какъ современникъ Георгія, упоминается князь Ярославъ Георгіевичъ (въ сказаніи о Мартынѣ), подъ которымъ долженъ быть ра-

Пинскъ, Берестіе,—нынѣшній Брестъ-Литовскій, Слуцкъ, Клеческъ,—нынѣ Клецкъ, мѣстечко или селеніе Минской губерніи близъ границы съ Гродненской на западо-сѣверо-западъ отъ Слуцка; слѣдовательно, княжество Туровское обнимало южную бо́льшую половину нынѣшней губерніи Минской и южную часть губерніи Гродненской (и, вѣроятно, нѣкоторую сѣверную часть и губерніи Волынской).

Туровскіе Изяславичи, игравшіе весьма незначительную роль среди князей, не смотря на свое старшинство, какъ кажется, не особенно заботились о церковномъ благоукрашеніи своего родоваго стольнаго города. Нѣтъ въ лѣтописяхъ совершенно никакихъ упоминаній ни о каѳедральномъ храмѣ епископовъ туровскихъ, ни вообще о какой бы то ни было церкви въ Туровѣ [1]).

Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ редакціи Печерскаго архимандрита Іосифа Тризны (1647—1656, см. статью Ундольскаго: «Іосифъ Тризна, редакторъ Патерика Печерскаго»), по рукописи Троицкой Лаврской библіотеки № 714, помѣщенъ подъ заглавіемъ: «О поставленіи Туровской епископіи», будто бы данный епископіи св. Владиміромъ уставъ (лл. 73 и 74). О времени учрежденія епископіи, ея первомъ епископѣ и объ ея предѣлахъ въ уставѣ говорится: «третіе (послѣ чего третіе, не сказано) богомоліе епископію постави (хъ) въ Туровѣ въ лѣто 6513 (sic) и придахъ къ ней городы съ погосты въ послушаніе и священіе, и благословеніе держати себѣ Туровской епископіи: Пинскъ, Новгородъ, Городенъ, Берестье, Волковыескъ, Здитовъ, Неблестепасъ, Дубровица, Высочко, Случескъ, Копысь, Ляховъ, Городокъ, Смѣдянь, и поставихъ перваго епискупа Ѳому, и придахъ села, винограды, земли бортные, волости со всѣми придатки... Святому Спасу и Святѣй Богородицы».

7. Епархія Полоцкая.

Полочане или Полоцкіе Кривичи были, по лѣтописи, въ числѣ призвавшихъ Рюрика, который посадилъ у нихъ въ Полоцкѣ своего мужа или посадника. При

зумѣемъ Ярославъ Георгіевичъ, внукъ Святополка и правнукъ Изяслава, князь Пинскій, упоминаемый въ лѣтописи (Ипатск.) подъ 1183 г. и умершій неизвѣстно когда послѣ; изъ этого времени жизни еп. Георгія ясно, что предшественникъ его есть Іоакимъ 1144 года.

[1]) Въ настоящее время въ Туровѣ четыре церкви, всѣ новой постройки: Преображенская, Ильинская, Петропавловская приписная и Всѣхъ Святыхъ кладбищенская (архим. Николай стр. 275). По мѣстному преданію, мощи св. Кирилла (проповѣдника) должны находиться на Борисо-Глѣбскомъ кладбищѣ (ibid. стр. 52), которое, вѣроятно, на мѣстѣ древняго епископля монастыря свв. Бориса и Глѣба, бывшаго «на болоньи» (Сказаніе о мнихѣ Мартынѣ). Но едва ли вѣроятно предполагать (какъ предполагаетъ *Калайдовичъ* въ предисл. къ Словамъ Кирилла Туровскаго, въ Памятн. Росс. Слов.), чтобы каѳедра епископовъ была въ загородномъ монастырѣ; если справедливо указанное преданіе, то въ немъ должна быть полагаема только усыпальница епископовъ.

Святославѣ или Ольгѣ, какъ сказали мы сейчасъ выше, пришедшій изъ-за моря Варягъ Рогвольдъ основалъ въ Полоцкѣ особое княжество. Но Владиміръ, женившись въ 978 г. на его дочери Рогнѣдѣ, а его самого убивъ, снова присоединилъ его владѣнія ко всей остальной Руси. При своемъ раздѣленіи послѣдней на удѣлы, онъ отдалъ Полоцкъ старшему сыну отъ Рогнѣды — Изяславу. Потомки этого Изяслава, въ слѣдствіе того обстоятельства, что онъ умеръ прежде отца (1001 г.), потерявшіе право въ участіи на престолъ великокняжескій и какъ бы выдѣленные и выбывшіе изъ рода и были князьями Полоцкими (по знаменитому внуку Изяслава Всеславу — Всеславичи), прославившись главнымъ образомъ своей враждой къ роду Ярославову и своими безпокойными характерами. Въ 1190 г. часть княжества, съ городомъ Полоцкомъ въ томъ числѣ, покорили сосѣдніе съ запада Литовцы, а затѣмъ вскорѣ оно и совсѣмъ прекратило свое существованіе, бывъ раздѣлено между Литовцами и явившимися въ устьи Двины Нѣмецкими Меченосцами.

Извѣстны въ настоящее время епископы Полоцкіе: 1. Мина, изъ монаховъ Кіевопечерскихъ, поставленный 13 декабря 1104 г., умершій 20 іюня 1116 г., 2. Илія, упоминаемый до 1128 г. [1]), 3. Козма, поставленный въ 1143 г., 4. Діонисій, поставленный до 1169 г. [2]) и умершій въ 1183 г., 5. Николай Грекъ, поставленный сначала митрополитомъ Никифоромъ въ Ростовъ, но тамъ не принятый великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и переведенный митрополитомъ въ Полоцкъ на мѣсто Діонисія, 6. Не названный по имени, упоминаемый подъ 1218 г., — по всей вѣроятности тотъ же Николай [3]), 7. Алексѣй, упоминаемый подъ 1231 г.

Княжество Полоцкое обнимало нынѣшнюю губернію Витебскую, сѣверную половину губерніи Минской по г. Минскъ включительно, весьма вѣроятно заднѣпровскую часть губерніи Могилевской и, можетъ быть, нѣкоторую небольшую часть губерніи Виленской.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Полоцкихъ была церковь св. Софіи [4]), о

---

[1]) Въ житіи Евфросиніи Полоцкой (которое читается въ Степенной книгѣ I, 269, а исправнѣе напечатано въ Памятникахъ Кушелева-Безбородки IV, 172). Онъ упоминается при князѣ Борисѣ Всеславичѣ, а сей послѣдній † 1128 г.

[2]) Діонисій былъ епископомъ Полоцкимъ при отправленіи преп. Евфросиніи въ Іерусалимъ (ibid. стр. 177, col. 2), а Евфросинія отправилась до 1169 г., ибо при патр. Константиноп. Лукѣ Хризовергѣ, который 1156—1169.

[3]) Въ Лаврент. лѣт. подъ 1218 г.: «того же лѣта приде епископъ Полотьской изъ Цесаряграда къ великому князю Костантину Володимерь... и принесе ему етеру часть отъ страстій отъ Господень» и пр. «Володимерь» тутъ значитъ въ городъ Владиміръ, но нѣкоторыя лѣтописи (такъ называемая Тверская) и въ слѣдъ за ними нѣкоторые изслѣдователи (въ томъ числѣ Строевъ въ Спискахъ) ошибочно разумѣютъ это «Володимерь» какъ собственнное имя епископа. Епископа съ именемъ Владиміра въ періодъ домонгольскій не могло быть, ибо пока св. Владиміръ равноапостольный не былъ причисленъ къ лику святыхъ, имя Владиміра было народнымъ, но не было церковнымъ.

[4]) Житіе Евфросиніи.

которой въ словѣ о Полку Игоревомъ читается: «въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы» [1]).

Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ О. Турчиновича. Спб. 1857.

8. Епархія Тмутараканская.

Княжество Тмутараканское, разъяснять весьма темный вопросъ о началѣ котораго до насъ не относится, находилось на полуостровѣ Тамани, отдѣляющемъ вмѣстѣ съ противолежащимъ Керченскимъ полуостровомъ Крыма Азовское море отъ Чернаго. Владимиръ отдалъ его въ удѣлъ сыну своему Мстиславу, который въ 1024 г. овладѣлъ половиной Руси по Днѣпръ и перешолъ въ Черниговъ, а въ 1036 г. умеръ, не имѣя наслѣдниковъ и оставивъ всѣ свои владѣнія Ярославу. При новомъ раздѣленіи Россіи на удѣлы симъ послѣднимъ, Тмутаракань присоединена была къ княжеству Черниговскому, которое досталось его второму сыну Святославу, пославшему сидѣть въ ней своего сына Глѣба. У Глѣба въ 1064 г. отнялъ Тмутаракань Ростиславъ Владимировичъ, внукъ Ярославовъ отъ его старшаго сына, умершаго прежде него самого, Владимира Новгородскаго. Послѣ смерти Ростислава (1066 г.) князья Черниговскіе снова возвратили себѣ Тмутаракань, отнявъ ее у малолѣтнихъ дѣтей перваго, и тамъ сѣлъ княжить братъ Глѣбовъ—Романъ. Послѣ смерти Святослава (1076 г.), когда его сыновья были лишены удѣловъ, здѣсь имѣлъ убѣжище и другой его сынъ Олегъ. Въ 1079 г., когда Романъ былъ убитъ, а Олегъ былъ заточенъ въ Грецію, великій князь Всеволодъ посадилъ въ Тмутаракани своего посадника. Въ 1081 г. ее отняли у послѣдняго выросшіе дѣти Ростислава, а въ 1083 г. отнялъ ее у нихъ возвратившійся изъ заточенія вышеупомянутый Олегъ, который и княжилъ въ ней 11 лѣтъ до 1094 г., когда успѣлъ возвратить себѣ Черниговъ. На семъ кончается исторія Тмутараканскаго княжества.

Выше, говоря о распространеніи христіанства во всей Руси, мы ничего не сказали объ этомъ отдаленномъ лоскутѣ Русскихъ владѣній по той простой причинѣ, что ничего не возможно сказать. Если населеніе княжества составляли, какъ это наиболѣе вѣроятно предполагать, остатки тѣхъ Руссовъ Таврическихъ, о которыхъ мы говорили выше, то должно будетъ думать, что христіанство было у нихъ еще до Владимира, оставаясь отъ того, насажденнаго при императорѣ Михаилѣ III и патріархѣ Фотіи, христіанства, о которомъ мы говорили тамъ же. Если же это населеніе состояло изъ Кавказскихъ инородцевъ, имѣя Русскихъ, приходившихъ изъ Россіи, только владѣтелями и правителями, то слѣдуетъ предполагать, что съ введеніемъ его между ними также не торопились, какъ и во внутренней Россіи [2]). Относительно начала епархіи Тмутараканской, какъ гово-

[1]) По изд. въ Рускк. Достопп. III, 200.

[2]) Мстиславъ, въ 1024 г. пришедшій изъ Тмутаракани и побѣдившій Ярослава, имѣлъ въ своемъ войскѣ многихъ Сѣверянъ; изъ этого какъ будто слѣ-

рили мы выше, мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ то, что она не учреждена Владиміромъ или послѣ него, а существовала еще до нашего крещенія, представляя собою ту епископію Русскую, которая учреждена была у Руссовъ Таврическихъ патр. Фотіемъ и импер. Михаиломъ. Если же усвоять ея открытіе нашимъ князьямъ послѣ нашего крещенія, то всего вѣроятнѣе будетъ приписывать его Владиміру, а во всякомъ случаѣ единственно вѣроятнымъ — или ему или сыну его Мстиславу, ибо думать это о комъ нибудь изъ послѣдующихъ князей не представляется ни малѣйшей вѣроятности. Свѣдѣнія наши объ епископствѣ Тмутараканскомъ пока весьма немногочисленны; читаемыя въ Патерикѣ Печерскомъ, они состоятъ въ томъ, что монахъ Печерскаго монастыря, Николай, подвизавшійся при игуменѣ Никонѣ (1078 — 1088), былъ потомъ епископомъ Тмутараканскимъ [1]). Мстиславъ, съ призываніемъ Божіей Матери побѣдившій въ 1022 г. на единоборствѣ Касожскаго князя Редедю, построилъ въ честь ея въ городѣ Тмутаракани каменный храмъ, при которомъ, вѣроятно, и была каѳедра Тмутараканскихъ епископовъ [2]). Сейчасъ помянутый Никонъ, игуменъ Печерскій, до игуменства при преп. Ѳеодосіи удалявшійся изъ своего монастыря на время на островъ Тмутаракань, по свидѣтельству Нестора въ житіи преп. Ѳеодосія, построилъ близъ одноименнаго съ нимъ стольнаго города монастырь св. Богородицы, который былъ монастыремъ славнымъ и составлялъ прикладъ въ монастырь Печерскій.

Городъ Тмутаракань находился на мѣстѣ нынѣшняго города Тамани (собственно на мѣстѣ старой Турецкой крѣпости того же имени, лежащей въ развалинахъ нѣсколько къ западу отъ нынѣшняго города). Названіе Тмутаракань произошло изъ греческаго Ταμάταρχα, собств. τὰ Μάταρχα (Тама́тарха — Тама́таракань = Тмутаракань).

Археологическая топографія Таманскаго полуострова, *К. Гёрца.* Москва, 1870.

9. Епархія Переяславская.

Переяславль Русскій или Кіевскій принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ или первоначальныхъ нашихъ городовъ, между которыми въ южной Руси онъ занималъ третье мѣсто послѣ Кіева и второе послѣ Чернигова. Онъ находится на здѣшней или Московской сторонѣ Днѣпра, въ разстояніи отъ него $8\frac{1}{2}$ верстъ, на соединеніи рѣкъ Альты и Трубежа, въ $94\frac{1}{2}$ верстахъ къ юговостоку отъ Кіева, и есть въ настоящее время уѣздный городъ Полтавской губерніи.

дуетъ заключать, что въ Тмутаракани была болѣе или менѣе многочисленная колонія Русскихъ Сѣверянскаго племени.

[1]) У Симона въ предисловіи, у Поликарпа въ повѣсти о Никитѣ затворникѣ.

[2]) Въ церкви этой по такъ называемой Тверской лѣтописи погребенъ Ростиславъ Владиміровичъ Новгородскій, отравленный Греками въ Тмутаракани въ 1066 г.

При св. Владимирѣ Переяславль оставался за великимъ княженіемъ, а Ярославъ отдалъ его въ удѣлъ третьему и любимому сыну своему Всеволоду, въ родѣ котораго онъ постоянно и оставался.

Мы говорили выше, что въ правленіе Владимира и при Ярославѣ до построенія св. Софіи въ Переяславлѣ имѣли пребываніе митрополиты Русскіе. Когда они переведены были въ Кіевъ, на ихъ мѣсто остались въ Переяславлѣ епископы, которые или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые между которыми въ первое время также назывались митрополитами и которые въ южной Руси, какъ кажется, были послѣ митрополита первыми по степени (см. впрочемъ выше). Изъ епископовъ Переяславскихъ извѣстны: 1. Петръ, упоминаемый подъ 1072 г., 2. Николай, изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый Симономъ въ посланіи къ Поликарпу передъ слѣдующимъ Ефремомъ. 3. Этотъ Ефремъ, каженикъ или скопецъ, также изъ монаховъ Печерскихъ, до монашества бывшій бояриномъ и главнымъ домоправителемъ у великаго князя Изяслава, пришедшій однимъ изъ первыхъ къ преподобному Антонію, уходившій на нѣкоторое время въ Константинополь, гдѣ жилъ въ одномъ изъ монастырей и оттуда выведенный на каѳедру Переяславскую, поставленный и скончавшійся неизвѣстно когда, но упоминаемый подъ 1089 и подъ 1091 годами. Этотъ именно Ефремъ между епископами Переяславскими называется митрополитомъ; преп. Несторъ въ житіи Ѳеодосія пишетъ: «Ефремъ каженикъ отъиде въ Костантинь градъ и ту живяше въ единомъ монастыри, послѣ же изведенъ бысть и въ страну сію и поставленъ бысть митрополитомъ въ городѣ Переяславлѣ». Что Ефретъ не былъ однако дѣйствительнымъ митрополитомъ, а, будучи епископомъ Переяславскимъ, только носилъ имя митрополита, объ этомъ мы говорили выше. О дѣятельности сего Ефрема въ лѣтописи подъ 1089 г. записано: «въ се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила (Переяславьская) Ефремомъ митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущу, бѣ бо преже въ Переяславли митрополія, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды. Сій бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда многа зданія воздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Ѳедора, и послѣ святаго Андрея у церкве отъ воротъ и строенье баньное (камено), сего же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкве святаго мученика Ѳедора (и украси градъ Переяславьскій зданіи церковными и прочими зданьи)». Бывшій бояринъ и главный домоправитель великокняжескій Ефремъ могъ быть человѣкомъ богатымъ, отсюда и его средства на сейчасъ помянутыя постройки. Своимъ великимъ усердіемъ къ пользѣ общественной Ефремъ долженъ былъ съ одной стороны заслужить благодарность, а съ другой славу; очень можетъ быть, что поэтому, будучи преемникомъ митрополитовъ по мѣсту, онъ и пользовался почетнымъ титуломъ митрополита. Строенье баньное Ефремово приводитъ изслѣдователей въ недоумѣніе и заставляетъ ихъ дѣлать разныя предположенія. Но несомнѣнно, что подъ строеньемъ баннымъ нужно разумѣть именно строенье банное или общественныя бани

и болѣе ничего. Въ Константинополѣ, въ которомъ нѣкоторое время жилъ Ефремъ, общественныя бани, какъ извѣстно, составляли чрезвычайно важную принадлежность общественнаго быта и общественнаго комфорта и были весьма многочислены. Эти Константинопольскія бани и захотѣлъ Ефремъ перенесть въ Россію. Затрудняются тѣмъ, что епископъ нашолъ удобнымъ заниматься такимъ дѣломъ, какъ строеніе бань. Но для тогдашняго времени въ этомъ не было ничего неестественнаго и страннаго. Такъ какъ люди должны входить въ храмы, особенно для принятія таинства причащенія, въ возможной тѣлесной чистотѣ, то у христіанъ съ очень древняго времени образовался взглядъ на бани, какъ на нѣчто дополняющее церкви, какъ на нѣчто къ нимъ прибавочное. А по этой причинѣ съ очень древняго времени вошло въ обычай строить бани при самыхъ церквахъ, въ церковныхъ оградахъ. Константинъ Великій построилъ бани при знаменитомъ Константинопольскомъ храмѣ св. апостоловъ [1]) (служившемъ, начиная съ него, усыпальницею для императоровъ, т. е. бывшемъ тѣмъ же, что нашъ Архангельскій соборъ), а императоръ Ѳеодосій Великій въ одномъ изъ своихъ указовъ причисляетъ бани, находившіяся при церквахъ, въ ихъ оградахъ, къ такимъ церковнымъ зданіямъ, на которыя распространяется право убѣжища [2]). Какъ сейчасъ указанный взглядъ на бани, такъ и самыя бани при церквахъ продолжали въ Константинополѣ существовать и во времена Ефрема въ XI вѣкѣ. Изъ этого ясно, что и онъ — епископъ, построившій бани, вѣроятно, при своемъ соборномъ храмѣ, сдѣлалъ дѣло для своего времени нисколько не странное и не предосудительное, а только знаменитое [3]). Послѣ Ефрема: 4. Симеонъ, бывшій при Владимирѣ Мономахѣ [4]), 5. Лазарь, поставленный 12 Ноября 1104 г., умершій 16 Сентября 1117 г., 6. Сильвестръ, преемникъ Лазаря, поставленный 1 Января 1118 г., вѣроятно изъ игуменовъ Кіево-Михайловскихъ и тотъ самый, которому принадлежитъ извѣстная приписка въ лѣтописи подъ 1110 г., умершій 12 Апряля 1123 г.; 7. Маркъ или Маркеллъ (въ Никон. лѣтоп. — Макарій), изъ игуменовъ Переяславскаго Іоанновскаго монастыря, поставленный 4 Октября 1125 г., умершій 6 Января 1134 г., 8. Евфимій, поставленный въ 1141 г., [5])

---

[1]) Euseb. H. E. VI, 59.

[2]) Cod. Theod. Lib. IX. Tit. XLV, § 4; cfr. у Ралли и П. II, 537 и 538.

[3]) О баняхъ при церквахъ см. *Бингама* Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae, vol. III, p. 273 fin (Lib. VIII, cap. VII § XIII), *Мартиньи* Dictionaire des Antiquités Chrétiennes подъ словомъ Bains, — 2-e bains liturgiques, и вообще въ археологическихъ книгахъ. Въ частности объ императорской банѣ при Влахернской церкви, въ которой императоры мылись съ особенной, весьма любопытной, церемоніей, Const. Porphyrog. De ceremon. Lib. II, cap. 12. Случалось, что бани находились не только при церквахъ, но даже подъ самыми церквами, въ ихъ нижнихъ этажахъ, см. наприм. въ греческихъ Минеяхъ и въ Синаксаристѣ Никодима подъ 31 августа: повѣствованіе о возобновленіи храма Богородицы въ пристани (неоріи).

[4]) Дополн. къ Акт. Ист. I, 7 fin.

[5]) У протоіер. Д. Юзефовича, въ статьѣ: «Іерархія Переяславско-Полтавской епархіи», помѣщенной въ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1863 г.,

упоминаемый подъ 1149 г.; 9. Павелъ, присланный великимъ княземъ Всеволодомъ изъ Владимира въ 1198 г. [1]), 10. Симеонъ, убитый Татарами при взятіи Переяславля въ 1239 г.

Со времени Ярослава до начала XII вѣка къ Переяславскому удѣлу принадлежала область Ростовско-Суздальская съ Бѣлоозерьемъ, но на эту область не простиралась власть епископовъ Переяславскихъ, ибо тамъ при Владимирѣ, когда Ростовъ составлялъ особый удѣлъ, учреждена была своя епископія. Неизвѣстно, съ какого времени до сороковыхъ годовъ XII вѣка къ епархіи Переяславской принадлежалъ удѣлъ Смоленскій, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже подъ епархій Смоленской. Собственное Переяславское княжество было весьма не велико. Его составляла сѣверозападная половина нынѣшней Полтавской губерніи, между границей губерніи Черниговской и рѣкою Сулой, а за послѣднею была ненаселенная степь, — почти непрестанно въ періодъ домонгольскій стучавшее браннымъ оружіемъ поле Половечское.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Переяславскихъ былъ храмъ архангела Михаила. Первоначально, по всей вѣроятности, онъ былъ деревянный; въ 1089 г. епископомъ Ефремомъ былъ построенъ каменный и для своего времени великолѣпный, о немъ свидѣтельство мы привели выше. Въ 1124 г., т. е. черезъ 35 лѣтъ, храмъ Ефремовъ упалъ и на его мѣсто неизвѣстно кѣмъ построенъ новый, разрушенный потомъ Татарами [2]) (храмъ Михайловскій въ качествѣ городскаго собора существуетъ въ Переяславлѣ до настоящаго времени, но его нынѣшняя постройка конца XVII вѣка).

Записки о Полтавской губерніи *Н. Арандаренка*, Часть III. Полтава, 1852 (о Переяславлѣ стр. 364 sqq).

10. Епархія Юрьевская.

Юрьевъ Кіевскій, въ настояще время не существующій, находившійся на рѣкѣ Роси, впадающей въ Днѣпръ съ правой или Кіевской стороны немного ниже Канёва, построенъ былъ Ярославомъ, вѣроятно въ 1032 г. [3]) Въ 1095 г. онъ былъ выжженъ Половцами и его прибѣжавшіе въ Кіевъ жители были поселены въ новомъ городѣ — Святополчѣ, который приказалъ построить тогдашній великій князь Святополкъ Изяславичъ на Вытичевѣ или Витичевѣ холму, что

№ 14 и слѣд., между Сильвестромъ и Евфиміемъ: Николай 2-й, Іоаннъ 1-й 1123 — 1126, Макарій (Маркъ) 1126 — 1134, Маркеллъ 1134 — 1135.

[1]) У Строева послѣ Евфимія неизвѣстно намъ откуда взятый: «Василій, хирот. 1156». Тоже у прот. Юзефовича съ годомъ поставленія 1157.

[2]) Ипатск. лѣтоп. подъ симъ годомъ.

[3]) Подъ которымъ говорится въ лѣтописи: «Ярославъ поча ставити городы по Рьси».

на Днѣпрѣ ниже Кіева верстъ на 70 [1]), но въ 1103 г. Юрьевъ былъ снова построенъ. Кончилъ онъ свое существованіе, вѣроятно, въ нашествіе Моноголовъ.

Кѣмъ именно была учреждена епархія Юрьевская до 1072 г., когда въ первый разъ упоминается ея епископъ, положительно неизвѣстно, но наиболѣе вѣроятное, что самимъ строителемъ города Ярославомъ. Причиной ея учрежденія необходимо считать одну изъ тѣхъ причинъ, которыя заставили Владимира учредить епархію Бѣлгородскую, именно — чтобы дать въ немъ митрополиту викарія и при этомъ частнѣе, чтобы, давая въ немъ митрополиту втораго викарія, доставить ему возможность совершать посвященія архіерейскія безъ призыва другихъ архіереевъ.

Въ настоящее время извѣстны епископы Юрьевскіе: 1. Михаилъ, упоминаемый подъ 1072 и 1073 годами, 2. Антоній, упоминаемый подъ 1089 г. [2]), 3. Маринъ, изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый подъ 1095 г., 4. Даніилъ, поставленный 6 Января 1114 г., умершій 9 Сентября 1121 года, 5. Демьянъ, упоминаемый подъ 1147 и 1154 годами (подъ послѣднимъ Каневскій), 6. неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ 1184 г., 7. Адріанъ, поставленный въ 1190 г. въ епископы Бѣлгородскіе, а подъ 1197 г. называемый Бѣлгородскимъ и Юрьевскимъ, т. е. вѣроятно правившій епархіей Юрьевской временно, 8. Алексѣй, упоминаемый передъ 1225 г. [3]), 9. неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ 1231 г.

Епархія Юрьевская, нѣтъ сомнѣнія, была весьма невелика и простиралась не столько къ сѣверу, гдѣ долженствовала быть епархія самаго митрополита или епископа Бѣлгородскаго, сколько къ югу, въ начинавшіяся тогда почти непосредственно за Юрьевымъ безконечныя partes infidelium. Изъ того обстоятельства, что одинъ епископъ Юрьевскій называется Каневскимъ (Демьянъ), слѣдуетъ, что на сѣверъ она простиралась по крайней мѣрѣ включительно по г. Канёвъ.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Юрьевскихъ былъ храмъ св. Георгія, конечно, построенный Ярославомъ въ честь своего ангела, ибо въ греческихъ каталогахъ епархія Юрьевская называется ὁ ἅγιος Γεώργιος εἰς τὸν Ρῶσον ποραμόν, — святый Георгій на рѣкѣ Роси (Ралли и П. V 486).

11. Епархія Смоленская.

Ярославъ, при своемъ дѣленіи Россіи на удѣлы, отдалъ область Смоленскую своему четвертому сыну Вячеславу, послѣ смерти котораго въ 1057 г. она отдана была его брату Игорю, переведенному изъ Владимира Волынскаго; послѣ

---

[1]) Витичевъ холмъ, между Трииолемъ и Стайками, — Книга большему чертежу, стр. 92 fin.

[2]) Въ Патерикѣ Печерск., въ повѣствованіи Симона о святой трапезѣ и объ освященіи великой церкви.

[3]) Симономъ въ Патерикѣ, во введеніи.

смерти сего послѣдняго въ 1060 г., она сначала подѣлена была тремя оставшимися Ярославичами (Погодинъ, Древн. Ист. I, 417), а потомъ (не позднѣе 1076 г.) досталась младшему изъ нихъ Всеволоду Переяславскому, въ родѣ котораго, образовавъ изъ себя особое княжество, и осталась на послѣдующее время (линія — Ростиславичи).

Не знаемъ, къ какой епархіи принадлежала область Смоленская до ея поступленія въ родъ Всеволодовъ, но съ сего времени она стала принадлежать къ епархіи Переяславской. Впрочемъ князья Смоленскіе скоро возъимѣли мысль учредить у себя особую епископію, именно — таковую мысль возъимѣлъ второй же князь Мстиславъ Владимировичъ. Не успѣвъ почему-то осуществить ее самъ, онъ завѣщалъ ее своему сыну Ростиславу, который и осуществилъ ее, по совѣту съ митрополитомъ Михаиломъ, въ 1137 г.[1]).

Первымъ епископомъ Смоленскимъ былъ Мануилъ скопецъ, родомъ Грекъ, «пѣвецъ гораздый», который пришелъ изъ Греціи самъ-третей къ отцу Ростиславову Мстиславу и который, правивъ очень долго, умеръ неизвѣстно когда послѣ 1168 г.

Въ одномъ Требникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Смоленской каѳедрѣ, рядъ епископовъ Смоленскихъ послѣ Мануила, по всей вѣроятности, полный и правильный, перечисляется слѣдующимъ образомъ: Константинъ, Симеонъ, Игнатій, Лазарь, Аѳанасій, Іоаннъ, Діонисій... (и такъ далѣе до XVI вѣка)[2]). Изъ нихъ — Константинъ упомин. подъ 1180 г., Симеонъ подъ 1197 г., Игнатій подъ 1206 г., Лазарь, какъ уже находившійся на покоѣ, подъ 1225 г.[3]).

Княжество Смоленское приблизительно обнимало нынѣшнюю губернію Смоленскую, съ присоединеніемъ отъ Московской г. Можайска съ уѣздомъ.

---

[1]) Лаврент. и Ипатск. лѣтоп. подъ 1137 годомъ и Уставная грамота Ростислава Смоленской епископіи въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 4 стр. 5. Подъ 1101 г. въ Ипатской лѣтописи читается: «въ се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну епископью»: но это значитъ не то, что въ Смоленскѣ была епископія уже до 1101 г., какъ думаютъ нѣкоторые, а то, что лѣтописецъ писалъ послѣ того, какъ въ Смоленскѣ у св. Богородицы явилась епископія. Время учрежденія Смоленской епископіи, извѣстное изъ оффиціальнаго акта, не можетъ подлежать сомнѣнію.

[2]) Описаніе Славв. Ркпп. Синод. Библіот. Горск. и Невостр., Отд. III ч. I, № 377, л. 226 обор. стр. 224.

[3]) Патер. Печерск. Симона, введеніе; объ Игнатіи и Лазарѣ cfr Житіе Авраамія Смоленск. въ Правосл. Собѣседн. 1858 г., кн. 3. Авторъ Исторіи Росс. Іерархіи, 160, не ладно говоритъ о началѣ епископіи Смоленской и ея первыхъ епископахъ, слѣдуя позднѣйшимъ каталогамъ. Что касается до св. Меркурія Смоленскаго будто бы преемника Симеонова, который упом. подъ 1197 г., почивающаго въ Кіевскихъ Антоніевыхъ пещерахъ, то его существованіе, неизвѣстно на чемъ основанное, весьма и совершенно сомнительно (можно предполагать, что какимъ либо образомъ превращенъ въ епископы извѣстный св. Меркурій, воинъ-богатырь, мученикъ Смоленскій, который, по сказанію о немъ, въ 1239 г. спасъ Смоленскъ отъ Татаръ).

Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи. Спб., 1864 (книга вообще хорошая, но о первыхъ епископахъ Смоленскихъ баснословящая). Исторія города Смоленска, *Н. Никитина*. Москва, 1847.

12. Епархія Галичская.

Отдѣленная отъ Владиміро-Волынской, нѣкоторое время обнимала цѣлую область Галицію, о которой поэтому мы и скажемъ.

Въ настоящее время Галиціей называется та пограничная съ Россіей часть владѣній Австрійской имперіи, которая досталась ей отъ бывшаго королевства Польскаго при раздѣлахъ этого послѣдняго и которой нынѣшніе границы опредѣлены на Вѣнскомъ конгресѣ 1815 г. Эта Австрійская Галиція не совсѣмъ совпадаетъ своими предѣлами съ древней Русской областью того же имени: съ одной стороны она меньше ея, потому что Австрія владѣетъ не сполна всей древней Галиціей, съ другой стороны больше ея, потому что въ составъ нынѣшней Австрійской Галиціи входитъ нѣкоторая часть и собственной Польши (Малая Польша). Древняя собственно Русская Галиція обнимала — во-первыхъ, около четырехъ пятыхъ нынѣшней Австрійской Галиціи, имѣя на западѣ и сѣверо-западѣ границей сначала, отъ Карпатъ, рѣку Вислоку (но не Вислокъ) до половины теченія, до г. Бржостека, а потомъ черту, проведенную съ Вислоки на Санъ въ томъ пунктѣ, гдѣ послѣдній на нѣкоторое время становится границей Австріи отъ Россіи [1]),—во-вторыхъ, юговосточный уголъ нашего царства Польскаго, именно восточную большую половину губерніи Люблинской (по чертѣ, проведенной съ сѣвера на югъ почти мимо самаго города Люблина, но не захватывая его).

Галиція самими Русскими жителями ея называемая не Галиціей, а Галичиной [2]), по предположеніямъ Шафарика прародина Славянъ въ Европѣ, передъ началомъ и въ началѣ нашей исторіи была обитаема племенами: Тиверцами на Днѣстрѣ [3]), Бужанами на западномъ Бугѣ [4]), Дулебами на западъ отъ Бужанъ [5])

---

[1]) О древней, значительно далѣе на западъ простиравшейся, чѣмъ теперь, и именно той, которую мы указали, границѣ Русскихъ поселеній въ Галиціи, см. у *Д. Зубрицкаго* въ брошюрѣ: Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849.

[2]) Cfr Карамз. III, 79.

[3]) Лѣтописецъ говоритъ о Тиверцахъ вмѣстѣ съ Улучами (Угличами): «Улучи и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря». Такъ какъ въ числѣ данниковъ Олега и Игоря упоминаются (подъ 907 и 944 гг.) Тиверцы, но не упоминаются Улучи (cfr подъ 885 г.), то мы полагаемъ, что первые сидѣли сѣвернѣе, а вторые южнѣе.

[4]) Городокъ Бужскъ, находящійся на верхнемъ западномъ Бугѣ и упоминаемый въ лѣтописи въ первый разъ подъ 1097 г., можетъ быть, былъ ихъ центральнымъ мѣстомъ или столицей.

[5]) Въ нынѣшней уніатской епархіи Львовской, какъ мы нашли по ея Шематизму, есть три селенія съ именемъ Дулибы: въ деканатѣ или благочиніи Ходо-

и Хорватами и Сербами, — остатками отъ тѣхъ Ховратовъ и Сербовъ, которые переселились за Дунай въ Иллирикъ, на западъ и югозападъ отъ Тиверцевъ [1]). Не знаемъ, представляла ли изъ себя Галиція передъ началомъ нашего государства объединенное цѣлое; вѣроятнѣе, что нѣтъ, но кака бы то ни было, будучи населена нѣсколькими племенами, она не имѣла одного общаго имени: лѣтописецъ, говоря о ней подъ правленіемъ Владимира и Ярослава, употребляетъ названіе Червенскіе города, которые заимствуетъ отъ одного изъ городовъ—Червена [2]), въ настоящее время не существующаго и находившагося гдѣ-то на югѣ отъ Холма [3]). Общее названіе Галиція получила много спустя времени послѣ того, какъ составила изъ себя одно удѣльное княженіе, именно — съ половины XII вѣка отъ ставшаго главнымъ городомъ ея Галича—земли Галичской.

Галиція вошла впервые въ составъ явившагося Русскаго государства при Олегѣ до 907 г. [4]). Послѣ Олега до Владимира она неизвѣстно когда была завоевана Поляками, но послѣднимъ въ 981 г. снова возвращена Руси. Послѣ смерти Владимира въ 1018 г. Польскій король Болеславъ Великій еще разъ присоединилъ ее къ Польшѣ, но въ 1030—31 году Ярославъ съ Мстиславомъ вторично возвратили ее, послѣ чего она составляла часть Руси до половины XIV вѣка, когда Поляки покорили ее снова и уже весьма надолго.

При Владимирѣ и Ярославѣ Галиція не составляла особаго удѣла, но принадлежала къ удѣлу Владимиро-Волынскому. Спустя нѣкоторое время послѣ смерти Ярослава, при его сыновьяхъ (до 1086 г.), бывъ или добравольно отдана

ровскомъ, на югъ отъ Львова, по сю или сѣверную сторону Днѣстра; въ деканатѣ Стрыйскомъ — города Стрыя, на р. Стрыѣ и деканатѣ Чёртковскомъ — г. Чёрткова, на р. Серетѣ.

1) О Хорватахъ и Сербахъ, оставшихся за Карпатами послѣ переселенія ихъ сородичей въ Иллирикъ, и называвшихся собственно Бѣлохорватами и Бѣлосербами, Констант. Порфирог. De administ. imper. cc. 30 и 31. Этихъ Хорватовъ и Сербовъ разумѣетъ наша лѣтопись, когда говоритъ во введеніи: «а се ти же Словени—Хорвате Бѣліи и Серебь». О первыхъ она упоминаетъ еще разъ во введеніи («и живяху въ мирѣ Поляне... Вятичи и Хорвате») и затѣмъ подъ годами 907 и 992. Древнихъ Галицкихъ Хорватовъ нѣкоторые видятъ въ нынѣшнихъ такъ называемыхъ Лемкахъ, живущихъ на верховьяхъ Карпатъ отъ истоковъ рѣки Сана до польскихъ поселеній на западѣ или иначе въ юго-западномъ углу собственной Галиціи,—въ Зорѣ Галицкой яко альбумѣ на годъ 1860, Львовъ, статья А. Тороньскаго: Русины-Лемки, стр. 392 sqq.

2) Отсюда позднѣйшее названіе Червенская Русь, а изъ Червенская — Червонная, Чермная, Красная.

3) Арцыбаш. I, № 311. Вѣроятнѣе то мнѣніе, которое видитъ древній городъ Червенъ въ нынѣшней деревнѣ Чермо (въ старыхъ актахъ называемой Чермно и Червоноградъ), находящейся на югъ отъ мѣстечка Уханей (ibidd.), лежащаго на половинѣ пути изъ Холма въ Грубешовъ. Весьма вѣроятно, что лѣтописецъ беретъ имя для области отъ города Червеня въ слѣдствіе того случайнаго обстоятельства, что онъ былъ ближайшимъ отъ остальной Руси.

4) Олегъ въ своемъ походѣ сего года на Грековъ имѣлъ въ своемъ войскѣ Хорватовъ, Дулебовъ и Тиверцевъ.

или силою занята, Галиція стала удѣломъ его, такъ сказать, изгойныхъ правнуковъ Ростиславичей, внуковъ умершаго въ 1052 г. впереди отца Владиміра Новгородскаго. Эти Ростиславичи владѣли Галиціей до конца XII вѣка, до 1198 г., когда прекратился весь ихъ родъ [1]). Послѣ сего овладѣлъ Галиціей Волынскій князь Романъ Мстиславичъ [2]), потомки котораго, создавъ знаменитое ненадолго Галичское государство и королевство, и владѣли ей въ продолженіе полуторыхъ безъ небольшаго столѣтій до половины XIV вѣка [3]), послѣ чего ихъ родъ тоже весь вымеръ и Галиція была завоевана Поляками (королемъ Казиміромъ III или Великимъ въ 1340 г.).

Старшимъ стольнымъ городамъ области или удѣла былъ сначала Перемышль, а потомъ съ 1141 г. незадолго передъ тѣмъ основанный Галичъ, отъ котораго, какъ мы сказали, и область стала называться землей Галичской. Весь удѣлъ подраздѣлялся на частнѣйшіе удѣлы, каковы: Теребовльскій, Звѣнигородскій, Бельзскій и другіе.

Пока область Галичская принадлежала къ удѣлу Владиміро-Волынскому, до тѣхъ поръ и въ церковномъ отношеніи она принадлежала къ епархіи Владиміро-Волынской. Собственные епископы явились въ ней послѣ того, какъ подъ властію Ростиславичей она составила изъ себя особый удѣлъ. Когда это случилось, точно остается пока неизвѣстнымъ. Такъ какъ удѣльнымъ князьямъ естественно было заботиться о пріобрѣтеніи для удѣловъ своихъ особыхъ епископовъ, то съ перваго взгляда представлялось бы вѣроятнымъ думать, что сіи послѣдніе явились въ Галиціи вскорѣ послѣ того, какъ она отдѣлилась отъ Волыни въ особое княженіе. Но, до перенесенія столицы удѣла изъ Перемышля въ Галичъ, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе отдѣльныхъ епископовъ Галичскихъ [4]), и поелику князья Галичскіе, владѣвшіе областью сравнительно довольно обширной, но въ отчинѣ престоловъ княжескихъ занимавшей самое послѣднее мѣсто, довольно долгое время безъ особеннаго чувства оскорбленія своей гордости

---

[1]) Старшая линія Ростиславичей Перемышльско-Галицкая: 1. Рюрикъ Ростиславичъ, † 1094, 2. Володарь его братъ, † 1124, 3. Володимерко Володаревичъ, † 1153, 4. Ярославъ Осмомыслъ Володимерковичъ, † 1188, 5. Олегъ, младшій сынъ предъидущаго, весьма недолго, 6. Владиміръ старшій сынъ его же, † 1198.

[2]) Сынъ Мстислава, внукъ Изяслава, правнукъ Мстислава Великаго, праправнукъ Владиміра Мономаха.

[3]) 1. Романъ Мстиславичъ, † 1205, 2. Даніилъ Романовичъ, король, † 1264, 3. Левъ Даниловичъ, † 1301, 4. Юрій или Георгій Львовичъ, † ок. 1316, 5. Андрей и Левъ Юрьевичи вмѣстѣ и потомъ одинъ второй, † ок. 1324 г., 6. Андрей Львовичъ, послѣдній въ родѣ, † ок. 1335 г. Послѣ сего въ продолженіе 5 лѣтъ побочные наслѣдники, а потомъ въ 1340 г. Галиція была покорена Польшей.

[4]) Есть собственно одно свидѣтельство, но неизвѣстно откуда взятое и крайне сомнительное: Татищевъ говоритъ, что въ 1157 г. Козма поставленъ въ епископы Галичскіе, а прежде была епископія въ Перемышлѣ — III, 104 (Карамз. II прим. 380, стр. 154, не знаемъ почему-то передаетъ свидѣтельство Татищева не совсѣмъ вѣрно). Во-первыхъ, столица удѣла перенесена изъ Перемышля въ Га-

могли довольствоваться чужимъ епископомъ (Владимиро-Волынскимъ): то на самомъ дѣлѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что въ области Галичской свои особые епископы впервые явились уже послѣ перенесенія столицы удѣла изъ Перемышля въ Галичъ, и именно въ семъ послѣднемъ. Въ Галичѣ епископія была учреждена, вѣроятно, вскорѣ послѣ перенесенія въ него столицы, что̀ случилось, какъ мы сказали, въ 1141 г.; какъ бы то ни было, епископъ Галичскій, по имени Косма, упоминается подъ 1165 г. [1]). Послѣ этого Космы изъ епископовъ Галичскихъ періода домонгольскаго еще извѣстенъ только одинъ, именно Артемій, упоминаемый подъ 1235 и 1241 гг. [2]).

Епархія города Галича, пока была единственною въ области Галичской, само собою понятно, обнимала всю эту послѣднюю.

Городъ Галичъ, получившій свое имя отъ находившагося близъ него урочища Галичина могила [3]) и не принадлежащій къ числу доисторическихъ городовъ Руси, какъ думаютъ нѣкоторые [4]), а вѣроятно основанный болѣе или менѣе незадолго до перенесенія въ него столицы, находится почти въ самой серединѣ области, на правомъ берегу Днѣстра, при впаденіи въ него рѣки или рѣчки Луки. Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Галичскихъ въ г. Галичѣ была церковь Божіей Матери, по всей вѣроятности—праздника Успенія [5]).

Спеціальную литературу о Галиціи довольно обширную, но по отношенію къ намъ имѣющую важность не столько для періода домонгольскаго, сколько для послѣдующаго времени, укажемъ ниже.

13. Епархія Рязанская.

Область Рязанская составляла часть области Муромской, а эта послѣдняя придана была къ удѣлу Черниговскому.

личъ въ 1141 г., почему же бы не одновременно перенесена была и каѳедра епископа? Во-вторыхъ, если бы въ 1157 г. уже была въ Галиціи одна епископія, то было бы естественно не ея перенесеніе, а открытіе къ ней другой.

[1]) Въ библіотекѣ Перемышльскаго уніатскаго собора есть Латинская рукопись начала XVIII вѣка, въ которой, на основаніи древняго будто бы каталога, передъ Космой поставленъ Алексѣй, см. въ Галичскомъ Историческомъ Сборникѣ, выпускъ I, Львовъ. 1853 г. статью А. Петрушевича: О соборной Богородицкой церкви въ Галичѣ, стрр. 53 и 145.

[2]) Въ сейчасъ помянутой латинской Перемышльской рукописи читаемъ: in antiqua charta episcopi Halicienses taliter numerantur: Alexius, Cosmas, Ionas, Gerontius, Ephrem, Ioannes, Antonius, Meletius, Anastasius, Zosimas, Niphon, Ignatius, Doroteus. ibid. стр. 145. Что касается до вопроса о достовѣрности, то cfr выше списокъ епископовъ Владимиро-Волынскихъ.

[3]) Ипатск. лѣт. подъ 1206 г.

[4]) И. Шараневичъ въ статьѣ: Стародавный Галичъ, помѣщенной въ Зорѣ Галичской, яко альбумѣ на годъ 1860, стр. 295 sqq. Въ древніе города князья не переносили столицъ; во вторыхъ, что Галичъ былъ основанъ во времена уже историческія, это даетъ знать Ипатская лѣтопись подъ 1206 г.

[5]) См. помянутую статью Петрушевича.

При сыновьяхъ перваго удѣльнаго князя Черниговскаго Святослава Ярославича Муромъ съ Рязанью отдѣлены были въ особый частнѣйшій удѣлъ, на которомъ въ 1096 г. сѣлъ младшій сынъ Святослава Ярославъ. Переживъ старшихъ братьевъ, Ярославъ по праву старшинства пытался было занять старшій въ родѣ столъ Черниговскій, но не былъ допущенъ до этого племянниками [1]), въ слѣдствіе чего его потомки по отношенію къ столу Черниговскому были такими же изгоями, какъ потомки Изяслава Владиміровича Полоцкаго и Владиміра Ярославича Новгородскаго (Ростиславичи Галицкіе) по отношенію къ столу великокняжескому. Сыновья Ярослава раздѣлили свой удѣлъ на два—Муромскій и Рязанскій и отъ старшаго изъ нихъ Святослава пошли князья Муромскіе, а отъ середняго Ростислава—Рязанскіе (съ боковой вѣтвью Пронскихъ).

Въ области Муромско-Рязанской епископу, по видимому, надлежало явиться не въ младшей Рязани, а въ старшемъ Муромѣ. Но князья Муромскіе, сидѣвшіе въ отдаленной, глухой и ничтожной украйнѣ Руси, не принимавшіе почти никакого участія въ ея общихъ дѣлахъ, представляли собою между князьями, если позволительно такъ выразиться, нѣчто совсѣмъ убогое, были не столько князьями, сколько, такъ сказать, помѣщиками. Самую столицу свою они привели въ совершенный упадокъ, такъ что изъ города она стала селомъ [2]). А по этому князья Муромскіе вовсе не могли и принять на себя заботъ объ учрежденіи для области особой епископіи.

Епархія Рязанская открыта неизвѣстно когда между 1187 и 1207 годами, ибо подъ первымъ годомъ область Рязанская прямо называется частью Черниговской епископіи, а подъ вторымъ упоминается въ ней епископъ Рязанскій Арсеній [3]). Послѣ этого Арсенія, упоминаемаго за тѣмъ подъ 1212 г. за періодъ домонгольскій, извѣстны еще двое—Ефросинъ святогорецъ, упоминаемый подъ 1224 г., но далеко не несомнительный [4]) и неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ

---

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 1126 г., Ипатск. лѣт. подъ 1128 г.

[2]) «Запустѣвшій» Муромъ снова возвелъ до нѣкоторой степени въ города князь Юрій Ярославичъ въ 1351 г. (обновившій Муромъ на томъ же мѣстѣ, но вовсе не переносившій его на другое, какъ думаютъ Муромскіе патріоты, не полагающіе, чтобы Муромъ ниспадалъ изъ города въ село и поэтому хотящіе разумѣть подъ обновленіемъ Юрьевымъ перенесеніе съ стараго мѣста на новое, хотя и перенесеніе не упадшаго города съ одного мѣста на другое есть вещь курьёзная и далеко не сразу понятная), Карамз. IV, 171.

[3]) Татищевъ, къ извѣстіямъ котораго мы вообще относимся съ недовѣріемъ, утверждаетъ, что епархія Рязанская открыта въ 1198 г., бывъ отдѣлена отъ Черниговской, по просьбѣ князей Рязанскихъ, вел. кн. Кіевскимъ Рюрикомъ Ростиславичемъ и митр. Іоанномъ (III, 329). На это замѣтимъ, что, во-первыхъ, великіе князья Кіевскіе тогда ровно ничего не значили и вся власть принадлежала великимъ князьямъ Владимірскимъ, во-вторыхъ, что митр. Іоаннъ 1198 г. нигдѣ болѣе кромѣ Татищева не упоминается.

[4]) Въ повѣсти «О пришествіи Николина образа изъ Корсуни на Рязань», читаемой въ такъ называемой Карамзинымъ Костромской лѣтописи, напечатанной въ Москвѣ въ 1790 г. подъ заглавіемъ: Русскій Временникъ, сирѣчь лѣтописецъ,

1237 г. (не находившійся въ Рязани во время ея взятія татарами и такимъ образомъ случайно или намѣренно спасшійся отъ смерти.—Троицкая лѣтопись или лѣтопись по Академ. списку).

Столицей епископовъ, равно какъ и князей Рязанскихъ, въ періодъ домонгольскій была не нынѣшняя Рязань, которая носитъ свое настоящее имя только со времени Екатерины, съ 1778 г., и которая есть собственно Переяславль-Рязанскій. Домонгольская Рязань, сталица князей и епископовъ, въ настоящее время есть село Старая Рязань, находящееся на Окѣ въ 50 верстахъ внизъ отъ нынѣшней Рязани и въ 3 верстахъ внизъ отъ уѣзднаго города Спасска [1]).

Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Рязянскихъ въ древней Рязани была церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, изъ которыхъ послѣдній есть патронъ области Муромско-Рязанской. Церковь эта, служившая усыпальницею князей Рязанскихъ, построенная неизвѣстно кѣмъ и упоминаемая подъ 1195 г., не знаемъ сколько въ древнемъ видѣ существуетъ до настоящаго времени [2]).

Епархія Рязанская, отдѣленная отъ Черниговской, обнимала древнюю область Муромско-Рязанскую или древнее княжество Рязянское и Муромское. Послѣднее изъ княжествъ есть юговосточный уголъ нынѣшней губерніи Владимирской, между Клязьмой и Окой, а первое — нынѣшняя губернія Рязанская съ значительной частью губерній Тульской, Воронежской [3]) и Тамбовской и нѣкоторой частью губерніи Московской, именно Коломной съ ея волостью (которая пріобрѣтена Москвой отъ Рязани при Юріи Даниловичѣ, Карамз. IV, 107).

Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи, *Тихона Воздвиженскаго*, Москва, 1820 (для періода домонгольскаго почти совсѣмъ безполезное). Исторія Рязанскаго княжества. *Д. Иловайскаго*, Москва, 1858.

14. Епархія Владимиро-Клязѣмская или Суздальская.

Область Суздальская вмѣстѣ съ Ростовскою до начала XII вѣка принадлежала къ удѣлу Переяславскому, а около 1100—105 г. получила вмѣстѣ съ тою же областью своего особаго удѣльнаго князя въ лицѣ младшаго сына Мономахова Юрія Долгорукаго [4]). Сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій, превратилъ свой молодой

содержащій Россійскую исторію отъ лѣта 862 до лѣта 1681, раздѣленный на двѣ части; ч. 1, стр. 77 fin. Въ достовѣрности этой повѣсти сомнѣвался уже Калайдовичъ (Полѣнова—Библіогр. обозрѣніе русскихъ лѣтописей въ Ж. М. Н. Пр. 1849 г. ноябрь, § 10).

[1]) Когда столица княжества изъ Рязани переведена въ Переяславль, остается неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ послѣ нашествія Монголовъ.

[2]) Иловайск. стр. 256.

[3]) Воронежъ къ Рязанскому княжеству уже въ 1177 г.

[4]) Симонъ въ Патерикѣ, въ повѣсти о созданіи Печерской церкви и именно объ окованіи гроба Ѳеодосіева суздальскимъ тысяцкимъ Георгіемъ даетъ знать,

удѣлъ въ великое княженіе (со столицей въ младшемъ городѣ области Владимирѣ Клязенскомъ).

Послѣ неудавшейся попытки Андрея Боголюбскаго доставить Владимиру своего особаго митрополита или хотя бы автокефальнаго епископа, о чемъ мы говорили выше, Владимиръ съ Суздалью оставались подъ епископомъ Ростовскимъ еще около полустолѣтія. Пока Ростовъ принадлежалъ непосредственно къ великому княженію, его епископы могли замѣнять великимъ князьямъ своего собственнаго епископа, ибо могли пріѣзжать во Владимиръ такъ часто и живать въ немъ столько по долгу, какъ и сколько это было желательно первымъ. Но въ 1207 г. Ростовъ былъ отдѣленъ отъ великаго княженія въ особый удѣлъ. Первыя пять лѣтъ было такъ, что великимъ княземъ былъ отецъ, а удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ сынъ, именно—великимъ княземъ былъ Всеволодъ Юрьевичъ, а Ростовскимъ княземъ его старшій сынъ Константинъ Всеволодовичъ. Отецъ съ сыномъ могли имѣть одного и тогоже епископа или обходиться однимъ и тѣмъ же епископомъ безъ всякаго особаго неудобства, ибо у отца съ сыномъ не могло выйти изъ-за этого счетовъ и недоразумѣній и онъ могъ служить обоимъ. Но въ 1212 г. сѣлъ на великое княженіе братъ удѣльнаго князя Ростовскаго, Юрій Всеволодовичъ, у котораго открылись съ послѣднимъ неудовольствія съ самаго начала, и обстоятельства измѣнились. Чтобы не быть въ церковномъ отношеніи въ зависимости отъ Ростова, великимъ князьямъ нужно было пріобрѣсти собственнаго епископа, что́ они и поспѣшили сдѣлать. На другой годъ послѣ занятія Юріемъ великокняжескаго престола отписался или отказался отъ епископіи Ростовскій и Суздальскій епископъ Іоаннъ [1]); преемнику его великій князь не дозволилъ по прежнему поставиться на обѣ епископіи, но одновременно съ тѣмъ, какъ былъ поставленъ епископъ Ростову, онъ поставилъ на свою епископію Суздальскую особаго епископа.

Первымъ епископомъ Суздальскимъ былъ знаменитый Симонъ, постриженикъ Печерскаго монастыря, бывшій потомъ (не позднѣе какъ съ 1206 г.) игуменомъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря и духовникомъ супруги Всеволодовой или матери Юрія. Онъ былъ поставленъ въ 1214 г. Послѣ 12-лѣтняго правленія скончался 22 Мая 1226 г. [2]) Вторымъ епископомъ Суздальскимъ и вмѣстѣ по-

---

что Юрій посаженъ былъ на удѣлъ въ дѣтствѣ или по крайней мѣрѣ въ ранней юности, но онъ, неизвѣстно когда родившійся, былъ женатъ отцомъ въ 1107 г.

[1]) Такъ какъ Іоаннъ былъ поставленъ на обѣ епископіи, то очень возможно, что великій князь не находилъ удобнымъ отдѣлять Суздаль отъ Ростова при его бытности на каѳедрѣ или дѣлать у него какъ бы хищеніе. Весьма можетъ быть поэтому, что великій князь убѣдилъ его отказаться отъ престола. Іоаннъ, бывшій духовникомъ отца Юріева, долженъ былъ исполнить волю любимаго сына покойника, каковъ былъ Юрій, съ охотою, т. е. хотя и былъ епископомъ Ростовскимъ, но долженъ былъ тянуть между двумя братьями на сторону великаго князя (cfr впрочемъ выше, что говоритъ объ удаленіи Іоанновомъ съ престола лѣтопись Переяславля Суздальскаго).

[2]) Симонъ погребенъ былъ во Владимирской церкви Богородицѣ; но не извѣстно, когда мощи его перенесены были въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь,

слѣднимъ до нашествія Монголовъ былъ Митрофанъ, поставленный изъ игуменовъ тогоже Рождественскаго монастыря, чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ смерти Симона, 14 марта 1227 г. Послѣ 10-лѣтняго правленія, онъ умеръ смертію мученика и достойнѣйшаго патріота при взятіи Владимира Татарами въ 1237 г., бывъ сожженъ вмѣстѣ съ многими другими въ своемъ соборномъ храмѣ.

Княжество Суздальское или Владимирское обнимало нынѣшнюю губенію Владимирскую безъ югозападнаго угла или области Муромской, губернію Московскую безъ Волоколамска, Можайска и Коломны (которые къ Новгороду, Смоленску и Рязани), юговосточную меньшую половину Тверской (безъ Торжка и Бѣжецка, которые къ Новгороду) и затѣмъ большую или меньшую часть западной половины губерніи Костромской (по сю сторону Унжи), съ границей на сѣверѣ куда коса и топоръ ходили [1]).

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Владимирско-Суздальскихъ былъ во Владимирѣ знаменитый храмъ Успенія Божіей Матери, построенный Боголюбскимъ въ 1158—60 г. (а въ Суздалѣ также храмъ Богородицы, первоначально построенный Владимиромъ Мономахомъ съ епископомъ Ростовскимъ Ефремомъ, а потомъ вновь въ 1222—24 г. вел. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ съ епископомъ Владимирскимъ Симономъ).

Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей, *Иером. Іоасафа.* Владимиръ, 1857.

15. Епархія Перемышльская (вторая въ области Галичской послѣ епархіи города Галича).

Когда открыта, остается пока неизвѣстнымъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что послѣ Галичской или послѣ 1141 г., а затѣмъ она упоминается въ первый разъ подъ 1220 г., именно —въ Новгородской 1-й лѣтописи читаемъ, что въ семъ году митрополитъ «вдалъ епископію въ Перемышли Новгородскому архіепископу Антонію», который въ предшествующемъ году долженъ былъ оставить свою каѳедру. Послѣ Антонія, который оставался въ Перемышлѣ до 1225 г., упоминается не называемый по имени епископъ Перемышльскій подъ 1241 г. (Ипатск. лѣтоп.).

Городъ Перемышль, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ области и до Галича бывшій старшимъ въ ней и стольнымъ городомъ всего удѣла, находится въ западной части Галиціи, на правомъ берегу рѣки Сана. О каѳедральной церкви древнихъ епископовъ Перемышльскихъ нѣтъ извѣстій; по всей вѣроятности, ею была церковь св. Іоанна, которую построилъ и въ которой погребенъ, по свидѣ-

---

въ которомъ находятся въ настоящее время (въ пещерахъ Антоніевыхъ. А почему Строевъ говоритъ, что «мощи его въ Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ», остается намъ неизвѣстнымъ).

[1]) Кострома упоминается какъ городъ съ 1213 г., Галичъ какъ таковой же въ 1237-мъ; вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ въ нихъ обоихъ особые удѣлы.

тельству Длугоша, Володарь Ростиславичъ [1]), ибо и въ настоящее время каѳедральная церковь уніатскихъ Перемышльскихъ епископовъ есть церковь Рождества Іоанна Крестителя [2]).

16. Епархія Угровская (также въ области Галичской).

Городъ Угровескъ, Угровскъ или Угорескъ, находился въ нынѣшней Люблинской губерніи, при впаденіи рѣки или рѣчки Угеръ въ западный Бугъ, отъ которой и получилъ свое имя (въ настоящіе время селеніе Угрускъ, прямо на востокъ отъ Люблина и на сѣверо-востокъ отъ Холма, противъ городка Опалина). Изъ селенія въ городъ онъ возведенъ былъ Даниломъ Романовичемъ за то или другое количество лѣтъ до нашествія Монголовъ [3]). Епископія была открыта въ немъ Даниломъ при сейчасъ указанномъ случаѣ и находилась въ немъ весьма не долго, бывъ вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ переведена въ Холмъ. Единственнымъ епископомъ Угровскимъ былъ Іоасафъ, который послѣ нашаствія Монголовъ пытался было скочить на праздный столъ митрополичій, но за то лишонъ былъ собственнаго престола [4]). Упоминается въ Угровскѣ монастырь св. Данилья [5]), очевидно построенный Даниломъ Романовичемъ въ честь своего ангела. Вѣроятно, въ этомъ монастырѣ и находилась недолговременная епископская каѳедра Угровская [6]).

Нѣкоторые Галичскіе ученые относятъ къ періоду домонгольскому открытіе епархіи Самборской—г. Самбора, находящагося на востокъ отъ Перемышля на верхнемъ Днѣстрѣ [7]). Но грамоты князя Льва Даниловича, въ которыхъ читаются имена трехъ епископовъ Самборскихъ XIII вѣка [8]), несомнѣнно подложны. Епархія Самборская дѣйствительно существовала неизвѣстно сколько времени въ концѣ XV—началѣ XVI вѣка, ибо ея имя стоитъ въ каталогахъ Русскихъ епархій сего времени [9]). Но ея еще не было въ продолженіе второй половины XIV вѣка,

---

[1]) Lib. IV, по изд. 1711 г. р. 425, у Карамз. II прим. 228.

[2]) См. также въ Критическо-исторической повѣсти Червонной Руси *Д. Зубрицкаго,* приложж. стр. 3 fin., грамоту Льва Даниловича, — подложную, но старую.

[3]) Ипатск. лѣт. подъ 1259 г., cfr годы 1204 и 1213.

[4]) Ипатск. лѣт. подъ 1223 г.

[5]) Ibid. подъ 1268 г.

[6]) Шематизмъ уніатскихъ монастырей въ Галиціи, напечанной во Львовѣ въ 1867 г., стр. 133, утверждаетъ это положительно.

[7]) См. въ Зорѣ Галицкой яко альбумѣ на годъ 1860 статью А. Добряньскаго: Короткіи записки историческіи о мѣстѣ Самборѣ, стр. 350, и историческое введеніе въ Шематизмъ епископіи Перемышльской (по крайней мѣрѣ въ Шамат. 1868 г.).

[8]) Авраама 1254 г., Евѳимія 1292 г. и Антонія 1295 г. (Добрянск.).

[9]) Никон. лѣт. т. I, прибавлл. стр. 2, и Описанія Сvнод. ркп. Горск. и Невостр. № 228.

отъ которой мы имѣемъ нѣсколько греческихъ оффиціальныхъ актовъ, перечисляющихъ всѣ епископіи бывшей тогда митрополіи Галичской, но не упоминающихъ епископіи Самборской[1]).

Составляетъ вопросъ время открытія епархіи Луцкой,—г. Луцка, находящагося въ древней области, нынѣшней губерніи Волынской, верстахъ въ 80—90 на востокъ отъ Владиміра, на р. Стыри. Въ первый разъ епархія упоминается подъ 1288 г.[2]), но не какъ тогда открытая, а какъ уже существовавшая прежде. Послѣ соединенія Волыни съ Галиціей Романомъ Мстиславичемъ, первая составила въ послѣдней частнѣйшій удѣлъ, и послѣ смерти Романа, въ продолженіи 60 лѣтъ, имѣла своимъ княземъ его младшаго сына Василька, одновременно съ тѣмъ, какъ на столѣ Галицкомъ сидѣлъ старшій сынъ Даніилъ. Какъ старшій братъ открылъ у себя одну новую епископію (Угровскую), такъ тоже самое могъ сдѣлать и младшій; какъ однимъ епископія была открыта еще до нашествіе Монголовъ, такъ тогда же она могла быть открыта и другимъ. Слѣдовательно, вообще очень могло быть, что епископія Луцкая открыта еще въ періодъ домонгольскій. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, а по этому и рѣчи объ епископіи Луцкой должны быть отложены до послѣдующаго времени.

---

[1]) Миклошича Acta Patriarchat. Constantinop. t. I, pp. 269, 579 и 583.

[2]) Въ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Просвѣщеніе.

I.

Неудавшаяся попытка Владимира ввести у насъ просвѣщеніе и наше дѣйствительное просвѣщеніе — грамотность.

Мы говорили выше, что креститель Руси св. Владиміръ, принимая отъ Грековъ христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ заимствовать отъ нихъ и всю ихъ культуру, имѣя намѣреніе сдѣлать свой народъ относительно сей послѣдней тѣмъ же, чѣмъ были они сами, и что просвѣщеніе при этомъ было у него на первомъ планѣ. Но увы! X вѣкъ былъ еще не у пришедшимъ для насъ временемъ и нашъ первый Петръ Великій потерпѣлъ съ своими благими замышленіями совершенную неудачу. Ставъ народомъ христіанскимъ, мы вовсе не стали народомъ просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе было вводимо и введено къ намъ, но оно у насъ не принялось и не привилось и почти тотчасъ же послѣ введенія совершенно безслѣднымъ образомъ исчезло. Послѣ сего просвѣщеніемъ нашимъ въ періодъ домонгольскій было то-же самое, что и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, именно — при совершенномъ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго просвѣщенія или научнаго образованія одна простая грамотность, одно простое умѣнье читать.

Что въ періодъ до-монгольскій мы не имѣли дѣйствительнаго просвѣщенія, какъ то хотѣлъ думать Карамзинъ, это въ настоящее время для людей не съ исключительнымъ образомъ мыслей составляетъ предметъ безспорный, который напрасно было бы доказывать. Наоборотъ, въ настоящее время не примѣчается и не отмѣчается въ нашей исторіи тотъ

ея эпизодъ, составляющій по отношенію къ Владиміру его великую заслугу, что онъ хотѣлъ было ввести къ намъ просвѣщеніе.

Это послѣднее есть однако несомнѣнный фактъ.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ во что бы то ни стало хочетъ заключить родственный союзъ съ императорами греческими и для достиженія своей цѣли прибѣгаетъ къ такому крайнему средству, какъ война. Для чего могъ быть ему нуженъ этотъ родственный союзъ? Просто для того, чтобы удовлетворить своему тщеславію — имѣть женой сестру императоровъ? Но представлять, чтобы для этого только онъ рѣшился даже на войну, значитъ считать его сумазброднымъ безумцемъ и совершеннымъ Донъ-Кихотомъ, на что мы по всему, что́ знаемъ о немъ, не имѣемъ ни малѣйшаго права. Единственный разумный смыслъ, который можно придавать этому, во что бы то ни стало, желанію Владиміра вступить въ родственный союзъ съ императорами Константинопольскими, есть тотъ, что онъ желалъ вступить въ возможно тѣсный союзъ съ Греками и что въ родствѣ съ императорами онъ видѣлъ лучшее средство для достиженія этой своей цѣли. Но на что же ему могъ быть нуженъ возможно тѣсный союзъ съ Греками? Предполагать, будто онъ нуженъ былъ за тѣмъ, чтобы получить изъ Греціи крестовъ и иконъ и вообще церковной утвари, было бы, конечно, неосновательно и странно, ибо для этого не требовалось никакого союза, а стоило только послать въ Грецію деньги съ купцами и поручить имъ произвести закупки. Очевидно, необходимо предполагать, что Владиміръ желалъ достигнуть посредствомъ этого союза какихъ нибудь весьма важныхъ и серьезныхъ цѣлей. Какихъ-же именно? Цѣлей церковныхъ нѣтъ никакого основанія предполагать, ибо для полученія митрополита и епископовъ, въ чемъ онѣ могли состоять, Владиміръ вовсе не имѣлъ нужды быть просителемъ и искателемъ, а слѣдовательно вовсе не имѣлъ нужды добиваться и родственнаго союза, который бы обезпечилъ успѣхъ просьбы: здѣсь онъ долженъ былъ только не отказываться принять то, о чемъ, наоборотъ, просили бы его сами Греки. Такимъ образомъ, необходимо предполагать цѣли государственныя. Чего же Владиміръ могъ искать для своего государства у Грековъ? Крестивъ Русь, Владиміръ присоединилъ ее къ семейству государствъ, исповѣдующихъ христіанство или къ семейству государствъ европейскихъ. За симъ ему оставалось желать для своего государства, чтобы оно не только по вѣрѣ, но и во всемъ стало подобно тѣмъ государствамъ, которыя стояли во главѣ этого семейства и которыя представляли собою идеалъ для всѣхъ другихъ, т. е. чтобы въ его страну перенесена была вся та гражданская культура, которая была у самихъ Грековъ, чтобы эти послѣдніе перенесли на его Русь, передали ей и насадили въ ней все то, что въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣянія имѣли сами. Для этой цѣли ему необходимы были весьма многіе люди, которыхъ бы дали ему

Греки, для этой цѣли ему болѣе всего и непремѣнно необходимо было, чтобы Греки имѣли желаніе доброхотствовать Руси, и слѣдовательно — для этой цѣли ему дѣйствительно необходимъ былъ тотъ тѣсный, родственный, союзъ съ императорами греческими, котораго онъ такъ настоятельно добивался. Но если такимъ образомъ по поведенію Владимира необходимо предполагать, что онъ желалъ и добивался перенести на Русь изъ Греціи все то, что имѣла послѣдняя, то при этомъ просвѣщеніе само собою и прежде всего предполагается. Гражданская культура Грековъ, какъ и всякая культура, состояла изъ просвѣщенія и ремеслъ; желая и добиваясь ея перенесенія на Русь во всемъ ея объемѣ, Владимиръ долженъ былъ желать и добиваться, чтобы перенесены были одно и другія. Само собою предполагается, что Владимиръ, какъ человѣкъ не только не просвѣщенный, но и совсѣмъ безграмотный, не могъ указывать Грекамъ, чего именно онъ желалъ относительно просвѣщенія. Онъ могъ только вообще требовать, чтобы Руси дано было все то, что имѣли Греки; а затѣмъ поставить дѣло такъ или иначе, дать тѣхъ или иныхъ людей уже зависѣло отъ доброжелательства Грековъ, заручиться которымъ посредствомъ родственнаго союза поэтому онъ такъ и добивался.

Такимъ образомъ, необходимо предполагать, что Владимиръ желалъ, чтобы изъ Греціи было перенесено на Русь просвѣщеніе.

Лѣтопись наша свидѣтельствуетъ, что это желаніе было осуществлено, было приведено въ исполненіе. Тотчасъ послѣ возвращенія изъ похода подъ Корсунь, когда съ женой — сестрой императоровъ греческихъ онъ привелъ и всѣхъ тѣхъ Грековъ, которые ему были нужны для предполагаемой и желаемой имъ культиваціи Руси, онъ, по свидѣтельству лѣтописи, «пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное» [1]). Нарочитая чадь означаетъ избранное сословіе общества, — бояръ и аристократію. Я уже нѣсколько разъ говорилъ выше, что невозможно предполагать, будто дѣти бояръ набраны были для ученья книжнаго съ тою цѣлію, чтобы приготовить ихъ во священники. Не только невозможно, но и нелѣпо предполагать это. Во-первыхъ, для священства нисколько не были необходимы именно дѣти бояръ, а между тѣмъ они нужны были самому князю для его собственной службы: съ какой же бы стати онъ рѣшился пожертвовать ими? Во-вторыхъ, предполагать, чтобы бояре захотѣли отдать своихъ дѣтей во священники — значило бы тоже, что предполагать, будто они имѣли охоту сдѣлать дѣтей своихъ изъ бояръ пролетаріями и паріями, ибо это именно были священники въ сравненіи съ боярами. Наконецъ, въ-третьихъ, и самое убѣдительное: въ данномъ мѣстѣ лѣтописи идетъ рѣчь о дѣтяхъ въ собственномъ смыслѣ или о мальчикахъ; но предполагать, чтобы для

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 988 г. sub fin.

приготовленія во священники были набраны мальчики, а не взрослые, когда священники нужны были сейчасъ, а мальчиковъ пришлось бы весьма долго ждать, и когда набрать первыхъ вмѣсто послѣднихъ не было совершенно никакой особенной нужды, значило бы предполагать нѣчто совсѣмъ безсмысленное. Но если такимъ образомъ дѣти бояръ отданы были въ ученье книжное не затѣмъ, чтобы готовиться во священники, то за чѣмъ же другимъ? Ясно и очевидно, что ни за чѣмъ другимъ, какъ за тѣмъ, чтобы они стали людьми образованными, чтобы съ этого перваго поколѣнія христіанскихъ дѣтей водворилось въ боярствѣ или въ аристократіи просвѣщеніе.

Лѣтописецъ не говоритъ намъ, на какое ученье книжное розданы были дѣти бояръ — на ученье ли просто грамотѣ, умѣнью читать, или на ученье настоящее, научное: съ какой же стати предполагать послѣднее, а не первую? Съ той именно стати, что предполагать послѣднее необходимо заставляетъ все сказанное нами выше о поведеніи Владимира. Онъ употребляетъ величайшія усилія на то, чтобы добиться возможно тѣснаго союза съ Греками; этотъ союзъ необходимъ ему для того, чтобы получить отъ Грековъ нужныхъ ему людей. Ясно, что тутъ идетъ дѣло о людяхъ весьма большой важности, отъ которыхъ ожидается что-то далеко не совсѣмъ обыкновенное: неужели же эти люди, изъ-за которыхъ столько хлопотъ и стараній, изъ-за которыхъ война и бракъ съ сестрой императоровъ, ни больше ни меньше, какъ просто учители грамоты? Если бы это было такъ, то это было-бы истиннымъ parturiunt montes, nascitur ridiculus mus. Если Владимиру нужны были только учители грамоты, то съ какой стати онъ сталъ бы искать и добиваться ихъ отъ Грековъ? Учителей славянской грамоты ему естественно было бы взять отъ Болгаръ или отъ Венгерскихъ Русскихъ, а не отъ Грековъ, ибо въ этомъ случаѣ настоящими учителями были бы первые, а нисколько не послѣдніе. Наконецъ для грамоты онъ не имѣлъ нужды добиваться учителей нигдѣ, — грамота у насъ была введена уже давно прежде.... Послѣ похода подъ Корсунь Владимиръ спѣшитъ раздать дѣтей боярскихъ на ученье книжное. Если это ученье книжное было дѣйствительное просвѣщеніе, то поспѣшность въ такой раздачѣ дѣтей боярскихъ для насъ будетъ совершенно понятна. Владимиръ торопится ввести въ Россію просвѣщеніе, котораго въ ней дотолѣ не было и которое должно было положить начало новому періоду ея жизни. Сословіе бояръ предназначалось быть образованнымъ или просвѣщеннымъ сословіемъ Руси, и вотъ Владимиръ и спѣшитъ набрать дѣтей боярскихъ. Но какой смыслъ будетъ имѣть эта поспѣшность, если разумѣть только обученіе грамотѣ? Къ чему Владимиръ сталъ-бы торопиться сдѣлать своихъ бояръ грамотными? Чтобы скорѣе сдѣлать изъ нихъ почитателей божественныхъ писаній? Но всякій пойметъ, что эта роль не по боярству. Приготовлялось сословіе духовенства; ему есте-

ственно имѣло быть предоставлено и отъ него естественно имѣло быть ожидаемо это почитаніе божественныхъ писаній и крайне странно было бы Владиміру спѣшить тутъ съ боярствомъ.

Бывъ водворено у насъ весьма не надолго, бывъ водворено въ томъ высшемъ сословіи, принадлежащія къ которому лица даже и въ настоящее время нисходятъ въ разрядъ писателей въ видѣ только рѣдкаго исключенія, просвѣщеніе не оставило у насъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ своего существованія, которыми бы мы могли несомнѣнно доказать это послѣднее. Тѣмъ не менѣе однако мы встрѣчаемъ въ нашей исторіи за то древнѣйшее время, которое разумѣемъ, нѣсколько такихъ явленій, предъ которыми, въ случаѣ если мы не допустимъ предполагаемый нами кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи, и которыя слѣдовательно говорятъ ни за что другое, какъ за этотъ фактъ его существованія. Укажемъ на то, что пока знаемъ, надѣясь, что обращенное на дѣло вниманіе откроетъ и кое-что другое. Мы говорили выше о митрополитѣ Иларіонѣ, который былъ изъ природныхъ Русскихъ и который былъ поставленъ въ митрополиты Ярославомъ въ 1051 г. въ самой Россіи безъ посыла для посвященія въ Грецію. Этотъ митрополитъ Иларіонъ оставилъ послѣ себя знаменитое сочиненіе, которое называется Словомъ о законѣ и благодати и содержаніе котораго мы передадимъ ниже. Сочиненіе или слово Иларіона, знаменитое дѣйствительно вполнѣ заслуженнымъ образомъ и изъ всѣхъ памятниковъ письменности до-монгольскаго періода сравнимое по качествамъ и по достоинствамъ только съ словомъ о полку Игоря, хотя по сущности и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, представляетъ собою именно такого рода явленіе, которое мы, не предполагая въ древней Владиміро-Ярославовой Руси существованія настоящаго просвѣщенія, рѣшительно не въ состояніи будемъ объяснить. Слово Иларіона есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина. Всякое ораторское произведеніе слагается изъ двухъ элементовъ — изъ внутренней силы краснорѣчія, которая выражаетъ собою просто прирожденную степень ораторскаго таланта и не пріобрѣтается ни посредствомъ ничего, и изъ внѣшняго воплощенія или внѣшней отдѣлки, которая есть слѣдствіе бо̀льшаго или меньшаго знакомства съ наукой ораторства, умѣнье которой пріобрѣтается посредствомъ ученія. Мы не говоримъ о внутреннихъ ораторскихъ достоинствахъ Слова, которыя, показывая въ Иларіонѣ первокласнаго урожденнаго оратора, насъ не касаются, но о достоинствахъ внѣшнихъ, которыя не даются природою, а пріобрѣтаются наукою и которыя предполагаютъ бо̀льшую или меньшую степень знакомства съ сей послѣдней. По этимъ внѣшнимъ достоинствамъ Слово Иларіона

совершенно безъукоризненно: съ совершеннымъ ораторскимъ умѣніемъ и искусствомъ сдѣлано общее расположеніе слова, о совершенномъ знаніи ораторства, какъ школьной науки, свидѣтельствуетъ отдѣлка всѣхъ частностей, гдѣ все отдѣлано отлично, гдѣ нѣтъ ничего лишняго и гдѣ съ совершеннымъ ученымъ умѣніемъ употреблены въ дѣло всѣ внѣшніе ораторскіе ресурсы. Если бы перевести Слово на русскій языкъ и сказать вамъ, что оно есть новооткрытая лучшая рѣчь Карамзина, то вы, сколько по внутреннимъ, столько и по внѣшнимъ его качествамъ, ничего бы не нашли въ этомъ невѣроятнаго и для васъ осталось бы не совсѣмъ понятнымъ только то, съ какой стати Карамзинъ взялъ на себя написать рѣчь духовнаго содержанія.

Итакъ, Слово Иларіона стоитъ передъ нами какъ загадочное явленіе. Какъ мы объяснимъ себѣ его возможность, если не предположимъ, что въ древней Руси было непродолжительное время, когда въ ней существовало настоящее просвѣщеніе, когда въ ней преподавалась и изучалась реторика, какъ наука? Рѣшительно никакъ. Но предположите, что Иларіонъ, по своему происхожденію, вѣроятно, не бояринъ, попалъ однако какимъ-то случайнымъ или неслучайнымъ, неизвѣстнымъ намъ, образомъ въ ученіе къ одному изъ тѣхъ, назначенныхъ собственно для бояръ, учителей, которые должны были преподавать настоящія науки, и для насъ дѣло станетъ яснымъ. Учитель Иларіона оказался очень хорошимъ учителемъ реторики и онъ, преподававъ ее ему, образовалъ внѣшнимъ образомъ его внутренній ораторскій талантъ[1]).

Владиміръ, желавшій и самымъ дѣломъ пытавшійся ввести въ Россію просвѣщеніе, и Ярославъ, еще поддерживавшій его попытку, конечно, прежде всего заботились о просвѣщеніи своихъ собственныхъ дѣтей, т. е. заботились о томъ, чтобы введеніе того настоящаго научнаго образованія, которое они хотѣли водворить въ боярствѣ, началось именно съ этихъ ихъ собственныхъ дѣтей. Отъ позднѣйшихъ писателей, представителей только грамотности, а не просвѣщенія, и разумѣющихъ послѣднее только подъ видомъ первой, мы ничего не можемъ ожидать, кромѣ того, что бы они сказали, что-де были дѣти того и другаго и грамотѣ научены, ибо сказать это было въ данномъ случаѣ все, что они могли сказать.

[1]) Могутъ возразить намъ, что Иларіонъ, человѣкъ съ совершенно исключительной натурой, представляетъ собою единичное исключеніе (подобное тѣмъ единичнымъ исключеніямъ, о которыхъ говоримъ мы нѣсколько ниже за послѣдующее время), т. е. что онъ одинъ успѣлъ получить научное образованіе у одного изъ Грековъ, находившихся въ Россіи, и что отъ его примѣра нѣтъ права дѣлать общихъ заключеній. Но и люди съ исключительными натурами рвутся къ просвѣщенію, когда видятъ его передъ собой или когда слышатъ о немъ. Юность Иларіона относится къ такому раннему времени христіанства у насъ, что онъ еще не могъ быть наслышанъ о просвѣщеніи у Грековъ. Слѣдовательно, необходимо думать, что онъ видѣлъ его, т. е. видѣлъ у себя дома.

Такъ именно и говоритъ преп. Несторъ объ образованіи, данномъ Борису. Но къ счастію для насъ одно совершенно достовѣрное лицо сдѣлало случайную замѣтку, которая представляетъ все дѣло совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Владиміръ Мономахъ въ своей извѣстной нравоучительной грамотѣ дѣтямъ или въ своемъ поученіи [1]) говоритъ, что его отецъ Всеволодъ, сынъ Ярослава, зналъ пять языковъ, — «отецъ мой изумѣяше пять языкъ»... [2]) Человѣкъ, знающій пять языковъ, это, конечно, совсѣмъ не то, что «бяше бо и грамотѣ наученъ». Знаніе многихъ языковъ вовсе не такая хитрая вещь, какъ это иные предполагаютъ, — въ заграничныхъ городахъ, которые посѣщаютъ иностранцы, вы сплошь и рядомъ найдете чичероне или гидовъ, которые говорятъ на множествѣ языковъ; въ восточныхъ портовыхъ городахъ, куда приходятъ суда всѣхъ націй, простые хамалы или носильщики нерѣдко говорятъ не менѣе, какъ именно на пяти языкахъ. Но иное дѣло нужда и иное дѣло отсутствіе нужды. На что нужно князю знаніе пяти языковъ? Положимъ, что два изъ нихъ—Варяжскій и Половечскій—онъ изучилъ практически и для практическихъ цѣлей, т. е. потому и для того, что Варяги находились у насъ на службѣ, а съ Половцами мы имѣли непрестанныя войны и весьма частыя сношенія. Но остаются еще три языка. Человѣкъ безъ практическихъ цѣлей изучающій иностранные языки или будетъ совершенная безсмыслица или, чтобы сдѣлать его со смысломъ, необходимо предполагать какія нибудь иныя цѣли. Но кромѣ цѣлей практическихъ, какія еще иныя цѣли, какъ не цѣли научной любознательности? Слѣдовательно человѣка, изучающаго иностранные языки не для цѣлей практическихъ, необходимо представлять себѣ какъ человѣка образованнаго, и слѣдовательно — таковъ предъ нами Всеволодъ, сынъ Ярослава. Заключая отъ него, мы получаемъ право думать, что образованіе и всѣхъ другихъ сыновей Ярослава, равно какъ и сыновей Владиміра, состояло не въ томъ только, что они «бяху и грамотѣ научени».

Въ лѣтописи мы имѣемъ извѣстіе о книжности самого Ярослава. Читая это извѣстіе съ предзанятой мыслью не найдти въ немъ ничего особеннаго, ничего особеннаго и не находятъ. Ярославъ весьма любилъ читать книги, по его приказанію было списано весьма много рукописей и даже были дѣлаемы переводы съ греческаго языка. Такъ понимаютъ лѣтопись. Но вотъ подлинныя слова этой послѣдней: «Ярославъ же любимъ бѣ книгамъ... и прележа (имъ) и почитая е часто въ нощи и въ дне, и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и списаша книги

---

[1]) Она въ Лаврент. лѣт. подъ 1096 г.

[2]) Поучая дѣтей, онъ пишетъ: «его же умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель».

многы» [1]). Присмотритесь повнимательнѣе: говорится о писцахъ, но не говорится о переводчикахъ, писцы списаша книги многи, переводъ же прекладаше, но не прекладаша. Не ясно ли, что прямой и буквальный смыслъ лѣтописи есть тотъ, что переводомъ съ греческаго Ярославъ занимался самъ? Этимъ нисколько ни устраняется, если угодно, возможность предположенія, что были дѣлаемы переводы и не имъ самимъ; но во всякомъ случаѣ едва ли остается подлежащимъ какому сомнѣнію то, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ лѣтописи говорится о переводахъ, дѣланныхъ не по его приказанію, а именно имъ самимъ. Но если Ярославъ зналъ греческій языкъ, если онъ способенъ былъ переводить съ греческаго на славянскій, то ясно, что его образованіе состояло не только въ томъ, что онъ «бѣ и грамотѣ наученъ».

Итакъ несомнѣнно, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ Владиміромъ. Но оно у насъ не принялось и не привилось и весьма скоро отъ насъ исчезло. Какая же могла быть тому причина?

Причиной этой необходимо полагать то, что къ намъ введенъ былъ отъ Грековъ тотъ идеальный способъ поддержанія просвѣщенія, который намъ оказался не по силамъ.

Читатель, привыкшій видѣть, что просвѣщеніе поддерживается посредствомъ казенныхъ, содержимыхъ правительствами, училищъ, конечно, полагаетъ, что это есть единственный способъ его поддержанія и не представляетъ себѣ инаго. На самомъ же дѣлѣ, это есть способъ не единственный и вовсе не первоначальный, а явившійся только, говоря сравнительно, очень недавно. Прежде чѣмъ правительства дошли до мысли сдѣлать просвѣщеніе дѣломъ государственнымъ и взять заботы о немъ на себя, что̀ случилось на Западѣ только въ началѣ нашихъ новыхъ временъ, оно весьма долгое время существовало между людьми, какъ дѣло частное, предоставленное совершенно самому себѣ и исключительно ихъ собственнымъ заботамъ. Таковымъ частнымъ дѣломъ было просвѣщеніе во всей классической древности, которая совсѣмъ не знала казенныхъ училищъ; таковымъ оно оставалось у Грековъ отъ временъ классическихъ и до той самой поры, какъ мы приняли отъ нихъ христіанство. Частные люди, имѣвшіе охоту научать другихъ или преподавать другимъ то, что сами знали, по собственной иниціативѣ открывали или у себя на домахъ, или въ извѣстныхъ общественныхъ мѣстахъ, такъ сказать публичныя чтенія; другіе частные люди, имѣвшіе собственную охоту учиться, собирались къ тѣмъ или другимъ изъ первыхъ, къ кому хотѣли, слушать ихъ курсы — въ такомъ видѣ существовало дѣло ученія во всей классической древности, въ такомъ видѣ оно сохранялось у Грековъ и до позднѣйшаго времени. Къ намъ перенесена была отъ Грековъ, есте-

---

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 1037 г.

ственно, та форма поддержанія просвѣщенія, какая существовала у нихъ, т. е. сейчасъ нами указанная, и эта-то форма и оказалась намъ не по силамъ [1]).

Послѣ похода Корсунскаго Владимиръ привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ таковаго, а оставилъ каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ и свободнымъ или такъ сказать вольно-практикующимъ профессоромъ и раздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и лѣтопись, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ [2]). Эта-то форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо

---

1) Въ половинѣ IX вѣка, при импер. Михаилѣ III, извѣстный Кесарь Варда, человѣкъ просвѣщенный и имѣвшій усердную охоту покровительствовать просвѣщенію, завелъ было въ Константинополѣ нѣчто въ родѣ высшаго казеннаго училища, давъ ему помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ и именно въ томъ отдѣленіи послѣдняго, которое называлось Магнавра или Манавра (Scriptores post Theophanem, ed. Paris. p. 115 sqq,—Constantini Continuat. lib. IV nn. 26 и 29, Амартолъ по изд. Муральта стр. 734 прим., о самой Магнаврѣ Византія Κωνσταντινσπ. 1, 207 и 593). Но послѣ Варды мы нигдѣ не встрѣчаемъ объ этомъ училищѣ никакихъ упоминаній и извѣстій, и нѣтъ сомнѣнія, что тотчасъ или не тотчасъ послѣ него оно прекратило свое существованіе cfr, Ліутпранда Antapodosis lib. VI, § 5). Что касается до мнѣній многихъ ученыхъ, которые относятъ первоначальное основаніе этого такъ называемаго придворнаго училища къ первой половинѣ V в., къ правленію импер. Θеодосія Младшаго, то оно не справедливо: импер. Θеодосій въ своемъ указѣ отъ 425 г., на которомъ оно основывается (Cod. Theodos. lib. XIV, tit. IX l. 3), говоритъ не объ учрежденіи какого нибудь казеннаго училища, а объ учителяхъ частныхъ, изъ числа которыхъ извѣстному количеству онъ представляетъ право публичнаго обученія и въ казенныхъ помѣщеніяхъ (еще о частныхъ учителяхъ въ Кодексѣ Θеодосіевомъ—lib. VI tit. XXI, lib. XIII tit. III, lib. XIV tit. IX, все повторено въ Кодексѣ Юстиніановомъ). Подобнымъ образомъ передъ Вардою импер. Θеофилъ далъ казенное въ своемъ дворцѣ помѣщеніе частному учителю Льву философу, о чемъ Амартолъ по изд. Муральта, стр. 713 sub fin и Scriptt. post Theophan. ed. Paris, p. 424. Относительно такъ называвшагося «вселенскаго учителя» (οἰκουμενικὸς διδάσκαλος) и при немъ 12-ти или большаго числа помощниковъ (о которыхъ Амартолъ по изд. Муральта стр. 634, а изъ новыхъ изслѣдователей Дюканжъ въ Constantinop. Christ. lib. II cap. IXX n. 3 и въ Gloss. Graecit. подъ словомъ διδάσκαλος и Византій въ Κωνσταντινσπ. I, 457), также несправедливо думаютъ, будто они представляли собой высшее училище. Они не составляли изъ себя никакого училища, а были учеными библіотекарями при императорской библіотекѣ и имѣли своей обязанностію въ случаяхъ нужды дѣлать ученыя справки и подавать свое ученое мнѣніе правительствамъ гражданскому и церковному: отъ этой послѣдней обязанности и названіе главнаго библіотекаря—вселенскій учитель.

2) «Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и *даяти нача* на ученье книжное.... Симъ же (дѣтямъ) *раздаяномъ* на ученье книгамъ, събыстся пророчество на Русьстѣй земли»...

думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло черезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето.

Если бы заведены были казенныя училища или — такъ какъ на первое время училищъ могло быть заведено только одно въ Кіевѣ — если бы заведено было казенное училище, то въ немъ былъ бы введенъ извѣстный опредѣленный курсъ или кругъ ученія, какой былъ бы признанъ наивозможно за лучшій. Въ казенномъ училищѣ этотъ курсъ ученія не подвергался бы опасности произвольныхъ сокращеній и постоянно оставался бы однимъ и тѣмъ же. Ученики, не будучи выпускаемы изъ такого училища до окончанія полнаго курса ученія, волей-неволей изучали бы всѣ положенныя науки, и такимъ образомъ подобное училище невольно и, такъ сказать, насильственно насаждало бы въ сословіи бояръ образованіе до тѣхъ поръ, пока бы оно не стало его добровольной потребностію. Совсѣмъ другое должно было случиться при заимствованномъ нами отъ Грековъ способѣ частнаго обученія. Приведены были изъ Греціи ученые люди и открыли у себя на домахъ частные пансіоны, въ которые были розданы и имѣли быть отдаваемы дѣти бояръ для ученія. Намѣреніе и желаніе правительства было то, чтобы въ этихъ пансіонахъ дѣти бояръ получали возможно лучшее научное образованіе, какое могли дать приведенные учители, чтобы они изучали все то, что было въ Греціи. Но при системѣ частныхъ пансіоновъ не могло быть контроля правительства, чтобы учащіеся проходили возможно полные желаемые курсы ученія и здѣсь все дѣло относительно сего имѣло быть предоставлено исключительно доброй волѣ ихъ родителей. Эти же послѣдніе не были наклонны къ образованію, не сознавали его нужды и по предоставленной имъ волѣ весьма скоро и сократили курсы ученія своихъ дѣтей такъ, что послѣднее сошло на одну простую грамотность.

Нѣтъ сомнѣнія, у многихъ невольно рождается вопросъ: да отъ чего же Владиміръ, если дѣйствительно хотѣлъ водворить въ Россіи образованіе, не сдѣлалъ такой простой вещи, какъ завести казенное училище въ родѣ нынѣшнихъ гимназій, университетовъ? Отвѣтъ именно тотъ, что примѣра и образца подобныхъ училищъ Владиміръ не видѣлъ у Грековъ, а выдумать ихъ самому — это была далеко не такая простая вещь, какъ бы инымъ казалось. Выдумать подобныя училища — значило изобрѣсти совершенно новый способъ поддержанія образованія, значило совершить въ этомъ отношеніи чрезвычайно важную реформу: нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміра, только помышлявшаго для своей страны объ образованіи, не хватило на то, чтобы быть и реформаторомъ въ способѣ его поддержанія. Казенныя нынѣшнія училища изобрѣлъ практическій Западъ, и изобрѣлъ, какъ должно думать, тоже не сразу, хотя и весьма рано.

Какъ долго продолжался у насъ, въ нашемъ боярствѣ, періодъ истиннаго просвѣщенія, положительно сказать мы, разумѣется, не можемъ. Но необходимо думать, что онъ продолжался чрезвычайно недолго и что собственно онъ началъ кончаться одновременно съ тѣмъ, какъ начался. Весьма вѣроятно или лучше сказать необходимо думать, что изъ перваго же набора дѣтей, сдѣланнаго Владимиромъ тотчасъ послѣ возвращенія изъ Корсуни, очень многіе, если не большая часть, не кончили полныхъ курсовъ ученія и что такимъ образомъ собственно не было не одной генераціи, которая бы была просвѣщенною въ цѣломъ своемъ составѣ или по крайней мѣрѣ въ своемъ большинствѣ. Съ какою быстротой происходило дальнѣйшее убавленіе охотниковъ просвѣщаться настоящимъ просвѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ быстро исчезало и сіе послѣднее, видно изъ того, что около конца XI вѣка, при внукахъ Ярослава, не было никакого и помину и никакой памяти о существованіи у насъ просвѣщенія: преп. Несторъ, говоря о просвѣщеніи Бориса, можетъ сказать только: «бяше бо и грамотѣ наученъ» [1]).

Отвѣтивъ на вопросъ, почему не увѣнчалась успѣхомъ попытка Владимира ввести къ намъ просвѣщеніе, мы вмѣстѣ съ симъ нисколько еще не отвѣтили на вопросъ: почему мы вообще остались безъ просвѣщенія. Этотъ общій вопросъ есть вопросъ самъ по себѣ и требуетъ своего особеннаго отвѣта.

Послѣ неудачной попытки Владимира могли быть сдѣланы сотни другихъ попытокъ, и однако мы не сдѣлали ни одной. Между тѣмъ мы представляли собою народъ, который бы долженъ былъ имѣть просвѣщеніе. По своей территоріи мы принадлежали къ народамъ европейскимъ; принявъ одно и то же съ ними христіанство, мы стали живымъ членомъ въ семействѣ этихъ народовъ. Но отличительною чертой и общею принадлежностью народовъ европейскихъ было то, что они имѣли просвѣщеніе. Почему же только мы одни въ ихъ семействѣ остались безъ сего просвѣщенія?

Вопросъ этотъ, какъ понимаетъ читатель, есть ни болѣе ни менѣе какъ вопросъ о насъ самихъ, ибо тутъ спрашивается: лежитъ ли наше невѣжество на нашей отвѣтственности или нѣтъ?

Пріятно и желательно было бы отвѣчать съ спокойной совѣстію рѣшительнымъ нѣтъ; къ сожалѣнію, не кривя душой, отвѣчать такъ мы не найдемъ возможнымъ.

Оправдать насъ отъ упрековъ за наше невѣжество лежало на сердцѣ нашего почтеннаго исторіографа. Полагая, что просвѣщеніе не только

1) Иначе выражается Несторъ объ ученіи преп. Θеодосія Печерскаго; онъ говоритъ, что послѣдній, будучи отданъ единому отъ учитель «вскорѣ извыче вся граматикія». Эта «граматикія» какъ будто даетъ знать, что еще сохранялась нѣкоторая память объ ученіи, состоявшемъ не изъ одной грамоты.

было вводимо, но и дѣйствительно введено къ намъ, онъ объяснялъ его исчезновіе междуусобіями нашихъ князей, бывшими слѣдствіемъ удѣльной системы, и потомъ нашествіемъ Монголовъ. Въ настоящее время составляетъ предметъ, требующій доказательствъ, то, что просвященіе было вводимо къ намъ и уже нисколько не состовляетъ предмета спорнаго то, что оно не было введено прочнымъ образомъ, что оно не было водворено такъ, чтобы имѣть болѣе или менѣе продолжительный періодъ настоящаго у насъ существованія. Но въ этихъ междуусобіяхъ князей хотятъ видѣть причину, которая воспрепятствовала явиться у насъ просвѣщенію. Увы, какъ совершенно неосновательно ссылался на нихъ Карамзинъ, думая объяснить ими исчезновеніе у насъ просвѣщенія, такъ совершенно не основательно ссылаться на нихъ и какъ на причину, которая воспрепятствовала ему у насъ явиться. Междуусобныя войны составляютъ величайшее несчастіе для народовъ, но, къ счастію, онѣ вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣль пагубнаго вліянія на просвѣщеніе, и напрасно было обвинять ихъ въ томъ, въ чемъ онѣ вовсе не виноваты. Потрудитесь только задать себѣ обстоятельнымъ образомъ вопросъ, какимъ образомъ междуусобныя войны могутъ быть препятствіемъ къ водворенію просвѣщенія, и вы увидите, что или ничего нельзя будетъ отвѣтить или придется отвѣчать однѣми общими, ничего не содержащими и не выражающими, фразами, какъ это и дѣйствительно имѣетъ мѣсто у Карамзина. Конечно, мы не станемъ представлять по-дѣтски этихъ междуусобныхъ войнъ такъ, чтобы онѣ составляли одну непрерывную войну, въ которой заняты были бы безъ исключенія всѣ люди и которая бы обнимала рѣшительно всю страну, такъ что жителямъ при подобной войнѣ не оставалось бы ни о чемъ болѣе подумать и ничего болѣе дѣлать. Князья могли вести весьма частыя междуусобныя войны, но во всякомъ случаѣ у нихъ оставалось совершенно достаточно времени на то, чтобы заботиться о просвѣщеніи, если бы они того хотѣли. Возьмите дѣло нагляднѣе: вотъ въ Кіевѣ любой великій князь до-монгольскаго періода; какъ ни много велъ междуусобныхъ войнъ этотъ взятый великій князь, во всякомъ случаѣ онъ не велъ ихъ непрерывно: что же бы могло воспрепятствовать его заботамъ о просвѣщеніи? Непрерывныя заботы о войнѣ? Но этотъ отвѣтъ не пустая фраза и не смѣшенъ только тогда, когда въ него не вдумаешься: человѣкъ не созданъ такъ, чтобы одна забота исключала въ немъ возможность всякихъ другихъ заботъ. Кромѣ войнъ, князья заботятся обо всемъ другомъ, что подлежало ихъ заботамъ, какъ государей: отъ чего же они не имѣютъ времени и возможности позаботиться только о просвѣщеніи? Можетъ быть, инымъ думается, что заботы о войнахъ не совмѣстны съ заботами о просвѣщеніи. Но исторія отвѣчаетъ намъ, что думать такъ совершенно напрасно. Нѣмецкій Карлъ Великій и нашъ русскій Петръ Великій были государи самые воинственные, какихъ только можно

представить, и однако именно они были вводителями просвѣщенія въ своихъ странахъ. Междуусобныя войны должны были губить множество воиновъ, наносить весьма много ущерба мирнымъ гражданамъ и причинять чрезвычайно большой вредъ государству: но какимъ образомъ онѣ могли мѣшать просвѣщенію? Отцы были заняты войнами или страдали отъ нихъ, но какъ это могло препятствовать учиться дѣтямъ? Представлять ли дѣло такъ, что дѣти были заняты глазѣніемъ на войны? Въ междуусобныхъ войнахъ непрестанно пылали города, такъ что нужно было спасать жизнь, заботиться о кровѣ и не было возможности думать о томъ, чтобы учиться? Но когда говорится объ этихъ непрестанныхъ пожарищахъ городовъ, то всякій знаетъ и понимаетъ, что это говорится нисколько не буквально, а метафорически. Города пылали, но вовсе не непрестанно и не было ничего похожаго на то, чтобы всѣ города пылали каждый годъ. Возьмите исторію Кіева и другихъ стольныхъ городовъ, и вы увидите, что не шутя говорить, будто въ этихъ городахъ въ періодъ до-монгольскій нельзя было учиться, было бы въ высшей степени странно, чтобы не сказать болѣе.

Если междуусобныя войны пагубны для настоящаго просвѣщенія, то онѣ должны быть столько же пагубными и для простой грамотности: придетъ ли однако кому нибудь въ голову дивиться тому, что междоусобныя войны не убили у насъ этой послѣдней? Междуусобныя войны и грамотность — всякій согласится, что предполать вредное вліяніе однихъ на другую было бы весьма неожиданно и оригинально; но на самомъ дѣлѣ совершенно то же самое—предполагать вредное вліяніе этихъ войнъ и на дѣйствительное просвѣщеніе. Какъ исторія доказываетъ намъ, что войны ни малѣйше не мѣшаютъ государямъ заботиться о просвѣщеніи, если они того хотятъ, такъ та же исторія доказываетъ намъ, что междуусобныя. войны ни малѣйше не препятствуютъ и водворяться въ странахъ просвѣщенію. Въ западной Европѣ просвѣщеніе возрождалось развѣ не среди такого же множества междуусобныхъ войнъ, какъ это было у насъ? Кто не знаетъ тѣхъ страшныхъ междуусобій, которыя раздирали средневѣковую Италію, и однако просвѣщеніе воскресало въ ней именно среди этихъ междуусобій.

Междуусобія, если угодно, содѣйствуютъ просвѣщенію, потому что возбуждаютъ умы людей общественными бѣдствіями, но, тяжко обвиняемыя во многомъ, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обвиняемы въ томъ, чтобы были какой нибудь помѣхой просвѣщенію. Наконецъ, если угодно, междуусобія нашихъ князей могутъ быть оставлены совсѣмъ въ сторонѣ, и вопросъ останется всетаки вопросомъ. Когда мы спрашиваемъ: почему не ввелось въ Россіи просвѣщеніе, то изъ числа подлежащихъ отвѣту мы нисколько не исключаемъ наше духовенство; но къ нему междуусобія князей уже, конечно, не имѣютъ никакого отношенія. Какія

внѣшнія государственныя бѣдствія могли помѣшать водвориться просвѣщенію въ нашихъ монастыряхъ?

Что иго монгольское не могло воспрепятствовать намъ ввести къ себѣ просвѣщеніе, это совершенно ясно будетъ для всякаго, кто припомнитъ, что Монголы, одинъ разъ опустошительнымъ образомъ прошедъ по Россіи, сѣли потомъ въ сторонѣ и нисколько не вмѣшивались въ наши внутреннія дѣла. Но мы не будемъ распространяться объ этомъ игѣ. Если въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ, ему предшествовавшихъ, мы оставались безъ просвѣщенія, то для насъ станетъ понятно и безъ всякой внѣшней причины, почему мы остались безъ просвѣщенія потомъ. Въ продолженіе духъ съ половиной вѣковъ непросвѣщеніе или невѣжество уже успѣло пріобрѣсти у насъ право гражданства и давности, уже успѣло пріобрѣсти видъ нормальнаго положенія [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ обратиться къ людямъ съ исключительнымъ образомъ мыслей, которые упорно стоятъ на томъ, что въ періодъ домонгольскій было у насъ настоящее просвѣщеніе и что его истребило нашествіе Монголовъ. Пусть эти люди потрудятся себѣ и намъ объяснить, какимъ же образомъ могло это случиться. Положимъ, что Монголы въ свое первое нашествіе сожгли большую часть училищъ, истребили большую часть учебныхъ книгъ и перебили большу часть учителей: неужели отъ всего этого могло исчезнуть просвѣщеніе, которое существовало передъ тѣмъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ? Развѣ училища не могли быть построены вновь, какъ построены были сожженные дома и жилища? Развѣ учебныя книги не могли быть написаны вновь, какъ были написаны истребленныя книги неучебныя? Развѣ на мѣсто перебитыхъ учителей не могли явиться новые, какъ явились на мѣсто перебитыхъ новые священники? Два съ половиной вѣка существовало просвѣщеніе и вдругъ оно погибло отъ такой причины! Если надъ нами не шутятъ и если Богъ не отказалъ намъ въ человѣческомъ смыслѣ, то мы рѣшительно не понимаемъ дѣла. Неужели просвѣщеніе такая вещь, чтобы оно послѣ двухстолѣтняго существованія могло погибнуть отъ такой причины, какъ пожаръ весьма многихъ училищныхъ домовъ и смерть весьма многихъ учителей? Въ 1812-мъ году было нашествіе на насъ Французовъ, а въ недавнее время нашествіе Прусаковъ на Французовъ нисколько не лучшія, чѣмъ нашествіе на древнюю Русь Монголовъ: приходило-ли кому нибудь на умъ опасаться за погибель просвѣщенія у насъ и у Французовъ? Но наконецъ мы имѣемъ Новгородъ — древній Великій Новгородъ, который Монголы пощадили какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы оставить наглядное доказательство, что напрасно винить ихъ за мнимую погибель просвѣщенія. Новгородъ не подвергался разгрому Монголовъ, и однако послѣ ихъ нашествій мы также не находимъ въ немъ просвѣщенія, какъ и во всей остальной Руси... (Не касаемся мы рѣчью того, будто самое владѣніе Монголовъ Русью могло истребить въ послѣдней просвѣщеніе, ибо, во-первыхъ, тутъ дѣло у всѣхъ на виду по памятникамъ историческимъ, а во-вторыхъ—полагаемъ, что и самый хитрый хитрецъ не придумаетъ объяснитъ, какъ Монголы, сидѣвшіе въ сторонѣ и только взимавшіе съ Руси дань, могли быть губителями ея просвѣщенія только чрезъ то, что брали съ нея деньги).

Такимъ образомъ попытка Карамзина спасти нашу національную честь должна быть признана совершенно неудовлетворительною.

Почему мы не пристали относительно просвѣщенія къ западной Европѣ, это, конечно, ясно; съ нею раздѣлила насъ религіозная вражда, вслѣдствіе которой между нею и нами скоро воздвиглось весьма крѣпкое средостѣніе. Но передъ нами и постоянно къ нашимъ услугамъ были Греки: отъ чего же мы не заимствовали просвѣщенія у нихъ?

Какихъ нибудь неодолимыхъ препятствій, которыя бы рѣшительно помѣшали намъ взять просвѣщеніе у Грековъ, съ тѣмъ, чтобы въ параллель къ новому просвѣщенію западной Европы представить новое просвѣщеніе Европы восточной, и которыя бы совсѣмъ извиняли и оправдывали насъ, мы не найдемъ и не придумаемъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, насколько вина не исключительно на насъ самихъ. Сравнивая свое положеніе по отношенію къ Грекамъ, отъ которыхъ мы должны были бы заимствовать просвѣщеніе, съ положеніемъ западной Европы по отношенію къ Римлянамъ, отъ которыхъ она его заимствовала, мы находимъ значительное различіе, которое дѣйствительно можетъ служить къ нѣкоторому нашему извиненію и къ нѣкоторому изъясненію того, отъ чего не случилось, чтобы въ параллель къ этой Европѣ западной мы представили собою образованную Европу восточную. Мы по отношенію къ Грекамъ были народъ совершенно новый, который сполна вновь долженъ бы былъ вводить у себя просвѣщеніе, напротивъ народы западной Европы по отношенію къ Римлянамъ были, такъ сказать, живымъ и непрерывнымъ ихъ продолженіемъ, имѣвъ въ Итальянцахъ, которые составляли ихъ средоточіе, тѣхъ же Римлянъ, только подъ новымъ именемъ. На Западѣ просвѣщеніе и его духъ, строго говоря, никогда не умирали, а только значительно падали; живая традиція просвѣщенія тамъ совершенно никогда не прерывалась, но какъ ни близко доходило до опасности совершенно прерваться и угаснуть, все-таки продолжала сохраняться [1]). Такимъ образомъ на Западѣ явиться просвѣщенію значило, такъ сказать, возродиться огню изъ подъ пепла, у насъ же напротивъ явиться ему значило быть добыту огню посредствомъ совершенно новаго тренія. Имѣя задачею не совсѣмъ вновь вводить просвѣщеніе, а только возродить его, народы западной Европы представляли изъ себя одно цѣлое. Такимъ образомъ свой сравнительно гораздо болѣе легкій трудъ

---

[1]) И Карлъ Великій вовсе не положилъ на Западѣ начала новому просвѣщенію въ собственномъ смыслѣ этого слова (послѣ того, какъ передъ нимъ совершенно исчезло просвѣщеніе древнее): онъ нашемъ просвѣщеніе и ученыхъ въ Италіи и Шотландіи (изъ коихъ въ первой просвѣщеніе никогда не исчезало, а во второй явилось во второй половинѣ VII вѣка,—Ѳеодоръ Кантербурійскій,—бывъ заимствовано изъ Ирландіи, гдѣ его начало восходитъ къ половинѣ V вѣка, къ св. Патрицію, апостолу страны).

они совершили общими силами многихъ, мы же, напротивъ, были совершенно одни. Тамъ были общія усилія, взаимное содѣйствіе и соревнованіе, у насъ же ничего подобнаго. На дѣйствія людей могущественно вліяетъ сознаніе ими своихъ обязанностей, и Западъ дѣйствительно былъ поставленъ въ такое положеніе, чтобы сознать свою миссію возродить у себя просвѣщеніе. Онъ остался преемникомъ западной Римской имперіи. Призванный и въ лицѣ Карла Великаго дѣйствительно принявъ на себя обязанность быть воскресителемъ и продолжателемъ этой имперіи, онъ долженъ былъ сознать свою обязанность позаботиться о томъ главнѣйшемъ, что завѣщалъ ему Римъ, т. е. о просвѣщеніи. Это сознаніе обязанности, это сознаніе историческаго долга и призванія должно было сильно и благодѣтельно подѣйствовать на пробужденіе Запада: искра просвѣщенія, не угасшая тамъ совершенно, а только тлѣвшая подъ пепломъ, отъ притока этого нравственнаго воздуха, снова пробилась наружу и разгорѣлась... Мы въ своей исторіи не имѣли никакого подобнаго нравственнаго стимула. Если бы Восточная имперія пала ранѣе, то весьма вѣроятно, что мы не были бы продолжателями ея просвѣщенія въ параллель къ Западу, ибо было или не было это намъ по силамъ, во всякомъ случаѣ мы не были къ этому приготовлены, какъ приготовленъ былъ къ своей роли Западъ, при томъ же и относительно этого послѣдняго мы вовсе не хотимъ сказать того, чтобы все дѣло было въ паденіи западной Римской имперіи. Но въ живой и существующей Восточной имперіи мы не были такимъ живымъ ея членомъ, чтобы сознавать лежащею на себѣ часть ея историческихъ обязанностей. Восточная имперія была сама по себѣ, нисколько не обнимая насъ подъ собой, мы же были дополненіемъ къ ней совершенно внѣшнимъ и такъ сказать случайнымъ, были нѣчто только добавочное и не имѣющее въ ней историческаго смысла и значенія. Не сознавая себя причастными къ исторической обязанности быть просвѣщенными, сполна возлагая эту обязанность на тѣхъ, которые безъ насъ представляли собою просвѣщенный Востокъ, т. е. на Грековъ, мы и не позаботились о просвѣщеніи и нашли возможнымъ прожить и безъ него [1])...

---

[1]) Не мы одни остались безъ просвѣщенія, но всѣ вообще народы, принявшіе вѣру отъ Грековъ. Полагать однако, чтобы вина могла какимъ нибудь образомъ заключаться въ этихъ Грекахъ—было бы совершенно напрасно. Очень можетъ быть, что они не заботились навязать просвѣщенія народамъ, принявшимъ отъ нихъ вѣру, но никто не станетъ предполагать или по крайней мѣрѣ совсѣмъ безъ всякаго основанія сталъ бы кто нибудь предполагать, что они намѣренно препятствовали этимъ народамъ взять его у нихъ. Во-первыхъ, къ каждому изъ народовъ относится то, что мы сказали о самихъ себѣ. Во-вторыхъ, необходимо признавать, что вина лежитъ на нихъ самихъ (этихъ народовъ было три: Болгары, Сербы и Румыны; два изъ нихъ нашего славянскаго племени...).

Сквозь туманъ многихъ вѣковъ, сквозь густую окраску позднѣйшаго времени не ясно видится намъ образъ св. Владимира и, смотря на Русь послѣ него, какъ-то съ трудомъ вѣримъ мы, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ была въ его время Греція, т. е. страною просвѣщенною. Но онъ имѣлъ это намѣреніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ хотѣлъ отъ Греціи не только просвѣщенія, но и художествъ, хотѣлъ отъ нея и того, чего она не могла дать въ видѣ современныхъ произведеній, а могла дать только въ видѣ оставшихся памятниковъ древности. Во все продолженіе періода до-монгольскаго за св. Богородицею Десятинною стояли въ Кіевѣ два мѣдные болвана и четыре мѣдныхъ коня, на которые «невѣгласи» Кіевскіе разѣвали ротъ, недоумѣвая — что они и для чего они. Эти шесть недоумѣнныхъ диковинъ были двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня, привезенные Владимиромъ изъ Корсуни, которая по подобію всѣхъ старыхъ греческихъ городовъ была украшена памятниками ваянія, оставшимися отъ временъ классическихъ. Послѣ Владимира эти художественные трофеи, привезенные имъ изъ побѣжденнаго города, стали добычею воробьевъ и галокъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ привозилъ ихъ не для этой цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, онъ привозилъ ихъ для той цѣли, чтобы украсить Кіевъ произведеніями ваянія, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени такъ, какъ по разсказамъ ѣздившихъ въ Константинополь пословъ и купцовъ былъ украшенъ ими послѣдній...

Итакъ, Владимиръ желалъ и пытался было ввести къ намъ просвѣщеніе, но его попытка осталась безуспѣшною. Послѣ него мы уже не дѣлали никакихъ попытокъ и остались безъ просвѣщенія, при одной грамотности, при одномъ умѣніи читать.

Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владимира до Петра Великаго... Вмѣстѣ съ своеобразной исторіей государства, своеобразна исторія и нашей церкви: исключительная привязанность къ церковно-обрядовой внѣшности, наружное благочестіе на мѣсто внутренняго, заподозрѣніе Грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія и наконецъ расколъ — вотъ

Есть люди наклонные обвинять въ нашемъ невѣжествѣ нашего первоучителя Константина философа, который, давъ намъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, избавилъ насъ тѣмъ отъ необходимости знать языкъ греческій и такимъ образомъ разъединилъ насъ съ нашими учителями. Обвиненіе на великаго человѣка совершенно напрасное и крайне несправедливое! Если бы мы хотѣли быть просвѣщенными, то не было никакихъ препятствій заимствовать науку въ переводѣ, какъ была заимствована литература, а между тѣмъ употребленіе въ ней (наукъ) собственнаго языка было бы нашимъ величайшимъ преимуществомъ предъ народами запада. Если же мы не хотѣли быть просвѣщенными, то одно обязательное знаніе греческаго языка не пересадило бы къ намъ просвѣщенія...

ея особенности, бывшія по отношенію къ ней слѣдствіемъ того, что вмѣсто дѣйствительнаго просвѣщенія мы имѣли своимъ просвѣщеніемъ одну грамость.

Прежде чѣмъ обращаться къ этой послѣдней, мы должны сдѣлать одну оговорку относительно просвѣщенія. Въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, у насъ его не было. Но въ то же время, по особымъ обстоятельствамъ этого періода, во все его продолженіе до самаго конца у насъ могли быть въ видѣ исключенія отдѣльные люди болѣе или менѣе просвѣщенные, отдѣльные люди съ настоящимъ бо̀льшимъ или меньшимъ научнымъ образованіемъ. Во все продолженіе этого періода у насъ находились Греки, составлявшіе, во-первыхъ, свиту митрополитовъ, во-вторыхъ — бывшіе при епископахъ, между послѣдними изъ которыхъ принадлежавшіе къ нимъ—Грекамъ почти никогда не переводились. Между этими Греками могли встрѣчаться люди образованные, имѣвшіе охоту преподавать науки другимъ, и у нихъ-то отдѣльные исключительные люди, надѣленные сверхъобычайною жаждою просвѣщенія, и могли получать лучшее или худшее научное образованіе. Ниже мы увидимъ, что мы на самомъ дѣлѣ за періодъ до-монгольскій имѣемъ примѣры такихъ исключительныхъ людей.

Обращаемся къ составлявшей наше просвѣщеніе грамотности.

Грамотность, что бы она ни была, все-таки предполагаетъ способы ея преподаванія, все-таки предполагаетъ ученіе. Какъ же совершалось это послѣднее?

И для грамотности, такъ же какъ для просвѣщенія или научнаго образованія, въ Греціи не было казенныхъ, содержимыхъ правительствомъ, школъ. Грамотность была тамъ главнымъ образомъ на частномъ попеченіи духовенства, именно — приходскіе священники, практикуя ученіе грамотѣ какъ наиболѣе подходящее для нихъ и наиболѣе приличное имъ ремесло, содержали при церквахъ частныя школы грамотности, въ которыя отдавали дѣтей всѣ желающіе, платя учителямъ за ученіе по мѣрѣ усердія и средствъ [1]). Помимо священниковъ вѣроятно содержали частныя школы грамотности и всѣ желающіе. И этотъ-то способъ частныхъ, а не казенныхъ, правительственныхъ, школъ водворился и у насъ въ Россіи.

---

[1]) Въ одномъ собраніи каноновъ церковныхъ прямо читается правило 6-го вселенскаго собора, вмѣняющее священникамъ въ обязанность заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ и содержать у себя на домахъ школы: Presbyteri per villas et vicos scholas habeant. Et si quis fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis commendare vult, eos non renuntient suscipere. Nihil autem ab eis pretii exigant, nec aliquid ab eis accipiant, excepto quod eis parentes eorum caritatis studio sua voluntate obtulerint, у Бингама Vol. III, p. 273 (lib. VIII c. VII, § 12 sub fin).

Какъ извѣстно, большая часть нашихъ изслѣдователей того мнѣнія, что въ періодъ до-монгольскій у насъ существовали казенныя школы грамотности. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что ихъ не было у насъ въ послѣдующее время, и необходимо думать, что ихъ также не было и въ періодъ до-монгольскій, или иначе — что ихъ не было съ самаго начала.

Если бы эти казенныя настоящія школы грамотности существовали у насъ въ продолженіе цѣлаго періода, то онѣ не могли бы исчезнуть въ позднѣйшее время, ибо мы не найдемъ никакихъ причинъ такого исчезновенія, а ссылаться на междуусобія князей и иго монгольское совершенно такъ же неосновательно и несостоятельно, какъ объяснять ими исчезновеніе или непоявленіе у насъ просвѣщенія. Школы грамотности не то, что просвѣщеніе; но думать, чтобы, просуществовавъ два вѣка съ половиной, онѣ могли потомъ вдругъ безпричинно у насъ исчезнуть, это такъ же невозможно и не мыслимо, какъ и то, чтобы подобная совсѣмъ не историческая оказія случилась съ просвѣщеніемъ.

Апріорическую необходимость заключать отъ несуществованія казенныхъ школъ въ послѣдующее время къ ихъ несуществованію въ періодъ домонгольскій вполнѣ подкрѣпляютъ и памятники письменности этого періода. Въ сихъ памятникахъ мы не читаемъ положительныхъ свидѣтельствъ, которыя бы прямо говорили, что тогда казенныхъ школъ не было. Но, во-первыхъ, мы не находимъ тамъ ни малѣйшаго ихъ слѣда, во-вторыхъ — мы имѣемъ такія косвенныя свидѣтельства относительно ихъ несуществованія, которыя почти равняются свидѣтельствамъ прямымъ.

Въ письменныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода не только нѣтъ ни одного прямаго упоминанія о казенныхъ школахъ, но и ни малѣйшаго на нихъ намека. Но этому невозможно было бы случиться, если бы такія школы существовали. Если бы онѣ существовали, то были бы открываемы, и объ открытіи хотя одной-двухъ изъ нихъ было бы записано въ лѣтописяхъ; если бы онѣ существовали, то имъ бы оказывали свое благоволеніе князья, и хотя разъ-два были бы отмѣчены у лѣтописцевъ случаи такого благоволенія князей вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они говорятъ объ ихъ благоволеніи къ духовенству, къ монашеству, къ нищимъ; вообще если бы существовали казенныя школы, то не могло бы случиться, чтобы лѣтописцамъ не представилось ни одного случая упомянуть о нихъ [1]). Наконецъ, въ памятникахъ письменности до-монгольскаго періода мы прямо имѣемъ извѣстія, въ которыхъ говорится объ ученіи дѣтей грамотѣ; если бы дѣти учились въ казенныхъ училищахъ, то, конечно, извѣстія и употребляли бы тотъ образъ выраженія, что они учились въ училищахъ; однако мы находимъ въ нихъ не училища, а

[1]) О мнимыхъ свидѣтельствахъ Татищева въ приложеніи.

только учителей, т. е. не казенныя училища, а только частныхъ учителей. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго читаемъ, что онъ велѣлъ своимъ родителямъ дати себя на ученіе божественныхъ книгъ «единому отъ учитель». Если бы Ѳеодосій былъ отданъ въ училище, то почему прямо и не было бы такъ сказано, — то какой смыслъ имѣло бы и съ какой стати было бы употреблено выраженіе: «единому отъ учитель?» Не совершенно ли ясно даетъ знать употребленный способъ выраженія, что тутъ разумѣется одинъ изъ частныхъ учителей?

Признающіе существованіе казенныхъ училищъ въ періодъ до-монгольскій всѣ согласны съ тѣмъ, что училища эти, кѣмъ бы они ни были открыты и кѣмъ бы ни были содержимы, находились подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ духовной власти или епископовъ. Но мы имѣемъ рѣшительное доказательство, что подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ епископовъ въ помянутое время никакихъ училищъ не находилось. Его представляетъ намъ такъ-называемый уставъ Владиміра. Въ этомъ уставѣ весьма подробно перечисляются заведенія и лица, будто-бы отдаваемыя во власть епископамъ, но, какъ извѣстно, въ немъ нѣтъ училищъ и учителей...

Настаиваютъ на существованіи въ періодъ до-монгольскій казенныхъ училищъ потому, что не представляютъ себѣ возможною грамотность безъ этихъ училищъ. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что у насъ не было казенныхъ училищъ въ XV и XVI вѣкахъ, хотя грамотность и была. Слѣдовательно, возможно существованіе грамотности и безъ казенныхъ училищъ.

Полагаемъ, что у читателей снова раждается недоумѣніе: какъ же это не изобрѣли казенныхъ училищъ грамотности? Простой отвѣтъ все тотъ же: не изобрѣли, не хотѣвъ или не бывъ въ состояніи пойдти далѣе порядковъ, существовавшихъ въ Греціи. Какъ не легко изобрѣтеніе такихъ, по видимому, простыхъ вещей, какъ казенныя школы грамотности, это наглядно и убѣдительно показываетъ примѣръ изъ послѣдующей исторіи нашей церкви. Въ XVI вѣкѣ на Стоглавомъ соборѣ было ясно сознано и высказано, что наши частныя школы грамотности до послѣдней степени плохи. Слѣдовало бы ожидать, что соборъ приговоритъ завести на будущее время казенныя школы, и однако онъ вовсе этого не дѣлаетъ: на будущее время — тѣ же частныя школы на домахъ у священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, только съ нѣкоторыми попытками улучшенія дѣла [1]).

Такимъ образомъ, повторяемъ, въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время до-петровской Руси, грамотность существовала и поддерживалась у насъ посредствомъ не казенныхъ, а частныхъ или домовыхъ училищъ.

---

[1]) Стоглавника глл. 25 и 26.

Грамотность пошла у насъ двумя путями. Съ одной стороны не увѣнчавшаяся успѣхомъ попытка Владимира водворить въ сословіи бояръ истинное просвѣщеніе имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ ввелъ въ немъ по крайней мѣрѣ грамотность. Съ другой стороны она пошла отъ духовенства, для котораго она составляла необходимость.

Приведенные изъ Греціи учители наукъ не достигли предположенной цѣли водворить эти послѣднія, но они все-таки стали учителями грамотности, и частныя училища, которыя они открыли, скоро переставъ быть училищами наукъ, остались училищами той единственной науки, которая имѣла составлять наше просвѣщеніе. Отъ этихъ первыхъ учителей грамотности въ боярствѣ должны были пойдти дальнѣйшіе учители въ томъ же сословіи. Нѣтъ сомнѣнія, у дѣтей боярскихъ не было охоты посвящать себя званію учителей, такъ чтобы послѣдующіе учители явились изъ нихъ самихъ. Но у учителей были собственныя дѣти, которыхъ имъ естественно было готовить себѣ въ преемники и которымъ естественно было наслѣдовать ихъ ремесло или профессію. Такимъ образомъ сословіе учителей грамотности для боярства должно было возникнуть наслѣдственнымъ образомъ отъ учителей наукъ, приведенныхъ изъ Греціи. Съ теченіемъ времени, не ограничиваясь дѣтьми бояръ, они, конечно, начали принимать въ свои частныя, содержимыя на домахъ, училища или въ свои какъ бы пансіоны и всѣхъ желающихъ, и такимъ образомъ ихъ училища грамотности стали училищами для всѣхъ.

Эти учители грамотности, пошедшіе отъ приведенныхъ Грековъ, были ея водворителями собственно въ Кіевѣ. Ея водворителями вездѣ и во всей Руси должны быть считаемы священники. Необходимо думать, что священники, тѣми или другими способами созданные правительствомъ, о чемъ мы говорили выше, по подобію того, какъ было въ Греціи, и въ слѣдствіе ли прямыхъ предписаній правительства или по своей доброй волѣ, учительство грамотѣ взяли на себя какъ одну изъ своихъ обязанностей и начали открывать школы грамотности у себя на домахъ по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ пробуждалась охота къ ученію грамотѣ. Затѣмъ, на помощь священникамъ, положившимъ первое начало грамотности, скоро или нескоро явились міряне. Отчасти, вѣроятно, потому, что для людей небогатыхъ учительство грамотѣ представляло ремесло выгодное, главнымъ же образомъ вѣроятно по побужденіямъ благочестія, изъ желанія посвятить себя такому богоугодному дѣлу, какъ ученіе грамотѣ, единственною цѣлію котораго въ древнее время было почитаніе божественныхъ книгъ, въ слѣдъ за священниками явились міряне, которые также начали открывать у себя на домахъ частныя училища грамотности. Эти частныя домовыя училища, содержимыя отчасти священниками и вообще членами церковныхъ причтовъ, отчасти мірянами, которые получили впослѣдствіи техническое названіе мастеровъ, и составляли

наши училища грамотности въ періодъ до-монгольскій, равно какъ и во все-послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго.

Одинъ памятникъ до-монгольскаго періода представляетъ дѣло такимъ образомъ, что грамотность распространилась у насъ чрезвычайно быстро, что уже въ первую половину правленія Ярослава было по нѣскольку учителей для нея даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ Руси. Этотъ памятникъ есть упомянутое нами выше житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго, написанное Несторомъ, который, какъ мы видѣли, говоритъ, что Ѳеодосій учился грамотѣ у единаго отъ учитель, — годы ученія послѣдняго приблизительно должны падать на середину княженія Ярослава [1]), а мѣстомъ его ученія былъ одинъ изъ незначительныхъ тогдашнихъ городовъ — Курскъ. Но это свидѣтельство Нестора, сохраняя всю свою силу въ отношеніи къ отсутствію въ его время казенныхъ училищъ, весьма сомнительно въ своемъ показаніи относительно слишкомъ большей распространенности частныхъ училищъ уже въ указанное раннее время, ибо предполагать такой быстрый ходъ дѣла, чтобы уже къ концу первой половины правленія Ярослава грамотность успѣла распространиться вездѣ и стать вездѣ потребностью всѣхъ сословій общества, такъ чтобы вездѣ явилось достаточное количество учителей, совсѣмъ невѣроятно. Стремленіе къ грамотности предполагаетъ возможность ея приложенія, именно — возможность читать церковныя учительныя книги. Но серьезныя заботы о распространеніи этихъ книгъ въ обществѣ, какъ мы знаемъ, были приложены именно только Ярославомъ. Вообще необходимо думать, что грамотность начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между всѣми не ранѣе какъ къ концу правленія Ярослава, а что касается до свидѣтельства преподобнаго Нестора, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ время дѣтства преп. Ѳеодосія по своему собственному времени.

Если признать справедливымъ то положеніе, что стремленіе къ грамотности могло распространяться только параллельно съ распространеніемъ и умноженіемъ въ обществѣ четіихъ книгъ, — ибо безъ книгъ, конечно, трудно предполагать стремленіе къ грамотности, — то нужно будетъ думать, что дѣло шло весьма не быстро, потому что книги въ то время, какъ мы обстоятельно говорили выше, могли распространяться только чрезвычайно медленно. Книги въ то время были такъ дороги, что ихъ могли пріобрѣтать въ собственность только люди богатые; чужими четіими книгами могли до нѣкоторой степени пользоваться только жители городовъ, въ которыхъ сосредоточены были эти люди богатые; слѣдовательно по этой зависимости грамотности отъ книгъ, нужно думать, что въ періодъ до-монгольскій она была болѣе или менѣе распространена — во-первыхъ, между людьми богатыми, во-вторыхъ — между горожанами. Что

[1]) О хронологіи преп. Ѳеодосія обстоятельно ниже.

касается до жителей селъ, то объ нихъ нужно думать за періодъ домонгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ училищахъ грамотности въ періодъ до-монгольскій могли нуждаться только города, но не села. Что касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ могли быть по мѣстамъ училища грамотности отчасти на домахъ у священниковъ, отчасти у мірянъ только спеціальнымъ образомъ для тѣхъ, которые желали поступить во священники.

II.

Переводная и вообще заимствованная письменность.

Наше просвѣщеніе составляла грамотность. Истинное просвѣщеніе есть цѣль само въ себѣ; но грамотность, умѣніе читать, есть только средство. Кто умѣетъ грамотѣ и ничего не читаетъ, тотъ, собственно говоря, еще не имѣетъ никакого просвѣщенія. Грамотность предполагаетъ особаго рода самопросвѣщеніе посредствомъ большаго или меньшаго чтенія книгъ. Слѣдовательно, послѣ грамотности у насъ должна быть рѣчь о книжной начитанности.

Умѣнье только читать, конечно, предполагаетъ книги для чтенія уже готовыя. Таковыми четіими книгами для нашихъ до-монгольскихъ предковъ имѣли быть книги, переведенныя съ греческаго языка и отчасти книги, самостоятельно явившіяся на славянскомъ прежде насъ у Болгаръ.

Итакъ, 1) на сколько въ періодъ до-монгольскій былъ богатъ составъ этихъ четіихъ книгъ, 2) насколько домонгольскіе предки наши самопросвѣщались посредствомъ ихъ чтенія?

Переводная литература съ греческаго была у насъ въ періодъ домонгольскій весьма не бѣдна, ибо мы поставлены были въ счастливую возможность воспользоваться трудами другихъ, которые были совершаемы до насъ въ продолженіе почти цѣлыхъ полуторыхъ столѣтій. Начало переводамъ съ греческаго положилъ въ половинѣ IX вѣка Константинъ философъ или первоучитель славянскій, изобрѣтатель славянской азбуки, которому всѣ православные Славяне обязаны тѣмъ, что стали имѣть

---

[1]) Въ Патерикѣ Печерекомъ Поликарпъ говоритъ о преп. Спиридонѣ просфорникѣ: «онъ былъ невѣжа словомъ, но не разумомъ, ибо не изъ города пришелъ онъ въ монастырь, а изъ какого-то села».

богослуженіе и письменность на своемъ собственномъ языкѣ съ самаго начала христіанства. Самъ Константинъ философъ, жившій послѣ начатія своего труда весьма недолго († 869), успѣлъ перевести богослужебныя книги въ ихъ тогдашнемъ составѣ и богослужебную часть книгъ библейскихъ. Оставшійся послѣ него и трудившійся довольно долго братъ его Меѳодій, архіепископъ Моравскій († 885), съ помощію своихъ учениковъ перевелъ всю библію (за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ), Номоканонъ (въ редакціи Схоластика) и положилъ начало переводу книгъ отеческихъ или собственно учительныхъ, не извѣстно пока — что и сколько сдѣлавъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Послѣ Константина и Меѳодія дѣло перевода книгъ продолжали Болгары. Принявъ христіанство почти одновременно съ тѣмъ, какъ была изобрѣтена славянская азбука, заимствовавъ отъ Моравовъ славянскія богослужебныя книги вскорѣ послѣ того, Болгары имѣли въ лицѣ своего третьяго христіанскаго государя — знаменитаго Симеона — такого человѣка, который хотѣлъ было водворить въ своей землѣ на славянскомъ языкѣ не только греческую письменность, но и настоящее византійское образованіе. Попытка эта, подобно тому какъ послѣ случилось у насъ, не имѣла успѣха, но во всякомъ случаѣ что касается до перевода книгъ, то, во-первыхъ, самъ Симеонъ, собравъ около себя кружокъ способныхъ людей и, поручая имъ переводить тѣ или другія наиболѣе важныя книги, сдѣлалъ въ семъ отношеніи весьма многое; во-вторыхъ, онъ далъ толчекъ, вслѣдствіе котораго и послѣ него дѣло осталось продолжаться постепенно и непрерывно. Въ Болгаріи, которая была рядомъ съ Греціею и была перемѣшана съ нею въ своихъ границахъ, которая съ 971 года въ значительной своей части, а съ 1019 г. и въ полномъ своемъ составѣ, на долгое время подпала господству Грековъ [1]), всегда могли быть отдѣльные люди, настолько знающіе греческій языкъ и настолько немного образованные, чтобы быть въ состояніи переводить съ греческаго на славянскій. Такъ послѣ Симеона подобные люди и продолжали мало по малу дѣло перевода во весь нашъ періодъ домонгольскій. Кромѣ переводовъ съ греческаго у Болгаръ въ правленіе Симеона явилось нѣсколько и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ (точнѣе говоря компиляцій на основаніи греческихъ источниковъ).

Отчасти еще при Владимирѣ, а главнымъ и собственнымъ образомъ при Ярославѣ, заимствовавъ отъ Болгаръ все то, что они имѣли въ переводѣ и не въ переводѣ ко времени этого послѣдняго, мы и впослѣдствіи времени постепенно продолжали занимать отъ нихъ все, что у нихъ вновь было переводимо.

---

[1]) Желающій можетъ смотрѣть исторію Болгаріи въ нашей книгѣ: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, М. 1871.

Что касается до насъ самихъ, то, какъ необходимо думать, мы съ своей стороны сдѣлали вкладъ въ эту переводную литературу весьма небольшой. Лѣтопись говоритъ объ Ярославѣ: «и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское письмо и списаша книгы многы». Мы уже сказали выше, что остается вопросомъ, какъ понимать эти слова — такъ ли, что Ярославъ только самъ занимался переводомъ съ греческаго языка или что онъ не только самъ переводилъ, но и поручалъ дѣлать переводы другимъ. Гораздо вѣроятнѣе разумѣть первое; но если и послѣднее, то во всякомъ случаѣ не должно будетъ представлять дѣла такимъ образомъ, чтобы Ярославъ собралъ цѣлую компанію переводчиковъ, какъ онъ собралъ компанію писцовъ или переписчиковъ, и чтобы эта компанія столько же была занята переводомъ книгъ, сколько компанія писцовъ ихъ списываніемъ. Если и дѣйствительно Ярославъ поручалъ дѣлать переводы, то необходимо думать, что дѣло, вовсе не имѣвъ вида нарочитаго и въ большемъ размѣрѣ организованнаго предпріятія, ограничилось случайнымъ переводомъ двухъ-трехъ книгъ и не болѣе. Необходимо думать такъ потому, что не только не имѣемъ мы никакихъ ни прямыхъ свидѣтельствъ, ни косвенныхъ намековъ относительно того, чтобы при Ярославѣ была выпущена цѣлая серія переводовъ, но пока совершенно никакихъ ни свидѣтельствъ, ни намековъ и относительно того, чтобы при немъ была переведена хотя одна книга. Если предполагать этотъ переводъ весьма немногихъ книгъ, сдѣланный по порученію Ярослава, то необходимо думать, что не составляя цѣлой компаніи переводчиковъ, онъ имѣлъ помощниками себѣ въ переводѣ человѣкъ двухъ — трехъ, никакъ не болѣе. Вопросъ о томъ, откуда могъ взять Ярославъ этихъ человѣкъ двухъ — трехъ, разрѣшается очень просто и нѣтъ никакой нужды предполагать, что они приведены были изъ Болгаріи, какъ это дѣлаютъ: между сверстниками Ярослава, учившимися въ то время, какъ еще не успѣло совсѣмъ исчезнуть у насъ образованіе, въ Кіевѣ могли найтись между Русскими человѣка два — три хорошо знающіе греческій языкъ и настолько сильные въ грамотикіи, чтобы быть переводчиками, во всякомъ же случаѣ были въ Кіевѣ дѣти тѣхъ греческихъ ученыхъ, которые приведены были Владиміромъ, а можетъ быть отчасти и они сами. Что касается до всего послѣдующаго времени періода домонгольскаго послѣ Ярослава, то необходимо думать, что переводы были у насъ не болѣе, какъ только отдѣльными и весьма рѣдкими случаями. Послѣ Ярослава у насъ исчезло просвѣщеніе и знаніе греческаго языка, и слѣдовательно не стало людей, способныхъ переводить. Послѣ него переводы могли быть дѣлаемы только или Греками, долго жившими въ Россіи и пріобрѣтавшими знаніе славянскаго языка, или Русскими, долго жившими на Востокѣ и пріобрѣтавшими знанія языка греческаго или наконецъ тѣми, являвшимися въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія, Рус-

скими, которые пріобрѣтали настоящее образованіе, а съ нимъ и знаніе греческаго языка, отъ Грековъ жившихъ въ Россіи. Переводовъ, сдѣланныхъ сейчасъ указанными переводчиками, очень можетъ быть, было нѣсколько, но пока извѣстенъ всего только одинъ, — именно переводъ, сдѣланный Грекомъ, жившимъ въ Россіи около половины XII вѣка [1]) (Считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь одну весьма важную оговорку: филологи, рѣшая вопросъ о мѣстѣ перевода книгъ по признакамъ языка, наклонны совсѣмъ отказывать нашей Россіи хотя бы то въ одной книгѣ, переведенной въ періодъ домонгольскій, на томъ основаніи, что нѣтъ ни одного изъ помянутаго времени перевода, въ которомъ бы не было булгаризмовъ. Но основываться въ рѣшеніи даннаго вопроса на признакахъ языка, далеко не совсѣмъ и не всегда надежно: славяно-болгарскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ Руси, а поэтому и русскіе переводчики, употребляя его, должны были наполнять свою рѣчь булгаризмами. Совершенно правильное употребленіе булгаризмовъ, конечно, должно показывать въ переводчикѣ болгарина, но неправильное употребленіе можетъ значить какъ то, что болгарскій переводчикъ поврежденъ русскими переписчиками, такъ и то, что переводъ принадлежитъ недостаточно знакомому съ болгарскимъ языкомъ Русскому).

Итакъ, въ дѣлѣ перевода книгъ съ греческаго мы главнымъ образомъ воспользовались трудами другихъ и весьма немногое сдѣлали сами. Какъ бы то ни было, но переводная литература эта, въ соединеніи съ произведеніями собственной письменности болгарской, была весьма не бѣдна.

Не перечисляя съ библіографической обстоятельностію всѣхъ произведеній переводной и вообще заимствованной литературы, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ предковъ до-монгольскаго періода (что̀ мы сдѣлаемъ ниже въ особомъ приложеніи), мы представимъ здѣсь ея наличность въ произведеніяхъ наиболѣе важныхъ, чтобы видѣть, насколько помянутые предки наши имѣли средствъ для книжной начитанности или для самообразованія.

Вся сейчасъ помянутая литература, за исключеніемъ или за поставленіемъ впереди самой Библіи, можетъ быть раздѣлена на четыре отдѣла: 1) догматическій, 2) библейско-истолковательный, 3) нравоучительный и 4) историческій.

Всю Библію, за исключеніемъ только книгъ Маккавейскихъ, какъ мы сказали немного выше, перевели еще первоучители Константинъ и Меѳодій. Были или не были переведены въ періодъ до-монгольскій въ Болгаріи или у насъ эти послѣднія книги, остается неизвѣстнымъ. Но во

---

[1]) Посланія папы Льва Великаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану сдѣланный монахомъ Ѳеодосіемъ, о которомъ ниже.

всякомъ случаѣ онѣ представляли собой недостающее такое небольшое и неважное, что вообще остается и есть полное право говорить, что до-монгольскіе предки наши имѣли въ славянскомъ переводѣ всю Библію.

По отдѣлу догматическому существовали въ період до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ: 1) Точное начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, которое и у Грековъ занимало первое мѣсто между произведеніями данной категоріи, представлявъ собою единственное, бывшее у нихъ, полное и систематическое изложеніе христіанскаго православнаго вѣроученія. Древній болгарскій переводчикъ начертанія, названнаго имъ Словомъ о правой вѣрѣ, а другими писателями до-монгольскаго періода называемаго еще Увѣріемъ [1]), или самъ сокративъ его или можетъ быть взявъ уже готовое сокращеніе, существовавшее на греческомъ, даетъ его въ такомъ видѣ, что въ немъ опущено очень многое, что не представляется необходимымъ и не можетъ представляться легкимъ для разумѣнія людей новоначальныхъ въ христіанствѣ и имѣющихъ нужду болѣе въ первыхъ и общихъ наставленіяхъ въ вѣрѣ (изъ 100 главъ подлинника на славянскій переведено 48). Кромѣ главъ, относящихся собственно къ богословію, въ переводѣ читаются главы, посвященныя предметамъ естествознанія, именно: о свѣтѣ и о огни и о свѣтельницѣхъ, о водахъ, о земли и еже отъ нея. 2) Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго. 3) Слова противъ Аріанъ Аѳанасія Александрійскаго. 4) Два слова о богословіи и нѣсколько словъ на Господскіе праздники Григорія Богослова и 5) Трактатъ о самовласьтствѣ или о свободной волѣ (περὶ αὐτεξουσίου) и три слова о воскресеніи Меѳодія Патарскаго.

По отдѣлу библейско-истолковательному въ распоряженіи до-монгольскихъ предковъ нашихъ были: Шестодневъ Іоанна пресвитера и экзарха Болгарскаго, представляющій собою шесть словъ о твореніи міра, составленный авторомъ отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи Василія Великаго и Северіана Гевальскаго, и вмѣстѣ съ истолкованіемъ немногаго изъ Библіи, имѣвшій служить для нашихъ книжныхъ людей енциклопедіею знаній по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія (ибо, говоря о твореніи, подробно говоритъ о всемъ сотворенномъ); краткое толкованіе на книгу Іова Олимпіодора Александрійскаго; два толкованія на псалтирь — одно усвояемое Аѳанасію Александрійскому, другое — Ѳедорита Кирскаго; сводное, взятое изъ нѣсколькихъ отцовъ толкованіе неизвѣстнаго на большую часть 16-ти пророковъ и толкованіе Ипполита Римскаго на пророка Даніила; толкованіе, принадлежащее, или только усвояемое, Икуменію Трикккскому, на первыя пять посланій ап. Павла; толкованіе на апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго.

---

[1]) Монахъ Іаковъ.

По отдѣлу нравоучительному, къ которому мы относимъ, во-первыхъ, нарочитыя сочиненія нравоучительнаго содержанія, во-вторыхъ — такого же содержанія слова церковныя и въ третьихъ — житія святыхъ, въ періодъ до-монгольскій были: а) изъ нарочитыхъ сочиненій: нѣсколько трактатовъ этого содержанія Меѳодія Патарскаго (О житіи и о дѣяніи разумнѣ, О разлученіи яди, О прокаженіи), Анастасія Синаита Отвѣты о различныхъ главизнахъ, смѣшанныя по содержанію, по преимущественно нравоучительные, Лѣствица Іоанна Лѣствичника, такъ называемый Пандектъ (Πανδέκτης) Антіоха Іерусалимскаго, представляющій собою собраніе главъ по преимуществу нравоучительнаго содержанія, Главы о молитвѣ Нила Синайскаго, нѣсколько такъ называемыхъ Патериковъ или отечниковъ, представляющихъ собою сборники нравоучительныхъ повѣстей о знаменитыхъ подвижникахъ и нравоучительныхъ словъ сихъ подвижниковъ.

б) Изъ словъ церковныхъ: нѣкоторый выборъ нравоучительныхъ словъ Григорія Богослова (очень не большой), огромный выборъ словъ Іоанна Златоустаго, простиравшійся числомъ до двухъ сотъ съ половиной словъ, если не болѣе, собраніе 106 словъ Ефрема Сирина, извѣстное подъ именемъ Паренезиса, собраніе 124 словъ Ѳеодора Студита, извѣстное подъ именемъ Малаго катихизиса, поученія на всѣ воскресны дни года, числомъ 51, составленныя Константиномъ епископомъ Болгарскимъ на основаніи греческихъ отцовъ, преимущественно Златоустаго.

в) Житія святыхъ на греческомъ языкѣ существовали въ двухъ видахъ — въ видѣ первоначальныхъ, пространныхъ жизнеописаній, помѣсячные сборники которыхъ суть Минеи, и въ видѣ сокращеній сихъ пространныхъ житій, сборники которыхъ суть Пролога или Синаксари. Что касается до пространныхъ жизнеописаній, составляющихъ Минеи, то въ настоящее время отъ періода до-монгольскаго въ славянскомъ переводѣ извѣстно весьма немногое, а именно — два мѣсяца полныхъ и нѣсколько отдѣльныхъ житій изъ другихъ десяти мѣсяцевъ: не имѣемъ пока достовѣрныхъ свѣдѣній, но есть вся и рѣшительная вѣроятность предполагать, что эти Минеи были у насъ въ періодъ до-монгольскій въ полномъ переводѣ всѣхъ мѣсяцевъ. Прологовъ или Синаксарей несомнѣнно были у насъ въ періодъ до-монгольскій полные славянскіе переводы. Такимъ образомъ, вообще нужно думать, что жизнеописательной греческой литературой наши предки этого періода обладали болѣе или менѣе всей.

По отдѣлу историческому у насъ были въ періодъ до-монгольскій въ переводѣ съ греческаго: 1) такъ называемая Палѣя (греч. Παλαιά, съ подразумѣваемымъ существеннымъ διαθήκη, — Ветхій Завѣтъ), содержащая священную исторію Ветхаго и отчасти Новаго Завѣта, полемически направленную противъ Іудеевъ и Магометанъ, при описаніи шести дней творенія предлагающая свѣдѣнія по астрономіи, физикѣ, зоологіи и другимъ естественнымъ наукамъ (изъ Шестоднева Василія В.) и на-

полненныя апокрифами; 2) хронографъ или лѣтописецъ Георгія Амартола, доведенный авторомъ до 842 года, продолженный послѣ него Сумеономъ Логоѳетомъ или неизвѣстнымъ до половины X вѣка и содержащій, во-первыхъ, священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и древнюю гражданскую исторію, во-вторыхъ — новую гражданскую и церковную исторію; 3) хронографъ Іоанна Малалы Антіохійскаго, начинающійся отъ сотворенія міра, содержащій по преимуществу гражданскую исторію, но отъ переводчика дополненный и исторіей священной (Палѣей) и оканчивающійся въ переводѣ временами первыхъ Римскихъ императоровъ. Къ хронографу въ переводѣ приложена такъ называемая Александрія («Книги Александръ»), содержащая баснословное сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, а въ самомъ хронографѣ читается весьма подробная повѣсть о плѣненіи Греками Трои.

Мы не включаемъ въ наше обозрѣніе статей по риторикѣ и философіи. Статьи по той и другой, весьма впрочемъ немногочисленныя (и всего двѣ — одна по риторикѣ, другая по философіи) случайнымъ образомъ переведенныя въ Болгаріи (въ одномъ сборникѣ, такъ называемомъ Святославоломъ, — вмѣстѣ съ другими статьями), еще случайнѣе попавшія къ намъ, несомнѣнно вовсе не были у насъ читаемы [1]).

Представленное нами обозрѣніе важнѣйшихъ произведеній чтомой письменности до-монгольскаго періода по всей вѣроятности значительно не полно. Мы указали только то, что или несомнѣнно уже было у насъ въ этотъ періодъ или должно быть относимо къ нему со всею вѣроятностію, но весьма возможно, что иное и даже многое, что мы знаемъ теперь по рукописямъ только позднѣйшимъ, также явилось у насъ еще въ помянутый періодъ. Какъ бы то ни было, и изъ представленнаго обозрѣнія видно, что до-монгольскіе предки наши имѣли совершенно достаточно книгъ для того, чтобы читать, и совершенно достаточно средствъ для того, чтобы пріобрѣтать книжную начитанность. Что же можно сказать и что должно думать о состояніи сей послѣдней?

Человѣкъ только грамотный, только умѣющій читать, сидящій надъ книгами, всегда возбуждаетъ вопросъ: «разумѣеши ли, яже чтеши»? Указанныя нами греческія книги, существовавшія въ славянскомъ переводѣ, не были написаны съ спеціальною цѣлію для людей, умѣющихъ только грамотѣ, подобно нынѣшнимъ книжкамъ для простаго народа, но были писаны для людей образованныхъ, писаны тѣмъ искуственнымъ книжнымъ языкомъ, который и на самой послѣдней степени своей простоты для человѣка, ограниченнаго въ своемъ образованіи только уменьемъ читать, есть мудрость полузапечатленная. Эта мудрость должна была

[1]) Обстоятельную библіографію переводной литературы періода домонгольскаго см. въ приложеніи.

запечатлѣваться для нашихъ до-монгольскихъ предковъ еще болѣе отъ того, что строй греческаго языка весьма отличенъ отъ строя языка славянскаго и что въ слѣдствіе этого въ переводахъ, сдѣланныхъ большею частію съ буквальною точностію, весьма немалое выходило такъ, что было бы совсѣмъ невразумительнымъ безъ подлинника и для человѣка образованнаго. Слѣдовательно, усердно или неусердно читали до-монгольскіе предки наши весьма достаточное количество книгъ, находившихся въ ихъ распоряженіи, во всякомъ случаѣ они могли осиливать эти книги своимъ разумѣніемъ далеко не въ надлежащей степени.

Изъ представленныхъ нами выше четырехъ отдѣловъ, которые составляли изъ себя переводныя книги, существовавшія у насъ въ періодъ до-монгольскій, три отдѣла, именно — историческій, библейско-истолковательный и догматическій, должны были читаться нашими предками весьма мало не только по причинѣ, сейчасъ указанной нами, но еще и по другимъ причинамъ, болѣе важнымъ. Чтобы имѣть охоту читать книги историческія, нужно имѣть нѣкоторый интересъ къ исторіи, нужно имѣть нѣкоторую широту взгляда, который бы, не ограничиваясь исключительно своей деревней, нѣсколько простирался и на остальное человѣчество. Но все это дается или развивается образованіемъ. Какое было дѣло предкамъ нашимъ до Кировъ и Августовъ Кесарей, которые жили и умерли и не имѣли къ намъ никакого отношенія? Для человѣка необразованнаго исторія получаетъ интересъ только тогда, когда она, переставая быть исторіей, превращается въ фабулу, въ занимательную сказку, когда дѣйствительные факты замѣняются въ ней невѣроятными, и собственно — пошлыми, вымыслами. Въ помянутой нами выше Александріи или фабулёзной исторіи Александра Великаго предки наши имѣли образецъ такой исторіи, и есть основанія думать, что изъ всего историческаго она и составляла ихъ главное и наиболѣе любимое чтеніе.

Читать книги библейско-истолковательнаго и догматическаго содержанія предки наши, конечно, должны бы были имѣть охоту, потому что таковую охоту долженъ имѣть всякій усердный христіанинъ. Но здѣсь должна была останавливать ихъ не неохота, а другое нѣчто. Тѣ и другія книги не были написаны такъ, чтобы были совершенно легки для понима-нія; слѣдовательно, для уразумѣнія ихъ смысла нужно было собственное толкованіе. Но толкованіе можетъ быть правильнымъ и неправильнымъ. Такъ какъ не право толковать книги о библіи или догматическія — значитъ подвергать себя опасности впасть въ неправыя богословскія мнѣнія и такъ какъ предки наши, при своей совершенно никакой образованности, не могли имѣть увѣренности въ своей способности толковать право: то отъ чтенія этихъ книгъ ихъ долженъ былъ воздерживать страхъ, опасеніе сдѣлаться людьми ненамѣренно неправомыслящими, ненарочными еретиками и врагами правыхъ мнѣній и догматовъ. Книги важныя, но

неудобно уразумѣваемыя, люди малограмотные всегда предпочитаютъ лучше не читать, чѣмъ читать, но не право разумѣть. Сейчасъ сказанное нами, по всей вѣроятности, должно быть разумѣемо и о самой Библіи, т. е. собственно Ветхомъ Завѣтѣ за исключеніемъ Псалтири, ибо Новый Завѣтъ — Евангеліе съ Апостоломъ и сія Псалтирь и начетчикамъ и неначетчикамъ, и грамотнымъ и безграмотнымъ, постоянно читались въ церкви на богослуженіи [1]).

Изъ всѣхъ книгъ оставались наиболѣе подходящими для предковъ нашихъ книги нравоучительныя. И здѣсь, конечно, о немаломъ количествѣ чтомаго они должны были говорить тоже, что сказала Іоанну Златоустому женщина: кладязь ученія твоего глубокъ, а верви ума нашего кратки. Но здѣсь, съ длинной или съ краткой вервью разумѣнія, не было опасности вмѣсто воды вытаскивать грязь. Много или мало разумѣлось здѣсь, все было на пользу душѣ. И необходимо думать, что отдѣлъ нравоучительныхъ книгъ былъ любимымъ и преимущественнымъ чтеніемъ нашихъ книжныхъ начетчиковъ. Само собою разумѣется, въ этомъ отдѣлѣ наиболѣе предпочиталось то, что было проще и что болѣе удовлетворяло вкусу. Всего проще были и всего болѣ должны были нравиться житія святыхъ, ибо здѣсь нравоученія преподаются въ живыхъ примѣрахъ и въ драматической формѣ повѣстей. Они-то, какъ необмодимо думать, и составляли самое любимое чтеніе нашихъ книжныхъ начетчиковъ [2]).

Итакъ, чтеніе житій святыхъ и отчасти нѣкоторыхъ другихъ нравоучительныхъ сочиненій — въ этомъ главнымъ образомъ состояла книжная начитанность нашихъ до-монгольскихъ предковъ. Если свое просвѣщеніе мы сократили до простой грамотности по своей собственной волѣ, то выборъ книгъ для своего чтенія мы должны были весьма ограничить уже по необходимости.

Немногое читали наши предки до-монгольскаго періода сравнительно изъ очень многаго, бывшаго къ ихъ услугамъ. Но необходимо думать, что и кругъ сколько-нибудь порядочныхъ и настоящихъ книжныхъ на-

---

[1]) И до настоящаго времени народъ нашъ смотритъ на чтеніе библіи во всемъ ея объемѣ, какъ на дѣло необычайное, грозящее человѣку опасностію, что у него зайдетъ умъ за разумъ и что онъ зачитается. Что и въ древнее домонгольское время смотрѣли на такое чтеніе какъ на исключительную и замѣчательную рѣдкость, объ этомъ даетъ знать одинъ извѣстный намъ примѣръ, именно—подвижника Печерскаго Никиты, о которомъ разсказывается въ Патерикѣ (Поликарпа повѣсть 1-я). Этотъ Никита, желая какъ можно болѣе отличиться отъ другихъ и какъ можно болѣе прославиться, между прочимъ сдѣлалъ именно то, что постарался начитаться въ Ветхомъ Завѣтѣ и, чтобы удивлять всѣхъ, со всѣми хотѣлъ только отъ него бесѣдовать (Помраченіе ума, котораго до настоящаго времени боится народъ, съ нимъ дѣйствительно случилось).

[2]) До сихъ поръ есть пословица, указывающая, что̀ составляло преимущественную ерудицію книжныхъ начетчиковъ: «Великій учитель! Прологъ наизусть».

четниковъ въ этомъ немногомъ былъ тогда сравнительно ограниченъ. Книжная начитанность должна была зависѣть тогда не столько отъ охоты читать книги, сколько отъ возможности пріобрѣтать ихъ. Книги были чрезвычайно дороги и ихъ могли пріобрѣтать далеко не всѣ желающіе, а только люди очень богатые, слѣдовательно и книжная начитанность, по таковой силѣ вещей, должна была ограничиваться только этимъ небольшимъ кругомъ людей богатыхъ. Имѣли возможность пріобрѣтать книги и составлять бо̀льшія или меньшія библіотеки только князья и бояре, а слѣдовательно и люди больше или меньше начитанные могли быть главнымъ образомъ — во-первыхъ, между ними самими, во-вторыхъ — между тѣми, для которыхъ былъ открытъ доступъ къ ихъ библіотекамъ.

Послѣ немногочисленнаго класса начетчиковъ въ міру, другой классъ ихъ должны были составлять монахи. Представлялось бы съ перваго взгляда вѣроятнымъ думать, что въ монастыряхъ забота о пріобрѣтеніи четіихъ книгъ и заведеніи библіотекъ была дѣломъ общественнымъ, т. е. что въ нихъ постепенно составлялись общія или казенныя библіотеки нарочитыми заботами властей посредствомъ постояннаго отряженія на трудъ писанія книгъ извѣстнаго количества братій. Представлялось бы въ особенности это вѣроятнымъ для тѣхъ, которые знаютъ о порядкахъ въ семъ отношеніи монастырей западныхъ. Но кромѣ того, что мы не имѣемъ относительно сего никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ и до нѣкоторой степени имѣемъ положительныя свидѣтельства, говорящія противное, этотъ способъ составленія казенныхъ монастырскихъ библіотекъ предполагаетъ въ монастыряхъ общежитіе, а предполагать послѣднее въ нашихъ монастыряхъ до-монгольскаго періода, какъ увидимъ ниже, чрезвычайно мало основаній [1]). Въ нашихъ монастыряхъ, какъ можно думать, книги для чтенія первоначально явились и постепенно прибывали, если не исключительно, то главнымъ образомъ, какъ частная собственность богатыхъ монаховъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣтать ихъ на собственныя средства: богатые монахи, умирая, оставляли и отказывали свои книги монастырямъ, каковымъ путемъ преимущественно и составились и посте-

---

1) Обыкновенно ссылаются на Несторово житіе преп. Ѳеодосія, въ которомъ говорится, что «единъ отъ братіи именемъ Иларіонъ, бяше и книгамъ хитръ писати и по вся дни и нощи писаше (ихъ) въ кельи у блаженнаго отца нашего Ѳеодосія». Но въ житіи не говорится, какія книги писалъ Иларіонъ—четія или богослужебныя. Такъ какъ послѣднія были необходимы прежде первыхъ и такъ какъ одинъ упоминаемый въ житіи писецъ не могъ написать книгъ слишкомъ много, то гораздо вѣроятнѣе разумѣть не первыя, а послѣднія. О книгахъ, составлявшихъ частную собственность монаховъ, которыя они или оставляли по смерти монатырямъ или при жизни продавали, см. въ Патерикѣ Печерскомъ въ разсказѣ Симона о князѣ Николаѣ Святошѣ и Поликарпа о Григоріи чудотворцѣ.

пенно и умножились ихъ общественныя или казенныя библіотеки. Какъ бы то ни было, явившись путемъ частнаго усердія или общественныхъ заботъ, въ монастыряхъ нашихъ, если не во всѣхъ, то въ главнѣйшихъ и значительнѣйшихъ, какъ это необходимо заключать къ періоду домонгольскому отъ послѣдующаго времени, должны были существовать лучшія или худшія библіотеки четіихъ книгъ. Нѣтъ никакого основанія предполать, чтобы всѣ наши монахи до-монгольскаго періода имѣли наклонность къ чтенію книгъ; вовсе нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы всѣ они непремѣнно бывали грамотны: но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что лучшіе между грамотными изъ нихъ и имѣвшіе возможность читать свои, чужія или казенныя монастырскія книги, усердно предавались этому чтенію, почитая его одною изъ существенныхъ и необходимыхъ обязанностей истиннаго монаха, долженствующаго искать пользы своей душѣ [1]).

Итакъ, вотъ краткій экстрактъ изъ всего нами сказаннаго о нашемъ просвѣщеніи въ періодъ до-монгольскій: просвѣщеніе наше состояло въ одной грамотности или одномъ умѣніи читать, за которымъ — самопросвѣщеніе посредствомъ чтенія книгъ; количество людей, которые самопросвѣщались посредствомъ этого чтенія сравнительно было далеко немногочисленно; выборъ книгъ, который служилъ для него, по своему составу былъ весьма ограниченъ; однимъ словомъ — просвѣщеніе у насъ въ періодъ до-монгольскій находилось на самой послѣдней степени невысоты, какая только возможна.

Читали и имѣли возможность читать книги и такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, самопросвѣщались и имѣли возможность самопросвѣщаться въ христіанствѣ весьма немногіе. Но какъ же просвѣщалась въ немъ не читавшая и не имѣвшая возможности читать безграмотная и безкнижная, масса? Просвѣщалась такъ же, какъ просвѣщается у насъ масса и теперь, ибо и до настоящаго времени она у насъ безграмотна и безкнижна, хотя и по другимъ чѣмъ въ древнее время причинамъ. Просвѣщалась такъ же, какъ и у всѣхъ другихъ, ибо въ древнія времена она была одинаково безграмотна вездѣ. Единственное училище безграмотной массы или рѣшительнаго безграмотнаго большинства у насъ, какъ и вездѣ, составлялъ храмъ съ совершавшимися въ немъ церковными службами. Наша масса имѣла то рѣшительное преимущество предъ массою христіанъ западныхъ, что слушала богослуженіе не на чужомъ и не понятномъ языкѣ, а на своемъ собственномъ (При чемъ должна быть

---

[1]) Одно слово о почитаніи книжномъ, усвояемое Кириллу Туровскому и хотя можетъ быть ему не принадлежащее, но во всякомъ случаѣ древнее, прямо даетъ знать, что почитаніе книжное считалось дѣломъ по преимуществу черническимъ (Рукописи гр. А. С. Уварова, томъ II, Спб. 1858. Стр. 70).

впрочемъ сдѣлана нѣкоторая и даже значительная оговорка. Нашимъ богослужебнымъ языкомъ былъ не нашъ собственный русскій языкъ, а языкъ болгарскій. Правда, что онъ былъ весьма близокъ къ русскому, но полагать и утверждать, чтобы онъ могъ быть понятенъ столько же, какъ самый русскій, значитъ тоже, что полагать и утверждать, будто въ настоящее время простой народъ столько же разумѣетъ языкъ богослуженія, сколько свой собственный разговорный. Обстоятельнѣе — въ отдѣлѣ о богослуженіи. А относительно христіанъ западныхъ по крайней мѣрѣ для точности не мѣшаетъ помнить, что латинскій языкъ былъ совсѣмъ чужимъ собственно для нѣмецкой половины ихъ, для половины же романской онъ былъ своего рода языкомъ славянскимъ, ибо всякій знаетъ, что языки итальянскій, испанскій и французскій произошли изъ латинскаго). Помимо храма народныя массы искали себѣ наученія въ вѣрѣ и преимущественно нравственности христіанской у тѣхъ книжныхъ людей, которымъ Богъ открывалъ даръ и давалъ охоту учительства и которые имѣли къ этому удобство и свободное время. По послѣднему сейчасъ указанному признаку понятно, что такіе люди могли быть преимущественно между монахами. И въ настоящее время мы видимъ примѣры, что проявится въ монастырѣ учительный, истинный или мнимый, подвижникъ, и народъ повалитъ къ нему густыми толпами и безконечными вереницами. Но въ настоящее время если не даръ, то охота учительства подавлена полиціей, т. е. хотимъ сказать — подозрительностью, большею частію впрочемъ справедливою, съ которою относятся правительства гражданское и духовное къ являющимся въ настоящее время этимъ учителямъ по призванію и произволенію; что же касается до древняго времени, то несомнѣнно, что учительныхъ монаховъ, болѣе или менѣе и даже совсѣмъ спеціально посвящавшихъ себя учительнымъ бесѣдамъ съ народными массами, было сравнительно довольно много. Такъ какъ они создавали славу монастырямъ и содѣйствовали ихъ матеріальному благосостоянію, то послѣднія заинтересованы были, въ томъ, чтобы нарочито создавать и имѣть ихъ. Народъ, посѣщая монастыри, послѣ молитвы въ храмѣ спѣшилъ въ кельи этихъ учителей, изъ которыхъ и выносилъ и разносилъ наставленія жить похристіански. Такое учительство, конечно, было далеко недостаточно; но болѣе достаточнаго не могло быть...

III.

Наша собственная (оригинальная) письменность.

Обращаемся къ нашей собственной письменности до-монгольскаго періода.

Мы не имѣли въ періодъ до-монгольскій настоящаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы могли имѣть собственную письменность, — письменность не людей просвѣщенныхъ, а людей только грамотныхъ, письменность, такъ сказать, первичную или тотъ ея родъ, которымъ она обыкновенно начиналась.

Другіе, начавъ съ этой письменности первичной, шли все далѣе и далѣе впередъ, достигали бо́льшаго или меньшаго совершенства. Отличительная черта нашей письменности есть та, что она неподвижно оставалась все на одной и той же степени, съ которой началась, что она не имѣетъ исторіи въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности до-монгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнять и нарушить внутренней связи, сколько механическая библіографія, въ которой по произволу можно начинать откуда угодно — съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно — исторію внѣшней формы и внѣшнихъ пріемовъ (Не всѣ народы заимствовали просвѣщеніе отъ другихъ уже готовымъ, нѣкоторые создавали его сами; мы не заимствовали ни создавали...).

Наличность нашей письменности до-монгольскаго періода представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) историческій, который составляютъ лѣтописи и житія святыхъ, 2) правоучительный, къ которому принадлежатъ слова и поученія церковныя, или говоренныя въ церкви или написанныя для назидательнаго чтенія, 3) каноническій, 4) описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ, 5) богослужебный и 6) отчасти догматическій.

1) Отдѣлъ историческій.

Всякому народу врождено помнить свою исторію и дорожить ею. Народы, не умѣющіе писать, помнятъ ее наизусть, храня ее въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ. Народы, пріобрѣтающіе умѣнье писать, одно изъ самыхъ первыхъ употребленій этого умѣнья дѣлаютъ то, чтобы записывать свою исторію. Какъ это было у другихъ, такъ было и у насъ, и такимъ образомъ явилась у насъ исторіографія государственная въ видѣ лѣтописей. Наша церковь въ лицѣ водворителей у насъ христіанства—Ольги и Владимира—имѣла своихъ равноапостоловъ и затѣмъ украсилась своими святыми. Какъ въ церкви греческой писались житія святыхъ, такъ по подобію ея явились онѣ и у насъ, составивъ собственно церковную часть исторіографіи.

Мы начнемъ съ послѣдней исторіографіи частной или собственно церковной.

Первымъ нашимъ писателемъ по отдѣлу частной и священной исторіографіи или начинателемъ и основателемъ ея у насъ былъ мнихъ Іаковъ, который до послѣдняго времени оставался совершенно неизвѣстнымъ, который открытъ 30 лѣтъ тому назадъ и который положилъ начало нашей помянутой исторіографіи тѣмъ, что написалъ два сказанія о первоначальникахъ славы Русской церкви — о Владимирѣ съ Ольгой, ея равноапостольныхъ, и о Борисѣ и Глѣбѣ, ея мученикахъ [1]). Кто такой былъ этотъ мнихъ Іаковъ, біографическихъ свѣдѣній пока вовсе неизвѣстно. Преподобный Θеодосій Печерскій, умирая въ 1074 году, предлагалъ своей братіи на мѣсто себя въ игумены пресвитера Іакова, который, по словамъ лѣтописца, не бывъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, пришелъ въ него съ Альты, т. е. вѣроятно изъ Переяславскаго монастыря Бориса и Глѣба, построеннаго на мѣстѣ убіенія перваго. Предположеніе, что этотъ пресвитеръ Іаковъ есть одно и тоже лицо съ нашимъ мнихомъ Іаковомъ, совершенно вѣроятно. Равнымъ образомъ совершенно вѣроятно и то предположеніе, что послѣдній есть одно и тоже лицо съ тѣмъ черноризцемъ Іаковомъ, на вопросы котораго написалъ отвѣты — «Правило церковное вкратцѣ» — митрополитъ Іоаннъ 2-й. Въ рукописяхъ нашихъ читается нравоучительное посланіе отъ многогрѣшнаго чернца Іакова къ Божію слузѣ Димитрію, надъ которымъ сдѣлано надписаніе, что оно есть посланіе «нѣкоего отца къ духовному сыну» и котораго Божій слуга Димитрій въ нѣкоторыхъ спискахъ называется великимъ княземъ. Если принять, какъ нѣкоторые принимаютъ, что подъ великимъ княземъ Димитріемъ должно разумѣть Изяслава Ярославича (носившаго христіанское

[1]) Оба сказанія, открытыя преосв. Макаріемъ, напечатаны имъ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1849 г., въ кн. II; сказаніе о Владимирѣ съ Ольгой потомъ перепечатано имъ въ Исторіи — въ I томѣ.

имя Димитрія), то въ его духовникѣ, чернцѣ Іаковѣ, вѣроятно, будетъ видѣть никого иного, какъ нашего мниха Іакова.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ Іаковъ написалъ, какъ самъ прямо свидѣтельствуетъ, мало лѣтъ спустя послѣ ихъ мученическихъ кончинъ, или въ концѣ правленія Ярослава или въ началѣ правленія Изяслава, а во всякомъ случаѣ до 1072 года, ибо не говоритъ еще о церкви, построенной въ Вышгородѣ Изяславомъ въ честь мучениковъ въ семъ послѣднемъ году, и что другое сказаніе, задуманное одновременно съ первымъ, написалъ болѣе или менѣе вскорѣ въ слѣдъ за нимъ.

По хронологическому порядку Іакову слѣдовало бы писать сначала о Владимірѣ съ Ольгой, потомъ о Борисѣ и Глѣбѣ. Но онъ, какъ мы сейчасъ сказали, поступилъ на оборотъ, хотя писавъ одно сказаніе, какъ самъ даетъ знать, имѣлъ въ тоже время намѣреніе написать и другое. Причина не совсѣмъ ясна; но вѣроятно она есть та, что Борисъ и Глѣбъ были прославленные и канонизованные святые, каковыми не были еще тогда Владиміръ съ Ольгой.

Сказаніе о послѣднихъ, съ котораго мы начнемъ, имѣетъ пространное надписаніе, служащее вмѣстѣ какъ бы и краткимъ оглавленіемъ: «Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимеръ, и дѣти своя крести и всю землю рускую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера». Къ величайшему сожалѣнію, авторъ поставляетъ свою задачу главнымъ образомъ не въ томъ, чтобы написать историческую повѣсть, а въ томъ, чтобы написать историческое похвальное слово. Вслѣдствіе этого исторія большею частію является у него безъ всякихъ подробностей, только въ самыхъ общихъ чертахъ, уступая главнѣйшую часть мѣста его похвалѣ или его собственному ораторству; что касается до расположенія, то авторъ не говоритъ отдѣльно объ Ольгѣ и отдѣльно о Владимірѣ, но весьма краткую сравнительно рѣчь о первой помѣщаетъ какъ вводный эпизодъ въ срединѣ похвалы второму.

Въ приступѣ къ своему сказанію Іаковъ говоритъ, что онъ рѣшился написать о Владимірѣ и о сыновьяхъ его, мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, во-первыхъ, побуждаемый наставленіемъ ап. Павла къ Тимоѳею: *чадо, еже слыша отъ мене многи послухи, тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ*, — во-вторыхъ — имѣя предъ собою примѣръ христіанской историографіи, начатый евангелистомъ Лукою и продолженный списателями житій и мученій святыхъ. Въ словахъ этихъ Іаковъ ясно даетъ знать, что онъ есть первый, рѣшившійся написать о Владимірѣ и о Борисѣ съ Глѣбомъ, и вообще первый въ Русской землѣ историческій писатель.

Содержаніе сказанія, которое далеко не можетъ похвалиться совершенной послѣдовательностію и раздѣльностію изложенія, составляютъ:

рѣчь о намѣреніи Владиміра креститься; рѣчь о самомъ крещеніи; похвала Владиміру какъ крестителю Руси; вставочная похвала Ольгѣ; похвала христіанскимъ добродѣтелямъ Владиміра съ прибавочной рѣчью объ его побѣдахъ и походѣ на Корсунь; наконецъ рѣчь о кончинѣ съ краткимъ обозрѣніемъ его дѣлъ послѣ крещенія и съ хронологіей его правленія.

О намѣреніи Владиміра креститься Іаковъ говоритъ, что, во-первыхъ, онъ самъ вжада святаго крещенія, якоже жадаетъ елень на источники водныя, во-вторыхъ, что онъ разжегся примѣромъ бабки своей Ольги. Какихъ нибудь намековъ на то, чтобы ко Владиміру приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, какъ уже мы говорили выше, у Іакова нѣтъ ни малѣйшихъ.

О самомъ крещеніи Іаковъ говоритъ кратко и въ общихъ словахъ, что сначала Владиміръ крестился самъ и крестилъ весь свой домъ, что потомъ онъ крестилъ всю землю Русскую отъ конца и до конца, сокрушивъ идоловъ и поставивъ церкви.

Похваляя Владиміра какъ крестителя Руси, Іаковъ называетъ его апостоломъ въ князьяхъ и сравниваетъ съ Константиномъ Великимъ.

Слѣдующая за симъ похвала Ольгѣ, переходомъ къ которой служитъ рѣчь о матери Константина — Еленѣ, будучи весьма непространною по объему и не представляя собой въ собственномъ смыслѣ похвалы, содержитъ краткую рѣчь: о путешествіи Ольги въ Царьградъ для крещенія, объ ея возвращеніи оттуда и о сокрушеніи требищъ бѣсовскихъ, объ ея добродѣтеляхъ (особенно милостынѣ) и объ ея кончинѣ. Мы уже говорили выше, что свидѣтельство Іакова, будто Ольга крестилась въ Константинополѣ, не можетъ имѣть историческаго авторитета.

Похваляя христіанскія добродѣтели Владиміра, Іаковъ говоритъ о свѣтломъ празднованіи имъ господскихъ праздниковъ, на которыхъ онъ поставлялъ по три трапезы: одну митрополиту и епископамъ со священниками и монахами, другую нищимъ и третью себѣ съ боярами и всѣми мужами, — вообще, объ его добродѣтельномъ житіи и нарочито и особо о милостынѣ. Добавочный разсказъ о походѣ на Корсунь я уже передалъ много выше.

Рѣчь о кончинѣ Владиміра краткая и общая.

Несмотря на свою въ отношеніи историческомъ необстоятельность, память и похвала Владиміру монаха Іакова есть все-таки драгоцѣнный для насъ историческій памятникъ. Вмѣстѣ съ словомъ о законѣ и благодати митр. Иларіона и съ сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ преп. Нестора она служитъ къ совершенному перерѣшенію вопроса о крещеніи Владиміра противъ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи. Она сообщаетъ намъ новое, величайшей важности извѣстіе, что Владиміръ ходилъ на Корсунь не передъ крещеніемъ и не для него, а на четвертый годъ послѣ него

и слѣдовательно для другихъ причинъ. Наконецъ ея хронологическія указанія и показанія имѣютъ свое очень важное значеніе.

Какъ произведеніе ораторское, настоящее сочиненіе Іакова далеко не можетъ быть отнесено къ числу совершенныхъ. Его краснорѣчіе весьма неизобильно и, какъ замѣтно, есть плодъ немалыхъ усилій; ничего не представляющая замѣчательнаго въ отношеніи ораторскомъ, рѣчь по мѣстамъ довольно складна и связна, по мѣстамъ же ей недостаетъ и этого качества и она переходитъ просто совсѣмъ въ безпорядочный наборъ фразъ [1]).

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, надписанное: «Сказаніе страстей и похвала объ убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба», содержитъ въ себѣ подробный разсказъ о помянутомъ убіеніи, совершенномъ Святополкомъ, предшествуемый краткимъ введеніемъ о сыновьяхъ Владиміра и его смерти и сопровождаемый подробною дополнительною повѣстью о послѣдующихъ политическихъ событіяхъ, завязкой для которыхъ послужило помянутое убійство, именно — повѣстью о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ до самаго окончательнаго занятія первымъ великокняжескаго престола. Этотъ длинный конецъ авторъ, безъ сомнѣнія, приставляетъ, во-первыхъ для того, чтобы сказаніе получило видъ совершеннаго цѣлаго, тѣмъ болѣе, что послѣдующія событія еще не были никѣмъ описаны, такъ какъ лѣтопись явилась позднѣе; во-вторыхъ за тѣмъ, что исторія Бориса и Глѣба собственно кончается только съ окончательнымъ восшествіемъ Ярослава на великокняжескій престолъ, ибо только тогда было найдено тѣло Глѣбово и перенесено къ тѣлу Бориса въ Вышегородъ.

Страннымъ и не совсѣмъ понятнымъ представляется, что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ имѣетъ ту, а не другую форму. Оно есть только сказаніе объ ихъ убіеніи Святополкомъ. Но въ то время, какъ писалъ Іа-

---

[1]) Память и похвала Владиміру монаха Іакова въ настоящее время извѣстна по спискамъ въ трехъ редакціяхъ: обширной, какъ мы передали ея содержаніе, средней, въ которой не достаетъ вставочной похвалы Ольгѣ, и краткой, которая представляетъ собою одну послѣднюю часть обширной, начинаясь съ похвалы христіанскимъ добродѣтелямъ Владиміра (преосв. Макарій, Истор. т. II, изд. 2 стр. 151). Необходимо считать подлиннымъ сочиненіемъ Іакова редакцію обширную, ибо всего того, что она содержитъ, требуется надписаніемъ сказанія, которое болѣе, чѣмъ вѣроятно, принадлежитъ самому автору. Похвала Ольгѣ могла быть послѣ выпускаема потому, что она представляетъ собой нарушающую связность рѣчи какъ бы случайную и совсѣмъ механическую вставку; послѣдняя часть сказанія могла писаться въ видѣ отдѣльнаго сказанія потому, что она, имѣя свое начало, дѣйствительно можетъ быть отдѣлена въ такое сказаніе: не отличаясь, какъ мы замѣчали, особою связанностію, сказаніе Іакова какъ бы само разваливается, а отъ этого и позднѣйшія нѣсколькія редакціи. — Мы съ своей стороны считаетъ или наклонны считать за позднѣйшую вставку или интерполяцію въ похвалѣ Ольгѣ рѣчь объ ея гробѣ въ Десятинной церкви, на что указывали много выше.

ковъ, Борисъ и Глѣбъ были уже признанными и канонизованными святыми Русской церкви. Рѣшаясь написать сказаніе о святыхъ, онъ, повидимому, долженъ былъ взять за образецъ для себя сказанія сего рода греческія. У Грековъ было принято и установлено, чтобы о святыхъ писаны были такія сказанія, которыя бы представляли изъ себя ихъ житія. Могло не доставать свѣдѣній для того, чтобы написать полную біографію святаго, могли быть свѣдѣнія самыя неполныя и отрывочныя: но водворившійся обычай требовалъ, чтобы были писаны настоящія житія, которыя, начиная рѣчь отъ самыя юныя версты и отъ самаго рожденія и идя по ряду, если не были, то казались бы цѣльными біографіями и въ которыхъ недостатокъ свѣдѣній, въ случаѣ таковаго, принято было возмѣщать общими мѣстами и реторикой. Подобнымъ-то настоящимъ житіемъ и не хочетъ быть сказаніе монаха Іакова. Трудно сказать, почему онъ, выступая какъ первый составитель сказаній о святыхъ, не искалъ чести быть и первымъ настоящимъ жизнеописателемъ. Вѣроятно, онъ еще не отважился совсѣмъ подражать образцамъ греческимъ, не чувствуя въ себѣ силъ состязаться съ ними. Еслибы онъ рѣшился писать житіе, то сообразно съ симъ громкимъ названіемъ онъ обязывался выполнить и свою задачу. Онъ чувствовалъ, что на подобное цѣльное произведеніе его не хватитъ и рѣшился писать такъ, чтобы къ нему не прилагалась пословица: «взялся за гужъ, не говори, что недюжъ», т. е. избралъ для своего сказанія такую болѣе скромную форму, чтобы къ нему не могло быть предъявляемо требованій, которыхъ онъ не чувствовалъ себя въ состояніи выполнить.

Какъ произведеніе литературное, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ имѣетъ отличительной чертой усиленное стремленіе автора къ драматизму, которое выражается въ томъ, что онъ влагаетъ въ уста Борису и Глѣбу многія и длинныя рѣчи, состоящія, въ виду ожидающихъ ихъ горькихъ смертей, въ жалобныхъ сѣтованіяхъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу. Рѣчи не безъ достоинства въ отношеніи къ складности, но въ нихъ какъ-то замѣтна искуственная сочиненность, т. е. имъ какъ-то недостаетъ настоящей естественности, онѣ смотрятъ не столько рѣчами, которыя непосредственно выливаются изъ души у говорящихъ, сколько рѣчами, которыя сочинены ими и произносятся.

За монахомъ Іаковомъ въ ряду представителей частной исторіографіи или писателей отдѣльныхъ сказаній о святыхъ слѣдуетъ преп. Несторъ Печерскій.

Препод. Несторъ, несправедливо считаемый за нашего перваго лѣтописца, о чемъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о послѣднемъ, пришелъ въ Печерскій монастырь вскорѣ послѣ смерти Θеодосія, при его недолговременномъ преемникѣ — игуменѣ Стефанѣ, слѣдовательно вскорѣ послѣ 1074 года. Поставленный тѣмъ же Стефаномъ, слѣдовательно

вскорѣ послѣ своего постриженія монашескаго, въ діаконы или іеродіаконы [1]), Несторъ, состоя въ этомъ санѣ, написалъ прежде 1091 года[2]), такъ же какъ и Іаковъ, два сказанія — одно о тѣхъ же Борисѣ и Глѣбѣ и другое — житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

Первымъ по порядку времени было сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, которое надписывается: «Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженую страстотерпцу Бориса и Глѣба» [3]). Прежде всего, конечно, раждается вопросъ: съ какой стати Несторъ послѣ написаннаго уже Іаковомъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ рѣшается писать вновь таковое же? Сравнивая одно сказаніе съ другимъ, мы находимъ у Нестора нѣкоторыя частныя фактическія разности противъ Іакова, и такимъ образомъ можно было бы подумать, что онъ желалъ поправить Іакова, желалъ представить дѣло болѣе достовѣрнымъ и точнымъ, по его мнѣнію, образомъ, нежели какъ это у его предшественника. Думать это однако вовсе не представляется вѣроятнымъ: древнее время вовсе не было временемъ такого скрупулёзнаго и доточнаго изслѣдованія, чтобы изъ-за неважныхъ и несущественныхъ разностей могли быть писаны новыя сказанія. Кромѣ сейчасъ указанной разности между сказаніями Іакова и Нестора, мы находимъ между ними еще другую разность: первое есть именно только повѣсть объ ихъ убіеніи, второе же хочетъ быть настоящимъ ихъ житіемъ. Необходимо думать, что это послѣднее обстоятельство и составляетъ истинную причину, по которой Несторъ на мѣсто сказанія Іакова рѣшился написать свое новое сказаніе. По примѣру греческому, святые нашей церкви Борисъ и Глѣбъ долженствовали имѣть свое житіе; сказаніе, написанное Іаковомъ, не было таковымъ житіемъ, и вотъ по этой-то причинѣ Несторъ и пишетъ свое новое сказаніе.

Такимъ образомъ, Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ собою совершенно первый у насъ опытъ настоящаго житія. Человѣкъ, рѣшившійся перенести къ намъ изъ Греціи эту форму письменности, естественно, долженъ былъ поставить свою задачу въ томъ, чтобы какъ можно болѣе подражать своимъ образцамъ. Слѣдовательно житія, начиная съ самаго перваго изъ нихъ, должны были явиться у насъ какъ можно болѣе похожими на житія греческія.

---

1) Эти свѣдѣнія самъ Несторъ сообщаетъ о себѣ въ житіи преп. Ѳеодосія (на концѣ, въ заключительномъ послѣсловіи).

2) Въ житіи Ѳеодосія Несторъ не говоритъ объ открытіи его мощей, что было въ 1091 г.; слѣдовательно написалъ его до сего года. А житіе Бориса и Глѣба онъ написалъ прежде житія Ѳеодосіева, какъ прямо говоритъ въ приступѣ къ послѣднему.

3) Напечатано нѣсколько разъ—въ Православн. Собесѣдникѣ 1858 г. Кн. I, Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859 г. Кн. I и Срезневскаго въ изданіи: «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка». Спб. 1860.

О житіяхъ, которыя суть родъ историческихъ монографій и которыя составляютъ главную массу нашей старой письменности, можно было бы думать, и многіе думаютъ, что они представляютъ собой весьма важный историческій матеріалъ. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Собственная цѣль житій была не исторія, а христіанское назиданіе, а поэтому и историческое утратило въ нихъ всякую собственную и непосредственную цѣну и является въ нихъ только въ видѣ возможно безцвѣтной оболочки, насколько невозможно обойтись безъ нея, говоря о томъ, что было въ пространствѣ и времени. Для исторіи чрезвычайно важно было бы, еслибы все, о чемъ ни говорятъ житія, называли онѣ собственнымъ именемъ, ибо тогда они сообщали бы намъ весьма много историческихъ фактовъ, которые, иначе, остались для насъ неизвѣстными. Но собственныя имена не прибавляютъ назиданія; случилось ли что нибудь съ человѣкомъ, называвшимся такъ-то или съ человѣкомъ нѣкимъ, случилось-ли что нибудь въ мѣстѣ, называвшемся такъ-то или въ мѣстѣ нѣкоемъ, для цѣлей назиданія все равно и безразлично. И у писателей житій святыхъ составился обычай облекать по возможности въ это «нѣкій» всю живую дѣйствительность: человѣкъ нѣкій, бояринъ нѣкій, градъ нѣкій — въ этихъ постоянныхъ «нѣкій» они несомнѣнно скрыли отъ насъ множество драгоцѣнныхъ историческихъ фактовъ. Каждый святой жилъ и обращался въ извѣстной средѣ и болѣе или менѣе соприкасался съ нею. Изображеніе среды всякаго даннаго времени было бы для насъ драгоцѣнно, еслибы оно по возможности живо и дѣйствительно ее воспроизводило и, такъ-сказать, фотографировало, ибо тогда житія доставляли-бъ намъ матеріалъ для возможно вѣрнаго и живаго и болѣе или менѣе индивидуальнаго представленія о разныхъ данныхъ временахъ. Но высокій предметъ — изображеніе подвиговъ святыхъ и высокая цѣль — христіанское назиданіе не дозволяло изображать дѣйствительную тривіальную жизнь въ ея обыденной тривіальности, и она обыкновенно изображается въ житіяхъ до того не собственно, до того высокимъ слогомъ посредствомъ общихъ фразъ, что исчезаетъ всякій колоритъ живой и современной дѣйствительности и что описаніе изъ одного времени становится приложимымъ рѣшительно ко всякому другому.

Забота объ исторической достовѣрности въ подробностяхъ также не составляла одной изъ главныхъ заботъ писателей житій. Достовѣрности требуетъ исторія; но назиданіе ни малѣйше не могло терпѣть отъ того, что та или другая подробность будетъ представлена недостовѣрно; а поэтому и подробности у нихъ нерѣдко являются не такъ, какъ бы требовала того достовѣрность, а какъ требуютъ цѣли назиданія.

Мы сказали выше, что у Грековъ существовала для житій особенная, принятая и установленная, форма. Людская наклонность все преувеличивать въ сферѣ агіографіи привела къ тому, что поставлено было какъ

общее положеніе и какъ общее непремѣнное требованіе, чтобы каждый святой былъ человѣкомъ избраннымъ и освященнымъ отъ чрева матери. На этомъ основаніи было принято не прямо описывать подвиги святыхъ, но всегда писать ихъ цѣлыя біографіи, начиная отъ дня рожденія и ведя черезъ дѣтство и юность до возраста мужескаго или вообще до времени дѣйствительныхъ подвиговъ. На самомъ дѣлѣ, не всякій святой подходилъ подъ помянутое общее положеніе, а, главное, далеко не каждаго святаго дѣйствительно были извѣстны дѣтство и юность. Но такъ было принято писать, и эта часть житій, въ случаѣ отсутствія дѣйствительныхъ свѣдѣній, наполнялась общими принятыми мѣстами и реторикой, представляя писателямъ житій крайній соблазнъ давать волю своему воображенію.

Что касается до стороны внѣшне-писательской или той, что называется художественною, то житія святыхъ ни малѣйше не представляютъ собой безъискуственныхъ историческихъ разсказовъ, а напротивъ имѣютъ рѣшительную наклонность къ искуственности, къ холодной сочиненности, къ витійству и реторикѣ. У всѣхъ риторовъ считается важнымъ дѣломъ приступъ; въ особенности онъ считался таковымъ у писателей житій, которыхъ большинство было изъ риторовъ нелучшихъ: начинать по возможности ab ovo составляло почти общій обычай; что бы ни говорить, только наговорить какъ можно болѣе и хитросплетеннѣе и сдѣлать приступъ какъ можно длиннѣе, было совершенно обязательно.

Въ таковомъ видѣ находилось писаніе житій святыхъ у Грековъ. Само собою разумѣется, что мы не могли усмотрѣть его недостатковъ и создать какой нибудь новый, лучшій типъ. Мы могли только рабски подражать. Это уже и дѣлаетъ, какъ мы сказали, самый первый нашъ писатель житій — преп. Несторъ. Оба его житія, представляя собой подражаніе житіямъ греческимъ, носятъ ихъ характеръ и страдаютъ ихъ недостатками.

Приступъ къ житію Бориса и Глѣба авторъ начинаетъ краткой молитвой къ Богу о поданіи разума и довольно обычнымъ у писателей житій смиреннымъ, искреннимъ или притворнымъ, исповѣданіемъ своихъ грубости и неразумія. Затѣмъ его содержаніе составляетъ та, на сей разъ довольно идущая къ дѣлу, рѣчь ab ovo, о которой говорили мы выше, именно — изображеніе всего божественнаго домостроительства о спасеніи людей, которому начало: искони сотвори и Богъ небо и землю и въ которомъ о часѣ единонадесятомъ дошла очередь озариться свѣтомъ христіанства и до насъ Русскихъ.

Краткая рѣчь о Владимирѣ и о крещеніи имъ Руси составляетъ переходъ отъ приступа къ самому повѣствованію.

Въ этомъ послѣднемъ авторъ выполняетъ указанный нами выше принятый планъ только на половину. Пропуская говорить о рожденіи Бо-

риса и Глѣба, онъ прямо начинаетъ съ ихъ дѣтства. Что воспрепятствовало ему начать рѣчь съ самаго начала, какъ того требовала полная форма житія, ясно не видно. Но по всей вѣроятности то, что по рожденію Борисъ и Глѣбъ еще принадлежали язычеству и что такимъ образомъ оно, не представляя никакихъ данныхъ для рѣчей, исполненныхъ назиданія, было еще, такъ сказать, внѣ и по ту сторону сферы житійной. Писавъ слишкомъ много спустя времени, Несторъ, конечно, не могъ имѣть совершенно никакихъ дѣйствительныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Бориса и Глѣба; но принявъ на себя написать ихъ житіе, онъ долженъ былъ писать о немъ, ибо этого требовала форма житія, по которой сказаніе должно было имѣть видъ возможно полной біографіи. Не имѣя дѣйствительныхъ свѣдѣній, Несторъ ничего не могъ сдѣлать, какъ создать необходимую для него часть житія постредствомъ общихъ мѣстъ. Это онъ и дѣлаетъ. Онъ говоритъ вообще о благочестіи Бориса и Глѣба, о томъ, что они были «яко двѣ звѣздѣ свѣтлѣ свѣтящеся по средѣ темныхъ», объ усердномъ почитаніи ими божественныхъ книгъ—житій и мученій святыхъ, разжигавшихъ ихъ сердца къ подражанію симъ послѣднимъ и къ уклоненію отъ суеты міра, объ ихъ прилежномъ по вся часы упражненіи въ молитвѣ, объ ихъ, по подобію отца, щедрой милостынѣ нищимъ, вдовицамъ, и сиротамъ, и наконецъ о чертахъ сходства между ними и тѣми святыми, христіанскія имена которыхъ они носили, — св. Романомъ сладкопѣвцемъ и царемъ Давидомъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе содержитъ разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба Святополкомъ, безъ того дополненія изъ гражданской исторіи, которое читается у Іакова, и съ значительными противъ него, какъ замѣчали мы выше, разностями въ частностяхъ.

Мы сказали, что для писателей житій исторія вовсе не составляетъ серьезной заботы, что они не только не относятъ къ числу своихъ обязанностей точной передачи историческихъ фактовъ, когда это имъ приходится дѣлать, а напротивъ намѣренно передаютъ ихъ такъ общо, что въ ихъ передачѣ факты теряютъ свое историческое значеніе. Вотъ примѣры этого у Нестора, который, какъ настоящій присяжный писатель житій, старается во всемъ, а между прочимъ и въ сейчасъ указанномъ отношеніи, подражать образцамъ греческимъ, въ сравненіи съ Іаковомъ, который въ своемъ сказаніи ведетъ себя по отношенію къ исторіи не какъ жизнеописатель, а какъ лѣтописецъ.

Іаковъ разсказываетъ, что, когда Владиміръ заболѣлъ предсмертной болѣзнію, на Русь пришли ратью Печенѣги и что онъ, не будучи въ состояніи самъ пойти противъ нихъ, призвалъ изъ Ростова Бориса, котораго и послалъ съ войскомъ вмѣсто себя. Этотъ фактъ похода противъ враговъ можетъ имѣть историческій смыслъ въ томъ только случаѣ, если мы знаемъ, кто именно были враги (что именно и сообщаетъ намъ Іаковъ).

Несторъ, разсказывая тоже, выражается объ этихъ врагахъ, которыхъ прямо называетъ Іаковъ: «въ страну его (т. е. Владимира) придоша ратніи». Отъ этого общаго, для собственныхъ цѣлей житія достаточнаго и если угодно къ собственнымъ цѣлямъ житія болѣе идущаго «пріидоша ратніи», фактъ теряетъ для насъ всякій историческій смыслъ. Для списателя житія нѣтъ нужды называть враговъ по имени, ибо тѣ или другіе они были для него безразлично, но для насъ въ этомъ названіи или незваніи все дѣло.

Іаковъ разсказываетъ, что Святополкъ, замысливъ послѣ смерти Владимира избить братьевъ, нашолъ себѣ совѣтниковъ и помощниковъ въ Вышегородскихъ мужахъ, съ нѣкіимъ Путшею во главѣ, и что имъ и поручилъ убійство Бориса. Разсказывая о томъ же, Несторъ называетъ этихъ совѣтниковъ и помощниковъ Святополка просто его слугами: «и вложи зло врагъ въ сердце его (Святополка), да пославъ на пути погубитъ (Бориса), и онъ же посла слуги своя погубити, избра мужи неистовыя, посла на блаженнаго Бориса, рекъ имъ»... У Іакова сообщается намъ историческій фактъ, у Нестора же не сообщается намъ ничего.

Мы сказали выше, что историческая достовѣрность въ подробностяхъ, нисколько не важная для цѣлей назиданія, не только не составляетъ нарочитой заботы писателей житій, но и нерѣдко приносится ими въ жертву назиданію. Вотъ примѣръ этого у Нестора по сравненію съ Іаковомъ. Послѣдній говоритъ, что Борисъ, посланный Владимиромъ противъ Печенѣговъ, не нашолъ ихъ и поэтому воротился («отшедшу же ему и не обрѣтшу супостатъ своихъ и возвратившуся ему вспять»). У Нестора это является уже совершенно иначе: онъ говоритъ, что непріятели, услышавъ о приближеніи Бориса съ войскомъ, не дерзнули стать противъ него и бѣжали («ратніи же, яко услышаша блаженаго Бориса, идуща съ вои, бѣжаша, не дерзнуша стати противу блаженому»).

Мы сказали выше, что довольно во многихъ частностяхъ Несторъ расходится съ Іаковомъ. Изъ многихъ укажемъ на одну. Іаковъ говоритъ, что въ минуту смерти Владимира младшій изъ братьевъ Глѣбъ находился на своемъ удѣльномъ княженіи въ Муромѣ, что коварно призываемый въ Кіевъ Святополкомъ, онъ было отправился въ путь, но на дорогѣ былъ убитъ близъ Смоленска. По Нестору, святый Глѣбъ, никогда не посыланный на удѣлъ, въ минуту смерти Владимира находился въ Кіевѣ; узнавъ о замыслѣ Святополка убить св. Бориса, онъ бѣжалъ было изъ Кіева, но на пути былъ догнанъ посланными Святополкомъ убійцами. Это разногласіе съ Іаковомъ есть очевидная несообразность. Въ минуту смерти Владимира Глѣбъ находился въ Кіевѣ, но Святополкъ начинаетъ убійства не съ него, который былъ на лицо, а съ Бориса, который былъ въ походѣ; не принимая никакихъ мѣръ задержать Глѣба, пока онъ былъ въ Кіевѣ, Святополкъ даетъ ему возможность

бѣжать, но когда онъ бѣжитъ, онъ тотъ-часъ же посылаетъ за нимъ убійцъ. Не знаемъ, кому принадлежитъ эта поправка противъ Іакова,— самому ли Нестору или преданію, на основаніи котораго онъ, можетъ быть, поправлялъ Іакова; во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ ту общеизвѣстную и грустную истину, что исторія и пишется и сочиняется въ одно и тоже время [1]).

Обращаемся къ житію преп. Өеодосія [2]).

Несторъ, какъ мы сказали, не зналъ лично преп. Өеодосія, ибо пришолъ въ Печерскій монастырь уже послѣ его смерти. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ возможность собрать о немъ самыя подробныя и самыя обстоятельныя свѣдѣнія, ибо пришолъ въ монастырь почти тотчасъ послѣ его смерти, когда послѣдній еще весь состоялъ изъ людей, лично его знавшихъ и когда между братіей были еще люди не только сами своими глазами видѣвшіе всю его монашескую жизнь, но знавшіе о немъ и все, что предшествовало монашеству до самого дня его рожденія [3]). Такимъ образомъ, Несторъ имѣлъ возможность писать житіе Өеодосія съ полнымъ знаніемъ его жизни. Дѣйствительно, оно представляетъ собою жизнеописаніе преп. Өеодосія весьма подробное, начатое съ самаго дня рожденія, веденное черезъ дѣтство и юность, обстоятельно сообщающее внѣшнія событія его монашеской жизни, много говорящее объ его монашескихъ подвигахъ и по порядку излагающее всѣ его труды относительно постепеннаго устроенія Печерскаго монастыря, — однимъ словомъ дающее его полную и подробную біографію. Что должно сказать о внутреннихъ достоинствахъ житія? Сравнивая его съ предшествующимъ житіемъ Бориса и Глѣба, находятъ, что оно далеко его лучше и выше, вообще же находятъ, что оно писано «съ особенною любовію къ угоднику Бо-

---

[1]) О причинѣ, по которой Владимиръ передъ смертью призвалъ Бориса съ его области къ себѣ въ Кіевъ, Несторъ пишетъ: «увѣдѣвъ убо благовѣрный отецъ ихъ (о братоубійственныхъ злоумышленіяхъ Святополка) пославъ приведе къ себѣ блаженнаго Бориса, да не како пролієть кровь праведнаго». Но, сочиняя эту умиленную рѣчь, онъ не замѣчаетъ, что говоритъ несообразность: если Владимиръ зналъ о злоумышленіяхъ Святополка, то почему не принялъ противъ него мѣръ?

[2]) Напечатано Бодянскимъ по списку XII в. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1858 г., кн. 3, и Яковлевымъ въ изданіи: Памятники Русской литературы XII и XIII вѣковъ, Спб. 1872; русскій переводъ преосв. Филарета въ Ученыхъ Запискахъ Втораго Отдѣл. Акад. Наукъ, кн. II выпускъ 2-й.

[3]) Свидѣтельствуя, что вообще собиралъ свѣдѣнія, разспрашивая остававшихся въ монастырѣ современниковъ Өеодосія (см. конецъ житія), Несторъ въ частности указываетъ какъ на человѣка, разсказами котораго по преимуществу пользовался, на монаха Өеодора, бывшаго при Өеодосіи келаремъ въ монастырѣ, по изд. Бодянск. л. 6 об., стр. 25 и 14, стр. 206; также называетъ Иларіона, который или былъ келейникомъ преп. Өеодосія или по крайней мѣрѣ занимался писаніемъ книгъ въ его кельѣ, ibid. л. 15 об., стр. 15.

жію», и что «слово писателя лилось прямо изъ сердца и отъ полноты убѣжденія». Послѣднимъ хотятъ сказать, что житіе, не будучи холоднымъ реторическимъ произведеніемъ, написано съ душой и съ теплотой сердечной. Мы съ своей стороны не находимъ, чтобы это мнѣніе могло быть признано совсѣмъ справедливымъ. Въ распоряженіи Нестора было такъ много дѣйствительныхъ свѣдѣній о Ѳеодосіи, что онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ усиленной помощи реторики и долженъ былъ только разсказывать; вслѣдствіе этого послѣдняя не до такой степени сильна въ житіи, чтобы била въ глаза и непріятнымъ образомъ отталкивала. Исключительная личность преп. Ѳеодосія такъ интересна, что повѣствованіе о ней, тепло или не особенно тепло составленное, не могло не стать занимательнымъ и поучительнымъ, не по винѣ повѣствователя, а по самому предмету повѣствованія. Эти внѣшнія условія, нисколько не зависѣвшія отъ автора и нисколько не составляющія его заслуги, создаютъ однако его повѣствованію уже положительныя достоинства. Но если не будемъ вмѣнять автору достоинствъ, которыя не составляютъ его собственной заслуги, то о житіи нужно будетъ сказать, что оно есть житіе, какъ житіе, т. е. что оно не есть какой нибудь перлъ непосредственной художественности, въ которомъ бы герой изображался такимъ образомъ, чтобы возставалъ передъ нами какъ живой человѣкъ, но что оно есть болѣе или менѣе искусственное произведеніе, составленное по общему шаблону житій. Написать то истинно-художественное повѣствованіе, тотъ истинно живой и задушевный разсказъ, которые хотятъ видѣть въ житіи, Несторъ не могъ уже потому, что не видѣлъ и не зналъ лично преп. Ѳеодосія и что долженъ былъ передавать не собственныя непосредственныя впечатлѣнія, а только пересказы другихъ. Несомнѣнно только то, что, не выдаваясь изъ ряда другихъ житій какими нибудь особенными достоинствами внутренними — художественными, житіе не страдаетъ особенными недостатками внѣшними — просто литературными; по этому послѣднему качеству въ ряду нашихъ житій ему безспорно должно быть отдано одно изъ первыхъ мѣстъ [1]). Нашимъ писателямъ житій нерѣдко недостаетъ способности толково разсказывать; при этомъ страсть къ ораторству иногда

---

[1]) Преп. Ѳеодосій несомнѣнно былъ человѣкъ исключительный и въ своемъ родѣ болѣе или менѣе великій. Необходимо думать, что, какъ всѣ люди исключительные, онъ былъ человѣкъ болѣе или менѣе своеобразный. Но этого - то своеобразнаго человѣка въ его индивидуальности мы вовсе и не даходимъ у преп. Нестора, который поставляетъ свою задачу не столько въ томъ, чтобы изобразить естественнаго человѣка, сколько въ томъ, чтобы изобразить сверхъестественнаго чудотворца (Единственное изъ желаемаго намъ у Нестора есть разсказъ о возвращеніи преп. Ѳеодосія отъ вел. кн. Изяслава на данной ему отъ князя подводѣ, причемъ по приказанію повозника онъ уступилъ послѣднему мѣсто въ телѣгѣ, а самъ вмѣсто него сѣлъ верхомъ на лошадь).

увлекаетъ ихъ въ ораторствованіе совершенно несообразное, въ такой наборъ фразъ, въ которомъ ни складу ни ладу и который выходитъ ужаснымъ Богъ знаетъ чѣмъ. Преп. Несторъ, насколько можно требовать отъ человѣка только грамотнаго и знающаго другую кромѣ сего грамотикію только по слуху, есть разскащикъ совершенно удовлетворительный, и сейчасъ указанное нами ораторство вовсе не можетъ считать его своимъ родоначальникомъ. Сказанное одинаково относится какъ къ житію преп. Ѳеодосія, такъ и къ житію Бориса и Глѣба. Послѣднее ниже перваго по интересу своего содержанія, но не ниже его, а совершенно одинаково и равно съ нимъ по литературнымъ достоинствамъ [1]).

Послѣ житій преп. Нестора мы не имѣемъ никакихъ сказаній о святыхъ за цѣлое столѣтіе; всѣ другія извѣстныя въ настоящее время сего рода сказанія относятся къ концу періода до-монгольскаго, къ XIII вѣку.

По хронологическому порядку первое мѣсто послѣ Нестора принадлежитъ неизвѣстному составителю сказанія о св. Леонтіи Ростовскомъ и объ обрѣтеніи его мощей [2]). Я говорилъ сейчасъ выше, что наши писатели

---

[1]) Читая о житіи преп. Ѳеодосія, конечно, всякій вспомнитъ и хватится о житіи преп. Антонія. Древняго житія преподобнаго Антонія до насъ не дошло, а его существованіе составляетъ довольно темную загадку. Симонъ и Поликарпъ въ Патерикѣ нѣсколько разъ ссылаются на это житіе (первый — въ первой части и въ разсказахъ объ Аѳанасіи затворникѣ и о зодчихъ, второй — въ разсказахъ объ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, о Прохорѣ лебедникѣ и о Ѳеодорѣ и Василіи). Но въ тоже время у послѣдняго читаемъ: «дивлюся како премолчана быша великая исправленія пресвятаго отца нашего Антонія, да аще толико свѣтило угасе нашимъ небреженіемъ, то како отъ него луча возсіяютъ»... и пр. (въ разсказѣ объ Агапитѣ, а нѣсколько строкъ ниже ссылка на житіе Антонія). Затѣмъ, нѣкоторыя изъ ссылокъ невольно поражаютъ своею странностію. Симонъ пишетъ Поликарпу (въ первой части): «Иларіона митрополита и самъ челъ еси въ житіи Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ бысть». Чтобы Иларіонъ былъ постриженъ преп. Антоніемъ, это вовсе и рѣшительно невѣроятно. Во-первыхъ, лѣтопись совершенно ясно говоритъ, что Антоній пришолъ съ Аѳона не до постриженія Иларіона, а не по мнозѣхъ днехъ послѣ; во-вторыхъ, если допустить, что относительно немногихъ дней или небольшаго промежутка времени у лѣтописца могло произойти смѣшеніе и что Антоній пришолъ до постриженія Иларіона: то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ минуту послѣдняго онъ былъ еще не прославленнымъ подвижникомъ, а совершенно безвѣстнымъ монахомъ, который переходилъ изъ монастыря въ монастырь, ища себѣ мѣста: съ какой же бы стати и какимъ образомъ онъ могъ постригать Иларіона? (Не говоримъ о томъ, что, не будучи пресвитеромъ, онъ и послѣ у себя самъ никого не постригалъ).

[2]) Въ первоначальной редакціи или въ своемъ собственномъ и первоначальномъ видѣ сказаніе напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1858 г., ч. I. О позднѣйшихъ многихъ редакціяхъ см. Ключевскаго Древне-русскія житія святыхъ, стр. 3 sqq.

сказаній о святыхъ, подражая Грекамъ, должны были стараться писать такія сказанія, которыя бы имѣли видъ и форму полныхъ житій, и что по этой причинѣ преп. Несторъ въ слѣдъ за сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ монаха Іакова нашолъ нужнымъ написать свое новое о нихъ сказаніе. Но между желаніемъ и его осуществленіемъ большая разница. Чтобы написать сказаніе, имѣющее форму по возможности полнаго житія, о такомъ святомъ, о которомъ не существовало достаточныхъ біографическихъ свѣдѣній, требовалось значительное писательское искусство. Не у всѣхъ составителей сказаній о святыхъ оно могло быть, и тѣ изъ нихъ, которые не сознавали себя обладающими этимъ искусствомъ, пиша о святыхъ, о которыхъ имѣлись недостаточныя біографическія свѣдѣнія, и должны были ограничиваться только ими, не пытаясь создавать настоящихъ житій. Такимъ образомъ, рядомъ съ настоящими, по содержанію или по крайней мѣрѣ по формѣ, житіями, должны были явиться сказанія о святыхъ, представляющія собой только нѣкоторыя о нихъ записи. Къ этому роду не настоящихъ житій, а только записей, относится сказаніе о св. Леонтіи Ростовскомъ. Его содержаніе составляютъ: извѣстіе о мѣстѣ рожденія святаго, краткое упоминаніе о двухъ его предшественникахъ на каѳедрѣ Ростовской и затѣмъ разсказъ о чудѣ, посредствомъ котораго онъ обратилъ жителей Ростова въ христіанство. Приложенія къ сказанію составляютъ — извѣстіе объ открытіи мощей Леонтія и объ установленіи празднованія его памяти и разсказъ о совершившихся вскорѣ послѣ сего единовременно двухъ чудесахъ. Заключается оно краткимъ похвальнымъ словомъ святому, изъявляющимъ нѣкоторую претензію на ораторство, но показывающимъ въ авторѣ оратора далеко не первостепеннаго. О томъ, насколько можно придавать вѣры историческимъ извѣстіямъ сказанія, мы говорили много выше.

За сказаніемъ о св. Леонтіи по хронологическому порядку слѣдуетъ Патерикъ Печерскій [1]).

Патериками — πατερικόν подразум. βιβλίον, по-русски — отечникъ, отечная книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ, у Грековъ назывались въ области аскетической литературы собранія — или краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ какой нибудь знаменитой иночествомъ мѣстности, или краткихъ аскетически-правоучительныхъ словъ этихъ отцовъ или же того и другаго вмѣстѣ. Такъ извѣстны Патерики Египетскіе (Азбучный и Скитскій), Іерусалимскій, Синайскій. Нашъ Патерикъ Печерскій, представляя собой подражаніе Патерикамъ

---

[1]) Напечатанъ В. Яковлевымъ подъ названіемъ: Памятники Русской литературы XII и XIII вѣковъ, Спб. 1872. Русскій переводъ: Кіево-печерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный Русскій языкъ, Маріи Викторовой. Кіевъ, 1870.

греческимъ, явился собраніемъ перваго рода, именно — собраніемъ краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ Печерскаго монастыря и о самомъ монастырѣ. Первое начало Патерику Печерскому положилъ нашъ первый лѣтописецъ, о которомъ мы будемъ говорить немного ниже. Будучи монахомъ Печерскаго монастыря, онъ не могъ оставить, чтобы, передавая потомству дѣянія, такъ сказать, чужихъ, не увѣковѣчить славы своего роднаго мѣста. Разсказавъ подробно, во-первыхъ, подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, и во-вторыхъ — подъ 1074 годомъ о смерти Ѳеодосія, лѣтописецъ присоединяетъ къ послѣднему изъ разсказовъ, на похвалу и на прославленіе монастыря, повѣсть о святомъ въ немъ жительствѣ при Ѳеодосіи и послѣ его смерти. Сказавъ, что совокупленные Ѳеодосіемъ и оставшіеся послѣ него черньцы яко свѣтила въ Руси сіяли, что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ подвигахъ, другіе въ другихъ и что всѣ они представляли союзъ связуемаго крѣпкою и высокою любовію братства, лѣтописецъ за тѣмъ, какъ онъ говоритъ, намѣняетъ нѣколико мужъ чудныхъ, т. е. разсказываетъ какъ бы къ примѣру о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскихъ, еще при своей жизни прославившихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

Послѣ небольшаго начала, положеннаго лѣтописцемъ, дальнѣйшихъ повѣствованій о подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскихъ не являлось въ продолженіе около ста съ четвертью лѣтъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XIII вѣка почти за разъ написаны были два собранія повѣстей о нихъ, которыя и составили собственный Патерикъ Печерскій. Авторами этихъ собраній были — епископъ Владимирскій и Суздальскій Симонъ и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

Симонъ, постриженникъ Печерскаго монастыря, взятый изъ него вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимирѣ Рождественскаго монастыря, вѣроятно, при самомъ основаніи сего послѣдняго въ 1197 г., а во всякомъ случаѣ являющійся какъ таковой въ 1206 г., былъ поставленъ первымъ епископомъ новооткрытой епархіи Владимирской, отдѣленной отъ Ростовской, по избранію сына и преемника Всеволодова Юрія, въ 1214 году. Послѣ 12-ти лѣтняго правленія онъ скончался въ 1226 году. Сказанія о подвижникахъ и о чудесахъ Печерскихъ, написанныя Симономъ, имѣютъ форму приложенія къ частному письму, именно — адресованному къ помянутому нами выше монаху Печерскому Поликарпу. Этотъ Поликарпъ, бывъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству или, что гораздо вѣроятнѣе, его близкимъ родственникомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никакъ не могутъ устроить себя и которымъ вездѣ не хорошо и не по себѣ. Пріѣхавъ изъ Печерскаго монастыря къ Симону во Владимиръ, Поликарпъ пожилъ у него нѣкоторое время и снова возвратился назадъ. Сознавая

себя не худшимъ другихъ людей, онъ стремился къ власти, чтобы, будучи начальникомъ, приносить болѣе пользы, но получая власть онъ раскаивался и находилъ, что лучше быть подчиненнымъ: дважды ему было доставляемо игуменское мѣсто и дважды онъ возвращался съ него въ Печерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, онъ все-таки не успокоился, — началъ представлять изъ себя критикующую власти и всѣмъ основательно или неосновательно недовольную оппозицію и вмѣстѣ воображать себя человѣкомъ нецѣнимымъ, преслѣдуемымъ и обижаемымъ. Свои претензіи, свое недовольство и свои обиды Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону. Это письмо Поликарпа въ совокупности со всѣмъ его поведеніемъ заставило Симона написать ему строго обличительное и наставительное посланіе. И къ этому-то посланію, чтобы показать Поликарпу, какое избранно и исключительно святое мѣсто — Печерскій монастырь и чтобы убѣдить его къ неисходному пребыванію въ немъ, Симонъ и приложилъ рядъ сказаній о чудотворцахъ Печерскихъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его главной или великой церкви. Такова литературная форма, въ которой Симонъ обнародовалъ свое собраніе сказаній. Не можетъ не представляться она нѣсколько странною и не совсѣмъ понятною. Несомнѣнно, что собраніе сказаній назначалось не для Поликарпа только въ видахъ его личнаго назиданія, а вообще для всѣхъ Русскихъ людей или имѣло назначеніе публичнаго сочиненія, и однако ему дается видъ приложенія къ частному письму. Что заставило Симона поступить такъ, положительно сказать не беремся. Можно съ вѣроятностію предполагать, что онъ стѣснялся обнародовать свое собраніе сказаній въ видѣ настоящаго или обыкновеннаго публичнаго сочиненія, опасаясь сомнѣній и невѣрія; придавая собранію сказаній форму произведенія, имѣющаго частное назначеніе, Симонъ давалъ невѣрующимъ тотъ отвѣтъ, что это писано не для нихъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ его теперешнемъ видѣ имѣетъ себя далеко неестественно. Рѣчь идетъ о знаменитыхъ подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскаго монастыря. И Симонъ и Поликарпъ оба монахи этого монастыря. Если зналъ о подвижникахъ и чудотворцахъ одинъ, то, очевидно, долженъ былъ знать о нихъ и другой. А между тѣмъ одинъ представляется разсказывающимъ другому какъ невѣдомое то, что долженствовало быть для него вѣдомымъ и притомъ отсутствующій изъ монастыря разсказываетъ находящемуся въ немъ [1]).

---

[1]) Сказавъ кратко о священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ, Симонъ прибавляетъ: «Оставлю убо много глаголати, еже о святыхъ; аще ли не довлѣетъ ти моя бесѣда, иже (юже или еже) слыша отъ устъ моихъ, то ни самое писаніе на увѣреніе тя приведетъ, аще ли и симъ не вѣруеши, то аще кто и отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имѣши вѣры». Писано Поликарпу, но назначено, очевидно, не для него, ибо если бы въ немъ подозрѣвалось невѣріе, то оно

Есть и еще нѣчто не совсѣмъ естественное въ трудѣ Симона въ его настоящемъ видѣ, что̀ также бросается въ глаза, хотя и не особенно рѣзко. Между письмомъ къ Поликарпу и приложеніемъ къ нему, состоящимъ изъ повѣстей или составляющимъ Патерикъ, нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Въ письмѣ Симонъ обличаетъ Поликарпа за то-то и за то-то; повѣсти приложены, конечно, за тѣмъ, чтобы подтвердить примѣрами все сказанное имъ самимъ. На самомъ же дѣлѣ онѣ служатъ не къ сему, а къ подтвержденію того, что вовсе не составляетъ главнаго предмета письма, такъ что въ приложеніи находимъ не то, чего слѣдовало бы ожидать по письму, и оно является не дѣйствительнымъ приложеніемъ, а вещью особою и самостоятельною, только облеченною въ несоотвѣтствующую форму.

Собраніе сказаній, написанныхъ Симономъ, состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ разсказовъ о чудотворцахъ Печерскихъ и изъ пяти, составляющихъ одно цѣлое, частныхъ разсказовъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной Печерской церкви. Что касается до времени жизни лицъ и времени событій, о которыхъ разсказываетъ Симонъ, то въ двухъ случаяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, въ двухъ передаетъ со словъ очевидцевъ, во всѣхъ же остальныхъ источникомъ его свѣдѣній должны быть считаемы сохранявшіяся въ Печерскомъ монастырѣ преданія [1]).

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресуетъ свой трудъ какъ-бы посланіе тогдашнему архимандриту Печерскому Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или введеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину во-первыхъ — объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы разсказывать устно, за тѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11-ть.

Какъ Симонъ писалъ собственно не для Поликарпа, а для публики, и только нашолъ удобнѣйшимъ обнародовать свой трудъ въ формѣ собранія, назначеннаго для частнаго лица, такъ и Поликарпъ, конечно, писалъ собственно не для Акиндина, а для той-же публики. Литературная форма, имъ избранная, еще болѣе не ловка, чѣмъ это у Симона. Если тамъ представляется дѣло такимъ образомъ, что изъ двухъ монаховъ одного и того же монастыря одинъ знаетъ о чудотворцахъ, въ

было бы обличено выше — въ самомъ письмѣ и не мимоходомъ. Говоря объ Аѳанасіи затворникѣ, Симомъ уже прямо обращается ко всѣмъ невѣрующимъ и въ концѣ концовъ даетъ имъ тотъ отвѣтъ, который мы предположили, именно — что это писано не для нихъ. Приступая къ описанію чудесъ, бывшихъ при построеніи Печерской церкви, Симонъ уже совсѣмъ забываетъ, что пишетъ для Поликарпа, а не для всѣхъ, и озаглавливаетъ сказаніе: «Слово о създаніи церкви, (да) разумѣють *вси*, яко самого Господа промысломъ» и пр.

[1]) См. ниже.

немъ бывшихъ, а другой нѣтъ, то тамъ по крайней мѣрѣ старшій разсказываетъ младшему. Здѣсь напротивъ дѣло представляется такимъ образомъ, что младшій разсказываетъ старшему то, что послѣдній долженъ былъ знать безъ него и лучше его. Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній Поликарпъ ссылается, во введеніи, вѣроятно, для приданія большаго авторитета своимъ словамъ въ глазахъ читателей, на епископа Симона; но на эту ссылку нельзя иначе смотрѣть, какъ на новую и также большую литератную неловкость. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то, во-первыхъ, спрашивалось-бы: почему самъ Симонъ не досказалъ того, что разсказываетъ Поликарпъ; во-вторыхъ и главное, тогда рождался бы вопросъ: какимъ образомъ о чудотворцахъ и чудесахъ Печерскихъ зналъ только Симонъ и никто болѣе? Наконецъ, Поликарпъ, придавая своему сочиненію странную форму посланія архимандриту собственнаго монастыря, сознавалъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ: съ какой стати онъ пишетъ, а не повѣствуетъ устно, человѣку находящемуся съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. На этотъ вопросъ онъ находится дать слѣдующій далеко не совсѣмъ естественный отвѣтъ, обращенный къ Акиндину: «ты спрашивалъ меня и велѣлъ разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай, что о чемъ-бы ни была рѣчь, я всегда съ страхомъ бесѣдую съ тобою. Какъ же могъ я ясно разсказывать сотворенныя ими чудеса? Кое-что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я разсказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и разсказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія». Поликарпъ придаетъ своему сочиненію форму частнаго письма, конечно, по той-же причинѣ, что́ и Симонъ; но странно, что онъ даетъ ему форму письма, адресованнаго къ собственному архимандриту, а не къ кому нибудь стороннему. Лица и событія всѣхъ 11-ти разсказовъ Поликарпа относятся къ такому отдаленному отъ него времени, что источникомъ всѣхъ должны быть считаемы устныя преданія Печерскаго монастыря.

Содержаніе всѣхъ разсказовъ и Симона и Поликарпа, какъ мы сказали выше, составляютъ чудеса, совершившіеся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключительность и великость или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: «поистинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ Печерскомъ монастырѣ?» Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ: «прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой».

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія и Симоново и Поликарпово сравнительно очень удовлетворительны. Симонъ въ своей вступительной части къ разсказамъ или въ своемъ собственномъ обличительномъ

письмѣ къ Поликарпу даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разсказщика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Величайшее сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика Печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимою четьею книгою нашихъ предковъ. На этомъ, кажется, основаніи многіе думаютъ, что онъ представляетъ собою книгу самую назидательную для ищущихъ назиданія людей. Но это послѣднее требуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пояснительныхъ рѣчей. Собственною цѣлію составителей Патерика, какъ они прямо и ясно даютъ знать, было то, чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ память о великихъ чудесахъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ, и чтобы вмѣстѣ съ симъ показать, что Печерскій монастырь есть богоизбранное и святое мѣсто. Независимое отъ сей цѣли составителей и прямое, по отношенію къ читателямъ, назиданіе Патерика есть то, что руками великихъ подвижниковъ Богъ творитъ великія чудеса. Но если разумѣть назиданіе въ обыкновенномъ смыслѣ наставленія и руководства къ благочестивой христіанской жизни, то въ семъ смыслѣ и не для монаховъ только, которымъ естественно имѣть передъ глазами примѣръ подвижниковъ, а и для мірянъ, которые подвижниками быть не могутъ, Патерикъ не составляетъ книги ни исключительно, ни нарочито назидательной. Онъ во всѣ времена усердно читаемъ былъ, во-первыхъ—по причинѣ его высокаго духовнаго интереса, ибо если представляютъ интересъ чудеса сказочныя, то тѣмъ болѣе должны представлять его великія чудеса истинныя; во-вторыхъ потому, что великими чудесами Богъ благоволилъ ознаменовать святое мѣсто у насъ Руси и что такимъ образомъ онъ—Патерикъ, повѣствуя о сихъ чудесахъ, даетъ доказательства особеннаго Божія благоволенія именно къ нашей Руси.

Собственный Патерикъ Печерскій, по намѣренію писавшихъ, составляютъ собранія сказаній Симоново и Поликарпово. Но до насъ не сохранилось ни одной рукописи, въ которой Патерикъ являлся бы состоящимъ только изъ этихъ двухъ собраній; напротивъ, во всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописяхъ онѣ являются съ большимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, начиная съ близкихъ къ нимъ по содержанію и относящихся къ исторіи того же Печерскаго монастыря и его основатетей (изъ лѣтописи объ основаніи монастыря, смерти Ѳеосіевой и о первыхъ подвижникахъ, объ открытіи мощей Ѳеодосія, Несторово житіе Ѳеодосія и пр.) и кончая весьма не близкими къ нимъ и относящимися къ первоначальной и вообще древней исторіи нашей церкви и нашего государства. По этимъ добавочнымъ статьямъ, которыя въ однихъ спискахъ находятся въ одномъ, въ другихъ—другомъ количествѣ, послѣдніе раздѣляются на группы или на редакціи. Кромѣ того и самыя собранія Симона и Поликарпа не во всѣхъ спискахъ читаются въ одномъ и томъ же видѣ: состоя каждое изъ многихъ отдѣльныхъ повѣстей и кромѣ того первое изъ трехъ отдѣльныхъ частей (самое посланіе

къ Поликарпу, сказанія о чудотворцахъ Печерскихъ и сказанія о чудесахъ при построеніи Печерской церкви) онѣ представляли возможность перестановки и выпуска—то и другое отдѣльныхъ сказаній, а первое кромѣ того и частей, что и дѣйствительно было дѣлано. Всѣхъ редакцій, извѣстныхъ въ настоящее время, насчитывается довольно много, особенно если брать во вниманіе и частныя отличія. Древнѣйщія и важнѣйшія редакціи, получившія названія отъ древнѣйшихъ каждой списковъ суть: 1) Арсеньевская—отъ имени Тверскаго епископа Арсенія (святаго, почивающаго въ Жолтиковомъ монастырѣ), для котораго написанъ былъ Патерикъ въ Печерскомъ монастырѣ (мѣстѣ его постриженія и монашества) въ 1406 году (древнѣйшій списокъ древнѣйшей редакціи, конечно, есть самый древній и изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ; въ настоящее время онъ въ Публичной библіотекѣ, въ которую потступилъ отъ купца Берсенева, почему иначе называется Берсеневскимъ); 2) двѣ Касьяновскія—первая и вторая—отъ имени крылошанина и уставщика Печерскаго монастыря Кассіана, по приказанію или по рядѣ котораго были написаны въ Печерскомъ монастырѣ въ 1460 и 1462 гг. два списка Патерика, представляющіе двѣ особыя редакціи (такъ какъ первый списокъ 1460 г. писанъ по приказанію Кассіана, но не для него самого, а для бывшаго намѣстника митрополичьяго въ Кіевѣ священноинока Акакія, то редакція незывается иначе Акакіевской). Въ первой редакціи или Арсеньевской половина труда, принадлежащая Симону, читается безъ своей первой части или безъ собственнаго обличительнаго посланія къ Поликарпу, такъ что собраніе сказаній имѣетъ видъ не приложенія къ письму, а самостоятельнаго цѣлаго; въ обѣихъ вторыхъ редакціяхъ трудъ Симона читается въ полномъ видѣ, но съ отдѣленіемъ въ особое цѣлое третьей части, которая поставлена первою и раздѣлена съ остальными двумя частями значичителннымъ промежуткомъ вставочныхъ статей. Объ остальныхъ редакціяхъ желающій можетъ читать въ статьѣ преосв. Макарія: Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго Патерика, помѣщенной въ Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Наукъ 1856—57 г.; а для обстоятельнаго знакомства вooобще съ редакціями долженъ еще присоединить статьи Кубарева: О Патерикѣ Печерскомъ, съ добавочною къ ней: Описаніе харатейнаго списка Патерика Печерскаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1847 г. № 9 и О редакціяхъ Патерика Печерскаго вообще, ibid. 1858 г. кн. 3.

Представляемъ краткій обзоръ собраній Симона и Поликарпа.

Первое, какъ мы сказали, состоитъ изъ трехъ частей: обличительнаго письма къ Поликарпу, сказаній о подвижникахъ Печерскихъ и сказаній о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви. Оставляя первую часть, содержаніе которой мы передали, начнемъ прямо со второй. Она состоитъ изъ сказаній:

1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ. У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателенъ святаго, казался цѣломудренымъ и постникомъ, но въ тайнѣ ѣлъ и пилъ и жилъ скверно, что̀ утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ тер-

пѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святаго, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: «смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ... никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку...»

2) Объ Евстратіи постникѣ. Взятый въ плѣнъ Половцами (при одномъ изъ нападеній ихъ на Кіевъ и Печерскій монастырь), онъ проданъ былъ одному Корсунскому жиду. Послѣ многихъ истязаній и мученій, жидъ распялъ его въ поруганіе на крестѣ, на которомъ онъ оставался живымъ въ продолженіе 15 дней. Смерть его, послѣдовавшая отъ пронзенія копьемъ, сопровождалась чудесами, а его мучителя и всѣхъ жидовъ Корсунскихъ постигъ тяжкій небесный гнѣвъ [1]).

3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. Бывъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Евстратіемъ, онъ не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это Половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ послѣ трехлѣтнихъ страданій онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и невидимо перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну.

4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. Первый, крестивъ Вятичей, много перенесъ мученій отъ невѣрныхъ и наконецъ былъ убитъ ими съ ученикомъ своимъ. Второй, прозрѣвшій свою смерть за два года, возвѣстилъ въ монастырѣ объ убіеніи Кукши въ часъ сего послѣдняго и умеръ въ одинъ съ нимъ день.

5) Объ Аѳанасіи затворникѣ. Скончавшись послѣ продолжительной болѣзни, по небрежію онъ не былъ погребенъ въ самый день смерти (какъ это дѣлалось въ то время); когда на другой день пришли хоронить его, онъ оказался живымъ, ибо воскресъ изъ мертвыхъ. Преподавъ братіи, по ея усиленной просьбѣ, нѣсколько наставленій и между ними главное молиться, чтобы окончить жизнь въ монастырѣ и сподобиться погребенія въ пещерѣ со святыми отцами, онъ заключился въ безвыходный и безмолвный затворъ, въ которомъ пробылъ послѣ того 12 лѣтъ. Когда онъ умеръ во второй разъ, то при тѣлѣ его совершилось чудо исцѣленія отъ болѣзни (О послѣднемъ чудѣ слышано отъ самого исцѣленнаго).

6) О преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ. Святоша, что есть уменьшительное отъ Святославъ, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава Черниговскихъ и правнукъ Ярослава Великаго; онъ былъ между князьями первый добровольно постригшійся въ монахи и единственный постригшійся не передъ смертію, а еще задолго до нея съ цѣлію быть настоящимъ монахомъ. Принявъ монашество, съименемъ Николая, въ Печерскомъ монастырѣ въ 1106 г., онъ неисходно прожилъ

---

[1]) Симонъ говоритъ, что Евстратій зовется въ поминаніи или синодикѣ Печерскомъ протостраторомъ; но что сіе значитъ, остается для насъ неяснымъ.

въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ должности повара и вратаря и все время монашества провелъ въ вольной убогой нищетѣ и въ подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній.

7) О черноризцѣ Еразмѣ. Пришедъ въ монастырь съ большимъ богатствомъ, онъ все употребилъ его на окованіе монастырскихъ иконъ. Истравивъ все и дошедъ до нищеты, онъ вмѣсто ожидаемыхъ почестей, какъ ничего не имущій, началъ быть пребрегаемъ отъ братій; сталъ онъ отчаяваться, что не получитъ и вѣчной награды за истраченное, потому что употребилъ его на церковь, а не на милостыню роздалъ; вслѣдствіе сего, впавъ въ искушеніе діавольское, началъ нерадѣть о житіи своемъ и проводить дни свои во всякомъ небреженіи и безчинствѣ. Но постигнутый тяжкою болѣзнію онъ удостоился видѣнія преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія съ Божіею Матерью, изъ которыхъ двое первыхъ сказали ему, что по нихъ молитвѣ Господь даетъ ему время покаяться, а вторая сказала: за то, что ты украсилъ церковь мою и иконами возвеличилъ ее, и Я тебя прославлю въ царствѣ Сына Моего. Послѣ сего онъ исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, принялъ схиму и на 3-й день скончался съ миромъ (Слышанное отъ очевидцевъ).

8) О черноризцѣ Ареѳѣ. Имѣвъ большое богатство, онъ былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не хотѣвъ слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и дьяволовъ. Послѣ этого онъ покаялся, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню (разсказываетъ какъ очевидецъ).

9) О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Титъ и Евагрій сначала были великими друзьями, а потомъ, по враждѣ діавола, стали ожесточенными врагами. Когда первый однажды разболѣлся и, бывъ при смерти, захотѣлъ примириться со вторымъ, то братія никакъ не могли заставить сдѣлать это Евагрія, который сказалъ: никогда не хочу примириться съ нимъ ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. За это невидимо пораженъ былъ отъ ангела внезапною и страшною смертію (разсказываетъ какъ очевидецъ).

Третья часть, о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви:

1) О Шимонѣ князѣ варяжскомъ. Якунъ слѣпой, князь Варяжскій, помогавшій Ярославу противъ Святополка, послѣ смерти брата своего Африкана, изгналъ двухъ его сыновей изъ ихъ областей. Одинъ изъ двоихъ изгнанныхъ, по имени Шимонъ, пришелъ служить къ Ярославу, который имѣлъ его въ чести и сдѣлалъ старшимъ бояриномъ у сына своего Всеволода. Этотъ Шимонъ началъ имѣть особую любовь къ монастырю Печерскому по тому случаю, что когда въ 1066 г. сыновья Ярославовы: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отправляясь въ походъ на Половцевъ, пришли къ Антонію для молитвы и благословенія, то старецъ предрекъ имъ пораженіе, а Шимону, который былъ вмѣстѣ съ князьями, предрекъ язвы, но и спасеніе и погребеніе послѣ мирной смерти въ своемъ монастырѣ, и что со-

гласно съ симъ пророчествомъ Шимонъ, бывъ раненъ, чудесно былъ избавленъ отъ опасности плѣна и вмѣстѣ исцѣленъ отъ ранъ. Послѣ этого случая Шимонъ, пришедъ къ Θеодосію, разсказалъ ему, что отецъ его Африканъ устроилъ крестъ, на который возложилъ золотой вѣнецъ и золотой поясъ, что, когда онъ—Шимонъ, сбираясь бѣжать, взялъ вѣнецъ и поясъ, то къ нему былъ небесный гласъ: никогда не возлагай вѣнца на свою голову, а неси его на уготованное ему мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моея преподобными и отдай имъ въ руки, чтобы повѣсили надъ моимъ жертвенникомъ, что, плывя по морю во время великой бури, онъ видѣлъ съ спутниками на небѣ церковь и слышалъ о ней, что это есть та церковь, которая имѣетъ быть построена преподобными, и что ему дана была мѣра той церкви, измѣренная поясомъ со креста, который онъ несъ съ собой. До сихъ поръ, заключилъ Шимонъ свой разсказъ, я не зналъ, гдѣ будетъ построена видѣнная мною церковь, а теперь изъ твоихъ словъ, что буду положенъ здѣсь, въ имѣющей быть созданною церкви, я сіе узналъ. Съ этими словами Шимонъ, переименованный отъ преподобнаго въ Симона, вручилъ ему вѣнецъ и поясъ. Далѣе разсказывается, какъ этотъ Симонъ, пришедъ къ преп. Θеодосію, испросилъ у него, во увѣреніе того, что онъ молится за него и за родъ его такъ же, какъ о своихъ черицахъ, писанную молитву, о чемъ говорили мы выше. А затѣмъ прибавочная повѣсть, какъ сынъ этого Симона, Георгій, въ правленіе Юрія Долгорукаго оковалъ гробъ преп. Θеодосія, какое дѣло ознаменовалось чудомъ надъ невѣрнымъ подручникомъ Георгія, на котораго онъ возложилъ дѣло [1]).

2) О зодчихъ [2]) и

3) О живописцахъ. И тѣ и другіе чудесно были присланы изъ Константинополя, — первые при жизни Антонія и Θеодосія Божіей Матерію, приславшею и намѣстную икону для церкви, вторые самими, уже преставившимися, Антоніемъ и Θеодосіемъ.

5) Объ Іоаннѣ и Сергіи. Въ Кіевѣ были два человѣка отъ великихъ града Іоаннъ и Сергій, которые вступили въ духовное братство предъ чудной иконой

[1]) Въ этой послѣдней повѣсти у Симона хромаетъ хронологія, cfr Ипатскую лѣтопись подъ 1130 г.

[2]) Пришедшими зодчими церковь была основана въ 1073 г. при вел. кн. Святославѣ, который согналъ съ престола старшаго брата Изяслава въ томъ же году 22 Марта. Въ разсказѣ о зодчихъ у Симона странное противорѣчіе: сначала онъ говоритъ, что они пришли при жизни Антонія и Θеодосія, а потомъ (въ разсказѣ о живописцахъ), что они пришли, когда изгнанъ былъ изъ монастыря Стефанъ, т. е. много послѣ. Не совсѣмъ объяснимо и то, что по лѣтописи церковь, заложенная въ 1073 г., окончена 11 Іюня 1075 г., а по Симону зодчіе оставались въ монастырѣ въ продолженіе 10 лѣтъ послѣ смерти Θеодосія (1074 г.), когда пришли живописцы (въ разсказѣ о послѣднихъ Симонъ не говоритъ, чтобы тотчасъ по окончаніи работы они постриглись въ монахи и оставались въ монастырѣ въ качествѣ таковыхъ). Въ повѣствованіи о заложеніи церкви Симонъ ссылается на житіе Антонія, говоря, что въ немъ найдешь это пространнѣе.

Божіей Матери, присланной ею самой. Спустя много лѣтъ Іоаннъ, разболѣвшись и готовясь умереть, призвалъ Сергія и вручилъ ему на храненіе деньги, которыя оставлялъ пятилѣтнему сыну въ наслѣдство. Достигнувъ 15-ти лѣтняго возраста, этотъ сынъ Іоанна пожелалъ получить отъ Сергія свое имѣніе, но тотъ заперся и не хотѣлъ отдавать. Тогда призванная во свидѣтельницы икона Божіей Матери, предъ которою заключено было духовное братство, обличила и жестоко наказала Сергія и вмѣстѣ удвоила находившіяся у него на храненіи деньги.

6) О святой трапезѣ. Когда церковь была совсѣмъ готова, долго искали мастера, который бы сдѣлалъ каменную доску для св. престола, и, не нашедши, рѣшили приготовить доску деревянную. Но митрополитъ тогдашній Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы въ такой великой церкви была на престолѣ деревянная доска. Игуменъ былъ въ великой печали. Но когда наканунѣ назначеннаго дня освященія пришли въ церковь пѣть вечерню, то у алтарной преграды нашли каменную доску. На освященіе церкви собралось нѣсколько епископовъ, которые никѣмъ не были званы, а явились по чудесному званію.

Въ собраніи Поликарпа, послѣ краткаго вступленія, которое мы передали выше, содержатся повѣсти:

1) О Никитѣ затворникѣ, послѣ епископѣ Новгородскомъ. Этотъ Никита, желая пріобрѣсти славу у людей, не смотря на запрещенія и увѣщанія игумена, удалился въ затворъ. Но скоро, какъ предрекалъ игуменъ, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела и при помощи котораго онъ дѣйствительно праславился у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ Новаго Завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ отъ врага. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе.

2) О Лаврентіи затворникѣ. Желая пойти въ затворъ и не получивъ на это дозволенія въ Печерскомъ монастырѣ, удалился въ монастырь Димитріевскій. За крѣпкое житіе удостоился дара исцѣленій. Однажды онъ не могъ выгнать бѣса изъ приведеннаго бѣсноватаго и послалъ послѣдняго въ Печерскій монастырь. При этомъ бѣсъ засвидѣтельствовалъ, что въ Печерскомъ монастырѣ есть 30 иноковъ, которые могутъ изгнать его однимъ словомъ.

3) О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. Исцѣлялъ больныхъ молитвою и зеліемъ, которое вкушалъ. Между другими исцѣлилъ Владимира Всеволодовича Мономаха. Посрамилъ бывшаго въ то время въ Кіевѣ врача, родомъ изъ Армянъ, и наконецъ расположилъ его перейти въ православіе и принять монашество въ Печерскомъ монастырѣ.

4) О св. Григоріи чудотворцѣ. Прилежа къ молитвѣ, получилъ побѣду на бѣсовъ. По наученію бѣсовъ обокраденный ворами, чудеснымъ образомъ наказалъ послѣднихъ. Смерть принялъ отъ руки одного разгнѣваннаго князя, который приказалъ бросить его въ Днѣпръ, при чемъ мертвый съ камнемъ на шеѣ, съ которымъ былъ брошенъ, очутился въ своей кельѣ.

5) Объ Іоаннѣ затворникѣ. Тридцать лѣтъ провелъ въ тѣсномъ затворѣ въ пещерѣ, подвизаясь главнымъ образомъ противъ страсти плотской. Наконецъ получилъ даръ утолять ее и у другихъ.

6) О Моусеѣ Угринѣ. Былъ родной братъ того Георгія Угрина, который палъ защищая св. Бориса. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ Польскимъ, уязвилъ тамъ своей красотой сердце одной богатой вдовы, которая, долго и напрасно пытавшись склонить его на свою похоть, предала его жестокимъ мученіямъ. Наконецъ, избавившись отъ вдовы, потерпѣвшей Божію казнь, пришелъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ силою Божіей врачевалъ недугъ плотской страсти.

7) О Прохорѣ Лебедникѣ. Питался одной лебедой, не вкушая ничего болѣе. Во время голода питалъ неимущихъ хлѣбами изъ этой лебеды, которые казались получавшимъ ихъ отъ Прохора настоящими и вкусными хлѣбами. Одинъ разъ, когда по случаю войны не было подвоза соли, для раздачи бѣднымъ превращалъ въ соль пепелъ. Обратилъ на путь покаянія вел. кн. Святополка Изяславича.

8) О преп. Маркѣ Печерникѣ. Жилъ въ пещерѣ и занимался тѣмъ, что копалъ могилы въ пещерѣ для умирающихъ и на своихъ плечахъ выносилъ землю. За свою богоугодную жизнь сподобился такого дара чудотвореній, что его голоса слушались мертвые.

9) О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ передъ поступленіемъ въ монашество раздалъ все свое богатство нищимъ, но въ монастырѣ началъ раскаиваться и подвергся искушенію отъ демона сребролюбія. Василій былъ орудіемъ его исцѣленія отъ болѣзни душевной. Оба они пострадали отъ одного, не совсѣмъ ясно—какимъ образомъ имѣвшаго въ Кіевѣ власть, князя, бывъ оклеветаны къ послѣднему демономъ.

10) О Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіи иконописцѣ. Тотъ и другой обладали даромъ чудотвореній.

11) О многострадательномъ Пиминѣ. Родившись и выросши въ болѣзни, онъ желалъ постричься въ монахи; но родители, надѣясь на его выздоровленіе, не дозволяли ему этого. Принесенный для исцѣленія въ Печерскій монастырь, онъ постриженъ былъ въ одну ночь ангелами. Пролежавъ много лѣтъ въ болѣзни, сотворилъ многія и великія чудеса.

Существующій съ давняго времени печатный Патерикъ Печерскій не представляетъ собою напечатаннаго собранія древнихъ сказаній въ ихъ подлинномъ видѣ, но есть позднѣйшая изъ нихъ и на основаніи ихъ компиляція или обработка, по достоинству своему далеко не удовлетворительная. Собственнымъ ея составителемъ былъ Сильвестръ Коссовъ, епископъ Мстиславскій и Могилевскій (1635—1647), потомъ митрополитъ Кіевскій († 1657), который напечаталъ свой трудъ на Польскомъ языкѣ въ 1635 г. подъ заглавіемъ: Paterikon abo Żywoty s.s. oycôw Pieczarskich (w Kioiwie, w drucarni Lawry Pieczarskiey). Но монахи Печерскіе, рѣшивъ издать этотъ Патериконъ на Русскомъ языкѣ, подвергли его своей собственной передѣлкѣ, причемъ не только нѣсколько измѣнили его, но

и нѣсколько ухудшили [1]). Въ первый разъ они напечатали свою новую редакцію въ 1661 г., въ архимандритство Иннокентія Гизіеля или Гизеля, подъ заглавіемъ: Патерикъ или отечникъ Печерскій, содержащъ житія святыхъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, просіявшихъ въ пещерахъ и пр. и пр. Послѣ предисловія къ читателю православному, содержащаго отвѣты противу хуленіямъ на святыхъ Печерскихъ, Патерикъ раздѣляется на три части: въ первой житія Антонія и Ѳеодосія (второе—Несторово), сказанія о построеніи церкви (изъ Симона), житія игуменовъ Стефана, Никона и Варлаама, житія препп. Ефрема евнуха епископа Переяславскаго и Исаіи епископа Ростовскаго и изъ лѣтописи житія препп. Даміана, Іереміи, Матѳея и Исакія; во второй сказанія Поликарповы съ присоединеніемъ на концѣ—ихъ начала или вступительнаго обращенія Поликарпа къ Акиндину; въ третьей сказанія Симоновы съ присоединеніемъ на концѣ житія Нифонта епископа Новгородскаго, первой или обличительной части посланія Симона къ Поликарпу и житій писателей Патерика—Нестора лѣтописца, епископа Симона и Поликарпа, котораго составители принимаютъ за одно лицо съ архимандритомъ Поликарпомъ, умершимъ въ 1182 г.

Послѣднее сочиненіе изъ періода до-монгольскаго, относящееся къ настоящему отдѣлу частной нравоучительной исторіографіи, есть житіе преп. Аврамія Смоленскаго [2]), который подвизался въ концѣ XII—въ началѣ XIII вѣка. Бывъ написано личнымъ ученикомъ преподобнаго монахомъ Ефремомъ, житіе представляетъ собой не краткую запись, подобную сказанію о св. Леонтіи Ростовскомъ, а настоящее полное и подробное житіе, подобное Несторову житію преп. Ѳеодосія, такъ что послѣ двухъ настоящихъ житій Нестора оно есть за періодъ до-монгольскій таковое же третье. Преп. Аврамій не принадлежалъ къ числу отцовъ нашего монашества подобно Ѳеодосію и вообще не былъ въ его исторіи изъ числа такъ-сказать свѣтилъ и представителей рѣшительно выдающихся, но тѣмъ не менѣе онъ представлялъ собою человѣка замѣчательнаго и очень интереснаго по отношенію къ исторіи не монашества, а церкви вообще и именно церковной жизни. Онъ началъ съ своеобразнаго подвижничества—юродства, а потомъ посвятилъ себя той дѣятельности народнаго учителя въ качествѣ учительнаго монаха, готоваго къ услугамъ всѣхъ, желающихъ духовныхъ бесѣдъ, о которой мы говорили нѣсколько выше. Къ величайшему сожалѣнію, нашъ авторъ вовсе не изображаетъ преп. Аврамія ни въ подвигахъ юродства ни въ дѣятельности учителя съ такою достаточностію, чтобы можно было остаться болѣе или менѣе довольну. Что Аврамій началъ съ юродства, объ этомъ безъ всякихъ распростра-

---

[1]) Объ отношеніи Русскаго Патерика къ Польскому Патерикону Коссова см. въ статьѣ Пекарскаго: Представители Кіевской учености, въ Отеч. Зап. т. CXLI стр. 373.

[2]) Напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ, 1858 г. въ ч. 3-й.

ненiй онъ только сообщаетъ; о дѣятельности какъ учителя онъ, правда, нарочито говоритъ и даже не только нарочито говоритъ, но какъ будто именно ей по преимуществу посвящаетъ всѣ свои рѣчи: однако въ концѣ концовъ выходитъ то, что̀ послѣ многихъ словъ совсѣмъ нѣтъ изображенія этой дѣятельности. Впрочемъ мы должны быть весьма благодарны нашему автору и за то, что̀ онъ по своей силѣ сдѣлалъ; если онъ не описалъ намъ замѣчательнаго въ жизни Аврамія, то по крайней мѣрѣ указалъ, а и это уже важно.

Какъ писатель, Ефремъ значительно ниже Нестора, котораго онъ имѣлъ предъ глазами, которому очевидно силился подражать и котораго отчасти списываетъ. Такъ какъ жизнь преп. Аврамія была не богата внѣшними событіями, о которыхъ можно было бы разсказывать, а изображеніе его въ неподвижной внѣшне дѣятельности учителя было для автора не по силамъ, то онъ подвергался опасности быть слишкомъ краткимъ. Чтобы достигнуть относительно объема житія приличныхъ размѣровъ, авторъ прибѣгаетъ къ отступленіямъ, вдаваться въ которыя онъ пользуется всякимъ случаемъ и которыя, долженствуя быть ораторскими по его намѣренію, не совсѣмъ могутъ быть признаны таковыми на самомъ дѣлѣ. Отъ мучительнаго для всѣхъ писателей житій труда составлять приступъ авторъ благоразумно избавляетъ себя тѣмъ, что списываетъ его у Нестора, одну половину взявъ изъ житія Бориса и Глѣба, а другую изъ Ѳеодосіева, причемъ однако у него случилась та бѣда, что одна половина приступа (первая, взятая изъ житія Бориса и Глѣба) вышла совсѣмъ не идущею къ дѣлу (Относительно свѣдѣній, которыя сообщаетъ авторъ о родителяхъ и особенныхъ обстоятельствахъ рожденія преп. Аврамія, ничего не можемъ сказать; но что касается до того, что въ 8 день по рожденіи онъ принесенъ въ церковь для нареченія имени, а въ 40 день крещенъ, и потомъ далѣе о дѣтствѣ, то это общія мѣста такъ сказать, изъ формуляра всѣхъ святыхъ, которыя авторъ буквально списываетъ у Нестора).

Къ настоящему отдѣлу должны быть отнесены принадлежащія неизвѣстнымъ авторамъ: 1) сказаніе о перенесеніи мощей Николая Чудотворца изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ градъ, 2) повѣствованія или записи о нѣсколькихъ чудесахъ того же святаго.

Сказаніе о перенесеніи мощей[1]), написаное весьма близкимъ современникомъ событія, имѣвшаго мѣсто въ 1087 г., представляетъ нѣкоторую загадку. Неизвѣстный русскій авторъ или составитель его, во-первыхъ, имѣлъ подъ руками одно изъ латинскихъ сказаній о перенесеніи мощей, написанныхъ въ самомъ Барѣ,—во-вторыхъ, пользовался устными разсказами кого-то неизвѣстнаго, который самолично былъ въ Барѣ и который дополнилъ его свѣдѣнія противъ бывшаго у него подъ

1) Напечатано преосв. Макаріемъ въ Исторіи, т. 2 изд. 2 стр. 343.

руками латинскаго сказанія [1]): какимъ образомъ то и другое могло случиться? Возможны два предположенія. Во-первыхъ, что латинское сказаніе доставилъ въ Кіевъ и лишнія противъ него свѣдѣнія сообщилъ кто либо изъ итальянскихъ купцовъ, которые въ періодъ до-монгольскій несомнѣнно торговали въ Россіи или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ; главнымъ образомъ торговали Венеціанцы (Венедицы), но такъ какъ и Баръ градъ или Бари принадлежалъ къ числу торговыхъ городовъ, то могли торговать купцы и изъ этого послѣдняго или изъ него самого. Второе предположеніе есть то, что сказаніе принесъ и лишнія противъ него свѣдѣнія сообщилъ одинъ ходившій тогда въ Италію Кіевскій посолъ. Вь Никоновской лѣтописи подъ 1091 г. читаемъ, что «того же лѣта приде Θеодоръ Грекъ митрополитъ отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ». Этотъ Θеодоръ, нѣтъ сомнѣнія, былъ посланъ митрополитомъ Іоанномъ 2-мъ къ папѣ или антипапѣ Клименту III съ его извѣстнымъ отвѣтнымъ посланіемъ на посланіе сего послѣдняго. Бывъ у Климента въ Римѣ или въ другомъ мѣстѣ [2]), Θеодоръ могъ пройдти отъ него и въ Баръ къ мощамъ Николая Чудотворца, слава о совершавшихся при которыхъ чудотвореніяхъ разнеслась по всей Италіи и желаніе видѣть которыя весьма естественно было ему имѣть [3]). Самую исторію перенесенія мощей, о чемъ повѣствуется въ сказаніи, мы передадимъ послѣ, когда будемъ говорить объ установленіи у насъ праздника въ память сего событія.

Въ собраніяхъ чудесъ Николая чудотворца, какъ они читаются въ нашихъ славяно-русскихъ рукописяхъ [4]), записи о трехъ чудесахъ, именно—33-мъ, 34-мъ

---

1) Латинскихъ сказаній въ Барѣ тотчасъ послѣ перенесенія мощей написано было два—архидіакономъ Іоанномъ по приказанію архіепископа Барскаго Урсона, — напечатано у Сурія въ De probatis Ss. vitis подъ 9 Мая, и клирикомъ Никифоромъ по просьбѣ Барскихъ гражданскихъ властей, — русскій переводъ въ Трудахъ Кіевской Д. Академіи, 1870 г. т. 2, стр. 396 sqq. Составитель Русскаго сказанія имѣлъ у себя подъ руками сказаніе Никифора (или же имѣвъ ихъ оба, пользовался послѣднимъ). Лишнее у него противъ Никифора, о чемъ онъ могъ узнать изъ устныхъ чьихъ либо разсказовъ (или еще изъ третьяго письменнаго сказанія намъ неизвѣстнаго) — о построеніи Барянами церкви въ честь св. Николая: Никифоръ только упоминаетъ о построеніи сей церкви, но не разсказываетъ съ подробностями, какъ мы читаемъ у нашего сказателя. Что онъ пользовался устными разсказами, видно и изъ того, что по нему Баръ градъ есть городъ Мурманскій, нѣмечьскія области, чего онъ не читалъ въ сказаніи и что значитъ, что Бари подпалъ тогда подъ власть Норманновъ.

2) Владѣлъ ли Климентъ Римомъ и находился ли въ немъ во время бытности у него Θеодора, не знаемъ; если онъ находился не въ Римѣ, то долженъ былъ находиться въ Равеннѣ, изъ архіепископовъ которой поставленъ былъ въ папы.

3) Считаемъ вѣроятнѣйшимъ послѣднее и имѣя нѣкоторыя основанія предполагать, что сказаніе составлено Грекомъ (только совсѣмъ натурализовавшимся въ Россіи, такъ что она для него — страна наша) подозрѣваемъ, что авторомъ его былъ самъ Θеодоръ.

4) Надписаніе собранія: «Мѣсяца Декемвріа въ 6 день житіе и чудеса святаго святителя и чудотворца Николы, иже въ Мурѣхъ». Начало: «Въ дни преж-

и послѣднемъ 40-мъ принадлежатъ неизвѣстнымъ русскимъ авторамъ періода домонгольскаго. Два первыя чуда (33-е о коврѣ, егоже купивъ възврати вспять ѝ паки, 34-е о человѣцѣ, его же избави изъ желѣзъ и изъ темницы) случились въ Константинополѣ въ половинѣ XI вѣка (одно при патр. Михаилѣ Керулларіи, другое при импер. Константинѣ Мономахѣ) и записаны какимъ-то Русскимъ, которому случилось быть тогда въ Царьградѣ. Третье чудо, случившееся въ Кіевѣ и состоявшее въ томъ, что младенецъ, уроненный плывшею въ лодкѣ матерію въ Днѣпръ, обрѣтенъ былъ живымъ на полатяхъ въ св. Софіи, если вѣрить нѣкоторымъ, полагаетъ — позднимъ, свидѣтельствамъ, случилось около времени перенесенія мощей св. Николая въ Баръ и записано другимъ неизвѣстнымъ до 1113 г.[1]).

Обращаемся къ нашей общей и въ собственномъ смыслѣ исторіографіи или къ нашимъ лѣтописямъ.

Мы говорили много выше, что Русскіе стали грамотными со времени Игоря. Необходимо думать, что отдѣльныя лѣтописныя записи и замѣтки начали быть дѣлаемы и что отдѣльныя лѣтописныя повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ начали быть составляемы съ самыхъ первыхъ временъ грамотности. Очень можетъ быть, что прежде теперешней нашей первой лѣтописи, написанной въ началѣ XII вѣка, были уже дѣлаемы попытки и настоящихъ лѣтописей или обработанныхъ лѣтописныхъ сводовъ изъ существовавшаго матеріала. Какъ бы то ни было, но дѣйствительную первую лѣтопись нашу, которая вошла въ общее употребленіе и которая сохранилась до настоящаго времени, написалъ въ началѣ XII вѣка одинъ монахъ Печерскаго монастыря.

Кто такой именно былъ этотъ знаменитый отецъ нашей исторіографіи, сіе пока остается не совсѣмъ рѣшеннымъ вопросомъ.

Случился случай, вовсе не безпримѣрный впрочемъ въ исторіи, что за перваго лѣтописца началъ быть считаемъ другой, нисколько не имѣющій права на эту честь и нисколько ее себѣ и не присвоявшій, это именно преп. Несторъ, о которомъ мы говорили немного выше, какъ объ авторѣ житій Бориса и Глѣба и преп. Ѳеодосія. Случилось это въ весьма древнее время и по винѣ тѣхъ самыхъ монаховъ Печерскихъ, изъ среды которыхъ былъ лѣтописецъ. Имя его, не названное имъ въ лѣтописи, не сохранилось между монахами Печерскими посредствомъ устнаго преданія; а между тѣмъ или въ надписаніи лѣтописи читалось безъ имени, какъ это читается въ большей части дошедшихъ до настоящаго времени списковъ, что она есть повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго, или — если въ надписаніи слова: черноризца и пр. суть

няя благоволи Богъ взыскати писаніа, яже отъ древнихъ пророкъ проповѣданная».

[1]) См. Исторіи преосв. Макарія т. 2, изд. 2 прим. 265.

позднѣйшее прибавленіе — въ самомъ текстѣ лѣтописи неоднократно и ясно дается знать, что она есть произведеніе монаха Печерскаго монастыря. Ища этого своего собрата, не назвавшаго себя по имени, монахи Печерскіе естественно напали на Нестора, который жилъ въ одно время съ лѣтописцемъ и котораго по его извѣстнымъ историческимъ трудамъ, т. е. по его житіямъ (въ которыхъ обоихъ онъ называетъ себя по имени), была вся вѣроятность принять за лѣтописца. Такимъ образомъ въ Печерскомъ монастырѣ Несторъ и началъ быть считаемъ за лѣтописца. Это составившееся въ Печерскомъ монастырѣ мнѣніе о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ, было записано въ Патерикѣ Печерскомъ, чрезъ который и стало всеобщимъ мнѣніемъ [1]). Въ новѣйшее время, послѣ того какъ началась настоящая ученая разработка исторіи, весьма легко могло бы быть открыто, что мнѣніе Печерскаго монастыря вовсе неосновательно и несправедливо. Но этому мѣшала наклонность смотрѣть на свидѣтельство Патерика Печерскаго, какъ на какое-то свидѣтельство богодухновенное, которое никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ своей достовѣрности. Давно или собственно съ самаго начала ученыхъ изслѣдованій были усмотрѣны серьозныя препятствія считать Нестора за лѣтописца; но передъ изслѣдователями было свидѣтельство Патерика, и они не дерзая и помыслить о томъ, чтобы усумниться въ достовѣрности свидѣтельства, истощали всѣ силы на то, чтобы такъ или иначе отстранить препятствія. Только въ послѣднее время нашлись люди, которые, вмѣстѣ съ другими многими, не особенно основательными сомнѣніями, заявили и это сомнѣніе совершенно основательное. Какъ бы то ни было, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что преп. Несторъ не есть авторъ нашей первоначальной лѣтописи. Не говоримъ о томъ, что авторъ лѣтописи и Несторъ въ своихъ повѣствованіяхъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ ясно изобличаютъ въ себѣ два разныя лица отчасти своими несогласіями, отчасти своими прямыми противорѣчіями, — не говоримъ обо всемъ этомъ потому, что нѣтъ нужды говорить, — потому, что дѣло коротко рѣшается тѣми показаніями, которыя даютъ о себѣ авторъ лѣтописи и Несторъ. Они сами о себѣ даютъ такія показанія, изъ которыхъ такъ же ясно, что они суть разныя лица, какъ ясно то, что дважды два есть четыре. Несторъ совершенно ясно говоритъ о себѣ, что онъ пришолъ въ Печерскій монастырь послѣ смерти Θеодосія при его преемникѣ Стефанѣ [2]); напротивъ, авторъ лѣтописи столько же ясно говоритъ

---

[1]) Нестора дважды называетъ лѣтописцемъ Поликарпъ въ разсказахъ: о Никитѣ затворникѣ и о блаженномъ Агапитѣ (въ послѣднемъ случаѣ съ яснымъ указаніемъ, что разумѣетъ подъ его лѣтописью нашу первоначальную лѣтопись).

[2]) Въ послѣсловіи къ житію Θеодосіеву (гдѣ также прямо говоритъ, что пишетъ не какъ самовидецъ много или отчасти, а только то, что́ «испытовая слышалъ отъ древнихъ его отецъ, бывшихъ въ то время»,—при жизни Θеодосія).

о себѣ, что онъ пришолъ еще при жизни Ѳеодосія и къ нему самому [1]). Полагаемъ, два разныя лица никакъ не могутъ еще яснѣе этого свидѣтельствовать, что они суть именно два разныя лица. Остается тутъ, конечно, загадкой, какимъ образомъ изслѣдователи въ виду этихъ свидѣтельствъ, не составлявшихъ для нихъ тайны, признавали однако Нестора за лѣтописца. Мы разъяснили эту загадку выше: передъ ними было богодухновенное свидѣтельство Патерика и въ виду его они не хотѣли знать даже показаній о себѣ самихъ заинтересованныхъ лицъ [2]).

Несправедливо будучи принимаемъ за Нестора, лѣтописецъ такъ же, какъ и этотъ послѣдній, несомнѣнно былъ монахъ Печерскаго монастыря. Разсказавъ подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преп. Ѳеодосіемъ, онъ прибавляетъ о себѣ въ заключеніе разсказа: «Ѳеодосьеви же живущю въ манастыри и правящю добродѣтельное житье и чернечьское правило и принимающю всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего». Въ 1091 г. при открытіи мощей преп. Ѳеодосія, онъ былъ, какъ самъ разсказываетъ, тѣмъ довѣреннымъ лицомъ изъ числа братіи, которому было поручено игуменомъ втайнѣ откопать мощи; а далѣе подъ тѣмъ же годомъ называетъ себя ученикомъ Ѳеодосія: «азъ грѣшный твой рабъ и ученикъ», — говоритъ онъ, обращаясь къ послѣд-

Тоже нѣсколь разъ даетъ знать и въ самомъ житіи, въ которомъ и прямо отдѣляетъ себя отъ личныхъ учениковъ Ѳеодосія: «тѣмъ же и мы, братіе, потщимся ревнителе быти и подражателе житію преподобнаго Ѳеодосія и ученикомъ его»., по изд. Бодянск. л. 2 стр. 34).

[1]) См. сейчасъ ниже.

[2]) Противорѣчія и несогласія между лѣтописцемъ и Несторомъ находятся въ повѣствованіяхъ, во-первыхъ, о Борисѣ и Глѣбѣ, во-вторыхъ — о преп. Ѳеодосіи. Лѣтописецъ разсказываетъ о Борисѣ и Глѣбѣ по монаху Іакову, помѣщая у себя его сказаніе, слѣдовательно его противорѣчіе съ Несторомъ есть то же самое, что противорѣчіе съ нимъ Іакова, которое мы указали выше. (Другимъ противорѣчіемъ слѣдовало бы считать то, что по древнѣйшему списку житія Несторъ назначаетъ въ удѣлъ Борису Владиміръ, у Бодянск. л. 5 стр. 25: но чтеніе это двусмысленно и вообще весьма не надежно). Въ повѣствованіяхъ о преп. Ѳеодосіи находимъ у нихъ: 1) лѣтописецъ говоритъ о пріобрѣтеніи Ѳеодосіемъ устава Студійскаго монастыря, что онъ нашолъ его въ Кіевѣ у одного монаха этого монастыря, по имени Михаила, прибывшаго изъ Константинополя съ митрополитомъ Георгіемъ; по Нестору Ѳеодосій посылалъ за уставомъ единаго отъ братіи въ Константинополь къ находившемуся тамъ Ефрему скопцу. 2) По лѣтописцу, монастырь надъ пещерой вмѣсто самой пещеры построилъ Варлаамъ до Ѳеодосія; по Нестору, это сдѣлалъ Ѳеодосій послѣ Варлаама. 3) По лѣтописцу, пр. Ѳеодосій умирая назначилъ было своимъ преемникомъ пресвитера Іакова и согласился на избраніе Стефана только послѣ того, какъ братія не пожелали перваго; Несторъ, ничего не говоря объ Іаковѣ, говоритъ только о Стефанѣ (а почему, это будетъ для насъ понятно, если припомнимъ, что онъ былъ постриженникомъ послѣдняго).

нему. Подъ 1096 г., разсказывая о внезапномъ нападеніи на Кіевъ и въ частности на монастырь Печерскій Половцевъ, онъ пишетъ: «и придоша на манастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря и поставиша стяга два предъ вратами манастырьскими, намъ же бѣжащимъ зáдомъ монастыря, а другимъ взбѣгшимъ на полати»...

Подъ 1065 г. читается у лѣтописца слѣдующая запись: «бысть дѣтищь вверженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера и паки ввергоша и́ въ воду; бяшеть бо сиць: на лици ему срамніи удове, иного (же) нелзѣ казати срама ради». Рѣчка Сѣтомль или Сѣтомля (Ситомля) течетъ или текла подъ Кіевомъ съ сѣверной его стороны [1]). Такъ какъ это совсѣмъ за противоположнымъ краемъ города отъ Печерскаго монастыря и весьма далеко отъ него; такъ какъ трудно предположить, чтобы монахи позволили себѣ такое неприличное занятіе, какъ цѣлый день глазѣть на дитя урода и притомъ урода какого-то еще весьма срамнаго (по крайней мѣрѣ тогдашніе монахи и Ѳеодосіева монастыря): то есть вся вѣроятность полагать, что указанный случай имѣлъ мѣсто, когда лѣтописецъ былъ еще въ міру дитятей или юношей. Если мы примемъ это, то получимъ два біографическихъ данныхъ о лѣтописцѣ: во-первыхъ, что онъ былъ родомъ изъ самаго Кіева, во-вторыхъ — что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и поступилъ въ монашество когда-то послѣ сего 1065 года. Къ этому прибавляются тѣ данныя, которыя мы указали уже выше, именно—что онъ пришолъ въ монастырь 17-лѣтнимъ юношей, что это было довольно задолго до смерти Ѳеодосія или до 1074 г. (ибо онъ называетъ себя ученикомъ Ѳеодосія, слѣдовательно не только что успѣлъ застать его въ живыхъ, но большее или меньшее время и жилъ при немъ), что въ 1091 г. онъ пользовался въ монастырѣ или, по крайней мѣрѣ, отъ игумена, особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

На концѣ первоначальной лѣтописи, подъ 1110 годомъ, читается слѣдующая припись и или запись: «игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта (1116 г.); а иже чтетъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ». Пока за лѣтописца считаемъ былъ Несторъ, на этого игумена Силивестра смотрѣли какъ на переписчика; но устраняя Нестора, мы получаемъ весьма большую вѣроятность видѣть въ немъ самаго лѣтописца, понимая при этомъ дѣло, конечно, такъ, что на свое игуменство онъ взятъ былъ изъ монаховъ Печерскихъ. Къ великому сожалѣнію игуменъ Сильвестръ выражается не съ совершен-

---

[1]) См. Ипатск. лѣт. подъ 1150 г., 2 изд. стр. 280.

ною опредѣленностію, которая бы безспорно давала видѣть въ немъ или самого лѣтописца или только переписчика. Но во всякомъ случаѣ его выраженіе написахъ, а не преписахъ скорѣе въ пользу того, что онъ лѣтописецъ, чѣмъ — что онъ только переписчикъ [1]).

Приступая къ писанію своей лѣтописи, нашъ лѣтописецъ имѣлъ передъ собой образцомъ лѣтописи или хронографы греческіе, изъ коихъ два, существовавшіе въ переводѣ на славянскій языкъ, именно — Іоанна Малалы и Георгія Амартола, не только были ему извѣстны, но до нѣкоторой степени были употреблены имъ и въ дѣло при его трудѣ. Однако внѣшняя форма нашей лѣтописи не есть форма греческихъ хронографовъ, а отличная отъ нихъ и своя собственная, представляющая относительно обработки болѣе низшую, болѣе первоначальную ступень.

Въ греческихъ хронографахъ еще не настоящая систематическая исторія въ теперешнемъ смыслѣ слова, а еще простое хронологическое лѣтописаніе, но въ то же время хронографисты греческіе не ставятъ хронологіи и неупустительной хронологической послѣдовательности на первый планъ и не подчиняются ей съ безусловной обязательностію; не связывая себя въ порядкѣ изложенія неизмѣнной послѣдовательности годовъ, они наблюдаютъ только порядокъ царствованій. Они описываютъ въ хронологическомъ порядкѣ одно за другимъ правленія государей, но въ изложеніи событій каждаго правленія то соблюдаютъ, то нарушаютъ этотъ порядокъ, смотря по тому, какъ этого требуетъ удобство изложенія, и вообще не вмѣняютъ его себѣ въ непремѣнную обязанность. Напротивъ, наша лѣтопись представляетъ собою еще хронографъ или временникъ, временнописецъ въ самомъ точномъ и въ самомъ буквальномъ смыслѣ

---

[1]) Позволимъ себѣ обратить вниманіе ученыхъ изслѣдователей и на то, что игумены весьма рѣдко занимались переписываніемъ книгъ, поручая это дѣло другимъ. А также и еще болѣе на слѣдующее: лѣтопись, какъ показываетъ положенная въ ней подъ 852 г. общая хронологія, окончена послѣ смерти Святополка Изяславича, слѣдовательно послѣ 16 Апрѣля 1114 г., когда умеръ Святополкъ; игуменъ Сильвестръ дѣлаетъ свою приписку въ 1116 г.: если бы онъ былъ только переписчикомъ, онъ долженъ бы былъ получить лѣтопись изъ рукъ автора или по крайней мѣрѣ хорошо знать его. При такомъ положеніи дѣла вѣроятно ли и естественно ли, чтобы онъ выставлялъ въ своей припискѣ только себя переписчика и ни слова не сказалъ объ авторѣ? Наконецъ, если бы считать первоначальнымъ чтеніе приписи не то, которое въ Лаврентьевскомъ спискѣ, а то, которое въ Никоновской лѣтописѣ (II, 51), то было бы несомнѣнно, что Сильвестръ не есть только переписчикъ, а самъ лѣтописецъ, за каковаго его и считаютъ составители сей послѣдней лѣтописи (IV, 17), ибо по второму чтенію онъ ясно и очевидно выражается не какъ переписчикъ, а какъ самъ авторъ: «писа же вся сія — говоритъ онъ здѣсь — любве ради Господа Бога и пречистые Богородицы и святыхъ его *и своего ради отечества Рускія земли, во спасеніе и пользу всѣмъ*».

этого слова. Нисколько еще не вводя искусственной системы въ свое изложеніе, она имѣетъ своею безусловною системою естественную систему или естественный порядокъ годовъ. Поставлены въ своемъ послѣдовательномъ и непрерывнымъ порядкѣ годы и подъ каждымъ изъ нихъ записываются его событія безъ малѣйшей систематизаціи даже и ближайшихъ между собой событій. Способъ изложенія греческихъ хронографистовъ есть уже нѣкоторая степень искусственной обработки и нѣкоторое приближеніе къ настоящей исторіи; напротивъ форма, которую избралъ нашъ лѣтописецъ, есть та первичная форма, съ которой обыкновенно начинается писаніе лѣтописей. Случилось ли это отъ того, что нашъ лѣтописецъ сознавалъ себя не въ состояніи подражать своимъ образцамъ греческимъ, или онъ по намѣренному здравому разсужденію предпочелъ форму простѣйшую: какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, обязанные простой скромности или сознательному намѣренію лѣтописца тѣмъ обстоятельствомъ, что наша лѣтопись явилась въ формѣ менѣе совершенной и болѣе, такъ сказать, грубой, мы должны смотрѣть на это не иначе, какъ на обстоятельство весьма для насъ счастливое. Не можетъ быть сомнѣнія, что форма болѣе совершенная и болѣе обработанная, для насъ однако еще вовсе не годившаяся и не своевременная, внесла бы въ наши лѣтописи хаосъ и мракъ и причинила бы позднѣйшимъ настоящимъ изслѣдователямъ исторіи не малые хлопоты (знающій читатель пусть вспомнитъ лѣтопись Волынскую).

Нашъ лѣтописецъ озаглавилъ свою лѣтопись: «Повѣсть временныхъ лѣтъ (черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго), откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ первѣе нача княжити и откуду Руская земля стала есть». Названіе «Повѣсть временныхъ лѣтъ» лѣтописецъ не заимствовалъ у хронографистовъ греческихъ, у которыхъ принятыя названія для ихъ списаній были χρονογραφία или χρονογραφεῖον (—γραφίον) и χρονικόν, что̀ порусски значитъ времеписаніе, временникъ; тотъ списокъ хронографа Амартолова, который былъ въ рукахъ у Болгарскаго переводчика, имѣлъ надписанія — надъ предисловіемъ: βιβλία χρονικὰ καὶ ἱστορικὰ, что̀ имъ было переведено: «книги временныя и образныя», а при началѣ самаго текста: χρονικὸν σύντομον, временникъ сокращенный, что̀ имъ переведено: «временникъ впростѣ». Слово временный по приложенію къ лѣто (временныхъ лѣтъ), представляющее изъ себя не имѣющій смысла плеоназмъ, употреблено лѣтописцемъ не въ своемъ обыкновенномъ смыслѣ, а въ смыслѣ имѣющій хранологію (χρονικός, χρονολογικός), поставленный подъ годомъ, такъ что повѣсть временныхъ лѣтъ значитъ повѣсть лѣтъ, снабженныхъ хранологіею (годами), веденныхъ по хронологіи (по годамъ). Этимъ названіемъ своей лѣтописи авторъ хочетъ указать на то ея свойство, что повѣствованіе, какъ мы сказали, ведется въ ней по хронологіи, по годамъ.

Повѣсти собственно временныхъ лѣтъ, которая начинается 852 годомъ, предшествуетъ довольно обширное введеніе. Рѣчь начинается раздѣленіемъ земли между тремя сыновьями Ноя и размѣшеніемъ языковъ при столпотвореніи, потому что отъ первыхъ ведутъ свое начало жребіи всѣхъ обитателей земли и потому что отъ втораго ведутъ свое начало всѣ народы. Отъ 70 и дву языку, на которые Богъ размѣсилъ людей при столпотвореніи, бысть (и нашъ) языкъ Словенескъ, говоритъ лѣтописецъ, и за тѣмъ обращается къ Славянамъ. Послѣ рѣчи о первоначальномъ мѣстѣ жительства всѣхъ Славянъ въ Европѣ [1]) и объ ихъ всѣхъ разселеніи изъ него по землѣ или по разнымъ землямъ, авторъ въ частности говоритъ о Славянахъ Русскихъ, именно о разселеніи разныхъ племенъ, на которыя они распадались, по разнымъ мѣстамъ Руси и отчасти о происхожденіи племенныхъ названій; потомъ — объ основаніи у племени Полянъ города Кіева, объ отдѣльныхъ родовыхъ княженіяхъ у разныхъ племенъ и обо всѣхъ народахъ, кромѣ самихъ Русскихъ, населявшихъ территорію Руси. За симъ, послѣ нѣсколькихъ вставочныхъ извѣстій, относящихся отчасти къ исторіи другихъ Славянъ, отчасти къ предъисторической исторіи самихъ Славянъ Русскихъ и послѣ дополнительныхъ извѣстій о племенахъ сихъ послѣднихъ Славянъ, лѣтописецъ говоритъ о предъисторическомъ бытѣ нашихъ предковъ, изображая по племенамъ бывшія у нихъ обычаи и законы отецъ и преданья. Рѣчью объ обидахъ Полянамъ послѣ смерти Кія, основателя Кіева, отъ Древлянъ и о подпаденіи ихъ власти Козаръ лѣтописецъ оканчиваетъ вступленіе.

Свою повѣсть настоящихъ временныхъ лѣтъ, какъ мы сказали, лѣтописецъ начинаетъ 852 годомъ, потому что въ этомъ году, по его хронологіи, началъ царствовать императоръ греческій Михаилъ [2]), при которомъ впервые «нача ся прозывати Руская земля», причемъ лѣтописецъ разумѣетъ то, что въ правленіе сего императора онъ впервые находитъ Русскихъ въ лѣтописцѣ греческомъ (Георгіи Амартолѣ): «о семъ бо, — прибавляетъ онъ къ предъидущему, — увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмь». Положивъ подъ симъ 852 годомъ общую хронологическую роспись или «числа» отъ Адама до него и отъ него, взятаго за начальный годъ Русской исторіи, до смерти Святополка Изяславича (1114 г.), авторъ приступаетъ за тѣмъ къ своему погодному или временному повѣствованію. Пропустивъ шесть лѣтъ, подъ которыми ничего не записано изъ нашей собственной исторіи, а записано только взятое изъ лѣтописца греческаго одно событіе изъ исторіи Болгарской [3]), авторъ начинаетъ

---

[1]) «По Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска».

[2]) Примѣчаніе на стр. 22.

[3]) Подъ 858 г. походъ на нихъ Грековъ и ихъ крещеніе.

первую подъ 859 годомъ, открывая ее извѣстіемъ, что Варяги изъ заморья имали дань на сѣверной половинѣ Руси, а Хозары на южной.

Первый лѣтописецъ нашъ описалъ пространство времени въ 260 лѣтъ, съ 850 по 1110 г. Изъ этого общаго количества послѣднія лѣтъ сорокъ онъ описываетъ какъ современникъ и многаго непосредственный очевидецъ. Затѣмъ, для него источниками были: разсказы людей старыхъ, изъ числа которыхъ двоихъ онъ прямо называетъ по имени и которые могли сообщить ему многое, восходя вверхъ до самаго крещенія Руси [1]), частныя историческія сказанія, составленныя прежде него [2]), нѣкоторые оффиціальные документы и записи [3]), устная исторія, сохранявшаяся въ народныхъ легендахъ и народныхъ епическихъ пѣсняхъ или былинахъ, надписи на памятникахъ или частныя такъ называемыя лѣтописи сихъ послѣднихъ и наконецъ, какъ мы говорили выше, или отрывочныя лѣтописныя замѣтки и большихъ или меньшихъ размѣровъ записи, дѣланныя прежде или даже, можетъ быть, и цѣлые своды этихъ замѣтокъ и записей, представлявшіе собою первыя попытки настоящей лѣтописи.

Къ величайшему сожалѣнію, наша первоначальная лѣтопись дошла до насъ не въ своемъ подлинномъ видѣ, какъ была написана лѣтописцемъ, а подвергшись большимъ или меньшимъ измѣненіямъ, — несомнѣнно дополненная позднѣйшими вставками [4]) и какъ необходимо думать — потерпѣвъ нѣкоторыя, а можетъ быть даже и довольно значительныя, сокращенія. Древнѣйшій, извѣстный въ настоящее время списокъ лѣтописнаго сборника, въ которомъ она до насъ сохранилась, относится ко второй половинѣ XIV в., именно написанъ въ Суздалѣ въ 1377 г. монахомъ Лаврентіемъ, отъ котораго и называется Лаврентьевскимъ [5]).

---

[1]) Подвижника Печерскаго Іеремію, «иже помняше крещеніе землѣ Руськыя» (подъ 1074 г.) и одного изъ знатнѣйшихъ Кіевскихъ бояръ—Яна Вышатича, который умеръ въ 1106 г., будучи 90 лѣтъ, «отъ негоже — говоритъ лѣтописецъ — и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь, отъ негоже слышахъ».

[2]) Каковы: сказанія монаха Іакова, повѣсть объ ослѣпленіи Василька Теребовльскаго нѣкоего Василія и можетъ быть и нѣкоторыя другія.

[3]) Договоры князей съ Греками и историческія записи, ихъ сопровождавшія.

[4]) Изъ которыхъ прискорбнѣйшая есть вставка повѣсти о крещеніи Владиміра на мѣсто тѣхъ извѣстій, которыя читались о немъ у лѣтописца.

[5]) О первоначальной лѣтописи (а также и ея продолженіяхъ) читай: *Сухомлинова* О древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературомъ, въ III кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ и отдѣльно (на концѣ въ дополнительной главѣ «Пособія при изученіи Несторой лѣтописи» — предшествующая литература); *Костомарова* Лекціи по Русской Истор. ч. I, Спб. 1862; *Срезневкаго* Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ, въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. II кн. 2, Спб. 1862; *Бестужева-Рюмина* О составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, въ 4 выпускѣ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи; для библіо-

Послѣ начала, положеннаго неизвѣстнымъ монахомъ Печерскаго монастыря или игуменомъ Сильвестромъ, лѣтопись была продолжаема заразъ нѣсколькими лицами, такъ что съ того, на чемъ остановился первый лѣтописецъ, (съ 1111 года) мы имѣемъ не одну, а нѣсколько лѣтописей, изъ которыхъ каждая ведена была своимъ рядомъ преемствовавшихъ другъ другу продолжателей.

Обо всѣхъ этихъ продолжателяхъ мы имѣемъ свѣдѣній еще менѣе, чѣмъ о самомъ первомъ лѣтописцѣ, или собственно говоря — не имѣемъ никакихъ, не зная даже и того, гдѣ кончаетъ одинъ изъ нихъ и гдѣ начинаетъ другой.

Что касается до періода до-монгольскаго, то намъ извѣстны въ настоящее время два особыя продолженія первоначальной лѣтописи, веденныя двумя особыми рядами продолжателей, или иначе — два особые ряда продолженій. Одно продолженіе или одинъ рядъ продолженій находимъ въ помянутомъ сейчасъ выше лѣтописномъ сборникѣ Лаврентьевскомъ, другое продолженіе или другой рядъ продолженій — въ такъ называемомъ сборникѣ Ипатьевскомъ или Ипатскомъ (который по письму или современникъ Лаврентьевскаго или немного его моложе — конца XIV или начала XV в. и который получилъ свое имя отъ Костромскаго Ипатскаго монастыря, гдѣ былъ найденъ).

Продолженіе Лаврентьевскаго сборника ведено было сначала на Югѣ — въ Кіевѣ или Переяславлѣ, а потомъ, и какъ намъ кажется, именно съ 1164 г., въ области Суздальской и частнѣе во Владимирѣ [1]).

графіи печатныхъ изданій: *Полѣнова* Библіографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей, въ Жур. Минист. Нар. Просв., 1849 г. Октябрь — Декабрь.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ кажется, склоняются къ тому мнѣнію, что наша первоначальная лѣтопись въ своемъ теперешнемъ видѣ есть произведеніе не одного автора, а нѣсколькихъ. Мы съ своей стороны того рѣшительнаго мнѣнія, что она есть произведеніе не нѣсколькихъ, а одного автора (при предполагаемыхъ и указанныхъ выше источникахъ). Во введеніи къ лѣтописи, къ сдѣланной выпискѣ изъ Георгія Амартола о законахъ и обычаяхъ коегождо языка, прибавляется: «якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держатъ отець своихъ»... Такъ какъ Половцы стали сосѣдями и врагами Руси съ 1054 г. и такъ какъ они были узнаны въ своихъ обычаяхъ, конечно, не тотчасъ, то сейчасъ приведенное написано около 1060 г. Но что съ 1060 г. и до конца пишетъ одинъ человѣкъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію.

[1]) Подъ 1159 г. столъ Андрея Боголюбскаго называется Ростовскимъ: ясно что это пишетъ не Суздалецъ и не Владимирецъ, а человѣкъ сторонній, знающій и признающій дѣйствительный столъ области. Но съ 1164 г. какъ самъ Боголюбскій — князь Суздальскій или Владимирскій, такъ и епископъ Ростовскій—епископъ Суздальскій, изъ чего и слѣдуетъ заключать, что съ сего года началъ писать Суздалецъ или Владимирецъ: вообще мы полагаемъ, что грань между двумя продолженіями составляютъ оставленные пустыми годы 1162 и 1163. Авторъ или авторы перваго продолженія обнаруживаютъ одинаковое знаніе дѣлъ Кіевскихъ и Переяс-

Продолженіе Ипатскаго сборника, доведеное до 1200 г. [1]), все принадлежитъ неизвѣстнымъ лѣтописцамъ Юга [2]).

Такимъ образомъ продолженія перваго сборника представляютъ собою лѣтопись Кіево-Суздальскую и преимущественно послѣднюю; а продолженія втораго — лѣтопись Кіевскую. Лѣтопись Суздальская или иначе лѣтопись сѣверныхъ великихъ князей пошла съ этими князьями въ дальнѣйшее время; напротивъ, лѣтопись Кіевская кончилась помянутымъ 1200-мъ годомъ, послѣ чего Кіевъ, потерявшій всякое государственное значеніе, не имѣлъ болѣе своихъ лѣтописцевъ.

Вмѣстѣ съ лѣтописью обще-русскою въ періодъ до-монгольскій была еще ведена лѣтопись частная и мѣстная, именно — Новгородская.

Очень можетъ быть, что Новгородцы, подобно Кіевлянамъ, начали вести лѣтописныя записи еще до принятія христіанства, но во всякомъ

славскихъ, а поэтому вопросъ о мѣстѣ и не можетъ быть рѣшонъ положительно, хотя, какъ кажется, вѣроятнѣе полагать Кіевъ. Подъ 1128 г. дается знать, что продожатель, вѣроятно первый послѣ начальнаго лѣтописца, былъ не монахъ Печерскаго монастыря. Продолжатели Суздальско-Владимирскіе прямо называютъ себя таковыми подъ 1169 г. (осада Новгорода), затѣмъ подъ годами 1175, 1176 (Владимирецъ), 1180, 1207 (2 изд. стр. 411 нач.) и 1227 (какъ будто не Владимирецъ. Пишущій подъ 1231 г. о Кириллѣ епископѣ Ростовскомъ есть Ростовецъ, повѣствованіе котораго, вѣроятно, послѣ вставлено въ лѣтопись). Такъ какъ въ спискахъ Радзивилловскомъ, Переяславскомъ (Переяславскій лѣтописецъ) и Троицкомъ или Академическомъ (Троицкій или Академическій лѣтописецъ) продолженіе оканчивается 1205 г., то изъ этого ясно, что симъ 1205 г. кончается трудъ одного продолжателя, а съ слѣдующаго 1206 г. начинается трудъ другаго. — То, что въ Троицкомъ или Академическимъ спискѣ съ 1206 г. принимается за самостоятельное и особое продолженіе въ дѣйствительности есть сокращеніе Новгородской лѣтописи (только, какъ показываетъ 1216 г., сдѣланное по другой, пространнѣйшей редакціи сей послѣдней, нежели какую мы имѣемъ).

[1]) А съ 1201 г. въ немъ лѣтопись Волынская или точнѣе Галичская, написанная послѣ нашествія Монголовъ.

[2]) Первоначальный лѣтописецъ окончилъ свою лѣтопись подъ 1110 годомъ разсказомъ о видѣніи огненнаго столпа надъ трапезицею и надъ церковью въ Печерскомъ монастырѣ. Первый продолжатель Ипатскаго сборника говоритъ объ этомъ видѣніи подъ 1111 г. «якоже рекохомъ» т. е. усвояетъ его описаніе себѣ. Изъ этого мы съ увѣренностію хочемъ заключать, что первый продолжатель Ипатскаго сборника былъ самъ первоначальный лѣтописецъ, т. е. сначала онъ написалъ лѣтопись до 1110 г., а потомъ продолжилъ еще нѣсколько. При этомъ предположеніи объяснится для насъ, какимъ образомъ случилось, что разсказъ о помянутомъ видѣніи въ Ипатской лѣтописи значительно пространнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской, и отъ чего въ первой нѣтъ приписки Сильвестра. Кончивъ сначала 1110 годомъ, но потомъ рѣшивъ еще продолжить нѣсколько, онъ распространилъ помянутый разсказъ (припиской свидѣтельствъ); кончивъ подъ 1110 г., но потомъ рѣшивъ еще самъ продолжить нѣсколько, онъ, естественно, уничтожилъ сдѣланную приписку. Что первый продолжатель съ самаго 1111 г.

случаѣ несомнѣнно, что они начали вести ихъ вскорѣ послѣ сего. Подъ 1030 г. мы читаемъ: «преставися епископъ Акимъ Новгородскій и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше»; слѣдовательно, эту лѣтописную запись сдѣлалъ ученикъ ученика перваго Новгородскаго епископа [1]). Изъ разрозненныхъ первоначальныхъ записей составленъ былъ одинъ сводъ, какъ кажется, около 1117 г.; по крайней мѣрѣ съ сего года начинаетъ говорить современникъ, дающій въ себѣ видѣть непрерывнаго и настоящаго лѣтописца. Съ сейчасъ указаннаго года и до самого конца періода до-монгольскаго, лѣтопись Новгородская постоянно ведена была, какъ это ясно дается видѣть, непосредственными современниками (изъ нихъ двое говорятъ о себѣ — подъ 1144 г.: «въ тоже лѣто постави мя попомъ архіепископъ святый Нифонтъ», — это, по всей вѣроятности, іерей св. Іакова Германъ, о смерти котораго подъ 1188 г.; подъ 1230 г.: «преставися (Савва игуменъ святаго Георгія)... а дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Іоанну попови» [2]). Одинъ изъ лѣтописцевъ обѣщается довести свое повѣствованіе до Александра и Исакія, изъ которыхъ подъ первымъ разумѣется неизвѣстно кто [3]), а подъ вторымъ — императоръ

есть непосредственный современникъ, это у него ясно видно (а разсказъ подъ 1114 г. принадлежащій кому-то, ходившему въ Ладогу, и дающій видѣть въ разсказщикѣ не игумена Кіевскаго и не епископа Переяславскаго, которымъ не зачѣмъ было ходить въ Ладогу, а человѣка, готоваго вѣрить всякому бабьему вранью, долженъ быть считаемъ вставкой, принадлежащей или посыланному въ Ладогу чиновнику или ѣздившему въ нее торговать купцу; у первоначальнаго лѣтописца подобный сему разсказъ, слышанный отъ Новгородца Гюряти Роговича — не онъ ли повѣствуетъ и здѣсь? — подъ 1096 г.). Дальнѣйшія немногія свѣдѣнія, которыя даютъ о себѣ продолжатели Ипатскаго сборника, суть: подъ 1144 г. (начало) говоритъ житель этой или московской стороны Днѣпра, а подъ 1151 г. (2 изд. стр. 294 нач.) наоборотъ заднѣпровецъ; подъ 1156 г. Кіевлянинъ и современникъ, передающій непосредственно слышанное (разсказъ Нифонта его собственными словами) и по всей вѣроятности монахъ или священникъ (ибо передаетъ разсказъ ему епископа); подъ 1162 и 1174 гг. не сторонникъ Андрея Боголюбскаго; подъ 1171 г. современникъ, Кіевлянинъ и священникъ или монахъ (сопровождаетъ тѣло покойника); подъ 1187 г. современникъ, не Галичанинъ, а Кіевлянинъ. Читаемое подъ послѣдними 1199 и 1200 гг. принадлежитъ какому-то современному и весьма не худому оратору Кіевскому и едва-ли не представляетъ собой весьма замѣчательнаго образца рѣчи, говоренной государю.

1) А подъ 1045 г. записалъ съ совершенною точностію: «сгорѣ св. Софія въ субботу по заутрьніи въ часъ 3, мѣсяца Марта въ 15», конечно, современникъ.

2) А знаменитый пономарь Тимоѳей, котораго имя стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто имени Іоанна попа и который подалъ нѣкоторымъ поводъ заключать, что въ періодъ домонгольскій у насъ пономари были чуть не съ академическимъ образованіемъ, былъ переписчикомъ (при чемъ и поставилъ свое имя вмѣсто имени Іоанна попа. Онъ извѣстенъ еще какъ переписчикъ Лобковскаго Пролога 1262 г.).

3) Александръ по всей вѣроятности явился изъ Алекса—Алексѣй, подъ которымъ долженъ быть разумѣемъ братъ Исаака, заступившій его мѣсто въ 1195 г.

Константинопольскій Исаакъ Ангелъ, занимавшій престолъ съ 1185 по 1195 г. Такъ какъ въ серединѣ 1196 г. стоитъ въ лѣтописи аминь, то мы полагаемъ, что онъ означаетъ именно конецъ повѣствованія помянутаго лѣтописца. Въ спискѣ Новгородской лѣтописи, принадлежащемъ Академіи Наукъ или Академическомъ, послѣ повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщена роспись Кіевскихъ великихъ князей, доведенная до Ростислава Мстиславича, который княжилъ въ первый разъ одну недѣлю въ 1154 г., а потомъ съ 1158 по 1167 г. (Продолженіе Древн. Вивліоѳики II, 312): изъ этого можно заключить, что предшествующее или одно изъ предшествующихъ сейчасъ помянутому продолженій кончалось на правленіи Ростислава. — Въ полномъ собраніи лѣтописей наша древняя Новгородская лѣтопись напечатана подъ именемъ 1-й Новгородской лѣтописи [1]).

Относительно лѣтописей до-монгольскаго періода остается нерѣшоннымъ одинъ довольно темный вопросъ. Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, составленныхъ въ XV—XVI вѣкѣ, лѣтописи эти являются не въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ въ помянутыхъ выше сборникахъ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ, а съ довольно значительнымъ противъ послѣдняго количествомъ лишковъ или дополненій [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ дополненій очевидно или со всею вѣроятностію суть позднѣйшія, на чемъ либо или ни на чемъ не основанныя, сочиненія самихъ составителей сборниковъ; но о другихъ дополненіяхъ нѣтъ никакихъ основаній думать этого, такъ что ихъ остается считать подлинными древними извѣстіями. Но составители позднѣйшихъ сборниковъ гдѣ могли найти эти подлинныя древнія извѣстія? Имѣли они у себя подъ руками другія лѣтописи, кромѣ дошедшихъ до насъ, изъ которыхъ и взяли ихъ, или же они имѣли тѣ же лѣтописи, что и мы теперь (въ сборникахъ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ), только въ видѣ болѣе полномъ, такъ что въ нихъ читалось все то, что въ позднѣйшихъ сборникахъ можетъ быть принято за древнія подлинныя извѣстія? Мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ послѣднее мнѣніе, а не первое. Что другія лѣтописи, кромѣ

---

[1]) Другихъ частныхъ лѣтописей, кромѣ Новгородской, изъ періода домонгольскаго не дошло до насъ и вовсе неизвѣстно. Симонъ Владимирскій говоритъ въ Патерикѣ о старой лѣтописи Ростовской. Но что это была не мѣстная лѣтопись Ростовская, а лѣтопись общерусская, видно изъ того, что въ ней читались многія записи объ епископахъ изъ монаховъ Печерскихъ. Симонъ называетъ ее Ростовскою по мѣсту нахожденія списка, а старою, вѣроятно, потому, что она много не доведена была до его времени. Предполагать, чтобы въ Ростовѣ велась своя мѣстная лѣтопись въ первую половину періода домонгольскаго, столько же вѣроятно, какъ предполагать, что въ настоящее время ведутъ свои лѣтописи деревни.

[2]) Позднѣйшіе сборники — Софійскій Временникъ, Воскресенская лѣтопись и особенно Никоновская лѣтопись.

дошедшихъ до насъ, могли быть въ періодъ до-монгольскій — это само по себѣ совершенно вѣроятно и возможно. Но вовсе не представляется намъ вѣроятнымъ полагать, чтобы составители позднѣйшихъ сборниковъ имѣли у себя подъ руками такія лѣтописи, на основаніи тѣхъ лишковъ въ лѣтописяхъ до-монгольскаго періода, которые находимъ у нихъ. Лишки эти, если исключить изъ нихъ все то, что̀ или несомнѣнно или съ весьма большою вѣроятностію есть позднѣйшее сочиненіе, окажутся не особенно многочисленными небольшими записями, хотя по содержанію своему иногда и весьма важными. Если бъ существовали другія лѣтописи, кромѣ извѣстныхъ намъ, то въ нихъ лишняго противъ послѣднихъ было бы, конечно, не однѣ эти записи, а и многое другое: почему же позднѣйшіе составители изъ сего многаго не внесли къ себѣ хотя немногаго? Такимъ образомъ изъ сего, по нашему мнѣнію, ясно или по крайней мѣрѣ со всею вѣроятностію слѣдуетъ заключать, что составители позднѣйшихъ сборниковъ имѣли у себя единственно туже первоначальную лѣтопись и только тѣ же ея продолженія, которыя извѣстны въ настоящее время по сборникамъ Лаврентьевскому и Ипатскому, но только имѣли ихъ въ болѣе полномъ видѣ, нежели какъ они читаются въ сейчасъ помянутыхъ сборникахъ [1]).

Такъ какъ хронологія есть вспомогательная наука исторіи, то мы должны присоединить сюда одну статью по этой послѣдней, написанную въ періодъ до-монгольскій, которая впрочемъ не имѣетъ практическаго значенія ни для исторіи ни для чего бы то ни было и написана для безцѣльнаго обнаруженія учености. Статья весьма краткая, надписывается: «Ученіе, имъ же вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ» и принадлжитъ извѣстному Кирику Новгородскому, автору извѣстныхъ каноническихъ Вопрошаній. Она состоитъ изъ 18 краткихъ параграфовъ и содержитъ: въ первыхъ пяти параграфахъ показаніе, сколько протекло отъ сотворенія міра до года написанія статьи мѣсяцевъ, недѣль, дней и часовъ, въ шестомъ—восьмомъ ученіе о индиктахъ, кругахъ солнечномъ и лунномъ (что называется каждымъ изъ нихъ), въ девятомъ — о видѣхъ міра, именно сколько протекло отъ сотворенія міра до автора тысячелѣтій, въ десятомъ—тринадцатомъ о поновленіи небесъ, земли моря и водъ, т. е. во сколько лѣтъ всѣ онѣ паки поновляются или совершенно въ свемъ составѣ возобновляются, четырнадцатый о высокосныхъ лѣтѣхъ, о велицѣмъ крузѣ, шестнадцатый – осмьнадцатый сколко въ году мѣсяцевъ, недѣль и дней.

Единственное значеніе статья имѣетъ по своей заключительной припискѣ, изъ которой получаемъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ; она читается: «пи-

---

[1]) Составители Никоковской лѣтописи, наиболѣе обильной дополненіями, прямо даютъ знать, что они имѣли первоначальнаго лѣтописца въ лицѣ одного «оного великаго Селивестра Выдобыжскаго» (т. V стр. 17, подъ 1409 г.). А если не сами передѣлываютъ припись Сильвестра, то дѣйствительно имѣли его въ другой редакціи, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ сборникахъ.

сахъ же въ Велицѣмъ Новѣгородѣ азъ грѣшный и худый калугеръ Антоновскій (Антоньева монастыря) Кирикъ діаконъ, доместикъ церкви святыя Богородицы (главной въ монастырѣ), при царѣ Греческомъ Іоаннѣ, князю Святославу сыну Ольгову въ княженіи живущю въ Новѣгородѣ лѣто 1, а отъ рода (ему) лѣтъ 30 . . . и еще при архіепископѣ (sic) Новгородскомъ боголюбивомъ Нифонтѣ, роженія моего досюда бяше лѣтъ 26» (годъ, въ которомъ писана статья, какъ это указывается во многихъ мѣстахъ выше, есть 6644 отъ сотворенія міра или 1136 отъ Р. Х.) [1]).

2) *Отдѣлъ нравоучительный.*

Обращаемся къ отдѣлу нашей письменности нравоучительному.

Отдѣлъ этотъ составляютъ двухъ родовъ слова и поученія, именно: во-первыхъ, слова и поученія въ собственномъ смыслѣ, говоренныя въ церкви съ каѳедры, во-вторыхъ — имѣющія или размѣры и форму словъ и поученій или же одно ихъ имя — статьи нравоучительнаго содержанія, написанныя для чтенія.

Писать церковныя слова, которыя были бы настоящими произведеніями церковнаго ораторства и лучшими или худшими его образцами, можетъ только человѣкъ, получившій настоящее образованіе и изучавшій школьную науку ораторства. У насъ не было настоящаго образованія, а съ нимъ и науки ораторства; изъ этого слѣдовало бы, что у насъ не могло быть и писателей церковныхъ словъ въ смыслѣ настоящихъ произведеній церковнаго ораторства. Но выше мы говорили о возможности исключеній у насъ въ періодъ до-монгольскій, именно — что въ періодъ этотъ, по особымъ его обстоятельствамъ, при общемъ отсутствіи настоящаго образованія, у насъ могли быть въ видѣ исключенія отдѣльные люди, которые бы его пріобрѣтали. Одинъ изъ такихъ исключительныхъ людей надѣленъ былъ талантомъ ораторскимъ, чувствовалъ призваніе къ монашеской жизни и въ монашествѣ и явился нашимъ церковнымъ ораторомъ въ собственномъ смыслѣ. Это былъ св. Кириллъ, епископъ Туровскій, жившій во второй половинѣ XII вѣка.

Обстоятельныхъ свѣдѣній о Кириллѣ Туровскомъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ; нѣкоторыя извѣстія о немъ читаются въ краткомъ проложномъ о немъ сказаніи. Онъ родился въ томъ самомъ Туровѣ, въ которомъ былъ потомъ епископомъ. Бывъ сынъ богатыхъ родителей, онъ не любилъ богатства и тлѣнныя славы міра сего, но исключительно приле-

---

[1]) Статья напечатана митр. Евгеніемъ изъ одной Новгородской рукописи въ Трудахъ и лѣтописяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1828 г., части IV кн. I, стр. 122; перепечатана Хавскимъ съ примѣчаніями въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 6, Смѣсь стр. 25.

жалъ ученію Божіихъ книгъ, въ которомъ и достигъ того, что добре извыкъ божественныя Писанія. По времени онъ ушелъ въ монастырь и сталъ монахомъ. Послѣ неизвѣстно сколь продолжительнаго пребыванія въ монастырѣ, въ которомъ больше всѣхъ работалъ Богу, постомъ и бдѣніемъ удручая свое тѣло, онъ возжелалъ большихъ подвиговъ, почему вошолъ въ столпъ, чтобы въ немъ затвориться. Когда послѣ сего слава о немъ пронеслась по всей странѣ или области Туровской, то князь удѣльный и всѣ граждане Турова умолили его принять санъ епископа. Послѣ сего добречестнѣ и благочестнѣ поживъ и добре порученное стадо упасъ, и ознаменовавъ свою дѣятельность тѣмъ, что обличилъ ересь Өедорца Ростовскаго, о чемъ мы говорили выше [1]), онъ преставился въ вѣчный и безконечный покой.

Когда именно Кириллъ поставленъ былъ въ епископы Туровскіе, точнымъ образомъ пока остается неизвѣстнымъ; но по неопредѣленнымъ указаніямъ это поставленіе должно быть полагаемо предъ 1169 годомъ, въ которомъ онъ уже былъ епископомъ [2]), и неизвѣстно сколь продолжительное время спустя пóслѣ 1146 года, послѣ котораго предъ нимъ былъ въ Туровѣ еще епископъ [3]). Если бы полагать, что óдно усвояемое Кириллу сочиненіе дѣйствительно было адресовано имъ, какъ стоитъ въ надписаніи, Василію игумену Печерскому, и если бы считать принадлежащимъ Кириллу одно посланіе, писанное къ сему игумену, то нужно было бы думать, что передъ 1182 г. онъ удалился или былъ удаленъ съ каѳедры и что, живъ послѣ сего на покоѣ или въ отставкѣ лѣтъ около десяти — пятнадцати, онъ скончался въ послѣднемъ десятилѣтіи XII вѣка [4]). Но и то и другое, какъ увидимъ ниже, весьма сомнительно.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ Кириллъ Туровскій успѣлъ получить настоящее образованіе — нашолъ ли онъ по счастливому случаю способнаго быть преподавателемъ наукъ Грека въ самомъ Туровѣ, или, что́ гораздо вѣроятнѣе, онъ отправлялся для сего въ Кіевъ, въ которомъ нашолъ нужнаго ему учителя между Греками, находившимися при

---

1) Т. е. ересь, какъ необходимо думать, состоявшую въ томъ, что Өеодоръ не хотѣлъ признавать власти митрополита.

2) Въ семъ году казненъ Өеодоръ Ростовскій, ересь котораго обличилъ.

3) Георгій, преемникъ Іоакима, удаленнаго въ 1146 г., Лаврент. лѣт. подъ симъ годомъ и слово о Мартынѣ мнисѣ иже въ Туровѣ — въ чудесахъ Бориса и Глѣба (у преосв. Макарія Ист. т. 3, изд. 2 стр. 300).

4) Василій поставленъ въ игумены въ 1182 г., въ которомъ епископомъ Туровскимъ былъ Лаврентій, Ипатск. лѣт. подъ симъ годомъ. Такъ какъ посланіе къ Василію (напеч. въ Прибавлл. къ Творр. свв. Отцц. X, 341) написано послѣ того, какъ онъ построилъ вокругѣ Печерскаго монастыря каменныя стѣны, и послѣ того, какъ онъ, болѣе или менѣе долго игуменствовавъ, помышлялъ облечься въ великую схиму: то и должно быть отодвигаемо приблизительно время его написанія внизъ отъ 1182 г. лѣтъ на десять — на пятнадцать.

митрополитѣ; какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что онъ былъ человѣкъ, получившій настоящее образованіе и что онъ, представляя собой исключеніе между нашими писателями и ораторами своего времени, есть писатель и ораторъ не самоучка, не имѣвшій никакого подготовленія, какъ всѣ другіе наши писатели (еще за однимъ исключеніемъ митрополита Иларіона), но писатель и ораторъ въ собственномъ смыслѣ образованный и изучавшій науку ораторства, представляющій изъ себя совершенно то же, что современные ему образованные писатели и ораторы греческіе. Въ сейчасъ сказанномъ ясно убѣждаютъ собственныя слова Кирилла Туровскаго. Достаточно одинъ разъ прочесть ихъ, чтобы тотчасъ же увидѣть, что между ними и словами и поученіями другихъ современныхъ ему нашихъ писателей есть какая-то существенная разница, что они что-то такое совсѣмъ не то, что эти другія слова и поученія. Немного внимательнѣе присматриваясь къ нимъ, не трудно съ полною отчетливостію увидѣть, въ чемъ именно состоитъ эта разница. Слова и поученія другихъ писателей представляютъ собой работу самоучекъ, не знающихъ науки ораторства и поэтому пишущихъ съ первобытной простотой, безъ всякаго приложенія внѣшнихъ пріемовъ ораторства; напротивъ, слова Кирилла Туровскаго яснымъ образомъ даютъ видѣть въ себѣ работу ученаго мастера: авторъ совершенно очевидно является въ нихъ какъ ученый проповѣдникъ, изучавшій и знающій науку проповѣдничества и пишущій свои проповѣди именно по этой наукѣ со всѣмъ ея знаніемъ и со всѣмъ ея приложеніемъ. Слова Кирилла Туровскаго, не имѣя ничего общаго съ другими современными ему словами и поученіями, представляютъ собой совершенно такія же ораторскія произведенія, какъ слова современныхъ намъ ученыхъ проповѣдниковъ. Если перевести ихъ на русскій языкъ и сказать, что онѣ принадлежатъ такому-то современному проповѣднику, то развѣ самый тонкій знатокъ дѣла не будетъ введенъ въ обманъ.

Что слова Кирилла Туровскаго рѣзко выдѣляются изъ ряда современныхъ ему словъ и поученій, не имѣя ничего общаго съ ними и представляя нѣчто отъ нихъ особенное, это мы сейчасъ сказали. Но сказать только это, вовсе не значитъ опредѣлить собственное достоинство словъ Кирилла. Ставить ученаго мастера на одну и туже доску съ самоучкой и смотрѣть, насколько онъ выше послѣдняго, нисколько не значитъ сдѣлать ему надлежащую оцѣнку. Говорить о Кириллѣ Туровскомъ, что онъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ, что по сравненію съ сими послѣдними онъ есть русскій Златоустъ XII вѣка, значитъ говорить съ одной стороны совершенную правду, а съ другой стороны не говорить собственно ничего. Семинаристъ, учившійся въ реторикѣ и умѣющій написать хрію, неизмѣримо выше просто грамотнаго крестьянина и есть передъ нимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ великій ораторъ;

однако это, конечно, не значитъ, чтобы онъ былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ.

Кириллъ Туровскій долженъ быть разсматриваемъ, цѣнимъ и судимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго, а какъ настоящій, получившій настоящее ораторское образованіе, проповѣдникъ. Онъ есть исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго, греческаго ораторства: съ этой точки зрѣнія ему и должна быть производима оцѣнка.

Не знаемъ, сколько Кириллъ Туровскій всего написалъ церковныхъ словъ или проповѣдей; въ настоящее время извѣстны, какъ не сомнѣнно ему принадлежащія, девять словъ: начиная съ недѣли Вай, онѣ идутъ въ непрерывномъ порядкѣ праздниковъ — на Пасху, на шесть воскресеній по Пасхѣ, кончая недѣлею святыхъ отецъ и на Вознесеніе [1]). По этимъ девяти словамъ мы и можемъ судить объ немъ, какъ объ ораторѣ.

Науку церковнаго ораторства преподалъ Кириллу современный ему Грекъ XII вѣка, и слѣдовательно онъ наученъ былъ искусству этого ораторства такъ, какъ оно понималось Греками именно въ XII вѣкѣ. Всякій знаетъ, что въ позднѣйшее время искусство церковнаго ораторства у Грековъ представляло собою далеко не то, что оно было во времена древнѣйшія. Послѣ истиннаго и одушевленнаго ораторства настало господство холодной реторики, бездушнаго набора громкихъ фразъ и реторическихъ фигуръ. Вмѣсто живаго существа ораторство стало мертвой, размалёванной и разряженной, куклой. Оставивъ свою истинную цѣль убѣждать, дѣйствовать на сердца и на чувства людей, располагая ихъ посредствомъ живыхъ и одушевленныхъ изображеній достойнаго и недостойнаго, полезнаго и вреднаго, стремиться къ одному и удаляться отъ другаго, церковное проповѣдничество начало преслѣдовать другую цѣль — услаждать и тѣшить воображенія и слухи затѣйливыми, но ни къ чему

---

1) Слова напечатаны въ Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка Калайдовича, М. 1821 и въ изданіи: Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2 Спб. 1858 (обширное введеніе о Кириллѣ Туровскомъ принадлежитъ г. Сухомлинову). Усвояютъ еще Кириллу Туровсвому поученіе въ недѣлю пятидесятную или на пянтикостію. Но мы того рѣшительнаго мнѣнія, что это краткое поученіе, ни слова не говорящее о праздникѣ, а увѣщевающее слушателей отстать отъ пьянства и вообще подвизающее ихъ (кратко) добрая дѣла стяжати и творити, не принадлежитъ Кириллу. Въ пергаминномъ Соборникѣ XIV в. Лаврской Троицкой библіотеки №.10, л. 141 об. есть «Слово святаго Кирилла въ первую недѣлю поста, поученіе на сборъ». Но вслѣдъ за покойнымъ А. Горскимъ, который не усвояетъ его Кириллу Туровскому, и мы не рѣшаемся этого сдѣлать (см. въ Прибавлл. къ Творр. Свв. Отцц. ч. XVII его статью: О древнихъ словахъ на святую четыредесятницу, гдѣ на стр. 45 подробно передано содержаніе слова).

не служащими картинами, громкими, но ничего не говорящими фразами, однимъ словомъ — превратилось въ мимолетную и не имѣющую дальнѣйшаго смысла словесную забаву.

Кириллъ Туровскій имѣлъ несомнѣнный и очень хорошій ораторскій талантъ. Но въ то же время онъ вовсе не былъ изъ числа передовыхъ людей, чтобы сколько нибудь возвыситься надъ своимъ воспитаніемъ, чтобы до нѣкоторой степени избавиться отъ того худаго, что оно ему дало, и до нѣкоторой степени самому дойти до того хорошаго, чего оно ему не дало. Онъ есть ни больше ни меньше какъ то, чѣмъ могла его сдѣлать риторика XII вѣка; онъ есть хорошій представитель греческаго оратора своего времени, но рѣшительно со всѣми недостатками этого послѣдняго.

Отличительную черту проповѣдей Кирилла Туровскаго составляетъ совершенное отсутствіе нравственнаго назиданія. Проповѣдникъ есть такъ или иначе старающійся блистать своимъ краснорѣчіемъ и своимъ остроуміемъ панегиристъ или историкъ праздниковъ и болѣе ничего; въ восьми словахъ, за исключеніемъ 9-го, такъ сказать къ нимъ дополнительнаго, или прославляется торжество праздника съ его плодами, или аллегорически толкуются его подробности въ смыслѣ духовномъ, или ораторски и драматически изображается его исторія, — и въ этомъ все ихъ содержаніе. Въ панегирическихъ и въ драматически представленныхъ исторіяхъ предъ слушателями разсыпано чрезвычайно много цвѣтовъ краснорѣчія или, если угодно, въ нихъ все есть краснорѣчіе, въ аллегорическихъ толкованіяхъ много остроумія: но по отношенію къ слушателямъ цѣль всего этого не преподать назиданіе, а доставить переходящее естетически-ораторское услажденіе. Правда, на концахъ словъ Кириллъ не всегда забываетъ слушателей и иногда обращается къ нимъ съ краткими нравственными увѣщаніями. Но эти увѣщанія ex abrupto и совершенно общія не имѣютъ никакого дѣйствительнаго смысла и суть не болѣе, какъ простая принятая форма заключать слова. Такимъ образомъ по обычаю ораторовъ своего времени Кириллъ Туровскій вовсе не назидаетъ своихъ слушателей, а только услаждаетъ ихъ; иначе сказать, по обычаю ораторовъ его времени его проповѣди суть безплодное и по отношенію къ слушателямъ безцѣльное краснорѣчіе. Краснорѣчія весьма много, но весь смыслъ его по отношенію къ слушателямъ сводится ни къ чему.

Вотъ краткій анализъ словъ Кирилла. Въ словѣ на Вербное воскресенье (на Вербницю), во-первыхъ, изображаются и аллегорически толкуются обстоятельства вшествія Іесуса Христа въ Іерусалимъ: днесь было то-то, это значитъ духовно то-то, и т. д. Во-вторыхъ, восписывается панегирикъ или похвала празднику посредствомъ ораторскаго набора общихъ мѣстъ, изображающихъ ликованіе природы, ангеловъ и человѣковъ и уныніе діавола и старѣйшинъ Іудейскихъ (Днесь тварь

веселится, свобождаема отъ работы вражія... Днесь горы и холмы точатъ сладость, удолія и поля плоды Господеви приносятъ. Горніи воспѣваютъ и преисподніи рыдаютъ... и пр.). Въ заключеніе краткое нравственное увѣщаніе къ слушателямъ почтить Господа добрыми дѣлами по образу вещественныхъ почестей, оказанныхъ ему при входѣ въ Іерусалимъ. Слово на Пасху по намѣренію автора должно было представлять изъ себя панегирикъ празднику, въ которомъ имѣли быть показаны и прославлены его плоды соотвѣтственно тремъ его названіямъ: Пасха, Великій день и третьему недосказанному и остающему неизвѣстнымъ. Но будучи весьма неудовлетворительно по своему выполненію, слово отчасти есть панегирикъ, отчасти же историческій пересказъ обстоятельствъ воскросенія съ аллегорическими иногда ихъ толкованіями. Слово на недѣлю Ѳомину или на антипасху состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части панегирикъ празднику, состоящій изъ изображенія вещественной весны, которою природа привѣтствуетъ сей день и изъ изображенія весны духовной, которая прообразуется вещественною. Во второй части проповѣдникъ вводитъ слушателей въ горницу Сіонскую, въ которой Христосъ явился ученикамъ, и здѣсь драматически изображаетъ бесѣду Христа съ Ѳомой, именно—влагая пространную рѣчь въ уста Спасителю и такой же отвѣтъ въ уста Ѳомѣ. Слова на недѣли третью, четвертую и шестую, будучи сходны между собой, представляютъ драматически изображенныя исторіи праздниковъ. Въ словѣ на недѣлю третью, женъ Мироносицъ, дѣйствіе начинается пространнымъ плачемъ Богородицы при крестѣ Іисуса, послѣ котораго она обращается съ рѣчью къ Іосифу, моля его идти къ Пилату, чтобы испросить тѣло Іисусово, за симъ пространная рѣчь Іосифа къ Пилату и его плачъ или вопіяніе надъ тѣломъ Іисуса, которое отдалъ ему Пилатъ и которое онъ предалъ погребенію вмѣстѣ съ Никодимомъ. Далѣе разсказъ о приходѣ ко гробу мироносицъ и пространная рѣчь къ нимъ ангела. Въ заключеніе похвала Іосифу благообразному и досточудному. Въ недѣлю четвертую, о Разлабленномъ, рѣчь начинается историческимъ извѣстіемъ о купели Виѳезда и аллегорическимъ толкованіемъ ея какъ прообраза крещенія. За симъ — жалобная рѣчь разслабленнаго къ Іисусу Христу; отвѣтная рѣчь Іисуса Христа къ разслабленному; обличительная рѣчь послѣдняго къ жидамъ, укорявшимъ его за то, что онъ взялъ одръ свой въ субботу. Въ заключеніе краткое наставленіе слушателямъ посредствомъ обращенія къ нимъ рѣчи Іисуса Христа, сказанной разслабленному. Въ словѣ на недѣлю шестую, о Слѣпомъ, послѣ историческаго вступленія, прославляются неизреченныя милость и человѣколюбіе Божіе и изображается ослѣпленіе Іудеевъ по отношенію къ великому Чудотворцу. За симъ размышленіе сонма Іудейскаго: что сдѣлать имъ съ Іисусомъ и обличительныя рѣчи къ сему сонму отъ прозрѣвшаго; въ заключеніе похвала сему послѣднему. Въ словѣ на Вознесеніе изоб-

ражается картина торжественнаго входа Іисуса Христа на небеса. Проповѣдникъ возводитъ слушателей на гору Елеонскую, на которую пришолъ Христосъ и съ Нимъ всѣхъ святыхъ чинове; за симъ онъ изображаетъ, какъ ангельскія и архангельскія воинства одни готовятъ Господу путь, другіе готовятъ херувимскій престолъ, какъ Богъ Отецъ ждетъ, а Духъ Святый отдаетъ приказанія къ срѣтенію, какъ лики святыхъ, въ слѣдъ за ангелами, начинаютъ торжественныя пѣсни, какъ скорбитъ уневѣстившаяся Христу языческая церковь, видя Его отъ себя удаляющагося, какъ скорбятъ апостолы и какъ онъ утѣшаетъ ту и другихъ, какъ небесные вратари не хотятъ отворить вратъ небесныхъ для невходнаго на небеса человѣка и какъ по гласу Господа они узнаютъ утаенно отъ нихъ сошедшаго на землю Бога, какъ Духъ Святый исходитъ во срѣтеніе восходящаго и какъ Отецъ посаждаетъ Его на престолѣ одесную Себя. Въ заключеніе призывъ слушателямъ возрадоваться Господеви, вшедшему на небо небесное и сѣдшему одесную Отца. Въ словѣ на недѣлю седьмую, Свв. Отецъ, исторія перваго вселенскаго собора, разсказанная отчасти повѣствовательно, отчасти драматически (пренія Арія съ отцами собора), и похвала какъ отцамъ собора, такъ и всѣмъ вообще святымъ отцамъ, стоявшимъ и подвизавшимся за вѣру. Послѣднее слово въ недѣлю пятую, о Самаряныни, посвящено не событію дня, но обличенію слушателей за ихъ неусердное хожденіе въ церковь для слушанія поученій.

Этотъ краткій обзоръ содержанія словъ Кирилла Туровскаго ясно показываетъ, до какой степени отсутсвуетъ въ нихъ нравственное назиданіе и въ чемъ состоитъ ихъ направленіе или ихъ характеръ. Какъ сказали мы выше, ни малѣйше не помышляя о нравственномъ назиданіи слушателей, проповѣдникъ есть или панегиристъ или духовный толкователь или драматизующій живописатель праздниковъ. Преслѣдуемая имъ цѣль есть не назиданіе, а заниманіе, въ слѣдствіе чего и его слова главнымъ образомъ для слуховъ и воображенія слушателей и весьма мало и почти нисколько для ихъ сердецъ. Что назиданіе слушателей и не лежало на сердцѣ Карилла Туровскаго, какъ одна изъ его проповѣдническихъ обязанностей, это самъ онъ ясно даетъ знать въ словѣ на недѣлю пятую, въ которомъ обличаетъ слушателей за нехожденіе въ церковь для слушанія его проповѣдей. Онъ не говоритъ, что я васъ учу тому-то и тому-то, а вы не хотите слушать, а нѣчно другое, именно — что они не хотятъ вкушать меда ученія, который онъ имъ предлагаетъ. Въ смыслѣ скоропреходящей занимательности, въ смыслѣ минутнаго услажденія для слуха, слова его были дѣйствительно медомъ ученія.

Итакъ, Кириллъ Туровскій, не идя ни въ какое сравненіе съ современными ему русскими ораторами, между которыми онъ представляетъ исключеніе, будучи, если угодно, русскимъ Златоустомъ въ смыслѣ рѣшительнаго отличія отъ нихъ и рѣшительнаго надъ ними превосходства,

самъ по себѣ и какъ настоящій образованный ораторъ, каковымъ онъ былъ, вовсе не есть какой нибудь Злотаустый, т. е. вовсе не есть какой нибудь исключительно замѣчательный ораторъ, а просто рядовой хорошій греческій ораторъ позднѣйшаго времени со всѣми существенными и отличительными недостатками, свойственными этимъ позднѣйшимъ ораторамъ. Кирилъ Туровскій несомнѣнно представляетъ собой весьма замѣчательное явленіе въ томъ отношеніи, что онъ захотѣлъ стать человѣкомъ образованнымъ, но въ ряду ораторовъ образованныхъ онъ не возвышается сколько нибудь рѣшительнымъ образомъ надъ общимъ уровнемъ.

Мы въ настоящее время относительно достоинства и характера проповѣдей не возвратились ко временамъ Златоустаго. Если читатель представитъ себѣ нынѣшнюю хорошую проповѣдь съ тѣмъ, чтобы ея отличительными чертами были возможно большее стремленіе ко внѣшнему краснорѣчію и возможно большее отсутствіе нравственнаго назиданія, то онъ будетъ имѣть приблизительное и почти совсѣмъ настоящее понятіе о проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго. Свойственныя его времени его отличительныя черты и особенности составляютъ, во-первыхъ, наклонность къ аллегоріи, къ толкованію видимаго въ смыслѣ духовно-прообразовательномъ, который при нѣкоторомъ напряженіи остроумія онъ находитъ рѣшительно во всемъ, во-вторыхъ—драмматизмъ, изображеніе дѣйствующихъ лицъ говорящими и произносящими болѣе или менѣе длинныя рѣчи, наконецъ, въ-третьихъ — постоянное стремленіе къ картинности изображенія посредствомъ непрестаннаго употребленія нынѣ и днесь. Будучи ораторомъ вообще, Кириллъ Туровскій усиленно стремится быть таковымъ и въ частностяхъ, такъ что его рѣчь изобилуетъ тропами, фигурами, распространеніями и плеоназмами и вообще всѣмъ, что предлагаетъ ораторству реторика. Наиболѣе замѣтные недостатки проповѣдей Кирилла Туровскаго въ ораторскомъ и вообще писательскомъ отношеніи суть: во-первыхъ, то, что онъ не умѣетъ естественнымъ образомъ переходить отъ одной мысли къ другой и употребляетъ для сего не ораторскій и, такъ сказать, аляповатый оборотъ: нынѣ же (а теперь) о томъ-то побесѣдуемъ; во-вторыхъ—то, что приступы къ словамъ не всегда идутъ къ ихъ содержанію, представляя собою иногда какъ бы нѣчто сказанное для предваренія совершенно безцѣльно, и наконецъ, въ-третьихъ — то, что общее теченіе мыслей не всегда отличается надлежащей логической послѣдовательностію.

При составленіи своихъ проповѣдей Кириллъ Туровскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи проповѣдную литературу греческую, и какъ кажется не только въ славянскомъ переводѣ, но и въ греческомъ подлинникѣ, имѣвъ знаніе греческаго языка [1]). До какой степени онъ воспол-

[1]) Въ словѣ на недѣлю Вай Кириллъ пользуется толкованіемъ Өеофилакта Болгарскаго (Сухомл. стр. XLIII); но послѣдній, сколько извѣстно, въ періодъ домонгольскій не былъ переведенъ на славянскій языкъ.

зовался ея готовыми услугами, иначе сказать—до какой степени онъ какъ ораторъ позволилъ себѣ воспользоваться готовымъ, бывшимъ передъ нимъ, запасомъ ораторства или до какой степени онъ заимствовался у ораторовъ греческихъ рессурсами ораторства и до какой степени ихъ списывалъ? Можно было бы подумать, что онъ, подобно теперешнимъ сельскимъ священникамъ, имѣющимъ передъ собой запасъ печатныхъ проповѣдей, будетъ больше или меньше выбирать и составлять, т. е. будетъ больше или меньше простымъ компиляторомъ. Сколько однако можно судить по произведеннымъ доселѣ сличеніямъ его проповѣдей съ проповѣдями греческими, этого не было—онъ дѣйствительно болѣе или менѣе пользуется послѣдними, позволяетъ себѣ дѣлать изъ нихъ даже прямые заимствованія, но вовсе не до такой степени, чтобы снисходить до роли простаго компилятора: при своемъ пользованіи и при своихъ заимствованіяхъ онъ сохраняетъ вполнѣ,—сколько можно по крайней мѣрѣ это утверждать теперь, — право на то, чтобы быть считаемому ораторомъ самостоятельнымъ [1]).

Кириллъ Туровскій, какъ настоящій, въ собственномъ смыслѣ слова, проповѣдникъ у насъ въ XII вѣкѣ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ собою явленіе весьма замѣчательное. Но въ то же время онъ представляетъ собой явленіе странное. Его краснорѣчивыя слова были столько же цѣлесообразны по отношенію къ его слушателямъ, какъ были бы напримѣръ цѣлесообразны слова покойнаго митрополита Филарета въ сельской приходской церкви. Если бы цѣль словъ составляло нравственное назиданіе слушателей, то послѣднее, будучи предлагаемо и въ несоотвѣтственной формѣ, все-таки имѣло бы свое значеніе, но цѣль словъ Кирилла Туровскаго, какъ уже мы много разъ говорили, не нравственное назиданіе слушателей, а, такъ сказать, краснорѣчіе само въ себѣ, доставленіе безъотносительной возможности въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ насладиться имъ самимъ. Вообразите, что взято современное подобнаго рода краснорѣчивое для самаго краснорѣчія слово и что оно произносится въ сельской приходской церкви слушателямъ крестьянамъ: что можетъ быть этого несообразнѣе? Трудно допустить, чтобы Кириллъ Туровскій не понималъ всей этой несообразности, т. е. всего несоотвѣтствія своихъ словъ по ихъ характеру съ тѣми слушателями, для которыхъ онъ ихъ писалъ и которымъ сказывалъ. Вѣроятно, съ одной стороны, его совращалъ съ

---

[1]) См. помянутую выше статью Сухомлинова, составляющую введеніе къ изданію словъ Кирилла Т. по рукописямъ гр. Уварова. Въ Сvнодальн. ркп. по Описан. Горск. и Невостр. № 231 есть слово неизвѣстнаго на великій пятокъ, которое по отношенію къ слову Кирилла Т. на недѣлю Мироносицъ представляетъ собой или его оригиналъ или его копію; но какъ кажется послѣднее. Полагаемъ однако, что окончательное или по крайней мѣрѣ рѣшительное сужденіе должно быть отложено до новыхъ розысковъ.

праваго пути примѣръ ораторовъ греческихъ: видя, что они поставляютъ главною цѣлію краснорѣчіе и онъ считалъ себя обязаннымъ стремиться къ нему же, поставляя въ проповѣдничествѣ краснорѣчіе выше цѣлесообразности; съ другой стороны, весьма вѣроятно, что удивленіе къ своему краснорѣчію со стороны читателей своихъ словъ современныхъ и будущихъ онъ предпочиталъ пользѣ своихъ слушателей. Какъ бы то ни было, но снова повторяемъ, что, читая краснорѣчивыя слова Кирилла Туровскаго, говоренныя имъ къ совершенно необразованной паствѣ XII вѣка, невольно припоминаешь тѣхъ сельскихъ священниковъ, которые рѣшаются сказывать своимъ прихожанамъ слова покойнаго митр. Филарета [1]).

Кромѣ церковныхъ словъ въ собственномъ смыслѣ, произнесенныхъ съ каѳедры, которыхъ Кириллъ написалъ, можетъ быть, и не девять, а гораздо или значительно болѣе, ему усвояется еще довольно не малое количество статей нравоучительнаго содержанія, называемыхъ также большею частію словами и обращенныхъ отчасти вообще ко всѣмъ, отчасти къ мірянамъ и отчасти къ монахамъ [2]).

Первыхъ принимается шесть: Слово — о премудрости притча, или какъ въ другихъ спискахъ — Поученіе нѣкоего человѣка вѣрна къ духовному брату, Слово о исходѣ души и всходѣ на небо, Слово о небесныхъ силахъ и чесо ради созданъ бысть человѣкъ на земли, Слово о страсѣ Божіи, Слово о первозданнѣмъ, Слово о томъ, яко не забывати учителей своихъ и Притча о души человѣчестѣй и тѣлеси и о преступленіи Божіи заповѣди и о воскресеніи тѣлесъ человѣческихъ и о будущемъ судѣ и муцѣ [3]). Слово — о премудрости притча, судя по началу: «первое, брате, коея мудрости ищеши» [4]), есть, кажется, частное къ кому нибудь письмо. Вмѣсто мудрости списатель наставляетъ искать кротости,

---

1) Не знаемъ, какой былъ обычай у современныхъ Кириллу проповѣдниковъ греческихъ, но онъ самъ сказывалъ свои слова по тетрадкѣ (а не наизусть), подобно тому какъ это дѣлаютъ наши нынѣшніе проповѣдники (см. слово на недѣлю свв. отецъ).

2) Какого нибудь надежнаго списка сочиненій Кирилла Туровскаго мы не имѣемъ, такъ что остается руководиться надписаніями. Но надписанія вещь весьма ненадежная, ибо они могутъ принадлежать позднѣйшимъ переписчикамъ, которые могли усвоять Кириллу тѣ или другія сочиненія по своимъ собственнымъ и совершенно неосновательнымъ домышленіямъ. Въ Проложномъ Житіи Кирилла читаемъ объ его сочиненіяхъ — по однимъ спискамъ: «Андрею Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній, и яже суть на праздники, Господскія слова и ина многа душеполезныя словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде», по другимъ спискамъ все это и кромѣ того: «яже къ Богу молитвы и похвалы многимъ (sic), канунъ великій о покаяніи сотвори къ Господу по главамъ азбуки».

3) Печатныя изданія, указанныя выше.

4) А въ позднѣйшихъ спискахъ по обращеніямъ и въ дальнѣйшемъ продолженіи текста: друже мой вѣрный, брате.

которая есть мать первой и съ которою обрящеши и Отца, иже породи насъ святымъ крещеніемъ. Затѣмъ онъ говоритъ, чѣмъ мы изгоняемъ отъ себя мать (грѣхами) и что̀ должны дѣлать, чтобы насъ принялъ Отецъ и снова возвратилась къ намъ мать (съ одной стороны отстать отъ грѣховъ, съ другой каяться, молиться съ слезами и постомъ и творить добрыя дѣла): статья вообще краткая и кромѣ того, что сложена до нѣкоторой степени притчей, ничего замѣчательнаго не представляетъ. Если принимать ее за частное письмо, то она можетъ быть усвояема и Кириллу Туровскому; но какъ нарочитое сочиненіе усвоять ему такую легкую и довольно безцвѣтную вещь, мало напоминающую краснорѣчиваго и любящаго краснорѣчіе проповѣдника, представляется намъ какъ-то сомнительнымъ [1]). Слова о исходѣ души и о небесныхъ силахъ усвояются Кириллу Туровскому только потому, что въ одномъ и томъ же началѣ обоихъ дѣлается ссылка на какого-то Кирилла философа: «яко же рече Кириллъ философъ», т. е. иначе сказать совершенно безъ всякаго основанія. Первое слово есть повѣсть о мытарствахъ, взятая изъ житія преп. Василія Новаго (26 марта), и о загробной судьбѣ душъ праведныхъ и грѣшныхъ; второе повѣствуетъ — объ ангелахъ и паденіи дьявола, о сотвореніи, паденіи и искупленіи человѣка [2]). Слово о страсѣ Божіи, обращенное къ любимымъ братьямъ и сестрамъ, убѣждаетъ всегда имѣть предъ очами страхъ Божій и часъ смертный всегда вспоминати

---

[1]) Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ слово и не надписывается именемъ Кирилла, а усвояется ему только на томъ основаніи, что помѣщается въ рукописяхъ между его сочиненіями. Кромѣ двухъ приведенныхъ заглавій оно имѣетъ еще третье: Слово святыхъ отецъ о наказаньи.

[2]) Два эти слова суть обращенныя въ особыя слова̀ двѣ части принадлежащаго неизвѣстному одного слова, которое надписывается «Слово о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ и о исходѣ души» и которое мы имѣемъ подъ руками въ рукописяхъ Волоколамской библіотеки XVI в. № 529 л. 655 и № 534 л. 114 (того самаго, которое въ третьей Волоколамской рукописи усвояется преп. Авраамію и которое напечатано покойнымъ Шевыревымъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. IX, стр. 182. Слово на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, напечатанное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847 ч. кн. VIII и принимаемое преосв. Макаріемъ, Исторіи т. 3 изд. 2 стр. 177 sqq, за первообразъ нашихъ словъ, на самомъ дѣлѣ есть также сокращеніе изъ помянутаго слова Волоколамскихъ рукописей. Что касается до начала, то въ семъ послѣднемъ словѣ оно также: «Понеже тайна сія не всѣмъ откровена бысть и многими человѣки несвѣдома, но якоже рече Кириллъ философъ» и пр., а въ словѣ на соборъ архистратига Михаила оно выпущено. Слѣдовательно тутъ рѣчь о принадлежности не всего слова Кириллу философу — славянскому или не славянскому, а только того немногаго, что онъ сказалъ). Съ покойнымъ Шевыревымъ (Извѣстт. Акад. Н. VIII, 326) мы весьма наклонны усвоять это слово преп. Аврамію Смоленскому, который не былъ впрочемъ его настоящимъ сочинителемъ, а только составителемъ.

и оныя страшныя муки, уготованныя грѣшникамъ; затѣмъ увѣщеваетъ — сихъ мукъ боящеся остати злодѣяти и потщиться ихъ избыти добрыми дѣлы. Судя по началу, слово какъ будто не только написано для чтенія, но и сказывано въ церкви. Еслибы оно было не такъ кратко и не такъ отрывочно и какъ-то спѣшно, а нѣсколько медленнѣе, пространнѣе и настоятельнѣе предлагало свои увѣщанія, то оно не только могло бы быть усвоено Кириллу Туровскому, но и долженствовало бы быть отнесено къ числу лучшихъ его словъ. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ оно можетъ быть усвояемо ему не какъ нарочитое слово, а какъ нѣкая запись, сдѣланная въ минуту потребности изліять свои чувства и на воспоминаніе своей душѣ и всякой душѣ благочестивой [1]). Слово о первозданнѣмъ, весьма краткое и представляющее собой сокращеніе Слова о небесныхъ силахъ и чесо ради созданъ бысть человѣкъ на земли, нѣтъ сомнѣнія, усвояется Кириллу потому, что ему усвояется это послѣднее. Слово о томъ, яко не забывати учителей своихъ есть краткое наставленіе о сейчасъ сказанномъ. Притча о душѣ человѣчестей и о тѣлеси и о преступленіи Божіи заповѣди и о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ и о будущемъ судѣ и о муцѣ состоитъ въ томъ, что человѣкъ нѣкто добра рода насадилъ виноградъ и желая, чтобы его не обокрали стражи, приставилъ къ нему слѣпца и хромца, такъ какъ одинъ видѣлъ, но не могъ ходить, а другой ходилъ но не могъ видѣть, но что эти послѣдніе, соединивъ свои способности видѣнія и хожденія посредствомъ того, что хромецъ сѣлъ на слѣпца, ухитрились его обокрасть, послѣ чего были имъ суждены и осуждены. Притча эта, въ которой человѣкъ добра рода означаетъ Бога Отца, слѣпецъ и хромецъ душу и тѣло человѣка, обокраденіе винограда — паденіе послѣдняго и пр., есть собственно переводъ съ греческаго [2]), но трудъ ея русскаго автора состоялъ въ томъ, что вмѣсто краткаго объясненія, которымъ она сопровождается въ подлинникѣ, онъ написалъ къ ней пространное нравоучительное толкованіе. Это послѣднее по манерѣ и по характеру и вообще по всему напоминаетъ намъ Сказаніе о черноризчестѣмъ чину, о которомъ сейчасъ ниже и которое есть вся вѣроятность усвоять Кириллу; а поэтому мы склоняемся къ тому, чтобы видѣть его подлинное сочиненіе и въ настоящемъ случаѣ. Толкованіе съ одной стороны заключаетъ много очень хорошаго — назидательнаго, умнаго и остроумнаго, а съ другой стороны есть въ немъ перехитренное, натя-

---

[1]) Въ словѣ между прочимъ читается: «боимся огненнаго родства». Что такое это родство, положительно сказать не можемъ, но предполагаемъ, что оно указываетъ на свой источникъ въ греческомъ, на которомъ могъ быть сдѣланъ каламбуръ изъ Γέννα вмѣсто γένος родъ, родство, и Γέεννα — геенна, адъ (можетъ быть, и все слово есть переводъ съ греческаго и дѣйствительно принадлежитъ какому нибудь Кириллу).

[2]) Сухомл. XLVII sqq.

нутое и неудоборазумѣваемое. Впрочемъ, достоинства несомнительно преобладаютъ въ немъ въ значительной степени надъ недостатками [1]).

Изъ нравоучительныхъ статей, обращенныхъ къ мірянамъ, Кириллу усвояется одна, которая надписывается «Наказанье» и которая состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ и особыхъ частей. Въ первой части авторъ увѣщеваетъ почитать святыя книги, не извиняясь никакими предлогами и не говоря, что «не наше есть дѣло почитанье книжное, но черечьское»; при этомъ говорящихъ: «аще и чту, но не разумѣю», наставляетъ очистить сердце и душу къ пріятію премудрости, о невѣдомомъ вопрошать мудрѣйшихъ себѣ и съ вѣрою ждать вразумленія отъ Бога. Во второй части преподается наставленіе, не блажить нечестивыхъ живущихъ въ богатствѣ, а напротивъ блажить добрѣ живущихъ и бѣды пріемлющихъ въ мірѣ семъ лестнѣмъ. Все наказаніе весьма не велико и съ какой стати рѣчи о двухъ особыхъ и отдѣльныхъ матеріяхъ соединены въ одно, остается непонятнымъ. Считать за дѣйствительное произведеніе Кирилла Туровскаго представляется весьма сомнительнымъ.

Изъ нравоучительныхъ статей, обращенныхъ къ монахамъ, Кириллу усвояются три: Сказаніе о черноризчестѣмъ чину отъ Ветхаго Закона и Новаго, Слово къ Василію игумену Печерскому о мірскомъ сану и о мнишескомъ чину, составлено притчею, и Посланіе къ тому же игумену Василію.

Сказаніе о черноризчестѣмъ чину имѣетъ за свою принадлежность Кириллу свидѣтельства совершенно прямыя и весьма авторитетныя [1]), такъ что со всею вѣроятностію должно быть усвояемо именно ему. Общая мысль его есть та, чтобы преподать наставленія монахамъ, указывая поучающіе образы въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ и чуть ли вообще не представляя — что впрочемъ не ясно — Ветхій и Новый Завѣтъ образами монашества. Оно раздѣляется на три части: въ первой части, которая состоитъ изъ случайно взятыхъ примѣровъ и не имѣетъ настоящаго единства, преподаются монахамъ наставленія: чистоты отъ ветхозавѣтной жертвы (какъ эта жертва да не будеши короставъ и хромъ и слѣпъ), покоренія отъ новозавѣтной жертвы — свѣчи (свѣча ли еси, токмо до церковныхъ дверій въ своей воли буди и о томъ не разсматряй, како и чимъ тя потваряють) и т. д.; къ наставленіямъ присоединяются «приводы», въ которыхъ обличаются монахи, живущіе не по монашески. Эта часть, не только не имѣющая общаго единства, но не

---

[1]) По содержанію толкованіе назначено для всѣхъ, но оно писано, какъ дается въ немъ знать, къ какимъ-то монахамъ («аще міра сего властели и въ житейскихъ вещехъ труждающіися человѣцы прилежно требуютъ книжнаго почитанія, кольми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ»...)

[2]) Въ Сѵнодальной Кормчей XIII в., по которой оно напечатано въ Памятникахъ Калайдовича, въ его надписаніи читается: «Кюрила епископа Туровскаго».

особенно удовлетворительная и въ частномъ изложеніи, не смотря на то есть лучшая въ сказаніи, исполненная дѣйствительнаго назиданія. Во второй части «о Ароняхъ ризахъ и скимномъ образѣ» говорится о ветхозавѣтныхъ первосвященническихъ одеждахъ, знаменующихъ паденіе человѣка въ Адамѣ, и объ одеждахъ монашескимъ, соотвѣтствующихъ имъ и знаменующихъ искупленіе человѣка Христомъ. Эта часть, позволяя говорить себѣ не обинуясь, совершенно неудовлетворительна, — она преисполнена тѣхъ недостатковъ, которые мы указали выше въ толкованіи на притчу о душѣ человѣческой, именно — въ ней крайняя темнота, произволъ и натянутость толкованій и ухищренное остроуміе, выходящее изъ всякихъ должныхъ границъ. Въ третьей части объясняется, почему монахи называются носящими ангельскій образъ, и именно — что они представляютъ собой образъ не небесныхъ безплотныхъ ангеловъ, но ангеловъ земныхъ, «сирѣчь преподобныхъ мужъ законодавецъ, иже въ Ветхомъ и Новомъ Законѣ въ телѣснѣй чистотѣ благоугодно послужиша».

Слово о мірскомъ сану и о монашескомъ чину [1]), по надписанію адресованное Печерскому игумену Василію, на самомъ дѣлѣ, если только не интерполированъ извѣстный въ настоящее время его текстъ, адресовано не сему Василію и не въ Печерскій монастырь, а братству какого-то другаго неизвѣстнаго монастыря, ибо въ заключеніе слова авторъ обращается не къ одному лицу, а ко многимъ (ваше отечество, ваши души, вашъ покой) и выше говоритъ о Печерскомъ монастырѣ въ Кіевѣ какъ о чужомъ и постороннемъ для этихъ многихъ лицъ. Посредствомъ притчи, не оригинальной впрочемъ, а заимствованной и только приспособленной къ данному случаю [2]), въ словѣ показывается отношеніе между мірской жизнью и монашествомъ, именно что міръ — суета, а монастырь — прибѣжище спасенія и что худая монашеская жизнь безконечно честѣе и блаженнѣе свѣтлой жизни мірской. Ничего нельзя сказать относительно того, принадлежитъ или не принадлежитъ это слово Кириллу, но, нѣсколько строго судя, едва ли можно признать за нимъ какое нибудь другое достоинство кромѣ приточной занимательности.

Посланіе къ Василію игумену Печерскому усвояется Кириллу Туровскому предположительно, но едва ли справедливо [3]). Главное основаніе для предположенія есть то, что къ сему игумену писано Кирилломъ предшествующее слово; но, какъ мы сказали выше, существующія данныя

---

[1]) Въ другихъ спискахъ оно надписывается «Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ и о мнишьствѣ и о души и о покояніи».

[2]) Сухомл. LIV sqq.

[3]) Напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Свв. Отцевъ, ч. X стр. 341. Въ спискѣ, съ котораго напечатано, надписывается: «Посланіе нѣкоего старца къ богоблаженному Василію архимандриту о скимѣ».

заставляютъ считать слово писаннымъ не къ нему. Посланіе есть отвѣтъ на Василіево посланіе къ автору, въ которомъ этотъ спрашивалъ о великомъ и святомъ образѣ схимы, желая въ него облечься. Отвѣчающій наставляетъ вопрошающаго — во-первыхъ, возложить на себя схиму только послѣ зрѣлаго и неспѣшнаго разсужденія, во-вторыхъ — сдѣлавъ это, вести себя достойно великаго принятаго образа.

Отъ Кирилла Туровскаго, который, какъ ораторъ и писатель въ настоящемъ смыслѣ образованный, представляетъ собою исключеніе, обращаемся къ тому, что не составляетъ въ нашемъ отдѣлѣ исключенія, т. е. къ словамъ и поученіямъ, которыя принадлежатъ къ естественному намъ роду письменности первобытной или къ словамъ и поученіямъ, которыя писаны не ораторами и писателями образованными, а слагателями такими же только грамотными, какъ всѣ наши писатели періода до-монгольскаго,— по правилу.

Слагать слова и поученія и нравоучительныя статьи, имѣющія форму тѣхъ и другихъ, для человѣка только грамотнаго есть дѣло весьма трудное. Слово и поученіе не историческій разсказъ, гдѣ и общій планъ дается самой исторіей событія и въ частностяхъ остается только разсказывать бывшее; здѣсь въ общемъ и въ частностяхъ нужно въ собственномъ смыслѣ слова сочинять. Для человѣка только грамотнаго, не учившагося сочинять школьнымъ образомъ, искусство это, какъ извѣстно, есть искусство величайшей трудности, ибо и логика и слово совсѣмъ ему не повинуются. Весьма естественно поэтому, что періодъ до-монгольскій представляетъ намъ весьма немного словъ и поученій или имѣющихъ ихъ форму нравоучительныхъ статей. Собственно говоря, мы весьма мало въ нихъ и нуждались. У насъ была весьма богатая относительно нравоучительная литература, въ видѣ церковныхъ словъ и въ видѣ спеціальныхъ сочиненій, въ переводахъ съ греческаго. Единственное, что въ этомъ родѣ дѣйствительно требовалось, — это обличительныя слова или статьи противъ пороковъ, спеціально бывшихъ свойственными до-монгольскому русскому обществу. Были однако у насъ немногіе люди, которые ознаменовали себя и въ семъ родѣ писательства.

По хронологическому порядку первое мѣсто занимаетъ здѣсь епископъ Новгородскій Лука Жидята, замѣчательный тѣмъ, что онъ есть и вообще или самый первый или, по крайней мѣрѣ, второй (послѣ митрополита Иларіона) нашъ писатель.

Лука былъ поставленъ въ епископы по избранію Ярослава въ 1036 г. Въ 1055 году онъ былъ оклеветанъ своими холопами предъ митрополитомъ, вслѣдствіе чего былъ вызванъ въ Кіевъ, гдѣ содержался въ заключеніи три года. Оправдавшись затѣмъ, бывъ освобожденъ и возвращенъ на каѳедру, онъ умеръ послѣ 23-лѣтняго правленія въ 1058 или въ 1059 году.

Епископъ Лука ознаменовалъ свою писательскую дѣятельность чрезвычайно немногимъ, онъ оставилъ послѣ себя и всего одно нравоучительное сочиненіе, имѣющее размѣры самаго краткаго поученія [1]). Сочиненіе это, въ дошедшихъ до насъ спискахъ имѣющее надписаніе поученія, обыкновенно принимается за дѣйствительное поученіе, сказанное въ церкви. Но если бы это было такъ, то оно возбуждало бы не легко разрѣшимыя недоумѣнія. Если епископъ Лука имѣлъ способность и охоту слагать и сказывать поученія, то почему онъ ограничился только однимъ? Если онъ не имѣлъ къ сему ни способности ни охоты, то кто заставлялъ его писать и это одно? Такія недоумѣнія заставляютъ думать, что поученіе епископа Луки не есть обыкновенное поученіе, а что-то другое. Всего вѣроятнѣе видѣть въ немъ поучительное посланіе къ паствѣ или поученіе, адресованное къ ней письменно при случаѣ какого-то разлученія съ нею, — временнаго или вѣчнаго. Нѣтъ никакого препятствія разумѣть и послѣдній случай, т. е. видѣть въ поученіи Луки его предсмертное завѣщаніе, обращенное къ паствѣ. Но намъ представляется болѣе вѣроятнымъ разумѣть одинъ изъ первыхъ случаевъ. Мы сказали выше, что въ 1055 г. Лука по оклеветаніи своихъ холоповъ былъ вызванъ въ Кіевъ къ митрополиту: представляется намъ вѣроятнымъ думать, что именно при семъ случаѣ и было адресовано имъ наше поученіе къ своей паствѣ. Что во всякомъ случаѣ оно не есть обыкновенное поученіе, сказанное въ церкви, а именно поученіе, написанное къ паствѣ при какомъ-то особенномъ случаѣ, это подтверждается и имъ самимъ. Въ его заключеніи сказано: «Богъ же мира со всѣми вами», — эти слова прощанія, нисколько неумѣстныя въ обыкновенномъ поученіи, могутъ идти именно только къ указанному нами письменному поученію по особенному случаю. Мы сказали, что поученіе въ дошедшихъ до насъ спискахъ надписывается поученіемъ, но оно надписывается не просто поученіемъ, но поученіемъ къ братіи — «поученіе епископа Луки къ братіи». Это прибавленіе «къ братіи» также даетъ знать, что его нужно разумѣть не какъ обыкновенное поученіе, сказанное въ церкви, а какъ поученіе болѣе общее, обращенное ко всей паствѣ.

Если смотрѣть на поученіе епископа Луки, камъ мы на него смотримъ, то очень можетъ быть, что оно сочинено не имъ самимъ, а по его приказанію и отъ его лица кѣмъ нибудь другимъ. Какъ бы то ни было, поученіе, какъ мы сказали, весьма необширное, представляетъ собою рядъ краткихъ и общихъ наставленій въ вѣрѣ и добромъ поведеніи христіанскомъ. «Се братіе, — начинается оно, — первѣе всего сію заповѣдь извѣстно должны есмы вси крестіане держаши — вѣровати въ единъ Богъ,

---

1) Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I стр. 7. По новому списку, представляющему нѣкоторыя отличія, преосв. Макаріемъ въ Исторіи, т. I, изд. 2 стр. 278.

въ троици славимъ — въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили апостоли, святіи отцы утвердиша: Вѣрую въ единаго Бога до конца. Вѣруйте же ми крѣсенію [1]) и жизни вѣчной и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не лѣнитеся къ церкви ходити и на заутреню и на обѣдню и на вечерню. И въ своей клѣти, хотя спати, Богу поклонився, толико лязи...» [2]). Далѣе о надлежащемъ стояніи въ церкви, о любви къ ближнимъ, о несваженіи, о несужденіи другихъ, о милосердіи къ страннымъ и темничнымъ и къ своимъ сиротамъ т. е. къ рабамъ, о ненасмѣханіи и ненаруганіяхъ надъ другими и воздержаніи отъ гнѣва, срамословія и бранчивости, о смиреніи и кротости, о почитаніи старыхъ людей и родителей своихъ, о неупотребленіи клятвы и проклятій, о правомъ судѣ, о почитаніи князя, іерея и всѣхъ слугъ церковныхъ и рабами о почитаніи господъ. Конецъ поученія: «не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ не буди, не ненавиди, не завиди, не клевечи, бляди не твори ни съ рабою ни кимъ же, не пій безъ года [3]), но здоволъ, а не до піанства; не буди гнѣвливъ, ни напрасливъ буди, съ радующимися радуйся, съ печальными печаленъ; не ядите скверна, святая дни чтите. Богъ же мира со всѣми вами. Аминь» [4]).

Второй и вмѣстѣ послѣдній извѣстный по имени писатель нравоучительнаго отдѣла изъ группы писателей только грамотныхъ или писателей самоучекъ есть преп. Ѳеодосій Печерскій.

Первый таковой писатель, епископъ Лука, ознаменовалъ свою писательскую дѣятельность чрезвычайно немногимъ, и есть писатель болѣе случайный, чѣмъ намѣренный. Преподобный Ѳеодосій, само по себѣ написавшій также не особенно много, въ сравненіи съ Лукою, можно сказать, написалъ много и есть писатель не случайный, а намѣренный. Онъ сложилъ нѣсколько краткихъ нравоучительныхъ писаній или поученій отчасти въ назиданіе братіи своего монастыря, отчасти въ назиданіе всѣхъ православныхъ христіанъ.

Какъ истинный игуменъ истиннаго монастыря, преп. Ѳеодосій долженъ былъ сознавать и стараться исполнять свою обязанность непрестанно поучать находившуюся подъ его духовнымъ руководствомъ братію. Но эта обязанность непрестаннаго устнаго поученія не налагала на него обязанности стать для своей братіи писателемъ. Мы полагаемъ, что преп. Ѳеодосій хотѣлъ быть таковымъ, желая вполнѣ уподобиться своему идеалу — преп. Ѳеодору Студиту. Этотъ послѣдній написалъ для монаховъ своего монастыря или для своихъ учениковъ весьма длинный рядъ поученій, кото-

---

1) Т. е. воскресенію.

2) Т. е. и въ своемъ домѣ ложись спать, только помолившись напередъ Богу.

3) Т. е. безъ времени.

4) Въ спискѣ преосв. Макарія поученіе надписано: «Слово поученіе ерусалимьское».

рый представляетъ собой цѣлую, болѣе или менѣе полную и законченную, систему нравоученія и который, какъ одно цѣлое, носитъ общее имя Катихизиса или оглашенія. [1]) Преп. Ѳеодосій не въ состояніи былъ сдѣлать чего нибудь подобнаго и, заявляя свою ревность, сдѣлалъ то, что могъ и что было ему по силамъ. Въ настоящее время изъ его поученія къ монахамъ извѣстны — пять, дошедшія до насъ въ полномъ и подлинномъ своемъ видѣ, и два — дошедшія въ отрывкахъ и въ чужой, слѣдовательно можетъ имѣть болѣе или менѣе вольный, передачѣ [2]). Содержаніе поученій, излагать которое подробно не представляется нужды, есть слѣдующее: во-первыхъ, увѣщаніе къ добродѣтелямъ и подвигамъ — къ самоотверженной и дѣятельной любви къ Богу, къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ монашескихъ, къ возненавидѣнію міра и всего, что въ немъ, и къ непрестанному покаянію, къ прогнанію злыхъ помысловъ и къ достойному провожденію великаго поста; во-вторыхъ, дисциплинарныя наставленія, именно — наставленіе о хожденіи въ церковь и о поведеніи во время пребыванія въ ней; въ-третьихъ, обличенія къ братіи и именно, во-первыхъ — за ихъ ропотъ на то, что онъ — Ѳеодосій, часто не хотѣлъ постригать въ монахи и удалялъ изъ монастыря тѣхъ, которые оказывались въ искусѣ слабыми и нерадивыми и что онъ принималъ въ монастырь на его содерженіе странниковъ и бѣдныхъ, во-вторыхъ — за недостатокъ покоренія и смиренія, за лѣность о хожденіи въ церковь на службы и вообще за нерадѣніе о своемъ спасеніи и за необращеніе къ нему — игумену для духовныхъ совѣтовъ. Ка двумъ послѣднимъ отдѣламъ мы возвратимся, когда будемъ говорить о нашемъ монашествѣ въ періодъ до-монгольскій. Есть основанія полагать, что поученій къ братіи преп. Ѳеодосіемъ написано было болѣе, нежели сколько извѣстно въ настоящее время [3]), но всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть предполагаемо слишкомъ большимъ и во всякомъ случаѣ нужно о нихъ думать, что они не представляли собой по содержанію чего нибудь полнаго цѣлаго, подобно поученіямъ Ѳеодора Студита, а были только, такъ сказать, отрывочнымъ и не конченнымъ нѣчто, что ими не достигалась вполнѣ какая нибудь цѣль, а собственно свидѣтельствовалось усердіе къ посильному исполненію своихъ обязанностей со стороны ихъ автора [1]).

---

[1]) Fabricii Bibliotheca Graeca ed. Harles, X, 434 sqq.

[2]) Всѣ поученія преп. Ѳеодосія — полныя и въ отрывкахъ напечатаны преосв. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II вып. 2, первыя пять — стрр. 203 — 213, вторыя два стрр. 200 — 203 (преосв. Макарій принимаетъ четыре отрывка, но мы не кладемъ въ счетъ двухъ первыхъ отрывковъ изъ житія, слишкомъ незначительныхъ).

[3]) См. Востокова въ Описан. Румянц. Музея, стр. 615 col. I.

[4]) Изъ пяти полныхъ поученій преп. Ѳеодосія къ монахамъ четыре имѣютъ довольно однообразное надписаніе — два о терпѣніи и о любви, одно о тер-

Истинный монахъ не можетъ не имѣть желанія и ревности поучать мірянъ, ибо онъ есть по отношенію къ послѣднимъ какъ бы нарочито поставленный учитель благочестія. Побуждаемый этими желаніемъ и ревностію, преп. Ѳеодосій писалъ поученія, обращенныя ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Въ настоящее время пока извѣстно такихъ поученій два [1]). Ни то ни другое изъ нихъ не посвящено какой нибудь одной матеріи, съ претензіями на сочиненіе, составленное по правиламъ искусства и пытающагося обстоятельно раскрывать взятый предметъ, но какъ одно такъ и другое представляетъ цѣлый рядъ съ безъискуственною простотой предлагаемыхъ наставленій—вразумляющихъ, обличающихъ, научающихъ. Отличительная черта обоихъ поученій есть та, что они не состоятъ изъ общихъ мѣстъ, а прямо касаются современныхъ Русскихъ людей; это показываетъ, что онѣ написаны не столько по побужденіямъ авторства, сколько изъ дѣйствительнаго желанія принести пользу. Довольно значительная часть перваго поученія, которое едва ли не написано по случаю какого нибудь особеннаго бѣдствія, постигшаго Русь, посвѣщена рѣчи о казняхъ, посылаемыхъ свыше на земли и народы, отъ чего и все поученіе надписывается въ спискахъ поученіемъ о казняхъ Божіихъ. Сказавъ и показавъ, что казни эти, именно—болѣзни, голодъ, бездождіе, нашествіе иноплеменниковъ, междуусобныя войны, посылаются Богомъ за грѣхи людей, онъ обличаетъ въ послѣднихъ современныхъ ему Русскихъ и призываетъ ихъ къ покоянію. Далѣе въ поученіи слѣдуютъ: обличеніе современникамъ за языческія суевѣрія и языческіе обычаи, которыхъ они продолжали держаться, и за всѣ непотребныя дѣла, которыми обольщаетъ насъ діаволъ; обличеніе за худое стояніе въ храмѣ съ увѣщаніемъ стоять благоговѣйно и приходить въ церковь съ очищеннымъ сердцемъ; наставленіе о соблюденіи постовъ не только тѣлесномъ, но и духовномъ; наконецъ, сильное обличеніе пребывающимъ въ пьянствѣ съ показаніемъ, какъ оно противно Богу и какъ угодно діаволу.

Во второмъ поученіи преп. Ѳеодосій преподаетъ наставленія относительно того, что обѣду и всякой трапезѣ двѣ молитвы, что кутью уставлено святить въ честь святымъ [2]) и за упокой, но не во оставленіе грѣховъ, что обѣда и ужина святить за упокой не установлено [3]), что въ алтарь не должно вносить ничего снѣднаго, кромѣ просфиры, ладана и свѣчи; за тѣмъ болѣе пространно говоритъ о лѣпомъ и честномъ

пѣніи и милостынѣ и одно о терпѣніи и о смиреніи. Не указываетъ-ли это на что нибудь?

[1]) Напечатаны преосв. Макаріемъ тамъ же, стр. 193 — 200; одно изъ нихъ съ значительною вставкою еще въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3 стр. 256.

[2]) Объясненіе сего послѣ въ отдѣлѣ о богослуженіи.

[3]) Т. е. что не положено обязательныхъ и какъ бы священныхъ обѣдовъ и ужиновъ въ память покойниковъ.

сидѣніи за столомъ во время обѣда, безъ пустошныхъ словъ, безъ смѣха. и кощуновъ и пр. [1]), и наконецъ всего пространнѣе о пьянствѣ. Наши пьяницы ухитрялись обращать въ свою пользу благочестіе. На Русь перенесенъ былъ изъ Греціи обычай пить на торжественныхъ и праздничныхъ обѣдахъ чаши Спасителя, Божіей Матери и святыхъ празднуемыхъ съ произнесеніемъ передъ ними тропарей [2]): пьяницы, желая пить какъ можно болѣе этихъ чашъ, утверждали, что чѣмъ болѣе говорится тропарей, тѣмъ благочестивѣе. Преп. Ѳеодосій, желая положить предѣлы этому благочестивому пьянству, дѣлаетъ свой отеческій указъ относительно количества чашъ на обѣдахъ: «въ пиру говорить чашамъ тропарей только три — передъ началомъ обѣда славится Христосъ Богъ нашъ, передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, рождшая Христа Бога, а третья чаша князя, а больше не велимъ; если и поемые въ церкви при трезвомъ умѣ тропари не рождаютъ плача, то тропари, творимыя у питья, не плачъ рождаютъ, а грѣхъ и муку; говорить въ пиру многіе тропари уставили не Богу, но чреву работники, желая много пить». Большую и главную часть поученія составляетъ весьма сильное увѣщаніе и обличеніе, съ которыми преп. Ѳеодосій обращается къ тропарнымъ и безтропарнымъ пьяницамъ: «сами пытайте въ писаніи, что сказала Пресвятая Богородица Св. Василію [3]): «если хочешь — сказала она ему — быть моимъ любимымъ другомъ и имѣть меня заступницей и скоропослушницей во всѣхъ бѣдахъ, откажись отъ многаго питья, а если будешь приносить молитвы пьяный, то не только не будешь услышанъ, но и болѣе разгнѣваешь Бога». Кто упоитъ другаго насильно, да постится 7 дней, а если упоенный блюетъ, да постится 40 дней [4]). Много объ этомъ пишется въ правилахъ, но умнымъ и сказаннаго довольно, а неумные не повѣрятъ, хотя бы имъ повѣдать сказанія книгъ всего міра. Если писанію не вѣрите, имѣйте вѣру дѣламъ своимъ: когда напивающіеся до пьяна съ тропарями — одни ползаютъ на колѣнахъ, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, а другіе валяются въ калѣ и блюютъ готовые

---

[1]) Сіе по списку Правосл. Собесѣдн.

[2]) См. Дюканжа Glossar. Graecit. подъ словами Παναγία и Πρεσβεία и Рейскія Комментаріи къ Порфирог. De ceremm. aulae Byzant. lib. II cap. 16, not. 45, у Миня въ Патр. t. 112 p. 1122. Обычай этотъ, бывшій еще у язычниковъ Грековъ и Римлянъ, можетъ быть былъ и у языкниковъ Русскихъ; по крайней мѣрѣ онъ былъ у Хазаръ, см. въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи Константина философа о пребываніи послѣдняго въ Хазаріи: «Каганъ же, вземъ чашу, рече: пію во имя Бога единаго»... Обстоятельнѣе скажемъ о семъ обычаѣ послѣ, когда будемъ говорить вообще о христіанскихъ обычаяхъ.

[3]) Василію Новому (26 Марта), тому самому, изъ житія котораго повѣсть о мытарствахъ.

[4]) У Кирика «да постится 40 дней упившійся», cfr Іоанна Постника, — у Ралли и П. IV, 445.

испустить духъ [1]), въ ругательство и посмѣхъ давъ себя и хранителя души своей ангела отгнавъ отъ себя, то многіе тропари, которые они говорили надъ чашами, избавятъ ли отъ бѣды той самохотно бѣсящихся? Бѣсноватый страдаетъ не по своей волѣ и онъ получитъ (за свое страданіе) царство небесное, а пьяный, страдая по собственной волѣ, добудетъ себѣ вѣчную муку: священникъ, пришедъ къ бѣсноватому и сотворивъ молитву, прогонитъ бѣса, а къ пьяному, еслибы и со всей земли собрались священники, то не прогонятъ самовольнаго бѣса запойства злаго. И поэтому-то святые отцы положили въ уставныхъ книгахъ не каждый день говорить въ церкви тропари, а только въ нарочитые праздники». Это поученіе преп. Ѳеодосія показываетъ, что онъ имѣлъ даръ общедоступнаго ученія и что имѣй онъ нѣкоторое образованіе и вмѣстѣ съ симъ большія свободу и умѣніе обращаться съ письменнымъ словомъ, онъ могъ бы писать очень хорошія, что̀ называется, простонародныя поученія, т. е. именно тѣ самыя поученія, въ которыхъ нуждалось все тогдашнее Русское общество [2]).

---

1) У преосв. Макарія «хочетъ ся пересѣсти, въ Правосл. Собесѣд. «издохнути хощутъ».

2) Въ недавнее время заявлено рѣшительное сомнѣніе въ принадлежности двухъ нашихъ поученій къ мірянамъ преп. Ѳеодосію Печерскому; но мы пока не можемъ присоединиться къ числу сомнѣвающихся. Значительная часть перваго поученія, — о казняхъ Божіихъ, читается въ лѣтописи подъ 1068 г.; слѣдовательно — могло быть, что оно написано Ѳеодосіемъ и изъ него взято лѣтописцемъ, и наоборотъ, что оно написано лѣтописцемъ, и бывъ взято у него неизвѣстнымъ въ нѣсколько дополненномъ видѣ, усвоено преп. Ѳеодосію. Поученіе не представляетъ собою самостоятельно русскаго произведенія, а составлено по греческому источнику, который есть «слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ», усвояемое Златоустому и читаемое въ Златоструѣ Симеоновомъ (Нач. «Братіе, тяготу грѣховную», см. ниже въ библіографич. обзорѣ, въ указателѣ), и такъ какъ изъ сравненія поученія съ словомъ оказывается, что оно сохранилось въ болѣе древнемъ видѣ въ лѣтописи, нежели читаемое отдѣльно, то изъ сего слѣдуетъ, что не лѣтописецъ взялъ у Ѳеодосія, а неизвѣстный кто-то у лѣтописца (*И. И. Срезневскаго:* Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, I — XL, Спб. 1867, вып. 3 стр. 34, также *А. Вадковскаго* статья: Такъ называемыя поученія Ѳеодосія Печерскаго къ народу русскому, въ Правосл. Собесѣдн. 1876 г., ч. 3 стр. 277). Но намъ думается, что не можетъ быть признано доказаннымъ то, чтобы въ лѣтописи поученіе было въ болѣе древнемъ видѣ, нежели читаемое отдѣльно. Второе поученіе во многихъ спискахъ надписывается поученіемъ святаго или священномученика Панкратія, подъ которымъ долженъ быть разумѣемъ священномученикъ Панкратій, епископъ Тавроменійскій, ученикъ ап. Петра (Вадковск. стр. 296). Но если единогласное свидѣтельство многихъ рукописей нисколько не говоритъ за то, чтобы поученіе дѣйствительно принадлежало священномученику Панкратію, то нисколько не говоритъ и противъ того, чтобы оно принадлежало Ѳеодосію. Оно говоритъ только, что въ Измарагдѣ, въ спискахъ котораго слово усвояется Панкратію,

Кириллъ Туровскій, Лука Жидята и преп. Өеодосій Печерскій суть единственные изъ до-монгольскаго періода, извѣстные въ настоящее время по именамъ, писатели словъ и поученій въ собственномъ и не собственномъ смыслѣ. Весьма возможно, что были и другіе, подобные Кириллу, исключительные ораторы, т. е. ораторы, получившіе такъ же какъ онъ, настоящее образованіе; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что были не исключительные, подобные двумъ вторымъ, слагатели словъ и поученій съ образованіемъ, состоявшимъ изъ одной грамотности [1]). Мы сказали выше, что число этихъ послѣднихъ не должно быть представляемо слишкомъ большимъ, такъ какъ писательство въ настоящемъ родѣ, о которомъ говоримъ, есть вещь весьма трудная для человѣка только грамотнаго. Полагаемъ однако, что къ сказанному должна быть сдѣлана оговорка. Слагателей словъ и поученій сколько нибудь самостоятельныхъ, сколько нибудь такихъ, которые бы имѣли дѣйствительное право и претензію на имя сочинителей, нѣтъ сомнѣнія, было немного. Но затѣмъ оставался еще особый родъ сочинительства — компиляція, нѣкоторая передѣлка словъ греческихъ или составленіе новыхъ словъ посредствомъ выбора изъ нихъ, съ небольшимъ въ томъ и другомъ случаѣ прибавленіемъ собственнаго авторства. Думаемъ, что количество этого особаго рода сочинителей должно быть предполагаемо наоборотъ болѣе или менѣе значительнымъ.

Изъ безъименныхъ или принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ словъ и поученій въ настоящее время извѣстны изъ періода до-монгольскаго или съ вѣроятностію къ нему относятся:

1. Слово въ субботу сыропустную, (егда) память творимъ святыхъ отецъ. Послѣ исчисленія прославленныхъ подвижниками мѣстъ Египта, Сиріи и Греціи авторъ называетъ «и новопросіявшую въ Руси Печеру». Послѣ святыхъ греческихъ прославляетъ Антонія, начальника блаженному житію въ Руси, наченшаго великую Лавру, и Өеодосія, по немъ ее создавшаго, и ублажаетъ съ мучениками князя-инока Игоря Олеговича.

оно усвоено послѣднему давно и что позднѣйшіе многіе списки просто повторяютъ древнѣйшій (а предположеніе, какимъ образомъ могло случиться, что слово усвоено Панкратію, см. въ Опис. Сунодд. ркпп. Горск. и Невостр. Отд. II ч. 3, № 230 л. 194, стр. 67 fin.). — Преп. Өеодосію усвояется еще рукописями и новыми изслѣдователями Посланіе къ вел. кн. Изяславу Ярославичу о вѣрѣ варяжской или латинской. Но по нашему рѣшительному мнѣнію оно принадлежитъ Өеодосію не Печерскому, а значительно позднѣйшему, и писано не къ Изяславу, а къ другому князю, см. ниже въ писателяхъ Грековъ.

[1]) Мы раздѣляемъ писателей нравоучительнаго отдѣла на двѣ категоріи — на получившихъ настоящее образованіе и на неполучившихъ его. Подозрѣваемъ, что при большей разработкѣ памятниковъ они будутъ еще раздѣлены на писателей изъ духовныхъ и на писателей изъ свѣтскихъ и что между тѣми и другими окажется значительное различіе.

невинно убитаго Кіевлянами въ 1147 г. Въ заключеніе авторъ обращается съ краткимъ и не особенно хитрымъ нравственнымъ увѣщаніемъ къ князьямъ, княгинямъ и къ убогимъ или вообще ко всѣмъ [1]).

2. Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ, въ которомъ Русская земля называется новопросвѣщенною и въ которомъ прославляются русскіе святые — мученики Борисъ и Глѣбъ и святый игуменъ Печерный Ѳеодосій, русскихъ черноризецъ старѣйшина [2]).

3. Слово похвальное св. Клименту Римскому, сказанное по случаю обновленія неизвѣстнымъ княземъ и въ неизвѣстномъ году Кіевской Десятинной церкви, въ которой находились мощи святаго, принесенныя Владиміромъ изъ Корсуни. Сколько можемъ судить по извѣстному намъ, не особенно большему, отрывку, слово очень хорошее и очень ораторское, дающее подозрѣвать въ авторѣ настоящаго оратора, въ родѣ Кирилла Туровскаго [3]).

4. Поученіе на день памяти святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, говоренное, какъ кажется, въ Черниговѣ или одномъ изъ городовъ Черниговской области, относящееся ко второй половинѣ XII в. и состоящее изъ довольно краткаго, но рѣзкаго обличенія князьямъ за ихъ междусобія и за непокореніе младшихъ между ними старшимъ [4]).

5. Съ большою вѣроятностію относятъ къ періоду до-монгольскому 12 словъ на Господскіе праздники съ предпразнствами, которыя, представляя изъ себя одно цѣлое и по всей вѣроятности принадлежа перу одного автора, читаются въ нѣкоторыхъ древнихъ Прологахъ. Слова суть весьма краткія и простыя поученія, которыя отчасти говорятъ о зна-

---

1) Румянцевск. Сборникъ № 406 л. 22, у Востoк. стр. 611 col. 1. Слово принадлежитъ какъ будто епископу, ибо авторъ обращается къ слушателямъ или читателямъ: «молю вы, людіе мои, стадо Христово... сего глаголю вамъ сыномъ своимъ». Но по всей вѣроятности оно не принадлежитъ митрополиту Клименту Смолятичу, которому усвояетъ его преосв. Филаретъ (Обзора § 30), ибо о Кіевлянахъ говорится какъ о постороннихъ и имъ угрожается за ихъ поступокъ съ Игоремъ вѣчными муками.

2) Въ томъ же Румянц. Сборн. № 406, л. 245 об., у Востoк. стр. 620 col. 2.

3) См. о семъ словѣ у преосв. Макарія въ Исторіи, ч. 3 изд. 2 стр. 215 sqq.

4) О словѣ этомъ и выдержки изъ него въ Москвитянинѣ 1843 г. ч. VI стр. 413 и въ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи Погодина, т. VII стр. 406. Хотя слово и написано такъ, какъ будто говорено было въ церкви: «еюже днесь убіеніа празднуемъ», но мы полагаемъ, что на самомъ дѣлѣ оно написано для чтенія, но не было говорено. Слово обращается къ самимъ обличаемымъ князьямъ: «слышите князи, противящеся старѣйшей братьи...», но обличать князей въ лицо и съ безцеремонной рѣзкостью едва ли бы рѣшился какой проповѣдникъ. Что слово написано въ Черниговѣ или въ Черниговской области, слѣдуетъ заключать изъ того, что берутся примѣры изъ исторіи Черниговскаго княженія.

ченіи праздниковъ, отчасти предлагаютъ нравоученіе слушателямъ, заимствованное отъ сего значенія [1]).

6. Съ не меньшею вѣроятностію относятъ къ тому же періоду 8 словъ на недѣли Постной Тріоди, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая пятой недѣлей великаго поста. Слова эти, подобно предшествующимъ, представляютъ собою простыя поученія, но не весьма краткія, а довольно значительныя по объему, отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи отцовъ хорошо составленныя и хорошо отдѣланныя и вообще въ своемъ родѣ принадлежащія къ памятникамъ нашей литературы вовсе не худымъ и вовсе не послѣднимъ [2]).

---

1) О сихъ словахъ см. преосв. Макарія Исторіи т. 3., изд. 2 стр. 211 sqq. На праздники семь словъ, именно — на Рождество Богородицы, Воздвиженіе Креста, Покровъ Богородицы, Зачатіе Богородицы, Рождество Христово, Крещеніе и Срѣтеніе; на предпразнства пять—двухъ первыхъ и трехъ послѣднихъ праздниковъ. Если будетъ доказано, что праздникъ Покрова установленъ уже послѣ нашествія Монголовъ, то конечно вмѣстѣ съ симъ нужно будетъ перемѣнить мнѣніе и о времени появленія словъ.

2) О сихъ словахъ см. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Свв. Отцевъ, ч. XVII, статью покойнаго А. В. Горскаго: О древнихъ словахъ на святую Четыредесятницу.

Преосвящ. Макарій усвояетъ мниху Іакову, о которомъ мы говорили выше какъ объ авторѣ Похвалы Владиміру и сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, читаемое въ двухъ рукописяхъ Румянцевскаго Музея (№№ 233 и 234) посланіе черица Іакова къ Божію слузѣ Димитрію, который въ одномъ изъ списковъ называется великимъ княземъ и котораго онъ — преосв. Макарій, считаетъ за Изяслава Ярославича (Исторіи т. 2 изд. 2 стр. 156, самое посланіе напечатано ibid. стр. 339). Что посланіе по языку очень древнее, это ясно, хотя и нельзя рѣшить, періода домонгольскаго или послѣдующаго времени. Чтобы посланіе писано было къ князю, признаковъ на это въ немъ нѣтъ и скорѣе есть основаніе думать противное. Что посланіе принадлежитъ мниху Іакову, хотя писано и не къ Изяславу Ярославичу, полагать это можно, но утверждать положительно пока нѣтъ никакихъ основаній. Чернецъ Іаковъ написалъ къ Божію слузѣ Димитрію свое посланіе въ отвѣтъ на посланіе сего послѣдняго, въ которомъ онъ смиренно и жалостно просилъ прощенія за какое-то нанесенное оскорбленіе. Подавая это прощеніе, Іаковъ увѣщеваетъ Димитрія воздерживаться отъ запойства, отъ блуда, при чемъ говоритъ о льсти блудницъ и вообще женщинъ, и отъ грѣха чрезъестественнаго, учитъ терпѣнію, любви къ ближнимъ и ко врагамъ и милости, напоминаетъ о неизвѣстности часа смертнаго, объ ожидающемъ насъ судѣ и огненномъ искушеніи нашихъ дѣлъ. — Преосвящ. Филаретъ относитъ къ періоду домонгольскому и усвояетъ митрополиту Кириллу 1-му (Обзоръ § 48) нравоучительную статью, надписанную: «На поученіе ко всѣмъ крестьянамъ» и читаемую въ Златой Чѣпи XIV в. Троицкой Лавры (напечатана въ Москвитянинѣ 1851 г., кн. 2 стрр. 119—134). Но въ другихъ спискахъ статья эта въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, а именно безъ своей послѣдней трети, усвояется владыкѣ Сарскому Матөею, котораго и считаетъ дѣйствительнымъ ея авторомъ преосв. Макарій (Исторіи т. V стрр. 161 fin. и 414 sqq) Мы съ своей стороны склоняемся къ тому, чтобы относить статью къ періоду

Выше мы сказали, что единственный предметъ, который послѣ имѣвшихся въ славянскомъ переводѣ греческихъ нравоучительныхъ словъ и специальныхъ нравоучительныхъ сочиненій, дѣйствительно требовалъ со стороны русскихъ учителей ихъ собственныхъ поученій, это — остатки язычества и языческихъ суевѣрій среди русскихъ христіанъ. Но сихъ-то поученій, дѣйствительно и особенно нужныхъ, какъ кажется, и писано было всего менѣе. Въ настоящее время ихъ извѣстно отъ стараго времени и всего три, а къ періоду до-монгольскому можетъ быть относимо одно. Поученіе

домонгольскому. Во-первыхъ, авторъ, говоря о монахахъ, что одного мы видимъ дѣлающаго то-то, другаго то-то, пишетъ: «другаго же (видимъ) работающа акы полонена», т. е. другаго видимъ работающаго (хозяйственныя работы) какъ раба-плѣнника. Но рабы плѣнники могли быть въ періодъ домонгольскій, когда Русскіе вели непрестанныя вейны съ Половцами и множество ихъ плѣнили; послѣ же имъ не откуда было браться. Во-вторыхъ, авторъ, имѣвъ случаи говорить объ игѣ Монгольскомъ (напр. въ главѣ о князѣхъ), ни единымъ словомъ не намекаетъ на него. Почему преосв. Филаретъ усвояетъ статью митр. Кириллу, мы рѣшительно не понимаемъ: въ ней нѣтъ совершенно никакого намека и указанія, чтобы она принадлежала митрополиту или епископу. Что касается до владыки Сарскаго Матѳѣя, то она могла быть усвоена ему или потому, что онъ адресовалъ ее въ видѣ посланія къ своей паствѣ, или просто по какому нибудь случайному недоразумѣнію. Статья сравнительно очень обширная и представляетъ собой цѣлое сочиненіе; она есть какъ бы краткая система всего нравственнаго богословія, со включеніемъ отчасти и мудрости житейской и добраго гражданства, — есть какъ бы русскій Соломонъ и Сирахъ и первообразъ Домостроя. Послѣ вступленія, въ которомъ говорится о вѣрѣ и о любви, статья раздѣляется на 17 главъ, названныхъ словами, именно: о постѣ, о сосѣдѣхъ (которыхъ не обижать), о епископѣ (чтить), о князѣхъ (покоряться и вѣрно служить), о друзьяхъ, о страхѣ (Божіемъ), о челяди, о женьнѣй смерти (о смерти первой жены и о томъ, чтобы второй женѣ не давать въ обиду дѣтей первой), о волхвахъ, о тайнѣ (быть съ нею осторожну), о снѣхъ (которымъ не вѣрить), о смиреніи, о храборствѣ (воиновъ на войнѣ), о рабѣхъ, о молитвѣ. Читаемое въ словѣ или главѣ о храборствѣ: «сыну! егда на рать со княземъ идеши, и ты со храбрыми напереди ѣзди, да и роду своему чести добудеши и собѣ добро имя» и пр. и нѣкоторое другое заставляетъ видѣть въ авторѣ не только не митрополита и не епископа, но и вообще лицо не духовное, а міряинна — новаго Даніила Заточеника, имѣющаго только надъ настоящимъ рѣшительное превосходство въ авторскомъ отношеніи. — Въ той же Златой Чѣпи читается: «Слово нѣкоего отца къ сыну своему» (напечатано въ Москвитянинѣ въ слѣдъ за предшествующей статьей); такъ какъ оно находится и въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г. (*Срезневскаго* Древніе памятники Русскаго письма и языка, стр. 142), то его, конечно, слѣдовало бы относить къ періоду домонгольскому, но о Сборникѣ говорятъ и слѣдуетъ думать, что онъ подозрителенъ (Срезневск. ibid. стр. 16 fin). Слово представляетъ собою духовное завѣщаніе или душевную грамоту нѣкоего отца своему сыну и содержитъ рядъ наставленій и увѣщаній жить благочестиво; въ наставленіяхъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, но по своимъ литературнымъ достоинствамъ слово принадлежитъ къ числу произведеній далеко не худыхъ, — написано замѣчательно складно и вмѣстѣ замѣчательно

это, надписанное: «Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ», во-первыхъ, указываетъ, какъ двоевѣрно живущіе христіане продолжаютъ вѣровать въ Перуна, Хорса, Мокошъ и прочихъ языческихъ боговъ, принося имъ требы и совершая имъ моленья, во-вторыхъ — обличаетъ поповъ и людей книжныхъ, которые или сами тоже дѣлаютъ или по крайней мѣрѣ не возбраняютъ дѣлающимъ и увѣщеваетъ тѣхъ и другихъ учить людей на добро, въ-третьихъ — обличаетъ бѣсовскія игры, «еже есть плясаніе, гуденье, пѣсни мірскія» [1]). Авторъ поученія, не особенно пространнаго, обличаетъ и наставляетъ не столько собственными рѣчами, сколько самимъ Словомъ Божіимъ и преимущественно учителемъ христіанъ изъ язычниковъ апостоломъ Павломъ [2]).

остоумно; относится ли оно къ періоду домонгольскому, пока сказать ничего не можетъ (а равнымъ образомъ и того, насколько оно есть произведеніе самостоятельное, а не простой выборъ, что при оцѣнкѣ произведеній подобнаго рода есть главный вопросъ). — Едва ли не должно быть относимо къ періоду домонгольскому Слово Іоанна Златоустаго, обращенное къ тѣмъ, которые только слытьемъ суть крестьяни и обличающее вообще плохое христіанство, а преимущественно скоморошество и бѣсовскія игры (напечатано Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ Русской литературы и древностей, т. IV, смѣси стр. 110), ибо въ словѣ этомъ «бесѣда» употребляется въ своемъ весьма древнемъ значеніи городской площади. — Знаемъ по указаніямъ «Слово о любви Климово» (Срезневск. ibid. стр. 31), но принадлежитъ ли оно митрополиту Клименту Смолятичу, это составляетъ для насъ вопросъ. — Извѣстно поученіе, «грѣшнаго Георгія черноризца Зарубскія пещеры», писанное къ одному духовному сыну и очень можетъ принадлежащее періоду до̀монгольскому (Записокъ Академіи Наукъ т. VII кн. II стр. 160); оно замѣчательно не какъ памятникъ духовной литературы, а во-первыхъ — тѣмъ, что писано не книжнымъ, а говорнымъ языкомъ (думаемъ, что въ этомъ отношеніи оно даже весьма замѣчательно), а во-вторыхъ тѣмъ, что какъ будто указываетъ нѣкоторыя черты нравовъ, къ рѣчи о чемъ возвратимся много послѣ. — Покойный А. В. Горскій въ своемъ Описаніи Сvнодальныхъ рукописей (вмѣстѣ съ Невоструевымъ) указываетъ нѣсколько древнихъ русскихъ поученій: № 231 л. 257 об., № 321 л. 157 об. sqq.

1) По двумъ спискамъ напечатано Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ Русской литературы и древностей, т. IV, Смѣсь стр. 87 sqq. Лучшій списокъ въ Златой Чѣпи Троицкой Лавры № 11. Возбуждаетъ недоумѣніе начало слова: «Яко Илія Ѳезвитянинъ, заклавый іерея и жерцѣ идольскія числомъ яко до три сотъ и рече: ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ моемъ Вседержили, тако и съи (сей) не мога терпѣти христіанъ двоевѣрно живущихъ»... Кто этотъ сей, на котораго указываетъ авторъ, если только тутъ говоритъ онъ, а не позднѣйшій кто нибудь, у кого не впопадъ почесалась рука сдѣлать поправку?

2) Между мѣстами изъ котораго читается и сіе апокрифическое: «Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ, распростертъ надъ всѣмъ міромъ и вопросихъ глаголя: Господи что се есть, и рече ми: се есть молитва человѣка смѣшена съ беззаконіемъ».

Другія поученія: 1) Слово святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константина града, о томъ, како первое поганіи вѣровали въ идолы и требы имъ клали и именами имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творятъ, и

3) *Путешествія ко святымъ мѣстамъ.*

Пропуская отдѣлъ сочиненій каноническихъ, которыя мы указали выше въ главѣ объ управленіи, обращаемся къ описаніямъ путешествій ко святымъ мѣстамъ.

Описаній этихъ изъ періода до-монгольскаго мы имѣемъ два — Паломникъ Іерусалимскій игумена Даніила и Паломникъ Константинопольскій архіепископа Новгородскаго Антонія [1]).

Біографическихъ свѣдѣній объ игуменѣ Даніилѣ пока мы не имѣемъ никакихъ. Въ своемъ Паломникѣ онъ дѣлаетъ два указанія на мѣстность, гдѣ должно полагать его родину. Во-первыхъ, описывая Іорданъ (гл. VI), онъ говоритъ, что святая рѣка всѣмъ похожа на рѣку русскую Сновъ— и шириной и глубиной и излучистостью теченія и берегами. А рѣка Сновъ течетъ въ сѣверо-западной части Черниговской губерніи, выходя изъ-подъ

въ крестьянствѣ суще, а не вѣдаютъ, что есть крестьянство, Нач. Апостолъ Павелъ рече, имже разумѣвше Бога (напечатано Тихонравовымъ тамъ же стр. 107). Думаемъ, что это Слово есть переводъ съ греческаго и что въ немъ русскаго только вставка: «А друзіи Перуну, Хорсу, Виламъ — забывше Бога, сотворившаго небо и землю, моря, рѣки и источники», въ которой весьма кратко обличаются или собсвенно просто указываются моленія и жертвы двоевѣрныхъ Русскихъ богамъ языческимъ и суевѣрныя дѣйствія. 2) Слово святаго Григорія, изобрѣтено въ толцѣхъ, о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали, то и нынѣ творять (у Тихонравова тамъ же стр. 96). Слово это представляетъ собой передѣлку части слова Григорія Богослова на Богоявленіе: Паки Іисусъ мой, паки таинство. Въ отношеніи къ «Словеньскому языку» въ немъ тоже, что въ предъидущемъ. Отчасти еще принадлежитъ сюда Слово Ісаія пророка, истолковано святымъ Іоанномъ Златоустомъ: о постовляющихъ вторую трапезу роду и рожаницамъ (Волоколл. ркпп. № 435 л. 203 и № 521 л. 242, Сунодд. ркпп. по Описан. Горск. и Невостр. № 231 л. 195 об.), въ заглавіи котораго слова: о постовляющихъ и пр. суть позднѣйшая добавка или переправка вмѣсто чего нибудь стоявшаго другаго, которое представляетъ собой постишное толкованіе неизвѣстнаго на Ісаіи гл. 65 ст. 8 и слѣдд. ивъ которомъ по мѣстамъ сдѣланы краткія приписки о родѣ и рожаницахъ (иже служатъ Богу и волю Его творятъ, а не роду и рожаницамъ, кумиромъ суетнымъ... забывающе гору святую мою и готовающе трапезу роду и рожаницамъ и т. д.).

[1]) Первый напечатанъ Сахаровымъ въ Путешествіяхъ Русскихъ людей по святой землѣ, Спб. 1839 и въ Сказаніяхъ Русскаго народа, а потомъ отдѣльно и возможно удовлетворительно въ ученомъ отношеніи Археогр. Коммиссіей подъ редакціей покойнаго А. С. Норова: Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ въ началѣ XII вѣка, Спб. 1864. Второй изданъ г. Савваитовымъ (съ заслуживающимъ всевозможной похвалы комментаріемъ) подъ заглавіемъ: Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія. Спб. 1872.

Стародуба и впадая въ Десну немного выше Чернигова. Во-вторыхъ, сообщая о князьяхъ Русскихъ, которыхъ имена для поминовенія о здравіи онъ записалъ въ монастырѣ святаго Саввы (гл. XXII fin.), онъ называетъ вмѣстѣ съ бывшими въ его время главными князьями еще побочныхъ князей Полоцко-Минскихъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онъ находился къ этимъ князьямъ въ какомъ-то особомъ отношеніи. Такъ какъ сѣверо-западная часть нынѣшней губерніи Черниговской смежна съ древнимъ княжествомъ Полоцко-Минскимъ, то по сейчасъ приведеннымъ указаніямъ Даніила о мѣстѣ его родины нужно думать одно изъ двухъ — или что онъ былъ Полочанинъ изъ юго-восточной части княжества и зналъ Черниговскую рѣку Сновъ по сосѣдству, или что онъ былъ сѣверо-западный Черниговецъ и записалъ имена Полоцко-Минскихъ князей по той же самой причинѣ. Болѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Относительно времени путешествія Даніила въ Іерусалимъ, мы находимъ у него возможно точныя указанія. Онъ говоритъ, что отправился въ путь въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича (гл. XX II fin), который умеръ 16 апрѣля 1113 года; затѣмъ онъ говоритъ, что путешествіе изъ Іерусалима къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ подъ прикрытіемъ войскъ тогдашняго христіанскаго государя Іерусалима — Балдуина, который ходилъ въ походъ на Дамаскъ (гл. XIV), а этотъ походъ имѣлъ мѣсто въ 1115 году, въ первой его половинѣ. Слѣдовательно, Даніилъ отправился изъ Россіи до апрѣля 1113 года, а предпринялъ обратный путь послѣ первой половины 1115 года.

Цѣль, съ которою Даніилъ рѣшился написать свой Паломникъ, совершенно понятна сама собою. Для благочестивыхъ Русскихъ людей святой градъ Іерусалимъ и святыя Палестинскія мѣста были такими же дорогими и высоко интересными предметами, какъ и для всѣхъ вообще благочестивыхъ людей, а между тѣмъ они не имѣли книги, въ которой могли бы читать ихъ описаніе и по которой бы могли составлять себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Такимъ образомъ Даніилъ, рѣшившись написать свой Паломникъ, хотѣлъ удовлетворить насущной нуждѣ въ подобной книгѣ.

Многочисленные богомольцы, ходившіе въ Іерусалимъ прежде Даніила [1]), возвращались изъ него съ разсказами о видѣнномъ. Но съ этими разсказами было тоже, что въ настоящее время съ разсказами богомольцевъ простолюдиновъ — одни повѣствовали одно, другіе — другое, третьи — Богъ знаетъ что. Въ виду этихъ повѣствователей-сочинителей Даніилъ задался мыслію составить описаніе по возможности вѣрное и точное, на что̀ онъ, желая внушить вѣру къ себѣ, неоднократно нарочитымъ образомъ и указываетъ въ своемъ Паломникѣ (введеніе, гл.л. XVI, XVII

[1]) А что они были дѣйствительно многочисленны, объ этомъ скажемъ послѣ.

fin. и XX fin.). Чтобы не только самому видѣть все собственными глазами, но и видѣть по возможности обстоятельно, Даніилъ не ограничился недѣльнымъ посѣщеніемъ Іерусалима, какъ это дѣлаютъ обыкновенные богомольцы, осматривающіе его святыни, такъ сказать, въ попыхахъ и на бѣгу, но прожилъ въ немъ цѣлые 16 мѣсяцевъ (введеніе). Чтобы объ осматриваемыхъ святыняхъ пріобрѣтать свѣдѣнія по возможности вѣрныя, а не басни, чтобы вездѣ видѣть именно то, что и надлежало видѣть, необходимымъ условіемъ было пріобрѣтеніе возможно надежныхъ и знающихъ путеводителей и руководителей. Даніилъ приложилъ объ этомъ, какъ онъ самъ говоритъ, все свое стараніе и такъ какъ онъ былъ человѣкъ со средствами, то вполнѣ въ этомъ и успѣлъ (ibid).

Не ограничиваясь Іерусалимомъ и его ближайшими окрестностями, Даніилъ хотѣлъ составить возможно полное описаніе всѣхъ святыхъ Палестинскихъ мѣстъ. Но въ тѣ времена по причинѣ разбойниковъ было крайне опасно путешествіе изъ Іерусалима въ древнюю Галилею, къ Тиверіадскому озеру. Энергія и счастіе помогли въ этомъ случаѣ нашему путешественнику. Въ бытность его въ Іерусалимѣ, какъ мы давали знать, святой городъ находился въ обладаніи крестоносцевъ, у которыхъ тогда Іерусалимскимъ королемъ былъ Балдуинъ I или, какъ называетъ его нашъ паломникъ, — князь Балдвинъ. Даніилъ представлялся Балдуину, успѣлъ пріобрѣсти его полное расположеніе и прошолъ путемъ отъ Іерусалима до Тиверіады вмѣстѣ съ нимъ самимъ, когда онъ предпринялъ военный походъ въ Дамаскъ, о чемъ мы также упоминали выше.

Послѣ желанія составить описаніе возможно вѣрное и обстоятельное, вообще возможно удовлетворительное, оставалось имѣть способность и талантъ на то, чтобы написать его какъ слѣдуетъ, чтобы дать ему литературное изложеніе по возможности соотвѣтствующее и подходящее. «Азъ написахъ не хитро, но просто написахъ», говоритъ Даніилъ о своемъ Паломникѣ (въ гл. XX fin.), и этими словами опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и достоинство своего труда. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ настолько въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, чтобы имѣть способность писать витійственно и хитрословесно; но природный тактъ подсказалъ ему, что сочиненіе подобное его Паломнику должно отличаться совершенной, нисколько не хитрословесной, простотой, и онъ дѣйствительно написалъ его съ этою, составляющею величайшее достоинство его труда, простотой. Ни малѣйше не мудрствуя лукаво, ни малѣйше не уснащая рѣчь свою цвѣтами ораторства, онъ описываетъ предметъ за предметомъ — то, что видѣлъ и болѣе ничего. Отъ этого Паломникъ Даніила выходитъ, если угодно, нѣсколько сухъ, но за то онъ имѣетъ величайшее достоинство описанія, ничѣмъ лишнимъ не загроможденнаго и незапутаннаго, величайшее достоинство описанія, котораго его малограмотные читатели не имѣли нужды вкривь и вкось комментировать и толковать, а

должны были только читать, совершенно уразумѣвая то, что описывается, насколько это зависѣло отъ писателя.

Паломникъ Даніила, какъ мы сказали, представляетъ собою не частное описаніе только нѣсколькихъ святыхъ мѣстъ Палестины, но Паломникъ Палестинскій или Іерусалимскій совершенно полный, съ описаніемъ всей святой земли, насколько она достопримѣчательна для христіанъ. Слѣдуя порядку, въ которомъ обозрѣвалъ святыни и который есть естественный топографическій порядокъ и самъ по себѣ, Даніилъ описываетъ 1) Іерусалимъ со всею его святынею и всѣ ближайшія къ нему святыя мѣста въ собственной Палестинѣ или древней Іудеѣ (послѣ святыни самого Іерусалима здѣсь читается: о Виѳаніи, Гевсиманіи, Виѳлеемѣ, Іорданѣ, Іерихонѣ, о монастыряхъ Ѳеодосія, Саввы и Харитона, о Хевронѣ и дубѣ Мамврійскомъ); 2) святыя мѣста древней Галилеи со включеніемъ немногихъ мѣстъ Самаріи (здѣсь — о Самаріи градѣ, о верховьяхъ Іордана, о градѣ Тиверіадѣ и о морѣ, о горѣ Ѳаворской, о Назаретѣ и Канѣ Галилейской). Въ началѣ и въ концѣ Паломника Даніилъ прилагаетъ краткое росписаніе путей, которыми ѣхалъ отъ Константинополя до Іерусалима и обратно. Въ видѣ приложенія онъ помѣщаетъ разсказъ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню», въ которомъ весьма обстоятельно и интересно повѣствуетъ, какъ совершилось это схожденіе при немъ самомъ.

Паломникъ Даніила несомнѣнно долженъ быть признанъ не только книгою совершенно удовлетворительною для своего времени, но и замѣчательно хорошею. Достоинство Паломника въ состояніи были оцѣнить и наши предки, у которыхъ онъ пользовался весьма большею популярностію, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ его списковъ.

Игуменъ Даніилъ, человѣкъ довольно чиновный, бывъ въ Іерусалимѣ, сознавалъ себя какъ бы представителемъ Русской земли; поэтому онъ хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе въ немъ дѣломъ такого представительства: на день великія субботы, въ которую сходитъ на гробъ Господень небесный огонь, Даніилъ испросилъ дозволеніе у Балдуина поставить на послѣднемъ кандило за землю Русскую по подобію двухъ другихъ, поставлявшихся на немъ на сей день, кандилъ, именно — греческаго и монастыря св. Саввы. «Въ пятницу великую въ 1 часъ дни, — разсказываетъ Даніилъ — и азъ худый — идохъ къ князю Балдвину, и поклонихся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хощеши игумене русскій, — позналъ бо мя добрѣ и любляше мя вельми, яко бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордитъ ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога дѣля и князей ради Русскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю Рус-

скую землю, за вся христіане Русскія земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла со мною мужа своего лучшаго ко иконому святаго Воскресенія и къ тому, иже держитъ гробъ Господень. Повелѣста ми оба — икономъ и ключарь гроба Господня принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды и принесохъ ко гробу Господню уже вечеру сущу и умолихъ ключаря того единаго и взвѣстихъ ему; онъ же отверзе двери гроба Господня и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ Господень съ кандиломъ, еже ношахъ азъ руками своими грѣшныма, и повелѣхъ ми поставити кандило на гробѣ Господни, и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, — въ главахъ стояше кандило греческое, на персяхъ поставлено бяше кандило св. Саввы и всѣхъ монастырей, тако бо обычай имутъ по вся лѣто поставляти кандило греческое и св. Саввы».... По словамъ Даніила, вмѣстѣ съ двумя сейчасъ помянутыми кандилами и его кандило возжглось само, егда сниде свѣтъ святый. На третій день онъ взялъ свое кандило, чтобы нести его домой (при чемъ очень вѣроятно, подобно нынѣшнимъ богомольцамъ, пытался сохранить и самый небесный огонь).

Паломникъ Константинопольскій или цареградскій написалъ архіепископъ Новгородскій Антоній спустя около ста лѣтъ послѣ игумена Даніила. Антоній, въ мірѣ называвшійся Добрыней Ядрѣйковичемъ и по всей вѣроятности бывшій родомъ изъ числа знатнѣйшихъ Новгородскихъ гражданъ [1]), неизвѣстно зачѣмъ, вѣроятно изъ любопытства и для поклоненія именно цареградской святынѣ, путешествовалъ въ Константинополь и оставался въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное житіе еще до своего поступленія въ монашество. Въ одномъ мѣстѣ своего Паломника онъ даетъ знать, что находился въ Константинополѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1200 года; что передъ симъ или послѣ сего онъ жилъ въ немъ то или другое значительное время, это необходимо предполагать потому, что такого предположенія требуетъ то близкое знакомство съ святыней Константинополя, которое онъ обнаруживаетъ и которое никакъ не могло быть пріобрѣтено въ кратковременное посѣщеніе; но дожилъ ли онъ въ Константинополѣ послѣ 1200 года до взятія послѣдняго крестоносцами въ 1204 году, какъ считаютъ вѣроятнымъ предполагать, это составляетъ трудно рѣшимый вопросъ [1]). Возвратившись изъ Константинополя въ

---

[1]) Ключевскій въ Житіяхъ святыхъ, стр. 61, считаетъ его сыномъ воеводы Ядрѣя или Ядрѣйки, который погибъ въ походѣ на Югру въ 1193 г. Весьма возможно это, но не знаемъ основаній утверждать это положительно.

[2]) Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, за автора повѣсти о плѣненіи Константинополя Латинянами не долженъ быть принимаемъ Антоній: этотъ ав-

Новгородъ, Добрыня Ядрѣйковичъ постригся въ монашество въ Хутынскомъ монастырѣ у его основателя и своего «сверстника» и друга преп. Варлаама, изъ котораго и возведенъ былъ согражданами на архіепископскую каѳедру въ 1211 году.

Константинопольскій Паломникъ Антонія есть не описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, а указатель къ обозрѣнію его святыни, — совершенно такой же въ этомъ отношеніи гидъ или путеводитель, какъ нынѣшніе гиды или путеводители для путешественниковъ. Ничего не описывая, Антоній указываетъ только находившуюся въ Константинополѣ святыню для поклонниковъ — мощи, чудотворныя иконы и другіе предметы особеннаго чествованія, именно — онъ перечисляетъ одну за другою церкви, въ которыхъ находилась такая святыня и при этомъ сообщаетъ, что̀ именно въ каждой церкви находилось. Не знаемъ, для кого назначалъ Антоній свою книгу. Если для поклонниковъ Константинопольскихъ, то она имѣла весь свой смыслъ, ибо могла быть употребляема ими какъ путеводитель, чѣмъ и была. Если же для людей, не бывшихъ въ Константинополѣ съ тѣмъ, чтобы доставить имъ возможность составить себѣ по ней понятіе о христіанскомъ Константинополѣ, то она не имѣла совершенно никакого смысла, ибо, будучи гидомъ и больше ни чѣмъ, она нисколько не есть описаніе. Не представляя ни малѣйшаго интереса для русскихъ читателей, Паломникъ Антоніевъ дѣйствительно вовсе и не читался ими, что доказывается тѣмъ, что пока найденъ и всего только одинъ его списокъ.

Почему Антоній не приложилъ къ своему гиду по крайней мѣрѣ описанія Софіи Константинопольской, которая должна была такъ интересовать Русскихъ, и по крайней мѣрѣ монастырей двухъ — трехъ наиболѣе знаменитыхъ? Необходимо думать, что онъ сознавалъ свою слабость писательскую, что составлять описанія отказывалось его перо, которое крайне плохо служило ему и въ составленіи нехитраго указателя. Желая попасть въ писатели, желая увѣковѣчить память о своемъ пребываніи въ Константинополѣ, онъ такъ или сякъ составилъ немудреный указатель, но онъ сознавалъ, что ни на что большее его силъ не хватитъ, а по этому дальше не рѣшился простираться.

Если бы указаніе мѣстоположенія церквей, о которыхъ говоритъ Антоній, было сдѣлано имъ съ большею обстоятельностію, то его книга могла бы имѣть важное значеніе для христіанской топографіи Константинополя; къ сожалѣнію, этой обстоятельности у него такъ мало, что онъ

торъ значительно выше Антонія какъ литераторъ. Сказавъ, что Богородица чудная Одигитрія сохранена была отъ Латинянъ добрыми людьми, авторъ прибавляетъ: «(яже) и нынѣ есть, на нюже надѣемся»; полагаемъ, что на основаніи этихъ словъ въ немъ должно видѣть Грека (т. е. въ повѣсти переводъ съ греческаго).

не столько поясняетъ другимъ, сколько, наоборотъ, самъ долженъ быть поясняемъ при помощи другихъ. Впрочемъ все-таки есть въ книгѣ нѣкоторое количество свѣдѣній довольно важныхъ и интересныхъ отчасти въ историческомъ, отчасти въ археологическомъ отношеніи.

4) Отдѣлъ богослужебный.

Переходимъ къ отдѣлу богослужебному или точнѣе богослужебно-молитвенному.

Въ продолженіе періода до-монгольскаго въ Русской церкви было установлено нѣсколько новыхъ и особыхъ противъ церкви Греческой праздниковъ, съ одной стороны — въ честь своихъ мѣстныхъ явившихся святыхъ, съ другой стороны — въ воспоминаніе нѣкоторыхъ своихъ и не своихъ событій. Новыя праздники требовали новыхъ службъ, въ слѣдствіе чего и должны были явиться у насъ писатели сихъ послѣднихъ. Кромѣ того, въ періодъ до-монгольскій у насъ были писаны молитвы отчасти по особымъ случаямъ, отчасти же безъ всякихъ случаевъ, просто для употребленія благочестивыхъ христіанъ.

Извѣстные въ настоящее время писатели службъ до-монгольскаго періода въ хронологическомъ порядкѣ суть слѣдующіе:

1. Митрополитъ Іоаннъ 1-й, написавшій службу святымъ Борису и Глѣбу, празднованіе памяти которыхъ было установлено при Ярославѣ въ его правленіе.

2. Монахъ Печерскаго монастыря Григорій, жившій въ первой половинѣ XII вѣка, современникъ преп. Нестора. Въ Патерикѣ Печерскомъ (у Поликарпа о Никитѣ) онъ называется творцомъ каноновъ; впрочемъ, какіе именно каноны онъ написалъ, это пока остается неизвѣстнымъ.

3. Іоаннъ, епископъ Ростовскій, жившій въ концѣ XII — началѣ XIII вѣка (1190—1214). Онъ написалъ канонъ святому Леонтію Ростовскому, празднованіе памяти котораго самъ установилъ въ 1194 г.

Молитвы и моленія писали преп. Ѳеодосій Печерскій и Кириллъ Туровскій.

Преп. Ѳеодосій извѣстенъ въ настоящее время какъ писатель двухъ молитвъ. Одна, сохранившаяся до настоящаго времени въ рукописяхъ, имѣетъ надписаніе «молитва святаго Ѳеодосія Печерскаго за вся христіаны». Содержа въ себѣ краткія моленія къ Богу за всѣ состоянія живыхъ людей и о упокоеніи всѣхъ усопшихъ, она, повидимому, назначалась для ежедневнаго домашняго чтенія на сонъ грядущій. О другой молитвѣ епископъ Симонъ разсказываетъ слѣдующее въ Патерикѣ Печерскомъ: къ вел. кн. Ярославу пришолъ на службу изъ Варяжской

земли прогнанный изъ отечества тамошній княжичъ Шимонъ, который потомъ былъ первымъ бояриномъ у сына Ярославова Всеволода. Этотъ Шимонъ, по переходѣ изъ латинства въ православіе или по превращеніи изъ Варяга въ Русскаго переименованный въ Симона, въ слѣдствіе особенныхъ чудесныхъ, бывшихъ съ нимъ, знаменій, имѣлъ великую вѣру и любовь къ преп. Ѳеодосію. Однажды онъ пришолъ къ послѣднему и просилъ его молиться за него и за родъ его такъ же, какъ онъ молится за своихъ черницовъ. Преп. Ѳеодосій отвѣчалъ, что онъ молится не только о своихъ черницахъ, но и обо всѣхъ любящихъ его обитель. Тогда Симонъ поклонился до земли и сказалъ: «отецъ мой, не выйду отъ тебя съ пустыми руками, удостовѣрь меня писаніемъ». Ѳеодосій принужденъ былъ сдѣлать это за любовь его и написалъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа . . . . . и такъ далѣе, говоритъ Симонъ, — ту молитву, которую донынѣ влагаютъ въ руку покойнику». «Это съ тѣхъ поръ— прибавляетъ онъ — утвердился обычай класть такое письмо съ умершими, прежде же никто не дѣлалъ этого въ Руси». Такъ какъ молитва преп. Ѳеодосія не передана Симономъ, то остается неизвѣстнымъ, есть ли нынѣшняя погребальная или гробная молитва твореніе преп. Ѳеодосія или уже новая, впослѣдствіи замѣнившая его молитву.

Преп. Кириллъ Туровскій написалъ цѣлый весьма длинный рядъ молитвъ и кромѣ того одинъ, а можетъ быть и нѣсколько каноновъ молебныхъ, такъ что этому роду писаній, если принимать во вниманіе сохранившееся до настоящаго времени, была посвящена имъ не менѣе, если не болѣе, какъ цѣлая половина всей писательской дѣятельности. Въ настоящее время извѣстно до 27 его молитвъ. 22 изъ нихъ, представляя собой одно цѣлое, написаны на дни седмицы, для чтенія каждый день послѣ заутрени, послѣ часовъ и послѣ вечерни. Въ молитвенныхъ обращеніяхъ будучи приспособлены къ положеннымъ воспоминаніямъ или празднованіямъ дней, по содержанію своему онѣ суть горячія моленія тяжкаго грѣшника, сознающаго свою крайнюю студность и всеокалялость и взывающаго къ Богу или Его небеснымъ предстателямъ о непреданіи врагу, о избавленіи отъ геены и о сподобленіи рая. По тону своему онѣ напоминаютъ молитвы предъ причащеніемъ. Изъ остальныхъ пяти молитвъ — одна ко всѣмъ святымъ, три на исходъ души и одна — исповѣданіе къ Господу Іисусу. Есть основанія полагать, что Кирилломъ Туровскимъ написано нѣсколько каноновъ молебныхъ, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ ему одинъ такой канонъ, каждая пѣснь котораго по внѣшнему составу состоитъ изъ ирмоса и 4 стиховъ. По своему содержанію онъ такъ же покаянный, какъ и дневныя молитвы. Что касается до литературнаго достоинства молитвъ Кирилла Туровскаго, то онѣ представляютъ собой весьма и замѣчательно хорошія ораторскія произведенія, которымъ по всей справедливости должно быть дано мѣсто на

ряду съ лучшими молитвами греческими. Будучи здѣсь столько же въ своемъ родѣ краснорѣчивъ, какъ и въ проповѣдяхъ, Кириллъ является здѣсь ораторомъ высшимъ, чѣмъ тамъ, — здѣсь онъ владѣетъ искусствомъ ораторства какъ-то гораздо тверже, такъ что здѣсь гораздо большія обработанность и законченность, чѣмъ тамъ. Такъ же какъ и въ проповѣдяхъ, Кириллъ естественно подражалъ здѣсь образцамъ греческимъ, но переходило ли подражаніе въ большія или меньшія настоящія заимствованія, сказать этого пока не можемъ.

5) *Отдѣлъ догматическій.*

Остается намъ сказать о сочиненіи, которое не подходитъ ни подъ одинъ изъ указанныхъ выше отдѣловъ и которое, будучи по содержанію догматическимъ, по формѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ нынѣшней торжественной академической рѣчи. Сочиненіе это, о которомъ мы говорили уже выше, есть самое первое по времени изъ нашихъ литературныхъ произведеній и принадлежитъ человѣку, составляющему между нашими писателями такое же исключеніе, какъ Кириллъ Туровскій. Оно есть слово «О законѣ и благодати» митр. Иларіона.

Полное заглавіе сочиненія слѣдующее: «О законѣ, Моисеемъ даннѣмъ, и благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка Русскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея». Задача и предметъ сочиненія—изобразить и прославить божественное домостроительство о спасеніи людей вообще и въ частности о спасеніи нашего народа Русскаго, совершенномъ чрезъ избранника вел. кн. Владимира. Родъ человѣческій, начинаетъ ораторъ, послѣ райскаго паденія праотца уклонившійся въ мракъ идолослуженія, милосердый Господь Богъ предопредѣлилъ спасти посредствомъ ниспосланія своего Единороднаго Сына. Но къ принятію сего Сына Божія нужно было пріуготовленіе людей. Посему божественное домостроительство объ ихъ спасеніи осуществилось въ двухъ Завѣтахъ: Ветхомъ — приготовленномъ и Новомъ — совершительномъ. Къ симъ двумъ Завѣтамъ, составляющимъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей, онъ и обращается затѣмъ. «Образъ закону и благодати Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра», говоритъ онъ, и соотвѣтственно чертамъ сихъ образовъ представляетъ взаимное отношеніе закона и благодати или Ветхаго Завѣта и Новаго; какъ «отгнана бысть,—заключаетъ онъ сдѣланную параллель, — Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ и Исаакъ сынъ свободныя наслѣдникъ бысть отцу своему Аврааму», такъ

«отгнани быша Іудеи и расточени по странамъ и чада благодатныя христіане наслѣдницы быша Богу и Отцу». Засимъ отчасти подъ образами (сыновей Іосифа Манассіи и Ефрема), отчасти безъ образовъ ораторъ изображаетъ превосходство Новаго Завѣта, который для всего рода человѣческаго и который не только временно оправдываетъ, но и вѣчно спасаетъ, передъ Ветхимъ, который былъ только для Іудеевъ и который только оправдывылъ въ семъ мірѣ, но не спасалъ. Временное должно было уступить мѣсто непреходящему, Ветхій Завѣтъ Новому, — такъ это и случилось по божественному опредѣленію и предъустановленію, говоритъ ораторъ, и затѣмъ изображаетъ, какъ Господь, явившійся на землю въ образѣ Богочеловѣка и показавшій Божеская и человѣческая, совершилъ наше спасеніе, какъ Іудеи, не познавшіе Его, были отвергнуты, какъ вино новое было влито въ мѣхи новые — къ благодати и истинѣ призваны новые люди — язычники.

Вѣра благодатная, распростершись по всей земли, дойде и до нашего языка Русскаго, вся страны благій Богъ помиловалъ и насъ не презрѣ, но посѣти человѣколюбіемъ своимъ, говоритъ ораторъ и вмѣстѣ съ симъ обращается къ проявленію божественнаго домостроительства въ частности на насъ Русскихъ. Мы были язычниками и по милости Божіей стали христіанами, — здѣсь онъ пространно изображаетъ, чѣмъ мы были, находясь во мракѣ язычества и чѣмъ стали, пришедъ въ свѣтъ христіанства, и къ этому присовокупляетъ, какъ и на насъ сбылись пророческія предвозвѣщенія о томъ, что вси языцы, людіе и племена истинному Богу поработаютъ.

«Вся страны и грады и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша (ихъ) православной вѣрѣ: похвалимъ же и мы малыми похвалами великая и дивная сотворшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля, Владимира», призываетъ своихъ слушателей ораторъ, и обращаясь къ сей похвалѣ, онъ говоритъ о томъ, какъ Владимиръ, возгорѣвшійся духомъ принять христіанство отъ слышанія о благовѣріи земли Греческой, не остановился на томъ, чтобы только самому просвѣтиться свѣтомъ его, но подвигся къ крещенію и просвѣщенію и всей своей земли, и какъ эта его земля, оскверняемая предъ тѣмъ язычествомъ, его стараніями совсѣмъ и во всемъ стала христіанскою; засимъ онъ высказываетъ удивленіе, какъ Владимиръ никѣмъ и ничѣмъ не призываемый къ христіанству «токмо отъ благаго (своего) смысла и остроумія разумѣлъ», что единъ Богъ истинный — Богъ христіанскій; снова ублаживъ Владимира за то, что онъ обратилъ отъ заблужденія идольскія льсти всю область свою и сравнивъ его съ Константиномъ Великимъ, онъ восхваляетъ далѣе его христіанскія добродѣтели и въ особенности его многія милостыни и щедроты; воззваніемъ къ Владимиру, что дѣло имъ начатое не рушитъ, но усердно продолжаетъ и довершаетъ

его достойный преемникъ, сынъ его Георгій — Ярославъ, ораторъ оканчиваетъ похвалу. Въ заключеніе всего слѣдуетъ молитва за новокрещенныхъ людей русскихъ, въ которой испрашивается Божіе милосердіе къ слабостямъ и преткновеніямъ еще не утвержденныхъ въ вѣрѣ людей и въ которой призываются на нихъ Его милости и щедроты.

Сочиненіе митр. Иларіона, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуя, что онъ былъ ораторъ не самоучка, а по настоящему образованный въ наукѣ ораторства и знавшій ее въ совершенствѣ, чрезвычайно замѣчательно своими ораторскими достоинствами, — оно есть возможно безукоризненное и блестящее ораторское произведеніе и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Цѣлое совершенною умѣющею рукой скомпоновано такъ, что представляетъ изъ себя истинно стройное цѣлое, въ которомъ все на своемъ мѣстѣ и все соразмѣрно и въ которомъ ничто не валится вонъ, какъ случайно вставленное; ораторъ не уподобляется слѣпому, который подвигается впередъ ощупью, то идя прямо, то колобродя по сторонамъ,—у него въ рукахъ напередъ строго обдуманный планъ, которому онъ и слѣдуетъ въ выполненіи. Равнымъ образомъ въ частномъ изложеніи своихъ мыслей ораторъ отъ начала до конца блестящимъ образомъ краснорѣчивъ. Надѣленный отъ природы отличнымъ ораторскимъ талантомъ и владѣя вполнѣ научнымъ ораторскимъ умѣньемъ, онъ отъ начала до конца является въ этомъ изложеніи мастеромъ самаго высокаго разбора. Человѣку слишкомъ богато надѣленному средствами, естественно до нѣкоторой степени ими злоупотреблять. Между лучшими ораторами. принадлежа къ избраннѣйшимъ, Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры, — постоянно одинаково краснорѣчивый и обработанно изящный, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества: возможно хорошо, но въ мѣру — это не легко и далеко не всѣми ораторами соблюдаемое правило составляетъ его отличительную черту. Иларіонъ учился искусству ораторства по греческой реторикѣ XI вѣка; ему слѣдовало бы поэтому быть ораторомъ со всѣми недостатками греческаго ораторства этого позднѣйшаго времени. Но силою своего природнаго ораторскаго таланта, силою своего внутренняго ораторскаго инстинкта и чувства, онъ возвысился надъ этими недостатками и представляетъ изъ себя не ритора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія. Мы уже говорили выше и снова повторяемъ, что читатель будетъ имѣть возможно вѣрное представленіе о сочиненіи Иларіона, если будетъ воображать его себѣ какъ лучшую академическую рѣчь Карамзина.

Прекрасное и истинно замѣчательное ораторское произведеніе митр. Иларіона составляетъ вещь не совсѣмъ ясную по своему назначенію. Такъ какъ Иларіонъ есть митрополитъ, — лицо духовное, то всякій, конечно, думаетъ, что оно есть церковное слово. На самомъ дѣлѣ оно

не есть это слово: оно не надписывается словомъ, хотя мы нѣсколько разъ и называли его такъ за неимѣніемъ другаго подходящаго названія; оно вовсе не имѣетъ признаковъ слова и отъ самого автора называется не словомъ и не поученіемъ, а писаніемъ; оно было произнесено, но не предъ слушателями, какіе пришли и случились, а предъ какими-то избранными людьми, «преизлиха насыщшимися сладости книжныя». Что же оно такое? Отвѣчать можемъ, какъ уже давали знать, не положительно, а только предположительно. По своимъ достоинствамъ, — мы сказали, произведеніе Иларіона должно быть приравниваемо къ лучшимъ рѣчамъ Карамзина; но и по своей сущности или по своему характеру оно есть совершенно то же, что эти Карамзина и не Карамзина торжественныя рѣчи: и мы думаемъ, что оно есть именно таковая торжественная рѣчь. Но что такое торжественная рѣчь въ правленіе Ярослава? Въ Греціи съ древняго и до позднѣйшаго времени былъ обычай, что въ особенныхъ и нарочитыхъ случаяхъ были устрояемы торжественныя собранія во дворцѣ императорскомъ, на которыхъ между прочимъ ораторы произносили свои рѣчи [1]). Таковою-то рѣчію, можетъ быть и со всею вѣроятностію, должно быть считаемо произведеніе или «писаніе» Иларіона. По какому случаю она была произнесена предъ Ярославомъ и его боярскимъ синклитомъ, мы не знаемъ, но весьма вѣроятно — по случаю торжества при окончаніи одной изъ его церковныхъ построекъ или можетъ быть и всѣхъ вмѣстѣ, такъ какъ по лѣтописи онѣ ведены были всѣ вмѣстѣ (Св. Софія, Золотыя ворота съ церковію на нихъ Благовѣщенія и монастыри Георгіевскій и Ирининскій). Въ Кіевѣ послѣ Ярослава не было ораторовъ, которые бы произносили передъ князьями торжественныя рѣчи. Однако и изъ позднѣйшаго времени мы знаемъ одинъ подобный примѣръ. Въ 1199 г. вел. кн. Кіевскій Рюрикъ Ростиславичъ произвелъ въ Кіевѣ замѣчательную для своего времени постройку — подвелъ каменную стѣну подъ церковь св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ, стоявшую надъ Днѣпромъ. Въ самомъ монастырѣ или вообще въ Кіевѣ нашолся ораторъ, который на торжествѣ, бывшемъ въ монастырѣ по окончаніи постройки, произнесъ и поднесъ великому князю свое писаніе, хотя и далеко не то, что писаніе Иларіоново[2]).

---

1) Евсевій Кесарійскій произнесъ рѣчь предъ Константиномъ Великимъ по случаю совершившагося тридцатилѣтія его царствованія (εἰς Κωνσταντῖνον τριακονταετηρικός, De laudibus Constantini); Павелъ Силенціарій произнесъ рѣчь предъ импер. Юстиніаномъ по случаю освященія св. Софіи (Ἔκφρασις εἰς τὴν ἁγ. Σοφίαν). Изъ позднѣйшаго времени, соотвѣтствующаго нашему періоду домонгольскому, извѣстно нѣсколько примѣровъ.

2) Помѣщено въ Ипатской лѣтописи подъ 1200 г. и составляетъ въ ней окончаніе лѣтописи Кіевской.

Составляетъ для насъ митр. Иларіонъ не малую загадку какъ писатель. Онъ обладалъ такимъ прекраснымъ ораторскимъ талантомъ и однако не написалъ ничего болѣе кромѣ нашего сочиненія. Отъ чего это? Отъ чего онъ не сталъ духовнымъ ораторомъ, быть которымъ имѣлъ такую способность? Къ сожалѣнію, пока мы можемъ задать только вопросъ, который невольно рождается, но рѣшительно ничего не можемъ на него отвѣтить.

Наши писатели изъ Грековъ.

Въ заключеніе скажемъ о бывшихъ у насъ въ періодъ домонгольскій писателяхъ изъ числа жившихъ у насъ Грековъ.

Хотя эти писатели, собственно говоря, не составляютъ нашихъ писателей, но такъ какъ они писали большею частію для насъ и такъ какъ всѣ они писали у насъ, то имъ должно быть дано мѣсто въ исторіи нашей литературы.

Изъ числа весьма многихъ, переживших у насъ въ періодъ домонгольскій, Грековъ, писателей оказывается весьма немного, именно — въ настоящее время извѣстно ихъ и всего пять. Изъ этихъ пяти писателей четверо были митрополиты и одинъ не митрополитъ, а монахъ или можетъ быть іеромонахъ.

Писатели митрополиты суть:

1. Самый первый нашъ митрополитъ Леонъ или Левъ. Онъ написалъ на греческомъ языкѣ сохранившееся до настоящаго времени сочиненіе противъ латинянъ, которое надписывается: Λέοντος μητροπολίτȣ (въ другихъ спп. ἀρχιεπισκόπȣ, ἐπισκόπȣ) τῆς ἐν Ρωσίᾳ Πρεσθλάβας πρὸς Ῥωμάιȣς ἤτοι Λατίνȣς περὶ τῶν ἀζύμων (въ другихъ спп. περὶ τȣ̃ ὅτι ȣ̓ δεῖ τελεῖν τά ἄζυμα), т. е. Льва митрополита (архіепископа, епископа) Переяславскаго въ Россіи къ Римлянамъ или Латинянамъ объ опрѣснокахъ (о томъ, что не должно употреблять опрѣсноковъ). Въ сочиненіи своемъ авторъ — во-первыхъ, подробно и очень основательно доказываетъ неправильность употребленія опрѣсноковъ, — во-вторыхъ, кратко говоритъ и о другихъ заблужденіяхъ латинянъ, именно — объ ихъ субботнемъ постѣ, о совершеніи ими полной литургіи въ великій постъ, о безженствѣ ихъ священниковъ, объ употребленіи ими въ пищу удавленины и наконецъ объ ихъ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, побужденіемъ для митрополита Леона написать сочиненіе было то обстоятельство, что передъ его вступленіемъ на каѳедру Русской митрополіи и во время его пребыванія на ней, папа дѣлалъ попытки подчинить насъ своей власти (см. выше). При этомъ предположеніи страннымъ будетъ то, что сочи-

неніе извѣстно только въ греческомъ подлинникѣ и что неизвѣстно его древняго славянскаго перевода; но можно думать, что переводъ существовалъ и что онъ или пока еще не открытъ или совсѣмъ не дошолъ до насъ (бывъ вытѣсненъ позднѣйшими многочисленными статьями противъ латинянъ). Если бы сочиненіе признавать самостоятельнымъ произведеніемъ митр. Леона, то оно весьма бы рекомендовало его какъ автора; но, какъ кажется, эта самостоятельность составляетъ вопросъ [1]).

2. Георгій, занимавшій каѳедру неизвѣстно съ какого и по какой годъ, но упоминаемый подъ 1072 г. Онъ написалъ два сочиненія,— во-первыхъ, довольно обширное каноническаго содержанія, извѣстное въ настоящее время подъ именемъ Заповѣди къ исповѣдующимся сыномъ и дщеремъ, о которомъ мы говорили выше, и во-вторыхъ, — краткое противъ латинства, которое надписывается: «Стязанье съ латиною». Это послѣднее сочиненіе, неизвѣстно въ какомъ году написанное, но во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ совершившагося окончательнаго раздѣленія церквей (1053—1054 г.), нѣтъ сомнѣнія, имѣетъ свою причину именно въ семъ совершившемся раздѣленіи, т. е. что митрополитъ Русскій хотѣлъ возвѣстить своей паствѣ о тѣхъ заблужденіяхъ латинянъ, въ которыхъ они обвиняемы были въ Греціи и изъ-за которыхъ (помимо другихъ причинъ) произошло раздѣленіе. Сначала митр. Георгій сообщаетъ, когда и какъ латиняне отлучились отъ православія, а потомъ кратко, по пунктамъ, перечисляетъ ихъ заблужденія,—въ томъ и другомъ случаѣ, какъ и естественно, онъ передаетъ по-русски то, что имѣлъ у себя подъ руками на греческомъ, иначе сказать—въ своемъ русскомъ сочиненіи воспроизводитъ греческую полемику. Въ продолженіе седьми вселенскихъ соборовъ, говоритъ онъ объ отпаденіи, латиняне были единомысленны съ нами, тоже глаголюще, тоже мысляще; потомъ древнимъ

---

[1]) О сочиненіи митр. Льва, равно какъ и о всѣхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ періода домонгольскаго см. *А. Н. Попова:* Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875, и *А. С. Павлова:* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878 (послѣдній разрѣшаетъ то недоумѣніе, что митр. Леонъ полемизируетъ противъ опрѣсноковъ ранѣе патр. Михаила Керулларія; къ вопросу о самостоятельности сочиненія митр. Леона — у него же стр. 37 fin., а положительное удостовѣреніе въ томъ, что ошибался преосв. Филаретъ, указывая древній славянскій переводъ сочиненія, — стр. 27 прим.). Въ греческомъ подлинникѣ сочиненіе напечатано г. Павловымъ въ приложеніяхъ къ сейчасъ названному изслѣдованію, а новый русскій переводъ преосв. Филарета во Временникѣ Общ. Ист. и Древн. кн. V (1850 г.). — Къ шести извѣстнымъ спискамъ сочиненія (тремъ Московскимъ сунодальнымъ, Аѳонскому — Иверскому и двумъ Венеціанскимъ (у Павлова стр. 115 прим.) должно прибавить еще седьмой, Аѳонскій — лавры св. Аѳонасія, см. Саты Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, I, 272.

Римомъ и землею его завладѣли Нѣмцы и по маломъ времени старые правовѣрные мужи, которые хранили и держали законъ Христовъ и свв. Апостоловъ и святыхъ отецъ, перемерли; послѣ нихъ молодые и не утвержденные послѣдовали нѣмецкой прелести впали во многія и различныя вины; такъ какъ они не хотѣли остатися творимаго зла, то и отвержены были отъ насъ. Перечисляя заблужденія или вины латинянъ, Георгій насчитываетъ ихъ 27, каковое огромное число, въ слѣдъ за современными ему мнѣніями и полемистами греческими является у него тѣмъ путемъ, что къ заблужденіямъ латинянъ относятся не однѣ дѣйствительныя заблужденія, но и простыя церковно-обрядовыя и даже бытовыя разности ихъ отъ Грековъ. Мы скажемъ о нихъ послѣ, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ Русской церкви къ латинской или объ отношеніяхъ древнихъ Русскихъ къ латинянамъ и папству [1]).

3. Іоаннъ 2-й, по всей вѣроятности, преемникъ Георгія, умершій въ 1088 г. Отзывъ о немъ лѣтописца какъ о мужѣ хитромъ книгамъ и ученью, милостивомъ и ласковомъ ко всѣмъ, смиренномъ и кроткомъ, молчаливомъ и вмѣстѣ рѣчистомъ, утѣшавшемъ книгами святыми печальныя, и вообще какъ о митрополитѣ, какого не было и не будетъ, я приводилъ выше. Іоаннъ написалъ, такъ же какъ и Георгій, два сочиненія,—каноническое, содержащее отвѣты на вопросы нѣкоего черноризца Іакова, о которомъ я тоже говорилъ выше, и посланіе къ одному папѣ или точнѣе говоря антипапѣ. Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV въ своей борьбѣ съ папою Григоріемъ VII Гильдебрандтомъ рѣшился противопоставить ему антипапу, въ каковые избранъ былъ въ 1080 г. Вибертъ или Гибертъ, архіепископъ Равеннскій подъ именемъ Климента 3-го. Этотъ-то Климентъ 3-й присылалъ къ нашему митрополиту своего епископа съ предложеніемъ приступить къ союзу съ Римскою церковію и въ отвѣтъ на сіе-то приглашеніе Іоаннъ 2-й и написалъ Клименту свое посланіе. Отвѣчая самымъ вѣжливымъ дипломатическимъ языкомъ, митрополитъ пишетъ папѣ, что если онъ — папа дѣйствительно пріемлетъ и почитаетъ догматы непорочной и православной вѣры, какъ возвѣстилъ присланный епископъ, то и онъ, митрополитъ, привѣтствуетъ и лобызаетъ его священную главу и усердно желаетъ, чтобы всеблагій и милосердый Господь совершилъ предлагаемое возсоединеніе. Переходя за тѣмъ возможно мяг-

---

[1]) Стязанье съ латиною митр. Георгія найдено преосв. Макаріемъ въ одной рукописи Новгородской Софійской библіотеки и извѣстное пока въ одномъ спискѣ и напечатано имъ въ Исторіи т. 2, изд. 2 стр. 347. Читается у митр. Георгія странное обвиненіе на латинскихъ епископовъ, будто они женятся; вѣроятно, тутъ поврежденная переписчиками (или еще переводчикомъ) та рѣчь, что епископы латинскіе, нося на рукахъ персни, оправдываютъ это тѣмъ, «якоже се въ жены емлюще церкви и обрученіе носити глаголютъ» (Слова: либѣвый, серебляти, завыйци—наваръ).

кимъ образомъ къ заблужденіямъ латинянъ, митрополитъ указываетъ и опровергаетъ главнѣйшія изъ нихъ, именно — постъ въ субботу, несоблюденіе его въ первую недѣлю четыредесятницы, безженство священниковъ, усвоеніе права совершать таинство мѵропомазанія только епископамъ, опрѣсноки, прибавленіе въ символѣ и отъ Сына. Что касается до самаго предложенія папы о возсоединеніи, то митрополитъ рекомендуетъ ему обратиться къ патріарху Константинопольскому и къ находящемуся при немъ собору митрополитовъ, которые благодатію Божіей могутъ все таковое вмѣстѣ съ нимъ изслѣдовать и исправить. Вообще посланіе митр. Іоанна къ папѣ представляетъ собой своего рода дипломатическую ноту, составленную весьма хорошо — съ одной стороны весьма вѣжливо, а съ другой съ полнымъ достоинствомъ [1]).

4. Никифоръ 1-й занимавшій престолъ съ 1104 по 1121 годъ. Отъ него сохранились до насъ четыре сочиненія — два противъ латинянъ и два нравоучительнаго содержанія.

Два первыя сочиненія представляютъ собою посланія, написанныя къ князьямъ, — одно по просьбѣ того, къ кому адресовано, другое, какъ кажется, по собственному усердію митрополита. По просьбѣ написано посланіе къ вел. кн. Владиміру Всеволодовичу Мономаху, который спрашивалъ митрополита, какъ отвержены были латиняне отъ святыя соборныя и правовѣрныя церкви. Отвѣтъ митрополита, состоящій въ краткомъ извѣщеніи объ ихъ отпаденіи и въ исчисленіи ихъ заблужденій, весьма схожъ съ сочиненіемъ противъ латинянъ митр. Георгія, отличаясь отъ него тѣмъ, что исчисляетъ заблужденія латинянъ въ другомъ порядкѣ и что, опуская нѣкоторыя изъ нихъ, всего приводитъ ихъ не 27, а 20 [2]). Другое посланіе написано къ Владиміро — Волынскому князю Ярославу Святополковичу, который имѣлъ свой удѣлъ въ сосѣдствѣ съ землею Лядскою и по тому, какъ нужно подразумѣвать, побужденію, что это сосѣдство представляло князю особенную опасность отъ лати-

[1]) Посланіе, отправленное по своему назначенію на греческомъ языкѣ, но вѣроятно тогда же, а во всякомъ случаѣ въ весьма древнее время, переведенное на славянскій языкъ и дошедшее до насъ на обоихъ, напечатано — на славянскомъ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка *Калайдовича*, на греческомъ: *В. И. Григоровичемъ* въ I кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Академіи Наукъ (съ повтореннымъ славянскимъ), Софокломъ *Икономосомъ* въ Аѳинахъ, въ 1868 г., особой брошюрой, и *А. С. Павловымъ* въ приложеніяхъ къ Критическимъ опытамъ по исторіи и пр. (объ изданіи Икономоса, которое мы знаемъ только по указаніямъ, здѣсь стр. 60). Что посланіе писано къ антипапѣ Клименту III, это доказалъ покойный *Неволинъ*, — статья о митр. Іоаннѣ во 2 томѣ Извѣстій Академіи Наукъ.

[2]) Напечатано съ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка Калайдовича. Сличеніе съ Стязаньемъ митр. Георгія и указаніе недостающаго, у Попова стрр. 101 fin. — 107.

нянъ. Въ посланіи сначала кратко сообщается объ отпаденіи латинянъ то же самое, что и въ предъидущемъ, затѣмъ также кратко исчисляются ихъ заблужденія, при чемъ опускаются нѣкоторыя прежнія и указываются нѣкоторыя новыя, и наконецъ подробно опровергается одно заблужденіе, именно — употребленіе опрѣсноковъ [1]).

Нравоучительныя сочиненія митр. Никифора суть: посланіе къ вел. кн. Владиміру Всеволодовичу Мономаху и церковное поученіе.

Въ посланіи къ Мономаху, написанномъ въ началѣ великаго поста, по своему объему сравнительно довольно обширномъ, сначала какъ бы въ приступѣ говорится о необходимости и пользѣ поста для падшаго человѣка, затѣмъ рѣчь главнымъ образомъ посвящена показанію, откуда въ челвѣкѣ доброе и недоброе, и именно — показанію, что то и другое, во-первыхъ, прямо черезъ душу, которая состоитъ изъ трехъ частей: словеснаго, яростнаго, желаннаго, т. е. ума, сердца и воли, во вторыхъ — черезъ слугъ души или внѣшнія чувства: видѣніе, слухъ, обоняніе, вкушеніе и осязаніе, и наконецъ въ заключеніе увѣщательное предостереженіе князю относительно нѣкоторыхъ слугъ его души, а именно его слуха, за которой митрополитъ высказываетъ опасенія, не внималъ ли онъ клеветникамъ и наушникамъ и такимъ образомъ не былъ ли причиной невинныхъ осужденій, изгнаній и опалъ. Это предостереженіе князю противъ наклонности внимать клеветникамъ и наушникамъ, какъ кажется, было главною цѣлію посланія, хотя митрополитъ нарочито и отрицаетъ сіе, выставляя своимъ побужденіемъ вообще желаніе сдѣлать князю воспоминаніе или преподать наставленіе и еще то, что уставъ есть церковный и правило въ время се — великаго поста — и къ княземъ глаголати что полезное. Само по себѣ посланіе очень хорошо, но, будучи отвлеченно и хитрословесно, оно представляетъ весьма мало назиданія для людей простыхъ [2]). Церковное поученіе, сказанное въ недѣлю сыропустную, имѣетъ предметомъ своимъ наступающій постъ, именно — проповѣдникъ возбуждаетъ въ немъ своихъ слушателей къ радости о наступленіи дней поста, пробуждаетъ чувство сокрушенія о грѣхахъ, побуждаетъ къ мужеству въ перенесеніи подвиговъ постныхъ и убѣждаетъ присоединить къ посту тѣлесному дѣла любви и милосердія христіанскаго. Свое поученіе митрополитъ начинаетъ слѣдующимъ любопытнымъ предвареніемъ: «веліихъ поученій, о любимицы и возлюбленныя ми дѣти о Христѣ, (подобало ми) бесѣдовати къ вамъ и водою Его напоити благую вашу землю, глаголю — ваши души, но не данъ ми даръ язычный по божественному Павлу, яко

---

1) Напечатано преосв. Макаріемъ въ двухъ видахъ, — приложеній къ 2 тому Исторіи №№ 9 и 10. Указаніе дѣйствительнаго князя, къ которому адресовано, у Попова, стр. 109.

2) Напечатано въ Рускихъ Достопамятностяхъ, ч. I стр. 61.

тѣмъ языкомъ творити ми порученная и того ради безгласенъ по средѣ васъ стою и молчу много. Потребну же сущу поученію нынѣ приходящихъ ради дней святаго великаго поста, того ради писаніемъ поученію лѣпо быти размыслихъ». Эти слова показываютъ, что митрополитъ, незнавшій русскаго языка, написалъ свое поученіе по гречески, велѣлъ перевести его на русскій и заставилъ сказать другаго [1]).

Единственный, извѣстный въ настоящее время, писатель изъ Грековъ не митрополитовъ, есть монахъ Θеодосій, жившій въ Кіевѣ въ половинѣ XII в. и по всей вѣроятности состоявшій при каѳедрѣ митрополичьей въ качествѣ клирика или чиновника. Такъ какъ онъ хорошо зналъ славянскій языкъ (насколько это было возможно для Грека), то необходимо думать, что онъ жилъ въ Россіи очень долго, а затѣмъ намъ сдается, что онъ былъ человѣкъ, игравшій въ свое время далеко не послѣднюю роль. Несомнѣнно принадлежащій сему Θеодосію литературный трудъ есть не сочиненіе, а переводъ, именно — переводъ съ греческаго языка на славянскій посланія папы Льва I или Великаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану о четвертомъ вселенскомъ или Халкидонскомъ соборѣ, сдѣланный по просьбѣ князя — монаха Николая Святоши [2]). Со всею и рѣшительною вѣроятностію считаемъ мы произведеніемъ сего Θеодосія «Слово о вѣрѣ крестьянской и латыньской», которое усвояется нашими рукописями преп. Θеодосію Печерскому, какъ написанное имъ въ отвѣтъ на вопросъ вел. кн. Изяслава Ярославича [3]). Во-первыхъ, преп. Θеодосій Печерскій вовсе не могъ имѣть тѣхъ свѣдѣній объ отступленіяхъ и обычаяхъ латинянъ, которыя сообщаетъ авторъ; во-вторыхъ, совершенно и нисколько не идетъ къ преп. Θеодосію то, что онъ — авторъ говоритъ о себѣ и о своемъ отцѣ и наконецъ въ-третьихъ — преп. Θеодосій и на вопросъ Изяслава: достоинъ ли рѣзать скотъ въ недѣлю, начинаетъ отвѣтъ: «что взмыслилъ, боголюбивый княже, впрашати мене некнижна и худа о таковѣй вещи», но такъ ли отвѣчаетъ нашъ

---

1) Поученіе напечатано преосв. Макаріемъ, Исторіи т. 2, изд. 2 стр. 366.

2) Переводъ напечатанъ въ Чтеніяхъ Обществ. Ист. и Древн., 1848 г. № 7. Начатый по просьбѣ Святоши, онъ оконченъ былъ послѣ его смерти (см. предисловіе и послѣсловіе), чѣмъ и опредѣляется время жизни переводчика. Посланіе Льва, славянскій переводъ котораго почему-то желалъ видѣть Святоша, по словамъ переводчика (въ предисловіи) ради вѣры князя отъ Рима въ Кіевъ пріиде; если понимать это не совершенно ясное не такъ, что посланіе написано въ Римѣ, а такъ, что его списокъ полученъ былъ изъ Рима, то изъ сего будетъ слѣдовать, что въ періодъ домонгольскій, черезъ купцовъ или кого бы то ни было, у насъ возможны были сношенія съ Италіей, а такимъ образомъ объяснится и та загадка, что изъ Бара было получено въ Кіевѣ сказаніе о перенесеніи мощей Николая Чудотворца.

3) Напечатано преосв. Макаріемъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями преп. Θеодосія въ Ученыхъ Запискахъ II Отдѣл. Академіи Наукъ, кн. II выпускъ 2-й.

авторъ на свой совсѣмъ другаго сорта вопросъ? Вообще мы не сомнѣваемся, что слово принадлежитъ нашему Ѳеодосію и написано имъ или для того же Николая Святоши, что̀ всего вѣроятнѣе, или для другаго какого нибудь князя, а преп. Ѳеодосію усвоено послѣ по весьма понятному недоразумѣнію. Отвѣчая на вопросъ Святоши или неизвѣстнаго князя, Ѳеодосій отчасти указываетъ отступленія и нечистые обычаи латинянъ, главнымъ же образомъ убѣждаетъ блюстися ихъ вѣры и ученія и бѣгать ихъ сообщества. Кирикъ въ своемъ Вопрошаніи, высказывая Нифонту мнѣніе о необходимости соблюденія супругами чистоты тѣлесной въ первую и послѣднюю недѣлю великаго поста, ссылается на какого-то Ѳеодоса, который, у митрополита слышавъ, такъ написалъ [1]). Такъ какъ Нифонтъ выставляетъ своего Ѳеодоса своимъ современникомъ, каковымъ былъ нашъ Ѳеодосій, и такъ какъ онъ представляетъ его человѣкомъ, близкимъ къ митрополиту, что̀ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать и о последнемъ: то оказывается совершенно вѣроятнымъ предполагать, что нашъ Ѳеодосій былъ авторомъ какого-то пока неизвѣстнаго каноническаго сочиненія. Наконецъ, мы съ своей стороны имѣемъ весьма большую наклонность подозрѣвать, что именно этотъ нашъ инокъ Ѳеодосій былъ авторомъ того житія св. Владиміра, по которому послѣдній посылалъ пословъ по землямъ для смотрѣнія вѣръ и изъ котораго возникла повѣсть объ его крещеніи, помѣщенная въ лѣтописи.

Свѣтская литература.

Для полноты обзора и ради нѣкоторыхъ читателей считаемъ не безполезнымъ сдѣлать дополненіе о памятникахъ мірской или свѣтской литературы періода до-монгольскаго, каковые памятники суть: Слово о полку Игоревомъ и Слово Даніила Заточеника или Заточника, имѣющія впрочемъ между собой общаго единственно только то, что принадлежатъ авторамъ свѣтскимъ, а не духовнымъ.

Слово о полку Игоревомъ, что значитъ слово о походѣ Игоревомъ, неизвѣстно — озаглавленное такъ отъ самого ли автора или отъ переписчиковъ, но въ самомъ текстѣ называемое авторомъ повѣстію и пѣснію и приравниваемое къ былинамъ, есть героическая поэма, по внѣшней формѣ не въ стихахъ, а въ прозѣ, впрочемъ до нѣкоторой степени ритмической или пѣвучей, о неудачномъ и несчастномъ походѣ одного изъ князей русскихъ на Половцевъ.

[1]) См. въ рукописяхъ; въ печатномъ это мѣсто, долженствовавшее быть на стр. 185, опущено.

Половцы, азіатскіе кочевники, явились въ степеняхъ нынѣшней Новороссіи, между Дономъ и Днѣпромъ, въ половинѣ XI вѣка, вытѣснивъ прежде кочевавшихъ тутъ Печенѣговъ, послѣ чего и оставались сосѣдями Руси до самаго нашествія Монголовъ, которое ихъ уничтожило. Какъ имѣютъ себя всѣ вообще кочевники, однимъ изъ ихъ занятій и однимъ изъ средствъ ихъ существованія были хищническіе набѣги на сосѣдей, вслѣдствіе чего у Русскихъ были съ ними почти непрестанныя войны, совершенно такъ, какъ послѣ у Москвы съ Крымскими Татарами. Половцы безъ всякихъ причинъ и поводовъ дѣлали набѣги на Русь, когда собирались съ силами или находили это удобнымъ; наоборотъ и Русскіе поступали совершенно подобнымъ же образомъ, — эти взаимные набѣги для той и другой стороны были дѣломъ, такъ сказать, совершенно обычнымъ. Одинъ изъ подобныхъ-то набѣговъ и составляетъ предметъ нашего слова или нашей повѣсти — пѣсни. Князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ изъ рода князей Черниговскихъ (внукъ Олега, правнукъ Святослава), занявшій престолъ въ 1182 г., сдѣлалъ на Половцевъ, въ союзѣ съ другими князьями, въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду (1183 — 84), два большіе и очень удачные набѣга. Завидуя славѣ и успѣху или добычности этихъ набѣговъ, одинъ изъ князей тѣхъ же Черниговскихъ, не участвовавшій въ нихъ одинъ разъ по нехотѣнію, въ другой разъ по независящимъ обстоятельствамъ, именно двоюродный братъ Святослава, князь Новгородъ-Сѣверскій Игорь Святославичъ, рѣшился, утаясь отъ послѣдняго, сдѣлать свой частный набѣгъ. Взявъ съ собой своего брата Всеволода Курско-Трубчевскаго, племянника Святослава Рыльскаго и сына Владимира (Олега) Путивльскаго, Игорь выступилъ въ походъ противъ Половцевъ 23 апрѣля 1185 г. Вышедъ въ поле Половецкое около нынѣшняго Курскаго Бѣлгорода и въ направленіи къ юговостоку перешедъ рѣки Осколъ и Салницу, князья встрѣтили передовые отряды Половцевъ, которые знали объ ихъ замыслѣ и ждали ихъ, на рѣкѣ Сюурліи. Битва съ этими передовыми отрядами окончилась совершенною побѣдою Русскихъ; однако видя, что Половцы не захвачены врасплохъ, что они изготовились встрѣтить нападеніе и собрались всѣ, князья рѣшили ретироваться. Если бы они пустились въ обратный путь тотчасъ же послѣ побѣды, когда еще Половцы не собрались съ духомъ возвратиться на нихъ, то вѣроятно благополучно добрались бы домой съ славой и добычей. Но тѣ, у которыхъ кони были примучены въ предшествующей битвѣ, воспротивились немедленному отступленію, требуя нѣкотораго отдыха. Въ отдыхѣ проведена была ночь, слѣдовавшая за побѣдой, но на другой день Русскіе увидѣли передъ собою всѣ полки Половецкіе. Рѣшили всѣмъ спѣшиться, чтобы конные не могли оставить пѣшихъ въ добычу непріятелю, и за тѣмъ сдѣлать попытку вооруженнаго отступленія, подобно знаменитому отступленію Грековъ подъ

предводительствомъ Ксенофонта. Первые день и ночь отступали и бились благополучно. Но на другой день часть войска обратилась въ бѣгство; Игорь хотѣлъ было остановить бѣглецовъ, но, отдѣлившись для сей цѣли отъ своего полка, онъ былъ перехваченъ Половцами и этимъ все кончилось: всѣ остальные три князя взяты были въ плѣнъ, изъ всего войска отчасти перебитаго, отчасти взятаго въ тотъ же плѣнъ, отчасти загнаннаго въ море (Азовское), спаслось и прибѣжало на Русь менѣе 30 человѣкъ. Пользуясь побѣдой, Половцы сдѣлали одновременно два набѣга на Русь: одна половина опустошила область Переяславскую (осаждавъ Переяславль и потомъ взявъ и разграбивъ древній Римъ, нынѣшніе Ромны), другая — Курско-Черниговское Посемье (область по рѣкѣ Семи, нынѣшнему Сейму, откуда были взятые въ плѣнъ князья, пожегши волости и села и также острогъ г. Путивля). Между тѣмъ Игорь при помощи одного Половчанина, который возъимѣлъ благую мысль уйдти отъ своихъ въ Русь и пользуясь отсутствіемъ главныхъ князей Половецкихъ, бывшихъ въ сейчасъ помянутомъ походѣ на Русь, бѣжалъ изъ плѣна [1]) и возвратился въ свой Новгородъ.

Слово о полку Игоревомъ распадается на три части: предметъ первой — походъ Игоря, окончившійся его плѣномъ, во второй — сѣтованія о постигшемъ Русь несчастіи Святослава Кіевскаго и самого пѣвца, изображеніе дальнѣйшихъ бѣдствій Руси отъ Половцевъ, которымъ Игорь отворилъ ворота, призывъ къ князьямъ встать за обиду Руси съ поэтическими отступленіями и наконецъ плачъ Ярославны или супруги Игоревой Евфросиніи Ярославовны на забралѣ Путивльскомъ; въ третьей части — бѣгство Игоря изъ плѣна и радость о семъ Руси.

Слово не есть народная былина въ томъ смыслѣ, что оно сочинено устно и постепенно безличнымъ творчествомъ многихъ и было только записано кѣмъ-то уже готовое; оно несомнѣнно есть литературное или поэтическое произведеніе въ собственномъ смыслѣ, принадлежащее одному какому-то сочинившему или сложившему ее автору, вообще въ собственномъ смыслѣ сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя. Что въ періодъ домонгольскій, въ параллель къ литературѣ письменной, которая была исключительно церковною, существовала свѣтская литература неписьменныхъ народныхъ былинъ, это понятно, ибо устнаго народнаго творчества не въ состояніи подавить никакая крайность противоположнаго направленія

---

[1]) Въ плѣну Игорь содержался не какъ нибудь варварски, а напротивъ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и со всею подобающею его сану обстановкою, ибо Половцы въ одно и тоже время были и враги и очень хорошіе наши знакомые (между прочимъ ему было позволено выписать для себя изъ Руси священника). Тогдашній главный Половецкій князь Кончакъ былъ давнишній пріятель Игоря (Ипатск. лѣт. подъ 1180 г.) и женилъ его плѣненнаго сына на своей дочери.

письменной литературы. Но свѣтское произведеніе настоящей литературы письменной есть для того времени вещь весьма замѣчательная и представляющая немалую загадку, на которую пока далеко нельзя отвѣчать совсѣмъ удовлетворительнымъ образомъ. На Западѣ въ соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому время письменная литература была главнымъ образомъ, если не исключительно, также церковная, и однако тамъ дѣянія и подвиги рыцарей вызвали еще свѣтскую письменную литературу ихъ пѣвцовъ — такъ называемыхъ трубадуровъ. Кто сталъ бы думать о нашихъ князьяхъ періода домонгольскаго, что имъ былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ, подобно какъ напримѣръ царю Алексѣю Михайловичу, и нисколько не былъ присущъ духъ западнаго рыцарства, тотъ совершенно бы ошибался. Наши князья были потомками Норманновъ, которые впереди настоящихъ западныхъ рыцарей были рыцарями по преимуществу, и переставъ быть Норманнами въ смыслѣ разбойниковъ, они вполнѣ остались ими въ смыслѣ людей удалыхъ, въ смыслѣ именно рыцарей, ищущихъ славныхъ дѣлъ [1]). Но рыцарь безъ пѣвца не мыслимъ, и если на Западѣ подвиги рыцарей породили особое сословіе этихъ нарочитыхъ пѣвцовъ, то возможно и естественно было случиться тому же и у насъ. Такимъ образомъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ смотрѣть на Слово о полку Игоревомъ не какъ на явленіе единичное и исключительное, а какъ на сохранившійся до насъ остатокъ нашего домонгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли отъ позднѣйшаго къ нимъ невниманія или еще пока скрываются въ рукописяхъ неоткрытыми [2]).

Въ единственномъ пока своего рода памятникѣ нѣкоторые наклонны видѣть произведеніе единственное и въ смыслѣ совершенства. Съ этимъ преувеличеннымъ мнѣніемъ позволимъ себѣ не соглашаться. Слово о полку

---

1) Рыцарская исповѣдь, которую дѣлаетъ Василько Ростиславичъ Теребовльскій (въ лѣтописи, подъ 1097 г.), несомнѣнно выражаетъ духъ наибольшей части нашихъ князей періода домонгольскаго. Владиміръ Мономахъ въ своей извѣстной духовной грамотѣ дѣтямъ главнымъ образомъ дѣлаетъ то, что изображаетъ въ своемъ лицѣ истиннаго рыцаря, которому дѣти должны подражать. Самъ нашъ Игорь, отправляясь въ походъ на Половцевъ, главнымъ образомъ мечталъ о томъ, чтобы превзойти отцовъ и дѣдовъ и до конца взять славу и честь (Лаврент. лѣтоп.). См. также Ипатск. лѣтоп. 2 изд. стрр. 545 и 554.

2) Полагаемъ, что авторъ Волынской или Галичской лѣтописи подъ 1201 г. (въ самомъ началѣ) имѣетъ въ виду подобную пѣснь о Владимірѣ Мономахѣ; находимъ возможнымъ полагать, что Даніилъ заточеникъ приводитъ слова изъ подобной пѣсни о Святославѣ, когда говоритъ: «Святославъ князь, (сынъ) Игоревъ, идя на царя съ малою дружиною, рече»... и пр. Когда въ 1251 г. Даніилъ Романовичъ Галичскій съ братомъ Василькомъ возвратились съ побѣдой изъ похода Ятвяжскаго, то «пѣснь славну пояху има» (Волынск. лѣтоп., 1251 г. fin.).

Игоревомъ, безспорно, есть весьма хорошее и весьма замѣчательно поэтическое произведеніе, но имѣемъ смѣлость еретически или не еретически думать, что не болѣе и что до верха совершенства ему весьма далеко. Оно обыкновенно читается послѣ предварительнаго обстоятельнаго знакомства съ событіемъ и лицами, которые въ немъ воспѣваются, къ каковому знакомству служитъ повѣсть о походѣ Игоря, читаемая въ Ипатьевской лѣтописи, написанная непосредственнымъ современникомъ, чуть ли даже не участникомъ похода, и передающая событіе весьма полно, не только съ внѣшнею обстоятельностію, но и внутреннею живостію. Но отстраните это предварительное знакомство, которое при чтеніи слова дорисовываетъ картины, и вы будете видѣть въ немъ болѣе мелкающія тѣни, чѣмъ живыя и оконченныя изображенія, болѣе намеки, чѣмъ вполнѣ высказанныя рѣчи, такъ что оно болѣе смотритъ какъ бы программой поэмы, чѣмъ самой поэмой въ обработанномъ вполнѣ видѣ.

Несомнѣнно, что прозаическимъ источникомъ поэмы служила сейчасъ помянутая повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенная въ Ипатской лѣтописи, и едва ли не должно будетъ признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза выше поэзіи. Въ день выступленія Игоря въ походъ противъ Половцевъ случилось солнечное затмѣніе; по этому поводу онъ говоритъ у лѣтописца дружинѣ, которая видѣла въ семъ худое для себя предзнаменованіе: «братья и дружино, таїны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ (яко) и всему міру своему, а намъ что створитъ Богъ или на добро или на наше зло, а тоже (это) намъ видити»; въ словѣ по тому же поводу Игорь говоритъ: «братіе и дружино, луцежъ бы потяту [1]) быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бързыя комони» [2]). Первое къ дѣлу и прекрасно, о второмъ нельзя этого сказать. Лучшимъ мѣстомъ въ словѣ считается плачъ Ярославны. Положимъ, что онъ хорошъ; но намъ, во-первыхъ, представляется, что Ярославна могла бы плакать нѣсколько пространнѣе, а также и нѣсколько чувствительнѣе; во-вторыхъ, тутъ вотъ какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши въ первой юности, и однако ея плачъ ограничивается только мужемъ, ни словомъ не касаясь сына; думаемъ, что совсѣмъ хорошій поэтъ никакъ не забылъ бы про мать и даже поставилъ бы ее впереди жены. Заглянувъ въ лѣтопись, находимъ и еще поводы къ неудомѣніямъ. Въ послѣдней читаемъ, что когда пришла въ Посемье вѣсть о несчастіи, постигшемъ Игоря и его дружину, то «возмятошася городи Посемьскіе и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и во всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изы-

---

1) Убиту.

2) Коней.

мана, избита; и мятяхуться акы въ мотви [1]), городи воставахутъ и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ». Объ этомъ общемъ плачѣ всей Посемской области у нашего автора ни слова.

Слово о полку Игоревомъ замѣчательно какъ произведеніе совершенно національное и совершенно самостоятельное, не состоящее ни подъ малѣйшимъ вліяніемъ нашей переводной литературы періода домонгольскаго. Ни единымъ словомъ внѣшняго выраженія и ни единымъ образомъ внутренняго представленія Слово не напоминаетъ этой литературы, представляя совершенную самобытность и совершенную оригинальность, и отсюда свѣжесть. Всѣ другіе наши писатели, употребляя выраженіе одного изъ нихъ, суть болѣе или менѣе пчелы, которые «медвеный сотъ свой — сладость словесную и разумъ собираютъ по многимъ книгамъ», такъ что съ перваго звука у каждаго слышишь знакомое пѣніе, но авторъ Слова о полку Игоревомъ, пчела или не пчела, съ своимъ особеннымъ, незнакомымъ голосомъ. Полагаемъ этимъ доказывается то, что мы говорили выше, именно — что Слово не должно быть понимаемо какъ явленіе единичное и исключительное въ своемъ родѣ, а должно быть считаемо единственнымъ дошедшимъ до насъ или единственнымъ пока извѣстнымъ намъ памятникомъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ памятниковъ нашего трубадурства. Явившись у насъ и установившись твердо еще до того времени, какъ греческое вліяніе стало болѣе или менѣе сильно заявлять себя, оно и на все послѣдующее время осталось областью своей и особой, не хотѣвшей поддаваться этому вліянію.

Слово Даніила заточеника или заточника также представляетъ собой замѣчательную вещь, но совсѣмъ въ другомъ и противоположномъ смыслѣ, а именно — какъ курьёзъ, показывающій, что и въ періодъ домонгольскій были у насъ писатели что̀ называется съ вывороченой головой или печальные геніи — шуты.

Даніилъ былъ служилымъ человѣкомъ, какъ кажется, не особенно большимъ, хотя и довольно близкимъ, при Суздальскомъ князѣ Юріи Долгорукомъ. За какую-то вину, едва ли не за трусость на войнѣ, онъ сосланъ былъ княземъ въ ссылку или заточеніе на край Бѣлозерья, въ городъ Каргополь, что̀ на Лачь или Лачѣ озерѣ. Въ этомъ заточеніи Даніилъ и написалъ свое слово, адресованное къ князю. Представлялось бы, что слово будетъ просительнымъ моленіемъ князю о прощеніи вины и объ освобожденіи. Цѣль его дѣйствительно есть та, чтобы получить освобожденіе, однако оно — вовсе не моленіе. Даніилъ воображаетъ себя величайшимъ мудрецомъ и какъ бы вторымъ Соломономъ и слагаетъ для князя нравоучительное слово о томъ и семъ и о tritum per-

[1]) Какъ рыба въ мотнѣ невода.

tritum, которое онъ, какъ самъ сознается, повыписывалъ изъ книгъ: это премудрѣйшее слово должно доказать князю то, что думаетъ о себѣ онъ самъ, а за симъ должно послѣдовать и освобожденіе, ибо такую «тучу художества и ума», какъ говоритъ о себѣ Даніилъ, должно пустить на землю, т. е. такого мудреца странно держать въ заключеніи. По содержанію своему слово есть нескладный рядъ нравоученій à la Соломонъ и Сирахъ, отчасти обращенныхъ къ князю, котораго нашъ мудрецъ поучаетъ безъ всякой церемоніи, отчасти ни къ кому или ко всѣмъ. Свои премудрыя рѣчи нашъ новый Соломонъ безъ всякаго жеманнаго скромничанья начинаетъ такимъ воззваніемъ: «вострубимъ, братіе, яко въ злато-кованныя трубы въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребреныя аграны и возвѣемъ мудрости своя», и за тѣмъ далѣе тоже безъ всякой церемоніи не однакратно заявляетъ о своемъ великомъ умѣ, подъ потокъ капель котораго только подставляй скудельничи сосуды.

Полагаемъ, что Долгорукій не удивился премудрости своего Суздальскаго Соломона и не освободилъ его изъ заточенія за его нескладную болтовню (нескладную въ общемъ, но не въ частностяхъ, которыя авторъ просто выписываетъ оттуда и отсюда). Но по самому Даніилу это освобожденіе было дѣло рѣшонное и притомъ въ своемъ игривомъ воображеніи онъ хотѣлъ, чтабы оно совершилось вовсе не просто, почему на концѣ своего знаменитаго творенія приписалъ: «сія словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ и запечатахъ въ воску и пустихъ во езеро, и земъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ее пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія» [1]). Въ старое простодушное время Даніилъ дѣйствительно слылъ за того мудреца, за котораго онъ себя выдаетъ; мѣсто, куда былъ сосланъ знаменитый человѣкъ и откуда вышло знаменитое твореніе, долго помнили, и подъ 1371 г. лѣтописецъ, говоря объ Лачѣ озерѣ, замѣчаетъ: «идѣже бѣ Данило заточеникъ» [2]).

Итакъ, въ періодъ до-монгольскій наши предки не имѣли настоящаго просвѣщенія и имѣли одну только грамотность, подобно тому какъ и во все послѣдующее время до Петра Великаго. Однако при этомъ должна быть сдѣлана нѣкоторая оговорка. Хотя до-монгольское образо-

---

[1]) Т. е. мы думаемъ, что приписка эта принадлежитъ самому Даніилу. Даже въ новѣйшее время находились смиренные духомъ люди, которые видѣли тутъ дѣйствительный фактъ.

[2]) Слово Даніила напечатано въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка Калайдовича и по другой редакціи—Ундольскимъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г.; замѣтка объ одномъ спискѣ слова Тихонравова — въ Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древностей егоже, томъ 3, Смѣси стр. 93. За подлинникъ или наиболѣе близкое къ подлиннику мы считаемъ напечатанное Калайдовичемъ.

ванное общество наше было такъ же только грамотно, а не образованно въ собственномъ смыслѣ, какъ и послѣдующее наше образованное общество въ продолженіе сейчасъ указаннаго времени; но тѣмъ не менѣе оно должно быть представляемо высшимъ по своему развитію (насколько можетъ быть рѣчь о развитіи при простой грамотности), чѣмъ послѣднее. Это по той же причинѣ, по которой двѣ деревни, одинаково безграмотныя, по находящіяся — одна близъ города, а другая въ глуши, различаются по степени развитія (о какомъ, подразумѣвается, можетъ быть, тутъ рѣчь) своихъ жителей, или по которой крестьяне, ходящіе «на городъ», — на заработки въ столицы, отличаются отъ крестьянъ, сидящихъ дома. Послѣ нашествія Монголовъ у насъ порвались и мы сами порвали всякія связи со всѣми другими людьми, такъ что мы остались совершенно одни и замкнулись исключительно въ самихъ себя, ставъ какъ бы глухою деревнею. Но до нашествія Монголовъ мы были деревней подгородной, — мы находились сравнительно въ живомъ общеніи съ другими людьми, высшими насъ по развитію. Во все продолженіе періода Кіевскаго митрополитами нашими были Греки и во все продолженіе его жило у насъ немалое количество другихъ Грековъ на каѳедрахъ епископскихъ и въ качествѣ чиновниковъ при митрополитахъ и епископахъ. Во все продолженіе періода книжные и благочестивые Русскіе люди, изъ монаховъ и изъ мірянъ, побуждаемые паломническимъ усердіемъ и простымъ любопытствомъ, несомнѣнно — въ большомъ количествѣ посѣщали Константинополь, легкая водяная дорога въ который изъ Кіева была такъ знакома по связямъ торговымъ, а наши купцы, ведшіе торговлю съ Константинополемъ, ежегодно проживали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Наконецъ, въ этотъ періодъ, въ видѣ единичныхъ исключеній, и изъ самихъ Русскихъ бывали люди съ настоящимъ греческимъ образованіемъ. Точно также и съ европейскимъ Западомъ въ продолженіе всего періода мы не были совершенно разъединены, какъ послѣ, а водили болѣе или менѣе близкое знакомство: въ городахъ нашихъ мы постоянно видѣли въ большомъ числѣ тамошнихъ купцовъ и ремесленниковъ; съ непосредственными нашими сосѣдями — Поляками и Венгерцами мы постоянно имѣли тѣсное политическое общеніе, то сами вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, то терпя ихъ вмѣшательство въ наши дѣла, то находясь съ ними въ положительной дружбѣ, то въ положительной враждѣ (которая есть также средство взаимообщенія людей, какъ и дружба); князья наши въ продолженіе всего періода не перестовали водить родственныхъ связей со всѣмъ Западомъ, то выдавая туда замужъ своихъ княженъ, то приводя оттуда себѣ въ замужество тамошнихъ княженъ. Все сейчасъ сказанное нами напрасно и совершенно не основательно было бы преувеличивать, увлекаясь желаніемъ такъ или

иначе создать изъ до-монгольскихъ предковъ нашихъ настоящую Европу. Но ни какое дѣйствіе не остается безъ всякаго вліянія, и необходимо думать, что домонгольскіе предки наши, имѣвшіе общеніе и водившіе знакомство съ людьми образованными, до нѣкоторой степени представляли изъ себя нѣчто другое, чѣмъ предки послѣ-монгольскіе, для которыхъ прекратилось это общеніе и которые прекратили это знакомство. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся еще послѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Татищевъ объ училищахъ и просвѣщеніи у насъ въ періодъ домонгольскій.

Національная гордость Русскаго человѣка не слишкомъ легко мирится съ тѣмъ непріятнымъ фактомъ, что во все время нашего историческаго существованія до Петра Великаго мы оставались народомъ безъ просвѣщенія или что во все это время мы были народомъ непросвѣщеннымъ. Карамзинъ нашолъ средство удовлетворить нашей національной гордости, а именно тѣмъ способомъ, чтобы возложить вину на независящія обстоятельства: мы — Русскіе, желаетъ утверждать онъ, весьма хотѣли быть народомъ просвѣщеннымъ, мы-де заимствовали было отъ Грековъ просвѣщеніе и до такой степени начали успѣвать въ немъ, что собирались быть даже учителями западной Европы; но междуусобія князей и потомъ иго Монгольское подавили у насъ прекрасные, многообѣщавшіе, начатки просвѣщенія.

Не можемъ утверждать положительно, но наклонны подозрѣвать, что идею или мысль своей теоріи Карамзинъ заимствовалъ у Татищева. Какъ бы то ни было, но этотъ послѣдній впереди Карамзина также хочетъ утверждать, что въ періодъ домонгольскій существовали у насъ училища и было просвѣщеніе, т. е. именно настоящія училища и настоящее просвѣщеніе.

Можетъ быть, что уже и Татищеву національная гордость не позволяла думать, чтобы мы были народъ никогда не имѣвшій просвѣщенія. Но во всякомъ случаѣ у него были еще и главное составляли иныя побужденія. Родившись въ старой до-петровской Руси и перешедъ въ новую Русь съ самимъ Петромъ [1]), Татищевъ (талантливѣйшій и замѣчательнѣйшій самоучка) представлялъ изъ себя горячаго защитника новаго свѣта противъ старой тьмы, просвѣщенія противъ невѣжества. Въ этой борьбѣ съ невѣжествомъ за просвѣщеніе онъ хочетъ сдѣлать и имѣть нашу исторію своей помощницей. По качествамъ и складу своего ума наклонный къ свободѣ мышленія, воспитавшій и самообразовавшій себя по тѣмъ вольнодумнымъ книгамъ своего времени, которыя всю тьму и все зло въ мірѣ при-

---

¹) Онъ родился въ 1686 году.

писывали властолюбивому и своекорыстному духовенству (преимущественно, какъ должно полагать, Лексиконъ Байлевъ, — P. Bayle, Dictionnaire historique et critique, cfr т. I, предъизвѣщ. стр. XXIII sub fin.), Татищевъ представляетъ дѣло о просвѣщеніи въ нашей исторіи, въ назиданіе, т. е. въ обличеніе и посрамленіе людей, стоявшихъ за допетровское невѣжество, такимъ образомъ: въ періодъ домонгольскій князья наши усердно заботились о поддержаніи у насъ просвѣщенія и училищъ, причемъ заставляли помогать себѣ духовенство и пользовались имъ, какъ орудіемъ; «но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возросла, тогда имъ (духовнымъ) для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилося народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили» (см. у Соловьева въ Ист. т. XX, 2 изд. стр. 271).

Такимъ образомъ, для практическихъ цѣлей, для обличенія и посрамленія защитниковъ допетровскаго невѣжества, Татищеву нужно было, чтобы въ періодъ домонгольскій было у насъ просвѣщеніе. Для сихъ цѣлей онъ тамъ его и создаетъ.

Въ подтвержденіе своихъ общихъ рѣчей онъ приводитъ частныя положительныя свидѣтельства, — и въ этомъ-то вся сила: такъ или иначе, говорятъ, понимай Татищева, но положительныя свидѣтельства, которыя онъ приводитъ, доказываютъ фактъ существованія у насъ въ періодъ домонгольскій просвѣщенія и училищъ, ибо, говорятъ, эти свои положительныя свидѣтельства не сочиняетъ же онъ, а откуда нибудь беретъ. Несомнительно однако, что онъ ихъ сочиняетъ, понимая и комментируя по своему свидѣтельства всѣмъ извѣстныя, выдавая за прямые положительные факты только свои предположенія, прямо читая въ свидѣтельствахъ то, что онъ только желалъ бы видѣть въ нихъ написаннымъ (и при всемъ этомъ поступая не съ какою нибудь возмутительною недобросовѣстностію, а просто по обычаю большинства историковъ стараго времени, совсѣмъ не оставленному нашими историками даже и въ настоящее время) [1]). Татищевъ не говоритъ прямо, что въ своихъ показаніяхъ относительно училищъ и просвѣщенія онъ пользуется свидѣтельствами общеизвѣстными, но онъ даетъ это знать тѣмъ, что, за исключеніемъ одного случая, вовсе не ссылается на какіе нибудь особенные, бывшіе у него, манускрипты. Вотъ эти его показанія относительно училищъ и просвѣщенія у насъ въ періодъ домонгольскій по порядку хронологическому.

Подъ 1086 г. о дочери Всеволода Ярославича Янкѣ или Аннѣ, дѣвицею постригшейся въ монахини и собравшей черноризицъ многихъ въ монастырѣ св. Андрея, построенномъ для нея ея отцомъ, Татищевъ пишетъ: «собравши младыхъ дѣвицъ, нѣколико обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію, швенію и инымъ полезнымъ ихъ знаніямъ, да отъ юности навыкнутъ разумѣти законъ Божій и трудо-

[1]) Exempli gratia, объ одномъ изъ примѣровъ совершенно Татищевскаго обращенія съ источниками, дозволяемомъ преосв. Филаретомъ, см. у Ключевск. въ Житіяхъ святыхъ, стр. 143, прим. 2 (Не говоримъ уже о покойномъ А. Н. Муравьевѣ и о тѣхъ разныхъ, живыхъ и мертвыхъ, производителяхъ книжекъ по Русской исторіи, которые могутъ быть названы historici minores).

любіе, а любострастіе въ юности воздержаніемъ умертвятъ» (II, 138). Въ лѣтописи [1]) подъ тѣмъ же 1086 г. мы читаемъ: «Всеволодъ заложи церковь святаго Андрея при Иванѣ преподобномъ (*вар.*: при добромъ) митрополитѣ; створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же постряжеся дщи его дѣвою, именемъ Янька; (сія же Янка) совокупивши черноризицы многи, пребываше съ ними по монастырьскому чину». Все сейчасъ выписанное изъ лѣтописи Татищевъ приводитъ у себя передъ тѣмъ, что мы привели, и потомъ, не ссылаясь ни на какой новый источникъ, говоритъ приведенное. Ясно, что это послѣднее онъ не беретъ откуда нибудь изъ другаго источника, а говоритъ самъ отъ себя, высказывая свое собственное пониманіе дѣла и свое собственное представленіе о немъ, т. е. высказывая въ формѣ положительнаго факта, какъ бы ему самому желалось представлять дѣло. Ему мечтается Смольный монастырь для воспитанія благородныхъ дѣвицъ (по подобію таковыхъ монастырей на Западѣ) и вотъ древность и даетъ у него примѣръ подобнаго монастыря. Что мы должны понимать его такъ, а не иначе, это указываетъ онъ намъ тутъ же. Въ лѣтописи сказано, что Янка, «совокупивши черноризици многи, прибываше съ ними по монастырьскому чину». А онъ, въ назиданіе монахинямъ своего времени, передаетъ это: «многія инокини собравъ, пребывала въ немъ (монастырѣ) во всякомъ благоговѣніи, постѣ и цѣломудріи, храня жестоко законъ монашескій».

Подъ 1093 г. о помянутомъ Всеволодѣ Ярославичѣ, отцѣ Янки, по поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ пишетъ, что сей благовѣрный князь, измлада боголюбивый, между прочимъ «много въ монастыри и церкви на училища подаянія подавалъ» (II, 144). Сравнивая Татищева съ лѣтописью находимъ, что въ данномъ мѣстѣ онъ буквально воспроизводитъ послѣднюю и только вставляетъ одно слово «училища». Въ лѣтописи: «въздая честь епископомъ и презвитеромъ, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье имъ», а у Татищева: «епископамъ и всѣмъ духовнымъ честь великую воздавалъ, много въ монастыри».... Ясно, что это одно слово «училища» Татищевъ прибавляетъ самъ. Всеволодъ, какъ онъ зналъ (изъ духовной грамоты его сына Владимира Мономаха), былъ человѣкъ весьма образованный (о чемъ см. выше), и онъ не хочетъ думать, чтобы человѣкъ весьма образованный подавалъ монахамъ требованіе на что нибудь другое, а не на училища.

Подъ 1097 г., извѣстнаго нѣкоего Василія, написавшаго разсказъ объ ослѣпленіи Василька Галичскаго, внесенный въ лѣтопись, Татищевъ заставляетъ говорить: «Василько содержанъ былъ во Владимирѣ.... и какъ приближился постъ великій, случилося мнѣ быть тогда во Владимирѣ смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» (II, 181). Къ прискорбію людей, вѣрующихъ въ Татищева, мы захватываемъ здѣсь почтеннаго историка, такъ сказать, съ поличнымъ. Здѣсь не могутъ быть предполагаемы никакіе другіе неизвѣстные источники, потому что дѣло идетъ только объ одномъ извѣстномъ разсказѣ, какъ онъ читается въ лѣто-

---

[1]) Ипатской, въ данномъ случаѣ — одной, безъ Лаврентьевской.

писи. Мы знаемъ, что въ лѣтописи разсказъ этотъ читается безъ всякаго упоминанія объ училищахъ и учителяхъ [1]), и слѣдовательно ясно, что училища и учителей Татищевъ присочиняетъ самъ [2]).

Подъ 1180 г. о Смоленскомъ князѣ Романѣ Ростиславичѣ, по поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ говоритъ, что онъ «былъ вельми ученъ всякихъ наукъ», что «и къ ученью многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища и учителей, Грековъ и Латинистовъ своею казною содержалъ и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ» (III, 238). Обращаясь къ лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ (Ипатской, 2 изд. стр. 418 нач.), мы находимъ, что она распространяется въ похвалахъ умершему князю и только ничего не говоритъ объ его учености и его заботахъ о просвѣщеніи. Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ «всею добродѣтелью украшенъ»; а такъ какъ для Татищева первая добродѣтель была образованность, то онъ и усвояетъ ее князю. Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ «страха Божія наполненъ, нищія милуя, монастыри набдя»; такъ какъ для Татищева набдѣніе монастырей имѣло смыслъ единственно въ томъ случаѣ, если это было для поддержанія просвѣщенія, то онъ именно такъ и представляетъ дѣло. Когда онъ совсѣмъ присочиняетъ Грековъ и Латинистовъ, то въ первомъ случаѣ, вѣроятно, имѣетъ въ виду то, что къ дѣду Романову Мстиславу Владимировичу пришли въ 1137 г. четыре Грека (Мануйло, пѣвецъ гораздый самъ третій, — Ипатск. лѣт. подъ симъ годомъ), а во второмъ то, что въ его собственное — Татищева время въ Смоленскѣ, городѣ пограничномъ съ Польшею и нѣкоторое время находившемся подъ властію этой послѣдней, были и дѣйствовали на поприщѣ просвѣщенія (и вмѣстѣ совращенія) латинисты въ лицѣ іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ. Относительно Романа Ростиславича Татищевъ позволяетъ себѣ въ присочинительствѣ слишкомъ большую волю, какъ подозрѣваемъ, потому, что князь этотъ былъ его предокъ: Татищевы происходили отъ князей Соломирскихъ, а князья Соломирскіе были потомки князей Смоленскихъ. Нашедъ въ лѣтописи похвалу одному изъ князей Смоленскихъ, которая позволяла комментировать себя широкимъ образомъ, онъ и комментируетъ ее такъ, чтобы можно было съ гордостію сказать, что-де нашъ родъ издревле отличался великой любовью къ просвѣщенію.

---

[1]) Именно въ лѣтописи читается: «Василькови же сущю Володимери... и яко приближися постъ великій и мнѣ сущу Володимери, въ едину нощь присла по мя»... Лаврент. 2 изд. стр. 255, Ипатск. 2 изд. стр. 173.

[2]) А если бы какой нибудь защитникъ Татищева возразилъ, что-де у него могъ быть списокъ лѣтописи, въ которомъ разсказъ Василія читается такъ, какъ онъ приводитъ, т. е. съ прибавленіемъ словъ: смотрѣнія ради и пр., то отвѣтъ на это: лѣтописи первоначальной, въ которой помѣщенъ разсказъ Василія, извѣстно болѣе полсотни списковъ (Предисл. къ I т. Полн. собр. лѣтт. стр. XVII fin.) и во всѣхъ ихъ разсказъ читается одинаково; слѣдовательно предполагать, чтобы только у Татищева могъ быть списокъ, въ которомъ разсказъ читался посвоему, значитъ предполагать ту возможность, о которой говорятъ, что у Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

Подъ 1188 г. о Галичскомъ князѣ Ярославѣ Осмомыслѣ, по тому же поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ говоритъ, что онъ «изученъ былъ языкамъ (и) многія книги читалъ», что онъ «въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроя и наставляя зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ и учить понуждалъ, монаховъ же и съ ихъ доходы (и съ ихъ доходами, которые, подразумѣвается, самъ имъ назначилъ) къ наученію дѣтей опредѣлилъ» (III, 280). Обращаясь къ лѣтописи (Ипатской, 2 изд. стр. 441 fin.), находимъ, что въ нашемъ случаѣ Татищевъ почти не присочиняетъ отъ себя въ собственномъ смыслѣ, а только такъ возпроизводитъ находящееся въ лѣтописи, что въ этомъ воспроизведеніи является совсѣмъ иное, нежели въ послѣдней,— является, само собой разумѣется, съ тою цѣлію, чтобы создалось одно изъ свидѣтельствъ о существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій просвѣщенія. Весьма похваляя Ярослава, лѣтопись говоритъ, что онъ былъ «князь мудръ и рѣчистъ языкомъ»: изъ этого «рѣчистъ языкомъ» Татищевъ и дѣлаетъ свое «наученъ былъ языкамъ». Затѣмъ лѣтопись говоритъ, что князь «во всемъ законѣ Божіи ходилъ, къ церковному чину самъ приходя и строя добрѣ клиросъ»: эти слова Татищевъ воспроизводитъ доточно, и только прибавляетъ немногое (совсѣмъ измѣняющее смыслъ свидѣтельства), что онъ зловѣрное искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ. Лѣтопись говоритъ, что князь черноризскій чинъ любилъ и честь (ему) подавалъ отъ силы своея: подавать честь монахамъ для Татищева значитъ ни что иное, какъ давать имъ доходы на училища и ученіе,—такъ это онъ понимаетъ и представляетъ и въ данномъ случаѣ.

Подъ 1218 г. о князѣ Ростовскомъ Константинѣ Всеволодовичѣ по тому же поводу, что выше, Татищевъ пишетъ: «великій былъ охотникъ къ читанію книгъ и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многія древнія книги греческія цѣною высокою купилъ и велѣлъ переводить на русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралѣ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися; онъ имѣлъ однихъ греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали» (III, 416). Относительно сейчасъ приведеннаго Татищевъ увѣряетъ, будто «сіе выписано точно изъ лѣтописца Симонова, который (Симонъ, будто бы) сказуетъ, что «азъ быхъ при концѣ его и насладихся словесы мудрыми» (ibid. стр. 514, прим. 601—602). Подъ лѣтописцемъ Симоновымъ, какъ это необходимо думать, Татищевъ разумѣетъ Патерикъ Печерскій съ дополненіями лѣтописнаго содержанія (которыя Татищевъ принимаетъ за принадлежащія тому же Симону, что и самый Патерикъ, т. е. собственно часть послѣдняго). Сколько знаемъ, та самая рукопись этого такъ называемаго лѣтописца Симонова или Патерика, которая была въ рукахъ у Татищева, остается неизвѣстною [1]): но въ виду

---

[1]) Татищевъ говоритъ о своемъ спискѣ лѣтописца, что бралъ его у Артемія Волынскаго и что онъ кончался раззореніемъ Москвы отъ Тохтамыша въ 1384 году, — I, 58 sub fin.

безчисленнаго множества извѣстныхъ въ настоящее время списковъ Патерика Печерскаго, не представляющихъ ничего подобнаго тому, что выдаетъ Татищевъ за точную выписку изъ Патерика, кто будетъ имѣть охоту вѣрить ему, чтобы у него былъ единственный списокъ Патерика, въ которомъ будто бы читались неожиданныя извѣстія, имъ сообщаемыя? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что ничего подобнаго вышеприведенному Татищевъ не читалъ ни въ какомъ Патерикѣ и что все это онъ сочинилъ отчасти на основаніи Лаврентьевской лѣтописи, отчасти же вѣроятно ни на какомъ основаніи, а просто водимый своею смѣлостью въ соображеніяхъ и предположеніяхъ (которыя предлагалъ читателю уже въ видѣ положительныхъ фактовъ). Лаврентьевская лѣтопись, чрезвычайно похваляя Константина во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ объ его любви къ чтенію книгъ и объ его книжной начитанности, что онъ «часто чтяше книги съ прилежаніемъ», что онъ заповѣдывалъ и дѣтямъ своимъ книжнаго поученья слушати и что, одарованный отъ Бога мудростью Соломоновою, онъ всѣхъ умудрялъ тѣлесными и духовными бесѣдами (2 изд. стрр. 420 и 421). Эти свидѣтельства дѣйствительно даютъ право предполагать, что Константинъ обладалъ болѣе или менѣе хорошею библіотекою четіихъ книгъ: таковое предположеніе Татищевъ и дѣлаетъ, но только по своему обычаю и по своей въ данномъ случаѣ наклонности (именно—наклонности указать въ домонгольской Руси настоящимъ образомъ образованныхъ людей) превращаетъ предположеніе въ положительный фактъ, а книжную начитанность Константина понимаетъ какъ наученность многимъ наукамъ. Лѣтопись даетъ право предполагать библіотеку славянскихъ четіихъ книгъ и не дѣлаетъ никакого намека на книги греческія: откуда же беретъ Татищевъ эти послѣднія? При своеобразно-свободномъ пониманіи дѣла онъ находитъ свидѣтельство о нихъ все въ той же лѣтописи. Подъ тѣмъ же 1218 г. въ лѣтописи читается: «того же лѣта приде епископъ Полотьскій изъ Цесаряграда къ великому князю Костянтину (въ) Володимерь, вѣдый его любовь и желанье до всего божественнаго церковнаго строенья, до святыхъ иконъ и мощій святыхъ и до всего душеполезнаго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную, и принесе ему етеру (нѣкоторую) часть отъ страстей отъ Господень, яже насъ ради Владыка Іс. Христосъ отъ Іюдѣй претерпѣвъ пострада и мощи святаго Логина мученика сотника,—святѣи его руцѣ обѣ, и мощи святыя Марья Магдалыни» (2 изд. стр. 419). Татищеву не нужно было святыни и мощей, а нужны были книги, и вотъ сейчасъ приведенное онъ и переводитъ на свой языкъ такъ, что патріархи греческіе, зная любомудріе Константина, присылали ему въ даръ греческія книги. По поводу увѣренія Татищева, будто Константинъ однихъ греческихъ книгъ имѣлъ болѣе тысячи, можно выразить только сожалѣніе, что у него дрогнула рука и что вмѣсто тысячи онъ не написалъ: десять тысячъ... Какъ имѣетъ себя дѣло съ увѣреніями Татищева, будто Константинъ имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, будто онъ велѣлъ переводить греческія книги на русскій языкъ, будто многія дѣла древнихъ князей собралъ и отчасти самъ писалъ, отчасти другихъ заставлялъ трудиться,—такъ ли, что эти увѣренія суть плодъ какихъ нибудь недоразу-

мѣній и свободно понятыхъ намековъ или простое и чистое сочиненіе, сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ самъ Татищевъ даетъ намъ право предполагать тутъ возможность недоразумѣній съ его стороны какихъ бы то ни было курьезныхъ и сколько бы то ни было неосновательныхъ. Говоря о послѣдней увѣщательной бесѣдѣ умиравшаго Константина къ дѣтямъ, Татищевъ пишетъ: «хотя слова его Симонъ записалъ, но неудобно (сомнительно), чтобы все и безпогрѣшно было, особливо въ началѣ о суетѣ жизни говоря примѣнялъ оную сну, якобы о будущемъ мало вѣрилъ» (III, 514 прим. 601—602). То есть, Татищевъ находитъ, что Константина (который по нему самому «въ наукѣ философія довольно просвященъ былъ», ibidd.) Симонъ хотѣлъ представить человѣкомъ невѣрующимъ (философомъ XVIII вѣка). Пусть прочтетъ читатель эту увѣщательную бесѣду Константина къ дѣтямъ въ той ея позднѣйшей редакціи, въ которой читалъ ее Татищевъ, въ Никоновской лѣтописи (II, 337 fin.) или въ Степенной книгѣ (I, 326), и онъ увидитъ, какъ иногда странно мерещилось достопочтенному историку [1]).

Библіографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности.

Изъ представленнаго выше общаго обзора существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной письменности и изъ представляемаго за симъ подробнаго ея обзора видно, что письменность эта была весьма не бѣдна. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ она была несравненно богаче, нежели сколько извѣстна намъ теперь и пока. Вотъ одно убѣдительное этому доказательство: изъ періода домонгольскаго сохранились до настоящаго времени или открыты до сихъ поръ только два мѣсяца Четіихъ-Миней (мартъ и май, см. ниже, параграфъ: Минеи — Четьи), и въ этихъ двухъ сохранившихся мѣсяцахъ находится 30 словъ Іоанна Златоустаго; если мы предположимъ, что въ несохранившихся или неизвѣстныхъ пока десяти мѣсяцахъ было въ общей сложности хотя по пяти въ каждомъ словъ, то получимъ, что намъ остаются неизвѣстными 50 словъ Златоустаго, бывшія въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ, а если предположимъ, что ихъ было въ общей сложности по 15 въ каждомъ, какъ въ двухъ сохранившихся, то получимъ огромную цыфру 150-ти. Иное изъ бывшаго у насъ въ славянскомъ переводѣ уже въ періодъ домонгольскій сохранилось только въ позднѣйшихъ рукописяхъ и съ такимъ подновленіемъ и такою передѣлкою языка

---

[1]) 11 Мая 1227 г. случился во Владимирѣ пожаръ, въ который, по лѣтописи, сгорѣлъ дворъ или дворецъ покойнаго князя Константина и бывшая на дворѣ или при дворѣ церковь святаго Михаила, украшенная помянутымъ княземъ. Татищевъ, повторивъ лѣтопись, не забываетъ того, что сказалъ о Константинѣ выше, и прибавляетъ относительно церкви: «при нейже трудилися иноки Русскіе и Греки, учаще младенцевъ», и относительно будто бы находившейся при ней библіотеки: «и погорѣли книги многіе, собранные симъ Константиномъ мудрымъ» (III, 446 нач.).

что въ послѣднемъ уже не можетъ быть съ увѣренностью открыто слѣдовъ древности; иное (и вѣроятно — весьма не малое) бывшее у насъ въ славянскомъ переводѣ уже въ этотъ періодъ можетъ оставаться еще не открытымъ, и наконецъ иное могло и совсѣмъ не дойдти до насъ. Вообще, на извѣстную намъ въ настоящее время нашу переводную литературу періода домонгольскаго должно смотрѣть вовсе такъ, что она представляетъ всю дѣйствительно бывшую литературу, а такъ, что она представляетъ только литературу намъ пока извѣстную.

Наибольшая часть переводовъ совершена не нами — Русскими и мы наибольшею частію только заимствовали ихъ у Болгаръ. Вопросъ: все ли, что было переведено Болгарами, было заимствовано нами отъ нихъ, есть вопросъ неудоборѣшимый. Если какой нибудь переводъ извѣстенъ по рукописямъ домонгольскаго періода, писаннымъ въ Россіи и вообще русскими писцами (что, кромѣ прямыхъ записей, узнается по языку, — по выговору и орѳографіи), то изъ сего ясно, что онъ былъ извѣстенъ русскимъ. Но если какого нибудь перевода неизвѣстно въ настоящее время по Русскимъ рукописямъ домонгольскаго періода, то изъ сего, наоборотъ, не слѣдуетъ непремѣнно, что онъ оставался неизвѣстнымъ нашимъ домонгольскимъ предкамъ, ибо это можетъ значить только то, что пока намъ остаются неизвѣстными или совсѣмъ не дошли до насъ рукописи русскія. На семъ основаніи, какъ выше въ общемъ обзорѣ, такъ и въ нижеслѣдующемъ обзорѣ подробномъ мы помѣщаемъ не только то, что находимъ въ русскихъ рукописяхъ домонгольскаго періода, но вообще все то, что извѣстно какъ существовавшее въ славянскомъ переводѣ въ періодъ домонгольскій.

Мы сказали выше, что не всякое присутствіе въ переводахъ болгаризмовъ непремѣнно значитъ, чтобы переводы совершены были въ Болгаріи, — что иное ихъ присутствіе вовсе не служитъ къ рѣшенію вопроса: въ Болгаріи совершены были послѣдніе или въ Россіи, и что такимъ образомъ отсутствіе положительныхъ свѣдѣній хотя бы объ одномъ переводѣ, совершенномъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій, и присутствіе во всѣхъ извѣстныхъ переводахъ болгаризмовъ, вовсе не должно быть понимаемо такъ, что въ Россіи въ періодъ домонгольскій не было совершено ни одного перевода. Къ этому не мѣшаетъ указать и еще на одно обстоятельство, которое должно удерживать отъ поспѣшнаго, рѣшительнаго заключенія, что Русскими въ періодъ домгонольскій не было совершено ни одного перевода съ греческаго: иные русскіе переводчики періода домонгольскаго могли переводить съ возможнымъ избѣжаніемъ болгаризмовъ или возможно чистымъ русскимъ языкомъ; относительно переводовъ такихъ переводчиковъ, если мы и имѣемъ ихъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ и въ ихъ древнемъ, нисколько не подновленномъ, языкѣ, не можетъ быть рѣшено (за недостаткомъ средствъ у русской филологіи), когда они совершены — въ періодъ домонгольскій или послѣ; затѣмъ, въ языкѣ подобныхъ переводовъ съ теченіемъ времени гораздо легче могли исчезнуть и сгладиться всякіе признаки древности, чѣмъ въ переводахъ съ болгаризмами (потому что позднѣйшіе писцы съ своими русскими архаизмами должны были обходиться свободнѣе, чѣмъ съ болгаризмами).

Настоящій обзоръ, для удобства справокъ, мы расположимъ не въ систематическомъ порядкѣ, а въ алфавитномъ, именно по алфавиту именъ писателей и названій книгъ, выдѣливъ только изъ алфавита и поставивъ впереди Священное Писаніе и еще отнести на конецъ, въ особый отдѣлъ, апокрифы.

Священное Писаніе.

Константинъ философъ, славянскій первоучитель (краткія свѣдѣнія о жизни котораго см. ниже, въ главѣ о богослуженіи), рѣшивъ дать Славянамъ, вслѣдствіе вызова отъ Моравовъ (какъ понимать этотъ вызовъ, см. тамъ же) богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, въ свою весьма недолговременную жизнь послѣ этого рѣшенія перевелъ изъ Св. Писанія вмѣстѣ съ богослужебными книгами то, что составляетъ богослужебный изборъ изъ него, т. е. Евангеліе и Апостолъ богослужебные (изборъ изъ того и другаго богослужебныхъ чтеній), Псалтырь въ полномъ составѣ и выборъ богослужебныхъ чтеній изъ книгъ Ветхаго Завѣта, составляющій такъ называемый Паремейникъ. Братъ Константиновъ Меѳодій, оставшійся послѣ него продолжателемъ его дѣла и жившій послѣ него (въ санѣ архіепископа Моравскаго) довольно долго, перевелъ всѣ книги Священнаго Писанія въ полномъ ихъ составѣ, за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ. Такимъ образомъ, уже первоучителями славянскими дана была Славянамъ Библія въ полномъ ея составѣ (за незначительнымъ сейчасъ указаннымъ исключеніемъ) на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ.

Что отъ Моравовъ Священное Писаніе было вмѣстѣ съ книгами богослужебными заимствовано Болгарами, а отъ послѣднихъ нами, это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но въ первомъ и во второмъ случаѣ оно могло быть заимствовано въ полномъ своемъ составѣ и не въ полномъ. Въ древнее время книги Свящ. Писанія никогда не писались такъ, чтобы всѣ составляли изъ себя одинъ томъ (одну цѣльную рукопись), потому что при древнемъ уставномъ письмѣ это былъ бы томъ невозможно огромный; онѣ всегда писались по частямъ,—пятокнижіе отдѣльно, книги историческія отдѣльно, пророки отдѣльно, и пр. При такомъ способѣ писанія книгъ библейскихъ могло случиться, что Болгары заимствовали отъ Моравовъ, а потомъ и мы отъ Болгаръ не всѣ ихъ, а только нѣкоторыя, или — чтобы не всѣ ихъ, а только нѣкоторыя, заимствовали если не Болгары отъ Моравовъ и мы отъ нихъ, то мы одни отъ послѣднихъ.

Какъ было въ дѣйствительности,— заимствовали мы отъ Болгаръ книги Свящ. Писанія въ полномъ составѣ или не въ полномъ, и въ томъ или въ другомъ составѣ мы имѣли ихъ въ періодъ домонгольскій, положительныхъ свидѣтельствъ относительно этого пока неизвѣстно. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется принимать первое. Изъ самаго конца періода домонгольскаго имѣемъ свидѣтельство, которое, хотя и не совершенно опредѣленно, увѣряетъ насъ, что въ концѣ этого періода у насъ были всѣ книги Свящ. Писанія въ полномъ ихъ составѣ. Поликарпъ въ Печерскомъ Патерикѣ, разсказывая объ искушеніи, случившемся съ затворникомъ Никитой (послѣ епископомъ Новгородскимъ, святымъ), говоритъ: «не

можаше никтоже стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Закона, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левита, Числа, Судіи, Царства, и вся пророчества по чину, и вся книги книгы жидовскіа свѣдяше добрѣ»[1]).

Между рукописями періода домонгольскаго, сохранившимися до настоящаго времени или открытыми и приведенными до сихъ поръ въ извѣстность, изъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта имѣемъ только рукописи Псалтыри, и именно—Псалтыри простой и съ толкованіями (толковой). Сохранившіеся списки первой, какъ книги богослужебной, укажемъ ниже, въ главѣ о богослуженіи; а сохранившихся списковъ второй извѣстно: одинъ небольшой отрывокъ изъ Псалтыри и одна цѣлая Псалтырь XI вѣка (первый Евгеніевскій, о немъ *Востоков* въ Учен. Зап. II отд. А. Н., кн. II вып. 2, стр. 59; вторая находится въ библіотекѣ Чудова монастыря,— *Срезневскій* въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 21 col. 2; весь сохранившійся остатокъ первой, образцы текста второй и фотографическіе снимки письма обѣихъ Псалтырей въ прилож. къ книгѣ Срезневскаго), одна Псалтырь XII (Публ. библіот., — *Срезневск.* ibid. 39). Не сохранилась до настоящаго времени, но извѣстна по сохранившейся записи рукопись 16 пророковъ, написанная въ Новгородѣ въ 1047 г. для князя Новгородскаго Владиміра Ярославича попомъ Упиремъ Лихимъ (Запись попа Упиря читается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ книгъ пророческихъ, см. ее у *Срезн.* ibid. 12. О существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій именно книгъ пророческихъ свидѣтельствуетъ и лѣтописецъ, когда подъ 1037 г., говоря о пользѣ чтенія книгъ, вмѣстѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ и житіями святыхъ называетъ и эти книги: «почитая пророческыя бесѣды»...[2]).

Изъ Евангелій небогослужебныхъ, представляющихъ не богослужебный изборъ чтеній, а евангелистовъ въ полномъ составѣ, извѣстно только одно,—написанное неизвѣстно гдѣ въ 1144 г. (такъ называемое Галичское или Крылосское, въ Московской Синодальной библіотекѣ, *Горск. и Невостр.* Опис. Сгнодд. ркпп. № 29, Отд. I стр. 208 sqq).

Что касается до небогослужебнаго Апостола, то въ отдѣльномъ и вмѣстѣ полномъ составѣ книгъ его составляющихъ неизвѣстно ни одного списка, но извѣстны списки: 1) написанный въ 1220 г. и содержащій посланія ап. Павла къ Римлянамъ, два къ Кориноянамъ, къ Галатамъ и недоконченное къ Ефесеямъ (пре-

---

[1]) Въ самомъ Патерикѣ Печерскомъ кромѣ сейчасъ прямо названныхъ книгъ есть еще ссылки на книгу Іова (Симонъ въ повѣстяхъ о черноризцѣ Еразмѣ и чернор. Ареѳѣ) и на Екклезіаста (Симонъ въ первой повѣсти fin.: «обѣщайте бо ся, рече, и воздадите, уне бо есть не обѣщатися, неже обѣщавшуся не въздати», — Экл. V, 4. Указаніями обязаны покойной М. А. Викторовой въ ея русскомъ переводѣ Патерика).

[2]) Рукопись Троицкой Лаврской библіотеки, № 2, содержащую библейскія книги: Іисуса Навина, Судей, Русь и Есфирь, И. И. Срезневскій на основаніи лѣтописной замѣтки наклоненъ относить къ ближайшему времени послѣ 1237 г. (Древнн. памм. Р. п. и яз., 57), но, кажется, правѣе описали библіотеки, которые относятъ ее къ исходу XIV вѣка.

рывающееся на 4 ст. 4-ой гл.) вмѣстѣ съ толкованіемъ на нихъ, принадлежащимъ или покрайней мѣрѣ усвояемымъ Икуменію Трикскому (*Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп. № 95, Отд. II, 1, стр, 142); 2) написанный до 1250 г. или около и содержащій Апокалипсисъ съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго (*Срезн.* Древн. памм. Р. п. и яз., 59 col. 2).

Изъ толкованій па книги Св. Писанія находились въ славянскомъ переводѣ въ нашъ періодъ домонгольскій:

1. На книгу Іова толкованіе Олимпіодора діакона Александрійскаго (— сокращенное, см. *Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп. № 1 — 3, Отд. I, стр. 59 и № 63, Отд. II, 1, стр. 54).

2. На Псалтырь два толкованія, — усвояемое Аѳанасію Александрійскому (*Востох.* Опис. Рум. Муз. № 331, стр. 469 и *Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп. №№ 64 — 69, Отд. II, 1, стр. 69) и принадлежащее Ѳеодориту Кирскому (*Востох.* ibid. № 333, стр. 470), оба совершонные у Болгаръ въ самое первое время славянской письменности (*Востох.* ibid.).

3. На 16 пророковъ толкованіе довольно значительно неполное, принадлежащее неизвѣстному, главнымъ образомъ сокращенное изъ Ѳеодорита Кирскаго, но также выбранное и изъ другихъ отцовъ. Съ этимъ толкованіемъ читались книги пророческія въ той рукописи 1047 г., о которой сказали мы выше (*Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп., № 78 и слѣдд. Отд. II, 1 стр. 109 sqq; о самомъ толкованіи, — объ его составѣ и неполнотѣ, стр. 113).

На пророка Даніила толкованіе Ипполита Римскаго, состоящее изъ 12 словъ. См. о немъ книгу *И. И. Срезневскаго:* Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, Спб. 1874, стр. 8 sqq., а два первыя слова напечатанными по Чудовской рукописи XII — XIII в. тутъ же, втораго счета стр. 5 sqq (заимствованіе Кіевскимъ лѣтописцемъ подъ 1111 г. изъ 9-го слова сего толкованія—Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 195).

4. На первыя пять посланій ап. Павла толкованіе Икуменія Трикскаго, о которомъ сказали мы выше и которое покойный А. В. Горскій, какъ кажется, относитъ къ началу XIII вѣка (Опис. Сvнодд. ркпп. Отд. II, 1 предисл. стр. 11).

5. На Апокалипсисъ толкованіе Андрея Кесарійскаго, относимое А. В. Горскимъ къ началу XIII вѣка (ibidd.).

Писатели и книги въ алфавитномъ порядкѣ.

Августинъ Иппонійскій. Краткая выписка изъ: «Угустина отъ уставьныихъ» (ἐκ τῶν δογμάτων, — содержащая нѣкоторыя подобія, уясняющія тайну св. Троицы), *Нач.* Съмотрпимъ, кая е огньная сила, — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. л. 247.

Агапій преподобный. См. ниже апокрифы.

Амартолъ Георгій. См. Георгій Амартолъ.

Анастасія Синаита (о которомъ см. *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 571) «Отъвѣти противу нанесенымъ ему отвѣтомъ» (читай: вопросомъ) въ числѣ 385-ти, составляютъ главное содержаніе Святославова Изборника 1073 г. лл. 27 — 223 (о славянскомъ раздѣленіи вопросо-отвѣтовъ, не соотвѣтствующемъ греческому, см. у *Горск. и Невостр.* въ Описаніи Сунодд. ркпп. № 161). Слово о судѣ, имый (sic) ученіе св. поста, *Нач.* Подобьно постьный начатъкъ цѣломудрьнаго покаяніія образъ церкви имать ученія св. Духа, — читается въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12. л. 195.

Андрей Іерусалимскій (монахъ) или *Критскій* (архіепископъ). Похвала о четверодневнѣмъ Лазарѣ, *Нач.* Лазорь, пришьдъши и съвькупи съборъ и хощеть своего ожитія,—въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, л. 222 об. (Чтеній Общ. Истор. и Древн. 1879 г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 34. Въ греческомъ подлинникѣ слово въ Патрологіи Миня t. 97 p. 960. Въ семъ же томѣ у Миня и о самомъ Андреѣ). Объ его толкованіи на Апокалипсисъ см. выше, въ отдѣлѣ: Свящ. Писаніе.

Антіоха, инока монастыря св. Саввы *Іерусалимскаго* (о которомъ см. *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 499 fin.) Пандектъ [1], состоящій изъ 130 нравоучительныхъ главъ, переведенъ былъ на славянскій языкъ не позднѣе XI вѣка. Древнѣйшій списокъ Пандекта, именно XI вѣка, находится въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ; о немъ — Извѣст. Акад. Н. 1858 г. стрр. 44 и 131 и *Срезневск.* Древніе Памятники русскаго письма и языка, стр. 21 fin. (образцы текста и фотографическій снимокъ письма въ приложж. къ книгѣ Срезневскаго). Значительная часть Пандекта читается въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII вѣка, № 12, лл. 64—155. Оглавленіе Пандекта *у Горск. и Невостр.* въ Опис. Сунодд. ркпп. № 153, Отд. II, 2, стр. 247 sqq.

Антоній и Силивестръ. См. Кесарій.

Апостольскія заповѣди. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. л. 247 об. выписка: «О обавленіи Господьни отъ апостольскыхъ заповѣдій». *Нач.* «Роди бо ся убо Господь нашь Іс. Хс. отъ святыя дѣвы Марія...»

Афродитіанъ. См. ниже апокрифы.

Аѳанасій Александрійскій. Четыре слова его противъ Аріанъ переведены были на славянскій языкъ по порученію царя Болгарскаго Сумеона, епископомъ Константиномъ (см. Константинъ пресвитеръ). «Въпрашаніе князя Антіоха у св. Аѳанасія архіепископа», *Нач.* «Въпросъ: отъ сущьства ли свѣта сего ангели, ли отъ коея вещи»—въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII—XIII в., № 12, лл. 188 об. — 193 об. О переводѣ толкованія на псалтирь, усвояемомъ св. Аѳанасію, см. выше въ отдѣлѣ: свящ. Писаніе, а объ его житіи Антонія Великаго см. ниже, параграфъ: Минеи-Четьи.

Богородицы хожденіе по мукамъ. См. ниже апокрифы.

---

[1]) Пандектъ, греческ. πανδέκτης, отъ πᾶν и δέχομαι, буквально значитъ всепріемникъ, по отношенію къ книгѣ — сборникъ.

Василій Великій. Выписка «Отъ того, еже на Еуномія, о святѣемь Дусѣ». *Нач.* «А якоже душевный недугъ есть, еже злѣ»,— въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. л. 4. «Въпроси и отвѣти *(будто бы)* Григора Богословьца и Василія» (о воплощеніи Сына Божія и о невидимости Божества). *Нач.* «Василій: чьто есть начало; Григорій: прьвая вина»,— въ томъ же Изборникѣ, л. 241 об. Въ Супрасльской рукописи — Похвала Василія Великаго о 40 мученицѣхъ, *Нач.* «О мученици памяти, како сытость будетъ...» Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, Слово Василія (не можемъ сказать — Великаго ли) о различіи законъ, *Нач.* «Шестіи закони дашася человѣку преже въ плъти Господа нашего Іс. Христа пришьствія»,—л. 46 об. Если не необходимо, то по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно думать, что такъ называемыя Постническія слова (Постная книга) Василія Великаго или его сочиненія о монашествѣ (τὰ ἀσκητικά), если не въ полномъ своемъ составѣ, то частію, были переведены на славянскій языкъ уже въ древнее время (см. о нихъ въ главѣ о монашествѣ). Въ сейчасъ указанномъ Лаврскомъ сборникѣ за сейчасъ названнымъ словомъ Василія В. слѣдуютъ Правила монашескія, лл. 49—53; но въ описаніи рукописей, которое одно мы имѣемъ въ настоящую минуту подъ руками, не приведено ихъ начала и вообще ничего о нихъ не сказано, кромѣ того что онѣ въ рукописи безъ конца.

Геннадія патріарха Константинопольскаго († 471) «Стословецъ», представляющій собою какъ бы ручную христіанскую книжку, послѣ краткаго изложенія христіанской вѣры содержащій правила христіанской нравственности и всего христіанскаго доброповеденія, получившій названіе отъ того, что раздѣленъ на 100 краткихъ параграфовъ, читается въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в. № 12, л. 53 (и потомъ въ Лаврской Златой Чепи XIV в., № 11, л. 67 об. Въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. Отцевъ, въ годѣ 3-мъ, 1845).

Георгій монахъ, по прозванію *Амартолъ* [1]), жившій въ половинѣ IX в., написалъ сокращенную хронику (χρονικὸν σύντομον) отъ сотворенія міра до импер. Михаила III (842—867) [1]). Хроника эта, продолженная послѣ автора Симеономъ Логоѳетомъ или неизвѣстнымъ до 944 г., была переведена у Болгаръ на славянскій языкъ, подъ именемъ «Временника впростѣ», неизвѣстно когда до нашего первоначальнаго лѣтописца, который пользуется ею при составленіи своей лѣтописи, ссылаясь на нее словами: «глаголеть Георгій въ лѣтописаньи». Греческій подлинникъ хронографа напечатанъ Муральтомъ въ VI т. Ученыхъ Записокъ II Отд. Академіи Наукъ; древній болгарскій и позднѣйшій сербскій

---

[1]) Георгій по иноческому смиренію называетъ себя грѣшнымъ монахомъ, — Γεώργιος ἁμαρτωλὸς μοναχός; это грѣшный, ἁμαρτωλός, и обратили потомъ какъ бы въ собственное прозваніе Георгія.

[2]) Въ предисл.: ἕως τελευταίȣ Μιχαὴλ υἱȣ̃ Θεοφίλȣ, у *Мур.* стр. 3 sub fin., что́ въ болгарск. неправильно переведено: «до умертвія Михаила сына Ѳеофиля».

переводы остаются въ рукописяхъ. О хроникѣ: *кн. Оболенскаго* статья: О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники, — въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 4, Смѣсь; *Сухомлинова* изслѣдованіе: О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, — въ III т. Ученыхъ Записокъ II отд. Академіи Наукъ, стр. 85 sqq (о новыхъ выводахъ, къ которымъ пришолъ покойный Ундольскій касательно взаимнаго отношенія болгарской и сербской редакцій хроники см. въ статьѣ *А. Е. Викторова*: Очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ, приложенной къ Каталогу славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго, М. 1870, стр. 55 sub fin. Древнѣйшій списокъ болгарскаго перевода хроники Амартола, пергаминный, XIII вѣка [1]), находится въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи, № 100; но къ сожалѣнію, содержитъ не всю хронику, а только первую ея половину, до пятаго вселенскаго собора, что̀ въ греческомъ подлинникѣ у Мур. на стр. 528).

Георгій Хуровскій (Хировоскъ, о немъ ***Fabric.*** Biblioth. Gr., ed. Harles, XII, 18). Выписка изъ него «О образѣхъ» (о фигурахъ и тропахъ риторическихъ, которыхъ полагается 27) — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 237 об.

Глубинныя книги см. ниже апокрифы.

Григорій Антіохійскій (епископъ, † 594, — ***Fabric.*** Biblioth. Gr., ed. Harles, XI, 102). Слово на святое и спасеное погребеніе и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, *Нач.* Похвальнъ церковный сь законъ, готовяи ны тридневьныя съмьрти Спаса нашего память праздновати,—въ Майской Четь-Минеѣ XII — XIII в. Московскаго Успенскаго собора, л. 239 об. (Чтеній Общ. Истор. и Древн. 1879 г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 55. — Греческій подлинникъ слова указывается Фабриціемъ, ibid. X, 249).

Григорій Богословъ. Въ Санктпетербугской Публичной библіотекѣ есть рукопись XI вѣка, содержащая тринадцать словъ Григорія Богослова. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ, начиная съ XIV вѣка, находимъ собраніе шестнадцати словъ Григорія Богослова, сопровождаемыхъ толкованіемъ Никиты, митрополита Ираклійскаго. Восемь изъ этихъ 16-ти словъ суть тѣже, что̀ въ рукописи Публичной библіотеки, и восемь новыя. Переводъ послѣднихъ восьми словъ знатоками дѣла относится къ такой же глубокой древности, какъ и первыхъ съ прочими словами рукописи Библіотеки. Слѣдовательно, всѣхъ словъ Григорія Богослова, существовавшихъ въ славянскомъ переводѣ въ періодъ домонгольскій, извѣстно не менѣе

---

[1]) На обор. 17 л. рукописи, послѣ оглавленія и предисловія, находится изображеніе Спасителя съ стоящими по сторонамъ его мужчиной и женщиной. Надъ мужчиной надпись: «Михаілъ», а надъ женщиной: «Оксинья». Предполагаемъ, что это князь Михаилъ Ярославичъ Тверской съ своею матерью Оксиньей, cfr Лаврент. лѣт. подъ 1285 г. На послѣднемъ листѣ рукописи (по неправильной перестановкѣ листовъ покойными Бодянскимъ или Ундольскимъ — теперь 9-мъ отъ конца и по помѣтѣ 265-мъ, обор.) есть приписка, но она замарана.

двадцати одного. О 13-ти словахъ, находящихся въ рукописи Публичн. библіотеки, см. *Востокова* въ Учен. Зап. II Отд. А. Н. кн. II, вып. II, стр. 75 sqq и спеціальный трудъ *А. С. Будиловича*: Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Импер. Публ. библіотеки XI вѣка, Спб. 1871. Самыя слова учено-дипломатическимъ образомъ напечатаны тѣмъ же Будиловичемъ подъ заглавіемъ: XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи и проч. Спб. 1875. Списокъ 16-ти словъ Григорія Богослова, съ толкованіемъ Никиты, митр. Ираклійскаго, пергаминный, XIV вѣка,— въ библіотекѣ Троицкой Лавры, № 8 (а въ библіотекѣ Моск. Д. Академіи великолѣпнѣйшій списокъ XVI в., № 70). Относительно глубокой древности перевода всѣхъ 16-ти словъ см. *Горскаго* и *Невоструева* въ описаніи Синодд. ркпп. № 117, Отд. 2 стр. 73 sqq (при своемъ описаніи рукописи Публичной библіотеки Востоковъ счастливо вспомнилъ, что Константинъ первоучитель, по Паннонскому житію, былъ горячимъ почитателемъ этого св. отца. Но на основаніи сего нельзя съ увѣренностію думать, какъ не думаетъ и Востоковъ, чтобы переводчикомъ словъ Григорія Богослова былъ самъ Константинъ, ибо онъ, неожиданно похищенный смертію весьма вскорѣ послѣ того, какъ рѣшилъ дать Славянамъ собственную грамоту, едва ли могъ имѣть время для перевода).

Въ рукописи Ново-Іерусалимскаго монастыря XI в., содержащей Пандектъ Антіоха, приписаны не позднѣе 1200 г. «Гранеса» Григорія Богослова, представляющія рядъ краткихъ нравоучительныхъ изреченій (лл. 309—311, см. *Срезн.* Древнн. памм. Р. п. и яз. 40 нач., а самыя Гранеса ibid. стр. 218). См. еще выше Василія В.

Для справокъ прилагаетъ здѣсь алфавитный указатель словъ Григорія Богослова, расположенный по ихъ началамъ. Сокращенія присемъ значатъ: ПБ.—рукопись Санктпетербургской Публичной библіотеки; НИ.—собраніе 16 словъ съ толкованіемъ Никиты Ираклійскаго.

1. Аѳанасья хваля, доброту похвалю, — Слово о святѣмъ Аѳанасьи. НИ. 13.

2. Въскрьсенія дьнь и зачяло десное, и просвѣтимся праздьньствомь. — Безъ надписанія (εἰς τὸ ἅγιον πάσχα καὶ εἰς τὴν βραδύτητα). ПБ. 13, НИ. 4.

3. Вьчера праздникомъ праздьновавъше просвѣщеніе, лѣпо бо,—На святое просвѣштеніе Господа Іу. Христа и о крьщеніи. ПБ. 3, НИ. 3.

4. Вѣмъ убо мънога словеса, съказанія словесьная, — Створено на погребеніе святаго Василіа. ПБ. 2, НИ. 12.

5. Друга вѣрна нѣсть измѣны сущихъ ничтоже, — Слово о Григорьи, братѣ Васильевѣ. НИ. 16.

6. Како вамъ наша о друзи и пастуси и спасущеи, — Слово о пришествіи 100 и 50 епископъ. НИ. 10.

7. Къ словесемь, иже красьно слово, нъ да отъ спасенія начьну, — Безъ надписанія (θεολογικὸς πρῶτος). ПБ. 8.

8. Маломь Кипріанъ убѣжа насъ отъ тщеты, — Слово о Кипріанѣ мученицѣ. НИ. 14.

9. Мужи к братія и съубозіи, нищіи бо вси — Слово о нищелюбіи. НИ. 8.

10. Мьнїй быхъ и мепиту исповѣдаю, покорихся Господеви и молихъся Ему, — Слово отходьное, бѣжанія дѣля на море Поньтьское... ПБ. 5.

11. На мѣстѣ своемь стану, рече чюдесьнъи Амбакумь. И азъ съ нимь дьньсь, — На святое свѣтлое воскрьсеніе, на рекомую пасху. ПБ. 11, НИ. 5.

12. О праздьницѣ въмалѣ помудримся, да духовнѣ праздьнуемь, — На святую пентикостію. ПБ. 12, НИ. 7.

13. Пакы мои Іисусъ, и пакы таина, таина не прельстива, — Слово на святое крьштеніе. ПБ. 1, НИ. 2.

14. Понеже оцѣстихомъ словесемь богословьца, якомуже подоба бытп, — Безъ надписанія (θεολογικὸς δεύτερος). ПБ. 9.

15. Поновленъ чтетъ 1 законъ добрѣ имущь, — Слово въ новую недѣлю и въ поновленья. НИ. 6.

16. Рѣшить ми языкъ пущеніе и прѣобижду человѣчь законъ, — Слово отвѣтьное створилъ, едва ся възврати отъ Поньтьскаго моря... ПБ. 6.

17. Сице убо моихъ словесъ прьво натрыжденіе съконьчася и съврьшися, — О Уліанѣ. ПБ. 7.

18. Христосъ раждаеться, славите, Христосъ съ небесе сърящете, Христосъ на земли, — Слово о рожденіи Христовѣ. ПБ. 4, НИ. 1.

19. Что же Макавѣи тѣхъ пришедшее торжьство не отъ многихъ чтомое. НИ. 11.

20. Что мученье, имже отъ любве присно мучимся, — Слово о словесѣхъ и о сбиратели Іульянѣ и о написаньи благословеснѣ. НИ. 15.

21. Чьто есть о мнѣ великая си таина, како по образу Божію, — О избіеніи града. ПБ. 10, НИ. 9.

Григорій, презвитеръ, мнихъ всѣхъ церковикъ Болгарскихъ церкви. См. Іоаннъ Малала.

Григорій Нисскій. Выписка «Отъ оглашеника» (ex Catechetico), *Нач.* «Мало убо глаголють и въмалѣ описано человѣче естество», — въ Святославомъ Изборникѣ 1073 г., л. 13 об.

(***Діоптра***, что порусски переведено Зерцало [1]), написанная въ 1095 г. инокомъ Филиппомъ для духовнаго отца Каллиника, имѣвшаго житіе «въ странахъ Смоленьскыхъ», представляетъ собой на греческомъ языкѣ поэму, состоящую изъ пяти книгъ или словъ, въ которой бесѣдуютъ (въ стихахъ) о предметахъ нравственныхъ и догматическихъ душа съ тѣломъ, и именно такимъ (оригинальнымъ) образомъ, что тѣло представляется учителемъ души. Ошибочно думая, что Діоптра была написана для жителя нашего русскаго города Смоленска, нѣкоторые полагаютъ, что она была переведена на русскій языкъ тотчасъ въ слѣдъ за на-

---

[1]) «Діоптра, нашимъ же языкомь нарицается зерцало». Но διόπτρα и δίοπτρον значитъ собственно не зерцало, т. е. зеркало, а инструментъ для смотрѣнія въ даль, для измѣренія высотъ и нивеллированія, — нѣчто въ родѣ астролябіи.

писаніемъ на греческомъ (см. Срезн. Древнн. памм. Р. п. и яз., 19 fin.). Но подъ «странами Смоленскими», что погречески μέρη τῶν Σμολένων, должно разумѣть предѣлы не нашего города Смоленска, а греческаго (болгарскаго) города Смоленъ (τὰ Σμόλενα), находившагося въ митрополіи Филиппской (каталогъ архіерейскк. каѳедръ, усвояемый надписаніемъ импер. Льву Мудрому) и полагаемаго учеными на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго городка Орфано или Орфани (недалеко на востокъ отъ впаденія въ море р. Струмы, между Аѳономъ и о. Тазосомъ, — *Тафель* De via Romanorum militari Egnatia, Tubingae, 1841, p. 16. Что же касается до перевода, то его должно относить къ позднѣйшему времени, и представляется весьма вѣроятнымъ думать, что онъ сдѣланъ былъ неизвѣстнымъ для того киръ Зиновія, который въ 1388 г. написалъ въ Константинополѣ списокъ Діоптры, находящійся въ библіотекѣ Чудова монастыря, — *Горск. и Невостр.* Опис. Сунодд. ркпп. № 170, Отд. II, 2 стрр. 456 fin. и 459 прим.; тамъ же см. и подобное оглавленіе Діоптры, а также и то, что Діоптра, изданная въ Евю, Вильнѣ, Кутеинѣ и пр., есть не наша Діоптра, — стр. 461).

Евсевій Александрійскій (епископъ, о которомъ *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, VII, 409). Слово о вшествіи Іоанна Предтечи во адъ, *Нач.* Възлюбленіи, добро есть рещи, како есть благовѣщеніе Предтечи во адъ, — въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII в. Московскаго Успенскаго собора л. 216 (Чтеній Общ. Ист. и Др. 1879 г. кн. I, библіографф. матерр. стр. 33).

Евсевій Кесарійскій. Виписка «Отъ лѣтниихъ» (о времени рождества, крещенія и смерти Іисуса Христа и о различіи времясчисленія у разныхъ народовъ), *Нач.* «По съконьчанію бо 5500 лѣту отъ зьданія миру», — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 247 об.

Епифаній Кипрскій. Выписка «Отъ Понари», *Нач.* «Вѣдомо да буде, яко вься притъча», — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 240 об., «О пророцѣхъ и пророчицѣхъ», *Нач.* «1 Адамъ, 2 Енохъ, 3 Ной», — тамъ же, л. 254, «О 16 пророку отъкуду бы или къде измреша», *Нач.* «О Осіе сынъ Веировъ бѣ отъ Велемоѳа» — тамъ же, л. 254 об. «Слово о погребеніи тѣлеси Господа нашего Іс. Христа и о Іосифѣ, иже отъ Аримаѳея»... *Нач.* «Что се дньсь мльчаніе много на земли» — въ Супрасльской рукописи (первый Кіевскій продолжатель первоначальнаго лѣтописца ссылается на Епифанія въ томъ, что къ коейждо твари и коемуждо языку ангелъ приставленъ, — подъ 1110 и 1111 годами, Ипатск. лѣт. 2 изд. стрр. 189 и 195).

Ефремъ Сиринъ. Слова Ефрема Сирина любилъ читать преп. Аврамій Смоленскій: «изо всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Ефрема (и) великаго вселенныя учителя Іоанна Златоустаго»... [1]); ссылается на Ефрема Сирина

---

[1]) Житіе Аврамія въ Правосл. Собесѣдн., 1858, ч. 3 стр. 142; см. также стр. 369.

и Симонъ въ Патерикѣ[1]). Въ пергаминной рукописи Троицкой Лавры XIII в., № 7, находится славянскій переводъ собранія словъ преп. Ефрема, извѣстнаго подъ именемъ Паренезиса, который надписывается: «Книги, глаголемыя Ефремъ, сказаетьжеся грьчьскимъ языкомь Перенесисъ, еже есть послушаніе и утѣшеніе и умиленіе[2]). Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, читается слово св. Ефрема, *Нач.* Молю вы, чада Божья, доброе порьвьнованіе пріимѣте, еже чисто,—л. 193 об., которое не изъ Паренезиса.

Златоструй, сборникъ словъ Іоан. Златоустаго. См. Іоаннъ Златоустый.

Златыя Чепи. Жизнеописатель преп. Аврамія Смоленскаго ссылается на книгу «Златыя Чепи всея вселенныя святыхъ отець»[3]). Какъ должно думать, Златыя Чепи эти представляли собою сборникъ, подобный позднѣйшимъ сборникамъ этого имени (Златая Чепь XIV в.—въ Троицкой Лаврской библіотекѣ, № 11).

Изборникъ Святославовъ. См. Сборники.

Икуменій Трикксiй. См. отдѣлъ: Свящ. Писаніе.

Ипполитъ Римскій. Въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г. два краткія сказанія Ипполита: «О 12 апостолу, къде кыижьдо ихъ проповѣда или къде умрѣша», *Нач.* «Петръ убо въ Понтѣ и въ Галатіи и въ Кападокіи, л. 261, и «О 70 апостолѣхъ», *Нач.* «1. Іаковъ, Божій братъ, епископъ въ Іерусалимѣ», л. 262. Въ рукописи конца XII—начала XIII вѣка, находящейся въ библіотекѣ Чудова монастыря, читается принадлежащее Ипполиту: «Съказаніе о Христосѣ и о антихристѣ» (напечатано покойнымъ Невоструевымъ въ книгѣ: Слово св. Ипполита объ антихристѣ, М. 1868). Объ его толкованіи на пророка Даніила, состоящемъ изъ 12 словъ, см. выше въ отдѣлѣ: Свящ. Писаніе.

Ириней Ліонскій. Выписка «Отъ того, еже отъ родьства» (о различіи души отъ Духа благодати)—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 246 об.

Исаія пророкъ. См. ниже апокрифы.

Исидоръ Пелусіотъ. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. выписка безъ заглавія, *Нач.* «Более и хуждее о единомь пытаемо есть», л. 10 об., и потомъ: «о 60 кънигъ и елко (елико) же свѣне (кромѣ) тѣхъ» (о книгахъ св. Писанія каноническихъ и неканоническихъ и о «ськровьныихъ» или апогрифахъ) л. 253 (см. *Пыпина* статью «Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ» въ Лѣтописи занятій Археогр. Комм. 1861 г., вып. 1, стр. 9 fin. sqq., гдѣ статья Изборника напечатана сполна). Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, читаются: блаж. Исидора Пилусійскаго разуми, *Нач.* «Яко печали съ благодареніемь търпящеи многы грѣхы расыплють», л. 175, и Написаніе о вѣрѣ, *Нач.* «Вѣрую въ

---

[1]) Въ повѣсти о Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ: «Ефремъ же рече: аще кому случится во враждѣ умрети, неизмолимъ судъ обрящетъ таковый».

[2]) Παραίνεσις собственно значитъ увѣщаніе.

[3]) Ссылается на разсказъ Чепей о нѣкоемъ святомъ отцѣ — оклеветанномъ и потомъ оправданномъ. Правосл. Собесѣдн. 1858, ч. III стр. 379 fin.

единаго Бога Отця нерожена и въ единого Сына рожена и въ единъ св. Духъ исходящь», л. 181.

Исихій Іерусалимскій. Выписка «Отъ того, еже о Христосовѣ рожденіи», *Нач.* «Въ четвьрьтодесятьное бо и въторое лѣто цѣсарьства Аугустова»,— въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 250.

Іаковъ патріархъ. См. ниже апокрифы.

Іеремія пророкъ. См. тамъ же.

Іоаннъ Богословъ,—мнимый. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 253, читается статья: «Богословьца отъ словесъ», *Нач.* «Нъ да убо не штюжими прѣлиштаються книгами»,— содержащая исчисленіе или списокъ книгъ Св. Писанія ветхаго и новаго завѣта. На греческомъ языкѣ эта статья: Ἰωάννȣ τȣ̃ εὐαγγελιστȣ̃ θεολόγȣ ἐκ τῶν ἐπῶν (см. *Пытина* статью, указанную въ парагр. Исидоръ Пелус., стр. 9 sqq, гдѣ наша статья напечатана вполнѣ).

Іоаннъ Дамаскинъ. Догматическое Богословіе Іоанна Дамаскина (Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξȣ πίστεως,—Точное начертаніе, собств.—обнародованіе, выданіе, изданіе, православной вѣры) перевелъ съ греческаго языка на славянскій Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, о которомъ см. въ слѣдующемъ за симъ параграфѣ. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. находится принадлежащія Іоанну Дамаскину или ему усвояемыя статьи: 1. «О Македоньскыихъ мѣсяцихъ отъ церковьнааго преданія», л. 250 об., 2. «Мѣсяци по Римлянемъ о различныихъ мѣсяциихъ... по Иудѣемъ... по Македономъ», л. 251 (обѣ статьи напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи письменъ», изданныхъ къ столѣтнему юбилею Московск. Университета, — палеогрр. снимковъ лл. V и VI), 3. «О въ (на) рочтитыихъ кънигахъ», л. 252 (напечатана *Калайд.* въ Іоан. Экзархѣ, стр. 133). Въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора читается Слово Дамаскина о изсохшей смоковницѣ, *Нач.:* «Подвижеть мя на пѣніе и бесѣду съсобьственое Божіе и отче Слово, еже отча пахузы не оставль» (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1879 г., кн. Библіографф. Матерр. стр. 26). О переводѣ Грамматики и Діалектики Дамаскина см. въ слѣдующемъ Іоаннѣ Экзархѣ.

Іоаннъ презвитеръ, ***экзархъ***[1]) Болгарскій, современникъ царя Симеона и одинъ изъ его сотрудниковъ по дѣлу введенія книжности (и просвѣщенія) въ Болгаріи, человѣкъ знаменитый въ свое время (какъ видно изъ отзыва пресви-

---

1) Слово экзархъ — ἔξαρχος, на древнѣйшемъ церковномъ языкѣ (вмѣстѣ съ гражданскимъ) значило перваго начальника и употреблялось объ епископахъ діоцезовъ (которые иначе назывались архіепископами, а потомъ стали называться патріархами). Въ позднѣйшее время слово екзархъ начало употребляться о людяхъ посылавшихся патріархами — епископами куда нибудь для исполненія какихъ нибудь временныхъ порученій (о духовныхъ чиновникахъ особыхъ порученій). Постоянные экзархи при патріархахъ — епископахъ производили годичные обзоры епархій и собирали съ нихъ подати (см. толкованіе слова екзархъ въ Сνнод. рки. по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 58 л. 1 и выписку изъ Законника Душана въ нашей книгѣ Краткій очеркъ истр. правв. церкк. Б., С.

тера Козьмы, о которомъ ниже). 1. Онъ составилъ «Шестодневье» или Шестодневъ,— книгу о шести дняхъ творенія, подобную Шестодневу Василія Великаго, которую отчасти сочинилъ самъ, отчасти избралъ изъ Василія В., Северіана Гевальскаго (изъ шести бесѣдъ Северіана о твореніи міра, которыя обыкновенно усвояются Іоанну Златоустому) и изъ иныхъ неизвѣстныхъ отцовъ, а также изъ Аристотеля; книгу свою онъ посвятилъ князю Симеону (т. е. написалъ ее, когда Симеонъ еще не принималъ титула царя), по просьбѣ котораго, какъ можно думать, ее и составилъ (Изслѣдованіе о книгѣ вмѣстѣ съ другими трудами Іоанна экзарха въ сочиненіи *Калайдовича*: Іоаннъ эксархъ Болгарскій, М. 1824. Подробное описаніе Шестоднева у *Горск. и Невостр.* въ Опис. Синодд. ркпп. № 54, Отд. II, 1, стр. 1 sqq. Самый Шестодневъ по древнѣйшему извѣстному списку,— Синодальному, писанному 1263 г. грамматикомъ Ѳедоромъ, учено-дипломотическимъ образомъ изъ буквы въ букву и изъ строки въ строку напечатанъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879 г., кн. III). 2. Онъ перевелъ, по настоянію нѣкоего черноризца Дукса [1]), Догматическое Богословіе Іоанна Дамаскина, не въ полномъ впрочемъ видѣ, а въ сокращеніи болѣе, чѣмъ на половину, изъ 100 главъ подлинника давая въ переводѣ 48 главъ (Изслѣдованіе у *Калайд.* въ Іоан. Экзархѣ, описаніе— у *Горск. и Невостр.* ibid. № 155, Отд., 2, стр. 288; самое Богословіе по древнѣйшему извѣстному списку, Синодальному XII—XIII вѣка, напечатано такимъ же образомъ, какъ Шестодневъ, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1877 г. кн. IV). 3. Онъ извѣстенъ, какъ церковный проповѣдникъ, и по его писательской способности и по благочестивой ревности весьма вѣроятно предполагать, что имъ написано немалое количество церковныхъ словъ; пока извѣстны однако всего четыре его слова: 1. На Вознесеніе,— въ Синодальной Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка (о которой ниже) и Волокол. ркп. № 431 л. 276; напечатано дважды— Калайдовичемъ въ Іоан. Экз. стр. 174 и Бодянскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Др., 1848 г. № 7; 2. На Преображеніе,—Волокол. ркп. № 432 л. 94; 3. На Благовѣщеніе Іоакима и Анны,—Волокол. ркп. № 432 л. 161; 4. о погребающихся въ церквахъ,—въ Макарьевск. Минеѣ подъ 16 Января. Въ рукописяхъ приписывается еще Іоанну экзарху переводъ Грамматики и Діалектики Іоанна Дамаскина, но, по изслѣдованію покойныхъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, ни тотъ ни другой не могутъ быть ему усвояемы (какъ обличающіе языкомъ значительно позднѣйшее время и указывающіе не на Болгарію, а на Сербію; а грамматика, по ихъ мнѣнію, должна быть считаема не принадлежащею и Іоанну Дамаскину,—Опис. Синодд. ркп. № 156, Отд. II, 2, стр. 312 sqq).

и Р., стр. 686, § 38). Презвитеръ Іоаннъ, по всей вѣроятности, былъ экзархомъ въ семъ послѣднемъ смыслѣ при одномъ изъ епископовъ Болгарскихъ или при самомъ митрополитѣ — патріархѣ.

[1]) Вѣроятно, одного и того же съ Тудоромъ или Ѳеодоромъ Доксовымъ, который въ 907 г. переписалъ переводъ словъ Аѳанасія Александрійскаго, принадлежащій презвитеру Константину, см. это слово.

Іоаннъ Златоустый. Словъ св. Іоанна Златоустаго домонгольскіе предки наши, какъ мы говорили выше, имѣли въ славянскомъ переводѣ весьма значительное количество. 1) Болгарскій царь Симеонъ Борисовичъ, получившій въ Константинополѣ отличное греческое образованіе и имѣвшій охоту и способность вводить въ Болгаріи греческія просвѣщеніе и книжность не только чужими руками, но и своими собственными, перевелъ обширный изборъ словъ Златоустаго, которому далъ названіе, заимствуя послѣднее отъ достоинства переведенной имъ книги, Златоструей книги или Златоструя [1]). Въ началѣ книги читается по рукописямъ принадлежащее неизвѣстному краткое предъувѣдомленіе, которое надписывается (киноварью): «Прилогъ самого христолюбиваго царя Семіона» (т. е. которое хочетъ сказать, что сія или нижеслѣдующая книга есть прилогъ, прикладъ, трудъ самаго царя Симеона) и которое читается: «Вся книгы ветхыя и новыя, внѣшняя и внутренняя, благовѣрный царь Сүмионъ божествьнаго писанія испытавъ и всѣхъ учитель нравы и обычая и мудрость разума всего, блаженаго же Іоанна Златоустаго почудився словесной мудрости и благодати святого Духа, и яко извыкъ ему чести вся книгы, изъбравъ его вся словеса изъ всѣхъ книгъ его въ *сія* едины сложи книгы, яже и прозва Златоструяя. Аще бо иного по сему имени Златоструяго прозваша, то и мы нѣсмы мню никакоже съблазнилися книгы Златоструяя нарекше [2]), елма же и Духа святаго ученія, акы златыми струями человѣчьскыми, сладкыми рѣчьми спасеннымъ покаяніемъ отъ всякаго грѣха омывая, къ Богу приводитъ»... Всѣхъ словъ въ Златоструѣ по счету 137; но такъ какъ подъ №№ 3 и 122 помѣщено дважды одно и тоже слово («Предъ вчерашнимъ днемь мы о діаволѣ»...); такъ какъ подъ №№ 130 и 137 помѣщены не слова, а подъ первымъ сказаніе (не имѣющее надписанія) объ изгнаніи Златоустаго и о возвращеніи его мощей («Изгнанъ бывъ иже покаянію учитель»...), а подъ вторымъ «Изборъ избранныи Іоаномъ Златоустьымъ словомъ 40 вкратцѣ» (крат-

---

[1]) Не самъ сдѣлавъ изборъ словъ изъ полнаго ихъ собранія, какъ это утверждаетъ неизвѣстный, не знавшій дѣла точно, авторъ предъувѣдомленія, которое приводимъ сейчасъ ниже, а взявъ готовый изборъ или сборникъ, существовавшій на греческомъ, см. книгу *В. Малинина* Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII в. Импер. Публ. библіотеки, Кіевъ, 1878. Можетъ быть и названіе Златоструя Сүмеонъ не самъ придумалъ, а уже нашолъ готовымъ. Что касается до перевода, то одинаково вѣроятно какъ то, что весь онъ совершонъ самимъ Сүмеономъ, такъ и то, что самимъ Сүмеономъ онъ совершонъ только отчасти, при содѣйствіи того или другаго количества помощниковъ.

[2]) Авторъ хочетъ сказать: если другаго (нѣкоего) прозвали симъ именемъ Златоструяго (кто разумѣется, не можетъ сказать; въ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ читается: «Геннадій, зовомый Златоструй»), то и мы, думаю, вовсе не должны соблазняться, что видимъ передъ собою (имѣемъ) книгу, которая названа (ея переводчикомъ) Златоструей (книгой). Г. Малининъ неправильно понялъ это мѣсто предъувѣдомленія, а поэтому и неправильно рѣшилъ вопросъ: что̀ принадлежитъ Сүмеону, — нашъ ли Златоструй, о которомъ говоримъ, или сборникъ Публичной библіотеки.

кое содержаніе 40 словъ Златоустаго: «О Адамѣ, о Евзѣ, о книгахъ... о сластехъ, о тѣлѣ человѣчи, свѣтѣ праведныхъ») и такъ какъ затѣмъ между словами 78 и 79 помѣщено слово, пропущенное въ счетѣ [1]), то въ дѣйствительности Златоструй содержитъ 135 словъ. 2) Послѣ Симеона неизвѣстный кто-то перевелъ другой изборъ или сборникъ словъ Златоустаго, въ которомъ 80 словъ и въ которомъ 67 словъ тѣже самыя, что въ Златоструѣ Сумеоновомъ, а 13 новыя [2]). 3) Существовало въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ собраніе словъ Іоанна Златоустаго, состоящее изъ 21 слова, извѣстное подъ именемъ Андріятиса, т. е. собраніе словъ, говоренныхъ Златоустомъ въ Антіохіи по поводу низверженія императорскихъ статуй (погр. Ανδριάντης отъ ἀνδριάς — статуя. См. *Горск. и Невостр.* Опис. Сунодд. ркпп. № 125, Отд. II, 2, стр. 111 sqq; оглавленіе словъ, кромѣ Царскаго, что указано въ Опис., еще въ Описаніи славянскихъ рукописей библіотеки Троицкой Лавры № 151); одно слово изъ этихъ 21-го читается уже въ Златоструѣ (15-е Андріатиса и 124-е Златоструя, Нач. «Подобно и днесь и въ прежнюю суботу»). 4) Находится 20 словъ Златоустаго въ Мартовской Четь-Минеѣ XI (такъ называемой Супрасльской рукописи, см. Минеи). 5) Находится 17-ть словъ Златоустаго въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, причемъ 5 словъ—общія съ Мартовской Четь-Минеей, одно—общее съ Златоструемъ (въ Златостр. 11-е, «Принеси днесь паче и прежнихъ»), и 11-ть новыя. 6) Читается 7 словъ Златоустаго въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, изъ коихъ три суть однѣ и тѣже съ Златоструемъ, одно общее съ сборникомъ Публичной библіотеки и три новыя. 7) Читается одно слово Златоустаго въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 17. Такимъ образомъ всѣхъ словъ Іоанна Златоустаго, существовавшихъ въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ, въ настоящее время извѣстно 203.

Для справокъ прилагаемъ при семъ алфавитный указатель словъ Златоустаго, составленный такъ же, какъ указатель словъ Григорія Богослова. Сокращенія означаютъ: Зл. — Златоструй, СПБ. — Сборникъ Публичной библіотеки, Андр. — Андріатисъ, СР.—Супрасльская рукопись, УМ.—Успенскаго собора Майская Минея, ЛС.—Лаврскій сборникъ.

1. Аще бо злобу иждενемъ и добродѣтель внесемь вся, — Яко лѣпо есть злобу изгонити отъ себе, а доброту вносити. Зл. 25.

2. Аще бы и огнь впасти, то не бы ли сего лѣпо готова подъяти, — Поученіе, въ немже сказается еже одесную сѣдѣніе и къ ученикомъ: учите вся страны и о разрѣшеніи заповѣдей малыхъ... Зл. 37.

---

[1]) Такъ по списку Моск. Д. Акад. № 43 (1474 г.): въ другихъ спискахъ слово отмѣчено цифрой 78 во второй разъ. *Малин.* стрр. 30 и 46.

[2]) Этотъ второй сборникъ сохранился въ рукописи Публичн. библіотеки XII вѣка. Описаніе у г. *Малинина* въ помянутой книгѣ (мы несогласны съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ относительно того, который изъ двухъ сборниковъ принадлежитъ Сумеону).

3. Аще кто отъ друга ближняго, отъ ужикы преобидѣнъ будеть, — Слово о ненависти и о враждѣ. Зл. 70.

4. Аще хощете, предложимъ вамъ о трьпѣніи и утѣшеніе. Зл. 97.

5. Благословенъ Богъ, утѣшивый болящая душа ваша, — Андр. 4.

6. Блаженъ мужь, иже не иде на съвѣтъ нечестивыхъ, — Слово о блаженѣ мужи. Зл. 78, второе.

7. Блаженный глаголеть Константинъ нѣкоторымъ образъ его съкрушимъ, — Слово о начальствѣ славы и царства и всякому властелю подобаетъ быти кротку и благу. Зл. 114.

8. Блаженыи Павелъ апостолъ всѣхъ языкь, учитель церковныи, — О покаяніи. Зл. 23.

9. Блюдѣте, обидливіи и о въскресеніи невѣрующеи, зѣло бо злѣ духовное строимо есть, — Слово, како достоитъ съ вѣрою приходити къ церкви и молитися о грѣсѣхъ Богови. Зл. 105.

10. Богоносивый Игнатій повелѣваетъ, глаголя епископомъ: внимайте, — Слово о чти священникь. Зл. 98.

11. Богь премудростію своею все добро сътвори и поряду все сказа намъ, — Слово о Адамѣ и о древѣ разумнѣмъ добра и зла. Зл. 49.

12. Богъ премудростію своею всю тварь сътвори изъ небытія въ бытіе, — Слово о твари Божіи и о кончинѣ смертнѣй и о покаяніи. Зл. 79.

13. Болѣзньно слово, якоже послѣднее мнѣ явися, нъ и многы, — О лъжихъ пророцехъ и о ложныхъ учителехъ и о безбожныхъ еретицѣхъ и о знаменіихъ скончанія хотящаго изыти отъ тѣлесе. Зл. 24.

14. Братіе, ныне приспѣ врѣмя добрааго исповѣданія и поспѣха, — Слово о постѣ, о средѣ и о пятъцѣ. СБП. 39.

15. Братіе, Павлова сладкаго (sic) словеса и поученія слышаще по вся дни чтома, — Слово о любодеицѣхъ и о двоженцихъ. Зл. 111.

16. Братіе, Павлова сладкаго ученія послушающе, распространите сердца и уши, — Слово о страсѣ Божіи и о пакааніи и о постѣ и о средѣ и о пятцѣ. Зл. 83.

17. Братіе, слышасте еуангелиста глаголюща: въ оно время идяше Іс въ градъ, — Слово о вдовици, еяже сынъ умре. Зл. 92.

18. Братіе, тяготу грѣховную оттрясуще отъ себе, въспрянемъ яко отъ сна тяжка, — Слово о ведрѣ и о казнехъ Божіихъ. Зл. 85.

19. Велика зима нъ подвизанія, — О хананѣи. Зл. 2.

20. Велико благо, възлюбленіи, божествьныхъ писаніи разумъ, се душу любомудрьну съдѣваетъ, — Поученіе о въдръжаніи отъ всея слабости и о отвръженіи обрѣзанія. Зл. 129.

21. Велико добро молитва, аще съ разумомъ и съ благодареніемъ будеть вздаема, — Слово о молитвѣ, яко добро съ разумомъ на всякомъ мѣстѣ молитися Богови... Зл. 117.

22. Велики вещи и великыхъ требуютъ исповѣданій. Слово о Іовѣ и о милостыни его. Зл. 96.

23. Видиши ли, како ти сътворивъ въстави Христа малое се, — Поученіе, еже Христосъ сѣдъ одесную, и да ся устыдимъ главы нашея... Зл. 36.

24. Видѣсте ли Божію мощь, видѣсте ли, — О трусѣ земнемъ. Зл. 7.

25. Видѣсте ли въ ону недѣно бърани и побѣду, бореніе діаволе, — Слово о покаяніи и о Каинѣ и о Авьли и о Данилѣ... СПБ. 48.

26. Внимайте се, възлюбленіи, и паче преклоните умъ вашь, прострѣте ядра душевная, — Слово, еже о Христѣ новая тварь, древняя мимоидоша... и о Платоновѣ блядословіи. Зл. 123.

27. Во время пѣхомъ вси обще, но днесь благословенъ Господь. Андр. 17.

28. Възлюбленіи, всѣхъ испытаніе будетъ съ истязаніемъ, — Слово обычно учити о геонѣ. Зл. 72.

29. Възлюбленіи, оставльше суетная дѣла и погыбающая житія сего, — Слово о суетномъ житіи и пльзѣ души и о умиленіи. Зл. 77, ЛС.

30. Въ истину тужу, ужастію сы одръжимъ, — Слово вь великы четврътъкъ. СР.

31. Въ лжу клѣнущіися велика зла достоини суть, братіе, — Слово о клѣнущихся Божіимь и честнымъ крестомь. Зл. 84.

32. Въста въ третіи день Господь нашъ Іс Христосъ, жизнь міру дая, — Слово на преславьное въскрешеніе тридневьное Господа нашего Іс Христа. УМ.

33. Время есть уже омытися, душе, и вся, — безъ надписанія. Зл. 5.

34. Вси убо вѣдятъ, яко начатокъ всему добру молитва есть, — Поученіе о молитвѣ. Зл. 73.

35. Всуду прельсть сама ся ослѣпьяетъ и не хотяшти истинѣ помагаетъ, — Отъ сказанія еуангельскаго, еже отъ Матѳея: наутрія естъ по пятьцѣ. СР., УМ.

36. Вьсѣется въ тѣло душевно, въстаетъ въ тѣло, — О богопохваленіи и о умершихъ. Зл. 10.

37. Вьсѣмъ намъ по ряду, — Слово о алканіи и о Іосифѣ и о Іонѣ и о Давыдѣ. СР.

38. Всяка душа властелемъ превладущимь да повинуется, много слово творити, — Отъ посланія, яже къ Римляномъ, отъ слова 24 слово. Зл. 43.

39. Вся убо възлюбленіи, яже въ времена, архіереи же и пастыриначальници и насъ священникъ божествьное слово, — Притча душеполезна о зміи, бесѣдуема о миродръжителехъ и всякой власти настоящаго сего житія. Зл. 52.

40. Вся убо душа молитва благодарьствіе (sic) да имать. Аще бо повелѣно ны есть молити не за вѣрныя тъчію, — Поученіе, да никтоже за брата своего Бога не молитъ злѣ, въ немже повелѣ... Зл. 38.

41. Вся убо заповѣди Господня чиста и прозрачна есть акы солнце, — Слово како достоитъ чадомъ чтити родителя своа. Зл. 109.

42. Вѣдуще ны рекша: у негоже учреждени будемъ, Павла чрѣдяше онъ, — Слово о страннолюбіи еже пріятья, то самого Христа пріемлеть. Зл. 88.

43. Вѣдѣ, яко добелѣйшемъ и о земныхъ тъчію зіяющемъ и чювьствьнымъ властемъ работающимъ, — Яко иже самъ себе не обидитъ, никтоже не можетъ его обидѣти, о святыхъ трехъ отроцѣхъ. Зл. 132,

44. Вѣсте ли убо, отъкуду намъ рѣчь пьрьвое начася, — Слово о десяти дѣвицъ и о милости и казни. УМ.

45. Гдѣ бо суть жены, яже всю нощь спятъ, гдѣ ли и мужи, — Отъ слова дванадесять шестое (sic). Зл. 41.

46. Да не величаеши убо о стояніи, нъ да хранишися отъ паданія, — Еже не отчаатися о грѣсѣ и еже не величатися о стояніи и о подаяніи нищихъ (sic). Зл. 30.

47. Да не невѣруеть убо никтоже о въскресеніи, — Отъ Коринъфінскыя посланіи. Зл. 16.

48. Да не мозѣте мнѣти, къ намъ се тъчію бесѣдуемо, се бо слово и къ вамъ есть, — Поученіе къ людемъ о вѣрѣ и о любовѣры (sic). Зл. 86.

49. Да не тужимъ о бѣдахъ, нападающихъ на ны, цѣломудріе бо то есть, — Вторыя посланіи прос Тимоѳеонъ прьваго слова, отъ поученія, въ немже глаголеть, иже въ печали не стужати си и печаль еже жену добру имѣти, Зл. 44.

50. Днысь, възлюбленіи, врачеви душевному поклонимся, позывающему насъ, — (Слово) о алканіи. СПБ. 71.

51. Дьнесь отъ мрътвыихъ въстоя Лазарь, — Слово о четрѣдьневнѣемъ Лазарѣ. СР.

52. Днысь фарисѣи владыку на обѣдъ възьва, чьсть съ укоръмь сьмѣсивъ, — Слово о блудьницы въ великую Среду. УМ.

53. Днесь Христосъ вьсѣмъ страсть самаряныни проповѣда, — Слово о саморяныни. УМ.

54. Добри тръпѣнія плъди, — Како Адамъ душу взя... и о страсти Господни. Зл. 1.

55. Добро есть время дьньсь вьсѣмъ намъ възпити, — Слово на тридневное вьскрѣшенье Господи нашего, въ понедѣльникъ. СР.

56. Добро есть постъ, добро и чьтеніе книжное, — Слово о постѣ и о милованіи нищихъ. СПБ. 69.

57. Добро убо, братіе, и зѣло пльзно въздръжати свой языкъ отъ многоглаголанія, въ немже нѣсть спасенія, — Слово о млъчаніи и о неудръжаніи языка. Зл. 118.

58. Древле Спасъ нашь по святого еуангелія преданію научи ны, — Слово отъ еуангелія: аще оставите человѣкомь съгрѣшеніа ихъ, оставитъ и вамъ Отець небесныи. Зл. 89.

59. Друзи и братіе, иже хощетъ въ царствіе божіе влѣсти, — Слово о скороминущимъ житіи семъ и грядѣмъ судѣ. Зл. 76.

60. Егда видиши богатѣющаго кого чресъ достояніе, не блажи его ни собѣ стужай, — Слово о богатствѣ злѣ и о убожьствѣ благотрьпѣливѣ. Зл. 119.

61. Егда въ болѣзнь впадеши, человѣче, помысли и въспомяни Іовову болѣзнь, — Слово о болѣзнехъ утѣшно и о врачѣхъ. Зл. 62.

62. Егда все строеніе сего міра испръва Богъ творяше, чюдеса о чюдесѣхъ творилъ, — Поученіе о словеси реченѣмъ: довлѣетъ ти благодать моя. сила бо моя... Зл. 133.

63. Егда грѣхъ съвъкупленъ будетъ съ смѣреномудріемъ, тако течетъ удобь,— Поученіе о смиренномудріи. Зл. 64.

64. Егда жизни скорое съкончаніе разумѣю и лѣтъ коньскы текущь,— Слово о 10 дѣвиць и о прилюбленіи убогыхъ. УМ.

65. Егда изъ чистую устну исходитъ мольба и отъ сердца несумнива,— Слово о прьвемъ надесять псалмѣ и о словеси, реченѣмъ въ Дѣяніихъ: быть же на утрья... у красныхъ вратъ. Зл. 108.

66. Егда на престолъ возрю, пустый и праздный учителя,— Андр. 3.

67. Егда помышлю преминувшую студень и настоящую тишину,— Андр. 11.

68. Егда убо Бога ради любими есмь, и мы длъжни есмь (sic) того чтити,— Слово, яко подобаетъ Бога любити паче и душа своея, о Авраамѣ и о Исаацѣ. Зл. 95.

69. Еже святыхъ озълобленіе осмеры числъмъ вины суть,— Разуми польѕніи отъ андріянтъ и отъ прокыихъ его душеполезныихъ ученіи. ЛС.

70. Елико васъ Иліини ученици есте,— Слово вь велику среду о зависти, еже въ еуангеліи речено: излѣзше фарисеи съвѣтъ... СР., УМ

71. Закону убо црькъвнууму,— О святѣмъ Ѳомѣ апостолѣ и на Аріаны. СР.

72. Зрю вашея любве ненасыщены и желанія многа и распростерта ума и вся глядяща,— Слово: и насади Богь рай прямо въстьку и введе ту человѣка, егоже сътвори. Зл. 48.

73. И быть належащу народу на Іисуса, егда послушааху святыхъ его словесъ,— Слово о Петрѣ и о рыбахъ. Зл. 93.

74. И вчера рекохомъ: благословенъ Богъ, и нынѣ тожде паки реку,— Андр. 12.

75. Иду длъгъ вамъ отъдатъ,— Слово въ новую недѣлю и о невѣрьствіи Ѳомы. СР.

76. Идя за мя, сотоно, пакость ми еси, яко не смыслиши Божіихъ,— Яко недостоитъ намъ стыдѣтися крестнымь знаменіемъ, нъ паче красоватися. Зл. 22.

77. Иже бо сътворить, рече, единому отъ хуждьшихъ, мнѣ створить,— О вдовахъ и убогыхъ, како въ монастыри живуще... Зл. 34.

78. Иже бо ярится на человѣка и на Бога, тако бо грѣси раждаются,— Еже не обидѣти друга, о иманіи чюждаго и о вдовицахъ, еже не посягати прочее и о ннесытыхъ (sic). Зл. 35.

79. Иже желѣетъ Христа видѣти и иже си жалитъ, имже Его нѣсть видѣлъ,— Слово къ невѣрующимъ Бога въплъщьшася и о въскресеніи. Зл. 101.

80. Иже коли женитися хотящеи да прочтутъ прежде законы завѣщаныя отъ Павла о брацѣхъ,— Слово о женахъ, кыя подобаеть приводити, и не пущати женъ. Зл. 67.

81. Иже о милостыни слово, възлюбленіи, не кь богатымъ речено есть тъчію, но и къ убогымъ,— Слово о милостыни отъ толкованія, еже къ Евреомъ посланія. Зл. 56.

82. И прежде къ вамъ и нынѣ къ вамъ глаголю, яру же,— Андр. 9.

83. И се дьва бѣста отъ идушта путьмъ вь дьнь въ вьсь,— На вьскрѣшеніе Христово отъ Лукы еуаггелиста. СР.

84. Какы убо отходы намъ лѣпо бы творити, что ли меню отходы,— Слово о церкви и о церковницѣхъ, яко лѣпо прежде всему въ дому си церковь устроити. Зл. 107.

85. Князя убо похвалимъ при попеченія, како возмятшыся градъ видѣвъ,— Андр. 16.

86. Кого убо иного на среду извести подобаетъ, о кротости вамъ глаголати хотящу ми, — Слово о безлобіи и о злопоминаніи. Зл. 59.

87. Коньчася убо намъ алчьбъныи трудъ, коньчажеся крьстомъ,—Слово въ святы пятъкъ. СР.

88. Лука же рече, яко ти повѣдаша знаменія Іоанну, и тогда посылая, обаче се ни единого имать бѣденьства, — Сказаніе еуангельскаго словесе: слѣшавъ же Іоаннъ въ темници. Зл. 134.

89. Люблю убо поста, яко отъ цѣломудрія есть и источникь премудрости всякоя, люблю же его и васъ дѣлма, — Слово о Адамѣ, яко прежде вкушенія дрѣва разумнаго вѣдяше ли, что добро и что зло. Зл. 50.

90. Мала нужда дьнесь къ вашеи любьви сьвѣштати, — Слово въ святый четврътькъ о предани Іюды и о пастѣ... СР.

91. Мало къ намъ днесь пришедшихъ, убо кая вина, память мученикомъ сътворяемь,—Слово поученіе, еже не преобидѣти церкве Божія и святыхъ таинъ. Зл. 61.

92. Милость Божію и человѣколюбіе проповѣдаеть убо тварь вься. — Слово въ великыи четвьртъкъ, егда умы (подраз.: Господь) нозѣ ученикомъ своимъ. УМ.

93. Многажды же нечистаго дѣля житія, — Отъ еврейскыя посланіи. Зл. 18.

94. Многа убо требуеть учитися нынѣ и въспріяти нашь разумъ, възлюбленіи, — Слово о смерти отъ тлъкованія, еже къ селуняномъ, отъ первыя посланіи. Зл. 126.

95. Многи видѣхъ радующеся и другъ къ другу глаголюще: преодолѣхомъ,— Андр. 18.

96. Многи убо истрошихомъ дни, утѣшающе вашу любовь,— Андр. 6.

97. Мнози глаголють, что ради не явилъ Богъ изъ начала того прельстившаго врага въ рай, — Слово о помыслѣ человѣчи и о льсти діаволи. Зл. 66.

98. Мнози не (*нужно:* се) слышавъше глаголють: блажени ти суть, — Поученіе къ людьмъ и о безумьныихъ. СПБ. 65.

99. Мнози отъ насъ человѣци къ плъти пригвожденіи и земнымъ радующеся вещемъ, — Слово о будущемъ судѣ и възданіи отъ словесе, яко безконечна есть мука. Зл. 58.

100. Мнози отъ человѣкъ, егда разбогатѣютъ и благоискусни будутъ,—Слово о благополучаи земныхъ вещіи и о Божіи промыслѣ сихъ неполученіемъ. Зл. 121.

101. Много молихъ вчера вашу любовь поминати реченыхъ и сугубу трапезу, — Слово: почто наречеся дрѣво разумно добра и зла и что: днесь со мною еси въ раи. Зл. 51.

102. Много убо и о множѣ вчера къ вашей бесѣдовахъ любви. — Андр. 7.

103. Молю вы и понуждаю много, о своихъ дѣтехъ творите промышленіе,— Слово о въскръмленіи дѣтій. Зл. 110.

104. Молю убо нынѣ, благочестивіи христолюбци, Богомь съвъкуплени кь сему поученію, — Поученіе и наказаніе на всяко прошеніе сердца, о пользѣ души творящимь волю Христову. Зл. 54.

105. На вьсѣко время добро и съпасно покааніе, — Слово о блудници вь великуу среду къ пастѣ. СР., УМ.

106. Напитастеся святыхъ мученикъ въ прежняя дни, — Андр. 19.

107. Не мало намъ стязаніе о предлежащихъ и еже о дѣлесехъ нуждьно,— Слово, яко вѣчна есть мука. Зл. 75.

108. Не мозѣмъ ни о комь же николиже неродити, не мьнѣти ся, — Слово о показающиихъ покаяніе лицемѣрно. СПБ. 78.

109. Не моземъ убо послушати ереси, не бо не може никтоже, — Отъ кореньфискыя посланія (sic) отъ слова 50, иже не положити иного основанія... Зл. 27.

110. Не мозѣмъ убо себе въврещи въ туже клятву, сего ради сынъ Божій пріиде, — Слово о надежи и о трьпѣніи. Зл. 125.

111. Не мозѣмъ убо спати, възлюбленіи, нѣсть бо лзѣ улучити царства небеснагѳ, — Слово о питающихся лихымъ имѣніемъ и о милостыни и о судѣ. Зл. 100.

112. Не толма бо человѣци на благодѣяніе урищутся, якоже боязнію въстягнутся, — Слово о кроткыхъ и о гнѣвливыхъ. Зл. 90.

113. Не якоже прилучися, градъ нашь діяволъ вчера возмяте, — Андр. 14.

114. Никакоже отпадаетъ владычьскаго обѣщанія скончанія, ихъ бо Спаситель обѣща,—Слово къ отъ роду хромаго, въ озрачныхъ вратѣхъ сѣдяща. Зл. 127.

115. Никтоже бо да не блазнится о злобѣ,се и съ высоты глаголеть писаніе, — Отъ пущенія (sic) кь Тимоѳѣю. Зл. 39.

116. Никто же отъ васъ, възлюбленіи, яже о души добродѣтели да не погубитъ, — Слово о клятвахъ, яко пользнѣе не клятися ни иного заклинати. Зл. 69.

117. Нъ да помянемъ и ту нощь и кладу и пѣсни молитвьныя твоя, се же творимъ и мы, — Отъ слова 36 и отъ поученія слово. Зл. 42.

118. Но о любовѣріи и о тъщіи славѣ, кака ти все развращаетъ и погубляетъ, — Слово о вѣрѣ и о тъщіи славѣ. Зл. 87.

119. Нъ понеже по сей благодати, еюже оправдихомся, — О апостольстемъ словѣ о (sic) посланіи, еже плакатися съ плачющими и радоватися съ радующими и о милости. Зл. 13 (Римл. XII, 15).

120. Нудить ядро глубокое рыбитвы, егда сѣть вьвргъ и многу ловитву морскую обіемъ, — Слово, зане безъ ума мятется всякь человѣкь живыи. Зл. 78.

121. Ныня слышасте пѣсньнописца Давида въпіюща, — Слово о Давидѣ цари и о Павьлѣ апостолѣ и о покаяніи, яко не достоить не чаяти своего спасенія. СПБ. 34, ЛС.

122. Нынѣ хотящеи приступити къ святѣй и страшнѣи тайнѣ, — Слово о причащеніи. ЛС.

123. О великъ дивъ, каковъ ти дивъ, отвѣтъ творитъ: не бо се вѣдуще умлъкнемъ, — Поученіе, да никтоже отчастъ грѣхъ ради и како въ церкви на молитвѣ. Зл. 104.

124. Око убо видя или дубъ цвѣтьчанъ, — Слово о смокви въ великый понедѣльникъ. СР.

125. Остаткы вчерашнего псалма, — О остатцѣ тогоже псалма. Зл. 9.

126. Отъ бѣды (въ иныхъ *ркп.:* отъ бесѣды), отъ неяже присно отъ времене бѣднаго къ вашей обыкохъ любви, — Андр. 20.

127. Отъ нелѣже чистыи праздьникъ пятьдесятьныи приходы Духа Святаго сътворихомы, — Слово о вьсѣхъ святыхъ. УМ.

128. Отъ тогожде начала и тѣхже противу, ихже вчера, и отъ негоже начахъ, и дньсь начну и реку, — Андр. 13.

129. Отъ чудесъ къ чудесемь Господьнемъ ходимъ, братія,—Слово на врьбьницу. СР., УМ.

130. Пакы благодать Божія събра ны, братіе, пакы поусти мя, — Слово о Аврамѣ и о сыну его Исаацѣ. Зл. 94.

131. Пакы великаго проразумѣнія показаніе, еже знаменатися, а не отлучити, — Поученіе, въ немьже о причастіи учя поминаетъ, и не лѣпитися послушающе... Зл. 33.

132. Пакы Иродія бѣсится, пакы мутится и пакы мятется, пакы мещетъ, пакы проситъ, — Слово о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычьныхъ и богобойныхъ. Зл. 68.

133. Пакы намъ друзи радость, пакы праздьникъ свѣтьлъ, — Слово на сшествіе Святаго Духа. УМ.

134. Паки окаанніи всѣхъ человѣкь и грѣшнѣйши, — Къ жидомъ, исказивъшимь многыхъ церковныхъ (sic). Зл. 8.

135. Пакы радости благовѣштеніе, — Слово на Благовѣштеніе Богородици. СР.

136. По вънесеніи Господни, еже на небеса и ученикомъ възирающемь на небо, и се явися, — О вторѣмь пришествіи Христовѣ. СПБ. 80.

137. Подобаеть бо всякому христіанину, паче же,—Похвала о святѣмъ Павлѣ и о умиленіи. Зл. 20.

138. Подобно есть намъ, братіе, всегда събирающемся въ церковь съ любовію, единому божеству честь, — Слово о святѣй Троици и о твари и о судѣ. Зл. 47.

139. Подобно есть намъ, братіе, прилежно испытавъше, — Поученіе о причащеніи. ЛС.

140. Подобно и днесь и въ прежнюю суботу и о алчьбѣ подвигнути слово, и никтоже безъ времене, — Слово о напасти, яко потребно вездѣ страхъ и яко плачь смѣху успѣшнѣи. Зл. 124, Андр. 15.

141. Поистинѣ явися намъ благодать Іс Христова и сый въсія намъ сила благочестія,—Слово о вьчеловѣченіи Господа нашего Іс Христа и указаніе, яко надъ коеюждо страною приставленъ есть ангелъ. Зл. 131.

142. Помянухъ Бога и възвеселихся, великодарный послушествуетъ Давидъ,— Слово о въплъщеніи Господни и о пришествіи его, на общее въстаніе. Зл. 135.

143. Понеже убо Сынъ Божій и въ кръве мѣсто скотія свою кръвь внесе за человѣкы,—Слово о камканіи и о нищихъ и о милостыни. Зл. 106.

144. Поряду убо, братіе, бесѣдуя къ вашему събранію, на блаженаго Павла изведу слово, — Слово дръзости Павла апостола и похвала страданіемь его за Христа. Зл. 116.

145. Послушаимо Павла глаголюща и учаща, яко всѣмъ намъ подобаетъ, — Поученіе о судѣ и о любодѣйцихъ и о покааніи. Зл. 80.

146. Послушайте, братіе, колику муку имамъ пріяти, съблажняющи брата, — Слово, яко не подобаетъ съблажняти брата ни осуждати и о богатыхъ. Зл. 74.

147. Потребно есть все время и длъгъ Іовово въздати и славу креста сповѣдати, — Слово о крестѣ и отвръженіи Петра апостола. СПБ. 79.

148. Потщимся, възлюбленіи, убѣжати вѣчьныя муки, нѣсть бо, — Слово о мукахъ и о покаяніи. Зл. 81.

149. Предъ вчерашнимъ днемь мы діаволя, — Яко отъ лѣности злобъ (sic) и отъ поспѣшенія благонравіе. Зл. 3 и 122.

150. Прежде убо глаголахомъ о оставляющихъ молитву и вънъ исходящихъ, — Слово о наказаніи къ страху Божію. Зл. 57.

151. Прежде реченыхъ къ вашей любви первое плодовъ востязая, — Андр. 21.

152. Пріиди днесь, о блаженый Павьле, риторъская оставивъ льстьная словеса, — Слово о чьстьнѣмъ крьстѣ. УМ.

153. Приминуюштая убо мысль, вѣры трѣбують тъчью, — Еже къ коринѳомъ, въ Святосл. Изборн. 1073 г. л. 17.

154. Принеси днесь паче и прежнихъ дніи спѣшнѣе, — О трьпѣніи и о богохваленіи и да не зѣло тако плачимся о умершихъ. Зл. 11, УМ.

155. Приподобятъся цръквьніи кръмьеници, — Слово въ великый въторникъ и о събраніи съборъ на Господа. СР., УМ.

156. Присно убо Божіе человѣколюбіе проповѣдати дължни есмъ, — Слово о покаяніи и о блудьнѣмъ сыну. СПБ. 35.

157. Радуитеся о Господи вьсегда възлюбленаа братье, — Слово на святую пасху. СР.

158. Радуюся со всѣми вами, яко ученіе наше о неалчущихъ, — Андр. 10.

159. Съвѣдуще не просто се избираемъ, но попытавше, — Поученіе въ Дѣяніи. Зл. 12.

160. Свѣтелъ намъ градъ, свѣтелъ и честенъ, — О Фоцѣ о цари нечестивемъ. Зл. 6.

161. Свѣтьло ми се церковьное позрачище, не смѣхъ бо человѣкомь, — Слово на възнесеніе Господне. УМ.

162. Сего заповѣданія ся ослуша, того дѣля съмьртьнъ бысть человѣкъ, — (Слово о покояніи) СПБ. 33.

163. Се да и мы имемся обѣщанія, и вы послушанія, — Иоивѣ (sic). Зл. 4.

164. Се же глаголю, да не послушаемь тъчію, нъ да разумѣваемъ, — Да не забываимъ присно грѣхъ сътворенныхъ... Зл. 31.

165. Се слышаще, молю вы, послужаимъ святымъ, — безъ надписанія, Зл. 19.

166. Се убо вѣдуще, възлюбленіи, попецѣмся о братіи, — О причастіи святыя плъти и что съглаголати приступающимъ на взятіе. Зл. 29.

167. Сицему подоба лѣпо быти учителю и пещися ученикы и вся мнѣти, — Отъ втораго слова, отъ поученія, въ немже глаголетъ, еже учителемъ не ругатися... Зл. 45.

168. Сихъ и мы подражаимъ, нъ не вѣщаю къ вьсѣмъ словесе сего, — Слово, жацѣмъ подобаеть быти пискупонъ и попомъ и діякомъ. СПБ. 22.

169. Слышасте апостольскую трубу, яже съ небесе гусли, — Андр. 1.

170. Смотри же и вина отъ гноища имуще съставъ, якоже бо и отъ земля влечетъ къ себѣ сокъ винична, — Еже христіянину чисту сущу подобаетъ все чисто имѣти... Зл. 32.

171. Съгрѣшающая предъ всѣми обличающе будете, да друзіи страхомь имуть, — Яко не лѣпо есть о пріидущихъ паче творити слово нынѣшнихъ и бъхьма малы о некущихся. Зл. 21.

172. Съ многою радостію ратаи сыплетъ сѣмена, егда узрить ниву истрѣблену, — Слово о словеси реченѣмъ апостоломь: яже о Христѣ новая тварь... Зл. 113.

173. Суть нѣцыи отъ сущихъ здѣ, иже о добродѣтели прилежатъ, а отъ злобы, — Слово о добродѣтели и о злобѣ и о рассужденіи... и о попѣхъ, не учащихъ людіи. Зл. 53.

174. Тако подобаеть быти мужу духовну, тъчію сами ся достоини, — Слово о лжихъ философѣхъ и о Платонѣ и о прочихъ... и апостоломь похвала. Зл. 91.

175. Тъгда уподобится цѣсарьствіе небесъное десяти дѣвицъ, — Слово отъ тлъкованія еуангелія, яже отъ Матѳея о десяти дѣвицъ и талантѣхъ. СР.

176. То дѣеши ли Богъ немощна есть повелѣлъ, но отъ сего міра все ся развращаетъ, — Отъ Дѣяній отъ 23 словесе отъ поученія. Зл. 40.

177. То поимаши ли то, егоже ни еси пріалъ, не бо имаши, — Егоже нѣси пріалъ, то ничтоже имаши своего, и о устѣхъ неже чреву подаеть и они (sic). Зл. 28 (1 Кор. IV, 7).

178. Травници имуть многы и различны цвѣты, овы на веселіе, — Слово о богатыхъ и убогыхъ и о покааніи. Зл. 82, ЛС.

179. Тріи отрокъ и пещи Вавилонскія повѣсть худѣ, — Андр. 5.

180. Тѣмже тѣхъ оставивше, патріарха подражаимъ и прославимъ Бога, — безъ надписанія. Зл. 14.

181. Убо и мы ся, братье, могущаго душу и тѣло погубити въ геонѣ, даждь время не придетъ мукы, — Слово отъ пророчьскыхъ и отъ еуангельскыхъ указаній. Зл. 46.

182. Увѣдѣсте ли нѣкія, како все писаніе утѣшеніе приноситъ и увѣтъ, — Андр. 8.

183. Ужастиву и некрѣпку душу въ всякомь человѣцѣ ненавыченіе сътворяетъ, — Слово о мужьствѣ и о крѣпости. Зл. 115.

184. Уныніе и печали положилъ есть намъ Богъ въ естествѣ и да не отинудь вдамы себе въ печаль, — Слово о печали и о унынін. Зл. 112.

185. Уподобишася нѣціи тѣлесемъ мертвыхъ, иже добрыми дѣлы цвѣтущеи, — Слово о души и о добродѣтели безъ вѣры. Зл. 60.

186. Учить ны великыи Павелъ апостолъ, рекы, — Слово о погребеніи и о благодѣти Божіи и съмѣреннѣи мудрости. СПБ. 77.

187. Хвалу въздаимъ убо нынѣ, яко спасаемыхъ быхомь, — безъ надписанія. Зл. 15.

188. Ходилъ ли кто отъ васъ, възлюбленіи, въ Палестину когда, и что убо и вы, — Слово о въспомяновеніи своихъ грѣховъ и о покаяніи и о сповѣданіи и яже о любве. Зл. 120.

189. Хотяи вознесьшагося человѣка грьдостію оставити, не дльга начинаи ему словеса, — Слово о грьдости и тщеславіи. Зл. 63.

190. Хотяй человѣколюбець Богъ нашь связати друга съ другомъ, — Слово о любви и о дружбѣ, отъ коринфѣйскыя посланія прьвыя, Зл. 55.

191. Хощете ли послушати, да скажу вамъ о обіядающихся, — Слово (о) объяданіи и піянствѣ. Зл. 71.

192. Царскихъ таинъ праздникъ празднуемъ днесь, — Слово на благовѣщеніе Св. *(за утратою въ рукописи одного или нѣсколькихъ листовъ начала этого слова въ Сборникѣ не достаетъ).*

193. Человѣколюбець Богъ, ущедряя родъ нашь, и не оставляетъ, — Слово о имущихъ каку любо благодать отъ Бога подати неимущимъ и о попѣхъ. Зл. 99.

194. Что бо не сътвори Богъ, тлѣньныи міръ сътворилъ, — Яко все насъ дѣля сътвори Богъ и единочадаго сына насъ дѣля отда и діавола мучи... Зл. 26.

195. Что изреку и что изглаголю? Слезъ настоящее время, — Андр. 2.

196. Что ради отъ лихоимьства обогатѣти желаеши, человѣче, — Слово о лихоимствѣ. Зл. 65.

197. Что убо будеть се страшнѣе сихъ вещій, цѣркви бо небо есть, — Поученіе како достоитъ въ церкви стояти на молитвѣ. Зл. 103.

198. Якоже бо и грѣшніи аще умирають, — Отъ филипиисискыя посланія. Зл. 17.

199. Якоже бо и на мори разбойници, егда узрятъ корабль, многъ бременъ наполненъ, — Слово отъ шестоденьца, еже о Аврамѣ. Зл. 128.

200. Якоже бо Исъ Христомь ядуще и піюще едину тряпезу, просто ничтоже не творимъ, — Слово о крещеніи и къ невѣрующимъ отъ еуангельскыхъ святыхъ указаній. Зл. 102.

201. Якоже пльзы никоеяже сѣющему, егда при пути сѣмена падають, — Слово: что дѣля Богу рекшу: власти намъ звѣрьми, и не владемъ (sic)... Зл. 136.

202. Яко се мати чадолюба, подавши съсъ младеньцу, — Слово о четврьтодьньнѣемь Лазари. СР.

203. Якоже свѣтлъ мѣсяць нощьное обѣляя, иже и по земли и по морю, — Слово еже о рослабенѣмь на преполовеніе праздьника, еже не судити на лиця. УМ.

Іоаннъ Лѣствичникъ. Лѣствица Іоанна Лѣствичника была переведена въ Болгаріи не позднѣе XII вѣка (*Восток.* Опис. Рум. Муз. № 198, стр. 253; подробное описаніе Лѣствицы по спискамъ позднѣйшимъ у *Горск. и Невостр.* въ Опис. Сунодд. ркпп. № 141, Отд. II, 2, стр. 193. — На Лѣствицу ссылаются Симонъ и Поликарпъ въ Патерикѣ: первый — въ повѣсти о Николаѣ Святошѣ, второй — въ повѣсти о Θеодорѣ и Василіи).

Іоаннъ Малала или Малела [1]) Антіохійскій, жившій, какъ кажется, въ первой половинѣ VI вѣка, написалъ хронографъ (χρονογραφία) отъ начала міра до неизвѣстныхъ лѣтъ правленія импер. Юстиніана. Хронографъ этотъ переведенъ былъ на болгарскій языкъ, по повелѣнію болгарскаго князя Сумеона, Григоріемъ, «презвитеромъ мнихомъ всѣхъ церковникъ българскихъ церквей» [2]), причемъ дополненъ былъ отъ переводчика священной исторіи ветхаго завѣта по книгамъ библейскимъ (отъ Бытія до Руθи, такъ-называемой Палеей, вставленной послѣ IV кн. подлинника) и такъ-называемой Александріей (Книгы Александръ) или баснословной повѣстью (романомъ) о жизни Александра Македонскаго (вставленной послѣ VII кн. подлинника). Греческій подлинникъ хронографа, извѣстный въ одномъ спискѣ, не имѣющемъ ни начала ни конца, въ Патрол. Миня t. 97; единственный извѣстный списокъ перевода находится въ библіотекѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. См. *кн. Оболенскаго* предисловіе къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго, въ 9 кн. Временника, стр. VIII sqq и *А. Попова* Обзоръ Хроногрр. I, 5 sqq, 46 и 70 (Объ Александріи см. *Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 216 и 755 и *Пыпина* Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, въ IV кн. Учен. Записокъ II Отд. Акад. Н., стр. 25 sqq).

Іустинъ философъ. Выписки: 1. «О томъ, еже о правѣй вѣрѣ» и 2. «Отъ того, како въселися слово, что ли е вселеніе» — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., лл. 8 и 10 об.

Кесарій неизвѣстный. Въ нашихъ рукописяхъ XVI в. и позднѣйшихъ читается сочиненіе: «Святаго Селивестра и преподобнаго Антонья истолкованье о святѣи Троици и о всей твари разумное изложенье, о небеснеи стихіи и о земніи, и святіи Богородици и о ангелѣхъ и о святыхъ приводно сказанье» и проч. Въ греческомъ подлинникѣ сочиненіе надписывается: Καισαρίȣ τȣ̃ σοφωτάτȣ τȣ̃ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίȣ τȣ̃ Θεολόγȣ ὁμαίμωνος Διάλογοι τέσσαρες,

---

[1]) Сирское Малала или Малела значитъ риторъ, ораторъ, софистъ, схоластикъ, см. предисл. къ греческ. изд. хронографа Малалы.

[2]) Чинъ или должность Григорія обозначена не совсѣмъ ясно. Вѣроятно, онъ былъ экзархомъ или благочиннымъ (надзирателемъ) надъ всѣми болгарскими монастырями (или же экзархомъ митрополита — патріарха надъ духовенствомъ всей болгарской церкви, — экзархомъ надъ экзархами).

т. е. Кесарія мудрѣйшаго, (брата) единокровнаго иже во святыхъ отца нашего Григорія Богослова, четыре разговора. По мнѣнію покойнаго А. В. Горскаго, сочиненіе это, согласно съ греческимъ его надписаніемъ, должно быть усвояемо Кесарію, только не брату Григорія Богослова, а позднѣйшему и неизвѣстному. По его же мнѣнію, сочиненіе переведено въ Болгаріи «довольно въ древнее время» (Опис. Синодд. ркпп. № 129, Отд. II, 2, стр. 142 fin. sqq).

Кириллъ Александрійскій. Выписка «Отъ того, еже къ Іереміи о святѣй Троици», — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 5. Бесѣда о Богородицѣ и о святыхъ отцахъ еже въ Ефесѣ собора на Несторія нечестиваго, *Нач.* Свѣтло намъ слово и благодати наполнено, ельма и свѣтлъ стыихъ отецъ съборъ зѣло бо ми, — въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, л. 265 (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1879 г. кн. I, библіографф. матерр. стр. 40).

Кириллъ Іерусалимскій. Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго (первыхъ 18, вторыхъ 5, а всѣхъ 23) переведены были Болгарами на славянскій языкъ въ самомъ началѣ славянской у нихъ письменности, — въ вѣкъ царя Симеона (*Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 244 col. 2, *Невостр. и Горск.* Опис. Синодд. ркпп. № 114, Отд. II, 2, стр. 44. — Синодальный списокъ поученій конца XII — начала XIII вѣка писанъ въ Россіи).

Кириллъ первоучитель. См. Константинъ.

Климентъ епископъ, по надписанію его сохранившихся словъ—*Словенскій*, а по его пространному греческому житію, усвояемому Ѳеофилакту архіепископу Болгарскому (но Ѳеофилакту не принадлежащему) — Бѣлицкій, неизвѣстно—бывшій ли епископомъ въ Болгаріи или въ какой-нибудь изъ областей имперіи греческой, заселенной Славянами, выдаваемый помянутымъ житіемъ за ученика Константина и Меѳодія, но едва-ли таковымъ бывшій, вообще пока остающійся лицомъ загадочнымъ. По увѣренію житія онъ написалъ: 1. Похвальныя слова на всѣ праздники въ году, 2. Житія многихъ пророковъ и апостоловъ, 3. Житія (не говорится — сколь многія) и подвиги мучениковъ (Житіе по изд. Меньщикова и Шевырева, § 22). Писателемъ словъ, представляющихъ изъ себя довольно краткія поученія (какъ нѣкоторыя изъ словъ и называются), Климентъ дѣйствительно оказывается: въ настоящее время извѣстно по рукописямъ 12 его словъ. Что касается до житій пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, которыхъ Климентъ не имѣлъ никакихъ побужденій писать, какъ уже написанныхъ, то его можно было бы считать ихъ переводчикомъ; но вообще свидѣтельство житія весьма ненадежно (Извѣстныя въ настоящее время слова Климента суть: 1. Заповѣданія о праздьницѣхъ, егда хотяще (*кто хочетъ*) въ святыя дни апостолъ ли мученикъ ли святителя поученье (*сказать*) къ людьмъ, *Нач.* Да есте вѣдуще, братіе, яко днесь есть праздьникъ святаго имрк... 2. Поученіе на память апостола (или мученика), *Нач.* Братія, присно жадая спасенія нашего Господь Богъ нашъ присно призываеть ны... 3. Поученіе на святое въскресеніе, *Нач.* Должьни есмы, братія, праздникы божія чьстити въздьржащеся... *Эти три поученія читаются въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, и по нему напечатаны Срезневскимъ*

въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 199 sqq. 4. Поученіе на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, *Нач.* Послушайте братіе... 5. Похвала на преставленіе Пресвятой Владычицы Богородицы, *Нач.* Се нынѣ свѣтло праздньство... 6. Слово похвально на память блаж. пророка Захарія и о родьствѣ Іоанна Крестителя, *Нач.* Свѣтъ въсія праведнику... 7. Во утро Богоявленіихъ слово похвальное Іоанна Крестителя, *Нач.* Пріиде Іисусъ отъ Галилеа... 8. Слово похвально о четверодневномъ Лазарѣ, *Нач.* Се предтечеть свѣтозарное торжьство... 9. Похвала святому... мученику.. Димитрію мvроточцу, *Нач.* Наста братіе свѣтлое празднество... 10. Похвала архистратигамъ Михаилу и Гавріилу, *Нач.* Наста празднолюбцы... 11. Похвала святому Клименту, патріарху Римскому, *Нач.* Небо радостно веселиться... 12. Похвала святому Кириллу, учителю Словѣньску языку, *Нач.* Се побѣда намъ, христолюбцы... *О словахъ Климента см. Ундольскаго Письмо къ Бодянскому, въ Чтенн. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № 7 и Палаузова: Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, стр. 86).*

Константинъ, сначала ***пресвитеръ,*** потомъ епископъ неизвѣстной каѳедры въ Болгаріи, ученикъ первоучителя Меѳодія, слѣдовательно пришедшій въ Болгарію изъ Моравіи. Въ 894 г., по убѣжденію «етерыхъ (нѣкоторыхъ) вѣрныхъ человѣкъ»[1]), онъ составилъ поученія на всѣ воскресные дни года, числомъ 51, выбравъ ихъ главнымъ образомъ изъ Іоанна Златоустаго, а отчасти изъ Кирилла Александрійскаго и Исидора Пелусіота и придѣлавъ къ большей части изъ нихъ свои краткія вступленія и заключенія (и одно поученіе, 42-е, на текстъ изъ Луки XVII, 12, о десяти прокаженныхъ, сполна составилъ самъ). См. *Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп. № 163, Отд. II, 2, стр. 409[2]). Передъ 907 г. или въ этомъ году, по порученію князя Сvмеона онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій четыре слова Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ. См. ibid. № 111, Отд. II, 2, стр. 32 sqq (въ 907 г. поученія переписаны были для князя Сvмеона черноризцемъ Тудоромъ Доксовымъ, ibidd.). О «Прогласѣ святаго евангелія» см. въ слѣдующемъ параграфѣ о Константинѣ первоучителѣ. Такъ называемая толковая Азбука Константина или его молитва, написанная по буквамъ азбуки («Азъ словомъ симъ молюся Богу»...) не составляетъ особаго сочиненія, а есть молитва, положенная имъ предъ началомъ словъ (о ней у *Горск. и Невостр.* ibid., а вся она напечатана *Срезневскимъ* въ Древнн. памятт. Рус. п. и яз. стр. 191).

Константинъ (Кириллъ) философъ, ***первоучитель*** славянскій. Обстоятельныя рѣчи о сочиненіяхъ, приписываемыхъ рукописями и учеными Константину философу, требовали бы особой диссертаціи; конечно, мы не можемъ здѣсь этого

---

[1]) По списку, бывшему у Сильвестра Медвѣдева, «понуженъ Наумомъ», — Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, § 128.

[2]) Слова Константина сохранились до насъ въ пергаминной рукописи XIII в., — Сvнод., опис. у Горск. и Невостр.: почему они не удостоятся чести обратить на себя такое же вниманіе филологовъ, какъ труды Іоанна экзарха, не совсѣмъ для насъ понятно.

сдѣлать и ограничимся самымъ краткимъ. Имъ написано слово на обрѣтеніе мощей Климента Римскаго, совершенное имъ въ Херсонѣ, въ которомъ описывается исторія событія (и которое было сказано имъ въ день памяти обрѣтенія, — 30 января, вѣроятно въ Константинополѣ, но не въ Херсонѣ или Римѣ). Слово надписывается: «Мѣсяца Января въ 30 день Слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческу имуще бесѣду»...; оно напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ Погодина, но по списку съ подновленнымъ языкомъ; списокъ съ древнимъ языкомъ — въ фундамент. ркп. Моск. Дух. Акад. № 91 л. 671. По возвращеніи въ Константинополь изъ путешествія въ Хазарію Константинъ, по свидѣтельству его Паннонскаго житія, описалъ свои пренія въ Хазаріи съ Іудеями и Магометанами въ особомъ сочиненіи, которое потомъ, послѣ его смерти, Меѳодій перевелъ на славянскій языкъ и раздѣлилъ на восемь словъ. Это сочиненіе Константина въ настоящее время неизвѣстно (можно подозрѣвать, что составитель Палеи пользовался имъ въ своихъ обличеніяхъ Іудеевъ и Магометанъ). Рѣшивъ, по вызову Моравовъ, дать Славянамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, Константинъ въ свою недолговременную жизнь послѣ сего перевелъ съ греческаго языка на славянскій всѣ богослужебныя греческія книги въ тогдашнемъ ихъ составѣ, и въ томъ числѣ весь богослужебный выборъ изъ книгъ свящ. Писанія. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ Четвероевангелія читается въ началѣ краткое предисловіе, которое надписывается: «Прогласъ (прогласіе) святаго евангелія» и въ которомъ «Словенамъ всимъ» возвѣщается, что имъ дается Слово Божіе на ихъ собственномъ языкѣ (въ болгарской редакціи напечатано *Срезневскимъ* въ Изв. Акад. Н. т. VII, вып. II, стр. 145, въ сербской редакціи *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, № 13, стр. 12, а о немъ — изслѣдованіе *Воронова:* Кириллъ и Меѳодій — главнѣйшіе источники для исторіи свв. К. и М.. Кіевъ, 1877, стр. 237). Съ наибольшею, какъ кажется, вѣроятностію это предисловіе должно быть усвояемо не Константину пресвитеру — епископу Болгарскому, о которомъ сейчасъ выше, а Константину первоучителю. «Написаніе о правѣй вѣрѣ, изущенное Константиномъ блаженымъ, философомъ, учителемъ о Бозѣ словѣнскому языку», представляющее собою изложеніе вѣры, и именно — о свят. Троицѣ, о воплощеніи и объ иконопочитаніи, съ такою же вѣроятностію должно быть считаемо за позднѣйшее (XII вѣка — по признакамъ) произведеніе, усвоенное Константину первоучителю для приданія ему большаго авторитета (см. *Воронова* изслѣд. «Кириллъ и Меѳодій», — стр. 250 sqq; самое «Написаніе» напечатано въ славянскомъ подлинникѣ *Срезневскимъ* въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», выпускъ IV, стр. 47, въ русскомъ переводѣ — въ Воскресномъ Чтеніи за 1841 г. № 45, стр. 407). Все другое, что усвояется рукописями Константину или Кириллу философу, должно быть считаемо не принадлежащимъ нашему Константину—Кириллу.

Косьма пресвитеръ Болгарскій, жившій послѣ царя Петра († 968), но до разрушенія Болгарскаго царства Греками въ 1019 г. и когда еще были живы многіе, знавшіе Іоанна экзарха. Онъ написалъ «Слово на еретики препрѣніе»,

въ которомъ излагаетъ и обличаетъ лжеученіе Богомиловъ (напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ 1864 г., части I и II, а извлеченіе изъ него ученія Богомиловъ въ книгѣ *Руднева*: Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, прим. 33, сf *Горск. и Невостр.* Опис. Сунод. ркп. Отд. II, 2, № 188, стр. 512).

Левъ, папа Римскій 1 или Великій. Его посланіе о Халкидонскомъ соборѣ къ Константинопольскому епископу Флавіану переведено было у насъ въ Россіи Грекомъ Θеодосіемъ для кн. Николая Святош. См. выше въ обзорѣ русскихъ писателей.

Малала Іоаннъ. См. Іоаннъ Малала.

Максимъ Исповѣдникъ. Краткія выписки: 1. «О въсуштьнѣіемь и о въсобнѣемъ» (περὶ ἐνουσίου καὰ περὶ ἐνυποστάτου), и 2. «О единеніи, яко по десяти бываетъ образъ съединеніе», — въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., лл. 236 и 237. См. еще параграфъ: Пчела.

Меθодій первоучитель, архіепископъ Моравскій. Меθодій, выступившій на письменную дѣятельность, въ качествѣ переводчика съ греческаго на славянскій, послѣ смерти Константина, когда состоялъ въ санѣ архіепископа Моравскаго, по свидѣтельству его Паннонскаго житія, совершилъ переводы: 1. всѣхъ книгъ Свящ. Писанія, за исключеніемъ Маккавейскихъ, 2. Номоканона, «рекше закону правила», подъ которымъ должно разумѣть Номоканонъ Іоанна Схоластика, 3. того или другаго количества остающихся неизвѣстными «книгъ отеческихъ».

Меθодія Патарскаго сочиненія: 1. О вещи и о самовластьствѣ (περὶ αὐτεξουσίου), 2. О житіи и дѣяніи разумнѣ, 3. О воскресеніи въ трехъ словахъ, 4. О разлученіи яди и о юници, мѣнимѣй въ левитицѣ, 5. О проказеній. 6. О піавици сущіи въ притчахъ, — читаются въ рукописяхъ XVI вѣка, но по признакамъ языка относятся учеными къ древнему времени (*Горск. и Невостр.* Опис. Сунодд. ркпп. № 110, Отд. II, 2, стр. 23). Изъ апокрифическаго «Слова о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ», усвояемаго Меθодію Патарскому, дѣлаетъ выписку подъ 1096 г., съ его именемъ, нашъ первоначальный лѣтописецъ. О словѣ см. изслѣдованіе *Сухомлинова*: О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 108 и *Невострувва:* Слово св. Ипполита объ антихристѣ, I, 73; а оно само напечатано *Тихонравовымъ* въ Памятникахъ отреченной русской литературы II, 213 sqq.

Минеи-Четьи. Славянское Минея есть греческое прилагательное — μηναῖον (τό), съ подразумѣваемымъ существительнымъ βιβλίον и значитъ мѣсячникъ, мѣсячная книга. Въ приложеніи къ житіямъ святыхъ Минеями называются такіе сборники послѣднихъ, въ которыхъ они собраны по мѣсяцамъ и расположены по днямъ мѣсяцевъ. Минеи, содержащія житія святыхъ, называются Четьими, что̀ значитъ — назначенныя для чтенія, въ отличіе отъ Миней богослужебныхъ, содержащихъ службы (и называемыхъ въ иныхъ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ пѣтіими, — Минеи-Четьи, Минеи-Пѣтіи). Когда у Грековъ житія святыхъ собраны были въ Минеи (помѣсячные сборники), остается неизвѣстнымъ, но не позднѣе начала IX вѣка, ибо о нашимъ Минеяхъ говоритъ преп. Θеодоръ Студитъ

(† 826) [1]. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ періодъ домонгольскій мы имѣли въ славянскомъ переводѣ полный кругъ Четіихъ-Миней, хотя до настоящего времени и сохранились отъ этого періода рукописи только немногихъ мѣсяцевъ. Не можетъ подлежать это сомнѣнію, во-первыхъ, потому что вовсе нельзя представить, чтобы Болгары и мы — Русскіе могли обходиться безъ такихъ необходимыхъ для богослуженія (чтенія житій на утреняхъ) и такихъ важныхъ для частнаго чтенія книгъ, какъ наши Минеи, — во-вторыхъ, потому что мы имѣемъ отъ періода домонгольскаго рукописи нѣкоторыхъ мѣсяцевъ: нельзя допустить, чтобы переведены были нѣкоторые мѣсяцы по выбору или по случайной прихоти, а не всѣ вмѣстѣ (такъ какъ они составляютъ одно цѣлое), и если мы имѣемъ нѣкоторые мѣсяцы, то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что они переведены были и всѣ (но въ какомъ составѣ и въ какой полнотѣ, это другой вопросъ. Общія свидѣтельства о существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ житій святыхъ, не говорящія впрочемъ прямо того, чтобы житія были въ полномъ составѣ 12-ти мѣсяцовъ, находимъ у нашего первоначальнаго лѣтописца и у преп. Нестора. Первый говоритъ подъ 1037 г., по поводу устроенія библіотеки четіихъ книгъ Ярославомъ: «почитая пророчесскыя бесѣды и еуангельская ученья и апостольская и житья святыхъ отець, въспріемлеть души велику ползу»; а второй говоритъ въ житіи свв. Бориса и Глѣба, что «блаженныи Борисъ, взимаше книгы и чтяше... чтяше же житія и мученія святыхъ»).

Рукописей Четіихъ-Миней, сохранившихся отъ домонгольскаго періода до настоящаго времени, пока извѣстно только двѣ. Онѣ суть:

Рукопись XI вѣка, содержащая мѣсяцъ Мартъ, найденная въ уніатскомъ Супрасльскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ Бѣлостока (Гродненской губерніи, — томъ самомъ, который извѣстенъ по своей типографіи) и поэтому обыкновенно называемая «Супрасльской рукописью» (описаніе Минеи, сдѣланное *Востоковымъ*, въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Н., кн. II, вып. 2, стр. 80. Самая Минея издана *Миклошичемъ* подъ заглавіемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi, — Vindobonae, 1851). Въ рукопи не сохранилось нѣсколькихъ начальныхъ листовъ и она начинается не началомъ житія муч. Павла и сестры его Іуліяніи, 4 Марта; затѣмъ въ ней читаются житія святыхъ не на всѣ дни Марта, а съ пропускомъ нѣкоторыхъ дней (именно--8, 14—17 и 25—29 чиселъ); вмѣстѣ съ житіями помѣщены слова святыхъ отцовъ на праздники: одно Василія В., 20 Іоанна Златоустаго, одно Епифанія Кипрскаго и одно патр. Фотія.

Рукопись XII (или, можетъ быть, начала XIII) вѣка, содержащая мѣсяцъ Май, находящаяся въ библіотекѣ Московскаго Успенскаго собора (Обстоятельное описаніе *А. Н. Попова* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879 г., кн. I, Библіографф. Матерр. Житія святыхъ также не на всѣ дни, а только на нѣкоторые; вмѣстѣ съ житіями также слова отцовъ: 17 Іоанна Златоустаго, одно Іоанна Дамаскина, одно Евсевія Александрійскаго, одно Андрея Критскаго, и пр.).

---

[1]) Ἐγένετό μοι πολλῶν ἐκτεύξις μαρτυρίων ἐν δώδεκα δέλτοις ἀπογεγραμμένων въ Патрол. Миня t. 99 p. 912 (Epistolar. lib. 1 № 2).

Отдѣльныя житія святыхъ и отдѣльныя повѣсти изъ Четіихъ Миней, которыя сохранились въ дошедшихъ рукописяхъ или о которыхъ знаемъ по упоминанію въ памятникахъ періода домонгольскаго, суть:

Житіе *Антонія Великаго*, написанное Аѳанасіемъ Александрійскимъ,— было переведено въ Болгаріи неизвѣстнымъ по повелѣнію архіепископа Болгарскаго Іоанна (вѣроятно) въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, № 231 л. 236, cfr нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарск., Сербск. и Румынск., стр. 709 нач.).

Житіе *Кодрата мученика*, — сохранилось два листка изъ житія XI в. (*Востоковъ* въ Ученыхъ Зап. II Отд. А. Н., кн. II. вып. 2 стр. 65, *Срезневск.* Древніе памм. Р. п. и яз., стр. 21 col. 2; весь сохранившійся отрывокъ съ фотографич. снимкомъ письма въ приложж. къ книгѣ втораго).

Житіе преп. *Нифонта* (епископа Констанціи Кипрской, будто бы IV в.), апокрифическое (отзывъ патр. Николая Грамматика, † 1111, съ соборомъ, въ Никоновск. Кормч. гл. 54 л. 582, вопр.-отв. 19), находится въ рукописи Троицкой Лавры 1219 г., № 35 (см. о немъ въ извѣстіяхъ Акад. Н. т. X, стр. 374 и въ статьѣ *Костомарова:* Мистическая повѣсть о Нифонтѣ,—Историчч. моногрр. и изслѣдд. I, 291; фотографической снимокъ письма въ приложж. къ книгѣ Срезневскаго. [1]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что подпись на рукописи понимается не правильно: она писана не Іоанномъ и Алексѣемъ для Кирилла, а наоборотъ Кирилломъ для Іоанна и Алексѣя. Слѣдовательно Кирилъ просто писецъ и болѣе ничего).

Житіе священномученика *Панкратія* епископа *Тавроменійскаго* (въ Сициліи, ученика ап. Петра), подобно Нифонтову апокрифическое (см. *Lambec.* Commentarr. t. VIII, ed. Kollarii p. 199 sqq и *Fabric.* Biblioth. Gr. ed. Harles, X, 303), переведено въ Болгаріи неизвѣстнымъ, вмѣстѣ съ помянутымъ житіемъ Антонія Великаго, по повелѣнію архіепископа Болгарскаго Іоанна (см. нашей указанной тамъ книги стр. 708 fin.)

Житіе *Саввы Іерусалимскаго*, освященнаго, — упоминается Несторомъ въ житіи Ѳеодосія и Ефремомъ въ житіи Авраамія Смоленскаго.

Житіе *Ѳеклы первомученицы*, — сохранились два листка XI вѣка (*Востток.* и *Срезневск.* въ мѣстахъ цитованныхъ подъ житіемъ Кодрата; весь сохранившійся отрывокъ съ фотографич. снимкомъ письма въ приложж. къ книгѣ втораго).

Мѣсяца Ноября въ 8 день, *повѣсти* и отъкръвеніе препод. отця нашего *Архипа пустыньника*, парамонаря всеславнаго и чьстнаго храма ангела Михаила въ Хонѣхъ,—въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в. № 12, л. 38 об,

Михаилъ Синкеллъ Іерусалимскій (первой половины IX вѣка). Его «Написаніе о правѣй вѣрѣ» (λίβελλος περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως,—книжка о

[1]) На снимкѣ у Срезневск. рукопись написана: «въ лѣто ҂ЅѰКЗ, а въ Описаніи ркпп. Лавры подпись читается: «въ лѣто 6730 (1222)»: полагаемъ, что ошибается Описаніе, а не фотографія Срезн.

правосл. вѣрѣ) читается въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г., лл. 20 об.—23. Авторъ повѣсти о крещеніи Владимировомъ, помѣщенной въ лѣтописи, влагаетъ это написаніе, въ сокращенномъ видѣ, въ уста епископа Корсунскаго, поучающаго новокрещеннаго Владимира (см. *Сухомлинова*: О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 65 sqq.— Не мѣшаетъ на всякій случай замѣтить, что по Святославову Изборнику въ Написаніи читается: «Сынъ единосущьнъ Отцю», а по повѣсти въ лѣтописи: «Сынъ подобосущенъ Отцю»).

Никонъ Черногорецъ, монахъ одного изъ монастырей [1]), находившихся близъ Антіохіи, въ мѣстности, называвшейся Черною горой[2]) (откуда прозваніе), жившій во второй половинѣ XI вѣка[3]). Онъ составилъ два обширные сборника, изъ которыхъ одинъ называется Пандектомъ или Пандектами (Πανδέκτης,—ται— Сборникъ), другой—Тактикономъ (Τακτικόν—Чиновникъ, Чиновная книга). Первый сборникъ, раздѣленный на двѣ части и 63 слова (36 въ первой части и 27 во второй) и представляющій собраніе или «съчетаніе» выписокъ изъ отцовъ, посвященъ главнымъ образомъ христіанскому нравоученію (общему и монашескому), имѣя своею цѣлію, какъ сказано въ его заглавіи, наставлять и поспѣшествовать подвизающихся на всякое дѣло духовное; второй сборникъ, состоящій изъ 40 словъ, отчасти имѣетъ своимъ предметомъ тоже самое, что и первый, главнымъ же образомъ есть именно книга чиновная въ отношеніи къ богослуженію и къ внѣшне-узаконенной христіанской жизни, занимающаяся изысканіями и дѣлающая предписанія относительно устава перваго и внушающая соблюденіе «преданныхъ намъ отъ святыхъ образовъ отецъ относительно второй. Пандекты, въ большомъ или меньшимъ сокращеніи, были переведены на славянскій языкъ еще

---

[1]) Монастыря τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῆς Ῥαιθοῦ. Этотъ Антіохійскій Раиѳъ, само собою разумѣется, должно отличать отъ Синайско-Палестинско-Арабскаго, находившагося въ верховьяхъ восточнаго (древняго Еланитскаго) залива Краснаго моря.

[2]) По картѣ Киперта Европейской и Азіатской Турціи, въ рѣку Наръ-ел-Аси, древній Оронтъ, на которой стоитъ Антіохія, впадаетъ съ правой стороны, недалеко отъ послѣдней, текущій съ сѣвера ручей Кара-су, что значитъ по турецки — черная вода. А вправо отъ верховьяхъ ручья селеніе Кара-бабъ, что значитъ — черныя ворота.

[3]) По предисловію къ Пандектамъ позднѣйшаго неизвѣстнаго писателя Никонъ составилъ ихъ въ правленіе импер. Константина Дуки (см. Опис. Синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* №№ 217—225, Отд. II, 3, стр. 21), а Константинъ Дука занималъ престолъ съ 1059 по 1067 г. Во время жизни Никона имѣло мѣсто взятіе Антіохіи Турками, (ibid. стр. 40), а оно случилось въ 1085 г.; онъ дожилъ до появленія въ Азіи крестоносцевъ (ibid. стр. 51), а послѣдніе взяли именно самую Антіохію въ 1098 г. Изъ патріарховъ Антіохійскихъ, бывшихъ современниками Никона, онъ упоминаетъ Ѳеодосія и Іоанна (ibid. стрр. 40 и 43), а они (по патр. Константиноп. Констанцію въ статьѣ Περὶ τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων) занимали каѳедру — первый съ 1075 г. въ продолженіе девяти лѣтъ, второй (имѣвшій своимъ предшественникомъ послѣ Ѳеодосія еще Никифора) съ 1090 г. неизвѣстное время.

въ періодъ домонгольскій: есть списки этого перевода, которые относятъ къ XII вѣку (см. *И. И. Срезневскаго*: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLI—LXXX, Спб., 1876, стр. 217 sqq. О сокращенности первоначальнаго, домонгольскаго, перевода см. у Горск. и Невостр. ibid. стр. 21, а послѣмонгольскомъ полномъ переводѣ вмѣстѣ съ переводомъ Тактикона ibid. стрр. 24 sub fin. 35. Оба сборника напечатаны на славянскомъ въ Почаевѣ въ 1795,—о напечатанномъ переводѣ, несправедливо выдающимъ себя за новый, ibid стр. 37).

Нила подвижника ***Синайскаго*** († ок. 450 г.) переводъ сочиненія «О молитвѣ главизнъ 153» читается въ рукописи конца XIV или начала XV вѣка, но по языку относится учеными къ древнему времени, — *Горск.* и *Невостр.* Описанія Сvнодд. ркпп. № 154, Отд. II, 2, стр. 283).

Палея была переведена съ греческаго языка на славянскій въ періодъ домонгольскій, потому что ее имѣлъ въ рукахъ и ею пользовался авторъ повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщенной въ лѣтописи. О ней см. изслѣдованіе *Сухомлинова* О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 54 sqq. и *Срезневскаго* Древніе памм. Р. п. и яз., 55 col. 1. Древнѣйшіе извѣстные списки (содержащіе ее и въ древнѣйшей редакціи, ибо извѣстны и редакціи новыя): Александро-Невской Лавры XIV вѣка, неполный (*Срезн.* ibidd.) и Троицкой Лавры 1406 г.,—№ 38.

Патерики. О существованіи у насъ въ славянскомъ переводѣ греческихъ Патериковъ, по крайнѣй мѣрѣ, въ позднѣйшее время періода домонгольскаго говорятъ свидѣтества писателей и сохранившіяся рукописи. Симонъ и Поликарпъ въ Патерикѣ Печерскомъ ссылаются на существовавшій въ славянскомъ переводѣ Патерикъ греческій [1]); въ Московской Сvнодальной библіотеки есть рукопись

---

[1]) Симонъ въ собственномъ письмѣ къ Поликарпу, предшествующемъ повѣстямъ: «ты же, брате, не днесь похваляя лежащихъ на трапези и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, и симъ старѣйшинѣ пакость творяши, и обрящешися мотылу ядый, якоже въ Патерицѣ написано; егда яси или піеши благо, хвали Бога, егда бо видѣ онъ старець хулящихъ (брашна) мотылу ядущихъ, хвалящихъ медъ ядущихъ», и въ повѣсти о черноризцѣ Ареѳѣ: «аще бы се было мало, не бы онъ старець, иже въ Патерицѣ, молился Богови, да пріидуть нань разбойници и вся его возмуть, услышанъ же Богомъ, вся сущая въ руци ихъ предасть». Поликарпъ въ повѣсти о преп. Маркѣ Печерникѣ: «древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію, еже они изъясниша и многимъ трудомъ взыскавше въ пустыняхъ и горахъ и пропастехъ земныхъ, инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше, житіа и чюдеса и дѣла богоугодная преподобныхъ мужъ написаша... еже есть Патерикъ... еже мы почитающе наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ». Несторъ Печерскій въ приступѣ къ житію преп. Ѳеодосія говоритъ: «якоже пишеть въ отьчьскихъ книгахъ, слабу быти послѣдьнюму роду»: но видѣть въ этихъ словахъ ссылку на Патерикъ мы не находимъ основательнымъ.

XII—XIII в., содержащая Патерикъ Синайскій или Лимонарь Іоанна Моска [1]). Въ позднѣйшихъ нашихъ рукописяхъ, кромѣ Патерика Синайскаго или Лимонаря, находятся Патерики греческіе: Азбучный, Скитскихъ нѣсколько. Египетскій и Іерусалимскій. Который или которые изъ этихъ Патериковъ разумѣютъ Симонъ и Поликарпъ, остается недознаннымъ, но по всей вѣроятности Азбучный, о которомъ Востоковъ, на основаніи его языка, говоритъ, что «переводъ его сдѣланъ у Болгаръ въ древнемъ еще періодѣ ихъ словесности» (Опис. Рум. Муз. стр. 437 col. 1) [2]). Патерикъ Азбучный (называемый иногда и Скитскимъ, у Восток. № 307) содержитъ житія и преимущественно нравоучительныя повѣсти и бесѣды древнихъ знаменитыхъ подвижниковъ, расположенныя въ азбучномъ порядкѣ именъ этихъ послѣднихъ; оглавленіе Патерика у Востокова № 307 и въ Описаніи рукописей Троицкой Лавры № 701. Патерикъ этотъ представляетъ собою расположенное сейчасъ указаннымъ образомъ извлеченіе изъ Великаго Лимонаря, составленнаго послѣ половины V вѣка [3]) и въ подлинникѣ до насъ не дошедшаго, и погречески надписывается: Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων, см. покойнаго *П. С. Казанскаго* статью: Объ источникахъ для исторіи монашества Египетскаго въ IV и V вѣкахъ, стр. 5 sqq. Патериковъ Скитскихъ [4]) по нашимъ русско-славянскимъ рукописямъ извѣстно нѣсколько,— *Ундольск.* ibid. стр. 78 и *Строевъ* въ Опис. ркпп. Царскаго № 293. О томъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ собою параллельное къ Патерику Азбучному извлеченіи изъ Великаго Лимонаря, только сдѣланное не въ алфавитномъ, а въ систематическомъ порядкѣ (и какъ будто однимъ лицомъ съ нимъ), см. *Казанск.* ibid. стр. 7 sqq. а въ сдѣланной у него ссылкѣ на Опис. Синодд. ркпп. Горк. и Невостр. ошибка или опечатка: вмѣсто «№ 121» нужно «№ 153, л. 121». Патерикъ Египетскій есть Лавсаикъ Палладіевъ,—*Казанск.* ibid. стр. 44. А что такое Патерикъ Іерусалимскій, это остается неизвѣстнымъ, см. Ундольск. ibid. стр. 77.—Вопросъ о Патерикахъ еще ожидаетъ своего обстоятельнаго разъясненія.

Патріархи,—12 сыновей Іакова. См. ниже апокрифы.

Петръ недостойный, неизвѣстный. Въ сборникѣ Троицкой Лавры XII в., № 12, л. 56 об., читается: Петра недостойнаго Съказаніе о постѣ и о молитвѣ

---

[1]) XII вѣка по *Срезневскому*, Древнн. памм. Р. п. и яз., 40 col. I; XIII в. *по Ундольскому*, см. его Библіографическія разысканія, по случаю выхода Описанія библіотеки... Общества Исторіи и Древн... сост. П. М. Строевымъ, стр. 76.

[2]) Симонъ въ повѣсти о Николаѣ Святошѣ говоритъ: «послушай блаженнаго Евагрія: «мнихъ, аще съгрѣшитъ, праздника на землѣ не имать». Это, полагаемъ, изъ Патерика; но изъ какого?

[3]) Особаго отъ Лимонаря Іоанна Моска, который † 620 г. (Fabric. Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 124) и старшаго, чѣмъ онъ.

[4]) Названіе Скитскій отъ знаменитой пустыни Скитской, въ которой подвизался и собралъ тысячи монаховъ св. Макарій Египетскій, — *Казанскаго*. Исторія православнаго монашества на Востокѣ, II, 54 sqq.

устава и чина церковнаго, *Нач.* Подобаеть всему (sic. въ Опис., можетъ быть, типографская ошибка вмѣсто всякому) крестьяну человѣку годити Богови своему, въ негоже имя крьстивъшеся... (Описатели рукописей замѣчаютъ, что сказаніе есть сочиненіе «русское», но не знаемъ — на основаніи признаковъ несомнительныхъ ли).

Прологъ. Славянское прологъ есть греческое πρόλογος; а греческое πρόλογος, отъ πρό — предъ, впереди и λέγω — говорю, значитъ предварительную, предшествующую рѣчь и употребляется въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ въ значеніи предисловія (къ какой нибудь книгѣ). Какимъ образомъ случилось, что собранію сокращенныхъ житій святыхъ, которое у Грековъ называется Синаксаріемъ (Συναξάριον) [1]), дано у насъ названіе Пролога, остается неизвѣстнымъ. Полагаютъ, что въ греческомъ подлинникѣ Синаксаря, который впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ, было предисловіе, надписанное, какъ погречески предисловіе, — πρόλογος, и что это надписаніе предисловія принято было за названіе самой книги (которая и была такимъ образомъ названа пославянски Прологомъ). Можетъ быть, это и такъ; намъ однако представляется это сомнительнымъ и мы подозрѣваемъ, что наше названіе Синаксаря взято изъ неписьменнаго, живаго, греческаго языка, въ которомъ Синаксарь могъ называться Прологомъ въ смыслѣ чтенія, такъ какъ слово πρόλογος, кромѣ своего указаннаго значенія, могло употребляться еще въ значеніи чтенія (именно чтенія передъ кѣмъ нибудь, въ слухъ кого нибудь, нѣмецк. Vortrag), а прологъ читался за богослуженіемъ. Въ частныхъ греческихъ церквахъ, — въ епископіяхъ и митрополіяхъ, сокращенныя житія мѣстныхъ святыхъ, вѣроятно, появились очень рано. Общій сборникъ такихъ житій (сокращенныхъ) святыхъ всей греческой церкви или обще-греческій Синаксарь, сколько извѣстно теперь, былъ впервые составленъ въ концѣ X—началѣ XI вѣка, по приказанію императора Василія Булгаробойца (Синаксарь или Прологъ этотъ, содержащій вмѣстѣ съ текстомъ и изображенія святыхъ, — лицевыя святцы, изданъ въ 1727 г. въ Urbini, въ трехъ частяхъ, кординаломъ Альбани подъ заглавіемъ: Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris Graece olim editum; обычное названіе Синаксаря — Менологій импер. Василія) [2]). Послѣ этого перваго Пролога въ послѣдующее время явились у Грековъ и другіе Прологи, которые относятся къ нему отчасти какъ его новыя редакціи, а отчасти и какъ труды самостоятельные. Древнѣйшая извѣстная рукопись славянскаго Пролога относится къ 1229 г.; но эта рукопись, находившаяся въ библіотекѣ

---

[1]) Греческое названіе Συναξάριον происходитъ не отъ συνάγω — свожу, собираю (житія святыхъ въ одно мѣсто), а отъ σύναξις — собраніе (вѣрующихъ въ церковь для празднованія какого-либо праздника) и значитъ не сборникъ житій, а книгу праздниковъ (въ древнѣйшее время Синаксарями назывались Уставы, — *Дюк.* Gloss. Graec., сл. συναξάρια, и потомъ уже это названіе перешло на наши Прологи).

[2]) Обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о немъ можно читать въ полномъ мѣсяцесловѣ архим. *Сергія* I, 217.

Московскаго профессора Баузе, не сохранилась до настоящаго времени,—она погибла въ Московскій пожаръ 1812 г., и какой Прологъ она содержала, остается неизвѣстнымъ (*Срезневск.* Древн. памм. Р. п. и яз., 49). Послѣдующіе древнѣйшіе славянскіе Прологи, начиная съ половины XIII вѣка [1]), представляютъ собою переводъ Синаксаря (Менологія) импер. Василія, но не въ его подлинномъ видѣ, а въ позднѣйшей дополненной редакціи [2]). Весьма вѣроятно принимать, что Прологъ явился у насъ въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ Болгарами или нами самими, въ самое первое время нашего христіанства. А такъ какъ вторая или вторичная редакція Синаксаря Василіева не могла явиться у Грековъ тотчасъ же послѣ изданія имъ своего труда, а явилась, конечно, болѣе или менѣе, не скоро: то весьма вѣроятно предполагать, что въ періодъ домонгольскій Прологъ существовалъ у насъ въ двухъ редакціяхъ—собственной Василіевой (представлявшей переводъ его Менологія) и вторичной (извѣстной нынѣ).

(***Пчела.*** Въ нашей старой переводной письменности Пчелой назывался особаго рода сборникъ, именно — сборникъ краткихъ, выбранныхъ изъ Свящ. Писанія, изъ отцовъ и учителей церкви и изъ свѣтскихъ греческихъ, дохристіанскихъ или классическихъ, писателей, изреченій (афоризмы, ἀποφθέγματα, loci communes), въ которыхъ содержатся наставленія главнымъ образомъ относительно нравственности, христіанской и вообще человѣческой, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, а отчасти относительно и всего житейско-общественнаго добро и-благоповеденія, и которыхъ выборъ или сводъ расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, по предметамъ нравоученія и благоповеденія. Первый подобный сборникъ между греческими церковными писателями составилъ преп. Маскимъ исповѣдникъ († 662), который назвалъ свой трудъ, раздѣленный на 71 главу: Κεφάλαια θεολογικὰ ἤτοι ἐκλογαὶ ἐκ τῶν διαφόρων βιβλίων τῶν τε καθ' ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν, т. е. Главы богословскія или выборъ изъ писателей нашихъ (христіанскихъ) и внѣшнихъ (языческихъ) [3]). Затѣмъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ составилъ подобный же сборникъ, состоящій изъ неизвѣстнаго, весьма большаго количества главъ, который назвалъ: Ἱερὰ παράλληλα, — Священныя подобія (что значитъ выписку изъ священныхъ и несвященныхъ писателей и сводъ мѣстъ, подобныхъ по содержанію) [4]). Наконецъ, нѣкій монахъ Антоній, неизвѣстно — гдѣ и когда жившій, составилъ третій подобный сборникъ, состоящій изъ двухъ книгъ и изъ

---

[1]) Списокъ ихъ у архим. *Сергія* ibid. стр. 243 sqq. Относительно года Пролога Лобковскаго (нынѣ Хлудовскаго, въ Опис. у Попова № 187) мы не согласны съ архим. Сергіемъ, а согласны съ тѣми, которые относятъ его къ 1262 г. — Галичско-Волынская лѣтопись подъ 1288 г. говоритъ, что Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ «Прологы списа 12 мѣсяца» (Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609 fin.).

[2]) Архим. Сергій ibid.

[3]) О Максимѣ исповѣдникѣ и его сочиненіяхъ — *Fabric.* Biblioth. Graec., ed Harles. XI, 635, — о нашемъ р. 652, а оглавленіе его главъ ibid р. 599.

[4]) *Fabric.*, ed. Harl., IX, 720.

176 въ обѣихъ книгахъ главъ (76 въ первой кн. и 100 во второй). Послѣдній изъ этихъ писателей и назвалъ свой антологическій (ἀνθολογία) сборникъ Пчелой (Μέλισσα), съ тою, какъ должно подразумѣвать, мыслію, что онъ собралъ у себя изреченія изъ отцовъ и писателей на подобіе того, какъ пчела собираетъ медъ съ цвѣтовъ [1]). Изъ сборниковъ Максимова и Антоніева были составляемы новые сборники чрезъ соединеніе по выбору изреченій, приводимыхъ тѣмъ и другимъ, и за этими новыми сборниками также удержано было названіе Пчелы. Наша славянская Пчела представляла собой переводъ одного изъ сейчасъ указанныхъ послѣднихъ сборниковъ, т. е. такихъ, въ которыхъ Максимъ и Антоній соединяются вмѣстѣ [2]). Иные полагаютъ, что Пчелой пользовался извѣстный Даніилъ Заточеникъ въ своемъ словѣ, изъ чего слѣдовало бы, что она была переведена на славянскій языкъ уже въ періодъ домонгольскій; но специальные изслѣдователи языка Пчелы полагаютъ, что она переведена не ранѣе XIV вѣка. См. о ней *Сухомлинова* «Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ»,— въ Извѣстт. Акад. Н., т. II стр. 222 и *Безсонова* «Книга Пчела»,—во Временн. Общ. Ист. и Др., Кн. XXV (послѣднимъ напечатано 7 словъ самой Пчелы. — На основаніи Пчелы предки наши могли приводить изреченія весьма многихъ классическихъ ученыхъ и знаменитыхъ мужей, см. у Сухомл. стр. 233 прим., чѣмъ заставляютъ иныхъ наивныхъ людей предполагать свою собственную великую ученость).

Сборники. Въ древнее время, при отсутствіи книгопечатанія и при существованіи рукописанія, притомъ на пергаминѣ и уставомъ, составлять библіотеки изъ разныхъ отцовъ и писателей въ полныхъ собраніяхъ ихъ твореній было дѣломъ весьма дорогимъ и для большинства читающихъ людей совершенно недоступнымъ. Поэтому въ древнее время (какъ и во все позднѣйшее до введенія книгопечатанія) у насъ, въ слѣдъ за Греками, достигали возможности имѣть разнообразное чтеніе такимъ образомъ, что составляли сборники изъ отдѣльныхъ твореній разныхъ отцовъ и изъ краткихъ, отрывочныхъ, выписокъ изъ ихъ твореній. Отъ періода домонгольскаго сохранились до настоящаго времени сборники:

„Изборникъ“ Святославовъ, написанный въ 1073 г. для вел. кн. Изяслава Ярославича, но потомъ перешедшій къ брату его Святославу, отъ котораго и получилъ названіе, представляющій собою переводъ греческаго сборника, сдѣ-

---

1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ сборника Антоній самъ называется Пчелой, — Μέλισσα, отъ чего и извѣстенъ вообще у ученыхъ подъ прозваніемъ Мелиссы, въ другихъ же спискахъ говорится, что онъ назвалъ Пчелой свой сборникъ,— *Fabric.*, ed. Harl., IX, 744 (относительно послѣдняго обстоятельства прим. п., съ указаніемъ на Lambec. V, 19).

2) Г. Безсоновъ въ статьѣ, которую цитуемъ сейчасъ ниже, наклоненъ думать, что соединеніе Максима съ Антоніемъ сдѣлано славянскимъ переводчикомъ. Но подобныя соединенія извѣстны и на греческомъ, см. Fabric. IX, 744 и предисловіе къ Антонію въ Патрол. Миня, t. 136 p. 766 (а что соединенія носили названія Пчелъ, — Μέλισσα, — у самого Безсонова предисл. стр. 3).

ланный по приказанію болгарскаго князя Симеона, и надписанный: «Съборъ отъ многъ отець тълкованія о неразарумьныихъ словесьхъ въ еуаггелии и въ апостолѣ и въ инѣхъ книгахъ, въкратьцѣ съложено на память и на готовъ отвѣтъ». Главное содержаніе сборника составляютъ и большую часть его занимаютъ Анастасія Синаита «Отвѣти противу нанесеныимъ ему отвѣтомъ (вопросомъ) нѣ отъ какихъ (отъ нѣкакихъ) правовѣрьнихъ о различьныихъ главизнахъ», а потомъ въ сборникѣ выписки изъ твореній и краткія творенія: Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Исидора Пелусіота, Іустина философа, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Θеодора Раиѳскаго, Максима Исповѣдника, Георгія Хуровскаго, Епифанія Кипрскаго, Августина, Григорія Богослова съ Василіемъ Великимъ, Θеодорита Кирскаго, Иринея, Евсевія Кесарійскаго, Исихія, Іоанна Дамаскина, Ипполита (Описаніе сборника, находящагося въ Сунодальной библіотекѣ, у *Горск. и Невостр.* № 161, Отд. II, 2, стр. 365, и у ***Востокова*** № 356 — по копіи, сдѣланной для гр. Румянцева. — Образцы языка въ выпискахъ и фотографическіе снимки письма у *Срезн.* въ приложж. въ Древнн. памм. Р. п. и яз.).

Сборникъ Святославовъ 1076 г., находящійся въ Санктпетербургской Публичной библіотекѣ (поступившій въ нее изъ Эрмитажной библіотеки, а въ сію послѣднюю отъ историка кн. Щербатова) никѣмъ, сколько знаемъ, обстоятельно не описанный и составляющій какую-то загадку. См. о немъ у *Кеппена* въ книжкѣ: Списокъ Русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи... (Москва 1822 г.) стр. 29, который говоритъ: «вообще кажется, что осмотрительный палеографъ на сей рукописи не станетъ основывать какихъ либо общихъ заключеній по своей наукѣ», и *Срезневскаго* въ Древнн. памм. Р. п. и яз., стр. 16 fin., который говоритъ, что «почеркъ сборника возбуждаетъ сомнѣнія, дѣйствительно ли онъ писанъ въ XI вѣкѣ» (О содержаніи Сборника Срезневск. ibid. говоритъ, что «частію онъ сходенъ съ сборникомъ 1073 г., но богатъ болѣе статьями нравоучительнаго содержанія». — Образцы текста, отчасти въ сличеніи съ Изборникомъ 1073 г., и фотографическій снимокъ письма у Срезн. ibid. — Сличеніе съ Изборникомъ 1073 г. и запись писца не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сборникъ есть подлогъ: но подлогъ, какъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, не въ томъ смыслѣ, чтобы сфабрикованъ былъ въ XVIII в., ибо наши фальсификаторы XVIII в. были весьма невѣжественны, а въ томъ смыслѣ, что рукопись XIII—XIV вѣка посредствомъ поддѣланной записки писца перенесена въ XI вѣкъ).

Сборникъ библіотеки *Троицкой* Сергіевой *Лавры*, № 12, по описателямъ рукописей Лавры — исхода XII или начала XIII вѣка, по Срезневскому (Древнн. памм. Р. п. и яз., 39 fin.): вѣроятно, начала XII вѣка, — содержитъ: слова Іоанна Златоустаго, слова Климента, епископа словенскаго, апокрифическое хожденіе Богородицы по мукамъ, изъ Ноябрьской Минеи: въ 8 день, повѣсти и откровеніе преп. Архипа парамонаря, слово Василія Вел., неизвѣстнаго Петра недостойнаго о постѣ и о молитвѣ, слова Ефрема Сирина, значительную часть

Пандекта Антіохова, которая составляетъ главное содержаніе сборника, выписки изъ Исидора Пелусіота и Анастасія Синайскаго.

(Сборникъ великій князя Владимиро-Волынскаго Васильки Романовича. Галичско-Волынская лѣтопись, говоря подъ 1288 г. о смерти сына Василькина Владимира, пишетъ, что онъ положилъ въ свой монастырь вмѣстѣ съ другими книгами «съборникъ великый отца своего», — Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609).

Силивестръ и Антоній. См. Кесарій.

Супрасльская рукопись. См. Минеи-Четьи.

Филиппъ инокъ. См. Діоптра.

Фотій патріархъ. Слово на връбницю и о Лазарѣ, Нач. Егда отрокы осанна въ вышнихъ вьпіюштя,—читается въ Супрасльской рукописи. Необходимо думать, что обширное поучительное Посланіе Фотія къ новокрещенному болгарскому князю Борису — Михаилу было переведено у Болгаръ на славянскій языкъ тотчасъ же, какъ было имп получено.

Феодорита Кирскаго. «Отъ того, еже о святѣй Троици», представляющее краткое изложеніе догматовъ церковныхъ,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. л. 243 об. О переводѣ его Толкованія на псалтирь см. въ отдѣлѣ: Священное Писаніе.

Ѳеодора пресвитера *Раиѳскаго* главы логическія и отнологическія: «о естьствѣ (de substantia), о собьствѣ (de hypostasi), о лици (de persona), о различіи (de specie)» и проч. — въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г., лл. 224—236.

Ѳеодоръ Студитъ. Мы нигдѣ не встрѣчали указаній на то, чтобы въ періодъ домонгольскій существовали у насъ въ славянскомъ переводѣ сочиненія преп. Ѳеодора Студита; но мы не сомнѣваемся, что такъ называемый его Малый Катихизисъ, предоставляющій собою собраніе краткихъ нравоучительныхъ словъ, говоренныхъ къ монахамъ и начинающій встрѣчаться въ нашихъ рукописяхъ съ начала XIV вѣка, существовалъ у насъ въ переводѣ уже въ періодъ домонгольскій. Преп. Ѳеодоръ, послѣдній знаменитый отецъ монашества († 826) и его реорганизаторъ или возродитель послѣ предшествующаго упадка, пользовался въ монашескомъ мірѣ великою славой. Поэтому весьма трудно допустить, чтобы съ появленіемъ у Болгаръ монашества не явилась у нихъ въ славянскомъ переводѣ и его руководственная книга для монаховъ, каковую составляетъ Малый Катихизисъ. Если же почему нибудь не сдѣлали перевода Болгары, то необходимо думать, что онъ былъ сдѣланъ стараніями нашего преп. Ѳеодосія Печерскаго, который ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ Ѳеодоровъ (въ редакціи патр. Алексѣя, — см. объ уставѣ ниже) и который, какъ находятъ, подражалъ въ своихъ поученіямъ нашимъ словамъ Ѳеодора [1]). Древнѣйшая извѣстная намъ рукопись, содержащая славянскій переводъ Малаго Катихизиса Ѳеодора Студита, есть пергаминная, начала XIV вѣка, рукопись Моск. Д. Академіи, № 52 (поступившая въ Академію изъ Лавры, ибо на 2-мъ листѣ одной руки съ письмомъ рукописи

---

[1]) Преосвящ. Макарій, Ист. т. 2, изд. 2 стр. 111, cfr стр. 206.

подпись: «сія божественнаа книга манастыря святыя Троиця». Въ греческомъ подлинникѣ Катихизисъ состоитъ изъ 134 словъ, — у Миня въ Patr. t. 99 p. 509 sqq, cfr житія преп. Ѳеодора ibid. pp. 152 и 264; въ славянскомъ переводѣ онъ состоитъ изъ 124 словъ и при этомъ расположеніе иное, чѣмъ въ подлинникѣ. Оглавленіе всѣхъ словъ по славянскому переводу у *Сильвестра Медвѣдева* въ Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, подъ сл. Ѳеодоръ игуменъ Студійскій, § 202, и въ Описаніи рукописей Троицкой Лавры № 178. Въ житіяхъ Ѳеодора Студита о Маломъ Катихизисѣ сказано, что онъ раздѣленъ на три части (τρεῖς λόγων περικοπαὶ) и что трижды каждую недѣлю онъ читается въ церкви, у Миня ibid. pp. 152 и 264, что̀, кажется, должно понимать такъ, что изъ каждой части читается каждую недѣлю по одному слову, въ извѣстные дни).

Хожденіе Богородицы по мукамъ. См. сейчасъ ниже апокрифы.

Храбръ, черногорецъ Болгарскій, жившій въ то время, когда еще живы были нѣкоторые люди, лично знавшіе первоучителей Константина и Меѳодія и слѣдовательно въ послѣднихъ годахъ IX—началѣ X вѣка, современникъ Іоанна экзарха и Константина пресвитера-епископа. Онъ написалъ сказаніе «О (славянскихъ) письменѣхъ», въ которомъ сообщаетъ, кто и для кого изобрѣлъ славянскую азбуку и совершилъ переводъ, и въ которомъ защищаетъ этотъ послѣдній отъ нареканій недоброжелателей, т. е. какъ необходимо принимать Грековъ (сказаніе напечатано: *Калайдовичемъ* въ Іо. Экзархѣ стр. 189 и, съ критическимъ разборомъ, *Срезневскимъ* въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1848 г. № 7).

Апокрифы.

Изъ сочиненій апокрифическаго содержанія, которыми была весьма не бѣдна наша позднѣйшая литература и которыми, вѣроятно, не совсѣмъ была бѣдна и литература домонгольскаго періода, по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ этого послѣдняго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ извѣстны слѣдующія:

Агапія отця нашего *Сѫказаніе*, чьсо ради оставляють роды и домы своя, и жены и дѣти и възьмъше крьстъ и идуть въ слѣдъ Господа, якоже евангеліе велить. Нач. Агапіи отець нашь изъ млада начатъ Бога боятися, — въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора; сполна напечатано *А. Н. Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879 г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 41.

Афродитіана Сказаніе о бывшимъ въ Персьстѣй земли чюдеси, — въ Толстовской рукописи XIII в., № 8 (впрочемъ, можетъ быть и кажется, не первой половины, а уже второй); напечатано *Тихонравовымъ* въ Памятникахъ отреченной Русской литературы, II, I.

Богородицы хожденіе по мукамъ въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII вѣка, № 12; напечатано *Срезневскимъ* въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 204 (съ греческимъ текстомъ) и *Тихонравовымъ* ibid. II, 22.

Глубинныя книги. Въ житіи преп. Аврамія Смоленскаго говорится, что нѣкоторые изъ возставшихъ на него клеветниковъ обвиняли его въ томъ, что онъ «Глубинныя книги» почитаетъ [1]). Что такое эти Глубинныя книги, какъ книги запрещенныя и отреченныя, остается неизвѣстнымъ. Въ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ по редакціямъ XVII в. называется книга «Глубина», но въ числѣ книгъ истинныхъ, а не ложныхъ (у Калайд. въ Іо. Экз. стр. 209). Извѣстный стихъ о Голубиной книгѣ (Варенцова Сборникъ древнихъ русскихъ стиховъ, стр. 11 sqq, Безсонова Калѣки перехожіе, стр. 269 sqq), подъ которой справедливо или несправедливо хотятъ разумѣть собственно Глубинную книгу (у Восток. въ Слов. слово глубина пишется: глубина, а не гълубина) также какъ будто заставляетъ предполагать книгу не отреченную. Можно думать, что подъ Глубинными книгами разумѣются книги такъ называемыя «маѳиматійскія» (βιβλία τὰ λεγόμενα μαθηματικά) — астрологическія (о которыхъ см. Зонару и Вальсамона въ толкованіи на 36 правило Лаодикійскаго собора).

Исаіи пророка Видѣніе — въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Моск. Успенск. собора; напечатано *Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879, кн. I, Библіографф. Матерр., стр. 12 fin (по болѣе позднему списку напечатано тѣмъ же *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, стр. 414).

Іакова патріарха Лѣствица читаемая въ Палеѣ, которая переведена была (какъ мы сказали, параг. Палея) въ періодъ домонгольскій (по Лаврскому списку Палеи 1406 г. напечатана *Тихонравовымъ* въ Памятни. отреч. русск. литературы I, 91).

Іеремін пророка Паралипомена, — отрывокъ въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Моск. Успенск. собора, см. у *Попова* ibid стр. 9 fin.; по списку XIV в. напечатаны тѣмъ же *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, стр. 406 fin., а по списку XV в. *Тихонравовымъ* въ Памм. отреч. литерат. I, 273.

Меѳодію Патарскому усвояемое *слово о царствѣ языкъ* послѣднихъ временъ, о которомъ см. выше въ параг. Меѳодій Патарскій.

Нифонта препод. и

Панкратія. священномуч. житія см. выше въ отдѣлѣ: Минеи-Четьи.

Патріарховъ ветхозавѣтныхъ, — 12-ти сыновей Іакова, «*Завѣти*», т. е. завѣты, читаемые въ той же Палеѣ, что и Лѣствица Іакова (напечатаны по Александроневск. Палеѣ XIV в. и по Сунодальной Палеѣ 1477 г. *Тихонравовымъ* ibid. I, 96).

---

[1]) Правосл. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3 стр. 372 fin.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 24. Въ итальянскихъ периплахъ близъ города Таны, лежавшаго при впаденіи Дона (по древн. Танаиса) въ море находимъ: по сю сторону къ Константинополю Fiume Rosso, а по ту сторону отъ Константинополя Casar (Casal) de (de li) Rossi, у *Тафеля* p. 40 нач.

Къ стр. 26, къ прим. 1. О томъ, что Таманскій полуостровъ во времена классической (а можетъ быть, и не классической) древности представлялъ изъ себя настоящее многоостровіе, см. *Гёрца* Археологич. топографію Таманск. полуострова, стр. 31 sqq.

Къ стр. 34, къ прим. 1. Въ периплѣ Понта Евксинскаго и Меотійскаго озера, принадлежащемъ неизвѣстному, напечатанномъ въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Др., тома II отд. I, стр. 240: «отъ священнаго устья (ἱερὸν στόμιον) рѣки Истра до города Истроса 500 стадій (или) 66½ миль... Отъ города Истроса до города Томи, имѣющаго пристань, 300 стадій (или) 40 миль»... По одной грамотѣ XIV вѣка, напечатанной у *Миклошича* въ Acta Patriarchat. Constantinop. (I, 502), близъ Варны находился городъ или селеніе Κάλαθας. Весьма вѣроятно, что это есть, съ одной стороны, древняя Καλλάτια, съ другой нынѣшняя Galata — селеніе, находящееся на южномъ краю Варнскаго залива (карты Турціи Киперта), а древняя Καλλάτια, по сейчасъ указанному периплу, въ 300 стадіяхъ или 40 миляхъ на югъ отъ Томи. На основаніи этихъ опредѣленій и указаній городъ Томи должно полагать или на мѣстѣ или близъ мѣста нынѣшняго городка Мангаліи, находящагося верстахъ въ 50 на югъ отъ Кюстендже.

Къ стр. 41. Лѣтописецъ называетъ Тиверцевъ толковинами, что̀ до сихъ поръ остается необъясненнымъ: «Тиверци, яже суть толковины» (907 г. нач.). Въ Словѣ о полку Игоревѣ читается: «сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно». Если послѣднее понимать такъ, что — добываемый погаными Толковинами и относить къ Тиверцамъ, то это будетъ значить, что во времена историческія Тиверцы славились своимъ поганствомъ, приверженностію къ язычеству.

Къ стр. 48. Природныхъ Русскихъ, стоящихъ за норманнизмъ, принято у насъ заподозривать въ нѣмцеманіи. Но покойный М. П. Погодинъ, ярый норманнистъ, конечно, былъ не нѣмцеманъ. Мы далеко не славянофилъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ имъ Погодинъ, но и норманнистъ вовсе не по нѣмцеманіи. Мы норманнистъ исключительно по побужденіямъ научнымъ. А кому прискорбно думать, что у насъ государство основано чужими, тотъ да утѣшится нѣсколько примѣромъ Англіи (Саксы и Норманны) и Франціи (Франки).

Къ прим. 1. Въ служебной Декабрьской Минеѣ библіотеки Троицкой Лавры, № 32, написанной въ исходѣ XV вѣка, служба Стефану Сурожскому приписана на концѣ другою рукой (см. Описанія рукописей стр. 39). Изъ этого ясно, что служба явилась у насъ не ранѣе начала XVI в.

Къ стр. 49. Послѣ напечатанія настоящаго 4-го листа мы получили 20-й № «Критическаго Обозрѣнія» за прошлый 1879 годъ, въ которомъ содержится разборъ книжки Копенгагенскаго профессора Wilh. Thomsen'a Der Ursprung des Russischen Staates. О происхожденіи имени Русь Томзенъ думаетъ тоже, что мы, а Финское Ruotsi, по его мнѣнію, изъ Норманнскаго Rothsmenn, что значитъ гребцы, мореходы (Обозр. стр. 28, — понѣмецки — Rudermänner; тоѕ̆г, Ruder — произноси руд'ръ — весло). Vāring, Vāringi, по его толкованію, «означаетъ людей, которыхъ положеніе упрочено договоромъ» (стр. 30), но подъ договоромъ онъ разумѣетъ не взаимный, а иной.

Къ стр. 53. «Норманны очень любили баню и обыкновенно ходили въ нее (по принятіи христіанства) по субботамъ», — *Погодинъ* на основаніи Стрингольма, Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій III, 453. Такимъ образомъ наши великорусскія бани, которыхъ не знаютъ никакіе другіе Славяне, необходимо считать не славянскими, а норманнскими.

Къ стр. 55, къ отд. «При Игорѣ». Варяги начали ходить въ Константинополь на службу къ императорамъ не ранѣе 839 г., см. выше, и — какъ должно думать — болѣе или менѣе вскорѣ послѣ него: въ договорѣ Олега съ Греками 911 г. не только говорится, но и дѣлается нарочитое уряженіе относительно Варяговъ или «Руси, работающихъ (находящихся на службѣ) въ Грекохъ у хрестьяньскаго царя». Послѣднее обстоятельство показываетъ, что Варяговъ было тогда въ Константинополѣ много и слѣдовательно — что они явились въ немъ болѣе или менѣе задолго до того.

Къ стр. 58, къ прим. 2. Полагаютъ обручи свои и прочая оружья, т. е. прочіе воинскіе доспѣхи, затѣмъ, «да будемъ золоти, яко золото се», — Договоръ Святослава съ Греками 971 г.

Къ стр. 61 fin. Названіе καθολικὴ ἐκκλησία у Грековъ имѣло два значенія: во-первыхъ, значило церковь приходскую въ противоположность домовой и также, и можетъ быть даже — главнымъ образомъ, монастырской, такъ какъ у Грековъ было или по крайней мѣрѣ считалось закономъ, чтобы мужскіе монастыри были не входны для женщинъ, а женскіе — для мужчинъ (въ каковомъ смыслѣ въ Изборникѣ Святославовомъ переводится: «обьштая церкы», — Опис. Сунодд. ркпп. Горск. и Невостр. № 161, стр. 400); во-вторыхъ — церковь каѳедральную, епископскую, см. Дюк. Gloss. подъ словомъ Καθολικὴ ἐκκλησία, также у Ралли и П. II, 372, N, 110, 303 и другія (первое значеніе), у Симеона Солунскаго De Sacra precatione c. 345, у Миня въ Patr. t. 155 p. 624 и у нашего Нестора въ житіи Бориса и Глѣба (второе значеніе; у Нестора: «кафоликании клисиа», по изд. Бодянск. стр. 17, 15). Въ приложеніи къ главнымъ церквамъ городскимъ, не каѳедрально-епископскимъ, названіе καθολικὴ ἐκκλησία у Грековъ не употреблялось, потому что у Грековъ въ древнее время не было городовъ, въ которыхъ бы не было епископовъ (и они явились только тогда, когда церковное словоупотребленіе уже установилось). У насъ названіе соборовъ или церквей соборныхъ перенесено на главныя церкви городовъ неепископскихъ съ ихъ каѳедральныхъ церквей (которыя названы соборными по примѣру Грековъ). Лѣтописецъ могъ употребить названіе «сборная церкы» въ приложеніи къ церкви неепископской въ смыслѣ главная церковь, или во второмъ нашемъ, сейчасъ указанномъ. Но, по всей вѣроятности, въ этомъ второмъ смыслѣ оно

начало употребляться у насъ уже позднѣе лѣтописца (Современникъ его — преп. Несторъ, говоря въ житіи Бориса и Глѣба о построенной Ярославомъ и сдѣланной имъ главною церкви въ честь мучениковъ въ Вышгородѣ, не называетъ ее соборною).

Къ стр. 62. Церковь пророка Иліи находилась, по лѣтописцу, «надъ ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ», т. е. находилась на верху надъ Крещатицкимъ ручьемъ, на концѣ улицы или площади, называвшейся Пасынчею, въ смежьи съ улицей или слободой (мѣстностью), называвшеюся Козарами (получившею названіе отъ Козаръ, которые, взимавъ дань съ Кіевскихъ Полянъ передъ Варягами, должны были имѣть въ Кіевѣ подворье для пріѣздовъ или для постояннаго житья своихъ чиновниковъ, какъ послѣ Татары въ Москвѣ).

— Въ договорѣ Олеговомъ съ Греками 911 г. говорится, что послы русскіе подписали грамоту договорную «своею рукою». Если подпись не состояла въ начертаніи какихъ нибудь условныхъ знаковъ, а была настоящая подпись, то будетъ значить, что искусство письма до нѣкоторой степени было извѣстно Русскимъ уже во времена Олега (между послами могли умѣть писать немногіе или даже и всего одинъ, чтобы подписаться за всѣхъ).

Къ стр. 69. О построеніи Ольгою въ Кіевѣ церкви св. Софіи Татищевъ говоритъ не самъ отъ себя, а на основаніи старыхъ святцевъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ подъ 11 мая записано: «въ тъ (тотъ) же день священіе святыя Софья (въ) Кыевѣ въ лѣто 6460» (952, — Опис. Сνнодд. рукопп. Отд. I, 1, стр. 314, также архим. Сергія Мѣсяцесловъ Востока).

Къ стр. 97, къ прим. Слова: «идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть», не имѣя смысла въ устахъ Владиміра, показываютъ, что повѣсть составлена послѣ того, какъ къ христіанскимъ государямъ Руси папы многократно присылали свои напрасныя посольства.

Къ стрр. 100—102. Находимъ съ сожалѣніемъ, что въ данномъ мѣстѣ мы изъясняемъ свои мысли не достаточно ясно и обстоятельно. Надлежащимъ образомъ мы поправимъ себя въ томъ случаѣ, если книга наша дождется 2-го изданія. А здѣсь все таки присоединимъ нѣкоторое поясненіе. Рѣчь идетъ не о положительныхъ свѣдѣніяхъ, а о религіозныхъ вѣрованіяхъ или убѣжденіяхъ. Съ положительными свѣдѣніями можетъ случиться то, что̀ повѣсть о крещеніи представляетъ случившимся съ религіозными вѣрованіями или убѣжденіями Владиміра. Положимъ, я имѣю свѣдѣніе о какомъ нибудь происшествіи; поговоривши съ тремя — четырьмя человѣками, которые увѣряютъ меня, что мое свѣдѣніе ложно и въ тоже время каждый разсказываетъ о происшествіи по своему, я могу усумниться въ моемъ свѣдѣніи и въ виду разнорѣчія другихъ показателей начать доискиваться истины. Но не можетъ случиться этого съ религіозными вѣрованіями и всякими убѣжденіями. Я имѣю извѣстныя религіозныя вѣрованія; ко мнѣ преемственно приходятъ три — четыре человѣка, имѣющіе религіозныя вѣрованія отличныя отъ моихъ и вмѣстѣ каждый свои особыя, и поочередно стараются убѣдить меня въ ложности моихъ мнѣній и въ истинности каждый своего. Здѣсь не можетъ случиться того, чтобы я, не бывъ убѣжденъ рѣчами ни одного собесѣдника, поколебался въ истинѣ своихъ вѣрованій и рѣшился предпринять розысканіе истины; а случится или то, что я, не убѣжденный никѣмъ, останусь при своихъ вѣрованіяхъ, или — что, убѣжденный которымъ нибудь однимъ, приму вмѣсто своихъ вѣрованій его вѣрованія. Представимъ себѣ философа, имѣющаго извѣстныя философскія убѣжденія. Онъ читаетъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ предлагаются другія убѣжденія и въ каждой свои: случится ли съ нимъ, чтобы этимъ фактомъ существованія многихъ другихъ убѣжденій

онъ былъ поколебленъ въ истинности своихъ и началъ разыскивать между первыми истинныхъ? Конечно, нѣтъ: онъ или останется при своихъ убѣжденіяхъ или безъ розысканій перемѣнитъ ихъ на извѣстныя другія, которыя найдетъ болѣе истинными. Вообще при перемѣнѣ религіозныхъ вѣрованій и всякихъ убѣжденій невозможенъ выборъ изъ многаго, а возможна только прямая и непосредственная перемѣна одного на другое (хотя преемственно эта перемѣна, разумѣется, можетъ совершиться и нѣсколько разъ). Никакого дѣйствія не бываетъ безъ причины; единственная причина, которая можетъ заставить человѣка отказаться отъ убѣжденій, коль скоро онъ ихъ имѣетъ, есть та, что онъ видитъ передъ собою другія извѣстныя убѣжденія, которыя находитъ болѣе истинными, и поэтому-то не выборъ изъ многихъ, а только перемѣна однихъ на одни (Человѣческое мышленіе подчинено между прочимъ закону достаточнаго основанія, — principium rationis sufficientis: какъ никто не приметъ новаго убѣжденія безъ достаточнаго основанія, такъ никто безъ тогоже основанія не откажется и отъ стараго. Но такимъ основаніемъ въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть только новое убѣжденіе, которое человѣкъ находитъ болѣе истиннымъ; слѣдовательно перемѣна убѣжденія на убѣжденіе и пр.). Защитники повѣсти могутъ возразить, что Владимиръ, какъ язычникъ, не имѣлъ никакихъ убѣжденій, что онъ былъ язычникомъ потому только, что родился имъ. Но этимъ они не только себѣ не помогутъ, а совсѣмъ уронятъ дѣло: не имѣющій никакихъ убѣжденій и только формально и наружно содержащій извѣстныя убѣжденія не будетъ доискиваться, какія между другими убѣжденіями суть истинныя, и если найдетъ нужнымъ то, чтобы изъ формальнаго и наружнаго адепта однихъ стать таковымъ же адептомъ другихъ, то сдѣлаетъ это по какимъ либо соображеніямъ стороннимъ (а если изъ наружнаго и формальнаго адепта какихъ нибудь убѣжденій онъ сдѣлается искреннимъ адептомъ другихъ убѣжденій, то опять не путемъ выбора...)

Къ стр. 116. Рѣшительное доказательство того, что повѣсть о крещеніи Владимира принадлежитъ не Русскому, а Греку, намъ видится въ словахъ, которыя авторъ повѣсти влагаетъ въ уста Владимира: «Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти». Чтобы Русскій устами Владимира захотѣлъ санкціонировать русское пьянство, это намъ кажется совершенно невѣроятнымъ. Слова эти вложены въ уста Владимира, очевидно, въ насмѣшку надъ Русскими и хотятъ сказать, что-де Русскій не забываетъ о своей водкѣ, когда говоритъ и о вѣрахъ и что-де при разсужденіи о достоинствѣ вѣръ для него первый вопросъ: а позволяетъ ли вѣра пить водку? — Басни о магометанахъ, сообщаемыя въ нашей повѣсти, не читаются въ томъ видѣ, какъ онѣ въ ней, въ славянскихъ, переведенныхъ съ греческаго, книгахъ. Это даетъ знать, что авторъ повѣсти бралъ ихъ изъ греческихъ книгъ, и слѣдовательно — что онъ былъ Грекъ.

Къ стр. 125. О рожденіи Владимиромъ Святополка отъ плѣнной Грекини, бывшей передъ нимъ женою его старшаго брата Ярополка, лѣтописецъ говоритъ: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ неяже родися Святополкъ; отъ грѣховнаго бо корени золъ плодъ бываетъ: понеже бѣ была мати его черницею, а второе — Владимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо; тѣмъ же и отецъ его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю, — отъ Ярополка и отъ Володимера» (подъ 980 г.). Справедливо или несправедливо то, что Владимиръ не любилъ Святополка, какъ рожденнаго отъ прелюбодѣйства, но эту нелюбовь, вслѣдствіе указанной причины, усвояетъ ему лѣтописецъ. Изъ этого слѣдуетъ, что лѣтописецъ далекъ былъ отъ того, чтобы считать Владимира величайшимъ развратникомъ. А если такъ, то изъ сего въ

свою очередь слѣдуетъ, что читаемое въ лѣтописи о развратѣ Владимира не должно быть усвояемо ему самому, а должно быть считаемо позднѣйшею вставкой, въ чемъ мы съ своей стороны и убѣждены рѣшительнымъ образомъ.

Къ стр. 144, къ прим. Новгородъ и Смоленскъ—верхъ по отношенію къ Кіеву, а Кіевъ по отношенію къ нимъ—низъ: Ипатск. лѣт. 2 изд. стрр. 87 (999 г. нач.), 253 и 259, Дополн. къ Акт. Ист. т. 1 стр. 4 col. 2.

Къ стр. 161, къ прим. 2. Подъ церковью св. Климента должно разумѣть придѣлъ, бывшій въ Десятинной церкви, въ одномъ изъ боковыхъ ея притворовъ (папертей), см. ниже въ главѣ о богослуженіи.—По лѣтописцу Переяславскому, царица Анна умерла послѣ Владимира (ибо Владимиръ, разболѣвся смертною болѣзнію, «призва сына князя Бориса и княгиню Анну, Грекиню царицю», — Временн. кн. 9 стр. 34).

Къ стрр. 171—182. Инородцы, находившіеся подъ властію Русскихъ, раздѣлялись на двѣ категоріи: территоріи однихъ были включены въ самый составъ государства, другіе же только платили Русскимъ дань. Мы говоримъ о крещеніи инородцевъ первой категоріи; а что касается до инородцевъ второй категоріи (Черемисы, Мордвы, Перми или Зырянъ и пр., лѣтоп. во введеніи, Лавр. 2 изд. стр. 10, Ипатск. стр. 6), то ни одни изъ нихъ не были крещены въ періодъ домонгольскій и большая часть оставались некрещенными до позднѣйшихъ временъ.

Къ стр. 194. У И. И. Срезневскаго есть новый и, какъ онъ полагаетъ, вѣрный списокъ нашего житія и печатаемой ниже Памяти и похвалы Іакова съ несуществующей теперь рукописи 1414 г. (См. его Свѣдѣній и замѣтокъ I—XL, Спб., 1867, вып. 2, стр. 84). Весьма желательно, чтобы онъ исполнилъ свое намѣреніе напечатать списокъ.

Къ стр. 228. Въ Греціи порядокъ церковнаго управленія устроился соотвѣтственно порядку гражданскому и на семъ основаніи тамъ явилось (первоначально) столько діоцезовъ церковныхъ (послѣдующихъ патріархатовъ), сколько было діоцезовъ гражданскихъ. Если бы у насъ было возможно учредить столько же епископскихъ каѳедръ, сколько ихъ было въ Греціи, то у насъ, не уклоняясь отъ примѣра Греціи, а послѣдуя ему, должны были бы учредить столько патріархатовъ, сколько было удѣльныхъ княженій (первичныхъ, ибо удѣльное княженіе, конечно, не менѣе діоцеза или генералъ-губернаторства).

Къ стр. 234, къ прим. 3. Митрополита Кирилла 3-го (по принятому счету 2-го) называетъ архіепископомъ Болгарскій деспотъ Святославъ въ письмѣ къ нему, *Востож.* Опис. Рум. Муз. стр. 291 col. 1; митрополита Петра называетъ архіепископомъ митр. Кипріанъ въ надписаніи его житія, — Степ. кн. I, 410; самъ Кипріанъ называется архіепископомъ въ одной записи на рукописи 1408 г., Памятники церкк. древностей: Нижегородская губернія, архим. Макарія, Спб. 1857, стр. 45; митрополита Алексія называетъ архіепископомъ надписаніе житія въ Степенн. кн. I, 444 (см. также Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ Срезневскаго, I—XL, Спб., 1867, стр. 59). Встрѣчали нѣсколько и другихъ примѣровъ за дальнѣйшее время, которыхъ сейчасъ не можемъ указать.

Къ стр. 237 къ прим. 1. А когда Вальсамонъ въ толков. на 6 пр. Сардик. соб., у Ралли и П. III., 245, говоритъ: «прежде 28 правила Халкидонскаго собора митрополиты были поставляемы (ἐχειροτονοῦντο), — причемъ, какъ видно изъ дальнѣйшей его рѣчи, разумѣетъ не только посвященіе, но и избраніе, — епископами, а не патріархомъ Константинопольскимъ, какъ это теперь», то онъ говоритъ неправду, если хочетъ сказать, что правиломъ собора было предостав-

лено патріарху поставленіе митрополитовъ не только въ смыслѣ посвященія, но и въ смыслѣ избранія.

Къ стр. 247 fin. Списокъ митрополитовъ, находящійся въ Волокол. рки. 1519 г. напечатанъ *И. И. Срезневскимъ* въ изданіи «Сказанія объ антихристѣ», Спб. 1874, стр. 55. Въ этомъ спискѣ также есть имена всѣхъ трехъ митрополитовъ: Кирилла послѣ Θеопемита и Гавріила съ Діонисіемъ послѣ Никифора.

Къ стр. 249 fin. Митрополиту Іоанну 2-му въ надписаніи его Правила къ Іакову черноризцу усвояется прозваніе пророка: «Іω(анна) митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа... Правило... Іакову черноризцю (Русск. Достопп. I, 89). Въ этомъ «пророкъ» должно видѣть переводъ греческаго слова κήρυξ (ἱεροκήρυξ), какъ слово сіе въ древнее время у насъ переводилось (см. *Будиловича* Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, Спб. 1871, стр. 86), и понимать дѣло такъ, что Іоаннъ до поставленія въ митрополиты принадлежалъ къ чину такъ называемыхъ іерокириксовъ или къ чину священниковъ, имѣвшихъ спеціальнымъ назначеніемъ проповѣдываніе слова Божія (на подобіе нашихъ недавнихъ «соборныхъ іеромонаховъ». А когда въ самомъ Правилѣ митр. Іоанна по чтенію нѣкоторыхъ списковъ говорится о пророкахъ изъ бѣльцовъ: «аще князь или пророкъ будеть», — Русск. Достопп. стр. 92, то тутъ вмѣсто пророкъ должно читать: князь, см. греческій подлинникъ Правила въ Запискахъ Акад. Н. т. XXII, кн. 2, приложж. стр. 11 нач.).

Къ стрр. 256 — 257. По каноническимъ правиламъ, если пресвитеръ или діаконъ окажутся достойными изверженія изъ сана, то они не могутъ быть извергнуты однимъ мѣстнымъ епископомъ, а только соборомъ епископовъ, состоящимъ въ первомъ случаѣ не менѣе какъ изъ шести членовъ, а во второмъ — трехъ (Каρθаг. соб. прр. 12, 29, — у Ралли и П. и въ Никон. Кормч. 20, 121.— у Ралли и П. 107, въ Никон. Кормч. 108, и толкованія, а о противорѣчіи правилъ 4-му пр. Антіох. собора Вальсамонъ въ толков. на 12 пр.). Эти каноническія правила были памятуемы въ патріархатѣ Константинопольскомъ еще въ концѣ XIV — началѣ XV вѣка, *Миклошича* Acta Patriarchat. Constantinop. I, 589 и II, 371); слѣдовательно, тѣмъ болѣе въ нашъ періодъ домонгольскій. Если и у насъ въ періодъ домонгольскій было поступаемо сообразно съ сими правилами, то отсюда должна была открываться нужда въ болѣе или менѣе частыхъ соборахъ.

Къ стр. 257 къ прим. 1. Относительно времени, соотвѣтствующаго нашему періоду домонгольскому, патр. Алексѣй у Ралли и П. V, 27.

Къ стр. 261. Самой вѣроятной причиной того, почему въ Константинополѣ замедлили поставленіемъ преемника Михаилу, должно считать происходившую тамъ смѣну патріарховъ (и не что либо намѣренное).

Къ стр. 286. Мы выражаемся тутъ не совсѣмъ точно. Владиміръ помѣстилъ митрополитовъ на жительство въ Переяславлѣ, но такъ, что Кіевъ (со всею областью великаго княженія, см. дополн. къ стр. 298) долженъ былъ принадлежать имъ и что въ немъ они долженствовали имѣть свой каѳедральный храмъ въ церкви Богородицѣ Десятинной (По перевеленіи Ярославомъ митрополитовъ изъ Переяславля въ Кіевъ къ св. Софіи, Десятинная церковь — какъ должно подразумѣвать — стала приходскою церковію или же осталась только придворною, — точнѣе, такъ какъ и дворецъ перенесенъ былъ Ярославомъ къ Софіи, дворцоваго вѣдомства).

Къ стр. 288. Весьма вѣроятно думать, что митрополитъ въ своей борьбѣ съ Боголюбскимъ въ Константинополѣ имѣлъ своими тайными союзниками всѣхъ

другихъ князей русскихъ или по крайней мѣрѣ ихъ большинство, см. ниже дополненіе къ стр. 375. Представивъ патріарху, тайно отъ Боголюбскаго, о рѣшительной неугодности замысла послѣдняго другимъ князьямъ (можетъ быть, и съ приведеніемъ доказательствъ, — тайныхъ грамотъ князей) митрополитъ и могъ достигнуть того, чтобы патріархъ отказалъ Боголюбскому въ его просьбѣ помимо собственныхъ какихъ либо соображеній. Такъ какъ Боголюбскій былъ великій князь только de facto, но не de jure, то въ семъ обстоятельствѣ былъ для патріарха видимый законный предлогъ отказать ему въ его просьбѣ.

Къ стр. 291 и слѣдд. *Область русская, не состоявшая подъ властью никакого епископа или какъ бы находившаяся внѣ церкви.* Какъ таковую оригинальную область со всею вѣроятностію должно представлять себѣ небольшую область Вятскую (нынѣшнюю губернію того же имени), которая, какъ маленькое независимое русское государство съ республиканскимъ правленіемъ, явилось въ землѣ финскихъ Вотяковъ, бывъ основано въ концѣ XII вѣка Новгородскими выходцами, представлявшими изъ себя по своему характеру, нужно думать, тоже самое, что позднѣйшіе Московскіе выходцы, изъ которыхъ образовалось Донское казачество. (По мѣстнымъ позднѣйшимъ лѣтописямъ, которымъ весьма странно было бы усвоять совершенную достовѣрность, Вятка основана въ 1174 г. Пересказъ мѣстныхъ лѣтописей у *П. Рычкова*: въ Опытѣ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ. Спб., 1767, стр. 187 sqq и въ Продолженіи журнала или дневныхъ записокъ путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства... 1770 г. Спб., 1772, стр. 29 sqq см. также *Карамзина* т. III, стр. 22 и *Костомарова* Сѣвернорусскія Народоправства I, 241). Вятчане вовсе не признавали надъ собой государственной власти своей метрополіи — Новгорода, и были людьми совершенно свободными и «самовластными»: но точно также необходимо думать, что они не признавали надъ собой и церковной власти Новгородскаго архіепископа. Это послѣднее необходимо думать потому, что когда въ XV вѣкѣ Вятка покорена была Московскими великими князьями, она поступила подъ церковную власть митрополитовъ Московскихъ, а не оставлена за архіепископами Норгородскими, что̀ было бы, если бы она дотолѣ принадлежала архіепископамъ (а чтобы она была перечислена присемъ изъ-подъ власти вторыхъ во власть первыхъ, на это нѣтъ никакихъ указаній). Какъ пріобрѣтали себѣ Вятчане священниковъ, пока не находились подъ властію никакого епископа, остается неизвѣстнымъ; но по всей вѣроятности у нихъ было въ семъ отношеніи такъ, какъ у раскольниковъ поповцевъ до появленія австрійскаго священства: отчасти они привозили себѣ священниковъ изъ сосѣдней Руси, отчасти изъ той же и изъ всякой Руси священники приходили и прибѣгали къ нимъ сами. Послѣднимъ мы хочемъ сказать, что, весьма вѣроятно, не только приходили къ нимъ священники законные или незапрещенные, но и прибѣгали священники запрещенные и разстриженные и даже, — что̀ нисколько не невозможно, — священники самозванцы. До какой крайней степени худо было у Вятчанъ христіанство передъ поступленіемъ ихъ подъ власть Москвы, это видно изъ посланій на Вятку митр. Іоны (Область или территорія Вятчанъ называлась Вятской землей и Вяткой, но городъ Вятка назывался не Вяткой, а Хлыновымъ, и первое названіе носитъ только съ 1780 г. Хлыномъ называется человѣкъ уклоняющійся, убѣгающій отъ чего нибудь, а хлынуть, отхлынуть значитъ удалиться съ поспѣшностію, убѣжать; такимъ образомъ названіе города Хлыновъ весьма вѣроятно переводить на современный русскій языкъ: Бѣгляковъ или Бѣжецкъ, — что̀, можетъ быть, и дѣйствительно значитъ названіе дру-

гой Новгородской колоніи — нынѣшняго Тверскаго Бѣжецка. Это даетъ знать, какого рода Новгородскими выходцами была основана колонія).

Къ стр. 298. Владиміръ далъ десятину Кіевской церкви Богородицы и, какъ необходимо подразумѣвать, митрополиту изъ великаго княженія. Слѣдовательно— и митрополичью епархію составляла область великаго княженія.

Къ стр. 299, нач. Къ вопросу о степеняхъ епископовъ въ Греціи. Cfr Аристина въ толков. на 48 (по греческому счету 39) правило Кароаг. соб., у Ралли и П. III, 404 fin., изъ котораго какъ будто слѣдуетъ, что епископы степеней не имѣли.

Къ стр. 301. Въ Уставѣ Бѣлеческомъ митр. Георгія читается: «Облеченному на епископство не достоитъ верха постригати, но егда поставленъ будетъ» (§ 96). Слѣдовательно, предъизбирали или заранѣе избирали въ епископы и въ періодъ домонгольскій.

Къ стр. 302 къ прим. Что Вальсамонъ былъ противъ того, чтобы причислять монаховъ, какъ монаховъ, къ клиру, см. его толкованія на 8 пр. четвертаго всел. соб., на 33 и на 77 прр. шестаго всел. соб., на 14 пр. седьмаго всел. соб., на 15 пр. Лаодик. соб. и схолію къ 33 гл. 1-го титла Номоканона Фотіева.

Къ стр. 305. Въ Delectus legum Льва и Константина относительно поставленія мірянъ въ епископы предписывается: «Повелѣваемъ относительно избираемыхъ (въ епископы), чтобы если найдутъ достойнымъ помянутаго избранія какого либо мірянина, избирали таковаго съ тремя другими клириками и монахами (кандидаты) и именно — чтобы избранный симъ способомъ (изъ всѣхъ кандидатовъ) мірянинъ не рукополагался (тотчасъ) въ епископы, но сначала сопричитался къ клирикамъ не менѣе, какъ на три мѣсяца, и чтобы такимъ образомъ, изучивъ святые каноны и священную службу церкви, рукополагался въ епископы», tit. VIII, § 4, у Миня въ Патр. t. 113 p. 480. Не говорится, чтобы мірянинъ передъ посвященіемъ постригаемъ былъ въ монахи.

— Къ прим. 1. Но во времена Симеона Солунскаго было и то, чтобы архіереи ставились безъ предварительнаго постриженія въ монахи, — De sacro unguento c. 78, у Миня въ Patr. t. 155 p. 252 fin.

Къ стр. 310 нач. Въ настоящее время въ подобномъ случаѣ можно занять денегъ. Но въ старое время занимать ихъ было чрезвычайно трудно.

Къ стр. 316. Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ половинѣ XIV вѣка, пишетъ въ своемъ Странникѣ, что когда онъ съ своими спутниками былъ въ св. Софіи, увидѣлъ ихъ святой патріархъ Цареграда Исидоръ (Вухирасъ) и бесѣдовалъ съ ними, и прибавляетъ: «О великое чудо! колико смиренія бысть ему, ижъ бесѣдова съ странники, — ны грѣшніи: не нашъ бо обычай имѣетъ» (На взглядъ Стефана увидѣть архіерея бесѣдующаго съ такими людьми, какъ странники, — великое чудо...)

Къ стр. 318. Какъ рѣшительно былъ противъ перемѣщеній Константинъ Великій, см. у Евсевія въ De vita Const., lib. III c. LIX sqq (желаніе Антіохіянъ перемѣстить къ себѣ изъ Кесаріи самаго Евсевія). Позднѣйшее сочиненіе въ защиту перемѣщеній съ приведеніемъ примѣровъ, у Ралли и П. V, 391.

Къ стр. 320 къ прим. 3. На первой строкѣ должно прибавить цитату: новелла импер. Ираклія у Ралли и П. V, 232.

Къ стр. 321 къ прим. 1. Должно прибавить еще: ibid. II, 587, у Дюканжа въ Constantinop. Christ. lib. II c. XIV, p. 161.

Къ стр. 326. Въ позднѣйшей Кіевской Руси клиросы иногда называются по западному капитулами. Мелетій Хребтовичъ, епископъ Владимирскій, въ своей грамотѣ 1591 г.: «Обмовившися посполъ и изволившися (обсудивъ вмѣстѣ и

уряднвъ) зъ капитулою, крылошаны нашими, въ богоспасаемомъ градѣ Берестейскомъ церкве столечности соборное»... (Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою Коммиссіею, т. IV, Спб. 1878, стр. 64).

Къ стр. 327. Въ Молдовлахіи или Молдавіи въ позднѣйшее время было такъ же, какъ въ Кіевской позднѣйшей Руси: Григорій Цамблакъ въ надписаніи нѣкоторыхъ его словъ называется игуменомъ обители Пантократоровы и прозвитеромъ великой церкви Молдовлахійской (Опис. Синодд. ркпп. № 235 л. 227). Это значитъ, что онъ былъ игуменомъ монастыря Пантократорова и вмѣстѣ членомъ соборнаго митрополичьяго клироса (а что въ позднѣйшее время было клирошанами и монахи, см. на предъидущ. стр. выписку изъ дѣяній Виленскаго собора).

Къ стр. 333. Въ городахъ неепископскихъ, по мѣрѣ утвержденія въ нихъ христіанства и по мѣрѣ умноженія числа церквей, изъ нѣсколькихъ или многихъ церквей каждаго одна церковь была дѣлаема главною на тотъ конецъ, чтобы въ ней ежедневно было совершаемо богослуженіе (чего въ другихъ церквахъ или вообще въ церквахъ вовсе не дѣлалось), и что нужно было для той цѣли, чтобы люди, желающіе поминать родителей, ежедневно могли находить церковь, въ которой бы пѣлась литургія. Эти главныя церкви, первоначально называвшіяся неизвѣстно какъ (можетъ быть «вседневными», — Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба не называетъ никакъ сдѣланную Ярославомъ вседневную въ Вышгородѣ церковь въ честь мучениковъ, которую онъ построилъ самъ), впослѣдствіи времени, съ перенесеніемъ на нихъ имени каѳедральныхъ епископскихъ церквей, названы соборами (а сіи послѣднія названы соборами по примѣру греческому, — καϑολικὴ ἐκκλησία). Общій признакъ, на основаніи котораго съ однихъ церквей имя перенесено на другія былъ тотъ, что какъ однѣ, такъ и другія были главныя въ своихъ городахъ, а затѣмъ ближайшимъ образомъ можетъ быть то, что епископы, пріѣзжая въ эти города, собирали къ этимъ церквамъ духовенство и проч.

— Втораго абзатца 8-я строка снизу: а Аристинъ даетъ знать, что протопопы только въ своихъ селеніяхъ первенствуютъ, ibid. III, 140, т. е. что они суть только начальные іереи (старшіе священники) или настоятели въ приходахъ многоклирныхъ (въ которыхъ при церквахъ не по одному, а по нѣскольку священниковъ).

— Въ Сербіи при св. Саввѣ протопопы являются въ качествѣ чиновниковъ, но не постоянныхъ, а временныхъ, соотвѣтствующихъ греческимъ экзархамъ. Стефанъ Душанъ въ своемъ Законникѣ повелѣваетъ поставить протопоповъ по большимъ селеніямъ, но не для надзора надъ духовенствомъ, а «да возвратятъ христіанъ отъ ереси латинскія, преподавая имъ наставленія духовныя» (см. нашей книги Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Б., С. и Р. стрр. 453 и 682 нач.). — Въ Греціи въ позднѣйшее время и въ епархіяхъ большихъ находимъ протопоповъ, соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ южно-русскимъ протопопамъ, — завѣдующихъ протопопіями или извѣстными частными округами въ епархіяхъ, см. книгу Ἱστορία τῆς Ἑπτανήσȣ, ὑπὸ Π. Χιώτȣ, μέρος α', стр. 419 sqq (на островѣ Закинѳѣ, находившемся во владѣніи Венеціанцевъ, и можетъ быть по примѣру западному).

— Протопопы уѣздныхъ соборовъ, не бывъ епархіальными чиновниками въ собственномъ смыслѣ, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, были до нѣкоторой степени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ сказать, орудіями епархіальной власти, что̀ видимъ впослѣдствіи. По причинѣ крайней обширности епархій у насъ съ древняго времени повелось, чтобы епископы не освящали

сами лично всѣхъ церквей, какъ это было въ Греціи, а выдавали вмѣсто сего антиминсы. Затѣмъ, изъ Греціи перешло къ намъ узаконеніе, чтобы священники совершали браки не иначе, какъ по письменнымъ каждый разъ или на каждый бракъ дозволеніямъ епископовъ, каковыя дозволенія у Грековъ назывались вуллами, а у насъ вѣнечными знаменами (и которыя введены были для того, чтобы священники по невѣжеству или по злоупотребленію не вѣнчали браковъ въ незаконныхъ степеняхъ родства). Въ позднѣйшее время антиминсы для освященія церквей и знамена для совершенія браковъ выдавали не только сами архіереи лично, но и чрезъ уѣздныхъ протопоповъ, и необходимо думать, что это такъ было и въ древнѣйшее время. Въ позднѣйшее время такъ дѣлалось, нѣтъ сомнѣнія, потому, что при обширности епархій всѣмъ являться за антиминсами или за знаменами лично къ самимъ архіереямъ было бы затруднительно. Но въ древнѣйшее время причина эта существовала еще болѣе, ибо тогда епархіи еще были обширнѣе (Въ позднѣйшее время уѣздные протопопы, выдавая антиминсы, вмѣстѣ и освящали церкви — или сами лично или чрезъ посыланныхъ соборныхъ священниковъ).

Къ стр. 334 нач. Въ Греціи, какъ даютъ знать свидѣтельства, архидіаконы епископовъ притязали на то, чтобы стать чиновниками — начальниками всѣхъ діаконовъ и завѣдующими производствомъ въ степень діаконскую (у Ралли и П. IV, 480 и V, 411). Весьма возможно, что подобное было и у насъ.

Къ стр. 335. У Сербовъ въ половинѣ XIV вѣка оброки, слѣдовавшіе епископамъ, собирали духовные экзархи (о которыхъ стр. 320 прим. 1); въ Законникѣ Стефана Душана предписывается: и экзархи да не бываютъ изъ мірянъ и да не посылаютъ ихъ митрополиты по священникамъ; но да посылаютъ митрополиты монаховъ самъ-другъ по священникамъ, да исправитъ духовныя дѣла и возьметъ оброкъ церковный съ (тѣхъ) священниковъ, у которыхъ есть вотчины (нашей книги: Краткій Очеркъ исторіи правосл. церквей Б., С. и Р. стр. 686, § 38). Необходимо думать, что Сербы въ семъ случаѣ послѣдовали примѣру Грековъ. Если у насъ обязанность сбирать оброки не возложена была на духовныя лица, то это могло случиться отъ двухъ причинъ: или находили обязанность эту для духовныхъ лицъ неприличною, а примѣръ Грековъ для себя необязательнымъ, или находя первое, не видѣли передъ собою втораго, такъ какъ у Грековъ собираніе оброковъ, какъ формально признанное государствомъ и совсѣмъ открытое, можетъ быть, началось позднѣе, чѣмъ у насъ (сf. стр. 426 прим.).

Къ стр. 338. *О наказаніяхъ, употреблявшихся церковною властью.* Мы опустили сказать объ этомъ предметѣ въ своемъ мѣстѣ, и здѣсь ограничимся самымъ краткимъ. Церковь есть царство духовное, а не мірское, поэтому и единственно свойственныя ей наказанія, посредствомъ которыхъ она должна преслѣдовать нарушеніе ея законовъ и уставовъ всѣми мірянами и ея собственными чиновниками или клириками, суть наказанія духовныя, состоящія — по отношенію къ мірянамъ: въ случаѣ преступленій легкихъ или не тяжкихъ — въ наставленіяхъ и увѣщаніяхъ и церковныхъ епитиміяхъ, въ случаѣ преступленій тяжкихъ — въ отлученіи отъ церкви; по отношенію къ клирикамъ: въ первомъ случаѣ въ тѣхъ же наказаніяхъ, а во второмъ — въ изверженіи изъ клира (сf. собора двукратн. пр. 9). Такъ это, конечно, и было въ первенствующее время церкви. Но послѣ первенствующаго, весьма недолгаго, времени власть церковная очень рано усвоила и употребленіе наказаній мірскихъ, именно — тѣлесное наказаніе въ собственномъ смыслѣ посредствомъ розги или бича (flagellum, σκυτάλη) и заключеніе въ темницу. Первое наказаніе было употребляемо про-

тивъ низшихъ клириковъ, второе не только противъ низшихъ, но и противъ высшихъ — епископовъ (Bingh. Vol. III p. 264, Vol. VII p. 168 и Vol. VIII p. 49; что въ темницы были заключаемы не только пресвитеры, но и епископы, см. Лугъ Духовный Іо. Мосха, гл. 108 и 150, у Миня въ Патр. t. 87 pp. 2969 и 3013). Съ первымъ изъ наказаній въ IX вѣкѣ, какъ даетъ знать соборъ двукратный (въ пр. 9) доходило до бо́льшаго или меньшаго (т. е. весьма вѣроятно — до очень большаго) злоупотребленія. Когда дозволено или попущено было въ Греціи гражданскимъ правительствомъ, чтобы власть духовная употребляла наказанія мірскія и въ приложеніи къ мірянамъ, не знаемъ; но Вальсамонъ говоритъ относительно своего времени (конца XII — начала XIII в.), что міряне — рабы и свободные, приходящіе на судъ къ патріаршему (епископскому) протекдику, по рѣшенію этого послѣдняго, иногда смиряются посредствомъ розги (διὰ σκυτάλης σωφρονίζονται; σκυτάλη — собственно палка, батогъ), — въ толков. на 14 прав. двукр. собор., у Ралли и П. II, 681 fin. Посредствомъ денежнаго штрафа предоставляетъ епископамъ наказывать виновныхъ импер. Алексѣй Комнинъ (1081—1118) и именно — говоря о клирикахъ и о церковныхъ рабахъ (κληρικοράροικοι), у Ралли и П. V, 281. Употребляли или не употребляли у насъ епископы въ періодъ домонгольскій въ отношеніи къ низшимъ клирикамъ и вообще всему приходскому духовенству мірскія наказанія — розгу и темницу, положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Но необходимо думать, что да, и если не необходимо, то весьма вѣроятно думать, что у насъ съ сими наказаніями были еще бо́льшія злоупотребленія, чѣмъ въ Греціи. Съ мірянъ у насъ было предоставлено епископамъ въ періодъ домонгольскій взимать денежные штрафы, но было ли дозволено употреблять въ отношеніи къ нимъ два первыя наказанія, какъ это видимъ впослѣдствіи, остается неизвѣстнымъ, и болѣе вѣроятно — нѣтъ, чѣмъ — да. Съ духовнымъ наказаніемъ — отлученіемъ отъ церкви епископы греческіе дозволяли и до сихъ поръ дозволяютъ себѣ большія злоупотребленія. Весьма вѣроятно, что такъ было и у насъ (относительно позднѣйшаго времени — Петровскій Регламентъ).

Къ стр. 375. Удѣлъ Суздальскій, только-что открытый передъ Боголюбскимъ, былъ одинъ изъ самыхъ младшихъ и слѣдовательно одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ; не составляя части собственной Руси, а обнимая территорію инородческую, онъ былъ ктому же не собственная Русь, а нѣчто только добавочное къ ней, — нѣчто въ родѣ нынѣшняго Туркестана. И вдругъ князь этого какъ бы уже внѣрусскаго и только полурусскаго удѣла изъявляетъ притязаніе на то, чтобы замѣнить собою великаго князя Кіевскаго, чтобы стать распорядителемъ судебъ всей Руси и всѣхъ ея князей. Само собою предполагается, что такое совершенно необычайное и совершенно невѣроятное притязаніе было встрѣчено всѣми князьями русскими не съ благодушіемъ и не съ равнодушіемъ, а съ самымъ крайнимъ негодованіемъ. Но самому Боголюбскому князья ничего не могли сдѣлать и съ какими бы ни худыми чувствами должны были преклоняться передъ силой. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ они должны были выместить свой гнѣвъ и свою злобу на орудіи его замысловъ, когда представился имъ случай. Противъ самозваннаго архіепископа поднялъ борьбу митрополитъ, и необходимо думать, что князья съ жаромъ и ревніемъ бросились на сторону митрополита, что посредствомъ своихъ епископовъ они употребили всѣ усилія возбудить противъ Боголюбскаго въ лицѣ Ѳеодора возможно сильную бурю общаго гнѣва... Такъ представлять дѣло необходимо; а при такомъ представленіи дѣла станетъ до нѣкоторой степени понятною и совсѣмъ необычайная по своей жестокости казнь, которой подвергся Ѳеодоръ. До послѣдней степени возбужденная вражда князей къ патрону хотѣла выместить и показать себя на кліентѣ...

Къ стр. 387 нач. Въ Судебникѣ Іоанна IV читается: «а попу пожилаго нѣтъ и ходити ему вонъ безсрочно воля», — § 88, въ Акт. Ист. I, 247. Это, по всей вѣроятности, должно понимать такъ: если священникъ поступитъ въ приходъ, принадлежащій какому нибудь вотчиннику, и если онъ не заключитъ контракта относительно срока: то не подчиняется правиламъ относительно перехода крестьянъ (о которомъ въ томъ же параграфѣ, — отъ осенняго Юрія до него же), а можетъ оставить приходъ, когда хочетъ, и при этомъ онъ не платитъ пожилаго за домъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ.

Къ стр. 389 нач. Подъ 1175 г. упоминается въ лѣтописяхъ Θеодулъ, игуменъ Владимирской св. Богородицы, вмѣстѣ съ протопопомъ той же церкви Николаемъ (Микулицей и съ деместьвяникомъ или регентомъ пѣвчихъ, которые называются тутъ клирошанами, Ипатск. 2 изд. стр. 402, Лавр. 2 изд. стр. 351); подъ 1178 г. въ Ипатской лѣтописи упоминается Ефремъ, игуменъ святое Богородицы (2 изд. стр. 411 нач.), по всей вѣроятности — Кіевской Десятинной: это, какъ должно думать, духовники церквей. — Въ Греціи былъ обычай, что бѣлые приходскіе священники, постригаясь въ монахи, продолжали оставаться приходскими священниками, Вальсам. въ схоліи къ 3-й гл. 1-го тит. Номоканона Фотіева, у Ралли и П. I, 41. Какая цѣль была этого постриженія, для насъ не ясно (желаніе пріобрѣсти право духовничествовать, которое давалось только монахамъ?), и было ли у насъ такъ, не встрѣчали указаній.

Къ стр. 390 къ прим. 1. А относительно второй половины XIV в. см. Acta Patriarchat. Constantinop. Миклошича II, 170.

Къ стр. 392 къ прим. 1. Діякъ вмѣсто діаконъ въ весьма древнемъ переводѣ Пандекта Антіохова, — Опис. Cvнодд. ркпп. № 159, Отд. II, ч. 2 стр. 260, абзатца 3-го строка 2-я, также въ Служебникѣ XII вѣка, усвояемомъ преп. Антонію Римлянину, ibid. № 342, Отд. III, ч. I, стр. 2 sub fin.

Къ стр. 393 къ прим. 1. Точно также было и на Западѣ, и отъ того писецъ тамъ clerc изъ clericus (у Сербовъ писаря назывались погречески грамматиками, — Рѣчникъ *Даничича* подъ сл. граматигъ, а слово дьякъ въ переносномъ смыслѣ получило болѣе общее значеніе грамотника, человѣка книжнаго, ученаго, и въ настоящее время употребляется въ значеніи der Student, literarum studiosus, — Словарь *Караджича*. — О деревенскихъ писаряхъ въ Греціи, бывшихъ не всегда, но преимущественно изъ тѣхъ же, что́ у насъ, церковныхъ чтецовъ — пѣвцовъ и называвшихся χωρικὸς γραφεύς, — καλλίγραφος, γραμματικός, см. въ Griechische Palaeographie von *V. Gardthausen*, Leipzig, 1879. SS. 301 sqq и 331, cfr *Дюк.* Gloss. Graecit. подъ сл. γραμματικός).

— Къ прим. 4. Примѣчаніе это должно быть поправлено такъ: О Греціи см. Вальсамона въ толков. на 33 пр. шестаго всел. соб. и на 14 пр. седьмаго всел. соб., — у Ралли и П. II, 381 и 616 sqq. (Кромѣ этихъ дьяковъ безмѣстныхъ, въ Греціи были еще, такъ сказать, полудьяки: непосвященные въ дьяки епископами, но носившіе или стрижку и одежду дьяческія, о которыхъ ниже, или только одну послѣднюю, и иногда то или другое съ дѣтства, — 14 пр. седьмаго всел. соб. и Вальсамонъ ibidd.; у послѣдняго стр. 616: ὁρῶμέν τινας νηπιόθεν μελανειμονήσαντας... καὶ κȣρὰν δεξαμένȣς μὴ διὰ χειροθεσίας τȣ̃ ἐγχωρίȣ ἐπισκόπȣ — «видимъ нѣкоторыхъ, въ дѣтствѣ надѣвшихъ одежду клириковъ», — которая долженствовала быть черная, — «и остриженіе принявшихъ не отъ руки мѣстнаго епископа», а — подразумѣвается — отъ руки не священной, начавшихъ носить стрижку клириковъ просто по своему и родителей своихъ произволу. Въ славянскомъ переводѣ Номоканона Схоластикова, въ прибавочныхъ статьяхъ къ самому Номоканону, полудьяки-дѣти называются дьячцами: «аще ли кто дѣтескъ сы,

ли мирскымъ ли мнишескымъ чиномъ или дьячець [1]), осквернится отъ нѣкоего мужа», ркп. Моск. Д. Акад. № 54, лл. 73 об. и 127 об. Весьма вѣроятно, что эти полудьяки или какъ бы самодьяки были и у насъ. Въ тѣхъ же прибавочныхъ статьяхъ сейчасъ указаннаго Номоканона дается знать, что въ Греціи они позволяли себѣ надѣвать въ церкви богослужебную одежду: «аще діакъ алаксается — греч. ἀλλαξάεται, ἀλλάσσεται, собственно переодѣвается, но въ церковномъ языкѣ — надѣваетъ богослужебную одежду, — нехеротонисанъ, да имаетъ епитемію 3 лѣта», л. 90).

Къ стр. 394. Изъ парамонарей ставили въ патріархи (Петръ Кнафей Антіохійскій, — Малала у Миня въ Патр. t. 97 p. 561).

— Къ прим. 2. Въ житіи Андрея Юродиваго, Acta SS. Боландд. Maii t. VI, Corollar. p. 9, προσμονάριος бьетъ въ било: καὶ τὸ ξύλον ἔκρουσεν ὁ προσμονάριος.

Къ стр. 402. Въ новеллѣ Юстиніановой 123, гл. 17, читаемъ: «Приписныхъ (ἐναπογράφους, перев. adscriptitios) дозволяемъ поставлять въ клирики въ тѣхъ (только) имѣніяхъ, къ которымъ приписаны, и противъ воли господъ, но съ тѣмъ, чтобы, и ставъ клириками, они отбывали (господину) положенныя на нихъ земледѣльческія работы». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками книгъ, чтобы дознаться обстоятельно, что значитъ ἐναπογράφοι; но если разумѣть подъ ними сельскихъ рабовъ, приписанныхъ къ извѣстнымъ имѣніямъ, то подобное ихъ поставленіе во священники будетъ значить почти совершенно тоже, что наше поставленіе безъ освобожденія отъ рабства.

— Въ Греціи было въ обычаѣ, чтобы вельможи поручали своимъ домовымъ священникамъ управленіе своими имѣніями, вслѣдствіе чего Константинополь былъ наполненъ священниками, искавшими мѣстъ домовыхъ священниковъ у вельможъ (седьмаго всел. соб. пр. 10 и толкованія на него). У насъ, по всей вѣроятности, этого не было.

Къ стр. 404. Когда архіепископъ Новгородскій Геннадій приводившихся къ нему безграмотныхъ ставленниковъ велѣлъ учить у себя на дому, то они, поучився мало, просились прочь (Акт. Ист., т. I № 104). При этомъ вовсе не должно представлять себѣ дѣло такъ, чтобы всѣ, желавшіе поступить во священники, готовились къ нему съ дѣтства; напротивъ, должно быть представляемо, какъ совершенно обыкновенное, что человѣкъ проживалъ мужикомъ лѣтъ до 25—30 и за тѣмъ принимался за ученье, чтобы, немного поучившись, идти къ архіерею просить мѣста (Положительныя свидѣтельства относительно сего за вторую половину XVI — начало XVII вѣка Петра Петрея и другихъ см. у *Рушинскаго* въ статьѣ: Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ, помѣщ. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1871, кн. 3 стр. 176). Пусть вообразитъ себѣ читатель, что въ настоящее время вдругъ объявлено, что-де для священства достаточно знанія одной грамоты и что-де желающимъ учиться ей предоставляется на произволъ: учиться въ духовныхъ училищахъ или у себя дома. Что выйдетъ? Выйдетъ то, что училища мгновенно опустѣютъ и принуждены будутъ закрыться и что возобновится старый порядокъ училищъ частныхъ по селамъ.

Къ стр. 409 къ прим. Въ началѣ XVII вѣка въ церкви одного села, находившагося не гдѣ нибудь въ глуши, а не особенно далеко отъ Москвы, не было служебника и къ службѣ попъ села добывалъ книгу служебникъ у иныхъ

---

[1]) Приводимыя слова читаются въ Послѣдованіи исповѣди, усвяемомъ Іоанну Постнику: на греческомъ «дьячець» — παπαδίτζης, — *Io. Morini* De pœnitentia, прибавл. p. 86 sub fin.

поповъ (см. Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Троицкой Лавры, № 227 fin., ч. II стр. 16).

Къ стр. 410 нач. Одинъ актъ 1396 г. даетъ знать, что въ семъ году императоръ Константинопольскій (Мануилъ 2-й Палеологъ) дѣлалъ попытку ввести законъ и установить обычай, чтобы на судѣ епископовъ по дѣламъ уголовнымъ (ἐπὶ ἐγκληματικῶν ὑποθέσεων) присутствовали его — императоровы бояре (ἄρχοντες, — Миклошича Acta Patriarchat. Constantinop. II, 271, № DVII). Изъ акта не видно — на судѣ ли надъ мірянами, которые бы обращались въ судилища епископскія добровольно, или надъ клириками, которые подлежали имъ обязательно. Но вѣроятнѣе разумѣть послѣднее, ибо въ первомъ случаѣ императоръ имѣлъ возможность дѣйствовать иначе, т. е. просто отнять у мірянъ право обращаться къ суду епископовъ. Была ли эта попытка — первая и не имѣла предшествующихъ и гораздо болѣе раннихъ, пока ничего не можемъ сказать.

Къ стр. 415 къ прим. Подъ sacros ordines, по всей вѣроятности, разумѣются должности игуменовъ и отчасти — келарей и казначеевъ.

Къ стр. 416. Патріархъ Константинопольскій Алексѣй въ своей соборной грамотѣ 1029 года говоритъ, что монахи такъ называемыхъ царскихъ монастырей и клирики царскихъ клировъ не хотѣли признавать власти епископовъ, предпочитая ей мірскую власть, — у Ралли и П. V, 29.

Къ стрр. 416—417. Придѣльныя церкви или придѣлы (τὸ παρεκκλήσιον, παρακλήσιον, παρακλῆσι) были устрояемы въ самыхъ церквахъ и посредствомъ пристройки къ церквамъ малыхъ особыхъ церквицъ. Въ первомъ случаѣ они устроялись: въ папертяхъ или притворахъ церквей, на полатяхъ или верхнихъ галлереяхъ и въ боковыхъ алтарныхъ абсидахъ или отдѣленіяхъ (діаконикахъ). Если устроялись въ боковыхъ алтарныхъ отдѣленіяхъ, то не такимъ образомъ, чтобы алтарь помѣщался въ отдѣленіи, а церковію для него служила самая настоящая церковь (какъ это нынѣ), а такимъ образомъ, что весь придѣлъ или вся придѣльная церковь помѣщалась въ отдѣленіи (крошечный алтарь въ немъ и потомъ въ немъ же крошечная церковь), такъ что выходъ изъ отдѣленія въ самую церковь былъ выходомъ вонъ изъ придѣла (таковыхъ придѣловъ отъ XVII в. немало сохранилось до настоящаго времени). У насъ въ періодъ домонгольскій большія церкви, строенныя князьями и по своему назначенію бывшія придворными княжескими и каѳедрально-епископскими, были окружаемы съ трехъ сторонъ (за исключеніемъ восточной) глухими папертями, въ которыхъ погребались князья и епископы (погребавшіеся въ церквахъ не въ томъ смыслѣ, чтобы въ самыхъ церквахъ, а именно въ папертяхъ, см. ниже въ главѣ о богослуженіи). Съ устроенія алтарей въ этихъ папертяхъ и началось у насъ строеніе придѣльныхъ церквей, причемъ мыслію и побужденіемъ было то, чтобы поминовенная безкровная жертва приносилась такъ сказать надъ самыми гробами умершихъ. По свидѣтельству нашей лѣтописи, св. Владимиръ погребенъ въ Десятинной церкви, а по свидѣтельству Дитмара Мерзебургскаго—въ церкви св. Климента: это должно понимать такъ, что онъ погребенъ въ паперти Десятинной церкви, въ которой былъ устроенъ придѣлъ св. Климента. Ярославъ былъ погребенъ въ паперти св. Софіи (по свидѣтельству Нестора въ житіи Бориса и Глѣба), и необходимо думать, что въ этой паперти также былъ устроенъ придѣлъ. Упоминаемый подъ 1180 г. придѣлъ Новгородской св. Софіи былъ также устроенный въ паперти («Притворяне» Стоглаваго собора, Казанск. изд. стр. 176, суть именно священники придѣловъ, находившихся въ притворахъ или папертяхъ). Главною цѣлію дальнѣйшаго устроенія придѣловъ въ церквахъ и при церквахъ (посредствомъ особыхъ пристроекъ), какъ должно думать, было желаніе богатыхъ лю-

дей имѣть какъ бы свои собственныя поминовенныя церкви, т. е. богатые люди устрояли въ церквахъ или при церквахъ придѣлы и къ нимъ опредѣляли особыхъ священниковъ, съ назначеніемъ имъ извѣстной руги, съ тою цѣлію, чтобы священники служили въ придѣлахъ по нимъ и по ихъ родамъ заупокойныя литургіи. Но иногда, какъ показываетъ примѣръ Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, придѣлы устрояемы были и съ тою цѣлію, чтобы по воскресеньямъ могли быть пѣты въ церквахъ раннія обѣдни. Въ придѣлѣ этой церкви назначено было ея строителемъ пѣть обѣдню по недѣлямъ или воскресеньямъ, а такъ какъ по Уставу «въ недѣлю не пѣти литургіи за упокой» (митр. Георгій § 28), то очевидно, что и обѣдни имѣли быть пѣты не заупокойныя, а обыкновенныя раннія (церковь Іоанна Предтечи была поставлена на Торгу и вѣроятно думать, что придѣлъ былъ устроенъ въ ней для раннихъ воскресныхъ обѣденъ съ тою цѣлію, чтобы купцамъ, которые не имѣли возможности ходить за позднюю обѣдню, дать возможность отстоять раннюю). При Новгородской церкви св. Михаила придѣлъ былъ устроенъ строителями самой церкви. Это, вѣроятно, должно понимать такъ, что пѣніе заупокойныхъ литургій по буднямъ находили болѣе удобнымъ въ малой церкви, чѣмъ въ большой (Такъ какъ богатые люди, составлявшіе боярство, имѣли въ древнее время свои домовыя церкви, въ которыхъ и могли совершаться родовыя поминовенія, то нужно думать, что придѣлы при церквахъ съ цѣлію этого поминовенія преимущественно устрояемы были купцами, которые, какъ вѣроятно думать и какъ по позднѣйшему времени прямо слѣдуетъ думать, не присвоили себѣ привиллегіи имѣть домовыя церкви. Затѣмъ и бояре могли устроять придѣлы при церквахъ надъ своими гробами.— Относительно придѣловъ, устроявшихся въ особыхъ малыхъ пристройкахъ къ церквамъ, должно припомнить предписанія позднѣйшаго времени, чтобы изъ нихъ въ самыя церкви не было внутренняго хода и чтобы они были именно особыми отъ послѣднихъ церквами).

Къ стрр. 424—25. *О грамотѣ Святослава Олеговича.* Грамота Святослава Олеговича, написанная имъ по соглашенію съ епископомъ Нифонтомъ въ 1137 г., содержитъ: во-первыхъ, уряженіе относительно того, какую опредѣленную сумму взимать ежегодно епископу отъ князя (или князю платить епископу) за десятину отъ виръ и отъ продажъ; во-вторыхъ, роспись, сколько взимать епископу десятины отъ даней. На эту послѣднюю, составляющую бо́льшую половину грамоты, должно смотрѣть не какъ на полную роспись десятины, имѣвшей взиматься епископомъ со всей епархіи, а какъ на роспись только дополнительную къ прежде существовавшей, и понимать дѣло такъ, что въ ней назначается десятина или въ мѣстахъ, вновь прибывшихъ послѣ прежняго уряженія, или въ мѣстахъ, въ которыхъ прежнимъ уряженіемъ почему нибудь не назначено было взимать ее, или наконецъ такъ, что въ перечисляемыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе умноженія народонаселенія или вслѣдствіе большаго распространенія христіанства, нужно было переуложить ее. «Прежде насъ на Руси, — пишетъ Святославъ, — прадѣдами и дѣдами нашими уложенъ уставъ, чтобы получать епископамъ десятину отъ даней, отъ виръ и отъ продажъ (смотря по тому) сколько получается всего (отъ этихъ статей дохода) князьями. А здѣсь въ Новгородѣ, сколько взимать епископу десятины отъ даней, это мы нашли уряженнымъ прежде насъ бывшими князьями; но десятины отъ виръ и отъ продажъ, (епископъ) получалъ столько (въ подл. «зьрѣлъ» — видѣлъ отъ князя), сколько (ежегодно приходило) дохода князю въ его казначейство (т. е. смотря по тому, сколько ежегодно....). (Эта неопредѣленность) причиняла непріятности епископу, непріятности князю относительно сего предмета, — десятой части Божіей. По

этой причинѣ я уставилъ св. Софіи, чтобы епископъ взималъ (ежегодно) за десятину отъ виръ и отъ продажъ сто гривенъ новыхъ кунъ, которыя долженъ выдавать ему Домажиричъ изъ Онега (чиновникъ, собирающій Онежскія дани)»... и пр. «(Еще) урядилъ я Никола князь Новгородскій (по-мірскому) Святославъ св. Софіи и написалъ»: въ такомъ то мѣстѣ епископу брать столько-то, въ такомъ то столько-то, — слѣдуетъ дополнительная роспись о взиманіи десятины съ даней.

Къ стр. 433. Весьма можно подозрѣвать, что позднѣйшіе Московскіе бояре стали богаты вотчинами не только потому, что послѣднія естественно умножились съ теченіемъ времени, но и потому, что здѣшняя Русь возникла на территоріи инородческой, и что съ инородцами Русскіе позволяли себѣ злоупотребленія, отнимая и осваивая у нихъ земли, уже разработанныя (на подобіе того, какъ до не особенно давняго времени позволялись злоупотребленія съ Башкирами et caet.). Въ лѣтописяхъ домонгольскаго періода — не можемъ сейчасъ указать, гдѣ именно, Ростовскіе бояре называются богатыми боярами, чѣмъ дается до нѣкоторой степени знать, что они стояли въ исключительномъ положеніи относительно обогащенія.

Къ стр. 435. По канонамъ церковнымъ (Апост. 40, шестаго всел. соб. 35 и Антіох. соб. 24) и по гражданскимъ законамъ (см. Номоканона Фотіева тит. 10 гл. 5, κείμενον), то имущество, которое пріобрѣтетъ епископъ послѣ своего поставленія въ епископы, не оставляется имъ родственникамъ и вообще законнымъ наслѣдникомъ, но остается каѳедрѣ. Какъ было у насъ въ семъ отношеніи, не имѣемъ свѣдѣній, но вѣроятнѣе, что такъ, какъ требуютъ каноны. А если такъ, то хозяйственные между епископами, не имѣя побужденія копить денегъ, должны были главнымъ образомъ употреблять ихъ на заведеніе хозяйствъ при каѳедрахъ и на ихъ умноженіе и улучшеніе.

Къ стр. 435 къ прим. Лѣтопись Никоновская, выражаясь не совсѣмъ опредѣленно, какъ будто усвояетъ въ вотчину каѳедрѣ Переяславской нѣсколько городовъ подъ 1091 г., именно — она говоритъ, что митрополитъ Переяславскій Ефремъ (котораго она называетъ Кіевскимъ): «такожъ и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои (больницы) и по инымъ своимъ градомъ митропольскимъ» (1, 192). Милитинъ лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская называютъ Малотинымъ (первая подъ 1139 г., 2 изд. стр. 292, вторая подъ 1140 г., 2 изд. стр. 220) и заставляютъ искать его южнѣе Переяславля.

Къ стр. 437 нач. Въ Кіевской Руси въ половинѣ XVI вѣка митрополиты собирали «куничныи пѣнязи» на третій годъ съ поповъ всей митрополіи, Акты Южн. и Западн. Росс. I, № 238, стр. 300 col. 2 нач.

Къ той же стр. sub. fin. Въ Греціи въ нашъ періодъ домонгольскій было и до позднѣйшаго времени оставалось обычаемъ, чтобы епископы давали своимъ чиновникамъ въ пользованіе или какъ бы въ помѣстья монастыри, предоставляя имъ угодья и доходы послѣднихъ, подъ условіемъ содержанія ихъ (какъ зданій) и живущихъ въ нихъ братій (обстоятельнѣе ниже, въ главѣ о монастыряхъ). Изъ половины XV вѣка имѣемъ указаніе, что это было въ большемъ или меньшемъ обычаѣ и у насъ. Въ Несторовомъ житіи препод. Ѳеодосія Печерскаго по его редакціи, читаемой въ Акакіевскомъ Патерикѣ Печерскомъ 1462 г., умирающій преп. Ѳеодосій завѣщеваетъ вел. князю Святославу: «и се поручаю твоему благочестію святый сій монастырь..., да не обладаетъ имъ ни архіепископъ ни инъ кто же отъ клирикъ Софейскихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава»... (Историческихъ чтеній о языкѣ и о словестности II Отд. Акад. Н. годы 1856 и 1857, стр. 68).

Къ стр. 442 къ прим. 2. Еще молитвы въ Синод. ркп. по Опис. Горск. и Невостр. № 378 л. 515 sqq.

Къ стр. 445 нач. Недвижимыя имѣнія въ видѣ усадебъ или селъ (фермъ) могли быть дарствуемы приходскимъ церквамъ съ тѣмъ, чтобы ими не владѣли священники, а завѣдывали выбранные міромъ церковные старосты, которые на получавшіеся съ имѣній доходы только содержали бы священниковъ или изъ получавшихся доходовъ только бы удѣляли имъ нѣкоторую часть. Такъ это бывало въ позднѣйшее время (Позднѣйшіе Новгородъ и Псковъ и стремленіе тамъ священниковъ получить имѣнія въ свое пользованіе подъ предлогомъ, что міряне расхищаютъ имѣнія, что̀, можетъ быть, было отчасти и справедливо, но причемъ должно подразумѣвать, что сами священники расхитили бы ихъ еще гораздо скорѣе).

Къ стр. 459 fin. У митр. Георгія читаемъ: «аще епископъ носитъ ястребъ на руцѣ, а не молитвенникъ (вар. молитовникъ, — чётки, лестовку), да извержется сана». И еще: «аще попъ ловитъ звѣри или птици, да извержется сана» (§§ 120 и 121). Слѣдовательно — во-первыхъ, бывали такіе епископы и священники, которые вмѣстѣ съ боярами или сами по себѣ занимались обычною тому времени ястребино-соколиною охотою, какъ увеселененіемъ; во-вторыхъ, бывали такіе священники, которые занимались охотою на птицъ и на звѣрей, какъ промысломъ. Епископъ Новгородскій Өеодоръ въ 1069 г. былъ уядѐнъ своимъ псомъ и съ того умеръ. Конечно, нельзя думать тутъ о маленькой комнатной собачкѣ и не невозможно подозрѣвать, чтобы епископъ имѣлъ охотничью стаю псовъ. Слова митр. Георгія даютъ знать, что, во-первыхъ, такъ называемые «свѣтскіе» наши епископы и священники домонгольскаго періода должны быть представляемы свѣтскими на манеръ современныхъ имъ епископовъ и священниковъ западныхъ (о которыхъ см. Гизелера KG. 2 Bandes 2 Abth., 4 Aufl. S. 281 sqq); во-вторыхъ, что священники - крестьяне, смотря по вкусамъ и наклонностямъ, занимались даже и промысломъ звѣровщичества или звѣровничества.

Къ стр. 459. Считаемъ не излишнимъ упомянуть объ одной чертѣ внѣшняго быта архіереевъ, которая само по себѣ безразлична, но которая можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, до какой степени въ сужденіяхъ о томъ, что прилично и неприлично, играетъ роль простая привычка. Если бы въ настоящее время пришлось увидать архіерея ѣдущаго на лошади верхомъ, то всякій конечно, нашолъ бы это въ высшей степени страннымъ и неприличнымъ; а между тѣмъ архіереи наши ѣздили верхомъ не менѣе какъ до конца XVII вѣка. Въ Греціи древней и старой обыкновенная ѣзда была — верховая; а поэтому и архіереи, вмѣстѣ со всѣми другими, ѣздили верхомъ, какъ ѣздятъ и до сихъ поръ (употреблявъ и доселѣ употребляя изъ двухъ верховыхъ животныхъ — лошади и осла по преимуществу скромнѣйшее: изображеніе Іоанна Златоустаго, ведомаго въ ссылку и ѣдущаго верхомъ на ослѣ, тогда какъ сопровождающій его стражъ на лошади, — въ Менологіи импер. Василія подъ 13 Ноября, I, 184). Если бы у насъ во времена Владиміра между князьями и боярами были въ обычаѣ кареты, то наши архіереи, весьма вѣроятно не по подобію архіереевъ греческихъ, а по подобію своихъ князей и бояръ, стали бы ѣздить въ каретахъ. Но и у насъ какъ въ Греціи, верховая ѣзда была и оставалась обычной до позднѣйшаго времени. А поэтому и у насъ, така же какъ въ Греціи, архіереи вмѣстѣ съ другими ѣздили верхомъ.

Къ стр. 461 къ прим. Иные епископы греческіе обходили свои епархіи пѣшкомъ, Вальсам. у Ралли и П. IV, 545.

Къ стр. 465. Одинъ попъ и не сельскій и не безграмотный, а городской и весьма грамотный,—способный писать рукописи, называетъ себя уменьшительно Демкой (*И. И. Срезневскаго:* Древніе памятники Русскаго письма и языка, стр. 44, — Милятино евангеліе), а другаго попа уменьшительно Иванкой называетъ лѣтопись, — Новгор. 1-я подъ 1193 г.

— Находимъ извѣстіе, что въ Абиссиніи «духовные не имѣютъ особенной одежды» (Энциклоп. Лексик. Плюшара подъ сл. Абиссинская церковь). Отсюда можно думать, что у Грековъ духовенство усвоило носить особую одежду послѣ отдѣленія Абиссинской церкви отъ Греческой.

Къ стр. 469 нач. Въ Златой Чепи Троицкой Лавры XIV в., № 11, есть статья: «Слово святаго Василья, толкъ ученичьскаго (священническаго) чина: что есть ерей и по коему желанію глаголеть (sic) священникъ, что есть остриганіе глава (sic) его, что есть манатья его».... л. 34 об., чѣмъ дается подозрѣвать, что священники носили мантіи. Но въ самой статьѣ ни о какой мантіи ничего нѣтъ и вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать о мантіи архіерейской (ибо священникомъ онъ называетъ далѣе архіерея, дѣйствительнаго священника называя ереемъ и прозвутеромъ).

Къ стр. 472 sub fin. А когда канонисты греческіе, наприм. Вальсам. у Ралли и П. IV, 472, говорятъ объ «умѣренномъ нѣкоемъ дарѣ» и даемомъ только по доброй волѣ рукополагаемаго, то вовсе не должно думать, чтобы такъ именно было это на самомъ дѣлѣ.

Къ стр. 474 къ прим. 4. Еще прибавь: Договоръ Новгородцевъ съ Нѣмцами, заключенный около 1195 г, у Напіерскаго № 1 (b).

Къ стр. 477. Отъ выстриженнаго верха клирики иногда назывались у Славянъ въ древнее время «стрижниками». Въ древнемъ славянскомъ переводѣ Номоканона Іоанна Схоластика слова апостольскаго правила 60-го: ἐπὶ λύμῃ τȣ̃ λαȣ̃ καὶ τȣ̃ κλήρȣ читаются: «на соблазнъ стрижникомъ и людемъ», — ркп. Моск. Д. Акад., № 54 л. 33 об. Въ Паннонскомъ житіи Меѳодія: Святополкъ князь поручилъ Меѳодію «всѣ церкви и стрижникы»... «стрижници (начаша) множитися во всѣхъ градѣхъ» (Номоканонъ Схоластиковъ переведенъ Меѳодіемъ въ Моравіи, а его житіе написано человѣкомъ, жившимъ съ нимъ въ Моравіи, и въ этомъ «стрижници» должно видѣть Моравскій переводъ лат. tonsurati).

Къ стр. 477 къ прим. 1. Въ «Уставѣ, бываемомъ на поставленіе чтеца», попомѣщенномъ въ Мѣрилѣ праведномъ XV в., фундам. библіот. ркпп. Моск. Дух. Акад. № 187 л. 326 об. fin. говорится, что послѣ крестообразнаго пострижѳнія поставляемаго архіереемъ «таже нѣкимъ отъ клирикъ постригаемъ (sic) бываетъ плѣшь его (поставляемаго)».

Къ стр. 481. До сихъ поръ составляетъ вопросъ: откуда и съ чего взяли архіепископы Новгородскіе носить бѣлый клобукъ. 4-я Новгородская лѣтопись называетъ «бѣлымъ клобучкомъ» епископа Ростовскаго Ѳеодора или Ѳедорца, бывшаго при Боголюбскомъ, о которомъ говорили мы выше (подъ 1169 г., Собр. лѣтт. IV, 12). Можно предполагать, что этотъ епископъ усвоилъ себѣ особый отъ другихъ епископовъ головной покровъ потому, что хотѣлъ выдавать себя за особаго отъ нихъ епископа и что тотчасъ послѣ него явившіеся архіепископы Новгородскіе (не автокефальные) и усвоили себѣ его изобрѣтеніе. Въ Греціи носили, по приведеннымъ сейчасъ выше извѣстіямъ, бѣлые клобуки архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ и нѣтъ указаній, чтобы они составляли отличіе епископовъ автокефальныхъ или архіепископовъ отъ простыхъ епископовъ. Можно поэтому думать, что Ѳеодоръ усвоилъ себѣ бѣлый клобукъ не въ прямое подражаніе обычаямъ греческимъ, а потому, что у насъ въ Россіи бѣлый цвѣтъ былъ

символомъ свободы, а слово бѣлый было синонимомъ слова свободный (за каковаго епископа хотѣлъ выдавать себя Ѳеодоръ. А если свв. Леонтій и Исаія, епископы Ростовскіе, обыкновенно пишутся на иконахъ въ бѣлыхъ клобукахъ, Карамз. IV прим. 360, то это могло войдти въ обычай послѣ Ѳеодора и такъ сказать ретроспективно, —съ перенесеніемъ привиллегіи, которую усвоялъ себѣ послѣдующій, на предшествующихъ).

Къ стр. 489. Въ 1075 г. обращался къ сопернику Климентову Григорію VII съ изъявленіемъ готовности признать власть Римской церкви вел. кн. Изяславъ Ярославичъ. Весьма вѣроятно думать, что это именно и побудило Климента сдѣлать его попытку, т. е. что послѣ обращенія Изяслава къ Григорію, оставшагося безъ результата, Климентъ разсчитывалъ имѣть успѣхъ, подчинить себѣ Русскую церковь и такимъ образомъ затмить своего соперника, что́ для него было столько желательно въ видахъ борьбы съ послѣднимъ. Этимъ необходимо объяснять и то, что Климентъ придаетъ дѣлу такія мягкія формы, — предлагаетъ возсоединеніе церквей, а не подчиненіе себѣ Русской церкви: онъ хочетъ этимъ какъ можно вѣрнѣе обезпечить успѣхъ предложенія.

Къ стр. 505. Іоаннъ Златоустый на соборѣ, собранномъ противъ него Ѳеофиломъ Александрійскимъ, между прочимъ обвиняемъ былъ въ томъ, что «творитъ хиротоніи безъ собора пресвитеровъ (ἄνευ συνεδρίου) и безъ вѣдома клира»,— Opp. Chrysost. ed. Montfauc. Paris. altera, XIII, 327, C fin. Соборъ, какъ должно думать, взводилъ на св. отца клеветы, но обвиненіе показываетъ взгляды и практику времени (о послѣдней cfr Лавсаикъ Палладія § 125, русск. перев. стр. 286, и см. книгу г. *Остроумова:* Синезій, епископъ Птолемаидскій, М. 1879, стр. 144).

Къ стр. 507 нач. Ко всему примѣчанію о пресвитерахъ сравн. рецензію *А. С. Павлова* на книгу г. Заозерскаго: «Церковный судъ въ первые вѣка христіанства», помѣщенную въ 4 № Критическаго Обозрѣнія за прошедшій 1879 г.

Къ стр. 512 § 13. Этотъ пунктъ взятъ изъ Послѣдованія исповѣди Іоанна Постника, въ которомъ онъ читается: «(находящемуся подъ епитиміей духовника) на литургіи исходить изъ храма отъ оглашенныхъ и стоять въ нартексѣ, а на вечернѣ и на заутренѣ и на другихъ службахъ совершенно невозбранно стоять въ храмѣ, гдѣ хочетъ», —у *Іоанна Морини* De poenitentia, приложж. p. 88.

Къ стр. 532 къ прим. 4. Въ пергаминномъ Требникѣ библіот. Моск. Духов. Акад. второй половины XIV в., N 184, въ чинѣ исповѣди: «съгрѣшихъ *всякою ересію*... вѣруя въ сонъ, въ срѣчю, въ чехъ, въ птичь грай, въ ворожбу, въ басни бѣсовскія, въ гуденія гусли и всякимъ скомрашьствомъ»...

Къ стр. 559. Объ епископѣ Леонѣ нужно: послѣ 1159 г. неизвѣстно когда возвратившись на каѳедру, въ 1162 г. опять прогнанъ Боголюбскимъ неизвѣстно за что; возвращенный было затѣмъ на одинъ Ростовъ безъ Суздаля, въ третій разъ прогнанъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ.

— Въ Воскресенской лѣтописи говорится, что у первопостроенной каѳедральной церкви Ростовской, сгорѣвшей въ 1160 г., служило семь епископовъ: Ѳеодоръ, Иларіонъ, Леонтій, Исаія, Ефремъ, Несторъ, Леонъ, — Собр. лѣтт. VII, 313 fin.

Къ стр. 561. Въ XVI в. каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Туровскихъ была церковь Успенія Божіей Матери, см. Записокъ Акад. Н. т. XXII кн. 1, приложж. стр. 135 fin.

Къ стр. 563. Таматарха или наша Тмутаракань, по Константину Порфирогениту, отдѣлялась отъ сосѣдней Зихіи (Чихіи или Черкесіи, см. у Аделунга въ Обозрѣніи путешественниковъ по Россіи № 24, Джорджіо Интерніано послѣ

1450 г.) рѣкою Укрухъ (Οὐκρούχ, De administr. imp. c. 42, ed. Bonn p. 181): а рѣка Укрухъ, по нему же, находилась отъ города Таматархи или Тмутаракани въ 18 или 20 миляхъ (ibid). Что такое 18 миль у Константина, это видно изъ того, что между Воспоромъ или нынѣшней Керчью и между Таматархой или нынѣшней Таманью, по его измѣренію, 18 миль. По измѣренію князя Глѣба Святославича 1068 г. отъ Тмутаракани до Керчи 14,000 сажень, см. *И. И. Срезневскаго:* Древніе памятники Русскаго письма и языка стр. 15 col 1). Изъ сказаннаго видно, что область Тмутараканская, какъ таковая, была крошечная, не обнимавшая и всего Таманскаго полуострова (простиравшая только до устья Кубани, которую должно видѣть въ рѣкѣ Укрухъ Константина?).

Къ стр. 567 нач. Епископъ Василій, о которомъ Строевъ и Юзефовичъ въ прим. 1, взятъ изъ Воскресенской лѣтописи, въ которой подъ 1157 г.: «того же лѣта поставленъ бысть епископъ Василецъ Переяславлю» (Собр. лѣтт. VII, 66).

Къ стр. 567 fin. По недосмотру объ Юрьевѣ не поправлено; должно быть поправлено такъ, какъ на стр. 296 нач. Канёвъ, принадлежавшій къ епархіи Юрьевской, находится въ разстояніи верстъ 120—30 отъ Бѣлой Церкви (древняго Юрьева, по прямому направленію на востокъ); а поэтому и епархія не должна быть представляема совершенно маленькой (крошечной).

Къ стр. 568. Въ выпискѣ изъ лѣтописи объ открытіи мощей преп. Θеодосія Печерскаго, помѣщенной въ Патерикѣ, упоминается Антоній Юрьевскій, называемый Поросимъ (что́ значитъ не Порожскій, какъ толкуетъ авторъ Исторіи Іерархіи,—I, 224, а Поросьскій, т. е. епископъ области, находившейся на р. Роси), подъ 1091 г.,—приложж. къ 1 изд. Лаврентьевск. лѣт. стр. 266.

Къ стр. 573. Епископъ Галичскій Козма поставленъ въ 1157 г., — Воскрес. лѣт., въ Собр. лѣтт. VII, 66.

Къ стр. 593 нач. Если бы въ періодъ домонгольскій просвѣщеніе существовало въ нашихъ монастыряхъ, то главнымъ разсадникомъ его между сими последними, конечно, былъ бы монастырь Печерскій. Но есть ли какое нибудь основаніе подозрѣвать, чтобы въ семъ монастырѣ было просвѣщеніе? Прочитайте Патерикъ Печерскій и найдите хоть малѣйшее указаніе на существованіе въ монастырѣ просвѣщенія. Изъ огромнаго числа монаховъ, которые пережили въ монастырѣ въ продолженіи періода домонгольскаго, писателей только пятеро (самъ преп. Θеодосій, лѣтописецъ, Несторъ, Симонъ и Поликарпъ), и даетъ ли хоть одинъ изъ нихъ видѣть въ себѣ человѣка образованнаго? А двое изъ нихъ (Несторъ въ приступѣ къ житію Θеодосія и Поликарпъ въ Сказаніи о Маркѣ Печерникѣ) не говорятъ ли прямо, что имъ чуждо и невѣдомо какое-нибудь образованіе?

Къ стр. 599. Прежде Татищева говоритъ о заведеніи у насъ «множества училищъ книжныхъ» первымъ нашимъ митрополитомъ Михаиломъ Никоновская лѣтопись (подъ 989 г.,—I, 94). Но, не говоря о томъ, что самый митрополитъ Михаилъ, никогда не существовавшій, возникъ изъ простаго недоразумѣнія, Никоновская лѣтопись достаточно изобличаетъ себя, когда говоритъ о «множествѣ» училищъ: первый митрополитъ могъ открыть одно училище въ Кіевѣ, но чтобы онъ могъ покрыть училищами всю Русь, мановеніемъ своего жезла сдѣлавъ ее на другой день послѣ крещенія болѣе усердною къ почитанію книжному, нежели какою она была въ XVI вѣкѣ, когда писалъ авторъ лѣтописи, передъ симъ, конечно, можно только улыбнуться... Затѣмъ, авторъ лѣтописи нисколько не говоритъ, что бы заведены были училища казенныя; а такъ какъ въ его собственное время вовсе не было въ Россіи этихъ послѣднихъ училищъ, то, очевидно, что и у

него должно разумѣть училища не казенныя, а частныя (слова Никоновской лѣтописи, что митрополитомъ Михаиломъ заведено было на Руси «множество училищъ книжныхъ» имѣютъ несомнѣнное соотношеніе съ словами Стоглаваго собора, что «прежде сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали», — гл. 25, Казанск. изд. стр. 121. Въ XVI в. даже и частныхъ училищъ — какъ впрочемъ и прежде — было мало для обученія грамотѣ желающихъ поступать во священники: и вотъ люди, какъ это имъ обычно, чтобы укорить и пристыдить свое время, и хотятъ увѣрять, что въ старое время было не такъ, — что въ старое время, начиная съ самаго появленія у насъ христіанства, училищь бывало множество. . .).

Къ стр. 611, втораго обзатца къ строкѣ 11. Монахи Печерскаго монастыря имѣли библіотеки или библіотечки четіихъ книгъ, какъ частную собственность (Симонъ въ Патерикѣ о Николѣ Святошѣ и Поликарпъ тамъ же о Григоріи чудотворцѣ). Но если бы монастырь заботился о составленіи казенной или общей монастырской библіотеки: то имъ (монахамъ) естественно было бы прилагать книги въ сію послѣднюю.

Къ стр. 672 къ прим. Поученіе епископа Луки было названо «поученіемъ ерусалимскимъ», вѣроятно, потому, что оно было сближаемо съ тѣми апокрифическими епистоліями, которыя будто бы сосланы съ неба въ Іерусалимѣ и поэтому назывались свитками Іерусалимскими (Пыпина «Для объясненія ложныхъ книгъ и преданій» въ Лѣтописи занятій Археогр. Комм., вып. 2).

Къ стр. 676 къ прим. 2. Второе поученіе преп. Ѳеодосія къ мірянамъ въ нѣкоторыхъ спискахъ усвояется Василію Великому (*Срезн.* Замѣтокъ о малоизв. и неизв. памм. т. 3, Спб. 1879, стр. 321): это, нѣтъ сомнѣнія, потому, что въ немъ дѣлается ссылка на св. Василія.

Къ стр. 678 къ прим. 1. Хотя Климентъ по своему сану и возбранялъ Кіевлянамъ убивать Игоря, однако убитаго вовсе не хотѣлъ прославлять какъ мученика, — Ипатск. лѣт. подъ 1147 г., 2 изд. стр. 249 fin.

Къ стр. 679. Къ писателямъ нравоучительнаго отдѣла долженъ быть причисленъ еще одинъ человѣкъ исключительный, это — знаменитый князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ. Свое поученіе, адресованное дѣтямъ, онъ написалъ не только какъ частную записку или, выражаясь его собственнымъ языкомъ, «грамотицю» для этихъ послѣднихъ, но и какъ письменное произведеніе, назначенное для чтенія всѣхъ, ибо не одинъ разъ говоритъ въ немъ: «да дѣти мои или инъ кто услышитъ (прочтетъ) сю грамотицю» (въ началѣ и въ концѣ поученія)... Поученіе Мономаха называютъ духовной грамотой и завѣщаніемъ; но это не должно понимать въ томъ смыслѣ, чтобы оно представляло собою грамоту или завѣщаніе, писанное передъ смертью. Оно есть небольшое литературное упражненіе нравоучительнаго содержанія, — *πονημάτιον*, говоря погречески, написанное въ часы досуга: одинъ разъ Владимиръ держалъ изъ Кіева или вообще съ юга длинный путь въ Ростовъ; сидя въ саняхъ (въ повозкѣ) онъ и употребилъ свободное время на то, чтобы сложить свою «грамотицю» (Она помѣщена въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1096 г. и надписана: «Поученье»,— 2 изд. стр. 232 sqq). Относительно литературнаго достоинства небольшое упражненіе князя, будучи исключительнымъ и единственнымъ, какъ таковое, не представляетъ чего нибудь особенно замѣчательнаго, хотя и показываетъ, что онъ могъ бы быть хорошимъ писателемъ (въ ряду другихъ, т. е. въ тогдашнемъ смыслѣ), если бы посвятилъ себя дѣлу писательства нарочито: оно представляетъ собою, такъ сказать, литературное «нѣчто», состоящее изъ нѣсколькихъ част-

ныхъ «нѣчто», набросанныхъ съ совершенною свободою въ отношеніи къ связи. Послѣ предваренія о цѣли написанія грамотицы, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранился только небольшой конецъ, не дающій возможности съ увѣренностію гадать о томъ, что именно было въ немъ сказано, и послѣ увѣщанія къ дѣтямъ и всѣмъ читающимъ: кому люба будетъ грамотица, не только читать ее, но и поступать по ней, а кто найдетъ ее «безлѣпицей» (нескладнымъ писаніемъ) «не поохритатися» (не браниться?), такъ какъ написана во время пути, Владиміръ вспоминаетъ, какъ одинъ разъ братья звали его на Ростиславичей (Галичскихъ), какъ онъ отказался, не желая переступать крестнаго цѣлованія, и какъ началъ гадать по Псалтири (какія слова вынутся при случайномъ раскрытіи книги), вынулъ: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя... Тогда — говоритъ онъ — я выписалъ изъ Псалтири изреченія, которыя мнѣ особенно нравятся («собрахъ словца си любая и складохъ по ряду»), — и эти изреченія, содержащія въ себѣ какъ бы краткій нравственный катихизисъ, и предлагаетъ онъ въ началѣ своего писанія. Затѣмъ, онъ приводитъ ученіе о христіанскомъ добронравіи Василія (Великаго? «Якоже бо Василій учаше»...). Послѣ этого слѣдуетъ воззваніе къ Божіей Матери, чтобы она отняла отъ убогаго сердца гордость и буесть и возношеніе суетою міра сего, рядъ наставленій: въ пустошнѣмъ житьи семъ быть благочестія дѣлателемъ, и увѣщанія очищать себя отъ всякія скверны плотскія и духовныя постомъ и покаяньемъ. Далѣе — восхваленіе премилостиваго человѣколюбія Божія, дающаго намъ избыть грѣховъ «малымъ дѣломъ» (не великими трудами) — покаяніемъ, слезами и молитвою, и похвала или такъ сказать — хвалебное пѣніе, по образу и въ духѣ Псалмопѣвца, «великихъ чудесъ и добротъ Божіихъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ», т. е. премудрости Божіей и Его благости, явленныхъ въ устроеніи міра [1]). Сейчасъ переданное можетъ быть названо первой половиной поученія. Далѣе слѣдуютъ — во-первыхъ, прямыя наставленія дѣтямъ; во-вторыхъ, рѣчи о самомъ себѣ. «И се, начинаетъ князь первыя, — отъ худаго безумья моего (дѣти моя) наказанье (вамъ), аще не всего пріимете, то половину», и затѣмъ преподаетъ наставленія: со слезами каяться о грѣхахъ, находясь въ церкви и отходя ко сну; никогда не ложиться спать безъ предварительной молитвы; и находясь въ пути, «на кони ѣздяче», всегда имѣть въ умѣ молитву; всего болѣе не забывать и по силѣ кормить убогихъ, помогать сиротамъ и защищать вдовицъ; ни праваго ни виноватаго не предавать смерти; безъ нужды не клясться и не цѣловать креста, а давши клятву, строго соблюдать ее; отъ епископовъ, священниковъ и монаховъ не устраняться, но по силѣ любить и снабдѣвать ихъ; всего болѣе не имѣть гордости въ умѣ и въ сердцѣ, помня, что мы смертны — сегодня живы, а завтра въ гробу; на богатства смотрѣть, какъ на нѣчто порученное намъ на мало дней и не хоронить ихъ въ землѣ, «то (бо) есть великъ грѣхъ»; старыхъ почитать, какъ отцовъ, молодыхъ, какъ братьевъ; въ дому своемъ не лѣниться самимъ смотрѣть за всѣмъ, не полагаясь ни на тіуна ни на отрока, точно такъ же и на войнѣ, не полагаясь на воеводъ; блюстись лжи, пьянства и блуда; ходя въ походы, не давать своей свитѣ и прислугѣ грабить и обижать жителей; приходящихъ чужихъ людей, простыхъ и знатныхъ, и пословъ принимать съ подобающею честью, потому что они разносятъ добрую славу по всѣмъ землямъ;

---

[1]) Въ остающемся непонятнымъ: «и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть» (стр. 236 нач.) слово «ирей» есть греческое: Ἔαρ, сокр. ἦρ, иначе εἶαρ — весна и означаетъ страны съ вѣчной весной или такъ называемыя «теплыя страны»?

больныхъ посѣщать, мертвецовъ провожать, никакого встрѣчнаго человѣка не оставлять безъ привѣтливаго и добраго слова; женъ своихъ любить, но не давать имъ надъ собой власти; «егоже умѣючи доброго» не забывать, а «егоже не умѣючи», учиться; лѣность есть мать всему, не должно лѣниться ни на что доброе и особенно ходить въ церковь; «да не заставетъ васъ солнце на постели... заутреннюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю восходящю, узрѣвше солнце, прославити Бога съ радостью»... и тогда приниматься за дѣла: думать съ дружиной, творить судъ, ѣхать на ловы или на прогулку; (послѣ обѣда) спать: «спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чинъ бо (въ то время) почиваетъ и звѣрь и птица и человѣци». Послѣ этихъ наставленій князь переходитъ къ самому себѣ: «а се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ», т. е. военные походы и выѣзды на ловъ дикихъ звѣрей (туровъ, лосей, вепрей, медвѣдей, дикихъ коней), которые по опасности, съ ними сопряжонной, представляли своего рода военные походы, — и затѣмъ перечисляетъ свои походы и разсказываетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на охотахъ. Цѣль этихъ разсказовъ о самомъ себѣ та, чтобы, вмѣстѣ съ естественнымъ каждому человѣку желаніемъ увѣковѣчить память о своихъ дѣлахъ и трудахъ (автобіографія), возбудить въ дѣтяхъ соревнованіе. Дѣлая выводъ изъ разсказовъ, князь увѣщеваетъ дѣтей быть всегда мужественными и не бояться смерти ни на рати ни отъ звѣрей, ибо — говоритъ — гдѣ умереть намъ, то назначено Богомъ, и отъ назначеннаго не избавятъ никакая помощь и никакія предосторожности. Заключается грамота прекрасными изреченіями, взятыми изъ Священнаго Писанія: «молвитъ бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть (1 Посл. Іоанн. 4, 20)... не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отець вашь небесный (Матѳ. 6, 15)... не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье (Пс. 34, 1)... что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ» (Пс. 132, 1)!

Къ стр. 682, къ прим. 1. По списку XVII вѣка, найденному за границей (въ Копенгагенѣ), Паломникъ Антоніевъ напечатанъ *И. И. Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLI — LXXX, Спб. 1876, стр. 340 (а списокъ, по которому Паломникъ напечатанъ г. Савваитовымъ, — XV вѣка).

Къ стр. 688. О монахѣ Печерскомъ Григоріи нужно: жившій въ концѣ XI — въ началѣ XII вѣка. Затѣмъ, что касается до написанныхъ имъ каноновъ, то съ вѣроятностію можетъ быть усвояемъ ему канонъ преп. Ѳеодосію Печерскому, а множественное число: «творецъ каноновъ» составляетъ загадку, ибо болѣе писать ему каноновъ, кромѣ Ѳеодосія, какъ будто было не кому.

Къ стр. 689. Молитвы Кирилла Туровскаго на дни седьмицы напечатаны въ Правосл. Собесѣдникѣ 1857 г., стрр. 212 и 273. Объ остальныхъ пяти молитвахъ см. у преосв. Макарія, Исторіи т. 3, изд. 2 стр. 158. Канонъ у него же, ibid. стр. 168 fin.

Къ стр. 701. Въ Книгѣ большему чертежу, по изд. Языкова стр. 30: «Ниже Изюма пала въ Донецъ, съ правой (съ лѣвой?) стороны, рѣка Сальница». Подъ Сальницей какъ будто должно разумѣть нынѣшнюю рѣку Айдаръ, текущую въ восточной части Харьковской губерніи (на ней городъ Старобѣльскъ), а подъ Сюурліемъ — какъ будто нынѣшнюю Калитву, текущую въ землѣ войска Донскаго.

Къ стр. 721 fin. Половина сербскаго перевода хроники Амартола, отъ начала до Константина Великаго, по Сунодальной рукописи 1386 г., напечатана фотолитографически Обществомъ Любителей Древней Письменности («Лѣтовникъ

съкращенъ отъ различніихъ лѣтописьць... отъ Георгіа грѣшнаа инока», 1878—1880, XXVI и LVI).

Къ стр. 737 къ § 132. Слово Іоанна Златоустаго о злыхъ женахъ напечатано въ 1877 г., по рукописи XV вѣка, Обществомъ Любителей Древней Письменности (Изданій Общества № X).

Къ стр. 747. Житіе муч. Евстаѳія Плакиды упоминается Несторомъ въ житіи Бориса и Глѣба (см. выше стр. 105). — Часть житія Нифонтова напечатана въ 1879 г., по рукописи XVI вѣка, тѣмъ же Обществомъ Любителей Древней Письменности («Житіе Преподобнаго Нифонта. Выпускъ 1-й». Изд. Общ. № XXXIX).

Хронологическая таблица.

Лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, какъ извѣстно, далеко не всегда согласны между собой относительно хронологіи (послѣ 1110 года, до котораго въ нихъ одинъ и тотъ же первоначальный лѣтописецъ). Въ обозначеніи времени правленія князей мы слѣдуемъ хронологіи первой лѣтописи, а разности (равно какъ и согласіе) второй (сокр. — И.) указываемъ въ скобахъ. Если присемъ не въ скобахъ поставлены годы второй лѣтописи, то это нужно понимать такъ, что данныхъ годовъ въ первой лѣтописи нѣтъ.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
1. ***Рюрикъ,*** 862 — 879.		
2. ***Олегъ,*** 879 — 912. 882. Кіевъ — столица государства. 907. Походъ на Грековъ и договоръ съ ними. 911. Второй договоръ съ Греками (въ лѣт. подъ 912 г.).		
3. ***Игорь Рюриковичъ,*** 913 — 945. 941. Походъ на Грековъ. 944. Второй походъ на Грековъ и договоръ съ ними (послѣдній въ лѣт. подъ 945 г.).		
4. ***Святославъ Игоревичъ,*** 946 — 972. 970. Посаженіе въ Кіевѣ Ярополка.		954. Крещеніе св. Ольги. 969. Смерть св. Ольги.
5. ***Ярополкъ Святославичъ,*** 972 — 978. Приходъ греческихъ пословъ (въ концѣ правленія).		Приходъ пословъ отъ папы (въ слѣдъ за греческими).
6. ***Владимиръ Святославичъ,*** святой, 978 — 1015.		987. Крещеніе самого Владимира. 989. Походъ на Корсунь и женидьба на греческой царевнѣ. Приходъ въ Корсунь пословъ папы. 989—90. Крещеніе Кіевлянъ. 991. Послы отъ папы.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
	1. ***Леонъ,*** † послѣ 1004 г.	— Приходъ митрополита съ епископами и приступъ къ крещенію всего народа. — Заложеніе Десятинной церкви. 992. Учрежденіе епархій (Новгородской, Черниговской, Владиміро-Волынской, Полоцкой, Туровской, Бѣлгородской, Ростовской, Тмутараканской). — Возвращеніе пословъ Владиміра, ходившихъ къ папѣ.
1001. Отправленіе пословъ въ Римъ и въ разныя страны для согляданія земель и ихъ обычаевъ.		996. Освященіе Десятинной церкви и дарованіе ей (и митрополиту) десятины. 1004. Еретикъ Адріанъ скопецъ.
	2. ***Іоаннъ 1-й.*** Въ первый разъ упомин. 1008 г., † не въ самомъ началѣ княженія Ярослава.	
7. ***Святополкъ, сынъ Ярополка — Владиміра.*** Междуусобіе: 1015 и 16 Святополкъ, 1017 Ярославъ, 1018 и 19 Святополкъ.		1015. Убіеніе Бориса 24 Іюля и Глѣба 5 Сентября.
8. ***Ярославъ Владиміровичъ,*** 1019—1054. Съ 1024 по 1036 г. въ восточной половинѣ Руси отъ Днѣпра Мстиславъ Тмутараканскій, съ столицей въ Черниговѣ; послѣ смерти Мстислава въ послѣднемъ году Ярославъ — единовластецъ.	3. ***Ѳеопемптъ,*** упом. 1039 г. Въ 1036 (—4) г. поставленъ епископъ Новгородскій.	Построеніе въ Вышгородѣ церкви въ честь Бориса и Глѣба и установленіе праздника имъ. Послѣ 1032 г. Учрежденіе епархіи Юрьевской. Съ 1037 г. Построеніе Софійскаго собора и монастырей Георгіевскаго и Ирининскаго. Учрежденіе епархіи Переяславской (послѣ переведенія митрополита въ Кіевъ къ Софіи).
	4. ***Кириллъ 1-й*** (см. стр. 249).	
	5. ***Иларіонъ,*** поставленный въ 1051 г.	1051. Поставленіе Иларіона своими русскими епископами, безъ сношеній съ Греками. Прибытіе съ Аѳона препод. Антонія Печерскаго. Прибытіе къ Антонію преп. Ѳеодосія. Печерскій монастырь въ пещерѣ. (1054. Возвращеніе черезъ Русь Константинопольскихъ пословъ папы).
9. ***Изяславъ Ярославичъ,*** 1054—1068.	6. ***Ефремъ,*** упомин. въ 1055 г.	1055. Судъ надъ епископомъ Новгородскимъ Лукой Жидятой и его заключеніе въ Кіевѣ.

Великія князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
		1062. Вынесеніе Печерскаго монастыря изъ пещеры на верхъ земли.
10. ***Всеславъ Брячиславичъ*** Полоцкій 1068—69.		
11. ***Изяславъ Ярославичъ*** во второй разъ, 1069—1073.	7. ***Георгій,*** упомин. подъ 1072 и 1073 гг. Въ 1060 и въ 1069 г. поставлены Новгородскіе епископы.	1071. Появленіе волхва въ Кіевѣ. 1072. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ. 1073. † Прен. Антоній Печерскій.
12. ***Святославъ Ярославичъ,*** 1073—1075.		1074. † Прен. Θеодосій Печерскій. 1074—75. Обращеніе Изяслава къ папѣ Григорію VII.
13. ***Всеволодъ Ярославичъ,*** 1075—76 (шесть мѣсяцевъ).		Между 1071 и 1078 гг. Появленіе волхва въ Новгородѣ.
14. ***Изяславъ Ярославичъ*** въ третій разъ, 1076—1078.	8. ***Іоаннъ 2-й,*** прибывшій не позднѣе 1077 г. (епископы Исаія Ростовскій и Германъ Новгородскій), † 1089.	
15. ***Всеволодъ Ярославичъ*** во второй разъ, 1078—1093.		Посольство отъ антипапы Климента III.
	9. ***Іоаннъ 3-й,*** 1089—1090 (И. 1090—91).	1091. Возвращеніе отъ папы посла митрополичьяго. — Перенесеніе мощей прен. Θеодосія изъ пещеры въ великую монастырскую церковь. — Появленіе волхва въ Ростовѣ. Установленіе праздника въ память перенесенія мощей Николая Чудотворца въ Баръ градъ 9-го Мая.
16. ***Святополкъ Изяславичъ,*** 1093—1114 (И. † 1113).	10. ***Николай,*** упомин. 1097—1101 гг. Въ 1096 г. поставленъ епископъ Новгородскій.	
	11. ***Никифоръ 1-й,*** 1103—1121 (И. 1104— такъ же).	1108. Причисленіе прен. Θеодосія Печерскаго къ лику святыхъ.
17. ***Владиміръ Всеволодовичъ*** Мономахъ, 1114—1125 (И. 1113—1126).		1115. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ новую (каменную послѣ прежнихъ деревянныхъ) церковь.
	12. ***Никита,*** 1122—1126 (И. такъ же—1127).	1123. Еретикъ Дмитръ.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
18. ***Мстиславъ Владимировичъ*** Великій, 1125 — 1132 (И. 1126 — 1133).	13. ***Михаилъ,*** 1131 — 1145 (первый годъ Ип., второй Лавр.). Въ 1129 г. поставленъ епископъ Новгородскій.	
19. ***Ярополкъ Владимировичъ,*** братъ предъидущаго, 1132 — 1138 (И. 1133 — 1139).		1137. Учрежденіе епархіи Смоленской.
20. ***Вячеславъ Владимировичъ,*** братъ предъидущаго, 1138 (И. 1139. Двѣ недѣли).		
21. ***Всеволодъ Олеговичъ,*** внукъ Святослава Ярославича, 1138 — 1146 (И. 1140—такъ же).		
22. ***Игорь Олеговичъ,*** братъ предъидущаго, 1146 (И. такъ же. Двѣ недѣли).		
23. ***Изяславъ Мстиславичъ,*** (№ 18), 1146 — 1149 (И. такъ же).	14. ***Климъ или Климентъ,*** 1147 — 1154 (удалявшійся съ каѳедры вмѣстѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ; † послѣ 1164 г. Ип).	1147. Поставленіе Клима въ Россіи и расколъ съ Греческою церковію.
24. ***Юрій Владимировичъ*** (№ 17) Долгорукій, 1149—1150 (И. такъ же).		
25. ***Изяславъ Мстиславичъ*** во второй разъ, 1150 (И. такъ же. Не долго).		
26. ***Юрій Владимировичъ*** Долгорукій во второй разъ, 1150 (И. такъ же. Не долго).		
27. ***Изяславъ Мстиславичъ*** въ третій разъ, съ дядей Вячеславомъ Владимировичемъ, который выше № 20, 1150 — 1154 (И. такъ же).		
28. ***Ростиславъ Мстиславичъ*** (Смоленскій), братъ предъидущаго, 1154 (И. такъ же. Одну недѣлю, — Новг. 1 лѣт.).		
29. ***Изяславъ Давидовичъ*** Черниговскій, внукъ Святослава, 1154 (И. 1154—55, такъ же Новг. 1 лѣт. Не долго).		
30. ***Юрій Долгорукій*** въ третій разъ, 1154 — 1157 (И. 1155 — 1158).	15. ***Константинъ 1-й,*** 1156 — 1158 († 1159).	1156. Несторъ, епископъ Ростовскій, по оклеветанію своихъ домашнихъ, запрещенъ митрополитомъ. 1157. Въ первый разъ упоминается епархія Галичская (см. дополнн. стр. 777)

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
31. ***Изяславъ Давидовичъ*** во второй разъ, 1157—1158 (И. 1158—1159. Семь мѣсяцевъ). 32. ***Мстиславъ Изяславичъ.*** Волынскій сынъ И—ва Мстиславича (№ 23), 1158 (И. 1159. Четыре мѣсяца).	1. ***Андрей Юрьевичъ*** Боголюбскій. Ушолъ отъ отца изъ Кіева въ свою область Суздальскую, во Владимиръ, въ 1155 г. (И. такъ же). Послѣ смерти Юрія въ 1157 (И. 1158) г. посаженъ Ростовцами и Суздальцами на его удѣльномъ столѣ Ростовско-Суздальскомъ. Убитъ въ 1175 г. (И. такъ же).		1157. Несторъ Ростовскій оправданъ митрополитомъ и возвращенъ на каѳедру; но опять согнанъ съ нея изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ. 1159. Леонъ, преемникъ Несторовъ, изгнанъ Ростовцами и Суздальцами, «зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы».
33. ***Ростиславъ Мстиславичъ*** во второй разъ, 1158—1167 (И. 1160—1168. По Лавр. 9 лѣтъ, по Ип. 8 лѣтъ безъ мѣсяца).		16. ***Ѳеодоръ,*** прибывшій 1161 г. † 1162 или 1163 г. 17. ***Іоаннъ 4-й,*** 1164—1166. 18. ***Константинъ 2-й,*** прибылъ 1167 г., упомин. 1169 (И. 1172) г.	1162. Тотъ же Леонъ, неизвѣстно когда возвратившійся, снова выгнанъ Боголюбскимъ неизвѣстно за что; возвращенный княземъ на одинъ Ростовъ безъ Суздаля, въ третій разъ выгнанъ имъ изъ-за тѣхъ же споровъ, что Несторъ. — Неудачная попытка Боголюбскаго учредить во Владимирѣ митрополію. 1168. Заточёнъ митр. Константиномъ игуменъ Печерскій Поликарпъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ. — Прогнанъ съ каѳедры епископъ Черниговскій Антоній изъ-за тѣхъ же споровъ.
34. ***Мстиславъ Изяславичъ*** во второй разъ, 1168 (И. 1169—1171). 35. ***Глѣбъ Юрьевичъ,*** братъ Боголюбскаго и его посаженикъ, 1168—1172 (И. 1171—1173. По обѣимъ лѣтт. два года).			1169. Посольство отъ папы Александра III. 1169—72. Неудачная попытка Боголюбскаго доставить своему Ростовскому епископу (Ѳеодору или Ѳедорцу) автокефалію; борьба изъ-за сего между епископомъ и митрополитомъ и жестокая казнь, которой подвергъ перваго послѣдній.
36. ***Владимиръ Мстиславичъ,*** сынъ М—ва Владимировича (№ 18), внукъ Мономаха, И. 1173—1174 (три мѣсяца съ половиной). 37. ***Романъ Ростиславичъ*** Смоленскій, сынъ Р—ва Мсти-			Установленіе праздника Всемилостивому Спасу и Божіей Матери 1 Августа.

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
славича (№ 28), посаженикъ Андрея Боголюбскаго, 1172—1174 (первый годъ Лавр., второй Ип. Не долго).			
38. ***Михалка*** и ***Всеволодъ Юрьевичи,*** братья Боголюбскаго, И. 1174 (Не долго).			
39. ***Рюрикъ Ростиславичъ,*** братъ Романа Р—ча, И. 1174 (Не долго).			
40. ***Ярославъ Изяславичъ,*** сынъ И—ва Мстиславича (№ 23), 1174 — 1175 (первый годъ въ Ип.).			
41. ***Романъ Ростиславичъ*** во второй разъ, Ип. 1175 - 1177.	Послѣ смерти Боголюбскаго въ 1175 г. Ростовцы и старшіе бояре области, обходя двухъ оставшихся его братьевъ Михалку и Всеволода (въ первой графѣ № 38), посадили на столѣ двухъ его племянниковъ, сыновей его старшаго брата Ростислава (Переяславскаго, † 1151). Но въ слѣдующемъ 1176 г, первые согнали послѣднихъ и заняли ихъ мѣсто. Въ 1177 г. Михалка умеръ и послѣ него остался одинъ...		
42. ***Святославъ Всеволодовичъ,*** сынъ В—да Олеговича (№ 21), Черниговскій, И. 1177 - 1180.	2. ***Всеволодъ Юрьевичъ,*** Большое Гнѣздо, † 1212.		
43. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** во второй разъ, И. 1180 (Не долго).			
44. ***Святославъ Всеволодовичъ*** во второй разъ. И. 1180—1194 (Лавр. † 1195).		19. ***Никифоръ 2-й,*** упомин. съ 1182 по 1197 г.	
45. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ третій разъ. 1195- 1202 (И. 1194—„).		20. ***Гавріилъ,*** 21. ***Діонисій*** (объ обоихъ см. стр. 251. Подъ 1198 г.,—Лавр. лѣт., и подъ 1901 г.,—Новг. 1 и	Между 1187 и 1207 гг. учреждена епархія Рязанская.

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
		Ник., упоминаются митрополиты не называемые по имени).	
46. ***Ингварь Ярославичъ,*** сынъ Я—ва Изяславича (№ 40), посаженикъ Всеволода Владимирскаго и Романа Галичскаго, 1202—1203.			
47. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ четвертый разъ, 1203—1205 (И. 1202—„).			
48. ***Ростиславъ Рюриковичъ,*** сынъ предъидущаго, 1205.			
49. ***Всеволодъ Святославичъ*** Чермный, сынъ С—ва Всеволодовича (№ 42), 1260.			
50. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ пятый разъ, 1206—1207.			
51. ***Всеволодъ Чермный*** во второй разъ, 1207.			
52. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ шестой разъ, 1207 -1210.			
		22. ***Матѳей,*** упомин. съ 1210, † 1220.	
53. ***Всеволодъ Чермный*** въ третій разъ, 1210 — 1214.	3. ***Юрій Всеволодовичъ,*** сынъ предъидущаго, 1212 — 1217.		1214. Учреждена епархія Владимиро-Клязем-ская.
54. ***Мстиславъ Романовичъ*** Добрый или Старый, сынъ Р—на Ростиславича (№ 37), 1214—1223 (первый годъ Новг. 1, второй Лавр.; Ип.—1224).	4. ***Константинъ Всеволодовичъ*** (Ростовскій), старшій братъ предъидущаго, 1217 — 1218.		1220. Въ первый разъ упоминается епархія Перемышльская.
	5. ***Юрій Всеволовичъ*** во второй разъ. Зимой 1237 г. пришли на Русь отъ восточныя страны, черезъ Рязан-	23. ***Кириллъ 2-й,*** 1224 — 1233.	1227. Посольство отъ папы Гонорія III. 1228. Посланіе патр. Германа къ митрополиту о непоставленіи во свя-

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
55. ***Владимиръ Рюриковичъ,*** сынъ Рюрика Ростиславича, 1223—1235 (первый годъ Акад. лѣт., второй Новг. 1 и Акад.).	скую землю, Татары: 7 Февраля они взяли Владимиръ, а 4 Марта погибъ въ битвѣ съ ними на р. Сити великій князь.		щенники рабовъ не освобожденныхъ отъ рабства. 1231. Посольство отъ папы Григорія IX.
56. ***Изяславъ Владимировичъ*** изъ Черниговскихъ, правнукъ Олега Святаславича, 1235—1236 (Новг. 1 и Акад.).			
57. ***Ярославъ Всеволодовичъ,*** сынъ В-да Юрьевича Владимирскаго, 1236—37 (ibidd).			Учреждена епархія Угровская.
58. ***Михаилъ Всеволодовичъ,*** сынъ В-да Чермнаго, И. 1237—38.		24. ***Іосифъ,*** прибывшій въ 1237 г. и болѣе не упоминаемый.	
59. ***Ростиславъ Мстиславичъ,*** сынъ М—ва Добраго (№ 54). И. 1238. Не долго.			
60. ***Даніилъ Романовичъ*** Галичскій, отнявшій Кіевъ у Ростислава въ 1238 году и посадившій въ немъ своего боярина Димитрія. При семъ послѣднемъ Кіевъ взятъ былъ Батыемъ 6-го Декабря 1240 г.,—Лавр. и Ип.			

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Исторія русской церкви относительно качества своихъ источниковъ. Ея раздѣленіе на періоды. Образъ изложенія.

Глава I.

Глава II.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
27	3 снизу	cap. VIII.	cap. 7.
30	13 »	dicimus,	didicimus,
71	5	въ томъ году	въ томъ же году
144	21	придунайскою	преддунайскою
150	10	еже не бысть»	еже и бысть»
—	3 снизу	II, 239.	II, 259.
165	20 »	двадцати лѣтъ	двѣнадцати лѣтъ
170	16	его и ни въ какомъ	его ни въ какомъ
177	13 снизу	во время	на время
—	12 »	приходится	приходятся
179	20	бывъ водворено	было водворено
184	20	кровая расправа	кровавая расправа
205 (с. 2)	4	похоть похоть	похоть
224	9 снизу	епископы.	епископа.
244	6	свохъ	своихъ
249	25	Ішӥ	Ію
251	18 снизу	не токмо	не только
262	6 »	Если мы	Если бы мы
269	5	значенія каноновъ	знанія каноновъ
278	8	считался	считается
343	1 снизу	продолженіи	приложеніи
393	8 »	и П. 617	и П. II, 617
405	14	потому	по тому
450	8	бездомныхъ.	бездольныхъ.
464	20	свидѣтельства...,	свидѣтельства,
477	17 снизу	глазахъ	главахъ
496	2	Примѣчанія	Примѣчаніе
521	18 снизу	устанлени	уставлени
575	16	древнее княжество	древнія княжества
625	3 снизу	стр. 206;	стр. 20;
673	6	поученія	поученій
699	17 снизу	достоинъ ли	достоитъ ли
717	4	отнести	отнесши
740	20	на благовѣщеніе Св.	на благовѣщеніе. СР.
746	2	ἐκτεύξις	ἔντευξις
749	6	sub fin. 35.	sub fin., 35.
† 756	14	Храбръ, черногорецъ	Храбръ, черноризецъ